6592363
Чр 81.411.2-4
Р-89 Р-89
Библиотека №

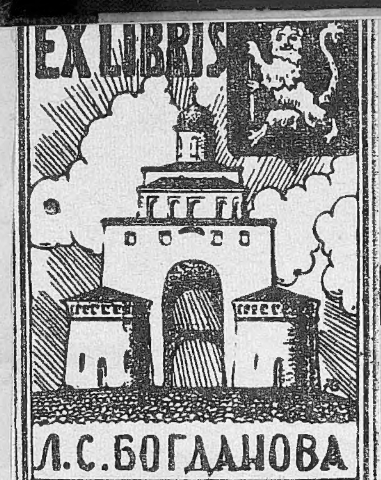
РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Яблоновскій—Ѳоминъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1913.

20758
25.06.98
1.09.99

мрп07

4Р(03)
Р89

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Яблоновскій—Ѳоминъ.

Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1913.

81.411.2-4
Р-89

92.2
Р89

Б 592363 11
Н

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Я.

Яблоновскій, князь, *Максимиліанъ Антоновичъ*, т. с., оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества, сенаторъ, род. 29 іюля 1785 г. На службу Я. поступилъ юнкеромъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 8-го апрѣля 1804 г. и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры Высочайшаго двора; 5 апр. 1808 г. Я. былъ уволенъ по болѣзни съ чиномъ дѣйствительнаго камергера. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ членомъ эдукаціонной коммиссіи, учрежденной для Волынской, Кіевской и Подольской губерній. 1 іюня 1820 г. Я. былъ назначенъ сенаторомъ-кастеляномъ, а въ 1825 г. воеводою Царства Польскаго. Пожалованный въ 1829 г. въ гофмейстеры, онъ въ 1831 г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ повелѣніемъ присутствовать въ 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента Правительствующаго Сената. Въ 1832 г. Я. былъ пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ двора Его Имп. Вел., а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ правительственнаго совѣта, учрежденнаго въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія свода законовъ Царства Польскаго, а въ 1841 г. опредѣленъ къ присутствованію въ варшавскихъ департаментахъ сената. 14 мая 1845 г. Я. былъ привлеченъ къ постоянному засѣданію въ совѣтѣ управленія и назначенъ предсѣдателемъ геральдіи Царства Польскаго. Умеръ Я., состоя на службѣ, 1 февраля 1846 г.

Формуляръ кн. М. Я. Яблоновскаго (хранится въ Имп. Рус. Историч. Обществѣ).

Семеновъ.

Яблоновскій, *Феликсъ*, докторъ медицины, род. въ Варшавѣ 12 мая 1816 г. По окончаніи гимназіи въ Краковѣ онъ изучалъ медицину въ Берлинскомъ университетѣ (1833—1837) и за диссертацію: «Nonnulla de scirrho et cancro» (Берлинъ, 1837) былъ удостоенъ степени доктора медицины. Затѣмъ Я. занимался частной практикой въ Харьковѣ и въ Волынской губерніи, а въ 1841 г. поселился въ Варшавѣ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность, какъ опытный хирургъ и окулистъ. Въ 1846 г. онъ получилъ мѣсто врача въ больницѣ «Младенца Іисуса» и занималъ это мѣсто до самой своей смерти. Все свое состояніе (10.000 рублей) Я. завѣщалъ кассѣ вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ врачей. Съ 1845 г. онъ состоялъ членомъ варшавскаго общества врачей. Умеръ Я. 20 октября 1867 г. Кромѣ названной диссертаціи, Я. напечаталъ еще слѣдующія работы: «Berlin, Wiedeń i Graefenberg pod względem lekarskim» (въ «Biblijotece Warszawskiej», 1843 г., т. II, стр. 540); «Rzut oka na systemata lekaskie i wykaz postępu tejże nauki w nowszych czasach» (тамъ же, 1847, т. I, стр. 447); «Kilka uwag nad artyculem p. Majewskiego: «O rozpoznawaniu i leczeniu wypoceń w błonie opłucnej, będących następstwem zapalenia téjże błony» (въ «Tygodniku lekarskim», 1847, № 11); «O użyciu chloroformu przy operacyach chirurgicznych» (тамъ же, 1847, № 26); «Litotomia» (въ «Pam. tow. lek. warsz.», 1855, т. XXXIV, стр. 127); «O przyrządzie do opatrywania złamanego obojczyka» (тамъ же, стр. 273); «Przepuklina uwięźnięta, repozycya; śmierć» (тамъ же, 1858, т. XXXIX, стр. 145) и «Ukąszenie od zmii» (тамъ же, 1858, т. XL, стр. 253).

«Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker», т. III (Vien und Leipzig, 1886), стр. 355.—*Stanislaw*

Kosminski», «Słownik lekarzów polskich» (Варшава, 1883), стр. 183.—«Encyclopedyja powszechna», т. XII (Варшава, 1862), стр. 832.

П. Гуревичъ.

Яблочкинъ, *Александръ Александровичъ*, актеръ и режиссеръ Императорскаго Александринскаго театра (1851—52 г.). Я. воспитывался въ С.-Петербургскомъ театральномъ училищѣ. Большую часть своей сценической дѣятельности онъ провелъ въ провинціальныхъ театрахъ, гдѣ пріобрѣлъ большой навыкъ въ режиссерскомъ дѣлѣ. На Императорскую сцену Я. поступилъ въ 1851 г. и скоро занялъ мѣсто режиссера. Царившіе въ то время непорядки въ конторѣ не мало тормозили успѣхъ режиссерскаго дѣла, но настойчивость и энергія Я. помогли ему поставить это дѣло на надлежащую высоту. Первая его постановка «Русской Свадьбы» была для него сплошнымъ тріумфомъ, хотя пьеса своимъ содержаніемъ выиграть не могла и выиграла лишь внѣшней обстановкой. Декорація и костюмы были новые, хоры были разучены превосходно, все вокругъ представляло эффектный и красивый видъ. Обо всемъ этомъ заботился одинъ лишь Я., показавъ себя настоящимъ опытнымъ режиссеромъ. Во время своего режиссерства въ Александринскомъ театрѣ онъ ввелъ много новизны, а такъ же измѣнилъ и названіе театра «Александрынскій» на «Александринскій». Скоро Я. оставилъ эту должность и уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ сталъ антрепренеромъ. Въ это дѣло онъ вложилъ собственный капиталъ, и первое время дѣла его шли успѣшно, но потомъ ему не повезло: спустя нѣкоторое время театръ сгорѣлъ дотла со всѣми декораціями, мебелью, костюмами и библіотекой. Дальнѣйшая сценическая дѣятельность его неизвѣстна. Перу Я. принадлежитъ нѣсколько пьесъ и переводы нѣкоторыхъ водевилей, изъ которыхъ одинъ водевиль: «Много шуму изъ пустяковъ» шелъ (1851 г.) въ Александринскомъ театрѣ.

«Хроника С.-Петербургскихъ театровъ», LVI, стр. 153. 188.—*Максимовъ*, «Свѣтъ и тѣни С.-Петер. драматической труппы», стр. 194—199.—Энцикл. словарь Березина, томъ 4, отдѣлъ IV, стр. 444.

Б. Шуваловъ.

Яблочкинъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, скрипачъ, придворный камеръ - музыкантъ. Я. былъ ученикомъ (а впослѣдствіи и сослуживцемъ) извѣстнаго музыканта Гондошкина и, подобно послѣднему, былъ извѣстенъ мастерскимъ исполненіемъ на скрипкѣ русскихъ пѣсенъ. На казенную службу Я. поступилъ еще въ царствованіе императрицы Екатерины II (въ 1778-мъ г.), въ музыканты лейбъ-кампанскаго корпуса. Въ мартѣ 1780-го года Я. опредѣлился въ число музыкантовъ придворнаго театра и былъ дирижеромъ бальной музыки при Высочайшемъ дворѣ. Въ 1800-мъ году онъ вышелъ въ отставку съ пенсіею въ 1000 рублей ассигнаціями въ годъ. Я. былъ не чуждъ и композиторской дѣятельности: польскія, экосезы и кадрили собственнаго сочиненія онъ подносилъ императрицѣ Екатеринѣ II и императору Александру I, за что получалъ щедрые Высочайшіе подарки. Умеръ Я. 7 февраля 1848-го года въ Петербургѣ, на 87-мъ году отъ рожденія.

«Сѣверная Пчела», 1848 г., № 32, стр. 126.—«Сѣверное Обозрѣніе», 1848 г., январь, стр 48.—«Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ», С.-Петербургъ, 1892 г., ч. I, стр. 89, 99, 101; ч. II, стр. 379, 503, 505, 521; ч. III, стр. 132.

Грековъ.

Яблочкова, *Елизавета Никитична*, писательница, рожденная Бѣгичева, сестра писателя Д. П. Бѣгичева, родилась въ 1771 г. Писала комедіи и стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были помѣщены въ журналѣ «Библіотека для чтенія». Ей принадлежитъ большой, въ нѣсколькихъ частяхъ романъ «Шигоны», вышедшій въ 1831 г. и относящійся къ первому времени послѣ принятія русскими христіанства (IX—XI столѣтіямъ). Романъ этотъ отличается растянутостью и заключаетъ въ себѣ больше размышленій о доктринахъ христіанства и его источникахъ, чѣмъ дѣйствія. Послѣ этого романа Я. еще написала нѣсколько разсказовъ и стихотвореній, которые напечатаны были въ разныхъ журналахъ. Умерла Я. въ 1843 г.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81, стр. 476.—3-е Прибавл. къ Росписи Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Петра Крашенинникова, № 16409.

Б. Шуваловъ.

Яблочковъ, *Павелъ Николаевичъ*, извѣстный изобрѣтатель электрической свѣчи, род. въ 1847 г. Я. обучался нѣкоторое время въ Саратовской гимназіи, откуда перешелъ въ Николаевское инженерное училище. По окончаніи послѣдняго съ чиномъ подпоручика Я. поступилъ въ кіевскую саперную бригаду, но вскорѣ оставилъ военную службу и принялъ мѣсто начальника телеграфа на Московско-Курской желѣзной дорогѣ.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Около этого же времени Я. усердно занялся изученіемъ прикладной физики и отдѣломъ электричества и завязалъ сношенія съ обществомъ любителей естествознанія въ Москвѣ. Заинтересовавшись вопросомъ объ электрическомъ освѣщеніи, Я. приступилъ къ практическому рѣшенію этой задачи. Пытливый умъ молодого изобрѣтателя быстро успѣлъ оріентироваться въ литературѣ изысканія способа дробленія электрическаго свѣта и побѣдилъ трудности практическаго осуществленія этой задачи, разрѣшивъ ее изобрѣтеніемъ электрической свѣчи, получившей всемірную извѣстность. Я. пропагандировалъ свою идею электрическаго освѣщенія въ Москвѣ и Петербургѣ, но ему вездѣ былъ оказанъ холодный пріемъ. Русскіе электротехники вмѣсто того, чтобы оказать съ своей стороны поддержку Я., занялись критикой мелочныхъ и легко устранимыхъ неудобствъ его свѣчи, а русскіе капиталисты не пожелали рисковать долей своихъ богатствъ на предпріятіе, съ ихъ точки зрѣнія, пустое. Поэтому Я. вынужденъ былъ уѣхать въ Парижъ, гдѣ встрѣтилъ поддержку ученыхъ представителей электричества и быстро образовалъ солидную коммерческую компанію для эксплоатаціи электрической свѣчи. Однако французской компаніи не удалось осуществить идею Я. во всей ея широтѣ, и онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь въ іюнѣ 1877 г., на просторномъ дворѣ вестъ-индскихъ доковъ, произведены были первые опыты электрическаго освѣщенія по идеѣ Я. Опыты удались вполнѣ, и электрическая свѣча молодого изобрѣтателя нашла себѣ широкое примѣненіе, постепенно вытѣсняя всѣ другіе способы освѣщенія. Ему первому принадлежатъ попытки мѣнять окраску электрическаго свѣта прибавленіемъ различныхъ металлическихъ солей въ испаряющуюся перегородку между углями, и ему же первому принадлежитъ честь изобрѣтенія новой схемы включенія источниковъ свѣта въ цѣпь, напоминающей современное параллельное включеніе лампъ: одинъ полюсъ динамомашины присоединялся къ землѣ, а отъ второго шелъ проводъ, къ которому въ разныхъ мѣстахъ присоединялись обкладки конденсаторовъ. Лампы помѣщались между вторыми обкладками и землей. Такимъ образомъ Я. удавалось включать въ одну цѣпь отъ 4 до 5 лампъ. Изъ другихъ изобрѣтеній Я. назовемъ: 1) альтернаторъ съ особенно устроеннымъ якоремъ, 2) гальваническій элементъ (онъ состоялъ изъ чугуннаго цилиндра, въ который вливалась расплавленная чилійская селитра и опускалась проволочная корзина съ коксомъ), рѣзко отличавшійся отъ употреблявшихся въ практикѣ отсутствіемъ жидкостей и дававшій сильный токъ, далеко превосходящій по своей силѣ токъ элемента Бунзена, и 3) примѣненіе для электричества трансформаторовъ. Я. первый заявилъ о возможности утилизировать для электрическаго освѣщенія катушку Румкорфа; онъ взялъ въ Германіи патентъ на свое изобрѣтеніе и осуществилъ его на практикѣ, употребляя для этого либо перемѣнный, либо постоянный токъ, прерывающійся помощью особаго прибора. Приборы Я. появились на всемірной выставкѣ 1878 г. въ Парижѣ и тамъ же на электрической выставкѣ 1881 г. По проложенному Я. пути устремились другіе изобрѣтатели, которые и усовершенствовали трансформаторы до нынѣшняго ихъ состоянія. Я. является родоначальникомъ двухъ эпохъ въ электротехникѣ—эпохи непосредственнаго примѣненія электрическаго тока къ освѣщенію и эпохи примѣненія тока трансформированнаго. Я. принадлежитъ гигантская заслуга предъ человѣчествомъ—онъ вывелъ электрическое освѣщеніе изъ лабораторіи физика на улицу и достигъ дробленія электрическаго свѣта безъ помощи особаго механизма. Безъ него электротехника не дошла бы такъ скоро до современнаго блестящаго состоянія. Я. скончался 19 марта 1894 г. въ Саратовѣ отъ болѣзни сердца, въ самый разгаръ своихъ работъ по электричеству, и похороненъ въ родовомъ имѣніи Байка, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

«Новости», 1894 г., марта 29. — «Новое Время», 1894 г., №№ 6488 и 6491.—«Новости Дня», 1894 г., марта 24.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 81, стр. 476—477.

Явленскій, *Никифоръ*, надворный совѣтникъ, докторъ медицины, старшій лѣкарь Тифлисскаго военнаго госпиталя. Родился въ 1788 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Получивъ первоначальное образованіе въ одномъ изъ духовныхъ училищъ, онъ въ 1809 г. поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую

академію, изъ которой, спустя четыре года, былъ выпущенъ съ званіемъ лѣкаря II отдѣленія и тогда же былъ назначенъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ. Въ 1817 г. онъ получилъ степень штабъ-лѣкаря и былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ того же полка, а черезъ восемь лѣтъ переведенъ на ту же должность въ Кутаисскій военный госпиталь, гдѣ прослужилъ три года. Затѣмъ Я. снова былъ переведенъ въ Херсонскій гренадерскій полкъ, откуда въ 1831 г. былъ назначенъ докторомъ 19-ой пѣхотной дивизіи. Прослуживъ въ этой должности шестьлѣтъ, Я. былъ назначенъ исправляющимъ должность штабъ-доктора отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, но пробылъ здѣсь недолго. Уже въ слѣдующемъ году онъ получилъ новое назначеніе—старшимъ лѣкаремъ Тифлисскаго военнаго госпиталя. За свои заслуги по медицинѣ онъ въ 1840 году былъ признанъ безъ экзамена докторомъ медицины и въ томъ же году скончался отъ паралича легкихъ, на 53 году отъ рожденія. Въ теченіе своей 27-ми-лѣтней службы Я. получилъ нѣсколько орденовъ, въ томъ числѣ и орденъ св. Владиміра 4-ой степени.

«Военно-Медицинскій Журналъ» за 1840 г., ч. 36, отд. 2.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», т. I, СПб., 1886 г., тетрадь II, стр. 175. *Е. Ястребцевъ.*

Яворскій, *Григорій Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины и хирургіи С.-Петербургской медико-хирургической академіи, генералъ-штабъ-докторъ 1-ой арміи 1814—1822 гг., корреспондентъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Родился въ 1770 г. въ семьѣ кіевскаго купца. Образованіе получилъ сначала въ Кіевской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевской же духовной академіи, изъ которой въ 1795 г. перешелъ въ Петербургское генеральное госпитальное училище. Четыре года спустя, онъ былъ выпущенъ изъ госпитальнаго училища кандидатомъ I отдѣленія, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ сначала лѣкаремъ С.-Петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, потомъ въ Балтійскій флотъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ переведенъ въ мушкетерскій (гарнизонный) Гартунга полкъ, изъ котораго въ томъ же году перешелъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ. Въ 1803 г. Я. получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Назначенный въ 1806 г. докторомъ 5-ой дивизіи, онъ, два года спустя, былъ назначенъ главнымъ докторомъ Молдавской арміи и участвовалъ во многихъ сражеіняхъ. Въ сраженіяхъ при дер. Картанѣ и Орловой Я. находился подъ огнемъ непріятелей, наблюдалъ за дѣйствіями санитаровъ, самъ ходилъ съ ними въ наиболѣе опасныя мѣста подбирать раненыхъ и дѣлалъ тутъ-же многія перевязки, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны съ алмазами. По возвращеніи изъ Молдавской арміи въ Петербургъ Я. 31-го декабря 1812 г. былъ признанъ докторомъ медицины С.-Петербургской медико-хирургической академіи и назначенъ генералъ-штабъ-докторомъ дѣйствующей арміи. Когда же въ 1814 г. дѣйствующая армія была раздѣлена на двѣ, то онъ былъ оставленъ въ должности генералъ-штабъ-доктора 1-ой арміи и занималъ эту должность до своего выхода въ отставку въ 1820 г., когда поселился въ Петербургѣ и занялся частной практикой. Я. скончался 19-го сентября 1834 г., на 65 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, СПб., 1886 г., тетр. II, стр. 176.—«Россійскій медицинскій списокъ на 1809 г.», стр. 111; на 1810 г., стр. 119; на 1811 г., стр. 123. *Е. Ястребцевъ.*

Яворскій, *Левъ Андреевичъ*, протоіерей, родился 18 февраля 1807 г. въ с. Липчанахъ, Подольской губ., гдѣ отецъ его, священникъ Андрей, проводилъ въ нуждѣ свою многотрудную пастырскую жизнь. Такимъ образомъ горе знакомо было Я. еще съ дѣтства и развило въ немъ ту твердость характера, стойкость въ дѣйствіяхъ, трудолюбіе и бережливость, какія онъ проявлялъ во всю свою жизнь. Образованіе свое онъ получилъ сначала въ Шаргородскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Подольской духовной семинаріи. По окончаніи (1831 г.) курса богословскихъ наукъ въ числѣ первыхъ студентовъ Подольской семинаріи, Я. предназначался въ Кіевскую духовную академію, но изъ уваженія къ просьбѣ престарѣлыхъ родителей своихъ, которые нуждались въ сыновней помощи, отказался отъ этого предложенія своего училищнаго начальства и опредѣлился на службу учителемъ въ высшее отдѣленіе Шаргородскаго училища. По сложившимся обстоятельствамъ учительская дѣятельность Я. продолжалась всего два года, но и въ этотъ короткій періодъ времени онъ успѣлъ

снискать благодарную память въ сердцахъ своихъ питомцевъ, изъ которыхъ многіе, состоя уже на высшихъ постахъ служенія церкви и государству, не покидали любви и признательности къ наставнику своего дѣтства. Въ 1834 г. Я. рукоположенъ былъ во священники къ Бырловской Дмитріевской церкви, Ольгопольскаго уѣзда, и съ 1834 по 1872 г. посвятилъ себя исключительно служенію св. церкви. Кромѣ того, онъ проходилъ должность благочиннаго сряду 20 лѣтъ (съ 1840 — 1860 г.г.). Трудолюбіе, нестяжательность, довольство малымъ составляли отличительныя его черты. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство, что онъ въ скромномъ сельцѣ Бырловкѣ прожилъ 28 лѣтъ и не искалъ перемѣщенія на лучшій приходъ. Въ кругу близко знакомыхъ его лицъ Я. извѣстенъ былъ своими познаніями по богословію, чему не мало способствовали ему отличная память и знаніе греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Онъ не щадилъ скудныхъ средствъ на покупку книгъ богословскаго содержанія и оставилъ послѣ себя довольно обширную библіотеку. Извѣстно, что Я. очень много писалъ богословскихъ размышленій, но обычная скромность, къ сожалѣнію, удерживала его отъ печатанія своихъ трудовъ. Награжденный за полезные труды набедренникомъ, скуфьею, камилавкою, наперстнымъ крестомъ и орденомъ св. Анны 3 ст., Я. въ 1871 г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ прилагалъ чрезвычайно много заботъ по постройкѣ въ своемъ приходѣ каменной церкви на мѣсто стараго храма. Въ оставшемся послѣ его смерти завѣщаніи, по силѣ котораго почти все имущество его распредѣлялось на церкви, монастыри и бѣдныхъ разнаго званія, значится и сумма въ 500 р. на постройку иконостаса въ строившемся тогда храмѣ въ с. Бырловкѣ. Скончался Я. 20 января 1872 г.

«Подольскія Епархіальныя Вѣдомости», 1873 г., № 7. *Н. Стр.*

Яворскій, *Ѳедоръ Михайловичъ*, статскій совѣтникъ, врачъ, родился въ 1780 г. Съ 1804 г. Я. состоялъ помощникомъ прозектора анатоміи въ Императорской медико-хирургической академіи. Въ 1806 г. онъ назначенъ былъ кандидатомъ хирурга II отдѣленія при главномъ морскомъ госпиталѣ въ Петербургѣ, въ 1807 г.—лѣкаремъ и прозекторомъ анатоміи въ медико-хирургической академіи, а въ 1808 г. сдѣлался операторомъ того же морского госпиталя. За свои анатомическіе препараты Я. былъ награжденъ въ 1809 г. перстнемъ, а въ 1810 г.—золотой табакеркой. Въ томъ же 1810 г. Я. былъ командированъ осмотрѣть 9 госпиталей и, по постановленію совѣта медико-хирургической академіи, получилъ званіе медика-хирурга. Съ 1813 по 1821 г.г. Я. былъ главнымъ лѣкаремъ и операторомъ морского госпиталя въ Петербургѣ. Онъ первый въ Россіи произвелъ успѣшную операцію подколѣнной аневризмы, хотя многіе врачи въ то время сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ такой операціи, такъ какъ считали, что перевязываніе подколѣнной артеріи (arteria poplitea) и даже бедреной при подколѣнной аневризмѣ препятствуетъ правильному кровообращенію и ведетъ къ воспаленію или омертвѣнію всей ноги. Въ 1821 г. Я. былъ назначенъ главнымъ докторомъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ причисленіемъ къ физикату. Утвержденный въ слѣдующемъ году, безъ экзамена, докторомъ медицины и хирургіи, Я. въ 1824 г. былъ назначенъ старшимъ штабъ-лѣкаремъ Петербургской полиціи и членомъ физиката, а въ 1827 г. состоялъ штатъ-физикомъ, въ каковой должности и умеръ 9 апрѣля 1828 г. Я. принадлежитъ изобрѣтеніе аппарата для вправленія вывихнутаго плеча, аппарата, мало кому извѣстнаго, между тѣмъ весьма замѣчательнаго. Этотъ аппаратъ сохранился въ собраніи И. В. Буяльскаго и пожертвованъ имъ въ Хирургическій музей академіи. Иниціативѣ Я. принадлежитъ устройство (1815 г.) въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, заведенія для спасенія утопающихъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели», вып. II, стр. 175.—*Ѳ. С. Оранскій*, «Матеріалы для исторіи отечественной медицины», («Московская Медицинская Газета», 1865 г., № 38, стр. 352).—*И. В. Буяльскій*, «Историческое замѣчаніе о первыхъ въ Петербургѣ благополучно излѣченныхъ операціяхъ подколѣнныхъ аневризмъ» («Другъ Здравія», 1850 г., № 18, стр. 137).
М. Заболотская.

Ягельскій, *Кассіанъ Осиповичъ*, малороссъ, уроженецъ польской Украйны. Первоначально учился въ Кіевской ака-

деміи, а оттуда въ 1757 г. поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. 14-го мая 1759 г. Я. былъ произведенъ на экзаменахъ въ подлѣкари, а 16-го февраля 1761 г. окончилъ курсъ лѣкаремъ и былъ назначенъ въ Валдайскій лазаретъ, но пробылъ тамъ не долѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ и весною того же года отправился, вмѣстѣ съ восемью другими товарищами, на казенный счетъ за границу. Имъ дана была строгая инструкція, по которой они обязаны были доносить черезъ каждые полгода о своихъ занятіяхъ и слушаемыхъ ими лекціяхъ, а равно и о переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. За границей Я. слушалъ лекціи въ Лейденѣ и въ 1765 г. получилъ тамъ степень доктора медицины за напечатанную имъ диссертацію «De passione hysterica». Въ 1766 г. Я. возвратился въ Россію. По экзамену въ медицинской коллегіи въ Петербургѣ онъ въ 1767 г. получилъ право практики въ Россіи, и вскорѣ, 31-го марта того же года, былъ зачисленъ сверхъ штата младшимъ докторомъ С.-Петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя, гдѣ читалъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ rudimenta physiologiae, pathologiae, а также materiam medicam et practicam. 25-го іюля 1768 г. Я. былъ переведенъ въ Московскій военный госпиталь и преподавалъ тамъ тѣ же предметы. Во время московской чумы 1770—71 г.г. Я. принималъ участіе въ совѣтѣ медиковъ (Эразмуса, Шкіадана, Кульмана, Мертенса, Фонъ-Ата, Венеміанова, Зыбелина), созванномъ для опредѣленія болѣзни и единогласно рѣшившемъ, что болѣзнь эта была моровая язва. 10-го марта 1771 г. Я. доносилъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Салтыкову, о развитіи болѣзни въ его районѣ, въ Большомъ Суконномъ дворѣ, близъ Каменнаго моста, на берегу рѣки Москвы. Приблизительно къ этому же времени относится его сочиненіе «Наставленіе о предохранительныхъ средствахъ отъ моровой язвы», напечатанное въ Москвѣ. Я. умеръ въ Москвѣ отъ чахотки 21-го декабря 1774 г.

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. 1, стр. 176.—*Чистовичъ Я.*, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», стр. 120 и CCCLXIV.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. 6, стр. 1027, 1028 и 1029.—*Н. Н. Новиковъ*, «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», СПБ., 1772 г., стр. 263.—*Евгеній*, митроп., «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 282.—*В. Рихтеръ*, «Исторія медицины въ Россіи», М., 1820 г., т. III, стр. 499.

М. В. Заболотская.

Ягминъ, *Альфонсъ*, лѣкарь, к. а. По окончаніи въ 1836 г. Виленской медико-хирургической академіи Я. въ 1838 г. состоялъ временно врачемъ при Илецкомъ соляномъ промыслѣ, а въ 1841 г. былъ назначенъ тамъ-же старшимъ врачемъ. Въ 1843 г. С.-Петербургская медико-хирургическая академія удостоила его званія штабъ-лѣкаря и въ томъ же году онъ уволился отъ службы. Послѣдніе годы своей жизни Я. провелъ въ имѣніи Храповицкаго, Ковенской губ., Шавельскаго уѣзда. Умеръ Я. въ концѣ 50-хъ годовъ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители» (Спб., 1845 г.) и «О кумысѣ» («Другъ Здравія», 1845 г., № 45).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, стр. 176.

Ягминъ, *Юліанъ* (*Иванъ*), генералъ-лейтенантъ, командиръ 4-й запасной кавалерійской бригады. Родился 20-го мая 1815 года и происходилъ изъ дворянъ Ковенской губерніи. По окончаніи образованія въ Дворянскомъ полку онъ былъ произведенъ 5-го мая 1833 г. въ корнеты и назначенъ въ Вознесенскій уланскій Е. В. принца Александра Гессенскаго полкъ. Командированный шесть лѣтъ спустя въ Образцовый кавалерійскій полкъ, онъ 21-го декабря 1840 года былъ зачисленъ въ постоянный кадръ этого полка, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ ротмистры. Въ томъ же чинѣ ротмистра онъ въ 1846 г. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ. Произведенный въ 1851 г. въ полковники, Я. въ 1858 г. былъ назначенъ командиромъ Чугуевскаго уланскаго генералъ-адъютанта кн. Долгорукова полка, которымъ и командовалъ до 1-го января 1864 г., когда былъ назначенъ командующимъ 4-ю резервною кавалерійскою бригадою. По производствѣ 13 февраля того же года въ генералъ-маіоры Я. былъ утвержденъ командиромъ бригады. Въ 1874 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вслѣдъ затѣмъ назначенъ командиромъ запасной кавалерійской бригады, которою командовалъ до самой своей смерти. За свою почти пятидесятилѣтнюю службу онъ имѣлъ всѣ ордена до ордена Св. Влади-

міра 2-й степени включительно. Я. скончался 10-го февраля 1881 г. въ Бобровѣ, Воронежской губерніи, на 66 году отъ рожденія.

Общій архивъ Главнаго штаба. Полный послужной списокъ.—«Русскій Календарь» на 1882 г., стр. 276.—«Голосъ», 1881 г., № 48.
Е. Ястребцевъ.

Ягнъ, *Николай Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился въ 1822 г. и по окончаніи образованія въ Московскомъ университетѣ поступилъ на службу въ Сердобскій уѣздный судъ (1844 г.), а въ 1846 г. былъ опредѣленъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената. Здѣсь онъ прошелъ должности помощника младшаго и старшаго секретаря, должность секретаря и не разъ исполнялъ обязанности оберъ-секретаря. Въ 1853 году онъ былъ откомандированъ къ ревизовавшему Витебскую губернію ген.-лейт. Ахлестышеву, а въ 1858 г. былъ командированъ въ качествѣ старшаго чиновника къ сенатору Щербинину, обозрѣвавшему ходъ дѣлъ въ Витебской губ. Въ слѣдующемъ году я былъ назначенъ для производства дѣлъ по ревизіи Пензенской губ. сенаторомъ Сафоновымъ. Въ 1859 г. Я. занялъ должность предсѣдателя Пермской гражданской палаты и оставался въ ней до судебныхъ преобразованій, послѣ которыхъ былъ назначенъ членомъ Московской судебной палаты. Въ Москвѣ Я. прослужилъ до 1866 г., когда былъ назначенъ предсѣдателемъ Тульскаго окружного суда. Отличаясь дѣятельнымъ характеромъ и искреннимъ стремленіемъ приносить окружающимъ пользу, Я., помимо исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, принималъ дѣятельное участіе и въ общественной жизни г. Тулы. Вступивъ членомъ въ существовавшія тогда въ Тулѣ благотворительныя общества, онъ своею энергіею и трудолюбіемъ внесъ въ нихъ много жизни. Кромѣ того, по его иниціативѣ и при его активномъ участіи въ Тулѣ былъ организованъ пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Вообще въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ онъ много способствовалъ упорядоченію городскихъ и губернскихъ дѣлъ. Въ 1870 г. Я. былъ пожалованъ двумя знаками отличія за введеніе въ дѣйствіе положеній: 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и 26 іюня 1863 г. о крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ государевыхъ. Назначенный въ 1876 г. предсѣдателемъ Саратовской судебной палаты, Я. прослужилъ тамъ около трехъ лѣтъ и въ 1879 г. былъ назначенъ сенаторомъ, при чемъ ему повелѣно было присутствовать въ уголовномъ департаментѣ, а затѣмъ съ 1883 г. онъ присутствовалъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, оставаясь попрежнему весьма дѣятельнымъ. За свою почти полувѣковую службу по судебнымъ учрежденіямъ онъ имѣлъ всѣ ордена включительно до ордена св. Александра Невскаго съ брильянтовыми знаками. Я. скончался въ Петербургѣ 26-го марта 1892 г., на 70 году отъ рожденія.

«Новое Время», 1892 г., № 5777.—«Петербургскій Листокъ», 1892 г., № 85.—«Сынъ Отечества», 1892 г., № 85.—«Всеобщій календарь» на 1893 г., стр. 510.—«Русскій календарь» на 1894 г., стр. 332—Формуляръ о службѣ сенатора Н. И. Ягна (хранится въ Импер. Рус. Истор. Обществѣ). *Е. Ястребцевъ.*

Ягодкинъ, *Сергѣй*, сотрудникъ журнала «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» (1793 г.), родился въ Костромской губерніи и обучался грамотѣ у дьячка, потомъ въ народномъ училищѣ въ городѣ Костромѣ, гдѣ впослѣдствіи сталъ учителемъ. Я. написалъ нѣсколько статей, изъ которыхъ одна: «Извѣстіе о городѣ Костромѣ» была помѣщена въ журналѣ «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» (1793 г.).

«Новыя ежемѣсячныя сочиненія», 1793 г., кн. 6, ст. 36. *Б. Шуваловъ.*

Ягушинскій или **Ягужинскій**, графъ, *Павелъ Ивановичъ*, генер.-аншефъ, генералъ-прокуроръ Сената, оберъ-шталмейстеръ, кабинетъ-министръ, род. 1683 г. † 6 апрѣля 1736 г.

Я. родился въ семьѣ бѣднаго литовскаго органиста. Отецъ его, въ надеждѣ лучше устроить свою жизнь, покинулъ родину (не ранѣе 1687 г.) и со всею семьей переѣхалъ въ Москву. Сначала онъ былъ кистеромъ и органистомъ при лютеранско-нѣмецкой церкви въ Нѣмецкой Слободѣ, а потомъ поступилъ на военную службу и даже дослужился до чина маіора. У него было двое сыновей: Иванъ и Павелъ. Павелъ обладалъ не только счастливой привлекательной наружностью, но и большими душевными достоинствами: онъ былъ миловиднымъ, живымъ и остроумнымъ ребенкомъ. На него обратилъ

вниманіе и приблизилъ къ себѣ фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Подъ его покровительствомъ и началъ свою службу Я., сначала пажемъ у Головина, потомъ при Дворѣ камеръпажемъ.

Въ 1701 г. случай далъ возможность Я. заговорить съ царемъ. Красивая рѣчь, умѣнье ясно и образно выразить мысль (замѣтное даже въ дѣловыхъ бумагахъ, написанныхъ Я.) обратили на него вниманіе государя, который искалъ и умѣлъ находить полезныхъ для службы людей, и онъ зачислилъ Я. въ гвардію, въ Преображенскій полкъ. Съ переходомъ Я. въ гвардію и со времени сближенія его съ Меншиковымъ онъ сталъ чаще видаться съ царемъ и повышаться по службѣ.

Сдѣлавшись денщикомъ Петра Великаго, Я. часто при немъ дежурилъ и вообще несъ обязанности адъютанта. Въ этой должности онъ умѣлъ угодить не только царю, но и тѣмъ сильнымъ людямъ, въ рукахъ которыхъ была карьера начинающаго свою службу молодого иноземца. Я., чтобы угодить той средѣ, въ которой ему приходилось вращаться, перешелъ изъ лютеранства въ православіе и нашелъ себѣ покровителей не только среди новой знати, поднятой изъ ничтожества преобразованіями, но и въ кругу родовитыхъ москвичей. 9 іюля 1706 г. Я. получилъ на Яузѣ у Москвы въ вѣчное владѣніе островъ, а въ 1710 г. онъ былъ уже камеръюнкеромъ и капитаномъ Преображенскаго полка. Около этого же времени онъ женился на Аннѣ Ѳедоровнѣ Хитрово и получилъ за ней огромное приданое, сразу сдѣлавшись однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени. Петръ настолько къ нему благоволилъ, что многимъ казалось близкимъ то время, когда его фаворъ затмитъ Меншикова. Я. сталъ постояннымъ спутникомъ и помощникомъ царя, оправдывая эту милость и честностью, и исполнительностью. Въ 1711 г. Я. сопровождалъ Петра въ Прутскомъ походѣ, въ іюнѣ былъ произведенъ въ полковники, а 3-го августа пожалованъ въ генералъадъютанты. Возвратившись съ царемъ изъ неудачнаго похода, онъ сопровождалъ его и за границу, сначала въ Карлсбадъ, а потомъ въ Торгау на свадьбу царевича Алексѣя. Въ 1712 г. на долю Я. выпала честь не только быть въ числѣ немногихъ, присутствовавшихъ при бракосочетаніи Петра съ Екатериной, но и приглашать гостей на свадьбу и балъ. Въ іюнѣ 1712 г. Я. вновь ѣдетъ съ царемъ за границу и, благодаря постоянной къ нему близости и милости, пріобрѣтаетъ прочную репутацію любимца государя. Петръ цѣнилъ въ немъ и проницательность, и тонкій умъ, и даръ слова, и образованность (Я. зналъ нѣсколько языковъ и, судя по письмамъ, былъ начитанъ и свѣдущъ въ нѣсколькихъ отрасляхъ знаній), поэтому на него возлагались разнородныя порученія. Какъ и многимъ довѣреннымъ царя, Я. выпала на долю и дипломатическая служба. Проведя большую часть 1713 г. въ Москвѣ, Я. въ концѣ этого года былъ отправленъ Петромъ въ Данію для поддержки аккредитованнаго тамъ кн. В. Л. Долгорукаго, относительно стараній царя добиться совмѣстныхъ съ Даніей дѣйствій противъ Швеціи. 26-го ноября 1713 года Петръ В. далъ на имя Я. слѣдующіе пункты:

1. Трудиться по всякой крайней возможности, чтобы учинить по нашему проэкту, представляя всѣ неизрѣченныя пользы и благополучный миръ.

2. Буде же сего весьма не примутъ, тобъ хотя эскадру отъ 7 до 10 кораблей прислали на нашемъ пропитаніи и на половинномъ жалованіи, при томъ бы обнадеживали, что большой флотъ шведскій отъ нихъ конечно не пропущенъ будетъ къ намъ, кромѣ обыкновенной шведской эскадры.

3. Буде же и за то не возьмутся, то и эскадра не надобна, ибо только убытокъ, а не прибыль будетъ, когда флотъ не будетъ удержанъ и лучше всякому со своей стороны воевать, какъ кто можетъ; развѣ просить, чтобъ они 3-хъ кораблей до 5 перепустили до окончанія сей войны, а потомъ мы ихъ отдадимъ, а что истеряно будетъ, то вдвое отдадимъ, а буде корабль пропадетъ, то новый поставимъ, а людей чтобъ только проводить дали до Ревеля.

Я. прибылъ къ мѣсту назначенія въ Копенгагенъ 14-го января 1714 г. и писалъ оттуда Петру о необходимости подготовить провіантъ для флота и о слабой надеждѣ на помощь Даніи. Я. добивался секретной аудіенціи у короля, но не получилъ ея и вообще былъ въ большомъ затрудненіи, какъ вести дѣло. Министры Даніи говорили, что согласятся

на переговоры съ Россіей лишь въ томъ случаѣ, если Даніи будетъ гарантирована безопасность со стороны Пруссіи и будутъ даны субсидіи для содержанія арміи въ военное время. О королѣ Я. писалъ А. В. Макарову: «Главная машина такъ слѣпа, что ни мало на себя не надѣется, а въ то же время совершенно не довѣряетъ своимъ министрамъ». Послѣ долгихъ стараній Я. удалось доложить свои предложенія въ королевскомъ совѣтѣ, но изъ этого послѣдовали новыя трудности: сверхъ денежной субсидіи датчане требовали, чтобы мѣсто соединенія датскихъ и русскихъ войскъ было назначено значительно ближе къ Даніи, чѣмъ предлагало наше правительство, и, кромѣ того, окончательное рѣшеніе дѣла отсрочивалось до разсмотрѣнія его въ адмиралтейскомъ совѣтѣ. Я. однако не отступался отъ продолженія переговоровъ. Онъ добился приглашенія на ужинъ къ метрессѣ короля и, встрѣтившись съ нимъ, заговорилъ о цѣли своей посылки въ Копенгагенъ. Послѣ этого разговора онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что его посылка въ Данію безъ денегъ повредила дѣлу. Датчане даже не хотятъ этому вѣрить и, видя его промедленіе, только тормозятъ негоціаціи. Со свойственнымъ петровскимъ дипломатамъ прямодушіемъ онъ отписалъ обо всемъ этомъ царю. Получивъ это письмо 10-го февраля 1714 г., Петръ былъ очень имъ опечаленъ и рѣшилъ отозвать Я. «Авось, писалъ онъ, по вашемъ отзывѣ лучше опамятуются». 17-го февраля 1714 г. Я. покинулъ Копенгагенъ. 9-го іюля мы видимъ Я. у Ревеля. Онъ развѣдываетъ о шведскомъ флотѣ, подкупаетъ шпіоновъ. Въ слѣдующемъ 1715 году, 26-го марта, царь вновь посылаетъ Я. въ Ревель съ указомъ: «Пріѣхавъ въ Ревель, разгласить, будто для того присланъ, что тамъ дѣлается и чтобъ тамошную эскадру скорѣе готовили, а въ самомъ дѣлѣ спѣшить съ фрегатами Петръ, Павелъ и Сампсонъ и съ шанявами, а межъ тѣмъ провіантъ тайно на оные приготовлять на берегу. А когда оные поспѣютъ и станетъ быть вѣтръ способный, тогда, всѣ работы оставя, днемъ и ночью провіантъ класть и людей посадить и отпустить, какъ скорѣе возможно; а во время то поставить крѣпкіе караулы кругомъ города, дабы ѣдущихъ во оный пускали, а вонъ никого, и держать оный караулъ потамѣстъ два дня, когда добрый вѣтръ нашимъ кораблямъ будетъ». По исполненіи этого порученія Я. долженъ былъ вернуться въ Петербургъ. Пробывъ въ Ревелѣ до августа и сдавъ эскадру Бредалю, Я. поѣхалъ не домой, а съ новымъ дипломатическимъ порученіемъ: вести переговоры съ прусскимъ королемъ, подготовляя трактаментъ 1-го декабря 1715 г. Такъ какъ переговоры эти касались и Даніи, то Я. были даны вѣрющія грамоты къ двумъ королямъ. Оба они, по случаю участія въ Сѣверной войнѣ, находились въ г. Пюнемюнде. Сюда и прибылъ 12-го сентября 1715 г. Я. и представилъ свои кредитивы. Я. присутствовалъ при морской битвѣ, видѣлъ пораженіе шведовъ у Пюнемюнде и написалъ Петру В. подробную реляцію о видѣнной имъ баталіи. Дипломатическое порученіе, возложенное на него царемъ, онъ выполнилъ только отчасти, такъ какъ встрѣтилъ недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе со стороны датчанъ. Зато прусскій король былъ дружески расположенъ къ Петру и всячески хотѣлъ это подтвердить. Поэтому и Я. просилъ царя поддержать сентименты короля, приславъ ему въ подарокъ двѣ шубы изъ овчины и нѣсколько черкасскихъ лошадей, которыхъ желалъ онъ имѣть, и отъ 50 до 100 великорослыхъ гренадеръ, которыхъ онъ такъ любилъ. Эти обѣщанія и подарки возымѣли свое дѣйствіе.

Въ октябрѣ (13) переговоры съ прусскимъ королемъ были уже настолько подвинуты впередъ, что Я. считалъ ихъ законченными, но дальнѣйшіе переговоры съ датчанами были тщетны: они ихъ прямо таки избѣгали и Я. собирался уже ѣхать въ Россію. Его удержали военныя дѣйствія у о. Рюгена, окончанія которыхъ онъ рѣшилъ обождать. Я. сначала былъ въ обозѣ оперировавшихъ войскъ, а потомъ переселился въ Грибсвальдъ и сообщалъ царю о мѣрахъ для занятія острова Рюгена и о необходимости усилить отрядъ русскихъ у Штральзунда, такъ какъ слабость нашихъ боевыхъ силъ тормозитъ дипломатическіе переговоры. Въ бытность Я. у Штральзунда онъ наладилъ дѣло, касавшееся династическихъ интересовъ Петра В.—брака одной изъ дочерей царя Іоанна Алексѣевича съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Путемъ лич-

ныхъ переговоровъ Я. удалось убѣдить герцога отказаться отъ намѣренія вступить въ супружество съ вдовствующей герцогиней Курляндской Анной Іоанновной и согласиться принять отъ Петра руку той царевны, которую выберетъ самъ царь. Его выборъ остановился на Екатеринѣ Іоанновнѣ, и Я. пришлось ѣхать за невѣстой, сопровождать ее, царя и царицу въ ихъ поѣздкѣ къ жениху и участвовать въ свадебныхъ празднествахъ. Весь 1716 и 1717 г. (до 29-го октября) онъ провелъ въ свитѣ Петра за границей.

2 іюня 1718 г. на Я. было возложено отвѣтственное порученіе, подготовившее его къ той важной роли, которую ему суждено было сыграть въ правительственной дѣятельности Россіи временъ Петра Великаго. Въ указѣ о скорѣйшемъ устройствѣ президентами своихъ коллегій наблюденіе за этимъ сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ возлагалось на генералъ-маіора Я. Черезъ годъ Я. снова выступаетъ въ качествѣ дипломата, но въ вопросѣ первостепенной важности—въ мирныхъ переговорахъ со шведами, происходившихъ на Аландскихъ островахъ. 16-го мая 1719 г. онъ былъ назначенъ на конгрессъ вмѣстѣ съ Брюсомъ и Остерманомъ. 6-го іюля 1719 г. Я. прибылъ на Аландъ, претерпѣвъ по пути «такія противности, которыхъ развѣ хуже одна пропасть». Сообразно желаніямъ Петра В. и согласно русскимъ интересамъ, Я. торопился съ заключеніемъ мира, но прочнаго, гарантирующаго вновь завоеванный путь къ морю, а особенно обладаніе Петербургомъ. Между тѣмъ со стороны шведовъ Я. усматривалъ желаніе затянуть переговоры и ослабить Россію, втравивъ ее въ ссору и войну съ Пруссіей. Кромѣ того, онъ сообщалъ царю о тайныхъ проискахъ англичанъ, поддерживавшихъ шведовъ въ ихъ неуступчивости и затягиваніи дѣлъ. Для того, чтобы ускорить ихъ и побудить шведовъ къ рѣшительности, Я. совѣтовалъ Петру снарядить экспедицію къ берегамъ Швеціи. По мнѣнію Я., шведскій народъ такъ истощенъ войной, что только и мечтаетъ о мирѣ. Правительство же разбито на партіи, которыя между собой вѣчно враждуютъ. Сильнѣе другихъ — англійская, располагающая деньгами отъ подкуповъ, враждебная Россіи, но избѣгающая съ ней войны всѣми силами. Набѣгъ русскихъ на самую Швецію окончательно обезсилитъ эту партію. Поэтому Я. и совѣтовалъ Петру нанести врагу этотъ рѣшительный ударъ. Для подготовки этого предпріятія Петръ Великій поручилъ Я. раздобыть лоцмановъ, хромого Ленса Кюкера и его четырехъ сыновей, жившихъ на маленькомъ островкѣ Балтійскаго моря. Путемъ разспросовъ населенія Я. удалось найти ихъ и онъ отправилъ отысканныхъ лоцмановъ къ Петру. Облегчая и ускоряя переговоры подготовкой набѣга, Я. старался объ интересахъ Россіи и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ представителями Швеціи. Изъ двухъ уполномоченныхъ этой державы, графа Гилленборга и барона Лиліенштедта, ему приходилось особенно много имѣть дѣлъ съ послѣднимъ. Съ отъѣздомъ Остермана въ Стокгольмъ Я. при содѣйствіи Брюса велъ переговоры. Онъ отстаивалъ необходимость присоединенія къ Россіи не только Эстляндіи, но и Ливоніи. Ему довольно скоро удалось добиться признанія резонности требованія русскими Ревеля, и шведы согласились съ тѣмъ, что «Петерзбурху безъ Ревеля невозможно быть» и что «когда Ревель и Гельзингфорсъ въ однехъ рукахъ, Петербурхъ тогда весьма заключенъ!» Я. не отступалъ отъ своихъ требованій, торопилъ шведскихъ уполномоченныхъ, хотя и понималъ смыслъ словъ, сказанныхъ ему Лиліенштедтомъ: «легко ли въ такое горькое яблоко не одумався укусить». Я. жаловался на скудость извѣстій отъ русскаго правительства: «блиско двухъ недѣль писемъ не имѣемъ, а шведы по двѣ и по три почты въ недѣлю получаютъ, и тако не можемъ въ дѣлѣ такой успѣхъ имѣть, какъ они». Въ сентябрѣ Я. отбылъ съ Аландскихъ островобъ и въ февралѣ слѣдующаго 1720 г. отправился вновь съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну. Оно было въ связи съ присоединеніемъ къ Россіи Лифляндіи, о чемъ Я. старался на Аландскомъ конгрессѣ, и въ то же время касалось брачнаго проекта—супружества гольштинскаго герцога съ одною изъ дочерей Петра Великаго. Всѣ эти вопросы были подняты въ Вѣнѣ гольштинскимъ министромъ Бассевичемъ, и въ виду важности ихъ понадобилась посылка сильно аккредитованнаго лица въ Австрію. Выборъ палъ на Я., который и прибылъ въ Вѣну въ концѣ апрѣля 1720 г. Его встрѣтили очень радушно не только министры, но и самъ императоръ; всѣ понимали посылку царскаго министра, какъ важный

шагъ къ сближенію съ Россіей, и явленіе очень непріятное для Англіи, къ которой въ то время относились въ Вѣнѣ очень враждебно. И здѣсь Я. приходилось торопить и жаловаться на медленность, на неохоту со стороны Австріи вести переговоры и трудность положенія. Уже въ октябрѣ 1720 г. онъ теряетъ надежду на успѣхъ своего порученія и проситъ объ обратномъ отзывѣ. Несмотря на это, Я. сдѣлалъ много полезнаго для интересовъ Петра В. Прежде всего онъ сблизился съ Бассевичемъ и съ герцогомъ гольштинскимъ и установилъ, какъ смотрятъ въ Австріи на вмѣшательство Россіи въ шлезвигъ-гольштинскія дѣла. Затѣмъ Я. выяснилъ взаимоотношенія Австріи и Англіи, а также ту позицію, которую должна занять Россія относительно Австріи въ затѣваемомъ императоромъ брауншвейскомъ конгрессѣ; наконецъ, проживая въ Вѣнѣ, Я. не прекращалъ переговоровъ относительно условій будущаго мира Россіи со Швеціей и въ частности о правахъ гольштинскаго дома на шведское престолонаслѣдіе. Я. не мало мѣшало неумѣлое веденіе дипломатическихъ дѣлъ гольштинцами. Они вступили въ сношеніе съ шведскимъ дипломатомъ Гепкеномъ. Но онъ, по прибытіи въ Стокгольмъ, былъ арестованъ и допрошенъ въ собраніи сената. Желая придать своимъ затѣямъ больше вѣса, Гепкенъ заявилъ, что дѣйствуетъ въ пользу гольштинскаго дома, согласно волѣ Петра. Такое заявленіе дало поводъ шведскому министру въ Вѣнѣ графу Балку явиться къ Я. и спрашивать его по этому поводу. Однако Я. счелъ себя вправѣ заявить, что «ни съ Гепкеномъ, ни съ гольштинцами ни о чемъ трактоментовать и ничего внушать указу не имѣлъ, а собою въ такія дѣла вступаться не обыкъ». Сообщая обо всемъ этомъ Петру, Я. оправдывается въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя могли быть возведены на него вслѣдствіе ареста и заявленій Гепкена, и жалуется ему на повадки гольштинцевъ, которые не только не держатъ дипломатическихъ тайнъ, но часто говорятъ какъ о рѣшенномъ о томъ, что только едва намѣчено. Они сами же разгласили о намѣреніи Петра I поддерживать претензіи ихъ герцога на престолъ Швеціи и выдавали это намѣреніе за нѣчто уже выполненное.

Недовольство Я. гольштинцами не мѣшало ему вести съ ними переговоры, и именно благодаря его настояніямъ гольштинскій герцогъ рѣшился на поѣздку въ Россію, которой такъ требовалъ Петръ. 8-го февраля 1721 г. Я. увѣдомлялъ Петра, что герцогъ не только согласился на путешествіе въ Петербургъ, но уже получилъ отъ него Я. паспорта на имя капитана Томсона съ людьми. Слѣдствіемъ этого путешествія былъ бракъ герцога съ царевной Анной Петровной, о которомъ началъ вести рѣчь Я. еще въ 1720 году. Относительно брауншвейгскаго конгресса Я. сразу установилъ такую точку зрѣнія, которая не мѣшала Петру вести переговоры со Швеціей, не ожидая ихъ обсужденія на затѣваемомъ императоромъ съѣздѣ. Съ другой стороны, Я. никогда не отказывался говорить о брауншвейгскомъ съѣздѣ и участіи на немъ Россіи и даже совѣтовалъ Петру дѣйствительно принять въ немъ участіе. «Хотя, какъ я всемѣрно надѣюсь въ начинаемой финляндской негоціаціи доброй успѣхъ будетъ, сія брауншвейгская обсылка ничего не помѣшаетъ, но паче, чаю, короля Швецкаго подвигнетъ скорѣе къ резонабельнымъ кондиціямъ склониться. Другое облиговать изволите зѣло цесаря тою обсылкою, для того что при министрахъ вашего величества его голосъ важнѣе, и консидерація вашего величества толь болѣе отъ всей Европы будетъ». Наконецъ, участіе Россіи въ этомъ конгрессѣ представлялось Я. желательнымъ и въ томъ смыслѣ, что оно наносило лишній ударъ враждебной намъ Англіи, съ которой отъ такъ дѣятельно боролся въ Вѣнѣ. «Цесарю брауншвицкой конгрессъ больше для того надобенъ, чтобы свою ауториту противно англинской высости въ имперіи показать», писалъ Я. царю и совѣтовалъ эту «ауториту» поддержать, какъ явно для насъ нужную и выгодную. Въ общемъ стараніями Я. англійская партія въ Вѣнѣ была не только поколеблена, но и очень сильно ослаблена. При отъѣздѣ Я. изъ Австріи (16 марта 1721 г.) императоръ подарилъ ему свой портретъ и онъ возвращался не только со славой удачнаго министра, но и такого человѣка, который не пропускаетъ ничего могущаго служить къ славѣ и пользѣ своего государства и государя. Въ августѣ (24) 1721 г. Я. былъ посланъ Петромъ на конгрессъ (Ништадтскій) для ускоренія мира, хотя бы при уступкѣ шведамъ Выборга, но задержанный праздниками и

угощеніемъ на два дня, по просьбѣ Остермана, выборгскимъ комендантомъ И. М. Шуваловымъ опоздалъ, и миръ заключили безъ уступки Выборга. Эта маленькая неудача не измѣнила отношенія Петра къ его любимцу и онъ въ слѣдующемъ же 1722 г. высказалъ Я. высшее довѣріе, какимъ не пользовался ни одинъ вельможа того времени: 18 января 1722 г. Я. былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ Сената. Такое высокое служебное назначеніе готовилось исподволь рядомъ указанныхъ выше отдѣльныхъ порученій, возлагаемыхъ на Я. Во время посылки его въ Данію (1715—16 г.) ему поручено было «достать въ Даніи во всякую коллегію по хорошему члену, а лучше, чтобы они были не старыхъ лѣтъ, дабы могли россійскому языку удобнѣе научиться, а безъ того по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ циркумстанцій никогда не пишутъ». Въ 1718 г. скорѣйшее устройство президентами своихъ коллегій попадало подъ надзоръ Я.—теперь, въ 1722 г., подъ наблюденіе его же ставилось и высшее правительственное учрежденіе Россіи того времени, излюбленное дѣтище Петра Великаго—Сенатъ. Такая должность, помимо опытности въ государственныхъ дѣлахъ, большой одаренности и энергіи, требовала еще и полнаго довѣрія государя. 12 января 1722 г. послѣдовалъ указъ: объ обязанности сенаторовъ, о присутствіи президентовъ нѣкоторыхъ коллегій въ Сенатѣ; объ установленіи ревизіонъ—коллегіи; объ учрежденіи при Сенатѣ должностей генералъ-прокурора, рекетмейстера, экзекутора и герольдмейстера, а въ коллегіяхъ—прокуроровъ и объ избраніи кандитатовъ на эти должности. Въ указѣ пояснялось, что «нынѣ ни въ чемъ такъ надлежитъ трудиться, чтобы выбрать и мнѣ представить кандидатовъ въ вышеписанные члены, а буде за краткостью времени всѣхъ нельзя, то чтобы въ президенты коллегій и въ генералъ и оберъ-прокуроры выбрать, что необходимая есть нужда до наступающаго карнавала учинить, дабы постомъ исправиться въ дѣлахъ было мочно; въ сіи чины дается воля выбирать изо всякихъ чиновъ, а особливо въ прокуроры, понеже дѣло нужно есть.» Повидимому, Петру казалось невозможнымъ ждать выборовъ, и 18-го января въ числѣ вновь назначенныхъ имъ президентовъ коллегій опредѣленъ и генералъ-прокуроръ Я., и оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ. По табели о рангахъ, обнародованной 24 января 1722 г., рангъ генералъ-прокурора отнесенъ къ третьему классу, а оберъ-прокурора къ четвертому. На эту высокую и отвѣтственную должность Петръ и назначилъ человѣка, хорошо извѣстнаго ему своими высокими душевными качествами и личной преданностью. По мысли Петра, выраженной въ обнародованной 27 апрѣля 1722 г. «Должности генералъ-прокурора»: «онъ помощникъ Царя и замѣняетъ его въ Сенатѣ въ случаѣ не бытности. Генералъ-прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ ту свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ сенаторскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ и указамъ отправлялъ». Онъ же долженъ былъ наблюдать за скоростью сенатскаго дѣлопроизводства и затѣмъ, чтобы въ Сенатѣ «не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ, по указамъ исполнялись». Всѣ дѣла должны были вноситься въ книги, и генералъ-прокуроръ долженъ былъ слѣдить за ихъ ходомъ, вписывая свои замѣчанія о неисправностяхъ его. Также обязанъ онъ былъ наблюдать и за правильностью дѣятельности отдѣльныхъ сенаторовъ и всего Сената, и если замѣчалъ погрѣшность, долженъ былъ заявить о ней и требовать поправки, а въ случаѣ неисполненія и неповиновенія долженъ былъ въ тотъ же часъ «протестовать и оное дѣло остановить и немедленно донести намъ, если весьма нужное, а о прочихъ въ бытность нашу въ Сенатѣ докладывать». Ставя такъ высоко должность генералъ-прокурора, Петръ предоставилъ ей право даже законодательной иниціативы и изъялъ его изъ общей подсудности: «генералъ и оберъ-прокуроръ ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего», лишь въ случаѣ государственной измѣны, открытой въ отсутствіи государя, Сенатъ могъ арестовать лицъ, занимающихъ эти должности и подвергнуть ихъ розыску. По словамъ Петра, «сей чинъ, яко око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ долженъ во всемъ вѣрно поступать». Понятно, что на такую должность Петръ могъ назначить только того, кому вѣрилъ; съ Я. онъ поддерживалъ постоянную переписку. На первыхъ же порахъ, по учрежденіи гене-

ралъ-прокуратуры, Я. пришлось доказать свою энергію и преданность. 5-го февраля 1722 г. былъ изданъ рядъ указовъ, касающихся генералъ-прокурора: о правѣ избранія государями наслѣдниковъ престола и о формѣ присяги императору, о дняхъ засѣданія Сената, объ осмотрѣ дворянъ и опредѣленіи ихъ въ коллегіи и надворные суды и о вывѣшиваніи именъ неявившихся на висѣлицы съ барабаннымъ боемъ, о пересмотрѣ и разборѣ всѣхъ коллежскихъ членовъ и о прибытіи ихъ въ Москву. Для наблюденія за исполненіемъ всѣхъ этихъ дѣлъ въ Москву же былъ посланъ и Я. Въ письмахъ на имя кабинетъ-секретаря Макарова Я. извѣщалъ императора о ходѣ дѣлъ. Макаровъ изъ этихъ писемъ составилъ докладъ царю, а на поляхъ его вписалъ резолюціи Петра. Я. сообщалъ, что присяга получена и къ ней приводятся обитатели столицы. Смотръ дворянъ происходитъ, но при осуществленіи его встрѣтились «несообразимыя трудности». Петръ, находившійся въ это время на пути въ Астрахань, приказалъ продолжать Я. его письменныя сообщенія и подробно указать, какія затрудненія встрѣчаются въ дворянскихъ смотрахъ. Я. объяснилъ, что вслѣдствіе неясности сенатскихъ указовъ всѣ, кому возможно, передѣлываютъ и измѣняютъ вѣдомости, составленныя герольдмейстеромъ Колычевымъ. Я. уже распорядился тѣмъ, чтобы допрашивали воеводъ о причинахъ неисправной высылки рекрутъ и «ревизію послали. Гдѣ надлежитъ, и штрафы будутъ править». Въ виду того, что имена нѣтчиковъ приказано прибивать къ висѣлицѣ съ 1-го февраля, а о причинѣ неявокъ законныя объясненія прибываютъ и позднѣе этого срока, Я. проситъ разрѣшенія отсрочить примѣненіе этой мѣры до возвращенія посланныхъ имъ ревизоровъ. Петръ разрѣшилъ это.

Въ сентябрѣ (5-го) 1722 г. Я. уже увѣдомлялъ тайнаго кабинетъ-секретаря А. В. Макарова: «въ коллегію членовъ, также въ надворные суды судей, кромѣ президентовъ, вице-президентовъ, и въ провинціи воеводъ и къ нимъ ассесоровъ и камергеровъ и рентмейстеровъ всѣхъ, а земскихъ и подчиненныхъ коммиссаровъ немного не всѣхъ выбрали и по мѣстамъ отправлены». Но въ то же время, замѣчая недостаточность надворнаго суда для разбора массы часто очень запутанныхъ, дѣлъ, Я. предложилъ учредить еще одинъ родъ суда подъ непосредственнымъ надзоромъ юстицъ-коллегіи. Кромѣ этихъ, до нѣкоторой степени чрезвычайныхъ, обязанностей Я. по должности своей наблюдалъ за дѣятельностью Сената. Это было очень не легко, такъ какъ своекорыстіе членовъ его и вообще лицъ, имѣвшихъ власть и силу, ихъ взаимныя нареканія и ссоры, не имѣли предѣловъ. Примирять ихъ и вести къ общей цѣли—благу государства, пресѣкая направленную къ личному благополучію дѣятельность, было не легко. Въ октябрѣ 1722 г. Я. пришлось дважды столкнуться съ фактами, въ которыхъ ясно выразились только что указанныя особенности правящаго круга временъ Петра. Во время пребыванія Я. въ Москвѣ его замѣнялъ въ присутствіи Сената оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ. У него произошла неприличная ссора съ Шафировымъ изъ-за Меншикова, при чемъ оберъ-прокуроръ «съ похлѣбствомъ» отнесся къ свѣтлѣйшему и поддержалъ его вопреки справедливости. Еще ранѣе (5 октября) Я. получилъ отъ Петра Великаго изъ похода порученіе изслѣдовать дѣло по челобитью ярославца Сутягина во многихъ обидахъ и разореніяхъ со стороны ярославскаго провинціалъ-фискала Попцова. Оказалось, что жалоба на дѣйствія его была подана въ Сенатъ еще въ іюлѣ 1718 года, но лежала безъ движенія. Испросивъ у государя рѣшеніе, разбирать ли дѣло въ конторѣ Сената или въ личной канцеляріи, находившейся у генералъ-прокурора, Я. приступилъ къ слѣдствію и обнаружилъ массу злоупотребленій: отпускъ рекрутъ за подкупъ, держаніе бѣглыхъ, казнокрадство, взятки, вымогательства, вступленіе въ откупа и т. п.. Что же было хуже всего—это участіе въ преступленіяхъ и высшихъ должностныхъ лицъ. Попцовъ доказалъ, что о его продѣлкахъ не только зналъ, но и соучаствовалъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, а ихъ яростнымъ защитникомъ, какъ намекалъ Я., очень не безкорыстнымъ, былъ тотъ же самый оберъ-прокуроръ Писаревъ, который такъ «по хлѣбственно старался въ дѣлѣ Меншикова и Шафирова. По требованію Я., доложившаго объ этомъ дѣлѣ Сенату, Нестеровъ былъ взятъ подъ стражу. О Писаревѣ же Я. написалъ Макарову съ полной увѣренностью, что его сообщеніе дойдетъ и до государя. Я. видѣлъ, какъ ему трудно управляться окруженному «все

коварными и лукавыми людьми, которые при смотрѣніи государева интереса и партикулярные не назади оставляютъ», и среди борьбы партій, которыя «страсти своей» не оставляли. Я. говорилъ: «Я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствуюсь, сколько въ томъ вѣрности и старанія моего не было, однакожъ съ превеликою трудностью при такихъ страстяхъ дѣло держать въ порядкѣ было можно, особливо будучи безо всякаго надежнаго вспомощника». О такомъ помощникѣ, въ видѣ второго оберъ-секретаря, и ходатайствовалъ Я. Необходимость таковаго особенно выяснилась для него послѣ дѣла о Скорняковѣ-Писаревѣ. Прося о назначеніи еще одного помощника, Я. говоритъ: «понеже несказаемая бездна дѣлъ къ тому же не небезподозрителенъ одинъ и можетъ партіи имѣть, а когда другой будетъ, то одинъ за другимъ—глаза». Неувѣренность Я. въ правильной работѣ Сената и своей возможности услѣдить за нимъ при тогдашнемъ составѣ его доходила до того, что Я. выражалъ Петру желаніе измѣнить его составъ такъ, чтобы «Сенатъ изъ такихъ среднихъ людей былъ сочиненъ, чтобъ сильныхъ споровъ и браней меньше было».

Относительно сенатскихъ дѣлъ Я. сносился съ Петромъ Великимъ или лично путемъ доклада и писемъ, или чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Получая отъ царя какія-либо предписанія, онъ немедленно приводилъ ихъ въ исполненіе, пользуясь указами царя очень часто лишь, какъ подтвержденіемъ тѣхъ требованій, которыя и раньше предъявлялъ къ президентамъ коллегій, прокурорамъ и т. п. чинамъ. Особенно трудно приходилось ему въ сношеніяхъ съ Сенатомъ и онъ безпрестанно напоминалъ ему о дѣлахъ, наблюдалъ за законностью приговоровъ и все же не разъ огорчался, такъ какъ государь напоминалъ ему о его должности. Промахи происходили отъ того, что, несмотря на большую дѣловую опытность Я., его таланты и рвеніе, онъ, какъ и самъ въ томъ признавался, былъ мало подготовленъ къ той спеціальной и огромной работѣ, которая самимъ ходомъ государственной жизни требовалась отъ генералъ-прокурора. Этой неподготовленностью объясняются недостатки дѣятельности Я., но широкій взглядъ на дѣло и незаинтересованность давали ему возможность часто стоять въ своихъ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ выше Сената. Когда однажды сенаторы, по невыясненнымъ причинамъ, не пожелали назначить въ прокуроры надворныхъ судовъ двухъ дворянъ, Я. заявилъ, что «не признаетъ за ними никакого явнаго порока и мнитъ въ томъ быть нѣкоторой страсти», а потому и принимаетъ въ томъ отвѣтъ предъ Его Величествомъ на себя». Въ другомъ случаѣ, обвиненный по доносу фискала просилъ выдачу копіи допроса, и Сенатъ, разсматривая дѣло, какъ «интересное», склонился къ тому, чтобы копіи не выдавать, якобы во охраненіе выгодъ казны, но Я. запротестовалъ и прочелъ указъ о формѣ суда, которымъ предписывается выдавать отвѣтчикамъ копіи съ пунктовъ, поданныхъ челобитчиками. Протестъ Я. возымѣлъ свое дѣйствіе — Сенатъ согласился съ нимъ. Лучше, чѣмъ съ Сенатомъ, шли у Я. дѣла съ коллегіями. Онъ былъ болѣе освѣдомленъ какъ съ формой ихъ устройства и дѣятельности, въ которыхъ принималъ даже участіе, такъ и съ ихъ личнымъ составомъ, за пополненіемъ котораго своевременно и наблюдалъ. Большинство прокуроровъ было назначено съ его вѣдома, хотя, какъ писалъ Я. Петру, «воистину трудно было людей достойныхъ сыскивать». Набравъ хорошій составъ служащихъ въ прокуратурѣ, Я. стремился поставить ее въ совершенно независимое отъ другихъ властей положеніе. Сначала онъ самъ оказывалъ могущественную поддержку своимъ подчиненнымъ, обороняя ихъ отъ другихъ вѣдомственныхъ нападокъ и выставляя передъ царемъ, какъ особенно усердныхъ и честныхъ слугъ. «Въ коллегіяхъ которые опредѣлены прокуроры не токмо должность званія своего исправляютъ прилежно, но и сверхъ того тщатся, гдѣ что могутъ видѣть, и исправить къ интересу Вашего Императорскаго Величества нигдѣ не пропущаютъ, и Ваше Величество изволите при счастливомъ возвратѣ своемъ въ Москву сами свидѣтельствовать, что я сію похвалу имъ не ложно придаю, и господа президенты къ нимъ респектъ такой имѣютъ и только зерцало и прокуроровъ твердятъ». Однако, зная хорошо, какъ тяжело и опасно было положеніе защитниковъ законности и честности среди того моря неправды и хищеній, которыми была полна русская жизнь, и особенно предъ лицомъ сильныхъ персонъ, Я. просилъ царя въ случаяхъ, когда «можетъ

нѣкоторымъ иногда вмѣсто защиты обида чиниться»,—«чтобы въ такихъ случаяхъ могли они пользоваться собственною высокою протекціею Вашего Императорскаго Величества». Защитникомъ законности и порядка Я. выступалъ не только по отношенію Сената и коллегіи; такимъ же являлся онъ и при столкновеніи съ сильными міра сего. Онъ не боялся отобрать у царицы Прасковьи колодника, котораго она самоуправно подвергала пыткѣ, проникнувъ въ Тайную Канцелярію, якобы для раздачи милостыни. И на просьбу царицы отдать ей колодника—отвѣтилъ: «что хорошаго, государыня, что изволишь ѣздить ночью по приказамъ. Безъ именнаго указа отдать невозможно»—и приказалъ отвести колодника къ себѣ въ домъ. Поступокъ Я. тѣмъ почтеннѣе, что, несмотря на своевременное извѣщеніе караульнаго офицера, ни оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ, ни Бутурлинъ не рѣшились вмѣшаться и прекратить самоуправство. Петръ Великій твердо поддерживалъ своего генералъ-прокурора и не оставлялъ его своими милостями. Видя, что вся его дѣятельность поглощена службой, и на заботу объ личномъ благосостояніи, а въ частности для надзора за своими имѣніями Я. времени и возможности не имѣетъ, государь еще съ 1712 г. озабочивается оказать ему помощь. 25-го октября, согласно его указа, принимаютъ мѣры для размежеванія земель Я., и къ этому дѣлу (указомъ 23 марта 1713 г.) назначается одинъ изъ царедворцевъ. Огромныя земельныя владѣнія Я., разбросанныя по 12 уѣздамъ, требовали постояннаго надзора. Разъѣзды самого хозяина ихъ и болѣзнь жены оставляли ихъ безъ присмотра и приводили къ разоренію, поэтому государь указомъ 20 января 1716 г. повелѣлъ назначить изъ дворянъ Елагина и Тыркова для надзора за домомъ и деревнями Я. 3-го февраля 1717 г. Я. пожаловано было въ Дерптскомъ округѣ огромное имѣніе (проданное имъ впослѣдствіи за 54.800 р.), а 29-го октября 1717 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры. Но не за одни труды на пользу государству цѣнилъ Петръ Я., онъ зналъ его и какъ веселаго собесѣдника, весельчака и неутомимаго танцора. Ни одна ассамблея въ бытность Я. въ Россіи не обходилась безъ его присутствія, и если, подвыпивъ, онъ пускался плясать, то плясалъ до упаду. Любя веселую праздничную жизнь, Я. велъ ее на широкую ногу, тратясь на обстановку, на слугъ, выѣзды и т. п. Петръ Великій, нуждаясь въ роскошныхъ каретахъ для торжественныхъ пріемовъ, не разъ временно бралъ ихъ у Я. Заведя обязательныя ассамблеи, надзоръ за ними Петръ возложилъ на Я., и онъ и въ этой должности проявилъ то же рвеніе, старательность и быстроту, съ которой выполнялъ всѣ приказанія своего государя. Если Я. приказывалъ пить, то всѣ должны были дѣлать это, хотя бы количество тостовъ и обязательное за ними осушеніе бокаловъ превышало все, что можно считать вѣроятнымъ. Если Я. послѣ подобнаго обѣда, ставъ «шуменъ», приказывалъ плясать до упаду, то можно было быть увѣреннымъ, что всѣ двери хорошо заперты и охранены и что гостямъ придется плясать до упаду. Ассамблеи при такомъ принудительномъ пьянствѣ и пляскѣ дѣлались тяжелой и даже опасной для здоровья повинностью. Многіе стали избѣгать ихъ, но Я. просматривалъ списки приглашенныхъ, отмѣчалъ «нѣтчиковъ», и оказаться передъ этимъ «царемъ всѣхъ баловъ» въ «нѣтчикахъ» бывало такъ же непріятно и хлопотно, какъ оказаться «нѣтчикомъ» по службѣ государевой; поэтому въ смыслѣ ассамблейныхъ требованій Я. «никто не смѣетъ ни въ чемъ отказать, и ужъ если онъ чего захочетъ, непремѣнно надо исполнить».

Кромѣ ассамблей, Я. приходилось заботиться и о другихъ увеселеніяхъ царя. Такъ, въ бытность его въ 1720 г. въ Вѣнѣ онъ пріискалъ для посылки въ Россію труппу комедіантовъ, числомъ 12, исполнявшихъ пьесы на нѣмецкомъ и богемскомъ (чешскомъ) языкахъ. Игру ихъ Я. находилъ забавной и достойной царскаго вниманія.

7-го февраля 1724 г. Я. былъ отданъ въ вѣчное владѣніе отписной у Петра Шафирова Мишинъ островъ со строеніями и людьми. Въ 1724 же году Я. получилъ еще одинъ знакъ милости императора. Въ 1723 г., готовясь къ коронованію императрицы, Петръ возымѣлъ мысль учредить роту драбантовъ или кавалергардовъ. Командиромъ ея въ чинѣ капитана-поручика былъ назначенъ Я. 7-го мая 1724 г., въ день коронаціи, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Смерть Петра была тяжелымъ ударомъ

для Я. не только въ томъ смыслѣ, что онъ терялъ государя, котораго любилъ, но и въ томъ, что Я. остался безъ покровителя противъ враговъ, ополчившихся на него, и изъ среды старой родовой знати, отбитой преобразователемъ изъ первыхъ мѣстъ въ управленіи государствомъ, и изъ рядовъ Птенцовъ Петровыхъ, привыкшихъ видѣть въ Я. обличителя и врага всѣхъ тѣхъ личныхъ и своекорыстныхъ стремленій, которыя были такъ сильно присущи имъ. Я. предстояло или совсѣмъ сойти съ поприща государственной дѣятельности, или образовать самостоятельную партію, или наконецъ примкнуть къ одной изъ существующихъ и борющихся за власть. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Я. рѣшился на послѣднее и сталъ въ ряды людей, поднятыхъ на верхи государственнаго управленія реформой Петра В. Сообразно этому, онъ примкнулъ къ участникамъ возведенія на престолъ Екатерины I. Съ однимъ изъ нихъ, Бассевичемъ, ему пришлось встрѣчаться въ Вѣнѣ и вести дѣла по поводу бракосочетанія герцога Гольштинскаго съ царевной Анной Петровной. По свидѣтельству Бассевича, впрочемъ часто неправдивому, Я. сыгралъ большую роль въ дѣлѣ провозглашенія Екатерины императрицею. По его словамъ, Я. узналъ о замышленіи сторонниковъ в. к. Петра Алексѣевича возвести его на престолъ, заточивъ Екатерину съ дочерьми въ монастырь. Желая предотвратить гибель императрицы и семейства ея, Я. явился къ Бассевичу, который предупредилъ якобы императрицу и явился посредникомъ между нею и Меншиковымъ. На слѣдующій день послѣ кончины Петра В., 25-го января 1725 г., Бассевичъ протѣснился въ толпѣ придворныхъ къ стоявшему впереди Я. и сказалъ ему вполголоса: «примите награду за предостереженіе, сдѣланное вами вчера вечеромъ. Увѣдомляю васъ, что казна, крѣпость, гвардія, Синодъ и множество бояръ находятся въ распоряженіи императрицы и что даже здѣсь друзей ея болѣе, чѣмъ вы думаете. Передайте это тѣмъ, въ комъ вы принимаете участіе и посовѣтуйте имъ сообразоваться съ обстоятельствами, если они дорожатъ своими головами». Если взять во вниманіе положеніе Я., какъ генералъ-прокурора среди тогдашнихъ чиновъ, въ гвардіи, въ качествѣ начальника кавалергардовъ, особенно близкихъ къ императрицѣ, и при дворѣ, гдѣ онъ слылъ за фаворита покойнаго государя и довѣреннаго самой Екатерины, надо думать, что участіе Я. въ дѣлѣ было значительнѣе того, о которомъ пишетъ Бассевичъ. Паденіе кредита Я., о которомъ писалъ чрезъ два дня послѣ смерти Петра саксонскій посланникъ Лефортъ, могло объясняться и тѣмъ, что въ первые дни правленія Екатерины вообще трудно было разобраться въ сложныхъ комбинаціяхъ придворныхъ партій, а отчасти могло соотвѣтствовать дѣйствительности. Первыми людьми при дворѣ были: Меншиковъ и герцогъ гольштинскій. Первый вообще не любилъ Я., сдѣлавшись же временщикомъ, особенно не желалъ видѣть вблизи престола безпокойнаго, честнаго и не сдержаннаго на языкъ генералъ-прокурора, способнаго подъ горячую руку разсказать императрицѣ о всѣхъ предпріятіяхъ свѣтлѣйшаго и помѣшать его горделивымъ затѣямъ. Къ этому же и самъ Я. ничуть не скрывалъ несочувственнаго отношенія къ тому направленію хода дѣлъ, которое они приняли съ первыхъ же дней новаго правительства. Меншиковъ искалъ союза съ Англіей и Франціей—Я. былъ старый доброжелатель Вѣнскаго двора и Датскаго короля, отъ которыхъ даже получалъ пенсію. Враждебные Австріи и Даніи дипломаты старались, какъ могли, очернить личность и поведеніе Я. для того, чтобы удалить его изъ Россіи. Во главѣ добивавшихся этого стоялъ второй послѣ Меншикова сильный человѣкъ—герцогъ гольштинскій, искавшій всего, что могло такъ или иначе ослабить вліяніе Даніи на Россію. Сообразно этому пошли слухи о назначеніи Я. представителемъ Россіи въ Мадридъ, Вѣну, Стокгольмъ и даже Парижъ, на томъ основаніи, что «при дворѣ, на дружбу котораго императрица могла вполнѣ положиться, Я. не будетъ въ состояніи ничѣмъ ей вредить». Слухи эти подтверждались и тѣмъ пріемомъ, который оказывали Я. при дворѣ. Повидимому, уже тогда его собирались сплавить такъ, какъ это и было позднѣе устроено.

Единовременно съ паденіемъ кредита шло и умаленіе служебнаго значенія Я. Въ качествѣ генералъ-прокурора, пользующагося полнымъ довѣріемъ государя,

онъ привыкъ «во все вмѣшиваться и быть всемогущимъ». Со смертью Петра такое положеніе дѣлъ кончилось. Лицамъ, не любившимъ контроля, постоянный надзоръ Я. казался невыносимымъ, и они добились указа Сенату и коллегіямъ руководствоваться впредь законами и волею императрицы, а не желаніями генералъ-прокурора. Власть и значеніе Я. проистекали всецѣло изъ того довѣрія, которое ему оказывала верховная власть. Однимъ указомъ они были сведены къ нулю, потому что всѣмъ, кто понималъ указы, было ясно, что именно понималось подъ волею императрицы. Я., оскорбленный въ лучшихъ чувствахъ, сталъ въ оппозицію и, по свойствамъ характера, проявлялъ свое настроеніе въ формахъ очень рѣзкихъ и демонстративныхъ. Поссорившись съ Меншиковымъ по вопросамъ внѣшней политики, Я. не сдержался, вышелъ изъ себя и въ горячности высказалъ все, что думалъ по поводу Меншикова и его участія въ государственныхъ дѣлахъ, при чемъ наговорилъ массу оскорбительныхъ вещей и генералъ-адмиралу Апраксину. Меншиковъ, въ свою очередь, распалился гнѣвомъ и хотѣлъ арестовать Я. Вышелъ большой скандалъ. Я. вынесъ его на общій судъ. 31-го марта онъ явился ко всенощной въ Петропавловскій соборъ. Ставъ близъ праваго клироса и указывая на гробъ Петра В., Я. сказалъ: «Могъ бы я пожаловаться, да не услышитъ, что сегодня Меншиковъ показалъ мнѣ обиду, хотѣлъ мнѣ сказать арестъ и снять съ меня шпагу, чего я надъ собою отъ роду никогда не видалъ». Впечатлѣніе получилось огромное, императрица была страшно разгнѣвана и грозила не остановиться даже предъ казнью такъ дерзко поступающаго генералъ-прокурора. На этотъ разъ его спасло заступничество (быть можетъ ловко подстроенное) герцога гольштинскаго. По его требованію, Я. просилъ прощенія у Меншикова и у генералъ-адмирала; дѣло былъ прекращено, но, конечно, положеніе Я. отъ этого не улучшилось. Иностраннымъ дипломатамъ, особенно изъ враждебнаго Я. лагеря, поведеніе его казалось столь необузданнымъ, грубымъ и безумнымъ, что онъ долженъ былъ «или попасть подъ судъ или въ припадкѣ отчаянія наложить на себя руки». Они оказались плохими предсказателями, очевидно мало понимавшими то, что происходило при дворѣ въ 1725—26 гг.. Вмѣсто окончательнаго паденія Я. сталъ вновь пріобрѣтать фаворъ и значеніе. Открытыя столкновенія съ Меншиковымъ естественно толкали его къ людямъ, которые и явно и тайно искали способовъ свалить всесильнаго временщика. Я. сблизился съ Толстымъ и Остерманомъ и чрезъ нихъ посредничество вошелъ въ интимный кружокъ императрицы и пришелся очень кстати. Какъ разъ въ это время при дворѣ стали устраиваться празднества и увеселенія, часто имѣвшія характеръ попоекъ. Опытность, пріобрѣтенная Я. при устройствѣ ассамблей, и свойство его характера здѣсь очень пригодились. Я. попрежнему быстро сталъ любимцемъ государыни и былъ при ней неотлучно. Послѣдовали и награжденія: 30 августа 1725 г. Я. получилъ знаки Александра Невскаго. Сенатъ вновь расширилъ свою дѣятельность и авторитетъ генералъ-прокурора его поднялся. Въ іюнѣ Я. уже не боится Меншикова и изъ-за власти устраивалъ ему «ссоры въ присутствіи всего Сената». Къ этому періоду дѣятельности Я. относится одна замѣчательная составленная имъ записка. Въ февралѣ 1725 г. онъ подалъ ее императрицѣ, въ связи съ вопросомъ о пониженіи подушной подати. Въ ней онъ указываетъ, что все государство стоитъ на двухъ «подпорахъ: то есть отъ земли и коммерціи», но и та, и другая въ Россіи въ слабомъ состояніи. Въ государствѣ онъ указываетъ двѣ опасности: одна внутренняя, другая внѣшняя. Внутренняя: неурожаи, неправильная повинность, убыль населенія. Ихъ можно избѣжать мудрыми правительственными мѣрами—сокращеніемъ военныхъ расходовъ, ревизіями, упорядоченіемъ центральнаго управленія. Особенное вниманіе обращено Я. на торговлю, которая въ рукахъ Сената, а въ немъ «люди купечества такъ искусны, какъ я въ купечномъ дѣлѣ». Указывалъ онъ и на неудобства новаго тарифа, и на обиды отъ него для купечества. Вторая группа опасности—внѣшняя—разобрана имъ болѣе кратко, чѣмъ первая, которая являлась для Я. болѣе знакомой и близкой.

Свѣтлѣйшій видѣлъ новое возвышеніе своего стараго соперника и рѣшилъ сдѣлать его торжество недолговременнымъ. По мнѣнію современника, саксонскаго посланника Лефорта, Верховный Тайный Совѣтъ былъ ис-

Библиотека №
Б 592363

пользованъ Меншиковымъ «въ особенности въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы лишить Я. всякой власти и значенія». 8-го февраля 1726 г. на имя генералъ-прокурора Я. послѣдовалъ именной указъ объ учрежденіи для внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ назначеніемъ въ опый пяти сенаторовъ. Я. въ него не вошелъ и, сохраняя титулъ генералъ-прокурора, оказался не у дѣлъ. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ утверждаетъ, что «царица положительно не хотѣла назначить Я. въ Совѣтъ, ибо считала его нерасположеннымъ къ себѣ, что слѣдовало приписать его неукротимой ненависти противъ князя Меншикова». Упраздненіе значенія должности генералъ-прокурора и учрежденіе В. Т. Совѣта показывало стремленіе правительства установить связь между Сенатомъ и верховною властью не въ видѣ одного лица, облеченнаго довѣріемъ государя, а въ видѣ многоголоваго учрежденія. Такъ понялъ это дѣло и Я.; онъ пересталъ ѣздить въ Сенатъ, и хотя его, какъ бы въ утѣшеніе, назначили оберъ-шталмейстеромъ, являлся ко двору лишь въ случаяхъ крайней необходимости, по дѣламъ службы, и сторонился отъ членовъ В. Т. Совѣта, даже отъ своего тестя, великаго канцлера Головкина. Но и въ такомъ состояніи Я. представлялся его врагамъ опаснымъ. Къ нему могла вновь вернуться милость государыни, какъ это уже было однажды, и тогда онъ могъ круче поступить и устранить своихъ враговъ отъ власти. Нужно было придумать средство не только удалить Я. изъ Петербурга, но сдѣлать это не безъ вреда для Меншикова. Такимъ именно удовлетворяющимъ обоимъ условіямъ оказывалось назначеніе Я. полномочнымъ министромъ со стороны Россіи на польскій сеймъ въ Гродно, на которомъ долженъ былъ разбираться вопросъ о Курляндскомъ престолонаслѣдіи. Съ одной стороны, этимъ распоряженіемъ удалялся изъ Петербурга безпокойный человѣкъ, неудобный для существовавшаго правительства, съ другой стороны, Меншиковъ получалъ большую непріятность, такъ какъ щекотливое дѣло о наслѣдіи Курляндскаго престола, о которомъ такъ старался свѣтлѣйшій, поручалось его врагу—Я. Вдобавокъ Я. поручалось настаивать на русскихъ кандидатахъ въ герцоги, за исключеніемъ именно Меншикова. Я., помимо общихъ старапій объ интересахъ Россіи, предписывалось противодѣйствовать замышленному въ Польшѣ раздѣлу Курляндіи на воеводства, утвержденію на престолѣ ея Морица Саксонскаго, уже выбраннаго курляндскими чинами, устраненіи кандидатуры Гессенъ-Кассельскаго, а въ случаѣ невозможности достиженія этого — стараться «сеймъ разорвать». 9-го августа 1726 года, поуказу В. Т. Совѣта, Сенатъ приказалъ отпустить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 73.483 р. на отправленіе послами въ Швецію —кн. В. Л. Долгорукаго, а въ Польшу— генералъ-лейтенанта Я. 4-го сентября Я. былъ уже въ Гродно, куда онъ доѣхалъ по случаю осенней распутицы «съ большими трудностями». Къ тому же, несмотря на свои 43 года, онъ страдалъ довольно сильной подагрой, слѣдствіе, какъ надо думать, неумѣреннаго пользованія благами жизни. И на сеймѣ, наряду съ борьбой дипломатической и политической, давались баталіи Ивашкѣ Хмельницкому и не одинъ Я. приносилъ ему «сакрифисы»: «король», по его словамъ, «почти все съ похмѣлья; и аудіенціи получить нельзя». Въ такихъ условіяхъ острые приступы подагры были вполнѣ понятны и легко объяснимы. Дѣла на этомъ «шумномъ» съѣздѣ шли не быстро и не толково, но Я. старался «сколько силы и смыслу имѣлъ», чтобы отстаивать русскіе интересы. По его старанію, положеніе православныхъ обсуждалось на сеймѣ, и Я. дана была декларація въ томъ, что дѣло ихъ будетъ окончательно рѣшено на конференціяхъ. Менѣе успѣшно шли переговоры о Курляндіи. Король Августъ II кассировалъ выборы Морица, но для устройства курляндскихъ дѣлъ была назначена особая польская комиссія, и когда Я. заводилъ рѣчь объ этой мѣрѣ, то получалъ отъ поляковъ «одинъ жестокій отвѣтъ, что русскіе въ ихъ домашнія дѣла не имѣютъ права мѣшаться».

Я. не зналъ, что дѣлать: онъ былъ знакомъ съ характеромъ поляковъ и понималъ, что рѣшительнымъ вмѣшательствомъ онъ ихъ разъяритъ, — уступками заставитъ пуще возгордиться. Положеніе его было тѣмъ тягостнѣе, что отовсюду онъ видѣлъ вражду, козни и подкопы. Меншиковъ старался «поперекъ въѣзжать, зная и не зная состояніе дѣлъ». Девіеръ изъ Курляндіи доносилъ въ Петербургъ на бездѣятельность и слабость нашихъ министровъ въ Польшѣ. Не мало вредили достиженію Я.

успѣха въ главномъ курляндскомъ дѣлѣ разныя постороннія вліянія, вродѣ вѣчныхъ слезныхъ писемъ герцогини Анны Іоанновны, умолявшей Я. не допустить польскихъ коммиссаровъ провѣрять ея имѣнія. Придворные герцогини, видя, что Я. не до ихъ государыни, пріобрѣтали о немъ плохое мнѣніе и писали неблагосклонные отзывы въ Петербургъ. Не находя поддержки въ Петербургѣ и въ средѣ окружающихъ его дѣятелей, Я. искалъ подкупами повліять на придворныхъ короля. Онъ обѣщалъ сановникамъ ордена, раздавалъ вельможамъ и вліятельнымъ польскимъ дамамъ изъ отпущенной ему (по указу 14 августа 1726 г.) сибирской мягкой рухляди «завѣсы китайскія, обои персидскіе и мѣха». Несмотря на все это, удачи не было, и Я. находился въ самомъ тягостномъ настроеніи. Онъ пишетъ Макарову длинныя письма съ жалобами и ходатайствами; скорбитъ, что навлекъ на себя гнѣвъ императрицы, говоритъ о крайней денежной нуждѣ, выпрашиваетъ обѣщанный ему при отъѣздѣ, но не выданный, портретъ государыни. Въ то же время, стороной, до Петербурга доходятъ слухи, что Я. вѣчно нетрезвъ, чрезмѣрно болтливъ и во хмѣлю непристойно отзывается о Россіи, грозитъ перейти на службу въ Польшу и т. д. М. Бестужевъ сурово отозвался о Я.: «просто вѣтреница, что ни говоритъ—слушать нечего».

Девіеръ же доносилъ императрицѣ, будто Я. «подъ рукою полякамъ говорилъ, чтобъ они никакого опасенія не имѣли, потому что Ваше Императорское Величество въ курляндскомъ дѣлѣ никакого имъ помѣшательства дѣлать не соизволите, и хотя я во всемъ имъ не вѣрю, однако бѣшенство его что-нибудь сдѣлать можетъ». Въ Польшѣ сообразно этому распространились слухи о недовольствѣ противъ Я. въ русскомъ правительственномъ кругу, объ отозваніи его и ссылкѣ въ деревню. 12-го апрѣля 1727 г. Я. увѣдомлялъ Макарова о близкомъ отъѣздѣ короля, объ окончаніи его, Я., миссіи и желаніи уѣхать на родину. 20-го апрѣля Я. имѣлъ прощальную аудіенцію у короля и отбылъ въ Россію, везя съ собою жалобу короля на Девіера, «возбуждавшаго въ Курляндіи обитателей къ бунту». Я. прибылъ въ Петербургъ, когда Девіеръ уже былъ осужденъ въ ссылку, а императрица лежала при смерти. 6-го мая она скончалась, и фактическій правитель государства—Меншиковъ постарался сплавить Я. изъ столицы. Мѣсто для него выбирали самое отдаленное: говорили о Персіи, Астрахани, наконецъ выбрали назначеніе въ украинскую армію. Мольбы тестя Я.—Головкина предъ императоромъ не помогли, но отъ ссылки въ Украйну Я. избавило паденіе «прегордаго Голеафа»—Меншикова. Въ самый день его ареста въ догонку за Я., выѣхавшимъ 14-го августа къ мѣсту службы, былъ посланъ курьеръ. 16-го сентября послѣдовалъ указъ В. Т. Совѣта о немедленномъ прибытіи въ С.-Петербургъ генералъ-лейтенанта Я. 8-го октября онъ прибылъ, а 24-го былъ произведенъ въ генералы и капитанъ-поручики гвардіи, т. е. занялъ въ гвардіи мѣсто Меншикова. На Я. же было возложено наблюденіе за приготовленіями къ коронаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ за обмундированіемъ къ ней кавалергардовъ, по примѣру 1724 г.

1-го ноября 1727 г. указомъ отъ В. Т. Совѣта ему поручалось расходовать изъ доходовъ приписной къ конюшенному двору Киненской мызы деньги, необходимыя на экипажи, конюховъ и дворню въ Москвѣ и вообще для приготовленія всего необходимаго къ прибытію императора въ Москву. 10-го ноября ему былъ пожалованъ въ Москвѣ на Знаменкѣ домъ, прежде принадлежавшій кн. Прозоровскому. Всѣ эти милости указывали на благорасположеніе молодого императора къ Я. Сообразно этому и въ придворныхъ сферахъ возрастало его вліяніе. Онъ сблизился съ фаворитомъ кн. И. Долгорукимъ, и даже поговаривали о его женитьбѣ на дочери Я.—Натальѣ. Но рядомъ съ такимъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ значеніе Я. на ходъ государственныхъ дѣлъ было ничтожно. Во внутреннія онъ почти не вмѣшивался, во внѣшнія, несмотря на близость къ дипломатическому корпусу, входилъ лишь по такимъ вопросамъ, какъ полученіе для императора ордена Золотого Руна и выписка испанскихъ муловъ и лошадей для царской конюшни.

Смерть Петра II и вопросъ о престолонаслѣдіи явились причиной новаго выступленія Я. въ качествѣ политическаго дѣятеля. Вначалѣ, въ ночь съ 18 на 19-е января 1730 г., онъ примкнулъ къ за-

мыслу верховниковъ и, говоря о выборѣ государя и необходимости ограничить самодержавіе, заявилъ: «долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ, теперь время, чтобы самодержавію не быть». Послѣ провозглашенія Анны императрицей Я. обратился къ Долгорукому съ просьбой прибавить какъ можно больше воли. Но послѣ уклончивыхъ отвѣтовъ Долгорукаго, послѣ неопредѣленнаго поведенія кн. Голицына, а главное недопущенія Я. въ палату, въ которой верховники вырабатывали пункты «чтобы самодержавію не быть», Я. убѣдился, что ему ничего добраго отъ верховниковъ не добиться и 20-го января утромъ послалъ въ Митаву къ вновь избранной императрицѣ гольштинскаго камеръ-юнкера П. С. Сумарокова, съ неподписаннымъ письмомъ и устнымъ наставленіемъ. Онъ увѣдомлялъ государыню, что идея ограниченія ея власти принадлежитъ небольшой и, въ сущности, не вліятельной кучкѣ людей; наставлялъ ее, какъ поступать съ посланцами отъ В. Т. Совѣта и убѣждалъ отложить рѣшительныя мѣры до прибытія въ Москву. Хотя Сумароковъ и былъ арестованъ, но случилось это послѣ того, какъ онъ побывалъ въ Митавѣ и передалъ Аннѣ Іоанновнѣ все, что ему поручилъ Я. 2-го февраля, въ совмѣстномъ собраніи В. Т. Совѣта, Синода и генералитета, среди засѣданія Я. былъ арестованъ и посаженъ въ Кремлевскій казематъ. У него были отобраны ордена, письма, ножницы, карандашъ. Бумаги его были разсмотрѣны верховниками и запечатаны. 2 и 3-го февраля съ Я. были сняты допросы. Арестъ, конечно, вызвалъ массу шуму и толковъ. Въ Москвѣ съ барабаннымъ боемъ было объявлено, что Я. арестованъ за письмо къ императрицѣ, содержаніе котораго противно благу отечества и истинному интересу Ея Величества.

Говорили, что Я. будетъ осужденъ черезъ нѣсколько дней, что приговоръ конфирмуется императрицей въ пути и будетъ приведенъ въ исполненіе до ея прибытія въ Москву. Конечно, подъ приговоромъ подразумѣвалась смертная казнь. Другіе утверждали, что верховники боятся Я. и предлагали ему свободу, но онъ отказался, требуя суда и возвращенія по нему добраго имени. По возстановленіи самодержавія Я. былъ освобожденъ изъ тюрьмы. Совершилось оно въ торжественной обстановкѣ. Когда же Я. явился во дворецъ, то въ дверяхъ дворцовой передней Я. встрѣтилъ фельдмаршалъ кн. В. В. Долгорукій и возвратилъ ему шпагу и знаки ордена св. Андрея. Но и это возвращеніе, какъ предыдущее въ 1727 г., для служебнаго положенія Я. и въ смыслѣ наградъ было почти безрезультатно. При коронаціи онъ получилъ (18-го апрѣля 1730 г.) домъ за рѣкою Яузою, а жена его была сдѣлана статсъ-дамою. При возстановленіи же вмѣсто «Высокаго» Правительствующаго Сената, манифестомъ 4-го марта, онъ былъ зачисленъ для присутствованія въ немъ, но не сохранилъ титула генералъ-прокурора, должность котораго, впрочемъ, не была никѣмъ замѣщена. При новомъ царствованіи Я. уже усваиваетъ правило держаться крѣпко за правящую партію. Выбирая между Остерманомъ и Бирономъ, онъ вѣрно угадалъ, что сила на сторонѣ послѣдняго, и не только съ нимъ сблизился, но даже попалъ въ его «закадычные друзья».

Сблизившись съ Бирономъ, Я. окончательно сталъ во враждебныя отношенія съ Остерманомъ и не мирился уже съ нимъ до самой смерти. Вражда его была до такой степени сильна, что во имя ея онъ даже измѣнилъ свои политическіе взгляды и отвратился отъ системы союза Россіи съ Австріей, которой держался Остерманъ. Изъ сторонника ея онъ превратился во врага и старался разлучить Петербургскій дворъ отъ Вѣнскаго. Когда имперскій посолъ графъ Вратиславъ искалъ содѣйствія Я. для сближенія своего двора съ русскимъ, то Я., заочно надъ нимъ издѣваясь, говорилъ: «они считаютъ насъ дураками: очень намъ нужно вмѣшиваться въ отдаленныя распри, тогда какъ мы можемъ у себя наслаждаться покоемъ». Я. вскорѣ наглядно убѣдился въ правильности своей тактики. Его вліяніе на ходъ внѣшнихъ дѣлъ, при которыхъ онъ не состоялъ ни въ какой должности, было настолько велико, что его ходатайства искалъ имперскій посолъ; его значеніе во внутреннемъ управленіи Россіи, въ качествѣ сенатора, было настолько велико, что многимъ напоминало время его генералъ-прокурорства. Конечно, Сенатъ временъ Анны былъ иной, чѣмъ петровскій, и его значеніе въ странѣ было

совсѣмъ не то, что при Петрѣ. Кромѣ неуловимаго, но важнаго для дѣлъ вліянія, Я. пріобрѣлъ и нѣчто реальное. 30-го августа 1730 г. послѣдовала высочайшая резолюція на прошеніе генерала Я. о пожалованіи ему въ потомственное владѣніе дворцоваго села Павловскаго съ деревнями въ Московскомъ уѣздѣ. При немъ числилось 1159 душъ крестьянъ. 2-го октября именнымъ указомъ было подтверждено то, что уже намѣтилось жизнью — ростъ значенія Я. во внутренней жизни страны,—были возобновлены должности генералъ-прокурора въ Сенатѣ, помощника его—оберъ-прокурора и прокуроровъ во всѣхъ коллегіяхъ и судебныхъ мѣстахъ. Генералъ - прокуроромъ назначался временно сенатскій членъ Я., а 21 того же октября имъ представлены къ утвержденію прокуроры въ главнѣйшія коллегіи. Помимо усиленія авторитета, это приносило ему значительную прибавку жалованья, сбавленнаго при устраненіи его отъ должности въ 1727 г. 20-го декабря по докладу Сената возобновленъ въ Москвѣ сибирскій приказъ въ завѣдываніи Я., съ подчиненіемъ этому приказу всѣхъ сибирскихъ городовъ и съ выдачей Я. жалованья по штату, и въ тотъ же день утвержденъ докладъ Я. о назначеніи имѣющихся въ разныхъ мѣстахъ въ сборѣ 195.044 р. для вновь учрежденнаго лейбъ-гвардіи коннаго полка на покупку лошадей, мундировъ и аммуниціи. 31-го декабря Я. былъ назначенъ подполковникомъ во вновь учрежденный изъ лейбъ-регимента лейбъ-гвардіи конный полкъ. 19-го января 1731 г. Я. съ потомствомъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Такъ щедро награждало его правительство за службу, но новое царствованіе было богато не только милостями, но и актами: «то мало продуманными, то безрезультатными, издававшимися, повидимому, безъ всякаго соображенія о томъ, насколько будетъ удобно самому новому правительству съ сильнымъ и многочисленнымъ Сенатомъ, а равно и съ дѣятельнымъ и энергичнымъ генералъ-прокуроромъ». И то и другое оказались очень не подходящими, пришлось ослаблять Сенатъ, удалять особенно вліятельныхъ членовъ его, а потомъ дошла очередь и до генералъ-прокурора. Въ эту эпоху очень сильно проявилась тенденція, свойственная всему XVIII в. въ Россіи. «Властолюбивые люди, пользуясь довѣренностью государскою, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать, старались усиливать личное могущество, упраздняя вліятельныя учрежденія и должности. Уже по одному этому мѣсто генералъ-прокурора, какъ идущее вразрѣзъ съ тенденціей вѣка, подлежало упраздненію; когда же его занимало такое видное лицо, какимъ былъ Я., тогда это было угрозой для другого, и такимъ другимъ являлся Остерманъ. Онъ ясно видѣлъ не скрываемую враждебность Я., но пока тотъ былъ «закадычнымъ другомъ» Бирона, его трогать было невозможно. Еще менѣе это удалось бы тогда, когда Я. сблизился и съ Левенвольде. Остерману пришлось вынести грубую брань Я., которой тотъ осыпалъ его въ день празднованія полученія имъ графскаго титула, и не менѣе обидно для самолюбиваго Остермана было узнать, что за пьяную выходку въ ея присутствіи императрица сдѣлала новоявленному графу лишь легкій выговоръ. Остерманъ терпѣливо выжидалъ времени, когда несдержанный и горячій соперникъ самъ подставитъ спину подъ его удары. Ждать пришлось не долго. Между закадычными друзьями началось охлажденіе. Я. сталъ сближаться съ врагомъ всѣхъ нѣмцевъ вообще, кн. В. В. Долгорукимъ. Онъ снова, какъ до своего удаленія въ Польшу въ 1727 г., чувствовалъ, что вокругъ него не благополучно. Въ дѣйствительности такъ и было. Остерманъ, сумѣвшій расположить къ себѣ императрицу, уже фактически сорганизовалъ тотъ Кабинетъ, который долженъ былъ надолго упразднить и самого генералъ-прокурора и его должность. Еще въ мартѣ 1730 года въ Петербургѣ носились темные слухи о формированіи какого-то Кабинета министровъ, въ маѣ эти слухи какъ бы подтверждались, но говорили, что Кабинетъ замѣнитъ отчасти Сенатъ: въ новое учрежденіе будутъ представляться всѣ секретныя дѣла. Говорили и о томъ, что изобрѣтателемъ новаго учрежденія является Остерманъ, который и немедленно организовалъ бы Кабинетъ, но, не желая вводить въ него Я., ждетъ, пока можно будетъ отправить ненавистнаго генералъ-прокурора посломъ въ Польшу. Такіе слухи очень волновали Я., выводили его изъ себя и заставляли тратить всю свою энергію и ловкость не на правительствен-

ную дѣятельность, а на борьбу за положеніе у власти, на придворные происки и интриги. Этимъ отчасти даже объясняется ничтожное значеніе генералъ-прокуратуры Я. въ царствованіе Анны.

Кабинетъ былъ дѣтище Остермана—въ немъ не могло быть мѣста для Я., хотя самъ онъ былъ такого мнѣнія, что «никто больше него не имѣлъ права засѣдать въ новомъ учрежденіи». Когда же 18 октября появился первый указъ объ учрежденіи Кабинета и въ числѣ министровъ не былъ упомянутъ Я., его огорченію не было предѣловъ. Самое установленіе Кабинета онъ понялъ, какъ мѣру обузданія генералъ-прокурора, а устраненіе его, Я., отъ министерства—принялъ за личное оскорбленіе и отозвался на нихъ такъ же, какъ въ 1727 г. на учрежденіе В. Т. Совѣта. Повторились старыя сцены: неприличныя выходки, ссора, брань. Вновь подвергся бурнымъ сценамъ Головкинъ. Я. всюду, гдѣ могъ, ругательски ругалъ нѣмцевъ и, наконецъ, не только побранился и поссорился съ Бирономъ, но и обнажилъ противъ него шпагу. Биронъ еще менѣе, чѣмъ Меншиковъ, склоненъ былъ переносить дикія выходки Я. Всѣ считали его погибшимъ человѣкомъ и предполагали ссылку въ Сибирь самымъ снисходительнымъ наказаніемъ, котораго онъ можетъ ожидать. Но императрица, повидимому, для этого случая берегла ту милость, которую въ недостаточной степени проявила въ отношеніи Я., благодаря его за услуги при вступленіи ея на престолъ. Вмѣсто ссылки въ Сибирь она послала Я. посломъ въ Берлинъ. Указомъ 18-го ноября этому назначенію придавался даже характеръ важнаго дипломатическаго порученія. Въ инструкціи говорилось, что назначеніе Я. послѣдовало именно потому, что императрица рѣшила «имѣть при дворѣ королевскаго величества Прусскаго ради лучшаго предостереженія высокихъ своихъ интересовъ знатную персону». На подъемъ Я. было выдано 20.000 р. Однако въ 1732 г. его лишили должности оберъ-шталмейстера.

Въ дальнѣйшемъ пребываніе Я. въ Берлинѣ носило характеръ скорѣе почетной ссылки, чѣмъ дѣлового порученія. Всѣ значительные и важные переговоры шли не черезъ него; на немъ лежало только представительство и донесенія о текущихъ дѣлахъ двора, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Подобнаго рода содержанія полны и всѣ депеши его за это время: онъ сообщаетъ о пребываніи въ Берлинѣ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, о бракахъ принцевъ и принцессъ, о придворныхъ происшествіяхъ и т. п. Одновременно съ нимъ въ Берлинѣ пребывалъ знаменитый маркизъ Шетарди и въ донесеніяхъ Я. не разъ встрѣчается его имя въ связи съ разными событіями прусскаго двора. Въ эту же эпоху жизни Я. онъ сближается съ Бестужевыми, за одного изъ которыхъ впослѣдствіи вышла замужъ его вдова. Примирившись въ письмахъ съ Бирономъ, онъ даже неоднократно и настойчиво хлопочетъ за Бестужевыхъ, выпрашивая имъ повышеніе по службѣ и награды.

Скучая по Россіи и возвращаясь къ ней мысленно, Я. занимался въ это время выясненіемъ значенія для Россіи восточнаго вопроса и указывалъ правительству на вредъ Прутскаго трактата 1711 г. и на необходимость его измѣненія. Въ 1734 году Я. начинаетъ усиленно хлопотать о возвращеніи въ Россію, опять главнымъ образомъ опираясь на расположеніе Бирона. 19-го ноября 1734 г. онъ, наконецъ, получилъ разрѣшеніе вернуться, а 17-го декабря ему было вручено, за собственноручною подписью императрицы, предписаніе отбыть въ Россію, даже не ожидая своего замѣстителя на дипломатическомъ посту. 1-го февраля 1735 года Я. прибылъ въ Данцигъ, а въ мартѣ былъ уже въ Петербургѣ. Такая поспѣшность въ его возвращеніи была вызвана необходимостью для Бирона имѣть въ числѣ Кабинетъ-министровъ хотя бы одного такого, который могъ бы противодѣйствовать всесильному «оракулу» Остерману. Прежняя дѣятельность Я. давала право Бирону разсчитывать, что въ его лицѣ канцлеръ найдетъ достойнаго соперника, а то обстоятельство, что Я. своимъ возвращеніемъ и повышеніемъ былъ обязанъ исключительно Бирону, до нѣкоторой степени было для него гарантіей преданности Я. 28-го апрѣля 1735 г. послѣдовалъ именной указъ о назначеніи гр. Я. въ Кабинетъ-министры съ жалованьемъ въ 6.000 р. (указъ 23 окт. 1735 г.). Одновременно ему возратили должность оберъ-шталмейстера: началась новая, послѣдняя эра благополучія Я. Биронъ былъ въ восторгѣ отъ новаго министра и

вѣрилъ ему во всемъ. Кабинеты иноземныхъ государей предписывали своимъ министрамъ при нашемъ дворѣ искать милостей Я. Дружбой съ нимъ гордились послы, а князь Радзивиллъ искалъ руки дочери Я. Конечно, былъ человѣкъ, который отъ всего этого находился «въ неизрѣченномъ прискорбіи»,—это былъ Остерманъ. Онъ видѣлъ торжество врага, котораго было устранилъ, но отъ котораго не ждалъ милосердія. Да и Я. открыто заявлялъ, что «не можетъ ни забыть, ни простить оскорбленій, нанесенныхъ ему вице-канцлеромъ». Я. ставилъ дѣло такъ, что или сломитъ Остермана, или самъ пропадетъ. Онъ уже забиралъ въ руки свою былую власть. Его приговоровъ и рѣшеній особенно боялись высшіе чиновники государства, потому что они, при безукоризненной справедливости, всегда были очень строги и быстро приводились въ исполненіе.

Современники съ вниманіемъ и интересомъ слѣдили за ростомъ могущества Я. и ждали, когда начнется между нимъ и Остерманомъ схватка за власть. Смерть Я. положила конецъ этой борьбѣ. Здоровье Я. было уже давно расшатано не столько той напряженной жизнью и непомѣрной работой, которую онъ несъ безъ отдыха много лѣтъ, сколько кутежами и всякими излишествами. При его 52 годахъ и подагрѣ ему слѣдовало бы вести болѣе скромный образъ жизни. Но Я. не унимался. Попрежнему посѣщалъ балы и пирушки, гдѣ пилъ, не отставая отъ другихъ. Въ январѣ 1736 г. Я. заболѣлъ лихорадкой, которая осложнилась приступами подагры. Къ марту болѣзнь приняла угрожающій характеръ и 6-го апрѣля Я. не стало.

Семейная жизнь Я. сложилась вначалѣ очень неблагопріятно. Въ первомъ бракѣ съ Анной Ѳедоровной Хитрово онъ былъ несчастливъ. Жена его оказалась особой очень неуравновѣшеннаго характера, а позднѣе проявляла такіе припадки умоизступленія, которые даютъ поводъ подозрѣвать у нея душевную болѣзнь. Во время частыхъ отлучекъ мужа она стала страдать «меленколіей», которая выражалась не только въ тоскѣ, но и въ буйствахъ. При отъѣздѣ Я. въ 1720 г. къ цесарскому двору они приняли такой характеръ, что домашніе рѣшили необходимымъ довести до свѣдѣнія хозяина. Вернувшись изъ посольства и заставъ свою жену въ крайне непотребномъ видѣ, Я., имѣя въ виду свою прошлую десятилѣтнюю брачную жизнь и трехъ дѣтей, рѣшилъ не разлучаться съ женой, но нести крестъ, посланный судьбой, надѣясь, быть можетъ, что въ его присутствіи беззаконные поступки жены прекратятся. Но, вопреки его ожиданіямъ, буйства жены возобновились. Слухи о поступкахъ ея достигли до императора и императрицы, и, какъ говорятъ, по настоянію Петра, Я. согласился начать бракоразводное дѣло съ женой. 22 сентября 1722 года онъ подалъ въ Синодъ прошеніе, въ которомъ указывалъ на многія «закону христіанскому противные поступки и иныя мерзости» своей жены, на невозможность жизни съ нею и необходимость разлученія «дабы мнѣ болѣе въ такомъ бѣдственномъ и противномъ житіи не продолжиться, наипаче же бы бѣдныя мои малыя дѣти отъ такой непотребной матери вовсе не пропали». При прошеніи были приложены показанія свидѣтелей поведенія Ягушинской. Въ нихъ говорилось, что она «чинила такія мерзости и скаредства, какія не точію словомъ произносить, но и писать зѣло гнусно и мерзко, яко зѣло непотребныя и приклада неимѣющія». Оказалось, что Я. убѣгала изъ дому и ночевала Богъ знаетъ гдѣ, разъ, между прочимъ, въ избѣ своего же садовника, вела знакомство со многими дамами непотребными и подозрительными, бродила внѣ дома раздѣтая, скакала «сорокой», ворвалась въ церковь, оскорбляла священнослужителя и метала на полъ св. предметы. Синодъ, не постановляя приговора, послалъ къ Я. для увѣщанія духовника ея. Я. призналась во многихъ возводимыхъ на нее обвиненіяхъ, но заявила, что «оныя де непотребства чинила она въ безпамятствѣ своемъ въ меланхоліи, которая де случилась въ Петербургѣ въ 1721 г., и въ скорби да печали отъ разлученія съ сожителемъ и дѣтьми своими, отъ скуки и одиночества». Я. было запрещено выѣзжать изъ дому безъ вѣдома мужа, она подверглась допросу и увѣщанію духовника, но поведенія своего не измѣнила. Она отлучалась въ гости къ магистратскому канцеляристу Волкову, ворвалась къ служителю Я., совершала у него въ избѣ «безъ зазрѣнія мерзости», безчинствовала и буянила. Слѣдствіе подтвердило всѣ эти факты. Кромѣ того, Я. заявила слѣдователямъ, что за

нею есть «слово и дѣло» государево. Ее взяли въ Преображенское во дворецъ. Это случилось въ отсутствіе мужа изъ столицы. Возвратившись и узнавъ объ арестѣ жены, онъ навелъ о ней справки и получилъ въ отвѣтъ, что никакого «слова и дѣла» за ней не обнаружено, но что и во дворцѣ она совершаетъ поступки «паче скотскаго»: ѣздила въ избѣ на людяхъ и иныя мерзости чинила. Я. взялъ жену домой, «далъ ей волю во всякомъ довольствѣ жить и ѣздить, гулять по ея собственной волѣ, но она не токмо чтобы въ домѣ чинно жить, одну нощь токмо въ домѣ ночевала». Въ виду такого поведенія жены Я. вновь просилъ Синодъ «разрѣшить» ее отъ него. Синодъ 21 августа 1723 г. призналъ вины Я. доказанными и дающими право мужу развестись съ женой. Кромѣ того, о совершенныхъ ею поступкахъ повели особое дѣло. Я-ая сначала была послана въ монастырь въ Александровой слободѣ, при чемъ содержалась все время на средства мужа, а 23 сентября, по указу императрицы, послана въ Ѳедоровскій монастырь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, при чемъ вновь содержаніе ея отнесено на счетъ мужа. Этотъ «крѣпкожительный монастырь назначался для заключенія Я. какъ усиленіе наказанія за вины ея, въ числѣ которыхъ, кромѣ провинностей противъ мужа, указано еще: учиненіе церковнаго мятежа, нанесеніе церковнику оскорбленія и метаніе креста съ мощами и иконы».

24-го сентября Я-скій обратился въ Синодъ съ просьбой разрѣшить ему вступить въ новый бракъ и согласіе на эту просьбу получилъ. 25-го мая 1724 г. въ Синодѣ опять слушалось прошеніе Я. Его бывшая жена, заключенная въ монастырь, жаловалась на мужа и выдавала себя за невинно пострадавшую, и во всякомъ случаѣ не прелюбодѣйную жену. Для опроверженія ея словъ Я-скій представилъ нѣсколько писемъ, обличающихъ связь ея жены съ какимъ-то человѣкомъ. Этотъ неизвѣстный оказался Іоганномъ Гергардтомъ Левенвольде. Получивъ ихъ, Синодъ постановилъ послать особаго чиновника въ Переяславль Залѣсскій съ письмами, и приказалъ, «собравъ всѣхъ того монастыря монахинь и служителей монастырскихъ и церковныхъ на соборъ», сказать Я-ой, что она напрасно порицаетъ произнесенный надъ нею судъ, что сослана она въ монастырь «на неисходное до смерти житіе» не безвинно и не за одну болѣзнь, а за ея прелюбодѣяніе. «А такъ какъ теперь она рѣшеніемъ св. Синода явилась недовольна, то и опредѣленно собственноручное ея письмо къ Левенвольде и его къ ней, содержащія блудническія рѣчи, прочесть при ней на всемъ соборѣ вслухъ, дабы и она знала, что тотъ ея порокъ всѣмъ вѣдомъ и монастырь бы оный весь вѣдалъ, что она—порочная жена и не безъ вины, а правильно отъ мужа отлучена». Я. послѣ этого дважды убѣгала изъ монастыря, но оба раза была поймана. За это 7-го апрѣля 1725 г. ее перевели въ обрѣтающійся въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, близъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, дѣвичь монастырь, зовомый «въ горахъ», «что на Шекснѣ рѣкѣ». Дальнѣйшая участь Ягушинской неизвѣстна. Сынъ Я-аго отъ этого брака, мальчикъ лѣтъ 8—9, былъ посланъ отцомъ въ 1723 г. въ Германію, гдѣ долженъ былъ жить и воспитываться въ семьѣ пріятеля Я.—Бассевича. Онъ умеръ въ Германіи 9-го августа 1724 г. Дочери же жили при отцѣ и, достигнувъ совершеннолѣтія, вышли замужъ: Наталія за гр. Ѳ. И. Головина, Екатерина за В. А. Лопухина и Прасковья за кн. С. В. Гагарина.

Въ октябрѣ 1723 г. Я. сталъ готовиться ко вступленію во второй бракъ. 3-го былъ совершенъ сговоръ съ дочерью великаго канцлера гр. Г. И. Головина, Анной Гавриловной. Въ дѣлѣ принимали участіе и императоръ, и императрица; 10-го ноября съ огромной пышностью была совершена свадьба. Невѣста была бы миловидна, если бы лицо ея не было испорчено оспой. Этотъ недостатокъ очень искупался живостью, граціозностью, стройностью стана, а еще больше ея душевными качествами. Она была весела, образована, хорошо говорила по-французски и по-нѣмецки, танцовала, словомъ, очень подходила по характеру къ самому Я. и дѣйствительно дала ему то счастье, котораго онъ не имѣлъ при первой женѣ. Анна Гавриловна стала не только постоянной спутницей Я. какъ въ жизни, такъ и въ путешествіяхъ, но и помощницей въ дѣлахъ. Особенно много услугъ оказала она ему въ ту пору, когда измѣнились условія государственной жизни Россіи. Петръ требовалъ отъ своихъ слугъ дѣла и способностей, и Я. отдавался весь на служеніе родинѣ; когда же при

новыхъ господахъ положенія потребовались придворныя интриги, происки, связи, исканія, то этой роли Я. исполнять не могъ и представлялъ бы совсѣмъ жалкое зрѣлище, если бы ему не помогала жена. Она явилась и участницей въ дѣлѣ уничтоженія замысловъ верховниковъ, служа посредницей въ сношеніяхъ мужа съ Анной Іоанновной. Отъ брака съ ней у Я. были три дочери: Анастасія, Марія, вышедшая впослѣдствіи за гр. А. М. Ефимовскаго, и Анна за гр. П. Ф. Апраксина и сынъ Сергѣй.

Въ 1743 г. вдова Я. вступила во второй бракъ съ М. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Его родные не хотѣли этого брака, такъ какъ знали про близость Анны Гавриловны къ семьѣ царя Іоанна, а еще болѣе про ея безпокойный нравъ и болтливость. Въ іюлѣ того же 1743 г. разразилось дѣло «о заговорѣ маркиза Ботты» или иначе «Лопухинское дѣло» и причастной къ нему оказалась гр. А. Г. Бестужева. 26-го іюля арестовали ее и дочь ея Анастасію Ягушинскую, со страху наболтавшую все, что хотѣли внушить ей слѣдователи. Отвѣты самой Бестужевой были сдержанны и уклончивы. Она вела себя, какъ ни въ чемъ не виновная, и слѣдователи при допросѣ, вопреки обыкновенію, говорили ей *вы*, а не *ты*. Но въ тотъ же день вечеромъ Бестужева была отослана подъ карауломъ въ крѣпость, а дочь ея подъ карауломъ же на домъ. Главная цѣль тѣхъ, кто затѣвалъ, Лопухинское дѣло, состояла именно въ томъ, чтобы «свалить» Бестужевыхъ, и поэтому приложены были всѣ старанія, чтобы запутать въ замыслы мнимыхъ заговорщиковъ, не только Анну Гавриловну, но и ея мужа, а если можно, то и его брата. 27-го іюля съ Бестужевой былъ снятъ второй допросъ о замыслахъ Ботты, но она твердо стояла на томъ, что отъ маркиза ничего не слыхала, а о замыслахъ Лопухиныхъ ничего не знаетъ. 17-го августа ее, въ виду явнаго запирательства, подняли на дыбу, «но не дополнили прежнихъ показаній новыми: палачи слышали только хрустъ суставовъ да истерическіе вопли истязуемыхъ». 19-го августа 1743 г. бывшую статсъ-даму императрицы приговорили къ урѣзанію языка и колесованію. Ее обвиняли въ томъ, что она, вмѣняя ни во что всѣ милости, оказанныя ей императрицей, по злобѣ на государыню за брата Михаила, отправленнаго въ ссылку, таила къ ней ненависть; что вмѣстѣ съ Лопухиной жалѣла принцессу, и съ Боттой и съ Лопухиными устраивала совѣщанія относительно того, какъ бы вернуть престолъ Брауншвейгской династіи, «мнимой перемѣны нетерпѣливо ожидала и радовалась и въ той надеждѣ Е. И В. высочайшую персону словами оскорбляла».

28-го августа приговоръ былъ конфирмованъ самой Елизаветой, но въ видоизмѣненномъ видѣ. «Анну Бестужеву, говорилось въ немъ, высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языкъ, послать въ ссылку». 31-го августа у зданія двѣнадцати коллегій приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Разсказываютъ, что и здѣсь Бестужева нашла способъ смягчить свою участь. Въ то время, какъ палачъ снималъ съ нея верхнее платье, она успѣла передать ему свой золотой усыпанный брильянтами крестъ. Зато удары кнута, наносимыя имъ Бестужевой, были гораздо легче, чѣмъ другимъ, и при урѣзаніи языка онъ отхватилъ небольшой его кончикъ. Затѣмъ ее сослали въ Якутскъ, куда она и прибыла послѣ тяжелаго путешествія и массы лишеній, въ началѣ января 1744 г. Тамъ и прожила она подъ крѣпкимъ карауломъ, полуголодная, въ разваливавшемся отъ ветхости и сырости домѣ, до 1760 г. Я. какъ въ теченіе всего дѣла, такъ и при наказаніи и въ ссылкѣ проявила необычайную стойкость, твердость и величіе души. Могилу ея отыскалъ въ 1828 г. А. А. Бестужевъ и посвятилъ памяти ея нѣсколько прочувствованныхъ строкъ.

Единственный сынъ Я. отъ его второго брака—Сергѣй род. 14 апрѣля 1731 г., началъ службу военнымъ въ 1740 г. и дослужился въ 1764 г. до генералъ-поручика. Это былъ бездарный, распутный и расточительный человѣкъ. Легкомысленно истративъ состояніе свое и своихъ женъ (онъ былъ въ бракѣ дважды), Я. впалъ въ крайнюю нужду и былъ взятъ въ опеку. Онъ умеръ 10 февраля 1806 года, не оставивъ послѣ себя мужского потомства. Съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Ягушинскихъ.

Я. принадлежалъ къ числу выдающихся сотрудниковъ Петра I. Онъ выдвинулся изъ массы служащихъ людей того времени не знатностью рода, не потомственной близостью ко двору, а лишь благодаря дарованіямъ и способностью къ труду. Всѣ,

знавшіе Я., свидѣтельствуютъ о его быстромъ умѣ, о его способности схватывать самую сущность дѣла, и поэтому онъ въ своихъ сужденіяхъ умѣлъ стоять выше даже такого собранія вельможъ, какъ Петровскій Сенатъ. Петръ Великій особенно цѣнилъ въ Я. другое свойство его ума—сразу охватывать все дѣло, которое подлежало его осмотру, не оставляя никакихъ пропусковъ. Онъ не разъ говаривалъ: «если что-нибудь осмотритъ Павелъ, то я знаю это такъ вѣрно, какъ будто бы я самъ видѣлъ».

Надо полагать, что самое назначеніе Я. генералъ-прокуроромъ, на должность болѣе всего наблюдательнаго характера, произошло оттого, что онъ обладалъ этой необычайной зоркостью. При всей яркости и точности, умъ Я. не былъ неподвиженъ. Скорѣе характеръ его былъ живой и быстрый. Онъ интересовался всѣмъ, что встрѣчалъ въ жизни, не любилъ сухихъ доктринерскихъ разсужденій, логическихъ доказательствъ, отвлеченностей. Письма Я. и разсужденія его полны образности, языкъ силенъ и красочень: видно, что онъ полонъ впечатлѣній отъ непосредственно воспринятой дѣйствительности и живетъ ими. Энергія Я. достойна того великаго государя, на службу котораго она отдавалась. Безъ перерывовъ и отдыха Я. несъ одну службу за другой, мѣняя поприще дипломата на генералъ-прокурорское, придворное, военное и снова дипломатическое и т. д. Трудоспособность его была такъ велика, что говорили, будто его дневную работу едва ли выполнить обыкновенному человѣку въ недѣлю. Петръ Великій, самъ обладавшій необыкновенной способностью выполнять столько дѣлъ въ день, что диву даешься, очень цѣнилъ Я. за это его свойство, которое ему приходилось обнаруживать еще въ качествѣ денщика при царѣ. Кромѣ указанныхъ крупныхъ достоинствъ, дающихъ уже Я. право занимать видное положеніе среди современниковъ, онъ обладалъ еще и такими, которые были совсѣмъ рѣдки въ окружающей его средѣ: онъ былъ очень честенъ и прямодушенъ. Честность ставила его въ неуязвимое со стороны враговъ положеніе, тѣмъ болѣе, что проявлялась она не только въ его дѣловыхъ отношеніяхъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выражать свое мнѣніе передъ государемъ, какъ частному лицу. Благодаря ей, онъ смѣло въ глаза высказывалъ и Петру I, и его вельможамъ свои мысли, порой въ формѣ очень рискованной. Разсказываютъ, что государь, заслушавъ въ Сенатѣ рядъ дѣлъ о непрекращающемся казнокрадствѣ, въ гнѣвѣ приказалъ Я.: «сей часъ написать отъ моего имени указъ во все государство такого содержанія, что если кто и на столько украдетъ, что можно купить веревку, тотъ, безъ дальнѣйшаго слѣдствія, повѣшенъ будетъ». Я. попробовалъ возразить; когда же Петръ снова приказалъ писать, то Я., помедливъ, съ улыбкою сказалъ: «Всемилостивѣйшій Государь! неужели ты хочешь остаться императоромъ одинъ безъ служителей и подданныхъ? Всѣ мы воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ болѣе и примѣтнѣе, нежели другой». Подобное признаніе могло имѣть силу только въ устахъ человѣка, къ которому Петръ чувствовалъ полное довѣріе и въ честности котораго ничуть не колебался. Очевидно, что разсказъ этотъ переданъ исторіи современникомъ именно съ тою цѣлью, чтобы показать, что даже прославленный своею честностью Я. считалъ это зло—воровства—общераспространеннымъ, но со свойственной прямотой сказалъ это въ лицо царю. Съ такой же честностью поступалъ Я. и относительно лицъ, искавшихъ его покровительства. Если онъ могъ быть полезнымъ и желалъ этого, онъ обѣщалъ свою помощь и даже самъ указывалъ мотивы, почему соглашался на это. И разъ пообѣщавъ, уже ни за что не отступался. Но если не хотѣлъ пособить, то напрямки отказывалъ. Сообразно этому онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, не оставлявшимъ пріятелей и тогда, когда ихъ постигала бѣда, хотя бы это участіе угрожало непріятностями и самому Я. Такъ, напримѣръ, поступилъ онъ въ отношеніи семейства Монсъ. Сблизившись съ нимъ во время фавора, онъ не покинулъ его и тогда, когда Петръ охладѣлъ къ своей любимицѣ. Дружбы его, впрочемъ, добиться было не легко и удостаивались ея только такія лица, которыхъ Я. считалъ дѣйствительно хорошими. Поэтому ему не приходилось кривить душой и во имя дружбы. Всегда и всюду онъ свободно безъ лести выражалъ свои мысли, и если съ его точки зрѣнія первый сановникъ Имперіи поступалъ несправедливо, то онъ выражалъ

ему порицаніе съ такой же прямотой и откровенностью, какъ и мелкому чиновнику. Таковы были крупныя качества Я., равнявшія его въ нѣкоторомъ отношеніи съ лучшими вельможами Петра. По талантливости онъ уступалъ развѣ только Меншикову, превосходя его честностью. Но кромѣ этихъ качествъ, Я. обладалъ еще нѣкоторыми другими, особенно цѣнными въ общежитіи. Я. былъ отличный разсказчикъ, балагуръ несравненный, занимательнѣйшій собесѣдникъ, неутомимый плясунъ, изобрѣтательный дирижеръ танцевъ, веселый собутыльникъ, способный проводить за пирушкой всю ночь напролетъ. И эти свойства цѣнилъ въ Я. Петръ, хотя для самого обладателя ихъ они сослужили плохую службу. Втянувшись въ ту разгульную жизнь, которая подточила силы необычно здороваго Петра, Я. еще менѣе, чѣмъ государь, могъ сберечь свое здоровье и тѣлесное, и душевное. Имъ овладѣлъ порокъ пьянства; въ пьяномъ видѣ онъ бывалъ и безпокоенъ, и болтливъ, и навязчивъ. Вспыльчивый даже въ обыкновенное время, подгулявъ, онъ способенъ былъ на безобразную сцену; откровенный и прямой трезвымъ, подвыпивъ, онъ дѣлался грубымъ и дерзкимъ; всегда разговорчивый подъ вліяніемъ хмѣля, онъ дѣлался не въ мѣру болтливымъ и выдавалъ подчасъ даже государственныя тайны. Въ дѣятельности Я. очень отличны двѣ эпохи: время его службы при Петрѣ и послѣ его смерти. Въ первой Я. показалъ себя рѣдкимъ слугой, во второй — это не всегда ловкій и постоянно интригующій дѣлецъ, думающій не столько о своемъ трудѣ, сколько о сохраненіи вліянія и мѣстъ. Причины этой разницы очень сложны и подробно объяснить ихъ въ краткой статьѣ невозможно. Вѣроятнѣе всего, что Я. могъ всецѣло отдаваться своей дѣятельности лишь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя его ставилъ Петръ. При немъ Я. чувствовалъ себя не только неуязвимымъ въ смыслѣ оговора или клеветы, но и въ случаѣ дѣйствительной вины могъ разсчитывать на оправданіе. Личное расположеніе къ нему государя онъ видѣлъ не только при частныхъ сношеніяхъ съ нимъ, но и въ публичныхъ актахъ. Въ 1722 г. при полномъ присутствіи Сената, представляя ему вновь назначеннаго Я., Петръ сказалъ: «вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть: онъ знаетъ мои намѣренія и желанія, что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте, и хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія». Такимъ образомъ во всемъ и всегда Я. чувствовалъ за собою твердую руку Петра и могъ, среди океана хищеній и борьбы частныхъ выгодъ, оберегать правду и пользу государственную. Послѣ смерти Петра онъ попробовалъ продолжать свое дѣло, но сразу же натолкнулся на интересы Меншикова. Опоры въ этой борьбѣ онъ не сумѣлъ или не смогъ сразу найти: Петра не было. Онъ обратился съ жалобой къ царю, лежавшему во гробѣ, и разыгралась сцена въ Петропавловскомъ соборѣ, за которую Я. едва не поплатился головой. Я., правда, могъ бы уйти навсегда отъ государственной дѣятельности, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ, перейти на службу другого государства, о чемъ онъ, по словамъ враговъ, и говорилъ подъ хмѣлемъ, но все это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, и, разъ рѣшивъ бороться за власть, Я. долженъ былъ употреблять тѣ же средства, что и его враги и спуститься на степень придворнаго дѣльца и интригана. Но при этомъ временами онъ проявлялъ тѣ таланты, которые такъ ярко сверкнули въ царствованіе Петра.

Соловьевъ, «Исторія Россіи». — *Ивановъ, П.*, «Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи («Журналъ Минист. Юстиціи», т. 18, 1863 г.).—*Гоздаво-Голомбіевскій А. А.*, «Сборникъ біографій кавалергардовъ»», СПБ., 1902.—«Исторія Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911)», т. I, СПБ., 1911 г.».—*Гельбигъ*, «Случайные люди въ Россіи» («Русскій Архивъ», 1865 г.).—«Записка графа Бассевича» («Русскій Архивъ», 1865).—*Барановъ*, «Опись Сенат. архива».—Письма Леди Рондо, изд. 1874 г.—*Бантышъ-Каменскій*, «Дѣянія полководцевъ и министровъ Петра Великаго».—*М. Семевскій*, «Царица Прасковья».—*Петровскій С.*, «Сенатъ въ царствованіе Петра».—«Сборники Императорскаго Русск. Истор. Общества», т.т. III, V, LXXVI и passim по указателямъ.—*Корсаковъ*, «Воцареніе Анны Іоанновны».—*Барсовъ, Н.*, «Анна Θедоровна Ягужинская («Русская Старина», 1877 г., т. 18).—*Семевскій, М.* «Наталья Θедоровна Лопухина» («Русская Старина», 1874 г., т. II).—*Фонъ-Гецъ*, «Герцогъ Карлъ Леопольдъ» («Русская Старина», 1875 г., т. 12).—«Записка П. И. Ягужинскаго о состояніи Россіи» («Чтеніе М. Общ. Исторіи и Др. Россіи», 1860, IV.—«Матеріалы для Исторіи Русскаго флота», т.т. I, II, IV.—*Павловъ-Сильванскій, Н.*, «Очерки

по русской исторіи XVIII—XIX в.», Спб., 1910 г.—*Бартеневъ*, «Осьмнадцатый вѣкъ».— Записки дюка де-Лиріа.—Записки Манштейна.—Записки Бергхольца и пр. — «Русскіе портреты XVIII и XIX ст. (Изд. вел. кн. Николая Михаиловича).

В. Фурсенко.

Ядринцева, *Аделаида Өедоровна*, писательница и филантропка, дочь енисейскаго золотопромышленника Баркова. Я. родилась въ Нижнемъ Новгородѣ и первоначальное образованіе получила въ мѣстной женской гимназіи. По окончаніи гимназіи Я. отправилась въ Петербургъ и поступила на педагогическіе курсы, а также слушала лекціи на дому профессора Лесгафта. При общемъ блестящемъ образованіи она основательно изучила четыре новыхъ языка. Еще во время пребыванія на педагогическихъ курсахъ Я. была спеціальнымъ корреспондентомъ издававшейся въ Казани газеты «Волжско-Камское Слово». Черезъ редакцію «Волжско-Камскаго Слова» она познакомилась съ извѣстнымъ писателемъ о Сибири Н. М. Ядринцевымъ, который также участвовалъ въ этой газетѣ, и, по возвращеніи его въ Петербургъ, вышла за него замужъ (около 1872 года). Съ этого времени Я. участвовала во всѣхъ экспедиціяхъ своего мужа, а также отдавала не мало трудовъ издававшемуся Н. М. Ядринцевымъ журналу «Восточное Обозрѣніе» (выходившему то въ Петербургѣ, то въ Иркутскѣ). Въ этомъ журналѣ она вела отдѣлы хроники, а также помѣщала статьи, главнымъ образомъ, по вопросу о народномъ образованіи въ Сибири. Иногда въ отсутствіе мужа Я. замѣняла его, какъ редактора «Восточнаго Обозрѣнія», иногда одна, иногда вмѣстѣ съ К. П. Михайловымъ. Кромѣ работъ въ «Восточномъ Обозрѣніи», Я. помѣщала переводныя статьи въ «Сибирскомъ Сборникѣ» (напр., «Причины вымиранія народовъ»). Помимо своей литературной дѣятельности, Я. отдавала много заботъ благотворительной дѣятельности, направленной, главнымъ образомъ, на помощь учащимся въ Петербургѣ сибирякамъ. Она принимала дѣятельное участіе въ учрежденіи и ограниzаціи «Общества содѣйствія учащимся сибирякамъ въ Петербургѣ» и со дня открытія была дѣятельнымъ членомъ распорядительнаго комитета общества; она была всегда главной иниціаторшей и устроительницей благотворительныхъ сибирскихъ вечеровъ. Отличаясь замѣчательною добротою и чуткостью, Я. всегда выказывала готовность помочь въ той или другой формѣ всѣмъ, кто къ ней обращался за какою-либо нуждою, и никогда не жалѣла ни трудовъ, ни здоровья, ни средствъ, если этого требовала помощь кому бы то ни было; ея свѣтлыя качества снискали ей широкую популярность и общую любовь, а сибирская молодежь называла ее «наша мать». «Это была»—писалъ по случаю ея смерти В. Семевскій—«одна изъ самыхъ свѣтлыхъ, самыхъ благородныхъ, самыхъ гуманныхъ женщинъ, золотое, великое сердце которой билось только для блага ближняго. Интересы общественные и литературные всегда были для нея выше личныхъ интересовъ; она готова была на всякую жертву ради того, что она считала важнымъ и необходимымъ, ради преуспѣянія печати... ради интересовъ сибирской молодежи, на пользу которой она трудилась до послѣдней болѣзни, унесшей ее въ могилу». Умерла Я. 17 іюня 1888 г. въ селѣ Большомъ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губ.

А. Ф. Ядринцева, некрологъ въ «Сибирской Газетѣ», 1888 г., № 56, стр. 8—9.—*В. Семевскій*, «Аделаида Өедоровна Ядринцева» («Русская Старина», 1888 г., книга 9-я, стр. 695—696).—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VIII-й (1900 г.).

В. Грековъ.

Ядринцевъ, *Евдокимъ*, купецъ, депутатъ отъ города Чебоксаръ въ коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія 1767 г. Въ коммиссіи этой онъ поддерживалъ мнѣніе тѣхъ депутатовъ, которые говорили, что благородными называются всѣ тѣ, которые рождены отъ предковъ того имени или вновь монархами симъ нарицаніемъ пожалованы, что лишиться благородства можно только черезъ поступки, которые противорѣчатъ понятію о благородствѣ (измѣна, разбой, воровство, клятвопреступленіе). Относительно правъ благородныхъ онъ раздѣлялъ мнѣніе депутатовъ, допускавшихъ постройку мельницъ, фабрикъ и заводовъ на земляхъ, принадлежащихъ благороднымъ, и валовую продажу произведеній собственныхъ деревень, кромѣ продажи продуктовъ, запрещенныхъ законами. Въ вопросѣ, касающемся суда по дѣламъ чести и жизни, Я. высказывался за предоставленіе благороднымъ права, кромѣ положеннаго по

закону судьи, назначать по своему выбору одного судью и одного стряпчаго или ходатая для защиты своего дѣла въ предписанное законами время.

«Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ.», т. 32, стр. 190, 204, 252, 255, 268, 274, 277.

Н. Артамонова.

Ядринцевъ, *Николай Михайловичъ*, извѣстный изслѣдователь Сибири, родился въ Омскѣ въ 1842 г. Первоначальное образованіе Я. получилъ въ пансіонѣ Позоровскаго, учителя французскаго языка въ Томской гимназіи. Пребываніе въ этомъ пансіонѣ принесло громадную пользу Я.: здѣсь онъ получилъ основательное знакомство съ французскимъ языкомъ, который имѣлъ большое значеніе для его будущихъ работъ. Изъ пансіона Позоровскаго Я. поступилъ во 2-й классъ Томской губернской гимназіи, но полнаго курса въ ней не окончилъ и, вышедши изъ 6-го класса, поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ слушать въ университетѣ, въ качествѣ вольнослушателя, лекціи по юридическому факультету. Пробывъ вольнослушателемъ три года, Я., вслѣдствіе закрытія университета, вынужденъ былъ вернуться въ Сибирь. Здѣсь вскорѣ онъ попался въ извѣстную въ свое время исторію о сибирскомъ сепаратизмѣ, былъ арестованъ и отправленъ въ Омскъ, проведя въ заключеніи около 2-хъ лѣтъ.

Будучи истымъ сибирякомъ по своему рожденію и воспитанію, Я. посвятилъ себя всецѣло нуждамъ и интересамъ Сибири, избравъ еще въ молодости своей цѣлью широкое изслѣдованіе вопросовъ сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта. Ему принадлежатъ весьма цѣнные труды по бытовому изученію Сибири, а также по обстоятельной разработкѣ вопросовъ сибирской общественной жизни и народнаго хозяйства. Я. былъ одновременно и горячимъ патріотомъ Сибири, и ея историкомъ, этнографомъ, экономистомъ, виднымъ дѣятелемъ по народному хозяйству и образованію, ея публицистомъ и литературнымъ работникомъ. Въ то время Сибирь находилась въ положеніи забытой и пренебрегаемой окраины. Я. публично выступилъ въ качествѣ лектора въ Омскѣ съ вопросомъ о необходимости для Сибири университета. Его горячая, убѣдительная рѣчь и готовность перейти отъ слова къ дѣлу произвели большое впечатлѣніе и тогда же вызвали рядъ пожертвованій, дошедшихъ впослѣдствіи до значительной суммы, которая дала возможность возникнуть Томскому университету. Эта публичная лекція была напечатана въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г. Одновременно Я. работалъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», издававшемся тогда Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ, а также въ «Дѣлѣ», гдѣ были напечатаны слѣдующія его статьи: «Письма о сибирской жизни», подъ псевдонимомъ Семилужанскаго, «Секретная», «Община въ русскомъ острогѣ» и др., и въ «Женскомъ Вѣстникѣ» (статья «Женщина въ Сибири въ XVII и XVIII ст.»). Изъ Омска Я. былъ отправленъ въ ссылку въ г. Шенкурскъ, Архангельской губерніи. Однако высылка не помѣшала ему работать надъ изученіемъ Сибири и писать въ различныхъ журналахъ. Въ 1872 г. появилось въ печати цѣнное изслѣдованіе Я. подъ заглавіемъ: «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Авторъ выступилъ въ рядахъ противниковъ ссылки и доказывалъ ея вредное вліяніе на гражданскую жизнь Сибири. Этотъ трудъ, изложенный талантливо и съ знаніемъ дѣла, принесъ несомнѣнную пользу особой коммиссіи, занимавшейся въ то время вопросомъ о преобразованіи тюремъ и ссылки, и, конечно, послужилъ однимъ изъ основаній тѣхъ реформъ, которыя коснулись тюремнаго дѣла еще въ царствованіе Александра II. Съ особенной тщательностью разрабатывалъ также Я. вопросъ о сибирской административной реформѣ, о мѣстной золотопромышленности, желѣзной дорогѣ, нуждахъ рабочаго населенія, объ инородцахъ, колонизаціи, переселеніи и другіе. Получивъ въ 1874 г. амнистію, Я. переѣхалъ жить въ Петербургъ. Здѣсь подъ руководствомъ Соллогуба, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ тюремнаго управленія, Я. занялся тюремнымъ дѣломъ и особенно о сибирской тюремной ссылкѣ. Къ этому же времени относится его сотрудничество въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Записках» и другихъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно по вопросамъ, связаннымъ съ нуждами Сибири. Въ 1876 г. Я. былъ приглашенъ на службу генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Казнаковымъ, который, между прочимъ, интересовался вопросомъ о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще

подвинуть впередъ дѣло серьезнаго изученія Сибири. Эта служба, заключавшаяся главнымъ образомъ въ статистическихъ, экономическихъ и этнографическихъ разысканіяхъ, позволила ему собрать обширный и разнообразный матеріалъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ Омскѣ былъ основанъ западно-сибирскій отдѣлъ Географическаго общества и Я. принялъ въ немъ весьма дѣятельное участіе. Онъ составилъ здѣсь программу для изслѣдованія сельской общины въ Сибири (по которой собранъ былъ потомъ обширный матеріалъ) и программу для изученія сибирскихъ инородцевъ. Въ 1878 г. Я. предпринялъ, въ качествѣ офиціально командированнаго лица, путешествіе въ Алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ. Въ 1880 г. онъ предпринялъ новое путешествіе въ Алтай для изученія инородческаго быта, при чемъ изслѣдовалъ Телецкое озеро и проникъ до верховьевъ Катуни, собирая свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ. Въ 1881 г. Я. вновь поселился въ Петербургѣ и сталъ работать надъ книгой, которая составила главный его трудъ, гдѣ онъ собралъ важный матеріалъ по сибирской этнографіи и по различнымъ вопросамъ современной ему сибирской жизни, народной и общественной. Эта книга, представляющая собою одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы, вышла въ 1886 г. и выдержала два изданія; кромѣ того, она вышла и въ нѣмецкомъ переводѣ проф. Э. Ю. Петри. Въ 1882 г., когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Я. сдѣлалъ докладъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ о культурныхъ успѣхахъ Сибири за 300 лѣтъ; другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ Географическомъ обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи; въ «Русской Мысли» тогда же была имъ помѣщена статья «Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ». Въ томъ же 1882 г. Я. основалъ въ Петербургѣ еженедѣльное изданіе «Восточное Обозрѣніе», съ 1888 г. перенесенное въ Иркутскъ. Это изданіе было самымъ серьезнымъ органомъ сибирской печати по обилію разнообразныхъ свѣдѣній о краѣ; при немъ, въ качествѣ приложенія, давались отдѣльныя книжки «Сибирскій Сборникъ». Въ тѣ же годы въ «Трудахъ Московскаго Археологическаго общества» и «Сибирскомъ Сборникѣ» Я. помѣстилъ статьи о нѣкоторыхъ сибирскихъ древностяхъ; въ томѣ «Живописной Россіи», посвященномъ Сибири, имъ написана статья «Западно-Сибирская низменность». Въ 1886 г. Я. предпринялъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ Минусинскаго, а также для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ Минусинскомъ округѣ. Доклады о результахъ этой поѣздки были сдѣланы имъ въ 1887 г. въ обществахъ Географическомъ и Археологическомъ, въ С.-Петербургѣ. Въ 1891 г. Я. выпустилъ новый свой капитальный трудъ «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе», и въ связи съ этимъ трудомъ внесъ въ Географическое общество еще ранѣе составленныя имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Кромѣ изученія современной Сибири и ея народной жизни, Я. давно интересовала первобытная исторія страны, гдѣ онъ, конечно, искалъ объясненія инородческихъ элементовъ Сибири. По такому побужденію онъ сдѣлалъ, между прочимъ, въ послѣдніе годы путешествіе въ сѣверную Монголію, гдѣ открылъ развалины знаменитой нѣкогда монгольской столицы Карокорума, затерянной географами и историками. Открытіе Я., сдѣланное имъ въ трудномъ путешествіи на самыя скудныя средства, возбудило живѣйшій интересъ въ ученомъ мірѣ, и по слѣдамъ Я. направилась въ ту мѣстность ученая экспедиція изъ Гельсингфорса, а затѣмъ лѣтомъ 1891 г. извѣстная экспедиція отъ Императорской Академіи Наукъ, которая поручена была В. В. Радлову совмѣстно съ Я. Вообще энергія Я. возбуждала другихъ. Ему несомнѣнно принадлежитъ большое вліяніе на пробужденіе общественныхъ и образовательныхъ интересовъ въ молодомъ слоѣ сибирскаго общества; вокругъ него собирались новыя силы, направлявшіяся на разнообразный трудъ по изученію Сибири и находившія у него не только нравственную поддержку, но и цѣнное практическое руководство. Такъ, въ его предпослѣднюю поѣздку въ Западную Сибирь для изученія переселенческаго движенія, къ нему добровольно примкнулъ санитарный отрядъ, отправленный тогда въ этотъ край на средства частной благотворительности и нашедшій въ немъ цѣннаго руководителя.

Въ послѣднее время Я. отправился въ Алтайскій округъ въ качествѣ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ при начальникѣ этого округа; неутомимый изслѣдователь съ свойственной ему энергіей принялся за порученное ему дѣло, но скоропостижная кончина застала его на мѣстѣ новой его дѣятельности: онъ скончался въ Барнаулѣ 7 іюня 1894 г., сохранивъ до послѣдняго дня своей жизни дѣятельную любовь къ своей суровой родинѣ. Русская публицистика и литература потеряла въ немъ одного изъ энергичныхъ тружениковъ, богатыхъ жизненностью и инціативой.

«Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія», 1894 г., августъ», стр. 59—62.—«Вѣстникъ Европы», 1894 г., іюль, стр. 445—448.—«Недѣля», 1894 г., № 25, стр. 783—784.—«Новое Время», 1894 г., № 6565.—«Сибирскій Вѣстникъ», 1894 г., № 66.

М. Курдюмовъ.

Язвинскій, *Александръ Феликсовичъ*, педагогъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось, какъ неизвѣстенъ годъ рожденія и смерти его. Я. получилъ извѣстность изобрѣтеніемъ мнемоническаго метода преподаванія, весьма популярнаго въ его время и названнаго по имени автора методомъ Язвинскаго. Методъ этотъ, достигавшій блестящихъ результатовъ при изученіи предметовъ, составляющихъ дѣло памяти, какъ, напр., хронологіи, основанъ на примѣненіи особыхъ таблицъ. Его таблица представляетъ квадратъ, раздѣленный на сто клѣтокъ; при изученіи хронологіи каждая клѣтка представляетъ годъ, при изученіи языковъ клѣтка соотвѣтствуетъ звуку, буквѣ. По мнѣнію Я., его таблица полезна не только въ мнемоническомъ отношеніи, она не только является чисто механическимъ помощникомъ для памяти, но служитъ также орудіемъ «аналитическимъ и синтетическимъ». Его преподаваніе по этой методѣ было столь удачно, что число его учениковъ росло и курсы его расширялись; вмѣстѣ съ тѣмъ методъ его получалъ все большую извѣстность и распространеніе; онъ былъ принятъ во многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ и многими примѣнялся при домашнемъ воспитаніи. Особенно удачно примѣнялъ Я. свой методъ къ преподаванію иностранныхъ языковъ. Въ качествѣ руководства къ изученію французскаго языка по мнемонической методѣ онъ выпустилъ въ 1840 году «Самоучитель французскаго языка по методѣ Язвинскаго». Очевидно, при изданіи этой книги онъ имѣлъ въ виду исключительно своихъ учениковъ, такъ какъ пользоваться книгой незнакомому съ его методой, безъ его личныхъ указаній, было крайне трудно, потому что объясненіе методы, помѣщенное въ предисловіи, очень коротко и очень неясно. Я. дѣлитъ «Самоучитель» на 3 части: въ первой помѣщаетъ изученіе словъ, во второй—изученіе фразъ и въ третьей—грамматику и синтаксисъ, но третья часть его, кажется, такъ и не появилась въ свѣтъ. Первое изданіе «Самоучителя» разошлось очень быстро. Въ 1843 г. вышла вторымъ изданіемъ первая часть «Самоучителя», значительно дополненная и съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, значительно было расширено объясненіе самой методы, крайне недостаточное въ первомъ изданіи. Въ новомъ изданіи фонографическая таблица описана и объяснена такъ подробно и обстоятельно, что «Самоучителемъ» можно пользоваться безъ помощи преподавателя. Методъ Я. былъ примѣненъ имъ также къ изученію хронологіи и исторіи. Имъ было предпринято изданіе «Хронографическаго Атласа всеобщей исторіи», о чемъ появилось его объявленіе и принималась подписка. При «Атласѣ» было обѣщано подробное введеніе, въ которомъ должны быть изложены правила, какъ пользоваться «Атласомъ» и какъ слѣдуетъ учить и учиться при помощи этого руководства; введеніе обѣщало изложить основанія метода подробно. Въ 1840 году появился его трудъ, составлявшій часть предпринятаго имъ изданія подъ названіемъ: «Синхроническія таблицы Всеобщей исторіи». Таблицы снабжены были 1500 портретами государей и великихъ людей всѣхъ націй, вставленными въ небольшіе квадратики таблицъ; портреты эти сняты съ медалей, хранящихся въ музеяхъ и библіотекахъ парижскихъ, вѣнскихъ и берлинскихъ. За этими таблицами послѣдовала въ 1841 году его книга: «Хронологическое обозрѣніе всемірной исторіи». Книга эта раздѣлена на эпохи по столѣтіямъ, при чемъ каждому столѣтію авторомъ дано особое названіе: «вѣкъ Тамерлана», «вѣкъ Аттилы», «вѣкъ Саладина» и т. п. Въ томъ же 1841 году появилось и другое руководство Я. по хронологіи—«Хронографическое обозрѣніе русской исторіи по методѣ Язвинскаго». Въ этой книгѣ его таблицы также снаб-

жены портретами замѣчательныхъ людей русской исторіи, правда портретами весьма микроскопическими, величиною всего съ гривенникъ. Рисованы портреты были Тимомъ, гравированы Нетельгорстомъ. Внизу подъ каждымъ портретикомъ перечисляются подвиги изображаемаго лица и сообщаются нѣкоторыя хронологическія даты. Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ книгъ, Я. еще издано: по хронологіи—«Метода преподаванія хронологической исторіи» (1837 г.) и по языкознанію: «Самоучитель нѣмецкаго языка» (1845 г.) и «Словарь корней латинскаго языка» (1845 г.). Методъ Я. былъ достаточно извѣстенъ и за границей. Такъ, въ 1840 году была переведена съ польскаго на русскій языкъ интересная книга Ждановича «Объясненіе хронографической таблицы, представляющей послѣдовательное вступленіе на престолъ императоровъ и королей въ XX государствахъ, отъ начала христіанской вѣры до нашихъ временъ, составленной по плану и методѣ Язвинскаго». Статья Ждановича даетъ очень ясное и удовлетворительное понятіе о методѣ Я. и служитъ достаточнымъ руководствомъ для употребленія таблицъ, поэтому переводъ ея на русскій языкъ, сдѣланный съ нѣкоторыми дополненіями Никулинымъ, студентомъ Московскаго университета, имѣлъ большое значеніе. Методъ Я. былъ популяренъ и въ другихъ странахъ, напр., въ Италіи. Особенную же извѣстность и распространеніе онъ получилъ во Франціи. Тамъ онъ былъ принятъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ Парижѣ образовалось даже цѣлое общество для распространенія метода Я. Методъ этотъ примѣнялся тамъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ почти ко всѣмъ знаніямъ и отраслямъ общественнаго дѣла. Напримѣръ, таблицы Я. прилагали къ изученію Наполеонова кодекса.

«Литературная Газета», 1840 г., № 28; 1841 г., № 128.—«Учитель», 1863 г., №№ 6, 13, 14.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1840 г., № 120.—«Отечественныя Записки», 1840 г., т. IX (Библіографическая хроника, стр. 28).—«Сѣверная Пчела», 1843 г., № 245.

М. Заболотская.

Язвицкій, *Николай Ивановичъ*, а по нѣкоторымъ источникамъ, *Николаевичъ*, педагогъ, писатель и переводчикъ начала XIX ст., уроженецъ города Коврова, Нижегородской губ., происходилъ изъ духовнаго званія. Образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго назначенъ былъ учителемъ С.-Петербургской гимназіи (1810 г.). Какъ педагогъ, Я. очень быстро выдвинулся и нѣкоторое время состоялъ даже учителемъ россійскаго языка у императрицы Елизаветы Алексѣевны. По невыясненнымъ причинамъ онъ былъ отъ этой должности отставленъ. Въ письмѣ къ Державину Я. утверждаетъ, что онъ сдѣлался жертвой происковъ многочисленныхъ своихъ враговъ, завидовавшихъ его быстрому возвышенію. Въ своемъ «Капищѣ» кн. Долгорукій говоритъ, что Я., огорченный устраненіемъ отъ должности наставника императрицы, сошелъ съ ума и помѣщенъ былъ въ домъ умалишенныхъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Я. написалъ нѣсколько руководствъ по теоріи словесности и языковѣдѣнію; сочинялъ также оды. Имъ изданы: «Разсужденіе о словесности вообще» (Спб., 1810 г.); «Введеніе въ науку стихотворства, или разсужденіе о началѣ поэзіи вообще и краткое повѣствованіе восточнаго, еврейскаго, греческаго, римскаго, древняго и средняго россійскаго стихотворства» (Спб., 1811 г.); «Механизмъ или стопосложеніе россійскаго стихотворства» (Спб. 1810 г.); «Историческое похвальное слово Суворову, или лавры генералиссимуса, князя Италійскаго и графа Рымникскаго» (Спб., 1810 г.); «Ода добродѣтели» (Спб., 1811 г.); «Оды похвальныя» (Спб. 1811 г.). Кромѣ того, имъ переведена съ французскаго яз. «Всеобщая философическая грамматика» (Спб., 1810 г.).

«Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1873 г., книга 3, стр. 364).—*Кн. И. М. Долгорукій*, «Капище сердца моего» (Спб., 1876 г.). — «Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота» (Спб., 1871 г., т. 6, стр. 378, № 1193; 1876 г., т. 6, стр. 309, № 1186.—«Библіографическія записки» (1859 г., № 13, стр. 411—412).—«Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки А. Смирдина» (Спб., 1828 г., стр. 439, № 5559; стр. 478, № 6063; стр. 510, № 6530; стр. 577, № 7848). — «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Плавильщикова» (Спб., 1820 г., стр. 325, №№ 3794 и 3795; стр. 476, № 6326; стр. 484, № 6427; стр. 498, № 6626). — *В. Сопиковъ*, «Опытъ россійской библіографіи» (Спб., 1815 г., ч. II, стр. 75, № 2393; стр. 266, № 2998; ч. III, стр. 384, № 6212; ч. IV, стр. 296, № 9626; стр. 44, № 10847). — *Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды П. М. Строева» (Спб., 1878 г., стр. 201).

Языковъ, *Александръ Ивановичъ*, юристъ, видный и талантливый дѣятель петербургской присяжной адвокатуры, годъ рожденія его неизвѣстенъ. Окончивъ въ 1861 г. курсъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, гдѣ онъ впослѣдствіи нѣкоторое время былъ преподавателемъ уголовнаго судопроизводства, Я. поступилъ на службу въ Сенатъ, затѣмъ состоялъ стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ при Спасской части въ Петербургѣ, а съ введеніемъ судебной реформы вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ Петербургскаго судебнаго округа. Талантливый, даже блестящій ораторъ, человѣкъ съ обширными познаніями, особенно въ области уголовнаго права, онъ быстро выдвинулся и пріобрѣлъ настолько широкую извѣстность, что его приглашали въ качествѣ защитника по самымъ запутаннымъ и сенсаціоннымъ дѣламъ, каковыми были, напр., нашумѣвшія убійство въ Гусевомъ переулкѣ и убійство фонъ-Зона. Замѣчательныя рѣчи Я. по этимъ дѣламъ были напечатаны въ «Судебн. Вѣстникѣ». Какъ популярный членъ адвокатуры, онъ нѣсколько разъ былъ избираемъ въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отчасти же и вслѣдствіе ожесточенныхъ нападковъ на него нѣкоторыхъ газетъ за участіе въ защитѣ одного сомнительной чистоты дѣла Я. въ 1876 г. оставилъ адвокатуру и поселился въ Тульской губ., гдѣ у него было небольшое имѣніе; проживая здѣсь, онъ принималъ горячее участіе въ земскихъ дѣлахъ губерніи. Въ 1881 г. Я. вновь вернулся къ оставленной дѣятельности, приписавшись сначала къ Московскому, а съ 1883 г. къ Петербургскому судебнымъ округамъ. Я. написалъ и перевелъ нѣсколько стихотвореній; нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ «Вѣстн. Европы»; напр., «Мавританскій король», перев. изъ Гейне («Вѣстн. Евр.», 1869 г., № 10), «Предсмертная пѣснь плѣннаго конунга Рагнара» (ib., 1875 г., № 2), «Бабушка», «Изъ Гейне», «Чешская пѣснь» (ibid., 1875 г., № 4), «Старый портретъ», поэма (ibid., 1886 г., № 6); позже его поэтическіе опыты вышли отдѣльно подъ заглавіемъ: «Старый портретъ и мелкія стихотворенія» (Ялта, 1903 г.). Я. принадлежитъ переводъ и изданіе публичной лекціи Гольцендорфа: «Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія закона о ссылкѣ въ Каенну» (Спб., 1865 г.). Скончался Я. въ Ялтѣ 17 октября 1886 г.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI (Спб., 1889 г.), стр. 132—133; вып. IX (Спб., 1892 г.), стр. 99—100.—*Гребенщиковъ*, «А. И. Языковъ» («Журн. Гражданск. и Уголовн. Права», 1886 г., кн. 10, стр. 171—174).—«Вѣстн. Европы», 1886 г., ноябрь, стр. 455—456.

Н. Сербовъ.

Языковъ, *Александръ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, директоръ Императорскаго училища правовѣдѣнія, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, писатель, родился въ 1802 г. Образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, по окончаніи котораго, 17-го апрѣля 1823 г., былъ произведенъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Въ 1828 и 1829 годахъ Я. принималъ участіе въ войнѣ съ турками. 25-го декабря 1831 г. онъ, будучи уже въ чинѣ штабсъ-капитана, выказалъ блистательную храбрость, идя вмѣстѣ съ вызванными охотниками на штурмъ Воли, укрѣпленнаго предмѣстья Варшавы; за это онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. При штурмѣ имъ получено было нѣсколько ранъ, что обратило на него особое вниманіе императора Николая I: Я. пожаловано было 4000 рублей на излѣченіе и ежегодная пенсія въ 750 рублей. Но лишь только Я. нѣсколько оправился отъ ранъ, онъ снова явился во фронтъ своего полка (1832 г.), въ которомъ продолжалъ службу болѣе шести лѣтъ. 5-го ноября 1838 г. Я., будучи уже въ чинѣ полковника, назначенъ былъ полиціймейстеромъ города Риги, а 6-го декабря 1847 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ причисленіемъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ началѣ 1848 г. ему Высочайше повелѣно было исправлять должность таганрогскаго градоначальника, а 16-го декабря того же года онъ былъ командированъ состоять въ распоряженіи московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго. Черезъ годъ, 6-го декабря 1849 г., Я. былъ назначенъ директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія. И. А. Тютчевъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ училищѣ правовѣдѣнія характеризуетъ его, какъ человѣка суетливаго, съ нѣкоторыми чудачествами, но въ то же время очень строго относившагося къ воспитанникамъ. Въ должности

директора Я. пробылъ приблизительно 29 лѣтъ. Кромѣ того, въ 1856 г. онъ былъ назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ Юстиціи и получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. За время своей службы Я. былъ удостоенъ многихъ наградъ. Въ 1851 г. онъ получилъ орденъ св. Станислава 1-ой степени, въ 1853 г. орденъ св. Анны той же степени, въ 1856 г. Императорскую корону къ этому ордену и орденъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ за 25-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ. Въ 1858 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени, а въ 1860 г. арендой на 12 лѣтъ. Въ томъ же году великій герцогъ Ольденбургскій пожаловалъ ему орденъ «Заслугъ» 1-ой степени. Въ 1863 г. Я. получилъ 4000 десятинъ земли, а въ 1865 г.— орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1873 г., въ день 50-лѣтняго юбилея его служебной дѣятельности, Я. награжденъ былъ увеличеніемъ аренды и продолженіемъ ея еще на двѣнадцать лѣтъ, а въ память боевого отличія его во фронтѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка зачисленъ былъ въ этотъ полкъ. Вскорѣ тяжкія ревматическія страданія, осложнившіяся болями открывшихся ранъ, полученныхъ Я. въ польской кампаніи 1831 г., лишили его всякой возможности продолжать службу въ качествѣ директора училища правовѣдѣнія; въ 1877 г. онъ принужденъ былъ уѣхать за границу лѣчиться и поселился въ Вильденѣ. Уже здѣсь его, прикованнаго болѣзнью къ постели, застала вѣсть о назначеніи его членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Умеръ Я. въ Вильденѣ 27 февраля 1878 г., 76 лѣтъ отъ роду.

Я. написалъ нѣсколько произведеній, главнымъ образомъ, историческаго характера; содержаніе нѣкоторыхъ другихъ находится въ связи съ его служебною дѣятельностью. Труды его слѣдующіе: «Взглядъ на состояніе прибалтійскихъ губерній» (1846 г.); «Замѣчанія о причинахъ обмелѣнія таганрогскаго порта» (1848 г.); «О русскомъ государственномъ цвѣтѣ» (1858 г.); «Воспоминанія о селѣ Грузино, имѣніи графа Аракчеева» («Военный Сборникъ», 1866 г.); «Исторія батальона великой княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской» (1868 г.); «Русская церковь въ Потсдамѣ, 1718—1815 гг.» («Русская Старина», 1875 г., т. XXI, стр. 186); «Описаніе пребыванія Императора Петра Великаго въ Саардамѣ и Амстердамѣ въ 1697 и 1717 г.г.» (издано въ Берлинѣ на русскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ). Этотъ трудъ Я. преподнесъ въ даръ г. Саардаму, съ предоставленіемъ права II-го и III-го изданій, но съ тѣмъ, чтобы выручаемыя отъ продажи деньги поступали на стипендію для обученія одного мальчика изъ дѣтей саардамскихъ корабельныхъ плотниковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Я. занимался собираніемъ точныхъ свѣдѣній о существующихъ на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи памятникахъ государей, полководцевъ и другихъ замѣчательныхъ дѣятелей, а также важныхъ историческихъ событій Россіи; но вслѣдствіе болѣзни онъ не успѣлъ довести этотъ трудъ до конца.

И. А. Тютчевъ, «Въ училищѣ правовѣдѣнія» («Русская Старина», 1885 г., № 12, стр. 695—97; 1886 г., № 2.—«Воспоминанія К. К. Арсеньева объ училищѣ правовѣдѣнія» («Русская Старина», 1886 г., апрѣль, стр. 200).—*Графъ Милорадовичъ*, «Матеріалы для исторіи Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса» (Кіевъ, 1876 г., стр. 110, 241). — «Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго училища правовѣдѣнія» (Спб., 1896 г., стр. 121).—«Русскій Календарь на 1879 г.» (изд. А. С. Суворина), стр. 377. — «Русскій Инвалидъ», 1878 г., № 56.—*Мезіеръ*, «Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ включ.» (Спб., 1902 г., т. II, стр. 755, № 184).—*В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ*, «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій» (Спб., 1887 г).

Языковъ 2-й, *Александръ Семеновичъ*, полковникъ, родился въ 1793 г.; въ 1802 г. былъ записанъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ и чрезъ пять лѣтъ «произведенъ студентомъ». Въ 1809 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергарды и въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ послѣдовательно былъ произведенъ въ эст.-юнкеры, корнеты и поручики. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ и исправлялъ эту должность до конца слѣдующаго года, когда былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры. Въ 1818 г. Я. былъ произведенъ въ ротмистры и тогда же былъ переведенъ въ Тираспольскій конно-егерскій полкъ, а въ 1822 г. вышелъ въ отставку полковникомъ. Я. участвовалъ въ Отечественной войнѣ, при чемъ за Бородино получилъ орденъ св. Анны 4-й ст., за Кульмъ—св. Владиміра 4-й ст. съ бан-

томъ и за Фершампенуазъ — св. Анны 3-й степени.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1801—1826 гг.)», стр. 234.

Языковъ, *Василій Ивановичъ*, вице-адмиралъ Черноморскаго флота, командиръ Херсонскаго порта. Въ 1774 г. Я. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, въ 1778 г. былъ выпущенъ гардемариномъ и плавалъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Хметевскаго на фрегатѣ «Михаилъ» отъ Кронштадта въ Сѣверный океанъ до Нордъ-Капа и обратно. Въ 1780 г., въ чинѣ мичмана, онъ плавалъ на кораблѣ «Св. Александръ Невскій» къ берегамъ Норвегіи. Въ 1781 г. совершилъ на кораблѣ «Европа» переходъ въ Ливорно и затѣмъ былъ командированъ въ Таганрогъ. Въ 1784 г. Я. былъ произведенъ въ лейтенанты и до 1788 г. плавалъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Въ 1788 г. на кораблѣ «Преображеніе Господне» онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ при островѣ Ѳидонисьи и по возвращеніи произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1790 г. на томъ-же кораблѣ Я. вновь участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Керченскомъ проливѣ и у Гаджибея и въ 1794 г. на томъ-же кораблѣ и съ тѣмъ-же флотомъ—при Каліакріи. За эти отличія Я. былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. Съ 1793—95 г. онъ находился въ Вологодскомъ намѣстничествѣ «для прицѣнки» слѣдовавшихъ въ Черноморскій флотъ вещей, а въ 1796 г. командовалъ фрегатомъ «Никонъ» въ Черномъ морѣ. Въ 1798 г. Я. командовалъ въ Николаевѣ эскадрою парусонаго флота и затѣмъ былъ смотрителемъ кадетскаго корпуса. Съ 1799—1805 г., въ чинѣ капитана 2 ранга, онъ крейсеровалъ въ Черномъ морѣ, командуя транспортомъ «Григорій», новопостроеннымъ кораблемъ «Варахаилъ» и гребною командою въ Николаевѣ. Въ 1802 г. Я. былъ награжденъ орд. св. Георгія 4 класса за 18 морскихъ кампаній и въ 1803 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга. Съ 1805—1807 г. Я. исправлялъ должность эскадръ-маіора при флотскомъ начальникѣ въ Николаевѣ и былъ дважды командированъ въ Костромскую губ. за рекрутами для Черноморскаго флота. Въ 1808 г. Я. былъ произведенъ въ капитанъ-командоры и вновь крейсеровалъ въ Черномъ морѣ, командуя новопостроеннымъ кораблемъ «Полтава», а въ 1809 г. вступилъ въ должность флотскаго начальника въ Николаевѣ. Въ 1819 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и въ 1823 г., сверхъ прежней должности, назначенъ былъ командовать 6, 7, 8-ымъ и карантинными черноморскими ластовыми экипажами. Въ 1826 г. Я. былъ назначенъ флотскимъ начальникомъ въ Херсонъ, въ 1829 г. произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ командовать Херсонскимъ портомъ. Умеръ онъ 4 мая 1832 г.

Общій морской списокъ, т. V.

Языковъ, *Дмитрій Ивановичъ*, академикъ, переводчикъ, директоръ департамента министерства Народнаго Просвѣщенія, родился 14-го октября 1773 г. въ Москвѣ. Лишившись на 8-мъ году матери, Я. жилъ въ домѣ родной сестры отца, женщины богобоязненной и благочестивой, которая съ любовью замѣнила ему родную мать. По существовавшему тогда у предковъ Я. обычаю, его семи лѣтъ стали обучать азбукѣ, чтенію часослова и псалтири, при чемъ ученіе каждый день начиналось и оканчивалось молитвою. Такой церковный характеръ обученія, пишетъ въ своихъ «Запискахъ» Я., «былъ весьма хорошъ, ибо научалъ отрока бѣгло читать церковныя книги и вселялъ въ него охоту читать ихъ, питаться душеспасительными наставленіями и восхищаться красотами... по крайней мѣрѣ для меня сей способъ ученія былъ весьма полезенъ». Тетка Я., видя, что онъ хорошо уже читаетъ церковныя книги, сдѣлала его своимъ собесѣдникомъ, и съ наступленіемъ глубокой осени, во всю зиму, до весны каждый вечеръ заставляла его передъ собою читать библію, четьи-минеи, прологъ и патерикъ; въ промежуткахъ иногда онъ читалъ ей и произведенія тогдашней свѣтской словесности. Такъ протекло его отрочество. Наняли француза, который преподавалъ ему французскій языкъ, исторію, географію и начальныя правила ариѳметики, а потомъ отдали юношу въ московскій пансіонъ Бартолія, гдѣ онъ, между прочимъ, усвоилъ нѣмецкій языкъ. Не окончивъ курса наукъ, Я. былъ записанъ, по существовавшему тогда обычаю, въ Семеновскій полкъ сержантомъ и на тринадцатомъ году отъ рожденія (1785 г.) поступилъ на дѣйствительную службу. Въ

Петербургѣ Я. имѣлъ въ числѣ друзей Вельяминова, Писарева, Княжнина и Крылова. Быстро протекли первые годы неопытной юности въ разнообразныхъ увеселеніяхъ, часто отвлекавшихъ его отъ полезныхъ занятій. Въ 1797 г. Я. вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и отправился въ Тамбовскую губернію къ себѣ въ имѣніе. Черезъ три года Шацкое дворянство избрало его въ помощь уѣздному предводителю для устройства сельскихъ магазиновъ, а въ 1802 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія.

Служба по ученой части сблизила Я. съ любимыми занятіями, и въ томъ же году онъ перевелъ съ французскаго языка сочиненіе Беккарія «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», съ приложеніемъ примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ французскимъ переводчикомъ Мореллетомъ, при чемъ этотъ трудъ былъ посвященъ императору Александру I и напечатанъ на счетъ Кабинета, въ пользу Я. Переводъ былъ встрѣченъ публикой сочувственно и въ непродолжительномъ времени былъ весь раскупленъ. Въ 1803 г. Я. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ. Въ это время появилось «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка» А. С. Шишкова, направленное противъ Карамзина. Я. написалъ ѣдкую критику на сочинителя и помѣстилъ ее въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1804 г.; въ ней Я. осмѣялъ, между прочимъ, требованіе его о томъ, чтобы русскіе бросили чтеніе новыхъ отечественныхъ книгъ и иностранныхъ, принялись бы за старину и начали объяснять мысли свои на языкѣ славянскомъ. Одновременно съ переводомъ съ французскаго «О существѣ законовъ» Монтескье Я. велъ переводъ съ нѣмецкаго «Нестора» и тогда же перевелъ съ французскаго комедію въ одномъ дѣйствіи Александра Дюваля: «Влюбленный Шекспиръ», имѣвшую большой успѣхъ на нашемъ театрѣ. Въ 1807 г. Я. перешелъ изъ департамента министерства Народнаго Просвѣщенія экспедиторомъ въ канцелярію главнаго управленія училищъ и въ слѣдующемъ году за усердную службу былъ награжденъ брильянтовымъ перстнемъ. Въ томъ же 1808 г. Я. закончилъ и напечаталъ другой свой переводъ съ нѣмецкаго: «Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя въ 1804 г. во время путешествія однимъ русскимъ», и вслѣдъ затѣмъ вышла въ свѣтъ первая часть его перевода «О существѣ законовъ» Монтескье, послѣдняя четвертая часть котораго издана въ 1814 г. Въ 1809 г. Я. кончилъ переводъ своей первой части «Нестора», и она поднесена была государю, который приказалъ: «издать на счетъ Кабинета переводъ Языкова, съ предоставленіемъ въ пользу его всѣхъ экземпляровъ, но съ тѣмъ, чтобы эта книга, писанная переводчикомъ безъ буквы ъ, была напечатана съ употребленіемъ сей буквы». Нужно имѣть въ виду, что Я. въ то время силился вытѣснить изъ русской азбуки буквы ъ и ѣ. Вторая часть «Нестора» была издана въ 1816 и третья въ 1819 г. Въ 1812 г. Я. перевелъ и напечаталъ сочиненіе Фрейербаха: «Философическо-юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и преступленія противъ Величества, съ краткимъ начертаніемъ исторіи законодательства о семъ преступленіи». Въ 1817 г. Я. былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія, а въ слѣдующемъ году, съ сохраненіемъ этой должности, назначенъ управляющимъ типографіею департамента. Въ 1819 г. имъ былъ изданъ переводъ сочиненія Лерберга: «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи», а въ слѣдующемъ году напечаталъ сочиненіе Кильбургера: «Краткое извѣстіе о русской торговлѣ, какимъ образомъ оная производилась чрезъ всю Россію въ 1674 году». Съ 1822—1825 г.г. Я. издалъ книжку: «Спутникъ въ Царство Польское и въ республику Краковскую» (съ франц. яз.) и «Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ Карпини и Асцелина» (съ латин. яз.), за которыя онъ получилъ царскіе подарки—два брильянтовыхъ перстня. Въ 1825 г. Я. былъ утвержденъ въ должности директора департамента.

Достоинство многочисленныхъ трудовъ Я. снискали ему уваженіе многихъ нашихъ ученыхъ обществъ и университетовъ, которые поспѣшили доказать это уваженіе избраніемъ его въ дѣйствительные и почетные члены (Общество любителей россійской словесности, Императорское Мо-

сковское Общество испытателей природы, Общество любителей отечественной словесности и университеты: Харьковскій, Московскій, Виленскій и Казанскій). Въ числѣ этихъ лестныхъ знаковъ вниманія Я. особенно къ сердцу принялъ честь, оказанную ему Академіею Наукъ, избравшею его въ 1830 г. въ свои почетные члены, и Россійскою Академіею, почтившею его званіемъ дѣйствительнаго члена. Разстроенное здоровье его отъ сидячей жизни и разнообразныхъ трудовъ заставило его оставить гражданскую службу, тѣмъ болѣе для него трудную, что онъ не могъ разстаться съ любимыми своими занятіями по литературѣ, и онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ въ 1833 г. отъ службы. Однако, неутомимый труженикъ не думалъ отдыхать. Окруженный книгами, онъ до наступленія ранняго утра дѣятельно занимался въ своемъ уединенномъ кабинетѣ составленіемъ «Церковнаго Словаря»; собиралъ матеріалы для другого «Словаря исторіи и древностей русскихъ»; перевелъ съ нѣмецкаго, по порученію общества для поощренія сельскаго хозяйства, «Сельское хозяйство» (соч. Шварца, 1833 г.) и «Основаніе Лѣсоводства» (соч. Котты, 1835 г.). Послѣдній переводъ замѣчателенъ по техническимъ терминамъ, изъ которыхъ нѣкоторые вошли въ «Словарь», составлявшійся Академіей Наукъ. Сверхъ того, Я. перевелъ съ нѣмецкаго «Сербскую грамматику», составилъ «Указатель къ журналамъ Россійской Академіи» (съ 1782—1835 г.г.) и собралъ для «Академическаго Словаря» до 1500 словъ, выписывая изъ старинныхъ и новыхъ книгъ слова, не внесенныя въ прежніе словари, или оставленныя безъ примѣровъ и надлежащихъ объясненій.

Въ началѣ 1835 г. Я. занялъ почетное мѣсто непремѣннаго секретаря Россійской Академіи, сдѣлавшееся вакантнымъ за смертью П. И. Соколова. Стѣсненное матеріальное положеніе его съ этого времени нѣсколько улучшилось: онъ переѣхалъ въ академическій домъ и сверхъ пенсіи началъ получать 2,000 р. ассигнаціями жалованья. Болѣе всего его утѣшалъ находящійся при домѣ садикъ, гдѣ труженикъ продолжалъ свои ученые занятія. Труды Я. по отечественной исторіи увѣнчаны были (1837 г.) Академіей Наукъ единовременною выдачею 4,000 р. асс. Тогда же, по его совѣту, Шишковъ предложилъ Россійской Академіи перевести на русскій языкъ и издать на счетъ академическій всѣхъ западныхъ писателей въ Россіи. Я. взялся перевесть «Гелмондову Хронику». Въ слѣдующемъ году Россійская Академія напечатала на свой счетъ, въ пользу Я., (и купила у него 1000 экземпляровъ, для разсылки по учебнымъ заведеніямъ) «Книгу большому чертежу или древнюю карту Россійскаго государства, пополненную въ разрядѣ и списанную въ книгу 1627 года». Она въ первый разъ была издана въ 1792 г. и составляла библіографическую рѣдкость. Къ ней Я. присоединилъ «Древнюю идрографію», объясняющую географическое положеніе Россіи съ конца XVI по конецъ XVII ст., а равно и свои замѣчанія въ самомъ текстѣ и въ азбучномъ указателѣ. Сдѣланные имъ въ это время переводы съ нѣмецкаго: «Баварскаго странника (XIV в.) Шилдбергера», (заключающаго въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о бытѣ нашего духовенства и объ обрядахъ греко-россійской церкви), а равно и «Выписки изъ путешествій по Россіи», не могли быть напечатаны. Въ 1839 г. скончался редакторъ «Русскаго Инвалида» Воейковъ, и у Я. явилась мысль искать его мѣста, но неудачно: редакторомъ былъ назначенъ Поміанъ-Пезаровіусъ. Въ 1840 г. Россійская Академія издала въ пользу Я. «Записки Желябужскаго, съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г.». Онѣ были напечатаны въ первый разъ Туманскимъ въ 1787 г. съ неисправной рукописи. Я. досталъ нѣсколько списковъ этого любопытнаго сочиненія, свѣрилъ ихъ съ журналами барона Гизена, Петра Великаго и другими современными повѣствованіями, замѣтилъ въ выноскахъ важнѣйшія ошибки перваго издателя и приложилъ къ своему списку нѣкоторыя замѣчанія и объясненія, а также и алфавитъ. Около этого времени Я. намѣревался продолжать изданіе «Энциклопедическаго Лексикона» (въ составленіи котораго онъ принималъ дѣятельное участіе), прекращеннаго Плюшаромъ, и уже отыскалъ много сотрудниковъ, но предпріятію его не суждено было осуществиться. Къ этой неудачѣ присоединилось другое горе: за смертью предсѣдателя Россійской Академіи Шишкова, Россійская Академія была присоединена къ Академіи Наукъ, въ видѣ II отдѣленія русскаго языка и словесности, при чемъ

Я., сохранившему званіе ординарнаго академика, поручено было составленіе протоколовъ засѣданій. Въ 1842 г. Я. издалъ «Записки Нащокина», къ которымъ прибавилъ любопытныя объясненія и замѣчанія, а также и алфавитъ. Послѣднимъ трудомъ Я. было изданіе въ свѣтъ въ 1845 г. переведенныхъ имъ съ французскаго языка «Записокъ Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при Императорскомъ Россійскомъ дворѣ въ званіи посла короля Испанскаго 1727—1730 годовъ». Эти записки снабжены имъ особыми примѣчаніями, свидѣтельствующими о начитанности его и глубокихъ свѣдѣніяхъ въ отечественной исторіи. Тогда же имъ была открыта и подписка на «Церковный словарь, историческій, географическій и археологическій», доведенный имъ до буквы *П*. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Я. принадлежитъ еще множество статей, анонимно помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и не меньшее количество любопытныхъ выписокъ историческаго характера; имъ же велись съ 1839 по 1844 г. «Записки», въ которыя онъ включалъ событія каждаго дня и слышанные имъ разные анекдоты. Умеръ Я. отъ нервическаго удара 13-го ноября 1845 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Спб., 1847 г., ч. III, стр. 574—603.—«Отчетъ Импер. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, читанный 29-го декабря 1845 г. академикомъ П. А. Плетневымъ» («Журналъ М-ва Народн. Просвѣщ.», 1846 г., февраль, стр. 34—40).—*А. П. Милюковъ*, «Воспоминанія о Д. И. Языковѣ» («Историч. Вѣстникъ», 1884 г., № 4).—*М. И. Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 357, 358; т. IV, стр. 241, 468, 469; т. V, стр. 108, 376; т. VII, стр. 154—156, 229, 512; т. VIII, стр. 239, 333, 363, 364, 478.—«Иллюстрація», 1845, т. I, № 33.—«Московскія Вѣдомости», 1845, № 139.—«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1845 г., № 265.—«Иллюстрированная Газета», 1866, № 29.—«Семейные вечера», 1865 г., № 7.—«Русскій Архивъ», 1868 г., № 7; 1873 г., №№ 6, 8.—«Русская Старина», 1874 г., т. XI, стр. 685; 1883 г., іюль, стр. 27; 1888 г., декабрь, стр. 577.—«Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 4.—*Пыпинъ,* «Исторія русской литературы», т. IV, стр. 179, 186.

Языковъ, *Дмитрій Семеновичъ*, ген.-маіоръ, начальникъ 4-го округа корпуса жандармовъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1793 г. Въ 1802 г. онъ былъ записанъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, а въ 1806 г. «произведенъ студентомъ». Черезъ три года Я. поступилъ на службу юнкеромъ (22-го октября 1809 г.) въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ. Произведенный черезъ 2 года въ корнеты, Я. принялъ участіе въ Отечественной войнѣ 1812 г., во время которой въ іюлѣ сражался съ французами подъ Витебскомъ, въ августѣ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, гдѣ былъ раненъ картечью въ лѣвую ногу, въ октябрѣ находился въ сраженіи при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ и въ ноябрѣ подъ Краснымъ и при преслѣдованіи непріятеля до границъ. Съ открытіемъ кампаніи 1813 г. Я. былъ въ заграничномъ походѣ въ Пруссіи, Польшѣ, Силезіи и Саксоніи, гдѣ въ апрѣлѣ бился подъ Люценомъ, а въ маѣ подъ Бауценомъ. Возвратившись въ Саксонію, Я. въ августѣ сражался подъ Дрезденомъ, послѣ чего, перейдя въ Богемію, принялъ участіе въ знаменитомъ Кульмскомъ сраженіи. Въ сентябрѣ Я. сражался подъ Лейпцигомъ, откуда преслѣдовалъ разбитаго непріятеля до Франкфурта, а затѣмъ до Рейна. Переправясь черезъ Рейнъ во Францію 1-го января 1814 г., Я. принялъ участіе въ сраженіи при Бріеннѣ, въ мартѣ бился подъ Фершампенуазомъ, а 18-го числа находился при взятіи Парижа. Вернувшись въ Россію, Я. въ 1818 г. былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ. 3-го апрѣля 1822 г. Я. вслѣдствіе раны, полученной имъ въ сраженіи, былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника. Черезъ пять лѣтъ, 25-го іюля 1827 г., Высочайшимъ приказомъ онъ былъ опредѣленъ подполковникомъ въ корпусъ жандармовъ. Произведенный въ полковники со старшинствомъ съ 25-го іюля 1829 г., Я. 12-го февраля 1832 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника 4-го округа корпуса жандармовъ, расположеннаго въ Вильнѣ, а Высочайшимъ приказомъ отъ 10-го сентября 1835 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ начальникомъ этого округа. Въ этомъ же году Я. былъ назначенъ директоромъ департамента внѣшней торговли. Произведенный 6 декабря 1847 г. въ тайные совѣтники, онъ 1 января 1850 г. былъ уволенъ отъ должности директора и назначенъ членомъ совѣта министра фи-

нансовъ, а 9 января 1853 г. вышелъ въ полную отставку. За свои многочисленныя боевыя заслуги и за труды, понесенные имъ во время службы въ корпусѣ жандармовъ, Я. удостоивался Высочайшихъ благоволеній и наградъ. Онъ имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго орла включительно. Умеръ Я. въ 1856 г.

Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Книга формулярныхъ списковъ 4-го округа корпуса жандармовъ за 1834 г. Формулярный списокъ полковника Языкова. — «Сборникъ біографій кавалергардовъ (1801—1826 гг.)», стр. 233—234.

И. Н. Артамонова.

Языковъ, *Иванъ Максимовичъ*, бояринъ, любимецъ царя Өедора Алексѣевича. Еще въ молодыхъ годахъ Я. занималъ видное мѣсто при Московскомъ дворѣ и съ 1658 г., въ званіи стольника, принималъ участіе во всѣхъ придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ по случаю пріѣзда и пріема иностранныхъ пословъ, а въ 1671 г., во время бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной, былъ въ числѣ «свѣчниковъ» въ «государыни царицыну сторону». Уже въ это время Я. несомнѣнно пользовался покровительствомъ сильныхъ людей и удачно мѣстничался съ Измайловыми, не разъ бившими на него челомъ государю «о безчестьѣ и оборони», но безуспѣшно. Съ воцареніемъ юнаго Өедора Алексѣевича въ 1676 г. Я. былъ назначенъ его постельничимъ; этой должностью легко объясняется его сближеніе съ молодымъ и болѣзненнымъ царемъ, котораго отнынѣ Я. сопровождаетъ во всѣхъ его «походахъ» на богомолье, дѣловыхъ и увеселительныхъ поѣздкахъ. По другимъ свѣдѣніямъ, возвышенію Я. много способствовали при царскомъ дворѣ два старыхъ боярина, кн. Долгорукій и Хитрово, которые, не имѣя личной возможности соперничать съ энергичнѣйшимъ изъ родственниковъ царя, Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ, и опасаясь со стороны послѣдняго слишкомъ сильнаго вліянія, умышленно выдвигали и поддерживали молодого, преданнаго имъ царскаго постельничаго, человѣка «великой остроты» и «глубокаго дворскихъ обхожденій проникателя». Но и помимо вышеуказанныхъ причинъ, у царя Өедора Алексѣевича могли быть личные поводы благоволить къ Я. Весною 1680 г. во время крестнаго хода въ Москвѣ царь увидѣлъ дѣвушку, очень понравившуюся ему, и поручилъ Я. узнать, кто она. Царской избранницей оказалась Агаөья Семеновна Грушецкая. Несмотря на всѣ происки Милославскихъ, готовившихъ, очевидно, для племянника другую невѣсту, Я. удалось отстоять выборъ Өедора Алексѣевича, и Агаөья Семеновна въ іюлѣ 1680 г. стала царицей. 16-го августа того же года Я. былъ пожалованъ изъ думныхъ постельничихъ въ окольничіе, при чемъ царь указалъ быть ему въ оружейничихъ и вѣдать Оружейную, Золотую и Серебряную палаты. Возможно, что назначеніе это было только почетнымъ, тѣмъ болѣе, что составъ, напримѣръ, Оружейной палаты, во главѣ со стольникомъ Иваномъ Телепневымъ, оставался прежній, однако уже въ самомъ почетномъ званіи окольничаго и оружейничаго, данномъ одновременно, высказывалось особенное расположеніе царя къ его давнишнему любимцу. Именно съ этого времени, по мнѣнію историка Соловьева, Я. вмѣстѣ съ новымъ постельничимъ А. Т. Лихачевымъ и бояриномъ В. В. Голицынымъ становятся вліятельнѣйшими совѣтниками царя Өедора Алексѣевича; при ихъ непосредственномъ участіи создаются и всѣ гуманныя распоряженія конца этого царствованія, но за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ трудно учесть долю вліянія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. По тѣмъ же причинамъ трудно дать и точную оцѣнку дѣловымъ способностямъ Я.; несомнѣнно только, что до послѣднихъ дней жизни молодого царя онъ былъ въ числѣ его ближайшихъ помощниковъ, и въ началѣ 1682 г. пожалованъ былъ въ бояре. Въ это время Өедоръ Алексѣевичъ уже замѣтно угасалъ, царица Агаөья Семеновна умерла при рожденіи перваго сына, новорожденный царевичъ Илья черезъ шесть дней послѣдовалъ за матерью въ могилу. Положеніе царскаго любимца при такихъ условіяхъ становилось весьма ненадежнымъ. Оставалось послѣднее средство: устроить, и какъ можно скорѣе, второй бракъ больного и слабаго царя и одновременно создать себѣ при дворѣ прочную партію, способную къ борьбѣ съ Милославскими. Въ этомъ направленіи усердно и работаетъ Я. Въ началѣ 1682 г. онъ прочитъ въ невѣсты царю свою свойственницу, Марөу Матвѣевну Апраксину, дѣвушку незнатнаго происхожденія, которая 14 февраля 1682 г. и вступаетъ въ

бракъ съ Θедоромъ Алексѣевичемъ. При посредствѣ молодой царицы Я. усердно начинаетъ хлопотать теперь за ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, томящагося въ дальней ссылкѣ. Этотъ умный и вліятельный человѣкъ особенно нуженъ теперь при дворѣ. Стараніями Я. дѣло Матвѣева пересматривается, участь его облегчается, затѣмъ устанавливается и его невиновность; ему возвращается часть его помѣстій, онъ переводится на жительство въ Лухъ и здѣсь ожидаетъ царскаго указа объ окончательномъ помилованіи. Но въ это время 27 апрѣля 1682 г. царь Θедоръ Алексѣевичъ умираетъ, и положеніе его приближенныхъ становится затруднительнымъ. Опасаясь владычества царевны Софьи и мести Милославскихъ, они, за исключеніемъ Голицына, становятся на сторону царевича Петра Алексѣевича и Нарышкиныхъ. Наступаетъ трудное время придворныхъ интригъ, съ которыми даже такому опытному царедворцу, какъ Я., справиться не легко; когда же вопросъ о престолонаслѣдіи осложняется затѣмъ вмѣшательствомъ буйныхъ Московскихъ стрѣльцовъ, гибель его становится неизбѣжной. Независимо отъ того, что имя Я. числилось у стрѣльцовъ въ спискахъ бояръ, неугодныхъ Милославскимъ, часть стрѣлецкаго войска имѣла свои причины ненавидѣть Я. Они мстили ему за пристрастный розыскъ по дѣлу полковника Богдана Пыжова, повлекшій за собою наказаніе стрѣльцовъ, возмутившихся противъ своего начальника. Я. въ этомъ дѣлѣ, какъ потомъ оказалось, былъ дѣйствительно не правъ; стрѣльцы обвиняли его во взяточничествѣ, но возможно, что въ этомъ случаѣ у Я. была и другая причина выгораживать стрѣлецкаго полковника: онъ не хотѣлъ обнаруживать безпорядковъ въ стрѣлецкомъ приказѣ, чтобъ не разгнѣвать начальника этого приказа, своего давнишняго покровителя, кн. Долгорукова. Правда, что стрѣльцы, забравъ большую силу послѣ смерти царя Θедора Алексѣевича, настояли на пересмотрѣ ихъ жалобъ, и слѣдствіе обнаружило виновность Я., которому временно запрещено было даже являться ко двору, но взбунтовавшіеся стрѣлецкіе полки не удовлетворились этимъ: они требовали выдачи имъ Я., и въ грозный день 15 мая 1682 г., когда пали Матвѣевъ и два Нарышкина, была рѣшена и участь любимца царя Θедора Алексѣевича. Предвидя опасность, Я. съ утра этого дня спрятался въ домѣ своего духовника при церкви Николы на Хлыновѣ, но былъ выданъ собственнымъ же холопомъ. Стрѣльцы схватили его, привели къ Архангельскому собору и здѣсь изрубили на части.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи» (изд. т-ва «Обществ. Польза»), кн. III, стр. 822, 823, 867, 886, 889, 893, 894, 896, 899, 901, 906.— «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 507, 692, 694, 875, 915, 1194; допол. къ III т., стр. 358, 414, 429; т. IV, стр. 7, 11, 14, 15, 20, 55, 63, 86, 95, 105, 111, 116, 119, 156, 174, 177.—*Н. Новиковъ*, «Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева», Спб., 1776 г., стр. 369—371.—Записка Татищева о царствованіи Θедора Алексѣевича (Моск. архивъ мин. Иностр. Дѣлъ, портфели Мюллера).

Языковъ, *Иванъ*, малоизвѣстный поэтъ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія. Онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя были помѣщены въ разныхъ журналахъ. Въ 1841 году его стихотворенія, числомъ около пятидесяти, вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Кромѣ этихъ стихотвореній, у Я. никакихъ произведеній больше не было.

Карточный каталогъ Императорской Публичной библіотеки. — Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 г. по 1846 г. М. Д. Ольхина, № 5307.

Языковъ, *Михаилъ Александровичъ*, директоръ Императорскаго стекляннаго завода. Не будучи самъ писателемъ, Я. былъ очень близокъ къ кружку выдающихся писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ и пользовался извѣстностью въ литературномъ мірѣ. Я. принималъ нѣкоторое участіе въ редакціи «Современника». До глубины души преданный интересамъ литературы, онъ всегда былъ готовъ поддержать талантъ, являясь услужливымъ другомъ и практическимъ совѣтникомъ, ободряя павшихъ духомъ при неудачахъ. Гдѣ бы Я. ни служилъ, онъ всегда сосредоточивалъ вокругъ себя кружокъ интеллигентныхъ людей, интересующихся литературою и искусствомъ. Я. былъ близкимъ другомъ Бѣлинскаго, который, по словамъ И. И. Панаева, «высоко цѣнилъ въ Я. кротость его характера, нѣжность сердца, безконечную преданность друзьямъ и отсутствіе эгоизма, доходившее до пренебреженія собственныхъ выгодъ». Я. принадлежитъ заслуга основанія общественныхъ библіотекъ въ Ка-

лугѣ и Новгородѣ. Вмѣстѣ съ Д. Толстымъ и Г. Есиповымъ онъ издалъ книгу: «Сочиненія князя Антіоха Кантемира» (С.-Петербургъ, 1836 г.). Какъ директоръ Императорскаго стекляннаго завода, Я. ознаменовалъ свою дѣятельность организаціей мозаическихъ работъ. Умеръ Я. въ половинѣ января 1885 г.

«М. А. Языковъ», некрологъ А. К. въ «Недѣлѣ», 1885 г., № 5, стр. 194—195.—*И. И. Панаевъ*, «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ», ч. II, глава VI, стр. 105, 110—112. —*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ V. *В. Грековъ.*

Языковъ, *Николай Даниловичъ*, генералъ-маіоръ Орловскаго пѣхотнаго полка, новороссійскій губернаторъ, родился въ 1740 г. и происходилъ изъ дворянъ. На службу поступилъ солдатомъ 18-го февраля 1752 г. Во время Семилѣтней войны въ чинѣ сержанта онъ неоднократно былъ командированъ конференціей въ заграничную армію курьеромъ. Въ чинѣ полковника въ 1770 г. былъ посланъ по Именному повелѣнію государыни въ Грузію и Имеретію противъ Шекомъ-паши. Въ 1771—1772 г. во время первой турецкой войны Екатерининскаго царствованія Я. находился въ сраженіяхъ съ непріятелемъ и участвовалъ въ блокадѣ крѣпости Поти на Черномъ морѣ, послѣ чего доходилъ съ полкомъ до расположенной на правомъ берегу Дуная крѣпости Силистріи. Въ 1773 г. онъ былъ за Дунаемъ при изгнаніи непріятеля изъ лагерей, находившихся противъ Гуробалъ и Силистріи; 18-го іюня Я. участвовалъ съ колонною войскъ въ атакѣ непріятельскаго ретрашемента и въ томъ же году былъ командированъ на островъ подъ Силистріей для возведенія батарей, которыя онъ защищалъ съ полкомъ въ траншеяхъ отъ непріятельскихъ атакъ. Въ 1774 г. Я. былъ въ походѣ къ Силистріи, а въ 1775 г. участвовалъ въ сраженіяхъ, закончившихся сожженіемъ Запорожской Сѣчи. Въ 1777 г. Я. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ новороссійскимъ губернаторомъ.

Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Опись 235, связка 41, дѣло № 304. *И. Артамонова.*

Языковъ, *Николай Львовичъ*, вице-адмиралъ Черноморскаго флота. Въ 1765 г. Я. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, откуда въ 1771 г. былъ выпущенъ гардемариномъ и плавалъ въ Финскомъ заливѣ. Въ 1773 г. въ чинѣ мичмана онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и затѣмъ отправился въ эскадрѣ контръ-адмирала Грейга на кораблѣ «Дмитрій Донской» въ Средиземное море. Въ 1775 г. Я. вернулся въ Кронштадтъ и до 1778 г. плавалъ въ Финскомъ заливѣ. Въ 1779 г. онъ въ чинѣ лейтенанта совершилъ переходъ отъ Кронштадта въ Сѣверный океанъ до Нордъ-Капа и обратно, а въ 1781 г. на кораблѣ «Не тронь меня» плавалъ до Ливорно и обратно. Въ 1783 г. онъ былъ переведенъ изъ Балтійскаго въ Черноморскій флотъ и въ 1784 г. въ чинѣ капитанъ-лейтенанта находился при описи р. Днѣпра, отъ Херсона до Кременчуга. Въ 1786 г. Я. былъ назначенъ совѣтникомъ по казначейской экспедиціи въ Николаевѣ и командовалъ штурманской ротой. Въ 1787 г. въ чинѣ капитана 2-го ранга онъ управлялъ шлюпкою при переѣздѣ государыни императрицы изъ Бреславля на Таврическій берегъ и обратно; за этотъ переходъ Я. былъ награжденъ золотой табакеркой. Въ томъ же году, командуя кораблемъ «Св. Александръ Невскій», онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ на Лиманѣ, гдѣ пробылъ до 1789 г., и по возвращеніи былъ награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. за «Лиманскія кампаніи». Въ 1789 г., командуя тѣмъ-же кораблемъ, Я. крейсеровалъ въ Черномъ морѣ. Въ 1790 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Керченскомъ проливѣ и у Гаджибея и въ 1791 г. въ чинѣ капитана 1 ранга награжденъ былъ орд. св. Георгія 4 кл. за отличіе. Съ 1792—1798 г. Я. состоялъ въ должности оберъ-шперъ-кригсъ-комиссара при Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи, а съ 1798—1802 г. состоялъ при конторѣ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ въ должности совѣтника по комиссаріатскому департаменту. Въ 1799 г. въ чинѣ капитанъ-командира Я. находился при проводкѣ корабля «Марія Магдалина» отъ Херсона до Лимана, въ 1802 г. въ чинѣ контръ-адмирала командовалъ эскадрой изъ 5 кораблей, 2 фрегатовъ и 2-хъ авизо въ Черномъ морѣ и былъ назначенъ присутствовать въ конторѣ главнаго командира черноморскихъ портовъ. Въ 1805 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы бѣлаго флага Черноморскаго

флота и назначенъ директоромъ черноморскаго штурманскаго училища. Въ 1808 г. Я. былъ назначенъ начальникомъ флотскихъ командъ въ Севастополѣ и въ слѣдующемъ 1809 г., за отбытіемъ главнаго командира Черноморскаго флота, управлялъ черноморскимъ департаментомъ. Въ 1811 г. Я. былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ и николаевскимъ и севастопольскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1816 г. сдалъ эту должность вице-адмиралу Грейгу.

Общій морской списокъ, т. 5.

Языковъ, *Николай Михайловичъ*, извѣстный поэтъ, родился 4 марта 1803 г. въ Симбирскѣ, въ богатой помѣщичьей семьѣ, происходившей изъ древняго русскаго дворянства; дѣтство его, баловня семьи, было окружено такими условіями, которыя развили въ немъ склонность къ удовольствіямъ и праздности, загубивъ въ немъ одновременно всякую самостоятельность и твердость характера; эти обстоятельства отразились, даже красной нитью прошли черезъ всю послѣдующую жизнь поэта. На 12-мъ году Я. былъ отданъ въ Петербургскій институтъ горныхъ инженеровъ, гдѣ воспитывались два его старшихъ брата. Не чувствуя ни малѣйшей склонности къ главнымъ институтскимъ предметамъ—математикѣ и математическимъ наукамъ—онъ учился весьма слабо, увлекаясь въ то же время чтеніемъ и поэзіей; значительное вліяніе на него въ этомъ смыслѣ оказалъ одинъ изъ воспитателей, А. Д. Марковъ, которому Я. впослѣдствіи посвятилъ прочувствованное стихотвореніе. Кое-какъ окончивъ курсъ въ горномъ институтѣ, Я., по совѣту братьевъ, перешелъ въ инженерный корпусъ. Къ этому времени относятся его первые, болѣе серьезные стихотворные опыты, въ общемъ настолько удачные, что обратили на автора вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ профессора словесности въ Дерптскомъ университетѣ, извѣстнаго литератора А. Ѳ. Воейкова, который открылъ Я. страницы своего журнала «Новости Литературы», а его самого пригласилъ перейти въ Дерптскій университетъ для занятій словесными науками. Развившееся отвращеніе къ «мумiальному существу — музѣ математики» позволило Я. съ легкимъ сердцемъ оставить инженерный корпусъ и переѣхать въ Дерптъ (1820 г.), куда влекло его также желаніе научиться нѣмецкому языку, этому, по его выраженію: «истинному алмазному ключу ко всему прекрасному и высокому». Поселившись въ семьѣ лектора нѣмецкаго языка фонъ-Борга, Я. первое время усердно работалъ надъ изученіемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и готовился къ необходимому для поступленія въ университетъ экзамену, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ трудиться и надъ совершенствованіемъ своихъ поэтическихъ опытовъ. Талантъ его постепенно развивался и крѣпъ. Вступительный экзаменъ сошелъ благополучно, и Я. былъ принятъ въ университетъ. Здѣсь на его литературное воспитаніе и поэтическія упражненія существенное вліяніе оказалъ профессоръ русской литературы Перевощиковъ, человѣкъ со странными и достаточно невѣжественными вкусами, въ значительной мѣрѣ усвоенными и Я., хотя собственно на поэзіи послѣдняго мало отразившимися. Вскорѣ произошло знакомство Я. съ Жуковскимъ, личность и бесѣды котораго произвели на молодого поэта неизгладимое впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Жуковскимъ въ Я. съ новой силой пробудилась страсть къ творчеству, временно было нѣсколько заглохшая подъ напоромъ усиленной работы для поступленія въ университетъ. Новые опыты вполнѣ упрочили за нимъ, застѣнчивымъ, неувѣреннымъ въ своихъ силахъ поэтомъ, литературную славу перворазряднаго таланта, и всѣ журналы наперерывъ добивались его сотрудничества. Поощренный этимъ, Я. продолжаетъ работать еще настойчивѣе, хотя слишкомъ разбросанно, отрывочно и безсистемно. Однако у него не было силы воли, чтобы противостоять нравамъ окружающей его среды, въ данномъ случаѣ — безшабашному образу жизни нѣмецкихъ буршей, и послѣ періода интенсивной работы онъ съ пыломъ неопытнаго юноши кинулся въ омутъ низменныхъ удовольствій, окруживъ себя «минутной младости минутными друзьями». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше втягивался онъ въ жизнь кутежа и разгула нѣмецко-студенческаго кружка и свой поэтическій даръ сталъ отдавать почти исключительно на воспѣваніе разныхъ сторонъ такой жизни; его стихотворенія этого періода носятъ преимущественно эротическій характеръ, самъ же Я. превращается въ типъ ничего не дѣ-

лающаго и предающагося лишь удовольствіямъ «вѣчнаго студента». Однако среди увлеченій кутежами и разгуломъ у Я., какъ и вообще у даровитыхъ людей, наступали періоды реакціи; тогда онъ съ необычайной энергіей набрасывался на изученіе русской и всеобщей исторіи, русской и иностранной литературы, съ увлеченіемъ начиналъ посѣщать лекціи, предпринималъ небольшія поѣздки, а главное—возвращался къ серьезному творчеству, рѣдкіе плоды котораго все больше возбуждали къ нимъ интересъ публики, современныхъ писателей и журнальныхъ редакцій. Къ этому времени Я. становится всѣми признаннымъ поэтомъ. Дельвигъ былъ о немъ высокаго мнѣнія, Пушкинъ уже въ 1823 г. призналъ его за выдающагося поэта, а въ 1826 г. писалъ Рылѣеву: «...Ты изумишься, какъ онъ (Я.) развернулся, и что изъ него выйдетъ; если ужъ кому завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать»; Булгаринъ расхваливалъ Я. въ своихъ «Литературныхъ листкахъ», Погодинъ просилъ его сотрудничества въ «Московскомъ Вѣстникѣ», Измайловъ — въ «Благонамѣренномъ», Жуковскій подарилъ ему изящный экземпляръ своихъ произведеній. Его стихотворенія печатались въ «Невскомъ Альманахѣ» Аладьина, «Сѣверномъ Архивѣ» и «Сынѣ Отечества» Булгарина, «Новостяхъ Литературы» Воейкова, «Сѣверной Пчелѣ», «Соревнователѣ Просвѣщенія», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Альціонѣ», «Полярной Звѣздѣ» и пр. Съ своей стороны Я. внимательнѣе всего относился къ «Полярной Звѣздѣ», къ редакторамъ-издателямъ которой, извѣстнымъ впослѣдствіи декабристамъ Бестужеву и Рылѣеву, онъ питалъ особыя симпатіи; въ этомъ органѣ напечатано имъ одно изъ наиболѣе любимыхъ своихъ стихотвореній—«Родина».

Лѣтомъ 1824 г. Я. ѣздилъ къ себѣ на родину, въ Симбирскую губ. Услышавъ объ этомъ, Пушкинъ черезъ университетскаго товарища Я., А. Н. Вульфа, приглашалъ его къ себѣ въ Михайловское. По свидѣтельству сестры Вульфа, Пушкинъ очень хотѣлъ этого свиданія, но оно не состоялось, главнымъ образомъ по нежеланію Я., который въ это время относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ. Въ слѣдующемъ году Я. посѣтилъ Петербургъ и Москву, гдѣ завязалъ много литературныхъ знакомствъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія на студенческой скамьѣ, онъ въ 1825 г. попытался было подготовиться къ экзаменамъ, но систематическія занятія оказались для его облѣнившагося характера непомѣрной трудностью, и Я. вновь отдался кутежамъ, приведшимъ его къ большимъ долгамъ. Лѣтомъ 1826 г. онъ уѣхалъ въ свое село Тригорское, расположенное неподалеку отъ Михайловскаго Пушкина. Тогда же и состоялось наконецъ свиданіе Я. съ великимъ поэтомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жили они вмѣстѣ, дѣлясь мыслями и поэтическими думами; этотъ періодъ, описанный Я. въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Тригорское», онъ считалъ самымъ счастливымъ въ своей жизни и любилъ вспоминать о немъ до самой смерти. Личное знакомство съ Пушкинымъ и болѣе внимательное изученіе его произведеній имѣли для Я. тотъ результатъ, что онъ измѣнилъ выработанный подъ вліяніемъ Перевощикова неблагопріятный взглядъ на поэзію Пушкина въ лучшую сторону, хотя отъ полнаго непредубѣжденія къ его произведеніямъ все же не освободился. Между тѣмъ здоровье Я. вслѣдствіе разныхъ излишествъ, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться даже въ Тригорскомъ, пошатнулось, и по возвращеніи въ Дерптъ поэтъ сталъ страдать продолжительными и мучительными головными болями, мѣшавшими ему работать; не менѣе мучила его и мысль о невозможности подготовиться къ выпускнымъ экзаменамъ, которыми его торопили родные. Неоднократныя попытки поэта приняться за серьезную къ нимъ подготовку всегда терпѣли неудачу, и онъ каждый разъ снова бросался въ омутъ кутежей, должая и запутывая свои дѣла. Убѣдившись въ полной безполезности и даже вредности дальнѣйшей жизни въ Дерптѣ, гдѣ имъ сдѣлано было болѣе чѣмъ на 28 тыс. рублей долговъ, Я. въ 1829 г. обратился къ старшему брату съ отчаяннымъ письмомъ, прося уплатить долги, разрѣшить покинуть Дерптъ и обѣщаясь дома подготовиться къ экзаменамъ и держать ихъ въ Казанскомъ университетѣ. Братъ вынужденъ былъ согласиться, и Я. переселился сначала въ Симбирскъ, а оттуда въ деревню. Однако вскорѣ стало яснымъ, что мечтѣ объ университетскомъ дипломѣ не суждено было осуществиться—слишкомъ укоренилось въ поэтѣ отвращеніе къ си-

стематическому и усидчивому труду. По поводу этого, а также и другихъ неосуществившихся мечтаній Я. впослѣдствіи писалъ: «Вообще судьба моя, несмотря на то, что она вполнѣ отъ меня зависитъ, или оттого именно, чрезвычайно странна и глупа даже. Я все какъ-то не на своемъ мѣстѣ; пишу не въ приволье, а урывками, все надѣюсь на лучшее будущее, а оно не приходитъ». Эти собственныя слова поэта лучше всего его характеризуютъ. Ему всегда казалось, что все зависитъ отъ счастливо и благопріятно сложившихся обстоятельствъ, которыя втянутъ его въ работу, въ то время какъ самъ онъ не предпринималъ никакихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Въ деревнѣ ему показалось, что его работа пойдетъ успѣшно, если онъ переселится въ Москву, куда онъ и поспѣшилъ. Здѣсь онъ поселился въ семьѣ Елагиныхъ, съ которой всю жизнь у него были самыя задушевныя отношенія. Окружающая среда подѣйствовала на Я. въ моральномъ смыслѣ весьма благопріятно, но излѣчить его отъ безпечности, отсутствія выдержки и усидчивости не могла. Въ отношеніи занятій жизнь его здѣсь, какъ и всюду, сложилась въ высшей степени безпорядочно: онъ то увлекался гомеопатіей и даже переводилъ съ нѣмецкаго соотвѣтственныя книги (сочиненія Ганемана), то начиналъ собирать народныя пѣсни для сборника своего друга П. В. Кирѣевскаго и сотрудничать въ его журналѣ «Европеецъ», то возвращался къ тяготившимъ его университетскимъ наукамъ. Въ началѣ 1831 г. онъ окончательно оставилъ всякую надежду на возможность получить университетскій дипломъ, что и выразилъ въ письмѣ къ старшему брату. «Вотъ что мнѣ хочется сдѣлать съ самимъ собою»—писалъ Я.: «отложить попеченіе объ экзаменѣ, потому что, кажется, пора назвать глупыми мои толки объ немъ и сборы къ нему, и опредѣлиться здѣсь куда-нибудь, хоть въ архивъ, примѣрно на годъ, прожить этотъ годъ въ стихописаніи, а потомъ, получивъ чинъ, переселиться въ деревню, въ глушь заволжскую, и вести жизнь тихую, трудолюбивую и, слѣдственно, благородную и прекрасную». Несомнѣнно, что въ этихъ словахъ чувствуется усталость жизнью. Въ срединѣ 1831 г. Я. дѣйствительно поступилъ на службу въ межевую канцелярію, послѣ чего, по его выраженію, «могъ уже бездѣйствовать по праву». Въ Москвѣ онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Пушкинымъ, сошелся съ Погодинымъ, С. Т. Аксаковымъ и др., и предпринялъ изданіе своихъ стихотвореній. Согласно своимъ видамъ, изложеннымъ въ выше цитированномъ письмѣ, Я. въ 1832 г. переселился въ деревню (Языково), Симбирск. губ., гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ, «наслаждаясь— какъ онъ самъ говорилъ — поэтической лѣнью».

Осенью 1836 г. съ новой силой возобновились у Я., одно время было ослабѣвшіе его недуги—солитеръ, болѣзнь спинного мозга и др., которые начали такъ быстро прогрессировать, что поэтъ вскорѣ не могъ прямо ходить, и весною слѣдующаго года принужденъ былъ уѣхать для лѣченія въ Москву, куда сопровождалъ его П. В. Кирѣевскій. Знаменитый врачъ Иноземцевъ, осмотрѣвъ Я., посовѣтовалъ ему какъ можно скорѣе ѣхать за границу. Въ сопровожденіи того же Кирѣевскаго, Я. уѣхалъ въ Маріенбадъ, оттуда въ Ганнау, гдѣ пользовался услугами знаменитаго Коппа; весною 1839 г., значительно оправившись, перебрался въ Крейцнахъ, оттуда въ Гастейнъ и наконецъ въ Римъ, куда прибылъ въ ноябрѣ. Благодатный климатъ Италіи настолько возстановилъ силы поэта, что послѣдній уже началъ подумывать о возвращеніи въ Россію. Однако въ Ганнау, куда Я. прибылъ въ 1840 г., докторъ Коппъ, къ которому поэтъ относился съ величайшимъ уваженіемъ, рѣшительно воспротивился этому плану и отправилъ Я. въ купальное мѣсто Швальбахъ. Въ половинѣ августа 1841 г. онъ въ третій разъ былъ въ Ганнау, гдѣ встрѣтился и подружился съ Гоголемъ. Послѣдній скоро уѣхалъ въ Москву печатать «Мертвыя души», но въ слѣдующемъ году вернулся и увезъ Я. съ собою въ Венецію и Римъ. Дружба Я. и Гоголя вначалѣ была горячей и искренней, хотя выражалась преимущественно въ поверхностной симпатіи — сочувственномъ отношеніи каждаго изъ нихъ къ таланту другого, свойственной имъ обоимъ религіозности и сходныхъ тѣлесныхъ недугахъ. Однако въ Римѣ, несмотря на нѣжность и заботливость Гоголя къ Я., между ними наступило замѣтное охлажденіе. «Холодно мнѣ и скучно, и даже досадно»—писалъ Я. объ этомъ періодѣ,—«что я согласился на льстивыя слова Гоголя и поѣхалъ въ Римъ, гдѣ онъ хотѣлъ и обѣщался устроить

меня, какъ нельзя лучше; на дѣлѣ вышло не то: онъ распоряжается крайне безалаберно, хлопочетъ и суетится безтолково, почитаетъ всякаго итальянца священною особою, почему его и обманываютъ на каждомъ шагу. Мнѣ же, не знающему итальянскаго языка, нельзя ничего ни спросить, ни достать иначе какъ черезъ посредство моего любезнаго автора «Мертвыхъ душъ»; я же совѣщусь его безпокоить и вводить въ заботы, тѣмъ паче, что изъ нихъ выходитъ вздоръ». Ясно, что причинами ихъ взаимнаго охлажденія были мелкія житейскія дрязги, обострявшіяся на почвѣ болѣзненнаго состоянія обоихъ поэтовъ. Кончилось тѣмъ, что они разстались — Гоголь остался въ Италіи, а Языковъ уѣхалъ на родину, по которой сталъ сильно тосковать. Сохранившаяся между ними переписка очень характерна, особенно для Гоголя, который въ это время уже переживалъ начало своего мистическаго періода.

Въ августѣ 1843 г. Я. былъ уже въ Москвѣ. Отчаявшись въ возможности излѣченія своихъ недуговъ, съ горькимъ сознаніемъ безпомощности, онъ сталъ вести безотрадную и однообразную жизнь въ четырехъ стѣнахъ, лишь изрѣдка выѣзжая, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Онъ медленно угасалъ. Этотъ періодъ жизни Я. разнообразился лишь устроенными имъ у себя еженедѣльными (по вторникамъ) собраніями знакомыхъ писателей да тѣмъ участіемъ, которое больной поэтъ принималъ въ интересахъ литературнаго и ученаго міра. Вниманіе его въ это время приковала разгорѣвшаяся страстная полемическая борьба между западниками и славянофилами. Въ началѣ Я. сохранялъ положеніе безпристрастнаго зрителя и одинаково относился къ обоимъ направленіямъ и представителямъ ихъ, дружилъ съ славянофилами, но дружилъ также и съ западниками и съ горячимъ сочувствіемъ, напр., отнесся къ чествованію Грановскаго послѣ его знаменитыхъ лекцій. Но изъ роли безпристрастнаго зрителя онъ постепенно превратился въ пылкаго приверженца идей и взглядовъ славянофиловъ. Каковы были мотивы, вынудившіе Я. стать на опредѣленную сторону, трудно сказать; отчасти сыграли здѣсь роль родственныя связи, отчасти же — рѣзкія критическія статьи о немъ Бѣлинскаго въ «Отечеств. Запискахъ»; повидимому, были и другія причины. Какъ бы то ни было, въ 1844 г. по рукамъ начало ходить написанное Я. посланіе «Къ не нашимъ», получившее въ свое время громкую извѣстность какъ своими замѣчательно звучными стихами, такъ и крайне запальчивыми и несправедливыми нападками на западниковъ (въ томъ числѣ Чаадаева, Грановскаго, Герцена и др.), которые объявлены были Я. врагами отечества. Стихотвореніе вызвало негодованіе въ противоположномъ лагерѣ; даже нѣкоторые слафянофилы были имъ недовольны. Это сильно ожесточило Я., и онъ утратилъ всякое безпристрастіе по отношенію къ обоимъ направленіямъ, встрѣчая рѣзкими нападками все, что исходило изъ лагеря западниковъ, и непомѣрными похвалами все славянофильское. Въ половинѣ декабря 1846 г. Я. простудился, заболѣлъ горячкой, и 26-го декабря 1846 г. скончался; похороненъ онъ въ Даниловомъ монастырѣ.

Въ русской литературѣ имя Я. занимаетъ довольно видное мѣсто среди поэтовъ такъ называемой пушкинской плеяды. Современниками его поэзія была встрѣчена очень сочувственно, но впослѣдствіи критика, отдавая дань справедливости ея смѣлости и оригинальности формы, стала находить въ его произведеніяхъ преобладаніе внѣшняго эффекта надъ чувствомъ искренности и указала слишкомъ часто встрѣчающуюся вычурность стиля. Бѣлинскій одинъ изъ первыхъ упрекнулъ поэта въ холодности и недостаткѣ истиннаго воодушевленія. «Въ эстетическомъ отношеніи — писалъ онъ — общій характеръ поэзіи Я. чисто риторическій, основаніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны и форма лишена истины». Однако и Бѣлинскій призналъ за Я. серьезную историческую заслугу, именно въ томъ, что его оригинальность и самобытность, «представляя полезный противовѣсъ частому явленію рабской подражательности и слѣпой рутинѣ, дала возможность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, а какъ онъ способенъ писать». Гоголь говоритъ, что поэту «не даромъ пришлось его имя — Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановишься пораженный»; Гоголь же ожи-

далъ отъ Я. «огнедышащаго слова». Издатель «Полнаго собранія сочиненій Я.», проф. Перевлѣсскій, даетъ слѣдующую характеристику поэта: «Поэзія юности была вдохновительницей Я., была главнымъ мотивомъ его стихотвореній... Она не представляетъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это ея существенный недостатокъ. За то внѣшняя сторона ея—стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Я. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ... Что бы ни избралъ Я. предметомъ стихотворенія—разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое описаніе или священную былину—онъ вездѣ является чуднымъ художникомъ слова»... Дѣйствительно, если поэзія Я. не обладаетъ глубиною мысли или разнообразіемъ содержанія, то въ ней все-таки сказывается несомнѣнный яркій и своеобразный талантъ. Правильному развитію поэтическаго дарованія Я. мѣшала его порывистая, увлекающаяся натура, легко поддававшаяся впечатлѣнію минуты и неспособная къ выдержанному труду; послѣднее обстоятельство рѣдко позволяло ему доводить до конца что-либо изъ задуманныхъ крупныхъ произведеній; часто онъ набрасывалъ нѣсколько отрывковъ, откладывая обработку цѣлаго до «болѣе благопріятнаго времени», которое ужъ не наступало; къ числу такихъ незаконченныхъ дѣтищъ поэта принадлежатъ, напр., его стихотворенія: «Разбойники» и «Меченосецъ Аранъ». При благопріятныхъ условіяхъ изъ Я. могъ бы, вѣроятно, выработаться настоящій художникъ—для этого были всѣ природныя данныя· но онъ остался только дилетантомъ въ искусствѣ, впрочемъ такимъ, у котораго бывали подчасъ просвѣты высокаго, истинно художественнаго творчества. Главные мотивы поэзіи Я., именно тѣ, которые онъ лично цѣнилъ выше другихъ, называя себя «поэтомъ радости и хмеля», «поэтомъ разгула и свободы»—нашли себѣ выраженіе въ формѣ далеко не всегда художественной; его вакхическій лиризмъ часто бываетъ слишкомъ грубымъ, значительная часть стихотвореній отличается невыдержанностью, а иногда и невоздержанностью тона, нерѣдко — неудачными выраженіями или искусственностью образовъ и сравненій. За всѣмъ тѣмъ, среди произведеній Я. можно указать и рядъ превосходныхъ стихотвореній съ чудными описаніями природы («Тригорское», «Камби» и др.), или полныя высокаго лиризма съ рѣдкой художественной отдѣлкой («Поэту», «Пловцы», «Землетрясеніе», нѣкоторыя переложенія псалмовъ и пр.); эти перлы заставляютъ забывать о недостаткахъ творчества Я. и отвести ему почетное мѣсто въ ряду русскихъ лириковъ первой половины XIX вѣка. Собранія стихотвореній Я. изданы имъ самимъ въ 1833, 1844 и 1845 гг., а затѣмъ появилось и нѣсколько посмертныхъ изданій, изъ которыхъ позднѣйшее (СПб., 1858 г.) вышло подъ ред. проф. Перевлѣсскаго.

В. И. Шенрокъ, «Н. М. Языковъ, біографическій очеркъ» («Вѣстникъ Европы», 1897 г., №№ 11 и 12).—*М. И. Семевскій,* «Н. М. Языковъ; новыя стихотворенія и письма» («Русск. Архивъ», 1867 г., № 5—6, стр. 712—748).—«Біографическіе очерки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ уроженцевъ Симбирской губ.» («Сборникъ историч. и статистич. матеріаловъ о Симб. губ. на 1868 г.»), стр. 238—247.—*Н. В. Гербель,* «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, періодъ третій (Спб., 1873 г.).—*П. Полевой,* «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ» (Спб., 1879 г., 2 изд.).—*М. С.,* «Прогулка въ Тригорское; замѣтки и матер. для біограф. Пушкина, Языкова, Дельвига и др.» («СПб. Вѣдом.», 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168, 175).—*В. П.,* «Цыганка Таня о Пушкинѣ и Языковѣ» (ibid., 1875 г., № 131).—«Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера, т. II.—«Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго».—«Сочиненія Гоголя», изд. Кул., т. VI (письма).—*С. Т. Аксаковъ,* «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» («Русск. Арх.», 1890 г., № 8, стр. 66).—*Д. Н. Свербеевъ,* «Воспоминанія объ А. И. Герценѣ» (ibid., 1872 г., стр. 679).—*Жихаревъ,* «П. Я. Чаадаевъ» («Вѣстн. Евр.», 1871 г., № 6, стр. 247).—«Біографическіе очерки» къ посмертн. изданіямъ стихотвор. Языкова.—*А. В. Никитенко,* «Біографич. очеркъ М. П. Вронченко» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1867 г., ч. 136).—«Изъ старой записной книжки кн. П. А. Вяземскаго» («Русск. Арх.», 1875 г., № 5).—«Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., № 45.—«СПб. Вѣд.», 1866 г., № 332.—«Никол. Мих. Языковъ» («Нива», 1876 г., № 5).—«Русскіе писатели въ портретахъ и образцахъ», изд. Г. Н. Каранта (Одесса, 1901 г.) стр. 129—130.

Н. Сербовъ.

Языковъ, *Осипъ,* переводчикъ при русскомъ посольствѣ (1600—1609 г.г.). Много разъ Я. ѣздилъ съ русскимъ посольствомъ въ Польшу и другія сосѣднія государства. Въ началѣ 1609 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Литовцами. Про-

бывъ въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ, Я. былъ освобожденъ вмѣстѣ съ княземъ Гагаринымъ и его семействомъ и др. и возвратился въ Москву 28 мая 1609 года.

«Никоновская лѣтопись», стр. 112. — *Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. XII, прим. 361.

Шусаловъ.

Языковъ, *Петръ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ. Поступивъ въ 1816 г. въ институтъ путей сообщенія, Я. въ 1818 г. былъ произведенъ въ прапорщики и въ 1820 г.—въ поручики. Въ томъ-же году онъ былъ назначенъ въ IX округъ путей сообщенія, гдѣ его служба продолжалась до 1823 г., когда онъ получилъ новое назначеніе — репетиторомъ института. Въ 1825 г., въ чинѣ капитана, Я. былъ переведенъ изъ IX округа въ I-ый и командированъ въ вѣдѣніе капитана Линдена для изысканій по опредѣленію новаго направленія Московскаго шоссе отъ г. Крестцовъ. Въ слѣдующемъ 1826 году Я. былъ командированъ къ капитану Крафту въ качествѣ помощника для составленія проекта по соединенію Волги съ Дономъ и по соединенію въ Рязанской губ. Дона съ Окою. Въ 1827 г. на него возложено было составленіе проекта для осушенія болотистыхъ мѣстъ въ дачахъ Царскосельскаго правленія. Тогда-же, по Высочайшему повелѣнію, ему былъ порученъ переводъ съ французскаго на русскій языкъ сочиненія генералъ - адъютанта барона Жомини: «Краткое начертаніе военнаго искусства или новый аналитическій обзоръ главныхъ соображеній стратегіи, высшей тактики и военной политики». За этотъ трудъ Я. былъ награжденъ государемъ подаркомъ въ 500 р. ассигнаціями. Въ 1829 г. онъ былъ произведенъ въ маіоры, черезъ два года былъ утвержденъ профессоромъ военныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ институтѣ, а въ 1832 г. началъ преподаваніе курса военной географіи въ основанной тогда Императорской военной академіи. По своей спеціальности Я. издалъ сочиненіе: «Опытъ теоріи военной географіи»; сочиненіе это было удостоено Академіей Наукъ Демидовской преміи и переведено И. Ф. Штукенбергомъ на нѣмецкій языкъ и издано въ Берлинѣ въ 1840 г. Въ 1842 г., въ чинѣ полковника, Я. былъ назначенъ инспекторомъ классовъ строительнаго училища и тогда-же оставилъ занятія по преподаванію въ Императорской военной академіи. Въ 1843 г. онъ былъ переведенъ инспекторомъ классовъ въ институтъ корпуса путей сообщенія и занималъ эту должность до 1849 г. За это время Я. состоялъ членомъ многихъ комитетовъ: для начертанія общаго плана водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній въ Имперіи, комитета о геодезическихъ инструментахъ, комитета по изданію полнаго строительнаго устава и комитета для исправленія программы по спеціальному испытанію удостоиваемыхъ къ производству въ классные чины служащихъ вѣдомства путей сообщенія. Въ 1849 г., въ чинѣ генералъ-маіора, Я. былъ назначенъ членомъ совѣта аудиторіата и учебнаго комитета главнаго управленія путей сообщенія. Въ 1853 г. онъ состоялъ предсѣдателемъ статистическаго комитета главнаго управленія. Съ 1858—1865 гг. Я. занималъ должность директора департамента желѣзныхъ дорогъ (съ 1859 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта) и съ 1865 г. состоялъ членомъ совѣта министерства Путей Сообщенія. Во время своей службы Я. принималъ участіе въ изданіи журнала путей сообщенія. Въ 1834 г. онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ комитета по изданію журнала и въ 1843 г., состоя членомъ въ общемъ присутствіи департамента проектовъ и смѣтъ, разсматривалъ статьи для журнала путей сообщенія. Въ этомъ-же журналѣ были напечатаны слѣдующія его статьи: «О разрѣшеніи построеніемъ задачъ 3-й и 4-й степени» (переводъ Ламе, 1827 г.); «О соображеніяхъ стратегическихъ, имѣющихъ непосредственное вліяніе на искусство инженеровъ путей сообщенія» (1836 г.); «О пользѣ крѣпостей (1837 г.)»; «Опредѣленіе теоріи искусствъ вообще»; «Польза, приносимая теоріею въ дѣйствіяхъ практическихъ» (1838 г.); «О ходѣ и развитіи теоріи стратегіи» (1839 г.); «Описаніе прохода чрезъ Сенъ-Готардъ»; «О пользѣ укрѣпленныхъ лагерей въ стратегическомъ отношеніи»; «Замѣчанія относительно системы расположенія крѣпости Кобленца»; «Извѣстія о новой крѣпости, устроенной въ Тиролѣ» (1840 г.) и «О дорогахъ, составляющихъ стратегическія линіи» (1841 г.). Сверхъ того, Я. отдѣльно издалъ вышепоименованныя сочиненія по стратегіи и

по военной географіи. Умеръ Я. 6 августа 1869 г.

Архивъ министерства Путей Сообщенія. — С. *Житковъ*, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія».

Языковъ, *Петръ Михайловичъ*, геологъ, авторъ «Записной книжки», отрывки изъ которой были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1867 и 74 г.г. Родился Я. въ г. Симбирскѣ 26-го іюня 1798 г. Десяти-двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ увезенъ изъ Симбирска въ Петербургъ и отданъ тамъ на воспитаніе въ горный кадетскій корпусъ, который черезъ 6 лѣтъ блестяще окончилъ первымъ по выпуску и получилъ серебряную и золотую медали. Не нуждаясь, въ силу происхожденія своего изъ богатой дворянской семьи, въ кускѣ хлѣба и не желая избирать себѣ служебной карьеры, Я. рѣшилъ посвятить себя ученой дѣятельности и съ этою цѣлью прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, занимаясь преимущественно геологіей, которая сильно заинтересовала его еще во время пребыванія въ корпусѣ. Но смерть отца, послѣдовавшая въ 1819 г., и необходимость заняться имѣніями, доставшимися ему въ наслѣдство, заставили Я. уѣхать въ Симбирскъ и поселиться тамъ надолго; мысль о профессурѣ была такимъ образомъ покинута, но интересъ къ наукѣ остался прежній. Въ 1824 г. Я. женился на Е. П. Ивашевой, а въ 1838—40 г.г. былъ за границей вмѣстѣ съ своимъ больнымъ братомъ, знаменитымъ поэтомъ пушкинскаго періода, Н. М. Языковымъ. Въ Германіи и Италіи онъ познакомился съ учеными того времени Бронномъ, Бухомъ, Де-Серромъ и др. и пріобрѣлъ массу еще не имѣвшихся въ Россіи руководствъ по геогнозіи, палеонтологіи и геологіи. Возвратясь домой, Я. рѣшилъ изучить геологическую исторію своего родного края и пополнить имѣвшуюся у него палеонтологическую коллекцію; съ этой цѣлью онъ обошелъ почти всю Симбирскую, часть Казанской и Самарской губ., принималъ участіе въ ученыхъ экскурсіяхъ проф. Рулье по Московской губ., собиралъ всюду самъ и просилъ другихъ присылать ему различныя кости, раковины и др. окаменѣлости, тщательно очищалъ и подвергалъ строгой критикѣ каждую находку—словомъ, въ концѣ концовъ добился своего: послѣ его смерти остался палеонтологическій кабинетъ почти единственный въ то время въ Россіи по богатству и тщательному подбору составлявшихъ его предметовъ. Такимъ образомъ Я. вмѣстѣ съ русскими геологами—Эйхвальдомъ, Кайзерлингомъ, Рулье, Симашкой, фонъ-Каваленомъ, Мейндорфомъ и Вагнеромъ, съ которыми онъ имѣлъ частыя сношенія, по справедливости можетъ считаться однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало геологическому описанію Россіи. Но не одною исключительно геологіей интересовался Я.: одно время, именно въ 1830-хъ годахъ, онъ изучалъ гомеопатію, бывшую тогда еще новинкой. Въ теченіе всей своей жизни онъ записывалъ народныя сказанія и пѣсни, сообщалъ сдѣланныя имъ интересныя наблюденія по метеорологіи, принималъ участіе въ составленіи столбцовъ древнихъ рукописей, собиралъ историческіе памятники древности—словомъ, не было такой области науки, которая не привлекала бы къ себѣ его вниманія и которой онъ не старался бы по мѣрѣ силъ быть полезнымъ. При устройствѣ въ 1837 г. въ г. Симбирскѣ выставки, по случаю пріѣзда бывшаго тогда еще наслѣдникомъ императора Александра II-го, Я. представилъ всѣ главныя формаціи Симбирской губ. и много рѣдкихъ окаменѣлостей, при чемъ лично объяснялъ наслѣднику выставленные предметы. Для г. Симбирска память Я. должна быть дорога особенно тѣмъ, что онъ первый поддержалъ мысль объ устройствѣ въ Симбирскѣ библіотеки въ память Карамзина и только благодаря его трудамъ и пожертвованію братомъ его Н. М. Языковымъ 2-хъ тысячъ томовъ, дѣло это стало на болѣе твердую почву; кромѣ того, Я. была составлена карта почвъ Симбирской губ. и написана краткая исторія ея городовъ. Мелкія научныя статьи, число которыхъ доходитъ до 30-ти, были помѣщаемы имъ большею частью или въ «Горномъ Журналѣ», «Москвитянинѣ» и разныхъ газетахъ, или въ «Трудахъ Минералогическаго Общества и Общества Естествоиспытателей въ Москвѣ». Въ 1851 г. простудившись, Я. захворалъ и не могъ уже болѣе встать съ постели; скончался онъ 17 іюня 1851 года и былъ похороненъ въ своемъ родовомъ имѣніи Языковѣ. Два дѣтища, оставшіяся послѣ его смерти—библіотека и палеонтологическій кабинетъ—были пожертвованы наслѣдниками, первая—въ Карамзинскую библіо-

теку, гдѣ она сгорѣла во время пожара 1864 г., второй—въ музей горнаго института, гдѣ находится и по настоящее время подъ именемъ кабинета П. М. Языкова.

«Сборникъ историческихъ матеріаловъ Симбирской губ.», изд. 1868 г.
А. Циммерманъ.

Языковъ, *Степанъ Антиповичъ*, генералъ-поручикъ, членъ военной коллегіи. Службу свою началъ еще при Аннѣ Іоанновнѣ, но особенно выдвинулся во время Семилѣтней войны. Произведенный 25-го декабря 1755 г. изъ подполковниковъ въ полковники, онъ 5-го января 1758 г., минуя бригадирскій чинъ, былъ произведенъ прямо въ генералъ-маіоры. Продолжая состоять при русской арміи за границей., Я. 14-го апрѣля 1759 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ военной коллегіи, при чемъ, признавая необходимымъ его пребываніе при нашей заграничной арміи, императрица Елизавета Петровна повелѣла не вызывать его изъ-за границы къ исполненію новыхъ служебныхъ обязанностей до окончанія войны съ королемъ прусскимъ. Впрочемъ, Я. не долго пришлось оставаться въ рядахъ нашей заграничной арміи: 11-го декабря 1760 г. онъ скончался.

П. Барановъ, «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ», т. III, Спб., 1878 г., стр. 315 (10,600), 361 (10,986), 400 (11,321), 439 (11,600), 444 (11,688).
Е. Я.

Языковъ, *Степанъ*, штабъ-лѣкарь, писатель. Поступилъ ученикомъ въ гребной флотъ въ 1787 г., откуда пять лѣтъ спустя перешелъ въ С.-Петербургскій генеральный госпиталь, а еще черезъ годъ былъ произведенъ въ подлѣкари. Уволенный въ 1796 г., онъ въ 1802 г. поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и черезъ два года былъ выпущенъ оттуда кандидатомъ хирургіи, съ назначеніемъ въ Петербургскій военный сухопутный госпиталь. Въ этомъ же году онъ напечаталъ свое сочиненіе: «Новыя практическія наставленія, содержащія въ себѣ достаточное и подробное описаніе всѣхъ обыкновенныхъ болѣзней собакъ, особенно бѣшенства, съ показаніемъ надлежащаго способа распознаванія и лѣченія оныхъ» (Спб., 1804 г.). Назначенный въ 1806 г. младшимъ лѣкаремъ Оренбургскаго драгунскаго полка, Я. прослужилъ въ этой должности шесть лѣтъ—до назначенія своего въ 1812 г. штабъ-лѣкаремъ Казанскаго военнаго госпиталя. Послѣднюю должность, впрочемъ, онъ занималъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ и въ томъ же 1812 г. вышелъ въ отставку.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 176.—«Россійскій медицинскій списокъ» на 1809 г., стр. 111; на 1810 г., стр. 120; на 1811 г., стр. 123.
Е. Я.

Языковъ, *Ѳедоръ*, поручикъ, депутатъ отъ дворянства Ростовскаго уѣзда въ Екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Изъ отдѣльныхъ «мнѣній», читанныхъ Я. въ засѣданіяхъ коммиссіи, извѣстны слѣдующія: 1) о предоставленіи крестьянамъ права свободной торговли; 2) о мѣрахъ сокращенія судопроизводства; 3) о воспрещеніи землепашцамъ продажи земель; 4) объ отдѣленіи правъ дворянъ отъ правъ тѣхъ дворянъ, которые получаютъ это званіе черезъ офицерскій чинъ; 5) о заведеніи особой книги, куда бы заносились дворянскія фамиліи, пожалованныя этимъ достоинствомъ по Высочайшей власти за отличныя ихъ заслуги и 6) о воспрещеніи дворянамъ имѣть фабрики и торговлю. Первое «мнѣніе» было прочитано Я. въ засѣданіи 12 ноября 1767 г.; оно явилось, какъ протестъ противъ домогательства депутатовъ отъ купечества стѣснить, въ своихъ интересахъ, торговлю крестьянъ, воспретивъ послѣднимъ торговать свои продукты врозницу. Соглашаясь съ тѣмъ, что крестьяне, какъ земледѣльцы, пользующіеся своимъ жеребьемъ, не должны вступать въ торги, предоставленные закономъ купечеству, Я. тѣмъ не менѣе находилъ несправедливымъ и даже невыгоднымъ для самого купечества стѣснять крестьянъ въ продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства. Онъ считалъ необходимымъ «означить предметы, которыми бы крестьянамъ не было воспрещено пользоваться, для всеобщей необходимости, какъ, напримѣръ: всякаго рода хлѣбъ, пенька, ленъ, сукна, холстъ, мясо, сало, воскъ и прочее; и какъ все это есть собственный ихъ продуктъ, то дозволить имъ скупать его у своей собратьи и продавать купечеству, означивъ при томъ только мѣру

и вѣсъ». При этомъ докладчикъ указывалъ и на ту выгоду, которую извлекутъ купцы при такой постановкѣ торговаго дѣла, не будучи вынуждены ѣздить для закупки товаровъ по городамъ. На возраженія же со стороны купечества, что въ такомъ случаѣ крестьяне станутъ вывозить свои припасы за границу, Я. отвѣчалъ, что подобные факты могутъ явиться только результатомъ незаконнаго попустительства со стороны самихъ же купцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, по соглашенію съ безземельными крестьянами, предоставляютъ имъ возможность чужимъ именемъ производить въ портовыхъ городахъ подобныя торговыя операціи. Я. считалъ необходимымъ бороться съ этимъ зломъ, замѣченнымъ и въ его дни, законнымъ порядкомъ.

Второе «мнѣніе» Я., касающееся упрощенія и сокращенія судопроизводства, было представлено имъ уже въ то время, когда засѣданія коммиссіи, значительно сократившейся, были перенесены изъ Москвы въ Петербургъ. Оно складывается изъ трехъ «мнѣній» (читанныхъ въ засѣданіяхъ 22-го, 26-го и 28-го февраля 1768 г.), которыя въ общемъ представляютъ одну послѣдовательную судебную реформу. Для ускоренія и упрощенія крайне запутаннаго судопроизводства Я. предлагаетъ здѣсь оградить судныя дѣла отъ «выдумокъ ябедниковъ и стряпчихъ» и съ этой цѣлью постановить, «чтобы рѣшеніе суда производимо было по одной только челобитной истца и по письменному объясненію отвѣтчика», при чемъ «въ обоихъ случаяхъ писать только то, что относится до настоящаго дѣла, безъ примѣси чего-либо посторонняго, и со всѣми доказательствами истинъ». Далѣе онъ полагаетъ необходимымъ стѣснить нѣсколько и право апелляцій, подвергая денежнымъ штрафамъ истцовъ за неосновательныя жалобы въ апелляціонныхъ инстанціяхъ и судій—за незаконныя рѣшенія дѣлъ при первоначальномъ разбирательствѣ. Наконецъ, для уменьшенія числа дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ Я. находитъ полезнымъ учредить нѣчто въ родѣ дворянской опеки для наблюденія за помѣстьями дворянъ, поручивъ это дѣло выборному лицу отъ дворянскаго общества каждаго уѣзда, и предоставить рѣшеніе мелкихъ споровъ особымъ выборнымъ «словеснымъ судьямъ» (по четыре на каждый уѣздъ), на обязанности которыхъ лежало бы на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ и тутъ же устно постановить рѣшеніе, составивъ только для своего «оправданія» краткую записку о томъ, «въ чемъ состояла просьба и чѣмъ она рѣшена». Высказывая свое третье «мнѣніе» о безусловномъ воспрещеніи землепашцамъ продавать земли, Я. имѣлъ въ виду интересы ихъ потомковъ, которые могли бы придти отъ этого къ полному обнищанію. Но, къ сожалѣнію, Я. не могъ отрѣшиться отъ узко-сословныхъ интересовъ дворянства, когда высказывалъ вышеприведенныя четвертое и пятое «мнѣнія», опасаясь умаленія правъ и преимуществъ дворянъ. Наконецъ, шестое «мнѣніе» Я. о воспрещеніи дворянамъ торговать и имѣть фабрики обусловливалось характеромъ самыхъ предпріятій, мѣшающихъ имъ заботиться о государственной и общественной пользѣ.

Въ томъ же 1768 г., къ которому относятся приведенные выше судебные проекты Я., онъ баллотировался въ коммиссію «о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства, о поселеніи, рукодѣліи, искусствахъ и ремеслахъ», а также и въ коммиссію «о почтахъ и гостинницахъ», въ которую и былъ выбранъ членомъ, получивъ 143 избирательныхъ голоса. Впрочемъ, о занятіяхъ его въ этой коммиссіи не сохранилось никакихъ свѣдѣній. 23 декабря того же года Я. просилъ уволить его временно, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ обязанностей депутата и дозволить присутствовать въ засѣданіяхъ вмѣсто него Никитѣ Жилину.

«Сборникъ Имп. Русскаго Истор. Общ.», т. IV, стр. 77, 154, 163, 164, 191, 192, 353—358; т. VIII, стр. 243; т. XIV, стр. 44, 49, 64; т. XXXII, стр. 44, 99, 119, 172, 279, 290; т. XXXVI, стр. 152. *А. Г.*

Якимахъ, *Алексѣй Абрамовичъ*, генералъ-лейтенантъ, вице-директоръ главнаго артиллерійскаго управленія, родился въ 1805 г. и воспитывался дома. Службу свою Я. началъ въ 1821 г. бомбардиромъ 4-й роты 13-ой артиллерійской бригады. Шесть лѣтъ спустя, онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Назначенный въ чинѣ поручика бригаднымъ адъютантомъ, Я. затѣмъ состоялъ адъютантомъ при начальникѣ дивизіи, а въ 1847 г., будучи уже въ чинѣ капитана, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера и въ этой должности оставался восемь лѣтъ. Командированный

20-го іюля 1855 г., по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе начальника войскъ въ Крыму для личнаго объясненія и содѣйствія къ переформированію батарей шести пѣхотныхъ корпусовъ изъ 12-ти орудійнаго состава въ 8-ми орудійный, Я. провелъ въ Крыму около трехъ мѣсяцевъ и въ это время участвовалъ въ сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ и на Ѳедюхиныхъ высотахъ, а затѣмъ находился въ Севастополѣ и нѣсколько разъ принималъ самое дѣятельное участіе въ отраженіи непріятеля, особенно при его нападеніяхъ на Малаховъ курганъ и при общемъ штурмѣ города, при чемъ за отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью «за храбрость». Возвратившись въ Петербургъ, Я. былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера, а затѣмъ въ 1856 г. получилъ новое назначеніе—помощникомъ начальника штаба Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера, и произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Эту должность онъ занималъ около семи лѣтъ, при чемъ въ то-же время ему приходилось много работать въ качествѣ члена разныхъ комитетовъ и коммиссій, касавшихся преобразованій военно-административнаго характера, такъ какъ рѣдко какая коммиссія обходилась безъ его участія. Въ 1863 г. Я. былъ назначенъ вице-директоромъ главнаго артиллерійскаго управленія съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и эту должность занималъ до самой своей смерти. За свою 45-ти лѣтнюю службу онъ имѣлъ много орденовъ, до ордена Бѣлаго Орла включительно. Я. скончался 18-го октября 1866 года въ Петербургѣ, на 62 году отъ рожденія.

«Иллюстрированная Газета», 1866 г., № 48.—«Военный Сборникъ», 1866 г., т. 52, № 12, стр. 115—116.—«Русскій Инвалидъ», 1866 г., № 298. *Е. Ястребцевъ.*

Якимовъ, *Василій Яковлевичъ,* профессоръ Харьковскаго университета по каѳедрѣ русской словесности, родился въ 1800 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи курса въ Бѣлгородской духовной семинаріи Я. въ 1823 г. поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ на словесный факультетъ, который окончилъ въ 1826 г. съ званіемъ кандидата и получилъ въ то же время золотую медаль за сочиненіе. Въ 1827 г. Я. былъ опредѣленъ учителемъ словесности въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1831 г. ему поручено было преподавать словесность въ университетѣ. Въ слѣдующемъ 1832 г. онъ получилъ въ Петербургскомъ университетѣ степень магистра словесныхъ наукъ и утвержденъ былъ адъюнктомъ по этому предмету.

Я. жилъ и работалъ въ самую тяжелую для науки эпоху, при весьма печальныхъ условіяхъ личнаго воспитанія и семейной обстановки. Академикъ М. И. Сухомлиновъ, слушавшій въ молодости лекціи Я., въ своемъ отзывѣ о немъ осторожно замѣчаетъ о «крайне неблагопріятныхъ условіяхъ его воспитанія и жизненной обстановки въ годы молодости». Другой его слушатель Де-Пуле говоритъ, что Я. «опустился отъ разстройства экономическихъ и семейныхъ дѣлъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, но какой-то забитый или надломленный, а потому и дѣломъ своимъ занимался спустя рукава; случалось, что по приходѣ онъ тотчасъ уходилъ съ лекціи, сознаваясь, что не приготовился къ чтенію». Яснѣе выражается по этому поводу неизвѣстный его слушатель Н. въ воспоминаніяхъ своихъ о харьковскихъ профессорахъ 30-хъ годовъ: «Первоначальное воспитаніе Я. въ семинаріи наложило на него неизгладимый типъ своеобразныхъ воззрѣній на жизнь и науку». Наконецъ Д. П. Хрущовъ говоритъ: «Я. читалъ вяло, безцвѣтно, голосомъ медоточивымъ. Онъ былъ, что называется, ума твердаго, но простого. Впрочемъ, онъ былъ добрый человѣкъ и его мы любили». Какъ бы однако ни были неблагопріятны условія первоначальнаго воспитанія, Я., повидимому, не стремился наверстать недочеты его позднѣйшими усиліями. Онъ не былъ совсѣмъ замкнутъ въ харьковской провинціальной жизни: бывалъ въ Петербургѣ, входилъ въ общеніе съ нѣкоторыми выдающимися учеными и писателями, напр., кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, но ни въ чемъ незамѣтно на немъ какихъ-либо освѣжающихъ столичныхъ вліяній ученыхъ или литературныхъ.

Не ограничиваясь преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и не довольствуясь содержаніемъ пансіонеровъ, Я. пріобрѣлъ

себѣ домъ и открылъ свой собственный пансіонъ для дѣтей купеческаго сословія, нѣчто въ родѣ коммерческаго училища, съ преподаваніемъ предметовъ гимназическаго курса, но безъ древнихъ языковъ. Потребности въ такой школѣ въ то время, повидимому, совсѣмъ не было въ купеческомъ сословіи, и пансіонъ, кромѣ разоренія, ничего не принесъ Я., а между тѣмъ эта педагогическая дѣятельность отвлекала его отъ ученыхъ профессорскихъ занятій.

По отзывамъ Де-Пуле, Я. «принадлежалъ къ риторамъ старой школы, писалъ разсужденія въ стихахъ и въ прозѣ о краснорѣчіи, о красотахъ и изобиліи русскаго языка и т. п. предметахъ... Онъ принадлежалъ къ числу литераторовъ 20 и 30-хъ годовъ; на тогдашнемъ міросозерцаніи онъ остановился и не пошелъ далѣе. Онъ писалъ для актовъ торжественныя рѣчи, былъ убѣжденъ въ необходимости писать такія-же стихотворенія и даже пѣснопѣнія, требовалъ отъ студентовъ того же, хотѣлъ, чтобы они изучали «Россіаду», но, къ счастью, требовалъ онъ и хотѣлъ всего этого какъ-то сонно и апатично. Я. читалъ студентамъ эстетику довольно сносно и исторію русской литературы совсѣмъ ужъ плохо». Я. оставилъ послѣ себя 10 сочиненій, изъ которыхъ одно лишь, и при томъ съ большою натяжкою, можетъ быть признано ученымъ изслѣдованіемъ—«О краснорѣчіи въ Россіи до Ломоносова»—докторская диссертація, которая, по отзыву академика Сухомлинова, «отличается безцвѣтностью содержанія и наивностью критическихъ пріемовъ». Четыре другихъ его произведенія относятся къ литературно-мистическимъ разсужденіямъ — «О безсмертіи человѣка», «Объ отношеніи просвѣщенія къ истинамъ откровенія» и т. п. Это было время, когда въ Харьковскомъ университетѣ попечитель Е. В. Карнѣевъ насаждалъ благочестіе и когда здѣсь процвѣтало «студенческое библейское сотоварищество», въ которомъ, между прочимъ, Я. изощрялся въ благочестивыхъ разсужденіяхъ и въ истолкованіяхъ псалмовъ, описывая въ виршахъ сотвореніе міра, появленіе перваго человѣка и проч. Не лучше и другія разсужденія автора на темы патріотическія и панегирики сильнымъ міра. Я. принадлежитъ разсужденіе «Даръ слова», произнесенное въ торжественномъ собраніи университета въ 1831 г., являющееся яркимъ выраженіемъ тогдашняго риторическаго педантизма. Эта рѣчь была напечатана въ университетскомъ изданіи отдѣльно. Въ заслугу Я. однако нужно поставить его любовь къ Шекспиру. Въ 30-хъ годахъ имъ были изданы переводы «Король Лиръ» и «Венеціанскій купецъ»; въ рукописи же остались: «Отелло», «Цимбалинъ», «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и «Что вамъ угодно». Академикъ Сухомлиновъ, по поводу этихъ переводовъ, замѣчаетъ: «Съ настойчивымъ, упорнымъ трудолюбіемъ Я. изучилъ Шекспира, и рѣшился перевести на русскій языкъ съ буквальной точностью, сохраняя всѣ особенности слога и способа выраженія подлинника... Нельзя не отдать справедливости трудолюбію Я., который при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ его жизни основательно изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ англійскій». Пунктуальность перевода, однако, оказалась вредной. Выходившіе одновременно переводы Полевого и Кронберга, по легкости и ясности, оставили позади себя тяжелые переводы Я. Тѣмъ не менѣе Я. дорожилъ своими переводами изъ Шекспира, читалъ ихъ въ Петербургѣ у князя В. Ѳ. Одоевскаго, при чемъ послѣдній для выслушанія пригласилъ даже П. А. Вяземскаго и А. С. Пушкина. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, слушалъ ли Якимова великій поэтъ и какое вынесъ отъ перевода впечатлѣніе.

Въ 1839 г., помимо желанія Я., къ нему былъ выбранъ помощникъ, а въ 1852 г. онъ былъ забаллотированъ и вынужденъ былъ выйти въ отставку. Умеръ Я. въ 1853 г.

Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. II, стр. 203, 249, 252, 300, 340, 357, 492, 576, 584, 593, 594, 601—603, 666, 667, 698, 731, 732, 819, 871.—*Н. Сумцовъ*, проф., «В. А. Якимовъ» («Южный Край», 1903 г., № 7948).

Якимовъ, *Василій*, литейный мастеръ въ царствованіе Екатерины II и Александра I. Даты рожденія и смерти его неизвѣстны. Воспитывался Я. въ Императорской Академіи Художествъ, куда поступилъ въ 1772 г.; въ академическихъ документахъ онъ упоминается въ 1776 г. воспитанникомъ 4 возраста, занимающимся по классу «мѣднаго и чеканнаго мастерства»; подъ этимъ же годомъ указываются и нѣкоторыя ученическія работы, которыя онъ выполнилъ: «модель изъ

воску одной чернильницы», «вазъ», «корпусъ для стѣнныхъ часовъ съ горизонтальнымъ квадранто» и пр. Работы эти выполнены имъ, повидимому, вполнѣ успѣшно, потому что уже въ слѣдующемъ 1777 г. онъ былъ повышенъ въ подмастерья; въ значительности его успѣховъ особенно убѣждаетъ насъ вылитый и отчеканенный имъ миніатюрный видъ монумента Петра Великаго, признанный совѣтомъ Академіи настолько тонко и изящно сдѣланнымъ, что онъ былъ поднесенъ государынѣ, а Я. было присуждено за него 100 рублей. По окончаніи Академіи Я. открылъ въ Петербургѣ небольшую бронзо- и мѣдно-литейную мастерскую, въ которой отливалъ и чеканилъ разныя художественныя вещи, главнымъ образомъ по заказамъ Академіи; такъ, напр., въ январѣ 1797 г. Академіей была заказана ему отливка изъ мѣди и чеканка статуй «Юпитера», «Аполлона», «Кліо», «Фауна Сансовино», «Фауна Аполлино» и др. съ платой за каждую изъ нихъ по 350 руб. Работы были признаны вполнѣ удовлетворительными, и въ слѣдующемъ 1798 г. Я. за ихъ исполненіе получилъ званіе мастера. Этотъ успѣхъ побудилъ Я. при слѣдующихъ заказахъ значительно повысить свои требованія, какъ контрагента. Въ заключенномъ между нимъ и Академіей Художествъ въ 1799 г. контрактѣ объ отливкѣ статуй «Фауна Флорентинскаго», «Меркурія Капитольскаго», «Фауна съ виноградомъ», «Игрока съ дискомъ», «Антиноя Капитольскаго», «Мелеагра Бельведерскаго» и «Гладіатора» работа каждой изъ нихъ оцѣнивается въ 800 руб., притомъ мѣдь дается изъ казны, въ то время какъ въ предшествующей работѣ Я. долженъ былъ ставить весь матеріалъ на собственныя средства. Заказъ вновь былъ выполненъ вполнѣ удачно. На тонкость и изящество работъ Я. обратилъ вниманіе императоръ Александръ I и въ 1801 г. поручилъ ему отливку памятника Суворову, которую Я. выполнилъ настолько хорошо, что, по Высочайшему повелѣнію, былъ произведенъ въ коллежскіе асессоры, хотя на службѣ онъ не считался. Слава Я., какъ выдающагося литейщика художественныхъ произведеній, росла съ каждой работой. За великолѣпно отлитую въ 1816 г., по Высочайшему повелѣнію, бронзовую статую «Актеона» ему не только была уплачена значительная для того времени сумма въ 3055 руб., но, сверхъ того, «въ знакъ Высочайшаго благоволенія» пожалованъ брильянтовый перстень. Съ этого времени Я. заказываютъ самыя отвѣтственныя работы, иллюстраціей чему могутъ служить, напр., порученное ему въ 1819 г. сооруженіе монумента Минину и Пожарскому, за исполненіе котораго онъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Анны 2 степ., и отливка имъ статуи знаменитаго филантропа Говарда для памятника въ Херсонѣ. Въ своемъ рѣшеніи о сдачѣ послѣдняго заказа совѣтъ Академіи, между прочимъ, аттестуетъ Я. въ такихъ выраженіяхъ: «...Работу возложить на г-на литейнаго мастера коллежскаго совѣтника Якимова по отличному его искусству въ отливаніи изъ бронзы всякаго рода большихъ художественныхъ произведеній».

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія», т. I. (Спб., 1864 г.), стр. 207, 220, 227, 296, 356, 372, 377, 386, 387, 395, 422, 515, прим. 425; т. II (Спб., 1865 г.), стр. 75, 142. *Сербовъ.*

Якимовъ, *Иванъ Петровичъ*, художникъ исторической живописи, родился въ 1748-мъ г. Въ сентябрѣ 1761-го года Я. поступилъ въ живописный классъ Императорской Академіи Художествъ. Во время пребыванія въ Академіи онъ въ 1766-мъ году получилъ большую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, а въ 1770-мъ году—малую золотую медаль по заданной программѣ: «изъ россійской исторіи, о удержаніи Владиміромъ нанесеннаго отъ Рогнѣды на него, соннаго и на тотъ часъ пробудившагося удара ножемъ». Въ томъ же 1770-мъ г. Я. былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ «художника живописнаго историческаго художества», и вмѣстѣ съ тѣмъ Академія отправила Я. на казенный счетъ за границу, въ Парижъ. Здѣсь онъ занимался миніатюрною живописью портретовъ, при чемъ пользовался совѣтами Росленя. Искусство Я. высоко цѣнилось современниками. Изъ Парижа онъ прислалъ въ Петербургскую Академію Художествъ двѣ жанровыхъ картины, «изображающихъ домашнее спокойствіе». По окончаніи срока пансіонерства Я. еще продолжительное время оставался за границею. Умеръ Я. 13 марта 1807 г.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Ху-

доюествъ», томъ I, стр. 21, 113,—114, 126, 127, 190.—*И. Н. Петровъ*, «Примѣчанія», къ вышеупомянутому «Сборнику», стр. 630.

В. Грековъ.

Якимовъ, *Иванъ Степановичъ*, профессоръ и духовный писатель, родился въ 1847 г. въ Вятской губерніи. Я. былъ сыномъ причетника села Верхосунья, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи. Среднее образованіе онъ получилъ въ Вятской духовной семинаріи. Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, онъ еще до окончанія полнаго курса, изъ 5-го класса (по прежнему счету изъ 1-го курса богословія) былъ отправленъ въ 1867 году на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію для высшаго образованія. Еще въ бытность студентомъ академіи онъ отличался особенными познаніями по экзегетикѣ и обратилъ на себя вниманіе тогдашняго профессора св. Писанія М. А. Голубева. Въ 1871 г. Я. окончилъ курсъ академіи, послѣ чего занялъ въ ней, въ качествѣ баккалавра, каѳедру св. Писанія Ветхаго Завѣта. Затѣмъ онъ, съ 1874 г., занималъ эту же каѳедру въ качествѣ доцента и, наконецъ, съ 1883 по 1885 годъ—въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Я. былъ однимъ изъ видныхъ представителей богословской науки въ Россіи. Магистерская диссертація его подъ заглавіемъ: «Отношеніе греческаго перевода LXX толковниковъ къ еврейскому массоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи» (С.-Петербургъ, 1874 г.) вызвала цѣлый переворотъ въ русской экзегетической ветхозавѣтной наукѣ и явилась поводомъ къ продолжительному спору Я. съ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ на страницахъ журналовъ «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Чтеніе». Съ 15-го августа 1876 года по 15-е августа 1877 года Я. находился за границей, куда былъ командированъ съ спеціальной цѣлью знакомства съ преподаваніемъ св. Писанія въ европейскихъ (главнымъ образомъ, германскихъ) университетахъ. Результатомъ научныхъ занятій Я. за границей былъ особый методъ, который онъ принялъ въ толкованіи ветхозавѣтныхъ книгъ,—черезъ изученіе и сравненіе греческаго, еврейскаго и сиро-халдейскаго переводовъ библейскихъ книгъ. Никогда не переставая слѣдить за движеніемъ экзегетической науки въ Западной Европѣ, Я. въ своихъ трудахъ всегда удовлетворялъ новѣйшимъ научнымъ требованіямъ; при этомъ онъ, однако, умѣлъ совмѣстить съ научностью своихъ работъ полное согласіе ихъ съ духомъ православія, что было часто дѣломъ очень нелегкимъ при разнообразіи направленій въ современной западно-европейской экзегетической наукѣ. Кромѣ дѣятельнаго сотрудничества въ «Церковномъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ помѣщалъ, главнымъ образомъ, небольшія статьи по разнымъ вопросамъ, Я. съ 1878 г. завѣдывалъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» отдѣломъ толкованій на книги св. Писанія Ветхаго Завѣта. Въ этомъ журналѣ исключительно ему принадлежатъ толкованія на книгу пророка Іереміи, на 27 книгъ пророка Исаіи и на Псалтирь. При своей жизни Я. напечаталъ: «Древне-еврейская литература» («Всеобщая исторія литературы», изд. К. Риккера, С.-Петербургъ, 1880 г., т. 1-й), «Опыты соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма» («Христіанское Чтеніе», 1884 г., книги 1—8), «Когда пророчествовалъ Авдія»? (ibidem., 1885 г., книги 3 и 4). Уже послѣ смерти Я. были напечатаны слѣдующіе его труды (въ «Христіанскомъ Чтеніи», 1887 г.): «О происхожденіи Притчей Соломоновыхъ» (книги 1 и 2), «О происхожденіи книги Екклезіастъ» (книги 3 и 4), «О происхожденіи книги Пѣснь Пѣсней» (книги 5 и 6), «О происхожденіи книги Премудрости Соломоновой» (книги 7 и 8) и «О происхожденіи книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова» (книги 9 и 10). Всѣ богословскіе труды Я., при глубинѣ содержанія и талантливости изложенія, обличаютъ замѣчательную эрудицію ихъ автора въ области библейской исторіи, критики и филологіи. Серьезный ученый, Я. въ частной жизни былъ человѣкомъ рѣдкихъ нравственныхъ качествъ; его замѣчательная скромность, доброта и благодушіе снискали ему общее уваженіе и расположеніе. Умеръ Я. 16-го мая 1885 г.

«Памяти іерарховъ православной церкви и тружениковъ науки въ духовномъ мірѣ» («Церковно-Общественный Вѣстникъ», 1885 г., № 37, стр. 6).—*Д. Д. Языковъ,* «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. V-й (С.-Петербургъ, 1889 г.) и VI-й (С.-Петербургъ, 1889 г.).—«Историческій Вѣстникъ», 1885 г., № 9, стр. 639.—«Вѣнокъ на могилу профессора Ивана Степановича Якимова» («Христіанское Чтеніе», 1885 г., № 7—8, стр. 207—225).—«Памяти Ивана Степановича Якимова», ст. *А. И. Савельева*

(«Христіанское Чтеніе», 1885 г., стр. 739—746).—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1885 г., книга 6-я, стр. 80—81.—«Новь», 1885 г., кн. 9, стр. 639.—«Новое Время», 1885 г., № 3309.—«Новости», 18 мая 1885 г. *В. Грековъ.*

Якоби, *Варѳоломей Валентиновичъ*, генералъ-поручикъ, происходилъ изъ польскихъ выходцевъ, родился въ 1687 г. и въ 1711 г. переселился въ Россію. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ турецкой кампаніи, въ которой находился одинъ изъ его родственниковъ. Онъ былъ опредѣленъ въ Низовой корпусъ солдатомъ. Произведенный въ 1714 г. въ поручики, а съ 1720 г. въ капитаны, онъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій корпусъ, по раскассированіи котораго снова вернулся въ Низовой корпусъ. За это время (до 1722 г.) Я. неоднократно находился въ походахъ въ Польшу и въ Крымъ, куда былъ посланъ для защиты пограничной линіи; послѣ того подъ командой г.-м. Кропотова и Шереметева Я. находился въ сраженіяхъ подъ Тумтаркалами, Амерханомъ, Канабуромъ, Карабудаками, Дюргалами и Верхними Казанищами, куда былъ посланъ съ ротою отъ команды маіора Глазатова на помощь двухтысячному отряду казаковъ, осажденныхъ въ Казанищахъ. Изгнавъ непріятеля при помощи подоспѣвшихъ маіора Глазатова и полковника фонъ-Стралана, Я. былъ командированъ на помощь капитану Діанету, осажденному съ ротою Астраханскаго полка; освободивъ Діанета, Я. снова вернулся къ Верхнимъ Казанищамъ, которымъ угрожалъ непріятель. Уничтоживъ и предавъ огню это селеніе, Я., по приказанію полковника Еропкина, былъ посланъ съ 300 казаками въ Карабудацкое ущелье, гдѣ удачно сразился съ непріятелемъ. Въ апрѣлѣ 1730 г. Я. находился въ стычкахъ съ Тавлинцами, а въ декабрѣ, подъ командою генерала Румянцева, въ сраженіи противъ войскъ Сурхаева. Въ 1731 г., оставивъ Низовой корпусъ, Я. былъ командированъ въ числѣ трехъ отрядовъ противъ Тавлинцевъ и разбилъ ихъ на голову при Черныхъ водахъ. Въ 1733 г., исполняя должность бригадъ-маіора въ командѣ г.-п. Загрятскаго, Я. былъ въ польскомъ походѣ и сражался подъ Гданскомъ. Въ мартѣ 1734 г. онъ сражался подъ Диршавою съ каштеляномъ Чирскимъ, который, потерпѣвъ пораженіе, ретировался къ Тухолю; посланный со 100 охотниковъ, Я. отбилъ нѣсколько обозовъ и много разнаго имущества. Въ томъ же году онъ былъ командированъ противъ воеводы Любельскаго подъ Высочиномъ, а затѣмъ въ селеніе Пуцехъ съ 300 драгунъ для наблюденія за воеводой Любельскимъ, чтобы помѣшать ему сообщаться съ Гданскомъ и съ французскимъ флотомъ. Въ 1735 г. подъ командою г.-м. Карла Бирона Я. сражался въ Вермляндіи съ Любельскимъ, откуда разбитый Любельскій отступилъ въ Польшу до Королевскихъ Креслъ. Послѣ того Я. былъ посланъ на подкрѣпленіе подполковника рижскаго гарнизона Неелова, слѣдовавшаго съ деньгами, рекрутами и мундирными вещами. Въ 1736 г. Я. сражался противъ Курпинъ въ командѣ князя Урусова и участвовалъ въ Крымской кампаніи, во время которой ему было поручено доставить къ арміи 13-ти тысячный обозъ; не доходя до р. Вороны, непріятель напалъ на арьергардъ обоза, который, благодаря мужеству Я., былъ выручень и присоединенъ къ командѣ, а затѣмъ благополучно доставленъ къ арміи. Въ 1737 г. Я. штурмовалъ Очаковъ, а въ 1739 г., въ чинѣ полковника, командированъ былъ на 32-хъ судахъ въ Черное море для атаки Бѣлграда, расположеннаго на Днѣстрѣ; предпріятіе это не удалось, вслѣдствіе шторма, повредившаго суда, и Я. принужденъ былъ вернуться къ командѣ, находившейся на Крутицкомъ островѣ. Послѣ этого Я. участвовалъ еще въ различныхъ стычкахъ съ непріятелемъ и былъ въ походѣ въ Персію. 3 марта 1740 г. Я. былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ Селенгинскимъ комендантомъ. Новое назначеніе было не изъ легкихъ; оно требовало напряженной дѣятельности. Вниманіе Я. было обращено прежде всего на удержаніе инородцевъ въ предѣлахъ Россіи, которыхъ китайскій императоръ Кьенъ-Лунъ переманивалъ и заселялъ ими земли калмыковъ; далѣе на Я. было возложено наблюденіе за безопасностью отправлявшихся въ Пекинъ русскихъ карavановъ, которые нерѣдко въ пути подвергались ограбленію, и не разъ давались ему порученія дипломатическаго характера по переговорамъ съ Китаемъ. Многосложность обязанностей, частые разъѣзды по дѣламъ, слабость здоровья, старость—все это было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы Я. въ сентябрѣ 1768 г. подалъ прошеніе объ отставкѣ, прося о награжденіи его

чиномъ, деревнями и пенсіей. Просьба его была уважена, и Я. въ 1769 г. былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ генералъ-поручика и награжденъ пенсіей. Но Я. не пришлось воспользоваться отставкой: онъ 12 декабря того же года скончался 75-ти лѣтъ отъ роду.

Отдѣленіе архива Главнаго Штаба въ Москвѣ. Опись 30, связка 236.—«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1724 г.)», стр. 38—45.

И. Н. Артамонова.

Якоби, *Владиміръ Борисовичъ*, изобрѣтатель. Получивъ домашнее воспитаніе въ семействѣ академика Струве и спеціальное въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, Я. поступилъ на службу въ Кавказскій саперный баталіонъ, затѣмъ служилъ въ инженерномъ училищѣ, а послѣ былъ командиромъ роты Его Высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго и, наконецъ, былъ прикомандированъ къ техническому гальваническому заведенію, по фотографическому отдѣленію. Я. состоялъ членомъ Императорскаго русскаго техническаго общества, по фотографическому и электротехническому отдѣламъ. Изъ его изобрѣтеній извѣстны: микромикрофонъ (пожертвованъ техническому обществу матерью и братомъ Я.) и телекаль, или вибраціонный телефонный сигнальный приборъ. Описаніе этого прибора помѣщено было въ «Запискахъ Императорскаго русскаго техническаго общества» за 1883 г., вып. 4. Вибраціонный приборъ былъ испытанъ на Николаевской желѣзной дорогѣ, и составленный по этому случаю протоколъ былъ помѣщенъ въ журналѣ «Электричество», 1883 г., №№ 6—7 Я. умеръ въ бѣдности 30-го августа 1884 г.

«Зап. Имп. Русск. Техническаго Общества», 1884 г., вып. 5—6.

Н. Стрѣлковскій.

Якоби, *Иванъ Варѳоломеевичъ*, генералъ-поручикъ, родился въ 1726 г. и воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1747 г. получилъ чинъ прапорщика и отправился въ Селенгинскъ, гдѣ отецъ его въ то время былъ комендантомъ. Тамъ Я. провелъ болѣе 15-ти лѣтъ, имѣя возможность непосредственно ознакомиться съ тою страною, которою впослѣдствіи пришлось управлять ему. Отецъ нѣсколько разъ отправлялъ сына курьеромъ въ Пекинъ. Первую такую поѣздку Я. совершилъ въ 1753 г. «съ грамотою Сената въ Трибуналъ объ отправленномъ россійскимъ купечествомъ караванѣ». Послѣ этого онъ еще нѣсколько разъ совершалъ поѣздки въ Китай, ознакомился съ мѣстными обычаями и въ качествѣ уполномоченнаго съ россійской стороны велъ съ китайскимъ—Заргучеемъ переговоры. По смерти отца Я. въ чинѣ полковника оставилъ Сибирь и получилъ назначеніе во вторую армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. При покореніи Крымскаго полуострова Я. прикрывалъ подвижные магазины и тяжелые обозы арміи. На пути отъ Козлова, будучи окруженъ многочисленными татарскими толпами, онъ имѣлъ съ ними безпрерывныя схватки. 29 іюня 1771 г. Я. храбро отразилъ жестокое нападеніе татаръ при рѣкѣ Арынѣ, затѣмъ, опрокинувъ ихъ при переправѣ черезъ рѣчки Азую и Азузу, онъ загналъ ихъ въ горы. За кампанію 1771 г. Я. былъ награжденъ орденомъ св. Анны. Въ 1774 г. турки высадились большими силами на Крымскій берегъ и окопались при Алуштѣ. Я., начальствуя гренадерскимъ каре, велъ съ правой стороны атаку на непріятельскій ретранщементъ, стремительно напалъ и выбилъ непріятеля изъ окоповъ, при чемъ овладѣлъ 12-ю орудіями. За этотъ подвигъ Я. былъ награжденъ военнымъ орденомъ 3-го класса и произведенъ въ генералъ-маіоры, а при заключеніи мира съ Портою ему было пожаловано 500 крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Въ 1776 г. Я. былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань. Управляя этою губерніею, онъ образовалъ изъ Вологскихъ казаковъ особенное казачье войско подъ названіемъ Моздокскаго и размѣстилъ его въ шести станицахъ между Моздокомъ и Кизляромъ. Тогда же, по порученію кн. Г. А. Потемкина, Я. приступилъ къ устройству новой линіи между Моздокомъ и Азовомъ, которая послужила бы надежнымъ оплотомъ отъ вторженій въ предѣлы Россіи закубанцевъ и кабардинцевъ. Я. съ успѣхомъ выполнилъ это порученіе. Далѣе, онъ прилагалъ большія старанія къ поддержанію и усиленію торговли съ азіатскими народами, улучшилъ Астраханскій портъ, украсилъ городъ новыми зданіями и заложилъ и построилъ Андреевскую крѣпость. Въ 1779 г. Я. произведенъ былъ въ генералъ-поручики и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ 1780 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, открылъ Саратовское намѣстни-

чество. Вскорѣ затѣмъ Я. былъ назначенъ исправлять должность уфимскаго и симбирскаго генералъ-губернатора, а также командира Оренбургскаго полевого корпуса и всѣхъ войскъ, расположенныхъ по линіямъ того края. Въ 1783 г. Я. былъ перемѣщенъ на должность генералъ-губернатора иркутскаго и колыванскаго. Неутомимый въ трудахъ, Я. и въ Сибири не переставалъ усердно работать на пользу родины. При немъ построены были въ Иркутскѣ и Колывани зданія для присутственныхъ мѣстъ, основаны приказы общественнаго призрѣнія, богадѣльни, больницы, рабочіе дома, открыты народныя училища, облегчена участь каторжниковъ; были возобновлены прервавшіяся торговыя сношенія съ Китаемъ и завязалась оживленная торговля въ Кяхтѣ. За всѣ эти труды Я. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й ст. Въ 1789 г. Я. былъ отстраненъ отъ должности по навѣтамъ и подвергнутъ отвѣтственности за якобы желаніе втравить Россію въ войну съ Китаемъ, съ цѣлью воспользоваться выгодами, ожидаемыми имъ отъ его положенія генерала-губернатора окраины въ военное время, за самовольное смѣщеніе чиновниковъ и за неуваженіе къ Сенату. Императрица Екатерина была почти убѣждена, что Я. совершилъ серьезныя преступленія. Сенатъ никакъ не могъ придти къ единогласію по этому дѣлу, и оно было взнесено къ императрицѣ. Результатомъ знакомства императрицы съ этимъ дѣломъ было полное оправданіе Я. и наказаніе доносчиковъ. При императорѣ Павлѣ Я. былъ переименованъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, но въ 1797 г. онъ вышелъ въ отставку и скончался въ Петербургѣ въ 1803 г.

«Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 г.г.)», т. II, стр. 344, 345, 496, 587, 588, 629, 791.—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. V, стр. 373—376.—«Русскій Архивъ», 1873 г., № 5, стр. 741—752.

Якоби, *Морицъ-Германъ* (*Борисъ Семеновичъ*), академикъ, родился 21 сентября 1801 г. въ Потсдамѣ. Въ 1820 г. Я. поступилъ въ Берлинскій университетъ, но вскорѣ перешелъ въ Геттингенскій, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1823 г. Возвратившись въ Потсдамъ, онъ выдержалъ испытаніе по архитектурѣ и затѣмъ поступилъ на службу, оставаясь въ которой до 1833 г., занимался инженерными и архитектурными сооруженіями. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Кенигсбергъ къ своему брату, пользовавшемуся почетной извѣстностью, какъ профессоръ математики мѣстнаго университета. Находясь здѣсь на службѣ, Я. занялся примѣненіемъ электро-магнетизма къ машинамъ. Опыты эти привлекли вниманіе Александра Гумбольдта, который, находясь въ 1834 г. въ Кенигсбергѣ, принялъ участіе въ нихъ самъ и обратилъ на нихъ вниманіе Фридриха-Вильгельма III. Я. былъ удостоенъ университетомъ степени доктора философіи.

Въ 1835 г. философскій факультетъ Дерптскаго университета возбудилъ ходатайство передъ совѣтомъ объ избраніи Я. на вакантную экстраординатуру гражданской архитектуры. Въ мотивированномъ предложеніи факультета указывались весьма лестные отзывы Бесселя и Бэра (члена Академіи Наукъ) объ этомъ кандидатѣ и приводились 8 сочиненій послѣдняго, свидѣтельствовавшихъ о прекрасной теоретической подготовкѣ автора; кромѣ того, указывались и практическія работы: онъ руководилъ постройками—königliche Immediatbauten въ Потсдамѣ и сдѣлалъ ихъ въ формѣ храма Тезея, обработалъ проектъ канала для регулированія рѣки Гавеля у Ораніенбурга, составилъ проектъ массивнаго моста на пути между Берлиномъ и Потсдамомъ и принималъ участіе во многихъ другихъ капитальныхъ постройкахъ. 8 іюня того же года совѣтъ единогласно избралъ Я., и 4 іюля министерство утвердило его избраніе. Въ 1837 г., по Высочайшему повелѣнію, была образована въ Петербургѣ коммиссія изъ академиковъ и другихъ ученыхъ для изслѣдованія примѣненій электро-магнитовъ къ движенію машинъ; въ эту коммиссію былъ откомандированъ на «неопредѣленное» время и Я. съ сохраненіемъ своего званія. Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1837—1839) Я. совмѣстно съ академикомъ Ленцемъ изслѣдовали электро-магнитныя притяженія и установили для нихъ точные законы, которые вскорѣ же получили много теоретическихъ и практическихъ примѣненій. Однимъ изъ вопросовъ, напрашивавшихся на разрѣшеніе при работахъ по изслѣдованію электро магнетизма, былъ вопросъ о примѣненіи его силы къ движенію судовъ. Въ 1839 г. Я. устроилъ лодку съ электро-магнитнымъ двигателемъ, который отъ 64 элементовъ

Грове развивалъ 1 лошадиную силу и двигалъ лодку съ 14 пассажирами по Невѣ противъ теченія. Это было первое примѣненіе электро-магнетизма къ передвиженію въ большихъ размѣрахъ. Хотя, вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій, Я. и не удалось достигнуть желаемыхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе онъ доказалъ на дѣлѣ возможность примѣненія электромагнетизма въ этомъ направленіи и поставилъ задачу, разрѣшеніе которой предоставилъ будущему. Въ это же время (1838) Я. открылъ гальванопластику, прославившую его имя. Въ то же время имъ были представлены въ Академію нѣкоторыя разсужденія, по оцѣнкѣ которыхъ Академія избрала автора ихъ въ свои члены-корреспонденты, а въ 1839 г. назначила адъюнктомъ по части практической механики и теоріи машинъ. Въ 1840 г. Я. издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Гальванопластика, или способъ по даннымъ образцамъ производить мѣдныя издѣлія изъ мѣдныхъ растворовъ помощью гальванизма», которое и было удостоено Демидовской награды. Въ 1842 г. Я. былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1847 г. ординарнымъ академикомъ и тогда же занялся устройствомъ электро-магнитныхъ телеграфовъ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ. Для этого Я. устроилъ нѣсколько новыхъ телеграфныхъ аппаратовъ, чрезвычайно остроумныхъ по конструкціи и очень просто приводимыхъ въ дѣйствіе, — аппаратовъ, которые, впрочемъ, никогда не были описаны. Нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ хранятся въ физическомъ кабинетѣ Академіи, какъ памятники творческаго ума Я. Изъ всѣхъ его телеграфическихъ приборовъ мы имѣемъ описаніе только одного: «Télégraphe électrique naval» (1856 г.). Въ это же время Я. занимался усовершенствованіемъ изобрѣтеннаго барономъ Шилингомъ способа зажиганія минъ издали, посредствомъ электрическаго тока. Сдѣланными при этомъ опытами онъ воспользовался для устройства первыхъ подвижныхъ минъ, зажигаемыхъ электричествомъ. Эти мины были устроены въ Черномъ морѣ и въ Финскомъ заливѣ гораздо ранѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ и Америкѣ, и въ Крымскую войну, во время прихода союзныхъ флотовъ къ Кронштадту, сослужили свою службу въ дѣлѣ сухопутной и морской обороны.

Къ этимъ чисто практическимъ работамъ Я. постоянно присоединялъ научныя изслѣдованія, содѣйствовавшія развитію чистой физики. Сюда нужно отнести изобрѣтеніе регуляторовъ электрическаго тока съ жидкими и твердыми проводниками; затѣмъ изобрѣтеніе проволочнаго вольтагометра и ртутнаго вольтагометра, изслѣдованіе магнито-электрическихъ машинъ для производства электрическаго тока помощью движенія и устройство новой, сильно дѣйствующей машины этого рода; наконецъ, изслѣдованія надъ сопротивленіемъ жидкихъ проводниковъ и поляризаціей. Послѣднія привели Я., въ 1847 г., къ изобрѣтенію, имѣющему большую практическую важность, къ такъ называемой контръ-батареѣ, съ помощью которой онъ сдѣлалъ возможною передачу корреспонденціи при плохо-уединенныхъ телеграфныхъ проводникахъ, несмотря на отклоненія тока. Въ 1847 г. Я. былъ назначенъ ординарнымъ академикомъ, а въ слѣдующемъ году принялъ вмѣстѣ съ семействомъ присягу на подданство Россіи.

Въ своихъ спеціальныхъ занятіяхъ Я. видѣлъ, какъ много труда безполезно пропадаетъ вслѣдствіе недостатка общеупотребительныхъ и общепонятныхъ единицъ мѣръ. Открывшійся по этому вопросу международный конгрессъ во время всемірной парижской выставки 1867 г. далъ возможность Я., въ качествѣ делегата Россіи, принять участіе въ обсужденіи средствъ къ введенію повсемѣстно однообразной системы мѣръ, вѣсовъ и монетъ и прочесть докладъ о введеніи во всѣхъ странахъ метрической системы мѣръ и вѣсовъ, какъ наиболѣе распространенной, раціональной и выгодной. Для отдѣленія и измѣренія жидкостей различнаго удѣльнаго вѣса онъ изобрѣлъ въ высшей степени остроумный аппаратъ, служащій повѣрочнымъ приборомъ для винокуренныхъ заводовъ, и произвелъ очень важныя разысканія относительно устройства тождественныхъ между собою ареометровъ.

Кромѣ должности академика, Я. довольно продолжительное время несъ еще обязанности члена мануфактурнаго совѣта при министерствѣ Финансовъ и въ этой должности, какъ и вездѣ, оказалъ много пользы русской промышленности. За свои незаурядные труды Я. былъ избранъ въ члены Политехническаго общества въ Лейпцигѣ, Британскаго общества для поощренія полезныхъ искусствъ, Шот-

ландскаго общества искусствъ, Императорскаго вольно-экономическаго общества, Физическаго общества во Франкфуртѣ, Коринѳскаго Палатинскаго общества для формаціи и техники, Королевскаго Датскаго общества сѣверныхъ древностей, Русскаго географическаго общества, Голландскаго общества наукъ въ Гаарлемѣ; кромѣ того, Я. состоялъ корреспондентомъ Неаполитанской академіи наукъ, королевскаго Ломбардо-Венеціанскаго института въ Миланѣ, Римской академіи и др., былъ избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета и получилъ дипломъ отъ Пражскаго университета на званіе доктора свободныхъ искусствъ и философіи. Труды Я. отличены были многими русскими (до св. Анны I-й степени съ Императорскою короною включительно) и иностранными (прусскій Краснаго Орла 3-й ст., датскій Данеборга 3-й ст., французскій Почетнаго Легіона и мексиканскій Гваделупской Богоматери) орденами, Высочайшимъ благоволеніемъ и цѣнными подарками: брильянтовымъ перстнемъ за устройство электромагнитнаго телеграфа и золотою табакеркою за изготовленіе разныхъ украшеній для Исаакіевскаго собора посредствомъ гальванопластики. Чувствуя себя нездоровымъ, Я. въ сентябрѣ 1873 г. передалъ всѣ свои неоконченныя работы для завершенія желающему, подъ руководствомъ другого члена Академіи по каѳедрѣ физики, Вильда. Я. скончался въ ночь съ 26 на 27 февраля 1874 г.

Печатные труды Я., показывающіе замѣчательную разносторонность таланта его, слѣдующіе: «Beiträge zur Mühlen-und Maschinenbaukunst» (Berlin, 1825, перев. съ англ.); «Carl Normands's vergleichende Darstellung der architektonischen Ordnungen der Griechen und Römer» (Potsdam, 1830, перев. съ франц.); «Benutzung der Naturkräfte zu menschlichen Arbeiten» (Königsberg, 1834); «Ueber die Construction schief liegender Räderwerke» («Crelle's Journal der Math.», 1827); «Ueber das Verhältniss der neueren Baukunst zur alten» («Preussische Provincialblätter», 1834); «Ueber den Einfluss der Chaussen, Eisenbahnen und Wasserverbindungen auf den Nationalreichtum» (ibid.); «Mémoire sur une machine magnétique» («Comptes Rendus», 1834); «Recensionen von Poncelet: Mémoire sur les roues hydraulique, und Mécanique industrielle; von Babbage: on the oeconomy of machinery and manufactures. Litterarische Notizen über Dampfmaschinen» («Crell's Journal der Baukunst», 1830); «Mémoire sur l'application de l'Electromagnétisme au Mouvement des machines» (Potsdam, 1835); «Eine Methode die Constanten der Voltschen Ketten zu bestimmen» («Bull. de l'Acad., 1842); «Beschreibung eines verbesserten Voltagometers» (ibid.); «Ueber die Entwickelung der Galvanoplastik» (ibid., 1843); «Ueber die galvanische Vergoldung» (ibid.); «Einige Notizen über galvanische Leitungen» (ibid.); «Ueber die Gesetze der Electromagnete» (mit Lenz. Ibid., 1844); «Sur la pile à effet constant du Prince P. Bagration» (ibid.); «Notice preliminaire sur télégraph électromagnétique entre St. Pétersburg et Tsarskoïe-Sélo» (ibid.); «Ueber galvanische Messing-Reduction» (ibid.); «Galvanische und electromagnetische Versuche» (ibid., 1845—50); «Vorläufige Notiz über galvanoplastische Reduction mittelst einer magneto-electrischen Maschine» (ibid., 1847); «Ueber eine Vereinfachung der Uhrwerke, welche zur Hervorbringung einer gleichförmigen Bewegung bestimmt ist» (ibid., 1848); «Sur les télégraphes électriques» (ibid., 1849); «Sur la théorie des machines électromagnétiques» (ibid., 1856); «Note sur le procédé imaginé par M. Peschel pour produire des copies d'images daguériennes par la voie galvanoplastique» (ibid.); «Mesure du courant galvanique par la decomposition du sulfate decuivre» (ibid.); «Description d'un télégraphe électrique naval, établi sur la frégate à vapeuri de Polkan» (ibid, 1857); «Die galvanische Pendeluhr» (ibid.); «Sur la nécéssité d'exprimer la force des courants électriques et la résistance des circuits en unités unanimement et généralement adoptées» (ibid., 1858); «Sur quelques expériences concernant la mesure des résistances» (ibid., 1859); «Emploi d'une contre-batterie de Pt. aux lignes électro-télégraphiques» («Comptes Rendus», 1859); «Description d'un appareil nouveau, nommé Separator» («Bull. de l'Ac.», 1860); «Rapport sur la machine de M. Chandor» (avec Zinine, ibid., 1863); «Notice sur quelques expériences faites avec un mesureur de liquides» (ibid., 1864); «Recherches sur les alcoometres du système d'Atkins» (ibid.); «Note sur quelques expériences avec une cible électromagnétique» (ibid., 1863); «Rap-

port sur les procédés de galvanoplastie employés dans la fabrique royale néerlandaise d'orfévrerie de M. van Kempen à Voorschoten, présentés à la Commission impériale de l'Exposition universelle de 1867 à Paris» (ibid., 1868); «Note sur la production de dépôts de fer galvanique» (ibid., 1869); «Confection d'étalons prototypes, destinés à généraliser le système métrique» («Comptes Rendus», 1869); «Notice sur l'absorption de l'hydrogène par le fer galvanique» («Bull. de l'Ac.», 1870); «Application des batteries secundaires ou de polarisation aux moteures électromagnétiques» (ibid., 1871); «Sur la fabrication des étalons de longueur par la galvanoplastie» (ibid., 1872); «Une réduction du fer par l'action d'un puissant solénoïde électromagnétique» (ibid., 1873); «Courants d'induction dans les bobines d'un électro-aimant, entre les pôles duquel un disque métallique est mis en mouvement» («Comptes Rendus», 1872).

Вильдъ, Г. И. «О жизни и ученыхъ трудахъ академика Б. С. Якоби» («Записки Имп. Академіи Наукъ», 1876 г., т. 28, стран. 61—82).—«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Юрьевскаго университета (1802—1902)», т. I, стр. 439—443. — «Отчетъ Импер. Рус. Географ. Общества», 1874 г. -Формуляръ о службѣ академика Якоби (хранится въ Импер. Рус. Историч. Обществѣ). — «Биржевыя Вѣдомости», 1874 г., № 58. — «Всемірная Иллюстрація», 1874 г., № 272.

Якоби, *Францъ*, сотрудникъ нѣсколькихъ Московскихъ журналовъ, въ которыхъ помѣщалъ разные статьи и разсказы. Въ 1794 году онъ сотрудничалъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», въ которомъ и написалъ только одинъ разсказъ: «Свифтово размышленіе о метлѣ и какъ произошло оно». Литературной работой Я. вообще занимался мало и произведенія его у публики успѣха не имѣли.

«Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1794 г., часть I, стр. 81.

Шуваловъ.

Якобинскій, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, штабъ-лѣкарь, происходилъ изъ духовнаго званія; въ 1757 г. Я. поступилъ въ Московскую госпитальную школу, по окончаніи которой въ 1760 г. опредѣлился подлѣкаремъ въ армію, а въ 1767 г. перешелъ лѣкаремъ въ гарнизонный Костромской полкъ. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ въ Астрахань. Я. принадлежитъ переводъ: «Щеголеватая аптека или туалетные препараты, содержащіе въ себѣ разные способы для поддержанія тѣлесной красоты, съ пріобщеніемъ способовъ составлять разныя благовонія, пудры, помады, мыла и проч.». Кострома, 1795 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», тетр. 2, стр. 176.

Якобсонъ, *Иванъ Давидовичъ*, д. т. с., членъ военнаго совѣта. Родился въ Даніи около 1800 г. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ въ 1814 г. поступилъ на службу въ коммиссаріатскую коммиссію въ качествѣ нештатнаго писца, но черезъ два года перешелъ въ общую канцелярію военнаго министра, гдѣ занялъ штатную должность. Въ то же время, видя, что его образованіе не можетъ считаться законченнымъ, онъ сталъ посѣщать лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, курсъ котораго былъ имъ успѣшно оконченъ. Молодой, энергичный, умный, образованный и прекрасно знающій дѣло, онъ естественно обращалъ на себя вниманіе и быстро повышался по службѣ. Въ 1828 г., во время турецкой кампаніи, Я. занималъ должность секретаря, а въ слѣдующемъ году его назначили начальникомъ отдѣленія военнаго министерства. Должность эта въ то время считалась весьма значительной. Начальникомъ отдѣленія Я. прослужилъ три года до преобразованія Военнаго министерства въ 1832 году и девять лѣтъ въ той же должности послѣ преобразованія. За этотъ періодъ времени ему неоднократно давались серьезныя и сложныя порученія. Такъ въ 1834 г., когда на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ обнаружилось затрудненіе по выдѣлкѣ оружія, то для выясненія причинъ и вообще положенія завода тогдашнимъ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, въ Сестрорѣцкъ былъ немедленно командированъ Я. Послѣдній энергично принялся за работу. Прежде всего онъ постарался тщательно изучить всю постановку оружейнаго дѣла на Сестрорѣцкомъ заводѣ, а потомъ принялся за розысканія и изслѣдованіе возникшихъ затрудненій, послѣ чего представилъ очень подробное и обоснованное объясненіе, на основаніи котораго и были сдѣланы многія улучшенія на Сестрорѣцкомъ заводѣ. Выше упомянутое объясненіе о причинахъ

затрудненій на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ въ полной мѣрѣ обрисовало, сколько труда положено было имъ на изученіе порученнаго ему дѣла. Результатомъ этого изученія явилось глубокое пониманіе нуждъ оружейнаго дѣла. Поэтому, когда въ слѣдующемъ году учреждена была коммиссія для начертанія новыхъ правилъ для управленія заводами, то однимъ изъ первыхъ членовъ ея былъ Я. Затѣмъ онъ состоялъ членомъ комитета для провѣрки свода военныхъ постановленій и принималъ участіе въ составленіи проекта новаго учрежденія Военнаго министерства. Кромѣ того, Я. выполнилъ нѣсколько серьезныхъ порученій по коммиссаріатской части. Наградой ему за эти труды было нѣсколько орденовъ. Желая имѣть знающаго и честнаго помощника для порученій по коммиссаріатской части, военный министръ предложилъ Я. въ 1841 г. занять должность чиновника особыхъ порученій. Однако въ этой должности онъ оставался недолго. Его честность и неподкупность не могли ужиться съ тогдашними порядками коммиссаріатскаго вѣдомства. Начались недоразумѣнія, неудовольствія, становившіяся съ каждымъ днемъ все крупнѣе и крупнѣе. Видя, что бороться одному съ цѣлымъ вѣдомствомъ и надѣяться выйти побѣдителемъ было невозможно, и не желая въ то же время смотрѣть сквозь пальцы на разныя злоупотребленія, Я. вышелъ въ 1842 г. въ отставку и внѣ службы провелъ около четырехъ лѣтъ. Однако служба такого человѣка для Военнаго министерства не могла быть не нужна. Уже въ 1846 г. тогдашній военный министръ, кн. Долгорукій, снова предложилъ ему занять должность чиновника особыхъ порученій при Военномъ министерствѣ. Я. принялъ это предложеніе и снова сдѣлался однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ работниковъ по части улучшеній въ коммиссаріатскомъ вѣдомствѣ. Благодаря ему, многіе милліоны и даже десятки милліоновъ рублей были сохранены для казны. По его же настоянію были уничтожены казенныя фабрики суконныхъ и офицерскихъ вещей, не удовлетворявшія своему назначенію и служившія лишь для наживы вѣдавшей ими администраціи. Далѣе, Я. обратилъ особенное вниманіе на тяжелое положеніе оружейниковъ на Тульскомъ, Сестрорѣцкомъ и Ижорскомъ казенныхъ заводахъ. Только благодаря его постояннымъ и энергичнымъ настаиваніямъ, жизнь этихъ тружениковъ была значительно улучшена. Въ 1851 г. Я. былъ назначенъ вице-директоромъ коммиссаріатскаго департамента. Понятно, что онъ со всею свойственною ему страстностью принялся очищать подвѣдомственное ему учрежденіе отъ разныхъ злоупотребленій. Но партія лицъ, проникнутыхъ духомъ взяточничества и казнокрадства, смотрѣвшихъ на свою службу, какъ на средство къ наживѣ, была очень еще сильна. Сила ея увеличивалась къ тому же еще болѣе отъ того, что она не брезговала никакими средствами, лишь бы выйти побѣдительницей. Возникли новыя недоразумѣнія и неудовольствія, и Я. хотѣлъ уже опять выйти въ отставку, но Военное министерство, не желая упускать такого человѣка, назначило его генералъ-аудиторомъ.

Въ ту пору въ высшихъ военныхъ сферахъ пришли уже къ убѣжденію, что военно-судное дѣло у насъ находилось въ очень печальномъ положеніи. Надо было встряхнуть аудиторскій департаментъ, влить въ него новыя жизненныя силы. Для этой цѣли Я. былъ весьма подходящимъ человѣкомъ, такъ какъ пріобрѣлъ широкую извѣстность своею борьбою съ рутиною и злоупотребленіями и къ тому же прекрасно зналъ военные законы. Вотъ соображенія, вызвавшія назначеніе его на постъ управляющаго аудиторскимъ департаментомъ. Новый генералъ-аудиторъ съ увлеченіемъ принялся за дѣло. По прежнему опыту онъ уже зналъ, что не слѣдуетъ сразу производить коренную ломку, и для начала рѣшилъ добиться уничтоженія тѣлеснаго наказанія въ войскахъ, ускоренія дѣлопроизводства, устраненія судебной волокиты и уравненія передъ судомъ и закономъ всѣхъ подсудимыхъ, какъ генерала, такъ и простого рядового. Дѣло было не легкое. Приходилось бороться со взглядами, вкоренившимися у аудиторскихъ чиновниковъ (судей) въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. Но не таковъ былъ Я., чтобы отступать предъ трудностями, если была хоть маленькая надежда на успѣхъ. Главнымъ препятствіемъ къ устраненію судебной волокиты и къ уравненію положенія передъ судомъ всѣхъ подсудимыхъ было сильно распространенное среди тогдашнихъ судей взяточничество. Въ теченіе четырехъ лѣтъ своего управленія аудиторскимъ департаментомъ Я. успѣлъ блестяще вы-

полнить всѣ намѣченныя ранѣе задачи: тѣлесное наказаніе въ войскахъ было почти совершенно отмѣнено, судебная волокита значительно сокращена и подкупы суда стали рѣже и труднѣе.

Въ началѣ 1856 г. Я. былъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ и во второй разъ принялся съ присущимъ ему рвеніемъ за преобразованія во вѣренномъ ему учрежденіи, но не надолго. Снова начались непріятности, вынудившія его второй разъ выйти въ отставку (въ іюнѣ 1856 г.). Однако менѣе чѣмъ черезъ два года онъ снова былъ приглашенъ на службу въ Военное министерство, при чемъ ему поручено было засѣдать въ военномъ совѣтѣ съ правомъ голоса. Кромѣ того, тогда же онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для приведенія въ извѣстность положенія комиссаріатскаго департамента, для открытія причинъ разстройства и для изысканія мѣръ къ приведенію комиссаріата въ порядокъ. Затѣмъ онъ былъ избранъ членомъ коммиссіи для обсужденія дѣйствій провіантскаго департамента по заготовленію провіанта. Наконецъ въ октябрѣ 1861 г. Я. былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта и въ то же время вторично управляющимъ комиссаріатскимъ департаментомъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ членомъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Вторичное назначеніе Я. директоромъ комиссаріатскаго департамента было нѣсколько болѣе удачно. Ему удалось таки кое-что передѣлать и подготовить преобразованіе всего вѣдомства, послѣ чего онъ оставилъ должность генералъ-кригсъ-комиссара и остался лишь членомъ военнаго совѣта.

Помимо своей чисто служебной дѣятельности, Я. извѣстенъ также и какъ общественный дѣятель. Онъ былъ членомъ нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и вообще всегда охотно помогалъ осуществленію всякаго добраго или просто полезнаго дѣла. Имѣя свои золотыя розсыпи, онъ много сдѣлалъ полезнаго для золотой промышленности. Я. скончался скоропостижно отъ паралича легкихъ въ Петербургѣ въ ночь съ 16-го на 17-ое сентября 1874 г., имѣя болѣе 74-хъ лѣтъ отъ роду.

«Русскій Міръ» за 1874 г., №№ 256, 259, 274.—«Русскій календарь» на 1876 г., стр. 375.—«Голосъ», 1874 г., № 271.—«Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго вольнаго экономическаго Общества» за 1874 г., стр. 30.—«Иллюстрированная Недѣля», 1874 г., № 38.—«Русскій Инвалидъ», 1874 г., № 205.

Е. Ястребцевъ.

Якобсонъ, *Карлъ, Робертъ*, эстонскій дѣятель, редакторъ газеты «Сакала», родился 14 іюля 1840 г. Отецъ его былъ истопникомъ при Дерптскомъ университетѣ, и несмотря на свое скромное положеніе обладалъ порядочнымъ запасомъ знаній. Впослѣдствіи онъ сдѣлался приходскимъ учителемъ при церкви въ Тормѣ. Здѣсь сынъ его провелъ большую часть своей молодости и здѣсь же получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца. Будучи 16-ти лѣтъ отъ роду, онъ благодаря своимъ способностямъ и умственному развитію былъ принятъ въ учительскую семинарію въ Валкѣ, несмотря на то, что еще не достигъ положеннаго возраста. Вскорѣ отецъ Я. умеръ, и община выбрала ему въ преемники его сына, хотя ей пришлось ждать нѣкоторое время, пока тотъ не окончилъ курса въ семинаріи. Занявъ мѣсто учителя въ Тормѣ, молодой Я. съ большимъ усердіемъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей, но вскорѣ, вслѣдствіе различныхъ непріятностей, покинулъ Торму и принялъ мѣсто приходскаго учителя въ Ямбургѣ. Однако и здѣсь ему не пришлось быть долго: бывшіе на его попеченіи бабушка, мать, братья и сестры заставили его искать болѣе обезпеченнаго мѣста. Около этого времени одинъ изъ его братьевъ получилъ мѣсто управляющаго и взялъ къ себѣ семейство. Тогда Я. отправился въ Петербургъ, гдѣ для него началось время серьезнаго и неутомимаго труда. Сдавъ экзаменъ, онъ получилъ дипломъ учителя гимназіи, началъ преподавать въ гимназіяхъ и частныхъ домахъ и установилъ связи, имѣвшія большое вліяніе на его развитіе. Особенно важно для него было знакомство съ профессоромъ Келлеромъ, который убѣждалъ его посвятить свои силы непосредственно на служеніе интересамъ эстонскаго народа. Я. написалъ и издалъ цѣлый рядъ педагогическихъ трудовъ. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія его учебники по географіи, книга для чтенія и руководство по нѣмецкому языку. Наряду съ этого рода трудами появились его стихотворенія, три рѣчи, посвященныя роднинѣ, брошюра о мор-

скомъ дѣлѣ и проч. Хотя положеніе Я. въ Петербургѣ было очень благопріятно, однако, преданный своей идеѣ, онъ рѣшился вернуться на родину, чтобы приносить пользу своимъ соотечественникамъ. Какъ только ему представился случай, онъ принялъ мѣсто волостного писаря, переселился въ Эстляндію и здѣсь началъ заниматься изученіемъ сельскаго хозяйства. Плодомъ этого изученія были его труды о земледѣліи и множество докладовъ, сдѣланныхъ имъ въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, имъ самимъ основанныхъ. Тѣмъ же временемъ осуществилось его давнишнее желаніе: ему разрѣшено было издавать газету «Сакала», имѣвшую громадное значеніе для эстонскаго народа въ томъ отношеніи, что она вызывала его къ сознательной политической жизни. Эта газета создала для Я. массу враговъ среди мѣстныхъ привилегированныхъ сословій, которыя благополучіе края видѣли въ отчужденіи отъ Россіи и въ упорномъ отстаиваніи сословныхъ привилегій, при чемъ свои взгляды они проводили въ мѣстной нѣмецкой печати; однако сломить желѣзной воли Я. имъ не удалось: онъ не вступалъ въ сдѣлки съ своими сильными противниками. Указывая на ненормальныя условія, въ какія поставлены были мѣстный экономическій бытъ и общественное устройство, Я. постоянно и энергически твердилъ одно и то же, что эстонцы улучшенія своего положенія должны ожидать только отъ русской государственной власти, пропагандировалъ общеніе эстонцевъ съ русскимъ народомъ и указывалъ на необходимость для нихъ изученія русскаго языка, какъ государственнаго. Кромѣ редакторства, Я. одновременно состоялъ президентомъ литературнаго и двухъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и старостою феннернской общины. Смерть застигла его въ разгаръ его дѣятельности. Умеръ Я. 11 марта 1882 г.

«Рижскій Вѣстникъ», 1882 г., №№ 52, 53, 59.—«Голосъ», 1882 г., № 68.—«Новое Время», 1882 г., № 2169.

Якобъ, *Иванъ Егоровичъ*, к. сов., учитель латинскаго языка, родился въ 1803 г. По окончаніи курса наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ со степенью кандидата богословія, Я. въ 1836 г. опредѣлился учителемъ нѣмецкаго языка въ Екатеринославскую гимназію и въ томъ же году, по прошенію, былъ переведенъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Таганрогскую гимназію, которую не покидалъ уже до выхода въ отставку. За отличное преподаваніе онъ неоднократно получалъ Высочайшія благодарности и награды. Перу Я. принадлежитъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ одно подъ заглавіемъ: «Стихосложеніе латинскаго языка» было одобрено министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ гимназіяхъ и напечатано на министерскій счетъ.

Формулярный списокъ о службѣ И. Е. Якоба (хранится въ Импер. Русскомъ Истор. Обществѣ).

Якобъ, *Людвигъ Кондратьевичъ*, проф. Харьковскаго университета, уроженецъ Магдебургскаго герцогства въ Пруссіи. Окончивъ въ 1777 г. гимназію, Я. поступилъ въ Галльскій университетъ, гдѣ изучалъ филологію, исторію, математику, философію, педагогику и богословіе. Выдержавъ установленный экзаменъ и защитивъ въ 1785 г. диссертацію «De allegoria Homerica», Я. былъ удостоенъ званія доктора философіи; въ 1787 г. онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ Галльскаго университета. Преподавая филологическія и философскія науки, Я. имѣлъ многочисленную аудиторію. Но такъ какъ по прошествіи 10-ти лѣтъ его преподаванія стала господствовать новая система философіи, не сходная съ его мнѣніями, то онъ оставилъ этотъ предметъ и сталъ читать лекціи по исторіи и политикѣ, которыя также имѣли большой успѣхъ (за нихъ онъ получилъ письменную благодарность отъ прусскаго короля). Въ 1794 г. Я. былъ назначенъ ректоромъ того же университета. За свои сочиненія «О безсмертіи души» и «Сущность Бога» онъ получилъ высшія награды отъ Лейденскаго и Гаарлемскаго ученыхъ обществъ. По составленнымъ имъ компендіумамъ логики, математики, метафизики, психологіи и естественнаго права эти предметы преподавались не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но и въ Даніи и Венгріи. Сочиненіе его «Общая религія» имѣло такой успѣхъ, что 2500 экземпляровъ его разошлись въ нѣсколько дней и нужно было печатать его вторымъ изданіемъ. Въ теченіе 20-ти лѣтъ Я. издалъ въ свѣтъ 35 сочиненій, изъ которыхъ

важнѣйшія слѣдующія: 1) «Начертанія общей логики и критическія первоначальныя основанія метафизики» (1800, Галле); 2) «Начертаніе опытной психологіи» (1800); 3) «Философское нравоученіе» (1794, Галле); 4) «Доказательство безсмертія души, взятое изъ понятія должностей» (1790, Виллихау); 5) «О доказательствахъ бытія Божія» (1798, Либава); 6) «Философское ученіе правъ» (1795, Галле); 7) «Анналы философіи и философскаго духа» (1795, Галле); 8) «Небольшія сочиненія разнаго содержанія по богословію, нравоученію, политикѣ и психологіи» (1797, Галле); 9) «Всеобщая религія» (1801); 10) «Правила мудрости человѣческой жизни или практическая философія» (1801) и 11) «Правила народной экономіи или наука народнаго хозяйства» (1805, Галле). Когда Гальскій университетъ былъ закрытъ Наполеономъ, Я. переѣхалъ въ Россію и былъ избранъ въ 1807 г. въ ординарные профессоры Харьковскаго университета по каѳедрѣ дипломатики и политической экономіи. И здѣсь въ Харьковѣ Я. продолжалъ свои научныя работы. Онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ по политическому праву сочиненіе «Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten», въ которомъ сильно вооружался противъ крѣпостного права; противъ этого же права Я. выступилъ и въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ на тему, предложенную Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ, «О сравнительной выгодности крѣпостного права и вольнонаемнаго труда». За эту работу онъ получилъ на конкурсѣ высшую награду — большую золотую медаль въ 100 червонцевъ. По своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ Я. оказался передовымъ дѣятелемъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ, защитникомъ идеи свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ—въ жизни гражданской, соціальной и особенно въ сферѣ умственной.

Я. написалъ и издалъ цѣлый рядъ руководствъ и учебниковъ для гимназій и университетовъ: 1) всеобщую логику, 2) всеобщую грамматику, 3) опытную психологію, 4) нравоученіе, 5) эстетику, 6) риторику, 7) естественное народное право и 8) политическую экономію. По признанію главнаго управленія училищъ, существенное достоинство каждой изъ книгъ Я. составляетъ основательность, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и съ временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество его учебниковъ—это систематическая связь всѣхъ частей между собою. Впрочемъ, тѣмъ же управленіемъ указаны были и нѣкоторые недостатки учебниковъ Я., проистекавшіе отъ того, что онъ иногда забывалъ, что писалъ ихъ для русскихъ учителей и учениковъ. Я. принадлежитъ также рѣчь, произнесенная имъ въ университетѣ: «О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа». Кромѣ того, имъ составлены «Прибавленія къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ» (на латинскомъ языкѣ, Харьковъ, 1809). Представивъ императору Александру свое сочиненіе о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи, Я. въ 1809 г. былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ членомъ по финансовой части въ коммиссіи о законахъ. Здѣсь онъ сблизился съ извѣстнымъ Сперанскимъ, съ паденіемъ котораго Я. оставилъ Россію, поселившись снова въ Галле и снова принявши званіе профессора политическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ.

Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I, стр. 501, 502.—*М. П. Сухомлиновъ*, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», т. I, стр. 102, 113, 137, 138.—*Ersch und Gruber*, «Allegemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste», 1837, XIV, 240—242.

Якобъ, *Робертъ* (*Романъ Елизарьевичъ*), докторъ, присланный (1581 г.) въ Россію англійскою королевою Елизаветою по просьбѣ царя Іоанна Васильевича, который нуждался въ ученомъ и искусномъ врачѣ. Королева, уступая царю своего придворнаго врача, писала по этому поводу: «Мужа искуснѣйшаго въ цѣленіи болѣзней уступаю тебѣ, моему брату кровному, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь смѣло ввѣрить ему свое здоровіе». И дѣйствительно, Я. сумѣлъ скоро пріобрѣсть благосклонность царя своими основательными познаніями въ медицинѣ. Мало того, онъ вошелъ въ особое довѣріе царя, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ предлагалъ царю въ жены дочь графа Гунтигтона, Марію Гастингсъ, ближнюю родственницу королевы Елизаветы; при этомъ Я. сумѣлъ настолько плѣнить вообра-

женіе царя описаніемъ достоинствъ невѣсты, что Іоаннъ вскорѣ же, въ 1582 г., послалъ въ Лондонъ съ тайными порученіями по дѣлу женитьбы дворянина и воеводу города Шацка Ѳедора Андреевича Писемскаго. По приказанію царя, Я. поручено было, между прочимъ, описать догматы англиканской церкви. Я. выполнилъ это порученіе и, какъ извѣстно, читалъ свое описаніе въ присутствіи царя и многихъ бояръ. По смерти царя Іоанна Васильевича докторъ Я. покинулъ въ 1584 г. Россію и уѣхалъ въ свое отечество. Спустя же два года, снова возвратился въ Россію. Вторичный пріѣздъ Я. въ Россію, снабженнаго, какъ и въ первый пріѣздъ, королевскимъ письмомъ, былъ обставленъ особыми царскими милостями. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ послалъ ему навстрѣчу въ Вологду Кургана Салтыкова съ приказаніемъ снабжать Я. деньгами, доставлять для него лошадей и провожать его до самой Москвы.

В. Рихтеръ, «Исторія медицины въ Россіи», ч. I, стр. 293—300.—*Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго» (изд. Эйнерлинга, Спб., 1844 г.), т. IX, стр. 248, 250, 254; прим. 736, 748; т. X, стр. 18, 20; пр. 47, 52.

Яковенко, *Яковъ Григорьевичъ*, врачъ, сынъ купца, родился 23 октября 1838 г., умеръ 12 сентября 1890 г. въ Харьковѣ. Высшее медицинское образованіе Я. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ (1862 г.) со степенью лѣкаря поступилъ на службу полковымъ врачемъ и ординаторомъ въ Уяздовскій госпиталь, гдѣ оставался до 1871 г. Въ этомъ году Я., по защитѣ при родномъ университетѣ диссертаціи, былъ удостоенъ степени доктора медицины и вслѣдъ за этимъ приглашенъ въ качествѣ завѣдывающаго больницей при Карловскомъ имѣніи великой княгини Екатерины Михайловны, а послѣ восьмилѣтней службы тамъ, въ 1879 г., получилъ мѣсто старшаго врача въ Харьковской Александровской больницѣ, гдѣ онъ и работалъ до самой смерти. Я. принадлежитъ трудъ «О фармакологическомъ значеніи сурьмы въ рвотномъ камнѣ» (Спб., 1871 г.), представленный имъ для соисканія степени доктора медицины.

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. 9 (М., 1907 г.), стр. 91.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. V. (Спб., 1889 г.), стр. 213.—«Новое Время», 1890 г., № 5232.—«Русскій Календарь на 1891 г.», А. С. Суворина.

Н. Сербовъ.

Яковицкій, *Игнатій*, профессоръ минералогіи Виленскаго университета и (съ 1832 до 1841 г.) Императорской медико-хирургической академіи. Родился въ 1797 г. и образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ затѣмъ съ 1825 г. читалъ лекціи по минералогіи. Въ 1829 г. Я., совмѣстно съ профессоромъ Эйхвальдомъ, предпринялъ путешествіе съ научной цѣлью по западнымъ губерніямъ. Въ 1835 г. онъ получилъ званіе ветеринарнаго врача 1-го класса, а въ 1839 г.—доктора медицины. Скончался Я. 28 декабря 1847 г.

Я. оставилъ нѣсколько печатныхъ трудовъ по геогнозіи и минералогіи. Изъ нихъ назовемъ слѣдующіе: 1) Wyklad oryklognozyi i początków geognozyi podług Wernera» (Вильна, 1825 г. Второе изданіе вышло въ Вильнѣ въ 1827 г.); 2) «Mineralogija zastosowana do sztuk rzemiosl fabryk i rolnictwa, ułożona na klassę III dla szkół powiatowych» (Вильна, 1827 г.); 3) «Obserwacyje geognostyczne w gubernijach zachodnich i pólnocnych panstwa rossyjskiego» (Вильна, 1831 г.); 4) «Postrzeżenia geognostyczne w Kraju od morza Baltyckiego do Czarnego» («Dziennik Wilenski» на 1830 г.) и 5) «Historyja geognozyi i uwagi potrzebne dla tych którzy chcą pracować w przedmiocie tej nauki» («Dziennik Wileński» на 1823 г.).

Encyklopedyja Powszechna, Варшава, 1863 г., т. 12, стр. 895, 896. *А. Г—ъ.*

Яковкинъ, *Илья Ѳедоровичъ*, проф. россійской исторіи, географіи и статистики въ Казанскомъ университетѣ. Родился Я. въ 1764 г. въ семьѣ священника села Богородскаго, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ. Получивъ элементарное обученіе въ домѣ своего дяди, игумена Соликамскаго Вознесенскаго монастыря, восьмилѣтній Я. былъ опредѣленъ (въ 1772 г.) въ Вятскую духовную семинарію, во время пребыванія въ которой самостоятельно занимался изученіемъ новыхъ языковъ и притомъ настолько успѣшно, что оказался въ состояніи перевести съ французскаго языка исторію Роберта, герцога Нормандскаго, впослѣдствіи даже напечатанную. Окончивъ въ 1782 г. курсъ въ семинаріи,

Я. получилъ въ ней должность учителя русской, славянской и латинской грамматики и географіи. Но уже въ слѣдующемъ 1783 году онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, одновременно съ цѣлою партіею молодыхъ людей семинарскаго образованія, для сформированія комплекта учениковъ педагогическихъ курсовъ, учрежденныхъ при мѣстномъ главномъ народномъ училищѣ и вскорѣ переименованныхъ въ учительскую семинарію. Прослушавъ здѣсь рядъ курсовъ различныхъ наукъ, Я. 20-го августа 1786 г. былъ удостоенъ званія «учителя высшихъ разрядовъ по историческимъ и географическимъ предметамъ», и съ этого года открывается двѣнадцатилѣтній періодъ его петербургской педагогической дѣятельности: съ 1787 г. онъ состоялъ преподавателемъ исторіи, географіи, русскаго и латинскаго языковъ въ придворномъ пѣвческомъ корпусѣ, гдѣ онъ преподавалъ также естественную исторію и языки французскій и нѣмецкій.

Въ концѣ 1798 г. совершилось открытіе возстановленной Казанской гимназіи, для которой формировался учительскій персоналъ; въ число учителей ея былъ опредѣленъ (1799 г.) и Я., съ порученіемъ ему историческаго и географическаго класса. Переходя на службу въ Казань, Я. пользовался уже извѣстнымъ имeнемъ въ современномъ педагогическомъ мірѣ и въ педагогической литературѣ, не мало потрудившись въ петербургскую пору своей службы надъ составленіемъ учебниковъ—дѣло, которое онъ велъ подъ ближайшимъ руководствомъ извѣстнаго педагога екатерининской эпохи Янковича-де-Миріево для коммиссіи о народныхъ училищахъ. Инцидентъ, разыгравшійся лѣтомъ 1804 г. въ Казанской гимназіи и вызванный внутренними гимназическими нестроеніями, далъ возможность Я., бывшему въ то время инспекторомъ, проявить знаніе психологіи молодежи, успокоить ее и рядомъ осторожныхъ распоряженій водворить въ гимназіи порядокъ. За такую распорядительность Я. удостоился особой благодарности попечителя и былъ назначенъ исправляющимъ должность директора, а въ слѣдующемъ 1805 г. былъ утвержденъ директоромъ гимназіи, оставаясь въ то же время профессоромъ университета. Директорскія обязанности открыли Я. широкій путь къ личной перепискѣ съ попечителемъ Румовскимъ, давшей богатый и цѣнный матеріалъ для начальной исторіи Казанскаго университета и сдѣлавшей отношенія его къ Румовскому непосредственными. Назначенный 23-го января 1805 г., при самомъ открытіи Казанскаго университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ россійской исторіи, географіи и статистики, Я., пользовавшійся расположеніемъ и неограниченнымъ довѣріемъ пребывавшаго въ столицѣ попечителя Румовскаго, оказывалъ рѣшительное и самовластное вліяніе на начальный ходъ жизни молодого университета, энергично подавляя малѣйшія поползновенія членовъ совѣта къ проведенію въ жизнь автономныхъ началъ, дарованныхъ университету уставомъ 5-го ноября 1804 г. Такое положеніе создалось для Я., главнымъ образомъ, въ виду переходнаго состоянія, въ которомъ находился Казанскій университетъ почти до самаго полнаго открытія своего въ 1814 г.—безъ выборныхъ ректора и декановъ, безъ раздѣленія на факультеты, безъ правильно поставленнаго преподаванія, до осени 1811 г. даже въ полной уніи съ гимназіею, въ виду чего Я., пользовавшійся наименованіемъ «профессора-директора», въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія университета соединялъ въ своемъ лицѣ званіе директора гимназіи съ фактическимъ положеніемъ ректора университета. Вся эта начальная пора жизни Казанскаго университета ознаменована была борьбою Я. съ протестующею противъ него и представляемаго имъ режима совѣтскою партіею, во главѣ которой особенно рельефно выступали адъюнкты Карташевскій и Запольскій и профессора Цеплинъ, Германъ и Каменскій. Благодаря поддержкѣ попечителя Румовскаго, шансы этой борьбы постоянно склонялись въ пользу Я., и протестующіе элементы совѣта вынуждены были сложить оружіе передъ самовластіемъ профессора-директора. Кончина Румовскаго (8-го іюля 1812 г.) послужила началомъ конца того исключительнаго и полновластнаго положенія, какое занималъ Я. въ начальную пору жизни Казанскаго университета. Новый попечитель М. А. Салтыковъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ профессора-директора, и въ іюлѣ 1813 г. Я. вынужденъ былъ сложить съ себя званіе инспектора студентовъ. Въ 1814 г., при открытіи университета на точныхъ основаніяхъ устава 1804 г., вліяніе Я. на

университетскую жизнь свелось къ нулю, и во главѣ университета сталъ выбранный совѣтомъ ректоръ, проф. Браунъ. 27-го марта 1816 г. Я. былъ утвержденъ заслуженнымъ профессоромъ, явившись первымъ членомъ Казанскаго университета, удостоеннымъ этого почетнаго званія. Окончаніе университетской карьеры Я. находится въ ближайшемъ соотношеніи съ ревизіею Казанскаго университета, произведенною въ 1819 г., по Высочайшему повелѣнію, Магницкимъ, когда Я. вмѣстѣ съ многими профессорами былъ уволенъ отъ службы. Въ сентябрѣ 1827 г., уже послѣ паденія Магницкаго, Я. сдѣлалъ было попытку опредѣлиться вновь на службу въ Казанскій университетъ, но безуспѣшно.

Въ годы, послѣдовавшіе за увольненіемъ его изъ университета, Я. жилъ въ Царскомъ Селѣ, но потомъ снова переѣхалъ въ Казань, гдѣ и скончался 26-го марта 1836 г., на 73-мъ году жизни. Я. оставилъ послѣ себя слѣдующіе печатные труды: 1) «Исторія Роберта, герцога Нормандскаго, прозваннаго Діаволомъ» (Перев. съ франц. Спб., 1785 г.); 2) «Зрѣлище свѣта или всемірное жизнеописаніе» (Спб., 1789 г.,—были и послѣдующія изданія); 3) «Словарь французскихъ рѣченій первообразныхъ, съ нѣмецкимъ, латинскимъ и россійскимъ переводами и пр.» (Спб., 1796 г.); 4) «Лѣтосчислительное изображеніе исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ» (Спб., 1794 г.); 5) «Лѣтосчислительное изображеніе древней всемірной исторіи» (Спб., 1798 г.); 6) «Лѣтосчислительное изображеніе россійской исторіи» (Спб., 1798 г. и Казань, 1814 г.); 7) «Учебникъ всемірной исторіи» (Спб., 1798 г.); 8) «Учебникъ краткой россійской исторіи» (Спб., 1799 г.); 9) «Царскосельскій лѣтописецъ. По бумагамъ царскосельской конторы» («Отечеств. Записки», 1827 г., ч.ч. 30, 31); 10) «Исторія Села Царскаго», ч.ч. I—II (Спб., 1829 г.); 11) «Описаніе Села Царскаго или спутникъ обозрѣвающихъ оное» (Спб., 1830) и 12) «Замѣчанія, наблюденія и мысли о снабженіи г. Казани волжской или кабанной водой, о качествѣ ихъ и способахъ сдѣлать кабанныя воды обильными и проточными» («Заволж. Муравей», 1833 г.).

Н. П. Загоскинъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго университета (1804—1904)», ч. I, стр. 210—214.—*М. И. Сухомлиновъ*, «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію», т. I, стр. 93—94.—«Извѣстія и ученыя записки Импер. Казанскаго университета», 1875 г., №№ 2, 3.

Яковкинъ, *Іоаннъ*, священникъ, воспитывался въ Пермской духовной семинаріи, по окончаніи которой началъ пастырское служеніе въ Кунгурѣ, а потомъ черезъ 4 мѣсяца былъ переведенъ въ Каменскій заводъ, Камышловскаго уѣзда, гдѣ и оставался 6 лѣтъ, исправляя, кромѣ всегдашнихъ обязанностей своего званія, еще должность благочиннаго. По истеченіи этого времени онъ назначенъ былъ въ Эртарскій заводъ, также Камышловскаго уѣзда, и былъ тамъ благочиннымъ 12 лѣтъ. Дальнѣйшее свое служеніе Я. продолжалъ въ Пермскомъ Петропавловскомъ соборѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Пермскую Александро-Невскую больничную церковь, занимая въ то же время и должность члена консисторіи. Во время своего служенія Я. награжденъ былъ скуфьей и камилавкой. Общедоступность, всегдашняя готовность подать возможную духовную и матеріальную помощь ближнимъ были отличительною чертою его характера. Кромѣ проповѣдей на разные случаи, имъ изданы слѣдующіе труды: 1) составленная «Пасхалія ариѳметическая и ручная, или руководство познанію способа для опредѣленія Св. Пасхи и зависящихъ отъ нея праздниковъ, посредствомъ ариѳметическихъ вычисленій и ручныхъ выкладовъ», 2) «Вѣчный календарь или руководство къ удобнѣйшему опредѣленію хронологическихъ терминовъ на всякое время» (эти оба сочиненія вышли въ 1862 г. вторымъ изданіемъ) и 3) «Изъясненія богослуженія православной церкви». Скончался Я. 20 іюля 1863 г.

«Пермскія Губернскія Вѣдомости», 1863 г., № 30.—«Странникъ», 1863, апрѣль, III, 1.—«Домашняя Бесѣда», 1863, вып. 35, стр. 188.

Конопасевичъ.

Яковлевскій, *Николай Яковлевичъ*, русскій писатель—водевилистъ. Годъ его рожденія неизвѣстенъ; умеръ 19-го іюня 1861 г. Я. написалъ до 20 водевилей, фарсовъ и пр., изъ которыхъ болѣе извѣстны: «Черный день на Черной рѣчкѣ», «Левъ и львица», «Дядюшкинъ фракъ и тетушкинъ капоръ», «Деревенщина» (совмѣстно съ А. Поповымъ, Спб., 1857), «Прерванный ужинъ» (1851), «Идеалъ»,

«Булавка» (Спб., 1856); ему также принадлежитъ сочиненіе: «Театръ во Франціи съ XIV ст. до XIX, (Спб., 1840). Я. сотрудничалъ, между прочимъ, въ «Пантеонѣ» пятидесятыхъ годовъ.

«Русскій Архивъ», 1864 г., в. в. 5 и 6, стр. 666.—Энциклопедическіе словари: Березина и Клюшникова. *Н. Редько.*

Яковлевъ, *Александръ Андреяновичъ*, секретарь придворной конторы. Я. получилъ воспитаніе въ домѣ Аврама Өедоровича Лопухина; это обстоятельство сблизило его съ дворомъ царевича Алексѣя Петровича, у котораго онъ былъ подьячимъ. По перепискѣ его съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ въ 1714 г. можно заключить, что онъ былъ при дворѣ не послѣднимъ человѣкомъ. Въ 1717 г. Я. былъ въ Копенгагенѣ при царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ качествѣ секретаря и имѣлъ при ея дворѣ большое значеніе. «Здѣсь онъ великъ нынѣ», писалъ изъ Копенгагена Гаврило Лопухинъ къ Авраму Лопухину. Несчастная судьба втянула его въ суздальскій розыскъ 1718 г. При арестѣ Аврама Лопухина захвачена была переписка его съ братомъ Гавриломъ Лопухинымъ. Въ одномъ письмѣ, между прочимъ, упоминалось о Я., что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Лопухиныхъ. Это послужило поводомъ къ розыску, который обнаружилъ за Я. какія-то важныя упущенія по расходу денежныхъ суммъ, которыхъ у него было до 600 тысячъ рублей. Въ 1718 г., ноября 27, государь, выслушавъ докладную выписку изъ розыскныхъ дѣлъ, подъ пунктомъ о Я. собственноручно написалъ: «въ Сибирь»; въ указѣ же велѣно было сослать его въ Сибирь безъ наказанія и не отнимая у него ничего. Въ 1725 г. императрица Екатерина приказала возвратить Я. изъ ссылки; 11 ноября онъ былъ отпущенъ изъ Тобольска и 2 марта 1726 г. явился въ Тайную канцелярію. Тогда же ему дали должность секретаря придворной конторы. Но Сибирь положила на него свою печать; здоровье его было надломлено; онъ сталъ искать утѣшенія въ религіи, въ чтеніи библіи, проповѣдей и духовно-нравственныхъ книгъ, списывалъ ихъ для себя, а изъ иныхъ дѣлалъ выписки. Эти выписки и погубили его. 30 сентября 1732 г. онъ былъ снова арестованъ по доносу разстриги Осипа; Я. обвинялся въ томъ, что онъ, будто бы, съ Михайлою Аврамовымъ «говорили про новгородскаго архіерея Өеофана о противностяхъ церковныхъ, какъ показано въ пунктахъ отъ Родышевскаго, и при томъ Аврамовъ и Яковлевъ поносили онаго архіерея». У Я. отобрали всѣ книги, тетради и письма. Роковое значеніе для него имѣло «правило къ божественному причащенію», съ выписками на бѣлыхъ листахъ и на поляхъ изъ библіи и изъ другихъ книгъ. 3 октября въ Кабинетѣ, въ присутствіи Өеофана Прокоповича, былъ сдѣланъ допросъ Я.: къ чему и на чьи лица и съ какимъ намѣреніемъ онъ собиралъ эти выписки. Я. отвѣчалъ, что выписывалъ изъ книгъ и изъ проповѣдей «простотою своею для памяти». Тогда Кабинетъ поручилъ Өеофану сдѣлать подробный и обстоятельный разборъ этихъ выписокъ. Өеофанъ не замедлилъ разборомъ, при чемъ допустилъ недобросовѣстную натяжку въ цѣляхъ обвинить Я. въ составленіи подметнаго письма. Өеофанъ нашелъ, что въ выпискахъ Я. заключалась хула на превысочайшую власть и возбужденіе народа къ мятежу. Какъ ни странно, но разборъ Өеофана убѣдилъ слѣдователей въ томъ, что Я. одинъ изъ первыхъ членовъ заговора и авторъ подметнаго письма. Въ виду этого Кабинетъ рѣшилъ разыскивать сообщниковъ Я. Несчастный Я. былъ приведенъ въ застѣнокъ, поднятъ на дыбу и висѣлъ полчаса, пока не посинѣлъ; снятый съ дыбы, онъ въ безпамятствѣ просилъ бумаги и чернилъ и звалъ отца духовнаго; но написать ничего не могъ, а отцу духовному сообщилъ, что выписки дѣлалъ «простотою безъ умысла». Въ 1736 г. Я. былъ вторично приведенъ въ застѣнокъ, и ему предъявлены были новые вопросы, сочиненные Өеофаномъ и касавшіеся правилъ къ божественному причащенію; но Я. держался прежнихъ своихъ показаній по поводу выписокъ, и ему дано было 16 ударовъ. Окончательный приговоръ о немъ состоялся уже по смерти Өеофана, 18 октября 1737 г., по которому было велѣно бить Я. кнутомъ и сослать въ Охотскій острогъ на вѣчное житье, при чемъ ему объявлено было о слѣдствіи строго молчать въ пути подъ угрозою смертной казни. Въ іюлѣ 1740 г. сынъ Я. подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ освобожденіи изъ подъ ареста его отца; прошеніе это было уважено, и Я. разрѣшено было возвратиться (10 марта 1741 г.) изъ Охотскаго

острога въ Москву, или куда онъ пожелаетъ.

И. Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», стр. 338, 435, 437—441, 449—451, 454, 460, 498, 499, 561, 565, 568, 674.

Яковлевъ, *Александръ Васильевичъ,* генералъ-маіоръ, Свеаборгскій комендантъ, родился въ 1796 г. и происходилъ изъ дворянъ. На службу Я. поступилъ изъ кадетъ Императорскаго военно-сиротскаго корпуса (нынѣ Павловскій кадетскій корпусъ) и 4-го сентября 1805 г. былъ произведенъ въ подпоручики въ Регенсальмскій артиллерійскій гарнизонъ. Въ 1806 г. онъ находился въ командировкѣ для привода рекрутъ въ корпусъ генерала Буксгевдена и за удачное выполненіе порученія получилъ Высочайшее благоволеніе. Черезъ годъ, по распоряженію начальства, Я. былъ переведенъ въ артиллерійскую полуроту при 3-мъ морскомъ полку. Произведенный въ поручики 21-го января 1809 г., онъ былъ переведенъ въ артиллерійскую полуроту, состоявшую при 2-мъ морскомъ полку (4-го февраля 1811 г.). Въ чинѣ штабсъ-капитана Я. принималъ участіе въ Отечественной войнѣ 1812 г., находясь въ дѣйствующемъ въ предѣлахъ Россіи корпусѣ графа Витгенштейна. 24-го декабря 1812 г. Я. былъ произведенъ въ капитаны и съ 1813—1814 г. находился въ Варшавскомъ герцогствѣ. Назначенный въ 1817 г. командиромъ батарейной № 44 роты 23-ей артиллерійской бригады, Я. въ слѣдующемъ году былъ переведенъ во 2-ю артиллерійскую бригаду въ батарейную № 3 роту, съ назначеніемъ командиромъ ея и въ томъ же году былъ произведенъ въ подполковники. 12-го іюля 1826 г. Я. былъ назначенъ командиромъ 23 артиллерійской бригады и батарейной № 1 роты. За отличіе по службѣ онъ былъ награжденъ чиномъ полковника (1827), а въ 1832 г. назначенъ командующимъ 1-ой бригадой 19-ой пѣхотной дивизіи съ оставленіемъ по артиллеріи. По расформированіи же этой дивизіи въ новый составъ Я. былъ назначенъ состоять по артиллеріи и находиться въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера. 22-го февраля 1834 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 19-ой артиллерійской бригады. За отличіе по службѣ Я. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (1835), съ назначеніемъ командующимъ 2-ой бригадой 15-й пѣхотной дивизіи, а 1 іюля 1835 г. былъ назначенъ комендантомъ въ крѣпость Свеаборгъ съ оставленіемъ по артиллеріи.

За усердное попеченіе о ввѣренныхъ ему нижнихъ чинахъ и за ревностныя заботы о нихъ Я. неоднократно удостоивался Высочайшихъ благоволеній, денежныхъ наградъ, орденовъ и благодарностей отъ командующаго отдѣльнымъ финляндскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта графа Закревскаго и командующаго войсками въ Финляндіи князя Меншикова. Изъ орденовъ Я. имѣлъ св. Станислава 1 ст., св. Георгія 4 ст, св. Владиміра 3 ст. и знакъ отличія безпорочной службы за XXXV л.

Отдѣленіе архива Главнаго Штаба въ Москвѣ. Книга формулярныхъ списковъ комендантовъ за 1843 г. Формулярный списокъ г.-м. Яковлева.

И. Артамонова.

Яковлевъ, *Александръ Васильевичъ,* д. с. с., писатель по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ народнаго хозяйства, происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился 26-го сентября 1835 г. Образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, которое окончилъ въ 1856 г. Служба его началась въ канцеляріи общаго собранія трехъ первыхъ департаментовъ Сената, гдѣ въ должности секретаря онъ оставался до 1862 г. Состоя еще на службѣ, онъ былъ захваченъ кипучимъ потокомъ новой жизни, начавшейся вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ императора Александра II. Какъ человѣкъ съ солиднымъ и разностороннимъ образованіемъ, прекрасно воспитанный и съ возвышенною душою, Я. съ большою пользою и охотою посвящалъ себя и дѣлу народнаго просвѣщенія, и заботамъ лучшихъ людей 60-хъ годовъ объ устройствѣ и улучшеніи экономическаго благосостоянія только что освобожденнаго отъ рабства народа. Онъ былъ въ числѣ немногихъ лицъ, явившихся иниціаторами по учрежденію воскресныхъ безплатныхъ школъ въ С.-Петербургѣ и др. городахъ. Вмѣстѣ съ С.-Петербургскимъ головою В. И. Лихачевымъ и др. лицами Я. основалъ однѣ изъ первыхъ въ столицѣ воскресныя школы — Саперную и Таврическую. Въ то же почти время Я. вмѣстѣ со своимъ братомъ пріобрѣлъ отъ книгопродавца Лермонтова небольшую публичную библіотеку и книжный магазинъ и занялся из-

дательскою дѣятельностью. Имъ, между прочимъ, было прекрасно переведено и издано въ то время особенно читавшееся сочиненіе Дж. Ст. Милля «О представительномъ правленіи». Затѣмъ Я. принялся за изданіе небольшой, дешевой, но солидной, разсчитанной на средняго читателя, газеты, выходившей подъ редакціей Ахшарумова; но изданіе это, горячо трактовавшее модные тогда вопросы—экономическіе и др., просуществовало менѣе года и было запрещено. Около того же времени Я. выступилъ и экономистомъ-публицистомъ, занимаясь вопросомъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ вмѣстѣ съ Лучининымъ и княземъ Васильчиковымъ. Кромѣ того, Я. много работалъ для издававшагося тогда «Настольнаго Словаря» Толля. Со второй половины 60-хъ годовъ Я. принялся за новую дѣятельность. Въ 1865 г. онъ вступилъ въ столичную городскую думу гласнымъ, а въ слѣдующемъ, при введеніи мировыхъ судебныхъ учрежденій, былъ избранъ участковымъ мировымъ судьею въ С.-Петербургѣ; эту должность онъ занималъ два трехлѣтія, въ Коломенской части, въ 6-мъ мировомъ участкѣ. Какъ мировой судья, Я. принадлежалъ къ семьѣ піонеровъ этого института, отправляя эту выборную должность съ замѣчательною энергіею, съ рѣдкимъ тактомъ и выдающимся успѣхомъ. Въ его участкѣ его знали чуть не всѣ обыватели, къ нему шли и за разрѣшеніемъ тяжбъ, и за совѣтомъ въ семейныхъ, хозяйственныхъ спорахъ и др. дѣлахъ. Его камера была практическою школою для молодыхъ юристовъ. В. Н. Никитинъ, часто посѣщавшій камеру Я., издалъ довольно большую книжку («Мировой судъ въ С.-Петербургѣ») съ подробными отчетами о разбиравшихся у него дѣлахъ. Прослуживъ два трехлѣтія судьею, Я. въ 1872 г. получилъ приглашеніе занять должность предсѣдателя Тульскаго земельнаго банка и уѣхалъ въ г. Тулу, избранный почетнымъ мировымъ судьею въ С.-Петербургѣ. Благодаря отличному знанію дѣла и неутомимой дѣятельности Я., дѣла банка пошли очень успѣшно, операціи его расширились, въ 1873 г. онъ уже былъ преобразованъ въ С.-Петерб.—Тульскій банкъ и правленіе его было переведено въ С.-Петербургъ. Въ должности предсѣдателя Я. оставался до 1877—79 г. и вскорѣ затѣмъ получилъ мѣсто управляющаго дѣлами комитета съѣзда земельныхъ банковъ, которое и занималъ до самой смерти. Продолжая въ то же время заниматься вопросами экономическими, Я. издалъ въ 1868 г. капитальное сочиненіе «О народномъ кредитѣ», потомъ написалъ рядъ статей и брошюръ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ издалъ извѣстное сочиненіе «Мелкій земельный кредитъ». Къ этому же времени относятся его сочиненія: «Очерки народнаго кредита въ Западной Европѣ и Россіи» (Спб., 1869), «Ассоціація и артель» («Недѣля», 1869 г., стр. 267), «Новгородскія земскія ссудныя товарищества» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1870 г., № 284), «Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества» (Спб., 1872 г. Это сочиненіе выдержало 4 изданія и было одобрено министерствомъ Финансовъ, какъ образцовый уставъ, весьма пригодный для практическаго осуществленія) и «Кредитное неустройство въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ» («Труды вольно-экономическаго общества», 1886 г., № 5, стр. 1). Наконецъ, Я. принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ, С.-Петербургское отдѣленіе котораго, состоявшее при вольно-экономическомъ обществѣ, составляло любимое дѣтище Я. Въ бытность графа М. Т. Лорисъ-Меликова министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Я. поступилъ на службу въ это министерство и, состоя чиновникомъ особыхъ порученій, былъ откомандированъ для подготовительныхъ работъ по вопросамъ, надъ которыми потомъ трудилась Кохановская коммиссія; въ этой коммиссіи Я. принималъ дѣятельное участіе, будучи членомъ ея и исполняя секретарскія и редакторскія обязанности. Я. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ вольно-экономическаго общества, с.-петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ и другихъ обществъ. Умеръ Я. 2-го іюня 1888 г.

«Историческій Вѣстникъ», 1888 г., сентябрь, стр. 670.—«Всемірная Иллюстрація», 1888 г., іюнь, стр. 498.—«Новости», 1888 г., іюня 4. — «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1869 г., №№ 73, 168, 183.—«Отечественныя Записки», 1869 г., № 3.—«Дѣло», 1869 г., № 4, стр. 59.

Яковлевъ, *Алексѣй Семеновичъ*, знаменитый актеръ русскаго театра, проис-

ходилъ изъ купеческой семьи г. Костромы, но родился въ 1773 г. въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ тогда его отецъ, мѣстный гостинодворскій торговецъ, разоренный пожаромъ петербургскаго гостинаго двора въ 1771 г. Въ годъ рожденія Я. отецъ его уже не имѣлъ хорошихъ средствъ, поэтому появленіе на свѣтъ будущаго извѣстнаго трагика уже не было окружено не только богатствомъ, но и довольствомъ. Я. было около 2-хъ лѣтъ, когда онъ лишился отца. Матеріальныя средства семьи со смертью главы и хозяина пришли еще въ большее разстройство, но все же мать кое-какъ кормила торговлею себя и семью. Вскорѣ надъ головою ребенка разразилось еще большее несчастье: умерла мать, и Я. семи лѣтъ остался круглымъ сиротою. Изъ родныхъ у него въ это время оставалась только одна сестра, значительно старше его и бывшая уже замужемъ за купцомъ Шапошниковымъ, который имѣлъ въ Петербургѣ свой домъ и лавку галантерейныхъ товаровъ въ гостиномъ дворѣ. Попавъ подъ опеку зятя, Я. провелъ въ домѣ его свое дѣтство и юность. Не красны были первые годы жизни Я. Не имѣя ласкъ и заботъ матери, но будучи чувствительнымъ отъ природы, Я. привязывается къ своей первой наставницѣ—просвирнѣ Вознесенской церкви, которая вмѣстѣ со своею дочерью обучала его грамотѣ. Ласка и доброта ихъ привлекли къ нимъ мальчика и онъ любилъ забѣгать въ ихъ небольшую квартиру: это и была его первая школа. Я. не забывалъ объ оказанномъ ему привѣтѣ и остался признателенъ старушкѣ до конца дней ея жизни, помогая ей чѣмъ могъ, а когда она умерла, устроилъ ей на свой счетъ похороны. Будущее положеніе Я. было опредѣлено самымъ его рожденіемъ: онъ долженъ былъ стать купцомъ. Сообразно съ этимъ и его образованіе должно было кончиться приходскимъ училищемъ, гдѣ его обучали грамматикѣ, риторикѣ, ариометикѣ, французскому, нѣмецкому языкамъ и рисованію. Однако, по собственному признанію Я., его ничему здѣсь не научили, потому что такая программа представлялась невыполнимой. Когда мальчику минуло 12-ть лѣтъ, зять Я. счелъ его образованіе законченнымъ, взялъ его изъ школы и посадилъ въ свою лавку. Въ то время, какъ въ умѣ мальчика стояли примѣры силлогизмовъ, метафоръ и хрій, на языкѣ неотвязчиво вертѣлись заученные стихи Ломоносова, отъ него требовали особеннаго вниманія къ интересамъ наживы и назойливости въ заманиваніи покупателей. Конечно, это претило Я., и онъ, какъ только представлялась возможнось улучить свободную минутку, садился за книгу и, углубившись въ чтеніе, забывалъ обо всемъ на свѣтѣ. Опекунъ сердился, выговаривалъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживалась неохота Я. къ торговлѣ, и наоборотъ—въ соотвѣтствующей прогрессіи увеличивалась любовь его къ одамъ Державина; эту любовь Я. пришлось таить въ себѣ, такъ какъ возлѣ него не было ни одной души, съ которой онъ могъ бы подѣлиться и передъ которой могъ бы открыть свои симпатіи и влеченія. Однако счастливый случай помогъ ему выйти изъ сиротливаго состоянія: въ 1791 г. Я. познакомился съ сидѣльцемъ сосѣдней шапочной лавки, Гришей Жебелевымъ. Одинаковая наклонность къ ученію, одинаковая неохота къ ремеслу ихъ—къ торговлѣ сблизили ихъ съ перваго свиданія и сдѣлали ихъ впослѣдствіи искренними друзьями. Съ этого времени Я. уже не чувствовалъ себя одинокимъ. Всякій часъ, всякую минуту, остававшуюся свободною отъ занятій въ лавкѣ и отъ надзора опекуна своего, Я. употреблялъ на чтеніе, и понравившіяся мѣста въ книгахъ выучивалъ наизусть. То же самое дѣлалъ и Жебелевъ, и при свиданіи они другъ другу отдавали отчетъ, пересказывали, задавали уроки и старались превзойти одинъ другого скоростью въ заучиваніи. Всѣ оды, какія сочинялись и публиковались тогда на побѣды русскихъ надъ турками и шведами, заучивались ими наизусть. Увлеченіе Я. литературой и поэзіей не могло не затронуть торговыхъ интересовъ его опекуна, который, усматривая причину нерадѣнія Я. къ торговлѣ въ знакомствѣ съ Жебелевымъ, потребовалъ отъ него прекращенія всякихъ сношеній съ Жебелевымъ. Но какъ ни былъ строгъ запретъ, онъ не въ силахъ былъ разлучить молодыхъ людей, и чѣмъ строже за ними слѣдилъ хозяйскій глазъ, тѣмъ они дѣлались изобрѣтательнѣе въ способахъ устраивать свиданія. Вскорѣ произошло одно обстоятельство, которое еще крѣпче связало ихъ дружбу. Жебелеву какъ-то удалось побывать въ театрѣ на Царицыномъ лугу, на представленіи «Дмитрія Самозванца» съ Шушеринымъ въ

заглавной роли. Вернувшись изъ театра, онъ поспѣшилъ подѣлиться своимъ восторгомъ съ Я.; подробно передалъ содержаніе пьесы и старался небывавшему никогда въ театрѣ другу дать понятіе о сценѣ и актерахъ. Я. молча, внимательно выслушалъ разсказъ и спросилъ: «Ну, а когда одинъ говоритъ, то что же дѣлаютъ въ это время другіе актеры?»—«Ничего, стоятъ! Что-жъ имъ дѣлать?» отвѣтилъ удивленный шляпникъ. «Какъ, братецъ, это? Да они должны глазами, лицомъ показывать, что раздѣляютъ чувства говорящаго». Геній артиста самъ собою сказывался въ будущемъ, трагикѣ, и онъ высказалъ въ этой бесѣдѣ такія вѣрныя сужденія, какія и въ голову не приходили тогдашнимъ знатокамъ сцены. Разсказъ товарища такъ поразилъ Я., что онъ и Жебелевъ порѣшили устроить свой театръ и, привлекши къ участію брата Жебелева, немедленно начали разучивать «Дмитрія Самозванца». Жебелевъ взялъ на себя роли Дмитрія и Георгія, братъ его—Шуйскаго, а Я. долженъ былъ изображать Ксенію. Тайкомъ отъ опекуна, когда тотъ уѣзжалъ въ гости, по праздникамъ происходили передъ домашними репетиціи. Костюмы смастерилъ Я.; онъ оказался очень изобрѣтательнымъ: порфиру царскую устроилъ изъ ситцеваго одѣяла, а корону—изъ золотой бумаги, бусъ и перьевъ. Когда сошла эта пьеса, они стали разучивать новую—«Магометъ». Я. и тутъ взялъ женскую роль-Пальмиры. Съ «Магометомъ», однако, дѣло обошлось не такъ благополучно. «Однажды—разсказываетъ біографъ—среди дня Я. вздумалось сдѣлать репетицію; онъ уговорилъ товарищей своихъ и для этого забрались они въ верхнюю лавку пріятеля своего и соревнователя, Милова. По ходу пьесы Магометъ долженъ былъ поразить Зопира, актеры играли съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что Магометъ, вмѣсто Зопира, размахнулся деревяннымъ мечемъ въ Пальмиру и разбилъ ей вкровь лицо. Бѣдный Я., боясь не столько послѣдствій удара, сколько подозрѣній опекуна, бросился бѣжать въ лавку, отказавшись даже отъ всякой помощи для унятія крови». Объ этихъ спектакляхъ узнали сестра и зять. Разъ, когда актеры при свѣтѣ сальныхъ огарковъ на какомъ-то чердакѣ увлекались сценическимъ искусствомъ, ихъ подкараулили и застали врасплохъ зять съ сестрой и такъ разгнѣвались, что тутъ же выгнали вонъ Я. Впрочемъ, по свѣдѣніямъ біографа Свиньина, Я. и послѣ описаннаго событія оставался у зятя, попрежнему неглижировалъ торговлей, заучивалъ наизусть стихи изъ трагедій и мечталъ, какъ бы попасть въ театръ. Случай къ тому представился скоро. Опекунъ куда-то отлучился на болѣе долгій срокъ, чѣмъ обыкновенно, и Я. въ тотъ же вечеръ со своими пріятелями отправился въ театръ. Давали комедію «Три брата близнецы». Я. не отрывался отъ сцены. Особенно понравился ему актеръ Гомбуровъ, игравшій въ пьесѣ три различныхъ роли и такъ удачно, что товарищъ Я., Миловъ, не хотѣлъ даже вѣрить, что всѣхъ трехъ лицъ изображалъ одинъ человѣкъ, но Я. настаивалъ; побились объ закладъ, и Я. выигралъ. Театръ заинтересовалъ Я. чрезвычайно; но вначалѣ его привлекало не столько сценическое искусство въ узкомъ смыслѣ, сколько поэзія. Давно уже пописывалъ онъ мелкіе стишки, но теперь, подъ обаяніемъ театральнаго представленія, вздумалъ приняться за трагедію и уже написалъ три акта, какъ вдругъ занятія его были неожиданно прерваны разлукой съ Жебелевымъ, котораго братъ отправилъ въ Москву. Я. остался опять одинъ. Тоска душевнаго одиночества охватила его еще съ большею силою, чѣмъ прежде, и онъ, не выдержавъ, обратился къ зятю съ требованіемъ выдать ему 1800 р., оставшіеся на его долю послѣ смерти родителей. Зять былъ пораженъ внезапностью такого рѣшенія Я. и съ угрозою пытался удержать его, говоря: «Куда ты дѣнешься? Куда ты пойдешь? Что знаешь?» Но Я. съ чувствомъ отвѣтилъ, указывая на образъ Божьей Матери: «Вотъ моя надежда, моя заступница, на Нее и Бога возлагаю мое упованіе: Она меня не оставитъ».

Оставивъ домъ сестры и зятя, онъ на полученное наслѣдство—1800 р. нанялъ въ гостиномъ дворѣ, въ зеркальномъ ряду, лавку подъ № 67 и началъ торговать тѣми же галантерейными товарами, какими торговалъ у зятя. Такимъ образомъ необходимыя средства къ жизни у него были. Но и теперь торговля занимала въ его думахъ второстепенное мѣсто и, вѣрный своему призванію, онъ попрежнему занимался декламаціей и стихотворствомъ и все время обдумывалъ, какъ бы ему выбиться на ту дорогу, куда влекло его при-

званіе. Однажды въ его лавку вошелъ пожилой мужчина и не замѣченный Я. остановился въ изумленіи, видимо, пораженный изяществомъ декламаціи, чистотою выговора и правильностью дикціи. Дослушавъ молодого человѣка, покупатель попросилъ Я. прочесть еще одинъ монологъ и сидѣлецъ, восхищенный первою похвалою, сталъ декламировать во весь голосъ, зычно раздававшійся подъ сводами лавки. Этотъ первый благодѣтель Я. былъ директоръ банка, Николай Ивановичъ Перепечинъ, человѣкъ высоко образованный и страстный любитель театра. Онъ сблизился съ Я. и поощрялъ его къ дальнѣйшимъ занятіямъ драматическимъ искусствомъ. Въ это время Я. сочинялъ драматическій этюдъ «Отчаянный любовникъ», основанный на дѣйствительномъ происшествіи (самоубійствѣ одного гвардейскаго офицера изъ-за несчастной любви) и написанный для того времени очень гладкими стихами. Я. прочелъ этюдъ Перепечину, и тотъ одобрилъ его, и въ томъ же 1793 г. онъ появился въ печати. Перепечинъ, чувствуя, что изъ Я. выйдетъ недюжинный актеръ, рѣшилъ познакомить его съ знаменитымъ въ лѣтописяхъ русскаго театра, лучшимъ знатокомъ сцены, Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ. Великій артистъ опытнымъ взоромъ проникъ въ глубину души Я. и, найдя въ ней божественную искру громаднаго, самороднаго таланта, выразилъ желаніе позаняться съ нимъ серьезно. Для опыта Дмитревскій выбралъ роль Аскольда въ «Семпрѣ» Сумарокова. Великій трагикъ не скупился дѣлиться съ мелочнымъ торговцемъ своими литературными и художественными познаніями, и когда эта роль окончательно была изучена, Дмитревскій предложилъ Я. сыграть ее на Императорскомъ театрѣ. Дмитревскому, впрочемъ, не стоило большого труда уговорить Я., такъ какъ послѣдній давно чувствовалъ къ сценѣ сильное влеченіе; тѣмъ же временемъ Дмитревскій дѣятельно подготовлялъ успѣхъ своего новаго ученика, распространяя среди своего знакомаго общества о необыкновенномъ талантѣ Я. и его интересной судьбѣ. Дебютъ Я. имѣлъ большой успѣхъ и торжество его въ то же время было и торжествомъ замѣчательнаго наставника. Послѣ удачи перваго представленія Дмитревскій предложилъ Я. пройти съ нимъ роль Доранта въ комедіи «Ревнивый», которая давалась во второй его дебютъ 29 іюня. Въ третій разъ онъ вышелъ 30 іюля и послѣ этого былъ принятъ на службу дирекціи Императорскихъ театровъ, считая начало ея съ 1-го сентября 1794 г. Такъ быстро и неожиданно, словно какимъ-то чудеснымъ превращеніемъ, изъ бѣднаго сироты-сидѣльца Я. обратился въ придворнаго актера и также быстро достигъ той славы и любви публики, какая инымъ не дается цѣлыми годами усидчиваго и добросовѣстнаго труда. Впрочемъ, нельзя не оговориться, что, кромѣ его таланта и покровительства Дмитревскаго, этотъ успѣхъ во многомъ зависѣлъ и отъ своевременности появленія Я. на сценѣ. Дѣло въ томъ, что незадолго до его дебютовъ Петербургъ лишился двухъ лучшихъ своихъ актеровъ, Шушерина и Плавильщикова, изъ-за экономическихъ соображеній уволенныхъ кн. Юсуповымъ. Опустѣвшее мѣсто ихъ не могло быть занято никѣмъ изъ наличныхъ актеровъ, и вдругъ въ это самое время появляется Я., молодой, красивый, статный, съ неудержимою силою чувства. Публика не могла не обрадоваться ему, и въ самое короткое время онъ сталъ ея любимцемъ. Быстрый ростъ славы Я. всего лучше свидѣтельствуется тѣми прибавками къ жалованью, которыя онъ получалъ отъ дирекціи театра, достигнувъ на 6—7 году службы одного изъ высшихъ окладовъ въ 1500 р., а равно и тѣмъ вниманіемъ, какого онъ удостоился отъ двора. Такъ, въ 1796 г. императрица Екатерина послѣ представленія въ Таврическомъ дворцѣ драмы Коцебу «Сынъ любви» изъявила ему особенное благоволеніе за исполненіе роли Фрица, а въ слѣдующемъ году Я. получилъ одобреніе императора Павла за исполненіе роли Неизвѣстнаго въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Въ томъ же 1797 г. Я. пришлось выступить дважды на Эрмитажномъ театрѣ въ роли Георгія въ «Дмитріи Самозванцѣ», дававшагося въ честь польскаго короля, и въ роли Синава трагедіи «Синавъ и Труворъ». Эти выступленія Я. при участіи Дмитревскаго во второстепенныхъ роляхъ были торжествомъ его таланта; теперь не только публика, но и самъ учитель призналъ надъ собою превосходство своего ученика. Но балуя актера, судьба и избаловала его. Внѣшніе успѣхи въ высшей степени пагубно отозвались на внутрен-

немъ развитіи его дарованія, и въ этомъ не мало повинна была петербургская публика того времени. По словамъ Вигеля, всякій, кто зналъ мало-мальски французскій языкъ, считалъ неприличнымъ посѣщать русскіе спектакли и шелъ на представленія французовъ; любителями же отечественнаго театра являлись люди средняго сословія, которые мало смыслили въ вопросахъ искусства и потому самому не могли быть судьями игры актеровъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ такой публики пришлось воспитываться и Я. Любопытно на этотъ счетъ признаніе самого Я.: «Пытался я — разсказываетъ онъ Жихареву — въ первые годы выступленія на театръ играть и такъ и сякъ, да невпопадъ; придумалъ я однажды произнесть тихо, скромно, но съ твердостью, какъ слѣдовало: «Росславъ и въ лаврахъ я, и въ узахъ я Росславъ»!— что-же публика, словно, какъ мертвая, ни хлопанчика! Ну, постой же, думаю, въ другой разъ тебя попотчую. И въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующее представленіе «Росслава» я какъ рявкну на этомъ стихѣ, даже самому совѣстно стало, а публика моя и пошла писать, всѣ почти со своихъ мѣстъ повскочили. Послѣ, какъ публика меня полюбила, я сталъ смѣлѣе и умнѣе играть: однакожъ, много мнѣ стоило труда воздержаться отъ желанія въ извѣстныхъ мѣстахъ роли *попотчивать* публику. Самолюбіе—чортовъ духъ».

Неумѣренныя и незаслуженныя похвалы развили въ Я. самонадѣянность — черту, не свойственную его характеру. Пока онъ находился подъ руководствомъ Дмитревскаго, талантъ Я. крѣпчалъ и развивался, какъ сказочный богатырь, но, къ сожалѣнію, онъ рано пренебрегъ совѣтами Дмитревскаго, предпочтя ему мнѣніе непросвѣщенной толпы. «Хорошо или дурно буду я играть, о томъ пусть рѣшитъ публика, говорилъ онъ; а ужъ обезьянничать никогда не буду». Но необъятная мощь дарованія Я. была такова, что прежде чѣмъ сломиться и погибнуть, она выдержала долгую борьбу и дала образцы такой игры, память о которой никогда не изгладится изъ лѣтописей русской сцены.

Къ счастью Я., съ его поступленіемъ на театръ совпало появленіе на русской сценѣ такъ называемой «нѣмецкой драмы». Точно свѣжій натискъ воздуха ворвался съ этой драмой въ спертую атмосферу русской драматургіи. Появились и новыя, свѣжія дарованія, какъ, напр., Александра Дмитріевна Перлова, впослѣдствіи Каратыгина, на которой воспитывался и Я. Съ появленіемъ драмы Коцебу, путы условности распались, и Я. вышелъ на просторъ. По единогласному отзыву современниковъ, Я. въ драмѣ Коцебу былъ совершенствомъ. 8 сентября 1797 г. впервые была дана на русской сценѣ знаменитая драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Эйлалію играла Каратыгина, а Мейнау — Я. «Надобно было видѣть, что̀ это было за исполненіе!»—пишетъ современникъ. «Поступь, движенія Яковлева—все было спокойно; но въ минуту, когда говорило глубокое чувство, слезы брызгали изъ глазъ и голосъ принималъ мелодію страданія безграничнаго, неисходнаго. Никакое каменное сердце не могло противостать послѣдней сценѣ свиданія супруговъ». «Я никогда не воображалъ, говоритъ Жихаревъ, чтобы актеръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ нарядназо костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей». Гораздо позднѣе, уже въ 1806 г., появились на русской сценѣ «Гусситы подъ Наумбургомъ», драма того же Коцебу. Послѣ Мейнау роль патріота Вольфа была здѣсь любимѣйшей ролью Я. «Не могу себѣ представить ничего совершеннѣе, пишетъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ Булгаринъ, какъ Яковлева въ этой роли и въ роли музыканта Миллера въ трагедіи Шиллера «Коварство и любовь». Когда въ «Гусситахъ» несчастный отецъ затруднялся въ выборѣ дѣтища, которое должно отправить въ лагерь свирѣпыхъ гусситовъ, когда онъ утѣшалъ безутѣшную мать— сердце надрывалось, и всѣ мы рыдали въ театрѣ. Эта сцена такъ рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти, что мнѣ кажется, будто я вчера только видѣлъ се!»

До 1800 г. Я. царилъ на петербургской сценѣ безраздѣльно, но въ этомъ году въ Петербургъ вновь возвратился изъ Москвы знаменитый Шушеринъ, и Я. пришлось въ первый разъ помѣриться силами съ старымъ любимцемъ петербургской публики. Шушеринъ, безъ сомнѣнія, слышалъ и ранѣе о Я.; но въ Москвѣ старые актеры иначе не называли его, какъ «неучемъ», и потому Шушеринъ явился въ Петербургъ, не особенно за-

ботясь о предстоящемъ соперничествѣ. Каково же было его удивленіе, когда публика, нѣкогда къ нему столь благосклонная, съ перваго же выхода въ роли Фрица въ «Сынѣ любви», приняла его болѣе, чѣмъ холодно. Шушеринъ пришелъ почти въ отчаяніе, но рѣшилъ бороться съ Я. И дѣйствительно, настойчивостью и ловкостью Шушерину удалось разбить хладнокровіе къ себѣ публики, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ роляхъ, напр., тирановъ и злодѣевъ, онъ превосходилъ Я. Но напрасно льстилъ онъ себя надеждою затмить новое восходившее свѣтило. Расцвѣтъ дарованія Я. былъ еще впереди. Успѣхъ Я., пріобрѣтенный имъ въ нѣмецкихъ драмахъ, уступилъ той славѣ, которую онъ пріобрѣлъ въ исполненіи трагедій Озерова. Если Я. имѣлъ большой успѣхъ въ Тезеѣ и Фингалѣ, то успѣхъ его въ «Дмитріи Донскомъ» былъ сплошнымъ тріумфомъ. Конечно, успѣху этой пьесы много способствовало извѣстное общественное настроеніе. Начиналась уже наполеоновская кампанія и патріотическій духъ охватилъ все общество. Почва для воспріятія такой пьесы, какъ «Дмитрій Донской», была вполнѣ подготовлена; если же къ этому присоединить прекрасный составъ исполнителей (Семенова, Шушеринъ), то вполнѣ станетъ понятнымъ, почему даже высшее общество, пренебрегавшее русскими представленіями, наперерывъ стремилось попасть въ театръ, залъ котораго въ этотъ день представлялъ необычайную картину оживленія. Но вотъ занавѣсъ взвился, и все вокругъ смолкло и притихло. Я. открылъ сцену. «Съ перваго же произнесеннаго имъ стиха—пишетъ очевидецъ,—мы всѣ обратились въ слухъ, никто не смѣлъ пошевелиться, чтобы не пропустить слова»; но когда твердо и съ необыкновеннымъ достоинствомъ произнесъ онъ знаменитый стихъ:

Бѣды платить настало время!

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій, и успѣхъ Я. сталъ идти crescendo, дойдя въ заключительной сценѣ до размѣровъ небывалыхъ. «Когда здѣсь—разсказываетъ Шушеринъ—Дмитрій Донской, благодаря за побѣду, становится на колѣни и, простирая руки къ Небу, говоритъ:

Прославь и возвеличь и вознеси Россію!
Сотри ея враговъ коварну, горду выю;
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьяненные отъ восторга. Изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «повторите молитву!»—и Я. вышелъ на авансцену, сталъ на колѣни и повторилъ молитву». Восторгъ былъ такой же. Послѣ этого спектакля въ обществѣ только и рѣчи было, что о Дмитріи Донскомъ. Вотъ что писалъ Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ» послѣ этого представленія: «Боже мой! Боже мой! Что это за трагедія Дмитрій Донской и что за Дмитрій—Яковлевъ?! Какое дѣйствіе производитъ этотъ человѣкъ на публику—это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслахъ и не могу дать себѣ отчета, что со мной происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изо всей мочи, то барабанилъ ногами по полу—словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала, впрочемъ, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко». Большой успѣхъ Я. имѣлъ и въ патріотической пьесѣ того времени «Пожарскій» Крюковскаго. Впрочемъ, Я. заслужилъ похвалу почти во всѣхъ пьесахъ своего репертуара, который былъ необычайно великъ.

Кромѣ трагедій Сумарокова «Семира», «Синавъ и Труворъ», Княжнина «Дидона», «Росславъ», Я. игралъ въ эту эпоху и въ нѣсколькихъ переводныхъ пьесахъ. Затѣмъ, значительно возмужавши и развившись въ слѣдующую эпоху, начало которой можно считать со времени появленія трагедій Озерова, онъ игралъ роли Тезея, Фингала, Дмитрія Донского, Агамемнона въ «Поликсенѣ», Агамемнона въ «Ифигеніи», Пожарскаго, Радамиста, Гамлета, Лавидана, Іодая, Отелло, Атрея, Чингисъ-хана, Ирода, Ореста, Орозмана, Танкреда и др. Но эти роли Я. игралъ не одинаково—однѣ хуже, другія лучше. Тѣ, которыя ему нравились, которыя подходили подъ его характеръ, тѣ особенно удавались; въ особенности удавалась та роль, которая изображала законченное

развитіе какой-нибудь страсти, отчаянія, ревности. Къ числу такихъ любимыхъ ролей принадлежали роли Ярба, Отелло, Іодая; послѣдняя роль считалась верхомъ совершенства его игры, роль въ высокой степени поэтическая, допускавшая творчество актера и въ то же время сродная его постоянному религіозному настроенію. Къ нелюбимымъ же ролямъ принадлежала, напр., роль Тезея. Въ дни исполненія такихъ нелюбимыхъ ролей онъ выпивалъ стаканъ пуншу, какъ бы затѣмъ, чтобы искусственно привить себѣ жаръ, который не надѣялся найти въ своей душѣ. Я. былъ настолько субъективный человѣкъ, настолько человѣкъ чувства, что малѣйшій нежелательный атрибутъ, даже въ костюмѣ, дѣлалъ невозможнымъ для него исполненіе самой роли. Такъ, онъ ни за что не соглашался выйти въ роли Эдипа только потому, что надо было надѣвать лысый парикъ и сѣдую бороду.

Казалось бы, что торжество и даже тріумфъ на подмосткахъ должны были наполнить жизнь Я. и сдѣлать его счастливымъ. Между тѣмъ на дѣлѣ было не то: стоило ему возвратиться домой, какъ онъ дѣлался серьезенъ и даже мраченъ. У него дома были однѣ стѣны и книги. Одиночество попрежнему не переставало преслѣдовать его и въ званіи актера, какъ нѣкогда преслѣдовало гостинодворскаго сидѣльца. Я. это было очень тяжело.

Бѣда актеровъ заключается въ отсутствіи благопріятной среды; въ старину же, когда на актера смотрѣли еще съ пренебреженіемъ, этотъ недостатокъ ощущался еще сильнѣе. Купчики—театралы, въ обществѣ которыхъ вращались сценическіе художники, могли имъ отплатить только кутежами и угощеніемъ; отсюда постоянныя поѣздки на острова съ неизбѣжными попойками. Такъ многіе спивались съ круга; къ несчастью, и Я. попалъ въ ихъ число. Правда, еще до поступленія на сцену Я., вращаясь въ кругу лавочниковъ и мелочныхъ торговцевъ, уже, какъ говорятъ, потягивалъ водочку; но этотъ порокъ развился въ немъ особенно въ 1805—1806 годахъ, когда онъ въ первый разъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ купцы были такъ щедры на угощенія. Страсть къ вину пагубно отозвалась на творчествѣ Я., исказивъ даже его характеръ. Обыкновенно скромный и застѣнчивый, онъ на-веселѣ становился другимъ человѣкомъ: самолюбивымъ, запальчивымъ и весельчакомъ. Въ такія минуты вся ширь его натуры била черезъ край. Закулисная хроника сохранила память о многихъ случаяхъ, когда Я. проявлялъ свою эксцентричность. Извѣстенъ случай съ Державинымъ, котораго стихотворенія Я. очень цѣнилъ и зналъ наизусть. «Однажды—разказываетъ Жихаревъ—послѣ представленія на сценѣ трагедіи Державина «Иродъ и Маріамна» пришелъ Я. къ Державину, остановился въ дверяхъ его кабинета и громовымъ голосомъ произнесъ: «Умри Державинъ, ты переживаешь свою славу!» Державинъ, не зная, что и подумать о такой выходкѣ, и приглашая Я. садиться, просилъ его объяснить, въ чемъ дѣло. «Дѣло въ томъ, отвѣчалъ ему трагикъ, чтобы ты великій мужъ, слава Россіи, не писалъ больше стиховъ: будетъ съ тебя!» и вдругъ ни съ того ни съ сего началъ:

О, ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи естества и пр.

прочиталъ оду отъ перваго до послѣдняго стиха, а окончивъ, сказалъ: «Ну, теперь прощай!» и уѣхалъ. Слабость къ вину и эксцентричность въ поступкахъ, служившія предметомъ грубыхъ насмѣшекъ даже со стороны своихъ сотоварищей по искусству, однако нисколько не умаляли достоинствъ его, какъ человѣка. Это была открытая, любящая душа. «Отдать послѣдній грошъ нуждающемуся человѣку, пристроить бѣдную сироту, похоронить на свой счетъ бѣднягу, взять на попеченіе подкидыша и обезпечить существованіе несчастнаго ребенка, защитить въ извѣстномъ обществѣ пріятеля отъ клеветы, и все это стараться дѣлать, по писанію, втайнѣ—вотъ весь Яковлевъ!» свидѣтельствуетъ его современникъ.

Ставя въ вину окружавшей компаніи Я. то, что она подогрѣвала вдохновеніе артиста бутылкой вина, все же нужно признать, что это вліяніе не было бы столь сильнымъ, если бы самъ артистъ не носилъ въ себѣ причину мрачныхъ настроеній и душевныхъ мукъ, отъ которыхъ забвеніе въ винныхъ парахъ представлялось ему единственнымъ лѣкарствомъ и утѣшеніемъ. Пылкій, чувствительный Я. полюбилъ со всею необузданностью своей страстной натуры, по однимъ источникамъ—актрису Ласси, отвергшую его предложеніе и вышедшую замужъ за другого, а по другимъ—А. Д. Каратыгину, урожденную

Перлову, съ которой ему приходилось играть большинство драмъ. Эта любовь составила несчастье всей жизни Я., бывшаго постоянно подъ гнетомъ этого затаеннаго и неисцѣлимаго горя, отъ котораго онъ не находилъ забвенія ни въ творчествѣ, ни въ винѣ. По долго никому не рѣшался Я. повѣрить своей тайны, высказываясь или во вдохновенныхъ порывахъ творчества, когда обнажалъ передъ зрителями душу свою, или въ тѣхъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя подъ названіемъ эротическихъ составляютъ лучшую часть небольшой книжки его стихотвореній. Онъ не лгалъ, когда писалъ:

Огнемъ души сжигаемъ,
Вкушаю тысячи отравъ.

или говорилъ, что для него одно спасеніе—могила:

Не находя нигдѣ покою,
Жду только ночи гробовой,
Чтобъ обрѣсти себѣ покой.

Однажды въ ночной бесѣдѣ съ вѣрнымъ другомъ юности, Гришею Жебелевымъ, Я. не сдержался и, рыдая, повѣдалъ ему о своей роковой страсти и испытываемыхъ имъ терзаніяхъ. «Всѣ думаютъ, признавался онъ, что я погрязъ въ порокѣ изъ жадности къ нему; люди обыкновенно судятъ по наружности и самыя невинныя чувства представляютъ порочными. Кто видитъ, какъ мучительны для меня дни? Часто, очень часто, сидя одинъ дома, прихожу въ ужасное отчаяніе—домъ мой кажется мнѣ пустыней». И, ударивъ себя въ грудь, сказалъ: «Не знаю, чѣмъ утѣшить змѣю, грызущую эту бѣдную грудь!» Въ этомъ монологѣ чувствуется что-то безысходное, чему нѣтъ конца и исцѣленія. Трагическую повѣсть своей жизни Я. разсказалъ въ стихотвореніи «Мрачныя мысли». Въ немъ онъ, между прочимъ, говоритъ о встрѣчѣ съ предметомъ своей любви и о жестокомъ рокѣ, воспретившемъ ему быть ей спутникомъ въ жизни. Не встрѣтивъ отвѣта на свою любовь, Я. сильно и мучительно страдалъ и съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе и чаще прибѣгалъ къ забвенію въ винѣ. Эти частыя попойки довели его наконецъ до бѣлой горячки. 24 октября 1813 г. въ театрѣ давали «Недоросль». Вдругъ между актерами и зрителями пронесся слухъ, что любимый актеръ Яковлевъ въ припадкѣ бѣлой горячки перерѣзалъ себѣ горло. Оказалось, что Я. нанесъ себѣ глубокую рану въ горло; къ счастью, въ сосѣдней комнатѣ услыхали хрипъ, прибѣжали на помощь, успѣли остановить кровь, и онъ остался живъ. Вся столица приняла живѣйшее участіе въ судьбѣ любимаго артиста. Старшіе воспитанники театральной школы день и ночь поочередно дежурили у его постели въ теченіе шести недѣль.

2 декабря того же года Я. снова появился на сценѣ въ роли Ярба. Театральная зала пришла въ изступленіе при видѣ Я., котораго не надѣялась больше увидать на подмосткахъ. Рукоплесканія не дозволяли начать роль. Наконецъ понемногу все стихло, — публика напряженно ждала знакомыхъ и любимыхъ звуковъ голоса. Но Я. «силился произнести первый стихъ—и не могъ... Голосъ его оборвался, крупныя слезы покатились по щекамъ, и онъ безмолвно опустилъ голову». Публика, чтобы поддержать своего любимца, снова осыпала его рукоплесканіями, и только послѣ этого кое—какъ онъ началъ свою роль, но потомъ разошелся и игралъ, какъ говоритъ Каратыгинъ, такъ хорошо, что «превзошелъ себя, а восторгъ публики былъ безпредѣленъ». 16 января 1814 г. состоялся второй выходъ Я. въ роли Спартака въ трагедіи Висковатаго—и опять же бурные восторги, то же сочувствіе публики къ своему любимцу. Но ему не суждено было оправиться отъ болѣзни, подточившей его силы. Отъ неумѣреннаго употребленія водки голосъ осипъ, все рѣже и рѣже прорывалось вдохновеніе и, чувствуя это, онъ передалъ почти всѣ свои роли молодому актеру Брянскому. Болѣзни и тоска не прекращались; къ нимъ присоединилось еще чувство раскаянія, угрызеніе совѣсти, что любитъ чужую жену, и этимъ какъ бы оскорбляетъ мужа, «ничѣмъ его необидѣвшаго». И вотъ, чтобы побороть свою несчастную любовь, онъ придумалъ, какъ средство отъ нея, какъ лѣкарство—женитьбу. «Я женюсь, сказалъ онъ Жебелеву, схвачусь, какъ утопающій пща спасенія, за бритву... Но пробужденіе мое будетъ ужасно». И онъ рѣшилъ жениться.

Я., какъ человѣкъ крайне впечатлительный и увлекающійся, могъ самые важные вопросы рѣшать очень быстро, подъ вліяніемъ минуты. Именно такъ и рѣшенъ былъ имъ выборъ невѣсты. Разъ онъ шелъ мимо квартиры отставного ка-

меръ-музыканта Ширяева, увидалъ у окна его хорошенькую 17-ти лѣтнюю дочь Катю, только что выпущенную изъ театральной школы, сейчасъ же зашелъ въ квартиру музыканта и попросилъ угостить виномъ. «Только съ условіемъ, прибавилъ онъ, чтобы угощала молодая хозяйка и дала бы на закуску свой поцѣлуй». Ширяевъ на радостяхъ, что зашелъ такой дорогой гость, велѣлъ дочери самой поднести ему стаканъ вина. Я. выпилъ однимъ духомъ и дѣйствительно поцѣловалъ дѣвушку. «Ну, а теперь благослови насъ, старикъ», сказалъ Я. Старикъ думалъ, что гость шутитъ. «Съ честными дѣвушками такъ не шутятъ, сказалъ Я., и честныхъ дѣвушекъ въ шутку не цѣлуютъ». И тутъ же они были объявлены женихомъ и невѣстою. Я. устроилъ ей самъ приданое; 16 августа они обвѣнчались въ церкви Екатерины мученицы въ Екатерингофѣ, а 9 сентября того же года молодые вмѣстѣ выступили передъ публикой въ комедіи «Влюбленный Шекспиръ». Публика трогательно выказала здѣсь свое живѣйшее участіе въ радости великаго артиста, и когда Я. произносилъ: «Шекспиръ—мужъ обожаемой жены... чего желать мнѣ больше?» весь театръ захлопалъ. Екатерина Ивановна оказалась умной и преданной женой, и съ ней онъ могъ бы найти счастье, если бы возможно было залѣчить рану, оставшуюся отъ первой, страстной любви. Подъ вліяніемъ новой жизни артистъ, говорятъ, пересталъ пить. Къ этому свѣтлому промежутку его жизни относится его единственное радостное стихотвореніе «Счастливый день». Но публика, думавшая, что женитьба исправитъ артиста, ошиблась. Я. былъ правъ, когда говорилъ Жебелеву, что «пробужденіе (послѣ такого лѣкарства) будетъ ужасно». И дѣйствительно, оно вышло ужаснымъ. Прошла горячка первыхъ наслажденій, и опять выплыло прежнее чувство, но теперь оно было уже не одно: его сопровождало сожалѣніе о совершенномъ фактѣ, угрызеніе о загубленной жизни другого существа.

Лѣтомъ въ 1817 г. давали «Отелло» съ Я. въ главной роли. Въ послѣднее время онъ рѣдко появлялся на сценѣ, и потому театръ былъ полонъ публики. Его встрѣтили, какъ всегда, аплодисментами; онъ началъ роль, но вдругъ послѣ второго антракта публикѣ было объявлено, что Я. заболѣлъ. Всѣ подумали, что подъ этою болѣзнью надо понимать обычную болѣзнь Я.—поклоненіе Вакху; но вскорѣ узнали, что онъ дѣйствительно боленъ, и боленъ безнадежно. 4 октября 1817 г. Я. въ послѣдній разъ выступилъ на сцену, по однимъ, въ роли Отелло, по другимъ— въ роли Тезея, совсѣмъ больной, измученный. Пьеса шла превосходно. Кони, утверждающій, что на сценѣ въ этотъ день шелъ «Отелло», говоритъ, что роль Дездемоны играла Каратыгина, къ которой Я. питалъ безнадежную любовь. Наступилъ трагическій моментъ, когда артистъ собственными руками, мучимый ревностью, убиваетъ любимую женщину,—въ рукахъ Я. дѣйствительно была та самая женщина, которой онъ безъ взаимности отдалъ всю жизнь, любовь къ которой въ концѣ измучила его душу,—и артистъ не выдержалъ ужаснаго наплыва реальнаго чувства ревности, поблѣднѣлъ; «съ помутившимся взоромъ хотѣлъ онъ приступить къ послѣдней сценѣ, но ноги его задрожали, кровь прилила къ головѣ, и онъ безъ чувствъ рухнулся на полъ». Его полумертваго отвезли домой и уложили въ постель, съ которой онъ больше уже не вставалъ. 3-го ноября его посѣтилъ Дмитревскій, но больной не узналъ своего учителя и благодѣтеля: онъ былъ въ бреду и тревожно метался въ постели... «Алексѣй, произнесъ Дмитревскій, рыдая—кто же намъ останется, когда и ты идешь въ лучшій міръ? кто поддержитъ нашу трагедію... Театръ погибнетъ»... Въ это время въ глазахъ больного сверкнулъ пронзительный лучъ угасающей жизни, и громкимъ голосомъ онъ произнесъ стихи изъ «Дмитрія Донского»:

Языки вѣдайте: великъ россійскій Богъ!

Это были его послѣднія слова.

Послѣ него остались вдова и двое малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ; не на что было даже похоронить знаменитаго артиста. Жена бросилась къ богатымъ купцамъ, которые, казалось, всегда были такъ расположены къ Я. и увѣряли въ своей дружбѣ. Но она встрѣтила отказъ. ей ничего не дали, ничѣмъ не помогли: Тоже она встрѣчала и въ другихъ мѣстахъ. И только одинъ цирюльникъ, который съ давнихъ поръ брилъ Я., принесъ бѣдной вдовѣ, находившейся въ полномъ отчаяніи, всѣ деньги, сколько у него было—900 р., и при этомъ отказался не только отъ векселя, но и отъ простой

расписки. Я. похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. На скромномъ памятникѣ была начертана эпитафія Б. М. Өедорова: «Завистниковъ имѣлъ, соперниковъ—не зналъ».

Я. въ одно время былъ и актеръ, и писатель. Онъ началъ писать, какъ выше было указано, будучи еще торговцемъ. Уже въ годъ поступленія его на сцену было напечатано нѣсколько изъ его стихотвореній и, между прочимъ, драматическое происшествіе: «Отчаянный любовникъ». Послѣ смерти Я. его стихотворенія вышли въ 1827 г. (Спб.) отдѣльнымъ изданіемъ въ одномъ томикѣ, подъ названіемъ: «Сочиненія Алексѣя Яковлева, придворнаго россійскаго актера». Здѣсь произведенія его раздѣлены на шесть отдѣловъ. Къ первому отдѣлу отнесены духовныя стихотворенія («Торжество Вѣры», «На день Христова распятія» и «Вѣра»); ко второму—лирическія стихотворенія (двѣ «Оды на короновані государя императора Павла Петровича», «Ода на день тезоименитства государя императора Павла Петровича», «Ода на кончину императрицы Екатерины Великой», «Стихи на случай присутствія государя императора Александра съ высочайшей фамиліею при открытіи новой биржи» и «Стихи на бракосочетаніе его высочества государя великаго князя Николая Павловича»); къ третьему—посланія («Посланіе къ А. И. А. на новый 1812 г.» и «Письмо къ С. И. К.»); къ четвертому—сатирическія сочиненія («Наушникъ, или разговоръ живописца съ подьячимъ» и «Игрокъ въ банкъ»); къ пятому—мелкія стихотворенія («Жалобы влюбленнаго», «Къ другу», «Къ любезной», «Къ купидону», «Счастливый день», «Мрачныя мысли», «Меланхолія», «Справедливость», «На смерть племянника», «Къ портрету Екатерины II», «Къ портрету Дмитревскому», «Надгробіе сестрѣ», «Къ Волкову» и «На клеветника») и къ послѣднему шестому отдѣлу—«Отчаянный любовникъ». Если оды Я. носятъ на себѣ слѣды несомнѣннаго подражанія Державину и Ломоносову (та же напыщенность и напускная восторженность), если его мелкія стихотворенія отражаютъ въ себѣ вліяніе Карамзина съ его сентиментальностью, то въ сатирическихъ пьесахъ Я. мы видимъ отраженіе Крылова съ его манерою и умѣньемъ смѣяться и смѣшить. Къ наиболѣе талантливымъ произведеніямъ Я. нужно отнести — «Наушникъ» и стихотворенія: «Къ портрету Дмитревскому» и «На клеветника».

Е. С. Некрасова, «Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ» («Артистъ», 1891 г., №№ 12, 13).— «Сочиненія А. С. Яковлева», Спб., 1827 г., при нихъ біографія, писанная *Свиньинымъ.*— *А. Н. Сиротининъ,* «Алексѣй Сем. Яковлевъ» («Русскій Архивъ», 1889 г., № 7, стр. 399, 424).—*П. Каратыгинъ,* «А. С. Яковлевъ» («Русская Старина», 1880 г., кн. X, стр. 276—285). — «А. С. Яковлевъ, русскій трагическій актеръ» («Ежегодникъ Императорскихъ театровъ на 1893—1894 г.г.», прилож., кн. I, стр. 1—51).—*И. Ө. Горбуновъ,* «Первые русскіе придворные комедіанты» («Русскій Вѣстникъ», 1892 г., № 9, стр. 213).— *Р. Зотовъ,* «Описаніе жизни актера Яковлева», Спб., 1817 г.—«Сѣверный Наблюдатель», 1817 г., т. II, стр. 250.—«Сочиненія Плавильщикова», изд. 1816 г., т. IV.—«Русская Старина», 1872 г., № 10.— «Русскій Архивъ», 1870 г., стр. 1363.—*С. Т. Аксаковъ,* «Семейная хроника и воспоминанія», М., 1879 г., стр. 465.—«Дневникъ чиновника» («Отечествен. Записки», 1855 г., №№ 4, 5, 9, 10).—*П. Араповъ,* «Лѣтопись русскаго театра», Спб., 1861 г. — «Цвѣтникъ», 1809 г., ч. VII, №№ 9, 11. — «Воспоминанія Вигеля», ч. II.—«Иллюстрированная Газета», 1868 г., № 17.—«Сѣверный Вѣстникъ», 1805 г., ч. VII, № 9; ч. VIII, № 10.—«Лицей», 1806 г., ч. II, кн. 1; ч, IV, кн. 3.—«Воспоминанія стараго театрала» («Отечествен. Записки», 1854 г., №№ 10, 11).—«Вѣстникъ музыкальный и театральный», 1857 г., № 50.—«Репертуаръ и Пантеонъ», 1810 г., ч. I; 1842 г., № 5; 1851 г., № 1.—«Русская Талія», 1825 г.— «Музыкальный Свѣтъ», 1876 г., №№ 25, 26.— *Мюнстеръ,* «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей».—Отрывокъ изъ біографіи Яковлева (хранился въ библіотекѣ А. Н. Веселовскаго).

Яковлевъ, *Андрей Яковлевичъ,* кабинетъ-секретарь, родомъ былъ изъ Астрахани и служилъ въ тамошнемъ духовномъ приказѣ приставомъ. Въ 1723 г. Я. «за вины» былъ записанъ мѣстнымъ губернаторомъ Арт. Петровичемъ Волынскимъ въ солдаты, но вскорѣ сумѣлъ войти въ довѣріе князя Меншикова и въ 1727 г. былъ «употребленъ къ описи бумагъ арестованнаго генералиссимуса». Въ царствованіе Анны Іоанновны Я. достигъ званія секретаря военной коллегіи и былъ сдѣланъ около 1737 г. кабинетъ-секретаремъ. Въ слѣдующемъ году кабинетъ-министромъ былъ назначенъ Артемій Волынскій. Я. поднесъ ему форму присяги, въ которой, между прочимъ, говорилось, что если онъ ее нарушитъ, то подвергнется смертной казни. «Какъ—вскричалъ Волынскій—государыня меня жалуетъ званіемъ ми-

нистра, а ты топоромъ и плахою»! Съ тѣхъ поръ Волынскій сталъ постоянно преслѣдовать Я. и добился того, что указомъ 1 сентября 1739 г. онъ былъ переведенъ «за непорядочные поступки» попрежнему въ военную коллегію, настоять же на ссылкѣ его въ Выборгъ Волынскому не удалось. Однако Я. вскорѣ же былъ возвращенъ въ кабинетъ и 6 августа 1740 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Биронъ, при первыхъ слухахъ о заговорѣ въ пользу Брауншвейгской фамиліи, велѣлъ схватить и пытать Я., жена котораго, чрезвычайно походившая лицомъ на Анну Леопольдовну, считалась фавориткою принцессы. Ему угрожало уже публичное наказаніе кнутомъ, и только прекращеніе регентства спасло его отъ позора, а правительница пожаловала его чиномъ дѣйствит. стат. совѣтника. Въ 1741 г. Я. получилъ увольненіе и былъ награжденъ деревнями. Новая перемѣна правительства въ томъ же 1741 г. навлекла на Я. новыя бѣды: заподозрѣнный, какъ конфидентъ Меншикова, въ подачѣ ему «разныхъ вредительныхъ проектовъ безъ подписи», Я. былъ арестованъ, преданъ суду и по сентенціи 22 января 1741 г. лишенъ чиновъ и деревень и разжалованъ въ писаря астраханскаго гарнизона. Какова была дальнѣйшая судьба Я.—неизвѣстно.

М. Д. Хмыровъ, «Историческія статьи», СПБ., 1873 г., стр. 410—411.—«Записки объ Артеміи Волынскомъ» («Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс.»), 1858 г., кн. II, стр. 136, 146, 148.—«Полн. Собр. Зак., изд. 1830 г., т. XI, ст. 8506.—*С. Соловьевъ,* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (изд. «Общ. Польза»), т. V, стр. 10, 11, 17, 34, 43, 139, 143.

Яковлевъ, *Василій Михайловичъ*, агрономъ; высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1869 г. со званіемъ кандидата естественныхъ наукъ. Въ томъ же 1869 г. Я. поступилъ на должность хранителя агрономическаго кабинета въ родномъ университетѣ и исполнялъ ее въ теченіе болѣе чѣмъ 20 лѣтъ,—до самой смерти. Ввѣренный Я. кабинетъ былъ основанъ лишь въ 1863 г. и первые годы своего существованія находился въ запущенномъ и хаотическомъ состояніи; Я. энергично принялся за приведеніе въ порядокъ находящихся въ немъ матеріаловъ и въ короткое время достигъ этого вполнѣ удовлетворительно. Вскорѣ онъ сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ комитета грамотности, гдѣ на немъ лежала обязанность слѣдить за всѣми появляющимися въ Россіи популярными изданіями по вопросамъ сельскаго хозяйства и давать о нихъ отзывы; послѣдніе комитетомъ печатались въ особомъ сборникѣ, который раздавался членамъ комитета и служилъ для нихъ руководствомъ при выборѣ для напечатанія книгъ и брошюръ, наиболѣе полезныхъ для сельскихъ школъ и учителей. Отзывы Я. содержатъ много цѣнныхъ указаній по разнымъ отраслямъ крестьянскаго хозяйства. Нѣкоторое время онъ занимался при центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ принималъ участіе въ изданіяхъ комитета по статистикѣ поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ въ Европейской Россіи. Его перу принадлежитъ описаніе нѣсколькихъ уѣздовъ Рязанской губерніи. Своей дѣятельностью онъ обратилъ на себя вниманіе Императорскаго вольно-экономическаго общества и былъ избранъ въ его члены. 22 сентября 1877 г. онъ впервые выступилъ въ собраніи перваго отдѣленія этого общества съ докладомъ, въ которомъ на основаніи работъ Ноббе развилъ мысль о необходимости для русскихъ сельскихъ хозяевъ имѣть контрольную станцію для испытанія доброкачественности продажныхъ сѣмянъ со стороны ихъ всхожести. Встрѣченное общимъ сочувствіемъ, предложеніе это было принято и вызвало производимыя донынѣ испытанія всхожести сѣмянъ; эти опыты, первый изъ которыхъ былъ сдѣланъ Я., всегда фигурируютъ на сѣмянной выставкѣ вольно-экономическаго общества, устраиваемой ежегодно въ день торжественнаго собранія — 31 октября. По порученію профессора В. В. Докучаева, Я. принялъ участіе въ изслѣдованіи почвенныхъ свойствъ Нижегородской губерніи. Результатъ его работъ былъ небольшой по объему, но весьма цѣнный и во всѣхъ отношеніяхъ оригинальный трудъ—«Механическій составъ и физическія свойства почвъ Нижегородской губерніи», вошедшій въ составъ изданныхъ мѣстнымъ губернскимъ земствомъ «Матеріаловъ по изслѣдованію почвъ Нижегородской губерніи». Такимъ образомъ Я. явился однимъ изъ первыхъ работниковъ въ области земскаго кадастра, или оцѣнки почвъ на основаніи всесторонняго ихъ изслѣдованія. Какъ извѣстно, произведен-

ныя подъ руководствомъ проф. Докучаева и при участіи Я. работы въ Нижегородской губерніи послужили классическимъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ почвенно-статистическихъ изслѣдованій въ цѣломъ рядѣ другихъ земскихъ губерній. Основываясь на соотвѣтственныхъ научныхъ трудахъ, а главнымъ образомъ на пріобрѣтенномъ имъ во время работъ въ Нижегородской губерніи опытѣ, Я. въ маѣ 1890 г. сдѣлалъ въ состоящей при вольно-экономическомъ обществѣ почвенной коммиссіи чрезвычайно цѣнный докладъ, въ которомъ онъ далъ обзоръ и критически разсмотрѣлъ достоинства и недостатки всѣхъ существующихъ способовъ механическаго анализа почвъ по методу отмучиванія. Его настолько интересовалъ этотъ вопросъ, который одно время былъ даже объектомъ нѣкоторой полемики среди земскихъ статистиковъ, что онъ тщательнѣйшимъ образомъ слѣдилъ не только за русской, но и за иностранной литературой по этому предмету. Послѣдней работой Я., предпринятой имъ также по порученію проф. Докучаева, было изслѣдованіе физическихъ свойствъ почвъ въ Полтавской губерніи. Болѣе года потратилъ онъ на нее, но довести до конца не успѣлъ, такъ какъ заболѣлъ и 28 іюля 1891 г. скончался въ своемъ имѣніи Вяжищи, Лужскаго уѣзда.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. С.-Петерб. университета» (Спб., 1898 г.), стр. 360—362.

Н. Сербовъ.

Яковлевъ, *Владиміръ Дмитріевичъ*, литераторъ, родился въ 1817 г. Воспитывался сначала въ Императорской Академіи Художествъ, но пробылъ въ ней недолго и перешелъ оттуда въ главный педагогическій институтъ. Еще будучи въ Академіи Художествъ, онъ совершилъ поѣздку въ Архангельскъ. Выйдя изъ педагогическаго института до окончанія курса, Я. занялъ мѣсто преподавателя уѣзднаго Крестецкаго училища, Новгородской губерніи, но, прослуживъ тамъ недолго, пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ учителемъ Андреевскаго приходскаго училища на Васильевскомъ островѣ, изъ котораго вскорѣ переведенъ былъ въ Рождественское приходское училище, но и здѣсь оставался недолго, покинувъ въ срединѣ 1840-хъ годовъ совершенно педагогическую дѣятельность. Послѣ этого онъ предпринялъ путешествіе въ Италію, по возвращеніи изъ котораго нѣкоторое время состоялъ корректоромъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, а затѣмъ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. О первыхъ своихъ литературныхъ опытахъ Я. разсказывалъ, что онъ писалъ, еще будучи студентомъ, и что одну изъ своихъ работъ—переводъ съ французскаго какой то книжки—онъ доставилъ А. А. Плюшару, который, не читая рукописи, очевидно въ поощреніе къ дальнѣйшимъ литературнымъ трудамъ, тотчасъ же выдалъ гонораръ, хотя переводъ такъ и остался ненапечатаннымъ. Другая работа Я. того же времени, статья «Поѣздка въ Архангельскъ и на Бѣлое море», имѣла болѣе счастливую участь—была напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1837 г., кн. I). Тамъ же были напечатаны и первыя стихотворенія Я.: «Мое общество» (за 1843 г. кн. 9), «Ты вспомнишь обо мнѣ» (кн. 10), «Изъ Гейне» и «Мелодія» (кн. 12), «Будь моею» (за 1844 г., кн. 7), «Голосъ въ пустынѣ» (за 1846 г., кн. 12) и другія. Поѣздка въ 1847 г. въ Италію дала Я. богатый матеріалъ для лучшихъ его произведеній — «Писемъ изъ Италіи». Первое изъ этихъ писемъ «Венеція» было напечатано въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1849 г., кн. 4 и 6), затѣмъ тамъ-же были напечатаны: «Письма изъ Италіи: Салерно, развалины Пестума» (1850 г., кн. 1 и 10), «Амальфи и Пиза» (1851 г., кн. 3), «Миланъ» (1852 г., кн. 3). Кромѣ того, въ «Библіотекѣ для Чтенія» (за 1849 г., кн. 7, 9 и 10) была напечатана повѣсть «Патурщица», а въ «Отечественныхъ Запискахъ»—«Очерки Сардиніи» (1851 г., кн. 12) и «Помпея» (1854 г., кн. 1 и 2). Разстроенное здоровье Я. требовало обязательной поѣздки на югъ, между тѣмъ матеріальныя средства его были настолько скудны, что онъ вынужденъ былъ одно время взять на себя чтеніе корректуры въ «Библіотекѣ для Чтенія», хотя эта работа была для него чрезвычайно вредна. Узнавъ о весьма тяжеломъ положеніи Я., императоръ Александръ II, бывшій тогда еще наслѣдникомъ, пожаловалъ ему 5000 р. серебромъ на поѣздку для лѣченія за границу и на изданіе его писемъ объ Италіи (жена Я., урожденная Утремаркъ, дочь извѣстнаго инженера, до замужества состояла камеръ-фрау при великой княгинѣ Маріи Александровнѣ, супругѣ Царя-Осво-

бодителя, мѣсто это заняла младшая сестра, Утремаркъ, которая и представила великому князю «Письма изъ Италіи» своего зятя). По возвращеніи изъ заграничной поѣздки Я. издалъ все ранѣе написанное имъ объ Италіи отдѣльной книгой подъ заглавіемъ—«Италія» (Спб., 1855 г.). Книга эта была встрѣчена публикой очень сочувственно, что, впрочемъ, нисколько не измѣнило тяжелаго матеріальнаго положенія писателя, такъ какъ плохое состояніе его здоровья мѣшало ему работать. Въ 1860 г. Я. ослѣпъ и слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе 24 лѣтъ до самой своей смерти, живя на пенсію отъ Общества пособія бѣднымъ литераторамъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, Я. были напечатаны слѣдующія его произведенія: «Римъ» («Сынъ Отечества», 1857 г., кн. 2—4), «Вѣчный городъ» («Библіотека для Чтенія», 1858 г., кн. 4), «Библіографическія замѣтки о Лермонтовѣ» («Библіографическія Записки», 1859 г., кн. 12), «Римскіе очерки» («Свѣточъ», 1860 г., кн. 1), «Римскія поля» («Современникъ», 1860 г., кн. 2), «О книгѣ переводы въ стихахъ изъ Гете, Шиллера, Шекспира, Гюго и Барьбе, изд. М. Семперверо» («Русское Слово», 1860 г., кн. 11), «Сфинксы», «Два вопроса», «Ночь Геліогабала», «Дума» — стихотворенія («Русское Слово», 1861 г., кн. 9 и 12; 1862 г., кн. 1 и 4), «Замѣчательнѣйшія архитектурныя и художественныя постройки земного шара сочиненія А. Лефевра», переводъ съ дополненіями о Россіи (Спб., 1870 г.). Послѣднія свои произведенія и вышеназванный переводъ Я. не могъ уже писать самъ и диктовалъ своей женѣ. Я. скончался въ Петербургѣ 3-го ноября 1884 года, на 68 году отъ рожденія.

«Новь», 1884 г., кн. 3.—«Историческій Вѣстникъ», 1884 г., т. XVIII; 1888 г., т. XXXI.— *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IV, Спб., 1888 г., стр. 114—115.—«Наблюдатель» 1886 г., кн. 4.—«Новое Время», 1884 г., № 3122.

Е. Я.

Яковлевъ, *Гавріилъ Ивановичъ,* академикъ портретной живописи С.-Петербургской Академіи Художествъ. Родился въ 1820 г. въ Чухломскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Съ дѣтства былъ приписанъ къ с.-петербургскому мѣщанскому обществу, по выходѣ изъ котораго поступилъ приходящимъ ученикомъ въ Императорскую С.-Петербургскую Академію Художествъ. 19 сентября 1839 г. за портретъ старика, писанный съ натуры, Я. получилъ отъ Академіи званіе свободнаго неклассснаго художника портретной живописи, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могъ устроиться въ столицѣ и только осенью 1842 г. поступилъ учителемъ рисованія и черченія въ С.-Петербургское Владимірское уѣздное училище. Въ томъ-же году Я. женился на дочери купца Степанова, Анастасіи Ивановнѣ, имѣвшей небольшой домикъ въ столицѣ, и матеріальное положеніе молодого художника поправилось. Прослуживъ учителемъ четыре года, Я. въ сентябрѣ 1846 г., по прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности и съ этого времени на досугѣ усердно занялся своимъ искусствомъ. Рядъ работъ, представленныхъ имъ въ совѣтъ Академіи Художествъ, побудилъ послѣдній въ засѣданіи 25 сентября 1852 г. опредѣлить Я. «назначеннымъ въ академики». Одновременно рѣшено было и задать ему программу на полученіе званія академика, но въ ноябрѣ того-же года самъ Я. ходатайствовалъ о разрѣшеніи написать ему съ этой цѣлью портретъ профессора Ѳ. А. Бруни. Въ началѣ осени слѣдующаго 1853 г. портретъ былъ законченъ, представленъ въ Академію и найденъ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ искусства; вслѣдствіе чего 13-го ноября Я. получилъ дипломъ на званіе академика. Въ послѣдующіе затѣмъ годы заслуживаютъ вниманія его работы по внутренней отдѣлкѣ собора въ С.-Петербургскомъ Воскресенскомъ (Новодѣвичьемъ) монастырѣ, гдѣ онъ одновременно обучалъ сестеръ живописи. Подъ руководствомъ Я. его ученицами были написаны иконы для новаго храма, отчего, по отзывамъ настоятельницы Ѳеофаніи, соблюдена была большая экономія для монастыря, строившаго соборъ на свои средства. Въ теченіе пяти лѣтъ Я. вмѣстѣ съ архитекторомъ Сычевымъ вполнѣ безвозмездно трудился надъ украшеніемъ монастырскаго храма, за что въ сентябрѣ 1861 г., по ходатайству С. Петербургскаго епархіальнаго начальства, и былъ представленъ къ наградѣ орденомъ св. Станислава 3-й степени.

Лѣтомъ 1862 г. внезапная болѣзнь (горячка) прервала работы художника. Я.

скончался въ С.-Петербургѣ 1-го іюля 1862 г. и погребенъ благодарными монахинями на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Дѣло правленія С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ, Я. — 11.— *П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербург. Академіи Художествъ за сто лѣтъ», ч. III, стр. 180, 189, 202, 389. *А. Г.*

Яковлевъ, *Григорій Кузьмичъ*, генералъ-отъ-артиллеріи, членъ военнаго совѣта. Родился 18-го января 1801 г. Воспитывался сначала дома, потомъ въ частномъ учебномъ заведеніи, по окончаніи котораго рѣшилъ посвятить себя военной службѣ и въ концѣ 1817 г. поступилъ юнкеромъ въ 25-ю артиллерійскую бригаду, въ которой прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. Три года спустя, Я. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1828 г., въ чинѣ подпоручика, былъ переведенъ въ 9-ю полевую бригаду. Съ этою бригадою онъ началъ турецкую кампанію 1829—1830 г.г., при чемъ уже въ самомъ началѣ ея отличился при взятіи крѣпости Шумлы, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ артиллеріи штаба 2-й арміи и въ этой должности участвовалъ во взятіи кр. Силистріи, въ сраженіи при Кулевчи, въ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы, въ сраженіи подъ Сливно и въ занятіи Адріанополя. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ выказывалъ себя въ одинаковой мѣрѣ храбрымъ и распорядительнымъ офицеромъ, за что былъ произведенъ въ поручики и штабсъ-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Но этимъ не ограничились его награды. Въ концѣ 1830 г. за отличіе по службѣ Я. былъ переведенъ въ гвардейскую артиллерію и черезъ нѣсколько недѣль былъ произведенъ въ капитаны. Полтора года спустя, Я. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, а въ концѣ того же 1832 г. былъ произведенъ въ полковники. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при генералъ-фельдцейхмейстерѣ, а потомъ засѣдающимъ въ общемъ присутствіи артиллерійскаго департамента и членомъ артиллерійскаго отдѣленія военно-ученаго комитета. Произведенный въ 1843 г. въ генералъ-маіоры, Я. былъ назначенъ членомъ общаго собранія артиллерійскаго департамента. Зная прекрасно французскій языкъ, Я. любилъ заниматься переводами по своей спеціальности, и еще въ 1833 г. перевелъ «Записки объ употребленіи ручного оружія при оборонѣ крѣпостей», а десять лѣтъ спустя перевелъ и напечаталъ «Историческія свѣдѣнія объ огнестрѣльномъ оружіи». Значительно позже (1852 г.) онъ перевелъ извѣстное сочиненіе Шаригорста объ артиллеріи. Исполняя разныя порученія начальства, Я., между прочимъ, въ 1843 г. осматривалъ артиллерійскіе гарнизоны Лифляндскаго и Финляндскаго округовъ, а потомъ производилъ на Кавказѣ опыты надъ дѣйствіемъ картечною гранатою изъ 10-ти фунтовыхъ единороговъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ членомъ комитета по сооруженію Кронштадтскаго форта Рисбанкъ (теперь фортъ «Императоръ Павелъ I»), а въ концѣ того же 1845 г.—исполняющимъ должность директора артиллерійскаго департамента; спустя два года онъ былъ утвержденъ въ этой должности. Служба Я. была отмѣчена Высочайшими наградами: орденами св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени съ императорскою короною, чиномъ генералъ-лейтенанта (въ 1849 г.) и орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Въ 1854 г. Я. былъ назначенъ членомъ генералъ-аудиторіата, при чемъ съ начала слѣдующаго года занимался еще и приведеніемъ крѣпости Кіева въ оборонительное положеніе. За успѣшное выполненіе этого порученія ему былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Назначенный въ концѣ 1856 г. членомъ военнаго совѣта, Я. вскорѣ послѣ того принялъ очень дѣятельное участіе въ занятіяхъ комитета по преобразованію артиллерійскаго вѣдомства и по организаціи войскъ, при чемъ въ 1862 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а черезъ три года произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи. Въ слѣдующемъ 1866 г. Я. былъ назначенъ завѣдующимъ эмеритальною кассою военно-сухопутнаго вѣдомства, а затѣмъ вскорѣ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго. Въ 1869 г. ему былъ пожалованъ особый знакъ и золотая медаль за дѣятельное участіе въ занятіяхъ военнаго совѣта по освобожденію отъ обязательнаго труда и по устройству быта

поселянъ Охтенскаго порохового завода и оружейныхъ мастеровыхъ и непремѣнныхъ работниковъ Тульскаго, Ижорскаго, Сестрорѣцкаго и Райволовскаго заводовъ. Съ того же 1869 г. въ теченіе двухъ лѣтъ Я. предсѣдательствовалъ въ частномъ присутствіи военнаго совѣта. Я. скончался въ Петербургѣ 11-го апрѣля 1872 г. на 72 году отъ рожденія.

«Русскій Инвалидъ», 1872 г., № 84.
Ястребцевъ.

Яковлевъ, *Григорій*, авторъ сочиненія «Извѣщеніе праведное о расколѣ безпоповщины», родился въ 1703 г. въ Великомъ Новгородѣ и происходилъ отъ православныхъ родителей, перешедшихъ впослѣдствіи въ Даниловскій безпоповщинскій толкъ и поселившихся въ Выговской пустыни. Будучи 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ, Я. былъ поставленъ своимъ отцомъ на клиросъ въ Выгорѣцкомъ монастырѣ, гдѣ онъ постепенно проходилъ должности—пономаря, псаломщика, канонархиста и наконецъ головщика. Главнымъ наставникомъ и руководителемъ его въ отправленіи этихъ должностей, и вообще воспитателемъ въ духѣ Выгорѣцкаго общежитія, былъ извѣстный сотрудникъ Денисовыхъ—уставщикъ Трифонъ Петровъ, у котораго онъ началъ жить въ кельѣ. Здѣсь, по собственнымъ словамъ его, онъ «научился всякаго лжеученія раскольническаго и дѣйствъ и обычаевъ ихъ». Трифонъ Петровъ научилъ его также «грамматическому отчасти художеству и нѣсколько риторическому». Но болѣе всего пріохотился Я. къ иконописному искусству, въ которомъ и сдѣлалъ значительные успѣхи, такъ что иконописаніе сдѣлалось для него средствомъ къ существованію. Въ Выгорѣцкомъ монастырѣ онъ прожилъ около 20-ти лѣтъ; потомъ (1733 г.) перешелъ на жительство въ Сергіевъ скитъ, гдѣ провелъ 7 лѣтъ. За это время Я. имѣлъ возможность близко узнать всѣхъ главныхъ выгорѣцкихъ дѣятелей, начиная съ Данилы Викулова и Андрея Денисова, и былъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ событій, происходившихъ на Выгѣ; при немъ происходило здѣсь и составленіе знаменитыхъ «Поморскихъ Отвѣтовъ» на вопросы іеромонаха Неофита. Въ 1740 г. Я. предпринялъ путешествіе на свою родину, Новгородъ, Старую Русу, въ Польшу, Лифляндію и Курляндію, а оттуда въ Москву. Его ревность въ распространеніи раскола, начитанность и проповѣднической талантъ снискали ему такое уваженіе въ обществѣ московскихъ безпоповцевъ, что эти послѣдніе предложили ему принять должность настоятеля, или отца, и править у нихъ всѣ необходимыя требы. Но Я. отклонилъ это предложеніе вслѣдствіе тѣхъ сомнѣній, какія возникли у него относительно раскола и явились результатомъ размышленій и изслѣдованій о спорныхъ религіозныхъ вопросахъ; этому не мало способствовало и чтеніе старописьменныхъ и древнепечатныхъ книгъ. Вернувшись послѣ 4-хъ лѣтней отлучки на Выгъ, Я. вступилъ въ откровенныя бесѣды съ выгорѣцкими учителями о своихъ «измѣнившихся первыхъ раскольническихъ разумѣніяхъ». Убѣдившись въ явной расположенности Я. къ православной церкви, выгорѣцкіе старшины запретили всѣмъ «грамотникамъ и крылошанамъ» своего общежитія входить въ бесѣды съ нимъ, опасаясь, очевидно, какъ бы своимъ вліяніемъ онъ не поколебалъ и другихъ въ приверженности къ расколу. Въ 1748 г., похоронивъ своего отца, Я. немедленно отправился въ Петербургъ. Принятый св. Синодомъ «благосердо», Я. представилъ ему свои тетради съ выписками изъ святоотеческихъ книгъ въ опроверженіе раскольническихъ лжеученій, и затѣмъ приступилъ къ составленію своего «Извѣщенія праведнаго о расколѣ безпоповщины», для представленія также св. Синоду въ видѣ покаяннаго писанія. Сочиненіе это онъ заключилъ просьбою къ православнымъ архипастырямъ принять его въ церковное общеніе и сподобить причастія св. таинъ «иже четыредесятолѣтно гладомъ причащенія истаеваемаго»; онъ просилъ также «опредѣлить его въ какое-либо пристойное ему дѣло», но не «въ мірскомъ и любострастномъ жительствѣ», а «въ тихости спасительнаго монашескаго пристанища». О судьбѣ Я., по присоединеніи его къ православной церкви, вполнѣ точныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ, кромѣ сообщаемаго протоіереемъ Алексѣемъ Иродіоновымъ извѣстія, что онъ «постриженъ былъ въ монашество въ Новомъ Іерусалимѣ, въ Воскресенскомъ монастырѣ, и произведенъ въ архимандрита въ Переславскій Залѣсскій монастырь св. Даніила». На основаніи этого извѣстія

можно съ полною достовѣрностью полагать, что поступившій въ 1755 г., изъ игуменовъ Можайскаго Колоцкаго монастыря, въ настоятели Переяславскаго Данилова архимандритъ Гермогенъ есть именно бывшій безпоповецъ Григорій Я. Настоятелемъ Данилова монастыря архимандритъ Гермогенъ былъ не болѣе года: 31 августа 1756 г. онъ скончался въ Воскресенскомъ монастырѣ, называемомъ Новый Іерусалимъ.

Сочиненіе Я., написанное имъ передъ своимъ присоединеніемъ къ церкви и представленное св. Синоду, въ подлинникѣ имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Испытаніе о раскольническихъ мнѣніяхъ и исповѣданіе о единой соборной истинной и православной церкви, вкупѣ и извѣщеніе праведное о расколѣ безпоповщины, въ лѣто 1748-е, нелицемѣрное мое и чистое предъ Господомъ Богомъ, многогрѣшнаго Григорія Іаковлева сына». Въ немъ говорится о древнихъ еретикахъ, существовавшихъ въ греческой церкви, потомъ объ еретикахъ, бывшихъ въ церкви Россійской — стригольникахъ, ученикахъ Ѳеодосія Косого, о началѣ раскола и, наконецъ, излагается исторія Поморскаго или Данилова раскольническаго толка. Далѣе, въ это сочиненіе входитъ прошеніе на имя императрицы Елизаветы Петровны и прошеніе св. Синоду. Въ послѣднемъ, между прочимъ, говорится о частныхъ толкахъ безпоповщины и произносится сужденіе о безпоповщинскомъ расколѣ вообще. Наконецъ, названное сочиненіе заключаетъ въ себѣ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Особенное о себѣ покаяніе и о другихъ подобныхъ такожде неутаеніе Святѣйшему же Синоду». Эта послѣдняя, самая обширная глава, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей съ особыми заглавіями, имѣетъ весьма большую важность для исторіи раскола. Изложивъ въ ней сначала свою собственную біографію, авторъ сообщаетъ потомъ свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ Поморскаго и иныхъ безпоповскихъ согласій, которыя были ему лично извѣстны и о которыхъ онъ зналъ изъ вѣрныхъ источниковъ; здѣсь же сообщаетъ онъ свѣдѣнія о сочиненіяхъ главныхъ выгорѣцкихъ учителей, о библіотекѣ Выгорѣцкаго монастыря; наконецъ, предлагаетъ свои, достойныя вниманія, соображенія о средствахъ къ ослабленію Поморскаго раскола, или, какъ онъ выражается, о «способахъ къ обращенію раскольниковъ иже въ Суземкѣ». Точность и несомнѣнная правдивость сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній о Поморскомъ расколѣ, особенно же о лицахъ, съ которыми въ теченіе своей долгой жизни въ расколѣ Я. находился въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ,— свѣдѣній большею частью неизвѣстныхъ,— сообщаютъ послѣдней главѣ въ сочиненіи Я. особенную цѣнность для исторіи раскола. Я. несомнѣнно обладалъ замѣчательнымъ умомъ, обширной начитанностью, рѣдкой памятью, строгимъ нравственнымъ характеромъ и, нужно полагать, большимъ ораторскимъ талантомъ и способностью убѣдительно и свободно излагать свои мысли въ устныхъ бесѣдахъ, чѣмъ только и можно объяснить его рѣшительное вліяніе на людей, подобныхъ Алексѣю Иродіонову (бывшій безпоповецъ, впослѣдствіи перешедшій подъ вліяніемъ Я. въ православіе и сдѣлавшійся новгородскимъ протоіереемъ и противораскольничьимъ писателемъ), который, безъ сомнѣнія, за эти качества и назвалъ его «дивнымъ мужемъ». Правда, въ сочиненіи Я. ощущается иногда недостатокъ строгой логической послѣдовательности и точности и правильности рѣчи, тѣмъ не менѣе для исторіи раскола, особенно Поморскаго, оно имѣетъ громадное значеніе. Это сочиненіе издано проф. Субботинымъ по рукописи, находящейся въ библіотекѣ Черниговской духовной семинаріи (№ 141), при чемъ четвертая глава ея издана полностью, а изъ первой и третьей извлечено только то, что представляетъ интересъ для исторіи раскола.

Н. Субботинъ, «Бывшаго безпоповца Григорія Яковлева извѣщеніе праведное о расколѣ безпоповщины», М., 1888 г.—*Ѳ. В. Ливановъ*, «Раскольники и острожники», т. 4, стр. 96.—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви», стр. 46.—*Филаретъ*, арх., «Обзоръ русской духовной литературы», кн. 2, стр. 318—321.

Яковлевъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, отецъ писателя Герцена, отставной капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка, родился въ Москвѣ 23 іюня 1767 г. Воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной и благочестивой тетки, онъ 16-ти лѣтъ поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ и, прослуживъ до павловскаго воцаренія, вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ. Въ 1801 г. онъ уѣхалъ за границу

и прожилъ, скитаясь изъ страны въ страну, до конца 1811 г. Я. сдѣлался извѣстенъ по своему свиданію съ Наполеономъ въ Москвѣ 1812 г. Когда Наполеонъ разорилъ Кремль и тщетно ожидалъ предложеній о мирѣ, онъ самъ написалъ письмо Александру I, и для отправленія письма воспользовался слѣдующимъ случаемъ: отставной капитанъ гвардіи Я., собираясь 2 сентября выѣхать изъ Москвы, былъ въ ней захваченъ и ограбленъ непріятелями. Окруженный своими дворовыми людьми и сотнею подмосковныхъ крестьянъ, прибѣжавшихъ изъ деревни къ своему помѣщику, онъ бродилъ по горѣвшей Москвѣ, отыскивая возможность выбраться изъ города, и когда убѣдился, что этого ему нельзя было сдѣлать, явился за паспортомъ къ маршалу Мортье, исполнявшему въ то время обязанности военнаго губернатора. Послѣдній не рѣшался выдать ему паспорта безъ разрѣшенія Наполеона. Зная Я. по его брату, Льву Алексѣевичу, бывшему до войны посланникомъ при Вестфальскомъ королѣ, Наполеонъ принялъ Я. въ тронной залѣ, и послѣ нѣсколькихъ словъ обыкновенной вѣжливости началъ при секретарѣ своемъ Лелорнь-Дидевилѣ слѣдующій разговоръ: «Не мы жжемъ Москву. Я занималъ почти всѣ столицы въ Европѣ и не истреблялъ ихъ. Я сжегъ въ Италіи одинъ городъ, потому что тамъ защищались на улицахъ. Возможно ли? Вы сами поджигали Москву, святую Москву, гдѣ погребены предки вашихъ монарховъ».—«Не знаю причины несчастія—отвѣчалъ Я.—но ношу на себѣ слѣды его; теперь все мое имущество заключается только въ лохмотьяхъ, которыя на мнѣ». Далѣе въ разговорѣ Наполеонъ выразилъ пожеланіе прекратить пролитіе крови, требовалъ отъ Россіи исполненія Тильзитскаго договора и грозилъ въ противномъ случаѣ подвергнуть Петербургъ участи Москвы. «Вы хотите ѣхать изъ Москвы?»—продолжалъ Наполеонъ—«Согласенъ, но съ условіемъ, чтобы вы отправились въ Петербургъ. Императору Александру пріятно будетъ видѣть свидѣтеля того, что происходитъ въ Москвѣ, и вы ему все объясните». На замѣчаніе Я., что по своему чину и званію онъ не имѣетъ права надѣяться быть допущеннымъ къ государю, Наполеонъ отвѣчалъ: «Обратитесь къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому; онъ человѣкъ честный; или велите камердинеру доложить о себѣ императору, или подите навстрѣчу государю во время его ежедневныхъ прогулокъ». На это Я. отвѣтилъ: «Теперь я во власти вашей, но я не переставалъ быть подданнымъ императора Александра, и останусь имъ до послѣдней капли крови. Не требуйте отъ меня того, чего я не долженъ дѣлать, я ничего не могу обѣщать».—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Наполеонъ, я напишу письмо къ вашему государю; скажу, что посылалъ за вами и поручилъ вамъ доставить письмо». На другой день Лелорнь-Дидевиль привезъ письмо и повелѣніе пропустить плѣннаго изъ города. Въ сопровожденіи болѣе 500 человѣкъ вышелъ Я. пѣшкомъ изъ Москвы, къ вечеру добрался до Черной Грязи, гдѣ явился на передовой цѣпи отряда Винценгероде и былъ имъ отправленъ съ офицеромъ въ Петербугъ. Здѣсь привезли Я. прямо къ графу Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ доложилъ объ немъ государю и получилъ повелѣніе: не представлять его императору, а только взять отъ него письмо Наполеона. Съ мѣсяцъ Я. оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева и къ нему никого не пускали. Наконецъ, графъ объявилъ ему, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину того, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства и извиняя этотъ поступокъ крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, не видавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься. Я. поселился сначала въ Ярославской губ., затѣмъ переѣхалъ въ Тверскую и, наконецъ, черезъ годъ перебрался въ Москву. Дожилъ онъ до глубокой старости. Скончался Я. 6 мая 1846 г. и похороненъ на Дѣвичьемъ кладбищѣ.

А. И. Герценъ въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ своего отца: «Нравъ и здоровье моего отца не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтреную жизнь, и онъ перешелъ въ противоположную крайность. Онъ хотѣлъ себѣ устроить жизнь одиночную, въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, что онъ только для себя хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятыя силы портили нравъ, дѣлая его тяжелымъ... Человѣкъ большого ума, большой наблюдательности, онъ бездну ви-

дѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе ото всѣхъ. Трудно сказать, что собственно внесло столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерь, вовсе не было въ его жизни. Я никогда не могъ вполнѣ понять, откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собою въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, котораго никому не довѣрялъ, или это было просто вслѣдствіе встрѣчи двухъ вещей до того противоположныхъ, какъ восемнадцатый вѣкъ и русская жизнь при посредствѣ третьей, ужасно способствующей капризному развитію,—помѣщичьей праздности. Онъ до конца жизни писалъ свободнѣе и правильнѣе по-французски, нежели по-русски, и à la lettre не читалъ ни одной русской книги, ни даже библіи». Не обращаясь ни къ кому съ просьбами, онъ въ то же время и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. «Въ жизни, говорилъ Я., всего важнѣе esprit de conduit, важнѣе превыспренняго ума и всякаго ученья. Вездѣ умѣть найтиться, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ фамильярности».

Михайловскій - Данилевскій, «Описаніе Отечественной войны 1812 года», ч. III, стр. 58—65.—«Русская родословная книга» (Изданіе «Русской Старины), стр. 355.—«Русскій Архивъ», 1874 г., тетр. 14; 1876 г., № 6, стр. 231; № 7, стр. 287—290.—*А. И. Герценъ*, «Былое и думы», т. II. — «Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ» («Русская Старина», 1872 г., декабрь; 1873 г., февраль, мартъ; 1876 г., апрѣль — іюнь, ноябрь; 1877 г., апрѣль, іюль).

Яковлевъ 2-ой, *Иванъ Андреевичъ,* генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, родился въ 1798 г. и происходитъ изъ дворянъ Петербургской губерніи. На службу поступилъ колонновожатымъ (9-го сентября 1815 г.) въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Съ 1816—1818 г.г. онъ находился при съемкѣ Новой Финляндіи, послѣ чего былъ назначенъ въ канцелярію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба. Въ апрѣлѣ того-же года Я. былъ командированъ на съемку въ Новгородскую губернію. Произведенный въ поручики (22-го апрѣля 1822 г.), Я. за отличіе по службѣ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ (3-го августа 1823 г.) и черезъ 2 года произведенъ въ капитаны. Съ открытіемъ въ 1828 г. турецкой кампаніи Я. съ войсками гвардейскаго корпуса выступилъ изъ Петербурга. Перейдя Дунай и турецкую границу и направляясь вдоль берега Чернаго моря, Я. прошелъ Исакчу, Бабадахъ, Кистенджи и дошелъ до кр. Варны, въ осадѣ которой съ 12-го сентября принялъ участіе. По взятіи крѣпости Я. былъ командированъ со 2-ой бригадой легкой гвардейской кавалерійской дивизіи для преслѣдованія непріятеля до р. Камчика; здѣсь 3-го октября онъ участвовалъ въ сраженіи, по окончаніи котораго (5-го октября) вернулся подъ Варну, а затѣмъ, слѣдуя въ войскахъ гвардейскаго корпуса, расположился за Дунаемъ на кантониръ-квартирахъ. Въ январѣ 1829 г. Я., съ соизволенія великаго князя Михаила Павловича, былъ командированъ въ дѣйствующія войска 2-ой арміи, съ назначеніемъ состоять при генералъ - квартирмейстерѣ. Назначенный дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 3-ей гусарской дивизіи, Я. 19-го іюня прибылъ въ лагерь подъ Силистріей, а 25-го числа возвратился обратно на позиціи при кр. Шумлѣ, а затѣмъ къ Янибазару. 28-го того-же іюля Я. принялъ участіе въ сраженіи съ значительными турецкими войсками, которыя были разбиты и опрокинуты. Въ августѣ онъ находился въ поискахъ, произведенныхъ около кр. Шумлы, въ осадѣ одного изъ среднихъ турецкихъ укрѣпленій и оставался до прекращенія военныхъ дѣйствій по случаю заключенія мира. 25-го сентября Я. былъ командированъ на военно-топографическую съемку окрестностей р. Камчика. Съ февраля по 13 декабря 1830 г. онъ исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера 3-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ возвратился въ Россію черезъ Сатуново и Поркалы. Въ томъ же году Я. былъ назначенъ исправлять должность оберъ-квартирмейстера оставшихся въ Петербургѣ войскъ гвардейскаго корпуса, а въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ полковники, съ оставленіемъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Приказомъ по генеральному штабу отъ 27-го января 1832 г. Я. былъ на-

значенъ начальникомъ топографической съемки Гродненской губерніи; въ апрѣлѣ того-же года переведенъ въ генеральный штабъ; 16-го октября 1837 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ въ отдѣльный корпусъ внутренней стражи и 16-го апрѣля 1841 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры. 16-го марта 1842 г. Я. былъ назначенъ начальникомъ топографической съемки Волынской губерніи, а спустя три года—членомъ со стороны Военнаго министерства въ коммиссію для приведенія въ извѣстность количества и качества земель, занимаемыхъ Уральскимъ казачьимъ войскомъ и киргизами внутренней Букѣевской орды. Для этой цѣли онъ былъ посланъ въ Оренбургъ. Вернувшись обратно въ 1846 г., Я. оставался въ Петербургѣ по дѣламъ означенной коммиссіи. Въ 1848 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и за отличіе по службѣ произведенъ въ ген.-лейт. (1853 г.), съ оставленіемъ въ настоящей должности, а 25-го декабря 1856 г. уволенъ отъ этой должности и причисленъ къ армейской пѣхотѣ. Труды Я., какъ строевого офицера, а также и какъ военнаго топографа, были неоднократно награждаемы драгоцѣнными подарками, Высочайшими благоволеніями, орденами и медалями. Изъ знаковъ отличія онъ имѣлъ ордена: св. Станислава 1 ст., св. Георгія 4 кл., св. Анны 1 ст. съ мечами надъ орденомъ и 2 ст. съ Императорскою короною, шпагу съ надписью «за храбрость» и медали за турецкую войну 1828—1829 г.г. и въ память войны 1853—1856 г.г.

Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Книга формулярныхъ списковъ Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса за 1856 г. Формуляръ г.-л. Яковлева 2-го.

И. Артамонова.

Яковлевъ, *Иванъ Еремѣевичъ,* портретистъ и профессоръ исторической живописи Императорской Академіи Художествъ, сынъ оберъ-офицера, родился 30-го мая 1787 г. Одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ 1798 г. онъ поступилъ въ воспитанники Академіи Художествъ и впослѣдствіи былъ въ ней ученикомъ Левицкаго; въ 1805 г. за рисунки съ натуры онъ получилъ серебряную медаль 2-го класса, въ декабрѣ слѣдующаго года былъ награжденъ серебряной медалью 1-го класса, а въ 1808 г.—малою золотою за картину «Скульпторъ въ своей мастерской» и тогда же былъ выпущенъ изъ Академіи съ званіемъ художника XIV класса. Въ 1811 г. Я. за портретъ, написанный съ самого себя (находится въ Московскомъ публичномъ музеѣ), признанъ назначеннымъ въ академики, спустя же годъ за портретъ Левицкаго (въ конференцъ-залѣ Академіи) былъ удостоенъ степени академика. Въ 1814 г. Я. получилъ мѣсто учителя рисованія въ Академіи; тотъ же предметъ онъ нѣкоторое время преподавалъ и въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. За написанную по заданной Академіей программѣ картину «Явленіе воскресшаго Христа Маріи Магдалинѣ» (находится въ музеѣ Академіи) онъ въ 1839 г. былъ возведенъ въ званіе профессора. Главнымъ жанромъ Я. была портретная живопись, и въ этой области его работы сильно напоминаютъ произведенія его учителя Левицкаго, хотя уступаютъ имъ въ силѣ и гармоніи красокъ, въ мягкости и сочности кисти и вообще во вкусѣ исполненія. Значительно ниже стоятъ его работы въ области исторической живописи; здѣсь онѣ носятъ по преимуществу подражательный характеръ и самостоятельной цѣнности не представляютъ. Скончался Я. 12-го іюня 1843 г.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ атеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ», т. I (Спб., 1864 г.), стр. 370, 400, 474, 490, 507, 516, 522, 563; т. II (Спб., 1865 г.), стр. 34, 55, 257, 306, 442.—*А. Сомовъ,* «Картинная галлерея Императ. Академіи Художествъ; каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи» (Спб., 1872 г.), стр. 176.—*А. Ивановскій,* «Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная галлерея» (Спб., 1870 г.), стр. 106, 121, 191. *Н. Сербовъ.*

Яковлевъ-Хиронъ, *Иванъ Петровичъ,* бояринъ, близкій родственникъ царицы Анастасіи Романовны. Въ 1561 г. въ качествѣ подручнаго воеводы у князя Мстиславскаго принималъ дѣятельное участіе въ Ливонской войнѣ. Опустошивъ приморскую часть Эстоніи, Я. съ богатой добычей направился мимо Ревеля; жители этого города, числомъ около тысячи человѣкъ, сдѣлали противъ него вылазку, но были частью перебиты, а частью взяты въ плѣнъ. Я. хотѣлъ идти уже на осаду Ревеля, но овладѣть имъ не удалось въ

виду того главнымъ образомъ, что Мстиславскій, вопреки государеву приказанію, вздумалъ на пути взять крѣпость Вейсенштейнъ, но, не рѣшившись на приступъ, простоялъ здѣсь долгое время и издержалъ всѣ запасы. Послѣ этого воеводы должны были вернуться въ Россію. Въ 1563 г. Я. принялъ участіе въ Литовскомъ походѣ, предпринятомъ самимъ царемъ, а въ слѣдующемъ 1564 г. посланъ былъ съ царскою дружиною на Оку для отраженія Девлетъ-Гирея, вторгшагося въ наши предѣлы. Здѣсь Я. обнаружилъ большую распорядительность, и, благодаря его усиліямъ, крымцы скоро ушли обратно въ степь. Спустя два года послѣ возвращенія изъ этой посылки, Я. однако навлекъ на себя подозрѣніе Іоанна, который, смилостившись на первый разъ, взялъ съ него въ 1566 г. клятвенную запись, утвержденную подписями святителей, въ томъ, чтобъ не уходить ему отъ царя ни въ Литву, ни къ папѣ, ни къ императору, ни къ султану, ни къ князю Владиміру Андреевичу и не имѣть съ послѣднимъ никакихъ тайныхъ сношеній. Въ началѣ 1570 г. Я. снова принялъ участіе въ неудачной осадѣ Ревеля, на этотъ разъ съ войсками датскаго принца Магнуса, имѣвшаго въ виду изгнать шведовъ изъ Эстляндіи, но ограничился почти исключительно грабежомъ и въ февралѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Москву 2000 саней, нагруженныхъ разнымъ имуществомъ.

Избѣгнувъ разъ опалы Іоанновой, Я. не избѣгъ, однако, участи большинства однажды заподозрѣнныхъ царемъ. Въ 1571 г., по поводу болѣзни царской невѣсты Марѳы Васильевны Собакиной, обвинены были въ «порчѣ» ея нѣкоторые изъ родственниковъ первыхъ женъ царя; въ числѣ ихъ оказался и Я. и, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ и воеводою Замятнею-Сабуровымъ, былъ засѣченъ по приказанію Іоанна.

Н. М. Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. VIII, пр. 189; т. IX, стр. 29, 69, 83, 84, 174, 188, пр. 39, 50, 66, 271, 336, 366.—Полное собраніе рус. лѣтоп., т., III, стр. 164; т. IV, стр. 312.—Акты Археограф. Экспед., т. I, стр. 339. *А. Г.*

Яковлевъ, *Иванъ,* придворный актеръ, родился въ 1729 году. Написалъ нѣсколько мелкихъ пьесъ и перевелъ съ французскаго драму Дидеро въ 5 дѣйствіяхъ: «Побочный сынъ или испытаніе добродѣтели» (1788 г.). Умеръ Я. 22 октября 1809 года.

Смирдинъ, «Роспись россійскимъ книгамъ», № 7572.—Энциклопедическіе словари: Толля, томъ III, стр. 1155 и В. Клюшникова, томъ III, ст. 1540.

Яковлевъ, *Кириллъ Аристарховичъ,* стольникъ и воевода, сынъ воеводы Мещовскаго, умершаго въ 1634 г. Съ 1666 по 1673 г. Я. былъ на воеводствѣ въ Енисейскомъ острогѣ и охранялъ Красноярскій рубежъ отъ вторженія киргизовъ и калмыковъ. Когда тѣмъ не менѣе въ 1667 г. монгольскій царевичъ Сенгатайша съ большой ордой въ 50.000 человѣкъ остановился на разстояніи 8-ми дней отъ Красноярска, Я. послалъ тамошнему воеводѣ подкрѣпленіе изъ Енисейска и сталъ укрѣплять границу. Тобольскаго сына боярскаго Ивана Ушакова онъ отрядилъ поставить острогъ на Казачьемъ Лугу, а самъ занялся постройкою засѣкъ, которыя растянулись на 5377 саж. Но дѣло борьбы съ кочевниками очень затруднялось для Я. малолюдствомъ въ Енисейскѣ и отсутсвіемъ тамъ боевыхъ припасовъ; пушекъ и пищалей сперва не было совсѣмъ, а изъ 33 служилыхъ людей далеко не всѣ имѣли даже мушкеты. Тщетно просилъ Я. помощи у Томскаго и Тобольскаго воеводы, тщетно жаловался на свое затруднительное положеніе въ отпискахъ, посылавшихся въ Москву, а между тѣмъ изъ Красноярска шли угрожающіе слухи, и послать туда новое подкрѣпленіе было необходимо. Тогда Я. рѣшился защищать Енисейскъ при помощи промышленныхъ и жилецкихъ людей и прибралъ изъ нихъ 100 человѣкъ въ бѣломѣстные казаки, а при просредствѣ мѣстныхъ кузнецовъ изготовилъ 20 затинныхъ пищалей и часть ихъ послалъ въ Красноярскъ. Для храненія же необходимыхъ въ военное время запасовъ имъ тогда же построены были амбары въ Маковскомъ острогѣ. Въ кругъ вѣдѣнія Я. входилъ не только Енисейскъ, но и Нерчинскій острогъ, съ приказчикомъ котораго Я. постоянно находился въ перепискѣ, давая ему порученія относительно заготовленія хлѣбныхъ запасовъ и пересылая ему денежную казну для раздачи служилымъ людямъ. Одновременно съ защитою границъ Я. приходилось въ Енисейскѣ, по распоряженію Си-

бирскаго митрополита, вести борьбу съ раскольниками, укрывавшимися въ Сибири, и, по порученію изъ Москвы, слѣдить за слюдянымъ промысломъ. Только осенью 1673 г. новый воевода Михаилъ Приклонскій смѣнилъ Я. въ Енисейскѣ. Два года спустя, мы встрѣчаемъ Я. на Смоленскомъ воеводствѣ, а около 1678 г. начинается его приказная служба въ Москвѣ: сперва въ Устюжской четверти, потомъ въ Хлѣбномъ приказѣ и, наконецъ, въ Сибирскомъ приказѣ, гдѣ онъ могъ быть особенно полезенъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ Сибирью. Вѣроятно по тѣмъ же соображеніямъ, Я. въ 1682 г. снова былъ посланъ туда воеводою, на этотъ разъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ еще и въ 1684 г.

Акты Историч., т. IV, стр. 481; т. V, стр. 88, 90—91.—Допол. къ Акт. Историч., т. III, стр. 326; т. V, стр. 93, 94, 96—98, 157—160, 164—169, 175—178, 326; т. VI, стр. 175—177, 268, 313; т. VII, стр. 136, 363, 368; т. VIII, стр. 11, 15, 48—50, 173, 209—211, 239, 257, 276; т. IX, стр. 105, 123.—*Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 73, 135, 210, 241.

А. Г.

Яковлевъ, *Корнилій* (*Корній*), по прозвищу *Черкасъ*, донской войсковой атаманъ, оставшійся вѣрнымъ Москвѣ во время бунта Стеньки Разина. Начиная съ 1646 г., Я. неоднократно, еще въ качествѣ рядового казака, побывалъ въ Москвѣ съ Донскими станицами, пріѣзжавшими почти ежегодно для полученія государева жалованья и дачи отчета о дѣлахъ на Дону. Нѣсколько позже, въ началѣ 50-хъ годовъ, мы видимъ его уже и въ числѣ выборныхъ атамановъ такихъ зимнихъ станицъ, а съ 1657 г. начинается его самостоятельная боевая служба на Дону. Нелегка была въ это время служба донцовъ—этой живой стѣны, ограждавшей отъ крымскихъ набѣговъ нашу южную окраину; къ опасности со стороны Крыма и Турціи присоединялась теперь постоянная борьба съ Азовскими укрѣпленіями, загораживавшими выходъ въ море—раздолье казачества. Негдѣ было «добыть зипуновъ», постоянно нужно было быть наготовѣ встрѣтить и отразить нападеніе, а изъ Москвы безпрестанно шли напоминанія о «промыслѣ» надъ турскими и крымскими людьми. Для дачи отпора наступавшему непріятелю и для провѣдыванья необходимыхъ вѣстей казачьи отряды подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ атамановъ время отъ времени предпринимали походы въ Черноморскую степь. Къ числу такихъ отважныхъ предпріятій относится и походъ Я. въ 1657 г. Во главѣ 2000-наго отряда казаковъ молодой атаманъ въ 33-хъ стругахъ спустился рѣкою Дономъ, прошелъ мимо Азова и направился къ крымскимъ берегамъ. Походъ былъ очень удаченъ: дорогою около Козлова казаки сожгли десять непріятельскихъ деревень, захватили въ плѣнъ 600 человѣкъ турокъ и татаръ, освободили до 200 русскихъ невольниковъ и съ богатой добычей возвратились на Донъ. Весною 1658 г. Я. съ добрыми вѣстями съѣздилъ въ Москву и усердно хлопоталъ тамъ о посылкѣ государева жалованья войску Донскому. Его щедро наградили за службу, обѣщали послать все необходимое на Донъ, но торопили въ новый походъ. Казацкая служба была нужна теперь Москвѣ больше прежняго въ виду осложненій въ Малороссіи, гдѣ новый гетманъ Выговскій перешелъ на сторону Польши и звалъ къ себѣ на помощь крымскаго хана. Чтобы предупредить это соединеніе, Я. въ началѣ 1659 г. съ 2000 казаковъ ходилъ въ море, но одними своими силами казаки не могли справиться съ ордой. Трудности неудавшагося морского похода Я. подробно разъяснилъ въ Москвѣ, во время слѣдующей своей поѣздки туда, и Московское правительство рѣшило послать на помощь казакамъ ратныхъ людей, посовѣтовавъ въ то же время Дону смириться съ калмыками, чтобы общими силами предпринять походъ противъ нагайцевъ, постоянныхъ союзниковъ Крыма, кочевавшихъ около Азова. Весною 1661 г. такой походъ дѣйствительно состоялся: во главѣ съ атаманомъ Я. казаки разорили много нагайскихъ улусовъ, перебили около 500 человѣкъ татаръ, столько же взяли живыми и освободили много русскихъ изъ плѣна. Еще удачнѣе закончился морской походъ Я. въ слѣдующемъ 1662 г., когда ему удалось овладѣть близъ Кафы двумя турецкими кораблями. Но главная служба отважнаго атамана была еще впереди. Къ опасности извнѣ присоединилась скоро смута въ средѣ самого казачества. Выходъ въ море былъ отнятъ, казаки роптали, наиболѣе безпокойные уходили разбойничать на Волгу. Выбранный въ началѣ 60-хъ годовъ войсковымъ атаманомъ, Я. какъ бы становился отвѣтственъ передъ Московскимъ правительствомъ за все то, что

происходило на Дону. Всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами: уговорами и угрозами старался онъ удержать воровскихъ казаковъ, но справиться съ голытьбой было трудно; Васька Усъ, а за нимъ и Стенька Разинъ со своими сторонниками потянулись на Яикъ и на Каспійское море. Бунтъ широко разлился по всему низовью Волги; на Дону казаки совѣщались между собою, чтобы идти къ Царицыну, грозя убить войскового атамана, который не одобрялъ ихъ намѣренія. Особенно трудное время наступило тогда, когда Разинъ, обманувъ воеводъ притворной покорностью, явился на Донъ и расположился станомъ въ Кагальницкомъ городкѣ. Въ апрѣлѣ 1670 г. у Я. произошло серіозное столкновеніе съ Разинымъ изъ-за жильца Герасима Евдокимова, пріѣхавшаго на Донъ съ царскимъ милостивымъ словомъ. Готовясь отпустить Евдокимова къ государю, Я. созвалъ кругъ для выбора станицы въ Москву, но въ это время явился Разинъ съ своими приверженцами; грубо разбранивъ царскаго посланца, онъ велѣлъ его избить и бросить въ рѣку. Я. попытался было вступиться за Евдокимова, но самъ едва не поплатился жизнью за свою смѣлую попытку. Послѣ этого Разинъ съ голутвенными, которыхъ набралось до 7000, началъ господствовать и въ Черкаскѣ. Я. приходилось поневолѣ молчать и выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для борьбы съ сильнымъ противникомъ. Такія обстоятельства наступили послѣ того, какъ Разинъ, разбитый царскими воеводами, вторично появился въ Кагальникѣ. Теперь ужъ онъ самъ заискивалъ у войсковыхъ старшинъ, и разумный Я., дѣйствуя очень осторожно, сумѣлъ обольстить «вора» своимъ ласковымъ обращеніемъ: онъ притворствовалъ передъ нимъ, какъ будто не зналъ всѣхъ его дѣяній, и наконецъ до того вкрался къ нему въ довѣріе, что Разинъ ни малѣйше не подозрѣвалъ его въ предпринятомъ намѣреніи. Между тѣмъ Я. выжидалъ только прибытія на Донъ стольника Касогова съ ратными людьми, чтобъ совмѣстными усиліями овладѣть Кагальникомъ. 14 апрѣля 1671 г. разбойничье гнѣздо было взято и сожжено, послѣ чего станица изъ 76 человѣкъ съ Я. во главѣ повезла плѣннаго Степана Разина и брата его Фрола въ Москву. Здѣсь службу вѣрнаго атамана щедро наградили: сверхъ обычнаго жалованья деньгами, сукномъ, камкой и тафтой, ему пожаловали 40 соболей въ 30 руб. и серебряный позолоченный ковшъ вѣсомъ въ полъ-2 гривенки, а при отпускѣ на Донъ— еще пару соболей въ 10 руб. и 100 золотыхъ червонныхъ изъ доходовъ Новгородскаго приказа. По возвращеніи къ войску ему поручено было вмѣстѣ съ стольникомъ Касоговымъ и дьякомъ Богдановымъ привести всѣхъ атамановъ и казаковъ къ присягѣ на вѣрность Московскому царю; ратные же люди, ушедшіе вмѣстѣ съ Я. на Донъ, не должны были ничего предпринимать безъ совѣта съ нимъ. Такое исключительное довѣріе, оказанное Московскимъ правительствомъ Я., вполнѣ объясняется его преданностью интересамъ государства, которымъ онъ, въ качествѣ войскового атамана, часто при общемъ ропотѣ казаковъ, вѣрно служилъ на Дону, положивъ прочное начало позднѣйшему полному подчиненію вольнаго Донского казачества Москвѣ. Войско не могло не замѣтить этой политики Я., и случаи недовольства имъ среди казаковъ послѣ усмиренія Разинскаго бунта повторялись неоднократно. Особенно сильный натискъ враговъ пришлось выдержать Я. въ 1675 г. по вопросу о постройкѣ крѣпостей на двухъ устьяхъ Казачьяго ерека. Московскій воевода Петръ Хованскій, явившійся съ царскимъ указомъ объ этомъ на Донъ, поговорилъ сперва тайно съ войсковымъ атаманомъ, а тотъ уже отъ себя сталъ созывать въ Черкаскѣ кругъ для объявленія указа. Казаки отвѣчали, что имъ прокапывать ерекъ, ставить городки и сидѣть въ нужное время въ осадѣ за малолюдствомъ не въ мочь, и, говоря эти слова, расходились изъ круга съ крикомъ. Атаманъ созвалъ ихъ въ кругъ въ послѣдній разъ и допрашивалъ: «Скажите въ одно слово, прокапывать ли ерекъ и городки строить ли? Чтобы мнѣ писать о томъ къ великому государю подлинно». Казаки и тутъ, не сказавши ничего навѣрное, хотѣли расходиться изъ круга; Я. началъ кричать съ угрозами, чтобы не смѣли расходиться, не порѣшивши дѣла, и зашибъ нѣсколькихъ палкою. Казаки зашумѣли, бросились на атамана и прибили его; одного изъ старшинъ казаки хотѣли убить до смерти, но тотъ убѣжалъ, отмахиваясь ножомъ. Послѣ этого, видя, что ему не поладить съ буйнымъ казачествомъ, Я. сдалъ атаманство Михаилу Са-

маренину. Но и оставшись не у дѣлъ, Я. продолжалъ вѣрно служить Москвѣ, ежегодно отправляясь туда съ войсковыми станицами и отписками. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ туда, въ 1676 г., при вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, Я. со своими казаками первый принесъ присягу молодому московскому царю, послѣ чего Донское войско уже каждый разъ присягало при смѣнѣ правителя. Службу Я. въ Москвѣ помнили и цѣнили попрежнему. Въ 1679 г., собирая ополченіе для отраженія турокъ и татаръ, хотѣвшихъ ворваться въ Малороссію, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ потребовалъ отъ войска Донского большого числа конницы. Я. предстояла новая работа. Онъ усердно хлопоталъ объ исполненіи царскаго указа, и съ открытіемъ весны казаки начали собираться; но въ то же время 3000 нагайцевъ, черкесовъ и азовцевъ, подъ начальствомъ азовскаго паши, перешли Донъ и остановились близъ Черкаска. Отразивъ непріятеля, Я. съ 3000-ми казаковъ пошелъ къ украинскимъ городамъ и остановился подъ Царевымъ-Борисовымъ городомъ, гдѣ поступилъ подъ главное начальство Касбулата Черкасскаго. Простоявъ на Украйнѣ все лѣто, казаки разбили въ степи враговъ и осенью вернулись съ Я. на Донъ. Это была, сколько извѣстно, его послѣдняя служба.

Донскія дѣла 1646—1679 г.г. (въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ). — «Историческое описаніе земли Войска Донского», Новочеркасскъ, 1903 г., стр. 221, 222, 230, 231, 235, 256, 257, 269, 270, 273, 292, 294, 302, 303, 306, 311, 395.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», изд. тов-ва «Общественная Польза», кн. III, стр. 296, 298, 303, 304, 324, 492—494.—Допол. къ Акт. Истор., т. VI, стр. 10, 16, 24, 64, 68, 69; т. VII, стр. 215; т. IX, стр. 67.—Акты Истор., т. IV, стр. 376, 392, 393, 413, 499.—Акты Археогр. Экспед., т. IV, стр. 234, 237. *А. Г.*

Яковлевъ, *Левъ Алексѣевичъ,* д. т. с., сенаторъ, родился 20 февраля 1764 г. Будучи 11-ти лѣтъ, онъ уже числился каптенармусомъ въ Измайловскомъ полку, затѣмъ сержантомъ. Въ 1788 г. онъ произведенъ былъ въ прапорщики, въ 1790 г.— въ подпоручики, въ слѣдующемъ году— въ поручики, въ 1796 г.—въ капитанъ-поручики и 16 апрѣля того же года—въ капитаны. За это время Я. участвовалъ въ шведской войнѣ, а въ 1795 и 1796 гг. служилъ волонтеромъ въ Англіи на эскадрѣ адмирала Дункана. Произведенный въ 1798 г. въ полковники, онъ былъ уволенъ изъ полка, назначенъ канцеляріи совѣтникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и отправленъ сначала къ миссіи въ Швецію, а оттуда въ Англію, гдѣ въ 1800 г. былъ произведенъ въ стат. сов. и перемѣщенъ въ Штутгартъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Пожалованный въ камергеры (1807 г.) и орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго (1809 г.), Я. переименованъ былъ въ чрезвычайные посланники и полномочные министры. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ состоятъ въ томъ же званіи при Вестфальскомъ королѣ, гдѣ и находился до іюня 1812 г., когда, по случаю разрыва съ Франціею, возвратился въ Россію. За спасеніе дипломатическихъ бумагъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1820 г. Я. былъ произведенъ въ т. сов. и назначенъ сенаторомъ, а въ 1829 г. почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, управляющимъ Маріинскою больницею и членомъ совѣта Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ. Въ 1831 г. Я. былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-ой ст., а 7 апрѣля 1835 г. получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Послѣдней его наградой было производство (2 апрѣля 1838 г.) въ д. т. с. Умеръ Я. 19 января 1839 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ.

Нравственный обликъ Я. ярко обрисованъ его племянникомъ А. И. Герценомъ въ его «Быломъ и думахъ». «Сенаторъ, говоритъ Герценъ, былъ по характеру человѣкъ добрый и любившій разсѣяніе: онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ офиціально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ посерьезнѣе, несмотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 по 1815 г. не только прошли возлѣ, но зацѣплялись за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвилю, чтобы узнать, что предпринимаетъ Бонапартъ, оставившій армію; онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 г. Наполеонъ велѣлъ его задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ «при царѣ Еремѣ», какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ налицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ, какъ

слѣдуетъ... Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время Вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ камергеры въ Москвѣ, гдѣ нѣтъ двора. Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ Сенатъ, сдѣлался членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маріинской больницы, начальникомъ Александровскаго института, и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое врядъ ли было нужно, со строптивостью, которая вредила, съ честностью, которой никто не замѣчалъ. Онъ никогда не былъ дома; онъ заѣзжалъ въ день 2 четверки здоровыхъ лошадей, одну утромъ, другую послѣ обѣда. Сверхъ Сената, котораго онъ никогда не забывалъ... онъ не пропускалъ почти ни одного французскаго спектакля и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ Англійскій клубъ. Скучать ему было некогда: онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ, онъ все ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переплетовъ. Зато онъ до 75-ти лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и актахъ, все равно какихъ: агрономическихъ или медицинскихъ, страхового отъ огня общества или общества естествоиспытателей... да, сверхъ того, за то же, можетъ, сохранилъ онъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту».

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.» (Изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. IV, № 113).—*А. И. Герценъ*, «Былое и думы».— Формуляръ о службѣ д. т. с. Л. А. Яковлева (хранится въ Импер. Рус. Истор. Обществѣ).

Яковлевъ, *Михаилъ Александровичъ*, генералъ-маіоръ, членъ государственной военной коллегіи, на службу поступилъ 1-го января 1735 г.; въ 1741 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Бутырскомъ пѣхотномъ полку съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ подпоручичьяго ранга. Во время шведской кампаніи 1741—1743 г. и до начала ея Я. неоднократно назначался курьеромъ какъ внутри государства, такъ и внѣ его для исполненія поименныхъ указовъ и курьеромъ отъ командующихъ генераловъ разныхъ секретныхъ порученій, которыя онъ всегда исполнялъ съ величайшимъ успѣхомъ и за которыя удостоивался неоднократныхъ благодарностей. Кромѣ того, какъ боевой офицеръ, Я. отличился въ 1741 г. въ сраженіи подъ Вильманстрандомъ, въ 1742 г. подъ Фридрихсгамомъ, Засѣкой, Барговомъ и при осадѣ Гельсингфорса. Въ 1743 г. онъ сражался на галерахъ и былъ неоднократно въ бояхъ съ непріятелемъ, во время которыхъ заявилъ себя незауряднымъ, храбрымъ и способнымъ офицеромъ. Произведенный 1 января 1744 г. въ капитаны, Я. сначала перевелся въ первый Московскій, а послѣ того въ лейбъ-Кирасирскій полкъ. Въ 1751 г. онъ былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ, въ 1755 г. произведенъ въ полковники, 30 января 1761 г.—въ бригадиры и 3 марта 1763 г.—въ генералъ-маіоры.

Московское Отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Опись 10, связка 566, листъ 1765 г.

И. Артамонова.

Яковлевъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, писатель-переводчикъ, д. с. с., сынъ русскаго купца, родился въ Спб. въ 1798 г. и воспитывался въ нѣмецкомъ училищѣ св. Петра. Съ 1820 г. Я. издавалъ со Сниткинымъ и др. журналъ «Невскій Зритель», въ которомъ печатались произведенія многихъ лучшихъ писателей; между прочимъ, въ немъ появились первыя произведенія Пушкина. Поступленіе Я. на службу въ министерство Иностранныхъ Дѣлъ заставило его прекратить это изданіе въ іюлѣ 1821 г. Тѣмъ не менѣе, состоя на службѣ, онъ находилъ время для своихъ литературныхъ занятій и помѣщалъ съ 1828 по 1836 гг. свои рецензіи въ «Сѣверной Пчелѣ», въ «Литературныхъ приложеніяхъ» къ «Русскому Инвалиду» и въ журналѣ «Библіотека для Чтенія». Я. былъ строгимъ для театральнаго міра критикомъ-рецензентомъ. Съ мая 1811 г. до 1842 г. онъ былъ редакторомъ «Репертуара русскаго театра». Умеръ Я. въ 1858 г.

Бурнашевъ, «Мое знакомство съ Воейковымъ» («Рус. Вѣстн.», 1871 г., т. 96, № 11). «Дневникъ Кухельбекера» («Рус. Старина», 1884 г., февр., стр. 342. — «Сѣверная Пчела», 1853 г., № 8.—*Березинъ*, «Русскій энциклопедическій словарь», т. IV, стр. 478.

Н. Редько.

Яковлевъ, *Михаилъ Лукьяновичъ*, т. с., сенаторъ, родился въ 1798 г. Первоначально Я. воспитывался въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, откуда въ 1811 г. перешелъ въ только что открывшійся Царскосельскій лицей. Обучался Я. въ лицеѣ успѣшно и былъ отличенъ профессорами, какъ ученикъ прилежный и большихъ дарованій. Онъ рано почувствовалъ любовь къ родной словесности и примкнулъ къ лицейскому литературному кружку, во главѣ котораго стоялъ Пушкинъ; одновременно Я. участвовалъ въ театральныхъ представленіяхъ, дававшихся въ то время въ лицеѣ, и усердно посѣщалъ дружеское литературное общество Софьи Дмитріевны Пономаревой, рожденной Познякъ, въ гостиной которой бывали Крыловъ, Гнѣдичъ, Гречъ, Измайловъ, Дельвигъ, Баратынскій и др. Уже тогда Я. искушалъ свои силы въ составленіи стиховъ.

По окончаніи лицея Я. опредѣлился въ 1817 г. за оберъ-прокурорскій столъ въ 6-й департаментъ Сената. Въ 1818 г. онъ былъ командированъ къ сенатору Мертваго, производившему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ во Владимірской губ., а въ концѣ того же года исправлялъ должность секретаря при сенаторахъ Гермесѣ и Мертваго, ревизовавшихъ Кавказъ и Астраханскую губернію. Въ сентябрѣ 1824 г. Я. возвратился въ Петербургъ и былъ перемѣщенъ въ департаментъ министерства Юстиціи. Въ 1826 г. онъ былъ опредѣленъ столоначальникомъ въ департаментъ разныхъ податей. Когда указомъ 1826 г. составленіе свода законовъ было возложено на учрежденное тогда II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. канцеляріи, во главѣ котораго былъ поставленъ М. М. Сперанскій, послѣдній пригласилъ на службу въ Отдѣленіе въ числѣ другихъ лицеистовъ и Я. Дальнѣйшая служебная карьера Я. протекла въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ 1830 г. онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи для разбора архивовъ государственнаго и сенатскаго, а въ 1832 г. ему поручено было управленіе типографіею II Отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, директоромъ которой онъ сдѣлался въ слѣдующемъ году. Въ это время, по просьбѣ Пушкина, Я. принялъ на себя какъ выборъ бумаги и шрифта для первой исторической работы Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», такъ и тщательное чтеніе корректуръ этого труда. За время же директорства типографіей Я., совмѣстно съ кн. Д. А. Эристовымъ и при содѣйствіи Пушкина, былъ составленъ и изданъ «Словарь историческій о святыхъ прославленныхъ въ россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ» (Спб., 1836 г.). Пушкинъ въ своемъ «Современникѣ» (1836 г., стр. III, 310) помѣстилъ сочувственный отзывъ объ этомъ словарѣ, хотя Синодъ, по настоянію митрополита Филарета, подвергъ его разсмотрѣнію и постановилъ выпустить въ свѣтъ это сочиненіе подъ условіемъ тщательной его передѣлки, такъ какъ въ немъ оказались причисленными къ лику святыхъ такія лица, «къ возвышенію памяти которыхъ не нашлось твердыхъ оснований». Въ 1840 г. Я. былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго при II Отдѣленіи Собственной Е. В. канцеляріи для надзора за печатаніемъ полнаго собранія законовъ, и занималъ эту должность до 1843 г., когда былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-ой ст. и назначенъ членомъ совѣта министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1848 г. онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы. Послѣ долгаго перерыва, въ 1862 г. Я. получилъ назначеніе члена консультаціи при министерствѣ Юстиціи и въ этомъ же году ему поручено было обревизовать дѣлопроизводство 1-го департамента и общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Сената. Окончивъ эту ревизію, Я. въ 1863 г. былъ произведенъ въ т. с. и назначенъ присутствовать въ Сенатѣ по межевому департаменту; послѣднія обязанности онъ несъ до 1865 г., когда былъ назначенъ во II-е отдѣленіе 5-го департамента, а въ 1867 г. перемѣщенъ къ присутствованію во II-мъ отдѣленіи 3-го департамента.

Въ кругу своихъ лицейскихъ товарищей Я. пользовался всегда большимъ расположеніемъ. Онъ носилъ прозваніе лицейскаго старосты, а квартира его называлась лицейскимъ подворьемъ.

Начатые еще въ лицеѣ стихотворные опыты Я. продолжалъ нѣкоторое время и свои произведенія помѣщалъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, какъ, напр., «Сѣверные Цвѣты», но опыты эти становились все рѣже, и скоро онъ прекратилъ ихъ совсѣмъ, о чемъ свидѣтельствуетъ изданный имъ въ 1828 г.

«Опытъ русской анѳологіи, или избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафіи, надписи, апологи и нѣкоторыя другія мелкія стихотворенія», въ который не вошло ни одного его собственнаго стихотворенія. Но зато къ этому времени Я. развилъ свой музыкальный талантъ, сдѣлался салоннымъ пѣвцомъ и композиторомъ. М. И. Глинка въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Я. пѣлъ хорошо баритономъ. Я приписываютъ 21 музыкальное произведеніе, появившееся въ печати, но несомнѣнно, что число ихъ было значительнѣе. Изъ печатныхъ романсовъ Я., переизданныхъ нѣсколько разъ на протяженіи всего XIX ст., извѣстны: а) на слова барона Дельвига: 1) Воспламенять васъ трудъ напрасный; 2) Вчера вакхическихъ друзей; 3) Элегія (Когда, душа, просилась ты); 4) Кудри (На яву и въ сладкомъ снѣ); 5) Прекрасный день, счастливый день; 6) Пѣла, пѣла пташечка; 7) Роза (Роза-ль ты розочка); 8) Сиротинушка—дѣвушка; 9) Куплеты къ Діону (Сядемъ, любезный Діонъ). б) На слова Державина: 10) Русскія дѣвушки (Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіискій). в) На слова Жуковскаго: 11) Голосъ съ того свѣта (Не узнавай, куда я путь склонила). г) На слова Р. А. R. 12) Il faut aimer. д) На слова Пушкина: 1) Зимній вечеръ (Буря мглою небо кроетъ); 14) Слеза (Вчера за чашей пуншевой); 15) Признаніе (Я васъ люблю, хоть я бѣснуюсь) и е) Безъ указанія словъ автора: 16) Ахъ, какъ нынѣшня зима; 17) Ахъ, не все тучамъ небо покрывать; 18) Кого то нѣтъ; 19) Пѣснь лѣности (Лѣность, лѣность, въ честь твою); 20) Прости, прости, мой другъ прелестный и 21) Ты дитя ль мое, дитятко.

Умеръ Я. 4 января 1868 г.

Д. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій лицей. Наставники и питомцы 1811—1843 (Спб. 1911 г.), стр. 39, 52, 61, 85, 91, 133, 226, 230, 231, 233, 236, 239, 242, 257, 310—311, 316, 334—335, 344, 347, 350—351, 353, 411, 415. 443, 470, 476—477, 489, 501, 504.—«Библіограф. записки» 1861 г., столбецъ 288.—*А. Котовичъ,* «Духовная цензура въ Россіи» (Спб., 1909 г.). стр. 209 и слѣд.—Формуляръ о службѣ М. Л. Яковлева (хранится въ Имп. Рус. Истор. Общ.).

Яковлевъ, *Николай Гавриловичъ,* врачъ-писатель, родился въ 1829 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Медицинское образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, куда поступилъ въ 1849 г. Окончивъ университетъ въ 1854 г. лѣкаремъ, онъ въ теченіе слѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ служилъ по министерству Внутреннихъ Дѣлъ въ г. Астрахани и въ это время изучалъ дѣйствіе гальвано-электрическаго тока при лѣченіи разныхъ болѣзней. Выйдя въ 1866 г. въ отставку, онъ вслѣдъ затѣмъ открылъ въ Астрахани 1-ую электрическо-гальваническую лѣчебницу, которую, спустя нѣсколько лѣтъ, перевелъ въ Нижній-Новгородъ.

Я. принадлежитъ нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Московской Медицинской Газетѣ» и въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ». Изъ нихъ назовемъ: «Гальванизмъ противъ нервной глухоты» («М. Мед. Газ.», 1863 г., № 11), «Медицинская полиція въ Астрахани» («Медицинскій Вѣстникъ», 1867 г., № 29) и др. Кромѣ того, Я. перевелъ съ нѣмецкаго два сочиненія: 1) Фромгольда—«Электролизъ и электрокатализъ» (СПБ., 1874 г.) и 2) Бpyнca—«Гальвано-хирургія» (СПБ., 1875 г.). Я. скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1881 г., на 52 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. II, Спб. 1889 г., тетрадь 5, стр. 213.—«Врачебныя Вѣдомости», 1881 г., № 456.—«Россійскій медицинскій списокъ» на 1860 г., стр. 442; на 1870 г., стр. 281; на 1875 г., стр. 307; на 1880 г., стр. 360. *Е. Я.*

Яковлевъ, *Николай Михайловичъ,* д. с. с., прокуроръ московской конторы Св. Синода, сынъ члена военной коллегіи ген.-поручика Михаила Александровича, Я., род. въ 1756 г., образованіе получилъ домашнее. 1 янв. 1765 г., менѣе чѣмъ 10-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ зачисленъ на военную службу; служить же началъ въ должности полкового квартирмейстера съ 8 сент. 1776 г., при чемъ вскорѣ, 6 окт. того же года, былъ перемѣщенъ въ адъютанты къ ген.-фельдм. гр. З. Г. Чернышеву. 17 сент. 1784 г. Я. перешелъ въ коммиссаріатскую часть кригсъ-цалмейстеромъ, 30 іюня 1789 г. былъ опредѣленъ тамъ прокуроромъ, а 28 мая 1797 г., по упраздненіи кригсъ-коммиссаріата, уволенъ въ отставку, въ которой находился до 20 февр. 1803 г., когда, при содѣйствіи своего двоюроднаго брата А. А. Яковлева, только что назначеннаго синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, былъ опредѣленъ въ прокуроры московской синодальной конторы. Въ этой должности онъ и скончался 19 іюля 1810 г. (погребенъ въ с. Порѣчьѣ, Рузскаго у.).

Въ началѣ своей службы въ синодальной конторѣ Я., по примѣру своего родственника, синодальнаго оберъ-прокурора, обнаруживалъ стремленіе къ большой самостоятельности, что вызывало неудовольствіе со стороны московскаго митрополита Платона. Послѣ паденія своего родственника Я. пересталъ привлекать къ себѣ вниманіе и жилъ одинокимъ человѣкомъ въ громадныхъ своихъ имѣніяхъ въ Московской и Костромской губерніяхъ.

Дѣла архива Св. Синода—1803 г., № 128; 1806 г., №№ 421, 928; 1809 г., № 1066; 1810 г., № 580.—*Чистовичъ И.*, «Руководящіе дѣятели духа просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX ст.», Спб., 1894 г., стр. 11, прим.—«Письма митроп. московск. Платона къ преосвященнымъ Амвросію и Августину», съ примѣч. С. Смирнова, М., 1870.

Н. Туб.

Яковлевъ, *Николай*, драматургъ. Учился въ горномъ институтѣ, по окончаніи котораго выступилъ на литературное поприще. Еще будучи студентомъ, Я. издалъ въ 1802 г. беллетристическій сборникъ «Піеррида», въ которомъ помѣстилъ исключительно произведенія своихъ товарищей. Этотъ сборникъ прекратился на второмъ выпускѣ за недостаткомъ матеріаловъ. Послѣ этого Я. написалъ нѣсколько драматическихъ произведеній, изъ которыхъ извѣстно только одно: «Веллири или вороченное счастье», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ (1807 г.). Дальнѣйшая литературная дѣятельность его неизвѣстна.

Смирдинъ, «Роспись россійскимъ книгамъ», №№ 6084, 7469.—Энциклопедическіе словари: Брокгауза и Ефрона, полутомъ 46, стр. 777, В. Зотова и Ф. Толля, томъ III, стр. 1155, В. Клюшникова, томъ III, стр. 1540.

Б. Шуваловъ.

Яковлевъ, *Николай*, к. а., штабъ-лѣкарь, изъ воспитанниковъ Московскаго воспитательнаго дома, въ 1797 г. поступилъ въ Московское хирургическое училище и въ слѣдующемъ году окончилъ его съ званіемъ кандидата хирургіи. Въ 1798 г. Я. опредѣлился лѣкаремъ въ Московскій воспитательный домъ и въ 1804 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Въ медицинскихъ спискахъ 1856 г. онъ показанъ въ отставкѣ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: «Замѣчательный случай глистной болѣзни» («Другъ Здравія», 1854 г., № 46) и «Экстрактъ сосновыхъ побѣговъ, какъ одно изъ лучшихъ средствъ въ гонорреѣ» (тамъ же, 1855 г., № 2).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетрадь 2, стр. 176.

Яковлевъ 5-й, *Павелъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ Спб. гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, родился въ 1806 г. и происходилъ изъ дворянъ Спб. губерніи. Получивъ первоначальное образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, Я. поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ (26 апрѣля 1824 г.) въ лб.-гв. Семеновскій полкъ, откуда, по желанію начальства, 8 іюля 1827 г. былъ переведенъ въ Петровскій пѣхотный полкъ. Здѣсь Я. (24 февраля 1829 г.) былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ и затѣмъ (15 марта того же года) произведенъ въ подпоручики. Черезъ два года Я. снова вернулся въ строй и вскорѣ былъ переведенъ подпоручикомъ въ лб.-гв. Литовскій полкъ. Произведенный въ поручики (6 декабря 1836 г.), Я. въ 1837 г., подъ начальствомъ командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи г.-л. Вельяминова, былъ въ экспедиціи для укрѣпленія береговой линіи на восточномъ берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геленджика до устья р. Вулаль. Въ 1840 г. въ чинѣ штабсъ-капитана онъ былъ назначенъ ротнымъ командиромъ, а 12 декабря 1847 г. прикомандированъ къ л.-гв. Волынскому полку для исправленія должности младшаго штабъ-офицера и въ томъ же году посланъ въ 1-ую легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію для обученія правиламъ пѣшей фронтовой службы. Въ 1848 г. Я. былъ произведенъ въ полковники и въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ Венгерской кампаніи. Въ 1854—55 гг. онъ находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ побережье Эстляндіи и С.-Петербургской губерніи. Назначенный въ 1854 г. командиромъ гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка, онъ въ слѣдующемъ году за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ г.-м. Я. неоднократно удостоивался получать Высочайшія благоволенія и награды за свои труды на военномъ поприщѣ. Онъ имѣлъ ордена до св. Станислава 1-й ст. включительно.

Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Формулярный списокъ генералъ маіора Яковлева 5-го.

И. Артамонова.

Яковлевъ, *Павелъ Лукьяновичъ*, писатель-беллетристъ, родился въ 1789 г. въ Москвѣ. Первоначальное образованіе, законченное слушаніемъ лекцій въ университетѣ, получилъ въ Москвѣ и тамъ же съ 1804 г. началъ службу въ архивѣ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1813 г. Я. перешелъ на службу въ Московское горное управленіе, затѣмъ въ коммиссаріатное депо, а въ 1818 году переѣхалъ въ Петербургъ и вновь опредѣлился въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1820 г. Я. участвовалъ въ экспедиціи нашей миссіи въ Бухару подъ начальствомъ А. Ѳ. Негри, возвратившись изъ которой въ 1822 г. перешелъ на службу по министерству Юстиціи. Въ томъ же 1822 г. онъ былъ совѣтникомъ Нижегородской уголовной палаты; черезъ годъ вернулся въ Москву и вскорѣ получилъ назначеніе обревизовать Вятскую, а затѣмъ Саратовскую межевыя конторы. Въ 1831 г., по возвращеніи въ Москву, Я. вышелъ въ отставку, но спустя два года вновь поступилъ въ Правительствующій Сенатъ 3-мъ членомъ межевой конторы. Скончался Я. въ 1835 году въ Москвѣ, достигнувъ чина колежск. совѣтника.

Послужной списокъ Я. не представляетъ чего-либо любопытнаго, но личность его интересна, какъ величина литературная. Его литературная дѣятельность, робко начавшаяся переводами въ Москвѣ, обратила на себя вниманіе въ Петербургѣ, когда онъ, переѣхавъ въ сѣверную столицу, сталъ сотрудникомъ и близкимъ человѣкомъ къ редакціи журнала «Благонамѣренный», издававшагося дядею его, А. Е. Измайловымъ. По литературнымъ убѣжденіямъ Я. держался партіи своего дяди — редактора только что названнаго журнала, но превосходилъ его своей страстностью въ борьбѣ съ ненавистными ему сентиментальными и романтическими направленіями въ нашей литературѣ первой четверти прошлаго вѣка. Его бойкіе разсказы-фельетоны, затрагивавшіе недостатки современнаго автору нашего столичнаго и провинціальнаго быта и въ особенности среды литераторовъ, пользовались нѣкоторымъ успѣхомъ; не оставались незамѣченными и его пародіи на произведенія болѣе извѣстныхъ нашихъ сентиментальныхъ и романтическихъ писателей. Проза Я. читается легко и пріятно, но сюжетъ большинства его произведеній незначителенъ. Наибольшею извѣстностью пользуются его «Разсказы Лужницкаго старца», «Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту», «Ерастъ Чертополоховъ» и нѣкоторыя другія статьи, печатавшіяся въ «Благонамѣренномъ» подъ псевдонимами: *ій, оъ*, j, *Я. П. Л.*, *Илья Остроженскій* и пр. Кромѣ журнальныхъ статей, помѣщенныхъ Я. въ «Благонамѣренномъ», «Невскомъ Зрителѣ», «Сынѣ Отечества», «Вѣстникѣ Европы» и въ значительной своей части изданныхъ отдѣльно подъ общимъ названіемъ «Записки Москвича» (въ 3 книжкахъ), перу Я. принадлежитъ довольно обширный романъ «Удивительный человѣкъ» (изданный въ 1831 г.), не имѣвшій, впрочемъ, значительнаго успѣха. Помимо сотрудничества въ журналахъ, Я. въ 1826 и 1827 гг. выступалъ (вмѣстѣ съ А. Е. Измайловымъ) въ качествѣ издателя альманаха «Календарь Музъ». Талантъ Я. былъ посредственный, это былъ посредственный сатирикъ-юмористъ, «птенецъ изъ гнѣзда россійскаго Теньера № 1-й», т. е. А. Е. Измайлова.

Кромѣ указанныхъ выше печатныхъ трудовъ Я., ему принадлежатъ еще слѣдующіе переводы и сочиненія: «Картина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдуемыхъ ими» (перев. съ нѣм., соч. Ф. Шелля, М., 1811 г.); «Отчаяніе любви» (перев. съ франц., сочин. бар. Бильдербека, М., 1811 г.); «Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи» (М., 1814 г.) и «Журналистъ», комедія въ одномъ дѣйствіи (М., 1819 г.).

И. Кубасовъ, «Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ» («Русская Старина», 1903 г., іюнь и іюль.—*Его же*, «А. Е. Измайловъ», СПб., 1901 г. — *А. Д. Галаховъ*, «Исторія русской словесности» (СПб., 1875, т. II, стр. 124—125). — «Современникъ», 1850 г., № 23 (статья А. Д. Галахова объ А. Е. Измайловѣ). *Ив. Кубасовъ.*

Яковлевъ, *Павелъ Павловичъ*, переводчикъ начала XIX ст., извѣстенъ переводами съ французскаго языка сочиненій: Ж. Б. Сея—«Объ Англіи и англичанахъ» (СПб., 1817 г.) и Гольдсмита—«Исторія римская, отъ основанія Рима до паденія Западной Римской имперіи, раздѣленная на четыре части, изъ коихъ первыя двѣ содержатъ исторію республики, а другія двѣ о императорахъ» (Спб., 1815—1818 гг.).

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», СПб.,

1828 г., №№ 2226, 3119.—Настольный словарь Толля, т. III, стр. 1115.

Яковлевъ, *Петръ Александровичъ*, ген.-м., защитникъ Севастополя, родился въ 1829 г. и воспитывался въ Петербургской Ларинской гимназіи. Я. во время Крымской войны командовалъ ротою 6-го стрѣлковаго батальона и вмѣстѣ съ нею участвовалъ въ геройской защитѣ севастопольскихъ бастіоновъ и въ извѣстномъ сраженіи на Черной рѣчкѣ. За отличіе на 4-мъ бастіонѣ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость», а за мужество и храбрость, проявленныя въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, получилъ орденъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ. По окончаніи Крымской кампаніи Я. командовалъ 10-мъ стрѣлковымъ, 55-мъ и 74-мъ резервными батальонами, Керченскимъ крѣпостнымъ и 79-мъ пѣхотнымъ Куринскимъ полками. Умеръ Я. въ Самарѣ въ 20-хъ числахъ марта 1894 г.

«Новое Время», 1894 г., № 6490.

Яковлевъ, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, одинъ изъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ Петра Великаго. Принимая участіе въ военныхъ забавахъ молодого царя-преобразователя, Я. въ 1694 г. присутствовалъ при кожуховскихъ маневрахъ и затѣмъ былъ назначенъ во вновь сформированную Петромъ гвардію. Начавшаяся въ 1700 г. Великая Сѣверная война дала ему первую возможность отличиться. Въ 1706 г. въ чинѣ поручика Я. былъ посланъ къ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Карла XII въ Польшѣ; часть нашей арміи въ это время находилась въ Гроднѣ, осажденной шведами; пробраться туда было крайне трудно, но Я., переодѣвшись польскимъ мужикомъ, благополучно проникъ въ осажденный городъ и передалъ главнокомандующему повелѣнія Петра, а потомъ, послѣ удачнаго сраженія подъ Калишемъ, такъ же исправно доставилъ государю письмо отъ Меншикова. Въ 1708 г. Я. былъ уже маіоромъ, а въ 1709 г.—полковникомъ. Война съ шведами въ это время осложнилась измѣною запорожскихъ казаковъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ уладить дѣло безъ крутыхъ мѣръ, Петръ, раздраженный постояннымъ неповиновеніемъ казачества, послалъ Меншикову грозный указъ взять и разорить Сѣчь. Во главѣ полковъ, посланныхъ съ этой цѣлью въ Запорожье, поставленъ былъ Я. Въ первыхъ числахъ мая 1709 г. войска сѣли на суда въ Кіевѣ и спустились внизъ по Днѣпру. У Переволочны они встрѣтили нѣсколько тысячъ запорожцевъ, и Я. послалъ къ нимъ съ требованіемъ, чтобы «вины свои великому государю принести»; но казаки отказались повиноваться и, соединившись съ переволочинскими жителями, вышли на бой. Я. принужденъ былъ добывать крѣпость штурмомъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія и большихъ потерь съ той и другой стороны Переволочна была взята и сожжена, и Я. отправился дальше. У обоихъ Кодаковъ онъ встрѣтилъ такое же сопротивленіе, а 11 мая подошелъ къ самой Сѣчи. Здѣсь опять начались сперва переговоры и увѣщеванія покориться волѣ государя; запорожцы какъ будто даже обнаруживали склонность къ тому, но это оказалось только хитростью: они хотѣли затянуть время, такъ какъ кошевой Сорочинскій поѣхалъ въ Крымъ за ордою. Узнавъ объ этомъ, Я. рѣшилъ и Сѣчь добывать оружіемъ. 14 мая солдаты сѣли въ лодки,—такъ какъ съ сухого пути приступа не было,—и подплыли къ крѣпости, но тутъ встрѣтили сильный отпоръ и должны были отступить, потерявъ до 300 человѣкъ убитыми; много офицеровъ было переранено; плѣнники, взятые казаками, были «срамно и тирански» умерщвлены. Но въ тотъ же день показалось вдали какое-то войско; запорожцы подумали, что это идетъ къ нимъ на помощь Крымская орда, и вышли-было на вылазку, но жестоко обманулись: пришли на помощь къ Я. драгуны отъ генерала кн. Волконскаго съ полковникомъ Галаганомъ. Увидавъ свою ошибку, запорожцы пришли въ замѣшательство; осаждающіе устремились на нихъ, ворвались въ Сѣчь и овладѣли ею. Въ схваткѣ большинство казаковъ было перебито; Сѣчь была разорена и выжжена. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Петръ былъ радъ разоренію «проклятаго мѣста» и, распорядившись оставить въ Каменномъ Затонѣ нѣсколько сотъ пѣхоты и конницы, велѣлъ деташементу Я. вернуться къ арміи.

Въ ближайшіе затѣмъ годы бригадиръ Я. съ пѣхотными полками находился въ Польшѣ при тамошнемъ резидентѣ кн. Долгорукомъ, а въ 1711 г. посланъ былъ съ драгунскими полками въ Поме-

ранію противъ шведскаго корпуса, расположившагося тамъ. Общими усиліями союзниковъ (русскихъ, датчанъ и саксонцевъ) шведы были вытѣснены изъ Помераніи, и тогда Я. получилъ приказъ, отпустивъ часть войска къ границамъ Валахіи, съ остальнымъ идти въ Данію. Въ томъ же году, по просьбѣ короля датскаго, Петръ приказалъ произвести Я. въ генералъ-маіоры, «если усмотрѣна будетъ впредь служба его». Таковая не заставила себя долго ждать. Въ январѣ 1712 г. Я. находился уже въ корпусѣ генерала Аларта, состоявшемъ въ повелѣніи и на содержаніи короля польскаго, а въ слѣдующемъ году вернулся опять къ датскому двору. Послѣднія свѣдѣнія касательно служебной дѣятельности Я. относятся къ 1716 г., когда онъ съ тремя драгунскими полками посланъ былъ въ Пруссію.

Согласно одному пункту инструкціи, данной въ 1712 г. Девіеру, отправлявшемуся въ Польшу, надо думать, что заграничная служба Я. была не только военной, но отчасти и дипломатической; такъ, по крайней мѣрѣ, можно понимать приказаніе государя писать ему «цыфирью» въ томъ случаѣ, «ежели что по отъѣздѣ его (изъ Даніи) будетъ противное чиниться» и, «прочее все осмотря», лично явиться къ нему для доклада.

И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», М., 1838 г., т. I, стр. 231; т. II, стр. 173, 271; т. III, стр. 286; т. IV, стр. 59, 63, 64, 200, 201, 238, 363, 499, 516, 543; т. V, стр. 195, 296, 335, 531, 536, 538; т. VI, стр. 118, 120; т. XI, стр. 506; т. XIV, стр. 208, 441, 526; т. XV, стр. 10, 149, 150, 173, 174, 197, 215.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. 3, стр. 1545, 1546. *А. Г.*

Яковлевъ, *Петръ*, штабъ-лѣкарь Вяземскаго уѣзда Смоленскаго намѣстничества, переводчикъ съ латинскаго языка. Въ 1751 г. Я. поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскій генеральный госпиталь, откуда въ 1757 г. былъ назначенъ во вновь сформированный корпусъ состоять при артиллеріи. Прослуживъ тамъ до 1762 г., онъ затѣмъ былъ назначенъ лѣкаремъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, а оттуда въ 1766 г. переведенъ городскимъ врачемъ въ г. Елецъ. Уволенный отъ этой должности въ 1771 г., Я. въ 1784 г. былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ Вяземскаго уѣзда, Смоленскаго намѣстничества, и въ этой должности оставался до самой своей смерти. Онъ скончался въ срединѣ 1790-хъ годовъ.

Ему принадлежатъ переводы: съ латинскаго языка «О сохраненіи и продолженіи здоровья состарѣвшихся людей по правиламъ діэтетическимъ» (М., 1792 г.) и съ нѣмецкаго «Трогательныя наставленія для образованія сердца и спокойствія духа, состоящія въ пріятныхъ повѣстяхъ» (М., 1791 г.).

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», СПб., 1828 г., №№ 4721, 9495.—Настольный словарь Толля, т. III, стр. 1115. -*Л. Ѳ., Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 177.

Яковлевъ, *Савва Алексѣевичъ*, штабъ-ротмистръ, правнукъ основателя этого новаго дворянскаго рода, Саввы Яковлевича Яковлева, родился 17 ноября 1811 г. Гдѣ и какъ онъ воспитывался—неизвѣстно, но закончилъ свое образованіе въ школѣ. Въ концѣ 1828 г. «недоросль изъ дворянъ» Я. подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ гвардію, и цесаревичъ Константинъ Павловичъ 2 января 1829 г. предписалъ «опредѣлить его на службу въ Кавалергардскій полкъ, съ написаніемъ въ эскадронъ Ея И. Величества, считаясь въ командировкѣ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ». Я. былъ зачисленъ на службу съ 8 декабря 1828 г. унтеръ-офицеромъ и вслѣдъ затѣмъ въ приказѣ было объявлено, что «Савву Яковлева слѣдуетъ считать изъ дворянъ». 5 февраля 1829 г. онъ былъ переименованъ въ юнкера, 6 августа 1830 г. произведенъ въ корнеты, а 1 іюля 1833 г.—въ поручики. Однако недолго Я. оставался на службѣ: черезъ годъ онъ вышелъ по болѣзни въ отставку и произведенъ былъ въ штабъ-ротмистры. Таковъ небогатый служебными фактами формуляръ Я. Не часто встрѣчается имя его и въ полковыхъ приказахъ: «5 октября 1830 г. Яковлеву дозволяется по слабому зрѣнію носить очки», а 13 декабря 1833 г. онъ «командируется за покупкою въ полкъ ремонтныхъ лошадей». Извѣстность, и при томъ печальную, Я. пріобрѣлъ вслѣдствіе безпутной и скандальной жизни. Отецъ давалъ ему громадныя средства для жизни и смотрѣлъ снисходительно на творимыя имъ безобразія, изрѣдка только грозя ему: «Погоди, будешь грызть кость, какъ буду давать тебѣ всего 100 тысячъ въ годъ». Не встрѣчая такимъ образомъ отпора въ окружающемъ своимъ дикимъ наклонно-

стямъ и инстиктамъ, Я. все болѣе и болѣе давалъ простора своему необузданному праву; присосавшіеся же къ нему пріятели—паразиты, готовые переносить всякое униженіе, чтобы только ѣсть и пить около самодура, отучили его относиться съ уваженіемъ къ человѣческому достоинству. Проживъ пошло свою недолгую жизнь и не найдя въ ней никакой разумной цѣли, Я. не сумѣлъ даже искупить части грѣховъ своей безполезной жизни обычной благотворительностью и щедростью богачей самодуровъ на пользу ближняго и покончилъ жизнь свою самоубійствомъ 4 ноября 1847 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ 1826—1908» (статья А. А. Голомбіевскаго), стр. 55—57.

Яковлевъ, *Савва Яковлевичъ*, кол. ассес., извѣстный милліонеръ, основатель этой новой дворянской фамиліи (онъ носилъ еще фамилію *Собакина*, позднѣе оставленную его потомками), породнившейся впослѣдствіи съ древними аристократическими дворянскими и титулованными родами, род. въ 1712 г., былъ простой осташковскій мѣщанинъ, пришедшій въ столицу, по семейному преданію, «съ полтиною въ карманѣ и съ родительскимъ благословеніемъ». Сперва онъ занимался рыбною торговлею, затѣмъ вступилъ въ откупа по таможеннымъ обозамъ, а позднѣе занялся рудными и золотыми промыслами, купивъ у П. А. Демидова на Уралѣ 4 завода и 1 заводъ у гр. Воронцова; тогда же онъ пріобрѣлъ и Уткинскій заводъ у гр. Ягужинскаго. Кипучая дѣятельность Я. на этомъ не остановилась, и онъ завелъ полотняныя фабрики въ Ярославской губ. Такія промышленныя и торговыя операціи дали ему возможность быстро нажить милліоны. Въ 1762 г., 5-го марта, «за особенно оказанныя Петру III услуги» Я. былъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, а 20 апрѣля—въ кол. асессоры, что давало ему право потомственнаго дворянства. Владѣя цѣлымъ кварталомъ по Садовой, онъ выстроилъ церковь Спаса, на Сѣнной, съ придѣломъ во имя преп. Саввы, куда перенесъ прахъ своихъ родителей съ Сампсоніевскаго кладбища. Преданіе говоритъ, что пожертвованный имъ 500 пудовый колоколъ съ языкомъ, запертымъ замкомъ, могъ звонить только съ соизволенія жертвователя. Вступленіе на престолъ Екатерины II принесло Я. рядъ непріятностей. Зазнавшійся богачъ отказался безплатно поить народъ изъ своихъ кабаковъ въ этотъ день всенародной радости. Императрица выразила неудовольствіе; въ народѣ стали говорить, что новая царица пожаловала Я. пудовую чугунную медаль для ношенія на шеѣ по праздникамъ, а Державинъ написалъ оду «Къ Скопихину». Только раздачей пожертвованій и широкой благотворительностью Я. сумѣлъ примирить съ собою Екатерину, которая «забыла прошедшее». Жестокость Я. была причиною нѣкоторыхъ дѣлъ, разбиравшихся въ Сенатѣ. Онъ вообще мало стѣснялся законами и съ маленькими людьми, не угодными ему, расправлялся круто, избивалъ ихъ, держалъ на цѣпи и пр. Изъ такихъ дѣлъ извѣстны, напр., дѣло о расторженіи имъ брака купца Кошкина, за что Я. былъ оштрафованъ годовымъ окладомъ генералъ-полицеймейстера, дѣло о насиліи, учиненномъ имъ надъ подлѣкаремъ Грудинскимъ, котораго вмѣстѣ съ его женою Я. держалъ у себя на цѣпи, за что также былъ оштрафованъ, и рядъ другихъ дѣлъ, краснорѣчиво говорившихъ о томъ, что у Я., упоеннаго милліонами, не было предѣла заносчивости и своеволію въ отношеніи не только къ подчиненнымъ ему, но и къ тѣмъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣловыя сношенія. Умеръ Я. въ 1784 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Все колоссальное состояніе Я. было раздѣлено между пятью его сыновьями и двумя дочерьми, но и будучи раздѣленнымъ оно было настолько крупнымъ, что позволило одному изъ рода Яковлевыхъ послѣ 1812 г. покрыть всѣ крыши казенныхъ зданій въ Москвѣ своимъ желѣзомъ, а другому пожертвовать милліонъ рублей въ инвалидный капиталъ.

Всѣ сыновья Я. служили, въ томъ числѣ и Петръ (род. 1754 г.), дослужившійся до чина кол. сов. и бывшій въ 1787 г. генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ при штабѣ Потемкина. Умеръ Петръ 29 іюня 1809 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ, недалеко отъ отца.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст. (Изд. вел. кн. Николая Михаиловича), т. V, № 63. — *А. А. Голомбіевскій*, «Яковлевъ, Савва Алексѣевичъ» («Сборникъ біографій кавалергардовъ (1826—1908)», стр. 55—57.— «Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 гг.)», т. II, стр. 323,

622, 660, 661, 664—666; т. III, стр. 511.—«Русская родословная книга» (Изд. «Русской Старины»), стр. 356—357.

Яковлевъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, писатель, родился въ Москвѣ. По окончаніи Московской духовной академіи онъ занялъ мѣсто наставника въ этой же академіи. Ему принадлежитъ рядъ произведеній свѣтскаго и духовнаго содержанія: «Обозрѣніе XVI столѣтія въ отношеніи къ успѣхамъ въ наукахъ и словесности» (1825 г.), «Апостолы Петръ, Андрей и Іаковъ», (М., 1849 г.), «Надпись на крестѣ Господа нашего Іисуса Христа» (напечатано уже послѣ его смерти, 1854 г.) и др. Умеръ Я. въ 1853 году.

Филаретъ (Гумилевскій), «Обзоръ русской духовной литературы», томъ II, стр. 475.—*Смирдинъ*, «Роспись россійскимъ книгамъ», № 3292.—Энциклопедическіе словари: В. Зотова и Ф. Толля, томъ III, стр. 1155 и В. Клюшникова, томъ III, стр. 1540.

Яковлевъ, *Ѳедоръ*, унтеръ-офицеръ, герой Севастопольской войны, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ работавшій на Камчатскомъ редутѣ. Когда 25 мая 1855 г. непріятель открылъ сильное бомбардированіе по всему нашему лѣвому флангу, Я. выполнялъ свои обязанности выше всякой похвалы: то тушилъ не разъ загоравшіяся амбразуры и засыпалъ воронки въ пороховыхъ погребахъ, то одушевлялъ рабочія команды. Изучивъ хорошо направленіе выстрѣловъ каждой непріятельской батареи и не теряя никогда присутствія духа, онъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ сигнальщикомъ для рабочихъ и заранѣе предупреждалъ ихъ объ опасности. Случалось не разъ, когда непріятельскій снарядъ падалъ около кого-нибудь изъ саперныхъ офицеровъ, Я. мгновенно бросался на офицера и заслонялъ его собою. Такъ, въ началѣ мая, сопровождая инженеръ-поручика Есиповича по работамъ въ редутѣ, когда непріятельская бомба упала возлѣ Есиповича, Я. въ одинъ мигъ повалилъ его на землю и закрылъ собою. Бомба лопнула, не задѣвъ, по счастію, ни поручика, ни Я. Въ другой разъ, 25 мая, одинъ изъ саперныхъ офицеровъ проходилъ съ Я. по редуту; въ это время непріятельская бомба упала впереди этого офицера; въ ту же минуту кто-то его бросилъ на землю и прикрылъ собою. Это былъ Я. На этотъ разъ, однако, самоотверженіе Я. не прошло даромъ: онъ былъ обожженъ взрывомъ бомбы и раненъ осколкомъ ея. Перенесенный на перевязочный пунктъ, онъ тѣмъ не менѣе, не долго оставался тамъ и, еще не окончательно оправившись, вернулся къ своей ротѣ. Въ началѣ іюля Я. поступилъ на Малаховъ курганъ, гдѣ 23 іюля былъ раненъ камнемъ въ правую щеку, но послѣ сдѣланной ему тутъ же на бастіонѣ перевязки принялся опять за работу. 29 іюля Я. снова былъ раненъ камнемъ въ руку на Малаховомъ же курганѣ, но оставался на работѣ до 22 августа, когда былъ разорванъ бомбою въ куски.

«Наши родные богатыри, саперы въ Севастополѣ. Разсказъ очевидца А. Орды», СПб., 1863 г., стр. 43—45.

Яковлевъ, актеръ, исполнялъ вторыя роли (1853—54 г.) въ Александринскомъ театрѣ. Ему принадлежитъ оригинальный водевиль «Тришка», который шелъ на Императорской сценѣ. Пьеса эта не имѣла успѣха у публики.

А. Вольфъ, «Хроника Петербургскихъ театровъ», стр. 189 и LVI.

Яковъ Александровичъ, новгородскій посадникъ; его имя сохранилось въ двухъ договорныхъ грамотахъ, которыми Новгородская республика въ 1471 г., вскорѣ послѣ пораженія Москвою на р. Шелони, утвердила свой союзъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и установила условія, на какихъ московскіе государи должны были владѣть Новгородомъ. Я. А. былъ однимъ изъ уполномоченныхъ, подписавшихъ эти грамоты; въ нихъ онъ называется посадникомъ, но такъ какъ степеннымъ посадникомъ въ то время было другое лицо, Тимоѳей Евстафьевичъ, то слѣдуетъ заключить, что Я. А. посадничалъ раньше, но для точнаго опредѣленія времени его посадничества совершенно нѣтъ данныхъ.

«Собраніе Государств. Грамотъ и Договор.», ч. I, стр. 26.—«Акты Археографич. Экспедиціи», т. I, №№ 91, 93, стр. 65—67.—*Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 250.—*Прозоровскій*, «Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ», («Вѣстникъ Археологіи и Исторіи», вып. IX, Спб., 1892 г., стр. 122, 129).—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, кн. II, т. VI, прим. 66, грамоты 1 и 2.
Н. С.

Яковъ Дмитріевичъ, новгородскій посадникъ; въ этой должности упоминается въ 1282—1283 г.г.; въ этотъ періодъ на Руси происходило крупное междоусобіе;

князь Городецкій, Андрей Александровичъ, возсталъ противъ старшаго своего брата, велик. князя Дмитрія Александровича. Въ междоусобіе вовлеченъ былъ и Новгородъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его посадники. Новгородъ принялъ сторону Городецкаго князя. Въ 1282 г. Я. Д. вмѣстѣ съ другимъ посадникомъ, Семеномъ Михайловичемъ, сопровождалъ Андрея Александровича во Владиміръ, откуда князь отправился въ Городецъ, съ намѣреніемъ продолжать путь въ орду для снисканія покровительства и поддержки у хана Мангу-Тимура, а Я. Д. съ товарищемъ въ Торжокъ, гдѣ сѣлъ засадою и не пустилъ въ городъ намѣстниковъ Дмитрія Александровича. Возвратившійся изъ орды князь Андрей съ помощью татаръ изгналъ Дмитрія изъ Новгорода и между братьями возникла вновь открытая упорная борьба, вызвавшая вмѣшательство князей Святослава Ярославича тверского и Даніила Александровича московскаго. Новгородцы съ своей стороны на помощь кн. Андрею выслали отрядъ подъ предводительствомъ обоихъ посадниковъ, Я. Д. и Семена Михайловича. Послѣ этого похода имя Я. Д. уже болѣе не упоминается. Заключенный въ 1283 г. договоръ Новгорода съ Андреемъ Александровичемъ на княженіе подписанъ только однимъ посадникомъ, Семеномъ Михайловичемъ; вѣроятно, Я. Д. къ этому времени уже не было въ живыхъ.

«Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т.т. III и IV.—«Никоновск. лѣтоп.», ч. III, Спб., 1786 г., стр. 74.—«Воскресенск. лѣт.», ч. II, Спб., 1794 г., стр. 259.—«Софійская лѣт.», Спб., 1795 г., ч. I, стр. 237.—«Продолженіе Древн. Россійск. Вивліоѳ.», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 559.—*Калайдовичъ,* «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 151—156.—*Карамзинъ,* «Исторія Госуд. Россійск.», изд. Эйперлинга, Спб., 1843 г., т. IV.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. «Обществ. Пользы», кн. I, т. III. *Н. С.*

Яковъ (*Іаковъ*), родомъ Полочанинъ, въ качествѣ ловчаго Новгородскаго князя Александра Ярославича (Невскаго) принималъ участіе въ битвѣ со шведами (1240 г.); отважно сражаясь, Я. «наѣха на полкъ съ мечемъ и мужествовавъ крѣпко, и похвали его князь». Лѣтопись упоминаетъ его въ числѣ шести храбрѣйшихъ воиновъ дружины Александра Невскаго.

«Полное Собр. Рус. Лѣтоп.», т. I, стр, 206; т. IV, стр. 36; т. V, стр. 178; т. VII, стр. 148.

Яконовскій, *Иванъ Ѳедоровичъ,* преподаватель Олонецкой гимназіи, происходилъ изъ духовнаго званія, обучался сначала въ Тверской семинаріи, а съ 1803 г. въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. 28 января 1808 г. онъ опредѣленъ былъ во вновь открытую тогда Олонецкую гимназію учителемъ философскихъ, политическихъ и изящныхъ наукъ и оставался въ этой должности до смерти. По воспоминаніямъ его учениковъ, Я. былъ добраго характера, прекрасный преподаватель, человѣкъ ученый и, какъ учитель, пользовался особенною любовью учениковъ. Предметъ свой онъ преподавалъ понятно, избѣгая дословнаго заучиванія учебниковъ, и много упражнялся въ составленіи собственныхъ примѣровъ. Желая облегчить труды учениковъ по изученію психологіи, онъ составилъ курсъ ея, дѣлая выписки изъ разныхъ авторовъ и приноравливая ихъ къ данной программѣ. Записки эти были представлены черезъ профессора Лоди попечителю округа. Кромѣ того, Я. перевелъ первую часть «Эстетики» Эшенбурга. Труды Я. остались ненапечатанными и не сохранились, равно какъ и читанная имъ при открытіи гимназіи рѣчь «О необходимости и слѣдствіяхъ гражданскаго образованія»... Я, между прочимъ, имѣлъ значительное вліяніе на развитіе поэтическаго таланта извѣстнаго нашего поэта В. Г. Бенедиктова, учившагося въ Олонецкой гимназіи въ 1817—1821 годахъ. Первые опыты Бенедиктова были писаны подъ вліяніемъ Я. Бенедиктовъ говорилъ: «Въ гимназіи съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ я уроки учителя Яконовскаго, который писалъ иногда и самъ стихи для произнесенія ихъ ученикамъ при публичныхъ ежегодныхъ экзаменахъ, при домашнихъ праздникахъ и разныхъ другихъ случаяхъ. Способность писать стихи всегда казалась мнѣ завидною съ самаго ранняго возраста, и самъ неоднократно пробовалъ я дѣтское перо свое, изъ подъ котораго не выходило ничего такого, чѣмъ бы могъ быть, по тогдашнимъ понятіямъ, сколько-нибудь доволенъ». Къ сожалѣнію, ни въ дѣлахъ гимназіи и ни у кого изъ учениковъ не сохранилось стихотвореній Я. Въ 1821 г. Я. была предложена каѳедра профессора при Харьковскомъ университетѣ, но онъ по болѣзни отказался отъ нея. Кромѣ своего предмета, Я. препода-

валъ еще латинскій языкъ и неоднократно исполнялъ должность директора гимназіи. Умеръ Я. 24 марта 1825 г.

«Олонецкія Губернскія Вѣдомости», 1874 г., № 69. *Н. Стр.*

Якубовичъ, *Александръ Ивановичъ,* капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, декабристъ. Я. родился въ 1792 г., учился сначала дома подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ, а потомъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ имя его было занесено на золотую доску. Поступивъ на военную службу, Я, сперва былъ причисленъ къ гвардіи, но въ 1817 г., за участіе въ дуэли между гр. Завадовскимъ и Шереметевымъ (при чемъ послѣдній былъ убитъ), переведенъ былъ въ армію и посланъ на Кавказъ. Здѣсь онъ самъ имѣлъ дуэль съ секундантомъ гр. Завадовскаго-Грибоѣдовымъ и ранилъ его въ руку, чтобы, какъ передаютъ, лишить страстнаго музыканта удовольствія играть на рояли. Жизнь Я. на Кавказѣ прошла въ постоянныхъ и отчаянныхъ боевыхъ подвигахъ, о которыхъ въ военныхъ кругахъ вспоминали еще въ концѣ 30-хъ годовъ. Въ одной изъ стычекъ съ черкесами Я. былъ раненъ пулею въ лобъ и постоянно впослѣдствіи носилъ черную повязку, такъ какъ рана никогда не заживала окончательно. Среди солдатъ онъ пользовался любовью и уваженіемъ какъ за свою удаль, такъ и за заботливое отношеніе къ своей командѣ, между которой всегда дѣлилъ всю добычу своихъ набѣговъ, ничего не оставляя себѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ Я. пріѣхалъ въ Петербургъ. Проникнутый и раньше либеральными взглядами, при крайней пылкости своего характера, онъ скоро подпалъ здѣсь вліянію кружка интеллигентной военной молодежи, очень чуткой въ то время къ идеямъ вѣка, и сблизился съ многими членами такъ называемаго Сѣвернаго общества. Большинству онъ нравился своей страстностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, меньшинство называло его «рѣзателемъ и тигромъ на словахъ» и не считало ни достаточно убѣжденнымъ, ни человѣкомъ дѣла. И дѣйствительно, участвуя на совѣщаніяхъ заговорщиковъ, готовившихъ государственный переворотъ, Я. обнаруживалъ непомѣрную свирѣпость и высказывалъ настолько крайніе взгляды, что прочіе участники заговора съ нимъ часто не могли согласиться. Онъ вызывался лично убить императора Александра Павловича и выражалъ злое сожалѣніе, когда пришла вѣсть о его смерти въ Таганрогѣ; предлагалъ бросить жребій на убіеніе императора Николая Павловича, при чемъ самъ, однако, отказывался отъ этого дѣла, говоря: «я за это не возьмусь, у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровнымъ убійцей быть не могу»; онъ совѣтовалъ товарищамъ разбить питейные дома, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церквей, идти ко дворцу; наконецъ, самымъ выполненіемъ заговора онъ странно торопился, такъ что въ интересахъ задуманнаго дѣла Рылѣевъ готовъ былъ просить его на колѣняхъ отложить мятежъ хоть на мѣсяцъ или на два, грозя въ противномъ случаѣ убить Я. или донести правительству. Я. согласился ожидать до мая 1826 г., но, какъ извѣстно, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, мятежъ разразился раньше, и Я. одинъ изъ первыхъ отказался принять начальство надъ взбунтовавшимися войсками, онъ хотѣлъ дѣйствовать независимо. Въ самомъ событіи 14 декабря роль Я. была двойственна и не совсѣмъ понятна; сначала онъ отговаривалъ А. Бестужева отъ рѣшительныхъ дѣйствій, потомъ самъ повелъ съ Гороховой, гдѣ жилъ, Семеновскій полкъ; затѣмъ исчезъ съ Сенатской площади, сославшись на головную боль; потомъ опять появился и пробылъ значительное время вблизи императора Николая Павловича, при чемъ на вопросъ послѣдняго, что ему нужно, дерзко отвѣтилъ: «Я. былъ съ ними, но узнавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ». Государь тѣмъ не менѣе взялъ его за руку и сказалъ: «Спасибо, вы вашъ долгъ знаете!» Тогда Я. самъ вызвался идти отъ имени государя для уговоровъ своихъ товарищей сложить оружіе, но, появившись въ рядахъ мятежниковъ, снова примкнулъ къ нимъ, громкой командой: «Налѣво кругомъ», поворотилъ весь 2-ой баталіонъ л.-гв. Егерскаго полка, которому приказано было двинуться впередъ отъ Синяго моста, и совѣтовалъ товарищамъ держаться крѣпко. Такимъ образомъ въ душѣ Я. въ это время происходила борьба какихъ-то противоположныхъ чувствъ или расчетовъ, повергшая его въ нерѣшительность и вызвавшая справедливое подозрѣніе въ неискренности. «Приближаясь по своей натурѣ, говоритъ Головачевъ, къ довольно

распространенному типу бреттера, нашедшему полное художественное выраженіе въ Дороховѣ («Война и миръ»), Я., способный на самые крайніе подвиги личной отваги, какъ будто растерялся и недоумѣвалъ передъ той ролью въ данномъ событіи, которую онъ долженъ былъ играть, какъ рядовая единица». Впослѣдствіи на допросѣ Я. самъ сознавался, что не имѣлъ намѣренія приводить въ исполненіе свои угрозы и только хотѣлъ удивить товарищей своей отвагой. Признанный по суду виновнымъ въ умыслѣ на цареубійство и въ активномъ участіи въ мятежѣ, онъ былъ причисленъ къ преступникамъ перваго разряда и приговоренъ къ смертной казни, а послѣ помилованія и смягченія участи сосланъ на каторгу въ Нерчинскіе рудники. Здѣсь Я. провелъ нѣсколько лѣтъ въ тяжеломъ заключеніи, забытый всѣми родными, которые ему ничѣмъ не помогали и даже не писали, но тѣмъ не менѣе не утратилъ своей обычной живости и энергіи. Вышедши на поселеніе, онъ основалъ въ Малой Разводной, близъ Иркутска, небольшую школу для дѣтей и открылъ мыловаренный заводъ. Дѣло пошло настолько удачно, что Я. не только самъ могъ жить безбѣдно, но даже помогалъ своимъ нуждавшимся товарищамъ и посылалъ подарки роднымъ. Когда въ 40-хъ годахъ золотопромышленная компанія Базилевскаго и Малевинскаго открыла въ сѣверной Енисейской тайгѣ два большихъ пріиска, она, нуждаясь въ дѣльномъ и честномъ управляющемъ, пригласила туда Я.

Тамъ, въ Енисейскѣ, и скончался Я., 10 сентября 1845 г., при чемъ, по однимъ извѣстіямъ, онъ утонулъ, купаясь въ Енисеѣ, по другимъ—умеръ отъ тифа.

С. Максимовъ, «Сибирь и каторга», Спб., 1871 г., ч. III, гл. 2.—«Изъ записокъ Н. И. Греча» («Рус. Вѣстникъ», 1868 г., № 6).—«Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака Черепанова» («Древняя и Новая Россія»), 1876 г., №№ 7, 9.—*Головачевъ*, изд. М. М. Зензинова, «Декабристы, 86 портретовъ»... М., 1906 г.. стр. 275—277.—*Бар. А. Е. Розенъ*, «Записки декабриста», Спб., 1907 г.. стр. 51, 66, 70, 98, 105, 109, 114, 120—122, 134, 158, 161, 166, 221, 225, 278.—*В. М. Саблинъ*, «Декабристы и тайныя общества въ Россіи», М. 1906 г., стр. 40—42, 64, 82.—*И. П. Панаевъ*, «Литературныя воспоминанія», Спб., 1876 г.

А. Г.

Якубовичъ, *Александръ Яковлевичъ*, ген.-м., послѣдній полковникъ Прилуцкій, старшій сынъ генеральнаго есаула Якова Демьяновича Якубовича (см. ниже), родился въ 1739 г., служилъ въ великорусскихъ полкахъ и былъ произведенъ: въ 1757 году—въ ротмистры, въ 1764—въ секундъ-маіоры Ямбургскаго пѣхотнаго полка, въ 1766—въ премьеръ-маіоры и 1-го января 1770 года—въ подполковники Московскаго карабинернаго полка. Участвуя въ турецкой войнѣ, Я. особенно отличился въ 1771 году при взятіи крѣпости Гирсова и въ дѣлѣ 20-го октября того же года, въ которомъ онъ отнялъ береговую турецкую батарею съ восемью пушками и шестью знаменами, за что и былъ награжденъ (14-го декабря того же года) орденомъ св. Георгія 4-го класса; кромѣ того, Я. принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Бендерами, Тульчею, Дубасовымъ, Мачиномъ, Силистріею, а въ 1772 году въ его командѣ находился особый лодочный отрядъ изъ запорожцевъ. Въ 1765—1769 годахъ Я. участвовалъ въ работахъ по генеральной описи Малороссіи, произведенной графомъ П. А. Румянцовымъ, при чемъ ему поручена была опись Переяславскаго полка. Графомъ Румянцовымъ обращено было вниманіе на Я., и онъ въ 1773 году, будучи «отъ арміи полковникомъ», былъ назначенъ Прилуцкимъ полковникомъ. Изъ послѣдующей служебной дѣятельности Я. извѣстно его участіе въ подавленіи Пугачевскаго бунта, когда онъ былъ начальникомъ особаго тысячнаго малороссійскаго войска, посланнаго въ 1774 году въ Казанскую и Оренбургскую губерніи и пробывшаго тамъ до 1781 года. Съ упраздненіемъ въ 1781 году полкового управленія Малороссіи, Я. продолжалъ службу въ великорусскихъ полкахъ и былъ произведенъ (23-го іюня 1783 года) въ генералъ-маіоры, но въ 1788 году онъ находился уже въ отставкѣ, живя въ Прилуцкомъ уѣздѣ, гдѣ у него было 317 душъ крестьянъ. Въ 1810 году въ Прилуцкомъ земскомъ судѣ производилось весьма любопытное дѣло по обвиненію Я. однимъ изъ его сыновей въ «разныхъ чародѣйствахъ», но на какихъ фактахъ основывалось обвиненіе—неизвѣстно. Самое же дѣло должно было прекратиться по случаю смерти Я., послѣдовавшей 7-го ноября того же 1810 года.

Дѣло архива департамента герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ рода Якубовичей.—*А. Лазаревскій*, «Описа-

ніе старой Малороссіи», т. III, полкъ Прилуцкій, въ приложеніи къ «Кіевской Старинѣ» 1900 г., іюль—августъ, стр. 54—56.—Архивъ капитула Россійскихъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, кавалерскіе списки по ордену Георгія 4-го класса (дата смерти).—«Кіевская Старина», 1883 г., кн. XI, стр. 410; 1884 г., кн. I, стр. 219.—*В. Степановъ* и *Н. Григоровичъ*, «Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія», Спб., 1869, стр. 27.—«Списокъ воинскому департаменту», 1776 г., стр. 290.—*А. Скальковскій*, «Дунайцы» («Кіевская Старина», 1885 г., кн. XI, стр. 126).—«Родословная книга Черниговскаго намѣстничества», составленная 10-го февраля 1788 года, часть VI, л. 137 (въ Императорской публичной библіотекѣ).—«Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка», 1727—1753, Кіевъ, 1887, стр. 327. *В. Гарскій.*

Якубовичъ, *Андрей Өедоровичъ*, литераторъ, отецъ современнаго Пушкину поэта Л. А. Якубовича, родился въ Тульской губерніи въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, учился въ Московскомъ университетѣ. Въ бытность студентомъ Я. сотрудничалъ во многихъ Московскихъ журналахъ и писалъ много стихотвореній и разсказовъ. Ему, между прочимъ, принадлежитъ разсказъ-быль: «Братодѣтская любовь» (1798 г.). Въ 1798 году онъ сотрудничалъ въ журналѣ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», а затѣмъ въ журналѣ: «Иппокрена или утѣхи любословія» (1800—1801 г.), издававшемся подъ редакціей П. А. Сохацкаго. Въ началѣ XIX столѣтія Я. занялъ должность предсѣдателя Тульской гражданской палаты и тогда же принялся за изданіе «Древнихъ русскихъ стихотвореній». Въ 1817 году онъ былъ назначенъ почтмейстеромъ въ Калужскую губернію. Съ этого момента онъ не имѣлъ уже времени для занятій литературною дѣятельностью и исключительно отдался воспитанію сына. Скончался Я. въ сороковыхъ годахъ XIX стол. въ Калужской губерніи.

«Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1798 г., часть XVIII, стр. 129, 346, 348, 349; часть XIX, стр. 159. 175. 275, 280; часть XX, стр. 229, 301.—*Ефремовъ*, «Матеріалы для исторіи русской литературы», стр. 216.—Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, полутомъ XXV, стр. 303.
Б. Шуваловъ.

Якубовичъ, *Антоній*, писатель лингвистъ, сынъ армянскаго купца, переселившагося въ Варшаву, родился на суднѣ подъ Константинополемъ въ 1789 г. Еще въ младенчествѣ Я. потерялъ родителей, а опекунъ его, захвативъ все его состояніе, отдалъ его, какъ сироту, въ пріютъ «Младенца Іисуса». Затѣмъ Я. посѣщалъ школу піарскаго братства, отдавшись съ рвеніемъ наукѣ. Въ 1808 г. онъ окончилъ школу и поступилъ канониромъ въ армію герцогства Варшавскаго, участвовалъ въ кампаніяхъ 1809 и 1812 г., а послѣ битвы подъ Можайскомъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Саратовъ, гдѣ, какъ человѣкъ образованный и знающій нѣсколько языковъ, былъ оставленъ переводчикомъ при канцеляріи городничаго. Здѣсь онъ оставался до 1815 г. Вернувшись въ Варшаву, Я. поступилъ вторично въ войска Царства Польскаго и, дослужившись въ артиллеріи до чина поручика, закончилъ въ 1831 г. свою военную службу. Съ 1832 г. Я. былъ секретаремъ и переводчикомъ русскаго языка въ коммиссіи государственныхъ доходовъ и имуществъ. Въ 1842 г., на 53 году жизни, Я. скончался. Будучи страстнымъ библіофиломъ, Я. собралъ до 10 тысячъ экземпляровъ книгъ разнообразнаго содержанія и стремился составить собраніе словарей различныхъ языковъ. Всѣ свои средства расходовалъ онъ на эту библіотеку, которая послѣ его смерти была продана съ аукціона. Я. опубликовалъ въ печати слѣдующія произведенія: «Arytmetyka i pierwsze zasady algebry», 1822 г., «Wiadomości o broni ręcznej i palnej», 1824 г., «Słownik rossyjsko-polski, ułożony podług słowników akademii rossyjskiej, pomnożony wyrazami technicznemi», Варшава, 1825—28 г., 2 тома (Этому труду Я. посвятилъ 12 лѣтъ своей жизни), «Nowa grammatyka francuzka, z licznemi ćwiczeniami ortografii, składni i przecinkowania, wyjętemi z najlepszych autorów i porządkiem prawidel rozdielonemi przez P. Noel i Chapsal», переводъ съ 21-го парижскаго изданія, 2 части, Варшава, 1833 г. (такихъ изданій было три), «Grammatyka rossyjska z ćwiczeniami i słownikiem w polskim i rossyjskiem języku», 1836 г., «Początki języka rossyjskiego», 1846 г. и «Historyja Starego i Nowego testamentu» (отдѣльно изданы Ветхій и Новый Завѣтъ), 1836 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1863 г., т. 12, стр. 899, 900. *А. Г—ъ.*

Якубовичъ, *Лукьянъ Андреевичъ*, писатель-прозаикъ, род. въ 1805 г. въ

помѣщичьей семьѣ Калужской губ. Отецъ его былъ предсѣдателемъ гражданской палаты въ Тулѣ. Я. обучался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. На поприщѣ поэзіи онъ явился впервые въ 1828 г., и съ этого года съ постояннымъ успѣхомъ обнаруживалъ все возраставшее свое дарованіе. Лучшіе въ то время наши журналы и альманахи: «Современникъ», «Литературная Газета», «Сынъ Отечества», «Сѣверная Пчела», «Московскій Наблюдатель», «Атеней», «Телескопъ», «Сѣверные Цвѣты» и др. украшались его стихотвореніями. Пушкинъ съ похвалою отзывался о талантѣ Я. и находилъ въ немъ особенную оригинальность, напр., въ піесѣ его «Уралъ и Кавказъ», помѣщенной въ «Современникѣ» за 1836 г. У Я. есть нѣсколько стихотвореній, которыя по справедливости могутъ назваться народными, таково стихотвореніе «Служивой». Я. былъ по преимуществу поэтъ мыслитель. Самые предметы, избранные имъ, свидѣтельствуютъ о его поэтическомъ призваніи, о его не ложномъ служеніи музамъ. Изъ пьесъ, въ которыхъ особенно замѣтно вылилось его сильное чувство и сказалась глубокая мысль, назовемъ слѣдующія: «Кладбище», «Тучи», «Мигъ», «Предназначеніе», «Ропщущему», «Разставанье», «Малороссійская баллада» и «Волшебное ружье». Владѣя стихомъ, Я. иногда не отдѣлывалъ его, но бросалъ на бумагу такъ, какъ выходилъ онъ изъ-подъ пера. Въ стихотвореніяхъ его нерѣдко попадаются отрывистыя мысли, что происходило отъ избытка чувствъ поэта, отъ души, преисполненной вдохновеніемъ. Вопреки обыкновенію многихъ, Я. не спѣшилъ изданіемъ своихъ стихотвореній (числомъ 97), они были изданы лишь за два года до его смерти, въ 1837 г. (Спб.). Кромѣ оригинальныхъ произведеній, ему принадлежатъ еще и переводныя, такъ онъ отлично переводилъ сербскія народныя преданія. Но не суждено было Я. долго работать на нивѣ поэтической: нужда, съ которою онъ боролся съ раннихъ лѣтъ, быстро надломила его здоровье. Извѣстно, что онъ жилъ въ крайней бѣдности: все его имущество состояло изъ шинели, сюртука и нѣсколькихъ книгъ. Маленькая комната на чердакѣ въ Семеновскомъ полку, зиму и лѣто неотопленная, была его пріютомъ для почлега. Пока здоровье позволяло, онъ кое-какъ перебивался заработкомъ отъ пьесъ, помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ. Между тѣмъ желѣзное здоровье ему измѣнило, и онъ заболѣлъ безнадежно. Друзья и знакомые сдѣлали было попытку оказать ему помощь, но въ такой формѣ (при особомъ листѣ, съ указаніемъ лица и суммы денегъ, жертвуемыхъ имъ), что Я. рѣшительно отказался отъ пожертвованій. Подъ конецъ жизни ему улыбнулось счастье: отецъ, доселѣ отказывавшій Я. въ необходимыхъ средствахъ, раздѣлилъ свое имѣніе между нимъ и сестрою его и вызвалъ сына принять во владѣніе маленькую деревню. Въ это же самое время умеръ и дядя Я.—богатый малороссіянинъ, завѣщавшій все состояніе свое племяннику. Но полученное наслѣдство оказалось запоздалымъ: здоровья уже нельзя было вернуть, и Я. скончался въ 1839 г. въ родномъ очагѣ, куда онъ прибылъ подъ конецъ лѣта того же года.

«Сѣверная Пчела», 1837 г., №№ 93, 94; 1839 г., № 269.—«Русскій Архивъ», 1873 г., № 6, стр. 952—956.—*Панаевъ*, «Литер. воспоминанія», ч. I, гл. IV.

Якубовичъ, *Максимиліанъ Юльевичъ*, статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ римской словесности и древностей Московскаго и Кіевскаго университетовъ. Родился въ 1784 г. и происходилъ изъ дворянской семьи. Первоначальное образованіе Я. получилъ дома, высшее же въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ филологію подъ руководствомъ знаменитаго филолога Гроддека. Въ этомъ же университетѣ въ 1811 г. онъ былъ удостоенъ степени магистра философіи. Рѣшивъ посвятить себя научно-педагогической дѣятельности, Я. 1-го сентября того же 1811 г. принялъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Луцкомъ уѣздномъ училищѣ, въ которомъ, впрочемъ, пробылъ менѣе года и затѣмъ перевелся въ Свентевиское уѣздное училище, находившееся въ мѣстечкѣ Поставы. Въ 1813 г. его вызвали въ Гродненскую гимназію, бывшую въ то время въ Свислочѣ. Здѣсь онъ въ теченіе пяти лѣтъ преподавалъ греческій, польскій и латинскій языки, при чемъ успѣлъ пріобрѣсти репутацію знающаго и работающаго человѣка, хотя нѣкоторые и находили его слишкомъ строгимъ и педантичнымъ. Въ сентябрѣ 1818 г. правленіемъ Варшавскаго университета Я. былъ приглашенъ взять на себя обязанности преподавателя латинскаго языка и

древней литературы въ Варшавскомъ лицеѣ. Однако здѣсь вскорѣ онъ не поладилъ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ и ушелъ изъ лицея, занявъ опять должность преподавателя латинской словесности въ Гродненской гимназіи, гдѣ оставался до 1-го сентября 1824 г., когда былъ назначенъ учителемъ латинской словесности въ Волынскомъ лицеѣ. Здѣсь онъ оставался въ теченіе девяти лѣтъ. Видя, что преподаваніе въ тогдашнихъ школахъ особенно страдаетъ отсутствіемъ хорошихъ учебниковъ, онъ рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ, хотя бы по своей спеціальности. Съ этою цѣлью онъ составилъ и издалъ двѣ грамматики: «Грамматику польскаго языка» и «Латинскую грамматику» и, кромѣ того, написалъ сочиненіе «Объ образѣ изученія языковъ». Между тѣмъ въ Кіевѣ рѣшено было открыть университетъ св. Владиміра. Тогдашній попечитель кіевскаго учебнаго округа, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, озабочиваясь привлеченіемъ лучшихъ научныхъ силъ въ университетъ, въ числѣ другихъ лицъ пригласилъ и Я. Послѣдній охотно принялъ это предложеніе и былъ 31-го января 1834 г. утвержденъ въ должности ординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности и древностей. Кромѣ того, въ теченіе трехъ лѣтъ (1834—1837 гг.) онъ еще преподавалъ въ университетѣ греческій языкъ и словесность. Въ то же время распоряженіемъ попечителя кіевскаго учебнаго округа онъ былъ назначенъ на два года членомъ училищнаго комитета, но оставался въ этой должности лишь до 4-го іюня 1835 года. При торжественномъ открытіи университета св. Владиміра, 15-го іюля 1834 года, Я. прочелъ рѣчь «De pulchro Platonico». Избранный въ 1836 г. деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета на одинъ годъ, онъ былъ утвержденъ въ этой должности 4-го іюня того же года. Въ теченіе пятилѣтней своей службы въ Кіевскомъ университетѣ Я. читалъ слѣдующіе курсы: 1) Энциклопедію классической филологіи, которую преподавалъ на латинскомъ языкѣ по собственнымъ запискамъ, слѣдуя однако во многомъ сочиненіямъ Барби, Аста, Бернгарда и Гердера, 2) исторію греческой и римской литературы, записки по которой подъ заглавіемъ: «Literaturae antiquae h. e. Graecorum et Romanorum interioris ejusdem causarum et vicissitudinem enarratio» онъ готовилъ къ печати, 3) археологію филологическую вмѣстѣ съ нумизматикою, читанную тоже по собственнымъ запискамъ, хотя и на основаніи сочиненій Винкельмана, Эрнеста и Аддисона, и 4) греческую грамматику, которую читалъ на латинскомъ языкѣ по Гроддеку. Вотъ какъ характеризуетъ Я. профессоръ В. Я. Шульгинъ, заставшій его еще въ университетѣ: «Профессоръ Якубовичъ принадлежалъ къ числу характеристическихъ лицъ въ молодомъ университетѣ. Онъ былъ истинный представитель чисто научной дѣятельности стараго лицея,—и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ однимъ изъ послѣднихъ представителей филологіи временъ возрожденія... Высокій, сухой человѣкъ, съ рѣдкими сѣдыми волосами и безпрестанно мигающими глазами, онъ внѣ своего предмета являлся дряхлымъ старикомъ. Но когда дѣло шло о какомъ-нибудь оборотѣ или словѣ римскаго писателя, о какомъ-нибудь варіантѣ стиха Виргиліева или Гораціева, Якубовичъ совершенно преображался и становился молодымъ энтузіастомъ: вся фигура его приходила въ движеніе, и слова шли изъ устъ какъ-то смѣшанно, торопливо, погоняя другъ друга. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова влюбленъ въ произведенія и обычаи древней римской жизни. Слушатели его никогда не забудутъ лекціи о римскихъ баняхъ. Потерявъ любимаго сына, старый профессоръ, обливаясь слезами, говорилъ: «что за мальчикъ былъ! двѣнадцати лѣтъ зналъ наизусть двѣ книги Энеиды!» При такомъ живомъ сочувствіи къ своему предмету и владѣя самъ огромною, хотя, быть можетъ, и не примѣняемою къ жизни эрудиціею, Я., къ сожалѣнію, не умѣлъ передать своего чувства студентамъ. Его восторги срывали у нихъ невинную улыбку, которой не замѣчалъ добродушный профессоръ. 11-го іюня 1837 года Я. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и за выслугу 25-ти лѣтъ по министерству Народнаго Просвѣщенія получилъ пожизненную пенсію полнаго оклада жалаванья по званію ординарнаго профессора и тогда же былъ оставленъ въ этой должности еще на пять лѣтъ. Во время пребыванія своего въ Кіевскомъ университетѣ онъ состоялъ членомъ комитета для составленія вопросовъ испытанія по всѣмъ учебнымъ предметамъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ

кіевскаго учебнаго округа. Кромѣ того, въ 1837 году попечителемъ ему поручено было осмотрѣть состояніе преподаванія латинскаго языка въ 1-й и 2-й гимназіяхъ. Въ 1839 г., по предложенію министра народнаго просвѣщенія, Я. былъ переведенъ на должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ латинскаго языка и исторіи римской литературы и римской древности 1-го отдѣленія философскаго факультета въ Московскій университетъ. Здѣсь прослужилъ онъ еще три года и въ это время, между прочимъ, прочелъ на актѣ 1841 г. рѣчь на латинскомъ языкѣ: «De virtute romana ejusque causis». Въ 1842 г., когда истекъ пятилѣтній срокъ, на который онъ былъ оставленъ при университетѣ, Я. вышелъ въ отставку. Первые годы послѣ этого онъ жилъ въ Вильнѣ, затѣмъ отправился въ Кіевъ, а оттуда въ Кременецъ, гдѣ занялся приготовленіемъ новаго философскаго сочиненія, которое и было напечатано въ 1853 г. подъ заглавіемъ: «Chrześciańska filosofia życia w porównaniu z filozofią naszego wieku panteistyczną» (Wilno, 1853 r. cz. I, str. 292; cz. II, str. 217; cz. III, str. 222—233). Въ апрѣлѣ того же года Я. скончался въ Житомірѣ на 67 году отъ рожденія.

В. Я. Шульгинъ, «Исторія университета св. Владиміра», Спб. 1860 г., стр. 52, 57, 120—121.—*В. С. Иконниковъ*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра», Кіевъ, 1884 г., стр. 785—788.—*С. Шевыревъ*, «Исторія Императорскаго Московскаго университета», М., 1855 г., стр. 559.— «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», М., 1855 г., ч. II, стр. 670—672.

Е. Ястребцевъ.

Якубовичъ, *Николай Мартыновичъ*, докторъ медицины Дерптскаго университета, д. с. с., ординарный профессоръ Петербургской медико-хирургической академіи по каѳедрѣ гистологіи и физіологіи. Родился въ Малороссіи въ 1816 г. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ, помѣщикъ Полтавской губерніи. Желая дать сыну возможно лучшее воспитаніе и образованіе и не имѣя въ то же время средствъ, чтобы пригласить къ себѣ въ имѣніе хорошихъ педагоговъ, онъ былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ во всей Южной Россіи въ ту пору было всего лишь двѣ-три гимназіи и нѣсколько частныхъ пансіоновъ. Въ одинъ изъ нихъ, Екатеринославскій, считавшійся въ то время лучшимъ, онъ и помѣстилъ сына своего. Послѣдній, окончивъ Екатеринославскій пансіонъ, поступилъ въ Харьковскій университетъ на медицинскій факультетъ. Здѣсь своею спеціальностью онъ избралъ женскія болѣзни и серьезно занялся ихъ изученіемъ, вскорѣ обративъ на себя вниманіе своимъ усердіемъ и знаніемъ. По окончаніи университета 10-го сентября 1838 г. со степенью лѣкаря 1-го отдѣленія, Я. былъ оставленъ при университетской акушерской клиникѣ ординаторомъ, а потомъ былъ назначенъ ординаторомъ терапевтическаго отдѣленія (съ 8-го іюня 1839 г.) и состоялъ ассистентомъ знаменитаго въ то время профессора хирургіи и офталмологіи Ванцети. Однако вскорѣ научная постановка медицины въ Харьковскомъ университетѣ ему показалась неудовлетворительною, и въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ отказался отъ должности ординатора въ Харьковской университетской клиникѣ и уѣхалъ въ Дерптъ. Дерптскій университетъ, считавшійся въ то время лучшимъ даже въ Европѣ, особенно славился своимъ медицинскимъ факультетомъ, на которомъ всѣ предметы читались европейски извѣстными учеными. Энергично принявшись за работу, Я., однако, не спѣшилъ съ докторской диссертаціей, прекрасно понимая, что для хорошаго врача мало изучить одну какую-либо болѣзнь, а необходимо порядочно поработать вообще по избранной спеціальности. Поэтому, проработавъ при Дерптскомъ университетѣ около пяти лѣтъ, онъ тогда только рѣшился держать докторскій экзаменъ, а свою диссертацію «De saliva» (Diss. D. M. Dorp. Liv. 1848) напечаталъ и защитилъ лишь въ 1848 году, послѣ чего 20-го октября и былъ удостоенъ искомой степени. Вскорѣ онъ занялъ мѣсто помощника прозектора при анатомическомъ театрѣ университета и состоялъ ассистентомъ профессора Биддера, принимая участіе въ научныхъ работахъ какъ этого послѣдняго, такъ и другого профессора.

Лѣтомъ 1851 г. Я. пріѣхалъ въ Петербургъ и съ 1-го сентября занялъ должность врача дома убогихъ въ С.-Петербургѣ и наблюдателя за дѣвичьими школами въ медицинскомъ отношеніи вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества; кромѣ того, онъ занялся и практикой. Впрочемъ, вскорѣ Я. захотѣлъ оставить Петер-

бургъ, такъ какъ ему предложили мѣсто младшаго ординатора Севастопольскаго военнаго госпиталя. Это было въ августѣ 1852 г., но спустя мѣсяцъ онъ былъ перечисленъ сверхкомплектнымъ военнымъ врачемъ въ 1-й военно-сухопутный Петербургскій госпиталь, а вслѣдъ затѣмъ прикомандированъ къ военно-медицинскому департаменту для занятій при редакціи «Военно-Медицинскаго Журнала». Въ то же время Я. началъ сближаться съ академическимъ кружкомъ и продолжалъ свои изслѣдованія по гистологіи подъ руководствомъ В. Ф. Овсянникова. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ врачъ съ широкими научными познаніями по своей спеціальности. Между тѣмъ въ средѣ петербургскихъ медицинскихъ свѣтилъ около того времени одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ занялъ лейбъ-медикъ нѣмецъ Мандтъ со своей анатомистическою системою. Чтобы провести эту систему въ среду русскихъ врачей и сдѣлать ее возможно болѣе популярной, Мандтъ началъ даже читать особыя лекціи при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, но вслѣдствіе того, что чтеніе происходило на нѣмецкомъ языкѣ, лекціи почти не посѣщались. Тогда рѣшено было учредить для нихъ особый небольшой госпиталь, къ которому были прикомандированы врачи, лишь прекрасно владѣвшіе нѣмецкимъ языкомъ. Госпиталь этотъ названъ былъ «Образцовымъ», но просуществовалъ недолго. Въ числѣ прикомандированныхъ врачей былъ и Я., въ то время начавшій готовиться къ занятію каѳедры въ медико-хирургической академіи. Однако слушать лекціи Мандта ему пришлось недолго, такъ какъ 18-го іюня 1853 г. Я. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ академіи по каѳедрѣ гистологіи и исторіи развитія организма, которыя только что вводились въ курсъ академіи. Не считая себя еще достаточно компетентнымъ, чтобы поставить преподаваніе этихъ предметовъ на должную высоту, Я. сталъ проситься на два года за границу «для усовершенствованія въ преподаваніи». Начавъ еще въ Петербургѣ изслѣдованіе гистологическаго строенія головного и спинного мозга, онъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ продолжалъ его самымъ тщательнымъ образомъ въ Бреславлѣ въ кабинетѣ Рейхарта и въ то же время занялся приготовленіемъ гистологическихъ препаратовъ мозга, которые были сдѣланы такъ искусно и притомъ такъ натурально, что вызвали самые лестные отзывы тогдашнихъ нѣмецкихъ знаменитостей гистологіи, Іоганна Мюллера и Вирхова, подъ руководствомъ которыхъ онъ и сталъ работать, переѣхавъ въ Берлинъ. Вмѣсто предполагаемыхъ двухъ лѣтъ командировка затянулась на цѣлыхъ пять, при чемъ, ознакомившись первоначально съ современнымъ состояніемъ гистологіи, Я. со всѣмъ свойственнымъ ему рвеніемъ принялся за изученіе строенія головного и спинного мозга у человѣка и животныхъ (нервныя клѣтки чувствительныя, двигательныя и симпатическія) и топографическаго распредѣленія нервныхъ элементовъ головного и спинного мозга. Даже Гумбольдъ обратилъ вниманіе на молодого русскаго ученаго и высоко цѣнилъ его труды. Результатомъ этихъ работъ явилась его статья, написанная при участіи Ф. В. Овсянникова: «Микроскопическое изслѣдованіе началъ нервовъ въ большомъ мозгу», напечатанная сначала по-нѣмецки въ «Bullet. de l'Academie de sc. imper. de St.-Pétersbourg», 1855, а потомъ въ 68-ой части «Военно-Медицинскаго Журнала» за 1856 г. Изъ другихъ его статей назовемъ: 1) «Микроскопическое изслѣдованіе началъ нервовъ въ спинномъ и продолговатомъ мозгу, о чувствительныхъ и симпатическихъ ячейкахъ въ немъ и о строеніи первичныхъ нервныхъ ячеекъ, нервныхъ волоконъ и нервовъ вообще», 2) О «тончайшемъ строеніи головного и спинного мозга», 3) «Мѣстное употребленіе хлороформа въ болѣзняхъ матки», 4) «Recherches comparatives sur le système nerveux» и 5) «Nouveaux procedés pour etudier les elements de la moëlle epiniere et du cerveau à l'etat frais». Первыя три статьи напечатаны по-русски въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» за 1856—1857 г.г. и въ «Другѣ Здравія» за 1857 годъ (№ 44) и по-нѣмецки въ «Bullet. de l'Acad...», а послѣднія двѣ напечатаны въ Парижѣ по-французски отдѣльными изданіями (1858). Эти работы, представляющія изъ себя цѣлый рядъ новыхъ открытій и изслѣдованій въ области строенія головного и спинного мозга, не остались незамѣченными въ ученомъ мірѣ, и Парижская медицинская академія присудила ему большую физіологическую премію (такъ называемую Монтіоновскую), а извѣстный

французскій физіологъ Клодъ Бернаръ предлагалъ Я. остаться въ Парижѣ въ качествѣ ассистента по каѳедрѣ физіологіи. Но Я. любезно отклонилъ предложеніе и возвратился въ Петербургъ.

По возвращеніи изъ-за границы, въ уваженіе къ его научнымъ заслугамъ, Я. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ гистологіи и физіологіи и въ этомъ званіи утвержденъ 13-го іюня 1860 г., съ отчисленіемъ отъ должности ординатора при 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, а спустя полтора года, 7-го января 1862 г., былъ избранъ почетнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Вотъ какъ характеризуетъ Я. Чистовичъ: «Якубовичъ былъ настоящій профессоръ. Его лекціи увлекали и обаятельно дѣйствовали на слушателей. Неудивительно поэтому, что и гистологія, внесенная имъ въ академическую программу преподаванія, быстро развилась и усвоилась воспитанниками медико-хирургической академіи». Авторъ другой біографіи Я., С. П. Боткинъ, говоритъ о немъ: «Я., обладая замѣчательнымъ даромъ слова, удивительною способностью воспроизводить гистологическіе рисунки, быстро собралъ около себя учениковъ, работавшихъ подъ его руководствомъ, и производилъ въ высшей степени сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей; не проходило почти ни одной лекціи безъ восторженныхъ рукоплесканій. Его энергія, его всецѣлая преданность интересамъ академіи доставили ему сильное вліяніе на большую часть членовъ конференціи и принесли не мало пользы медицинской академіи. Я. искренно любилъ Россію и все русское: отстаивая интересы русскихъ молодыхъ ученыхъ со свойственною ему горячностью, онъ невольно оскорблялъ людей, ему несочувствовавшихъ». Какъ человѣкъ, Я. былъ добрый, отзывчивый, всегда готовый помочь чужому горю, особенно если къ нему приходилъ молодой врачъ или студентъ. «Многочисленные примѣры, говоритъ С. П. Боткинъ, показываютъ, что онъ дѣлился съ молодежью не только своимъ умомъ, но и матеріальными средствами, хотя эти средства были очень скудны, такъ какъ онъ жилъ исключительно своимъ жалованьемъ».

Прослуживъ въ академіи пятнадцать лѣтъ, онъ 22-го іюня 1869 г. вынужденъ былъ по болѣзни выйти въ отставку. За послѣдніе годы у него развилась nephritis calculosa, не поддававшаяся никакому лѣченію и мучившая его частыми болѣзненными припадками. Въ 1871 г. Я. былъ избранъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и до послѣднихъ дней своихъ не переставалъ ратовать за интересы учащейся молодежи и русскихъ молодыхъ ученыхъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, послѣ него остались еще слѣдующія работы: 1) «Краткій отчетъ о научной дѣятельности въ 1858 — 1859 академическомъ году въ Парижѣ» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1859 г., ч. 76, I; отдѣльный оттискъ, Спб., 1859 г., 2) «Отчетъ о путешествіи за границу» («Отчетъ Спб. Медико-Хирургической Академіи за 1858—1859 г.г.», Спб., 1860 г.), 3) «О периферическомъ окончаніи нервовъ» («Моск. Медиц. Газ.» за 1860 г., № 26), 4) «Историческій очеркъ вопроса объ органической ячейкѣ вообще и мозговой въ особенности» («Протоколы Засѣд. Общ. Русск. Врачей въ Спб.» за 1860—1861 г.г., стр. 273), 5) «Очеркъ микроскопической анатоміи спинного мозга» (ibid., стр. 317) и 6) рецензія статьи (по порученію Общества) Козловскаго: «Гистологическія розысканія при стработоміи» (ibid., 1861—1862 г.г., стр. 194).

Я. скончался 19-го января 1879 г. въ Петербургѣ, на 62 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на кладбищѣ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря.

«Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ» за 1878—1879 г.г., стр. 167 — 170. — «Медицинскій Вѣстникъ» за 1879 г., № 4, стр. 3. — *Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., тетр. 2, стр. 177. — «Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ» за 1858 г., ч. IV, стр. 485—492. — «Отчетъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи» за 1858—1859 г.г., Спб., 1860 г. *Е. Ястребцевъ.*

Якубовичъ, *Яковъ Демьяновичъ*, генеральной есаулъ; отецъ его въ 1712 и 1713 годахъ занималъ урядъ Жоровавскаго сотника, Прилуцкаго полка. Съ 1725 года Я. находился въ числѣ бунчуковыхъ товарищей въ Низовомъ корпусѣ, но въ февралѣ 1728 года былъ уже отпущенъ домой. Затѣмъ Я. принималъ участіе въ Польскомъ (1734), Крымскомъ (1737), Днѣпровскомъ (1738) и Хотинскомъ (1739) походахъ и, кромѣ того, въ 1735 году былъ въ составѣ посольства, отправлен-

наго въ этомъ году въ Польшу. Въ 1737 году Я. просилъ уже объ опредѣленіи его въ должность генеральнаго есаула на мѣсто занимавшаго въ то время этотъ урядъ Ивана Мануйловича, удрученнаго болѣзнью, но просьба его уважена была не скоро, и лишь 13-го ноября 1740 года послѣдовалъ Именной указъ генералъ-лейтенанту Я. В. Кейту, управлявшему тогда малороссійскими дѣлами и генеральной войсковой канцеляріей, о пожалованіи въ генеральные есаулы бунчуковаго товарища Якова Я. Занимая этотъ урядъ, Я. въ 1751 году говорилъ рѣчь въ Глуховѣ по случаю прибытія туда новаго гетмана и ѣхалъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью бунчуковыми товарищами съ правой стороны кареты гетмана для публичнаго чтенія Высочайшей грамоты о пожалованіи гетманства Разумовскому. Въ началѣ мая 1752 года Я. вмѣстѣ съ Г. Н. Тепловымъ, генеральнымъ писаремъ Безбородкомъ и десятью бунчуковыми товарищами сопровождалъ Разумовскаго въ его поѣздкѣ для осмотра малороссійскихъ полковъ, а въ слѣдующемъ году, когда гетманъ былъ въ Петербургѣ, управленіе дѣлами въ Глуховѣ, послѣ отъѣзда Теплова, было поручено сперва Кочубею и Скоропадскому, а потомъ, вслѣдствіе ордера изъ Петербурга, мѣсто послѣдняго занято было Я. Въ 1755 году Я. назначенъ былъ командиромъ надъ пятью тысячами казаковъ, предназначенныхъ для выступленія къ прусскимъ границамъ, но, вслѣдствіе ходатайства гетмана, отрядъ казаковъ былъ уменьшенъ до тысячи человѣкъ, при чемъ начальство надъ ними поручено было Я., прилуцкому полковнику Галагану и полковымъ обознымъ. Умеръ Я. въ 1757 году.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ рода Якубовичей. — «Кіевская Старина», 1884 г., т. III, стр. 8.—Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка, 1727—1753, Кіевъ, 1887, стр. 8, 152, 183, 297, 444, 445, 497.—*А. Лазаревскій,* «Описаніе Старой Малороссіи», т. II, полкъ Нѣжинскій, Кіевъ. 1893, стр. 498.—Сенатскій Архивъ, т. VI, Спб., 1893, стр. 435.—*П. Барановъ,* «Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ, т. II, Спб., 1875, № 6348; т. III, Спб. 1878, №№ 8027, 8261, 8301.—*Бантышъ-Каменскій,* «Исторія Малой Россіи, изданіе 3-е. М. 1842, ч. III, стр. 183—184.—*Н. Григоровичъ,* «Канцлеръ князь А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени», Спб., 1879, стр. 40, 253, примѣчаніе 24.—*А. А. Васильчиковъ,* «Семейство Разумовскихъ», т. I, Спб., 1880, стр. 14, 149, 150, 161, 180, 202, 259.

В. Гарскій.

Якубовскій, *Егоръ Осиповичъ,* с. с., врачъ, происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1820 г. Образованіе получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, откуда вышелъ въ 1843 г. съ званіемъ лѣкаря и тогда же опредѣлился въ Ревельскій егерскій полкъ, съ прикомандированіемъ ко 2-му сухопутному госпиталю; затѣмъ въ 1850 г. Я. перешелъ городскимъ врачемъ въ г. Сергачевскъ, Нижегородской губ., а черезъ три года перевелся уѣзднымъ врачемъ въ Ардатовъ.

Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «Atresia ani у 6-ти мѣсячной дѣвочки, сообщеніе прямой кишки съ предматочникомъ, операція, излѣченіе» («Medicinische Zeitung Russlands», 1851 г., стр. 134 и «Другъ Здравія», 1851 г., № 8); 2) «Волокнистый наростъ въ лѣвомъ полушаріи мозга» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1853 г., ч. 62, кн. 2) и 3) «Выздоровленіе при раненіи лба до мозга съ потерей существа его» (тамъ же, 1854 г., ч. 63, кн. I).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи - писатели», 1886 г., тетр. 2, стр. 177.

Якубовскій, *Игнатій Ѳедоровичъ,* экстраординарный профессоръ университета св. Владиміра по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, писатель, родился въ 1820 г., умеръ 25 іюля 1851 г. въ Кіевѣ. Среднее образованіе Я. получилъ въ Петербургской третьей гимназіи, откуда въ 1832 г. поступилъ въ Петербургскій же университетъ на второе отдѣленіе философскаго факультета по разряду естественныхъ наукъ. По окончаніи въ 1842 г. университетскаго курса со степенью кандидата философіи Я. для изученія сельскаго хозяйства и подготовки къ преподавательской дѣятельности по этому предмету былъ отправленъ на два года за границу, гдѣ прослушалъ годовой курсъ въ Гогенгеймскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, а остальное время провелъ въ разъѣздахъ по Германіи и сосѣднимъ съ нею странамъ и осмотрѣ выдающихся въ агрономическомъ отношеніи имѣній. Возвратившись въ 1844 г. на родину, онъ былъ прикомандированъ къ Казанскому учебному округу въ качествѣ публичнаго

лектора по вопросамъ сельскаго хозяйства и вслѣдъ затѣмъ отправился въ командировку для обозрѣнія хозяйства, его постановки и культурныхъ пріемовъ обработки въ Приволжскія и Прикамскія губерніи Казанскаго округа, а весною слѣдующаго года съ тою же цѣлью ѣздилъ въ губерніи Черниговскую и Полтавскую. Въ теченіе 1845—1846 учебнаго года онъ читалъ публичный курсъ сельскаго хозяйства въ Пензѣ, а осенью 1846 г., по прошенію, былъ переведенъ въ Кіевскій учебный округъ, гдѣ ему было поручено преподаваніе распорядительной части сельскаго хозяйства въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1849 г. онъ былъ назначенъ въ томъ же университетѣ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и тогда же предпринялъ еще одну поѣздку съ научной цѣлью въ различныя имѣнія Кіевской, Черниговской и Полтавской губерній. Собранный имъ во время командировокъ богатый матеріалъ послужилъ основаніемъ для сочиненія подъ заглавіемъ: «О трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ», которое Я. подалъ въ университетъ въ качествѣ диссертаціи. Въ концѣ 1850 г. состоялась ея защита, и въ слѣдующемъ 1851 г. Я. былъ удостоенъ степени магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства и избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ этихъ предметовъ. Въ своихъ чтеніяхъ, имѣвшихъ среди слушателей выдающійся успѣхъ, Я. руководился сочиненіями Пабста, Швейцера, Коппе и др. западно-европейскихъ авторитетовъ въ области сельскаго хозяйства, по нихъ выводы оживлялъ и иллюстрировалъ собраннымъ имъ самимъ богатымъ матеріаломъ. Кромѣ диссертаціи, Я. напечаталъ еще: «Вступительная лекція при открытіи публичнаго курса сельскаго хозяйства въ Пензѣ» («Журн. Минист. Народн. Просв.», 1846 г., ч. LII, стр. 137—160); «Хозяйственныя замѣтки о губерніяхъ Казанской, Симбирской и Пензенской» («Журн. Минист. Госуд. Имущ.», 1847 г.) и «О капиталѣ въ сельскомъ хозяйствѣ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1848 г., ч. LX, стр. 211—236).

В. С. Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавател. Импер. университета св. Владиміра, 1834—1854 г.г.» (Кіевъ, 1884 г.), стр. 789—790. — Энциклоп. слов. Брокгауза, полут. 82 (Спб., 1904 г.), стр. 616—617. *Н. С.*

Якунъ Андреевичъ, новгородскій посадникъ, впервые упоминается подъ 1167 г., когда предводительствовалъ новгородскими войсками, посланными противъ князя Святослава Ростиславича, который въ союзѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ и половцами разорялъ области Торжка и Великихъ Лукъ. Калайдовичъ высказываетъ мнѣніе, что походъ этотъ не былъ доведенъ до конца вслѣдствіе того, что многіе новгородцы, не дойдя еще до Старой Русы, возвратились домой. Князь Щербатовъ, ошибочно называющій Я. А. по отчеству Станиславичемъ, а за нимъ и Карамзинъ полагаютъ, что походъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Святославъ, несмотря на свое сильное союзное войско, не рѣшился вступить въ битву и еще до прихода новгородцевъ очистилъ области, удовольствовавшись ихъ разореніемъ и разграбленіемъ; не встрѣтивъ непріятеля, Я. А. оставалось лишь распустить дружинниковъ по домамъ, что онъ и сдѣлалъ. Существуютъ разногласія и относительно времени, къ которому относится начало посадничества Я. А. Карамзинъ, основываясь на указаніяхъ Воскресенской лѣтописи, считаетъ его посадникомъ уже во время похода, между тѣмъ какъ 1-ая Новгородская лѣтопись опредѣленно говоритъ, что на эту должность онъ избранъ тотчасъ по возвращеніи изъ похода. Начало посадничества Я. А. совпало съ временемъ, когда Новгородъ переживалъ періодъ междукняжества, и Я. А. въ ожиданіи прибытія юнаго князя Романа Мстиславича, съ 1 сентября 1167 г. до половины апрѣля 1168 г. (по сентябрьскому календарю), былъ единственнымъ и верховнымъ правителемъ республики, объединяя въ своихъ рукахъ власть административную и военную. Въ 1170 г., во время осады Новгорода великимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ, Я. А. наряду съ кн. Романомъ Мстиславичемъ былъ душою обороны, неоднократно водилъ лично дружину противъ осаждавшихъ и особенно выказалъ умъ, энергію и способность начальника въ кровопролитной битвѣ 25 февраля, кончившейся полной побѣдой новгородцевъ. Послѣ этого свѣдѣнія о Я. А. обрываются.

«Полное собр. русск. лѣтоп.», т.т. III, IV, V, VI, VII, VIII. — «Софійская лѣтоп.», ч. I, Спб., 1795 г., стр. 168.—«Воскресенск. лѣтоп.», ч. II, Спб., 1794 г., стр. 76.—«Новгор. лѣтоп.

1-я», М., 1781 г., стр. 36, 37.— «Прод. Древн. Россійск. Вивліоѳ.», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 406.—*Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о новгородскихъ посадникахъ», М., 1821 г., стр. 88—91.—*Кн. Щербатовъ*, «Россійск. исторія», т. II, стр. 308.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Россійск.», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. II, стр. 188; т. III, стр. 9, прим. 6. *Н. С.*

Якунъ Мирославичъ, новгородскій посадникъ, представитель виднаго боярскаго рода, сынъ перваго выборнаго посадника Мирослава Гюрятинича (во второй и послѣдній разъ посадничалъ въ 1134—1135 гг.) и внукъ Гюряты Роговича, извѣстнаго тѣмъ, что въ 1096 г. сообщилъ преп. Нестору свѣдѣнія о Югрѣ и Югорскихъ горахъ. Впервые на должность посадника Я. М. былъ избранъ въ 1137 г., вскорѣ послѣ побѣга его предшественника, Константина Микулича Дашкова, къ князю Всеволоду Мстиславичу и послѣ утвержденія на новгородскомъ столѣ князя Святослава Ольговича. Противникъ княженія въ Новгородѣ представителей Суздальской линіи, Я. М. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ярымъ приверженцемъ Ольговичей и тѣхъ Мстиславичей, которые стояли за одно съ ними. Первый разъ посадничество его продолжалось до 1141 г. и закончилось вмѣстѣ съ паденіемъ Святослава Ольговича, любимцемъ котораго онъ былъ. Когда князь своимъ произволомъ и местью своимъ личнымъ врагамъ вооружилъ противъ себя новгородцевъ и въ 1141 г. принужденъ былъ изъ Новгорода бѣжать, его сопровождалъ и Я. М. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ (первой и четвертой) сохранились свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этого для Я. М. неудачнаго побѣга; хотя посадникъ, о которомъ тамъ идетъ рѣчь, по отчеству называется Иванковичемъ, а не Мирославичемъ, но, какъ кажется, рѣчь идетъ именно о Я. М., такъ какъ въ періодъ 1237—1241 г.г. онъ былъ единственнымъ посадникомъ. Согласно этимъ извѣстіямъ, Я. М. высланной изъ Новгорода погоней былъ настигнутъ около р. Плисы (Полистье), былъ сильно битъ и, обнаженный «яко мати родила», въ полумертвомъ состояніи сброшенъ съ моста въ воду. Кто-то его спасъ, и ему предстояли дальнѣйшіе побои, отъ которыхъ онъ откупился 1.000 гривнами (по Никоновской и Царственной лѣтописямъ — рублями). Само собою разумѣется, что посадничества его лишили. Закованный, «руцѣ къ шеи», въ кандалы, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Прокопіемъ, по народному приговору, онъ былъ сосланъ на заточеніе въ Чудь. Оттуда Я. М. удалось бѣжать въ Суздаль, гдѣ князь Юрій Владиміровичъ пріютилъ его и держалъ въ чести. Остается не совсѣмъ яснымъ, какими мотивами руководился Юрій Владиміровичъ, оказывая покровительство и давая пріютъ своему политическому противнику—Я. М. По однимъ догадкамъ, этой тактикой князь, держа подлѣ себя бывшаго посадника, хотѣлъ тѣмъ самымъ парализовать враждебную силу, которая въ другомъ мѣстѣ и при иныхъ обстоятельствахъ могла бы повредить его планамъ. По другимъ предположеніямъ, ласкою и благосклонностью онъ хотѣлъ расположить его къ себѣ для будущихъ цѣлей. Какъ бы то ни было, Я. М. и въ послѣдующей своей дѣятельности остался вѣренъ себѣ — сторонникомъ Ольговичей и противникомъ суздальскихъ князей. Когда политическое положеніе въ Новгородѣ измѣнилось, Я. М. переѣхалъ туда и въ 1156 г. былъ вторично избранъ въ посадники, на мѣсто лишеннаго этой должности Судилы Иванковича. Второй разъ онъ посадничалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, до 1160 г.; въ этомъ году на новгородскомъ столѣ вокняжился Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Суздальскаго, и Я. М., какъ противникъ этой линіи, долженъ былъ оставить свою должность. Политическая дѣятельность его на этомъ не закончилась. Въ 1167 г. онъ въ третій разъ былъ избранъ посадникомъ, почти наканунѣ изгнанія изъ Новгорода князя Мстислава Юрьевича, чему, вѣроятно, не мало содѣйствовалъ лично. Ставши у власти, Я. М. поддерживалъ кандидатуру на новгородскій столъ князя Святослава Ростиславича и въ этомъ отношеніи добился полнаго успѣха. Однако, когда этотъ князь принялъ явно сторону Андрея Боголюбскаго, Я. М., вѣрный своей преданности линіи Ольговичей, выступилъ противъ него и даже ходилъ на него съ ратью. Нѣкоторое время, въ ожиданіи «отъ Мстислава сына», «отъ Сменя дни до Велика дни», онъ посадничалъ безъ князя, сосредоточивая въ своихъ рукахъ власть и административную, и военную. Въ 1169 г., при нападеніи суздальцевъ, вмѣстѣ съ прибывшимъ кн. Романомъ Мстиславичемъ распоряжался защитою Новгорода. Въ

третій и послѣдній разъ Я. М. былъ посадникомъ не долѣе чѣмъ до 1170 г., когда эта должность перешла къ Жирославу; есть и другое указаніе, подтверждающее это предположеніе: въ 1170 г. на новгородскій столъ сѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ, ставленникъ Андрея Боголюбскаго, и Я. М., всю жизнь боровшійся противъ этого князя, долженъ былъ, конечно, отказаться отъ власти въ пользу приверженцевъ князей Суздальскихъ.

Свѣдѣній о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Я. М. не сохранилось. Есть извѣстіе, что въ 1176 г. князь Мстиславъ Ростиславичъ бракосочетался съ его дочерью, но такъ ли это въ дѣйствительности, и былъ ли въ это время Я. М. въ живыхъ, — сказать опредѣленно нельзя. Новѣйшія изслѣдованія о Новгородской республикѣ считаютъ Я. М. однимъ изъ вожаковъ тогдашней демократической партіи.

«Полное Собраніе Русск. Лѣтоп.», т.т. III, VI, X.—«Новгородская лѣтоп. (первая)», М., 1781 г., стр. 19, 23, 30, 41.—«Софійская лѣт.», ч. I, Спб., 1795 г., стр. 158—159. — «Царств. лѣтоп.», Спб., 1772 г., стр. 36, 44.—«Никоновская лѣтоп.», ч. II, Спб., 1768 г., стр. 72, 81.—«Продолж. Древней Россійск. Вивліоѳ.», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 388, 391, 392, 399, 411.—*Кн. Щербатовъ*, «Россійская исторія», т. II, стр. 354.—*Карамзинъ*, «Исторія госуд. Россійскаго», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. II, стр. 116, прим. 261, 266, 276, 281; т. III, прим. 44. — *Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 80, 82—83.—*Пассекъ*, «Новгородъ самъ въ себѣ» («Чтенія общ. истор. и древн. Россійск.», 1869 г., кн. IV). — *Н. А. Рожковъ*, «Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV в.в.» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1901 г., апрѣль, стр. 245, 248—249). — *Прозоровскій*, «Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ» («Вѣстн. Археологіи и Исторіи», вып. IX, Спб., 1892 г., стр. 102—103).

Н. Сербовъ.

Якунъ Намнѣжичъ (также *Нѣжичъ* и *Зубalmightyомичъ*), тысяцкій новгородскій. Впервые въ этой должности упоминается подъ 1214 г., когда вмѣстѣ съ другими послами былъ отправленъ новгородцами въ Переяславль просить князя Ярослава-Ѳедора Всеволодовича на новгородское княженіе на мѣсто Мстислава Мстиславича Удалаго, ушедшаго въ южную Русь. По приходѣ Ярослава Я. Н. былъ оклеветанъ передъ нимъ—въ чемъ именно, неизвѣстно, — нѣкіимъ новгородцемъ Ѳедоромъ Лазутичемъ и новоторжцемъ Иворомъ. Я. Н. былъ очень богатъ, и возможно, что богатство его, которымъ не прочь были воспользоваться его враги, сыграло не малую роль въ этой клеветѣ. На основаніи приговора вѣча, созваннаго княземъ, Я. Н. былъ признанъ виновнымъ, онъ самъ, а также его жена и сынъ Христофоръ схвачены, закованы въ цѣпи и отправлены въ Тверь, а домъ его и дворъ отданы были на разгромъ и разграбленіе (въ маѣ 1215 г.). Какъ долго Я. Н. пробылъ въ ссылкѣ, опредѣлить точно нѣтъ возможности, но въ 1219 г. онъ уже находился въ Новгородѣ и занималъ ту же должность тысяцкаго. Въ этомъ году, во время особенно обострившейся борьбы между сторонниками линіи суздальскихъ князей и Ольговичей, онъ наряду съ извѣстнымъ посадникомъ Твердиславомъ Михайловичемъ былъ обвиненъ въ томъ, что посовѣтовалъ суздальскимъ князьямъ Юрію II и Ярославу не пропускать черезъ свои владѣнія новгородца Семена Эмина, который съ 400 дружины былъ посланъ новгородцами въ походъ на Тоймаканы (на Сѣверн. Двинѣ). По новому вѣчевому приговору должность тысяцкаго у него была отнята и отдана его противнику, Семену Эмину. Однако, въ концѣ того же года, когда симпатіи новгородцевъ обратились вновь къ князьямъ суздальскимъ, которыхъ Я. Н. всегда поддерживалъ, онъ въ третій разъ былъ избранъ въ посадники. Эта дата является послѣдней, когда Я. Н. вообще упоминается.

«Полное собр. русск. лѣтоп.», т.т. III, X.—«Первая Новгородская лѣтопись», М., 1781 г., стр. 94.—«Никоновская лѣтоп.», ч. II, Спб., 1795 г., стр. 318, 319. — «Продолж. Древн. Россійск. Вивліоѳ.», ч. II, Спб., 1786 г., стр. 468. — *Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о новгородскихъ посадникахъ», М., 1821, стр. 115—116, 121.—*Кн. Щербатовъ*, «Россійск. исторія», т. II, стр. 499 и 500.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійск.», изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. III, стр. 92, 105, пр. 161, 182.

Н. Сербовъ.

Якунъ (*Слѣпой*), варяжскій витязь. Академикъ Баеръ считаетъ его сыномъ шведскаго короля Олафа—Іаковомъ—и, слѣдовательно, шуриномъ великаго князя Ярослава Владиміровича Мудраго. Послѣдній въ 1024 г. призвалъ его къ себѣ изъ-за моря на помощь противъ брата Мстислава Тмутороканскаго. Я. явился съ варяжской дружиной и вмѣстѣ съ полками Ярослава

вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ противниковъ при Лиственѣ, на берегу Руды, и въ бурную ночь, во время сильной грозы, неожиданно напалъ на нихъ. Главныя силы Мстислава были направлены противъ варяговъ; подъ предводительствомъ своего храбраго вождя дружинники Я. бились мужественно, но Мстиславъ одолѣлъ. Варяги, утомленные продолжительной битвой, отступили. Я. вмѣстѣ съ Ярославомъ бѣжалъ въ Новгородъ, откуда потомъ отправился за море и тамъ, по указанію лѣтописи, умеръ.

Относительно прозвища Я. *Слѣпымъ* мнѣнія изслѣдоватей нашей лѣтописи расходятся. Карамзинъ, разбирая лѣтописное извѣстіе о томъ, что Я. «бѣ слѣпъ, луда бѣ у него золотомъ исткана», дѣлаетъ выводъ, что варяжскій витязь, вслѣдствіе плохого зрѣнія, носилъ на больныхъ глазахъ повязку (луду), для защиты отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и вѣтра. Эту повязку во время бѣгства съ поля битвы онъ, по указанію лѣтописца-же, потерялъ: «Ту (т. е. при Лиственѣ), говоритъ онъ,— отбѣже Якунъ луды златѣ.» Согласно этому объясненію, прозвище Я. *Слѣпымъ* является вполнѣ естественнымъ. Но позднѣйшіе комментаторы лѣтописи (см. новое изд. Лаврентьевской лѣтописи) самое слово «слѣпъ» читаютъ «сь лѣпъ» и переводятъ его словомъ—красивъ; подъ лудой же златотканной понимаютъ одежду, плащъ. Такое-же толкованіе слова «луда» въ этомъ случаѣ встрѣчается и въ новыхъ изданіяхъ «Кіевскаго Патерика», хотя тотъ же «Патерикъ» въ сказаніи о церкви Печерской упоминаетъ о варягѣ Симонѣ, пришедшемъ служить на Русь послѣ того, какъ былъ изгнанъ изъ своего отечества дядею своимъ Якуномъ Слѣпымъ.

Полное соб. Рус. Лѣтоп., т. I, стр. 64; т. II, стр. 265; т. V, стр. 135; т. VII, стр. 329.— *Н. М. Карамзинъ,* «Исторія Государства Россійкаго», т. II, стр. 23, 43; прим. 27, 60; прибав. къ т. VIII, стр. 144. — *Баеръ* въ «Коммент. Акад.», т. VI, стр. 291.

А. Г.

Якутовичъ, *Эдуардъ Викентьевичъ,* инженеръ-технологъ. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Я. занимался изученіемъ содоваго производства, а затѣмъ съ 1871 г. посвятилъ себя всецѣло служенію въ Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, завѣдуя его музеемъ и физическою станціею. Въ то время, при дѣятельномъ соучастіи Е. И. В. Николая Максимиліановича герцога Лейхтенбергскаго, П. А. Кочубей организовалъ въ Соляномъ городкѣ техническій отдѣлъ музея прикладныхъ знаній. Я., совмѣстно съ Зерновымъ, занялся усердно собираніемъ техническихъ коллекцій, ихъ систематизированіемъ, составленіемъ программъ и серіи популярныхъ объяснительныхъ каталоговъ. Его ясныя, толковыя объясненія каллекцій музея составили ему имя и привлекали массу учащихся. Скончался Я. 12 марта 1885 г., на 36 году отъ рожденія.

«Новое Время», 1885 г., № 3249.—Календарь А. Суворина на 1886 г., стр. 268.

Якушевъ, *Василій Александровичъ,* членъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, духовный писатель, умеръ 14 августа 1881 года въ Москвѣ. Сынъ сельскаго діакона, Я. первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ Донскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Московской духовной семинаріи. Окончивъ семинарію однимъ изъ первыхъ, Я. намѣревался продолжать свое образованіе въ духовной академіи, но матеріальная необезпеченность его родителей заставила его забыть объ этомъ намѣреніи и поступить (въ 1859 году) на должность преподавателя Донского духовнаго училища. Въ этой должности Я. выказалъ блестящія педагогическія способности: въ высшей степени аккуратный, исполнительный, онъ всегда умѣлъ заинтересовать учащихся преподаваемымъ предметомъ и сдѣлать для нихъ малопонятное легкимъ и доступнымъ; его ученики оказывались всегда лучшими въ училищѣ. Должность преподавателя Я. занималъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, послѣ чего опредѣлился на должность діакона Московской Николаевской, что на Пупышахъ, церкви, гдѣ и оставался до самой смерти. Будучи отъ природы развитымъ человѣкомъ, Я. былъ большимъ любителемъ серьезнаго чтенія и не жалѣлъ своихъ скудныхъ средствъ на пріобрѣтеніе книгъ. Свою литературную дѣятельность Я. началъ съ небольшихъ замѣтокъ и сообщеній, печатавшихся имъ въ «Московскихъ Епархіальныхъ (впослѣдствіи Церковныхъ) Вѣдомостяхъ», въ которыхъ сотрудничалъ въ общемъ приблизительно десять лѣтъ. Впо-

слѣдствіи онъ сталъ помѣщать здѣсь же серьезныя статьи по разнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ, привлекавшія къ себѣ широкое вниманіе читателей. Эти статьи настолько распространили извѣстность Я., что не только духовныя, но и нѣкоторыя свѣтскія періодическія изданія предлагали ему сотрудничество. Какъ членъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Я. не мало потрудился для этого Общества, членомъ котораго онъ состоялъ въ теченіе десяти лѣтъ.

«Московскія Церковныя Вѣдомости», 1881 г., № 35, стр. 485—486.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. I (Спб., 1885 г.).

В. Грековъ.

Якушкина, *Елизавета Мардарьевна*, помѣщица, вдова врача В. И. Якушкина. Выросши въ деревнѣ, Я. уже съ первыхъ проявленій сознательнаго отношенія къ жизненнымъ вопросамъ обнаружила свою наклонность вникать въ дѣла и интересы народа. За эту черту она сдѣлалась общей любимицей крѣпостныхъ своего отца. По смерти своей единственной дочери, а потомъ и мужа она очутилась одна среди того народа, которому помогала еще въ дѣвушкахъ. Сознавая его нужды, Я. направила теперь на него всѣ свои силы. Въ продолженіе 20-ти слишкомъ лѣтъ она непрерывно вела организованную на собственныя средства двухклассную школу въ сельцѣ Старухинѣ, въ которой учились и воспитывались мальчики и дѣвочки всѣхъ окружныхъ селъ и деревень. Насколько Старухинская школа была выше другихъ и насколько ей отдавалось предпочтеніе крестьянами, видно изъ того, что въ сельцѣ Старухинѣ квартировали ребята—ученики изъ сосѣднихъ селъ, чтобы только учиться у Я. Кромѣ школы, въ которой подъ личнымъ руководствомъ ея, рядомъ съ общими предметами, преподавались ученикамъ и другія первоначальныя свѣдѣнія по исторіи, географіи, физикѣ и т. д., Я. устраивала у себя частныя чтенія для взрослыхъ крестьянъ, которыя охотно посѣщались ими. Она постоянно заботилась также и о матеріальныхъ нуждахъ народа. Ею было организовано ссудо-сберегательное товарищество въ сельцѣ Старухинѣ, но она помогала крестьянамъ, когда было нужно, и другими самыми разнообразными средствами: и совѣтами, и лѣкарствами, и деньгами, и хлѣбомъ, ведя въ то же время скромную деревенскую жизнь. Жизнь ея была непрерывнымъ подвигомъ, и сознаніе этого вселяло въ знавшихъ ее чувство глубокаго къ ней уваженія. Умерла Я. 26 февраля 1893 г. въ своемъ родовомъ имѣніи, сельцѣ Старухинѣ.

«Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 69.—«Новое Время», 1893 г., № 6122.—«Всемірная Иллюстрація, 1893 г., № 1261.

Якушкинъ, *Иванъ Дмитріевичъ*—одинъ изъ наиболѣе выдающихся декабристовъ; родился въ ноябрѣ 1793 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ отца подъ руководствомъ русскихъ отставныхъ офицеровъ и гувернеровъ-иностранцевъ; въ 1808 г. онъ поселился въ Москвѣ, въ семьѣ извѣстнаго писателя и поэта Мерзлякова, о которомъ навсегда сохранилъ самыя теплыя воспоминанія и наилучшую память. Въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ Я., живя у Мерзлякова, числился студентомъ на словесномъ факультетѣ Московскаго университета и усердно посѣщалъ лекціи наиболѣе выдающихся профессоровъ, въ томъ числѣ самого Мерзлякова по русской словесности и Каченовскаго—по русской исторіи. Выйдя изъ университета, Я. въ 1811 г. переселился въ Петербургъ и поступилъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. и, между прочимъ, сражался въ битвѣ подъ Бородинымъ. Заграничные походы, открывшіе передъ Я. довольно рѣзко отличавшіяся отъ русскихъ соціальныя и политическія условія, оказали на него сильное вліяніе. Вопросъ о томъ, въ какой степени пребываніе за границей и связанныя съ этимъ новыя впечатлѣнія оказали вліяніе на выработку міросозерцанія будущихъ членовъ тайныхъ обществъ и союзовъ, въ послѣднее время историками декабристовъ рѣшается далеко не столь категорически въ положительномъ смыслѣ, какъ даже нѣсколько лѣтъ назадъ; по крайней мѣрѣ этому фактору не приписывается теперь главной и рѣшающей роли. Однако въ отношеніи Я. это вліяніе, при томъ весьма значительное, остается фактомъ безспорнымъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній на слѣдствіи по дѣлу Тайнаго общества онъ самъ это призналъ въ слѣдующихъ выраже-

ніяхъ: «Пребываніе во время похода заграницей, вѣроятно, въ первый разъ обратило вниманіе мое на составъ общественный въ Россіи и заставило видѣть въ немъ недостатки. По возвращеніи изъ-за границы крѣпостное состояніе людей представилось мнѣ, какъ единственная преграда сближенію всѣхъ сословій и вмѣстѣ съ симъ общественному образованію въ Россіи», а затѣмъ добавляетъ, что пребываніе въ различныхъ русскихъ губерніяхъ и наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ еще болѣе укрѣпили въ немъ мысль о ненормальности крѣпостного строя. Въ другомъ мѣстѣ, именно въ своихъ запискахъ, Я. еще опредѣленнѣе подчеркиваетъ вліяніе западно-европейскихъ условій, и не только на него, но и на своихъ товарищей по дѣлу: «Каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ за это время», пишетъ онъ. Первый кружокъ, въ составъ котораго вошелъ Я., носилъ самый невинный характеръ. Около 20-ти офицеровъ Семеновскаго полка въ 1815 г. составили нѣчто въ родѣ артели, чтобы имѣть возможность вмѣстѣ обѣдать и незамѣтно убивать время послѣобѣденныхъ часовъ игрой въ шахматы, чтеніемъ вслухъ иностранныхъ газетъ, пріятельскими бесѣдами и пр. Однако артель, просуществовавъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, должна была прекратить свое существованіе, такъ какъ государь, узнавъ о ней, выразился, что «такого рода сборища ему очень не нравятся».

Въ 1816 г. Я. совмѣстно съ Александромъ Николаевичемъ и Никитой Михайловичемъ Муравьевыми, княз. Сергѣемъ Петровичемъ Трубецкимъ и Матвѣемъ и Сергѣемъ Ивановичами Муравьевыми-Апостолами основали тайное общество подъ названіемъ: «Союзъ спасенія» или «Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Побудительной причиной для возникновенія этого общества, какъ объяснилъ ее въ своемъ слѣдственномъ показаніи Я., было «усмотрѣніе безчисленныхъ неустройствъ въ Россіи», какъ слѣдствіе условій политическихъ и соціальныхъ, коренившихся, по мнѣнію Я., въ томъ, что всѣ «частные люди» заботятся исключительно о личныхъ выгодахъ и совершенно игнорируютъ общественное благосостояніе». Возникшее общество поставило своей ближайшей цѣлью «обратить, сколько возможно, вниманіе каждаго къ выгодамъ общественнымъ и тѣмъ самымъ образовать мнѣніе общее». Этими, довольно растяжимыми чертами обрисованы цѣли общества въ показаніяхъ его членовъ передъ слѣдственной коммиссіей. Говоря же болѣе точно, всѣхъ членовъ союза спаяла воедино общая имъ всѣмъ ненависть прежде всего къ крѣпостному режиму, затѣмъ къ такимъ ненормальностямъ государственной жизни, какъ крайняя продолжительность 25-тилѣтней службы солдатъ, жестокое обращеніе съ ними начальства всѣхъ ранговъ, чрезмѣрное и нецѣлесообразное утомленіе войскъ шагистикой, повсемѣстное и ничѣмъ неприкрытое лихоимство чиновниковъ и пр. Соотвѣтственно воззрѣніямъ членовъ союза, всѣ эти и другія ненормальности могутъ быть уничтожены лишь введеніемъ въ Россіи представительнаго правленія, и это стремленіе, извѣстное лишь членамъ высшей, такъ называемой, четвертой степени, и было главной цѣлью общества. Въ его уставѣ прямо было сказано, что если царствующій императоръ «не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ самодержавія». Несомнѣнно, что основанію союза въ извѣстной степени содѣйствовалъ—это признаетъ самъ Я.—также и «примѣръ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ сильное вліяніе во многихъ государствахъ, особенно въ Швеціи и Пруссіи».

Столичная жизнь, въ которой, какъ въ фокусѣ, отражались всѣ недостатки тогдашней русской дѣйствительности, сдѣлалась постепенно для Я. все болѣе и болѣе невыносимой, и онъ искалъ лишь повода къ тому, чтобы покинуть Петербургъ. Въ 1816 г. усиленно стали говорить о возможности войны съ Турціей, и Я. воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить о переводѣ въ какой-либо полкъ, поближе расположенный къ возможному театру военныхъ дѣйствій. Просьба его была удовлетворена, и Я. перешелъ въ 37-й егерскій полкъ, стоявшій въ Черниговской губерніи и находившійся подъ командою его знакомаго М. А. Фонъ-Визина. По дорогѣ въ полкъ онъ заѣхалъ въ свое имѣніе (въ Смоленской губ.), которымъ управлялъ его дядя, и объявилъ послѣднему, что желаетъ освободить своихъ крестьянъ; для того времени такая идея была настолько непонятной и но-

вой, особенно въ провинціальной глуши, что дядя заподозрилъ племянника въ сумасшествіи. Въ своемъ начальникѣ, Фонъ-Визинѣ, Я. нашелъ родственныя своимъ мысли, въ самомъ скоромъ времени тѣсно съ нимъ сблизился и сообщилъ ему о существованіи тайнаго общества, къ которому тотъ изъявилъ желаніе присоединиться. Въ началѣ 1817 г. егерскій полкъ былъ переведенъ въ Московскую губ., а самъ Я. переселился въ Москву. Здѣсь онъ получилъ уставъ Союза спасенія, въ окончательной редакціи котораго принималъ участіе вступившій въ общество П. И. Пестель, наложившій свою суровую печать на многіе его пункты. Нѣкоторые изъ послѣднихъ Я. рѣшительно не понравились; особенно возсталъ онъ противъ заимствованныхъ изъ массонскихъ статутовъ суровыхъ угрозъ за измѣну и разглашеніе тайны, а также противъ торжественныхъ клятвъ, которыя требовались отъ вступающихъ въ общество, и, наконецъ, противъ требовавшагося уставомъ слѣпого подчиненія и повиновенія членовъ низшихъ ступеней так. наз. «боярамъ», составлявшимъ высшую степень. Его недовольство уставомъ раздѣляли и другіе члены общества, и на одномъ изъ московскихъ совѣщаній, въ августѣ 1817 г., рѣшено было приступить къ составленію новыхъ статутовъ, руководствуясь уставомъ нѣмецкаго «Tugendbund'а» (Союзъ добродѣтели).

Засѣданія членовъ общества въ Москвѣ происходили довольно регулярно. На одномъ изъ нихъ, состоявшемся осенью 1817 г. въ квартирѣ Александра Николаевича Муравьева, произошелъ инцидентъ, имѣвшій позже печальныя послѣдствія для Я. Хозяинъ квартиры прочелъ полученное имъ отъ кн. Трубецкого изъ Петербурга письмо съ извѣстіемъ, что государь собирается отдѣлить нѣкоторыя земли отъ Россіи, присоединить ихъ къ Польшѣ и перенести столицу въ Варшаву. А. Муравьевъ первый высказалъ мысль, что царствованіе Александра должно быть прекращено насильственно, и предложилъ бросить жребій, кому именно изъ членовъ общества слѣдуетъ нанести ударъ государю. Самолюбивый и гордый Я., въ извѣстной степени страдавшій страстью къ отличіямъ, заявилъ, что онъ готовъ принести себя въ жертву безъ всякаго жребія. Намѣреніе это настолько крѣпко засѣло въ головѣ Я., что уговоры Фонъ-Визина отказаться отъ него не имѣли никакого результата. Когда же собравшіеся на другой день члены общества отмѣнили свое предыдущее постановленіе и пришли къ заключенію, что смерть государя въ настоящее время не можетъ быть полезна для государства и что упорство Я. можетъ повредить цѣлямъ союза,—онъ отъ своего намѣренія отказался, но вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ изъ организаціи. Впослѣдствіи онъ вновь вступилъ въ нее, когда она носила уже другое названіе—Союза благоденствія.

Между тѣмъ военная карьера окончательно стала ненавистной Я.; въ 1817 г. онъ вышелъ въ отставку и отдался всецѣло осуществленію въ жизни своихъ убѣжденій въ томъ, конечно, масштабѣ, который былъ ему доступенъ непосредственно. Переѣхавъ въ свое небольшое имѣніе, въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, онъ тотчасъ отмѣнилъ отяготительные для крестьянъ поборы натурой, шедшіе въ пользу помѣщика, на половину уменьшилъ господскую запашку, предоставилъ своимъ крѣпостнымъ судить и наказывать виновныхъ изъ ихъ среды по приговору схода домохозяевъ, отпустилъ на волю тѣхъ крестьянъ, которые давно оторвались отъ земли и гдѣ-либо на сторонѣ занимались другими дѣлами—въ томъ числѣ двухъ музыкантовъ, игравшихъ въ оркестрѣ графа Каменскаго, за которыхъ послѣдній предлагалъ ему 4000 р.,—сталъ учить грамотѣ 12 мальчиковъ и пр. Чтобы освободить всѣхъ крестьянъ, нужно было спеціальное разрѣшеніе правительства. Съ цѣлью получить его, Я. въ 1819 г. отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву записку, въ которой совѣтовалъ другимъ, а также и съ своей стороны выражалъ готовность освободить крѣпостныхъ безплатно, уступивъ имъ безвозмездно усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ; пахотная же земля, по его предложенію, должна была оставаться собственностью помѣщика и воздѣлываться крестьянами на арендныхъ условіяхъ, добровольно заключенныхъ между ними и владѣльцемъ. Въ той же запискѣ Я., какъ сторонникъ общиннаго землевладѣнія, предлагалъ разрѣшить цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ покупать замлю сообща. Министръ Козодавлевъ предписалъ вяземскому предводителю дворянства

болѣе точно узнать у Я. условія, на которыхъ онъ желаетъ освободить своихъ крѣпостныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опросить и крестьянъ, согласны ли они принять условія помѣщика. Когда крестьяне изъ устъ Я. услышали, что земля остается въ собственности помѣщика, они рѣшительно предпочли старое состояніе. Такимъ образомъ попытка Я. потерпѣла неудачу. Не болѣе счастливо окончилась и вторая подобная же попытка, сдѣланная Я. при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубеѣ. Впослѣдствіи Я. призналъ ошибочность своего взгляда о полезности освобожденія крестьянъ съ одною усадебною землею. Тогда же онъ полагалъ, что крестьяне со временемъ улучшатъ свое положеніе, найдутъ возможность платить ему оброкъ, часть котораго будетъ засчитываться въ качествѣ платы за землю, и такимъ образомъ постепенно они пріобрѣтутъ въ собственность ту землю, которой они до тѣхъ поръ пользуются на условіяхъ аренды. Скоро Я. пришелъ къ убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ не можетъ совершиться путемъ договоровъ каждаго частнаго помѣщика со своими крѣпостными, что оно должно быть проведено государственной властью, и въ 1825 г. онъ занимался уже вычисленіями тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя потребовались бы правительству для осуществленія этой мѣры.

Въ Союзѣ благоденствія Я. состоялъ членомъ его коренного совѣта; по рекомендаціи Я. въ это общество были приняты Пассекъ, Граббе и Чаадаевъ. Въ 1820 г. онъ, видя кругомъ себя всяческія притѣсненія крестьянъ со стороны администраціи, написалъ проектъ адреса императору Александру I, въ которомъ яркими красками изобразилъ тяжелыя условія крестьянской жизни, описалъ всѣ бѣдствія Россіи и просилъ государя созвать, по примѣру его предковъ, земскую думу. За подписями подъ адресомъ онъ обратился къ членамъ Союза благоденствія, но нѣкоторые изъ послѣднихъ убѣдили его въ томъ, что подачею такого адреса былъ бы уничтоженъ весь союзъ. Въ концѣ того же 1820 г. Я. ѣздилъ въ Тульчинъ для приглашенія депутатовъ отъ тамошняго отдѣленія общества на особый съѣздъ, который и состоялся въ началѣ слѣдующаго года въ Москвѣ при наличіи около 20 членовъ. Въ виду того, что до свѣдѣнія правительства дошли слухи о существованіи Союза благоденствія, то на Московскомъ съѣздѣ рѣшено было распустить его; постановленіе принято было однако лишь для видимости, съ исключительной цѣлью ввести въ заблужденіе ненадежныхъ членовъ и избавиться отъ нихъ. Я. попрежнему остался въ коренномъ совѣтѣ тайнаго общества.

Борьба Греціи за независимость настолько увлекла Я., что въ серединѣ 1821 г. онъ питалъ серьезное намѣреніе отправиться туда и стать въ ряды сражавшихся противъ турецкаго гнета; но въ этомъ году Смоленскую губернію посѣтилъ сильный неурожай, и Я. вмѣстѣ съ Мих. Никол. Муравьевымъ и Фонъ-Визинымъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на собираніе денежныхъ средствъ для голодающихъ крестьянъ и свѣдѣній о плачевномъ ихъ положеніи. Эти свѣдѣнія послужили матеріаломъ для составленія коллективнаго заявленія, которое содержало въ себѣ картину бѣдственнаго положенія края и за подписью нѣсколькихъ десятковъ дворянъ Рославльскаго уѣзда было послано министру внутреннихъ дѣлъ; это вызвало командировку въ Смоленскую губернію сенатара Мертваго съ полномочіемъ израсходовать на смягченіе нужды милліонъ рублей.

1822 г. Я. прожилъ большею частью въ Москвѣ и былъ завсегдатаемъ на частыхъ вечернихъ собраніяхъ у Фонъ-Визина, на которыхъ, по словамъ одного изъ ихъ посѣтителей, Муромцева, всегда велись «тайные» разговоры, осуждалось правительство, писались проекты перемѣны администраціи и высказывались помысли о «низверженіи настоящаго порядка вещей». Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ Я. стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ тайнаго общества, лишь издали интересуясь его жизнью и развитіемъ. Отчасти этому содѣйствовала его женитьба въ концѣ 1822 г. на молоденькой дѣвушкѣ, Шереметевой, въ имѣніи матери которой онъ поселился и весьма уединенно прожилъ тамъ болѣе года; отчасти же причиной сдержанности Я. было полученное имъ отъ Н. И. Тургенева письмо съ совѣтомъ быть какъ можно осторожнѣе, такъ какъ государь въ одномъ изъ разговоровъ по поводу тайнаго общества сказалъ о его членахъ: «Эти люди могутъ, кого хотятъ, возвысить или уронить въ общемъ

мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства; въ прошломъ году, во время неурожая въ Смоленской губерніи, они кормили цѣлые уѣзды»,—при чемъ въ числѣ другихъ лицъ называлъ и Я. Лишь въ концѣ 1825 г. онъ вновь сталъ проявлять дѣятельность въ качествѣ члена союза. Въ началѣ декабря этого года онъ выѣхалъ въ Москву, по дорогѣ куда узналъ о кончинѣ Александра I. Здѣсь онъ нашелъ нѣсколькихъ членовъ Сѣвернаго общества, принималъ участіе въ ихъ собраніяхъ, и когда изъ Петербурга было получено извѣстіе, что тамошніе члены общества рѣшили сами не присягать и не допустить къ присягѣ также и гвардейскіе полки, то Я. первый подалъ мысль попытаться вызвать возстаніе и среди московскихъ войскъ.

Отъ принесенія присяги новому императору Я. отказался 10 января 1826 г.; онъ былъ арестованъ, а черезъ четыре дня съ него былъ снятъ уже первый допросъ генер.-адъют. Левашевымъ. Вначалѣ онъ отказывался отвѣчать на предложенные ему вопросы; когда же узналъ, что слѣдственной власти извѣстно его намѣреніе въ 1817 г. покуситься на жизнь государя, то былъ настолько пораженъ этимъ обвиненіемъ изъ далекаго прошлаго, что невольно призналъ его справедливость; не сталъ онъ послѣ этого отрицать и главной цѣли тайнаго общества—замѣны самодержавія конституціоннымъ режимомъ; подтвердилъ также и то, что общество старалось склонить помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ, имѣя въ виду, что если этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ мирнымъ путемъ, то сама жизнь разрѣшитъ его насильственнымъ образомъ. Лишь въ одномъ Я. остался непоколебимымъ и непреклоннымъ — въ нежеланіи назвать имена своихъ товарищей. Ни угрозы Левашева пыткой, ни допросъ, произведенный ему лично государемъ, не произвели на него желаннаго дѣйствія. «Если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались, какъ съ свиньей—сказалъ ему государь,—то вы должны во всемъ признаться».—«Я далъ честное слово никого не называть», отвѣтилъ Я. «Что вы мнѣ съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ!», вспылилъ императоръ; когда же Я. вновь отказался кого-либо назвать, онъ закричалъ: «Заковать его такъ, чтобы онъ пошевельнуться не могъ!»—и собственноручно написалъ на имя коменданта Петропавловской крѣпости Сукина повелѣніе, въ которомъ было сказано: «Присылаемаго Якушкина заковать въ ножныя и ручныя желѣза, поступать съ нимъ строго и не иначе содержать, какъ злодѣя». Закованный въ кандалы, Я. былъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ. Его подвергли исключительно суровому тюремному режиму; сначала его совсѣмъ не кормили, затѣмъ одинъ разъ дали ему щей, а потомъ вмѣсто обѣда стали приносить ему кусокъ чернаго хлѣба. На другой день послѣ заключенія его, по повелѣнію государя, посѣтилъ протоіерей Петропавловскаго собора, имѣя въ виду исповѣдать и причастить его, но Я. отказался отъ того и другого и заявилъ, что не считаетъ себя христіаниномъ; точно также онъ отказался бесѣдовать на религіозныя темы съ протоіереемъ Казанскаго собора, Мысловскимъ, и лишь недѣли черезъ двѣ согласился исповѣдаться и причаститься. Однажды часовой передалъ Я., по порученію какого-то офицера, булку съ просьбой съѣсть ее всю, дабы не оставить крошекъ и тѣмъ самымъ не вызвать у администраціи излишнія подозрѣнія. Булка была съѣдена, но отъ чрезмѣрнаго ли предшествовавшаго голоданія или по другимъ причинамъ Я. вскорѣ почувствовалъ острыя боли въ желудкѣ и его начало рвать. На слѣдующій день онъ былъ освидѣтельствованъ докторомъ, затѣмъ явился комендантъ крѣпости и сталъ уговаривать его назвать своихъ товарищей, но успѣха не имѣлъ; несмотря на это, ему начали выдавать горячую пищу. Особенно тягостно было для заключеннаго запрещеніе переписываться съ родными; только въ началѣ февраля онъ получилъ, наконецъ, одно письмо отъ жены. 5-го числа того же мѣсяца онъ первый разъ былъ допрошенъ слѣдственной комиссіей; подтвердивъ свои предыдущія показанія, онъ и на этотъ разъ наотрѣзъ отказался назвать имена извѣстныхъ ему членовъ общества. Однако тюрьма, разлука съ близкими людьми и страданія отъ тяжелыхъ оковъ привели Я. къ такому состоянію, что его стойкость поколебалась, и 13 февраля, послѣ тяжелыхъ, душевныхъ мукъ, онъ отправилъ въ слѣдственную комиссію заявленіе, что готовъ отвѣчать на всѣ вопросы. На вторичномъ допросѣ онъ назвалъ имена лишь тѣхъ членовъ общества, которые, по его свѣдѣніямъ, уже

были извѣстны комиссіи, да еще умершаго незадолго до этого генерала Пассека, которому, конечно, нельзя было повредить, и П. Я. Чаадаева, жившаго въ то время за границей. Но и въ этотъ разъ его гораздо болѣе тревожила судьба другихъ, чѣмъ собственная. На одно изъ московскихъ собраній, происходившее 18 декабря 1825 г. въ домѣ Митькова, Я. привелъ съ собою нѣкоего Муханова, который предложилъ присутствовавшимъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы освободить изъ крѣпости арестованныхъ членовъ общества и убить государя. Когда Я. попросили разсказать объ этомъ инцидентѣ, то онъ изобразилъ все дѣло такъ, что истиннымъ виновникомъ въ данномъ случаѣ является онъ самъ, а вскорѣ послѣ допроса послалъ въ слѣдственную комиссію слѣдующее заявленіе: «...По разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ я чувствую, что во всемъ семъ происшествіи я болѣе всѣхъ виновенъ, ибо я привезъ къ полковнику Митькову штабсъ-капитана Муханова, не бывъ почти съ нимъ знакомъ, безъ чего, вѣроятно, Мухановъ не подвергъ бы себя отвѣтственности за нѣсколько пустыхъ и необдуманныхъ словъ». Помимо этого, онъ написалъ также письмо къ государю, въ которомъ просилъ подвергнуть его одного наказанію за произнесенныя Мухановымъ слова. «Пусть узы мои стѣснятся, пусть буду я осужденъ къ наистрожайшему наказанію», писалъ онъ, «лишь бы не терзалъ мою совѣсть упрекъ, что малодушіемъ своимъ или неосторожностью ввергъ другихъ въ несчастіе».

Послѣ признанія Я. участь его значительно была облегчена. 18 апрѣля съ него были сняты ножныя оковы, а въ день Пасхи сбиты и наручники. Въ маѣ ему было разрѣшено свиданіе съ тещею, а въ іюнѣ по Высочайшему разрѣшенію, послѣдовавшему на прошеніе жены Я.,— съ нею и двумя малолѣтними дѣтьми. По рѣшенію Верховнаго уголовнаго суда, онъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 г.» и «участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей»; отнесенный къ первому разряду преступниковъ, онъ присужденъ былъ къ 20-лѣтней каторгѣ и, по ея отбытіи, къ вѣчному поселенію въ Сибири. Послѣдовавшимъ 22 августа 1826 г. указомъ срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ ему до 15-ти лѣтъ; тогда же его перевели изъ Алексѣевскаго равелина въ финляндскую крѣпость Роченсальмъ, въ которой онъ просидѣлъ до ноября 1827 г., когда былъ отправленъ въ тяжелыхъ оковахъ въ Сибирь. Въ Ярославлѣ ему было разрѣшено свиданіе съ родными. Узнавъ, что его женѣ разрѣшено слѣдовать за нимъ, но въ томъ же отказано его дѣтямъ и тещѣ, Я. убѣдилъ и жену не разлучаться съ ними. Въ декабрѣ 1827 г. Я. прибылъ въ Читу, гдѣ находилось уже около 60 декабристовъ; работа, за которую онъ былъ засаженъ, состояла въ размалываніи на ручной мельницѣ хлѣба и продолжалась полтора часа ежедневно; крѣпость настолько изнурила Я., что онъ не въ состояніи былъ выполнить даже и этого урока и принужденъ былъ нанимать вмѣсто себя сторожа.

Въ 1830 г. Я. былъ переведенъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, гдѣ много занимался ботаникой и даже составилъ по особому плану и новой методѣ учебникъ географіи. Еще до этого, именно въ 1828 г., его теща обратилась къ В. А. Жуковскому, а тотъ, въ свою очередь, къ кн. А. Н. Голицыну съ просьбой ходатайствовать предъ государемъ о разрѣшенія ѣхать къ Я. его женѣ и дѣтямъ. Вскорѣ отъ Дибича получилось увѣдомленіе, что государь разрѣшилъ женѣ ѣхать, но приказалъ поставить ей на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа она будетъ лишена возможности дать дѣтямъ удовлетворительное воспитаніе и потому должна «предварительно размыслить о всѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія». Болѣзнь ребенка заставила ее отложить поѣздку до лѣта. Между тѣмъ о разрѣшеніи ѣхать къ своимъ мужьямъ стали просить и жены нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ. Результатъ получился неожиданный: не только имъ было отказано, но и разрѣшеніе, данное женѣ Я., также было взято обратно. Новыя ходатайства тещи Я., неоднократно съ этой цѣлью ѣздившей въ Петербургъ, кончались неудачей. Въ февралѣ 1832 г. жена Я. лично ѣздила въ Петербургъ и просила хотя бы ей одной, безъ дѣтей, уѣхать къ мужу. Только въ ноябрѣ того же года она получила слѣдующій отвѣтъ: «Сначала дозволено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за своими мужьями», но такъ какъ Якушкина въ свое

время этимъ не воспользовалась, то теперь поѣздка ей не можетъ быть разрѣшена; мать нужна своимъ дѣтямъ и «для нихъ должно пожертвовать желаніемъ видѣться съ мужемъ». Осталось послѣднее средство—подать прошеніе на Высочайшее имя, что Якушкина и сдѣлала въ концѣ 1832 г. Черезъ шефа жандармовъ она получила слѣдующій отвѣтъ: «Его Величество повелѣлъ изъявить вамъ свое удовольствіе за намѣреніе ваше посвятить себя воспитанію двухъ вашихъ сыновей, бывъ удостовѣренъ, что нынѣ въ нѣжномъ возрастѣ они нигдѣ не могутъ найти того попеченія, а впослѣдствіи того образованія, какое обрѣтутъ подъ собственнымъ и непосредственнымъ надзоромъ вашимъ. Что же принадлежитъ до изъявленнаго вами желанія ѣхать къ мужу своему въ Сибирь, то на сіе Его Величество рѣшительно отозваться изволилъ, что сіе вамъ разрѣшено быть не можетъ». Когда же Я. было сообщено, что его сыновья могутъ быть приняты въ корпусъ малолѣтнихъ, а оттуда поступить въ Царскосельскій лицей, то онъ отклонилъ эту милость, такъ какъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, по его мнѣнію, было бы непростительно. Съ другой стороны, онъ убѣдилъ жену оставить всякія попытки добиться разрѣшенія поѣздки въ Сибирь, покориться обстоятельствамъ и отдаться воспитанію дѣтей, что она и сдѣлала, поселившись въ посадѣ Троицко-Сергіевской лавры, гдѣ при помощи учителей мѣстной духовной академіи продолжала обученіе дѣтей, начатое ею самою.

По указу отъ 14 декабря 1835 г. Я. былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и оставленъ на вѣчное поселеніе. Мѣстомъ его поселенія былъ назначенъ глухой городишко Ялуторовскъ, Тобольской губ. Въ 1836 г. Синодъ разослалъ указы объ открытіи при церквахъ приходскихъ школъ, и Я. сталъ мечтать объ устройствѣ подобнаго училища, куда онъ могъ бы вложить свои бездѣятельныя силы. Однако осуществить свою мечту вслѣдствіе ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ ему удалось лишь въ 1842 г., и то лишь благодаря содѣйствію назначеннаго въ 1839 г. въ Ялуторовскъ молодого священника Знаменскаго. Осенью 1842 г. онъ открылъ мужскую школу. Несмотря на интриги смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища, губернаторъ и архіерей отнеслись къ учрежденію Я. вполнѣ сочувственно. Первый годъ въ школѣ обучали чтенію гражданской и церковной печати, письму и основнымъ дѣйствіямъ ариѳметики, при чемъ преподаваніе велось по Ланкастерскому методу взаимнаго обученія. Въ слѣдующемъ же году, когда Тобольская духовная семинарія разрѣшила учиться въ этой школѣ дѣтямъ духовнаго званія, программа ея была значительно расширена: было введено преподаваніе пространнаго катехизиса, русской грамматики, краткой священной исторіи, географіи, черченія, второй части ариѳметики и первой части латинской и греческой грамматикъ, а одно время преподавались даже русская исторія и начало алгебры, геометріи и механики. Какъ человѣкъ съ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, Я. съ полнымъ успѣхомъ лично преподавалъ большую часть указанныхъ предметовъ. Въ школѣ обучались преимущественно крестьянскія дѣти, изъ нихъ много сиротъ; всего въ мужское приходское училище съ 1842 по 1856 г. было принято 594 мальчика, изъ которыхъ окончили курсъ 531. Первые годы школа существовала исключительно на средства, жертвуемыя декабристами, но въ 1848 г., съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, она стала получать ежегодную помощь въ размѣрѣ 200 руб. изъ городскихъ средствъ. Послѣ того какъ въ 1846 г. умерла жена Я., онъ основалъ также женскую школу. За десятилѣтіе (1846—1856 гг.) въ нее было принято 240 дѣвочекъ, изъ которыхъ 192 окончили полный курсъ; большинство изъ нихъ не въ состояніи были вносить плату за ученіе (25 руб.), почему и эта школа могла существовать главнымъ образомъ на тѣ средства, которыя въ видѣ пожертвованій или взноса платы за бѣдныхъ давались декабристами, ихъ родственниками и знакомыми. Свои досуги отъ преподавательской дѣятельности Я. посвящалъ занятіямъ метеорологіей и ботаникой и за свои метеорологическіе опыты однажды чуть не поплатился жизнью: поставленный имъ на верху высокаго столба приборъ для измѣренія силы вѣтра суевѣрные крестьяне сочли за причину наступившей засухи, окружили домъ Я. и потребовали уничтоженія прибора, сопровождая свое требованіе угрозами. Упорный Я. отка-

зался подчиниться. Только благодаря вò-время подоспѣвшей полицейской власти и хлынувшему вскорѣ дождю, отрезвившему крестьянъ, ихъ угрозы не имѣли печальныхъ послѣдствій.

Въ 1854 г. Я. опасно заболѣлъ, вслѣдствіе чего получилъ разрѣшеніе провести четыре мѣсяца на минеральныхъ водахъ въ Забайкальскомъ краѣ. Оправившись отъ болѣзни, онъ переселился въ Иркутскъ, гдѣ жилъ въ семьѣ своихъ друзей Трубецкихъ. Вновь усилившаяся болѣзнь приковала Я. къ Иркутску на цѣлыхъ два года; у него были констатированы цынготныя язвы на ногахъ, хроническій ревматизмъ сочлененій, сильный геморрой и общее изнуреніе. Въ августѣ 1856 г. Я. узналъ о пріѣздѣ въ Ялуторовскъ вдовы Фонъ-Визина и поспѣшилъ повидаться съ нею. Манифестомъ 26 августа этого года онъ въ числѣ другихъ декабристовъ былъ освобожденъ отъ ссылки, но безъ права жить въ столичныхъ городахъ. Несмотря на этотъ запретъ, Я. первые дни послѣ пріѣзда въ Европейскую Россію провелъ именно въ Москвѣ, гдѣ онъ надѣялся скорѣе поправиться и гдѣ жилъ его старшій сынъ. Когда же послѣдній обратился къ шефу жандармовъ, кн. Долгорукову, съ просьбой разрѣшить его отцу остаться въ Москвѣ впредь до излѣченія, кн. Долгоруковъ, несмотря даже на подобную же просьбу и со стороны московскаго генералъ-губернатора, гр. Закревскаго, отвѣтилъ слѣдующимъ отказомъ: «Государю Императору благоугодно, чтобы на счетъ Якушкина и другихъ лицъ, судившихся по одному съ нимъ дѣлу, о которыхъ не состоялось до сего времени особаго распоряженія, были въ точности исполняемы правила, объявленныя при возвращеніи ихъ изъ Сибири, тѣмъ болѣе что они и въ губернскихъ городахъ, гдѣ изберутъ себѣ жительство, могутъ найти всѣ средства для пользованія отъ болѣзней». Вслѣдствіе этого отказа Я. принужденъ былъ немедленно выѣхать изъ Москвы; онъ поселился въ имѣніи своего прежняго сослуживца по Семеновскому полку Н. Н. Толстого, въ Тверскомъ уѣздѣ; болотистая и сырая мѣстность окончательно подорвала его здоровье, и въ іюнѣ 1857 г. старшій сынъ Я., несмотря на категорическій запретъ его отцу жить въ Москвѣ, вновь привезъ его туда,—уже въ ужасномъ состояніи. Генералъ-губернаторъ разрѣшилъ больному остаться въ столицѣ до 1 іюля, а затѣмъ, въ виду его опаснаго положенія, продлилъ разрѣшеніе на неопредѣленное время—до выздоровленія. Однако все было уже поздно, и 12 августа 1857. Я. скончался.

Въ 1855 г. онъ встрѣтился въ Иркутскѣ со своимъ другомъ С. П. Трубецкимъ (также декабристомъ) и по его настоянію принялся писать, вернѣе—диктовать свои воспоминанія. Первая часть его записокъ, доведенная до приговора 1826 г., была впервые напечатана въ Лондонѣ (1862 г.), а потомъ перепечатана въ Лейпцигѣ («Международная Библіотека», т. IV, изд. 2, 1875 г.). Вторая часть, оканчивающаяся переѣздомъ изъ Петровскаго завода въ Ялуторовскъ, помѣщена въ «Русск. Архивѣ» (1870 г.). «Записки» Я. изданы полностью впервые въ Россіи въ 1905 году и быстро разошлись въ 3-хъ изданіяхъ. Добросовѣстность и достовѣрность его «Записокъ» не подлежатъ никакому сомнѣнію; онѣ составляютъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ для изученія движенія, получившаго впослѣдствіи названіе «декабристскаго». О нравственныхъ качествахъ Я. всѣ, знавшіе его, единогласно отзываются въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. «Онъ былъ неумолимъ къ себѣ за малѣйшее отступленіе отъ того, что признавалъ своимъ долгомъ», говоритъ декабристъ Свистуновъ, но рѣдко можно было встрѣтить человѣка, «который бы оказывалъ ближнему столько терпимости и снисходительности». Отзывъ другого декабриста, Е. П. Оболенскаго, еще ярче: «Если можно назвать кого-нибудь, кто осуществилъ нравственную цѣль и идею тайнаго общества, то безъ сомнѣнія имя Якушкина всегда будетъ на первомъ планѣ».

М. Знаменскій, «Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ; по неизданнымъ матеріаламъ» («Сибирскій Сборникъ», приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію», 1886 г., кн. III, стр. 86—105).—*Дмитріевъ-Мамоновъ*, «Декабристы въ Западной Сибири», оттискъ изъ «Чтен. Общ. Истор. и Древн. Рос.» (М., 1895 г.).—*Н. Ф. Дубровскій*, «В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ» («Рус. Стар.», 1902 г., № 4).—*В. Семевскій*, «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.,» т. I, стр. 459—462.—*Его же*, статья въ «Энциклоп. словарѣ» Брокгауза, т. 41 (Спб.. 1904 г.), стр. 634—640.—*П. Свистуновъ*, «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи

14 декабря и о декабрпстахъ» («Русск. Арх.», 1870 г.). — «Записки Якушкина» («Русск. Архпвъ», 1870 г., №№ 4—5 и отдѣл. пзд. 1905 г.).—«Процессъ декабристовъ», обвпнительный актъ п одр. дкументы (Спб., 1906 г.). — *Н. К. Шильдеръ*, «Императоръ Нпколай I», т. I, стр. 377, 444, 663, 675, 691, 701, 727, 751, 752, 755. — «Русскіе портреты XVIII п XIX ст.». (Изд. велик. кн. Николая Мпхаиловича), т. II, № 67. — *С. Максимовъ*, «Спбпрь п каторга», Спб., 1871 г.—*Головачевъ*, «Декабристы, 86 портретовъ», М., 1906 г. —*Бар. А. Е. Розенъ*, «Записки декабриста», СПб., 1907 г.—*В. М. Саблинъ*, «Декабристы п тайныя обществавъ Россіп», М., 1906 г.

Н. Сербовъ.

Якушкинъ, *Павелъ Ивановичъ*, писатель-этнографъ, родился въ 1820 г. (день и мѣсяцъ его рожденія неизвѣстны) въ усадьбѣ Сабуровѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ зажиточной дворянской семьѣ. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ гвардіи, вышелъ въ оставку поручикомъ и жилъ постоянно въ деревнѣ, гдѣ и женился на крѣпостной крестьянкѣ, Прасковьѣ Фалеевнѣ. Послѣ его смерти семья осталась на рукахъ матери, которая пользовалась общимъ уваженіемъ, внушаемымъ ея безконечной добротой, свѣтлымъ умомъ и сердечностью. Она владѣла въ то же время тактомъ опытной хозяйки, и имѣнье, оставшееся послѣ мужа, не только не разстроилось, но было приведено въ наилучшее состояніе. Благодаря этому, Прасковья Фалеевна имѣла возможность воспитать шестерыхъ сыновей въ Орловской гимназіи и затѣмъ тремъ изъ нихъ (Александру, Павлу и Виктору) открыть дорогу къ высшему образованію. Постигнувъ въ родительскомъ домѣ грамоту и усвоивъ «начатки наукъ», Я. поступилъ въ Орловскую гимназію, гдѣ обращалъ на себя вниманіе своею мужиковатостью, небрежностью въ костюмѣ и полнымъ неумѣніемъ соблюдать интеллигентную, благопристойную и сообразную съ дворянскимъ званіемъ внѣшность. Особенно своими непослушными вихрами «убивалъ онъ господина директора», и какъ ни стригли эти вихры, они постоянно торчали во всѣ стороны къ ужасу начальства, которому непріятно было возиться съ волосами Я. и потому еще, что каждый разъ при постриженіи онъ «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всѣхъ классахъ помирали со смѣху». Такимъ образомъ страсть къ простонародности формировалось у Я. еще въ школѣ, и учитель нѣмецкаго языка Функендорфъ не иначе называлъ его, какъ «мужицка чучелка».

Въ 1840 г. Я. поступилъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ, слушалъ его довольно успѣшно до 4-го курса, но университета не окончилъ какъ вслѣдствіе случайной ошибки выбора факультета, несообразнаго съ желаніями и призваніемъ, такъ и вслѣдствіе увлеченія совершенно другимъ родомъ занятій, которыя сдѣлали его имя извѣстнымъ въ литературѣ и обществѣ. Былъ онъ потомъ учителемъ въ 2-хъ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа, но въ томъ и другомъ недолго и неудачно. Знакомство съ Мих. Петров. Погодинымъ и еще болѣе съ Петромъ Вас. Кирѣевскимъ увело его совсѣмъ на другую дорогу. Узнавъ, что Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, Я. записалъ одну и отправилъ къ нему съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. Кирѣевскій выдалъ за эту пѣсню 15 р. асс. Я. вскорѣ повторилъ еще два раза этотъ опытъ и получилъ отъ Кирѣевскаго приглашеніе познакомиться. Пѣсни были неподдѣльнаго народнаго творчества. Чуткій къ способностямъ Я., Кирѣевскій на собственный счетъ задалъ ему работу, которая пришлась ему столь по душѣ, что заставила его бросить университетъ: именно отправилъ его для изслѣдованія въ сѣверныя поволжскія губерніи. Я. взвалилъ на плечи лубочный коробъ, набитый офенскимъ товаромъ, цѣнностью не больше десяти рублей, взялъ въ руки аршинъ и пошелъ подъ видомъ сумошника на изслѣдованіе народности и для изученія и записыванія пѣсенъ. Взятый товаръ, подобранный больше въ расчетѣ на слабое дѣвичье сердце, предназначался не на продажу, а на обмѣнъ на пѣсни и на подходящій этнографическій матеріалъ. И съ тѣхъ поръ всю жизнь пространствовалъ Я., признавъ способъ пѣшаго хожденія самымъ удобнымъ и обязательнымъ для себя, хотя трудность и опасность пути связаны были съ большими испытаніями и лишеніями. Образъ странника былъ любезенъ и дорогъ Я. сколько по привычкѣ, столько же и по исключительности положенія въ средѣ народа, гдѣ страннику, захожему человѣку, великъ почетъ и уваженіе. Съ особенною любовью вспоминалъ онъ и разсказывалъ о тѣхъ случаяхъ, когда его покормили молочкомъ,

яичницу сдѣлали, какъ около Новгорода попалъ онъ на рыбныя тони, гдѣ отобрали ему ловцы самой лучшей крупной рыбы на уху, или въ другомъ мѣстѣ старушка дала страннику копѣечку на дорогу; какъ случалось попадать ему на большія угощенія, гдѣ его иной разъ сажали на почетныя мѣста въ переднемъ углу, но нигдѣ денегъ не брали. Даровое угощеніе было кстати Я., такъ какъ онъ всегда ходилъ съ скудными денежными запасами. «Выходъ Я. (въ сороковыхъ годахъ) былъ новый, говоритъ его біографъ, никто до него таковыхъ путей не прокладывалъ. Пріемамъ учиться было негдѣ; никто еще не дерзалъ на такіе смѣлые шаги, систематически разсчитаные, и на дерзостные поступки—встрѣчу глазъ на глазъ съ народомъ. По духу того времени, затѣю Я. можно считать положительнымъ безуміемъ, которое, по меньшей мѣрѣ, находило себѣ оправданіе лишь въ увлеченіяхъ молодости». Рѣшившись собирать подлинныя пѣсни, далеко не ребенкомъ, а подъ тридцать лѣтъ, Я. дѣлалъ крупный литературный шагъ, самъ того не подозрѣвая, и во всякомъ случаѣ торилъ тропу, по которой ходить другимъ было уже нѣсколько легче».

Первое путешествіе Я. окончено было благополучно, и прогулка безъ препятствій оставила лишь самое благопріятное впечатлѣніе, разманила, завлекла и обѣщала наибольшіе успѣхи въ виду пріобрѣтенныхъ пріемовъ и практики.

По возвращеніи изъ похода въ Москву Я. чрезъ М. П. Погодина сдѣлался извѣстенъ славянофиламъ. Знакомство съ этимъ кружкомъ было причиною того, что Я. сдѣлался самъ славянофиломъ, но не въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ понимаетъ это наша критика: онъ вынесъ искреннюю любовь и твердую вѣру въ честную, даровитую натуру великорусскаго племени и въ широту его мірового призванія; онъ полюбилъ его настолько, что всю жизнь потомъ оставался за него работникомъ, ходатаемъ и заступникомъ. Послѣ перваго путешествія Я. пошелъ во второй, третій и, кажется, четвертый походъ, и опять подъ защитой коробка и подъ видомъ мелочного торговца. Въ одно изъ такихъ странствій Я. заразился натуральной оспой, заболѣлъ и свалился въ первомъ попавшемся деревенскомъ углу; здоровая натура его, однако, выдержала болѣзнь, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія: отсутствіе врача и всякой цѣлесообразной помощи. Зато лицо его было сильно изуродовано, и Я. не разъ приходилось потомъ платиться за это случайное несчастіе отъ тѣхъ людей, которые по лицу привыкли составлять впечатлѣніе. Опушенное длинной бородой, при длинныхъ волосахъ, оно иногда пугало женщинъ и дѣтей при уединенныхъ встрѣчахъ и возбуждало подозрительность въ полицейскихъ. Самъ Я. простодушно сознавался всѣмъ, что первыми непріятными столкновеніями онъ обязанъ былъ именно подозрительности своей физіономіи, что въ дѣйствительности она изъ такихъ, которыя не находятъ невѣстъ, но очень удобно пріобрѣтаютъ враговъ. Подозрительность физіономіи Я. усиливалась къ тому же необыкновеннымъ костюмомъ его, полукрестьянскимъ, полумѣщанскимъ; парaднымъ платьемъ его на выходъ была черная суконная поддевка и высокіе сапоги съ напускомъ, безъ галошъ; въ дорогу же сверху надѣвался полушубокъ, подаренный какимъ-нибудь добрымъ пріятелемъ. Сначала водилась сумка, потомъ завелся чемоданчикъ, но онъ былъ потерянъ и смѣнился разъ навсегда узелкомъ изъ подручнаго платка. Въ узелкѣ этомъ между бѣльемъ хранилось нѣсколько листковъ исписанной бумаги, нечитанная книжка, карандашикъ отъ случайно подвернувшагося человѣка; на случай частное письмо редакціи «Русской Бесѣды», предложеніе географическаго Общества, членомъ-корреспондентомъ котораго онъ состоялъ, и паспортъ. Но паспортъ былъ скоро утерянъ, утеряно было и удостовѣреніе мѣстнаго становового объ этой потерѣ. Одинъ изъ братьевъ выхлопоталъ ему копію съ этого удостовѣренія. Я. и ее потерялъ; взята была копія съ копіи. Этотъ-же документъ и служилъ для удостовѣренія его личности, который вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ главнымъ источникомъ всѣхъ недоразумѣній, встрѣчавшихся съ Я. во время странствій, непріятностей, осмотровъ, задержекъ, арестовъ и высылокъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ приключеній былъ надѣлавшій не мало шума арестъ его псковской полиціей въ лицѣ его полиціймейстера Гемпеля. Я. былъ посаженъ въ «кутузку», въ которой и просидѣлъ до 2-хъ недѣль. Это приключеніе, подробно описанное самимъ Я. въ письмѣ къ ре-

дактору «Русской Бесѣды», надѣлало въ тѣ горячіе годы много шуму, вызвало печатную полемику Я. съ Гемпелемъ, журнальные толки, офиціальныя разъясненія и проч.; это былъ первый по времени гласный протестъ противъ полицейскаго произвола. Замѣчательно, что когда эта исторія кончилась, Я. былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Гемпелемъ и впослѣдствіи съ кротостью отзывался о немъ, не памятуя зла и не ставя его въ вину и осужденіе.

Къ обидамъ и огорченіямъ Я. былъ мало чувствителенъ, и когда его обижали говорилъ про обидчика: «Стало быть, такъ надо. Видно, онъ лучше меня про то знаетъ, если говоритъ мнѣ прямо въ глаза». Столь же хладнокровно встрѣчалъ онъ неудачи, невзгоды и промахи. Когда ему старались внушить, что онъ самъ въ чемъ-нибудь виноватъ, и спрашивали, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ добродушно отвѣчалъ на это: «чтобы смѣшнѣе было». Всегда хладнокровенъ, всегда беззаботенъ, счастливъ и доволенъ собой, онъ словно былъ не отъ міра сего, словно и втолкнулся-то онъ въ него случайностью рожденія и удерживался задачей призванія. Онъ былъ безпеченъ до того, «какъ будто надѣялся жить вѣчно, а жить торопился такъ, какъ будто предстояло ему умереть завтра». Къ друзьямъ онъ смѣло и увѣренно приходилъ во всякое время, не справляясь съ часами дня и ночи, но, придя на ночлегъ, ни за что не ложился на предлагаемую кровать или кушетку, а располагался на полу, гдѣ-нибудь въ уголку, подложивши подъ голову полѣно. Безсребреничество его доходило до отсутствія всякой собственности. О денежныхъ вознагражденіяхъ за печатный трудъ онъ не условливался, а довольствовался тѣмъ, что давали, никогда не жалуясь и не сѣтуя. Хорошо вознаграждаемый литературнымъ гонораромъ, онъ, любя угощаться, любилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и угощать, владѣлъ замѣчательною способностью терять деньги, а уцѣлѣвшія раздавать тѣмъ, кто въ нихъ нуждался; онъ даже нарочно искалъ нуждавшихся въ нихъ и беззавѣтно навязывалъ свои грошевые избытки тамъ, гдѣ слышалъ жалобу, подозрѣвалъ молчаливую нужду. Умеръ онъ безъ гроша въ карманѣ и, умирая, имѣлъ полное право выговорить пользовавшему ему врачу: «Припоминая все мое прошлое, я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя».

Политика мало занимала Я. Къ литературнымъ направленіямъ онъ относился съ полнымъ индиферентизмомъ, и во всѣ редакціи входилъ съ одинаковымъ добродушіемъ, не обращая вниманія на ихъ взаимную вражду. Смѣна и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ въ Россіи не радовали и не печалили его: онъ махалъ рукой и говорилъ: «это все едино». Формы правленія для него были безразличны— «какъ народъ похочетъ, такъ и устроится», говорилъ онъ. Всѣ симпатіи Я. были на сторонѣ рабочихъ людей, особенно батраковъ, фабричныхъ, вообще голытьбы, которую, по его словамъ, «хозяева заморить готовы, и могутъ заморить, если тѣ сами въ свой разумъ не придутъ и не узнаютъ, какъ они нужны». Идеаломъ общественнаго устройства была въ его воображеніи гигантская артель, вмѣщающая въ себя всю Россію.

Подслушанныя и записанныя Я. пѣсни поступили въ богатое собраніе П. В. Кирѣевскаго, который не успѣлъ ихъ издать при жизни, но передъ смертью выразилъ желаніе, чтобы подборъ пѣсенъ и окончательная ихъ редакція были произведены какъ по праву, такъ и по силѣ глубокаго знанія Я. Случилось же не такъ. Наслѣдникъ Кирѣевскаго передалъ это дѣло Безсонову. Огорченный отказомъ и получившій ударъ въ самую чувствительную сторону сердца, Я. пріѣхалъ въ Петербургъ и посѣтовать на свою неудачу, которая казалась ему самою большою неудачей цѣлой жизни, и по возможности выйти изъ своего обиднаго, съ трудомъ выносимаго имъ положенія. Кроткій по натурѣ до самопожертвованій, незлобивый до оригинальности, онъ прибѣгнулъ и на этотъ разъ къ мѣрамъ, казавшимся для него наиболѣе достойными и безобидными. Ему удалось составить свой независимый отдѣльный пѣсенный сборникъ при помощи личныхъ воспоминаній и его замѣчательной памяти и при содѣйствіи друзей и знакомыхъ. Редакція «Отечественныхъ Записокъ» гостепріимно отвела у себя этому сборнику мѣсто, и Я. успокоился, сочтя эту задачу для себя оконченною. И лишь для очистки совѣсти счелъ нужнымъ разъяснить это дѣло читающей публики въ полемической статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Библіотека для Чтенія».

Я. прибылъ въ Петербургъ въ 1858 г.,

въ разгаръ тогдашняго возбужденія, въ которомъ большую роль занимало ожидаемое освобожденіе крестьянъ. Я., какъ извѣстный уже народолюбецъ и этнографъ, былъ радушно встрѣченъ въ литературныхъ кружкахъ и сталъ писать кое-что для «Искры», «Библіотеки для Чтенія», «Отечественныхъ Записокъ» и другихъ журналовъ. Эти литературныя занятія на продолжительное время задержали его въ Петербургѣ. Онъ уѣзжалъ изъ Петербурга на короткое время и снова возвращался сюда въ кружки людей, хорошо ознакомившихся съ нимъ, оцѣнившихъ его самобытный, неподдѣльный талантъ, честность и прямую душу, которая умѣла высказываться и среди странностей его характера и оригинальности его взглядовъ на жизнь и ея обстановку. Въ это же время онъ сдѣлался извѣстнымъ и столичной публикѣ, имѣя возможность появляться на литературныхъ чтеніяхъ и показываться на улицахъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, гдѣ на него указывали, какъ на человѣка, «обошедшаго пѣшкомъ всю Россію». Фотографическія карточки его, сдѣланныя очень удачно художникомъ Берестовымъ, покупались десятками нарасхватъ и въ народѣ выдавались за портреты Пугачева, а въ Парижѣ, въ Пале-Роялѣ, онѣ продавались даже съ подписью «Pougatsceuff».

1865-й годъ былъ для Я. знаменательнымъ въ томъ отношеніи, что былъ послѣднимъ въ его свободной и самостоятельной жизни. Въ этотъ годъ онъ совершилъ свой обычный походъ, приведшій его въ Нижній-Новгородъ на время Макарьевской ярмарки, на которой былъ случайный съѣздъ нѣсколькихъ литераторовъ (П. М. Мельникова, В. П. Безобразова, И. А. Арсеньева, П. Д. Боборыкина и др.). По этому случаю тогдашній ярмарочный голова А. П. Шиповъ, человѣкъ образованный, извѣстный своею разностороннею общественною дѣятельностью и глубокими симпатіями къ литературѣ и экономическимъ наукамъ и самъ будучи авторомъ многихъ ученыхъ трактатовъ, устроилъ большой обѣдъ по подпискѣ, въ которомъ приняли участіе именитые купцы и пріѣзжіе на обѣдъ литераторы. Въ числѣ обѣдающихъ былъ и Я. Подпивши, онъ сдѣлалъ во время рѣчи В. П. Безобразова рѣзкое замѣчаніе мѣшавшему рѣчи стукомъ ложки И. А. Арсеньеву. Затѣмъ онъ оборвалъ въ буфетѣ адъютанта, мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера Перфильева, тотъ пожаловался тогдашнему ярмарочному генералъ-губернатору Огареву, представивъ Я. въ видѣ опаснаго, смущающаго народъ агитатора. Его арестовали и отправили въ Петербургъ, а оттуда выслали въ Орелъ къ матери. Молчаливый и невинный страдалецъ сознавалъ, что своими слабостями онъ могъ причинять только досады нѣжно-любимой имъ матери. Поэтому, пробывъ недолго въ Орлѣ, онъ взмолился друзьямъ своимъ: «Избавьте мать отъ меня! Сколько я могу понимать, хотѣли высылкой сюда наказать меня, но наказали мать. Войдите же въ положеніе ни въ чемъ неповинной, честной и доброй старушки, обязанной видѣть предъ собой ежедневно потеряннаго сына». Прошеніе его, поданное начальству объ этомъ предметѣ, было уважено: онъ былъ переведенъ изъ Орловской губерніи въ Астраханскую. Здѣсь онъ проживалъ подъ административнымъ надзоромъ въ Красномъ Ярѣ и Енотаевскѣ. Здоровье его было крайне разстроено и полною всякихъ невзгодъ и потрясеній странническою, безпріютною жизнью, и излишнимъ пристрастіемъ къ чарочкѣ. Относительно послѣдняго обстоятельства онъ могъ смѣло заявить, что споилъ его не кто иной, какъ самъ народъ въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которыя трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу.

Въ 1871 г. Я. было позволено переѣхать въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Самарской губ. Пріѣхавъ въ Самару, онъ заболѣлъ и легъ въ городскую больницу, гдѣ и скончался 8 января слѣдующаго года на рукахъ извѣстнаго писателя-публициста и врача Веніамина Осиповича Португалова. Умеръ Я. съ тою добродушною безпечностью, съ какою прожилъ всю забубенную жизнь свою, съ любимой пѣсенкою на устахъ:

Мы и пѣть будемъ, и играть будемъ,
А смерть придетъ, умирать будемъ!

Литературная дѣятельность Я. распадается на два періода. Въ первомъ онъ является лишь собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Пѣсни эти первоначально печа-

тались въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» (1859 г.), въ сборникѣ «Утро» (1859 г.) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1860 г.). Отдѣльно онѣ были изданы: 1) въ 1860 году подъ заглавіемъ: «Русскія пѣсни, собранныя П. Якушкинымъ», и 2) въ 1865 году подъ заглавіемъ: «Народныя русскія пѣсни изъ собранія П. Якушкина». Сборники эти въ свое время были привѣтствованы всею литературою и оцѣнены по достоинству.

Самостоятельная же беллетристическая дѣятельность Я. началась въ концѣ пятидесятыхъ годовъ рядомъ путевыхъ писемъ изъ Новгородской и Псковской губ., изъ Устюжскаго уѣзда и изъ Орловской, Черниговской, Курской и Астраханской губерній, печатавшихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, начиная съ 1859 г. и въ 1861 году (лишь путевыя письма изъ Астраханской губ. были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» значительно позднѣе, именно въ 1868 и 1870 гг.). Въ 1863 году былъ напечатанъ въ «Современникѣ» разсказъ «Великъ Богъ земли русской»; затѣмъ появились «Бунты на Руси», очеркъ I—въ «Современникѣ» 1866 г., очеркъ II—въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г., «Небывальщина»—въ «Современникѣ» 1865 г. и въ «Искрѣ» за 1864—1865 гг., «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь»—въ прибавленіи къ «Русскому Инвалиду» 1864 г., «Мужицкій годъ»—въ «Искрѣ» 1866 г. и «Изъ разсказовъ о крымской войнѣ»—въ «Современникѣ» 1864 г. Ему же принадлежитъ статья: «Почему въ «Обрывѣ» обруганъ нигилистъ, а не нигилистка» («Искра», 1870 г., № 16).

«Произведенія Я., говоритъ Скабичевскій, представляютъ рядъ фотографій, цѣликомъ снятыхъ съ дѣйствительности во время многочисленныхъ странствій его по лицу земли русской, носятъ поэтому характеръ случайныхъ наблюденій, наскоро записанныхъ въ памятную книжку и затѣмъ получившихъ спѣшную литературную обработку. Тѣмъ не менѣе они драгоцѣнны тѣмъ, что предполагаютъ совершенно иное отношеніе къ народу, чѣмъ какое было до ихъ появленія. Здѣсь вы видите уже не идеализацію народа и не глумленіе надъ нимъ, а объективное и безпристрастное отношеніе наблюдателя, глубоко постигшаго народную жизнь и народное міросозерцаніе, его живую душу. При всей случайности наблюденій изображаемые факты поражаютъ васъ своею характерностью и типичностью, и въ одномъ этомъ умѣньѣ схватывать и передавать существенное обнаруживается передъ вами знатокъ народной жизни. Вы не найдете здѣсь какихъ-либо замѣчательныхъ характеровъ и оригинальныхъ мужицкихъ типовъ; зато отлично рисуется то, что тщетно вы будете искать въ беллетристикѣ изъ народнаго быта 40-хъ годовъ—именно собирательный голосъ народа, сливающійся въ общемъ хорѣ крестьянскаго міра. Языкъ выводимыхъ Я. мужиковъ идеально безукоризненъ, безъ малѣйшаго слѣда утрировки или же выраженій слишкомъ интеллигентно литературныхъ для мужика. Однимъ словомъ, съ Я. беллетристика изъ народнаго быта выступаетъ на совершенно новую почву, и онъ стоитъ во главѣ этого поворота, если не представителемъ его, то во всякомъ случаѣ первымъ піонеромъ».

По содержанію своему разсказы Я. носятъ исключительно общественный характеръ, соотвѣтственный горячимъ злобамъ дня и великимъ событіямъ. Такъ, въ разсказѣ «Великъ Богъ земли русской» собраны факты народной жизни, слухи и разговоры, предшествовавшіе крестьянской реформѣ и возбужденные ея ожиданіемъ; въ разсказѣ «Крестьянскіе бунты» изображаются недоразумѣнія и смуты, какія послѣдовали послѣ эмансипаціи; въ разсказѣ «Чисти зубы, а не то мужикомъ назовутъ» изображено вліяніе на крестьянъ бюрократо-полицейскихъ порядковъ, въ какіе облечено данное имъ послѣ освобожденія самоуправленіе, и т. д.

Сочиненія П. И. Якушкина, изд. Вл. Михневича, СПб., 1884 г., съ біографическимъ очеркомъ С. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина.—*А. Н. Пыпинъ*, «Исторія русской этнографіи», т. II, стр. 65—68.—*Его-же*, Отзывъ о книгѣ «Сочиненія П. Якушкина» («Вѣстникъ Европы», 1884 г., январь, стр. 415—420).—*А. М. Скабичевскій*, «Исторія новѣйшей русской литературы 1848—1908 гг.», СПб., 1909 г., стр. 226—231.—«Отечественныя Записки», 1872 г., т. CXCX, № 2, стр. 288—293.—*С. Ашевскій*, «Калика перехожій XIX в.». («Историческій Вѣстникъ», 1897 г., № 8).—*Н. Ш.* «Народникъ Якушкинъ» («Дѣло», 1883 г., № 12). -«Иллюстрированная Газета», 1872 г., № 5.—«Недѣля», 1872 г., № 3.—«Московская Биржевая Га-

зета», 1872 г., № 24.—«Новое Время», 1872 г., № 15.—«Волжско-Камская Газета», 1872 г., №№ 7, 19.—«Гражданинъ», 1873 г., № 3.

Якшичъ, *Григорій,* поэтъ начала XIX вѣка. Извѣстны слѣдующія его поэтическія произведенія, главнымъ образомъ оды: 1) «Ода на случай всемилостивѣйшаго пожалованія его высокопреосвященства Михаила, архіепископа Черниговскаго, митрополитомъ С.-Петербургскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ» (Спб., 1818 г.); 2) «Слезы о кончинѣ ея величества Екатерины Павловны, королевы Виртембергской (Спб., 1819 г.); «Слезы незабвенной тѣни Георгія Петрова Чернаго императорско-россійскаго генер.-лейтен., бывшаго верховнаго вождя Сербскаго народа» (Спб., 1817 г.), и 3) «Изліяніе сердечныхъ чувствованій при случаѣ рожденія Его Импер. Высоч., великаго князя въ въ Москвѣ, 1818 г., апрѣля 17 дня» (Спб., 1818 г., на россійск. и франц. языкахъ).

«Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки Александра Смирдина» (Спб., 1828 г., стр. 528, № 7916; стр. 587, № 7999; стр. 588, № 8018; стр. 545, № 8093).

Ямесъ, *Ламбе,* корабельный инженеръ бригадирскаго ранга, уроженецъ Англіи. На русскую службу былъ принятъ 4-го августа 1737 г. 7-го іюля 1776 года онъ былъ произведенъ изъ полковниковъ въ бригадиры. Въ теченіе своей службы Я. построилъ нѣсколько десятковъ военныхъ кораблей, въ числѣ которыхъ были: «Россійскій генералиссимусъ», «Св. Николай», «Уріилъ», «Шлиссельбургъ», «Крейсеръ», «Александръ», «Надежда», «Св. Женъ Мироносицъ» и др. Скончался онъ 21-го декабря 1787 г. въ Петербургѣ.

«Матеріалы для исторіи Русскаго флота», т. 6, Спб., 1877 г., стр. 527; т. 8, Спб., 1880 г., стр. 359, 417, 534, 709; т. 9, Спб., 1882 г., стр. 66, 75–76, 91, 110, 112, 357, 369, 444—445; т. 10, Спб., 1883 г., стр, 31, 55, 72, 74, 78, 191, 327, 328, 394—395, 575, 626, 629—630, 653, 693, 697; т. 11, Спб., 1886 г., стр. 220, 247, 256, 258, 272,—273, 310, 338, 462, 481, 631, 643, 736, 737; т. 12, Спб., 1888 г., стр. 72, 109, 112, 116, 273, 278, 320, 347, 432, 469, 478, 657, 708, 729; т. 13, Спб., 1890 г., стр. 18, 34, 45, 120, 133, 139, 162, 163, 183, 427. *Е. Ястребцевъ.*

Ямковскій, *Александръ Моисеевичъ,* членъ Имп. одесскаго общества исторіи и древностей, родился 1828 г. По окончаніи курса наукъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ Я. посвятилъ себя военной службѣ, принявъ участіе въ войнахъ 1854—56 гг. и 1877—78 гг.; въ эту послѣднюю кампанію онъ былъ раненъ при взятіи крѣпости Никополя, командуя 3-й батарею 5-й артиллерійск. бригады. За отличіе при атакѣ Плевны онъ удостоился наградъ: золотой сабли и орденовъ Анны и Владиміра. Съ 1880 г., числясь по артиллеріи, Я. поселился въ Одессѣ, затѣмъ въ 1883 г. переселился въ г. Кишиневъ, гдѣ и провелъ послѣдніе дни своей жизни. Я. обладалъ большими и многосторонними познаніями. Главною цѣлью его занятій было изученіе классической археологіи и въ частности нумизматики. Кромѣ небольшой коллекціи гравюръ и старинныхъ грамотъ, у Я. была богатѣйшая коллекція монетъ и медалей, стоившая ему не малыхъ трудовъ и денегъ; она обращала на себя вниманіе всѣхъ любителей древностей и могла служить украшеніемъ любого минцъ-кабинета. Къ сожалѣнію, неожиданная смерть не позволила ему передать свою коллекцію Одесскому музеуму, какъ онъ это хотѣлъ сдѣлать. Скончался Я. 20 декабря 1885 г.

«Записки Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», 1886 г., т. 14, стр. 812. *Н. Стр.*

Янеке, *Іоганъ*, докторъ медицины Геттингенскаго университета, главный врачъ оспеннаго дома въ Петербургѣ, родился въ 1725 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ. На русскую службу Я. поступилъ въ 1746 г. Начавъ съ 6-го іюня 1748 г. учиться фармаціи, онъ въ 1756 г. былъ произведенъ въ аптекарскіе гезели. Но такъ какъ получить въ то время въ Россіи серіозное медицинское образованіе было невозможно, то 25-го мая 1767 г. онъ былъ уволенъ за границу и три года провелъ въ Геттингенѣ. Получивъ тамъ (19-го мая 1770 г.) степень доктора медицины, Я. возвратился въ Россію и 28-го сентября того же года былъ назначенъ въ военный полевой госпиталь въ крѣпость св. Дмитрія. Въ это время въ окрестностяхъ ея появилось моровое повѣтріе. Быстро принятыми энергичными мѣрами Я. вскорѣ добился прекращенія эпидеміи, послѣ чего былъ назначенъ въ Черкасскъ, въ войско Донское. Однако донской атаманъ Ефремовъ, несмотря на всѣ представленія медицинской и военной колле-

гій, отказался принять Я., заявивъ, что ему не нуженъ докторъ. Въ виду этого Я. былъ назначенъ въ Харьковъ (17-го февраля 1772 г.). Здѣсь онъ прослужилъ болѣе девяти лѣтъ и 4-го ноября 1781 г. былъ назначенъ въ Рижскій полевой госпиталь, а черезъ три мѣсяца переведенъ въ Смоленскъ дивизіоннымъ докторомъ 6-й дивизіи. Прослуживъ въ этой дивизіи десять лѣтъ, Я. 26-го мая 1793 г., по собственной просьбѣ, былъ переведенъ въ Рижскій полевой госпиталь. Однако болѣзнь, приковавшая его болѣе чѣмъ на годъ къ постели, помѣшала ему занять эту должность. Открывшаяся, спустя три года, вакансія врача въ Кронштадтскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ была замѣщена имъ, но въ томъ же году онъ выпужденъ былъ оставить службу. Между тѣмъ бездѣятельность тяготила его, и онъ по собственной просьбѣ, 9-го декабря 1801 г., былъ опредѣленъ къ оспенному дому въ Петербургѣ. Скончался Я. вскорѣ послѣ послѣдняго своего назначенія.

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», Спб., 1883 г. Приложенія, стр. CCCLXIV—CCCLXV.

Е. Ястребцевъ.

Яненко-Хмѣльницкій, *Павелъ*, кіевскій полковникъ XVII вѣка, племянникъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Извѣстно, что Я., хотя и донесъ въ 1658 г. московскому воеводѣ Бутурлину объ измѣнѣ и происках гетмана Выговскаго, тѣмъ не менѣе вскорѣ перешелъ на сторону послѣдняго и въ сраженіи подъ Кіевомъ былъ разбитъ княземъ Юріемъ Барятинскимъ и Сафоновымъ. Въ концѣ 1675 г., незадолго до смерти царя Алексѣя Михайловича, Я. отправленъ былъ своимъ зятемъ Петромъ Дорошенкомъ въ Москву, во главѣ посольства, которое должно было изъявить покорность Дорошенка московскому царю. Несмотря однако на это, Я., въ наказаніе за то, что перешелъ на сторону Выговскаго, лишенъ былъ должности кіевскаго полковника. Тогда Я. сталъ на сторону Юрія Хмѣльницкаго, сына Богдана, и, пользуясь большимъ вліяніемъ на него, руководилъ всѣми его дѣйствіями. Юрій сдѣлалъ его своимъ наказнымъ атаманомъ. Въ концѣ 1678 г. Я., соединившись съ татарами, отправился по порученію Юрія изъ Чигирина на сѣверъ для завоеванія городовъ; онъ сжегъ и разорилъ г. Каневъ, города же Мошны, Корсунь и Жаботинъ, напуганные жестокостью его, сдались сами; послѣ этого Я. поселился въ Корсунѣ. Въ началѣ 1679 года онъ возсталъ противъ Юрія и провозгласилъ себя гетманомъ Заднѣпровской Украйны. Затѣмъ онъ ворвался въ восточную Украйну и, соединившись съ бѣлгородскими татарами, разорилъ селенія въ окрестностяхъ Козельца, Носовки, Ирклѣева, Яблоновни и захватилъ жителей въ плѣнъ. Юрій въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ выступилъ противъ него въ походъ, успѣху котораго, однако, помѣшали глубокіе снѣга. Тогда противъ Я. выступилъ Самуйловичъ; Я. бѣжалъ въ Черкассы, но оставаться здѣсь долго не могъ: городъ былъ взятъ Самуйловичемъ, и Я. долженъ былъ бѣжать дальше. Настигнутый за Днѣпромъ стародубскимъ полковникомъ Семеномъ Скоропадскимъ, Я. былъ разбитъ и утратилъ гетманство.

В. Г. Рубанъ, «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506—1776 г.г.» (Спб., 1777 г., стр. LX). — *Н. Маркевичъ*, «Исторія Малороссіи» (Москва, 1842 г., т. III, стр. 262, 263). — *S. Orgelbrand*, «Encyklopedyja powszechna» (Warszawa, 1876 г., т. VII, стр. 418).— «Wielka encyklopedyja powszechna illustrowana» (Warszawa, 1903 г., т. XXXI—XXXII, стр. 538). — «Русская историческая библіотека» (т. 8, стр. 1259, 1264).—«Акты Историческіе», т. V, стр. 289.—*Брокгаузъ и Ефронъ*, Энциклопедическій словарь (полут. 82, стр. 667). *Н. С.*

Яненко, *Яковъ Өедосьевичъ*, портретный живописецъ, академикъ, сынъ слѣдующаго, родился 8 декабря 1800 г., умеръ 29 марта 1852 г. Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ, какъ сынъ академика, былъ въ 1809 г. принятъ въ Императорскую Академію Художествъ безъ всякихъ формальностей и баллотировки и въ ней состоялъ ученикомъ А. Варнека. Въ 1820 г. за рисунокъ съ натуры Я. былъ награжденъ малою золотою медалью, въ слѣдующемъ 1821 г. онъ кончилъ академическій курсъ съ аттестатомъ второй степени и званіемъ художника XIV класса и вскорѣ послѣ этого получилъ званіе назначеннаго въ академики; званіе же дѣйствительнаго академика присуждено ему было въ 1825 г. за портретъ профессора Уткина (находится въ залѣ совѣта Акад. Худ.). Въ 1827 г. Я. отправился въ Италію, гдѣ жилъ преимущественно въ Римѣ и писалъ копіи съ картинъ знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ. Всѣ пріѣзжавшіе въ Италію рус-

скіе художники пріобрѣтали въ немъ друга и покровителя, онъ ободрялъ и поддерживалъ ихъ своими совѣтами и нерѣдко выручалъ изъ нужды. Изъ его копій съ картинъ художниковъ итальянской школы извѣстны: «Взятіе Богоматери на небо» Тиціана (находится въ Московскомъ училищѣ живописи и ваянія), «Ecce Homo» Гверчина и «Послѣдній день Помпеи». Я. написалъ также два портрета императора Николая I; наконецъ его же кисти принадлежатъ нѣсколько образовъ, между прочимъ, «Ангелы, поддерживающіе образъ Тайной Вечери» (въ церкви Акад. Худож.).

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорск. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существов.», ч. I (Спб., 1864 г.), стр. 569; ч. II (Спб., 1865 г.), стр. 148, 161, 162, 203, 247. — «Памятникъ Искусствъ» (Спб., 1842 г.).— «Художественная Газета», 1841 г., № 19 (смѣсь). — Энциклоп. словарь Брокгауза, полут. 82 (Спб., 1904 г.), стр. 666—667. *Н. С.*

Яненко, *Өеодосій Ивановичъ*, историческій живописецъ, академикъ, родился въ 1767 г. (по другимъ свѣдѣніямъ—1762 г.), умеръ 3 мая 1809 г.; воспитаніе Я. получилъ въ Император. Академіи Художествъ, въ которой былъ ученикомъ Г. Козлова. За ученическія работы Я. былъ награжденъ двумя — малой и большой— серебряными медалями и малой золотой. По окончаніи Академіи Я. первые годы усердно занимался писаніемъ картинъ на историческіе сюжеты, а позже посвятилъ себя преимущественно церковной живописи. Въ 1795 г. за этюдъ нагой человѣческой фигуры онъ былъ опредѣленъ назначеннымъ въ академики. Въ 1797 г. онъ написалъ эскизъ великой княгини Анны Өедоровны и нѣсколько эскизовъ лицъ императорской фамиліи и въ томъ же году за картину: «Путешественники, застигнутые бурей» (находится въ музеѣ Акад. Худож.) возведенъ въ академики. Изъ написанныхъ имъ полотенъ наиболѣе извѣстны: «Историческій пейзажъ» (въ Акад. Худож.) и «Портретъ Императора Павла I», въ бытность его царевичемъ (Третьяковская галлерея въ Москвѣ); кромѣ того, его же кисти принадлежитъ нѣсколько образовъ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, въ томъ числѣ «Тайная Вечеря» (окончена худ. Безсоновымъ).

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Акад. Художествъ за 100 лѣтъ ея существов.», т. I (Спб., 1864 г.), стр. 341, 345, 364, 365, 371, 469, 470, 536, 572 и прим. 343.—«Памятникъ Искусствъ» (Спб., 1842 г.). — *А. Сомовъ*, «Картинная галлерея Импер. Акад. Худож.», ч. I (каталогъ оригинальныхъ произв. русск. живописц., Спб., 1872 г.), стр. 17, 157. — Энциклопед. словарь Брокгауза, полут. 82 (Спб., 1904 г.), стр. 666.— «Опись художественныхъ произведеній городской галлереи П. и С. Третьяковыхъ» (М., 1896 г.). *Н. С.*

Янжулъ-Михайловскій, *Иванъ*, врачъ, переводчикъ съ нѣмецкаго языка. Ему принадлежатъ переводы слѣдующихъ сочиненій: 1) Христ. Бухгольца—«Способъ распознавать лѣкарства какъ простыя, такъ и сложныя по ихъ признакамъ, цѣльности, добротѣ и открывать въ нихъ многоразличныя поддѣлки» (Спб., 1802 г.) и 2) Сигизмунда Гермбстета — «Первоначальныя основанія аптекарскаго искусства, или руководство для начинающихъ учиться фармаціи» (М., 1812 г.).

Л. Ө. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», (Спб., 1886 г.), тетр. 2, стр. 177.— «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина» (Спб., 1828 г., №№ 4616, 4638).

Яниковскій, *Андрей*, докторъ медицины, членъ обществъ: Варшавскаго медицинскаго, Краковскаго научнаго, Виленскаго врачебнаго, ревнителей знанія въ Познани и Русскаго медицинскаго въ С.-Петербургѣ, родился 2-го ноября 1799 г. въ Пильзенѣ, въ Галиціи. По окончаніи въ 1821 г. Ягеллоновскаго университета Я. получилъ въ немъ степень доктора медицины и хирургіи и отправился за границу въ Вѣну и Парижъ, гдѣ оставался до 1824 г. Въ этомъ же году онъ сдалъ повѣрочный экзаменъ при бывшемъ Варшавскомъ университетѣ и былъ утвержденъ въ званіи доктора медицины и хирургіи, а затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ занимался частной практикой въ г. Ополѣ. Въ 1826 г. Я. былъ приглашенъ правительственной коммиссіей вѣроисповѣданія и народнаго просвѣщенія профессоромъ теоретической хирургіи въ Варшавскій университетъ, каковую должность занималъ до закрытія университета. Съ 1826 года онъ исполнялъ и обязанности врача въ Варшавскомъ благотворительномъ обществѣ, а съ 1839 г.—обязанности предсѣдателя медицинскаго отдѣла. Въ 1832 г. Я. былъ приглашенъ членомъ въ общій медицинскій совѣтъ, въ которомъ съ 1849 г. ис-

полнялъ обязанности научнаго секретаря. Кромѣ того, съ 1840 по 1857 гг. онъ читалъ безплатно лекціи въ открытой въ то время школѣ фармацевтовъ въ Варшавѣ. Въ 1857 г. Я. былъ приглашенъ членомъ комитета временно завѣдывающаго Варшавской медико-хирургической академіей, а въ 1859 г.—профессоромъ судебной медицины, врачебной полиціи и психіатріи и назначенъ научнымъ секретаремъ при той же академіи; съ 1861 г. Я. временно исполнялъ тамъ же должность президента. Въ 1862 г., вслѣдствіе надорваннаго здоровья, онъ просилъ освободить его отъ обязанностей въ академіи и въ медицинскомъ совѣтѣ.

Перу Я. принадлежитъ нѣсколько научныхъ трудовъ. Въ 1828 г. учениками его по бывшему Варшавскому университету былъ, безъ его вѣдома, отлитографированъ его курсъ хирургіи, вслѣдствіе чего въ работу вкралось много недосмотровъ. Нѣсколько позже польскій врачебный совѣтъ напечаталъ разработанныя Я. слѣдующія сочиненія: «Wiadomość o ratowaniu osób w stanie pozornej śmierci będących, albo nagłą utratą życia zagrożonych», Варшава, 1839 г. (вторично съ дополненіями вышло въ 1846 г.); «Zasady dochodzeń sądowo-lekarskich», касающіеся сомнительнаго состоянія здоровья (Варшава, 1845 г.); Zasady dochodzeń sądowo-lekarskich w przypadkach uszkodzeń ciała» (1847 г.); «Zasady dochodzeń sądowo-lekarskich w przypadkach śmierci», 1852 г.; «Zasady dochodzeń sądowo-lekarskich co do wieku, płci, funkcyj płciowych i tożsamości osób», 1859 г. Послѣдніе четыре тома обнимаютъ всю судебную медицину того времени. Затѣмъ Я. печаталъ свои статьи въ Варшавскихъ изданіяхъ «Pamiętnik lekarski» и «Pamiętnik towarzystwa lekarskiego warszawskiego; наиболѣе важными изъ нихъ являются: «O sposobach usuwania kamieni moczowych z pęcherza», 1828 г.; «O sparalizowaniu połowy twarzy», 1828 г.; «O naturze chorób wenerycznych i o leczeniu ich bez merkuryjuszu», 1829 г.; «O skrzywieniach kręgosłupu», 1837 г.; «O obłąkaniu pijackiém», 1839 г; «O zapaleniu gruzełkowem błoń mózgowych u dzieci», 1839 г.; «O śmiertelności dzieci w pierwszych latach ich życia», 1843 г.; «O chorobach umysłowych pod względem sądowym», 1845; «O epidemii gorączkit yfoidalnej, która panowała w Warzsawie,» 1845 г. и 1846 г.; «Uwagi nad dziełem Rademachera», 1846 г.; «O epidemijach w ogólności a w szczególności epidemijach ospy naturalnej», 1847 г.; «O eterze i chloroformie», 1849 г.; «O niemożności porodzenia pod względem lekarsko-sądowym», 1856 г.; «O uszkodzeniach czaszki», 1857 г.; «O długości życia mieszkańców królestwa polskiego», 1857 г. и «O zaciśnięciu przepuklin brzucha», 1859 г. Кромѣ того, Я. доставлялъ свѣдѣнія по медицинской части о новыхъ вѣяніяхъ и открытіяхъ въ первые 24 тома этого же «Pamiętnika towarzystwa lekarskiego Warszawskiego». Будучи профессоромъ психіатріи, Я. написалъ сочиненіе о душевныхъ болѣзняхъ: «Patologiję i terapiję chorób umysłowych».

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1863 г., т. 13, стр. 32, 33. *А Г—ъ.*

Яницкій, *Константинъ Францевичъ*, д. с. с., докторъ медицины С.-Петербургской медико-хирургической академіи, флагманскій докторъ Балтійскаго флота. По окончаніи въ 1839 г. Петербургской медико-хирургической академіи съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія Я. былъ назначенъ въ 19-й флотскій экипажъ, а три года спустя переведенъ въ 14-й флотскій экипажъ. Получивъ въ 1843 году званіе штабъ-лѣкаря, онъ въ 1845 году перевелся въ 20-й флотскій экипажъ и въ 1850 г. былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Калинкинскаго морского госпиталя. Здѣсь Я. сталъ готовиться къ докторскому экзамену и, защитивъ въ 1853 г. диссертацію подъ заглавіемъ: «De phaenomenis meteorologicis in mari Baltico occurentibus nec non de morbis qui ex influx eorum apud littoralis incolas et nautas originem trahunt praecipue de thypho Baltico» (Diss. D. M. Ptrp. 1853), получилъ степень доктора медицины. Назначенный въ 1855 году старшимъ ординаторомъ Калинкинскаго морского госпиталя, онъ, семь лѣтъ спустя, занялъ тамъ должность главнаго доктора, а въ 1869 г. былъ назначенъ флагманскимъ докторомъ Балтійскаго флота, въ которомъ прослужилъ до 1872 года, когда и вышелъ въ отставку.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, СПб., 1886 г., тетрадь 2, стр. 177—178. *Е. Я.*

Яницкій, *Станиславъ Людвиговичъ*, математикъ, родился въ 1797 г. въ м. Москажевѣ, въ Краковскомъ воеводствѣ.

Рано лишившись родителей, онъ съ 13-ти лѣтъ воспитывался у родственниковъ въ Краковѣ; затѣмъ два года пробылъ въ Краковской академіи, а въ 1817 г. уѣхалъ въ Варшаву заканчивать свое образованіе. Въ слѣдующемъ 1818 г. Я. былъ назначенъ преподавателемъ математики и физики въ Варшавскомъ лицеѣ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ посланъ съ научной цѣлью за границу на казенный счетъ и въ теченіе трехъ лѣтъ побывалъ въ Германіи, Швейцаріи, Миланѣ, Римѣ и Парижѣ, а затѣмъ вернулся въ Польшу и былъ назначенъ на каѳедру математики въ воеводской школѣ въ Плоцкѣ; свободное отъ педагогическихъ занятій время онъ посвящалъ научнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Въ 1823 г. Я. напечаталъ свой первый трудъ о паровыхъ машинахъ, тогда еще почти неизвѣстныхъ у насъ, а въ слѣдующемъ 1824 г., закончивъ работу, порученную ему еще Варшавскимъ университетомъ, удостоенъ былъ степени доктора философіи. Въ 1825 г. онъ былъ назначенъ первымъ адъюнктомъ при Варшавской астрономической обсерваторіи и тогда же посланъ былъ вторично за границу для ознакомленія съ положеніемъ техническихъ наукъ въ Германіи, Франціи и Англіи, а по возвращеніи въ октябрѣ 1827 г. занялъ каѳедру прикладной механики во вновь открытомъ Варшавскомъ политехническомъ училищѣ. Здѣсь его плодотворная дѣятельность была прервана въ 1830 г. событіями польскаго мятежа, по прекращеніи котораго Я. вернулся на службу и состоялъ членомъ экзаменаціонной коммиссіи въ Варшавѣ. Все свободное время онъ и теперь посвящалъ занятіямъ по математикѣ, механикѣ и политической экономіи и съ 1832 г. помѣщалъ свои статьи въ сельско-хозяйственномъ календарѣ («Kalendarz domowy i gospodarsky»), редакція котораго послѣ Галендзовскаго перешла къ нему. Въ 1843 г. Я. было поручено устройство сберегательной кассы при Варшавскомъ страховомъ обществѣ, гдѣ съ 1851 г. онъ состоялъ завѣдующимъ счетнаго отдѣла. Я. скончался въ Варшавѣ 8-го мая 1855 г.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1863 г., т. 13, стр. 28, 29.

А. Г—ъ.

Янишевскій, *Левъ* (*Леонъ*), писатель-переводчикъ, родился въ 1810 г. въ Калишѣ. Въ 1828 г. Я. посѣщалъ Варшавскій университетъ, затѣмъ былъ въ теченіе 10-ти лѣтъ капельмейстеромъ въ инженерныхъ войскахъ въ Бобруйскѣ, и въ это же время помѣщалъ свои переводы съ нѣмецкаго и съ русскаго языковъ въ періодическихъ изданіяхъ Варшавскихъ и Виленскихъ. Кромѣ избранныхъ сочиненій Пушкина, Гердера и др., Я. перевелъ отдѣльно поэму «Цыганы» и напечаталъ «Opis monasteru š. Dawida». Въ 1841 г. Я. былъ отправленъ на казенный счетъ лѣчиться на Кавказъ. Оставивъ Бобруйскъ, онъ въ 1842 г. прибылъ въ Тифлисъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ музыкальнымъ директоромъ въ казенномъ женскомъ институтѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ частные уроки музыки. Въ 1855 г. Я. былъ разбитъ параличемъ, и вслѣдствіе этого скоро потерялъ мѣсто въ институтѣ. Умеръ онъ 27-го февраля 1861 г. въ Тифлисѣ. Многочисленные сочиненія и переводы Я. помѣщались въ различныхъ польскихъ періодическихъ изданіяхъ.

«Encyklopedyja Powszechna», Варшава, 1863 г., т. 13, стр. 35.

А. Г—ъ.

Янишъ, *Карлъ Андреевичъ*, адъюнктъ-профессоръ математики и извѣстный шахматный игрокъ, родился въ 1813 г., воспитывался въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго оставленъ былъ въ институтѣ адъюнктъ-профессоромъ механики. Затѣмъ онъ служилъ въ министерствѣ финансовъ. Я. признавался всѣми знаменитыми шахматными игроками и всѣми издателями шахматныхъ трактатовъ того времени первымъ шахматнымъ теоретикомъ. Всякій шахматный журналъ считался обезпеченнымъ, если Я. былъ въ немъ сотрудникомъ. Нѣтъ ни одного шахматнаго трактата, въ которомъ бы не встрѣчалось постоянно имя Я., его открытія, разбора и партіи. Онъ велъ постоянную переписку со всѣми шахматными теоретиками Англіи, Франціи и Германіи; его многочисленные труды на этихъ языкахъ выходили какъ во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ шахматныхъ журналахъ, такъ и отдѣльными томами. Онъ, какъ математикъ, положилъ первый начало примѣненію математики къ шахматной игрѣ и развилъ это примѣненіе, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ своемъ трудѣ: «Traité des applications de l'analyse mathematique

au jeu des echécs» (три тома 1862—63 г.). Этотъ трудъ вмѣстѣ съ другимъ его математическимъ сочиненіемъ «О началахъ равновѣсія и движенія» (1838 г.) составилъ ему имя въ ученомъ мірѣ. Я скончался 9 марта 1872 г., оставивъ послѣ себя громадную шахматную библіотеку и, кромѣ того, библіотеку книгъ по математикѣ, исторіи и литературѣ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», 1872 г., марта 23. — «Иллюстрированная Газета», 1872 г., № 13.

Янишъ, *Николай Андреевичъ*, врачъ, родомъ изъ Выборгскаго намѣстничества и уѣзда, учился три съ половиною года въ Геттингенѣ и тамъ же получилъ дипломъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ держалъ въ медицинской коллегіи экзаменъ, получилъ въ 1794 г. право практики въ Россіи и уѣхалъ въ Выборгъ. Когда же въ Россіи были учреждены врачебныя управы, Я. былъ опредѣленъ инспекторомъ Тульской врачебной управы, а оттуда назначенъ докторомъ въ итальянскую армію генералиссимуса князя Суворова и сдѣлалъ съ нею всю итальянскую кампанію и обратный походъ черезъ Сенготардъ. Онъ велъ точный счетъ не только больнымъ и раненымъ, но и умершимъ и убитымъ въ русскихъ войскахъ и эти свѣдѣнія доставлялъ въ медицинскую коллегію. По возвращеніи войскъ нашихъ изъ-за границы Я. былъ назначенъ инспекторомъ студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было смотрѣть за строеніемъ зданій академіи, но такъ какъ онъ не могъ къ сроку прибыть въ Петербургъ, то это мѣсто было занято другимъ, и Я. пришлось принять въ 1802 г. мѣсто старшаго доктора въ Выборгскомъ военно-полевомъ госпиталѣ.

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» (СПб., 1883 г.), стр. CCCLXV—CCCLXVI.

Янковичъ *Е.*, писатель-переводчикъ 1787—1802 г.г., студентъ медицины. Ему принадлежатъ слѣдующіе переводы: «Торговцы», въ 4-хъ дѣйств., соч. Голдони, пер. съ итальянскаго (Лейпцигъ, 1787 г.); «Оберонъ», подражаніе Виланду, пер. съ нѣмецкаго (Смоленскъ, 1802 г.) и «Индѣйцы въ Англіи», соч. Коцебу (Смоленскъ, 1800 г.).

В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи» (Спб., 1815 г., ч. III, стр. 317, № 5645; ч. IV, стр. 45, № 7463; ч. III, стр. 300, № 5406).

Янковичъ-де-Миріево, *Иванъ Θедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ легкой гвардейской дивизіи. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе и будучи уже камеръ-пажемъ, онъ 7-го сентября 1795 г. былъ произведенъ въ поручики и назначенъ въ Конно-гвардейскій полкъ, въ которомъ провелъ почти все время своей службы. Назначенный 21-го сентября 1797 г. адъютантомъ къ генералу Муравьеву, онъ продолжалъ числиться въ Конно-гвардейскомъ полку и быстро повышался въ чинахъ: въ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а 8-го апрѣля слѣдующаго года въ полковники. Затѣмъ въ августѣ 1800 г. онъ былъ назначенъ командующимъ Конно-гвардейскимъ полкомъ, но вскорѣ послѣ того навлекъ на себя немилость императора Павла I и былъ уволенъ со службы (5-го октября 1800 г.). Однако, ровно мѣсяцъ спустя, 6-го ноября онъ снова по Высочайшему повелѣнію былъ зачисленъ въ Конно-гвардейскій полкъ и 4-го февраля 1803 г. вторично былъ назначенъ командующимъ полкомъ; съ производствомъ же 17-го мая того же года въ генералъ-маіоры былъ утвержденъ въ должности командира полка. Командуя Конно-гвардейскимъ полкомъ, Я. принялъ участіе въ нашихъ заграничныхъ походахъ противъ Наполеона въ 1805 и 1807 годахъ, при чемъ не разъ выказалъ себя храбрымъ и весьма дѣльнымъ командиромъ. Особенно отличился онъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, когда со своими конно-гвардейцами стремительно атаковалъ и опрокинулъ французскихъ кирасиръ. За это сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Командированный въ январѣ 1808 г. въ армію Буксгевдена, Я. пробылъ тамъ одиннадцать мѣсяцевъ и не разъ участвовалъ въ дѣлахъ съ французами. Возвратившись къ своему полку, онъ до 13-го февраля 1811 г. продолжалъ имъ командовать, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты; впрочемъ, послѣднею онъ командовалъ недолго. Выѣхавъ въ началѣ мая того же 1811 г. изъ Петербурга въ Черкассы, онъ по дорогѣ захворалъ и, спустя нѣсколько дней, 6-го іюня 1811 года скон-

чался въ Черкассахъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ.

О. Р. фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ», вып. II, стр. 85.—«Сенатскій Архивъ», т. I, стр. 471. *Е. Я.*

Янковичъ - де - Миріево, *Ѳедоръ Ивановичъ*, педагогъ, первый директоръ народныхъ училищъ, сербъ по происхожденію, родился въ 1741 г. въ мѣстечкѣ Каменицѣ-Сремской, близъ Петервардейна. Фамилія Янковичей была одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и владѣла близъ Бѣлграда селомъ Миріево. Когда турки овладѣли Сербіею, Янковичи вмѣстѣ съ многими знатными сербами переселились въ 1549 г. въ Венгрію. Здѣсь, въ продолженіе многихъ столѣтій, отличались они геройскими подвигами въ войнахъ противъ турокъ, за что императоромъ Леопольдомъ I-мъ пожалованы были важными преимуществами. Окончательное образованіе Я. получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ юриспруденцію, камеральные предметы и науки, касающіяся внутренняго государственнаго благоустройства. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить особенную любовь его къ наукамъ реальнымъ, отразившуюся въ его взглядѣ на народное образованіе. Первоначально Я. поступилъ на службу секретаремъ къ Темешварскому православному епископу Викентію Іоанновичу Видаку, бывшему впослѣдствіи архіепископомъ Карловачскимъ и митрополитомъ всего Иллирійскаго славянскаго народа. Здѣсь, при знаніи разныхъ языковъ и миролюбивомъ характерѣ, онъ оказалъ большія услуги правительству, внушая православному духовенству чувство приверженности къ престолу и поддерживая въ немъ миръ и согласіе съ католическимъ духовенствомъ и народомъ римско-католическаго исповѣданія. Затѣмъ въ 1773 г. Я. опредѣленъ былъ первымъ учителемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ банатѣ, принявъ въ то же время участіе и въ осуществленіи обширной учебной реформы, предпринятой императрицей Маріей-Терезіей. Цѣлью этой реформы было введеніе въ Австріи новой системы народнаго образованія, явившейся сначала въ Пруссіи и разработанной настоятелемъ Саганскаго августинскаго манастыря Фельбигеромъ. Преимущества новой системы, узаконенной уставомъ 1774 г., заключались въ стройной концентраціи начальныхъ и высшихъ народныхъ школъ, тщательной подготовкѣ учителей, раціональныхъ пріемахъ преподаванія и установленіи спеціально учебной администраціи. На обязанности Я., какъ директорѣ училищъ въ провинціи, населенной православными сербами, лежало приспособленіе новой учебной системы къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ. Въ 1776 г. онъ посѣтилъ Вѣну и подробно ознакомился съ тамошней учительской семинаріей, послѣ чего перевелъ на сербскій языкъ нѣмецкія руководства, введенныя въ новыя школы, и составилъ руководство для учителей своей провинціи, подъ заглавіемъ: «Ручная книга, потребная магистрамъ иллирійскихъ не-уніатскихъ малыхъ школъ». Въ 1774 г. императрица Марія-Терезія пожаловала Я. дворянское достоинство австрійской имперіи, съ присоединеніемъ къ настоящей фамиліи названія *де-Миріево*, по имени села, принадлежавшаго предкамъ его въ Сербіи. Въ грамотѣ было сказано: «Мы благосклонно примѣтили, видѣли и узнали его хорошіе нравы, добродѣтель, разсудокъ и дарованія, о которыхъ намъ съ похвалою донесено» и пр. Вскорѣ послѣ того какъ новая система народнаго образованія утвердилась въ Австріи, императрица Екатерина II рѣшила ввести эту систему въ Россіи. Познакомилъ съ нею императрицу императоръ Іосифъ II при свиданіи въ Могилевѣ, при чемъ тогда же выписалъ для нея всѣ учебники австрійскихъ нормальныхъ школъ и указалъ ей на Я., какъ на «человѣка, трудившагося уже въ устроеніи народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія его величества императора Римскаго, какъ знающаго языкъ россійскій и нашъ православный законъ исповѣдующаго». Съ этого времени Я. посвятилъ себя новому своему отечеству и въ теченіе 20-ти слишкомъ лѣтъ трудился на пользу его неутомимо и съ самоотверженіемъ. Это было время, когда густая тьма невѣжества покрывала еще все пространство обширной нашей имперіи. Учебныя заведенія были только въ столицахъ; внѣ ихъ ученіе происходило въ немногихъ духовныхъ училищахъ въ нѣсколькихъ городахъ имперіи; гимназія, кромѣ Москвы и Петербурга, была въ одной Казани. Въ городахъ не только маленькихъ, но и большихъ не было никакого правильнаго ученія, а о селахъ и говорить нечего.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Я. было положено законодательное начало новому просвѣтительному началу: 7 сентября 1782 г. состоялся указъ объ учрежденіи школьной коммиссіи, но въ иномъ составѣ сравнительно съ первоначальнымъ предположеніемъ. Во главѣ коммиссіи былъ поставленъ П. В. Завадовскій, и членами ея назначены академикъ Эпинусъ и тайн. сов. П. И. Пастуховъ. Я. же сначала дано было официальное положеніе, не вполнѣ соотвѣтствовавшее той руководящей роли, какая выпала па его долю; онъ не былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ коммиссіи и работалъ въ ней въ качествѣ сотрудника-эксперта, хотя на немъ лежала вся тяжесть новаго предпріятія: составленіе общаго плана новой учебной системы, организація учительской семинаріи и переводъ и переработка учебныхъ руководствъ. Всѣ соображенія въ этомъ отношеніи дѣлались имъ и потомъ представлялись на обсужденіе коммиссіи, которая почти всегда утверждала ихъ вполнѣ. Лишь въ 1797 г. Я. былъ назначенъ дѣйствительнымъ членомъ коммиссіи.

По плану Я. народныя элементарныя школы составляютъ три разряда: 1) малыя школы (двухклассныя), 2) среднія школы (трехклассныя) и 3) главныя школы (четырехклассныя). Въ школахъ перваго разряда обучаютъ—въ первомъ классѣ: чтенію и письму, знанію цыфири, церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенному катехизису, священной исторіи и первоначальнымъ правиламъ русской грамматики. Во 2-мъ—послѣ повторенія предыдущаго—пространному катехизису безъ доказательствъ изъ свящ. писанія, чтенію книги «О должностяхъ человѣка и гражданина», ариѳметикѣ 1-й и 2-й части, чистописанію и рисованію. Въ школахъ 2-го разряда къ первымъ двумъ классамъ малыхъ школъ присоединялся еще третій классъ, въ которомъ, при повтореніи прежняго, учатъ пространному катехизису съ доказательствами изъ свящ. писанія, чтенію и изъясненію евангелій, русской грамматикѣ съ упражненіями въ правописаніи, всеобщей исторіи и всеобщей и русской географіи въ сокращенномъ видѣ и чистописанію. Школы 3-го разряда (главныя) состоятъ изъ 4-хъ классовъ,—курсъ первыхъ трехъ тотъ же, что и въ среднихъ школахъ; въ четвертомъ же классѣ преподаются: всеобщая и русская географія, всеобщая исторія болѣе подробно, русская исторія, математическая географія съ задачами на глобусѣ, русская грамматика съ упражненіями въ письменныхъ упражненіяхъ, употребительныхъ въ общежитіи, какъ-то: въ письмахъ, счетахъ, распискахъ и т. п., основанія геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры и рисованіе. Въ основѣ курса народныхъ училищъ лежитъ такимъ образомъ реальное направленіе.

Образованіе для народныхъ училищъ первыхъ учителей, знакомыхъ съ требованіями дидактики и педагогики, исключительно принадлежало Я.; въ этомъ дѣлѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, экзаменовалъ молодыхъ людей, желавшихъ посвятить себя учительскому званію, знакомилъ ихъ съ методою ученія и, по требованію коммиссіи, назначалъ на то и другое мѣсто, смотря по способностямъ каждаго.

Въ открытой въ 1783 г. (декабря 13) учительской семинаріи учебная и воспитательная часть устроены были по мысли Я., который вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и начальство надъ ними по званію директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губ. Я. озаботился снабдить созданное имъ воспитательное заведеніе всѣми необходимыми учебными пособіями. Кабинетъ естественной исторіи при училищѣ заключалъ въ себѣ собраніе главнѣйшихъ породъ изъ царства животныхъ и царства ископаемыхъ, значительный гербарій и книги съ изображеніемъ тѣхъ предметовъ, которыхъ невозможно было имѣть въ натурѣ. Для класса математики и физики пріобрѣтены были болѣе нужные модели и инструменты, а для механики и гражданской архитектуры выписаны были изъ Вѣны разные чертежи, модели и машины. Въ библіотекѣ для чтенія, въ пособіяхъ по географіи и исторіи и вообще хорошихъ по тому времени учебникахъ по всѣмъ предметамъ также не было недостатка.

По настоянію Я. были запрещены какъ въ учительской семинаріи, такъ и въ главномъ народномъ училищѣ всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были. Плоды усилій Я. не замедлили обнаружиться: любовь къ ученымъ занятіямъ мало-по-малу овладѣла молодыми питомцами семинаріи и проявилась въ предпринятомъ ими съ 1 апрѣля 1784 г.

періодическомъ изданіи подъ затѣйливымъ названіемъ «Растущій виноградъ».

Я. былъ директоромъ главнаго народнаго училища и учительской при немъ семинаріи до 17 мая 1785 г.; обремененный многочисленными занятіями по составленію учебниковъ и устройству учебной части народныхъ училищъ, онъ былъ уволенъ коммиссіею отъ непосредственнаго управленія этимъ заведеніемъ. Если учительская семинарія не принесла тѣхъ плодовъ, какихъ надѣялись получить отъ нея въ первое время, то все же она была у насъ первымъ разсадникомъ учителей для народныхъ училищъ, упрочившихъ навсегда дѣло народнаго образованія.

Въ 1785 г. коммиссія народныхъ училищъ поручила Я. составить наказъ для руководства на будущее время въ отношеніи къ частнымъ пансіонамъ и школамъ. По наказу этому, вошедшему въ уставъ народныхъ училищъ 5 августа 1786 г., всѣ частные пансіоны и школы должны быть подчинены, наравнѣ съ народными училищами, вѣдѣнію приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Воспитаніе въ частныхъ школахъ, уравненныхъ съ народными, должно было отличаться семейнымъ дружелюбіемъ, простотою въ образѣ жизни и совершаться въ религіозномъ духѣ. Моральныя средства дѣйствія на воспитанниковъ опредѣлялись въ слѣдующихъ словахъ наказа: «Паче всего препоручается содержателямъ и учителямъ, дабы они въ питомцахъ и ученикахъ своихъ старались поселить правила честности и добродѣтели, предшествуя имъ въ томъ и дѣломъ и словами: чего ради быть имъ при нихъ неотлучно и удалять отъ глазъ ихъ все то, что можетъ быть поводомъ къ соблазну... содержать однако же въ страхѣ Божіемъ, заставляя ихъ ходить въ церковь и молиться, вставая и ложась спать, предъ начатіемъ и окончаніемъ ученія, предъ столомъ и послѣ стола. Стараться также доставлять имъ невинныя удовольствія, когда есть къ тому удобные случаи, обращая оныя имъ въ награжденіе и отдавая всегда преимущества прилежнѣйшимъ и благонравнѣйшимъ». Нельзя, однако, не замѣтить, что на духъ ученія и воспитанія въ частныхъ пансіонахъ и школахъ наказъ Я. имѣлъ весьма слабое вліяніе. Причины этому заключались, съ одной стороны, въ недостаткѣ содержателей, соотвѣтствовавшихъ идеалу воспитателя, представленному въ наказѣ, а съ другой—въ томъ важномъ обстоятельствѣ, что требованія нашего общества стояли далеко ниже этого идеала, и потому дѣлали возможнымъ существованіе плохихъ пансіоновъ, лишь бы учили въ нихъ французскому языку и танцамъ.

По наказу Я. въ частныхъ пансіонахъ дозволялось воспитывать вмѣстѣ дѣтей мужескаго и женскаго пола, при чемъ содержателямъ вмѣнялось въ обязанность имѣть для дѣтей разныхъ половъ особенныя отдѣльныя комнаты. Эта коренная ошибка была исправлена уставомъ 1804 г. Можно сдѣлать еще упрекъ наказу въ томъ, что въ немъ говорится только о частныхъ учителяхъ въ пансіонахъ и школахъ, но упущены изъ виду частные учителя, занимающіеся обученіемъ въ частныхъ домахъ; способъ испытанія послѣднихъ и отношеніе ихъ къ училищному начальству остаются неопредѣленными. Такая неопредѣленность естественно повлекла за собою ослабленіе надзора за домашнимъ ученіемъ и открыла широкое поле для прежнихъ злоупотребленій, особенно со стороны учителей иностранцевъ.

Приготовляя учителей и устраивая для нихъ семинаріи, Я. участвовалъ также: 1) въ составленіи учебныхъ книгъ и 2) въ введеніи и распространеніи раціональнаго способа преподаванія наукъ въ народныхъ училищахъ.

Труды его по составленію учебниковъ особенно поражаютъ и своею обширностью, и удачнымъ исполненіемъ, обнаруживающимъ въ немъ замѣчательный педагогическій тактъ. Ему принадлежатъ слѣдующія учебныя книги и пособія: 1) Таблицы азбучныя и для складовъ церковной и гражданской печати (1782); 2) Букварь (1782); 3) Сокращенный катехизисъ съ вопросами и безъ вопросовъ (1782); 4) Прописи и при нихъ руководство для чистописанія (1782); 5) Правила для учащихся (1782); 6) Пространный катехисисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія (1783); 7) Священная исторія (1783); 8) Всемірная исторія (1784) и 9) Зрѣлище вселенныя (1787). Далѣе, Я. были передѣланы и примѣнены къ потребностямъ училищъ: 1) Сокращенная русская исторія, извлеченная изъ подробной исторіи, сочиненной (по плану Я.) Штриттеромъ (1784); 2) Сокращенная россійская географія и 3) Всеобщее землеописаніе.

Затѣмъ, подъ руководствомъ Я. или по его плану были изданы: 1) Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, священника Сидеровскаго (1782) и 2) всѣ географическія карты, глобусы и атласы (1782—1790). Наконецъ, по указанію Я. переведено было въ 1783 г. на русскій языкъ помощникомъ его Ковалевскимъ «Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ», въ концѣ котораго приложены составленныя учителемъ академической гимназіи Свѣтловымъ «Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и правописаніи, какъ предварительное пособіе при изученіи правилъ русскаго языка». Вѣроятно, Я. былъ авторомъ «Книги о должностяхъ человѣка и гражданина», составленной имъ по австрійскимъ образцамъ. Даже и въ тѣхъ руководствахъ, которыя не были составлены Я., онъ присоединялъ свои предисловія. Ему принадлежатъ также инструкціи: наставленія надзирателю народныхъ училищъ Струговщикову (1783), наказъ директору С.-Петербургскихъ народныхъ училищъ Козадавлеву при вступленіи его въ управленіе училищами (1784), наказъ лицамъ, назначеннымъ для освидѣтельствованія частныхъ пансіоновъ въ С.-Петербургѣ (1784), наказъ директору учительской семинаріи Коху (1787) и наказъ визитатору Козодавлеву при осмотрѣ народныхъ и частныхъ училищъ въ Новгородской, Тверской, Московской, Тульской, Калужской, Владимірской, Ярославской, Вологодской, Рязанской и Тамбовской губерніяхъ (1788).

Что же касается методы обученія Я., то она состояла: 1) изъ совокупнаго наставленія, 2) совокупнаго чтенія, 3) изображенія через начальныя буквы, 4) таблицъ и 5) вопрошенія. Отличительный характеръ методы Я. выражается въ стремленіи къ живому преподаванію предмета, возбуждающему и овладѣвающему всѣми душевными силами учащагося. Поэтому неудивительно, что метода его, какъ противодѣйствіе схоластическому и механическому способу ученія, принята была, кромѣ народныхъ училищъ того времени, въ духовныхъ училищахъ, въ корпусахъ и др. Конечно, не вездѣ ее понимали, какъ слѣдуетъ, и даже большею частью не умѣли, или не хотѣли пользоваться ею надлежащимъ образомъ; но тѣмъ не менѣе, хотя она и упала съ теченіемъ времени, но успѣла пустить ростки въ нашихъ училищахъ, и нѣкоторыя наставленія долго служили единственнымъ руководствомъ для учителей нашихъ народныхъ школъ.

Избранный въ 1783 г. (октября 28) членомъ Россійской Академіи, Я. привлеченъ былъ къ трудамъ по словопроизводному словарю. Составленіе словъ на букву И и I принадлежитъ ему совмѣстно съ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Гавріиломъ. Но гораздо значительнѣе былъ трудъ Я. по составленію сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ, идея котораго сильно интересовала Екатерину II. Она поручила Я. составить новый полнѣйшій словарь съ расположеніемъ словъ въ альфабетическомъ порядкѣ. Первая часть словаря вышла въ 1790 г., а остальныя три части въ 1791 г. подъ названіемъ: «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный». Въ словарѣ Я. сравниваются 279 языковъ: 171 азіатскій, 55 европейскихъ, 30 африканскихъ и 23 американскихъ. Такой громадный трудъ Я. былъ совершенъ имъ всего въ два года, несмотря на множество другихъ постороннихъ занятій. «Я обязанъ, говоритъ Аделунгъ, благодушію Янковича отличнымъ экземпляромъ имъ обработаннаго словаря, но его совершенно угасшая память не позволила ему сообщить мнѣ подробностей о павшемъ на его выборѣ императрицы, о планѣ его труда, пособіяхъ и проч.». Заключая въ себѣ больше языковъ и больше системы, чѣмъ словарь Палласа, словарь Я. уступаетъ этому труду въ томъ отношеніи, что при текстѣ его, напечатанномъ по-русски, нѣтъ объясненія выговора русскихъ словъ для иностранцевъ, что дѣлало словарь его недоступнымъ для послѣднихъ.

Императрица Екатерина II неоднократно удостоивала Я. своимъ благоволеніемъ. Она наградила его чинами коллежскаго сов. (1784) и ст. сов. (1793) и орденомъ св. Владиміра—сперва 4 ст. (1784), а потомъ 3 ст. (1786). Въ 1791 г. она пожаловала ему деревню въ Могилевской губ. и въ томъ же году сопричислила его къ россійскому дворянству. Въ царствованіе императора Павла I онъ награжденъ былъ чиномъ д. ст. сов. и, сверхъ получаемаго имъ жалованья, ему опредѣлено было пенсіи по 2000 р., а въ

1802 году ему была пожалована аренда въ Гродненской губ.

По учрежденіи въ 1802 г. министерства Народнаго Просвѣщенія Я. вошелъ въ составъ вновь образованной коммиссіи объ училищахъ, съ 1803 г. получившей названіе Главнаго правленія училищъ. Въ министерствѣ, дѣятельностью котораго на первыхъ порахъ руководилъ кружокъ личныхъ друзей императора Александра I, Я. не пользовался вліяніемъ, хотя трудился по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ административнымъ и учебнымъ. Въ 1804 г. онъ оставилъ службу, такъ какъ чрезмѣрные труды совершенно истощили его умственныя и физическія силы. Я. умеръ 22 мая 1814 г. и похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Отличительными чертами характера Я. были прямота, соединенная съ скромностью, необыкновенная аккуратность, безукоризненность, честность и строгая набожность безъ всякой примѣси религіозной нетерпимости.

А. Вороновъ, «Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево или народныя училища въ Россіи при императрицѣ Екатеринѣ II» (Спб., 1858 г.).—*Его же*, «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 годъ включительно» (Спб., 1849 г.).—*М. И. Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», т. I, стр. 17, 258; т. IV, стр. 246—248, 271, 510; т. VII, стр. 144—151, 510, 511.—*Д. А. Толстой* гр., «Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II» (Спб., 1886, оттискъ изъ LIV тома «Записокъ Император. Академіи Наукъ»).—*А. Н. Пыпинъ*, «Исторія русской литературы», т. IV, стр. 26, 50, 138.—*С. В. Рождественскій*, «Историческій обзоръ дѣятельности министерства Народнаго Просвѣщенія 1802—1902 гг.» (Спб., 1902 г.).—*Его же*, «Изъ исторіи учебныхъ реформъ императрицы Екатерины II» («Журн. М-ва Нар. Просв.», 1909 г., мартъ).—*Его же*, «Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ», т. I (Спб., 1912 г.).—*Его же*, статья въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. 82, стр. 673—674).

Янковскій, *Евгеній Осиповичъ*, генералъ-маіоръ, волынскій губернаторъ, родился 7 марта 1837 г. въ старинной дворянской семьѣ Полтавской губерніи. Воспитывался Я. въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго въ 1856 г. былъ произведенъ въ прапорщики и опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и тогда же прикомандированъ къ Михайловской артиллерійской академіи. Выпущенный изъ академіи по первому разряду, онъ былъ назначенъ преподавателемъ артиллеріи сначала въ кіевскомъ, а потомъ въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Однако педагогическая дѣятельность Я. продолжалась недолго. 17-го апрѣля 1859 г. онъ былъ переведенъ въ л.-гв. конную артиллерію, гдѣ служилъ до 1864 г. Съ этого времени начинается чисто административная его дѣятельность. Командированный въ распоряженіе учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, онъ исполнялъ обязанности сначала члена люблинской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ былъ комиссаромъ той же комиссіи, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ ея работахъ. Спустя четыре года, Я. былъ произведенъ въ подполковники и вышелъ въ отставку, при чемъ за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ ему была Высочайше пожалована серебряная медаль. Въ 1869 г. онъ снова поступилъ на военную службу и былъ зачисленъ въ корпусъ жандармовъ, съ назначеніемъ правителемъ дѣлъ управленія Варшавскаго жандармскаго округа. Въ этой должности онъ состоялъ десять лѣтъ. Послѣ русско-турецкой войны Я. въ 1879 г. былъ командированъ въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Дундукова-Корсакова для устройства въ Восточной Румеліи полицейской и жандармской части, но пробылъ тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. 24-го апрѣля того же года онъ былъ причисленъ къ министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ оставленіемъ по армейской кавалеріи, а 15-го мая произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ бессарабскимъ губернаторомъ. Пробывъ въ Бессарабіи три мѣсяца, онъ 19-го августа того же года былъ переведенъ въ Москву на должность оберъ-полицмейстера. Въ Москвѣ Я. прослужилъ ровно три года и 18-го августа 1882 г. былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ Астраханскаго казачьяго войска. Въ слѣдующемъ году, 24-го августа, онъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Полтавскую губернію и, наконецъ, 25-го февраля 1889 года назначенъ волынскимъ губернаторомъ. Такъ какъ въ Волыни совершенно не было уѣздныхъ предводителей дворянства, а должности ихъ исполняли въ большинствѣ случаевъ мировые посредники, часто не принадлежавшіе даже къ дворянскому сословію, Я. всѣ мѣста уѣздныхъ предводителей замѣстилъ мѣстными

русскими землевладѣльцами. Вообще Я. составилъ себѣ на Волыни репутацію энергичнаго администратора съ твердымъ русскимъ направленіемъ. Скончался онъ 29-го іюля 1892 г. въ Варшавѣ и тамъ же погребенъ.

«Волынскія Губернскія Вѣдомости», 1892 г., №74.—«Новое Время»,1892 г.,№5900.—«Сынъ Отечества», 1892 г., № 207.—«Правительственный Вѣстникъ», 1892 г., № 167.

Е. Я.

Янковскій, *Константинъ Владиславовичъ,* докторъ медицины и хирургіи, ассистентъ при хирургической клиникѣ Московскаго университета, родился въ Твери въ 1849 году. Учился Я. въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1872 г. получилъ званіе лѣкаря и поступилъ сначала къ профессору Корженевскому, а по смерти послѣдняго ассистентомъ къ профессору Склифасовскому при С.-Петербургской хирургической клиникѣ. Съ 1876 г. Я. находился въ числѣ врачей летучаго медицинскаго отряда, снаряженнаго по почину императрицы Маріи Александровны для поданія помощи раненымъ на войнѣ. Здѣсь Я. проявилъ необыкновенную энергію и выносливость. Физически изнеможенный послѣ множества операцій и перевязокъ, онъ только урывками пользовался отдыхомъ, здѣсь же на открытомъ воздухѣ, и нерѣдко во время шипкинскихъ морозовъ его видѣли заснувшимъ у костра, едва пригрѣтымъ буркою. По окончаніи русско-турецкой войны Я. завѣдывалъ тифознымъ госпиталемъ въ Санъ-Стефано. Затѣмъ снова вернулся въ Россію и вмѣстѣ съ проф. Склифасовскимъ, получившимъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ, переѣхалъ въ Москву, сперва въ качествѣ его частнаго ассистента, а затѣмъ вскорѣ былъ назначенъ офиціальнымъ ассистентомъ по университетской клиникѣ. Въ 1881 г. Я. былъ командированъ за границу и, вернувшись въ 1883 г., защитилъ (30 апрѣля) въ Московскомъ университетѣ диссертацію: «О вліяніи перерѣзки сосудодвигательныхъ нервовъ на отдѣленіе лимфы и образованіе отека при воспаленіи и гидреміи» (1883 г. Рефераты Медицинскаго Обозрѣнія 1884 г., XXI, 197 стр.) и получилъ степень доктора медицины. Умеръ Я. 29 іюня 1883 года отъ чахотки легкихъ.

А. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетрадь 5, стр. 215.—*Родзевичъ*, «Словарь докторовъ медицины Московскаго университета».—«Врачъ», 1884 г., стр. 456, 612.—«Новое Время», 1884 года, №№ 2994, 2995, 2997.

М. А.

Янковскій, *Осипъ Васильевичъ*, коллежскій совѣтникъ, врачъ, происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи Подольской духовной семинаріи Я. поступилъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію (1818 г.), изъ которой, четыре года спустя, былъ выпущенъ лѣкаремъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а оттуда въ 1824 г. былъ переведенъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ. Получивъ въ слѣдующемъ году званіе штабъ-лѣкаря, онъ въ 1826 г. былъ командированъ въ Ахтырскій Оглынскій военно-временный госпитальный отдѣлъ, и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ служилъ въ Елизаветпольскомъ и Тифлисскомъ военныхъ госпиталяхъ, въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Эривани, въ пѣхотномъ кн. Паскевича баталіонѣ и въ Ахалцыхской крѣпости. Лишь послѣ назначенія своего въ 1830 г. въ Каменецъ-Подольскій военный госпиталь онъ прослужилъ на одномъ мѣстѣ около десяти лѣтъ, но съ 1840 по 1842 гг. снова начинается быстрая перемѣна мѣстъ службы. Въ это время онъ служилъ въ Варшавскомъ военномъ госпиталѣ, въ Закавказскомъ конно-мусульманскомъ полку и въ Дубенскомъ и Бобруйскомъ военныхъ госпиталяхъ. Въ 1842 г. онъ былъ назначенъ въ Могилевскій военный госпиталь, гдѣ прослужилъ шесть лѣтъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ Виленскій военный госпиталь. Дальнѣйшая служба его продолжалась съ 1851 по 1855 г. въ Бугскомъ военномъ госпиталѣ, потомъ два года въ Ловичскомъ военномъ госпиталѣ и, наконецъ, съ 1857 г. до отставки снова въ Варшавскомъ военномъ госпиталѣ. Въ 1861 г. онъ вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. Скончался Я. въ концѣ 1860-хъ годовъ. Послѣ него остались «Практическія замѣтки» (числомъ десять), напечатанныя въ «Другѣ Здравія» за 1837 годъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, СПБ., 1886 г., тетрадь II, стр. 178.

Е. Я.

Янковскій, *Осипъ,* докторъ медицины Виленскаго университета, родился въ 1789 г. По окончаніи Виленскаго университета по медицинскому факультету,

онъ въ мартѣ 1812 г. получилъ степень магистра медицины и въ томъ же году защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De calculis viarum urinarium, eorumque analysi chemica» (Diss. D. M. Viln. 1812). Въ слѣдующемъ году Я. опредѣлился докторомъ въ Лидскій повѣтъ Гродненской губерніи, но въ 1819 г. вышелъ въ отставку и занялся частной практикой. Скончался Я. въ августѣ 1830 г. Кромѣ докторской диссертаціи, ему принадлежитъ статья «Календарь Виленской флоры», помѣщенная въ «Dzennik Wileński», 1817 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, СПБ., 1886 г., тетрадь II, стр. 178.

Е. Я.

Янковскій, *Плакидъ Гавриловичъ*, уніатскій соборный протоіерей, асессоръ Литовской (Виленской) консисторіи. Родился Я. 20 сентября 1810 г. въ деревнѣ Войской, Гродненской губ., гдѣ отецъ его былъ уніатскимъ приходскимъ священникомъ. Родъ свой Я. производилъ изъ Польши, изъ Мазовіи, гдѣ и до сихъ поръ распространена фамилія Янковскихъ, столько же польская, сколько малороссійская и бѣлорусская. Отецъ Я. сначала служилъ въ чинѣ поручика подъ знаменами Костюшки, послѣ же окончательнаго раздѣла Польши принялъ духовный санъ, который переходилъ въ фамиліи Янковскихъ наслѣдственно, отъ отца къ сыну. Первоначальное образованіе Я. получилъ въ домѣ своего отца, гдѣ онъ прожилъ до 8-ми лѣтъ. По достиженіи этого возраста его отдали на годъ въ Свислочскую гимназію, откуда перевели въ Брестскую базиліанскую (уніатскую) школу, бывшую на правахъ тогдашнихъ русскихъ гимназій; но, по признанію Я., онъ вынесъ изъ этой школы крайне мало. По окончаніи курса въ Брестской школѣ въ 1824 г. онъ весь слѣдующій годъ провелъ въ совершенной праздности дома. Въ 1826 г. Я. поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ такъ называемую главную семинарію, существовавшую при Виленскомъ университетѣ (съ 1803 г.) въ качествѣ богословскаго факультета для католиковъ и уніатовъ, откуда вышли всѣ знаменитые дѣятели по упраздненію уніи. Окончивъ курсъ въ 1830 г. магистромъ богословія, Я. въ томъ же году поступилъ профессоромъ этого предмета въ Литовскую семинарію, находившуюся въ то время въ мѣстечкѣ Жировицахъ, гдѣ была тогда и уніатская консисторія. Семинарія эта была открыта въ 1828 г., при старыхъ уніатскихъ порядкахъ, еще далекихъ отъ возсоединенія съ православіемъ. Но въ 1830 г. послѣ ревизіи, произведенной епископомъ Сѣмашкой, она была совершенно преобразована съ цѣлью подготовленія къ этому возсоединенію. Въ 1831 г. первый польскій мятежъ и свирѣпствовавшая въ Гродненской губ. холера разогнали учениковъ и учителей Жировицкой семинаріи. Молодой Я. отправился въ Вильну, гдѣ на досугѣ хотѣлъ заняться составленіемъ диссертаціи на степень доктора; но скудный запасъ его средствъ вскорѣ истощился, и онъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Къ счастью, въ немъ принялъ горячее участіе профессоръ Довгардъ, доставившій ему мѣсто домашняго учителя въ Бѣлоруссіи, именно въ Могилевской губерніи, у маршалка (дворянскаго предводителя) Чудовскаго. Въ просвѣщенной семьѣ этого помѣщика, въ имѣніи Низахъ, Чериковскаго уѣзда, онъ провелъ 10 мѣсяцевъ, считая это время самымъ пріятнѣйшимъ въ своей молодости. Въ 1831 г. онъ получилъ степень доктора богословія, а въ слѣдующемъ году возвратился въ Жировицы къ своей должности и къ избранницѣ своего сердца, Еленѣ Тупальской, на которой вскорѣ и женился. Въ томъ же 1832 г. онъ принялъ священство, т. е. въ ту пору, когда вопросъ объ упраздненіи уніи былъ уже рѣшенъ въ принципѣ, чего не могъ не знать молодой профессоръ ни по своему служебному положенію, ни по своимъ отношеніямъ къ поборникамъ упраздненія. Обстоятельства, при которыхъ началась его вторичная дѣятельность въ Жировицахъ, никоимъ образомъ не допускаютъ того предположенія, что Я. былъ противникомъ возсоединенія. Родственныя связи и отношенія съ людьми, подвизавшимися при упраздненіи уніи, какъ, напр., Ипполитомъ Гомолицкимъ, Антоніемъ Тупальскимъ и др., несомнѣнно имѣли сильное вліяніе на Я., но, подписывая актъ «возсоединенія», онъ это дѣлалъ сознательно, свободно и безъ всякаго внѣшняго давленія. Знаменитый 1839 г., когда въ западныхъ губерніяхъ Россіи была уничтожена унія, засталъ Я. въ санѣ протоіерея и при томъ въ положеніи, неоспоримо доказывавшемъ полное къ нему довѣріе архіе-

пископа Іосифа Сѣмашки и ближайшаго его помощника, епископа Антонія Зубка. Этимъ, между прочимъ, и объясняется его быстрое повышеніе по службѣ: онъ получилъ золотой наперстный крестъ, ордена Анны 2-ой и 3-й степени и званіе вице-президента консисторіи. Любытно отмѣтить, что Я. одинъ изъ возсоединеннаго духовенства не носилъ ни бороды, ни рясы до самой смерти, и митрополитъ Сѣмашко, щадя его привычки и оригинальность, ничего не имѣлъ противъ этого и нерѣдко даже подтрунивалъ надъ нимъ, говоря: «Передайте Янковскому, что теперь всѣ носятъ бороду и что даже самъ папа хочетъ отпустить ее».

Перенесеніе Литовской семинаріи и консисторіи въ Вильну (1845 г.) заставило и Я. переселиться въ этотъ городъ, куда отправился онъ весьма неохотно, жалѣя покинутыя любимыя имъ Жировицы. Здѣсь въ первый разъ встрѣтился съ нимъ Крашевскій, авторъ его некролога. «Мы нашли его, говоритъ Крашевскій, такимъ, какимъ и надѣялись найти: чувствительнымъ, сердечнымъ, живымъ, веселымъ, какъ и его письма, только подъ этимъ весельемъ скрывалась какая-то тоска. Такая смѣсь тоски и веселости составляетъ характеристическую черту какъ его личности, такъ и его писемъ». Въ Вильнѣ Я. пробылъ около 2-хъ лѣтъ, до 1847 г. Привычка къ тихой, уединенной жизни, склонность съ литературнымъ и ученымъ занятіямъ, сравнительная дороговизна городской жизни, при его небольшихъ средствахъ и громадной семьѣ (въ это время у него было пятеро своихъ и шестеро сиротъ умершей сестры его Гомолицкой), а также слабое по природѣ и разстроенное отъ усидчивыхъ занятій здоровье заставили его просить о переводѣ приходскимъ священникомъ и благочиннымъ въ мѣстечко Бѣлавичи, Слонимскаго уѣзда, въ имѣніе помѣщика Пусловскаго. Въ Бѣлавичахъ Я. прожилъ около 10-ти лѣтъ, до 1858 г. Окончательно разбитое здоровье заставило его проситься на покой въ свои любимыя Жировицы, куда онъ и былъ уволенъ съ пенсіею и гдѣ прожилъ 14 лѣтъ, до самой смерти.

Въ 1840 хъ и 1850-хъ годахъ Я. принадлежалъ къ числу наиболѣе читаемыхъ польскихъ писателей, извѣстный подъ псевдонимомъ Iohn'a of Dycalp'a (Iohn— Иванъ, или Янъ; Dycalp — анаграмма имени Плакидъ). Склонность къ литературнымъ занятіямъ Я. вынесъ изъ Виленскаго университета, гдѣ въ числѣ его товарищей находились извѣстные впослѣдствіи писатели: Игнатій Головинскій, гр. Генрихъ Ржевусскій и Михаилъ Грабовскій. Виленскій ученый и литературный кружокъ 40-хъ годовъ имѣлъ на него неоспоримо большое вліяніе. Я. началъ писать еще съ 30-хъ годовъ прозою и стихами; но наибольшая его литературная производительность относится къ 40-мъ и 50-мъ годамъ, т. е. ко времени послѣ возсоединенія, къ порѣ его второго пребыванія въ Жировицахъ, Вильнѣ и Бѣлавичахъ, когда онъ уже былъ православнымъ священникомъ. Писалъ онъ очерки, разсказы и повѣсти; но одна беллетристическая производительность его не удовлетворяла: онъ очень много занимался изученіемъ языковъ, свободно читалъ по-французски, нѣмецки, англійски и итальянски и любилъ переводить на языкъ Мицкевича произведенія Шекспира, Гете и Мацони. Владѣлъ въ совершенствѣ онъ и русскимъ языкомъ. Писатель онъ былъ весьма плодовитый, ему принадлежатъ болѣе 20-ти пьесъ, и притомъ довольно крупныхъ. Изъ его литературныхъ трудовъ напечатаны слѣдующіе: 1) «Pisma przedślubne i przedsplinowe» (2 тома, Вильна, 1840 г.); 2) «Zaścianek, niedawna kronika» (ibid., 1841 г.); 3) «Przeczucie», комедія въ 3-хъ актахъ (ibid., 1841 г.); 4) «Ostatni upior w Biełhradzie, dosłowny wyciąg z kroniki czeskiej XVI wieku» (ibid., 1842 г.); 5) «Puste kobiety», ком. Шекспира, перев. съ англійск. (ib., 1842 г.); 6) «Pamiętniki Elfa (2 тома, ib., 1843 г.); 7) «Chwila opowiadania» (ib., 1842 г.); 8) «Uczucia chrześcijanina» (ib., 1845 г.); 9) «Sędzia Pieniążek», импровизація (ib., 1845 г.); 10) «Północna godzina», перев. съ англ. Шекспира (ib., 1845 г.); 11) «Doktor Panteusz w przemianach, rękopism ze skrzyni ś. p. Przybysława Dyjamentowskiego, stolnika urzędowskiego, mając sobie udzielony, spisał John of Dycalp» (Лейпцигъ, 1845 г.); 12) «Opowiadania Iohna of Dycalpa» (Вильна, 1843 г.); 13) «Powieść składana» (ib., 1843 г.); написана совмѣстно съ Крашевскимъ, которому принадлежатъ отдѣлы 2, 4 и 6, а остальные — Янковскому; 14) «Rozalia Szajner i Szarmycel» (1844 г.); 15) «Chaos, szczypta kadzidła cieniom wierszokletów od

Witalisa Zonajedzie» (Вильна, 1842 г.); 16) «Kilka wspomnieni uniwersyteckich» (ib., 1854 г.); 17) «Anegdoty i fraszki; doznanej usypiającej własności, przez Komitet medycyny sprawdzone i approbowane» (ib., 1847 г.); 18) «Nowe opowiadania» (Лейпцигъ, 1847 г.); 19) «Opowiadania wierszem» (Вильна, 1846 г.); 20) «Brat i siostra», obrazek dramatyczny z Goetego (ib., 1846 г.) и 21) «Narzeczeni».

Уединенная и совершенно кабинетная жизнь оставляла ему, кромѣ авторства и исполненія служебныхъ обязанностей, къ которымъ онъ относился весьма добросовѣстно, еще много досуга, который Я. употреблялъ на чтеніе книгъ, преимущественно философскаго, религіознаго и историческаго содержанія. По свидѣтельству Крашевскаго, онъ велъ также обширную переписку съ польскими литераторами и учеными и что его очень долго занимала мысль объ изданіи литовскихъ типовъ, по примѣру выходившихъ тогда въ Парижѣ «Les français peints par eux mêmes». Онъ даже пригласилъ Крашевскаго къ участію въ этомъ изданіи, но оно по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не состоялось. Большой домосѣдъ Я., съ цѣлью добыть матеріалы, сдѣлалъ лѣтомъ 1842 г. небольшую этнографическую и археологическую экскурсію. Онъ отправился въ Новогрудокъ, Минской губ., гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ развалины замка Миндовга. По статьѣ Крашевскаго можно догадываться, что Я. былъ большой литовофилъ, что вполнѣ объясняется мѣстомъ его образованія. Извѣстно, что Я. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей», въ которыхъ помѣстилъ некрологи митроп. Іосифа, протоіереевъ Ипполита Гомолицкаго, Михаила Бобровскаго и Прокопія Ситкевича и нѣкоторыя другія статьи. Далѣе, онъ работалъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», и ему принадлежатъ всѣ корреспонденціи (съ ноября 1866 по февраль 1868 г.г.) изъ Слонима и нѣкоторыя изъ Гродненской губ. Онъ же сдѣлалъ переводъ или передѣлку его польской повѣсти «Староста Каневскій», напечатанной въ фельетонѣ «Виленскаго Вѣстника», въ которой представлены чудачества извѣстнаго польскаго самодура Яна Потоцкаго и фривольная жизнь тогдашняго католическаго монашества.

Если согласиться со взглядомъ польскаго «Литературнаго Ежегодника», признающаго въ Я. писателя теперь уже устарѣвшаго, съ небольшимъ, второстепеннымъ дарованіемъ, то и тогда личность его остается весьма типичной, какъ литератора стараго времени, какъ идеалиста 30—40-хъ годовъ, очутившагося въ санѣ священника. Его мало интересовала дѣйствительная жизнь; его мягкая натура, можетъ быть, изнемогала и утомилась подъ тяжестью событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Онъ весь ушелъ въ міръ идеальный, книжный, міръ литературы и науки; онъ почти цѣлую четверть вѣка прожилъ въ деревенскомъ затворѣ.

Въ 1867 г. Я. лишился нѣжно любимой имъ жены. Эта потеря имѣла сильное вліяніе на его, и безъ того слабое, здоровье. Онъ, видимо, таялъ, и если прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то единственно благодаря энергіи и силѣ своего духа. Онъ скончался 28 февраля 1872 г. въ совершенномъ уединеніи и отчужденіи отъ свѣта, оставленный и забытый тѣми, которые нѣкогда считали его своимъ.

«Древняя и Новая Россія», 1876 г., т. II, № 8, стр. 286, 322—336 (статья М. Де-Пуле).—«Литовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1877 г., № 2, стр. 12—16; № 3, стр. 20—24.—«Tygodnik Illustrowany», 1873 г., № 285.—«Encyklopedyja powszechna», т. 13, стр. 38—39.

Яннау-фонъ, *Генрихъ-Георгъ*, пасторъ, писатель, родился въ Лифляндіи 4 августа 1788 г. Отецъ его пасторъ, человѣкъ многосторонне образованный, самъ занимался съ сыномъ, а въ 1806 г. послалъ его въ Дерптскій университетъ. Здѣсь Я. въ теченіе четырехъ лѣтъ слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ и за этотъ промежутокъ времени удостоился двухъ серебряныхъ медалей: въ 1808 г. за богословское сочиненіе: «Entwickelung der in dem bei den Evangelisten vorkommenden Worte-Engel-liegenden Begriffe» и въ 1809 г.—за религіозно-философскій трактатъ: «Schilderung der Religion des Herzens, als einer höhern Stufe christlicher Vollkommenheit». Въ декабрѣ 1811 г. Я. былъ назначенъ сельскимъ пасторомъ, но, имѣя намѣреніе еще пополнить свое образованіе, вскорѣ уволился отъ этой должности и въ 1816 г. уѣхалъ за границу. Въ Іенѣ онъ получилъ степень доктора философіи, послѣ чего вернулся на родину, замѣстивъ отца (скончавшагося въ 1821 г.) въ должности па-

стора въ лифляндскомъ мѣстечкѣ Лайсѣ, гдѣ и провелъ всю послѣдующую свою жизнь, всецѣло посвятивъ себя на служеніе наукѣ и ближнему. Въ 1824 г. курляндское литературно-художественное общество избрало Я. своимъ членомъ; въ 1834 г. онъ вступилъ въ качествѣ одного изъ членовъ-основателей въ общество для изученія исторіи и древностей Остзейскаго края, въ Ригѣ; въ 1836 г. назначенъ былъ ревизоромъ сельскихъ школъ Дерптскаго округа. Въ томъ же году Я. предпринялъ поѣздку въ Швецію для осмотра тамошнихъ книгохранилищъ и архивовъ, при чемъ найденные имъ въ королевской библіотекѣ историческіе матеріалы, касавшіеся прошлаго Лифляндіи, были имъ обнародованы въ 1838 г. въ мѣстномъ журналѣ «Inland» и снискали ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Тогда же ученое эстонское общество въ Дерптѣ избрало его своимъ членомъ, а въ 1842 г. Я. былъ признанъ членомъ-корреспондентомъ историческаго института въ Парижѣ.

Литературныя работы Я. были очень разнообразны, при чемъ наряду съ историческимъ интересомъ въ большинствѣ изъ нихъ замѣтно и горячее желаніе придти на помощь своей родинѣ и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Кромѣ нѣсколькихъ рѣчей, произнесенныхъ съ церковной каѳедры, и цѣлаго ряда статей, напечатанныхъ въ журналахъ: «Provinzial-Blatt für Liv-Esth und Kurland» и «Inland» («Erinnerungen aus der Geschichte des Schlosses zu Lais», 1836 г.; «Einige Bemerkungen über die Ursache der Armuth unserer Nationalen», 1837 г.; «Beschäftigungen und Zeiteintheilungen der Landprediger in Livland», 1845 г.; «Vater Luthers Ansicht von den Brüdern in Böhmen und Mähren», 1855 г. и др.), Я. напечаталъ отдѣльно изслѣдованіе объ эстонскихъ нарѣчіяхъ: «Ueber die Grund und Ursprache der Esthen und die Mittel zu einer allgemeinen Esthnischen Schriftsprache zu gelangen», Pernau, 1828. Писалъ онъ и по-эстонски.

Многолѣтніе пастырскіе труды Я. также не прошли незамѣченными: въ 1842 г. онъ былъ назначенъ членомъ Лифляндской евангелической консисторіи, въ 1853 г. получилъ золотой наперстный крестъ и въ 1856 г.—орденъ св. Станислава 2 ст.

Въ 1859 г. Я. былъ еще живъ и годъ смерти его неизвѣстенъ.

Recke und Napiersky, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», т. 2, стр. 381, 382. Nachträge und Fortsetzungen zum Lexikon, стр. 294.—*Napiersky*, «Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland», тет. 3, стр. 25. *А. Г.*

Яннау, *Генрихъ-Іоаннъ*, пасторъ, писатель. Происходилъ изъ Лифляндіи, гдѣ и родился 23 февраля 1752 г.; первоначальное образованіе Я. получилъ дома и въ рижской «Domschule», а затѣмъ до 1773 г. изучалъ богословіе въ Геттингенскомъ университетѣ. Вернувшись на родину, Я. въ 1776 г. занялъ должность младшаго пастора въ Пелвѣ, а черезъ три года (1779 г.) переведенъ былъ старшимъ пасторомъ въ Лайсъ, гдѣ и оставался до самой смерти, послѣдовавшей 18 января 1821 г. Послѣдніе два года своей жизни Я. состоялъ, кромѣ того, членомъ Лифляндской евангелической консисторіи.

У современниковъ Я. былъ извѣстенъ какъ талантливый писатель-моралистъ и историкъ Прибалтійскаго края. Изъ сочиненій его извѣстны: «Sitten und Zeit; ein Memorial an Lief-und Estlands Väter» (Рига, 1781 г.); «Geschichte der Sklaverei und Charakter der Bauern in Lief-und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft» (Рига, 1786 г.); «Provincialblätter an das lief-und estländische Publikum» (Рига, 1786 г.); «Die Sophisterei in Estland; ein Fragment an Herrn A. V. Kotzebue vom Verfasser der Provincialblätter an das lief—und estländische Publikum» (Рига, 1787 г.) и «Geschichte von Lief—und Estland, pragmatisch vorgetragen» (2 части, Рига, 1793—1796 г.г.).

Recke und Napierski, «Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten—Lexikon», t. 2, стр. 382. Nachträge und Fortsetzungen zum Lexikon, стр. 295.—*A. Richter*, «Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten Deutschen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit demselben», Рига, 1850 г., т. I, стр. 6. *А. Г.*

Яннау, *Карлъ-Адамъ*, докторъ медицины, родился въ Ригѣ 1 января 1724 г. Въ 1745 г. онъ поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ изучалъ медицину и въ 1750 г. по защитѣ диссертаціи: «De inflammationibus febre acuta stipatis, sive do febribus inflammatoriis genere» получилъ степень доктора. Вернувшись на родину, Я. занялся частной практикой и умеръ въ Ригѣ 36-ти лѣтъ отъ роду, 7 января 1760 г.

Одновременно съ медициной Я. интересовался и астрономіей и писалъ по астрономическимъ вопросамъ. Одно изъ его сочиненій: «Rede von den fortgesetzten Himmelsbeobachtungen und der Beobachtung der Venus» уже послѣ смерти автора было помѣщено въ сборникѣ Шлегеля «Reden zur Feier des Throngelangungsfestes etc». (Рига, 1769 г.).

Recke und Napiérski, «Allgemeines Schriftsteller — und Gelehrten — Lexikon», т. 2, стр. 383. *А. Г.*

Яновичъ, *Алексѣй Онисимовичъ*, докторъ ботаники Одесскаго университета, ординарный профессоръ того-же университета по каѳедрѣ ботаники. Родился въ 1831 г., воспитывался въ Кіевѣ и тамъ-же получилъ высшее образованіе въ университетѣ св. Владиміра, курсъ котораго окончилъ въ 1856 г. кандидатомъ физико-математическаго факультета. Въ томъ же году 1-го октября онъ занялъ должность преподавателя Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ и тогда же сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Выдержавъ въ 1858 г. экзаменъ и защитивъ диссертацію на степень магистра ботаники, онъ до сентября слѣдующаго года состоялъ приватъ-доцентомъ при университетѣ. Избранный 12-го сентября 1859 г. по конкурсу адъюнктомъ по каѳедрѣ ботаники Казанскаго университета, Я. 31-го декабря того же года былъ утвержденъ въ этой должности и уже въ слѣдующемъ году выступилъ съ проектомъ лѣтнихъ практическихъ курсовъ по естественнымъ наукамъ. 3-го іюня 1861 года Я. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по каѳедрѣ ботаники. Однако долго прослужить въ этомъ университетѣ ему не пришлось. Непріятности, происшедшія между тогдашнимъ попечителемъ и нѣкоторыми профессорами, въ числѣ которыхъ былъ и Я., вынудили послѣдняго оставить университетъ. 17-го іюля 1863 г. онъ былъ причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія и вслѣдъ затѣмъ командированъ за границу, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ, занимаясь изслѣдованіями въ лабораторіи извѣстнаго Де-Бари, въ Фрейбургѣ, и въ тоже время готовя свою докторскую диссертацію. Получивъ, по возвращеніи въ Россію, мѣсто преподавателя во вновь открытомъ Одесскомъ университетѣ, онъ защитилъ свою докторскую диссертацію, получилъ степень доктора ботаники и затѣмъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Но и здѣсь ему пришлось проработать очень недолго. Въ 1867 г. у него обнаружились признаки болѣзни мозга. Его отвезли въ Петербургъ, гдѣ помѣстили въ лѣчебницу доктора Шульца. Годъ спустя, онъ настолько оправился, что снова вернулся въ Одессу и опять началъ читать лекціи, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его вынуждены были снова отправить въ психіатрическую лѣчебницу, изъ которой онъ уже болѣе не возвращался. Скончался Я. въ Петербургѣ 20-го января 1871 г.

Н. П. Загоскинъ, «Дѣятели Казанскаго университета 1805—1900 г. г.», Казань 1900 г., стр. 97.—*Его же*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго унив. (1804—1904), ч. I, стр. 551.—«Иллюстрированная Газета», 1871 г., т. XXVII, № 5, стр. 79—80.—«Русскій Календарь» на 1872 г., стр. 410.—«Русскій Архивъ», 1873 г., № 8, стр. 1515. *Е. Ястребцевъ.*

Яновскій, *Андрей Ивановичъ*, с. с., ординарный профессоръ медико-хирургической академіи, сынъ дьячка села Крупьевахи, Слободско-Украинской губ. По окончаніи курса въ Харьковской коллегіи Я. поступилъ канцеляристомъ въ С.-Петербургскую адмиралтейскую коллегію, а оттуда въ 1799 г. опредѣлился студентомъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ, состоя студентомъ, въ то же время исполнялъ и обязанности писца съ жалованьемъ въ 50 р. въ годъ. Въ 1803 г. онъ былъ отправленъ въ Вѣну для изученія скотоврачебнаго искусства. По возвращеніи изъ-за границы Я. въ 1807 г. былъ назначенъ адъюнктомъ ветеринаріи и ординаторомъ С.-Петербургскаго сухопутнаго госпиталя; въ слѣдующемъ году онъ преподавалъ хирургію, а въ 1812 г.—зоотомію. Въ 1815 г. Я. получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1826 г.—ординарнаго профессора и читалъ лекціи до 1831 г., когда при осмотрѣ больныхъ лошадей въ конно-гвардейскомъ полку онъ заразился огневередовою горячкою, отъ которой и скончался 3 февраля.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, стр. 178.—«Исторія Импер. военно-медицинской академіи за сто лѣтъ (1798—1898)», стр. 101, 290.

Яновскій, *Валеріанъ* (*Владиміръ*) *Андреевичъ*, докторъ медицины, родился въ 1812 г. Въ 1834 г. онъ поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, изъ которой въ 1838 г. былъ выпущенъ съ званіемъ лѣкаря и назначенъ въ С.-Петербургскій военно-сухопутный госпиталь. Пять лѣтъ спустя, онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря и сталъ готовиться къ докторскому экзамену, выдержавъ который, онъ 9-го мая 1852 г. защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De scarlatina» (Diss. Д. М. Ptrp., 1852) и былъ удостоенъ искомой степени. Въ 1854 г. Я., по случаю свирѣпствовавшей въ Одессѣ эпидеміи тифа, былъ прикомандированъ къ № 18 военному временному госпиталю (въ Одессѣ). Здѣсь въ концѣ слѣдующаго 1855 года онъ самъ заболѣлъ тифомъ и скончался въ декабрѣ того-же года на 44 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетр. II, стр. 178.— «Военно-Медицинскій Журналъ», 1857 г., ч. 69, стр. 151; 1856 г., № 3, стр. 21.

Е. Ястребцевъ.

Яновскій, *Николай Максимовичъ*, писатель, годъ рожденія неизвѣстенъ, умеръ 3 марта 1826 г. въ Одессѣ. Сотрудничалъ въ журналахъ: «Зеркало свѣта», «Лѣкарство отъ скуки» и «С.-Петербургскій Меркурій». Я. напечаталъ «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащій разныя въ россійскомъ языкѣ встрѣчающіяся иностранныя реченія и техническіе термины, значеніе которыхъ не всякому извѣстно, каковы суть между прочими: астрономическіе, математическіе и пр.» (3 части. СПБ., 1803 — 1806) и издалъ: «Плоды празднаго времени, или разныя мелкія стихотворенія» (СПБ., 1788 г.).

Ефремовъ, «Матеріалы для исторіи русской литературы».—«Сѣв. Пчела», 1826 г., № 34.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія» А. Смирдина, №№ 5954, 6661.—Энцикл. словари Ефрона и Клюшникова.

Н. Редько.

Яновскій 1, *Павелъ Кирилловичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ 15-ой полевой артиллерійской бригады, родился въ 1805 г. и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Спб. губерніи. Поступивъ въ 1820 г. въ артиллерійское училище, онъ по прошествіи трехъ лѣтъ былъ произведенъ въ подпоручики и опредѣленъ въ 23-ью конно-батарейную роту, съ оставленіемъ при училищѣ. За отличіе въ наукахъ онъ въ 1825 г. былъ произведенъ въ подпоручики, а въ слѣдующемъ году назначенъ бригаднымъ квартирмейстеромъ. Во время польской кампаніи 1831 г. Я., находясь въ отрядѣ генерала барона Крейца, участвовалъ въ рядѣ кровопролитныхъ сраженій и за отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, былъ награжденъ орд. Св. Анны 3 ст. съ бантомъ. По окончаніи польской кампаніи онъ въ 1832 г. былъ переведенъ въ 19-ую артиллерійскую бригаду. Проходя затѣмъ службу въ разныхъ артиллерійскихъ бригадахъ и постепенно повышаясь въ чинахъ, Я. въ чинѣ полковника принялъ участіе въ Крымской кампаніи 1854 г. и находился на Одесскомъ рейдѣ для защиты купеческихъ судовъ, атакованныхъ англо-французскими пароходо-фрегатами; послѣ же объявленія Одессы въ блокированномъ положеніи оставался въ городѣ при бомбардировкѣ его англо-французскимъ флотомъ. Участіе Я. въ этой кампаніи также было отмѣчено рядомъ орденовъ. Въ 1863 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Книга формулярныхъ списковъ 1860 г., № 3380. Формулярный списокъ командира 15-ой полевой артиллерійской бригады полковника Яновскаго 1-го.

И. Н. Артамонова.

Яновскій, *Петръ Алексѣевичъ*, переводчикъ съ французскаго языка. Ему принадлежитъ переводъ «Исторіи нѣмецкой имперіи, т. е. о замѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ и перемѣнахъ, бывшихъ въ ней со времени возстановленія ея Карломъ Великимъ до императора Лотарія II, съ показаніемъ преемничества и описаніемъ свойствъ какъ государей, управлявшихъ имперіею, такъ и папъ, имѣвшихъ тогда сильное вліяніе на политическія дѣла не только въ нѣмецкой имперіи, но и во всей Европѣ» (въ 3-хъ частяхъ. СПБ., 1811 г.).

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія» А. Смирдина, № 3140.

Яновскій (Анисимовъ), *Петръ Осиповичъ*, кол. ас., штабъ-лѣкарь, родился въ мѣстечкѣ Групѣ, Черниговскаго намѣстничества, Зеньковскаго уѣзда, въ 1770 г. Отецъ его былъ священникомъ, но дворяниномъ по происхожденію. Сред-

нее образованіе Я. получилъ въ Черниговской духовной семинаріи, по окончаніи которой въ 1792 г. поступилъ въ С.-Петербургское генеральное госпитально-хирургическое училище. Послѣ двухлѣтнихъ занятій въ училищѣ Я. въ 1794 г. получилъ званіе подлѣкаря и въ томъ же году былъ принятъ на службу въ Балтійскій корабельный флотъ, гдѣ въ скоромъ времени получилъ званіе лѣкаря. Въ 1800 г. онъ переведенъ былъ въ гребной Балтійскій флотъ, въ Роченсальскій портъ, а въ 1803 г. въ Каспійскій флотъ. Въ 1808 г., продолжая служить въ Каспійскомъ флотѣ, Я. получилъ званіе штабъ-лѣкаря. Когда въ 1809 г. въ Астрахани появилась чума, Я. энергично боролся противъ распространенія этой эпидемической болѣзни и многаго успѣлъ въ этомъ направленіи, но самъ сдѣлался жертвою чумы и умеръ въ Астрахани 17-го декабря 1809 г. Ему приписывается переводъ съ французскаго: «Анастазисъ или обязанность предупреждать погребеніе мертвыхъ». По другимъ однако свѣдѣніямъ, «Анастазисъ» переведенъ Петромъ Алексѣевичемъ Яновскимъ (См. Рогожинъ «Систематическій указатель къ «Опыту рос. библ.» Сопикова, М., 1900 г., стр. 182, и Сопикова, ч. II, стр. 24, № 1942).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 г., тетр. 2, стр. 178).—*Я. Березинъ-Ширяевъ,* «Матеріалы для библіографіи» (Спб., 1869 г., кн. VII, стр. 137).

Яновскій, *Филиппъ Николаевичъ,* ген.-лейт. морской артиллеріи, морской агентъ въ Парижѣ. Родился 22 октября 1822 года. Помѣщенный одиннадцати лѣтъ въ морское артиллерійское училище юнгою, онъ, пять лѣтъ спустя, началъ свою дѣйствительную службу унтеръ-офицеромъ 3 класса въ пятой бригадѣ морской артиллеріи и въ теченіе десяти лѣтъ плавалъ въ Черномъ морѣ и Архипелагѣ на кораблѣ «Гавріилъ», фрегатѣ «Браиловъ», шхунѣ «Забіяка» и пароходо-фрегатѣ «Херсонесъ», при чемъ въ 1840 году участвовалъ въ дессантной высадкѣ при занятіи укрѣпленія Цемесъ, а 1 января 1846 года былъ произведенъ въ прапорщики. Переведенный въ 1848 году въ Балтійскій флотъ, Я. недолго оставался во флотѣ и 8 августа 1851 года былъ назначенъ въ артиллерійскій департаментъ морского министерства. Во время службы въ этомъ департаментѣ онъ, между прочимъ, въ 1856 году былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Швецію. Въ 1860 году, при преобразованіи морского министерства, Я. былъ назначенъ начальникомъ чертежной артиллерійской мастерской, въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны, а 30 августа 1864 года—въ подполковники. Назначенный затѣмъ 31 декабря 1866 года дѣлопроизводителемъ канцеляріи морского министерства, Я. 20 мая 1868 года былъ произведенъ въ полковники и въ томъ же году командированъ для осмотра хозяйственныхъ частей въ портахъ Черного моря, ревельскомъ, свеаборгскомъ и каспійскомъ. Далѣе, съ 23 іюля 1873 года Я. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій IV класса при управляющемъ морскимъ министерствомъ и съ 1874 по 1880 годъ провелъ въ командировкѣ въ Бельгіи и Франціи, гдѣ наблюдалъ за исполненіемъ заказанныхъ русскимъ правительствомъ малокалиберныхъ ружей, пистолетовъ, револьверовъ и скорострѣльныхъ пушекъ системы Гочкиса. Произведенный 20 апрѣля 1880 года въ генералъ-маіоры, Я., два года спустя, былъ отчисленъ отъ занимаемой имъ должности, назначенъ состоять при артиллерійскомъ отдѣлѣ морского техническаго комитета и снова командированъ въ Парижъ въ качествѣ нашего морского агента. Въ этомъ званіи онъ оставался до увольненія въ отставку, послѣдовавшую 22 декабря 1886 года, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Выйдя въ отставку, Я. остался жить въ Парижѣ, гдѣ и скончался 17 января 1888 года.

«Общій морской списокъ», т. XII, Спб., 1900 г., стр. 453—455.—«Русскій Календарь» на 1889 г.—«Всеобщій Календарь» на 1889 г.
Е. Я.

Яновскій, *Юрій,* кол. сов., докторъ медицины. Поступивъ вольнослушателемъ въ Виленскій университетъ по медицинскому факультету, онъ былъ выпущенъ оттуда съ званіемъ лѣкаря I отдѣленія и сталъ готовиться къ докторскому экзамену. Защитивъ въ 1827 г. диссертацію подъ заглавіемъ: «De archoptosi» (Diss. D. M. Viln., 1827 г.), онъ 27-го апрѣля того же года получилъ степень доктора медицины, а два года спустя поступилъ на службу въ Петербургскую Калинкинскую больницу. Въ 1831 г. онъ былъ удостоенъ Петербургской медико-хи-

ругической академіей званія акушера. Скончался Я. въ концѣ 40-хъ годовъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь II, стр., 178.
Е. Я.

Яновскій, *Ѳома Максимовичъ,* переводчикъ съ нѣмецкаго языка. Ему принадлежатъ переводы изъ Бишинговой географіи: «Азія и Аравія» (СПБ., 1778) и «Италія» (СПБ., 1776).

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки» А. Смирдина, №№ 3544, 3551.

Яновъ, *Адамъ,* полковникъ Самарскаго гусарскаго полка, депутатъ въ Коммиссіи о сочин. Пр. Нов. Улож. 1767 г. Получивъ наказъ, онъ ходатайствовалъ передъ Правительствующимъ Сенатомъ о надѣленіи землею, наравнѣ съ поселенцами, штабъ и оберъ-офицеровъ Самарскаго гусарскаго полка, или же о причисленіи ихъ къ гусарскимъ или пѣхотнымъ полевымъ полкамъ. Сверхъ того, Я. представилъ проектъ относительно лишенія права помѣщиковъ закрѣпощать иностранныхъ подданныхъ и ихъ потомковъ. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что многіе иностранцы, не зная всей тяжести крѣпостного права, вначалѣ охотно соглашаются идти въ «крѣпость», но потомъ, узнавъ ее, всѣми силами стараются предостеречь своихъ родственниковъ отъ переселенія въ Россію; это право помѣщиковъ, по его мнѣнію, препятствовало заселенію иностранцами пустыхъ мѣстъ Россіи. Далѣе, по его предложенію, иностранцы должны были располагать свободою записываться въ цехи, къ купечеству на поселеніе, на фабрики, къ земледѣльцамъ, взнося наравнѣ съ другими подданными государственные поборы и обыкновенный окладъ. Кромѣ того, Я. подалъ свое отдѣльное мнѣніе относительно иностранцевъ дворянъ и прочихъ лицъ, дослужившихся до дворянскаго достоинства, ходатайствуя, чтобы они были бы сравнены въ правахъ съ россійскими дворянами и награждаемы выдачею надлежащихъ дипломовъ. Свою просьбу Я. мотивировалъ указами Петра I, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, которые всячески награждали иностранцевъ, перешедшихъ въ русское подданство и отличившихся на русской службѣ.

«Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.», т. IV, стр. 195—200; т. XXXII, стр. 6; т. XCIII, стр. 50— 52. *И. Артамонова.*

Яновъ, *Василій Осиповичъ,* думный дьякъ. Въ царствованіе Бориса Годунова состоялъ дьякомъ при воеводѣ Василіи Кордануковичѣ Черкасскомъ въ Смоленскѣ и въ 1605 году вмѣстѣ съ воеводою велъ важное разслѣдованіе о «шатости» смоленскихъ жителей. Съ воцареніемъ Василія Ивановича Шуйскаго Я. сталъ близкимъ къ царю лицомъ и хотя въ это время онъ только управлялъ приказомъ Новгородской Четверти, тѣмъ не менѣе московскіе выходцы, явившіеся въ Тушинскій станъ, называли его въ числѣ «большихъ» людей, т. е. лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе въ Москвѣ. Въ 1609 г. Я. былъ назначенъ думнымъ дьякомъ, а по низложеніи Шуйскаго примкнулъ къ партіи королевича Владислава. Осыпанный милостями послѣдняго и поставленный у «большихъ разрядныхъ дѣлъ», Я. вызвалъ ненависть къ себѣ въ московскомъ населеніи и въ ополченіи Прокофія Ляпунова, при чемъ домъ его въ Москвѣ былъ разграбленъ и сожженъ, а имѣнія разорены. Та-же участь грозила и прочимъ боярамъ, осажденнымъ въ Кремлѣ. Видя свое единственное спасеніе въ немедленномъ прибытіи короля или королевича, бояре осенью 1611 г. рѣшили послать для окончательныхъ переговоровъ съ Сигизмундомъ III кн. Юрія Никитича Трубецкого, Михаила Салтыкова и Я. Послѣдній, очевидно, раздѣлялъ общее мнѣніе и вмѣстѣ съ прочими участниками посольства торопилъ короля изъ-подъ Смоленска къ Москвѣ. Это обстоятельство, въ связи съ разыгравшейся войной, дало впослѣдствіи, послѣ избранія царя Михаила Ѳедоровича Романова, поводъ считать Я. точно такъ же, какъ и прочихъ лицъ, правившихъ въ Москвѣ именемъ Владислава, «первыми измѣнниками и всякому злу начальниками, достойными всякихъ злыхъ смертей». Но ведя переговоры съ Сигизмундомъ, ссылаясь съ Ходкѣвичемъ и Гонсѣвскимъ и уговаривая Московскихъ бояръ подчиниться требованіямъ короля, Я. несомнѣнно дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію, не руководясь одними корыстными побужденіями. Послѣ перваго умиротворенія съ Польшею въ 1618 г. Я., остававшемуся въ обозѣ у королевича Владислава, предложено было вернуться въ Москву, но, вѣрный своему крестному цѣлованію, онъ отказался отъ этого.

Акты историческіе, т. II, стр. 62, 64, 179

250, 261, 263, 266—268, 367, 379, 383.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. II, стр. 1005, 1066, 1077, 1152, 1153.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. XII, пр. 529.—*А. Барсуковъ*, «Списки городовыхъ воеводъ», стр. 209. *А. Г.*

Яновъ, *Иванъ Большой*, старшина, депутатъ отъ войска Донского въ коммиссіи о соч. Пр. Нов. Ул. 1767 г. Совершивъ рядъ походовъ въ Крымъ (1739 г.), Финляндію (1749 г.) и Пруссію (1758—1759 г.), Я. по возвращеніи на родину въ 1760 г. былъ назначенъ войсковымъ дьякомъ, исполняя въ то же время съ 1762 г. и обязанности старшины. Въ 1767 г. онъ былъ избранъ депутатомъ въ коммиссію о сочиненіи Пр. Нов. Ул. Получивъ наказъ отъ казаковъ, Я. представилъ Пр. Сенату проектъ реформъ, направленныхъ къ улучшенію гражданскаго и военнаго судопроизводства, сильно запутаннаго вслѣдствіе неграмотности многихъ старшинъ. По проекту Я., въ войсковую канцелярію должны были входить 8 войсковыхъ старшинъ, и при томъ грамотныхъ и знающихъ законы, которые бы вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ могли рѣшать дѣла, остальные же старшины должны были нести войсковую службу (при соблюденіи извѣстной очереди). Старшины, опредѣленные къ присутствію для пользы дѣла, должны были находиться безсмѣнно въ цѣляхъ лучшаго ознакомленія съ законами и порядками дѣлопроизводства. Для ускоренія же дѣлопроизводства Я. предлагалъ назначить къ письменнымъ дѣламъ не одного, а двухъ войсковыхъ дьяковъ и въ помощь къ нимъ 20 человѣкъ канцелярскихъ служителей. Что же касается письменнаго правленія, то Я. предлагалъ раздѣлить его на двѣ экспедиціи: войсковую и гражданскую. Всѣмъ присутствующимъ въ войсковой канцеляріи, т. е. войсковому атаману и старшинамъ, дьякамъ и канцелярскимъ служителямъ полагалось изъ войсковыхъ суммъ денежное жалованье. Далѣе, по проекту Я., помимо войсковой канцеляріи, для рѣшенія мелкихъ дѣлъ надлежало устроить словесный судъ. По выполненіи депутатскихъ полномочій, Я. въ теченіе ряда лѣтъ: 1775, 1776, 1779 и съ 1783—1785 гг. занималъ должность войскового судьи; въ промежуткѣ же съ 1783—1785 гг., какъ походный атаманъ, находился съ казачьими полками на р. Бугѣ. 4-го августа 1792 г. по Именному повелѣнію Я., въ уваженіе къ его долговременной службѣ, за старостью и болѣзнями, былъ уволенъ отъ службы и награжденъ чиномъ арміи полковника.

«Сбор. Импер. Русск. Истор. Общ.», т. 32, стр. 76, 77.—Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Опись 107, связка 145, дѣло № 7, листъ 3.

И. Н. Артамонова.

Яновъ, *Николай Петровичъ*, ген.-м., командиръ 1-й бригады 1-й донской казачьей дивизіи. Молодость свою Я. провелъ среди природы—приволья задонскихъ степей и широкихъ разливовъ Дона, закалившихъ его богатырскія силы; эти силы вполнѣ гармонировали съ его духовными качествами, проявлявшимися въ житейскомъ тактѣ, деликатности и уваженіи къ человѣку. Наличность такихъ душевныхъ качествъ не могла не дать благотворныхъ результатовъ. Еще задолго до появленія дисциплинарныхъ уставовъ онъ вывелъ изъ употребленія въ командуемомъ имъ полку тѣлесныя наказанія и выказывалъ вообще много заботъ и гуманности въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. До назначенія командиромъ 1-й бригады 1-й донской казачьей дивизіи Я. командовалъ л.-гв. атаманскимъ Е. И. В. наслѣдника цесаревича полкомъ. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 г. г. онъ въ головѣ помянутой 1-й бригады первый открылъ широкій путь русской конницѣ для вторженія въ предѣлы Турціи, при чемъ переплылъ верхомъ 12-ти верстный разливъ Дуная и вслѣдъ затѣмъ совершилъ молодецкій набѣгъ, въ 125 верстъ, на Тульчу, по горной дорогѣ, въ одинъ переходъ. Подвигами этими городъ былъ имъ вырванъ изъ рукъ башибузуковъ, но труды боевой жизни породили въ немъ тяжкія болѣзни—ревматизмъ и лихорадку, сведшія его въ могилу. Я. умеръ въ половинѣ декабря 1884 г.

«Новое Время», 1885 г., № 3181.—Русскій Инвалидъ», 1885 г., № 3.

Яновъ, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей. Службу началъ казакомъ 1-го февраля 1771 г. и 20-го февраля того же года былъ произведенъ въ есаулы. Во время первой турецкой войны Екатерининскаго царствованія Я. находился въ полкахъ генерала-отъ-инфантеріи Дми-

трія Иловайскаго и полковника Поздѣева, участвуя во многихъ сраженіяхъ съ татарами. Онъ былъ при занятіи Перекопа и Крымскаго полуострова, сражался на Кубани за р. Лабою и находился въ битвахъ съ горцами. 1-го сентября 1776 г. Я. былъ назначенъ войсковымъ старшиною, а въ слѣдующемъ 1777 г. былъ посланъ съ ввѣреннымъ ему полкомъ въ Таврическую область. Въ 1778 г., во вторую турецкую кампанію, Я. находился съ полками при Украинской арміи и также, какъ и въ первую войну, участвовалъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Въ 1792 г. онъ былъ посланъ въ Польшу, гдѣ принялъ участіе въ сраженіяхъ съ поляками. Во всѣхъ сраженіяхъ Я. всегда находился въ передовыхъ отрядахъ. Въ 1793 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ 1796—1797 г. находился въ Персидскомъ походѣ. Произведенный въ 1797 г. въ полковники, а черезъ два года въ генералъ-маіоры, онъ съ того времени служилъ при В. Донскомъ, занимая разныя должности до 1800 г., когда вышелъ въ отставку.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Формулярный списокъ генералъ-маіора П. И. Янова. *И. Артамонова.*

Яновъ, *Семенъ*, стрѣлецкій голова, родомъ изъ Астраханскихъ дѣтей боярскихъ. Въ 1660 г. посланъ былъ изъ Астрахани въ Москву съ церковнымъ виномъ, приготовленнымъ на мѣстныхъ виноградникахъ. Проходя затѣмъ стрѣлецкую службу, назначенъ былъ головою и въ 1667—1668 г.г. принялъ участіе въ усмиреніи бунта, поднятаго на Волгѣ Степаномъ Разинымъ. Посланный воеводою Яковомъ Безобразовымъ противъ бунтовщиковъ подъ Яицкій городокъ, Я. съ другимъ стрѣлецкимъ головою Никифоромъ Нелюбовымъ отряженъ былъ для переговоровъ съ воровскими казаками, но схваченъ Стенькой Разинымъ и по его распоряженію повѣшенъ.

Акты Историческіе, т. IV, стр. 378, 389, 494.—Дополн. къ Ак. Истор., т. IV, стр. 172—173; т. VI, стр. 8, 9; т. VII, стр. 256. *А. Г.*

Янсонъ, *Юлій Эдуардовичъ*, заслуженный ординарный профессоръ, извѣстный статистикъ, родился 5 октября 1835 г. въ Кіевѣ; среднее образованіе получилъ въ 1-ой кіевской гимназіи, по окончаніи курса которой (съ золотою медалью) поступилъ въ университетъ св. Владиміра—сначала на медицинскій факультетъ, но вскорѣ перешелъ на историко-филологическій, гдѣ въ то время читалась между прочимъ статистика. Изъ университета Я. вышелъ въ 1855 г. со степенью кандидата и съ золотою медалью, полученною имъ за разсужденіе: «Историческое обозрѣніе воспитанія въ Россіи до конца XVIII вѣка». Педагогическая дѣятельность Я. началась въ 1857 г., когда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ младшаго преподавателя русской словесности въ 1-ой кіевской гимназіи; въ февралѣ 1861 г. онъ поступилъ въ Горыгорецкій земледѣльческій институтъ адъюнктомъ по каѳедрѣ сельско-хозяйственной статистики и политической экономіи. Послѣднее обстоятельство, по собственному признанію Я., и послужило толчкомъ къ тому, что онъ посвятилъ себя статистикѣ, наукѣ, въ тѣ времена еще совершенно молодой и мало разработанной. Въ Горыгорахъ Я. оставался до осени 1864 г., когда земледѣльческій институтъ былъ перенесенъ въ Петербургъ; туда же перешелъ и молодой доцентъ. Въ томъ же году онъ защитилъ при историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: «Значеніе теоріи ренты Рикардо». Петербургъ открылъ передъ Я. широкое поле педагогической дѣятельности: съ ноября 1864 г. онъ началъ читать статистику и политическую экономію въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, въ слѣдующемъ году выступилъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ статистики, а въ 1868 г. политической экономіи въ университетѣ, позднѣе оба предмета читалъ въ пажескомъ корпусѣ, статистику — въ Александровскомъ лицеѣ (съ 1880 г.) и политическую экономію на высшихъ женскихъ курсахъ. Однако обширная преподавательская работа не отрывала Я. и отъ литературныхъ занятій. Въ 1866 г. онъ анонимно издалъ «Краткій курсъ политической экономіи» (2 вып., Спб., 1886 г.), не утратившій интереса и для настоящаго времени. Лѣтомъ 1867 и 1868 гг. онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ предпринятомъ Императорскими вольно-экономическимъ и географическимъ обществами изслѣдованіи хлѣбной произ-

водительности и торговли въ Россіи; раіономъ Я. былъ Юго-Западный край; результатомъ его изысканій были два большихъ тома въ «Трудахъ» экспедиціи, включившіе слѣдующія монографіи Я.: «Пинскъ и его раіонъ», «Хлѣбная торговля на Волыни», «Хлѣбная торговля на самовозныхъ рынкахъ», «Крымъ, его хлѣбопашество и хлѣбная торговля» и «Статистическое изслѣдованіе хлѣбной торговли въ Одесскомъ раіонѣ». Изданныя въ 1869—1870 гг. Императ. русскимъ географическимъ обществомъ, изслѣдованія эти были увѣнчаны со стороны этого общества золотою медалью и упрочили за ихъ авторомъ имя самостоятельнаго и проницательнаго статистика. Во время своихъ работъ въ Юго-Западномъ краѣ Я. попутно собиралъ свѣдѣнія и факты, характеризующіе и другія стороны экономической жизни посѣщеннаго имъ раіона; ими онъ воспользовался для составленія брошюры «Изъ путевыхъ замѣтокъ о свекловичномъ производствѣ малороссійскихъ и западныхъ губерній», въ которой приведены цѣнныя фактическія данныя объ экономическихъ условіяхъ этой производственной области и о бытѣ рабочихъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, а также утилизировалъ ихъ и для доклада Импер. вольно-экономическому обществу (31 октября 1868 г.): «О вліяніи реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлѣбную торговлю въ юго-западныхъ губерніяхъ» (напеч. въ «Трудахъ Вольно-Эконом. Общ.», 1868 г., т. IV). Общая характеристика занятій въ Юго-Западномъ краѣ, обогатившихъ его массой практическихъ свѣдѣній, дана Я. въ особой брошюрѣ: «Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ теченіе лѣта 1868 г.».

Первая печатная работа Я. въ области теоріи статистики относится къ 1871 г.; это высоко цѣнимая спеціалистами его докторская диссертація: «Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики» (вып. I — Котле-Вагнеръ; Дюфо-Герри; вып. II и послѣдній, въ которомъ предполагалось критическое разсмотрѣніе соціально-этической школы, не появился въ свѣтъ). Вмѣстѣ съ пріобрѣтенной за эту работу степенью доктора политической экономіи и статистики Я. получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1873 г. и ординарнаго профессора по каѳедрѣ упомянутыхъ наукъ. Въ 1872 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ организаціи въ Петербургѣ сессіи международнаго статистическаго конгресса, на которомъ прочелъ докладъ «О регистраціи и обнародованіи фактовъ естественнаго движенія населенія» (въ подлинникѣ: «Enregistrement et publication des faits relatifs au mouvement de la population» — напеч. въ «Comte Rendu» конгресса). Конгрессъ возбудилъ въ Я. особый интересъ къ пріемамъ европейскихъ статистиковъ, и лѣтомъ 1873 г. онъ испросилъ себѣ заграничную командировку съ цѣлью ближе изучить практическія стороны статистическаго дѣла въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ 1875 г., по порученію министерства народнаго просвѣщенія, Я. ѣздилъ въ Парижъ для устройства русскаго отдѣла выставки географическаго конгресса, а по возвращеніи былъ назначенъ членомъ-представителемъ отъ Петербургскаго университета въ статистическомъ совѣтѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ будапештскомъ статистическомъ конгрессѣ, на которомъ прочелъ докладъ «О статистикѣ, какъ предметѣ преподаванія въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ»; лѣтомъ 1877, 1878 и 1886 г.г. ѣздилъ въ различныя государства Западной Европы съ ученой цѣлью; въ 1877 г. принималъ участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи (т. н. Барановской) для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи; въ 1887 г. былъ командированъ въ Вѣну на конгрессъ гигіены и демографіи; туда же ѣздилъ и позже, въ 1891 г., для работы въ засѣданіяхъ международнаго статистическаго института. Всѣ эти занятія нисколько не препятствовали Я. продолжать и свои научные труды. Къ первой половинѣ 70-хъ годовъ относятся слѣдующія его работы въ журналѣ «Знаніе» (1873 г.): «Русскія данныя о рождаемости по матеріаламъ статистическаго кабинета С.-Петербургскаго университета»; «Русскія данныя о смертности»; «Русскія данныя о бракахъ»; «Смертность петербургскаго населенія по причинамъ смертей»; «Наши желѣзныя дороги въ сравненіи съ западно-европейскими»; въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній» (1874 г.) — «Устройство правильной переписи въ Россіи» (т. I, стр. 145—166); въ «Вѣстн. Европы» (1875 г.) — «Населеніе Петербурга и его экономическій и соціальный составъ по

переписи 1869 г.»; изъ позднѣйшихъ его журнальныхъ статей слѣдуетъ отмѣтить еще: «Промыслы петербургскаго населенія» («Вѣстн. Евр.», 1881 г.), «Очеркъ распредѣленія земельной собственности въ Россіи» («Русск. Рѣчь», 1890 г.) и «Новыя данныя о распредѣленіи половъ въ различныхъ странахъ земного шара» («Журн. Русск. Общ. Охр. Народн. Здравія», 1891 г., январь).

Еще во время поѣздокъ 1867—1868 гг. Я. обратилъ вниманіе на крестьянское землевладѣніе и на систему обложенія надѣловъ; этимъ вопросамъ отчасти посвящена его упомянутая уже работа—докладъ «О вліяніи реформы 1861 г. etc». Чтобы основательно познакомиться съ этими сложными явленіями и разработать цифровыя данныя, въ сыромъ видѣ разбросанныя по разнымъ офиціальнымъ документамъ и въ работахъ многочисленныхъ коммиссій, потребовалось много времени и труда. Только въ январѣ 1877 г. вышелъ капитальный трудъ Я. «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», въ которомъ авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Полученные освобожденными отъ крѣпостной зависимости крестьянами надѣлы въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ не обезпечиваютъ ихъ жизни; выкупные, оброчные платежи и рядъ другихъ повинностей, связанныхъ съ владѣніемъ надѣла, въ среднемъ значительно превышаютъ доходъ, даваемый надѣльною землею, и не только поглощаютъ собою земельную ренту, но тяжелымъ бременемъ ложатся также и на личный трудъ крестьянина; это явленіе въ связи съ ничтожностью и непрочностью стороннихъ заработковъ, даже въ наиболѣе богатыхъ мѣстностяхъ государства, ведетъ къ постепенному истощенію податного источника и отнимаетъ возможность перейти къ болѣе раціональной системѣ обложенія,—напр., подоходному налогу; наличная же система имѣетъ еще и ту отрицательную сторону, что при ней налоговое бремя падаетъ больше на плечи слабыхъ и бѣдныхъ крестьянъ—малые надѣлы обложены выше, чѣмъ крупные; такимъ образомъ надѣльная собственность становится просто невыгодной для большинства крестьянъ, но они прикрѣплены къ ней. Менѣе очевидная, но не менѣе дѣйствительная невыгода кроется въ этихъ обстоятельствахъ и для помѣщичьяго хозяйства; временныя выгоды отъ непомѣрнаго возвышенія арендныхъ цѣнъ на землю и отъ дешевизны рабочихъ рукъ не могутъ, по мнѣнію Я., вознаградить тѣхъ убытковъ, которые несетъ частновладѣльческое хозяйство, особенно при часто практикующейся системѣ испольной обработки, вслѣдствіе прогрессирующаго уменьшенія у крестьянъ рабочаго скота, ухудшенія у нихъ земледѣльческихъ орудій, пониженія качества обработки земли и вслѣдствіе обусловленнаго обстоятельствами хозяйственной рутинности и безпечности крестьянъ. Установивъ положеніе, что экономическая сторона крестьянскаго землевладѣнія весьма печальна и даже клонится къ ухудшенію, Я. доказывалъ дальше, что еще не поздно исправить ошибки, допущенныя вслѣдствіе спѣшности работы въ аграрномъ законодательствѣ 60-хъ годовъ. Главнѣйшими средствами для улучшенія быта крестьянъ Я. считалъ слѣдующія: предоставленіе крестьянамъ дешеваго кредита для пріобрѣтенія въ собственность отъ частныхъ землевладѣльцевъ тѣхъ земель, которыя имъ приходится арендовать за слишкомъ высокую плату и еще за болѣе высокую придется арендовать въ будущемъ; допущеніе всеобщей переоброчки (пріуроченной къ 1881 г.) съ цѣлью привести поземельные платежи въ соотвѣтствіе съ средствами крестьянъ и съ тѣми хозяйственными отношеніями, которыя опредѣлялись 20-ти лѣтнимъ опытомъ; разрѣшеніе переселеній крестьянъ изъ Европейской Россіи въ малонаселенныя мѣста Сибири и Туркестана; переселенія должны быть организованы цѣлесообразно, притомъ самимъ государствомъ; уменьшеніе выкупныхъ платежей въ виду непомѣрной ихъ высоты; наконецъ, давно ожидаемое преобразованіе всей податной системы въ видахъ перенесенія извѣстной ея тяжести на плечи болѣе состоятельныхъ классовъ населенія. «Опытъ» предназначался Я. для прочтенія на актѣ Петербургскаго университета (8 февраля 1877 г.), но прочитанъ не былъ, такъ какъ для даннаго случая найденъ не совсѣмъ удобнымъ «по своей обширности», и главное, «по самому характеру выводовъ»; вмѣсто него Я. произнесъ рѣчь «О населеніи европейскихъ государствъ».

Выводы, къ которымъ пришелъ Я. въ своемъ изслѣдованіи о надѣлахъ и пла-

тежахъ, произвели сильное впечатлѣніе какъ на общество, такъ и на административныя сферы и нашли какъ восторженныхъ сторонниковъ, такъ и рѣзкихъ противниковъ. Послѣдніе, и среди нихъ особенно Самаринъ, упрекали Я. въ сгущеніи красокъ и въ тенденціозности. Особенно горячій пріемъ выводы Я. встрѣтили среди умѣренно-либеральныхъ земскихъ круговъ и отчасти у литературныхъ дѣятелей, составившихъ нѣсколько позже въ русской журналистикѣ такъ называемую народническую школу.

Результатами позднѣйшихъ земско-статистическихъ изслѣдованій выводы «Опыта» въ значительной степени подтвердились («Опытъ» въ короткое время выдержалъ два изданія, онъ далъ толчокъ предпринятому Центральнымъ статистическимъ комитетомъ обслѣдованію поземельной собственности въ Россіи). Какъ извѣстно, правительство и само вскорѣ выступило на путь улучшенія экономическаго быта крестьянъ пониженіемъ выкупныхъ платежей, отмѣною подушной подати, учрежденіемъ крестьянскаго банка, организаціей переселеній и пр., т. е. стало проводить въ жизнь тѣ самыя мѣры, которыя, хотя и въ болѣе широкомъ объемѣ, такъ горячо рекомендовалъ Я. Одной сторонѣ этихъ мѣропріятій Я. и посвятилъ позже «Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ Положенія 19 февраля 1861 г.», напечатанный въ журн. «Русская Рѣчь» (1888 г.).

Въ 1877 г. студентомъ Якубовымъ, съ согласія Я., были изданы въ сокращенномъ видѣ его лекціи по сравнительной статистикѣ, читанныя имъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія; то же самое произошло въ 1880 г. и съ его лекціями по политической экономіи, изданными А. Степановой; и тѣ, и другія, въ виду недостатка соотвѣтственныхъ печатныхъ руководствъ для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній, имѣли большой успѣхъ. Въ 1878 г. вышелъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ трудовъ Я.: «Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Томъ I. Территорія и населеніе». Второй томъ—«Промышленность и торговля» (вып. 1) увидѣлъ свѣтъ въ 1880 г. «По обилію собранныхъ матеріаловъ, по строго-научной ихъ провѣркѣ, стройной группировкѣ и ясному изложенію», говоритъ проф. Лебедевъ, «эта работа занимаетъ выдающееся мѣсто не только въ русской, но и въ европейской статистической литературѣ». Незадолго до смерти Я. переработалъ первый томъ, дополнилъ его и въ этомъ видѣ выпустилъ въ свѣтъ въ 1893 г. приложеніемъ къ журналу «Русск. Общ. Охран. Народн. Здравія», а затѣмъ и отдѣльной книгой. Что же касается остальныхъ предполагавшихся выпусковъ II тома «Статистики производства торговыхъ растеній», «Статистики лѣсного хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности» и «Статистики путей сообщенія и торговли», то они вчернѣ уже были готовы, но въ печати за смертью автора такъ и не появились. Въ 1879 г. подъ редакціей Я. вышла «Исторія и теорія статистики», составленная изъ переведенныхъ на русскій языкъ статей Адольфа Вагнера, Рюмелина, Эттингера и Швабе, а въ 1881 г. въ «Zeitschrift des Kaiserl. Preussisch. Statist. Bureau's» въ переводѣ Thun'а былъ напечатанъ обстоятельный трудъ Я.—«Обзоръ литературы по русской хозяйственной статистикѣ за 20 лѣтъ (1861—1881 г.г.)».

Строгій къ себѣ, Я. долго не рѣшался выступить въ ученой литературѣ съ какимъ-либо трудомъ спеціально по теоріи статистики, только въ 1885 г. онъ, наконецъ, издалъ, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, исключительно для университетскихъ слушателей, свой первый опытъ въ этой области, подъ заглавіемъ: «Теорія статистики». Изложивъ въ введеніи къ этому труду исторію статистики, какъ науки, Я. обстоятельно разбираетъ вопросы о статистическомъ наблюденіи и его пріемахъ, о научной обработкѣ свѣдѣній и статистическихъ матеріаловъ, о сводкѣ сырыхъ данныхъ въ простыя таблицы, о статистическихъ учрежденіяхъ и пр.; особенно тщательно разработаны здѣсь вопросы демографіи; попутно авторъ отмѣчаетъ и всѣ недостатки русской статистики и указываетъ путь къ ихъ устраненію. По отзыву академика Веселовскаго, книга эта является «вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ трудомъ, основаннымъ на многолѣтнемъ изученіи первоисточниковъ», которыми, по мѣткому выраженію другого біографа Я., для него были «наблюденія надъ самою жизнью». Въ 1887 г. вышло 2-е переработанное изданіе этой книги, а въ 1891 г.—3-е, особенно полное и хорошо разработанное, увѣнчанное 19 де-

кабря 1892 г. Академіею Наукъ золотой медалью и полной преміей гр. Д. А. Толстого и доставившее автору званіе члена-корреспондента Академіи.

Однимъ изъ постоянныхъ стремленій Я. было укрѣпить какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ сознаніе важности статистики вообще и необходимости ея для осуществленія какихъ бы то ни было мѣропріятій государственнаго значенія. Особенно энергично настаивалъ онъ на произведеніи въ Россіи народной переписи. Уже въ 1874 г. въ статьѣ «Устройство правильной переписи въ Россіи» онъ доказывалъ громадную важность этого акта и въ общихъ чертахъ далъ планъ и программу его осуществленія; на томъ же вопросѣ подробнѣе останавливался Я. и въ «Теоріи статистики». До всероссійской переписи Я. не дожилъ, практически же работать въ области демографіи ему довелось лишь въ предѣлахъ Петербурга, гдѣ городская управа въ 1881 г. предложила ему организовать статистическое бюро и завѣдывать имъ. Въ основу этого учрежденія Я. положилъ научный методъ собиранія и разработки данныхъ о самыхъ разнообразныхъ сторонахъ жизни населенія столицы: онъ ввелъ карточную систему собиранія свѣдѣній и сосредоточилъ при бюро всѣ данныя объ экономическомъ положеніи разныхъ слоевъ населенія, о бракахъ, рожденіяхъ, смертныхъ случаяхъ и пр. При бюро же онъ основалъ и редактировалъ «Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга» (первая попытка въ Россіи такого изданія), въ которомъ давались подробные отчеты о движеніи народонаселенія и помѣщались свѣдѣнія о территоріи столицы, ея климатическихъ условіяхъ, промышленности и торговлѣ, подвозѣ жизненныхъ припасовъ и другихъ важнѣйшихъ товаровъ къ ней, конно-желѣзныхъ дорогахъ и извозномъ промыслѣ, водоснабженіи и освѣщеніи, учебныхъ заведеніяхъ и грамотности населенія, наконецъ, о распространеніи эпидемическихъ и др. болѣзней, о несчастныхъ случаяхъ и пр.; большая часть объяснительнаго текста къ многочисленнымъ таблицамъ составлялась или редактировалась самимъ Я. Параллельно съ «Ежегодникомъ» съ 1884 г. подъ редакціей Я. выходили также основанные имъ «еженедѣльные бюллетени подъ загл. «Отчетъ Статист. Отд. Спб. Городск. Управы», въ которыхъ публиковались свѣдѣнія о естественномъ движеніи населенія, и ежегодный «Сборникъ справочныхъ и статистическихъ свѣдѣній о благотворительности въ Спб.». Характерно, что всѣ сосредоточивавшіеся при бюро матеріалы были во всякое время открыты для пользованія всѣхъ желавшихъ ихъ разрабатывать, чѣмъ многіе воспользовались для составленія диссертацій. Въ концѣ 1881 г. подъ руководствомъ Я. была произведена перепись Петербурга, для которой имъ былъ составленъ совершенно новый для Россіи планъ и привлечены лучшія научныя силы. Организаторскій талантъ и теоретическая подготовка Я. въ области демографіи ярко обнаружились при исполненіи этой переписи. Въ самое короткое время былъ разработанъ весь громоздкій матеріалъ, составившій 7 большихъ томовъ въ 275 печатныхъ листовъ таблицъ, съ объяснительными картограммами и діаграммами; весь трудъ подъ заглавіемъ: «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1881 г.» вышелъ въ теченіе 1883—1884 гг., а главнѣйшіе его выводы формулированы Я. въ докладѣ, читанномъ имъ 18 ноября 1884 г. въ общемъ собраніи городской думы (вышелъ отдѣльной брошюрой). 15 декабря 1890 г. Я. была произведена другая перепись Петербурга, разработанные матеріалы которой изданы имъ въ началѣ 1893 г. въ одномъ большомъ томѣ съ діаграммами, картограммами и съ общимъ обзоромъ выводовъ изъ данныхъ переписи, въ которомъ выяснены измѣненія, происшедшія съ 1881 по 1890 г. въ составѣ столичнаго населенія по полу, національностямъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, занятіямъ, грамотности и пр. Эта книга, носящая заглавіе: «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1890 г.» и заключающая въ себѣ изложеніе хода подготовительныхъ работъ, содержаніе вопросныхъ листковъ, указанія, какъ ими пользоваться, сгруппированныя въ таблицы цыфровыя данныя и общіе изъ нихъ выводы,—составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ работъ русской статистики; за нее Я. удостоился Высочайшей благодарности. Двукратная образцовая перепись Петербурга создала Я. славу замѣчательнаго организатора въ этой области, и изъ разныхъ городовъ стали обращаться къ нему за совѣтами по поводу организаціи статистическихъ бюро и наблюденій; на эти запросы Я. отвѣтилъ слѣдую-

щими статьями: «Положеніе объ устройствѣ и дѣятельности городскихъ статистическихъ бюро», «Объ устройствѣ переписей въ городахъ» и «О техникѣ переписей населенія въ примѣненіи къ русскимъ городамъ» («Сѣверн. Вѣстн.», 1891 г.). Дѣйствительно, всѣ позднѣйшія переписи большихъ городовъ (Москвы, Кіева, Одессы и др.) произведены были и разработаны по установленному Я. типу; не безъ вліянія остались его работы и на всероссійскую перепись 1897 г. Необходимо отмѣтить также, что въ 1888 г. Я. предпринялъ для выясненія вопроса о лѣтнемъ и зимнемъ приливо-отливѣ населенія въ Петербургѣ двѣ переписи упрощеннаго типа; ими онъ остался не особенно доволенъ; какъ положительные результаты этого опыта, такъ и его недостатки подробно выяснены имъ въ его книгѣ «Населеніе Петербурга по исчисленіямъ 15 іюня и 15 декабря 1888 г.» (Спб., 1889 г.).

При юридическомъ факультетѣ Спб. университета Я. основалъ статистическій семинарій и статистическій кабинетъ, въ который по завѣщанію пожертвовалъ всю свою весьма цѣнную библіотеку. Я. былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, напр., Импер. русскаго географич. общества (съ января 1866 г.), вольно-экономическаго (съ декабря 1869 г.), Московскаго общества сельскаго хозяйства (съ 1871 г.), нижегородскаго статистич. комитета (съ 1876 г.), Associé de la société de statistique de Paris, международнаго статистическаго института (съ 1885 г.), а въ Русскомъ общ. охраненія народнаго здравія съ 1884 г. и до самой смерти былъ предсѣдателемъ отдѣленія статистики и эпидеміологіи. Подъ его руководствомъ отдѣленіе произвело изслѣдованіе о теченіи и распространеніи въ Петербургѣ разныхъ эпидемическихъ заболѣваній, о ночлежныхъ домахъ, баняхъ, кладбищахъ, углахъ-квартирахъ и пр. Разработкою этихъ данныхъ Я. во многомъ способствовалъ осуществленію санитарной организаціи города и разныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями. Въ теченіе 3-хъ трехлѣтій онъ былъ деканомъ юридическаго факультета и нѣсколько разъ замѣщалъ въ должности отсутствующаго ректора, какъ его кандидатъ. Скончался Я. 31 января 1893 г.

«Журналъ М-ва Народнаго просвѣщенія», 1893 г., апрѣль.—«Сборникъ Правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», 1893 г.—Рѣчь профес. П. И. Георгіевскаго въ Собраніи рус. общ. охр. нар. здравія (мартъ 1893 г.).—Докладъ академика К. С. Веселовскаго, читанный 25 ноября 1892 г. въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ.—«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. С.-Петерб. универ. (1869—1894 гг.)», т. II, стр. 363—366.—Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 82, стр. 681—684.—«Новое Время», 1893 г., №№ 6081, 6082.—«Новости», 1893 г, февраля 2.

Н. Сербовъ.

Янушевъ, *Василій Александровичъ*, діаконъ, членъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, сотрудникъ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», родился въ семьѣ сельскаго діакона; образованіе получилъ первоначально въ Донскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Московской духовной семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса однимъ изъ лучшихъ студентовъ Я. желалъ было продолжать свое образованіе въ духовной академіи, но, зная скудныя средства своихъ родителей и снисходя къ ихъ желанію, оставилъ свое намѣреніе и опредѣлился въ Донское духовное училище на должность наставника, которую съ честью занималъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Одаренный отъ природы свѣтлымъ умомъ, обширною памятью и стремленіемъ къ пріобрѣтенію познаній, онъ при своей аккуратности являлся незауряднымъ учителемъ. Его ученики при держаніи экзаменовъ въ семинарію оказывались лучше подготовленными сравнительно съ другими училищами и были принимаемы въ семинарію большею частью всѣ. Училищная библіотека, скудная научными пособіями, обогащалась необходимыми книгами на его собственныя средства. Будучи искреннимъ почитателемъ дѣльной литературы, Я. и самъ рѣшилъ послужить обществу литературнымъ трудомъ, сначала робко, помѣщая въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» разныя замѣтки и мелкія извѣстія, а потомъ уже принявшись и за болѣе крупные вопросы, интересовавшіе духовенство и мѣстное общество. Въ 1871 г. Я. былъ посвященъ въ діаконы къ Николаевской церкви, что на Пупышахъ въ Москвѣ, и съ этого времени особенно потрудился на пользу московскаго духовенства и Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Умеръ Я. 14 августа 1881 г. въ Москвѣ.

«Московскія Церковныя Вѣдомости»,

1881 г., № 35.—«Россійская Библіографія», 1881 г., № 89, стр. 285.— *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. I, стр. 69.— *Кедровъ*, «Московская Духовная Семинарія», (М., 1889 г.), прилож., стр. 97.

Янушкевичъ, *Адольфъ Михайловичъ*, юристъ, родился 9 іюня 1803 г. въ Несвижскомъ замкѣ и былъ усыновленъ бездѣтнымъ родственникомъ Михаиломъ Янушкевичемъ, помѣщикомъ Подольской губерніи. Первоначальное образованіе Я. получилъ въ Доминиканской школѣ въ Несвижѣ, а затѣмъ въ 1819 г. поступилъ въ извѣстную въ то время гимназію въ Винницѣ, по окончаніи которой въ 1821 г. опредѣлился въ Виленскій университетъ, славившійся своими учителями, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ лекціи на филологическомъ факультетѣ. Затѣмъ Я. отправился со своимъ товарищемъ по университету, Леономъ Рогальскимъ, въ Петербугъ. По возвращеніи въ Подольскую губернію Я. въ скоромъ времени сдѣлался настолько популярнымъ въ своемъ обществѣ, что былъ выбранъ депутатомъ въ апелляціонный судъ въ Кременцѣ. Потомъ въ теченіе двухъ лѣтъ онъ пробылъ за границей. Возстановивъ свое здоровье, Я. отправился черезъ Германію и Швейцарію въ Италію, гдѣ пробылъ цѣлую зиму 1829 г. и наслаждался обществомъ Адама Мицкевича. Лѣтомъ 1830 г. Я. вернулся въ Подольскую губернію, а въ концѣ года прибылъ въ Варшаву. Слѣдующіе годы Я. провелъ въ Москвѣ, Симбирскѣ, Вяткѣ, Кіевѣ, Тобольскѣ, Ишимѣ и Омскѣ. Въ Омскѣ Я. занималъ мѣсто въ канцеляріи окружного суда, а затѣмъ былъ переведенъ въ канцелярію пограничнаго начальника сибирскихъ киргизовъ и неоднократно посѣщалъ ихъ орду. Въ 1852 г. онъ поселился въ Нижне-Тагильскѣ на Уралѣ и исполнялъ должность библіотекаря и завѣдывающаго садомъ графа Анатолія Демидова князя Санъ-Донато. Въ 1856 г. Я. покинулъ Нижне-Тагильскъ и отправился на родину послѣ 25-лѣтняго отсутствія. Но недолго ему пришлось находиться въ кругу родныхъ: тяжкая болѣзнь, пріобрѣтенная въ суровомъ климатѣ Урала, свела его въ могилу 18 іюня 1857 г.

Въ Варшавской библіотекѣ были напечатаны его письма подъ заглавіемъ: «Listy ze stepów Kirgizkich» и «Wyjątki z dziennika podróży»; затѣмъ эти письма были собраны и изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: «Żywot Adolfa Ianuszkiewicza i jego listy ze stepów Kirgizkich» (1861 г.).

«Encyklopedyja Powszechna» (Варшава, 1863 г.) т. 13, стр. 60, 61. *А. Г—ъ.*

Янушкевичъ, *Людвигъ Ивановичъ*, докторъ медицины С.-Петербургской медико-хирургической академіи, ординаторъ Максимиліановской лѣчебницы, писатель. Родился 30-го іюня 1835 г. Среднее образованіе получилъ въ Свислоцкой гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію. Выпущенный изъ академіи въ 1856 году лѣкаремъ 1-го отдѣленія, онъ на свой счетъ отправился за границу и посѣтилъ и осмотрѣлъ лучшія глазныя лѣчебницы Берлина, Вѣны, Парижа и другихъ западно-европейскихъ городовъ. Вернувшись въ Петербугъ, онъ въ 1858 г. занялъ мѣсто сверхштатнаго врача въ С.-Петербугской больницѣ для чернорабочихъ и сталъ готовиться къ докторскому экзамену. Выдержавъ экзаменъ и защитивъ въ 1861 году диссертацію подъ заглавіемъ: «О болѣзненныхъ процессахъ въ сосудистой оболочкѣ глаза вообще» (Спб., 1861 г.), онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины и вскорѣ послѣ того назначенъ ординаторомъ Максимиліановской лѣчебницы (глазнымъ врачемъ); эту должность онъ занималъ до самой своей смерти. Кромѣ вышеупомянутой диссертаціи, Я. напечаталъ еще слѣдующія сочиненія: 1) «О ранахъ вообще» (Спб., 1863 г.; тоже въ Пам. т. л. вар. 1864, 286), 2) «Mittheilungen aus d. Gebiete der Galvanochirurgi» («Spb. M. Zts. 1869, 1870) и 3) «Mittheilungen üb. b. Operation einer Schenkelhernie (ib. 1869)».

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетр. II, стр. 178—179.— «Иллюстрированная Газета», 1872 г., № 27. — «Tygodnik Illustrowany», 1872 г., №№ 255, 256. *Е. Ястребцевъ.*

Янчинъ, *Иванъ Васильевичъ*, педагогъ, родился въ 1839-мъ году. Высшее образованіе получилъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета, по окончаніи котораго въ 1863-мъ году со степенью кандидата поступилъ воспитателемъ въ семью князей Львовыхъ, въ Тульской губерніи. Здѣсь

онъ обнаружилъ блестящія педагогическія способности и глубоко-серьезное отношеніе къ дѣлу. Затѣмъ служилъ нѣкоторое время въ Тульской гимназіи, а когда въ 1868-мъ году въ Москвѣ основывалась частная мужская гимназія Л. И. Поливанова, Я. явился однимъ изъ ея учредителей, пробывъ въ ней до самой смерти преподавателемъ географіи и воспитателемъ. Какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ географіи, Я. горячо любилъ свою спеціальность и до конца жизни не переставалъ расширять въ ней свои познанія. Въ преподаваніи географіи онъ создалъ свой особый наглядный методъ, благодаря которому его ученикъ прекрасно зналъ его предметъ, тратя на него времени не больше, чѣмъ на другіе. Кромѣ службы въ поливановской гимназіи, Я. въ теченіе пятнадцати лѣтъ, до 1888-го года, преподавалъ географію въ женской гимназіи С. А. Арсеньевой (въ 1873-мъ году онъ явился однимъ изъ учредителей этой гимназіи). Заботы объ обезпеченіи семьи и недостаточность содержанія, которое онъ получалъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, побудили Я. еще преподавать естествовѣдѣніе въ правительственномъ реальномъ училищѣ, въ основаніи котораго онъ также принималъ участіе при первомъ директорѣ этого учебнаго заведенія, Н. И. де-Витте. Въ 1888-мъ году Я. была поручена организація отдѣленія географіи и космографіи учебнаго отдѣла юбилейной выставки Московскаго общества поощренія трудолюбія (въ залѣ Историческаго музея), при чемъ Я. были организованы двѣ библіотеки (учительская и ученическая) и искусно составленъ географическій кабинетъ, въ которомъ были, между прочимъ, собраны многія необходимыя и полезныя при преподаваніи географіи наглядныя пособія. Я. принадлежатъ четыре курса «Краткаго учебника географіи», имѣющаго хорошую репутацію и вышедшаго въ значительномъ количествѣ изданій (1-й и 2-й, напр., курсы вышли въ одиннадцати изданіяхъ), а также двѣ дидактическія статьи, трактующія о принципахъ, которымъ онъ слѣдовалъ въ своемъ преподаваніи географіи: 1) «Построеніе учебныхъ курсовъ географіи и его научныя и педагогическія основанія» («Учебно-воспитательная библіотека» 1876 г.) и 2) «Къ вопросу о географическомъ чтеніи и географической хрестоматіи» (ibidem, 1878 г.). Въ своей дѣятельности Я. всегда проявлялъ сердечную преданность учебно-воспитательнымъ заботамъ и пользовался общею привязанностью и уваженіемъ. Умеръ онъ отъ внезапной болѣзни (крупозное воспаленіе въ легкихъ) въ 1889 г., на 51 году жизни. «И. В. Янчинъ,—говорилъ въ надгробной рѣчи одинъ изъ его товарищей,—былъ настоящій русскій человѣкъ; онъ въ высшей степени обладалъ, если можно такъ выразиться, чувствомъ родины... Это былъ педагогъ по призванію—и совершенно невозможно представить себѣ Ивана Васильевича въ какой-нибудь другой дѣятельности... Живую душу онъ ставилъ выше всего, а въ педагогіи онъ видѣлъ только средство усовершенствовать эту живую душу, сдѣлать ее разумнѣе, лучше... Онъ былъ человѣкъ долга и правды»...

Л. Поливановъ, «Иванъ Васильевичъ Янчичъ» («Гимназія», 1889 г., № 12, стр. 630—634; «Русскіе педагоги»). — «Библіографическій указатель матеріаловъ по исторіи русской школы», № 10, прилож. къ журналу «Педагогическій Сборникъ», 1901 г., № 1, стр. 200, замѣтка П. Ч(ерняева).

В. Грековъ.

Янчичъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, врачъ-писатель, родился въ 1850 году и происходилъ изъ купеческаго сословія Екатеринославской губерніи. Медицинское образованіе Я. получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, куда поступилъ въ 1869 году. Еще будучи студентомъ, Я. началъ печатать свои статьи. Къ этому періоду относятся двѣ его работы: 1) «Изслѣдованіе надъ строеніемъ, развитіемъ и атрофіею жировой ткани» («Журналъ для нормальной и патологической гистологіи, фармакологіи и клинической медицины», 1871 г., ч. IV, стр. 321) и 2) «Нормальное строеніе сухожилій lig. patelli, tend. Achili и отношеніе ихъ къ хрящу и кости» (тамъ же, 1872 г., ч. VI, стр. 222—266). Выпущенный въ 1874 году изъ университета лѣкаремъ съ отличіемъ и съ золотой медалью, онъ въ томъ же году помѣстилъ въ вышеупомянутомъ журналѣ новую свою работу: «Матеріалъ для анатоміи перикардіальнаго мѣшка и первовъ перикардіи» (за 1874 г., ч. VIII, стр. 417) и сталъ готовиться къ докторскому экзамену. Выдержавъ экзаменъ, Я. 5-го іюня слѣдующаго года защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ:

«О нервахъ твердой мозговой оболочки спинного и черепного мозга» (Спб., 1875 г.) и получилъ степень доктора медицины. Въ 1876 году онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ V съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей и сдѣлалъ на засѣданіи анатомо-физической секціи докладъ подъ заглавіемъ: «О нервахъ и ихъ окончаніи въ кожѣ человѣка» («Труды V Съѣзда Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей», 1876 г.). Вслѣдъ затѣмъ Я. былъ командированъ въ Сербію съ лазаретомъ Краснаго Креста, и по возвращеніи поступилъ въ санитарный отрядъ дѣйствующей арміи. Здѣсь ему проработать пришлось недолго. Заразившись тифомъ, онъ скончался въ 1878 году, на 38 году отъ рожденія.

Л. О. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. II, Спб., 1889 г., тетрадь 5, стр. 217.— «Россійскій Медицинскій списокъ» на 1875 г., стр. 309. *Е. Я.*

Янъ (Jahn), *Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ*, юристъ и поэтъ. Родомъ изъ Бойценбурга въ Германіи; первоначальное образованіе получилъ въ Галле, откуда на 17-мъ году (1770 г.) перешелъ въ Штеттинскую гимназію и по окончаніи здѣсь курса наукъ (1774 г.) въ теченіе 3-хъ лѣтъ изучалъ право въ Гальскомъ университетѣ. Независимо отъ своей спеціальности, Я. съ 1778 г. занялся педагогическою дѣятельностью, сперва въ качествѣ наставника-преподавателя, а затѣмъ инспектора благотворительной школы въ Дессау. Въ 1780 г. онъ перешелъ на должность инспектора сиротскаго дома въ Страсбургѣ, а черезъ 5 лѣтъ (1785 г.) уѣхалъ въ Россію и поселился въ Эстляндіи, занявшись адвокатурой въ Ревелѣ. Здѣсь вскорѣ Я. былъ назначенъ секретаремъ мѣстной дворянской опеки, а въ 1796 г. переведенъ на ту же должность въ Эзельскій нижній земскій судъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Еще за границей Я. писалъ научныя статьи и стихи, которые въ 1780—84 г.г. помѣщалъ въ тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ: «Oberrheinische Mannigfaltigkeiten», «Strasburger gelehrte Zeitung», «Ephemeriden der Menschheit» и др. Изъ книгъ, напечатанныхъ имъ самостоятельно, извѣстны: «Jahrbuch zur Erläuterung der Denkwürdigkeiten des schönen Geschlechts» (2 ч., 1783—1784 г.г.) и «Liricum für das Schöne und Gute» (Перновъ, 1815 г.).

Recke und Napierski, «Allgemeines Schriftsteller-und gelehrten-Lexikon», т. 2, стр. 380, 381. *А. Г.*

Яременко, *Трофимъ Наумовичъ*, к. с., лѣкарь, служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, умеръ въ 1877 г. Ему принадлежитъ статья: «Случай поворота на ножки и извлеченія ребенка при предлежаніи головки», напечатанная въ «Протоколахъ Черниговскаго общества врачей», 1874 г., № 2.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 5, стр. 217.

Ярковскій, *Антоній*, докторъ философіи, первый префектъ Кременецкой гимназіи, преобразованной впослѣдствіи въ лицей. Извѣстенъ своими сорокалѣтними заслугами въ области народнаго просвѣщенія. Былъ любимъ и уважаемъ своими учениками, среди которыхъ умѣлъ поддерживать школьную дисциплину. Умеръ Я. въ глубокой старости въ Кременцѣ.

Я. оставилъ слѣдующіе печатные труды: «Mowa przy odebraniu z rąk Tadeusza Czackiego dyplomatu cesarza Alexandra, ustanawiającego gimnazyjum wołyńskie w Krzemieńcu, miana 1 Października 1805 г.» Кременецъ, 1805 г.), «Przemowa do uczniów gimnazyjum wołyńskiego» (тамъ же, 1805 г.) и «Korrespondencyje w przedmiotach oświecenia narodowego z Hugonem Kołłątajem w dziełach tegoż z Tadeuszem Czackim, Hieronimem Strojnowskim i Janem Śniadeckim», помѣщенное въ «Atheneum» въ 1848 г. Кромѣ того, онъ оставилъ въ рукописи слѣдующую рѣчь, произнесенную имъ въ Кременецкомъ костелѣ 12-го мая 1823 г.: «Mowa na egzekwijach uroczystych ks. Adama Czartoryskiego, generała ziem podolskich».

«Encyklopedyja Powszechna», т. 13, стр. 80, Варшава, 1863 г. *А. Г—ъ.*

Ярковскій, *Павелъ*, польскій библіографъ и библіотекарь, родился въ 1781 г. въ бывшемъ Краковскомъ воеводствѣ. Образованіе Я. получилъ въ Кременецкой школѣ въ Волыни, по окончаніи которой въ 1801 г. тамъ же остался учителемъ французскаго языка. Трудолюбіемъ, способностями и успѣхами онъ обратилъ на себя вниманіе Гуго Колонтая и Ѳаддея

Чацкаго; первый, видя въ немъ человѣка, который могъ дѣйствительно быть полезенъ дѣлу просвѣщенія, поддерживалъ въ немъ любовь къ наукамъ, помогалъ ему совѣтами, а по духовному завѣщанію въ 1803 г. оставилъ ему свою богатую коллекцію книгъ; второй же, открывая въ 1805 г. высшую школу подъ названіемъ Волынской гимназіи въ Кременцѣ, поручилъ ему сперва преподаваніе французскаго языка и этики ученикамъ 4-хъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности библіотекаря; затѣмъ же, послѣ переименованія этой школы въ лицей,—чтеніе курса всеобщей грамматики и библіографіи. Въ послѣдней должности онъ оставался до закрытія лицея въ 1832 г. Я. былъ первый изъ поляковъ, который съ 1809 г. занимался распространеніемъ на родинѣ знанія всеобщей грамматики и библіографіи. Излагая въ теченіе 20 ти лѣтъ ихъ основы, онъ выработалъ для нихъ глубоко-научный языкъ, который подъ его мастерскимъ перомъ получилъ безчисленное множество оттѣнковъ въ передачѣ самыхъ отвлеченныхъ понятій. Заслуги Я., какъ библіотекаря, заключаются въ приведеніи въ образцовый порядокъ Кременецкой библіотеки, для которой онъ составилъ каталогъ и которой завѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ, о чемъ неоднократно упоминаетъ Лелевель въ своихъ «Biblijograficznych książach dwoje», признавая, что онъ много извлекъ пользы изъ преподаванія Я. и его рукописныхъ трудовъ. Послѣ перенесенія Кременецкой библіотеки въ Кіевъ въ 1834 г. Я. былъ назначенъ библіотекаремъ университетской библіотеки и исполнялъ эту должность до самой смерти, послѣдовавшей 24-го мая 1845 г.

Несмотря на то, что Я. писалъ много, ни одинъ трудъ его до этихъ поръ не былъ опубликованъ, хотя слѣдующіе труды остались въ рукописи, совершенно подготовленные для печати: «O początku, pochodzeniu i wykształceniu języków»; «O biblijografii i o niezbędnych dla bibliotekarza wiadomościach tejże» (обѣ эти статьи Я. написалъ для полученія званія профессора библіографіи и всеобщей грамматики); «Elementarny kurs biblijografii dla uczniów liceum wołyńskiego»; «Zasady grammatyki powszechnej kurs dla tychże uczniów»; «Obszerniejszy wykład grammatyki powszechnej»; «O smaku w dziełach nauk i sztuk» (статья, читанная на публичномъ засѣданіи Волынскаго лицея 30-го іюня 1830 г.); «O początku, postępie i teraźniejszym stanie oświecenia w gubernijach: Wołyńskiej, Kijowskiej i Podolskiej, rozprawa służąca za wstęp do historyi gimnazyjum potém liceum wołyńskiego»; «Plan systematycznego porządku dla ułożenia biblijoteki liceum wołyńskiego, z dołączeniem wzorów spisywania katalogu»; «Historyja biblijoteki liceum wołyńskiego» (рукопись, пересланная Лелевелю, который, приведя нѣкоторыя выдержки изъ нея въ своемъ трудѣ «Biblijograficznych ksiąg dwoje» (т. 2), самую рукопись помѣстилъ въ библіотекѣ бывшаго общества «Przyjaciół nauk»; въ настоящее же время она находится въ числѣ рукописей въ публичной библіотекѣ въ Варшавѣ).

«Encyklopedyja Powszechna», т. 13, стр. 79, 80, Варшава, 1863 г. *А. Г—ъ.*

Ярмерштетъ, *Густавъ Карловичъ*, ген.-лейт., родился въ 1792 году и происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. Въ 1806 г. онъ поступилъ на службу кондукторомъ въ инженерный корпусъ, сначала въ Рижскую, а затѣмъ въ Херсонскую и Очаковскую инженерныя команды. Въ 1809 г. онъ былъ произведенъ въ инженеръ-подпоручики. Вскорѣ затѣмъ, въ 1810 г., Я. былъ командированъ въ городъ Могилевъ на Днѣпрѣ, въ распоряженіе генерала Опермана, на котораго, по Высочайшему повелѣнію, былъ возложенъ выборъ пункта для сооруженія крѣпости на западной границѣ, въ тылу Полѣсья. Съ этой цѣлью была произведена значительная инженерная рекогносцировка и топографическія съемки, на пространствѣ между Могилевомъ, Рогачевомъ и Бобруйскомъ, въ которыхъ Я. принималъ весьма дѣятельное участіе. Мѣсто для крѣпости было избрано у Бобруйска, при чемъ одновременно съ основаніемъ ея Я. былъ причисленъ къ вновь сформированной командѣ, гдѣ и оставался до начала 1812 г. Съ открытіемъ Отечественной войны Я. былъ назначенъ въ дѣйствующую армію и въ составѣ корпуса графа Витгенштейна участвовалъ въ Клястицкомъ и Полоцкомъ сраженіяхъ. Произведенный, за отличіе въ сраженіяхъ, въ штабсъ-капитаны, онъ участвовалъ во время войны 1813 г. въ Люценскомъ, Бауценскомъ, Дрезденскомъ и Лейпцигскомъ сраженіяхъ, а также произвелъ

рекогносцировку непріятельскихъ укрѣпленій у Эрфурта подъ огнемъ непріятеля. За оказанныя отличія Я. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и золотою саблею съ надписью «за храбрость». Во время войны 1814 г. онъ участвовалъ въ Шато-Бріенскомъ сраженіи и успѣшно выполнилъ нѣсколько порученій инженернаго характера, по устройству переправъ черезъ Рейнъ, а послѣ окончанія войны былъ командированъ въ крѣпости Замостье и Модлинъ (нынѣ Новогеоргіевскъ). За оказанныя отличія въ теченіе войны 1814 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ капитана и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1815 г. Я. состоялъ въ рядахъ корпуса графа Ланжерона. По возвращеніи въ Петербургъ Я. былъ назначенъ въ динабургскую инженерную команду, гдѣ и оставался на службѣ до 1819 года. Въ этомъ году вмѣстѣ съ производствомъ въ подполковники онъ былъ назначенъ командиромъ кіевской инженерной команды, а два года спустя, за особыя отличія, переведенъ въ гвардейскіе инженеры. Въ 1826 г. Я. былъ назначенъ командиромъ динабургской инженерной команды, а въ 1832 г.—строителемъ Динабургской крѣпости, гдѣ и оставался до 1836 г. Въ теченіе десятилѣтняго періода времени онъ получалъ неоднократно Высочайшія награды и выраженія благоволенія за успѣшное веденіе работъ, а также за участіе въ 1831 г. въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Въ 1836 г. Я. былъ назначенъ командиромъ Западнаго инженернаго округа и вскорѣ затѣмъ, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора. Въ 1839 г. онъ получилъ новое назначеніе—начальникомъ инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и управляющимъ Грузинскимъ инженернымъ округомъ. Состоя въ этой должности, Я. въ 1841 г. принималъ участіе при взятіи съ боя аула Черкея. Въ концѣ того-же года онъ былъ назначенъ состоять при инженерномъ департаментѣ для исполненія обязанностей инспектора инженерныхъ работъ. Въ этой должности онъ состоялъ до 1854 г., при чемъ былъ награжденъ орденами св. Станислава 1-й степени и св. Анны 1-й ст. и чиномъ генералъ-лейтенанта (1853 г.). Въ 1854 г. Я. былъ назначенъ временнымъ комендантомъ Нарвской крѣпости, а въ 1857 г.—членомъ общаго присутствія инженернаго департамента по искусственной части, а затѣмъ членомъ техническаго комитета главнаго инженернаго департамента. Состоя въ этой должности, онъ былъ награжденъ орденами св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короной и св. Владиміра 2-й степени (1863 г.), а въ 1864 году былъ зачисленъ по инженерному корпусу и въ запасныя войска. Умеръ Я. 10 декабря 1874 г., на 83 году жизни.

«Русскій Инвалидъ», 1874 г., № 275.—«Кіевскій Народный Календарь» на 1876 г., стр. 159—160. *Н. Стр.*

Яровицкій, *Іоасафъ Филипповичъ*, инженеръ-архитекторъ, д. с. с., ярославскій губернскій архитекторъ, родился въ 1830 году. Спеціальное образованіе получилъ въ строительномъ училищѣ (теперь институтъ гражданскихъ инженеровъ), откуда въ 1853 г. былъ выпущенъ съ званіемъ архитекторскаго помощника въ чинѣ X класса. Вслѣдъ затѣмъ Я. былъ назначенъ начальникомъ искусственнаго стола олонецкой строительной и дорожной коммиссіи, а черезъ два года въ той же коммиссіи занялъ должность архитектора для производства работъ, а затѣмъ съ 1865 г.—должность младшаго архитектора при строительномъ отдѣленіи олонецкаго губернскаго правленія. Находясь въ этихъ двухъ должностяхъ, Я. произвелъ много какъ казенныхъ, такъ и частныхъ построекъ, изъ которыхъ особенное на себя вниманіе обращаетъ Тивдійская церковь при мраморныхъ ломкахъ въ Олонецкой губерніи. За эту церковь онъ въ 1868 г. былъ удостоенъ званія инженеръ-архитектора. Назначенный въ 1867 г. губернскимъ архитекторомъ въ г. Ярославль, Я. прослужилъ тамъ до самой своей смерти, при чемъ въ теченіе своей дальнѣйшей двадцатилѣтней архитекторской дѣятельности произвелъ множество разнообразныхъ построекъ, въ особенности церковныхъ сооруженій, какъ въ самомъ Ярославлѣ, такъ и въ различныхъ уѣздахъ этой губерніи. Я. скончался въ Ярославлѣ въ 1887 году, на 58 году отъ рожденія.

«Юбилейный Сборникъ свѣдѣній о дѣятельности бывшихъ воспитанниковъ института гражданскихъ инженеровъ (строительнаго училища) 1842—1892 г.», сост. Г. В. Барановскимъ, Спб., 1893 г., вып. II, стр. 398 (біографія и портретъ). *Е. Я.*

Ярополкъ Андреевичъ, сынъ князя Андрея Владиміровича Добраго, внукъ Владиміра Мономаха. Въ 1157 г. въ числѣ прочихъ союзниковъ участвовалъ въ походѣ Изяслава Мстиславича подъ г. Туровъ противъ Юрія Ярославича. Напрасно Юрій просилъ любви и мира у Изяслава: последній оставался непреклоненъ и продолжалъ осаду Турова въ теченіе 10-ти недѣль, пока побочное обстоятельство—неожиданный конскій моръ не заставилъ его отступить. Въ 1160 или 1161 г. Я. снова принялъ участіе, вмѣстѣ съ другими союзниками, въ походѣ кн. Мстислава Изяславича на тотъ же Туровъ противъ кн. Юрія Ярославича. Простоявъ у города «полтретьи недѣли», союзники вынуждены были отступить безрезультатно.

Полное Собр. Рус. Лѣтоп., т. II, стр. 88, 307; т. VII, стр. 66.—*Карамзинъ*, «Истор. Госуд. Рос.», кн. II, пр. 385, 404.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 460.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 333.

Ярополкъ II-й Владиміровичъ, сынъ Владиміра Мономаха (1082—1139 г.), великій князь кіевскій, въ 1103 г. участвовалъ въ Долобскомъ съѣздѣ, постановившемъ идти на половцевъ, и былъ въ самомъ походѣ, окончившемся полною побѣдою русскихъ князей. Въ слѣдующемъ году Я. вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ ходилъ осаждать Глѣба Всеславича въ Минскѣ, но соединенное войско возвратилось безуспѣшно. Въ 1116 г. Я. воевалъ въ окрестностяхъ Дона, взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ и Сугровъ, плѣнилъ множество ясовъ, тамъ обитавшихся, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на которой женился. Въ томъ же 1116 г. Я. принялъ участіе въ походѣ отца противъ Глѣба Всеславича минскаго, взялъ приступомъ г. Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городъ, для нихъ построенный, подъ именемъ Желни. Къ этому времени Я. захватилъ все теченіе р. Сейма, разсадилъ по городамъ своихъ посадниковъ, а въ Курскѣ посадилъ племянника Изяслава Мстиславича. По смерти Мономаха (1125 г.) половцы думали, что Русь оспротѣла и рѣшили соединиться съ торками, чтобы вторгнуться въ русскіе предѣлы, но Я. предупредилъ ихъ: не дожидаясь помощи отъ своихъ братьевъ, онъ съ одною переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ. По смерти Мстислава (1132 г.) кіевляне объявили Я. своимъ государемъ и призвали его въ столицу. Но надежды кіевлянъ на него не сбылись; слабохарактерность и излишняя снисходительность Я. были источникомъ смутъ, возникшихъ тотчасъ же въ семьѣ Мономаховичей. Передавъ, согласно уговору съ братомъ Мстиславомъ, Переяславль старшему племяннику Всеволоду, Я. тѣмъ самымъ возбудилъ подозрѣніе у младшихъ Мономаховичей, Юрія ростовскаго и Андрея волынскаго, въ намѣреніи по смерти своей посадить въ Кіевъ Всеволода, поэтому они поспѣшили предупредить послѣдняго. Не успѣлъ Всеволодъ пріѣхать утромъ въ Переяславль, какъ черезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею Юріемъ; но и Юрій просидѣлъ въ Переяславлѣ всего лишь 8 дней: Я. убѣдилъ его покинуть эту область и для успокоенія братьевъ отдалъ ее другому племяннику, Изяславу Мстиславичу. Однако и эта перемѣна послужила только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Я. склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему, Вячеславу, а Изяславу, взамѣнъ этого, отдалъ Туровъ и Пинскъ. Между тѣмъ легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ прежнемъ удѣлѣ, покинулъ Переяславль, пошелъ въ Туровъ, выгналъ оттуда Изяслава и сѣлъ на его мѣсто; Юрій же Владиміровичъ взялъ Переяславль, отдавъ за него Я. часть своей Ростовской области. Пользуясь этими смутами, Всеволодъ Ольговичъ черниговскій вздумалъ вернуть утраченныя имъ ранѣе волости и призвалъ для этой цѣли половцевъ; къ нему же примкнули и Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Я. съ братьями—Юріемъ и Андреемъ—выступили противъ Всеволода. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ Я., но потомъ, когда къ Всеволоду подошли половцы и Мстиславичи, счастье перешло къ Всеволоду. Половцы опустошили все на восточномъ берегу Днѣпра, перебивъ и перехвативъ народъ, который не могъ перевезтись на другой кіевскій берегъ. Затѣмъ между Я. и Всеволодомъ состоялось перемиріе, результатомъ котораго было возвращеніе Переяславля Андрею Владиміровичу и переходъ его Владиміро-Волынскаго удѣла къ Изяславу Мстиславичу. Однако вынужденное перемиріе оказалось непрочнымъ: въ 1135 г. Всеволодъ при-

шелъ къ Переяславлю, но, узнавъ, что Я. идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя. Я., не дождаясь кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною бросился на Ольговичей и понесъ пораженіе. Возвратясь за Днѣпръ, Я. началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода, но не рѣшался переправиться черезъ Днѣпръ и возвратился въ Черниговъ, откуда дѣлалъ безуспѣшныя попытки къ перемирію. Съ наступленіемъ зимы Ольговичи съ половцами перешли Днѣпръ и начали опустошать Кіевскую область. Я., хотя и собралъ большое количество войскъ, однако же не желалъ начинать кровопролитія и, исполняя заповѣдь: «любите враги ваши», заключилъ съ Ольговичами миръ, отдавъ имъ города по Сейму. Между тѣмъ миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина вражды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства—существовала во всей силѣ, а къ этому присоединялась еще и возможность побѣды первыхъ надъ вторыми при ихъ раздѣленности. Изгнаніе брата Всеволодова Святослава изъ Новгорода было поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 г. Ольговичи опять призвали половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ. Я., собравъ громадныя силы, отправился въ Черниговскую волость. Всеволодъ испугался и хотѣлъ уже бѣжать къ половцамъ, но пристыженный черниговцами, по ихъ совѣту, обратился къ Я. съ предложеніемъ мира, который и былъ заключенъ у Моравска, на правомъ берегу Десны. Въ 1136 и 1139 годахъ между ними былъ заключенъ новый договоръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Умеръ Я. въ 1139 г. и погребенъ «въ голубцѣ» у церкви св. Андрея; вдовствующая супруга его, Елена, въ 1145 г. перенесла тѣло Я. въ самую церковь и положила рядомъ съ тѣломъ Янки, сестры Мономаховой.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 118—120, 127—130, 132—134, 136; т. II, стр. 1, 4, 7, 8, 10—15, 21, 290, 291, 293—295, 297; т. III, стр. 6—8; т. IV, стр. 1, 4—6, 76; т. V, стр. 8, 156—158; VII, стр. 7, 19—21, 24; 26, 27, 29—32, 233, 287, 291. — *Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. II, стр. 81, 82, 89, 92, 101, 105—112; пр. 202, 204, 218, 223, 225, 227, 244, 245, 247, 254, 256, 257, 260—264, 267, 268, 270; кн. III, пр. 214, 275.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 351, 357, 361, 362, 365, 366, 369—372 378.—*Щербатовъ*, «Иторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 92, 96, 107 110, 137, 149, 154, 155—158, 161, 168.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 313—315; т. II, стр. 13.—*М. Грушевскій*, «Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Я. до конца XIV ст. (К., 1891).

Ярополкъ Изяславовичъ, сынъ вел. князя Изяслава Ярославича. Когда Ярославичи выгнали племянниковъ, они распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей, при чемъ Я. былъ посаженъ отцомъ на Вышгородскій столъ (1078 г.). Въ томъ же 1078 г. Я. участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ походѣ противъ Олега Святославича и Бориса Вячеславича на Черниговъ и въ битвѣ на Нѣжатинѣ Нивѣ, въ которой палъ его отецъ Изяславъ. Получивъ отъ дяди своего, Всеволода Ярославича, удѣлъ Владиміръ-Волынскій, къ которому былъ приданъ еще и г. Туровъ, Я. недолго сидѣлъ въ немъ: онъ былъ выгнанъ оттуда Ростиславичами (1084 г.). Тогда Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего Владиміра Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владиміра и снова посадилъ тамъ Я. Обиженный тѣмъ, что Всеволодъ далъ Давиду Игоревичу Дорогобужъ на Волыни, и усматривая въ этомъ распоряженіи намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, Я. собрался, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, идти противъ Всеволода, но послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ противъ него своего сына Владиміра, и Я. вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу, оставивъ въ Луцкѣ свою мать и дружину. Между тѣмъ Луцкъ сдался Мономаху. Мать, жена и дружина Я. были отправлены въ Кіевъ, имущество его было взято Мономахомъ въ собственность, а во Владимірѣ былъ посаженъ Давидъ Игоревичъ. Но въ 1086 г. Я. возвратился изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и снова сѣлъ во Владимірѣ. Однако Я. недолго пользовался возвращенною волостью: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимірѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ, одинъ изъ городовъ галицкихъ. Когда князь дорогою лежалъ на возу, какой-то нерадецъ, находившійся въ дружинѣ его и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ Я. саблею; Я. приподнялся, вынулъ саблю и громко закричалъ: «Охъ, этотъ врагъ меня покончилъ! и скончался». Нерадецъ же бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, ка ковое обстоятельство дало возможность современникамъ заподозрить въ убійствѣ Я.

Ростиславичей. Отроки взяли тѣло князя и повезли сперва во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви св. Петра, которую онъ началъ строить. Лѣтописецъ, жалѣя объ этомъ князѣ, говоритъ, что онъ много принялъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба. Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ.

Полное Собраніе Руск. Лѣт., т. I, стр. 75, 86—89, 109, 112; т. II, стр. 272, 275, 276, 277; т. V, стр. 143, 148, 151; т. VII, стр. 2, 3, 4, 12, 14, 337.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. II, стр. 46, 49, 50, 55—58, 71; пр. 125, 144, 145, 147, 149, 150, 189, 223.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древн. временъ», т. I, стр. 302—309.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 28, 39, 42, 43.

Ярополкъ Изяславовичъ, князь бужскій, меньшой сынъ князя Изяслава II Мстиславича. Въ 1149 г. принялъ участіе въ сраженіи на р. Трубежѣ между его отцомъ и Юріемъ Владиміровичемъ суздальскимъ. Въ 1161 г. Я. находился въ походѣ брата своего Мстислава подъ Туровъ противъ кн. Юрія Ярославича и въ томъ же году оказалъ помощь дядѣ своему Ростиславу Мстиславичу въ борьбѣ съ вел. княземъ Изяславомъ Давидовичемъ изъ-за Кіева. Въ 1166 г. онъ женился на дочери князя Святослава Ольговича и тогда же, по зову вел. кн. Ростислава, отправился въ числѣ другихъ князей къ Каневу для охраны торговыхъ судовъ по Днѣпру. Въ 1167 г. Я. принялъ участіе въ большомъ походѣ русскихъ князей на половцевъ, предпринятомъ вел. кн. Мстиславомъ съ цѣлью покончить разъ навсегда съ половцами, часто безпокоившими предѣлы русской земли своими набѣгами. Въ походѣ Я. заболѣлъ, остановился въ Тумащи и здѣсь умеръ. Согласно распоряженію кн. Мстислава, тѣло Я. было погребено въ Кіевѣ у св. Ѳедора.

Полное Собр. Руск. Лѣт., т. II, стр. 88, 90, 93, 94, 96, 98, 308, 310; т. VII, стр. 74, 75, 78—80, 82.—*Карамзинъ*, «Истор. Госуд. Росс.», кн. II, пр. 401, 404, 410, 415, 417, 420.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древн. временъ», т. I, стр. 416, 467, 485, 486.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 222, 353, 360 370.

Ярополкъ III Ростиславичъ, сынъ князя Ростислава Юрьевича, въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1162 г., когда изгнанъ былъ изъ Суздаля Андреемъ Боголюбскимъ, который стремился къ единовластію. Въ 1172 г. Я. былъ посланъ кн. Михаиломъ Юрьевичемъ оборонять Кіевъ отъ Ростиславичей, но былъ захваченъ въ плѣнъ, и хотя по договору съ кн. Михаиломъ Всеволодовичемъ долженъ былъ быть выпущенъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторое время оставался въ плѣну въ качествѣ важнаго атамана на случай войны Ростиславичей съ кн. Андреемъ, но впослѣдствіи былъ выпущенъ на свободу. Далѣе въ 1174 г. Я. участвовалъ въ неудачномъ походѣ суздальской и черниговской рати подъ Кіевъ на Ростиславичей. По убіеніи Андрея (1174 г.) Суздальская земля, рѣшивъ призвать къ себѣ на княженіе Я. и его брата Мстислава, отправила пословъ за ними, предварительно извѣстивъ объ этомъ кн. Глѣба рязанскаго; послы нашли Я. въ Черниговѣ вмѣстѣ съ братомъ Мстиславомъ и Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами. Обрадованные честью такого избранія и желая быть великодушными, оба брата предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду, господствовать вмѣстѣ съ ними, при этомъ признали Михаила старшимъ и увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза. Но союзъ продолжался недолго. Я., по совѣту ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставилъ его въ Москвѣ, а самъ тайно отъ брата уѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій. Между тѣмъ Михаилъ, узнавъ, что Я. отправился по ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владиміръ и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина владимірская, въ числѣ 1500 человѣкъ, отправилась также въ Переяславль по приказанію ростовцевъ. Я. осадилъ Владиміръ; союзники его, муромцы и рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граждане крѣпко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили Михаилу, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Князь, оплакиваемый гражданами, покинулъ Владиміръ, и Я. былъ объявленъ княземъ владимірскимъ, а Мстиславъ— ростовскимъ и суздальскимъ. Вскорѣ легкомысленный Я., руководимый приближенными, возбудилъ къ себѣ ненависть вла-

димірцевъ, которыхъ притѣсняли посадники безмѣрными продажами и вирами и вообще лихоимствомъ. Мало того, Я. отнялъ у церкви Владимірской Богородицы волости и доходы, данные ей Андреемъ, присвоилъ казну, серебро и золото и, наконецъ, дерзнулъ побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу рязанскому. Поднялось всеобщее негодованіе, и владимірцы стали звать къ себѣ изъ Чернигова Михаила, который вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ и явился къ нимъ на зовъ. Братья Ростиславичи, выступившіе противъ дядей, проиграли битву и вынуждены были бѣжать—Я. въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ. Въ 1177 г. Я. участвовалъ въ неудачномъ походѣ Глѣба рязанскаго противъ вел. князя Всеволода Юрьевича и въ пораженіи перваго при рѣкѣ Колакшѣ. Всеволодъ потребовалъ у рязанцевъ выдачи Я., и послѣдніе, схвативъ его въ Воронежѣ, привели во Владиміръ и, по распоряженію Всеволода, посадили въ порубъ. Между тѣмъ владимірцы требовали ослѣпленія его; Всеволоду не нравилось это требованіе, но онъ вынужденъ былъ уступить народному остервенѣнію и дать свое согласіе на это. Я. ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили, и отослали въ Смоленскъ. Существуетъ преданіе, передаваемое Новгородскою лѣтописью, что Я. чудесно прозрѣлъ послѣ усердной молитвы въ церкви св. Бориса и Глѣба на Смядинѣ въ Смоленскѣ. Вѣсть о чудесномъ исцѣленіи Я. быстро распространилась, и онъ, сдѣлавшись въ глазахъ новгородцевъ мужемъ богоугоднымъ, былъ посаженъ ими на столъ въ Торжкѣ, чтобы охранять ихъ восточныя области. Однако Я., питая ненависть къ Всеволоду, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы Суздальскія. Тогда Всеволодъ, выведенный изъ терпѣнія, осадилъ Торжокъ. Во время этой осады Я. былъ раненъ стрѣлою, заключенъ въ цѣпи и умеръ въ заточеніи, а городъ вторично сожженъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 155, 158—164; т. II, стр. 91, 108, 109, 116—120, 123, 124, 150, 314, 316, 317; т. III, стр. 16—18; т. IV, стр. 13—16; т. V, стр. 164, 166—168; т. VII, стр. 76, 88, 90—92, 94—96, 234, 242, 253.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. II, стр. 181; кн. III, стр. 13, 14, 24—26, 32, 37, 38; пр. 14—16, 18, 35, 37—39, 44, 52, 53, 59—61, 95.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 504, 505, 515—519, 524, 529, 530, 570, 574.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 397, 411—414, 416, 417, 420, 436, 438—440.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 4, 325—327, 330; т. II, стр. 14, 153, 381, 563, 564, 614.

Ярополкъ Святославовичъ, великій князь Кіевскій (945—980). Отецъ его, Святославъ, занятый своими дѣлами въ Болгаріи, не жилъ на Руси, поручивъ воспитаніе дѣтей и управленіе государствомъ матери своей Ольгѣ, вслѣдствіе чего Русь часто страдала отъ нападеній сосѣднихъ кочевниковъ. Такъ, въ 968 году Я. съ братьями едва не погибъ отъ печенѣговъ, осадившихъ Кіевъ: тамъ вскорѣ начался голодъ, «изнемогаху же людье гладомъ и водою». Ольга съ внуками спаслась только благодаря ловкости и хитрости одного кіевлянина. Вызванный этими событіями на Русь, Святославъ прогналъ печенѣговъ отъ Кіева и пробылъ тамъ до смерти Ольги (въ 970 году), а затѣмъ уѣхалъ обратно въ Болгарію, раздѣливъ Русскую землю между своими сыновьями, при чемъ Я. получилъ Кіевъ, Олегъ—землю Древлянскую, а Владиміръ, по просьбѣ новгородцевъ,—Новгородъ. По смерти Святослава, въ 973 году, Я. остался старшимъ въ родѣ и великимъ княземъ кіевскимъ. Его княженіе было ознаменовано междуусобной войной съ братомъ Олегомъ. Причиной этой войны послужило убійство Олегомъ на охотѣ Люта, сына Свинѣльда, совѣтника Я. и ближайшаго дружинника. Съ тѣхъ поръ Свинѣльдъ вооружалъ Я. противъ брата. Въ 977 году, по его совѣту, Я. пошелъ войной на Олега, побѣдилъ его и захватилъ волость его. Олегъ погибъ, спасаясь отъ брата въ городъ Овручъ, во рву, окружавшемъ этотъ городъ. По словамъ лѣтописца, когда трупъ его былъ найденъ и принесенъ въ покои княжескіе, «придѣ Ярополкъ надъ нимъ плакася» и упрекалъ Свинѣльда.

Третій Святославовичъ, Владиміръ, узнавъ про убійство Олега, «убоявся» и бѣжалъ за море; тогда Я. послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ и сталъ одинъ княжить на Руси. Черезъ 3 года Владиміръ возвратился въ Новгородъ, выгналъ оттуда посадниковъ Я. и съ большимъ войскомъ, состоявшимъ изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей, тронулся въ Кіевъ. По пути онъ покорилъ полоцкаго

князя Рогвольда, дочь котораго Рогнѣда была невѣстой Я. Убивъ ея отца и двухъ братьевъ, Владиміръ силой женился на ней. Изъ Полоцка онъ двинулся съ большимъ войскомъ на Я.; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему и заперся въ Кіевѣ. Путемъ подкупа и разныхъ обѣщаній Владиміру удалось привлечь на свою сторону воеводу Блуда, главнаго совѣтника Я. Такъ какъ въ Кіевѣ убить князя было нельзя, потому что этого не допустили бы граждане, Блудъ уговорилъ Я. бѣжать оттуда, увѣривъ, что здѣсь оставаться ему опасно. Я. затворился въ Роднѣ, при устьѣ рѣки Роси. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, занялъ его и осадилъ Родно. Здѣсь скоро начался голодъ, откуда долго еще сохранилась пословица «бѣда, аки въ Роднѣ». Блудъ, увѣривъ Я., что бороться ему съ Владиміромъ невозможно, убѣдилъ его пойти помириться съ нимъ. Я., несмотря на предостереженія одного изъ своей дружины, по имени Варяжко, согласился на это, но былъ предательски убитъ двумя варягами при входѣ на княжій дворъ. Варяжко бѣжалъ къ печенѣгамъ и долго мстилъ за смерть своего князя, дѣлая съ ними набѣги на Кіевъ. Эти извѣстія о смерти Я. взяты изъ начальныхъ кіевскихъ лѣтописей, которыя, такимъ образомъ, главной причиной гибели Я. считаютъ недостатокъ войска у него и измѣну Блуда. По Іоакимовой же лѣтописи, приведенной у Татищева, главной причиной пораженія Я. является нелюбовь къ нему язычниковъ. Іоакимъ такъ характеризуетъ Я.: «бѣ мужъ кроткій и милостивый ко всѣмъ, любяше христіаны, и аще самъ не крестися народа ради, то никому не претяше». Добрыня, дядя Владиміра, зная, что Ярополкъ «нелюбимъ есть у людей, зане христіанамъ даде волю велику», убѣдилъ воеводъ его предаться Владиміру, что ими и было сдѣлано въ битвѣ при рѣкѣ Другчѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска, гдѣ Я. былъ сраженъ «не силою, ни храбростью, но предательствомъ воеводъ».

О внѣшнихъ сношеніяхъ Руси, бывшихъ при Я., историкъ Соловьевъ приводитъ слѣдующія извѣстія: о побѣдѣ Ярополка надъ печенѣгами и вступленіи печенѣжскаго князя Илдая на службу къ Я., давшему ему города и волости; о заключеніи мира съ греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ и о приходѣ пословъ папскихъ.

По нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Ярославъ въ 1044 году крестилъ кости Я. и Олега и похоронилъ ихъ при церкви Св. Богородицы.

Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», кн. I, стр. 108, 117—122; прим. 393, 418, 419, 422, 425, 448; кн. II, стр. 23; прим. 12, 53.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. I, стр. 144, 150, 152, пр. 2, 153, 154, 156—162.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 27—29, 31—33, 67; т. II, стр. 245, 246, 248, 249, 268; т. III, стр. 2; т. IV, стр. 174, 175; т. V, стр. 2, 106—108, 110—112, 138; т. VII, стр. 28, 222, 231, 287, 289, 291—293, 331, 332.—*Татищевъ*, «Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ», книга I, часть 1, глава 4-я. «О исторіи Іоакима, епископа Новгородскаго»; стр. 37—38.—*М. М. Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 334—340.—*Погодинъ*, «Ярополкъ и Владиміръ» («Москвитянинъ», 1848 г., № 2, стр. 103—106).—Военный энциклопедическій лексиконъ, 1858 года, т. XIV, стр. 511.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238—1505 г.г.», т. I, стр. 303, 308.—Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 82, стр. 816.

М. З.

Ярополкъ Ярославичъ, сынъ князя Ярослава Всеволодовича, по просьбѣ новгородцевъ и съ согласія своего отца пріѣхалъ въ 1197 г. въ Новгородъ, но черезъ шесть мѣсяцевъ покинулъ его и возвратился къ отцу. Въ 1214 г. Я. принялъ участіе въ сраженіи подъ Вышгородомъ, въ которомъ Всеволодъ былъ разбитъ кн. Мстиславомъ Мстиславовичемъ, а Я. взятъ въ плѣнъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 174; т. II, стр. 150, 326; т. IV, стр. 18; т. V, стр. 170; т. VII, стр. 106.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. III, стр. 63, 91; прим. 99, 100, 160.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 575, 584, прим. 4-ое.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 499, 501.

Ярославскіе князья.

Ярославль, основанный въ XI ст., сначала тѣсно примыкалъ къ древнему Ростову, а въ 1218 г., назначенный въ удѣлъ вел. кн. владимірскимъ Константиномъ Всеволодовичемъ второму, по старшинству, сыну его, Всеволоду, образовалъ Ярославское удѣльное княжество, къ которому принадлежали населенныя и пустопорожнія мѣста и земли по рѣкамъ Мо-

логѣ, Шекснѣ, Сити, Ухрѣ и Кубенскому озеру. Съ первой четверти XIV в. изъ единоцѣлаго Ярославскаго удѣльнаго княжества стали выдѣляться болѣе мелкіе удѣлы. Такимъ образомъ явились удѣлы: Моложскій, со временемъ выдѣлившій изъ себя еще болѣе мелкіе удѣлы съ князьями Шуморовскими, Сицкими и Прозоровскими, Новленскій, Заозерско-Кубенскій, Курбскій, Шехонскій и Ухорскій. Ярославскіе князья собственно, занимавшіе Ярославль, стали называться, по отношенію къ князьямъ мелкихъ удѣловъ, великими. Многіе изъ князей ярославскихъ вообще, несомнѣнно занимавшіе удѣлы, не называются удѣльными по своимъ удѣламъ, можетъ быть, по мелкотѣ и бѣдности послѣднихъ, а носятъ родовое названіе ярославскихъ. Всѣ эти князья—одни раньше, другіе позже—къ концу XV в. потеряли свою самостоятельность, будучи поглощены Москвой. Болѣе замѣчательные изъ нихъ по чему-либо — слѣдующіе:

1) *Александръ Ивановичъ*, сынъ Ивана Большого Васильевича (№ 21), былъ у вел. кн. московскаго въ воеводахъ; убитъ въ битвѣ съ казанцами на Арскомъ полѣ въ 1455 г.

2) *Александръ Өедоровичъ*, прозваніемъ *Аленка*, сынъ Ө. Өедоровича Алабыша (№ 47), съ 1492 г. значится воеводой; въ 1506—1507 г. стоялъ на Камѣ и на Каменномъ перевозѣ близъ Казани; весной 1508 г. посланъ былъ въ Литву, гдѣ произвелъ большія опустошенія, затѣмъ получилъ приказъ идти навстрѣчу князьямъ Глинскимъ и помогать имъ противъ литовцевъ. Въ 1509 г. онъ посланъ былъ изъ Москвы въ Вязьму, а отсюда—къ Дорогобужу, по взятіи котораго остался въ немъ; въ 1512 г. съ Усть-Осетра выходилъ противъ татаръ. А. Ө. считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Аленкиныхъ*.

3) *Александръ Өедоровичъ*, прозваніемъ *Брюхатый*, единственный сынъ Ө. Васильевича (№ 42), послѣдній владѣтельный князь ярославскій. Въ 1436 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ вел. кн. Василія Темнаго съ Василіемъ Косымъ. Во время стоянки въ устьѣ р. Которости, въ ожиданіи соединенія съ великимъ княземъ, ночью взятъ былъ врасплохъ съ постели вмѣстѣ съ его княгинею въ плѣнъ вятчанами, шедшими на помощь къ Василію Косому. Ярославцы преслѣдовали вятчанъ поберегу Волги и хотѣли стрѣлять въ нихъ, но угроза похитителей убить плѣнниковъ остановила воиновъ Александра. Согласившись на выкупъ плѣнныхъ за 400 р., вятчане получили деньги, но вѣроломно увезли княжескую чету въ Вятку. Въ маѣ того же года, когда Василій Косой находился уже въ рукахъ великаго князя, вятчане нашли безполезнымъ и даже до нѣкоторой степени опаснымъ удерживать у себя ярославскую княжескую чету и отпустили ее. Въ 1463 г. случилось два важныхъ событія, касающихся Ярославля: во-первыхъ, обрѣтены были мощи святыхъ предковъ Александра, Өеодора Ростиславича Чернаго (№ 48) и сыновей его, Давида и Константина (№№ 14 и 28), и во-вторыхъ, стараніями великокняжескаго дьяка Полуехтова ярославскіе князья уступили свои отчины, конечно, за соотвѣтственное вознагражденіе, вел. кн. московскому. А. Ө. скончался въ Ярославлѣ 17 апрѣля 1471 г. и погребенъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ. Онъ имѣлъ единственнаго сына Даніила *Пенко* (№ 15).

4) *Аөанасій—Андрей Ивановичъ*, внукъ основателя г. Романова, Романа Васильевича (№ 34), первый удѣльный князь шехонскій, родоначальникъ угасшихъ князей шехонскихъ, жилъ въ XV в. Дѣти его, Семенъ и Василій Аөанасьевичи, сообща владѣли удѣломъ, сообща же и продали его въ половинѣ XV в. женѣ вел. кн. Василія Темнаго, Марьѣ Ярославнѣ.

5) *Василій Васильевичъ*, сынъ В. Давидовича (№ 8), занялъ ярославскій удѣлъ по смерти отца своего, въ 1345 г. Лѣтописи, говоря о моровой язвѣ, появившейся въ Ростовской области въ 1364 г., и взятіи Ярославля новгородцами (конечно, новгородской вольницей) въ 1372 г., ничего не сообщаютъ о самомъ князѣ ярославскомъ. Въ 1375 г. В. В. участвовалъ въ походѣ в. кн. Дмитрія Ивановича на Тверь, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ и въ знаменитой Куликовской битвѣ 1380 г. Онъ имѣлъ сыновей: Ивана (№ 21) и Өедора (№ 42), кн. ярославскихъ, Семена (№ 36), кн. новленскаго, Дмитрія (№ 18), кн. заозерскаго, и Ивана-Воина (№ 22), носившаго родовое прозвище князя ярославскаго.

6) *Василій Васильевичъ*, прозваніемъ *Шастунъ*, сынъ В. Ивановича (№ 10),

былъ бояриномъ (1487 г.) вел. кн. Ивана III; умеръ въ Москвѣ въ 1495 г. Онъ былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Гагиныхъ* и *Шастуновыхъ*, а чрезъ старшаго сына своего Петра, прозваніемъ Великаго (см. Шастуновы князья), и князей Великогагиныхъ, писавшихся и просто *Гагиными*.

7) *Василій Всеволодовичъ*, сынъ В. Константиновича (№ 11).

8) *Василій Давидовичъ*, прозваніемъ *Грозныя очи* или *Грозный*, кн. ярославскій, сынъ Д. Өедоровича (№ 14), жилъ въ то смутное время, когда Москва, при помощи татаръ, стремилась прибрать удѣльныхъ князей къ своимъ рукамъ. Ярославскому княжеству нерѣдко приходилось подвергаться ударамъ со стороны татаръ и Москвы. Въ 1322 г., когда князь московскій Юрій Даниловичъ былъ въ Новгородѣ, братъ его, Иванъ Калита, возвратился изъ орды, гдѣ былъ, вѣроятно, по дѣламъ Юрія, находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ тверскому князю,—съ посломъ Ахмыломъ, который, творя «пакости въ Низовской землѣ», взялъ Ярославль и возвратился въ орду съ большимъ полономъ. Въ 1339 г., «по думѣ Калиты», отправившагося тогда въ орду по тверскимъ дѣламъ, туда же позванъ былъ и В. Д. Но неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Калита хотѣлъ перехватить ярославскаго князя въ пути, что, однако, не удалось ему. Въ 1340 г., по смерти Калиты, ярославскій князь, какъ и другіе болѣе сильные князья сѣверо-восточной Руси, «поидоша о великомъ княженіи въ орду». Верхъ взялъ сынъ Калиты Симеонъ, съ которымъ всѣ претенденты на великокняжескій титулъ, въ томъ числѣ и князь ярославскій, въ томъ же году должны были итти съ своими силами на Торжокъ. В. Д. умеръ зимой 1345 г., оставивъ отъ брака съ дочерью Калиты Евдокіей сыновей: Василія (№ 5), Глѣба (№ 12) и Романа (№ 34)

9) *Василій Даниловичъ*, первый и послѣдній удѣльный князь ухорскій, внукъ Романа Васильевича (№ 34), жилъ въ XV в. Изъ пятерыхъ сыновей его второй, Өедоръ *Охлябина*, былъ родоначальникомъ угасшихъ князей *Охлябининыхъ*, а младшій Михаилъ *Хворостина*—князей *Хворостининыхъ*.

10). *Василій Ивановичъ*, называемый въ родословныхъ княземъ ярославскимъ, сынъ И. Большого Васильевича (№ 21), жилъ въ XV в. У него были сыновья: Юрій, Даніилъ и Василій (№ 6), прозваніемъ *Шастунъ*. Даніилъ В. весной 1469 г. въ качествѣ перваго воеводы ходилъ къ Устюгу, а отсюда получилъ приказъ итти на Казань, гдѣ русскіе разбили казанцевъ въ трехъ битвахъ, подъ самой Казанью и на Волгѣ.

11) *Всеволодъ Константиновичъ* (въ крещеніи—*Іоаннъ*), второй сынъ вел. кн. владимірскаго К. Всеволодовича, первый удѣльный князь ярославскій, родился 18 іюня 1210 г. въ Ростовѣ. 23 мая 1212 г. надъ нимъ совершенъ былъ извѣстный старинный обрядъ—постриги. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что по этому случаю «бысть радость велика во градѣ Ростовѣ». Въ 1215 г. онъ находился въ Торжкѣ съ полками отца своего, приходившими на помощь Ярославу Всеволодовичу, тогда кн. переяславскому, бывшему во враждѣ съ новгородцами. Въ 1218 г. В. получилъ отъ отца въ удѣлъ Ярославль. Послѣдній въ то время былъ уже большимъ городомъ, что видно изъ Никоновской лѣтописи, по которой тамъ, въ 1221 г., во время пожара, истребившаго почти весь городъ, однѣхъ церквей сгорѣло 17. Въ 1224 г. В. достроилъ въ Спасопреображенскомъ монастырѣ церковь, заложенную еще отцемъ его. Въ томъ же году вел. кн. Юрій посылалъ В-да съ полками, но куда и противъ кого—изъ лѣтописи не видно. Въ 1226 г. ярославскій князь ходилъ съ дядей Юріемъ Всеволодовичемъ на помощь къ черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу въ борьбѣ его съ кн. курскимъ Олегомъ, а вскорѣ по примиреніи враждовавшихъ даже породнился съ этимъ Олегомъ. Въ 1227 г. (сентября 15) Юрій Всеволодовичъ послалъ племянника на княженіе въ южный Переяславль, а въ слѣдующемъ 1228 г. В. женился на дочери Олега, Маринѣ. Но въ томъ же году мы опять видимъ В-да на сѣверѣ: въ этомъ году онъ участвовалъ въ походѣ Юрія на Мордву, «въ Пургасову волость». Въ 1229 г. ярославскій князь вмѣстѣ съ другими своими братьями присталъ къ младшему дядѣ Ярославу противъ старшаго Юрія, но послѣдній, пригласивъ всѣхъ ихъ, въ началѣ сентября, «на снемъ» въ Суздаль, склонилъ ихъ къ примиренію. Въ 1230 г. В. принималъ участіе во враждебныхъ дѣйстіяхъ Ярослава противъ

оскорбившаго его черниговскаго князя Михаила. 4-го марта 1238 г. В. К. палъ въ битвѣ съ татарами на берегахъ р. Сити. Онъ оставилъ сыновей: Василія (№ 7) и Константина (№ 26).

12) *Глѣбъ Васильевичъ*, кн. ярославскій, сынъ В. Давидовича (№ 8), извѣстенъ только по родословнымъ. Онъ имѣлъ 3-хъ сыновей: Ивана, Ѳедора (№ 43) и Константина *Шаха* (№ 27).

13) *Глѣбъ Ивановичъ,* сынъ моложскаго кн. И. Михайловича (№ 24), первый князь шуморовскій, извѣстенъ только по родословнымъ, изъ которыхъ видно, что онъ палъ подъ Суздалемъ во время набѣга Мамутека (1445 г.). Сынъ его Иванъ, по прозванію *Голыга,* считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Голыгиныхъ*, и Михаилъ *Шаминъ—Шаминыхъ*.

14) *Давидъ Ѳедоровичъ,* кн. ярославскій, сынъ Ѳ. Ростиславича Чернаго (№ 48), извѣстенъ только по одному указанію лѣтописи на годъ его смерти—1321. Св. мощи его, какъ равно мощи его отца и брата Константина, обрѣтены при послѣднемъ владѣтельномъ князѣ ярославскомъ Александрѣ Ѳедоровичѣ Брюхатомъ. Д. Ѳ. имѣлъ двухъ сыновей, Василія, по прозванію *Грознаго* (№ 8), и Михаила (№ 31).

15) *Даніилъ Александровичъ*, прозваніемъ *Пенко* (Пенько, Пенекъ), единственный сынъ А. Ѳедоровича Брюхатаго (№ 3). Въ лѣтописяхъ въ первый разъ онъ упоминается подъ 1485 г. по случаю помѣщенія въ его московскомъ домѣ плѣннаго казанскаго царя съ семьей. Въ 1469, 1492 и 1493 гг., въ качествѣ воеводы, былъ въ походахъ на Казань, Литву и въ Великіе Луки; въ 1493—1495 гг. былъ въ Новгородѣ первымъ намѣстникомъ; въ 1500 г. пожалованъ былъ въ бояре и въ февралѣ того же года былъ тысяцкимъ на свадьбѣ дочери вел. князя Ѳеодосіи, выходившей за кн. Василія Даниловича Холмскаго; въ 1501 г. былъ во Псковѣ и участвовалъ въ походѣ на Литву, а въ слѣдующемъ 1502 г. ходилъ на Лифляндію, которую, по разбитіи лифляндцевъ 24 ноября, опустошилъ отъ Ивангорода до Колывани; въ 1503 г. былъ въ походѣ изъ Великихъ Лукъ на Литву; умеръ въ 1520 г. Д. А. считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Пенковыхъ*.

16) *Даніилъ Романовичъ*, кн. ярославскій, сынъ Р. Васильевича (№ 34), извѣстный намъ только по родословнымъ, жилъ въ XV в.; онъ имѣлъ сыновей: Льва (№ 29) и Василія (№ 9).

17) *Даніилъ Семеновичъ*, сынъ С. Васильевича (№ 36), второй и послѣдній удѣльный князь новленскій; извѣстенъ только по родословнымъ; онъ имѣлъ единственнаго сына Ивана, кн. юхотскаго (№ 23).

18) *Дмитрій Васильевичъ,* первый удѣльный князь заозерскій (1420—1440 гг.), сынъ В. Васильевича, кн. Ярославскаго (№ 5). О немъ извѣстно только, что онъ, а особенно жена его Марія, извѣстная только по имени, помогли преп. Александру основать монастырь на р. Куштѣ. Въ 1436 г. Д. В. выдалъ единственную дочь свою Софію за Димитрія Юрьевича Шемяку. У него были сыновья: Андрей, извѣстный только по родословнымъ, которыя называютъ его кн. заозерскимъ, и Семенъ (№ 37).

19) *Дмитрій Романовичъ,* сынъ Р. Васильевича (№ 34), извѣстенъ намъ только по родословнымъ, которыя называютъ его кн. ярославскимъ, отмѣчая у него двухъ сыновей, «князей ярославскихъ»: Ивана, по прозванію *Дѣя*, родоначальника угасшихъ князей *Дѣевыхъ*, и Василія.

20) *Дмитрій Ѳедоровичъ*, прозваніемъ *Перина*, сынъ Ѳ. Михайловича (№ 46), кн. моложскій (1408....), извѣстенъ только по родословнымъ, которыя отмѣчаютъ у него единственнаго сына Петра, со смертью котораго прекратилась самостоятельность Моложскаго удѣльнаго княжества, а со смертью дѣтей этого Петра—и родъ князей моложскихъ.

21) *Иванъ Васильевичъ,* сынъ В. Васильевича (№ 5), кн. ярославскій, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1410 г.: въ этомъ году онъ ходилъ съ другими удѣльными князьями, по приказу вел. кн. Василія Димитріевича, противъ князей Даніила и Ивана Борисовичей, хотѣвшихъ, при помощи инородцевъ, силой вырвать отчину свою, Н.-Новгородъ, изъ рукъ московскаго князя. Справивъ 17 января 1411 г. свадьбу дочери своей Маріи, вышедшей за кн. микулинскаго Александра Ѳедоровича, И. В., въ слѣдующемъ 1412 г., сопутствовалъ вел. кн. московскому въ его поѣздкѣ въ орду. Подъ 1425 г. въ лѣтописяхъ отмѣчено, что 23 іюня у И. В., въ присутствіи его родичей, ужиналъ митрополитъ Фотій, проѣзжавшій въ Галичъ съ цѣлью примиренія вел. кн. Василія Васильевича съ дядей

его Юріемъ Дмитріевичемъ. И. В. скончался въ 1426 г., когда свирѣпствовала на Руси, такъ называемая, черная смерть. Онъ имѣлъ сыновей: Романа (№ 35), Александра (№ 1), Василія (№ 10), Якова-Воина(№ 41) и Семена (№ 38).

22) *Иванъ-Воинъ* Меньшой *Васильевичъ*, называемый въ родословныхъ княземъ ярославскимъ, сынъ В. Васильевича (№ 5), умеръ бездѣтнымъ.

23) *Иванъ Даниловичъ,* сынъ Д. Семеновича (№ 17), владѣлъ Юхотью; онъ считается родоначальникомъ угаснихъ князей *Юхотскихъ*.

24) *Иванъ Михайловичъ,* кн. моложскій, сынъ М. Давидовича (№ 31). Въ 1380 г. онъ палъ въ Куликовской битвѣ; имѣлъ дѣтей: Андрея, кн. моложскаго, поколѣніе котораго пресѣклось съ сыномъ его Семеномъ, инокомъ Сергіева монастыря, Глѣба (№ 13) и Ѳедора, прозваніемъ *Ушатаго* (№ 44).

25) *Иванъ Ѳедоровичъ,* сынъ Ѳ. Михайловича моложскаго (№ 46), кн. прозоровскій, извѣстенъ только по родословнымъ, которыя даютъ ему двухъ сыновей, Юрія и Андрея, извѣстныхъ также только по родословнымъ, которыя считаютъ еще удѣльными князьями. Сынъ Юрія, Ѳедоръ, считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Судскихъ*. Въ 1492 г. И. Ѳ. былъ вторымъ воеводой передового полка въ Смоленскомъ походѣ; въ 1495 г., января 13 вмѣстѣ съ другими боярами отправленъ былъ въ Вильну для присутствованія при бракосочетаніи дочери вел. кн. Ивана III, Елены, съ литовскимъ княземъ Александромъ; въ 1496 г. участвовалъ въ походѣ къ Выборгу, въ 1502 и 1503 гг.—въ Лифляндію и въ 1508 г.—въ Смоленскомъ походѣ.

26) *Константинъ Всеволодовичъ*, св. князь ярославскій, сынъ В. Константиновича (№ 11), не извѣстенъ ни лѣтописямъ, ни родословнымъ; мы знаемъ о немъ, какъ о младшемъ, второмъ сынѣ Всеволода, только по мѣстному преданію и по житію и сказаніямъ объ обрѣтеніи мощей св. благовѣрныхъ князей ярославскихъ, Василія и Константина Всеволодовичей. По мѣстному преданію, К—нъ, добиваясь независимости отъ татаръ, былъ убитъ въ одной изъ битвъ съ послѣдними на Туговой горѣ, за р. Которостью, гдѣ теперь находится кладбище, въ 1255 или 1257 г. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ подлѣ старшаго брата.

27) *Константинъ Глѣбовичъ*, прозваніемъ *Шахъ*, сынъ Г. Васильевича (№ 12), извѣстенъ только по родословнымъ, которыя называютъ его княземъ ярославскимъ и отмѣчаютъ, что въ 1482 г., по дѣламъ казанскимъ, онъ былъ въ Н.-Новгородѣ воеводой. Онъ считается родоначальникомъ князей *Шаховскихъ*.

28) *Константинъ Ѳедоровичъ,* прозваніемъ *Улемецъ,* св. кн. ярославскій, сынъ Ѳ. Ростиславича Чернаго (№ 48), извѣстенъ только по мѣстнымъ преданіямъ и уже въ позднѣйшее время составленнымъ житіямъ св. благовѣрныхъ князей ярославскихъ, Ѳеодора и сыновей его: Давида (№ 14) и Константина.

29) *Левъ Даниловичъ,* кн. ярославскій, по прозванію *Зубатый*, сынъ Д. Романовича (№ 16), извѣстенъ только по родословнымъ; онъ считается родоначальникомъ кн. *Вѣкошкиныхъ,* нынѣ старшей вѣтви рода князей *Львовыхъ*, также угасшихъ князей *Зубатыхъ* и *Луговскихъ*, нынѣ младшей вѣтви рода князей *Львовыхъ*.

30) *Левъ Михайловичъ*, кн. моложскій, сынъ М. Давидовича (№ 31), упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ подъ 1369 г. по случаю кончины его. Онъ имѣлъ единственнаго сына Андрея, по прозванію *Дуло*, родоначальника угасшихъ князей *Дуловыхъ.*

31) *Михаилъ Давидовичъ*, сынъ Д. Ѳедоровича (№ 14), первый удѣльный князь моложскій, упоминается въ лѣтописяхъ только одинъ разъ: въ 1361 г., неизвѣстно зачѣмъ, онъ ѣздилъ въ орду въ самое смутное время, когда ханы свергали и убивали другъ-друга, а на Руси происходила борьба за первенство между двумя Дмитріями, московскимъ и суздальскимъ. М. Д. имѣлъ трехъ сыновей: Ѳедора (№ 46), Ивана (№ 24) и Льва (№ 30), кн. моложскихъ.

32) *Михаилъ Ѳедоровичъ,* кн. ярославскій, сынъ Ѳ. Ростиславича Чернаго (№ 48) отъ перваго брака его съ Маріей Васильевной, дочерью В. Всеволодовича (№ 7). За малолѣтствомъ его княжествомъ правили мать и бабка его. Онъ скончался въ отроческомъ возрастѣ въ 1287 или 1288 г.

33) *Петръ Дмитріевичъ*, послѣдній самостоятельный удѣльный князь моложскій. См. № 20.

34) *Романъ Васильевичъ*, сынъ В. Дави-

довича Грознаго (№ 8), кн. ярославскій, основатель г. Романова. Онъ участвовалъ въ походѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 г. и въ Куликовской битвѣ въ 1380 г. По родословнымъ у него были сыновья: Иванъ, по прозванію *Неблагословенный свистунъ*, Дмитрій, сынъ котораго—Иванъ *Дѣй*, владѣвшій Кубеной, считается родоначальникомъ князей *Дѣевыхъ*, Василій, Даніилъ, отецъ Льва *Зубатаго* (№ 29), Илья и Андрей, участвовавшій въ Куликовской битвѣ.

35) *Романъ Ивановичъ*, по родословнымъ – кн. ярославскій, сынъ И. Большого Васильевича (№ 21), въ лѣтописяхъ не упоминается. У него были сыновья: Ѳеодоръ (№ 47), участвовавшій въ Куликовской битвѣ, Левъ, сынъ котораго Михаилъ, по прозванію *Троекуръ*, считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Троекуровыхъ*, а сынъ этого послѣдняго Семенъ Михайловичъ *Тюмень* нѣкоторыми родословными неосновательно считается родоначальникомъ князей *Тюменскихъ*, и Семенъ Романовичъ (№ 39).

36) *Семенъ Васильевичъ*, сынъ В. Васильевича (№ 5), кн. новленскій (приблизительно 1400—1440 гг.), извѣстенъ намъ только по родословнымъ и по житіямъ преп. Александра Куштскаго, которому онъ помогъ основать церковь и монастырь на р. Куштѣ. Онъ имѣлъ единственнаго сына Даніила (№ 17) и дочь Анну, вышедшую въ 1408 г. за Ярослава Владиміровича, кн. боровскаго.

37) *Семенъ Дмитріевичъ*, сынъ Д. Васильевича (№ 18), кн. кубенскій, владѣлъ Кубеной въ половинѣ XV в. Онъ получилъ Кубену за женой, дочерью кн. Ивана Дмитріевича *Дѣя*, «а у него взялъ Кубену князь великій», по родословной Временника. Старшій сынъ его Иванъ Семеновичъ былъ женатъ на дочери Андрея Васильевича, кн. углицкаго. С. Д. считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Кубенскихъ*.

38) *Семенъ Ивановичъ*, сынъ И. Васильевича (№ 21), извѣстенъ только по родословнымъ, которыя называютъ его первымъ удѣльнымъ княземъ курбскимъ, вѣроятно, потому что отъ него пошелъ родъ князей *Курбскихъ*. Старшій братъ его, Яковъ Воинъ, котораго родословныя также называютъ кн. курбскимъ, палъ въ битвѣ съ казанцами на Арскомъ полѣ въ 1455 г., не оставивъ потомства.

39) *Семенъ Романовичъ*, сынъ Р. Ивановича (№ 35), по родословнымъ, кн. ярославскій. Пожалованный въ 1469 г. въ бояре, онъ въ качествѣ воеводы принималъ участіе во многихъ походахъ въ разныхъ частяхъ войскъ: въ 1474 г. былъ въ походѣ противъ казанскаго царя; въ 1475 г. былъ посланъ въ Казань для возведенія на престолъ царя Алегама; въ 1487 г. былъ въ походѣ на Казань, при чемъ, перейдя Свіягу и разбивъ казанцевъ, взялъ Казань и полонилъ царя и многихъ казанцевъ; въ 1493 г. находился въ походѣ къ Вел. Лукамъ; въ 1495 г.—въ государевомъ походѣ въ Новгородъ; въ 1496 г.—въ походѣ къ Выборгу; въ 1499 г. ходилъ на помощь Казани противъ нападавшихъ на нее разныхъ царевичей; въ 1500—1501 гг. послѣ боя на Ведрошѣ ходилъ на Литву. Онъ скончался въ 1502 г. Дѣти его: Константинъ *Сисей*, родоначальникъ угасшихъ князей *Сисеевыхъ*, Петръ *Кривой* и Иванъ *Семейка* также служили воеводами и участвовали въ различныхъ походахъ.

40) *Семенъ Ѳеодоровичъ*, въ иночествѣ Серапіонъ, сынъ Ѳ. Михайловича (№ 46), первый удѣльный князь сицкій, извѣстенъ только по родословнымъ, по которымъ у него было два сына: бездѣтный Борисъ, павшій въ 1445 г. въ битвѣ съ казанцами при суздальскомъ Спасо-Евѳимьевомъ монастырѣ, и Петръ, отъ котораго пошло потомство угасшихъ князей *Сицкихъ*. Правнукъ этого Петра, кн. Василій Андреевичъ, бояринъ и воевода († 1578 г. подъ стѣнами Вендена) былъ женатъ на Аннѣ Романовнѣ Юрьевой-Захарьиной, сестрѣ царицы Анастасіи Романовны.

41) *Яковъ-Воинъ Ивановичъ*, сынъ И. Васильевича (№ 21), первый удѣльный курбскій князь, былъ у вел. кн. московскаго въ воеводахъ; погибъ бездѣтнымъ въ походѣ на Казань на Арскомъ полѣ въ 1455 г.

42) *Ѳеодоръ Васильевичъ*, сынъ В. Васильевича (№ 5), кн. ярославскій, извѣстенъ только по родословнымъ. Но по нѣкоторымъ хронологическимъ соображеніямъ несомнѣнно, что при этомъ князѣ, въ 1433 г., галицкіе князья Василій Косой и Дмитрій Шемяка, послѣ извѣстнаго оскорбленія ихъ на свадебномъ пиру вел. кн. Василія, по дорогѣ въ Галичъ заѣхали въ Ярославль, разграбили городъ и похитили «казны всѣхъ князей». У Ѳ. В. былъ единственный сынъ, Александръ *Брюхатый* (№ 3).

43) *Θедоръ Глѣбовичъ*, кн. ярославскій, сынъ Г. Васильевича (№ 12), упоминается только въ родословныхъ, которыя даютъ ему дѣтей: Семена, прозваніемъ *Щетину*, Ивана *Заську* и бездѣтнаго Θедора. Старшій сынъ Семена, Василій *Щетининъ*, считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Щетининыхъ*; младшій, Владиміръ Семеновичъ, прозваніемъ *Темносиній*, имѣлъ двухъ сыновей: Василія *Темносиняго* и Дмитрія *Сандыря*, родоначальника угасшихъ князей *Сандыревыхъ;* второй сынъ Василія Владиміровича Темносиняго, Петръ *Заська*, былъ родоначальникомъ старшей вѣтви угасшихъ князей *Засѣкиныхъ*. У второго сына Θедора Глѣбовича, Ивана *Заськи*, было четыре сына: а) Иванъ старшій *Засѣкинъ*, прозваніемъ *Бородатый дуракъ*, родоначальникъ второй, угасшей вѣтви князей *Засѣкиныхъ;* б) Дмитрій *Засѣкинъ-Солнце*, родоначальникъ князей *Солнцовыхъ* и *Солнцовыхъ - Засѣкиныхъ;* в) Иванъ младшій *Засѣкинъ - Жировой*, родоначальникъ угасшихъ князей *Жировыхъ-Засѣкиныхъ*, и г) Давидъ, родоначальникъ младшей вѣтви князей *Засѣкиныхъ*.

44) *Θедоръ Ивановичъ*, сынъ И. Михайловича (№ 24), прозваніемъ *Ушатый*, извѣстенъ только по родословнымъ, которыя считаютъ его родоначальникомъ угасшихъ князей *Ярославскихъ-Ушатыхъ*.

45) *Θедоръ Ивановичъ*, прозваніемъ *Мортка*, сынъ И. Романовича *Неблагословеннаго свистуна* (№ 34), извѣстенъ только по родословнымъ, которыя называютъ его княземъ ярославскимъ, а нѣкоторыя добавляютъ, что онъ служилъ въ Твери; онъ считается родоначальникомъ угасшихъ князей *Морткиныхъ*, а праправнукъ его, кн. Василій Ивановичъ — родоначальникомъ князей *Бѣльскихъ*.

46) *Θедоръ Михайловичъ*, сынъ М. Давидовича (№ 31), второй удѣльный кн. моложскій. Вмѣстѣ съ своими родичами, кн. ярославскими, онъ участвовалъ въ походѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича на Тверь въ 1375 г., а въ 1380 г.—въ Куликовской битвѣ. Θ. М. скончался 6 апрѣля 1408 г., принявъ передъ смертью иночество съ именемъ Θеодорита, и погребенъ въ моложской соборной церкви. У него были дѣти: Василій, кн. моложскій, Семенъ, кн. сицкій (№ 40), Дмитрій, прозваніемъ *Перина* (№ 20), кн. моложскій, Иванъ, кн. прозоровскій (№ 25), и неизвѣстная по имени дочь, вышедшая въ 1397 г. за кн. Александра Ивановича тверского.

47) *Θедоръ Романовичъ*, сынъ Р. Ивановича (№ 35), извѣстенъ только по родословнымъ. У него было три сына: Θедоръ, по прозванію *Алабышъ*, родоначальникъ угасшихъ князей *Алабышевыхъ*, ѣздившій въ 1492 г., по приказу великаго князя, въ Тверь переписывать и расчислять населеніе въ сохи,—бездѣтный Василій *Мамонъ* и Александръ, по прозванію *Аленка* (№ 2).

48) *Θедоръ Ростиславичъ*, прозваніемъ *Черный*, кн. смоленско-можайскій и ярославскій, сынъ Р. Мстиславича, кн. смоленскаго. Обиженный старшими братьями своими, давшими ему одинъ только Можайскъ, Θ. Р., послѣ сношеній съ Борисомъ и Глѣбомъ Васильковичами, кн. ростовскимъ и бѣлозерскимъ, двоюродными братьями Василія Всеволодовича, кн. ярославскаго, не оставившаго мужского потомства, вступилъ въ бракъ съ дочерью послѣдняго Маріей приблизительно около 1260 г. При немъ послѣдовало, въ 1262 г., изгнаніе бесерменскихъ откупщиковъ дани изъ Суздальской области вообще и въ частности изъ Ярославля, гдѣ тогда же убитъ былъ гражданами нѣкто Зосима, сдѣлавшійся изъ иноковъ магометаниномъ, ярымъ хулителемъ и преслѣдователемъ христіанъ. Въ 1276 г. мы видимъ Θ. Р. на похоронахъ кн. костромского и вел. кн. владимірскаго Василія Ярославича, а въ слѣдующемъ 1277 г. онъ участвовалъ въ походѣ Мангу-Тимура на непокорныхъ ему ясовъ. Черезъ годъ по возвращеніи изъ этого похода (1278 г.) онъ выдалъ вторую дочь свою за Глѣба Васильковича, кн. ростовскаго, и пышно отпраздновалъ свадьбу въ Ярославлѣ. Вскорѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Θ. Р. опять отправился въ орду, чтобы принять участіе въ войнѣ татаръ съ однимъ знаменитымъ тогда бродягою, свинопасомъ Лахономъ, поднявшимъ противъ татаръ Болгарію. Въ 1279 г., въ то время, какъ въ Ярославлѣ скончалась бабка Маріи Васильевны, Марина Олеговна, Θ. Р. былъ въ Смоленскѣ, гдѣ вскорѣ одинъ послѣ другого умерли братья его, Глѣбъ и Михаилъ. Оставивъ въ Смоленскѣ намѣстника, онъ въ 1281 г. возвратился въ Суздальскую область и принялъ участіе во враждѣ братьевъ, Андрея и Дмитрія

Александровичей, споривших за обладаніе великокняжескимъ столомъ. Онъ пошелъ на зовъ Андрея, у котораго была татарская рать съ Кавгадыемъ и Алчедаемъ во главѣ. Съ 1281 до 1292 г. въ лѣтописяхъ ни разу не упоминается имя Ѳ. Р. Несомнѣнно, къ этому времени надо отнести сказаніе Степенной книги о пребываніи его въ ордѣ и женитьбѣ на дочери хана. По этому сказанію, отъ красоты Ѳ—ра Р—ча «уязвися сердце» царицы, которая и рѣшилась женить его на своей дочери. Ѳ. Р. заявилъ, что у него въ Ярославлѣ есть законная жена, и началъ просить хана лично и черезъ приближенныхъ его отпустить его въ Ярославль. Въ Суздальской области онъ узналъ, что жена его умерла, а княжествомъ управляла, именемъ малолѣтняго сына Ѳеодорова, Михаила, теща его съ боярами. Князь хотѣлъ войти въ городъ, но его не пустили теща и бояре «и нелѣпая словеса глаголаше изъ града женскимъ умышленіемъ: мы таковаго обычая не имамы, еже отъинуду пришедша пріяти; довлѣетъ намъ отечеству наслѣдникъ, князь нашъ Михаилъ, сынъ твой». Ѳ. возвратился въ орду. Ханъ, по просьбѣ его, отправилъ въ Ярославль посла съ угрозами, но ярославцы и слушать его не хотѣли. Въ то же время супруга хана хлопотала передъ мужемъ о выдачѣ своей дочери за Ѳ—ра и, хотя ханъ не хотѣлъ отдавать ее за своего улусника и служебника, но женская настойчивость превозмогла его упрямство. Бракъ разрѣшенъ былъ патріархомъ, и невѣста въ св. крещеніи получила имя Анны. Ханъ приказалъ всѣмъ улусникамъ и вельможамъ своимъ приносить почетные дары своему зятю и его супругѣ, подарилъ Ѳ—ру 36 городовъ, въ числѣ которыхъ были Черниговъ, Болгары и пр. и неизвѣстные исторіи Гормиръ и Балыматы; наконецъ, онъ далъ новобрачнымъ въ услуженіе русскихъ князей и бояръ. Вообще, ханъ держалъ своего зятя въ чести: надѣвалъ на его голову царскій вѣнецъ и построилъ для него роскошныя палаты. Въ ордѣ у Ѳ. Р. родилось два сына, Давидъ и Константинъ. Получивъ извѣстіе изъ Ярославля о смерти сына Михаила, Ѳ. упросилъ тестя отпустить его туда. Ханъ отправилъ съ нимъ отрядъ татаръ, чтобы отомстить въ Ярославлѣ тѣмъ, кто причинилъ его зятю оскорбленія. Это было приблизительно около 1292 г. Въ этомъ году Ѳ. Р. принималъ участіе въ борьбѣ братьевъ Андрея и Димитрія за великокняжескій столъ, держа сторону перваго. По уходѣ татаръ, помогавшихъ Андрею, послѣдній, въ 1293 г., ушелъ въ Новгородъ, и Ѳ. Р., какъ главный участникъ въ борьбѣ съ Дмитріемъ, получилъ Переяславль Залѣсскій, который потомъ сжегъ, выходя изъ него для Дмитрія, уступившаго Андрею великокняжескій столъ. По смерти Дмитрія (1294 г.), вслѣдствіе домогательствъ Андрея захватить Переяславль, князья опять раздѣлились надвое; Ѳ. сталъ на сторону Андрея. Въ 1297 г. одинъ изъ смоленскихъ князей, Александръ Глѣбовичъ, овладѣлъ Смоленскомъ, принадлежавшимъ Ѳ—ру. Послѣдній подступилъ къ городу, но не могъ взять его и возвратился въ Ярославль. Въ слѣдующемъ 1299 г. (сентября 19) Ѳ. Р. постригся, а въ ночь на 20, облеченный въ схиму, скончался и погребенъ въ Спасскомъ монастырѣ. Отъ перваго брака у него былъ сынъ Михаилъ (№ 32) и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была за кн. галицкимъ Давидомъ Константиновичемъ, а младшая—за Михаиломъ Глѣбовичемъ, кн. бѣлозерскимъ. Отъ Анны, дочери хана, у него были сыновья: Давидъ и Константинъ (№№ 14, 28), прозваніемъ *Улемецъ*. Въ 1463 г. мощи Ѳ. Р. и его сыновей обрѣтены были нетлѣнными. Константинъ и Давидъ, какъ сказано въ лѣтописи, найдены лежащими у него подъ пазухами, такъ какъ онъ былъ очень большого роста; гробъ находился «на верхъ земли», а когда его хотѣли погребсти, то произошло нѣсколько чудесъ, и мощи были оставлены открытыми для поклоненія. Лѣтопись передаетъ, что ростовскій епископъ Трифонъ не повѣрилъ чудесамъ отъ мощей и въ 1467 г. послалъ протопопа Константина провѣрить подлинность ихъ; Константинъ дерзко обошелся съ мощами и за то пораженъ былъ ударомъ; тогда и Трифонъ переселился въ Спасскій монастырь и для покаянія остался при мощахъ до смерти.

А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г.», т. II, стр. 63—121.—Полное Собраніе Рус. Лѣтописей.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго» (Изд. Эйнерлинга). — *С. Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ».—«Русская Родословная книга» (изд. «Рус. Старины»).—*Погодинъ*, «Изслѣд., замѣч. и

лекціи по русской исторіи».—*М. Д. Хмыровъ*, «Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ, замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови» («Календарь для всѣхъ», 1870г.) и «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ» (тамъ-же, 1871 г.).—«Родословіе Ярославскихъ владѣльныхъ князей».—*С. Серебренниковъ*, «Хронологическій очеркъ истор. событій въ г. Ярославлѣ» («Яросл. Губ. Вѣд.», 1843 г., № 5).—*Его-же*, «Василій Давидовичъ Грозный, кн. Ярославскій» (ib., 1843 г., № 30).—*Его-же*, «Заозерское княжество» (ib., 1843 г., № 3).—*Его-же*, «Послѣднія междоусобія князей русскихъ и битвы ихъ въ Ярославской, Ростовской и Угличской областяхъ. Эпизодъ изъ неизданной исторіи г. Ярославля» (ib., 1855 г., №№ 7—8).—*Его-же*, «Историческій взглядъ на г. Мологу» (ib., 1842 г., № 40).—*І. Троицкій*, «Исторія губ. гор. Ярославля». — *Его-же*, «Исторія Мологской страны, княжествъ, въ ней бывшихъ, и города Мологи («Яросл. Губ. Вѣд.», 1863 г., №№ 33—34). — *Нилъ*, архіеп.», «Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, съ присовокупленіемъ житія св. благов. кн. Ѳеодора, Давида и Константина (Яр., 1862 г.).—*Рогозинниковъ*, «Изъ исторіи г. Ярославля» («Яросл. Губ. Вѣд.», 1863 г., № 1).—*А. Крыловъ*, «Историко-статист. очеркъ Рост.-Яр. епархіи».—*Лѣнивцевъ*, «Описаніе построенія г. Ярославля» («Отечеств. Записки», 1827 г., №№ 84, 85).—*В. Лѣствицынъ*, «Ярославскій соборъ при митрополитѣ Арсеніи» («Ярослав. Епарх. Вѣд.», 1874—1876 гг.).—*А. А. Титовъ*, «Путеводитель по г. Ярославлю» (М., 1883 г.).

А. Экземплярскій.

Ярославцевъ, *Алексѣй Ивановичъ*, ярославскій купецъ, директоръ Темерниковскаго порта, депутатъ въ Комм. о соч. Пр. Нов. Ул. 1767 г. Какъ полномочный депутатъ, отстаивалъ интересы купцовъ въ означенной комиссіи, ходатайствуя передъ Правительствующимъ Сенатомъ о воспрещеніи крестьянамъ и разночинцамъ г. Ярославля права свободной торговли въ городѣ, такъ какъ не платя полавочнаго сбора и пошлинъ за заграничные товары и, кромѣ того, не неся государственной, гражданской и полицейской службы, они тѣмъ самымъ составляли сильную конкуренцію купцамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда крестьяне не пожелаютъ оставить торговлю, онъ ходатайствовалъ о насильной приписи ихъ къ купечеству. Далѣе онъ предлагалъ слѣдующія мѣры: о запрещеніи купечеству давать разночинцамъ кредитныя письма съ разрѣшеніемъ производить торговлю отъ ихъ имени и опредѣлять разночинцевъ въ лавки сидѣльцами. Всѣхъ, желающихъ заниматься ремесломъ, онъ проектировалъ приписать въ цехи, устроенные по образцу нѣмецкихъ, и наравнѣ съ другими городскими обывателями обязать ихъ нести государственныя повинности, при чемъ мастеровымъ запрещалось безъ разрѣшенія командора переходить изъ одного цеха въ другой. Относительно квартирнаго постоя Я. ходатайствовалъ освободить ярославцевъ отъ обязанности отдавать квартиры штатскимъ служащимъ, состоящимъ уже на жалованьѣ. Для коменданта же и гарнизона находилъ нужнымъ построить квартиры, при чемъ расходы по постройкамъ проектировалъ покрыть денежнымъ сборомъ, но не съ одного только купечества. Что же касается солдатскаго постоя, то квартиры для него предполагалось отводить не только въ чертѣ города, но и въ прилежащихъ селахъ и деревняхъ и, согласно указу 1738 г., сдавать ихъ по очереди (исключая духовныхъ) и по билетамъ, чтобы затруднить частый переѣздъ съ квартиры на квартиру. Въ вопросѣ о сборѣ государственной денежной казны Я. просилъ освободить купцовъ отъ этой повинности, которая, согласно указу Петра I отъ 13-го апрѣля 1722 г., лежала исключительно только на офицерахъ, отставныхъ солдатахъ и дворянахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ также избавить купцовъ отъ караула во время прохожденія по Волгѣ судовъ съ этой казной, указывая на возможность несенія этой обязанности ярославскимъ гарнизономъ Относительно воинской повинности Я. ходатайствовалъ о разрѣшеніи купцамъ покупать вмѣсто себя рекрутовъ, въ видахъ избѣжанія застоя въ торговлѣ. Равнымъ образомъ, вопреки указамъ отъ 1744 и 1746 г.г., онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи купечеству покупать себѣ людей для постройки домовъ, для городскихъ нарядовъ и карауловъ, съ приписаніемъ ихъ въ подушный сорокаалтынный окладъ. Сверхъ того, Я. представилъ проектъ мѣропріятій, ограничивающихъ произволъ иностранныхъ купцовъ въ отношеніи опредѣленія браковки юфтяныхъ кожъ русскаго производства, для каковой цѣли предполагалось выбирать половину русскихъ и половину иностранныхъ присяжныхъ браковщиковъ, при чемъ за покупку и продажу небракованной части проектировалось брать пеню въ пользу воспитательнаго дома и т. д.

«Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ.», т. 8, стр. 150, 151; т. 93, стр. 336—347.

И. Артамонова.

Ярославцевъ, *Андрей Константиновичъ*, писатель, родился въ 1815 году въ Сибири. По окончаніи Петропавловскаго нѣмецкаго училища онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ. Это поступленіе стоило ему большихъ усилій, такъ какъ отецъ его хотѣлъ опредѣлить сына сейчасъ же послѣ окончанія училища на какую-нибудь службу. На этой почвѣ у Я. съ отцомъ происходили частыя ссоры и недоразумѣнія. Видя, что отца не уговорить, Я. обратился за содѣйствіемъ къ пріятелю отца, Г. И. Мансветову, который пользовался въ свое время большимъ уваженіемъ и вліяніемъ. Онъ принялъ участіе въ судьбѣ юноши и уговорилъ отца дать согласіе на поступленіе сына въ университетъ. Я. опредѣлился на юридическій факультетъ. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ не изъ любви къ юридическимъ наукамъ, а скорѣе изъ расчета на болѣе обезпеченное будущее, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія расчетливаго отца. Занимаясь въ университетѣ очень старательно и не пропуская почти ни одной лекціи, Я. въ свободное время весь отдавался своимъ излюбленнымъ занятіямъ — словеснымъ наукамъ, литературѣ и музыкѣ. Одно время онъ усиленно началъ заниматься музыкой (фортепьяно) и даже, какъ онъ самъ выражался, порывался къ композиторству. Въ университетѣ Я. очень близко и дружески сошелся съ своимъ землякомъ Ершовымъ, авторомъ извѣстной сказки «Конекъ Горбунокъ». Эта дружба продолжалась и послѣ университета. Однажды Я., по просьбѣ Ершова, переложилъ на музыку «Украинскую элегію» Гребенки. Попытка вышла довольно удачной. Что же касается литературныхъ опытовъ, то Я. началъ ихъ еще на студенческой скамьѣ; его первымъ литературнымъ трудомъ, правда обработаннымъ впослѣдствіи, былъ романъ «Любовь музыканта», романъ, вылившійся изъ молодой души, полный пыла и очарованія. Университетъ Я. окончилъ въ 1835 году. Въ первые годы по окончаніи курса служба предоставляла ему много свободнаго времени для его любимыхъ занятій: чтенію, музыкѣ и собственнымъ литературнымъ опытамъ. У него часто собирался кружокъ товарищей по университету. Но скоро настало время самостоятельной и усиленной служебной дѣятельности, сопряженной съ большимъ трудомъ и отвѣтственностью. Нелегко и не по сердцу было Я. исполненіе этихъ служебныхъ обязанностей въ проходимыхъ имъ должностяхъ, каковы: секретаря совѣта Петербургскаго университета, секретаря цензурнаго комитета и цензора и правителя канцеляріи С.-Петербургскаго учебнаго округа. Но оставить службу онъ не могъ, такъ какъ со смертью отца (1846 г.) ему пришлось взять на свое попеченіе своихъ сестеръ. Съ этого времени занятія литературой и музыкой сократились и свиданія съ товарищами становились все рѣже и рѣже. Несмотря на это, Я. все-таки урывками возвращался къ своимъ литературнымъ занятіямъ. Больше всего не по душѣ Я. была должность цензора, которую онъ при первой же возможности и бросилъ. Передъ концомъ своей служебной дѣятельности онъ, будучи правителемъ канцеляріи учебнаго округа, добровольно отказался отъ этой должности и перемѣнилъ ее на должность корректора въ типографіи Второго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Подобную перемѣну можно объяснить желаніемъ снять съ себя въ преклонныя лѣта слишкомъ отвѣтственную и трудную должность, которая становилась ему уже не подъ силу. Однако при новыхъ обязанностяхъ, требовавшихъ усиленнаго напряженія глазъ, зрѣніе его стало слабѣть, и Я. вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1872 г. онъ издалъ трудъ подъ заглавіемъ: «Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ сказки „Конекъ Горбунокъ“. Біографическія воспоминанія университетскаго его товарища А. К. Ярославцева». Въ этой работѣ всего ярче вылились взгляды и направленія Я. въ зрѣломъ возрастѣ, равно какъ лучшею характеристикою для его молодыхъ лѣтъ является романъ «Любовь музыканта» (1842). Я. сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества», «Литературной Газетѣ» и др. Всѣ его произведенія отличаются большою обдуманностью и глубокимъ знакомствомъ съ предметомъ своихъ работъ. При чтеніи Карамзина, его поразила и заинтересовала страшная картина эпохи Іоанна Грознаго, и онъ принялся за подробное изученіе этой эпохи. Плодомъ этихъ изученій явилася драма «Князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій». Я. самъ разсказывалъ, что эта драма не

увидала-бы свѣта, если-бы исключительную отвѣтственность за ея пропускъ не взялъ на себя попечитель округа князь Г. А. Щербатовъ. Въ этой драмѣ особенно хорошо очерчена личность Іоанна Грознаго. Кромѣ упомянутыхъ произведеній, перу Я. принадлежатъ также и слѣдующія: «О личности Гамлета въ Шекспировской трагедіи» въ память 300-лѣтняго юбилея Шекспира (1865 г.), переводъ статьи Гете «О картинѣ Леонардо-да-Винчи: Тайная Вечеря», «Прогулка на Иматру» («Общезанимательный Вѣстникъ», 1858 г., № 5 и отдѣльно), «Надежда Александровна Дестунисъ», некрологъ («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1866 г., № 166, и «На дачѣ и на балѣ» (1860). Кромѣ того, онъ издалъ полное собраніе сочиненій П. П. Ершова съ обширной его біографіей. Умеръ Я. 7 марта 1884 г. отъ тяжкой и продолжительной болѣзни.

«Историческій Вѣстникъ» 1884 г., кн. 6.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1884 г., кн. 5.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IV, стр. 115—116.—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 82, стр. 829.—«Русская Старина», 1890 г., № 12.

Конопасевичъ.

Ярославъ Александровичъ, князь городенскій, сынъ вел. кн. Александра Ивановича. Лѣтописныя свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Въ 1432 г. его посылалъ вел. кн. тверской Борисъ Александровичъ въ Литву на помощь Свидригайлу въ борьбѣ послѣдняго съ Сигизмундомъ за обладаніе литовскимъ княжествомъ. Нужно полагать, что онъ помогалъ Свидригайлу и въ слѣдующемъ 1433 г. Въ 1435 г. Я. палъ въ битвѣ подъ Вилькомиромъ.

А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. II, стр. 506, 508, 555, 556.

Ярославъ I Владиміровичъ, *Мудрый*, великій князь кіевскій, сынъ Владиміра Святого и Рогнѣды (978—1054 г.). При раздѣленіи областей Владиміромъ между его сыновьями, Я. тотчасъ же послѣ крещенія (988 г.) получилъ Ростовъ, а затѣмъ, по смерти старшаго брата Вышеслава, помимо Святополка, бывшаго старше его, переведенъ былъ въ Новгородъ (по Татищеву въ 1010 году). Посаженный въ 1014 г. въ Новгородѣ, Я. отказался посылать въ Кіевъ 2000 гривенъ, какъ дѣлали до него всѣ посадники новгородскіе. Весьма вѣроятно, что онъ хотѣлъ отложиться отъ Кіева и сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ обширной новгородской области. Его поддерживали въ этомъ намѣреніи стремленія самихъ новгородцевъ отложиться отъ Кіева и надежда на помощь варяговъ. Обстоятельства благопріятствовали ему: вниманіе и силы кіевской Руси были отвлекаемы къ южнымъ предѣламъ почти постоянной борьбой съ печенѣгами. Владиміръ собрался идти усмирять мятежнаго сына, но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе: онъ умеръ 15 іюля 1015 года. Изъ его сыновей первый узналъ о смерти отца Святополкъ, старшій сынъ, нелюбимый Владиміромъ. Ему удалось склонить на свою сторону кіевлянъ и сдѣлаться княземъ кіевскимъ. Опасаясь притязаній другихъ братьевъ, онъ, при помощи подкупленныхъ убійцъ, умертвилъ 3-хъ изъ нихъ—Бориса, Глѣба и Святослава. Между тѣмъ Я., ничего не зная о происходящемъ въ Кіевѣ, привелъ съ собой въ Новгородъ варяговъ и размѣстилъ ихъ по дворамъ. Пришельцы стали безчинствовать въ Новгородѣ и обижать новгородцевъ, «насиліе творяху новгородцамъ и женамъ ихъ». Тогда новгородцы сговорились и перебили много варяговъ (по лѣтописи на дворѣ какого то Поромони или Парамона). Я., чтобы отомстить за это, зазвалъ хитростью къ себѣ въ Ракомъ (близъ Новгорода, за Юрьевымъ монастыремъ) зачинщиковъ заговора и приказалъ перебить ихъ. Въ ту же ночь, по словамъ лѣтописи, пришло ему извѣстіе изъ Кіева отъ сестры Предславы о смерти отца и убійствѣ братьевъ. Я. тотчасъ же собралъ новгородцевъ на вѣче и, выразивъ сожалѣніе о своемъ поступкѣ, просилъ помочь ему. Новгородцамъ былъ расчетъ оказать поддержку Я., такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имъ грозила власть Святополка, нелюбимаго народомъ, а кромѣ того ихъ всегда тяготила зависимость отъ Кіева. Они обѣщали Я. свою помощь и не ошиблись въ расчетахъ, такъ какъ впослѣдствіи онъ, обязанный имъ своимъ успѣхомъ, далъ льготную грамоту, освободившую ихъ отъ непосредственной власти Кіева и возвратившую новгородцамъ съ землею древнюю ихъ самобытность. Я. выступилъ въ походъ противъ кіевскаго князя въ 1016 году съ большимъ войскомъ, состоявшимъ изъ новгородцевъ и варяговъ;

среди послѣднихъ особенно отличалась дружина двухъ витязей норвежскихъ Эймунда и Рагнара. Войско Святополка состояло изъ кіевлянъ и печенѣговъ. Враги встрѣтились подъ Любичемъ и, по лѣтописному сказанію, долго (около 3-хъ мѣсяцевъ) стояли на разныхъ берегахъ Днѣпра, не рѣшаясь вступить въ бой. Воевода Святополка насмѣшками раздражилъ новгородцевъ. По совѣту одного дружинника Святополкова, перешедшаго на сторону Я., новгородцы переправились на другой берегъ и ночью ударили на кіевлянъ. Святополкъ не ожидалъ нападенія и былъ застигнутъ врасплохъ, при чемъ печенѣги не могли помочь ему, такъ какъ стояли за озеромъ; войско его было разбито, и много кіевлянъ погибло, спасаясь бѣгствомъ по тонкому льду черезъ озеро; самъ же Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ тестю своему Болеславу Храброму. Я. вошелъ въ Кіевъ и «сѣде на столѣ отьни и дѣдни», послѣ того какъ пробылъ на сѣверѣ 28 лѣтъ. Новгородцы были щедро одѣлены и отпущены. Между тѣмъ Болеславъ Польскій, воспользовавшись семейными раздорами русскихъ князей, въ цѣляхъ поддержать зятя своего Святополка, подговорилъ печенѣговъ напасть на Кіевъ; произошла подъ самымъ городомъ жестокая сѣча, окончившаяся пораженіемъ и изгнаніемъ печенѣговъ. Тогда, руководимый чувствомъ мести, Я. подступилъ къ польскимъ границамъ и заключилъ союзъ съ врагомъ Болеслава, императоромъ германскимъ Генрихомъ II; но походъ русскаго князя окончился неудачной осадой Бреста, какъ равно не удался и походъ императора противъ Болеслава: императоръ заключилъ съ послѣднимъ миръ, а чтобы избавиться отъ опаснаго сосѣда и обратить его дѣятельность на востокъ, самъ посовѣтывалъ Болеславу вооружиться противъ Я. И дѣйствительно, въ 1017 г. Болеславъ выступилъ въ походъ съ войскомъ, усиленнымъ нѣмцами, венграми и печенѣгами; 22 іюля онъ достигъ береговъ Буга, отдѣлявшаго польскія владѣнія отъ русскихъ. Я. ждалъ на другомъ берегу. Здѣсь повторилась та же исторія, что и въ битвѣ съ Святополкомъ. Болеславъ, раздраженный насмѣшками воеводъ Я., напалъ на него, разбилъ и принудилъ къ бѣгству въ Новгородъ. Тогда Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вступили 14 августа въ Кіевъ. Сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ въ Кіевѣ, Болеславъ часть своей дружины отправилъ въ Польшу, а часть разселилъ по другимъ городамъ. Кіевляне были недовольны господствомъ Болеслава, а поведеніе поляковъ возмущало ихъ; повсюду начались избіенія ихъ, такъ какъ разобщенныя они не могли помогать другъ другу. Святополкъ не препятствовалъ этому и даже, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, самъ побуждалъ къ тому кіевлянъ, наскучивъ и тяготясь господствомъ своего тестя. Болеславъ бѣжалъ изъ Кіева, захвативъ съ собой много имущества и сестеръ Я., за одну изъ которыхъ, Предславу, онъ раньше сватался, но получилъ отказъ и теперь взялъ въ наложницы. По дорогѣ онъ взялъ за себя также Червенскіе города, добытые при Владимірѣ.

Между тѣмъ Я., прибывъ въ Новгородъ, собирался дальше бѣжать въ Скандинавію; но новгородцы его не пустили: имъ было невыгодно оставаться подъ властью Святополка, а бороться противъ него безъ князя было тоже неудобно. Они обложили себя данью, собрали многочисленное войско и двинулись на Кіевъ. Святополкъ былъ разбитъ Я. и бѣжалъ къ печенѣгамъ, такъ какъ на помощь кіевлянъ онъ не разсчитывалъ. Приведши огромныя толпы печенѣговъ, Святополкъ сошелся съ Я. на берегахъ рѣки Альты; произошла ожесточенная битва, въ которой Святополкъ былъ разбитъ, бѣжалъ и дорогой умеръ. Я. вновь занялъ кіевскій столъ (въ 1019 году) и, по выраженію лѣтописца, «утеръ пота со своею дружиною». Изъ сыновей Владиміра, кромѣ Я., въ живыхъ были только Мстиславъ и Судиславъ и племянникъ въ Полоцкѣ Брячиславъ. Я. былъ старшій и кіевскій столъ принадлежалъ ему по праву; но всѣ князья, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей, отсюда и должны были возникнуть войны Я. съ родичами. Первымъ, открывшимъ войну, былъ князь Брячиславъ полоцкій, который въ 1021 году, въ отсутствіе Я., напалъ на Новгородъ ограбилъ его, взялъ въ плѣнъ многихъ новгородцевъ и ушелъ къ Полоцку. Я., узнавъ объ этомъ, выступилъ поспѣшно изъ Кіева, нагналъ Брячислава на берегахъ рѣки Судоми, отбилъ новгородскихъ плѣнниковъ и отнялъ награбленное; но потомъ помирился съ нимъ, уступивъ ему во владѣніе Витебскъ и Усвятъ. Въ этой войнѣ съ Я. Брячиславу помогали Эймундъ

и Рагнаръ (прежде служившіе Я.), которымъ, по нормандскимъ извѣстіямъ, удалось захватить въ плѣнъ жену Я. и тѣмъ содѣйствовать заключенію мира между князьями; вѣрнѣе, однако, предположить, что Я. видѣлъ необходимость прибавить что-нибудь Брячиславу къ его волости, такъ какъ иначе Новгородъ никогда не былъ бы безопасенъ отъ его набѣговъ. Едва окончивъ эту войну, Я. долженъ былъ начать болѣе трудную борьбу со своимъ младшимъ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ; этотъ князь, сильный и храбрый, поднялся на Я. съ подчиненными ему косогами и призвалъ на помощь хозаръ, чтобы искать волостей послѣ умершихъ братьевъ. Пользуясь отсутствіемъ Я., бывшаго въ это время въ Новгородѣ, Мстиславъ хотѣлъ овладѣть Кіевомъ, но кіевляне его не пустили, и онъ занялъ Черниговъ. Тогда Я. пригласилъ на помощь варяговъ, среди которыхъ народное преданіе сохранило память о храбромъ Якунѣ. Братья встрѣтились въ Сѣверской землѣ близъ Листвена (въ 1024 году), «и бысть, говоритъ лѣтописецъ, сѣча сильна; яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика, и сѣча сильна и страшна». Мстиславъ побѣдилъ. Онъ не сталъ болѣе воевать съ Я. и предложилъ ему оставаться въ Кіевѣ, какъ старшему, а себѣ потребовалъ восточный берегъ Днѣпра. Но Я. не пришелъ въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ посадниковъ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца; братья подѣлили русскую землю по Днѣпръ, какъ хотѣлъ Мстиславъ—онъ взялъ восточную сторону, съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ, а Я.—западную съ Кіевомъ, и начали жить мирно, въ братолюбствѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «перестали усобицы и мятежъ, и была тишина великая въ землѣ». Въ 1036 году умеръ Мстиславъ на охотѣ. Такъ какъ послѣ него не осталось дѣтей (единственный сынъ его, Евстафій, умеръ еще ранѣе, именно въ 1032 году), то его удѣлъ достался Я., и съ тѣхъ поръ кіевскій князь остался до смерти единымъ властителемъ русской земли, за исключеніемъ Полоцка, гдѣ княжили потомки Изяслава. Правда, у Я. былъ еще въ живыхъ братъ, Судиславъ, находившійся въ Псковѣ, но Я., по какому-то оговору, тотчасъ послѣ смерти Мстислава, засадилъ его въ тюрьму въ Псковѣ, гдѣ тотъ и сидѣлъ до самой смерти Я.

Наступившій внутренній миръ далъ возможность Я. укрѣпить и расширить границы русской земли. Къ княженію его относятся первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ русскихъ съ финскими племенами: подъ 1032 годомъ есть извѣстіе, что какой-то Улѣбъ (вѣроятно, Ульфъ, сынъ Рагенвальда) ходилъ на Желѣзныя Ворота, но какъ видно, походъ былъ неудаченъ, такъ какъ изъ дружины Улѣба мало возвратилось народу (относительно мѣстности, называемой Желѣзными Воротами, высказаны были разныя мнѣнія, но наиболѣе вѣроятно то, которое считаетъ ею Уральскія горы, именно Зырянскій край). Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Я., посаженный отцомъ въ Новгородѣ, ходилъ на Ямь, чудское племя въ нынѣшней Финляндіи, побѣдилъ это племя, но въ дорогѣ потерялъ отъ мора почти всѣхъ коней. Ранѣе еще, именно въ 1030 г. самъ Я. утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера: онъ обложилъ жителей данью и построилъ городъ Юрьевъ. Изъ походовъ на западъ въ лѣтописи упоминается походъ на Ятвяговъ (въ 1038 г.) и въ первый разъ походъ на Литву (въ 1040 году); походы эти, какъ видно, были предприняты не съ цѣлью покоренія, а для отраженія непріятельскихъ набѣговъ. Въ 1041 году Я. ходилъ на мазовшанъ. Важнѣе были отношенія его къ Польшѣ. Еще при жизни Болеслава, въ 1022 г. Я., вмѣстѣ съ Брячиславомъ Полоцкимъ, ходилъ осаждать Брестъ. По смерти Болеслава (въ 1025 г.) ему наслѣдовалъ сынъ Мечиславъ II, неспособный удержать пріобрѣтенія Болеслава. Воспользовавшись этимъ, Я. въ 1030 году предпринялъ походъ въ Польшу и взялъ Бельзъ (въ сѣверо-восточной Галиціи при рѣкѣ Солони, впадающей въ Бугъ). Въ слѣдующемъ 1031 году оба князя, Я. и Мстиславъ, собравъ много войска, выступили въ Польшу, взяли обратно Червенскіе города, привели много плѣнныхъ поляковъ и раздѣлили ихъ между собой. Я. поселилъ плѣнниковъ по берегамъ рѣки Роси. Червенскіе же города были окончательно укрѣплены за Русью замужествомъ сестры Я., Маріи, дочери Владиміра отъ Анны, съ польскимъ королемъ Казиміромъ. Казиміръ возвратилъ въ видѣ вѣна также восемьсотъ русскихъ

плѣнниковъ, захваченныхъ нѣкогда Болеславомъ (въ то время очень дорожили людьми, по скудости рукъ, необходимыхъ для обработки полей и для защиты края). Въ благодарность за это Я. оказалъ поддержку Казиміру въ борьбѣ его съ Моиславомъ за Мазовію. Еще въ 1041 году, вслѣдъ за походомъ противъ Литвы, Я. предпринялъ походъ въ Мазовію на лодкахъ; быть можетъ, уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казиміромъ, а можетъ быть также, что этотъ походъ въ Мазовію былъ предпринятъ вслѣдствіе союза Моислава съ литовцами, врагами Я., и союзъ съ Казиміромъ былъ слѣдствіемъ войны съ Моиславомъ. Въ 1043 году упоминается о двукратномъ походѣ Я. въ Мазовію. Въ 1047 году Я. опять отправился войной на Моислава и разбилъ его. Моиславъ былъ убитъ, а Мазовія подчинилась Казиміру. Союзъ съ Польшей былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, сына Я., съ сестрой Казиміра.

Ко времени Я. относится послѣдняя война съ Греціей. Греческая торговля была чрезвычайно важна для Руси, была однимъ изъ источниковъ обогащенія народа и княжеской казны, поэтому всякое осложненіе въ этомъ отношеніи было крайне невыгодно. Поводомъ къ этой войнѣ послужило убійство въ ссорѣ греками русскаго купца. Я. въ 1043 году отправилъ противъ Византіи сына своего Владиміра съ большимъ войскомъ. Буря разбила русскія суда и выбросила на берегъ много русскихъ воиновъ, которые, вмѣстѣ съ ихъ воеводою Вышатою, были окружены греками и взяты въ плѣнъ, при чемъ имъ были выколоты глаза. Владиміръ былъ счастливѣе: ему удалось окружить греческіе корабли, разбить ихъ и удачно возвратиться на Русь. Черезъ 3 года былъ заключенъ миръ съ греками, слѣпые плѣнники были отпущены на Русь, и миръ былъ закрѣпленъ женитьбой сына Я., Всеволода, на греческой царевнѣ.

Это былъ уже не первый случай родства Я. съ иноземными государями его времени. Самъ онъ былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери короля шведскаго Олафа. Исландскія саги объ этомъ бракѣ приводятъ извѣстіе, что Ингигерда долго не соглашалась идти за русскаго князя, ставя различныя условія: такъ она потребовала, чтобы въ вѣно за нее ей былъ данъ городъ Альдейгаборгъ (Ладога) съ принадлежащею къ нему областью; затѣмъ потребовала себѣ въ спутники родственника своего рыцаря Рагенвальда, которому былъ отданъ во владѣніе Альдейгаборгъ. Рагенвальдъ долго держалъ этотъ городъ, платя дань Я. Во время Я. многіе иностранные государи искали при дворѣ княжескомъ пристанища во время волненій въ собственныхъ государствахъ. Такъ, при дворѣ Я. жилъ нѣкоторое время король норвежскій Олафъ Святой, ревность котораго къ христіанству возбудила противъ него много преслѣдованій, и онъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній королемъ датскимъ Канутомъ. Сынъ его, Магнусъ Добрый, воспитывался при дворѣ Я. Младшій братъ Олафа Святого, Гаральдъ Смѣлый, также искалъ убѣжища при кіевскомъ дворѣ: здѣсь онъ сватался за дочь Я., Елизавету, но, получивъ отказъ, отправился въ Грецію, долго воевалъ на Средиземномъ морѣ и у береговъ Африки, и только послѣ возвращенія изъ своего полнаго подвиговъ путешествія получилъ ея руку. Онъ воспѣлъ ее въ своей сагѣ. Венгерскіе принцы, Андрей и Леванта, сыновья Ладислава Плѣшиваго и какой то безыменной русской княжны, жили долго на Руси, и здѣсь Андрей узналъ о своемъ избраніи на престолъ Венгріи. Онъ былъ женатъ на дочери Я., Анастасіи. Третья дочь Я., Анна, была замужемъ за французскимъ королемъ Генрихомъ I и въ новомъ отечествѣ присоединилась къ римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей отъ союза съ восточной. Два англійскіе принца, Эдвинъ и Эдуардъ, сыновья англійскаго короля Эдмунда, изгнанные Канутомъ, искали безопасности при русскомъ дворѣ. Сыновья Я., вѣроятно Вячеславъ и Святославъ, были женаты на нѣмецкихъ княжнахъ. Старшій сынъ, Владиміръ, былъ женатъ на какой-то сѣверной принцессѣ, которую тамошніе лѣтописцы считаютъ дочерью англійскаго короля Гаральда. Къ Я. на службу приходили многіе рыцари какъ напр. Якунъ, сынъ шведскаго короля Олафа, помогавшій Я. въ битвѣ съ Мстиславомъ. Внѣшнія сношенія Я. завершились борьбой съ печенѣгами, послѣднею въ русской исторіи. Въ 1036 году печенѣги, по древнѣйшимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, большой толпой подступили къ Кіеву. Я. былъ въ это

время въ Новгородѣ. Узнавъ о нападеніи печенѣговъ, онъ собралъ много войска—варяговъ, новгородцевъ, и напалъ на печенѣговъ. Послѣ жестокой сѣчи, къ вечеру, ему удалось побѣдить печенѣговъ. Ихъ погибло очень много въ бою и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства. Послѣ этого имя печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ лѣтописи, но ихъ набѣги на Русь прекращаются.

Извѣстность и значеніе Я. въ русской исторіи опредѣляется, впрочемъ, не столько внѣшними его отношеніями и завоеваніями, давшими ему возможность укрѣпить русскую землю, сколько заботами о внутреннемъ устройствѣ страны. Въ этомъ отношеніи важны распоряженія его въ Новгородѣ. Самъ Я., княжа здѣсь, отказался платить дань въ Кіевъ; ставъ княземъ кіевскимъ, онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, тѣмъ болѣе, что новгородцы оказали ему существенныя услуги. Онъ далъ имъ льготную грамоту, на которую впослѣдствіи они часто ссылались въ спорахъ съ князьями. Вмѣсто себя Я. поставилъ въ Новгородѣ сначала сына Илью, а потомъ, по смерти его, другого сына Владиміра, по смерти же послѣдняго—Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями находится извѣстіе о заключеніи и смерти Константина, сына Добрыни. Я. разсердился на него и заточилъ сначала въ Ростовъ, а затѣмъ на третій годъ велѣлъ убить его въ Муромѣ. Быть можетъ, Константинъ, какъ дядя великаго князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя. Въ заботахъ о внутреннемъ благоустроеніи Руси, Я. старался населять пустынныя страны, строилъ города—на Волгѣ городъ Ярославль (названный языческимъ именемъ князя), въ землѣ Чудской—Юрьевъ; онъ огородилъ острожками южную границу Руси, въ 1031 г. поселилъ плѣнныхъ поляковъ на рѣкѣ Роси, а въ слѣдующемъ году началъ строить здѣсь города. Я. самъ былъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, по тому времени, и любилъ читать особенно священныя книги. Онъ ревностно заботился о распространеніи и развитіи христіанства на Руси и дѣятельно боролся съ остатками язычества. Такъ, въ 1024 году онъ самъ ѣздилъ усмирять бунтъ въ Суздалѣ, возникшій по случаю голода. Волхвы убѣдили народъ, что старыя женщины скрываютъ въ себѣ жито народъ волновался, и нѣсколько женщинъ было убито. Я. казнилъ волхвовъ, ихъ единомышленниковъ засадилъ въ тюрьмы и поучалъ народъ, что голодъ такъ же, какъ и другія общественныя бѣдствія, является карой Божіей за грѣхи. Усиленію христіанства при Я. много способствовало развитіе грамотности въ его время. Еще при Владимірѣ греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ. Я. самъ читалъ книги, поэтому онъ глубоко понималъ значеніе просвѣщенія и ревностно заботился о развитіи грамотности на Руси. Онъ собралъ много писцовъ, которые переписывали книги и переводили новыя съ греческаго языка на славянскій. Книги Я. складывалъ при храмѣ св. Софіи въ Кіевѣ, чтобы возможно большее количество народа могло ими пользоваться. Онъ покровительствовалъ монахамъ и заботился о монастыряхъ, такъ какъ монастыри въ его время были средоточіемъ книжной учености и просвѣщенія. Имъ были построены монастыри: св. Ирины (въ честь христіанскаго имени его жены) и св. Георгія (въ честь своего ангела), а также и церковь св. Софіи на томъ мѣстѣ, какъ говорятъ, гдѣ была самая жестокая сѣча съ печенѣгами. Храмъ св. Софіи былъ построенъ греческими зодчими и украшенъ греческими художниками по образцу такого же храма въ Византіи. Несмотря на послѣдующія перестройки и передѣлки, храмъ этотъ до сихъ поръ служитъ образцомъ византійскаго зодчества того времени. У насъ это единственное зданіе XI вѣка, сохранившееся сравнительно въ цѣлости. Кромѣ того, Я. построилъ такъ называемыя Золотыя Ворота (остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ) съ церковью Благовѣщенья надъ ними. По его желанію, сынъ его Владиміръ возвелъ въ Новгородѣ въ 1045 году церковь св. Софіи по образцу кіевской, хотя въ меньшихъ размѣрахъ. Церковь эта сдѣлалась главною святынею Новгорода. При церквахъ Я. ставилъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и чаще совершать церковныя службы [«веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ»]. Въ Новгородѣ Я. сдѣлалъ то же, что нѣ-

когда Владиміръ въ Кіевѣ: велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей и учить ихъ грамотѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, «люди изъ Греціи» учили дѣтей и по другимъ городамъ; такъ извѣстно, что Ѳеодосій Печерскій, жившій въ Курскѣ, еще ребенкомъ выучился читать. Я. заботился также о внутреннемъ церковномъ благоустройствѣ. При немъ изъ Греціи были вызваны пѣвцы для устроенія церковнаго пѣнія. Развитіе христіанства потребовало увеличенія епископскихъ каѳедръ, что, въ свою очередь, повело къ установленію одной главной каѳедры надъ всѣми, или митрополіи. Первоначально митрополиты наши были греки или греческіе ставленники. Въ княженіе Я. замѣчательно поставленіе въ 1051 году Илларіона (берестовскій священникъ, человѣкъ по своему времени очень ученый), независимо отъ византійскаго патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ. Вѣроятно, это было слѣдствіемъ недавней вражды съ греками; какъ видно поведеніе прежняго митрополита Ѳеопемпта было таково, что Я. хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ подобнаго въ случаѣ новаго разрыва съ греками.

Я., какъ видно, имѣлъ намѣреніе освятить въ глазахъ народа свой княжескій родъ, и съ этой цѣлью вскорѣ послѣ своего утвержденія въ Кіевѣ перенесъ тѣло брата Глѣба въ Вышгородъ и положилъ рядомъ съ тѣломъ Бориса; съ этихъ поръ они начали привлекать къ себѣ народъ на поклоненіе; говорили, что тѣла ихъ нетлѣнны и у гроба ихъ совершаются исцѣленія. Въ 1044 году Я. совершилъ странный обрядъ: онъ велѣлъ выкопать изъ земли и крестить въ Десятинной церкви кости Олега и Ярополка, а потомъ похоронить ихъ въ церкви.

Я. приписывали изданіе перваго писанаго устава гражданскаго, извѣстнаго подъ названіемъ «Русской Правды». Новѣйшіе изслѣдователи считаютъ, однако, «Русскую Правду» частнымъ сборникомъ, составленнымъ сначала въ краткой редакціи въ концѣ X в. или въ началѣ XI и впослѣдствіи постепенно дополненнымъ и переработаннымъ. Источникомъ «Правды» служили обычное право, княжескіе уставы, судебныя рѣшенія и отчасти писаные уставы другихъ народовъ. Толстой, въ своей исторіи церкви упоминаетъ о церковныхъ уставахъ, данныхъ Я., при митрополитѣ Иларіонѣ, незадолго до своей кончины; въ этихъ уставахъ судъ церковный точнѣе отдѣляется отъ суда княжескаго. Я. умеръ 20 февраля 1054 года въ Кіевѣ на рукахъ любимаго сына своего Всеволода и погребенъ въ церкви св. Софіи въ мраморной гробницѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ. По словамъ лѣтописца, Я. оставилъ своимъ сыновьямъ завѣщаніе слѣдующаго содержанія: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же смирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ—поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца». Изяславу же особенно поручилъ: «если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному». По смерти Я. осталось пять сыновей, которые распредѣлили между собой волости такъ: Изъяславъ сѣлъ въ Кіевѣ, Святославъ—въ Черниговѣ, Всеволодъ — въ Переяславлѣ, Вячеславъ — въ Смоленскѣ и Игорь—во Владимірѣ-Волынскомъ.

Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» (изд. 4-е, Спб., 1896 г.). — *Соловьевъ*. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. I, стр. 187, 191, 192, 195—212, 252—253, 277—278, 287.— *А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238—1505 г.», т. I, стр. 3, 30, 301, 302, 306—309, 333, 391; т. II, стр. 11, 12, 63, 64, 152, 379, 381, 560, 610, 611.—*Погодинъ*, «Древняя русская исторія до монгольскаго ига» (М., 1872 г.), т. I.—*Его-же*, «Обозрѣніе древней русской исторіи» («Заря», 1871 г., № 1, стр. 259—281).— *Полевой*, «Русская исторія» (4-е изд., 1901 г.), стр. 20—21.—*Ключевскій*, «Краткое пособіе по русской исторіи», стр. 31—32.— *Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго», т. II, гл. 1, стр. 4—10; гл. 2, стр. 10—26 и примѣч. ко II тому, 8—66.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, томъ I, стр. 52, 61—70; томъ II, стр. 261—268; томъ III, стр. 1—2, 208—212; т. IV, стр. 176; томъ V, стр. 124—139; т. VII, стр. 313, 317, 324—333; т. IX, стр. 69, 74—81, 83—85.—*Гр. М. Толстой*, «Разсказы изъ исторіи русской церкви» (изд. 7-е. Москва, 1901 г.), кн. I, гл. 2, стр. 14—21.—«Русская земля отъ Ярослава до Татарскаго погрома» («Досугъ

и Дѣло», 1875 г., вып. 3-й, стр. 1—15).—«Великій князь Ярославъ Мудрый» («Другъ Народа», 1867 г., № 6, стр. 187—193).—«Ярославъ I Владиміровичъ», ст. *Н—а* («Грамотѣй», 1871 г., № 4, стр. 1—16).—«Русское царство отъ Рюрика до Петра Великаго, историч. очерки и разсказы», М., 1870, стр. 11, 13—14.—*Иловайскій*, «Исторія Россіи», ч. I, М., 1880 г., стр. 86.—«Исторія Русская съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени» (Москва, 1898 г., вып. I, отд. IV, стр. 421—525).—*Калачовъ*, «Текстъ Русской Правды». (Спб. 1889).—*Отто Н.* и *Купріяновъ И.*, «Біографическіе очерки лицъ, изображенныхъ на памятникахъ тысячелѣтія Россіи, воздвигнутомъ въ г. Новгородѣ 1862 г.» (Новг., 1862 г.).—*Львовъ, Павелъ*, «Великій князь Ярославъ I на берегахъ Волги. Повѣствованіе о построеніи города Ярославля, взятое изъ исторіи» (М., 1820 г.).—«Записки Имп. Акад. Наукъ», 1876, т. 28, стр. 156—164 (записка *А. Куника* о годахъ смерти вел. кн. Ярослава Владиміровича).—«Разсказъ изъ русской исторіи. Вел. кн. Ярославъ I» (М., 1856).—«Дочери Ярослава Великаго» («Дѣтскій Садъ», 1869, №№ 7, 8).—«О заслугахъ вел. кн. Ярослава I для русской церкви» («Вятскія Епарх. Вѣд.», 1866, № 15).—*Владимірскій-Будановъ*, «Хрестоматія по исторіи русскаго права», вып. I, стр. 41, 222.—«Труды Москов. Археологич. Общества», т. I.—«Всемірная Иллюстрація», 1871 г., т. 6, № 152, стр. 347. («Гробница Ярослава I въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ»). — *Андреевъ*, «Эпохи и дѣятели всеобщей и русской исторіи», стр. 42.—*Волконскій*, «Очерки русской исторіи и русской литературы» (Спб., 1896 г., II, стр. 59—62).

М. З.

Ярославъ (Аѳанасій) Владиміровичъ, кн. боровскій, сынъ Владиміра Андреевича Храбраго, родился 18 января 1388 г. въ Дмитровѣ; въ 1408 г. онъ женился на Аннѣ, дочери Семена Васильевича, кн. новленскаго, и прожилъ съ нею три года († 1411 г.); во второй же разъ онъ женился — неизвѣстно когда — на Марьѣ Ѳедоровнѣ Кошкиной-Голтяевой. Я. получилъ въ вотчину Ярославль съ Хотунью, Вихорну, Полянку, Ростунову слободку и Рошневскую слободку, а изъ московскихъ селъ — Сарыевское и Кирьясово съ лугами «да на устьи Мстица мельница»; кромѣ того, ему былъ данъ вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ Городецъ и Юрьевецъ». Въ 1415 г. Я. отъѣхалъ въ Литву, а въ 1421 г. возвратился оттуда въ Москву. Умеръ Я. осенью 1426 г. отъ моровой язвы и похороненъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Въ 1508 г. его прахъ былъ перенесенъ въ новый Архангельскій соборъ. Отъ второй жены Маріи Я. имѣлъ сына Василія и дочерей: Марію, бывшую за вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ, и Елену—за Михаиломъ Андреевичемъ, княземъ верейскимъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 234; т. V, стр. 264, 265; т. VI, стр. 53, 143, 148, 247; т. VII, стр. 238; т. VIII, стр. 52, 87, 91, 93, 97, 238, 248.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. V, стр. 118, 143, 150; пр. 137, 210, 226, 247, 254, 258.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 1072, 1129—1132, 1138.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 156, 187; т. II, стр. 91, 112, 135, 137, 299, 302—308, 391, 432.

Ярославъ Владиміровичъ, кн. новгородскій, сынъ безземельнаго князя Владиміра Мстиславича. По просьбѣ новгородцевъ, Я. былъ посаженъ Всеволодомъ на столъ новгородскій, но просидѣлъ въ Новгородѣ не долго: когда въ 1183 г. литовцы опустошили Псковскую волость и Я. не успѣлъ подать помощь псковичамъ, новгородцы обвинили его въ этомъ и въ слѣдующемъ году изгнали изъ Новгорода; на мѣсто Я. новгородцы посадили Мстислава Давидовича смоленскаго, но по изгнаніи его (1187 г.) снова просили у Всеволода Я., который и былъ отпущенъ къ нимъ съ честью. Въ 1191 г. Я. вмѣстѣ съ новгородцами ходилъ въ Великіе Луки и оказалъ помощь полоцкимъ князьямъ противъ Ливоніи, взялъ Дерптъ и возвратился со множествомъ добычи и плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ 1192 г. Я. съ небольшимъ числомъ новгородцевъ пошелъ въ Псковъ и сѣлъ тамъ, а дружину свою съ отрядомъ псковичей послалъ воевать въ Ливонію. На этотъ разъ взятъ былъ городъ Оденпе (Медвѣжья Голова). Въ 1195 г. Я. выступилъ было въ походъ съ Всеволодомъ противъ черниговскаго князя, но изъ Торжка былъ послѣднимъ возвращенъ назадъ. Въ то время у Я. было много уже враговъ въ Новгородѣ: новгородцы дважды (1195 и 1196 гг.) посылали къ Всеволоду пословъ съ просьбою взять у нихъ Я. и дать имъ его сына, но Всеволодъ медлилъ, пока разгнѣванные новгородцы «показали Я. путь изъ Новгорода». Между тѣмъ изгнанный Я. занялъ княжескій столъ въ Торжкѣ, жители котораго приняли его съ поклономъ. Снова приглашенный въ январѣ 1197 г. новгородцами, Я. не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владиміръ къ Всеволоду, который не хотѣлъ, чтобы новгородцы присвоили себѣ право ссориться и мириться

съ князьями безъ его вѣдома. Поэтому лучшіе люди изъ Новгорода прибыли во Владиміръ и изъ рукъ Всеволода приняли Я., по выраженію лѣтописца, со всею правдою и честію. Въ слѣдующемъ году Я. предпринялъ походъ на Полоцкъ, но при озерѣ Каспле полочане встрѣтили его съ поклономъ, чѣмъ и предотвратили кровопролитіе. Въ 1199 г., по просьбѣ новгородцевъ, Всеволодъ вывелъ Я. изъ Новгорода къ себѣ во Владиміръ и посадилъ на его мѣсто своего десятилѣтняго сына Святослава.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 169—171, 174, 175, 181; т. II, стр. 150, 326; т. III, стр. 18—20, 23—25, 127, 218; т. IV, стр. 16—18; т. V, стр. 168—171; т. VII, стр. 96, 97, 100, 101, 105—107, 112, 114.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. III, стр. 39, 40, 52, 53, 69; прим. 62, 66, 76, 80, 84, 86, 99—102, 115, 121, 153.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 574—576.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 448, 457, 478, 483, 484, 491, 501, 504, 506.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. I, стр. 328—330.

Ярославъ Владиміровичъ, сынъ псковскаго князя Владиміра Мстиславича, жившаго въ изгнаніи у нѣмцевъ. Въ 1222 г. вмѣстѣ съ литовцами Я. осаждалъ Кеси (Венденъ). Изгнанный въ 1233 г. изъ Пскова, онъ хотѣлъ завоевать его силою, но попалъ въ плѣнъ и былъ заключенъ въ Переяславль-Суздальскій. Получивъ тогда же свободу, онъ поселился у нѣмцевъ въ Эстоніи. Собравши войско, нѣмцы съ кн. Я. осадили Изборскъ; произошла битва съ псковичами, въ которой послѣдніе понесли пораженіе и заключили постыдный миръ, а нѣмцы вступили въ предѣлы Новгорода. Съ позволенія Александра Невскаго, Я. возвратился въ Россію и получилъ княженіе въ Торжкѣ и Бѣжецкѣ. Въ 1245 г. литовцы опустошили Новоторжскую волость; Я. съ новоторжцами погнался за литовцами, но былъ ими разбитъ; затѣмъ совмѣстно съ тверскими воеводами, Яведомъ и Кербетомъ, которые вышли съ тверичами и дмитровцами, снова погнался за литовцами. У Торопца произошелъ бой, едва не окончившійся новымъ пораженіемъ русскихъ, если бы во-время не подоспѣлъ на помощь Александръ Невскій. Карамзинъ думаетъ, что письмо папы Григорія IX, напечатанное въ Райнальд. Annal. Eccl. подъ 1231 годомъ, было написано Я.; въ этомъ письмѣ папа, узнавъ отъ прусскаго епископа, что Я. желаетъ присоединиться къ латинской церкви, старался утвердить его въ этомъ намѣреніи. По свидѣтельству Ливонской хроники, Я. въ 1245 г. отказалъ дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, т. е. псковской земли.

«Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. III, стр. 48, 49, 53, 54; т. IV, стр. 30, 36, 37, 178; т. V, стр. 179, 182; т. VII, стр. 149, 152.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. III, стр. 113, 159; прим. 200, 340, 341; кн. IV, стр. 19, 21; прим. 27, 28, 35.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древн. временъ», т. I, стр. 805, 835, 836.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. I, стр. 33, 333, 389, 393, 394.

Ярославъ II (Ѳеодоръ) Всеволодовичъ, кн. новгородскій, впослѣдствіи великій князь владимірскій, отецъ св. Александра Невскаго, родился въ Переяславлѣ 8 февраля 1191 г. Въ 1194 году надъ нимъ былъ совершенъ обрядъ постриговъ (сажаніе на коня), обрядъ до нѣкоторой степени рыцарскій, послѣ котораго княжичъ считался какъ бы уже принадлежащимъ къ семьѣ ратныхъ людей. Въ 1201 г., когда Я. было всего 7 лѣтъ, отецъ назначилъ его въ Переяславль южный, гдѣ онъ сидѣлъ до 1206 г. Зимой 1203 г. Я. ходилъ на половцевъ вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Рюрикомъ и Романомъ галицкимъ, причемъ походъ вполнѣ удался, и онъ возвратился съ большимъ полономъ, а въ 1206 г. онъ принималъ участіе въ дѣлахъ Галича Червенскаго. Подъ вліяніемъ венгерскаго короля Андрея, галичане пригласили къ себѣ князя Я.; послѣдній уже отправился изъ Переяславля въ Галичъ, но по дорогѣ узнавъ, что союзные князья заняли городъ и отдали его Владиміру Игоревичу, возвратился ни съ чѣмъ въ свой Переяславль. Однако здѣсь ему не пришлось долго сидѣть. Всеволодъ Чермный, князь черниговскій, потребовалъ, чтобы Я. очистилъ Переяславль, и Я., не имѣя ни откуда помощи, вынужденъ былъ удалиться къ отцу въ Суздаль. Въ 1207 г. онъ участвуетъ въ походѣ отца своего на рязанскихъ и черниговскихъ князей и по взятіи Рязани (1208 г.) былъ посланъ туда на княженіе отцомъ. Рязанцы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ приняли князя и произвели возмущеніе; коварно перехвативъ людей Я. и заковавъ ихъ

въ цѣпи, они многихъ засыпали живьемъ въ погребахъ. За это Всеволодъ сжегъ Рязань и Бѣлгородъ и вмѣстѣ съ сыномъ Я. отправился во Владиміръ, захвативши съ собою рязанскаго владыку Арсенія и множество рязанцевъ. Въ 1209 г. Я. участвовалъ вмѣстѣ съ братьями въ походѣ на Торжокъ противъ Мстислава Мстиславича, хотѣвшаго сѣсть въ Новгородѣ, но дѣло это кончилось примиреніемъ сторонъ. По смерти въ 1212 г. Всеволода возгорѣлась борьба между его сыновьями, вслѣдствіе назначенія отцомъ въ себѣ преемники не старшаго сына Константина, а второго Юрія. Въ этой борьбѣ Я. держалъ сторону Юрія и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на старшаго брата. Въ 1215 г. Я. былъ приглашенъ на княжескій столъ новгородцами и торжественно встрѣченъ архіепископомъ Антоніемъ и жителями. Вскорѣ по прибытіи онъ сталъ дѣйствовать съ безразсудною строгостью: приказалъ схватить новгородскаго тысяцкаго Якупа Зуболомича и новоторжскаго посадника Ѳому Доброщинича и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь, а самъ со многими знатными новгородцами ушелъ въ Торжокъ; одаривши новгородцевъ, онъ отпустилъ ихъ и, засѣвши въ Торжкѣ, прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. Новгородцы дважды посылали къ нему пословъ, но Я. дѣйствовалъ попрежнему. Въ это время сторону новгородцевъ принялъ прежній ихъ князь Мстиславъ Удалой; къ послѣднему примкнулъ и братъ Я. Константинъ, которому Мстиславъ обѣщалъ доставить великое княжество. Въ битвѣ на берегахъ р. Липицы, близъ Юрьева, происшедшей 23 апрѣля 1216 г., верхъ взяли Мстиславъ и Константинъ, который и занялъ великокняжескій столъ. Въ 1222 г. мы снова видимъ Я. въ Новгородѣ, куда онъ явился по приглашенію новогородцевъ, и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Колывань (Ревель), завоевалъ всю Чудскую землю, забралъ большой полонъ и множество золота, но города взять не могъ. Въ Новгородѣ Я. находился до 1224 г., когда покинулъ его добровольно. Въ слѣдующемъ году на Новгородскую землю напали литовцы и опустошили селенія около Новгорода, Торопца и ниже, по направленію къ Полотску. Я., какъ говоритъ лѣтописецъ, «сжалився» надъ новгородцами и выступилъ изъ Переяславля въ погоню за литовцами вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ и Давидомъ. Соединенные князья догнали бѣглецовъ близъ Усвята, разбили ихъ, взяли у нихъ весь полонъ и захватили нѣкоторыхъ князей. Признательные новгородцы послѣ этого усиленно просили къ себѣ Я., и тотъ согласился. Зимой 1226 г. Я. ходилъ въ южную часть Финляндіи на Емь или Ямь, гдѣ, по замѣчанію лѣтописи, «не единъ отъ князь рускыхъ не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни». Въ слѣдующемъ 1227 г. онъ безъ всякаго насилія съ своей стороны крестилъ едва не всѣхъ корелянъ, сосѣдей Еми. Въ 1228 г. Емь, желая отомстить новгородцамъ, вошла въ Ладожское озеро. Я. выступилъ противъ нея съ новгородцами, но ладожане, не дождавшись новгородцевъ, разбили Емь. Къ этому времени относится распря новгородцевъ съ Я. Послѣдній, желая прибрать къ своимъ рукамъ не хотѣвшихъ поддаваться ему псковичей, требовалъ, чтобы новгородцы шли съ нимъ на Псковъ, но тѣ отказались. Тогда Я. вызвалъ изъ Переяславля свои полки, съ которыми хотѣлъ будто бы идти на Ригу. Псковичи воспротивились этому, такъ какъ находились въ мирѣ съ нѣмцами, и заявили Я. и новгородцамъ, что если они пойдутъ на Ригу, то псковичи пойдутъ противъ нихъ. Вслѣдствіе этой неудачи Я. съ женою уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ своихъ сыновей—Ѳедора и Александра. Въ томъ же 1228 г. Я. принялъ участіе въ удачномъ походѣ брата своего Юрія на мордву и вскорѣ же послѣ этого похода захватилъ новгородскую волость Волокъ; новгородцы отправили къ Я. пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ имъ Волокъ, но Я. не только не исполнилъ этого требованія, но и пословъ не отпустилъ и держалъ ихъ все лѣто. Въ 1230 г. новгородцы снова пригласили къ себѣ Я. Въ это время кн. Михаилъ Всеволодовичъ, вопреки состоявшемуся примиренію съ Я., сталъ принимать въ Черниговъ враговъ его. Это обстоятельство возмутило Я., и онъ вмѣстѣ съ племянниками Константиновичами сжегъ Серенскъ и осадилъ Масальскъ. Явившись въ Новгородъ, Я. перехватилъ находившихся въ Новгородѣ псковичей и отправилъ ихъ на Городище, а въ Псковъ послалъ требованіе о выдачѣ его сторонника Вячеслава, захваченнаго передъ тѣмъ новгородцами. Псковичи, въ

свою очередь, поставили требованіе—возвратъ ихъ товаровъ, и только тогда отпустили Вячеслава, когда Я. вызвалъ дороговизну во всемъ тѣмъ, что запретилъ гостямъ въѣзжать въ Псковъ. Псковичи вслѣдъ затѣмъ просили у Я. сына его Ѳедора, но Я. далъ имъ шурина Юрія Мстиславича. Въ 1234 г. Я. выступилъ въ походъ противъ нѣмцевъ, которые начали безпокоить Новгородско-Псковскія волости; нѣмцы потерпѣли пораженіе и примирились съ Я.; тогда же Я. нанесъ пораженіе и литовцамъ на Дубровнѣ.

Въ 1236 г. Я., по настоянію Даніила галицкаго и Юрія владимірскаго, занялъ кіевскій столъ, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Александра (Невскаго). Но недолго ему пришлось сидѣть въ Кіевѣ: въ 1238 г. (4 марта) на берегу Сити, въ извѣстной битвѣ съ татарами, палъ вел. кн. Юрій владимірскій, и Я. по старшинству долженъ былъ занять владимірскій великокняжескій столъ. Прибывъ во Владиміръ, первою заботою князя было очищеніе стольнаго города отъ труповъ, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и самые храмы; нужно было собрать и ободрить разбѣжавшихся отъ татарскаго нашествія жителей. Въ 1239 г. литовцы, пользуясь сумятицей, происходившей въ сѣверо-восточной Руси, начали тѣснить Смоленскъ. Я. выступилъ противъ нихъ въ походъ, побѣдилъ ихъ и плѣнилъ ихъ князя.

Когда Батый избралъ мѣстомъ своего пребыванія низовья Волги и основалъ здѣсь г. Сарай (Астраханской губ.), онъ потребовалъ къ себѣ на поклонъ русскихъ князей. Я. первый поѣхалъ (1243 г.) на поклонъ къ хану, отправивъ въ Татарію къ великому хану своего сына Константина, и тѣмъ призналъ его главою всѣхъ русскихъ князей. Батый принялъ и отпустилъ Я. съ честью и далъ ему старѣйшество во всей Руси. Года черезъ два (1245 г.) возвратился также съ честію и Константинъ. Въ 1245 г. Я. вмѣстѣ съ братьями и племянниками вторично отправился къ орду. Святославъ и Иванъ Всеволодовичи съ племянниками вернулись въ свои отчины, а Я. Батый послалъ на берега Амура къ великому хану Гаюку. Здѣсь, по замѣчанію лѣтописца, онъ принялъ «много томленія», такъ какъ противъ него велась какая-то интрига, въ которой дѣйствующими лицами: являлись бояринъ Ѳедоръ Яруновичъ и сама ханша, поднесшая Я. яду подъ видомъ угощенія. Великій князь поѣхалъ отъ хана уже будучи больнымъ; черезъ семь дней (30 сентября 1246 г.) по дорогѣ онъ скончался, при чемъ тѣло его сильно посинѣло, что еще больше убѣждало современниковъ въ томъ, что онъ былъ отравленъ. Сопровождавшіе Я. бояре привезли тѣло его во Владиміръ, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ онъ и былъ похороненъ. Лѣтописи вообще скупы на похвалы этому князю, но одна изъ нихъ говоритъ, что онъ «положи душу свою за други своя и за землю Русскую», а рукописныя святцы причисляютъ его къ лику святыхъ.

Я., во св. крещеніи Ѳедоръ, былъ женатъ дважды: 1) на дочери Юрія Кончаковича, кн. половецкаго, неизвѣстной по имени, и 2) на Ростиславѣ (въ иночествѣ Евфросиніи), дочери Мстислава Мстиславича. Отъ перваго брака у него не было дѣтей, а отъ второго сыновья: Ѳедоръ, Александръ, Андрей, Михаилъ Храбрый, Даніилъ, Ярославъ-Аѳанасій, Василій и Константинъ и двѣ дочери: Марія и неизвѣстная по имени.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 129, 172, 173, 175, 179—183, 185; 186, 188—192, 191, 196, 199—201, 205, 211—216, 219—221, 223, 225, 226, 252; т. II, ст. 141, 175, 177, 184, 185, 327—330, 338, 340, 341; т. III, стр. 31—35, 37—39, 41—50, 52—54, 128, 220; т. IV, стр. 19—30, 32—34, 37, 38, 177, 178; т. V, стр. 3, 4, 90, 170, 172—174, 177, 179—181, 186; т. VII, стр. 101, 107, 108, 112—114, 116, 118—124, 126, 129, 133—135, 137, 138, 140—141, 143, 144, 146, 147, 149—152, 156, 224, 235, 236, 245.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. II, пр. 238, 393, 397, 399, 404, 406, 410, 419, 420; кн. III, стр. 36, 37, 41, 44, 50, 57—62, прим. 44, 58—60, 67—69, 71, 73, 74, 89, 94, 95, 97.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 549, 556, 562, 563, 566, 567, 569, 582, 583, 585, 586—594, 621, 622, 625, 627, 629, 803—807, 814, 831—833, 1116.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 481, 530, 552, 555—557, 575—577, 607, 625, 626, 628, 633—637, 641, 648, 650, 651, 654—656, 658, 660.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. I, стр. 7—25, 29—31, 33, 40—43, 45, 58, 72, 277, 278, 281—284, 330—334, 336, 394—396; т. II, стр. 11, 12, 63, 64, 153, 379, 381, 560, 610, 611.

Ярославъ Георгіевичъ, князь пинскій, сынъ Георгія Ярославича, извѣстенъ своимъ участіемъ въ большомъ походѣ 1184 г. вел. кн. Святослава Всеволодовича и прочихъ южно-русскихъ князей

противъ половцевъ, когда послѣдніе были разбиты, при чемъ было взято много плѣнныхъ, въ томъ числѣ ханъ Кончакъ и 417 князьковъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, стр. 127, 319. — *Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. III, стр. 40, прим. 67.

Ярославъ Георгіевичъ, сынъ в. кн. Георгія Владиміровича Долгорукаго. Въ лѣтописяхъ съ его именемъ связано участіе его въ походѣ вел. кн. Андрея Боголюбскаго на камскихъ болгаръ, окончившемся пораженіемъ послѣднихъ (1164 г.). Въ 1166 г. Я. умеръ и погребенъ въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 150, 151; т. II, стр. 93, 308; т. VII, стр. 77, 78.— *Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. II, прим. 408, 415.

Ярославъ Изяславовичъ, сынъ князя Изяслава II Мстиславича, княжилъ въ Туровѣ, а потомъ въ Новгородѣ, откуда, изгнанный въ 1154 г. жителями, былъ посаженъ отцомъ на княженіе во Владимірѣ - Волынскомъ, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича. Въ 1155 г. при осадѣ Луцка непріятелями, въ то время, когда братъ его Мстиславъ, отправился за помощью въ Польшу, Я. успѣшно обоb оронялся и заставилъ непріятелей снять осаду. Въ томъ же году, примирившись съ кн. Георгіемъ Владиміровичемъ, онъ выступилъ вмѣстѣ съ нимъ къ Каневу для мирныхъ переговоровъ съ половцами и, оказавъ тому же Георгію поддержку въ принужденіи Изяслава Давидовича цѣловать крестъ ему, возвратился въ Луцкъ. Во время междоусобій Ростиславичей съ кіевскимъ вел. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ Я. держалъ сторону послѣдняго, но потомъ неожиданно измѣнилъ ему, вступивъ въ Кіевъ (1172 г.). Спустя два года, Святославъ черниговскій потребовалъ отъ Я. исполненія даннаго ему обѣщанія—дать удѣлъ въ случаѣ завладѣнія престоломъ св. Владиміра; получивъ отказъ, Святославъ тайно собралъ войско и изгналъ Я., плѣнивъ его жену и сына и ограбивъ его дворецъ; самъ же, не имѣя надежды утвердиться въ Кіевѣ, ушелъ обратно. Я., узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, возвратился изъ Луцка въ Кіевъ и, думая, что кіевляне были въ заговорѣ съ Святославомъ, обложилъ ихъ данью для выкупа своей жены и сына и въ то же время заключилъ миръ съ Святославомъ, готовившимся идти на Олега. Вскорѣ по смерти Андрея Я., видя, что братья его хотятъ посадить на кіевскій престолъ Романа Смоленскаго и не желая подвергать себя стыду изгнанія, добровольно покинулъ Кіевъ и уѣхалъ въ Луцкъ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 136, 146, 148, 149, 156; т. II, стр. 25, 40, 74, 78, 82, 83, 85, 86, 88, 90, 94, 96—98, 100, 101, 105, 107, 108, 110, 111, 117, 147, 305, 307, 308, 311, 315, 316; т. III, стр. 10, 11; т. IV, стр. 8, 13; т. V, стр. 159, 160, 164—166; т. VII, стр. 36, 45, 60, 63, 64, 66, 69 — 71, 74, 79—84, 87, 89, 96. — *Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», кн. II, стр. 127, 138, 159, 163, 186, 190; прим. 315, 355, 366, 385, 387, 395, 396, 401, 404, 410, 416, 419, 420, 425; кн. III, стр. 8, 11, 14, 16, 17, 28; прим. 3, 10, 16, 19, 33, 44, 58.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 397, 449, 450, 454, 460, 464, 467, 473, 476, 485, 486, 500 — 502, 507, 509 — 511, 526. — *Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 196, 218, 268, 270, 360, 399, 400. —*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. I стр., 317, 318, 322; т. II, стр. 122.

Ярославъ Ингваревичъ, князь луцкій, сынъ Ингваря Ярославича. Въ 1220 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми князьями и въ союзѣ съ Литвою и ятвягами предпринялъ набѣгъ на польскую землю; подъ Владиміромъ потерпѣлъ пораженіе отъ гетмана Сулислава и попалъ въ плѣнъ, но вскорѣ выкупился изъ плѣна. По смерти Ивана Мстиславича Я. захватилъ Луцкъ, но Даніилъ галицкій послалъ на Я. рать, которая нанесла ему рѣшительное пораженіе, а его самого вмѣстѣ съ женою взяла въ плѣнъ; послѣ этого Даніилъ отдалъ Луцкъ брату своему Васильку, а Я—ву, по освобожденіи его изъ плѣна, далъ Перемышль и Межибожье. Подъ 1239 г. есть извѣстіе, что Я. ходилъ къ г. Каменцу, взялъ его, плѣнилъ жену кн. Михаила черниговскаго и множество людей и возвратился во-свояси.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, стр. 166, 167, 334.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», кн. III, стр. 153; прим. 326, 369; кн. IV, прим. 20.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 606, 624, 824.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси», т. I, стр. 17.

Ярославъ Мстиславовичъ, кн. переяславскій, прозванный *Краснымъ*, сынъ Мстислава Юрьевича и внукъ Юрія Долгорукаго. Въ 1176 г. Я. былъ посаженъ дядею своимъ Всеволодомъ княжить въ Новго-

родѣ, а въ слѣдующемъ 1177 году посланъ тѣмъ же дядею звать половцевъ на помощь противъ Мстислава Ростиславича. Въ томъ же году Я. былъ смѣщенъ новгородцами и посаженъ въ Волокѣ-Ламскомъ. Въ 1178 г. Всеволодъ сжегъ Волокъ-Ламскій и взялъ съ собою Я. во Владиміръ суздальскій, по смерти же князя Владиміра Глѣбовича послалъ его княжить въ Переяславль-южный, гдѣ Я. и умеръ въ 1199 г.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 161, 163, 174; т. II, стр. 326; т. III, стр. 16, 17; т. IV, стр. 14, 15; т. V, стр. 166, 167; т. VII, стр. 93, 95, 107, 326.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», кн. III, стр. 30, 32, 51, 64; прим. 46, 48, 53, 103.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 522, 549, 570, 571.—*Щербатовъ*, «Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ», т. II, стр. 428, 438, 439; 505.

Ярославъ Ярополковичъ, князь, сынъ Ярополка Изяславича. Въ 1101 г. Я. «затворился» въ Брестѣ отъ дяди Святополка, не хотѣвшаго давать ему волостей, и тѣмъ самымъ желалъ удержать за собою хотя Брестъ. Но Святополкъ принудилъ его сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка отпустить Я. на свободу, взявши съ послѣдняго клятву не посягать на дядины волости и жить спокойно въ Кіевѣ. Въ слѣдующемъ году Я. ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчичъ, обманомъ схватилъ его за Брестомъ, на рѣкѣ Нурѣ, впадающей въ Бугъ, и въ оковахъ привелъ его къ отцу. Послѣ этого Я. уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ 1102 г.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 115, 117; т. II, стр. 285, 286; т. VII, стр. 16, 18.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго, кн. II, стр. 79, 86; прим. 196, 209, 325.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 340, 341.

Яроцкій, *Иванъ Авксентьевичъ*, кол. сов., штабъ-лѣкарь Харьковскаго университета, родился въ 1811 г. въ семьѣ священника. Среднее образованіе Я. получилъ въ Черниговской духовной семинаріи, по окончаніи которой въ 1831 г. поступилъ въ черниговскій повѣтовый судъ канцеляристомъ, но въ томъ же году бросилъ службу и поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію. По окончаніи въ 1836 г. академіи онъ былъ выпущенъ лѣкаремъ I отдѣленія и назначенъ въ Кавказскій корпусъ, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ Тифлисскій егерскій полкъ. Въ 1841 г. Я. представилъ въ Харьковскій университетъ свое сочиненіе «Замѣтки объ Александріи, Смирнѣ, Константинополѣ въ физическомъ и медицинскомъ отношеніи» (Спб., 1841 г.), за которое былъ удостоенъ степени штабъ-лѣкаря. Назначенный въ 1848 г. старшимъ лѣкаремъ кавказской гренадерской артиллерійской бригады, Я. эту должность занималъ до 1855 г., когда былъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ Шемахинскаго военнаго госпиталя, а въ 1857 г. перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ и занялъ мѣсто тамбовскаго и моршанскаго окружного врача. Въ слѣдующемъ году онъ снова перешелъ въ военное вѣдомство и былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Каменецъ-Подольскаго военнаго госпиталя. Скончался Я. въ Каменецъ-Подольскѣ 17-го іюня 1863 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 179.—«Военно-Медицинскій Журналъ» 1863 г.

Е. Я.

Яроцкій, *Игнатій Акимовичъ*, надв. сов. медико-хирургъ, членъ С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей. Среднее образованіе Я. получилъ въ Кіевской духовной семинаріи, по окончаніи которой въ 1825 г. поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи. Награжденный при выпускѣ изъ академіи въ февралѣ 1825 г. золотой медалью, онъ въ томъ же году былъ назначенъ лѣкаремъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, а въ 1827 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Удостоенный въ 1833 г. званія медико-хирурга, онъ черезъ два года перешелъ въ гражданское вѣдомство врачемъ при министерствѣ юстиціи; послѣдніе же годы жизни служилъ въ комиссіи прошеній. Съ 1835 г. Я. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ журнала «Другъ Здравія», въ которомъ напечаталъ свои статьи: «Замѣчаніе о грибахъ» (1835 г., № 37) и «Разборъ перевода общей терапіи Гартмана» (1839 г., № 37). Кромѣ того, въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ рядъ рецензій на медицинскія сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

Его же перу принадлежатъ нѣсколько статей въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара (гофманскія капли, грудь, гортанная чахотка, дѣтское мѣсто, проф. Дельпешъ, донникъ). Умеръ Я. отъ холеры въ 1847 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетр. II, стр. 179.
Е. Я.

Яроцкій, *Михаилъ Акимовичъ*, статс. сов., главный докторъ Варшавскаго военнаго Александровскаго госпиталя, родился въ 1800 г. По окончаніи Кіевской духовной семинаріи онъ былъ принятъ въ 1818 г. въ число казенныхъ воспитанниковъ Московской медико-хирургической академіи, изъ которой въ 1822 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ и назначенъ въ Тверское казачье войско, а четыре года спустя получилъ степень штабъ-лѣкаря. Назначенный въ 1828 г. старшимъ лѣкаремъ 41-го егерскаго полка, онъ принялъ участіе въ двухъ послѣдующихъ войнахъ (съ Турціей и Персіей) и въ 1829 г. былъ переведенъ въ пѣхотный кн. Паскевича-Эриванскаго полкъ. Въ этомъ полку Я. прослужилъ два года, затѣмъ пробылъ годъ въ Георгіевскомъ военномъ госпиталѣ, откуда въ 1832 г. былъ уволенъ въ отставку. Однако въ слѣдующемъ году онъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ ординаторомъ Варшавскаго военнаго госпиталя. Свободное отъ служебныхъ обязанностей время онъ посвящалъ переводамъ съ французскаго языка медицинскихъ сочиненій и напечаталъ два слѣдующихъ перевода: «О свойствѣ и лѣченіи чахотки легкихъ», соч. Рамаржи, Спб., 1839 г. (Извлеченіе изъ этой работы подъ заглавіемъ: «О причинахъ чахотки» напечатано въ журналѣ «Другъ Здравія» за 1839 г., № 32) и «Руководство прислушиванья и постукиванья», сочин. Рацiборскаго, Варшава, 1843 г. (Извлеченіе изъ этого перевода напечатано въ «Др. Здр.,» 1843 г., № 47). Назначенный въ 1844 г. 2-мъ помощникомъ главнаго доктора Варшавскаго военнаго госпиталя, Я., два года спустя, получилъ новое назначеніе — главнымъ докторомъ Кѣлецкаго военнаго госпиталя, а въ 1854 г. былъ переведенъ на должность окружного доктора полевыхъ госпиталей. Впрочемъ, въ этой должности онъ оставался недолго и въ томъ же году былъ назначенъ главнымъ докторомъ Варшавскаго военнаго Александровскаго госпиталя. Въ 1861 г. Я. вышелъ въ отставку.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели, вып. I. Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 179.— «Другъ Здравія» 1840 г., № 1. — «Отечественныя Записки», 1840 г., № 7, стр. 63; 1844 г., № 6. *Е. Я.*

Яроцкій, *Семенъ Авксентьевичъ*, кол. ас., штабъ-лѣкарь, врачъ Нерчинскихъ заводовъ, родился въ 1802 г. въ семьѣ священника Черниговской губ. По окончаніи Черниговской духовной семинаріи Я. поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, изъ которой въ 1827 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ II отдѣленія и назначенъ семипалатинскимъ окружнымъ врачемъ, а черезъ пять лѣтъ получилъ степень штабъ-лѣкаря и былъ переведенъ на ту же должность въ г. Омскъ. Въ томъ же 1832 г. Я. перевелся въ военное вѣдомство и до 1836 г. служилъ спачала въ 13-мъ, а потомъ въ 6-мъ линейныхъ баталіонахъ. Въ это время имъ были напечатаны первыя его статьи: «Вскрытіе лошади, умершей отъ сибирской язвы на берегахъ рѣки Иртыша» («Другъ Здравія», 1835 г., № 4), «Письмо къ С. А. Я. больного съ Друсалинскихъ минеральныхъ водъ, Киргизской степи» (тамъ же), «Экстрактъ конопли употребляется между азіатцами, какъ средство развеселяющее» (тамъ же, № 6), «Индійскія слабительныя ягоды« (тамъ-же, № 15), «Краткое медико-топографическое описаніе Друсалинскихъ минеральныхъ водъ» (тамъ же, №№ 22 и 23), «О кумысѣ, какъ врачебномъ средствѣ» («Другъ Здравія», 1835 г., № 19), «Операція отнятія ноги» (тамъ же, № 21), «Мальчикъ безъ рукъ и съ кривыми ногами въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ» (тамъ же, № 38) и «Вырѣзываніе стеатомы» (тамъ же, № 46). Въ 1836 г. Я. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, а въ слѣдующемъ году въ Динабургскій военный госпиталь. За этотъ промежутокъ времени онъ напечаталъ: «Киргизская медицина» («Другъ Здравія,» 1836 г., №№ 10, 11), «Чаберъ противъ солитера» (тамъ же, 1837 г., № 34), «О пользѣ мухомора въ болѣзняхъ» (тамъ же, № 45) и «Настойка цитварнаго семени въ коклюшѣ (тамъ же, № 47). Перейдя въ 1838 г. въ гражданское вѣдомство и будучи назначенъ врачемъ въ Газимурскій госпиталь на

Нерчинскихъ заводахъ, Я. попрежнему свои досуги посвящалъ литературной работѣ и напечаталъ въ 1840 г. двѣ свои статьи: «Какую болѣзнь простонародье зоветъ щетинкой» («Другъ Здравія», 1840 г., № 16) и «Лѣченіе лишая въ простонародьѣ искрами» (тамъ же). Скончался Я. на Нерчинскихъ заводахъ 26 августа 1843 года, на 42 году отъ рожденія. Послѣ его смерти были изданы еще слѣдующія его не напечатанныя при жизни работы: «Іодистые препараты въ накожныхъ изъязвленіяхъ» («Труды С.-Петербургскаго общества русскихъ врачей», 1845 г., ч. IV), «Чрезмѣрное раздутіе живота» (тамъ-же и M. Z. R., 1845 г.), «Рѣдкій случай продолжительнаго кормленія грудью» (тамъ же) и «Желѣзный гвоздь, проглоченный дитятей» (тамъ же и M. Z. R., 1845 г.)

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели». вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь II, стр. 179—180. *Е. Ястребцевъ.*

Ярошевичъ, *Осипъ (Іосифъ) Венедиктовичъ,* извѣстный польскій ученый, юристъ, магистръ права, профессоръ литовско-польскаго права, дипломатіи и статистики Виленскаго университета, родился въ 1793 году въ г. Бѣльскѣ, близъ Гродно. Высшее образованіе получилъ въ Виленскомъ университетѣ, который окончилъ 22-хъ лѣтъ, въ 1815 году, со степенью магистра правъ. Научную свою карьеру Я. началъ очень рано, тотчасъ по окончаніи университета, когда приглашенъ былъ въ Кременецкій лицей въ качествѣ лектора по римскому и польско-литовскому праву. Въ 1826 году Я. напечаталъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» свое первое произведеніе: «O wpływie religii chrześcijańskiej na cywilizację Słowian», которое обратило на себя вниманіе Виленскаго университета, пригласившаго его въ качествѣ профессора гражданскаго и уголовнаго польско-литовскаго права. Я. принялъ это предложеніе и переселился въ Вильну. 30-го іюня 1828 года онъ былъ назначенъ на каѳедру дипломатіи и статистики Россіи. На этой каѳедрѣ онъ оставался вплоть до закрытія Виленскаго университета, послѣдовавшаго въ 1831 году, послѣ чего его назначили членомъ временнаго Виленскаго школьнаго комитета. На этомъ прекратилась служебная его дѣятельность, но преждевременное прекращеніе послѣдней, вызванное внѣшними обстоятельствами, дало возможность Я. болѣе серьезно заняться научно-историческими изслѣдованіями правовой жизни польскаго и литовскаго народовъ. Онъ вскорѣ поселился въ своемъ родномъ Бѣльскѣ, гдѣ имъ и были написаны всѣ его труды. Многія изъ его произведеній помѣщены въ польскихъ періодическихъ изданіяхъ: «Znicz», «Biruta», «Athenaeum», «Biblioteka Warszawska» и др., а также и въ «Ежегодникахъ» Виленской археологической коммиссіи, членомъ которой онъ состоялъ. Самымъ важнымъ изъ трудовъ Я. было: «Obraz Litwy pod względem jej oświaty i cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca XVIII w.» (Wilno, 1844—45 г.г., 3 тома). «Это была работа, говоритъ его біографъ, которая въ свое время доставила автору дѣйствительную славу... Если принять во вниманіе время, когда писалъ Я., и состояніе источниковъ, которыми онъ могъ пользоваться, то трезвость и критичность его взглядовъ и убѣжденій просто приводятъ въ удивленіе». Я. писалъ также исторію іезуитовъ, а своему сосѣду, Владиславу Тренбицкому, охотно помогалъ въ его библіографическихъ работахъ, пользуясь замѣтками, обогащавшими его библіотеку. Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Я. принадлежатъ еще слѣдующія работы: «O stanie Litwy do przyjęcia wiary chrześcijańskiej» «Znicz», 1834 г.); «Litwa pod względem cywilizacji w trzech pierwszych jej chrześcijaństwa wiekach» («Znicz», 1835 г.); «O Herulach pobratymcach Litwinów (Wilno, 1840 г.)» и «O adwokatach w Polsze i Litwie». Умеръ Я. на своей родинѣ, въ Бѣльскѣ 1-го февраля 1860 года.

Брокгаузъ и Ефронъ, «Энциклопедическій словарь» (полутомъ 82, стр. 835).—«Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1825 годъ» (Спб., 1826 г., ч. I, стр. 613).—«Gezetta Polska», 1862 г., № 22 (полный перечень его произведеній). — *Orgelbrand,* «Encyklopedja Powszechna» (Warszawa, 1900, tom VII, стр. 450—451).—«Wielka encyklopedyja powszechna illustrowana» (Warszawa, 1903 г., т. XXXI—XXXII, стр. 683—684).—*Пыпинъ*, «Исторія русской литературы», т. II, стр. 367. *Н. С.*

Ярошевскій, *Григорій*, переводчикъ, напечаталъ съ французскаго яз. переводъ: «Приключенія Алморана и Гамета, персидскихъ принцевъ, восточная нравоучительная повѣсть, въ которой описывается добродѣтель, одерживающая по-

бѣду надъ пороками» (2 части, Москва, 1790 г.).

В. Сопиковъ, «Опытъ россійской библіографіи» (Спб., 1813—1821 г.г., ч. 4, стр. 214, № 8965).

Ярошевскій, *Платонъ Ивановичъ*, адъюнктъ-профессоръ, родился въ 1810 г. Въ 1829 г. онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Императорскую медико-хирургическую академію, гдѣ окончилъ курсъ медицинскихъ и ветеринарныхъ наукъ въ 1833 г. съ серебряной медалью и признанъ былъ лѣкаремъ 1-го отдѣленія по обѣимъ частямъ. Въ тотъ-же году онъ былъ опредѣленъ ординаторомъ въ 2-ой военно-сухопутный госпиталь и назначенъ и. д. адъюнктъ-профессора ботаники, зоологіи и минералогіи. Въ 1835 г. Я. получилъ званіе медика-хирурга и въ 1839 г. участвовалъ съ профессоромъ Эйхвальдомъ въ геогностическомъ изслѣдованіи береговъ Эстляндіи и острововъ Финскаго залива. Сдавъ въ 1845 г. экзаменъ на доктора медицины и получивъ назначеніе и. д. адъюнктъ-профессора каѳедры судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены, онъ въ 1848 г. защитилъ диссертацію «Helmitorum corporis humani characteres naturalis sistens» и получилъ званіе доктора медицины. По прочтеніи въ 1850 г. двухъ лекцій: «Объ отравленіи сулемой» и «О спиртныхъ веществахъ въ гигіеническомъ отношеніи», Я. былъ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ. Съ 1851 по 1852 г. онъ преподавалъ въ академіи зоологію. Скончался Я. 28 декабря 1852 г.

А. К. Европинъ, «Историческій очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіей при Имп. Воен.-Мед. Академіи», стр. 83—84.—Серія докторск. диссерт., допущенныхъ къ защитѣ въ Имп. Воен.-Мед. Акад. въ 1897—98 уч. году, № 69.—Военно-Медицинскій Журналъ», 1853 г., ч. 61, отд. 8, стр. 13.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи—писатели», тетр. 2, стр. 180.

Н. Стр.

Ярунъ, воевода кн. Мстислава Удатнаго. Въ 1216 г. съ небольшимъ отрядомъ во сто человѣкъ онъ оборонялъ городъ Ржевку отъ Святослава Всеволодовича; въ томъ же году былъ посланъ въ передовомъ полку новгородской рати Мстислава Удатнаго противъ кн. Ярослава Всеволодовича и встрѣтилъ его сторожей, изъ коихъ 30 человѣкъ взялъ въ плѣнъ, а семьдесятъ положилъ на мѣстѣ. Въ 1223 г. Я. начальствовалъ надъ передовымъ отрядомъ русской рати и надъ половцами во время битвы при Калкѣ.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 211, 212, 218; т. III, стр. 34, 40; т. IV, стр. 172, 173; т. VII, стр. 120, 131.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», кн. III, прим. 164.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, стр. 587, 588.

Ярцова, *Любовь Аникитишна*, одна изъ лучшихъ писательницъ для дѣтей, дочь главнаго начальника уральскихъ заводовъ, Аникиты Сергѣевича Я. (1737—1819 г.), род. 1794 г., умерла 11 декабря 1876 г. въ Петербургѣ. Ей принадлежатъ слѣдующія оригинальныя сочиненія и переводы: «Новый Робинзонъ или швейцарское семейство, претерпѣвшее кораблекрушеніе», перев. съ франц. (Спб. 1833—1834 гг.), 3 части; «Полезное чтеніе для дѣтей», сборникъ оригинальн. статей, 6 вып. (Спб., 1834—1836 гг.); «Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей» (два изд., 2-ое Спб., 1854 г.); «Первый день свѣтлаго праздника» (два изд., Спб., 1836 и 1857 гг.; вошло въ составъ «Зеленой Библіотеки» Вольфа); «Прогулка съ дѣтьми по Кіеву» (Спб., 1859 г.); «Въ каждомъ состояніи можно дѣлать добро»—шесть повѣстей для юношества (Спб., 1860 г.); «Мальчикъ и дѣвочка—сказка о диковинкахъ невиданныхъ и чудесахъ неслыханныхъ» (Спб., 1858 г.); «Неистощимый кошелекъ», разск. для дѣтей (Спб., 1861 г., также въ «Зеленой Библіотекѣ»); «Новый годъ, масленица и Рождество Христово», разск. для дѣтей (Спб. 1861 г. и «Зеленая Библіотека») и «Параша, дочь сельскаго священника».

Толь, «Наша дѣтская литература» (Спб., 1862 г.).—*Его-же*, «Настольный словарь», ч. 3, стр. 1116.—«Сочиненія Державина», изд. Я. К. Грота, т. 5, стр. VII, т. 7, стр. XI; т. 2, стр. 254—256.—«Часъ Досуга», 1859 г., т. II.—«Гражданинъ», 1877 г., № 4.—«Голосъ», 1876 г., № 349.—«Древн. и Новая Россія», 1877 г., № 2.—«Библіотека для Чтенія», 1834 г., т. 7; 1836 г., т. 16.—«Современ.», 1855 г., т. 49.—«Отечеств. Записки», 1855 г., т. 98.—«Русское Слово», 1860 г., № 3.—«Книжный Вѣстникъ», 1860 г., №№ 1—4. — «Шестое присужденіе Демидовскихъ наградъ» (статья Ободовскаго).—Энцикл. словарь Брокгауза, т. 41 (Спб. 1904 г.), стр. 838.—*Н. Н. Голицынъ*, «Библіографич. словарь русскихъ писательницъ» (Спб., 1889 г.).

Ярцовъ, *Аникита Сергѣевичъ*, д. с. с., родился въ 1737 г.; въ началѣ 1770-хъ

годовъ Я. строилъ Александровскій пушечный заводъ и, окончивъ постройку въ 1774 г., былъ назначенъ управляющимъ этого завода; здѣсь онъ много трудился въ цѣляхъ наилучшаго устройства построеннаго имъ завода: усовершенствовалъ машины и улучшилъ способы отливки пушекъ. Въ 1783 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ горнаго училища, основаннаго въ 1773 г. Екатериной II, гдѣ постоянно заботился объ увеличеніи средствъ училища. Въ 1803 г. Я. былъ въ Екатеринбургѣ главнымъ начальникомъ уральскихъ горныхъ заводовъ и въ томъ же году подалъ императору записку подъ названіемъ: «Начертаніе заводовъ Уральскаго хребта», послужившей причиною учрежденія въ 1804 г. коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, графа Васильева, выработавшей болѣе совершенное устройство управленія горными заводами. Въ этой коммиссіи Я. принималъ дѣятельное участіе. Умеръ онъ въ 1819 г., оставивъ въ рукописи трудъ: «Исторія горнаго промысла въ Россіи».

«Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій горнаго вѣдомства въ Россіи 1700—1900 гг.».—«Научно-историческій сборникъ Горнаго Института», 1873 г., статья А. М. Лоранскаго. — «Труды Имп. Минерал. Общ.», 1830 г., ч. I, стр. 307.

А. Акимовъ.

Ярцовъ *Борисъ Ивановичъ*, свіяжскій воевода. Въ 1713 г. изъ недорослей поступилъ въ Ямбургскій драгунскій полкъ драгуномъ и тогда же былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ 1725 г. Я. былъ переведенъ въ лейбъ-регименть, а въ 1727 г. произведенъ въ полковые обозные; переведенный въ слѣдующемъ году въ Кавалергардскій корпусъ, съ производствомъ въ поручики, онъ въ 1730 г. былъ произведенъ въ капитаны. При расформированіи въ 1731 г. Кавалергадскаго корпуса Я. былъ уволенъ отъ военной службы и опредѣленъ воеводою въ Юрьевскую провинцію, гдѣ и служилъ до 1736 г. Въ 1738 г. онъ былъ переведенъ воеводою въ Свіяжскую провинцію. Здѣсь онъ прослужилъ до 1742 г. Объ этомъ времени его службы извѣстно, что «въ бытности своей воеводою исправно дѣла... отправлялъ и въ выборѣ» около 40.000 рублей «доимки трудъ свой оказалъ»; кромѣ того, «какъ отъ св. Синода объявлено, и въ призываніи къ святому крещенію... иновѣрцевъ всеревностныя по христіанской должности вспоможенія употреблялъ». Въ 1740 г. Я. былъ назначенъ въ Казанскую, Астраханскую, Нижегородскую и Воронежскую губерніи «къ переселенію некрещеныхъ иновѣрцевъ и къ защищенію отъ обидъ новокрещенъ»; въ этой должности онъ прослужилъ до 1748 г. За это время Я., по его словамъ, «обратилъ иновѣрцевъ обоего пола тысячъ до трехъ сотъ» и за свою усердную дѣятельность награжденъ былъ чиномъ надв. сов. Въ 1748 г. Я. подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на болѣзнь головы и глазъ, но ему отставки не дали. Въ 1753 г. онъ служилъ въ корчемной канцеляріи, въ 1760 г. былъ произведенъ въ ст. сов. и тогда же за болѣзнью «отпущенъ въ домъ». Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1724—1726»), стр. 218—219.

Ясевичъ, *Казиміръ Антоновичъ*., академикъ исторической и портретной живописи, родился въ 1813 г. въ дворянской семьѣ Виленской губ. Съ дѣтства полюбивъ рисованіе, онъ занимался имъ подъ руководствомъ опытнаго учителя, и, достигши 18-ти лѣтняго возраста, самъ опредѣленъ былъ преподавателемъ рисованія въ губернскую гимназію и городское училище въ Могилевѣ. Въ 1833 г. Я. допущенъ былъ къ вступительному экзамену въ Академію Художествъ и принятъ въ число штатныхъ ея учениковъ на казенное содержаніе. Въ 1836 г. онъ окончилъ курсъ Академіи съ званіемъ свободнаго художника и тогда же получилъ отъ Академіи серебряную медаль за написанный имъ съ натуры портретъ каноника Гинтилло. Въ 1859 г. Академія возвела его въ званіе академика за исполненный имъ съ натуры портретъ генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена, за многолѣтніе труды на художественномъ поприщѣ и, между прочимъ, за труды по образованію многихъ учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые къ этому времени уже прославились своими произведеніями. Несмотря на свои крайне недостаточныя для его большого семейства средства, Я. предоставилъ свою квартиру въ распоряженіе «училища живописи», которое безплатно помѣщалось у него въ теченіе 30-ти лѣтъ, и, кромѣ того, содержалъ у себ ехъ приходящихъ учениковъ Ака-

деміи. Я. состоялъ учителемъ рисованія во 2-й и 3-й Петербургскихъ гимназіяхъ и около 40-хъ годовъ, по порученію Академіи Художествъ и судебнаго вѣдомства, былъ оцѣнщикомъ художественныхъ произведеній, отсылаемыхъ для продажи за долги. Кромѣ портретной живописи, Я. занимался также и реставраціей старинныхъ картинъ, испорченныхъ временемъ. Такъ, по приглашенію строительной конторы министерства Императорскаго Двора, онъ возобновлялъ картины въ большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, эрмитажѣ, во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго (реставрировалъ картину «Судъ Париса») и въ галлереяхъ извѣстныхъ художественныхъ коллекціонеровъ: князей Д. А. Лобанова-Ростовскаго, А. Б. Куракина и другихъ. Я. писалъ также образа для Каневскаго монастыря, для церквей военныхъ госпиталей въ Ораніенбаумѣ, Петергофѣ, Псковѣ, для институтовъ Смольнаго и глухо-нѣмыхъ и для Владимірскаго (на Петербургской сторонѣ) собора. Изъ оригинальныхъ произведеній Я. замѣчательны: «Испугавшая птицъ», «Морской берегъ» и «Ночь при лунномъ освѣщеніи». Послѣдніе годы своей жизни Я. доживалъ въ сторонѣ отъ всякихъ художественныхъ интересовъ и скончался въ крайней бѣдности 28-го января 1888 г.

Дѣла архива Импер. Академіи Художествъ № 13.—*П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императ. Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія», т. II, стр. 310, 333, 347; т. II, стр. 312, 397.—«Новости», 1888 г., января 31.—«Новое Время», 1888, № 4284.

Ясенскій, *Андрей Михайловичъ*, надв. сов., докторъ медицины, родился въ 1814 году. По окончаніи Виленской медико-хирургической академіи Я. получилъ въ 1841 году степень лѣкаря, а 15-го іюля слѣдующаго года въ той же академіи защитилъ докторскую диссертацію «De metrorrhagia gravidarum» (Viln., 1842), и былъ удостоенъ степени доктора медицины. Назначенный въ томъ же году Суражскимъ, Черниговской губерніи, городскимъ врачемъ, онъ эту должность занималъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 4-го декабря 1864 года.

Л. Θ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I, тетрадь II, стр. 180. *Е. Я.*

Ясинскій, *Левъ Адамовичъ*, стат. сов., профессоръ зоотоміи и физіологіи Московской медико-хирургической академіи, родился въ 1802 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Я. воспитывался сначала въ Екатеринославскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ въ Екатеринославской духовной семинаріи, откуда въ 1821 году перешелъ въ Московскую медико-хирургическую академію. По окончаніи въ 1826 году академіи со степенью лѣкаря I отдѣленія, Я., два года спустя, тамъ-же получилъ званіе акушера. Начавъ еще въ 1827 году свою службу въ Московской медико-хирургической академіи адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ ветеринаріи, онъ 30-го января 1830 года защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De generali aneurysmathum notione eorum pathologiam et therapiam spectante», получилъ степень доктора и занялъ должность помощника инспектора академіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ ветеринарной хирургіи, а въ 1833 году ученымъ секретаремъ. Оставивъ затѣмъ въ слѣдующемъ году должность помощника инспектора, онъ принялъ на себя обязанности библіотекаря, при чемъ въ томъ-же 1834 году былъ утвержденъ и въ званіи ординарнаго профессора академіи по каѳедрѣ зоотоміи. Сложивъ въ 1837 году съ себя обязанности библіотекаря, а въ 1838 году—обязанности ученаго секретаря, Я. до 1840 года оставался профессоромъ зоотоміи. Когда же въ 1840 году послѣ профессора Ловецкаго освободилась каѳедра физіологіи, то она предложена была Я. Занявъ ее, Я. въ томъ же году опредѣлился главнымъ врачемъ больницы графа Шереметева въ Москвѣ. Назначенный снова въ 1842 году въ ученые секретари академіи, онъ, два года спустя, былъ избранъ въ академики и въ томъ же 1844 году оставленъ по академіи за штатомъ. Должность же главнаго врача больницы гр. Шереметева онъ занималъ до самой своей смерти. Я. Умеръ въ Москвѣ 5-го августа 1848 года, на 47 году отъ рожденія.

Л. Θ. Змѣевъ, «Русскіе врачи—писатели», вып. I (Спб., 1886 г.), тетр. 2, стр. 180.—«Медицинскій Списокъ» на 1840 г., стр. 391; на 1845 г., стр. 432. *Е. Я.*

Ясинскій, *Осипъ*, докторъ философіи и медицины Виленскаго университета, изъ служилыхъ польскихъ врачей. Выдержавъ экзаменъ при Литовской вра-

чебной управѣ, Я. получилъ степень доктора медицины (14-го января 1799 года), а вмѣстѣ съ тѣмъ и право практики въ Россіи. Нѣкоторое время онъ былъ домовымъ врачемъ у повгородъ-волынскаго воеводы Осипа Обуховича. Умеръ Я. 22-го сентября 1833 года. Имъ была издана «Antropologja czyli o własnościach człowieka fizycznych i moralnych w roku 1810 krótko zebrana i ułożona» (Wilno, 1818).

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» (С.-Петерб., 1883 годъ, стр. CCCLXIV.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2-я, стр. 180.

Ясинскій, *Родіонъ Адамовичъ*, стат. сов., докторъ медицины Московской медико-хирургической академіи, родился въ 1796 году и происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи Екатеринославской духовной семинаріи онъ былъ принятъ въ 1818 году въ число казенныхъ воспитанниковъ Московской медико-хирургической академіи, курсъ которой онъ окончилъ въ 1822 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія съ серебряной медалью. Назначенный въ томъ же году въ лейбъ-гвардіи 2-ю артиллерійскую бригаду, Я. въ 1824 г. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію, а въ слѣдующемъ году получилъ степень штабъ-лѣкаря. Прослуживъ до 1827 года въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, онъ затѣмъ около года занималъ должность старшаго лѣкаря 2-й гвардейской артиллерійской бригады, а потомъ до 1832 года ту же должность въ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Состоя съ 1832—1840 г. инспекторомъ Московской медико-хирургической академіи, Я., сверхъ того, занималъ тамъ-же и должность библіотекаря, при чемъ въ 1837 году получилъ степень медико-хирурга, а въ слѣдующемъ году безъ экзамена—степень доктора медицины. Въ 1841 году онъ былъ назначенъ старшимъ докторомъ Ставропольскаго военнаго госпиталя, а въ 1850 году перешелъ на должность старшаго доктора Черноморской кавказской линіи. Назначенный въ 1852 году главнымъ докторомъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, Я. тамъ оставался до самой своей смерти. Скончался онъ въ 1853 году, отъ воспаленія печени, на 58 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I (Спб., 1886 г.), тетрадь II, стр. 180.— «M. Z. R.», 1853 г., 264. *Е. Я.*

Ясинскій, *Яковъ*, докторъ медицины, хирургіи и акушерства, родился въ 1791 г. Послѣ окончанія лицея и университета въ Варшавѣ Я. отправился за границу и изучалъ медицину въ Берлинѣ и Вѣнѣ, по возвращеніи откуда получилъ званіе доктора медицины, хирургіи и акушерства въ 1816—17 г. Я. былъ докторомъ въ Липновскомъ уѣздѣ. Въ 1823 г. онъ получилъ потомственное дворянство за ревностное лѣченіе бѣдныхъ больныхъ и заслуги въ дѣлѣ врачеванія. Въ 1830—31 г. Я. состоялъ врачемъ въ больницѣ св. Лазаря, а въ концѣ 1831 г. былъ назначенъ врачемъ города Варшавы. Умеръ Я. въ 1855 г. Изъ сочиненій его, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ и помѣщенныхъ въ медицинскомъ журналѣ доктора Лео въ Варшавѣ, а впослѣдствіи переведеныхъ на польскій языкъ и напечатанныхъ въ «Pamiętniku lekarskim warszawskim» доктора Мальча, извѣстны слѣдующіе: «Geschiechte der Ausziehung zweier Backen und zweier Scheidezähne aus der Mutterscheide» (та же самая статья была перепечатана въ журналѣ Графа и Вальтера: «Journal der Chirurgie», т. 13, 1829 г.); «Beschreibung der Ausrottung einer Speckgeschwulst aus der linken seite des Bauches, welche vier und ein halbes Pfund wog» (переведена на французскій языкъ въ журналѣ «Archiv. general. de Medicine», т. 23, 1830 г.); «Heilung eines chronischen Trismusnus mit Verhartung der Muskeln» (напеч. у Гуфеланда «Journal der Heilkunde, т. 16); «Wiadomość o cholerze w mieście Warczawie od d. 2 Czerwca do 9 Pazdziernika 1837 г.» (напеч. въ Pamiętniku towarzystwa lekarskiego warszawskiego», т. 1) и «Wielka choroba epilepsia leczona przez Indygo» (тамъ же, т. 2).

«Encyklopedyja Powszechna», т. 13, стр. 130, Варшава, 1863 г. *А. Г—ъ.*

Ясинскій, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, врачъ, родился въ 1827 году въ семьѣ церковнаго причетника. Среднее образованіе Я. получилъ въ духовной семинаріи, изъ которой въ 1849 году поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Петербургской медико-хирургической академіи. По окончаніи въ 1853 году академіи онъ былъ назначенъ лѣкаремъ въ Финляндскій № 11 линейный баталіонъ; въ слѣдующемъ году переведенъ въ Могилевскій, а въ 1855 г.—въ Новгородскій пѣхотный

полкъ; въ послѣднемъ онъ прослужилъ до 1857 года, когда былъ назначенъ ординаторомъ I-го военно-сухопутнаго госпиталя. Въ 1861 г. Я. перевелся въ Курскій уланскій полкъ, затѣмъ служилъ старшимъ лѣкаремъ въ резервномъ кавалерійскомъ и Моршанскомъ пѣхотномъ полкахъ. Скончался Я. въ 1868 году, на 42 году отъ рожденія. Имъ была написана статья: «Пятикратное выпущеніе жидкости при ascites», напечатанная въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», 1860 г., ч. 77, отд. II.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетрадь II (Спб., 1886 г.), стр. 181.— «Военно-Медицинскій Журналъ», 1868 г., ноябрь, стр. 28. *Е. Я.*

Ясновскій, *Даніилъ Емельяновичъ*, кол. сов., третій директоръ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, родился въ селѣ Чеплѣевкѣ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, между 1767 — 1769 годами. Отецъ его былъ протоіереемъ, дворяниномъ и помѣщикомъ небольшого населеннаго имѣнія. По обычаю всѣхъ достаточныхъ малороссіянъ того времени, Я. воспитывался въ Кіевской духовной академіи. Отличаясь необыкновенною памятью и замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, онъ, будучи 16-ти лѣтнимъ юношею, зналъ наизусть всѣхъ латинскихъ классиковъ и въ особенности любилъ Виргилія. Курсъ въ академіи онъ кончилъ 18-ти лѣтъ. Незадолго передъ выпускомъ одинъ нечаянный случай указалъ ему родъ его будущей жизни и службы. Онъ квартировалъ тогда у одной доброй старушки, которая любила его, какъ сына, и не разъ предостерегала и спасала его отъ юношескихъ увлеченій. Видя, что Я., приготовляясь къ окончательному экзамену, очень похудѣлъ отъ постоянныхъ занятій, она уговаривала его бросить ученье, при этомъ старалась доказать, что науки ему не нужны, такъ какъ по молодости его сразу не посвятятъ въ священники, и ему придется искать мѣста. Я., никогда не думавшій о выборѣ занятій, задумался надъ этимъ, сказавъ хозяйкѣ при этомъ въ видѣ шутки—«Я пойду къ фельдмаршалу Задунайскому и буду у него адъютантомъ». Такъ и случилось. По окончаніи академіи Я. поступилъ сначала на службу въ канцелярію Новгородъ-Сѣверскаго намѣстника прямо протоколистомъ, а потомъ въ скоромъ времени былъ переведенъ въ канцелярію фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ всей Малороссіи. Огромныя познанія Я. въ скоромъ времени обратили на него особенное вниманіе этого образованнаго вельможи, и Я. былъ назначенъ его секретаремъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ подпоручика. Вскорѣ послѣ этого онъ уже былъ генеральсъ-адъютантомъ у фельдмаршала; въ этой должности онъ былъ произведенъ въ чинъ капитана и занималъ ее до самой смерти своего покровителя.

Когда по смерти фельдмаршала три сына его, графы Михаилъ, Сергѣй и Николай Петровичи Румянцевы приступили къ раздѣлу между собой огромнаго имѣнія своего отца, то Я., по приглашенію ихъ, какъ ближе всѣхъ знавшій состояніе дѣлъ покойнаго, былъ при этомъ дѣлежѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Благодаря Я., раздѣлъ былъ произведенъ безъ всякихъ недоразумѣній и ссоръ. За это одинъ изъ графовъ предложилъ своимъ братьямъ поблагодарить Я. за его труды,—и съ общаго согласія было рѣшено подарить ему особую деревню въ 300 душъ крестьянъ, по его выбору. Графъ Сергѣй Петровичъ, кромѣ того, началъ особенно ласково относиться къ Я., перезвалъ его въ Петербургъ и устроилъ ему мѣсто директора банка. Въ скоромъ времени графъ предложилъ ему жениться на одной изъ его побочныхъ дочерей. Сдѣлавшись семьяниномъ, Я., по убѣжденію графа, оставилъ службу и занялся управленіемъ огромныхъ графскихъ имѣній. Однажды великій князь Александръ Павловичъ, бывшій тогда наслѣдникомъ престола, пожелалъ имѣть Я. правителемъ канцеляріи по должности великаго князя какъ Петербургскаго генералъ-губернатора. Но Румянцевъ, боясь потерять столь полезнаго для себя управляющаго, увѣрилъ наслѣдника, что Я. отсталъ отъ службы, что онъ нездоровъ и не хочетъ служить. Вслѣдствіе такого отзыва мѣсто было предоставлено другому, а Я. вскорѣ послѣ этого выѣхалъ изъ Петербурга для осмотра графскихъ имѣній. Въ такомъ занятіи, разъѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ провелъ около 20 лѣтъ. Жена его между тѣмъ умерла, оставивъ четверыхъ дѣтей. Занимаясь дѣлами графа, Я. вовсе не заботился объ устройствѣ своего собственнаго имѣнія и вошелъ въ

неоплатные долги. Въ двадцатыхъ годахъ дворянство Черниговской губ. единодушно избрало его, противъ его желанія, на должность подкомораго (межевого судьи) Кролевецкаго уѣзда, а потомъ на должность генеральнаго судьи (предсѣдателя уголовной палаты)—по тогдашнему—съ титуломъ превосходительства, но безъ всякаго жалованья, и онъ переѣхалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь Я. въ короткое время сдѣлался любимцемъ цѣлаго города, въ особенности же тогдашняго генералъ-губернатора князя Н. Г. Рѣпнина и гражданскаго губернатора А. А. Фролова-Багрѣева, женатаго на единственной дочери М. М. Сперанскаго. Радушно принятый въ этомъ семействѣ, Я. имѣлъ случай познакомиться съ самимъ Сперанскимъ, когда тотъ пріѣзжалъ къ дочери въ Черниговъ. Я. прослужилъ по выборамъ дворянства два трехлѣтія, за что получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году, когда директоръ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко Орлай былъ перемѣщенъ въ Одесскій лицей, графъ А. Г. Кушелевъ-Безбородко лично пригласилъ Я. занять эту должность и опредѣлилъ на нее 4 февраля 1827 года, между тѣмъ какъ Я. явился въ Нѣжинъ только въ концѣ этого года. Директоромъ гимназіи высшихъ наукъ, преобразованной въ лицей кн. Безбородко, Я. пробылъ до 1835 года, когда, согласно прошенію, былъ уволенъ въ отставку. Начальство Кіевскаго учебнаго округа само вызвалось ходатайствовать о выдачѣ ему пенсіи и только требовало, чтобы онъ представилъ свой формулярный списокъ. Но Я. списка не выслалъ и лишился такимъ образомъ пенсіи. Имѣнія его «Разлеты» было продано за долги съ публичнаго торга, и неизвѣстно, чѣмъ-бы онъ сталъ жить, если бы графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ не завѣщалъ ему производить изъ своихъ имѣній пенсію, по пяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно, по день его смерти. Пользуясь этой пенсіей, Я. и дожилъ свой вѣкъ, поселившись въ Нѣжинѣ. Незадолго до своей смерти онъ заболѣлъ рѣдкою болѣзнью, которая называется *fames canina*, и скончался 2-го февраля 1840 года.

«Лицей князя Безбородко», изд, гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, Спб., 1859 года, стр. 79—83. *Н. Стрѣлковскій.*

Яснопольскій, *Павелъ Петровичъ*, врачъ, родился въ 1808 году и происходилъ изъ духовнаго званія. Обучался Я. сначала въ Полтавской, а затѣмъ въ Черниговской духовной семинаріи, медицинское же образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, куда въ 1828 году поступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ. Еще будучи студентомъ, онъ въ 1830 году во время холерной эпидеміи въ Москвѣ былъ командированъ въ московскую холерную больницу, гдѣ и работалъ до прекращенія эпидеміи. Выпущенный изъ университета лѣкаремъ I отдѣленія въ 1832 году, онъ въ томъ же году былъ назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ и тогда же напечаталъ руководство по фармакологіи подъ заглавіемъ: «Новая система фармакологіи по руководству Тенара, Гартмана, Мажанды и другихъ» (М., 1832 г.). Въ слѣдующемъ 1833 году Я. былъ назначенъ ординаторомъ Тифлисскаго военнаго госпиталя. Затѣмъ онъ служилъ въ 43-мъ и Тифлисскомъ егерскихъ полкахъ и въ Абхазскомъ военно-временномъ госпиталѣ. Въ 1837 году состоялось его назначеніе ординаторомъ Астраханскаго военнаго госпиталя, но онъ не пожелалъ туда ѣхать, по поводу чего у него возникли пререканія съ начальствомъ, и въ слѣдующемъ 1838 году онъ былъ уволенъ отъ службы. Скончался Я. до 1854 года, такъ какъ въ «Россійскомъ медицинскомъ спискѣ» подъ этимъ годомъ онъ уже не значится.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I (Спб., 1886 г.), тетрадь 2, стр. 181. *Е. Я.*

Ястребовъ, *Иванъ Степановичъ*, д. с. с., русскій генеральный консулъ, родился въ 1839 г., воспитывался сначала въ Астраханской духовной семинаріи, а потомъ въ Казанской духовной академіи, по окончаніи курса которой со степенью кандидата поступилъ въ 1864 г. въ число воспитанниковъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Окончивъ курсъ въ этомъ отдѣленіи, онъ былъ опредѣленъ сверхштатнымъ студентомъ миссіи въ Константинополѣ; потомъ послѣдовательно занималъ должности секретаря и драгомана консульства въ Скутари и консула въ Призренѣ. Послѣдніе годы онъ занималъ важный постъ генеральнаго консула въ Салоникахъ. Какъ

генеральный консулъ, Я. стоялъ весьма высоко во мнѣніи нашего правительства и принесъ русскому дѣлу на Балканскомъ полуостровѣ большую пользу. Онъ обладалъ большимъ политическимъ тактомъ, умѣлъ ладить съ турками и со славянами и энергически поддерживалъ русскіе интересы, особенно оберегая послѣдніе отъ австрійскихъ интригъ, которыя постигъ въ совершенствѣ. Въ отличіе отъ многихъ русскихъ дипломатовъ, Я. глубоко интересовался бытомъ тѣхъ народностей, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ. Эту задачу въ значительной степени ему облегчало основательное знаніе турецкаго, греческаго, сербскаго и болгарскаго языковъ. Плодомъ этого изученія былъ капитальный его трудъ по славянской этнографіи и литературѣ подъ заглавіемъ: «Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ въ Призренѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дабрѣ» (Спб., 1886 г.), вышедшій спустя три года вторымъ значительно дополненнымъ изданіемъ (Спб., 1889 г.). Это сочиненіе въ свое время произвело сенсацію и вызвало на автора жестокія нападки со стороны болгаръ, которые не мирились съ его безпристрастными выводами о томъ, что значительная часть македонскаго населенія принадлежитъ не къ болгарскому, а къ сербскому племени. Помимо названнаго труда, Я. принадлежитъ еще рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Православномъ Обозрѣніи» подъ заглавіемъ: «Письма изъ Константинополя» (1866 г., кн 7—8; 1867 г., кн. 1). Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Гласникѣ сербскаго ученаго дружества» и въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества», гдѣ помѣстилъ важную статью подъ заглавіемъ: «Католическая архіепископія въ Скоплѣ» (1886 г., №№ 4, 5). Послѣ него осталось много богатыхъ матеріаловъ по описанію Албаніи и по разнымъ вопросамъ славянской этнографіи. Усердная служба его на дипломатическомъ поприщѣ была отличена орденами св. Станислава 2-й ст., св. Анны 2-й ст. и св. Владиміра 3 и 4 ст.; кромѣ того, онъ имѣлъ иностранные ордена и большую золотую медаль «за труды по этнографіи и статистикѣ». Умеръ Я. въ Салоникахъ 8 января 1894 г.

«Церковный Вѣстникъ», 1894 г., №№ 3, 4.—«Новое Время», 1894 г., № 6421.—«Новости», 1894 г., января 13. — «Правительственный Вѣстникъ», 1894 г., № 10.

Ястребцовъ, *Александръ,* переводчикъ, будучи студентомъ, перевелъ съ франц. яз. «Мысли, находки или изображенія темпераментовъ» (Владиміръ, 1799 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, стр. 181.

Ястребцовъ, *Иванъ Ивановичъ*, дѣйствительный членъ Россійской Академіи, педагогъ, родился въ 1776 г. Обучался Я. въ Московской духовной академіи, куда поступилъ въ 1787 г. По окончаніи академическаго курса въ 1798 г. онъ былъ назначенъ учителемъ французскаго языка въ ту же академію, но въ 1805 г. опредѣлился на службу въ Синодъ. Въ 1816 г. Я. поступилъ въ Московскій университетъ, который окончилъ докторантомъ въ 1820 г. Извѣстно, что онъ былъ правителемъ дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Въ 1818 г. президентъ Россійской Академіи А. С. Шишковъ предложилъ Академіи избрать Я. въ дѣйствительные члены ея, при чемъ въ особой запискѣ писалъ, что надворный совѣтникъ Ястребцовъ, окончившій курсъ наукъ въ Московской академіи, упражнялся нѣсколько времени въ преподаваніи наставленій въ россійскомъ краснорѣчіи, что кромѣ многихъ переведенныхъ и изданныхъ имъ книгъ, какъ «Оракулъ новыхъ философовъ», «Критическій разборъ Вольтеровыхъ сочиненій», «Переписка Фридриха II, короля прусскаго, съ Вольтеромъ», «Баронъ Флемингъ, или страсть къ титуламъ», и проч., онъ перевелъ съ французскаго языка весьма полезную книгу: «Избранныя слова Массильона, епископа Клермонскаго, говоренныя въ присутствіи Лудовиковъ XIV и XV, королей французскихъ», за которую удостоился монаршаго благоволенія и награды, состоявшей въ напечатаніи перевода его на счетъ Кабинета и въ пожалованіи ему чина кол. асессора. Этотъ переводъ, по признанію Шишкова, «показалъ въ немъ человѣка, въ краснорѣчіи свѣдующаго и въ языкѣ своемъ искуснаго и опытнаго». Вслѣдствіе этого предложенія Я. былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Академіи. Кромѣ названныхъ переводовъ, Я. принадлежитъ еще переводъ соч. Таулера: «Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Іисуса Христа» (1823 г.). Ему же принадлежатъ слѣдующіе печат-

ные труды: «De functionibus systematis nervei» (диссертація, М., 1825 г.); «Отрывки изъ введенія въ географію и исторію геологическихъ обозрѣній земного шара» («Московскій Телеграфъ», 1829 г., XV, 267; 1831 г., X, 153); «О недѣлимыхъ и органахъ ихъ» (ib., 1830 г., XV, 281); «Объ органахъ души» (М., 1832 г.); «О системѣ наукъ приличной дѣтскому возрасту» («Московскій Телеграфъ»,1832 г., XII, 407—462; разборъ Н. П., ib., XVII, 65; Демидовская половинная премія выдана въ 1833 г.); «О признакѣ совершенства въ изящныхъ искусствахъ, замѣчаніе на мнѣніе С. П. Шевырева» (ib., 1833, XIX, 334; «Объ умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста» (М., 1831 г.) и «Исповѣдь» (1841 г.). Годъ смерти его неизвѣстенъ.

М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII, стр. 467, 468.— *С. Смирновъ*, «Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи», стр. 370.—«Историческій Вѣстникъ», 1880 г., III, 650.—«Воспоминанія В. И. Панаева» («Вѣстникъ Европы», 1867 г., №№ 3, 4).—Энциклопедическій словарь Ефрона, т. 82, стр. 850.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», №№ 609, 634.

Ястржембовскій, *Войцехъ*, родился 19-го апрѣля 1799 г. въ бывшемъ Плоцкомъ воеводствѣ, въ деревнѣ Герваты. Первоначальное образованіе получилъ въ училищѣ въ Плоцкѣ, потомъ въ лицеѣ въ Варшавѣ, а съ 1822 г. началъ посѣщать Варшавскій университетъ по естественному факультету, каковой окончилъ въ 1825 г., получивъ ученую степень магистра философіи. Исполняя обязанности препаратора при физическомъ кабинетѣ, онъ занимался также составленіемъ гербаріевъ для университета и другихъ учебныхъ заведеній, за что въ 1826 г. получилъ письменный похвальный отзывъ отъ совѣта университета. Въ 1828 г. Я. изобрѣлъ аппаратъ для опредѣленія времени въ любомъ мѣстѣ земли и для рѣшенія облегченнымъ способомъ различныхъ астрономическихъ задачъ, за что также получилъ почетный отзывъ отъ государственной комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Въ слѣдующемъ году Я. былъ назначенъ адъюнктомъ при каѳедрѣ естественной исторіи и почти одновременно выбранъ членомъ «Towarzystwa Warszawskijego przyjaciół nauk». Въ 1836 г. онъ получилъ должность профессора зоологіи, ботаники, минералогіи и физики въ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ Маримонтѣ и съ того же времени занялся экономическо-ботаническимъ садомъ при этомъ институтѣ. Я. оказалъ не малую пользу юношеству, сопровождая его ежегодно въ далекихъ пѣшихъ экскурсіяхъ съ научной цѣлью. Вслѣдствіе реорганизаціи сельско-хозяйственнаго института и лѣсничества въ Маримонтѣ въ 1858 г., Я. былъ освобожденъ отъ обязанностей профессора и въ томъ же году назначенъ попечителемъ 3-го уѣзднаго училища въ Варшавѣ. Наконецъ государственная комиссія пригласила его на должность лѣсного комиссара.

Изъ сочиненій Я. извѣстны: «Kompas polski, czyli narzędzie służące za kompas powszechny, gnomonograf, obserwatoryjum przenośne i narzędzie do kreślenia sekcyj konicznych, wynalezione i opisane etc», Варшава, 1843 г.; «Przepowiednie pogody, słoty, wiatru i innych zmian powietrza, wzięte z uważania słońca, chmur, barometru, roślin, robactwa, pająków, ryb, ptastwa, płasów, zwierząt, ludzi i innych t. p. martwych, oraz żyjących rzeczy», Варшава, 1847 г.; Układ swiata zastosowany do potrzeb powszechnych», Варшава, 1847 г.; «Historyja naturalna zastosowana do potrzeb życia praktycznego i do rzeczy krajowych», Варшава, 1848 г., второе изданіе въ 1854 г.; Stychiologija, czyli nauka o początkach wszech rzeczy, zastosowana do potrzeb życia czynnego i do rzeczy krajowych», «Варшава, 1849 г., второе изданіе въ 1856 г., и «Mineralogija, czyli nauka o kamieniach zastosowana do potrzeb ogólnych etc.», Варшава, 1851 г.

Въ 1846 г. на основаніи наблюденій съ 1779—1800 г. г. и съ 1803—1828 г. Я. издалъ «Kartę klimatologiczną» на польскомъ и французскомъ языкахъ, представляющую графически всѣ метеорологическія явленія съ соотвѣтственными описаніями; кромѣ того, онъ оказалъ большую пользу климатологіи Польши обработкой наблюденій, сдѣланныхъ другими лицами; трудъ свой онъ обнародовалъ въ «Biblijotece Warszawskiej» 1841 г., т. 2, 687, подъ заглавіемъ: «Wypadki dostrzeżeń meteorologicznych czynionych w Warszawie blisko przez pół wieku, to jest od 1779 do 1828 r. włącznie, przez Karola Bystrzyckiego, Antoniego Magiera i przez innych, oraz uwagi nad niemi dotyczące

klimatu Polski etc». Помимо перечисленныхъ сочиненій, Я. принадлежитъ рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Encyklopedyja Powszechna (Варшава, 1863 г.), т. 13, стр. 151, 152. *А. Г—ъ.*

Ястржембскій, *Людвигъ - Корвинъ*, польскій археологъ, родился въ 1805 г. на Волыни, образованіе получилъ въ Кременецкомъ лицеѣ, а съ 1831 г., будучи въ Парижѣ, посвятилъ себя археологіи и въ частности палеографіи, слушая съ этой цѣлью нѣсколько лѣтъ лекціи въ королевскомъ училищѣ des Chartres. Послѣ этого Я. путешествовалъ съ научными цѣлями въ теченіе продолжительнаго времени, по возвращеніи же изъ ученыхъ поѣздокъ работалъ въ королевской Парижской библіотекѣ. Къ этому времени относится появленіе его изслѣдованія книги, называвшейся «Texte du Sacre», передъ которой властители Франціи приносили присягу во время коронаціи въ Реймсѣ и которая хранилась при храмѣ съ величайшими почестями. У ученыхъ существовали самыя различныя мнѣнія относительно того, на какомъ языкѣ написана эта рѣдкая книга; одни утверждали, что на сирійскомъ, другіе—на грузинскомъ, греческомъ, армянскомъ, индійскомъ и. т. д. Впервые Петръ I, во время пребыванія въ Парижѣ въ 1717 г., открылъ, что она написана на славянскомъ языкѣ; того же мнѣнія былъ и знаменитый филологъ Карлъ Альтеръ, библіотекарь въ Вѣнѣ, утверждавшій, что первая часть книги написана на славянскомъ языкѣ и что эти книги, вѣроятно, венеціанцы захватили изъ Византійской святыни св. Софіи во время крестовыхъ походовъ; вторая же часть этого евангелія оставалась на столько на неразгаданной загадкой, что еще въ 1837 г. русскій ученый Павелъ Строевъ установилъ тоже самое, что и его предшественники; даже вновь прибывшіе оріенталисты не могли ничего установить относительно незнакомаго имъ текста. При такомъ положеніи вещей министръ народнаго просвѣщенія Франціи поручилъ Я. отправиться въ Реймсъ и окончательно установить, какой народности принадлежатъ двѣ рукописи упомянутаго евангелія, на какомъ языкѣ онѣ написаны, откуда происходятъ и дѣйствительно ли употреблялась эта книга при коронаціонныхъ обрядахъ французскихъ королей. Все изслѣдованіе французское министерство народнаго просвѣщенія приказало напечатать въ «Journal général de l'education publique» 1839 г. Я. установилъ, что первая часть евангелія была написана по-славянски—кириллицей, а вторая—глаголицей; кромѣ того, онъ доказалъ, что это рукопись св. Прокопа, пріора въ Созавскомъ монастырѣ въ Чехіи, оконченная около 1030 г. Чешскіе ученые и различныя нѣмецкія академіи признали правильность многочисленныхъ выводовъ Я., основанныхъ на историческихъ фактахъ. Шесть лѣтъ спустя, уже будучи въ Римѣ, куда онъ отправился въ 1844 г. съ тѣмъ, чтобы въ тамошнихъ богатыхъ библіотекахъ и архивахъ выписывать документы, имѣющіе отношеніе къ польской исторіи, Я. издалъ небольшое сочиненіе относительно своего открытія объ евангеліи подъ названіемъ: «Notice sur le manuscrit de la Bibliotèque de Rheims, connu sous le nom du Texte de Sacre», Римъ, 1845 г. Въ Римѣ, Я., между прочимъ, собиралъ медали и рисунки, разыскивалъ по разнымъ монастырямъ различные историческіе памятники и такимъ образомъ сдѣлалъ много важныхъ открытій для польской исторіи; тамъ же онъ написалъ докладъ на польскомъ языкѣ о введеніи визитокъ въ Польшѣ подъ заглавіемъ: «Polskie Wizytki czyli historyja fundacyi pierwszego klasztoru zakonnic Nawiedzenia Panny Maryi w Warszawie», Римъ, 1849 г., каковая работа еще раньше была напечатана въ I томѣ сочиненія подъ названіемъ: «Portofolio królowej Maryi-Ludwiki», изданнаго въ Познани въ 1844 г. Но такъ какъ въ томъ изданіи было много ошибокъ, иногда извращавшихъ мысль автора, то Я. сдѣлалъ соотвѣтственныя поправки и измѣненія и опубликовалъ его вторично. Кропотливая работа была причиной его частыхъ болѣзней, въ одномъ изъ припадковъ которыхъ онъ въ 1853 г., въ Римѣ, лишилъ себя жизни.

Encyklopedyja Powszchna (Варшава, 1863 г.), т. 13, стр. 153, 154. *А. Г—ъ.*

Ястржембскій, *Николай Феликсовичъ,* полковникъ, инженеръ путей сообщенія, профессоръ институтовъ: путей сообщенія, технологическаго и гражданскихъ инженеровъ, писатель. Родился въ 1808 году въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской

губерніи. Воспитывался сначала дома, а затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ на математическомъ факультетѣ. Окончивъ университетъ въ 1830 году, Я. рѣшилъ посвятить себя инженерной дѣятельности и съ этою цѣлью въ томъ же году поступилъ въ 1-й классъ института корпуса инженеровъ путей сообщенія портупей-прапорщикомъ. Произведенный нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ прапорщики, онъ въ 1832 году окончилъ институтъ съ чиномъ поручика и былъ оставленъ при немъ въ качествѣ репетитора. Въ 1837 году Я. былъ назначенъ помощникомъ профессора по части курса построеній и практической механики и въ то же время былъ приглашенъ читать практическую механику въ технологическомъ институтѣ, математику въ бывшемъ училищѣ гражданскихъ инженеровъ и механику во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Около этого же времени онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ «Журнала Путей Сообщенія», въ которомъ въ 1835 году дебютировалъ своей статьей: «Вліяніе способа прикрѣпленія цѣпей на сопротивленіе устоевъ висячихъ мостовъ», а затѣмъ помѣстилъ цѣлый рядъ другихъ научныхъ статей и переводовъ, какъ-то: «Описаніе динамометрическаго нажима, употребляемаго для измѣненія количества дѣйствія, принимаемаго круговращающимися частями машинъ» («Ж. П. С.», 1836 г.), «Общая теорія движенія машинъ» (тамъ-же, 1838 г.), «Выводы изъ опытовъ надъ треніемъ, произведенныхъ Мореномъ» (тамъ-же, 1839 г.), «Записка о чугунныхъ шлюзныхъ воротахъ, устроенныхъ на Бокерскомъ каналѣ въ Южной Франціи инженеромъ Эмилемъ Мартеномъ» (переводъ съ французскаго, тамъ-же, 1837 г.), «О начертаніи веріальныхъ выкружій въ шлюзахъ» (переводъ съ французскаго, тамъ-же, 1837 г.), «О построеніи мостовыхъ арокъ изъ чугуна» (тамъ-же, 1840 г.), «О висячихъ мостахъ» (тамъ-же), «Формулы, служащія для рѣшенія разнаго рода вопросовъ изъ гидравлики Сенъ-Гилема» (переводъ съ французскаго, тамъ-же), и др. Къ этому же времени относится и составленіе его «Курса практической механики» (Спб., 1838 г., 2 тома), за который Я. въ 1839 году С.-Петербургской Академіей Наукъ былъ удостоенъ Демидовской преміи. Учено-литературные труды Я. обратили на него вниманіе главноуправляющаго путями сообщенія, который неоднократно возлагалъ на него особыя порученія и выражалъ ему свою благодарность. Назначенный въ 1843 году секретаремъ конференціи института путей сообщенія и помощникомъ редактора «Журнала Путей Сообщенія», Я. въ слѣдующемъ году, сверхъ того, былъ назначенъ профессоромъ механики и составленія заводскихъ проектовъ, а также членомъ комитета для составленія строительнаго устава. Кромѣ того, въ томъ же году ему поручено было составить для института курсъ о мастерствахъ и атласъ чертежей образцовыхъ механическихъ устройствъ. Участіе Я. въ «Журналѣ Путей Сообщенія» въ этотъ періодъ времени, кромѣ редакторской работы, выразилось еще въ напечатаніи цѣлаго ряда статей: «Обзоръ трехъ системъ американскихъ мостовъ: мостъ на р. Ящерѣ, близъ с. Долговки. Деревянный висячій мостъ на р. Вепржѣ», «Устройство и употребленіе водолазнаго колокола», «Усовершенствованные динамометрическіе приборы», «Краткое обозрѣніе постепеннаго развитія механики въ древнія и новѣйшія времена» и др. Въ это же время было составлено имъ и руководство «Начальныя основанія общей и прикладной механики», соотвѣтственно курсу института путей сообщенія и строительнаго училища (теперь института гражданскихъ инженеровъ). На изданіе этого руководства императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Я. въ 1846 году 2000 рублей. Послѣ 15-ти-лѣтней службы при институтѣ путей сообщенія Я. оставилъ его и въ 1848 году былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія XI (Могилевскаго) округа путей сообщенія. Прослуживъ въ Могилевскомъ округѣ четырнадцать лѣтъ, сначала начальникомъ отдѣленія, а затѣмъ съ 1857 года членомъ общаго присутствія правленія, онъ въ октябрѣ 1862 года былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ костромской губернской строительной и дорожной коммиссіи, но вскорѣ, въ февралѣ слѣдующаго года, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Во время службы Я. въ Могилевѣ подъ его руководствомъ было устроено кіевское шоссе до Могилева и отъ Могилева до Бобруйска, проведено шоссе отъ Могилева до Довска и перестроена Бобруйская плотина. Кромѣ того, имъ были выработаны проекты мостовъ черезъ р. Западную Двину въ г. Витебскѣ и черезъ р. Днѣпръ въ г. Могилевѣ и построена въ

Могилевѣ прекрасная паровая мукомольня. Выйдя въ отставку, Я. поселился въ Могилевѣ, гдѣ продолжалъ завѣдывать вышеупомянутой мукомольней, а также работать надъ новымъ своимъ трудомъ: «Главныя основанія двойной бухгалтеріи», изданнымъ имъ незадолго до смерти, и надъ своими «Записками», которыя представляютъ большой интересъ, но, къ сожалѣнію, еще нигдѣ не напечатаны.

Я. безусловно обладалъ крупнымъ литературнымъ талантомъ. Это доказывается хотя-бы слѣдующимъ эпизодомъ изъ его жизни. Еще во время своей преподавательской дѣятельности во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ онъ познакомился и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Я. Прокоповичемъ—другомъ Гоголя. Будучи страстнымъ поклонникомъ литературнаго таланта Гоголя, Я., однако, очень негодовалъ на него за «Переписку съ друзьями» и за 2-ю часть «Мертвыхъ душъ», списокъ которой ему былъ данъ Прокоповичемъ въ сороковыхъ годахъ. Затѣмъ, служа уже въ Могилевѣ, Я. познакомился съ тогдашнимъ могилевскимъ директоромъ училищъ М. М. Богоявленскимъ, также страстнымъ поклонникомъ Гоголя. Однажды, желая подшутить надъ М. М., Я. сообщилъ ему, что у него есть передѣлка 3-хъ главъ 2-й части «Мертвыхъ душъ», гораздо удачнѣе произведенія Гоголя, и что М. М. не узнаетъ, Гоголь ли это писалъ, или кто другой. Затѣмъ Я. доставилъ Богоявленскому лично имъ передѣланныя первыя 3 главы 2-й части «Мертвыхъ душъ», умолчавъ, кто авторъ этихъ варіантовъ. Богоявленскій же рѣшилъ, «что это не поддѣлка подъ Гоголя, а самъ Гоголь», снялъ съ рукописи копію и въ 1872 году напечаталъ ее въ «Русской Старинѣ». Никто сразу не замѣтилъ поддѣлки. Даже такіе крупные современные критики, какъ Чижевъ, признавали напечатанные варіанты произведеніемъ Гоголя, написаннымъ имъ послѣ извѣстнаго къ нему письма Бѣлинскаго. Тогда Я., не считая допустимымъ вводить въ заблужденіе публику (давая М. М. Богоявленскому переписать варіанты, онъ взялъ съ него слово, что они не будутъ напечатаны), заявилъ на страницахъ «Русской Старины» и «Петербургскихъ Вѣдомостей», что авторъ вышеназванныхъ варіантовъ не Гоголь, а онъ; но однако ему не сразу повѣрили, такъ что справедливость своего заявленія ему пришлось даже доказывать. Я. скончался въ Могилевѣ въ 1874 году, на 67 году отъ рожденія и тамъ же похороненъ.

С. Житковъ, «Біографіи инженеровъ путей сообщенія», вып. I Спб., 1889 г., стр. 113—116.—*Его-же*, «Институтъ инженеровъ путей сообщенія», Спб., 1899 г., стр. 71.—«Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I», Спб., 1883 г., стр. 88.—«Русская Старина», 1872 г., январь (напечатаны варіанты 2-й части «Мертвыхъ душъ»); 1873 г., іюль, стр. 244—252 и декабрь, стр. 940 и 952 (разъясненія по поводу варіантовъ). — «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1873 г., № 184 (письмо Н. Ф. Ястржембскаго). *Е. Я.*

Ястржемскій, *Иванъ Андреевичъ*, врачъ-статистикъ, ординаторъ херсонской земской больницы, писатель, родился въ 1837 году. Медицинское образованіе получилъ въ Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра, изъ котораго былъ выпущенъ въ 1861 году со званіемъ лѣкаря. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто врача при больницѣ въ имѣніи графа Платера, Кіевской губерніи, гдѣ прослужилъ почти десять лѣтъ. Перейдя въ 1871 году на земскую службу въ Херсонскую губернію, Я. былъ назначенъ завѣдующимъ земской больницей въ городѣ Бобринцѣ, Елисаветградскаго уѣзда. Доброта, отзывчивость и всегдашняя готовность ѣхать къ больному по первому зову создали ему широкую популярность среди населенія его участка, въ которомъ онъ проработалъ одиннадцать лѣтъ. Назначенный въ 1882 году врачемъ-статистикомъ при херсонской губернской земской управѣ и преподавателемъ херсонской земской фельдшерской школы, Я. переѣхалъ въ Херсонъ и почти совершенно оставилъ практику, отдавшись всецѣло работамъ по медицинской статистикѣ Херсонской губерніи. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онъ напечаталъ двѣ своихъ работы: «Опытъ статистики движенія населенія Херсонской губерніи» (въ 2 томахъ—по уѣздамъ Херсонскому и Одесскому) и «Обзоръ санитарнаго состоянія Херсонской губерніи въ 1883 и 1884 гг. (2 книги). Кромѣ того, онъ приготовилъ къ печати нѣсколько другихъ своихъ работъ, но совершенно закончить ихъ ему не удалось. Разстроенное здоровье выпудило его лѣтомъ 1885 году поѣхать лѣчиться за границу, но вернуться ему уже не было суждено. Онъ скончался 22-го іюля

того же 1885 года въ австрійской Галиціи отъ легочнаго кровотеченія, на 49 году отъ рожденія. Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ, Я. сотрудничалъ въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ», гдѣ напечаталъ нѣсколько своихъ статей: «Общая подкожная эмфизема» («Мед. В.», 1873 г.) и другія.

«Врачъ», 1885 г., №№ 36, 49.—«Русская Медицина», № 32.—*Л. Ѳ. Змѣевъ*, «Русскіе врачи-писатели», вып. II, СПб., 1889 годъ, тетр. 5, стр. 219. *Е. Я.*

Ясюковичъ, *Михаилъ Игнатьевичъ,* инженеръ, строитель мостовъ, родился въ 1841 г.; воспитывался Я. въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія и блестяще окончилъ курсъ въ 1859 г. съ чиномъ поручика, будучи занесенъ, какъ «отличнѣйшій» на мраморную доску. Посвятивъ всю свою жизнь чисто практической дѣятельности, Я. вмѣстѣ съ тѣмъ до 1879 г., въ теченіе 20 лѣтъ, состоялъ при главномъ управленіи путей сообщенія, а впослѣдствіи сверхштатнымъ инженеромъ при министерствѣ. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ въ распоряженіе правленія XII округа, а затѣмъ уволенъ въ главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; въ томъ-же году Я. принималъ участіе въ изысканіяхъ по сооруженію тоннеля близъ Ковно для Варшавской желѣзной дороги. Въ 1861 и 62 г.г. онъ вмѣстѣ съ инженеромъ Перро производилъ изысканія Сибирской желѣзной дороги между Пермью и Тюменью, а въ 1865 г.—завѣдывалъ 2-ой дистанціей I отдѣленія на Московско-Орловской желѣзной дорогѣ и награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 3-й ст. Въ 1867 г. Я. участвовалъ при постройкѣ земской желѣзной дороги отъ Козлова до Воронежа и въ слѣдующемъ 1868 г. былъ награжденъ орд. св. Анны 3-й ст. и уволенъ къ работамъ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги. Въ 1867 г. корпусъ инженеровъ путей сообщенія былъ преобразованъ изъ военнаго въ гражданскій, и Я. былъ переименованъ въ титулярные совѣтники. Въ 1870 г. онъ принималъ участіе при постройкѣ Воронежско-Ростовской жел. дороги и за успѣшное устройство этой дороги пожалованъ былъ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1873 г. Я. былъ произведенъ въ коллежскіе асессоры, въ 1875 г. уволенъ въ общество Орлово-Грязской жел. дороги и въ 1878 г. причисленъ къ министерству путей сообщенія на одинъ годъ. Въ 1879 г. онъ былъ уволенъ со службы по прошенію. Я. былъ однимъ изъ выдающихся строителей большихъ мостовъ у насъ въ Россіи. Проекты его для мостовъ черезъ Москву рѣку и черезъ Оку у Серпухова, удостоены были первой преміи и оба моста построены хотя и не имъ, но по его чертежамъ. Въ качествѣ контрагента, Я. завѣдывалъ также и работами на обходѣ Веребьинскаго подъема, съ мостомъ черезъ Мсту и трубой для рѣки Веребьи, и постройкою моста черезъ Вислу; въ послѣднее время онъ завѣдывалъ постройкой моста черезъ Волгу у Твери. Имъ-же былъ выработанъ и введенъ въ практику новый упрощенный практическій расчетъ желѣзныхъ мостовъ, но, по излишней скромности, онъ нечего не сообщалъ о своихъ трудахъ въ техническіе журналы. Умеръ Я. 14 іюля 1887 г.

Архивъ министерства путей сообщенія.—«Новое Время», 1887 г., № 4059.

Ясюковичъ, *Осипъ*, ст. сов., докторъ медицины, родился въ 1800 году. Медицинское образованіе Я. получилъ въ Виленскомъ университетѣ, откуда былъ выпущенъ лѣкаремъ I отдѣленія. Въ апрѣлѣ 1824 года онъ получилъ степень магистра медицины и тогда же сталъ держать экзаменъ на доктора. Защитивъ 30 іюня 1824 года диссертацію подъ заглавіемъ: «De cerebri commotione», онъ получилъ степень доктора медицины и отправился на мѣсто своего служенія, будучи еще ранѣе назначенъ уѣзднымъ врачемъ Динабургскаго (теперь Двинскаго) уѣзда, Витебской губерніи. Въ Динабургѣ Я. прослужилъ тридцать лѣтъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 28 мая 1854 года. Кромѣ диссертаціи, ему принадлежитъ еще напечатанная въ «Военно-Медицинскомъ журналѣ» (1825 г., ч. V) статья подъ заглавіемъ: «Эпидемическая рафанія».

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, Спб., 1886 г., тетрадь 2, стр. 181.
Е. Я.

Яфимовичъ, *Владиміръ Матвѣевичъ*, ген.-отъ-арт., генералъ-адъютантъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, родился 20 ноября 1809 года и происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. По окончаніи домашняго воспитанія онъ поступилъ фейерверкеромъ

4 класса въ артиллерійское (нынѣ Михайловское) училище (10 февраля 1823 года). Четыре года спустя, онъ былъ произведенъ въ прапорщики, назначенъ въ 9-ю артиллерійскую роту и оставленъ при училищѣ для продолженія высшаго курса, по окончаніи котораго былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи 1-ю артиллерійскую бригаду. Съ нею Я. принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа 1831 года и за храбрость, выказанную при штурмѣ передовыхъ укрѣпленій г. Варшавы, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Назначенный въ 1833 г. адъютантомъ къ начальнику артиллеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-лейтенанту Козлянинову, Я. при немъ состоялъ около семи лѣтъ, при чемъ неоднократно участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ, за которыя въ 1836 году получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, а въ 1838 году произведенъ былъ въ капитаны. Три года спустя, онъ былъ назначенъ командиромъ батарейной № 1 батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, съ оставленіемъ въ спискахъ гвардейской артиллеріи. Въ томъ-же году за храбрость и распорядительность, выказанныя въ дѣлѣ подъ ауломъ Черкеемъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ Императорскою короною. Произведенный 22 августа 1842 года въ полковники, Я. былъ отчисленъ отъ гвардіи и черезъ два года назначенъ командиромъ 18-й артиллерійской бригады; этою бригадою онъ командовалъ въ теченіе десяти лѣтъ и въ это время былъ произведенъ (6 декабря 1851 года) въ генералъ-маіоры и награжденъ за 25-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ орденами св. Георгія 4-й степени (1852 г.) и св. Станислава 1 степени (1853 г.) Затѣмъ Я. около года состоялъ для особыхъ порученій въ штабѣ инспектора всей артиллеріи, послѣ чего, 8 декабря 1855 года, былъ назначенъ инспекторомъ пороховыхъ заводовъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ мечами, а 30 августа 1860 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Занимая должность инспектора заводовъ болѣе двадцати лѣтъ, Я., помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, многократно участвовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ и исполнялъ особыя возлагавшіяся на него Высочайшія порученія по инспекціи войскъ. Его труды на этомъ поприщѣ были отмѣчены слѣдующими наградами—орденами: св. Владиміра 2-й степени (1862 г.), Бѣлаго Орла (1864 г.), особымъ знакомъ за участіе въ составленіи, разсмотрѣніи и введеніи въ дѣйствіе положенія объ освобожденіи отъ обязательнаго труда и устройство быта поселянъ Охтенскихъ пороховыхъ заводовъ (1869 г.), орденомъ св. Александра Невскаго (1870 г.) и брильянтовыми знаками того же ордена. Кромѣ того, 5 іюля 1869 года онъ былъ назначенъ еще генералъ-адъютантомъ съ оставленіемъ въ должности инспектора. Съ производствомъ 11 февраля 1877 года въ генералъ-отъ-артиллеріи онъ былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и въ этомъ комитетѣ оставался до самой своей смерти. Послѣднею наградою его былъ орденъ св. Владиміра 1 степени, полученный имъ 30 августа 1883 года. Я. скончался въ Петербургѣ 13 января 1888 года отъ паралича сердца и погребенъ на Воскресенскомъ кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Полный послужной списокъ. Дѣло 1888 г., 6 отдѣленія, 4 стола, № 112.—«Русскій Календарь» на 1889 г.—«Всеобщій Календарь» на 1889 г.—«Русскій Инвалидъ», 1888 г., № 15.—«Новое Время», 1888 г., № 4267.—«Правительственный Вѣстникъ», 1888 г., № 13.

Е. Ястребцевъ.

Яфимовичъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, ген.-лейт., родился въ 1804 году и происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Пожалованный пажемъ 7 февраля 1817 года, онъ лишь 12 марта 1820 года поступилъ въ пажескій Е. И. В. корпусъ, по окончаніи котораго и былъ произведенъ (13 апрѣля 1825 года) въ прапорщики, съ назначеніемъ въ Московскій пѣхотный полкъ. Въ 1828 г. Я. былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, а въ слѣдующемъ году, 20 августа—въ Бѣлозерскій пѣхотный полкъ и назначенъ бригаднымъ адъютантомъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Въ этой должности онъ принялъ участіе въ подавленіи перваго польскаго возстанія и за отличія, выказанныя при штурмѣ Варшавы, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Переведенный снова 6 декабря 1833 года въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, Я. въ слѣдующемъ году былъ назначенъ адъю-

тантомъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири. Затѣмъ съ 4 августа 1836 года по 17 апрѣля 1838 года онъ состоялъ адъютантомъ при генералъ-адъютантѣ Бистромѣ, а съ 17 апрѣля 1838 года—при генералъ-адъютантѣ Ушаковѣ. Произведенный 6 декабря 1842 года въ капитаны, онъ вскорѣ былъ прикомандированъ къ штабу Е. И. В. главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами для исправленія должности помощника начальника отдѣленія, а по производствѣ 18 іюня 1847 года въ полковники былъ назначенъ состоять при штабѣ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Въ 1851 году за 25-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ Я. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и въ томъ же году былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ вышеупомянутаго штаба; съ производствомъ-же 17 апрѣля 1854 года въ генералъ-маіоры онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность дежурнаго генерала штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Вслѣдъ затѣмъ Я. былъ назначенъ и въ свиту Е. И. В. съ утвержденіемъ въ должности дежурнаго генерала, а въ 1856 году ему былъ пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени съ мечами. Произведенный 30 августа 1861 года въ генералъ-лейтенанты, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, онъ при этомъ министерствѣ оставался до самой своей смерти. Послѣдней его наградой былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный имъ незадолго до смерти. Я. скончался 20 марта 1872 года.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Полный формулярный списокъ за № 41 въ кн. «Формулярные списки 1865 г., № 42»—*Фрейманъ*, «Пажи за 185 лѣтъ», стр. 252.

Е. Ястребцевъ.

Яфимовичъ, *Николай Матвѣевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи, родился въ 1805 году. Воспитаніе Я. получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, по окончаніи котораго (20-го апрѣля 1823 г.) былъ произведенъ въ прапорщики и назначенъ въ легкую № 3 гвардейскую конную артиллерію, въ которой прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. За это время онъ участвовалъ въ Польской кампаніи 1831 г. и за штурмъ г. Варшавы получилъ ордена св. Анны 4-й степени, св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ и св. Владиміра 4-й степени. Въ 1835 году Я. былъ произведенъ въ полковники, а спустя три года назначенъ командиромъ 6-й конно-артиллерійской бригады. Въ 1843 году онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и получилъ прусскій орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ слѣдующемъ году орденъ св. Георгія 4-й степени. Дальнѣйшая служба его протекала такъ: въ 1848 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Е. И. В. и съ зачисленіемъ по полевой конной артиллеріи; въ 1856 году—произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1862 г.—въ генералъ-отъ-инфантеріи. Кромѣ перечисленныхъ орденовъ, онъ имѣлъ высшіе ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно. Скончался Я. въ 1874 г.

«Голосъ», 1874 г., № 270. — «Русскій Инвалидъ», 1874 г.—«Ежегодникъ Русской арміи», 1875 г.—*Фрейманъ*, «Пажи за 185 лѣтъ», стр. 244. *Ястребцевъ.*

Яхимовичъ, *Иванъ*, докторъ медицины, родомъ изъ Бѣлича въ Галиціи. Степень доктора медицины получилъ въ Вѣнѣ (въ 1820 году) за защиту диссертаціи на тему: «De lactatione physiologice considerata» (Vindobon, 1820 г.). Пріѣхавъ съ русскимъ семействомъ въ Россію, онъ по экзамену при Харьковскомъ университетѣ (17-го апрѣля 1824 года) утвержденъ былъ въ званіи доктора медицины. Съ 1843 до 1848 г. онъ служилъ старшимъ врачемъ при Брацлавскомъ, Подольской губ., окружномъ управленіи министерства государственныхъ имуществъ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 г., тетрадь 2-ая, стр. 181).

Яхонтовъ, *Александръ Андреевичъ*, сенаторъ, д. т. с., родился въ 1786 г. и происходилъ изъ дворянъ Псковской губ. По окончаніи Пажескаго корпуса Я. въ 1802 г. былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, а 4 іюля 1804 г. произведенъ въ поручики. Служа въ кавалергардахъ до 1811 г., онъ совершилъ съ ними походы 1805 и 1806—1807 г.г., участвовалъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. Въ 1809 г. Я. былъ произведенъ въ ротмистры, а въ 1811 г. по болѣзни вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Послѣ вторженія Наполеона въ предѣлы Россіи (1812 г.) Я.

вновь поступилъ на службу полковникомъ въ Петербургское ополченіе и былъ назначенъ шефомъ волонтернаго полка его имени и, состоя въ авангардѣ корпуса маркиза Паулуччи, участвовалъ въ изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи. Съ этимъ же полкомъ Я. былъ въ походѣ конца 1812 г., находясь въ авангардныхъ дѣлахъ при Мелаукенѣ, Лаузенкрузѣ и при занятіи Кенигсберга, при чемъ за послѣднее былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. Далѣе Я. находился въ дѣлахъ съ непріятелемъ при Розенбергѣ, Ламенау и при преслѣдованіи французовъ до крѣпости Данцига, а затѣмъ съ 6 января по 3 мая состоялъ въ отрядѣ Левиза, предназначенномъ для блокады Данцига. За участіе въ обложеніи этой крѣпости онъ былъ награжденъ прусскимъ орденомъ «pour le mérite». Съ 3-го мая Я. дѣйствовалъ въ партизанскихъ отрядахъ, участвуя въ дѣлѣ при Кенигсвартѣ и въ сраженіи при Бауценѣ, а послѣ пораженія союзныхъ армій подъ Бауценомъ и отступленіи ихъ на Горлицъ и Швейдницъ онъ находился сначала въ арьергардѣ, прикрывавшемъ отступленіе нашихъ войскъ, а затѣмъ до Пойшвицкаго перемирія дѣйствовалъ весьма удачно съ партизанами въ тылу непріятельской арміи; за участіе въ этихъ дѣйствіяхъ онъ удостоился получить Монаршее благоволеніе. Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій Я. находился въ сѣверной арміи кронпринца шведскаго. За отличіе, оказанное въ сраженіяхъ при Гроссъ-Беренѣ и Денневицѣ и при преслѣдованіи французовъ до крѣпости Торгау, Я. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст., а за взятіе 4-хъ орудій въ сраженіи подъ Лейпцигомъ удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ этомъ сраженіи онъ былъ раненъ въ правый бокъ картечью и въ правую руку гранатнымъ осколкомъ.

Кампанію 1814 г. Я. сдѣлалъ, также командуя волонтернымъ полкомъ, участвовалъ въ дѣлахъ у Арсисъ-сюръ-Объ, при Сенъ-Дизье (за отличіе въ которомъ награжденъ золотою саблею), при Витри и во взятіи Парижа. За участіе въ войнѣ за освобожденіе Германіи, кромѣ золотой сабли, онъ получилъ гессенъ-кассельскій орденъ «за военныя заслуги». Въ 1815 г., когда волонтерный полкъ, которымъ командовалъ Я., былъ распущенъ, онъ опредѣленъ былъ состоять по кавалеріи, а въ 1820 г. назначенъ командиромъ Тираспольскаго конно-егерскаго полка. Въ 1824 г. Я. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи, а въ 1827 г. былъ переведенъ командиромъ 1-й бригады 2-й кирасирской дивизіи и удостоенъ ордена св. Анны 1-й ст. (1829 г.). Съ этою бригадою Я. участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа (1831 г.), командуя отдѣльнымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ Августовскомъ воеводствѣ, съ цѣлью уничтожить сильныя партіи мятежниковъ подъ предводительствомъ кн. Мирскаго. Въ короткое время Я. удалось водворить спокойствіе и безопасность въ этомъ краѣ. Въ 1832 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 3-й кирасирской дивизіи и награжденъ Импер. короною на орденъ св. Анны 1-й ст. Произведенный въ слѣдующемъ 1833 г. въ генералъ-лейтенанты, онъ въ 1835 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст., а въ 1842 г. былъ назначенъ состоять по кавалеріи, съ отчисленіемъ отъ должности. Въ слѣдующемъ 1843 году состоялось назначеніе его предсѣдателемъ коммиссіи военнаго суда при Московскомъ ордонансъ-гаузѣ; въ 1849 г. онъ получилъ орденъ Бѣлаго орла, а въ 1855 г. былъ назначенъ сенаторомъ во II-е отдѣленіе 6-го департамента Сената въ Москвѣ и въ 1861 г. переименованъ въ д. т. совѣтники. Скончался Я. въ Москвѣ 20 іюня 1862 г. и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Фонъ-Фрейманъ, «Пажи за 185 лѣтъ», стр. 134.—«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1801—1826)», стр. 92—94.—Формулярный списокъ о службѣ сенатора ген.-л. Яхонтова (хранится въ Импер. Рус. Истор. Общ.).

Яхонтовъ, *Александръ Николаевичъ*, даровитый русскій поэтъ и переводчикъ, земскій дѣятель и одинъ изъ малозамѣтныхъ, но полезныхъ работниковъ въ области народного просвѣщенія, родился въ 1820 г. въ Петербургѣ; дѣтскіе годы провелъ въ родовомъ имѣніи, селѣ Компѣ (близъ Пскова); тамъ въ 1825 г. ему, пятилѣтнему мальчику, пришлось видѣть Пушкина, который въ это время жилъ въ селѣ Михайловскомъ, и прочесть передъ нимъ нѣсколько стихотвореній, принадлежащихъ перу великаго поэта. Получивъ

подъ руководствомъ домашнихъ учителей элементарныя познанія въ грамотѣ, Я. одиннадцати лѣтъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ число воспитанниковъ Благороднаго пансіона (нынѣ 1-я гимназія), состоявшаго при университетѣ, но въ немъ пробылъ лишь до начала августа 1832 г., когда, какъ одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе способныхъ учениковъ, былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь именно и начались его первыя занятія литературой, или «изящной словесностью». Въ лицеѣ продолжало жить еще литературное броженіе, столь ярко выразившееся во время пребыванія тамъ Пушкина. Подъ вліяніемъ преданій о лицейскихъ годахъ великаго поэта, Я. вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей началъ составлять рукописный журналъ «Денница» (вышелъ одинъ номеръ въ 1835 г. и сохранился единственный экземпляръ, въ бумагахъ Я.), въ которомъ помѣстилъ нѣсколько первыхъ своихъ стихотворныхъ опытовъ. Точно также, будучи еще лицеистомъ, онъ перевелъ отрывокъ изъ первой части «Фауста» Гёте, именно—послѣднюю сцену въ тюрьмѣ, и начало драмы Лессинга «Эмилія Галотти». Характерно, что къ выпускному экзамену Я., вмѣсто обычнаго сочиненія на заданную тему, представилъ сдѣланный гекзаметрами переводъ извѣстнаго разсказа изъ «Метаморфозъ» («Превращеній») Овидія — «Нимфа Каллистона»—и онъ былъ вполнѣ одобренъ. Курсъ лицея Я. кончилъ въ 1838 г. съ чиномъ IX класса и послѣ годичнаго «наслажденія жизнью и свободой» долженъ былъ поступить на службу, хотя къ ней не чувствовалъ никакой склонности. Его тянуло къ литературѣ, но семейно-родовыя традиціи и общественный взглядъ того времени на всякаго неслужащаго дворянина, какъ на ненормальное исключеніе, заставили его поступиться своими вкусами и облечься въ вицъ-мундиръ. Однако въ теченіе всей своей послѣдующей жизни на свою служебную дѣятельность, по крайней мѣрѣ поскольку она оставалась въ стѣнахъ департаментскихъ канцелярій, онъ смотрѣлъ лишь какъ на печальную необходимость и все свободное время спѣшилъ отдать литературнымъ занятіямъ. Службу свою Я. началъ въ первомъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ и оставался въ немъ до 1842 г., когда отправился въ шестимѣсячное путешествіе по Западной Европѣ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ перевелся въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ пробылъ до 1851 г. сначала столоначальникомъ, а потомъ переводчикомъ и чиновникомъ для иностранной переписки. Съ 1851 г. Я. по семейнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ переселиться въ Псковъ; тамъ онъ занималъ мѣсто совѣтника палаты государственныхъ имуществъ вплоть до 1858 г., когда по приглашенію тогдашняго попечителя Петербургскаго учебнаго округа П. А. Плетнева принялъ на себя должность директора Псковской гимназіи. По отзыву одного изъ лицъ, знавшихъ Я. лично, онъ, какъ начальникъ учебнаго заведенія, «слѣдовалъ во всемъ традиціямъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ—добродушно, гуманно и дружески относился къ учащимъ и сердечно къ дѣтямъ», что ставилось ему въ вину нѣкоторыми высшими мѣстными чиновниками, находившими Я. съ его добротой и гуманностью «не на своемъ мѣстѣ». Почти десятилѣтняя (до 1867 г.) дѣятельность Я. въ качествѣ директора гимназіи выработала въ немъ глубокое убѣжденіе въ ненормальной постановкѣ классическаго средняго образованія, односторонности котораго онъ впослѣдствіи осмѣялъ въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній: «Классикъ и реалистъ». Начиная съ 1877 г. Я. состоялъ членомъ псковскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителемъ городской школы, основанной въ память освобожденія крестьянъ. Но главная его заслуга въ области народнаго образованія состоитъ въ составленныхъ имъ по порученію Комитета Грамотности и Постоянной Комиссіи для народныхъ чтеній популярныхъ книжкахъ для низшихъ слоевъ населенія. Въ 1872 г. вышла въ свѣтъ народнымъ изданіемъ увлекательно составленная имъ брошюрка «Приключенія Робинзона Крузэ», которая встрѣтила такой успѣхъ, что въ короткое сравнительно время выдержала еще пять изданій (Спб., 1876—1889 гг.) и разошлась въ количествѣ свыше 50,000 экземпляровъ. Вслѣдъ за нею Я. были написаны для народнаго чтенія еще слѣдующія книги: «Народная война 1812 г.» (6 изданій, Спб., 1883—1888 гг.); «Городъ Псковъ и его окрестности» (Спб.,

1886 г.); «Путешествіе по Сѣверной Россіи» (Спб., 1886 г.); «Царствованіе Императора Александра I Благословеннаго» (вышла послѣ смерти, 3 изд., Спб., 1891, 1894 и 1897 гг.); «Жизнь и дѣянія Императора Александра II». Всѣ эти работы написаны красивымъ, легкимъ и чрезвычайно понятнымъ языкомъ и вполнѣ оправдали цѣль, для которой предназначались.

Эпоха реформъ и открывшіеся новые горизонты общественной дѣятельности побудили Я. отказаться отъ службы чиновникомъ и посвятить себя службѣ по выборамъ. Въ 1869 г. онъ былъ избранъ въ псковскіе уѣздные предводители дворянства, въ 1877 г.—въ предсѣдатели псковской уѣздной земской управы, которымъ пробылъ два трехлѣтія, до 1883 г., а въ этомъ году вновь былъ избранъ въ уѣздные предводители, въ званіи котораго оставался до 10 августа 1890 г., когда по болѣзни долженъ былъ выйти въ отставку. Одно время онъ состоялъ также почетнымъ мировымъ судьею и гласнымъ псковскаго губернскаго земскаго собранія. Въ началѣ 1889 г. въ Псковѣ состоялось празднованіе 50-тилѣтія его служебной дѣятельности; умеръ онъ 12 октября 1890 г. въ своемъ имѣніи близъ Пскова.

Какъ поэтъ, Я. написалъ немного; свои произведенія съ большими перерывами онъ печаталъ въ «Отечествен. Запискахъ», «Современникѣ», «Искрѣ» (подъ псевдонимомъ *Сельскій житель*), «Вѣстникѣ Европы», «Отечеств. Запискахъ» Некрасова, съ которымъ онъ былъ друженъ, «Живописномъ Обозрѣніи», «Свѣточѣ» и др. Первой его напечатанной работой былъ переводъ въ стихахъ «Торквато Тассо», др. Гёте («Отечеств. Записки», 1849 г., т. XXXV, кн. 8); позже перепечатанъ въ изданіи «Сочиненій Гёте» П. И. Вейнберга (Спб., 1865—1880 гг.); затѣмъ слѣдовали: стихотворенія—«Кубокъ», «Природа», «Подойди къ крутой стремнинѣ» («Отеч. Зап.», 1854 г., т. XCVII, кн. 12, стр. 218—222), «Голосъ природы», «Ущелье лѣсомъ поросло» (ibid., 1856 г., т. CIX, кн. 11, стр. 260—262), «Сонно, лѣниво машетъ вѣтерокъ» (ibid., 1856 г., кн. 12., стр. 346), «Реакціонеры» (ibid., 1876 г., кн. 1),—«Провинціальные мотивы: «Дорожныя замѣтки», «Статистическій комитетъ», «Къ земству» и «Рѣчь губернатора при открытіи земскаго собранія» (всѣ сатирическаго характера, ibid., 1870 г., кн. 3); «Лень», «Весенній дождь» (ibid., 1874 г., кн. 9), «Смѣхъ и горе» (ibid., кн. 11), «Мысль» (ibid., 1875 г., кн. 2), «Изъ Гейне» («Вѣстн. Европы», 1885 г., кн. 1) «19 февраля 1861—1886 гг.» («Русск. Старина», 1886 г., т. XLIX, стр. 321—322), «Задумчиво у лона водъ», «Рѣчь губернатора», «Вальпургіева ночь» («Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго, Спб., 1888 г.), «А. Г. Рубинштейну» («Русск. Старина», 1889 г., кн. 11) и послѣ смерти—«Девять стихотвореній, 1850—1880 гг.» (ibid., 1890 г., кн. 12, стр. 694—712), «Два неизданныхъ стихотворенія» (ibid., 1891 г., кн. 9, стр. 621—622), «Слобода» («Новое Время», 1905 г., № 10697) и др. Изъ болѣе значительныхъ переводовъ Я. слѣдуетъ еще отмѣтить: «Ифигенія въ Тавридѣ», трагедія Гете («Свѣточъ», 1860 г., кн. 6, отд. I, стр. 1—108), перепечатано 2 раза: въ «Сочиненіяхъ Гете», подъ ред. П. И. Вейнберга и въ его же изданіи «Европейскіе классики» (Спб., 1874 г., вып. I); «Эмилія Галотти», драма Лессинга, пер. въ прозѣ («Иностранные классическіе писатели», изд. Бакста, Спб., 1865 г., т. III; 2-е изд. подъ названіемъ: «Драматическія сочиненія Лессинга», Спб., 1886 г.); эта пьеса въ переводѣ Я. была поставлена на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ и Александринскаго въ Петербургѣ; къ переводамъ же его относятся и рядъ мелкихъ стихотвореній Гете, Шиллера, Гейне, Мицкевича и др., разбросанныхъ по различнымъ журналамъ. Въ 1884 г. часть стихотвореній Я. вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Стихотворенія А. Н. Яхонтова» (Спб., 1884 г., 362+2 стр.).

Я. былъ поэтъ второстепенный, но чуткій, наблюдательный, тонко чувствовавшій, отзывчивый, и ему нельзя отказать въ задушевности, мягкости, искренности и выразительности. Его небольшія картинки сельской жизни полны поэтическихъ образовъ, прекрасны по содержанію и вполнѣ безукоризненны по формѣ. Лирическія стихотворенія Я. звучны, красивы и по тону напоминаютъ поэзію Майкова, гр. Алексѣя Толстого и особенно Некрасова, мотивы музы котораго онъ затрагивалъ всего чаще, усваивая, можетъ быть помимо воли, себѣ его пріемы и формы и съ такою же, какъ и онъ,

любовью относясь къ низшимъ слоямъ народа. Склонный къ мечтательности и спокойному созерцанію природы, Я. въ началѣ своей литературной дѣятельности мало отзывался на разные злободневные и жгучіе вопросы современности и ограничивался воспѣваніемъ красотъ природы, но позже, подъ вліяніемъ новыхъ народившихся запросовъ, сталъ все менѣе замыкаться въ своемъ личномъ мірѣ и все чаще и чаще «выходить на большую дорогу общественной жизни», къ прогрессивному движенію которой онъ несомнѣнно относился съ полнымъ сочувствіемъ. Сатирическія его стихотворенія написаны иногда тяжеловато, но не лишены остроумія, переводы же всегда прекрасны.

Я. написалъ еще нѣсколько статей публицистическаго и историческаго характера: «Замѣтки о земскихъ народныхъ школахъ» («Вѣстникъ Европы», 1884 г., кн. 12), «Петербургская итальянская опера въ 1840 годахъ» («Русская Старина», 1888 г., т. LII, стр. 735—748), «Воспоминанія царскосельскаго лицеиста 1832—1838 гг.» (ibid., 1888 г., кн. 10, стр. 101—124) и «Французское общество и народъ въ періодъ первой революціи» («Наблюдатель», 1890 г., кн. 9 и 10).

«Русскіе поэты» изд. Н. Гербеля (Спб., 1880 г.), стр. 558—559.—«Русскіе поэты», изд. Полевого (Спб., 1888 г.), стр. 483—485.—«Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго (Спб., 1888 г.).—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», вып. 9 («Писатели, умершіе въ 1890 г., М., 1907), стр. 81—83.—«Замѣтки о А. Н. Яхонтовѣ» и «Автобіографія А. Н. Яхонтова» («Русск. Стар.», 1890 г., № 10, стр. 691—702). — «Историческ. Вѣстникъ», 1890 г., кн. 12, стр. 855—856.—«Русск. Стар.», 1872 г., кн. 6, стр. 391—393; 1888 г., кн. 10, стр. 109.—*Д. Кобеко*, «Императорскій Царскосельскій лицей 1811—1843 г. (Спб., 1911 г.), стр. 85, 356—381, 408, 413—414, 477, 518.—«Моск. Вѣдом.», 1890 г., № 304.—«Новое Время», 1890 г., № 5254. — «Русск. Вѣдом.», 1890 г., № 289.—«Псковскій Городской Листокъ», 1890, № 79. — «Новости и Биржевая Газета», 1890 г., № 283.—Энциклопед. слов. Брокгауза, полут. 82 (Спб., 1904 г.), стр. 854—855.—«Русскій Календарь на 1901 годъ», А. С. Суворина.—«Указатели къ «Русской Старинѣ» за 1870—1884 (Спб., 1885 г.), № 201; за 1891—1896 гг. (Спб., 1897 г.), № 14, 630; за 1885—1887 гг. (Спб., 1888 г.), №№ 3066, 3092. *Н. С.*

Яхонтовъ, *Иванъ Константиновичъ*, протоіерей, духовный писатель и выдающійся проповѣдникъ, сынъ священника Симбирской епархіи, родился въ 1819 г., умеръ 22 марта 1888 г.; среднее образованіе получилъ въ Симбирской духовной семинаріи, высшее въ Петербургской духовной академіи, курсъ которой въ 1843 г. окончилъ со степенью магистра и въ маѣ слѣдующаго года былъ рукоположенъ во священника къ Екатерининской (въ Екатерингофѣ) церкви, при коей пробылъ до 1854 г., когда перемѣщенъ былъ къ Александро-Невской церкви при Смольномъ институтѣ одновременно съ назначеніемъ законоучителемъ въ послѣднемъ. Въ февралѣ 1856 г. Я. былъ возведенъ въ санъ протоіерея и черезъ полгода опредѣленъ настоятелемъ ямской Крестовоздвиженской церкви, откуда въ 1874 г. перемѣщенъ настоятелемъ же морского Николаевскаго собора и въ этой должности оставался до самой смерти. Дѣятельность Я. не ограничивалась рамками священническихъ обязанностей и носила самый разносторонній характеръ: членъ комитета для изданія краткихъ и дешевыхъ духовно-нравственныхъ книгъ (съ 1855 г.) и конференціи Петербургской духовной академіи (также съ 1855 г.), петербургскихъ комитета духовной цензузы (съ 1856 г.) и духовной консисторіи (съ 1860 г.), онъ въ то же время былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ дѣятелей въ работахъ по статистическому описанію Петербургской епархіи, принималъ участіе въ трудахъ по пересмотру правилъ о духовной цензурѣ (съ 1873 г.), несъ обязанности помощника главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія (съ 1878 г.), не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ трудовъ по нѣкоторымъ выборнымъ должностямъ, — съ 1874 г. предсѣдателя совѣта Общества попеченія о бѣдныхъ и съ 1881 г. члена совѣта Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Тѣмъ не менѣе извѣстность, которою пользовался Я. въ духовныхъ сферахъ, пріобрѣтена имъ не этими трудами, а его духовно-ученой дѣятельностью и, главнымъ образомъ, дѣятельностью въ качествѣ редактора журнала «Духовная Бесѣда». Еще въ 1844 г. въ результатѣ занятій разными богословскими вопросами онъ выпустилъ въ свѣтъ изслѣдованіе «О православіи русской церкви», затѣмъ «О праздникахъ православной

церкви», за которыми послѣдовалъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ статей, печатавшихся въ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ и касавшихся разныхъ сторонъ ученія церкви. Успѣхъ окрылилъ Я., и въ 1862 г. онъ обратился къ митроп. Исидору съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе у Синода на изданіе особаго органа подъ названіемъ «Вѣстникъ С.-Петербургской митрополіи», который, предполагалось, долженъ былъ бы служить для всей митрополіи тѣмъ самымъ, чѣмъ служатъ «Епархіальныя Вѣдомости» для отдѣльныхъ епархій. Несмотря на поддержку ходатайства митрополитомъ, Синодъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить его, но постановилъ, въ виду одинаковой цѣли и программы предполагаемаго журнала съ существовавшей «Духовной Бесѣдой», изданіе послѣдней передать Я., что и состоялось 1 мая 1862 г. Подъ редакціей Я., продолжавшейся цѣлыхъ 15 лѣтъ, до 1876 г., журналъ принесъ значительную пользу богословской литературѣ и отчасти русской исторіи. Самъ Я., несмотря на свою глубокую любовь къ богословской наукѣ съ ея догматичестой стороны, тѣмъ не менѣе съ жаромъ принялся главнымъ образомъ за изслѣдованіе и разработку старинныхъ рукописныхъ памятниковъ, имѣвшихъ значеніе для исторіи церкви. Рядъ спеціальныхъ изслѣдованій и изданій письменныхъ памятниковъ, печатавшихся сначала въ «Духовной Бесѣдѣ», а затѣмъ выходившихъ отдѣльными книгами, и были плодомъ его занятій въ это время. Таковы, напр., «Іеродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка» (отдѣльно, Спб., 1884 г.), «Русскій проповѣдникъ XVII в. и нѣсколько статей изъ его сочиненія «Статиръ» (ib., 1883 г.), «Слова и привѣтствія Іосифа (Сѣмашко), митрополита литовскаго и виленскаго» и «Духовно-литературныя сочиненія прот. П. Вѣнецкаго». Изъ остальныхъ спеціально богословскихъ сочиненій Я., разновременно имъ написанныхъ, извѣстны: «Церковный годъ» и «Св. мученикъ Вячеславъ, князь Чешскій» («Дух. Бесѣда», 1862 г.), «Катехизическія бесѣды» (3 изд.; 1-е въ 1864 г., 3-е въ 1879 г.), «Письма къ отступнику православія» (Спб, 1864 г.), «Сорокъ дней отъ Воскресенія Господа Іисуса Христа до Вознесенія Его на небо» (Спб., 1879 г.), «Краткое описаніе св. земли» (Спб., 1879 г.), «Ежедневное богослуженіе и главные праздники православной церкви» (ib., 1879 г.) и «Домашняя молитва христіанина» (ib., 1885 г.). Въ 1885 и 1889 гг. вышли въ свѣтъ 2 тома сочиненій Я. подъ заглавіемъ: «Собранія духовно-литературныхъ трудовъ И. К. Яхонтова, 1844—1885 гг.».

«Церковный Вѣстникъ», 1888 г., № 14, прибавленія, стр. 391—392 и замѣтка на стр. 294—295.—«Новое Время», 1888 г., № 4337.—«Волынскія Епархіальныя Вѣдомости», 1888 г., № 11, стр. 447—448.—«Церковная Лѣтопись» при «Духовной Бесѣдѣ» отъ 26 мая 1862 г. — Краткая біографія и портретъ приложены къ 2-му тому его «Сочиненій», Спб., 1890 г.—*Митр. Филаретъ*, «Собраніе мнѣній...», т. IV, стр. 502; т. V, стр. 550.—«Странникъ», 1890 г., № 1.—«Церковный Вѣстникъ», 1883 г., № 50 и 1890 г., № 16 (о его книгахъ и трудахъ по редакціи «Духовной Бесѣды»). — *И. Чистовичъ*, «Исторія С.-Петербургской духовной академіи», Спб., 1857 г., стр. 377 и 451.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1888 г.», стр. 136.—*А. Родосскій*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.», Спб., 1907 г., стр. 541—542.—«Новости», 1888 г., марта 24.—«Петербургская Газета», 1888, №№ 82, 85.—«Русскій календарь» А. С. Суворина на 1889 г.

Н. С.

Яхонтовъ, *Иванъ Петровичъ*, магистръ богословія, доцентъ по каѳедрѣ богословскихъ наукъ въ Московской духовной академіи, родился въ 1855 году въ Курской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Воспитывался Я. сначала въ Курскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Курской духовной семинаріи, по окончаніи которой въ 1876 году поступилъ въ Московскую духовную академію. Еще въ академіи Я. обратилъ на себя вниманіе выдающимися способностями и, выпущенный изъ нея въ 1881 году, тотчасъ же получилъ мѣсто преподавателя философскихъ наукъ въ Ярославской духовной семинаріи. Два года спустя, Я. былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ богословскихъ наукъ въ Московской духовной академіи и сталъ читать курсъ «Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ», а также готовиться къ докторскому экзамену. Однако усиленнымъ занятіямъ мѣшала тяжелая болѣзнь—порокъ сердца, которая и свела его преждевременно въ могилу. Я. скончался 27-го января 1886 года въ Курской губерніи, куда уѣхалъ провести зимнія каникулы. Тѣло

его погребено тамъ-же. Изъ сочиненій Я. наиболѣе выдающимся считается «Изложеніе и историко-критическій разборъ мнѣнія Ренана о происхожденіи еврейскаго единобожія», напечатанное сначала въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ», а затѣмъ и отдѣльно (Москва, 1884 г.). Кромѣ того, Я. напечаталъ рядъ статей въ разныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ 1880-хъ г.г.—по преимуществу-же въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

«Московскія Церковныя Вѣдомости», 1886 г., № 7.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, Спб., 1890 г., стр. 133.—«Курскія Епархіальныя Вѣдомости» 1886 г.

Е. Я.

Яценковъ, *Григорій Максимовичъ*, переводчикъ; напечаталъ: 1) «Отеческіе совѣты моей дочери» (соч. Кампе, 2 части, Спб., 1803—1804 г.); 2) «Бичъ Франціи, или коварная и вѣроломная система правленія нынѣшняго повелителя французовъ» (соч. Фабера, перев. съ франц., Спб., 1813 г.); 3) «Исторія кораблекрушеній, или собраніе любопытнѣйшихъ повѣствованій о кораблекрушеніяхъ, зимованіяхъ, пожарахъ, голодѣ и другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, случившихся на морѣ, извѣстныхъ свѣту отъ XV в. до нынѣ», пер. съ франц. (3 части, М., 1799—1808 г.); 4) «Евгеній Рошеленъ» (соч. графини С***, пер. съ франц., 2 части, Спб., 1808 г.) и 5) «Мейснеровы повѣсти и разговоры», пер. съ нѣмец. (3 части, М., 1796—1799 г.). Кромѣ того, Я. издавалъ «Духъ журналовъ, или собраніе всего, что есть лучшаго и любопытнѣйшаго во всѣхъ другихъ журналахъ, по части исторіи, политики, государственнаго хозяйства, литературѣ, разныхъ искусствъ, сельскаго домоводства и проч.» (съ 1815—1821 г., 43 ч.) и «Журналъ мануфактуръ и торговли» (на 1825—1827 г., 36 книжекъ).

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина», №№ 1496, 2244, 3711, 8746, 9009, 9768, 9798.

Яценковъ, *Николай*, писатель и переводчикъ конца XVIII вѣка. Имъ напечатано слѣдующее оригинальное произведеніе: «Ода на прибытіе изъ южныхъ странъ графа Безбородки съ заключеннымъ миромъ съ Оттоманской портой» (Спб., 1793 г.). Изъ переводовъ его извѣстны: «Совѣты несчастныя матери ея дочерямъ, полезныя для молодыхъ дѣвицъ, вступающихъ въ свѣтъ съ присовокупленіемъ для женскаго пола нравоучительныхъ басенъ», пер. съ фран. (Москва, 1788 г.); «Изображеніе великаго Фридериха, короля прусскаго, взятое изъ анекдотовъ, самыхъ достовѣрныхъ въ военной, философской и приватной жизни», соч. Бурде (Москва, 1789 г.); «Карлъ Винекъ, или угнетенная невинность», соч. Августа Мейснера, перев. съ нѣмецк. (Москва, 1789 г.); «Новости; греческая, испанская, португальская, французская и нѣмецкая, соч. Флоріани (2 части, Москва, 1789 г.) и «Записки о нынѣшнемъ возмущеніи Польши», перев. съ франц. (Спб., 1792 г.).

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона, полут. 62., стр. 858.—«Роспись русскимъ книгамъ изъ библіотеки Александра Смирдина» (Спб., 1828 г., стр. 108, № 1503; стр. 257, № 3368; стр. 640, № 8394; стр. 651, № 9093).—*В. Сопиковъ*, «Опытъ россійской библіографіи» (Спб., 1815 г.; ч. 3, стр. 146, № 4201; стр. 180, № 4459; стр. 379, № 6191; стр. 461, № 6874; ч. 4, стр. 31, № 7280; стр. 471, № 11015; ч. 5, стр. 79, № 12408).—*Н. В. Рогожинъ*, «Указатель къ «Опыту» Сопикова» («Спб., 1900 г., стр. 182, 249 и 278).—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова» (Спб., 1820—25 г.г.; стр. 220, № 2653; стр. 361, № 4379).

Яцына, *Андрей Семеновичъ*, докторъ медицины, над. сов., по происхожденію дворянинъ, родился въ 1826 году. По окончаніи медицинскаго факультета въ Кіевскомъ университетѣ въ 1848 году со званіемъ лѣкаря онъ въ 1850 году былъ принятъ на службу лѣкаремъ въ Виленскій военный госпиталь Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Защитивъ затѣмъ 1-го марта 1852 года въ этомъ же университетѣ диссертацію на латинскомъ языкѣ: «De cholerae epidemicae anatomia pathologica additis nationibus brevioribus phisiologico-pathologicis» (Kioviae, anno 1852), онъ получилъ степень доктора медицины и былъ оставленъ при томъ же Бѣлостокскомъ пѣхотномъ полку, при чемъ въ 1859 году назначенъ былъ полковымъ врачемъ. Умеръ Я. въ Вильнѣ, въ 1861 году. Я. напечаталъ «Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла», соч. Краузе, перев. съ нѣмец. языка (Кіевъ, 1848 г.). Кромѣ того, имъ помѣщены въ медицинскихъ періодическихъ изданіяхъ

слѣдующія самостоятельныя статьи: «Бородавчатая опухоль на рубцовой ткани» («Другъ Здоровья», 1857 г., № 15); «Четыре случая злокачественнаго карбункула» («Совр. Медиц.», 1861 г., 320) и «О причинахъ перемежающихся лихорадокъ на Кавказѣ» (ib., 1857 г., 409).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (С.-Пет., 1886 г., тетр. 2-я, стр. 181—182).

Яцына, *Сергѣй*, переводчикъ съ француз. языка (1788 г.) и сотрудникъ журнала «Полезное упражненіе юношества». Въ послѣднемъ Я. помѣстилъ: «Склонность къ честности», перев. (1789 г., стр. 292) и отдѣльно издалъ: «Къ чему служитъ титулъ, когда сочиненіе само по себѣ хорошо», перев. (М., 1788 г,).

А. Н. Неустроевъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.» (Спб., 1874 г., стр. 557).—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина» (Спб., 1828 г., стр. 642, № 8931).

Ячницкій, *Андрей Васильевичъ*, штабъ-лѣкарь, писатель по медицинѣ, кол. сов., родился въ семьѣ священника въ 1819 году. Медицинское образованіе Я. получилъ въ Московской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой въ 1844 г. съ званіемъ лѣкаря поступилъ въ пѣхотный принца Прусскаго полкъ. Въ 1852 году онъ былъ переведенъ въ карабинерскій цесаревича полкъ, а черезъ годъ назначенъ лѣкаремъ въ Кронштадтскій военный сухопутный госпиталь. Получивъ въ 1854 году званіе штабъ-лѣкаря, онъ опредѣлился въ гренадерскій Румянцевскій полкъ, въ 1859 году переведенъ былъ на ту же должность въ Сибирскій гренадерскій полкъ, а въ 1862 году назначенъ докторомъ 3-ей гренадерской дивизіи. Черезъ годъ онъ былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Я. напечаталъ: «Излѣченіе аневризмовъ прижатіемъ пальца» («Московская Медицинская Газета», 1860 годъ, № 29).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1886 годъ, тетрадь 2-я, стр. 182).

Яшвиль, князь, *Владиміръ Владиміровичъ*, генералъ-маіоръ свиты Его Императорскаго Величества, командиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, родился въ 1813 году и происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи. Службу свою Я. началъ фейерверкеромъ въ артиллерійскомъ училищѣ 2-го декабря 1829 года. По окончаніи курса наукъ въ вышеупомянутомъ училищѣ (нынѣ Михайловское артиллерійское) онъ выпущенъ былъ изъ него съ правами второго разряда и вслѣдъ затѣмъ, 23-го мая 1834 года, перевелся въ Уланскій его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полкъ; по производствѣ въ томъ же году 28-го августа въ корнеты онъ былъ переведенъ въ гусарскій короля Вюртембергскаго полкъ, въ которомъ прослужилъ почти шесть лѣтъ—до своего перевода 31-го января 1840 года въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Дуель его со штабъ-ротмистромъ кн. Долгорукимъ, происшедшая безъ всякаго серіознаго повода (21-го іюня 1842 года) и кончившаяся смертью послѣдняго, чуть было не испортила карьеры Я. По Высочайшей конфирмаціи 19-го іюля того же года онъ былъ лишенъ чиновъ и разжалованъ въ рядовые «до отличной противъ непріятеля выслуги», съ зачисленіемъ въ Егерскій полкъ. На Кавказѣ Я. вскорѣ представился случай отличиться въ дѣлѣ противъ горцевъ, и онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Затѣмъ за таковыя же отличія онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени и былъ произведенъ въ корнеты (9-го декабря 1844 года), съ зачисленіемъ по кавалеріи, а въ слѣдующемъ году получилъ прежній чинъ штабъ-ротмистра и былъ снова переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Дальнѣйшая служебная карьера Я. протекла слѣдующимъ порядкомъ: въ 1846 году онъ былъ произведенъ въ ротмистры, а въ 1849 году—въ полковники. Назначенный затѣмъ въ 1855 году въ распоряженіе главнокомандующаго южной арміи, съ оставленіемъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ полку, Я. оставался въ Крыму недолго и 6-го марта 1856 года былъ назначенъ командиромъ Уланскаго принца Фридриха Вюртембергскаго полка. Въ томъ же году, 26-го августа, онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, а 15-го октября назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи Уланскимъ полкомъ; по производствѣ же (30-го августа 1858 года) въ генералъ-маіоры былъ утвержденъ командиромъ полка и назначенъ въ свиту Е. И. В. Въ томъ же году, 20-го ноября, онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Гусар-

скаго полка и въ этой должности оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей 7-го февраля 1864 года.

Общій Архивъ Главнаго Штаба. Полный послужной списокъ въ Книгѣ формулярныхъ списковъ 1860 г. за № 3167, № 1. — *А. Любавскій*, «Русскіе уголовные процессы», т. IV, СПб., 1868 г., стр. 39—43. — *В. Крестовскій*, «Исторія 14-го Уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества великой княжны Маріи Александровны полка». СПб., 1874 г., стр. 569, 595, 598, 599—602 и 604. — *Его же*, «Исторія лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка», СПб., 1876 года, стр. 275—277. *Е. Ястребцевъ*.

Яшвиль, князь, *Владиміръ Михайловичъ*, старшій братъ Льва Михайловича (см. ниже), родился 15-го іюля 1764 г., такъ же, какъ и братъ, былъ привезенъ съ Кавказа мальчикомъ и опредѣленъ на военную службу. Въ 1800 г., будучи капитаномъ гвардейской артиллеріи, Я. былъ переведенъ, съ чиномъ полковника, въ конный батальонъ Богданова 2-го. Я. получилъ извѣстность, какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ заговора противъ императора Павла I, принимавшій непосредственное и самое циничное участіе въ событіи 11-го марта. Одной изъ побудительныхъ причинъ участія его въ этомъ дѣлѣ была, по всей вѣроятности, личная месть: по словамъ барона Гейкинга, Павелъ I въ запальчивости побилъ князя палкой. Письмо вызывающаго характера, посланное Я. императору Александру I при восшествіи его на престолъ, было причиною того, что Я. былъ удаленъ въ деревню, съ воспрещеніемъ появляться въ обѣихъ столицахъ. Въ 1812 г. ему поручено было фельдмаршаломъ Кутузовымъ сформировать одинъ отрядъ. Прочитавъ объ этомъ въ одномъ изъ рапортовъ фельдмаршала, императоръ Александръ I сдѣлалъ Кутузову выговоръ за то, что онъ привлекъ на службу находящагося подъ присмотромъ Я. Вслѣдствіе этого Кутузовъ вскорѣ же рапортовалъ императору, что Я. возвратился въ свою деревню. Послѣ этого Я. жилъ недолго: онъ скончался 20 іюля 1815 г. въ селѣ Муромцовѣ, Калужской губ., и похороненъ въ Козельской Оптиной пустыни. Жизнь кн. Я. въ его имѣніи Муромцовѣ была сумрачна и полна тревогъ, такъ какъ его постоянно мучила мысль о возможномъ арестѣ или высылкѣ въ мѣста отдаленныя, а всякій колокольчикъ заставлялъ вздрагивать въ предположеніи, не фельдъ-егерь-ли это изъ Петербурга. Я. страдалъ маніей преслѣдованія, какъ послѣдствіемъ тяжелой обстановки въ молодые годы. Потомки кн. Я. существуютъ и понынѣ, а по женской линіи произошли отъ него Извольскіе и Ермоловы.

«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.» (изд. вел. кн. Николая Михаиловича), т. V, № 200. — *Вел. кн. Ник. Мих.*, «Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія» (СПб., 1912 г.), т. I, стр. 13, 16—18. — *Шильдеръ*, «Имп. Александръ I», т. III, стр. 122.

Яшвиль, князь, *Левъ Михайловичъ*, начальникъ артиллеріи 1-ой арміи, генералъ-отъ-артиллеріи, родился въ 1768 г. въ семьѣ мелкаго владѣтельнаго князя изъ грузинъ и еще мальчикомъ былъ привезенъ съ Кавказа и опредѣленъ въ 1784 г. въ артиллерійскій кадетскій корпусъ, откуда былъ выпущенъ (1786 г.) штыкъ-юнкеромъ въ Бомбардирскій полкъ. Съ тѣхъ поръ вся долговременная служба его протекла въ артиллеріи. Въ слѣдующемъ 1787 г. Я. принялъ участіе въ первой турецкой войнѣ, находясь при защитѣ Кинбурна и при осадѣ Очакова, и былъ произведенъ за отличіе въ подпоручики и поручики. Послѣ заключенія мира съ турками Я. былъ посланъ въ Польшу, гдѣ съ 1792—1795 гг. находился въ дѣлахъ при Тикочинѣ, Песочномъ, Маціовицахъ, при осадѣ Варшавы и при взятіи предмѣстья ея, Праги, при чемъ за отличіе, выказанное въ сраженіи при Маціовицахъ, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст., а при взятіи Праги — св. Георгія 4-й ст. Съ 1794—1799 гг. Я. служилъ въ конной артиллеріи, а въ 1799 г. въ чинѣ капитана былъ переведенъ въ гвардію. Произведенный въ 1800 г. въ полковники конно-артиллерійскаго батальона, онъ съ 1801 по 1803 г. служилъ вторично въ гвардіи, а затѣмъ въ 1-мъ конно-артиллерійскомъ батальонѣ и съ 1806 г., по переформированіи артиллерійскихъ полковъ и батальоновъ, въ 6-й бригадѣ. Съ открытіемъ кампаніи 1805 г. Я. былъ посланъ въ австрійскія владѣнія, гдѣ участвовалъ въ сраженіи съ французами подъ мѣстечкомъ Вишавью; особенно отличился подъ Гейльсбергомъ, за который былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й ст., и при Прейсишъ-Эйлау и Гутштадтѣ, за которые получилъ дважды золотое оружіе.

Кромѣ того, за отличное дѣйствіе конной его имени роты, Я. было объявлено Высочайшее благоволеніе и пожалованъ прусскій орденъ «pour le mérite». Въ 1808 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-маіоры. Во время Отечественной войны Я. дѣйствовалъ сначала подъ начальствомъ Витгенштейна, сражаясь при Якубовѣ и Клястицахъ и находясь при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Дриссы; за всѣ эти подвиги онъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейт. Въ 1813 г. Я. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи главной дѣйствующей арміи и находился въ заграничномъ походѣ черезъ Пруссію въ Саксонію, причемъ за сраженіе при Люценѣ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а за Бауценъ—алмазами къ тому же ордену. Блестящее состояніе артиллеріи, при осмотрѣ ея государемъ на поляхъ Шампаніи, доставило Я. орденъ св. Владиміра 1-й ст. По возвращеніи въ Россію Я. въ 1816 г. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 1-ой арміи и занималъ эту должность въ теченіе 17-ти лѣтъ, постоянно получая знаки благоволенія къ нему императоровъ Александра I и Николая I. Въ 1819 г. Я. былъ произведенъ въ генералъ-отъ-артиллеріи, въ 1831 г. получилъ вензеля на эполеты и въ 1832 г. былъ назначенъ членомъ Военнаго совѣта. Разстроенное здоровье побудило его въ 1833 г. просить увольненія отъ службы впредь до выздоровленія. Долговременная служба его была награждена въ томъ же 1833 г. высшимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Скончался Я. 19-го апрѣля 1836 г. и похороненъ въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ.

Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Книга формулярныхъ списковъ Главнаго Штаба 1-ой арміи за 1834 г., по архиву кн. № 1410. Формулярный списокъ начальника артиллеріи 1-ой арміи генералъ-отъ артиллеріи кн. Яшвиля.—«Русскіе портреты XVIII и XIX ст.» (изд. вел. кн. Николая Михаиловича), т. V, № 97.

И. Артамонова.

Яшевскій, *Михаилъ Игнатьевичъ,* горный инженеръ, редакторъ-издатель «Южно-Русскаго Горнаго Листка». По окончаніи курса горнымъ инженеромъ Я. въ продолженіе 27-ми лѣтъ работалъ въ различныхъ горнозаводскихъ районахъ Россіи. Первый годъ службы онъ провелъ въ Домбровскомъ каменноугольномъ бассейнѣ въ качествѣ техника по эксплуатаціи каменнаго угля. Потомъ онъ много лѣтъ работалъ въ подмосковномъ каменноугольномъ бассейнѣ на получившихъ въ свое время извѣстность Мураевинскихъ рудникахъ. Здѣсь онъ занимался эксплуатаціей, буравыми работами и геогностическими изслѣдованіями. Покинувъ подмосковный бассейнъ, Я. былъ приглашенъ въ Донецкій бассейнъ для завѣдыванія каменноугольными копями, гдѣ пробывъ три года, онъ получилъ приглашеніе на Уралъ для управленія Березовскимъ золотымъ рудникомъ. Но недолго оставался онъ на Уралѣ: желая посвятить себя эксплуатаціи каменноугольныхъ мѣсторожденій, Я. вновь переѣхалъ въ Донецкій бассейнъ, въ которомъ и оставался послѣднія 15 лѣтъ до конца своей жизни. Въ это время у него явилась мысль заняться изданіемъ особаго спеціальнаго горнаго органа, который служилъ бы выразителемъ всестороннихъ нуждъ южной горной промышленности. Съ этою цѣлью онъ въ 1880 г. приступилъ къ изданію «Южно-Русскаго Горнаго Листка», который явился у насъ первымъ частнымъ періодическимъ изданіемъ этого рода, и издавалъ его до послѣдняго дня своей жизни. Любя горное дѣло, неутомимо работая надъ многоразличными техническими и экономическими вопросами горной промышленности, Я. оказалъ громадную услугу этому дѣлу. Независимо отъ издательства, онъ служилъ по выборамъ, въ качествѣ выборнаго отъ углепромышленниковъ и секретаря съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ. Одинъ изъ товарищей Я. характеризуетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ всю жизнь стремился быть ловкимъ и прозорливымъ практикомъ и, несмотря на это, всю жизнь оставался отвлеченнымъ адептомъ науки, дѣтски довѣрчивымъ и глубоко вѣрующимъ въ людей дѣятелемъ. Поэтому жизнь и дѣятельность Я., полезная и благотворная для многихъ, не принесла собственно ему или семьѣ его почти ничего». Я. напечаталъ въ «Горномъ Журналѣ» изслѣдованіе «О пожарахъ въ Домбровскихъ каменноугольныхъ копяхъ». Скончался онъ 14 февраля 1887г. въ Харьковѣ.

«Московскія Вѣдомости», 1887 г., № 69.—«Горно-Заводскій Листокъ», 1888 г., № 1.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VII, стр. 98.—Календарь Гатцука на 1889 г., стр. 38.—«Библ. Зап.», 1892 г., № 12, стр. 98.

Яшинъ, *Петръ Дмитріевичъ*, врачъ, сынъ учителя, родился въ 1860 г. въ Тверской губ., высшее образованіе получилъ въ военно-медицинской академіи, по окончаніи курса въ которой служилъ сначала врачемъ въ Изюмскомъ драгунскомъ полку (1882—1883 гг.), а затѣмъ младшимъ судовымъ докторомъ (1883—1886 гг.). Умеръ Я. 26 мая 1886 г. во Владивостокѣ. Ему принадлежитъ напечатанная въ «Медицинск. Прибавленіяхъ Морского Сборника» (1886 г., кн 1) статья: «Изъ срочной отчетности съ клипера «Крейсеръ».

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 6 (Спб., 1889 г.), стр. 133.—*Л. Ө. Змѣевъ*, «Русскіе врачи - писатели, тетр. V (Спб., 1889 г.), стр. 219.

Ящуржинскій, *Василій*, протоіерей Уманскаго Николаевскаго собора, сотрудникъ «Кіевскихъ Губерскихъ Вѣдомостей», происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ Бердичевскомъ уѣздѣ. Воспитывался Я. въ Кіевской духовной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ Кіевскую духовную академію, но годъ спустя, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, вынужденъ былъ ее оставить. Еще будучи въ богословскомъ классѣ Кіевской семинаріи, онъ исполнялъ обязанности преподавателя греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи той же семинаріи, а выйдя изъ академіи, занялъ мѣсто учителя латинскаго языка Уманскихъ уѣздныхъ училищъ и въ этой должности состоялъ около двадцати лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ принялъ санъ священника и получилъ назначеніе въ Уманскій Николаевскій соборъ. Я. хорошо зналъ языки: греческій, польскій, нѣмецкій, французскій и особенно латинскій. На этомъ послѣднемъ языкѣ онъ писалъ свои записки—Sintaxis ornata; на латинскій же языкъ имъ была переведена пространная Священная исторія и много небольшихъ статей. Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ и сотрудничества въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ имъ былъ напечатанъ рядъ статей и замѣтокъ, Я. оставилъ послѣ себя въ рукописяхъ много ученыхъ работъ и замѣтокъ, преимущественно по естественнымъ наукамъ, которыми онъ занимался съ особеннымъ увлеченіемъ. Я. скончался въ Умани 23 февраля 1855 года.

«Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1855 г., № 38.—«Памятная книжка Кіевской губерніи на 1875 годъ», стр. 172. *Е. Я.*

Ѳ.

Ѳаворскій, *Александръ Михайловичъ*, врачъ-писатель, родился въ 1856 году. Среднее образованіе получилъ въ Тульской гимназіи. Затѣмъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1881 году съ званіемъ лѣкаря и вскорѣ же былъ назначенъ ординаторомъ въ хирургическомъ отдѣленіи Московской Старо-Екатерининской больницы. Умеръ Ѳ. въ Москвѣ 19-го декабря 1889 года. Имъ напечатаны въ «Газетѣ Боткина» слѣдующія статьи: «Къ лѣченію рожи трихлоръ-феноломъ» (1883 г., № 18) и «Случай столбняка, окончившійся выздоровленіемъ» (1883 г., № 31).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели» (Спб., 1889 г., тетрадь 5, стр. 176).—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» (Москва, 1905 г., выпускъ 9, стр. 91)—«Отчетъ Московскаго университета за 1881 г.», стр. 28.—«Московск. Вѣдом.», 1889 г., № 354. *Р.*

Ѳаворскій, *Максимъ Андреевичъ,* с. с., адъюнктъ-профессоръ фармаціи медико-хирургической академіи, родился въ 1804 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Поступивъ въ 1817 г. въ Нижегородскую духовную семинарію, онъ окончилъ послѣднюю въ 1826 г. и поступилъ черезъ два года въ Московскій университетъ, откуда вышелъ въ 1832 г. лѣкаремъ 1-го отдѣленія. Въ слѣдующемъ году Ѳ. поступилъ въ Московскій военный госпиталь; въ 1838 г. онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря въ СПБ. медико-хирургической академіи и тогда же опредѣлился въ Нарвскій военный госпиталь. Назначенный въ томъ же 1838 г. столоначальникомъ военнаго медицинскаго департамента, онъ въ 1846 г. вышелъ въ отставку, а въ 1858 г. получилъ степень доктора медицины и адъюнктъ-профессора фармаціи въ медико-хирургической академіи. Умеръ Ѳ. 5 февраля 1867 г. Ему принадлежитъ печатный трудъ: «De flexionibus uteri non gravidi» (Diss. d.-m. Petrp. 1857 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, стр. 137.—«Рус. Арх.», 1869 г., № 12, стр. 2017. — «Исторія Императорской военной медицинской академіи за 100 лѣтъ», 1898 г., стр. 554.

Ѳаддей Како(у)йловичъ, архимандритъ, сынъ протопопа (ц. с. Песочнаго, Кашогорской протопопіи, луцкой епархіи) Лаврентія Степановича, род. около 1694 г. 11-ти лѣтъ отъ роду Ѳ. былъ отданъ въ Николаевскій Мѣлецкій монастырь для обученія русской грамотѣ и латинскому языку, въ 1709 г. перешелъ въ луцкую латинскую школу, черезъ два года—въ латинскую школу во Владимірѣ Польскомъ, въ 1713 г.—въ люблинскую и въ 1715 г.—во львовскую, которую окончилъ въ 1719 г. Въ маѣ 1719 г. онъ поступилъ въ число братіи Елецкаго Успенскаго монастыря, 13 сентября того же года постриженъ былъ въ монашество, 9 декабря посвященъ во іеродіакона и затѣмъ вскорѣ въ іеромонаха. 6 октября 1721 г. Ѳ. былъ опредѣленъ намѣстникомъ Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря; въ сентябрѣ 1722 г.—префектомъ и учителемъ риторики черниговскаго коллегіума. Въ февралѣ 1725 г., по прошенію, Ѳ. былъ уволенъ отъ намѣстничества и должностей по коллегіуму и отпущенъ на пребываніе въ Елецкій монастырь. Въ августѣ 1730 г. Ѳ. былъ вторично назначенъ префектомъ и учителемъ риторики коллегіи, 22 января 1732 г.—вторично же намѣстникомъ Новгородсѣверскаго монастыря и въ мартѣ 1733 г.—архимандритомъ этого

монастыря. Съ 1734 по 1737 г.г. онъ находился подъ судомъ по обвиненію въ неслуженіи въ царскіе и викторіальные дни установленныхъ службъ и пр. и все это время содержался подъ карауломъ въ Глуховѣ, Черниговѣ и Петербургѣ при Синодѣ и Тайной Канцеляріи. По опредѣленію Синода отъ 3 февраля 1736 г., Ѳ. отрѣшенъ былъ отъ настоятельства; 27 іюля 1737 г., по приговору Тайной Канцеляріи, нещадно наказанъ въ Синодѣ плетьми и при указѣ отъ 31 іюля отправленъ во «смиренія мѣсто», въ распоряженіе бѣлоградскаго архіепископа Петра. Опредѣленный 24 февраля 1738 г. настоятелемъ Судженской Предтечевой пустыни, Ѳ. 24 февраля 1739 г. былъ перемѣщенъ въ Святогорскій Успенскій монастырь, а 14 января 1741 г. былъ вызванъ Синодомъ въ Москву для участія въ производившемся тогда исправленіи славянскаго текста библіи, при чемъ ему было поручено временно, до окончанія исправленія, управлять Московскимъ Крестовоздвиженскимъ монастыремъ. Въ Москву Ѳ. прибылъ въ концѣ іюня того же г. и окончилъ работу (совмѣстно съ іером. Кирилломъ Флоринскимъ) къ сентябрю 1742 г. Трудъ его и его сотрудника, какъ видно изъ собственныхъ ихъ показаній, заключался въ томъ, чтобы привести въ порядокъ сдѣланныя ранѣе исправленія и, сверхъ того, сличить эти исправленія и весь текстъ (кромѣ Псалтири) съ извѣстными въ то время греческими кодексами. Сличеніе это производилось съ текстами Ватиканскимъ, Комплютенскимъ и Александрійскимъ, съ предпочтеніемъ, за нѣкоторыми исключеніями, послѣдняго, «дабы разоренія старой русской библіи текстомъ не учинилось». По окончаніи исправленія Ѳ. былъ отпущенъ въ Святогорскій монастырь, гдѣ и скончался 25 мая 1758 г.

Дѣла Архива Св. Синода: 1723 г., № 83; 1734 г., № 398; 1738 г., № 24.—«Описаніе докум. и дѣлъ Архива св. Синода», т.т. III и XIV.—«Чернигов. Епарх. Изв.», 1861 г., неоф. ч., стр. 163. — «Чтенія въ Общ. Ист. и Др.», 1884 г., II, отд. 1. — *М. Лилеевъ*, «Описаніе рукописей, хранящ. въ библіотекѣ Черниигов. дух. сем.», Спб. 1880 г., стр. 206.—*Филаретъ, архіеп.*, «Историко-статист. описаніе Харьковской еп.», М. 1852 г., отд. I. — *Его же*, «Истор.-стат. описаніе Черниговской еп.», кн. 3.—«Описаніе Новгородсѣверскаго Спасо-Преображенскаго первоклассмаго мужскаго м—ря», стр. 65—66 (Черн. 1873 г.).— «Святогорская Успенская общежит. пустынь, Харьков. еп.», изд. 5, Одесса, 1896 г.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ», Спб., 1877 г.

Н. Туб-въ.

Ѳаддей, Петрозаводскій юродивый, умеръ, по мѣстному преданію, въ 1726 г. Появился въ Петрозаводскѣ неизвѣстно откуда около 1706 г., уже во образѣ юродиваго. По словамъ современниковъ, Ѳ. жилъ до смерти въ небольшой хижинѣ къ сѣверу отъ Петропавловскаго собора, часто появляясь въ поселкѣ и на заводахъ; все время проводилъ въ постѣ, трудахъ и молитвѣ, изнуряя тѣло тяжелыми желѣзными веригами и крестомъ; обладалъ даромъ прозорливости и умѣніемъ подать нужный совѣтъ нуждающемуся въ духовной помощи; ревностно поддерживалъ, какъ могъ, чистоту православія и боролся съ мѣстнымъ расколомъ; за свои добродѣтели и духовную мудрость Ѳ. былъ окруженъ народнымъ почитаніемъ. Разсказываютъ, что самъ Петръ Великій почиталъ его. Впервые Петръ встрѣтился съ нимъ при посѣщеніи Петрозаводска въ январѣ—февралѣ 1719 г. Послѣ короткаго разговора царь убѣдился, что имѣетъ дѣло съ истиннымъ подвижникомъ, принялъ его подъ особое свое покровительство и даже разрѣшилъ во всякое время приходить къ себѣ для бесѣдъ, чѣмъ тотъ и пользовался при всякомъ случаѣ. Во время послѣдняго свиданія съ Петромъ въ 1724 г. Ѳ. разгнѣвалъ царя предсказаніемъ ему скорой смерти и былъ заключенъ подъ «честный присмотръ». По возвращеніи въ Петербургъ царь, тяжко заболѣвъ, вспомнилъ о предсказателѣ и чрезъ особо посланнаго курьера приказалъ дать ему свободу и производить пожизненную пенсію. Въ этихъ разсказахъ объ отношеніяхъ юродиваго и царя не все согласно съ сохранившимся собственноручнымъ письмомъ Петра о Ѳ. къ петрозаводскому ландрату Муравьеву, писанное въ Петрозаводскѣ въ 1724 г. Въ этомъ письмѣ Петръ писалъ: «здѣшней мужикъ, котораго зовутъ Ѳадѣемъ, старъ і кажетца *умалишенъ*..; дабы не было *блазни* (соблазна), велѣлъ я его к вамъ па заводы отвесть, дабы тамъ его кормить до смерти его». Въ томъ же письмѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія о Ѳ.: «живет в лѣсу, приходит і в деревнѣ (поселеніе), котораго здѣс за чюдо имѣють, а худобы, какъ і расколу (принадлежности къ расколу) не сказываютъ».

Ѳ. почитается мѣстнымъ населеніемъ за святого. На мѣстѣ погребенія его (въ оградѣ Петрозаводскаго Святодуховскаго собора) почитателями была выстроена сначала деревянная, а потомъ каменная часовня.

Е. Игнатій, «О путешествіяхъ Петра В. въ Олонецкій край». — «Памятная книжка Олонецкой губ. на 1858 г.». — *Архим. Ѳаддей,* «Мѣстночтимый блаж. Ѳ.» («Олонец. Епарх. Вѣд.», 1904 г., №№ 13—15). — *Е. Поселянинъ,* «Русская церковь и рус. подвижники 18-го вѣка», Спб., 1905. — *Архим. Никодимъ,* «Жизнеопис. отечеств. подвижниковъ 18 и 19 в.в.», январь м., М. 1906 г.

Н. Туб-въ.

Ѳадѣева, *Елена Павловна* (вошла въ букву **Ф**).

Ѳадѣевъ, *Андрей Михайловичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳадѣевъ, *Ростиславъ Андреевичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоренко, *Иванъ Ивановичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоровичъ, *Николай Андреевичъ,* контръ-адмиралъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей подводнаго плаванія, родился въ 1827 г. Воспитывался Ѳ. въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1844 г. былъ выпущенъ гардемариномъ. До Крымской кампаніи онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ на корабляхъ «Лефортъ», «Орелъ», «Россія», «Владиміръ», «Фершампенуазъ», «Полтава», фрегатѣ «Прозерпина» и бригѣ «Полинуръ», при чемъ въ 1846 г. былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1851 г.—въ лейтенанты. Когда въ 1854 г. англо-французскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ, то Ѳ—чу, находившемуся въ то время на кораблѣ «Прохоръ», пришлось участвовать въ защитѣ крѣпости Свеаборга. Въ слѣдующемъ году онъ состоялъ въ отрядѣ гребной флотиліи, защищавшей Кронштадтъ. Затѣмъ ему поручено было произвести опыты съ подводной лодкой лейбъ-гвардіи сапернаго батальона капитана Горна. Съ 1856 г. Ѳ. командовалъ винтовой подводной лодкой Баусра, винтовой лодкой «Роса» и броненосной лодкой «Тифонъ» и плавалъ на винтовомъ корветѣ «Посадникъ» и кораблѣ «Прохоръ», при чемъ въ 1860 г. онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Произведенный въ 1866 г. въ капитаны 2-го ранга, Ѳ. тогда же былъ назначенъ членомъ коммиссіи по критическому разбору плаванія судовъ за границей, а въ 1868 г. назначенъ младшимъ помощникомъ капитана петербургскаго порта. Эту должность онъ занималъ четыре года, при чемъ въ 1872 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Назначенный въ томъ же году состоять по морскому министерству, съ отчисленіемъ отъ должности младшаго помощника капитана петербургскаго порта, Ѳ. нѣсколько лѣтъ плавалъ на броненосной эскадрѣ балтійскаго флота въ качествѣ флагманскаго интенданта, для руководства судовъ при примѣненіи новыхъ правилъ судового хозяйственнаго устава. Въ 1879 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и уволенъ въ отставку. Скончался Ѳ. 24-го іюля 1891 г., на 64-мъ году отъ рожденія.

«Общій Морской Списокъ», т. 12, Спб., 1900 г., стр. 461—463. *Е. Я.*

Ѳедоровичъ, *Осипъ Николаевичъ,* стат. сов., штабъ-лѣкарь, родился 18 октября 1807 года и происходилъ изъ мѣщанъ. Медицинское образованіе Ѳ. получилъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, откуда въ 1882 г. былъ выпущенъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и назначенъ въ 37-й флотскій экипажъ. Получивъ въ 1840 г. отъ Харьковскаго университета званіе штабъ-лѣкаря, онъ въ 1850 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ 37-го же флотскаго экипажа, а въ слѣдующемъ году—письмоводителемъ инспектора Севастопольскаго порта и, кромѣ того, несъ обязанности врача 12-го рабочаго экипажа, изъ котораго въ 1858 г. былъ переведенъ во 2-й учебный морской экипажъ. Далѣе, съ 1863 г. Ѳ. служилъ врачемъ кадровъ мастеровыхъ и рабочихъ въ Николаевѣ, старшимъ запаснымъ судовымъ врачемъ Черноморскаго экипажа (съ 1867 г.) и тамъ-же не запаснымъ старшимъ врачемъ (съ 1871 г.). Назначенный въ 1871 г. дѣлопроизводителемъ канцеляріи начальника Николаевскаго порта, Ѳ. въ этой должности прослужилъ однако недолго и въ 1873 г. снова перешелъ на врачебно-практическую службу, занявъ должность старшаго судового врача Черноморской эскадры. Состоя болѣе 20-ти лѣтъ членомъ Общества Николаевскихъ морскихъ врачей, онъ за это время сдѣлалъ на засѣданіяхъ общества много разныхъ интересныхъ докладовъ и сообщеній. Кромѣ того, Ѳ. былъ сотрудникомъ нѣсколькихъ

медицинскихъ изданій. Такъ, въ «Медицинскихъ Прибавленіяхъ къ Морскому Сборнику» за 1862, 64 и 66 годы имъ были напечатаны: 1) отчеты о дѣятельности Общества Николаевскихъ морскихъ врачей за 1860—1865 гг. подъ заглавіемъ: «Обзоръ дѣятельности Общества морскихъ врачей въ Николаевѣ»; 2) «Къ біографіи Дмитрія Акимовича Голубкина» («Медиц. Приб. къ Морск. Сбор.» 1864 г., стр. 83) и 3) «Нѣсколько словъ о хлороформномъ изслѣдованіи съѣстныхъ припасовъ» (тамъ же, 1874 г., стр. 450). Скончался Ө. въ ноябрѣ 1883 г. въ Николаевѣ.

Л. Ө. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I (Спб., 1886 г.), тетр. 2, стр. 139.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IV, стр. 18 (Спб., 1888 г.).—«Медицинскій Списокъ» 1840 и 1845 гг. *Е. Я.*

Өедоровскій, *Алексѣй Акимовичъ*, с. с., врачъ, родился въ 1835 г. По окончаніи въ 1855 г. Московскаго университета онъ опредѣлился въ медико-хирургическую академію, откуда въ 1859 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ и тогда же назначенъ въ Астраханскій военный госпиталь. Въ 1863 г. онъ перешелъ въ Тобольскій пѣхотный полкъ, а въ слѣдующемъ году—въ 39-й пѣхотный резервный баталіонъ. Прикомандированный въ 1867 г. съ научной цѣлью къ Московскому военному госпиталю въ качествѣ ординатора, онъ въ томъ же году поступилъ сначала въ 56-ой пѣхотный Бутырскій, а потомъ въ 67-ой пѣхотный Тарутинскій полкъ. Въ 1869 г. Ө. вновь съ научной цѣлью былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Московскаго военнаго госпиталя, а въ слѣдующемъ году опредѣлился въ 1-ый гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. Получивъ въ томъ же году степень доктора медицины въ Московскомъ университетѣ, онъ былъ назначенъ старшимъ врачемъ сначала 53-го пѣхотнаго резервнаго баталіона, а потомъ въ 1873 г. Вологодскаго баталіона. Въ 1875 г. онъ состоялъ ординаторомъ Вологодской губернской земской больницы; въ 1877 г.—главнымъ врачомъ временно-военнаго № 76, а въ 1878 г. № 17 госпиталей и въ томъ же году перевелся старшимъ врачомъ 82-го пѣхотнаго резервнаго баталіона. Умеръ Ө. отъ грудной жабы въ 1883 г. Ему принадлежатъ двѣ печатныя работы: «О хинондинѣ въ перемежающейся лихорадкѣ» («Военно-медицинскій журн.», 1865 г., ч. 92, II, 89—98) и докторская диссертація: «О дѣйствіи растворовъ сѣрно-кислаго атропина на приспособленіе зрѣнія и зрачекъ человѣческаго глаза» (Тамъ же, 1872 г., ч. 113, IV, 1—52).

Л. Ө. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. II, стр. 177 (СПБ. 1889 г.).

Өедоровскій, *Михаилъ Яковлевичъ*, вице-адмиралъ свиты Е. И. В., директоръ императорскаго департамента морского министерства, членъ главнаго военно-тюремнаго комитета и комитета морскихъ учебныхъ заведеній, родился въ морской семьѣ 7-го ноября 1825 г. Опредѣленный въ 1837 г. кадетомъ въ Морской кадетскій корпусъ, онъ черезъ два года былъ произведенъ въ гардемарины, а въ 1841 г.—въ мичманы. Со времени своего производства въ гардемарины и до 1845 г. Ө. плавалъ на разныхъ судахъ въ Финскомъ заливѣ и Балтійскомъ морѣ, ничѣмъ особенно не выдѣляясь изъ среды своихъ товарищей—молодыхъ мичмановъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ заинтересовался гидрографическими работами, началъ изучать ихъ и былъ назначенъ на бригъ «Несторъ» производить опись и промѣры въ Финскомъ заливѣ. Въ томъ же 1845 г. его произвели въ лейтенанты съ прикомандированіемъ къ Морскому кадетскому корпусу, при которомъ онъ состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, плавая съ кадетами въ Финскомъ заливѣ. Второй разъ въ 1849 г. Ө. производилъ опись и промѣры въ Финскомъ заливѣ на шхунѣ «Дождь». Затѣмъ въ теченіе 1851 и 1852 гг. онъ плавалъ въ Нѣмецкомъ морѣ на кораблѣ «Красной» и тогда же былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Съ началомъ войны 1853—1856 гг. Ө—му было приказано на фрегатѣ «Аврора» перейти изъ Кронштадта въ Петропавловскъ. «Аврора» пришла къ мѣсту ея назначенія въ то время, когда у Петропавловска появилась уже союзная эскадра, намѣревавшаяся высадить дессантъ. Завязалось дѣло, кончившееся отраженіемъ англо-французской эскадры, которая вынуждена была отойти отъ Петропавловска. За отличія, выказанныя въ этомъ дѣлѣ, Ө. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ томъ же 1854 году онъ былъ произведенъ за отличіе въ капитанъ-лей-

тенанты. Въ слѣдующемъ году ему со своимъ фрегатомъ пришлось оставить Петропавловскъ и перейти въ Татарскій проливъ, куда проникла англо-французская эскадра. 8-го мая въ заливѣ де-Кастры завязалось морское сраженіе, длившееся два дня. За отличія, выказанныя въ этомъ сраженіи, Ѳ. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ бантомъ. Въ цѣляхъ помѣшать дальнѣйшимъ попыткамъ союзной эскадры высадить дессантъ, рѣшено было въ устьѣ Амура возвести сильныя береговыя батареи и перевезти подъ ихъ охрану изъ Петропавловскаго порта казенное имущество. Дѣло это возложено было на Ѳ. и выполнялось имъ почти все время въ виду непріятельской эскадры. Несмотря на это, береговыя батареи были возведены быстро и хорошо, и все казенное имущество благополучно доставлено изъ Петропавловскаго порта. Постройка береговыхъ батарей имѣла огромное значеніе, такъ какъ англо-французская эскадра, видя, что ей уже не удастся высадить дессантъ въ устьѣ Амура, покинула Татарскій проливъ. За оказанныя отличія какъ при возведеніи береговыхъ батарей, такъ и при перевозкѣ казеннаго имущества изъ Петропавловскаго порта, Ѳ. былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». По окончаніи войны онъ возвратился въ Кронштадтъ, но въ 1858 г. на винтовомъ корветѣ «Опричникъ» вернулся къ устью Амура и снова на винтовомъ корветѣ «Новикъ» перешелъ въ Кронштадтъ. Въ 1860 г. Ѳ. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а въ 1862 г. — въ капитаны 1-го ранга. Въ этотъ періодъ времени онъ командовалъ фрегатами «Громобой», «Александръ Невскій» (на которомъ перешелъ изъ Кронштадта къ берегамъ Сѣверной Америки, а оттуда отправился въ Средиземное море и прибылъ изъ Ниццы въ Кронштадтъ съ тѣломъ наслѣдника цесаревича Николая Александровича), «Генералъ Адмиралъ» и «Мининъ», съ которыми плавалъ въ Средиземномъ и Балтійскомъ моряхъ. Въ 1865 году Ѳ. былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, а въ 1871 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Находясь въ свитѣ Е. В., онъ тогда же занялъ должность начальника отряда судовъ въ Тихомъ океанѣ, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ. Вернувшись снова въ Кронштадтъ, онъ былъ назначенъ въ 1873 г. начальникомъ штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта. Въ Кронштадтѣ Ѳ. прослужилъ семь лѣтъ, исполняя, кромѣ вышеназванной должности, еще должность начальника походнаго штаба соединенныхъ эскадръ и судовъ при Высочайшемъ смотрѣ флоту на Кронштадтскомъ рейдѣ, а во время русско-турецкой войны 1878 г. былъ назначенъ начальникомъ морского штаба при начальникѣ береговой и морской обороны Кронштадта. Въ 1880 г. состоялось назначеніе Ѳ. на постъ директора инспекторскаго департамента морского министерства, съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества, а въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы. Въ теченіе своей сорокалѣтней службы Ѳ. совершилъ 23 шестимѣсячныхъ кампаніи и три кругосвѣтныхъ плаванія. Служба его, какъ выдающагося моряка, была отличена многими иностранными и русскими орденами, до ордена св. Владиміра 2-й ст. включительно. Въ концѣ 1870-хъ годовъ здоровье его сильно расшаталось, лѣченіе мало помогало, и въ 1881 году онъ рѣшилъ отправиться въ Каиръ или въ Алжиръ, но по дорогѣ, въ Берлинѣ, онъ почувствовалъ себя очень плохо, и, пріѣхавъ въ Парижъ, скончался тамъ 25-го января 1881 г.

«Общій Морской Списокъ», т. XII, Спб. 1900 г., стр. 467—470.—«Новое Время», 1881 г., № 1770.—«Кронштадтскій Вѣстникъ», 1881 г., № 13.—«Русскій Календарь» на 1882 г., стр. 267. *Е. Я.*

Ѳедоровъ, *Александръ Ильичъ,* полковникъ л.-гв. Егерскаго полка, родился въ 1774 г. въ дворянской семьѣ Орловской губ. Въ 1793 г. Ѳ. поступилъ изъ статской службы капраломъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ въ томъ же году былъ произведенъ въ сержанты, пожалованъ поручикомъ и кавалергардомъ Кавалергардскаго корпуса, съ зачисленіемъ въ Нижегородскій мушк. полкъ. При расформированіи же кавалергардовъ былъ произведенъ въ капитаны (1796 г.) и опредѣленъ въ Ярославскій мушк. полкъ. Въ 1799 г. онъ принялъ участіе въ походѣ на островъ Корфу. Произведенный въ слѣдующемъ году въ майоры, съ 1802 по 1806 гг. находился въ дессантномъ отрядѣ въ Неаполѣ. Въ 1806 г. онъ былъ за бригадъ-майора въ корпусѣ гр. Буксгевдена, вступившемъ въ Пруссію, и участвовалъ въ дѣлахъ при Янковѣ и Прейсишъ-

Эйлау, при чемъ за оказанное здѣсь отличіе былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Затѣмъ Ѳ. находился при преслѣдованіи непріятеля до рѣки Пассарги, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст., и въ сраженіяхъ при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за что получилъ орденъ св. Владиміра 3-й ст. Переведенный въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1806 г. подполковникомъ въ Углицкій мушк. полкъ, Ѳ. въ 1808 г. былъ опредѣленъ въ 3-й Егерскій полкъ и тогда же принялъ участіе въ осадѣ Свеаборга, будучи награжденъ за это дѣло орденомъ св. Анны 2-й ст., украшеннымъ алмазами, а за дѣло при киркѣ Уалемо удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Въ 1809 г. Ѳ. былъ назначенъ полковымъ командиромъ 4-го Егерскаго полка, а въ 1810 г. пожалованъ полковникомъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Жизнь свою Ѳ. окончилъ въ походахъ, смертельно раненый въ бою въ 1813 г.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1762—1801)», стр. 198.

Ѳедоровъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, педагогъ, умеръ въ селѣ Осташковѣ (Тверской губерніи) 5 іюня 1892 г., 55 лѣтъ отъ роду. Ѳ. былъ преподавателемъ въ Московскомъ театральномъ училищѣ, въ 1-й московской женской гимназіи и въ Строгановскомъ центральномъ училищѣ; въ послѣднемъ онъ служилъ четырнадцать лѣтъ. Наибольшая часть педагогической дѣятельности его принадлежитъ театральному училищу, куда онъ поступилъ 12 января 1873 г. учителемъ русской словесности, литературы и декламаціи на женской половинѣ балетнаго отдѣленія училища и гдѣ въ общемъ прослужилъ около двадцати лѣтъ. 1 сентября 1888 г. при этомъ училищѣ были открыты драматическіе курсы, и Ѳ. былъ приглашенъ занять на этихъ курсахъ каѳедру исторіи драмы и театра. Въ качествѣ человѣка, преданнаго интересамъ сценическаго искусства, знатока дѣла и опытнаго преподавателя его, Ѳ. былъ избранъ почетнымъ членомъ конференціи театральнаго училища. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ былъ преподавателемъ, Ѳ. пользовался любовью воспитанниковъ и уваженіемъ товарищей, какъ за свою педагогическую опытность и талантъ, такъ и за личныя достоинства. Въ послѣдніе годы жизни Ѳ. его здоровье было значительно разстроено непосильными трудами. Ѳ. былъ директоромъ Московскаго общества охоты и долгое время состоялъ казначеемъ общества размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты. Похороненъ Ѳ. въ Москвѣ, въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

«Московскія Вѣдомости», 1892 г., № 156.— «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ сезона 1891—1892 г.» — «Новое Время», 1892 г., № 5846. *В. Грековъ.*

Ѳедоровъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, преподаватель правовѣдѣнія въ Казанскомъ университетѣ, родился въ 1800 г. и происходилъ изъ дворянъ Пензенской губ. Получивъ первоначальное образованіе въ частномъ пансіонѣ, онъ опредѣлился въ 1816 г. на службу въ канцелярію пензенскаго губернатора. Въ 1817 г. онъ поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Казанскій университетъ, гдѣ окончилъ въ 1821 г. курсъ по нравственно-политическому отдѣленію съ званіемъ студента-кандидата, и тогда же опредѣлился на службу въ канцелярію директора университета. Въ слѣдующемъ году ему поручена была должность преподавателя римскаго и русскаго уголовнаго права и судопроизводства, каковыя науки онъ преподавалъ подъ руководствомъ проф. Сергѣева. Въ 1824 г. Ѳ. былъ утвержденъ въ степени магистра правовѣдѣнія, а въ слѣдующемъ году уволенъ изъ вѣдомства университета. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

Н. П. Загоскинъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета», ч. II, стр. 94.

Ѳедоровъ, *Ананія*, священникъ, историкъ суздальскаго края, сынъ священника Воскресенской церкви въ г. Суздалѣ Ѳедора Тихоновича, род. въ 1711 или 1712 г., ум. (на 52-мъ году жизни) 26 декабря 1762 или 1763 г. Школьнаго образованія не получилъ. По семейному преданію, еще въ 1719 г., имѣя всего 8 лѣтъ отъ роду, онъ былъ опредѣленъ (зачисленъ для полученія доходовъ?) чтецомъ къ Казанской суздальской церкви. Неизвѣстно когда былъ переведенъ въ суздальскій каѳедральный соборъ и посвященъ въ иподіакона. Въ концѣ 1740 г. онъ былъ взятъ еп. суздальскимъ Симономъ въ Петербургъ, гдѣ провелъ полтора года. По возвращеніи оттуда Ѳ. былъ посвященъ во священника и затѣмъ на-

значенъ ключаремъ суздальскаго собора, каковымъ и оставался до смерти. Ѳ. написалъ: «Краткое собраніе изъ различныхъ лѣтописцевъ о преосвященныхъ епископѣхъ, архіепископѣхъ и митрополитѣхъ суждальскихъ, когда, кто и по комъ, и колико правилъ.... и что каковыхъ при комъ достопамятныхъ вещей имѣлось, и колико прейде лѣтъ до сего 1752 г.» и обширное (переработка предыдущаго) «Историческое собраніе о богоспасаемомъ градѣ Суждалѣ, о построеніи и именованіи его, и о бывшемъ прежде въ немъ великомъ княженіи и о прочемъ къ тому потребномъ»...., въ 3 частяхъ. Послѣднее сочиненіе составлено на основаніи многочисленныхъ источниковъ (лѣтописей, грамотъ, житій, Патерика, Четьи-Миней, Степенной книги, писцовыхъ книгъ, надписей и пр.) и заключаетъ въ себѣ, кромѣ исторіи города, б. княжества и іерархіи, многія данныя о населенныхъ мѣстахъ суздальской епархіи, о церквахъ, монастыряхъ, рѣкахъ, озерахъ, населеніи, святыняхъ и т. п. Въ 1825 г. рукопись его была выписана въ Академію Наукъ, гдѣ съ нея сняли двѣ копіи для Академіи и Румянцевскаго музея. Въ настоящее время нерѣдки списки его, большею частью въ редакціи, исправленной и дополненной по смерти автора. Извлеченіе изъ Истор. Собр. напеч. въ XIX т. «Др. Рос. Вивл.»; часть подробнаго текста (по списку 1846 г., съ позднѣйшими дополненіями)—въ XXII т. «Врем. Моск. Общ. Исторіи».

Макаровъ М.,—«Описаніе рукоп. суздал. соборн. библ.» («Вѣстн. Евр.», 1821 г., № 20).—*Евгеній М.*, «Словарь истор. о писат. дух. ч.», Спб., 1827, т. I.—*Филаретъ, архіеп.*, «Обзоръ рус. дух. лит.», Спб., 1884 г.—*Знаменскій, Е.*, «Ананія Ѳедоровъ» («Владим. Губ. Вѣд.», 1851 г., № 2).—*Іоасафъ, іером.*—«Истор. зам. о Владим. губ.», 1854 г., № 33.

Н. Туб-въ.

Ѳедоровъ, *Борисъ Григорьевичъ*, граверъ рѣзцомъ, родился 24-го марта 1793 г. Поступивъ въ 1801 г. въ Академію Художествъ, онъ въ 1811 г. былъ переведенъ въ натуральный классъ, а въ 1815 г. получилъ аттестатъ 2-й степени и оставленъ при Академіи для усовершенствованія. Въ 1817 г. онъ числился въ граверномъ классѣ. Скончался Ѳ. въ 1831 г. Ему принадлежатъ слѣдующія гравюры: «Стадо» (1816), «Итальянскій видъ», «Лейпцигская баталія» (1818), «Сраженіе при Фершампенуазѣ», «Валаамскій монастырь», заголовокъ: «Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества», два архитектурныхъ чертежа (оба начаты Ефимовымъ, а окончены Ѳ.) и изображеніе солдата съ ружьемъ на плечѣ (1817).

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.», стр. 801.—*П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ», ч. II, стр. 3, 70, 71, 93.

Ѳедоровъ, *Василій Михайловичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоровъ, *Василій Ѳедоровичъ,* докторъ математическихъ наукъ, ординарный профессоръ астрономіи въ Кіевскомъ университетѣ, родился въ 1802 г. и былъ воспитанникомъ Импер. петербургскаго воспитательнаго дома, откуда поступилъ въ число студентовъ Дерптскаго университета (1823 г.) по математическому отдѣленію философскаго факультета. Въ 1825 г. онъ состоялъ уже въ должности помощника при директорѣ дерптской астрономической обсерваторіи Струве. Въ 1827 г. Ѳ. былъ награжденъ золотою медалью за сочиненіе, которое было признано достойнымъ напечатанія на счетъ университета, и въ томъ же году окончилъ курсъ со степенью кандидата философіи, но оставленъ былъ еще на 2 года при университетѣ на иждивеніи воспитательнаго дома. Въ званіи помощника директора дерптской обсерваторіи онъ оставался по 1834 г. Въ 1829 г. Ѳ. сопровождалъ, въ качествѣ астронома, проф. Паррота-сына въ его ученомъ путешествіи и восхожденіи на Араратъ, цѣлью котораго было производство гипсометрическихъ измѣреній и наблюденій надъ маятникомъ. По возвращеніи оттуда Ѳ. продолжалъ свои занятія въ качествѣ астронома-наблюдателя въ Дерптѣ. Въ 1832 г. онъ былъ командированъ на 3 года въ юго-западную Сибирь для опредѣленія точекъ между 50 и 60 градусами широты, но командировка эта была продлена еще на одинъ годъ, послѣ чего онъ былъ опредѣленъ и. д. ординарнаго профессора въ университетѣ св. Владиміра. По защитѣ въ 1839 г. диссертаціи подъ заглавіемъ: «О точномъ опредѣленіи географическаго положенія пунктовъ, видимыхъ изъ значительной дали», онъ былъ утвержденъ въ степени доктора математическихъ наукъ и опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ астрономіи. Въ слѣдующемъ году Ѳ. былъ назначенъ

деканомъ II отдѣленія философскаго факультета, въ 1841 г.—проректоромъ и въ 1843 г.—ректоромъ того же университета. По окончаніи четырехлѣтія Ө. просилъ освободить его отъ выбора на новое четырехлѣтіе, такъ какъ онъ, по званію профессора астрономіи, долженъ былъ завѣдывать устроенною имъ астрономическою обсерваторіею, отстоящею въ дальнемъ разстояніи отъ университета. Просьба его была уважена. Скончался Ө. 24-го марта 1855 г. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: 1) «Auszug aus Fedorov's astronom. und trigonometrischen Beobachtungen, auf Parrot's Reise zum Ararat und deren Resultate», 1834; 2) Auszüge aus Fedorov's Briefen an W. Struve», 1835 (на рус. яз. въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1834 г., ч. III); 3) Rapport sur le voyage de M. Fedoroff en Sibérie par W. Struve»; 4) Vorläufige Berichte über die von ihm in den Jahren 1832—1837 in West-Sibirien ausgeführten astron.-geograph. Arbeiten. Herausgegeb. von W. Stuve, St.-Petersb.», 1838; 5) «О мнимомъ противорѣчіи между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго—вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку небо невидимое—духовное» (рѣчь, читанная на актѣ 15-го іюля 1837 г. «Журн. М. Нар. Просв.», ч. XXV); 6) «О солнечномъ затменіи, бывшемъ въ Россіи 26-го іюня 1842 г., въ Черниговѣ» («Журн. М. Н. Пр.», ч. XXXV) и 7) «О мѣрахъ, какія со стороны астрономической обсерваторіи университета св. Владиміра приняты были для наблюденія солнечнаго затменія, бывшаго 16/28 іюля 1851 г.».

В. С. Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. университета св. Владиміра (1834—1884 г.)», стр. 796—799.

Өедоровъ, *Василій*, московскій уроженецъ, или только житель; написалъ въ 1812 г. и подалъ въ Касцову часовню посланіе къ послѣдователямъ новоженскаго толка безпоповщинскаго старообрядческаго согласія, въ которомъ обличалъ ихъ и убѣждалъ оставить свой неправый разумъ и помышленія.

Петровъ Н., «Опис. рукоп. собр., наход. въ Кіевѣ», I, М. 1892 г.—*Дружининъ В. Г.*, «Писанія рус. старообрядцевъ», Спб. 1912 г.

Өедоровъ, *Григорій*, кошевой атаманъ запорожскаго войска. Въ царствованіе императрицы Елизаветы не разъ обращался въ Сенатъ съ жалобами на притѣсненія запорожцевъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ Сенатъ приказалъ перенести запорожскіе зимовники, находившіеся по сю сторону рѣчки Самоткани, куда-нибудь въ другое мѣсто въ запорожскихъ-же дачахъ, чтобъ впредь не было никакихъ ссоръ съ сосѣдями и «гайдамацкаго воровства», такъ какъ гайдамаки имѣли здѣсь свое пристанище. Гетманъ К. Разумовскій запросилъ по этому поводу мнѣнія кошевого атамана. Видя, что, вслѣдствіе неопредѣленности границъ, новые переселенцы придвигаются все ближе и ближе къ Сѣчи, запорожцы просили, чтобы у старосамарскихъ жителей отнято было право владѣть мѣстами по рѣкѣ Самарѣ и чтобы войску запорожскому даны были грамоты на всѣ ихъ давнишнія земельныя владѣнія, а таковыми они считали всѣ земли по Днѣпру отъ Переволочной. Сенатъ отклонилъ эту просьбу запорожцевъ и предложилъ, чтобы для рѣшенія спора гетманъ, комендантъ крѣпости св. Елисаветы и войско запорожское назначили особыхъ людей, которымъ было бы поручено описать и нанести на карту всѣ земли запорожскія съ угодьями. Возможно, что въ этой работѣ атаманъ Ө. принималъ и личное участіе, такъ какъ по тому же самому дѣлу въ 1762 г. онъ былъ посланъ въ Петербургъ къ императрицѣ Екатеринѣ. Отстаивая интересы Запорожья, Ө. добился своей цѣли: указомъ отъ 6 февраля 1763 г. императрица пожаловала запорожскому войску новыя регаліи, а кошевому атаману медаль, вѣсомъ въ 50 червонцевъ, для ношенія на шеѣ. Земельный споръ былъ также рѣшенъ въ ихъ пользу. Но уже въ концѣ того-же 1763 года Ө., вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, сложилъ съ себя должность кошевого, побуждаемый къ тому и преклоннымъ возрастомъ и волненіями, начавшимися въ средѣ самого войска.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. Т-ва «Общественная Польза», кн. 5, стр. 968, 969.—*Ю. Б. Иверсенъ*, «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ», Спб., 1883 г., стр. 283.

А. Г.

Өедоровъ-Челяднинъ, *Иванъ Петровичъ*, конюшій бояринъ, пожалованный въ эту должность въ 1550 г.; выбылъ по списку бояръ въ 1565 г. Извѣстно, что

онъ принималъ участіе въ заговорѣ противъ Глинскихъ. Въ 1567 г. онъ вмѣстѣ съ женою былъ невинно казненъ Іанномъ Грознымъ, за что князь Курбскій упрекалъ Грознаго, говоря: «убилъ мужа, въ роду свѣтла, Іоанна Петровича уже въ совершенномъ вѣку бывша; и жену его Марію, воистину святую, погубилъ». По свѣдѣніямъ Таубе и Крузе, Іоаннъ закололъ Ѳ. своею рукою, а Гаваньини пишетъ, что царь разгнѣвался на Ѳ. за мнимый умыселъ овладѣть престоломъ; нарядилъ его въ царскую одежду, посадилъ на тронъ, поклонился, поздравилъ и тутъ же вонзилъ ему въ сердце ножъ.

Н. Зезюлинскій, «Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи», вып. I, стр. 77.—«Сказанія князя Курбскаго» (Спб. 1833 г.), стр. 137; прим. 150.—«Древн. Рос. Вивл.», т. XX, стр. 37, 48.

Ѳедоровъ - Чмыховъ, *Евстафій Савельевичъ,* талантливый журналистъ, сотрудникъ многихъ газетъ и юмористическихъ журналовъ, родился въ Вильнѣ 21-го февраля 1861 г. По окончаніи курса въ виленской гимназіи поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, но съ 3-го курса перешелъ въ Москву, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1883 г. со степенью кандидата. Вслѣдъ затѣмъ онъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при уральскомъ губернаторѣ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Еще будучи въ послѣднихъ классахъ гимназіи, онъ посылалъ свои «шалости пера» въ юмористическія изданія, но это были случайныя работы. Литературная дѣятельность его началась въ Москвѣ, гдѣ онъ писалъ въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», въ «Будильникѣ», подъ псевдонимомъ «Натанъ немудрящій» и въ «Развлеченіи», состоя съ 1884 г. фактическимъ редакторомъ этого журнала. Какъ человѣкъ образованный и энергичный, онъ успѣвалъ работать и какъ публицистъ, и какъ корреспондентъ, и какъ ядовитый юмористъ. Въ концѣ 1885 г. Ѳ. переселился въ Петербургъ и, не прерывая связей съ московскими изданіями, сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Петербургскаго Листка» подъ псевдонимомъ «Онъ-же», «Тэта» и «Incognitenko», а по временамъ писалъ въ журналахъ «Осколки» и «Стрекоза» подъ буквою Ѳ. Литературный талантъ Ѳ. отличался яркимъ юмористическимъ оттѣнкомъ. Вполнѣ оригинальный, чуждый какихъ-либо подражаній, юморъ его всегда былъ изященъ, порою ядовитъ, мѣтокъ, хлестокъ, безъ грубыхъ штриховъ и черезчуръ сильныхъ красокъ. Предметомъ его юмора были «злобы дня», при чемъ каждый даже самый сухой общественный фактъ преображался въ его передѣлкѣ въ забавную, занимательную, юмористическую картинку. Какъ человѣкъ, Ѳ. пользовался симпатіей сотрудниковъ за веселый нравъ и неизсякаемое остроуміе. Умеръ онъ 25-го февр. 1888 г. отъ чахотки на 27-мъ году жизни и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

«Петерб. Листокъ», 1888 г., № 57.—Энц. слов. Брокгауза Ефрона, т. 82, стр. 886.

Ѳедоровъ (или **Ѳедоровичъ**), *Иванъ*, иначе *Иванъ Друкарь*, діаконъ, принимаемый за перваго печатника въ Россіи, ум. 5 декабря 1583 г. Теперь почти нѣтъ сомнѣнія, что Ѳ. въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть называемъ русскимъ первопечатникомъ: не говоря о томъ, что есть ясныя свидѣтельства о существованіи въ Москвѣ ранѣе его мастеровъ печатнаго дѣла, библіографіи извѣстны нѣсколько печатныхъ книгъ, безспорно вышедшихъ до появленія перваго его изданія и именно въ Москвѣ. О происхожденіи и жизни Ѳ. до выступленія въ роли типографа неизвѣстно ничего точнаго. Одни догадываются, что онъ былъ родомъ москвичъ, другіе даютъ вѣру темному извѣстію о происхожденіи его изъ с. Николы Гостуни, Лихвин. у., Калуж. губ. Исторіи онъ становится извѣстенъ, какъ вдовый діаконъ Николо-Гостунской кремлевской ц., которому вмѣстѣ съ Петромъ Мстиславцемъ, царь и м. Макарій поручаютъ въ 1563 г. устройство типографіи въ Москвѣ. Это порученіе предполагаетъ полное имъ знаніе къ тому времени типографскаго искусства и извѣстность съ этой стороны митрополиту и царю, а писанныя имъ послѣсловія къ изданіямъ свидѣтельствуютъ о начитанности въ святоотеческой и современной литературѣ. Гдѣ, когда и въ какихъ условіяхъ могъ выучиться Ѳ. своему искусству, эти вопросы остаются открытыми, хотя и часто поднимаются въ подлежащей литературѣ. Дѣятельность его началась въ 1563 г., послѣ того, какъ былъ построенъ на царскія средства типографскій домъ, приготовлены инструменты и шрифты и набраны или подго-

товлены помощники—«клевреты». 19 апр. этого года онъ вмѣстѣ съ Петромъ М. приступилъ «первѣе» къ печатанію Апостола, который вышелъ въ свѣтъ 1 марта 1564 г., въ очень совершенномъ въ типографскомъ отношеніи видѣ. 2 сент. 1565 г. былъ начатъ и 29 окт. того же года оконченъ Часословъ, послѣдній трудъ печатниковъ въ Москвѣ. Послѣ этого съ ними произошло что-то непонятное. Несмотря на покровительство царя (м. Макарія уже не было въ живыхъ), печатники терпятъ гоненія отъ невѣждъ, обвиняются въ ереси и послѣ пожара типографіи отъ поджога врагами бѣгутъ въ Литву. Бѣгство это, надо полагать, не было очень поспѣшнымъ, такъ какъ бѣглецы захватили съ собою много казеннаго типографскаго матеріала, а Ѳ. взялъ, сверхъ того, и своихъ дѣтей, которыхъ было нѣсколько и среди которыхъ были малолѣтніе (изъ нихъ извѣстно имя одного старшаго сына Ивана, впослѣдствіи помогавшаго отцу въ книгопечатаніи). Въ Литвѣ, благодаря хлопотамъ литовскаго гетмана Г. А. Ходкевича, печатники встрѣтили хорошій пріемъ у короля и пановъ литовской рады. Это могло быть въ концѣ 1565, или началѣ 1566 г. въ Вильнѣ, или въ половинѣ 1567 г. въ Гроднѣ, ибо въ подразумѣваемое время лишь въ эти годы въ указанныхъ городахъ держались литовскіе сеймы въ присутствіи Сигизмунда-Августа. Ходкевичъ пріютилъ бѣглецовъ у себя, продолжительное время содержалъ ихъ и даже подарилъ Ѳ. «немалу весь» въ окрестностяхъ Заблудова. Вскорѣ въ Заблудовѣ, или, быть можетъ, въ помянутой веси, на средства того же гетмана, Ѳ. открылъ типографію, въ которой 17 марта 1569 г., совмѣстно съ Мстиславцемъ, напечаталъ Учительное Евангеліе, а въ 1570 г. одинъ—Слѣдованную Псалтирь. Старость, болѣзни и разныя затрудненія заставили, однако, Ходкевича закрыть типографію. Ѳ. принужденъ былъ нѣкоторое время жить въ своей деревнѣ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ, но, какъ самъ онъ разсказываетъ, влеченіе къ «богоизбранному дѣлу», посредствомъ котораго онъ призванъ былъ разсѣевать по вселенной духовныя сѣмена и всѣмъ по чину раздавати духовную пищу, не дало ему покоя. Въ 1572 г., въ самый разгаръ моровой язвы, по трудной и длинной дорогѣ, терпя всевозможныя лишенія, съ дѣтьми и типографскимъ имуществомъ, онъ перебравляется въ Львовъ. Здѣсь со слезами и униженіями, какъ милостыню, выпрашиваетъ онъ у небогатой части горожанъ небольшую сумму денегъ и, вопреки противодѣйствію львовскаго столярнаго цеха и городского совѣта, не разрѣшавшихъ ему держать у себя непринадлежавшаго къ цеху столяра и производить необходимыя столярныя работы, оборудываетъ къ январю 1573 г. собственную типографію и 15 февраля слѣдующаго года издаетъ московскимъ шрифтомъ Апостолъ. Споры ли съ цехомъ, или денежныя затрудненія (въ 1574 г. Ѳ. заложилъ въ первый разъ свою типографію), заставили его 2 марта 1575 г. поступить на службу къ кн. Константину Острожскому «справцемъ», или «державцемъ» (управляющимъ) принадлежавшаго князю Дерманскаго монастыря. 25 марта 1575 г. онъ былъ во Львовѣ и выдалъ довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ, именуясь еще львовскимъ жителемъ. 9 авг. того же года въ луцкія гродскія книги занесена запись объ обѣщаніи его, какъ державца Дерманскаго м., дать удовлетвореніе за грабежъ, учиненный монастырскими людьми въ имѣніи пановъ Спасовскихъ. 16 авг. онъ лично присутствовалъ во львовскомъ судѣ. 2 апрѣля 1576 г., по приказанію кн. Острожскаго, совершаетъ во главѣ вооруженной толпы монастырскихъ слугъ наѣздъ на имѣніе Спасовскихъ, въ результатѣ чего въ луцкихъ гродскихъ книгахъ появляется жалоба на него въ нанесеніи побоевъ и ограбленіи пановъ и ихъ крестьянъ. Тоже происходитъ, безъ приказанія князя, и 26 іюня того же года. Повидимому, въ концѣ 1576 г. Ѳ. покинулъ Дермань и перешелъ въ Острогъ. Кажется, отсюда и не позже марта 1577 г. онъ уходилъ въ предѣлы Турціи и Валахіи, по всей вѣроятности, по порученію кн. Константина, съ цѣлью пріобрѣтенія въ тамошнихъ греческихъ и болгарскихъ монастыряхъ исправныхъ списковъ священныхъ книгъ для задуманнаго княземъ изданія Библіи и приглашенія лицъ, способныхъ редактировать текстъ этого изданія. Въ апрѣлѣ 1577 г. Ѳ. заходилъ во Львовъ, гдѣ оставилъ 300 злотыхъ для отсылки въ Краковъ за поставляемую оттуда бумагу. Тамъ же мы встрѣчаемъ его 15 іюня того же года, когда онъ присутствуетъ въ судѣ по дѣлу нѣкоего Сѣдельника, 22 окт.

того же года, когда погашаются его обязательства къ какому-то сербу изъ Сочавы, и 2 марта 1579 г., когда онъ выдаетъ сыну довѣренность на веденіе своихъ дѣлъ и закладываетъ типографію со всѣми принадлежностями и книгами львовскому еврею Якубовичу. Въ 1580 г. Ѳ. работалъ въ княжеской Острожской типографіи, откуда выпустилъ въ этомъ году Псалтирь съ Новымъ Завѣтомъ и знаменитую Острожскую Библію. 5 мая 1581 г. онъ издалъ Хронологію Андрея Рымши и 12 августа перепечаталъ заглавный листъ и выходъ Библіи. 3 февр. 1582 г. онъ уже во Львовѣ на постоянномъ жительствѣ. Отъѣзду изъ Острога предшествовали, или же были послѣдствіемъ его, какіе-то непріятные счеты съ кн. Константиномъ, такъ какъ князь, по пріѣздѣ Ѳ. во Львовъ, налагаетъ арестъ на часть его имущества. Во Львовѣ Ѳ. хлопочетъ объ оборудованіи новой друкарни. Онъ заказываетъ вывезенному изъ Острога своему ученику-мастеру Гриню Ивановичу два новыхъ шрифта, покупаетъ бумагу, ищетъ деньги на предстоящіе расходы и пр. Внезапное бѣгство Гриня, вернувшагося только 3 февр. 1583 г., и другія обстоятельства не даютъ ему покончить съ приготовленіями и перейти къ дѣлу. Въ январѣ 1583 г. онъ принимаетъ въ Краковѣ заказъ на поставку правительству малой мѣдной пушки, получаетъ изъ суммъ короля прогоны на возвращеніе во Львовъ и ассигновку на покупку тамъ нужныхъ для отлитія пушки матеріаловъ. Неизвѣстно, выполнилъ ли онъ этотъ заказъ. Въ декабрѣ этого года Ѳ. скончался. Посмертная опись его имущества обнаружила наличность большого запаса привезенныхъ изъ Острога недопечатанныхъ или дефектныхъ экземпляровъ библіи и какой-то готовый наборъ на одинъ листъ текста, приготовленный, вѣроятно, для поправленія той же библіи. Друкарня, заложенная Ѳ. еврею Якубовичу, была выкуплена въ 1785 г. львовскимъ братствомъ и послужила основаніемъ львовской братской типографіи; новая, сдѣланная Гринемъ, куплена была Мамоничами для своей типографіи въ Вильнѣ.

Строевъ, «Обстоятел. опис. старопеч. кн... библ. гр. Ѳ. А. Толстова», М. 1829 г.—*Его же*, «Описаніе старопеч. книгъ Царскаго», М. 1836 г.—*Сопиковъ*, «Опытъ р. библіографіи», ч. I, Спб. 1904 г. — *Каратаевъ*, «Опис. слав.-рус. кн.», Спб., 1883 г.—*Иташицкій С. Л.* и *Соболевскій А. И.*, «Сборникъ снимковъ съ слав.-рус. печат. изданій», ч. I, Спб., 1895 г.—*Румянцевъ*, «Сборникъ памятниковъ, относ. до книгопечатанія», в. I, М.. 1872.—*Ровинскій*, «Русскіе граверы и ихъ произведенія», М. 1870 г.—«I. Ѳедоровъ, первый москов. типографщикъ» («Вѣстн. Евр.», 1813, ч. 71, 1822 г., ч. 123).—*Сахаровъ И. И.*, «Первые рус. типографщики»(Сборникъ на 1838 г., Спб.).—*Тромонинъ*, «Достопамятности Москвы», М., 1844 г. *Боричевскій*, «Истор. взглядъ на исторію книгопеч. въ Р.» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1849 г., ч. 61). — *Поруденскій М.*, «Трехсотлѣтіе москов. книгопеч.» («Соврем. Лѣтоп.», 1864 г., № 9)— *Филаретъ, архіеп. черниг.*, «О книгопечат. въ Р. до п. Никона» («Черниговъ. Еп. Изв.», 1867 г., №№ 8—9).—*Погодинъ М. П.*, «Иванъ Ѳедоровъ, первый моск. книгопечатникъ» («Журн. М. Нар. Пр.», 1870 г., чч. 148—149, №№ 4 и 6).—*Гатцукъ А.*, «Очеркъ исторіи книгопеч. дѣла въ Р.» («Рус. Вѣстн», 1872 г., № 5). — *Викторовъ А. Е.*, «Не было ли въ М. опытовъ книгопечатанія прежде первопеч. Апостола? («Труд. III археол. съѣзда», К. 1874 г.).—*Макарій М.*, «Исторія рус. ц.», т. IX. — *Леонидъ*, архим., «Евангеліе, напеч. въ М. 1564—1568 г.» («Общ. люб. др. письм.», 1883 г.). — *Устиновъ М.*, «Памяти перваго рус. типографа» («Недѣля», 1876 г., № 41).—*Ляхницкій*, «Начало книгопеч. въ Р.», Спб. 1883 г.—*Петрушевскій А. С.*, «Ив. Ѳедоровъ, рус. первопеч., Львовъ» 1883.—*Дмитревскій А.*, «Діаконъ Ив. Ѳ., первый рус. книгоп.» («Правосл. Обозр.», 1883 г., III, № 11). — *Ptaszycki St.*, «Iwan Fedorowicz» («Rozprawa Wydz. Fil. Acad. Um., t. XI», Kraków, 1884; тоже въ «Рус. Стар.», 1884 г., № 3.—*Его же*, «Иванъ Ѳедоровъ» («Печатн. Искус.», 1903 г., іюль—авг.).—*Булгаковъ О.*, «Иллюстр. исторія книгоп.», т. I, Спб. 1889 г.—*Малышевскій А.*, «Новыя данныя для біографіи Ив. Ѳ., рус. первопеч.» («Чтенія О-ва Нестора Лѣт.», кн. 7, К., 1893 г.).—*Владиміровъ П. В.*, «Начало слав. и рус. книгопечат. въ XV—XVI вв.», К. 1894 г.—*Божеряновъ И.*, «Историч. очеркъ книгопеч. дѣла», Спб., 1895 г.—*Голубинскій Е. Е.* «Къ вопросу о началѣ книгопеч. въ М.» («Богосл. Вѣстн.», 1895 г., февр.). — *Его же*, «Исторія рус. ц.», т. II, полов. 2-я, М., 1900 г. — Записка, изд. Москов. И. Археол. Общ. по случаю сбора пожертвованій на сооруженіе памятника Ѳ-ву (съ рѣчью И. Е. Забѣлина о Ѳ.), М. 1901 г.—*Соловьевъ А.*, «Государевъ печатный дворъ и Синод. Тип. въ М.», М., 1902 г.—*Улановъ В.*, «Книгопечатаніе въ М.», («Москва въ ея прошломъ и настоящемъ», изд. тов. «Образованіе», вып. 6).—Энцикл. словарь Брокгауза и Еф.— Богословскій энцикл. слов., т. XII (ст. Книгопечатаніе, акад. А. И. Соболевскаго).

Н. Туб-въ.

Ѳедоровъ, *Иларіонъ Ѳедоровичъ*, граверъ рѣзцомъ на камнѣ; работалъ въ Москвѣ у Логинова прописныя молитвы: 1) «Христосъ Воскресе» (1847 г.); 2) «Ангельскій Соборъ удивися» (1847 г.); 3) «Достойно есть яко во истину» (1840 г.);

4) «Вѣрую во единаго» (1844 г.) и 5) «Богородице Дѣво, радуйся» (1841 г.).

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.», стр. 802.

Ѳедоровъ, *Илья*, баккалавръ Московскаго университета. Свѣдѣнія о немъ скудны. Въ 1759 г. онъ былъ произведенъ изъ казеннокоштныхъ разночинцевъ въ студенты и въ 1761 г. удостоенъ золотой медали. Ему принадлежитъ сочиненіе: «Математическія наставленія» и переводъ «Универсальная Гейнекціева философія», напечатанный въ Москвѣ 1776 г. Скончался Ѳ. въ С.-Петербургѣ 1770 г.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», ч. II, стр. 673.—*Митроп. Евгеній*, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, стр. 289.

Ѳедоровъ, *Иннокентій Васильевичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоровъ, *Михаилъ Ивановичъ*, плацъ-адъютантъ С.-Петербургской крѣпости, родился въ 1778 г. въ дворянской семьѣ Владимірской губ. Онъ счастливо выдѣлялся изъ общей массы недорослей того времени (которые умѣли лишь читать и писать по-русски) знаніемъ ариѳметики, геометріи и исторіи. Поступивъ въ 1791 г. на службу сержантомъ въ Преображенскій полкъ, Ѳ. въ 1797 г. перевелся кавалергардомъ въ кавалергардскіе эскадроны, а по расформированіи послѣднихъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Въ томъ же году Ѳ. былъ выпущенъ въ Кронштадтскій гарнизонный полкъ прапорщикомъ и произведенъ въ подпоручики, а затѣмъ въ поручики. Въ 1800 г. онъ покинулъ военную службу, но въ слѣдующемъ году снова опредѣлился въ Елецкій пѣхотный полкъ, будучи произведенъ въ 1804 г. въ шт.-капитаны. Въ 1805 г. Ѳ. находился въ арміи Беннигсена, принимая участіе въ дѣлахъ при Пултускѣ и Янковѣ, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ 1808 г. онъ былъ назначенъ въ С.-Петербургскую крѣпость плацъ-адъютантомъ и произведенъ въ капитаны, а въ 1811 году перевелся въ Камчатскій пѣхотный полкъ. Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Калафатѣ, оставаясь въ Турціи до окончанія сдачи крѣпостей Молдавіи и Валахіи, а въ 1813 г. находился въ Силезіи. 22 іюня 1814 г. Ѳ. исключенъ умершимъ отъ болѣзни.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1762—1801»), стр. 348.

Ѳедоровъ, *Николай Ильичъ*, писатель, начальникъ суднаго отдѣленія департамента государственныхъ имуществъ, родился въ 1790 г. въ городѣ Уфѣ. Первоначально Ѳ. воспитывался и обучался дома. Въ 1811 г. онъ явился въ Казанскій университетъ и выдержалъ отлично экзаменъ по словеснымъ наукамъ и правовѣдѣнію. Опредѣлившись сначала на службу въ нижніе присутственные мѣста Оренбургской губерніи, онъ затѣмъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1812 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ экспедицію государственныхъ доходовъ, которая впослѣдствіи была преобразована въ департаментъ государственнаго казначейства. Занятіе науками и литературой, аккуратное и систематическое чтеніе хорошихъ авторовъ и знакомство съ извѣстными отличными литераторами (онъ былъ другомъ поэта Милонова и долгое время жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ) породили и воспитали въ немъ любовь къ литературѣ въ обширномъ смыслѣ слова. Ѳ. очень удачно перевелъ нѣсколько одъ Горація (одна напечатана «въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812 г.), писалъ остроумныя критическія статьи (напечатанныя тамъ же), басни и т. п. С.-Петербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, а также и Казанское общество любителей отечественной словесности приняли его въ число своихъ членовъ. Ѳ. и въ жизни, и въ литературѣ имѣлъ наклонность преслѣдовать пороки, низости, любостяжаніе. Въ 1815 г. онъ оставилъ службу по счетной части и поступилъ столоначальникомъ въ департаментъ министерства юстиціи. Здѣсь открылось для его дѣятельности обширное поле. Оставивъ любимыя свои занятія словесностью, онъ всецѣло отдался службѣ, на которой сумѣлъ снискать довѣренность, благосклонность и уваженіе своего начальства. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ отдѣленіемъ для частныхъ просьбъ, учрежденнымъ при департаментѣ, на правахъ и съ отвѣтственностью экспедитора. Неутомимые труды изнурили его здоровье, и онъ сталъ искать мѣста въ болѣе благопріятномъ для своего здоровья климатѣ. Въ концѣ

1818 г. онъ былъ опредѣленъ губернскимъ прокуроромъ въ Симбирскую губернію, но въ 1822 году, по желанію и приглашенію начальства, снова былъ переведенъ въ Петербургъ экспедиторомъ въ департаментъ министерства юстиціи, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ начальникомъ суднаго отдѣленія департамента государственныхъ имуществъ. На этомъ важномъ мѣстѣ, которому подвѣдомственны всѣ иски и тяжбы о казенномъ имуществѣ во всемъ государствѣ, онъ сумѣлъ оправдать довѣріе, возложенное на него начальствомъ. Кромѣ этой должности, въ іюнѣ 1824 г. Ѳ. опредѣленъ былъ юрисконсультомъ въ правленіи государственнаго заемнаго банка. Безпрерывные труды по должности совершенно разстроили слабое его отъ природы здоровье, и онъ скончался 7-го марта 1825 г. отъ чахотки. Ѳ. имѣлъ основательныя познанія въ юридическихъ наукахъ, при чемъ познанія эти не оставались у него въ одной только теоріи: онъ самъ строжайшимъ образомъ исполнялъ на дѣлѣ трудныя обязанности юриста, умѣвшаго сочетать пользу казны съ неприкосновенностью правъ частныхъ людей.

«Сѣверная Пчела», 1825 г., № 37.—Справочн. энциклоп. лексиконъ Крайя, т. XII.
Ѳ. Ѳедотовъ.

Ѳедоровъ, *Николай Степановичъ*, контръ-адмиралъ, командиръ Астраханскаго порта. Поступивъ въ 1761 г. въ Морской кадетскій корпусъ, онъ въ 1763 г. произведенъ былъ въ гардемарины и на фрегатѣ «Св. Ѳеодоръ» плавалъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ 1764 г. онъ совершилъ переходъ на фрегатѣ «Надежда Благополучія» отъ Кронштадта до Ливорно и обратно, а въ 1766 г., въ чинѣ мичмана, плавалъ въ Балтійскомъ морѣ и на пинкѣ «Гогландъ» перешелъ въ Архангельскъ. Перейдя затѣмъ въ 1769 г. на томъ-же пинкѣ изъ Архангельска въ Копенгагенъ, онъ оттуда на пинкѣ «Сатурнъ» перешелъ въ Портъ-Магонъ. Въ 1771 г., въ чинѣ лейтенанта, Ѳ. плавалъ на фрегатѣ «Паросъ» изъ порта Аузы къ Гибралтару для конвоированія 16-ти транспортныхъ судовъ. Въ 1772 г.—1775 г. онъ командовалъ фрегатомъ «Запасный» и крейсеровалъ въ Архипелагѣ, откуда перешелъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ 1776 г. командовалъ брантвахтеннымъ пакетботомъ «Соколъ». Въ 1778 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, онъ былъ опредѣленъ къ морскому корпусу и, командуя фрегатомъ «Богемія», плавалъ для практики съ гардемаринами въ Балтійскомъ морѣ. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ переходъ по Сѣверному океану до Нордъ-Капа и съ 1781—1782 г. на фрегатѣ «Легкій» плавалъ отъ Кронштадта до Кадикса съ коммерческою цѣлью. Въ 1782 г., въ чинѣ капитана 2 ранга, Ѳ. былъ награжденъ орд. св. Георгія 4-го класса за 18 морскихъ кампаній и въ 1783 г. крейсеровалъ въ Балтійскомъ морѣ на кораблѣ «Побѣдославъ». Въ 1784 г., въ чинѣ капитана 1-го ранга, на фрегатѣ «Гекторъ», Ѳ. былъ у промѣра фарватеровъ у Калскроны и Готтенбурга и въ 1787 г. плавалъ съ гардемаринами и кадетами въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1789 г., въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга, состоя командиромъ корабля «12 апостоловъ», онъ участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи и въ слѣдующемъ году, на томъ-же кораблѣ—въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Въ томъ-же году Ѳ. былъ награжденъ орд. св. Владиміра 3-й ст. и произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга. Произведенный въ 1792 г. въ контръ-адмиралы, онъ въ слѣдующемъ году командовалъ учебной эскадрой гребного флота въ финскихъ шхерахъ и въ 1795 г. назначенъ былъ главнымъ командиромъ Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи. Умеръ Ѳ. 5 сентября 1796 г.

Общій морской списокъ, т. V, стр. 419.

Ѳедоровъ, *Павелъ Ивановичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоровъ, *Павелъ Степановичъ* (вошелъ въ букву **Ф**).

Ѳедоровъ, *Петръ*, рисовальщикъ и граверъ. Ему принадлежатъ слѣдующія гравюры: 1) Кончина имп. Маріи Ѳедоровны (1823 г.); 2) Николай I; 3) Николай I изволитъ осматривать окрестности Браилова; 4 и 5) двѣ лубочныя картинки въ книгу: «Полные анекдоты о Балакиревѣ» (М. 1836): а) Петръ I со своей свитой на соколиной охотѣ и б) Петръ обѣдаетъ съ Балакиревымъ; 6) Дмитрій Донской; 7) Христосъ благословляетъ дѣтей и 8) Вознесеніе.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.», стр. 803.

Ѳедоровъ, *Сергѣй*, граверъ на мѣди. Ему принадлежатъ 6 досокъ (изъ числа 12) баталій 1812 г., изданныхъ Кардели и

гравированныхъ съ рисунковъ Скотти: 1) Сраженіе при Бородинѣ; 2) Побѣда при Тарутинѣ; 3) Побѣда при Колотскомъ монастырѣ; 4) Побѣда при городѣ Духовщинѣ; 5) Разбитіе маршала Нея при Красномъ; 6) Разбитіе Наполеона при переправѣ черезъ Березину и 7) Разсвѣтъ, виньетка къ нотамъ: летящая женщина съ цвѣтами въ рукѣ.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.», стр. 803.

Ѳёдоровъ (Худояровъ), *Степанъ Ѳедоровичъ*, заводскій человѣкъ г.г. Демидовыхъ, род. въ 1810 г. Въ 1835 г. онъ былъ посланъ въ Италію на счетъ своихъ владѣльцевъ. Въ 1843 г. представилъ въ Академію Художествъ копію картины Дж. Домано, и за нее получилъ званіе свободнаго художника. Выучившись въ Римѣ мозаичному производству, онъ возвратился въ 1852 г. въ Петербургъ и до 1860 г. занимался въ здѣшнемъ мозаичномъ заведеніи, а затѣмъ снова уѣхалъ въ Римъ, гдѣ и умеръ въ 1865 г. Онъ былъ близко знакомъ съ К. Брюлловымъ и въ Римѣ пользовался его совѣтами. Ѳ. принадлежитъ копія съ картины Рени «Мученіе св. апостола Петра», написанная въ 30-хъ годахъ XIX ст. и пожалованная Академіи императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.

А. Сомовъ, Картинная галлерея Имп. Акад. Худ., II. Каталогъ, стр. 41, 186.

Ѳедоръ, см. **Ѳеодоръ**.

Ѳедосѣевъ, *Евстратъ*, наставникъ старообрядческаго ѳедосѣевскаго согласія, сынъ основателя этого согласія Ѳеодосія Васильева, род. до 1690 г. въ Крестецкомъ Яму, Новгород. губ., гдѣ его отецъ былъ дьячкомъ, ум. по Павлу Любопытному, въ 1768 г. въ Польшѣ. По совращеніи отца въ расколъ Ѳ., былъ перекрещенъ какимъ-то благочестивымъ раскольникомъ и, вѣроятно, при этомъ вторичномъ крещеніи получилъ имя Евстрата. Жилъ онъ при отцѣ въ Яму, затѣмъ по сосѣдству съ Ямомъ, съ 1699 г. въ Польшѣ и, девять лѣтъ спустя, въ Вязовской волости, Великолуцкаго уѣзда. Въ 1711 г., при посѣщеніи Новгорода, былъ по приказанію новгородскаго м. Іова арестованъ и заключенъ въ кандалахъ подъ стражу при архіерейскомъ приказѣ, оттуда освобожденъ «по шести седмицахъ» послѣ смерти отца († 18 іюля 1711 г.), благодаря заступничеству петербургскаго военнаго губернатора Я. Н. Р. Корсакова. По возвращеніи къ общинѣ ѳедосѣевцевъ, проживавшихъ въ Вязовской волости, Ѳ. по преемству отъ отца сталъ ихъ наставникомъ и перешелъ съ ними на жительство па Ряпину мызу въ Юрьевскомъ у. Здѣсь онъ сдѣлалъ какія-то «поправки старопечатныхъ книгъ», вызвавшія въ общинѣ внутренній раздоръ, продолжавшійся до 1731 г. Въ 1719 г., предъ самымъ разгромомъ Ряпиной мызы правительственными войсками, Ѳ. бѣжалъ съ частью послѣдователей въ Польшу и основалъ тамъ обитель. Живя въ Польшѣ, онъ часто бывалъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ жизни ѳеодосѣевцевъ.

Въ качествѣ учителя, Ѳ. былъ вѣрнымъ послѣдователемъ ученія своего отца. Какъ руководитель ѳедосѣевцевъ, считался «столпомъ» своей церкви и имѣлъ большой авторитетъ у современниковъ-старообрядцевъ. Имъ написаны: 1) «Житіе своего отца» (изд. въ «Чт. И. О. И. и Др. Р.», 1869 г., II); 2) «Исповѣданіе вѣры, прочитанное и одобренное на соборѣ въ деревнѣ Ступилишкахъ 24 марта 1735 г.» (изд. у Н. Попова въ «Сборникѣ для исторіи раскола», т, I); 3) «Польскій уставъ, или статьи, постановленныя на бывшемъ въ Польшѣ 1 октября 1751 г. соборѣ» (изд. тамъ-же); 4) «Разсужденіе о Пилатовой титлѣ на крестѣ Христовомъ» (рукоп.); 5) «15 отвѣтовъ поморскому московскому пастырю Михаилу Григорьеву о разногласіяхъ въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ» (рукоп.); 6) Показаніе о таинствѣ крещенія и хиротоніи россійской и старообрядческой церквей» (рукоп.) и 7) 15 разныхъ посланій къ мѣстнымъ пастырямъ и благочестивымъ мужамъ о церкви, о ея благолѣпіи» и пр. (рукоп.).

Поповъ. Н., «Сборникъ для исторіи старообрядчества», тт. I (М. 1864) и II (М. 1866).—*Его-же*, «Матеріалы для исторіи безпоповщинскихъ согласій ва М.» («Чт. Общ. Ист. и Др. Рос.», 1869 г., кн. II).—*Бычковъ, И. А.*, «Каталогъ собранія славяно-рус. рукописей» (въ «Отч. Имп. Пуб. Библ. за 1890 г.» и отдѣльно—Спб. 1893).—*Дружининъ, В. Г.*, «Писанія рус. старообрядцевъ», стр. 279—280. Спб. 1912. *Н. Т.*

Ѳедосѣевъ, *Елисей Емельяновъ*, граверъ черной манерой, ученикъ Штенглина, родился въ 1745 г. и былъ сыномъ придворнаго работника. Въ 1759 г. онъ былъ взятъ въ гридоровальный департаментъ.

Ему принадлежатъ: 1) портретъ профессора Лейтмана (копія съ гравированнаго Соколовымъ), 2) портретъ профессора Рихмана (гравированъ вмѣстѣ съ Штенглиномъ) и 3) фейерверкъ на миръ съ Оттоманскою Портою 1775 г.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI — XIX вѣковъ», стр. 804, 805.

Ѳедотовъ-Чеховскій, *Александръ Алексѣевичъ*, ординарный профессоръ по каѳедрѣ гражданскаго права въ университетѣ св. Владиміра, сынъ придворнаго протоіерея и духовника императора Александра I, родился 1-го января 1806 г. въ Таганрогѣ, гдѣ священствовалъ въ то время его отецъ, и по ходатайству послѣдняго былъ внесенъ въ 3-ю часть родословной книги дворянъ Екатеринославской губерніи. Высшее образованіе Ѳ.-Чеховскій получилъ въ Петербургской духовной академіи, откуда въ 1829 г. вслѣдъ за окончаніемъ второго ея отдѣленія, по Высочайшему повелѣнію, былъ причисленъ къ Собственной Его Импер. Велич. канцеляріи «для образованія въ законовѣдѣніи». Два года спустя, онъ, опять таки по Высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ «для дальнѣйшаго образованія въ юридическихъ наукахъ» въ Берлинскій университетъ, гдѣ въ теченіе почти трехъ лѣтъ усердно слушалъ лекціи и работалъ подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ, а по возвращеніи въ 1834 г. на родину былъ временно записанъ въ штатъ служащихъ при упомянутой выше канцеляріи. Въ 1835 г. Ѳ.-Чеховскій выдержалъ при Петербургскомъ университетѣ испытаніе на степень доктора законовѣдѣнія и тотчасъ послѣ этого былъ назначенъ преподавателемъ римскаго права въ Харьковскій университетъ; къ характеристикѣ духа времени и той сильной поддержки, которой Ѳ.-Чеховскій пользовался въ Петербургѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на занимаемую имъ скромную должность преподавателя, онъ получилъ ординарнаго профессора. Той же сильной поддержкой въ петербургскихъ сферахъ объясняется, повидимому, и слѣдовавшее затѣмъ быстрое повышеніе его по службѣ и въ ученыхъ степеняхъ: не имѣя за собою никакихъ, ни печатныхъ, ни писанныхъ трудовъ, онъ менѣе чѣмъ черезъ два года по вступленіи на должность преподавателя, именно 14-го сентября 1837 г., былъ утвержденъ уже экстраординарнымъ профессоромъ римскаго законодательства и его исторіи, а въ слѣдующемъ, 1838 г., перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ въ Кіевскій университетъ св. Владиміра. Эту каѳедру онъ занималъ до 1843 г., когда началъ читать лекціи по «гражданскимъ законамъ общимъ, особеннымъ и мѣстнымъ», т. е. по гражданскому праву. Еще раньше этого, именно въ 1840 г., Ѳ.-Чеховскій былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета, но занималъ эту должность въ теченіе всего лишь года; въ 1848 г. онъ былъ избранъ во второй разъ деканомъ, которымъ оставался до 1850 г.

Своеобразная ученая карьера и исключительное довѣріе, которымъ Ѳ.-Чеховскій пользовался у высшаго учебнаго начальства Николаевской эпохи, являются лучшимъ показателемъ его благонамѣренности и строгой консервативности образа мыслей. Это довѣріе выразилось, напр., въ назначеніи его цензоромъ Кіевскаго цензурнаго комитета, которымъ онъ и пробылъ въ теченіе почти 12 лѣтъ, съ 22-го декабря 1839 г. по 25-е января 1851 г. Кромѣ того, ему неоднократно поручалось производство разнаго рода ревизій и испытаній; такъ, въ 1839 г. онъ былъ командированъ для осмотра учебныхъ заведеній въ Подольскую губернію, въ 1842 г.—въ Полтавскую губ. для испытанія учениковъ гимназій въ знаніи латинскаго и греческаго языковъ (хотя эти предметы и не были его спеціальностью), въ 1843 г.—въ Нѣжинъ «для повѣрки учебной части» въ лицеѣ кн. Безбородко и въ 1845 г.—въ Прилуки, Хоролъ и Лохвицу для осмотра уѣздныхъ и приходскихъ училищъ.

Избраніе Ѳ.-Чеховскаго въ деканы факультета, назначеніе ординарнымъ профессоромъ и долголѣтнее чтеніе лекцій въ высшемъ учебномъ заведеніи по отвѣтственнымъ предметамъ безъ всякихъ реальныхъ доказательствъ пригодности его на это, т. е. при отсутствіи какихъ бы то ни было ученыхъ трудовъ,—явленіе, конечно, исключительное; но все это, однако, не должно умалять его значительныхъ научныхъ заслугъ, имѣвшихъ мѣсто впослѣдствіи, въ области древняго русскаго права. Если опустить не имѣющую какого-либо значенія рѣчь его: «Romanus servitutes non modo extare, imo ne extare quidem», произнесенную имъ на латинскомъ языкѣ

въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета еще въ 1837 г. (напечатана, Харьковъ, 1837), то первымъ его трудомъ должно быть названо изслѣдованіе «О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ, напечатанныхъ археографической комиссіей» (Кіевъ, 1859 г.); но гораздо важнѣе для историческихъ наукъ собранные Ѳ.-Чеховскимъ и на его счетъ напечатанные «Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи» (т. I, Кіевъ, 1860,—110 актовъ, 407 стр.; т. II, Кіевъ, 1863,—73 акта, 830 столбцовъ; позже вышли съ указателемъ, имъ самимъ составленнымъ). Кромѣ того, занимаясь описью древнихъ актовъ и документовъ, хранящихся въ центральномъ архивѣ, находящемся въ университетѣ св. Владиміра, онъ много поработалъ надъ подробнымъ разборомъ городскихъ и земскихъ книгъ Владиміра-Волынскаго и извлекъ изъ нихъ болѣе ста гражданскихъ и отчасти уголовныхъ актовъ XVI столѣтія, которые послѣ напечаталъ.

Сверхъ своего обычнаго предмета, Ѳ.-Чеховскій временно преподавалъ въ университетѣ еще международное право (1842—1843 и 1850—1851 учебн. гг.), а также межевые законы въ Кіевскомъ землемѣрномъ училищѣ съ 1845 по 1853 г. Въ теченіе своей службы онъ дослужился до чина статскаго совѣтника и получилъ нѣсколько орденовъ, въ томъ числѣ св. Анны 2 ст. съ Импер. короною. 13-го ноября 1861 г. исполнилось 30-лѣтіе его преподавательской и профессорской дѣятельности; преклонный возрастъ побудилъ выйти его въ отставку. Скончался онъ въ 1892 году.

В. С. Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго университета св. Владиміра, 1834—1884 г.» (Кіевъ, 1884 г.), стр. 799—801.— *Бахтинъ*, «Воспоминанія изъ университетской жизни конца 50-хъ годовъ» («Кіевлянинъ», 1876 г., №№ 88—116).— «Къ исторіи Харьковскаго университета» («Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1869 г., № 29).— *М. Де-Пуле*, «Къ исторіи Харьковскаго университета» (тамъ же, 1869 г., № 69).— В. В. *Григорьевъ*, «Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія» (Спб., 1870 г.).— «Журн. Минист. Народн. Просв.», 1890 г., ч. 271, окт., отд. II, стр. 396—403; 1892 г., ч. 318, авг., отд. IV, стр. 140—141. *Н. С.*

Ѳедотовъ, *Павелъ Андреевичъ*, извѣстный художникъ-жанристъ, родился въ Москвѣ 22-го іюня 1815 г., умеръ въ Петербургѣ 14-го ноября 1852 г. Родители его были весьма бѣдны. Все имущество отца его («воина екатерининскихъ временъ», по выраженію П. А. Ѳедотова) заключалось въ небольшомъ домикѣ въ Москвѣ, въ которомъ и жило его семейство. Въ раннемъ дѣтствѣ воспитаніемъ Ѳ. никто особенно не занимался, онъ росъ почти безъ призора, но, благодаря его природной честности, добротѣ и уму, это не повліяло дурно на его умственное и нравственное развитіе. Еще будучи ребенкомъ, Ѳ. проявлялъ сосредоточенность характера, а также чрезвычайно рано развившуюся наблюдательность. «Все, что вы видите на моихъ картинахъ, разсказывалъ потомъ онъ (кромѣ офицеровъ, гвардейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видѣно и даже отчасти обсуждено во время моего дѣтства: это я заключаю, какъ по воспоминаніямъ, такъ и потому, что, набрасывая большую часть моихъ вещей, я почему-то представляю мѣсто дѣйствія въ Москвѣ... Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если будетъ позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія». Въ 1826 г. Ѳ. поступилъ въ число воспитанниковъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса. Хотя онъ поступилъ сюда почти безъ всякой научной подготовки, однако вскорѣ своими блестящими способностями и успѣхами обратилъ на себя вниманіе и сдѣлался лучшимъ воспитанниковъ въ классѣ. Любимыми его предметами были математика и химія. Съ большимъ интересомъ занимался онъ также изученіемъ русскаго и иностраннаго языковъ и литературы. По разсказу одного изъ корпусныхъ товарищей Ѳ., онъ иногда проводилъ по нѣскольку часовъ надъ хрестоматіей, переводя изъ нея стихами оды съ нѣмецкаго языка. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время онъ больше всего занимался рисованіемъ, къ которому выказывалъ большія способности. Эти способности выражались какъ въ классныхъ рисункахъ, такъ и въ очень схожихъ портретахъ учителей и товарищей и каррикатурахъ на нихъ, а также въ разнаго рода другихъ рисункахъ. Скоро Ѳ. пріобрѣлъ репутацію лучшаго въ корпусѣ рисовальщика. Въ качествѣ тенора-солиста, Ѳ. участвовалъ въ хорѣ корпусныхъ пѣвчихъ; познакомившись съ нотами, онъ почти безъ посторонней помощи выучился играть на фортепіано. Обладая живымъ, общительнымъ и веселымъ харак-

теромъ, онъ былъ въ корпусѣ всеобщимъ любимцемъ. Въ 1833 г. Ѳ. окончилъ корпусъ первымъ по успѣхамъ въ наукахъ и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Финляндскій полкъ. «Вѣроятно, уже и парадный, выпускной актъ, съ музыкой», разсказываетъ онъ про себя въ своей автобіографіи, «и первая роль, которую онъ игралъ здѣсь, при многочисленномъ собраніи,—пробудили въ ребяческой душѣ сознаніе собственной силы, а затѣмъ—желаніе дѣйствовать».

На первыхъ порахъ своей военной службы Ѳ. съ увлеченіемъ предался различнымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ петербургской жизни военной молодежи. Но вскорѣ недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а еще болѣе сознаніе своихъ нравственныхъ силъ побудили его предаться болѣе серьезному образу жизни. Помимо усердныхъ занятій службой, онъ въ свободные часы сталъ заниматься рисованіемъ, чтеніемъ, стихотворствомъ, музыкой (онъ игралъ то на фортепіано, то на флейтѣ, то на скрипкѣ, при чемъ на всѣхъ этихъ инструментахъ выучился играть самоучкой). Въ то же время онъ не покидалъ общества товарищей. Добросердечный, остроумный, талантливый, чрезвычайно общительный и неизмѣнно веселый, онъ, какъ и среди корпусныхъ товарищей, сдѣлался душою полковой семьи офицеровъ. Въ его готовности заводить и поддерживать знакомства немалую роль играла его пытливая и жадная наблюдательность, не упускавшая случая найти себѣ пищу. Занявшись усердно рисованіемъ и дѣлая въ первое время исключительно наброски по памяти, Ѳ. затѣмъ сталъ дѣлать опыты рисованія съ натуры. «Первымъ опытомъ его передразнивать натуру былъ простой и пустой видъ изъ окна; потомъ карандашъ задѣлъ и прохожихъ. Далѣе, онъ упросилъ одного изъ снисходительныхъ товарищей посидѣть смирно и срисовалъ его очень похоже; это возбудило охоту посидѣть смирно и въ другихъ,—похоже опять, и вотъ стали уже говорить, что портреты, которые рисуетъ Ѳедотовъ, всегда похожи» («Автобіографическая замѣтка П. А. Ѳедотова»). Задѣтое самолюбіе побуждало Ѳ. серьезно заняться рисованіемъ. По совѣту нѣкоторыхъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, онъ сталъ посѣщать вечерніе рисовальные классы Академіи, гдѣ ему пришлось начать учиться съ азбуки искусства—рисованія ушей, носовъ, рукъ и т. д. Къ своимъ занятіямъ въ Академіи Ѳ. относился чрезвычайно добросовѣстно и не начиналъ болѣе труднаго рисунка, не усвоивъ себѣ въ совершенствѣ болѣе легкаго. Въ то же время онъ часто посѣщалъ Эрмитажъ, гдѣ съ особеннымъ интересомъ изучалъ небольшія картинки голландскихъ и фламандскихъ художниковъ — Остаде, Теньера, Ж. Дау, Браувера. Увлеченіе его произведеніями именно этихъ художниковъ объясняется не сознаннымъ еще въ то время Ѳ—вымъ сродствомъ ихъ таланта съ его талантомъ. Наряду съ занятіями въ Академіи Художествъ Ѳ. усердно пополнялъ свой рисовальный альбомъ, куда заносилъ сцены изъ казарменной жизни, солдатскіе типы, эпизоды лагернаго времени, картины офицерскаго и солдатскаго быта, карикатуры на товарищей (послѣдніе не обижались на Ѳ. за эти карикатуры, цѣня ихъ остроуміе и безобидность). Ѳ. дѣлалъ опыты работъ высоко-драматическаго и фантастическаго характера, при чемъ пробовалъ подражать въ нихъ пріемамъ историческихъ живописцевъ, но эти опыты были неудачны, такъ какъ не согласовались съ характеромъ таланта художника. Репутація Ѳ., какъ хорошаго портретиста, все болѣе и болѣе укрѣплялась, и онъ скоро сталъ получать заказы отъ эстампныхъ магазиновъ Даціаро, Беггрова и т. д.; особенно удачнымъ вышелъ портретъ великаго князя Михаила Павловича, заказы на который поступали къ нему въ огромномъ количествѣ. Ѳ. влекло къ себѣ изображеніе не только военной, но и вообще обыденной жизни всѣхъ классовъ общества; однако военная жизнь была ему наиболѣе близка и знакома; батальная живопись въ то время очень поощрялась, и онъ рѣшилъ сдѣлаться баталистомъ. Въ связи съ этимъ рѣшеніемъ онъ задумалъ большую и сложную картину: «Прибытіе дворцоваго гренадера въ свою бывшую роту Финляндскаго полка»; эта картина, которую Ѳ. намѣренъ былъ написать акварелью, такъ и осталась, однако, ненаписанной, и дѣло ограничилось лишь сочиненіемъ рисунка для нея. Причиной того, что работа надъ этой картиной была только начата, было, вѣроятно, то обстоятельство, что ему въ это время представился случай начать другую, болѣе сложную картину: лѣтомъ 1837 г. великій князь Михаилъ Павловичъ возвратился изъ-за

границы, и торжественная встрѣча великаго князя въ Красносельскомъ лагерѣ дала Ѳ-ву мысль написать картину, которую онъ и закончилъ черезъ три мѣсяца, подъ названіемъ: «Встрѣча въ лагерѣ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича». На этой картинѣ, исполненной съ замѣчательной законченностью акварелью, кромѣ портрета великаго князя, были помѣщены портреты многихъ участниковъ встрѣчи. Картину эту Ѳ. поднесъ великому князю, который пожаловалъ ему за это брильянтовый перстень. «Этимъ перстнемъ», расказывалъ Ѳ., «окончательно припечаталось къ душѣ Ѳедотова художественное самолюбіе». Черезъ непродолжительное время онъ началъ новую акварельную картину: «Освященіе знаменъ въ обновленномъ (Зимнемъ) Дворцѣ», но командировка помѣшала ему окончить ее. Когда однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, довольный произведеннымъ смотромъ, выразилъ готовность оказать офицерамъ полную свою поддержку, Ѳ. воспользовался этимъ и обратился къ великому князю съ просьбой о выдачѣ ему пособія на художественныя нужды». Скоро Ѳ., по требованію великаго князя, представилъ свою начатую картину для осмотра государю, и черезъ нѣкоторое время послѣдовала слѣдующая резолюція: «Государь Императоръ, удостоивъ вниманія способности рисующаго офицера, Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить ему добровольно оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 руб. ассигн. въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго на это отвѣта». Поставленный такимъ отвѣтомъ въ затруднительное положеніе, Ѳ. рѣшилъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитому К. П. Брюллову. Брюлловъ одобрилъ художественные опыты Ѳ., но въ то же время поставилъ ему на видъ несовершенство его художественной техники и его немолодой уже возрастъ и посовѣтовалъ не торопиться съ окончательнымъ рѣшеніемъ. Слѣдуя этому совѣту, Ѳ. подалъ по начальству рапортъ съ просьбой о разрѣшеніи ему продолжать службу, съ тѣмъ, чтобы Высочайше предоставленное ему право было сохранено за нимъ въ теченіе одного или полутора года. Возраставшій успѣхъ Ѳ. все болѣе и болѣе склонялъ его къ выходу въ отставку. Сюда присоединилось значительное усложненіе служебныхъ занятій Ѳ. (будучи въ это время уже ротнымъ командиромъ, онъ постоянно былъ занятъ ученіями, смотрами, распоряженіями по хозяйству и выправкой своей роты) и выяснившаяся полная невозможность соединять со службою серьезныя занятія живописью. Около этого времени онъ, по заказу наслѣдника цесаревича, исполнилъ двѣ картины изъ военной жизни: «Бивакъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка» и «Бивакъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка», за которыя онъ получилъ второй брильянтовый перстень. Успѣхъ этихъ двухъ картинъ окончательно укрѣпилъ рѣшеніе Ѳ. оставить военную службу. Въ январѣ 1844 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и правомъ ношенія мундира, прослуживъ въ общемъ въ военной службѣ ровно десять лѣтъ.

Выходъ въ отставку далъ Ѳ. возможность всецѣло посвятить себя любимому искусству. Назначеннымъ ему государемъ скромнымъ содержаніемъ, къ которому присоединялся незначительный заработокъ за небольшіе заказы, онъ долженъ былъ оплачивать жизнь своихъ родныхъ въ Москвѣ, свою собственную жизнь и расходы, связанные съ художественными занятіями. Поселившись въ небольшой квартиркѣ, Ѳ. предался занятіямъ живописью. Долгое время онъ не могъ остановиться на выборѣ рода живописи. У него было врожденное стремленіе къ сатирѣ и жанру, однако онъ избралъ себѣ живопись батальную, такъ какъ послѣдняя скорѣе могла избавить его отъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій, которыми была обставлена его жизнь. Ѳ. сталъ посѣщать классы профессора батальной живописи Зауервейда, у котораго сталъ изучать анатомію и движенія лошади. Около этого времени имъ были исполнены акварельные рисунки: «Французскіе мародеры въ русской деревнѣ въ 1812 г.», «Вечернія увеселенія въ казармахъ», «Казарменная жизнь» и многіе другіе. Къ 1847 г. относится прекрасная акварель Ѳ. изъ полковой жизни, изображающая группу офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, собравшихся около лагерной палатки ихъ командира, генерала А. С. Вяткина. Наряду съ живописными работами батальнаго характера Ѳ. дѣлалъ немало рисунковъ нравственно-сатирическихъ типовъ и сценъ. Знаменитый И. А. Крыловъ, которому попало въ руки нѣсколько такихъ рисунковъ, оцѣнилъ многія подмѣченныя имъ особенности ихъ,

угадалъ истинное призваніе Ѳ. и написалъ послѣднему письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ его стараться развить въ себѣ наблюдательность и симпатію къ воспроизведенію картинъ будничной жизни. Подъ вліяніемъ этого совѣта Ѳ. почти безвыходно заперся въ своей мастерской, съ горячей энергіей занявшись изученіемъ живописи масляными красками, а затѣмъ принялся и за картины, которыя были уже отчасти намѣчены въ его тетрадныхъ набросках. Черезъ девять мѣсяцевъ усидчивой работы Ѳ. закончилъ картину «Свѣжій кавалеръ» или «Утро чиновника, получившаго первый орденъ», а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (весною 1848 г.) и другую картину «Разборчивая невѣста». Представленныя на судъ совѣта Академіи Художествъ, эти картины вызвали восторженныя похвалы Брюллова и другихъ профессоровъ Академіи и дали Ѳ. званіе назначеннаго въ академики. Въ то же время ему было дано разрѣшеніе написать на званіе академика давно уже задуманную имъ картину «Сватовство маіора» или «Поправка обстоятельствъ женитьбой». Благодаря вліянію Брюллова, покровительствовавшаго Ѳ., послѣднему было выдано отъ Академіи пособіе въ 700 рублей для выполненія заданной программы (на расходы на натурщиковъ, костюмы, матеріалы и т. д.). Весьма интересны для характеристики художественной дѣятельности Ѳ. подробности его работы надъ картиной «Сватовство маіора». Отыскивая натуру для дѣйствующихъ лицъ своей картины, изображаемой комнаты и аксессуаровъ, Ѳ. цѣлые дни расхаживалъ по Петербургу, знакомился къ купцами, ходилъ къ нимъ въ гости, присматривался къ ихъ жизни, въ Толкучемъ и Андреевскомъ рынкахъ онъ разыскивалъ старухъ, горничныхъ и сидѣльцевъ; знакомый офицеръ позировалъ ему въ позѣ изображеннаго на картинѣ офицера; разноцвѣтныя стеклышки на люстрѣ, пирогъ, бутылка шампанскаго съ подносомъ и еще болѣе незамѣтныя мелочи были изучаемы имъ самымъ внимательнымъ образомъ. Картина Ѳ. «Сватовство маіора», вмѣстѣ съ картинами «Утро чиновника, получившаго первый орденъ» и «Разборчивая невѣста», появились на академической выставкѣ 1849 г. Совѣтъ Академіи Художествъ тотчасъ призналъ Ѳ. достойнымъ искомаго званія академика. Когда выставка была открыта для публики, извѣстность его быстро распространилась по всему Петербургу. Во все время, пока выставка была открыта, зала, въ которой находились картины Ѳ., была наполнена толпою посѣтителей. Всѣхъ поражала замѣчательная правдивость изображенныхъ на картинахъ сценъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни, полныхъ глубокаго и тонкаго, но въ то же время доступнаго всѣмъ юмора. Успѣху картинъ Ѳ. способствовало отчасти то обстоятельство, что онъ, подражая раешнику, читалъ на выставкѣ стихотворное объясненіе своей картины «Сватовство маіора» (а, можетъ быть, и двухъ другихъ), собственнаго сочиненія. Быстрый и шумный успѣхъ картинъ Ѳ. влилъ въ него новую энергію, новыя надежды. Онъ строилъ планы о томъ, какъ онъ перевоспитаетъ общество своею художественною дѣятельностью, передастъ ему свою любовь къ жизненной правдѣ; хотѣлъ ѣхать въ Англію, чтобы изучать тамъ Уильки и Гогарта, наиболѣе сродныхъ ему живописцевъ. Позволивъ себѣ небольшой отдыхъ во время выставки, Ѳ. снова горячо взялся за работу. Принужденный по семейнымъ причинамъ отправиться въ Москву, онъ пробылъ тамъ около четырехъ мѣсяцевъ и весною 1850 г. возвратился въ Петербургъ. Въ Москвѣ Ѳ. встрѣтилъ не только радушный, но прямо восторженный пріемъ, пріобрѣлъ себѣ тамъ много знакомыхъ и друзей. При содѣйствіи мѣстныхъ любителей искусства онъ устроилъ въ залѣ художественнаго класса выставку своихъ произведеній, среди которыхъ, кромѣ трехъ картинъ, бывшихъ на академической выставкѣ въ Петербургѣ, находились рисунки сепіей: «Болѣзнь Фидельки» и «Смерть Фидельки», «Первое утро обманутаго молодого», «Житье на чужой счетъ», «Мышеловка, или опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки», «Художникъ, въ надеждѣ на свой талантъ, женившійся безъ приданаго», «Модный магазинъ», «Крестины». Всѣ эти работы производили въ Москвѣ фуроръ, и Ѳ-ва едва не носили на рукахъ. Въ Москвѣ ему удалось въ значительной степени устроить благосостояніе своихъ родныхъ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ снова принялся за прежнюю трудовую жизнь. Въ числѣ сюжетовъ, занимавшихъ его въ это время, особенно привлекала его мысль написать картину,

изображающую пріѣздъ государя въ одинъ изъ институтовъ. Эта картина, на подготовленіе которой Ѳ. потратилъ много трудовъ и хлопотъ, не была однако написана. Въ послѣдніе два—три года жизни Ѳ-ва направленіе его художественной дѣятельности значительно измѣнилось. Онъ сталъ испытывать свои художественныя силы на сюжетахъ религіознаго и сентиментальнаго характера. Къ работамъ этого рода относится эскизъ «Мадонна съ Младенцемъ» и извѣстная картина «Вдовушка». Картина эта, какъ несоотвѣтствующая характеру таланта Ѳ., по своимъ достоинствамъ значительно уступаетъ его предыдущимъ крупнымъ работамъ.

Усиленныя занятія, а также постоянная тревога за участь своихъ родныхъ губительно дѣйствовали на здоровье Ѳ. Уже вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Москвы онъ сталъ обнаруживать первые признаки душевной болѣзни, сведшей его черезъ два съ лишнимъ года въ могилу. Къ головнымъ болямъ и болѣзни глазъ присоединялось нервное разстройство и постоянная безсонница. Несмотря на истощеніе, вызванное непрерывною тяжелою работою, Ѳ. не переставалъ трудиться черезъ силу. Нужда заставляла его взяться за копіи съ своихъ картинъ, хотя онъ дѣлалъ это, по его сознанію, прямо съ душевною болью. Совершенное разореніе семьи Ѳедотовыхъ очень сильно на него подѣйствовало и окончательно надломило его здоровье. Весной 1852 г. онъ сталъ обнаруживать различныя странности, ясно свидѣтельствовавшія объ его умственной ненормальности. Но еще и въ это время онъ не переставалъ обсуждать и подготовлять новыя работы. Такъ, въ это время имъ была задумана картина, изображающая возвращеніе институтки подъ родной кровъ, поражающій ее своей убогостью. Къ лѣту 1852 г. болѣзнь Ѳ. развилась еще болѣе. На средства, опредѣленныя на это государемъ императоромъ, Ѳ. былъ помѣщенъ въ лѣчебницу для душевно-больныхъ доктора Лейдесдорфа, на Пескахъ; условія, въ которыя былъ тамъ поставленъ Ѳ., можно думать, могли только усилить его болѣзнь. Впослѣдствіи онъ былъ переведенъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ на Петергофской дорогѣ, гдѣ еще пять мѣсяцевъ боролся съ тяжелыми страданіями. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ пришелъ въ сознаніе. По совершенно случайнымъ причинамъ при его смерти не присутсвовалъ никто, кромѣ его денщика—друга Коршунова. Похороненъ Ѳ. на Смоленскомъ кладбищѣ; на его могилѣ поставленъ мраморный памятникъ, сооруженный на пожертвованія его близкихъ друзей и почитателей. Какъ человѣкъ, Ѳ. въ памяти всѣхъ, знавшихъ его, навсегда остался олицетвореніемъ страшнаго, упорнаго труда, беззавѣтной любви къ искусству, живымъ носителемъ правды. Одушевленный горячимъ пламенемъ вѣры въ добро, онъ не придавалъ никакого значенія внѣшности обстановки своей жизни. Онъ жилъ только для искусства и для другихъ людей, но не для себя. Всѣмъ и каждому онъ готовъ былъ оказать какую бы то ни было услугу и отдать послѣднее. Переполненный доброты, въ высшей степени общительный и прямодушный, онъ бодро, безъ ропота и безъ ложнаго стыда переносилъ свое тяжелое матеріальное положеніе. Но сознаніе тяжелаго положенія своихъ родныхъ и невозможность въ достаточной мѣрѣ помочь имъ всю жизнь угнетали его и, безъ сомнѣнія, въ значительной степени ускорили его смерть.

Произведенія Ѳ., относящіяся къ началу его серьезной художественной дѣятельности, представляютъ почти исключительно рисунки и эскизы, главное достоинство которыхъ въ ихъ неподдѣльномъ юморѣ, ѣдкой ироніи; въ то же время въ нихъ видны недостаточное умѣнье владѣть рисункомъ, часто излишняя сложность композиціи, утрировка въ изображеніи позъ и выраженіи лицъ; вообще—это работы каррикатурнаго характера (изъ работъ этого рода укажемъ на упомянутыя выше рисунки: «Житье на чужой счетъ», «Модный магазинъ», «Мышеловка, или Опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки», «Болѣзнь Фидельки», «Смерть Фидельки» и т. д.). Съ теченіемъ времени произведенія Ѳ. все болѣе и болѣе теряютъ свою каррикатурность. Типичность и выразительность изображаемыхъ фигуръ и лицъ не только не уменьшается, но увеличивается, благодаря привычкѣ имѣть дѣло съ натурою и умѣнью выбирать натуру. Мысль, выражаемая въ этотъ періодъ въ картинѣ Ѳ., не будучи такою непосредственною, какъ прежде, является, однако, болѣе глубокою. Картины этого періода художественной дѣятельности Ѳ., являющагося періодомъ расцвѣта его та-

ланта, обращаютъ на себя вниманіе всегда удачно выбраннымъ искуснымъ расположеніемъ композиціи, типичностью въ изображеніи лицъ и законченностью общаго настроенія картины (этому періоду принадлежатъ: «Сватовство маіора», «Утро чиновника, получившаго первый орденъ», «Разборчивая невѣста» и другія работы). Но и эти картины не свободны отъ техническихъ недостатковъ такого, напримѣръ, рода, какъ недостаточно твердый и увѣренный рисунокъ, недостаточно сильный и блестящій колоритъ и т. д. Кисти Ѳ. принадлежатъ и нѣсколько портретовъ, изъ которыхъ извѣстны: портретъ отца, графини Ростопчиной и какого-то чиновника, но эти портреты не представляютъ собою ничего замѣчательнаго. Въ своихъ карандашныхъ работахъ, общее число которыхъ трудно установить, но, во всякомъ случаѣ, оно очень значительно, Ѳ. слѣдуетъ пріемамъ французскихъ рисовальщиковъ, особенно Гаварни; отличаясь также нѣкоторыми техническими недостатками, эти рисунки являются блестящими по умѣнью художника ясно выразить въ рисункѣ свою мысль, по живой передачѣ типовъ и выразительности лицъ. Техническіе недостатки произведеній Ѳ. имѣютъ, однако, второстепенное значеніе и не мѣшаютъ этимъ произведеніямъ играть видную роль не только въ развитіи русскаго искусства, но и вообще русской культурной жизни. Главная заслуга Ѳ. заключается въ томъ, что онъ далъ смѣлый толчекъ развитію жанра въ русской живописи. Онъ открылъ цѣлую новую область жизни, которою живопись до того времени пренебрегала или которую затрагивала слишкомъ односторонне. Его произведенія, осмѣивающія разныя темныя стороны общественной жизни, являются первыми образцами разработки гражданскихъ мотивовъ въ произведеніяхъ живописи; они играютъ ту же нравственную роль, что и произведенія сотрудника-публициста, но они большинству доступнѣе этихъ произведеній. Не безъ основанія роль Ѳ. въ исторіи русской живописи сопоставляютъ съ ролью Гоголя въ исторіи русской литературы. Развитіе русской живописи послѣ Ѳ. пошло, въ значительной своей части, тѣми путями, которые указало его творчество. Не будь Ѳ., не было бы, быть можетъ, и Перова, Прянишникова, Трутовскаго, Чернышева, В. Маковскаго и цѣлаго ряда другихъ извѣстныхъ русскихъ жанристовъ. Художественная дѣятельность Ѳ. продолжалась, въ сущности говоря, всего восемь лѣтъ, и весьма вѣроятно, что если бы онъ былъ поставленъ въ лучшія жизненныя условія, его художественная дѣятельность была бы еще болѣе блестяща и значительна.

Кромѣ стихотворныхъ объясненій къ своимъ картинамъ (изъ нихъ сохранилось и напечатано только объясненіе къ картинѣ «Сватовство маіора») Ѳ. сочинялъ басни, элегіи, романсы (къ которымъ самъ же сочинялъ музыку), альбомныя стихотворенія, солдатскія пѣсни и т. д. Нѣкоторыя изъ его басенъ являются перефразой басенъ Крылова, которыя Ѳ. очень любилъ. Одно время Ѳ. пробовалъ подражать въ формѣ стихосложенія русскимъ народнымъ пѣснямъ (см. его граціозное стихотвореніе «Куку»). Всѣ поэтическія произведенія Ѳ. стоятъ неизмѣримо ниже его живописныхъ и рисовальныхъ работъ. Они страдаютъ излишними длиннотами, тяжеловатостью и неправильностью стиха, натяжкою риѳмъ, хотя и отличаются остроуміемъ и живостью содержанія, а иногда и картинностью описаній. И самъ Ѳ. не придавалъ серьезнаго значенія своимъ литературнымъ опытамъ (см. его стихотвореніе: «Къ моимъ читателямъ. стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ»).

М-е, «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ» («Историческій Вѣстникъ», 1893 г., № 10, стр. 245—254).—*В. В. Жерве*, «Къ біографіи П. А. Ѳедотова» («Историческій Вѣстникъ», 1901 г., № 3, стр. 1102—1125).—*Н. Ге*, «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ» («Вѣстникъ Всемірной Исторіи», 1901 г., № 10, стр. 176—190).— *Л. К. Дитерихсъ*, «П. А. Ѳедотовъ, его жизнь и художественная дѣятельность», Спб., 1893 г. («Жизнь замѣчательныхъ людей», біографическая библіотека Ѳ. Павленкова). — *Ѳ. И. Булгаковъ*, «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя», фототипическое и автотипическое изданіе, Спб., 1893 г. (въ текстѣ этого изданія, кромѣ извлеченій изъ нѣкоторыхъ статей и воспоминаній о Ѳедотовѣ разныхъ авторовъ, помѣщены: «О значеніи П. А. Ѳедотова и объ изданіи его произведеній», статья Ѳ. Булгакова; очень подробный списокъ художественныхъ произведеній Ѳедотова, съ указаніемъ мѣста ихъ нахожденія; стихотворенія, басни, романсы и пѣсни (съ нотами) Ѳедотова.—*А. Дружининъ*, «Воспоминаніе о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреевичѣ Ѳедотовѣ», Спб., 1853 г. (въ «Собраніи сочиненій», т. VII. Спб. 1865 г.)—*А. Н. Андреевъ*, «Живопись и живописцы», стр. 540—543.—*А. И. Сомовъ*, «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ», Спб., 1878 г. — *И. Можайскій*, «Нѣсколько словъ о покойномъ акаде-

никѣ П. А. Ѳедотовѣ» («Отечественныя Записки», 1859 г., томъ CXXII, отд. V, стр. 22).—*В. Толбинъ*, «П. А. Ѳедотовъ» («Пантеонъ», 1854 г., томъ XIII, № 1, стр. 1—68).—*П. Петровъ*, «П. А. Ѳедотовъ и современное значеніе живописи бытовыхъ сценъ» («Сѣверное Сіяніе», 1862 г., № 4).—*О.*, «П. А. Ѳедотовъ» («Русскій Художественный Листокъ», 1853 г., № 19).—«Русская портретная галлерея Мюнстера», томъ II. — «Новости», 1902 г., № отъ 14 ноября. — *П. С. Лебедевъ*, «Нѣсколько словъ о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреевичѣ Ѳедотовѣ» («Русскій Инвалидъ», №№ 90—92 и отдѣльно Спб., 1853 г.).—*А. О.*, «Нѣсколько словъ о Ѳедотовѣ» («Свѣтопись», 1858 г., № 12).—*Маркова*, «Свиданіе друзей съ Ѳедотовымъ въ частной лечебницѣ» («Иллюстрированная Газета», 1871 г., №№ 1 и 2).—«Иллюстрація», 1861 г., № 183, стр. 122—123. «Для біографіи П. А. Ѳедотова» («Москвитянинъ», 1853 г., т. II, № 5, кн. 1, стр. 21—32). — *А. Витковскій*, «Воспоминаніе о П. А. Ѳедотовѣ» («Русское Слово», 1862 г., № 4, стр. 1—23)—*Е. Б.*, «Замѣтки для біографіи академика Ѳедотова и письмо его» («Современникъ», 1859 г., томъ LXXVII, № 9).—*Н. В. Гербель*, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», Спб., 1873 г. (4-й періодъ). — «Воспоминаніе о Павлѣ Андреевичѣ Ѳедотовѣ» («Семейные Вечера», 1873 г., № 6, стр. 349—360).—«Нѣсколько словъ о П. А. Ѳедотовѣ» («Сѣверные Цвѣты», 1857 г., отд. III).—*Л. М. Жемчужниковъ*, «Воспоминанія» («Артистъ», 1893 г., мартъ).—*А. П. Новицкій*, «Исторія русскаго искусства», Москва, 1899—1903 гг.—*Александръ Бенуа*, «Русская живопись» («Исторія живописи въ XIX вѣкѣ», изданіе т-ва «Знаніе»), выпускъ II, Спб., 1903 г.—*В. В. Стасовъ*, «Тормазы русскаго искусства» («Вѣстникъ Европы»).—*В. В. Стасовъ*, «25-лѣтіе русскаго искусства» («Вѣстникъ Европы»). -*П. Н. Петровъ*, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1867 г.г.—«О П. А. Ѳедотовѣ» («Почтальонъ», 1902 г., № 8).—«Рисунки П. А. Ѳедотова, издаваемые Г. Сѣмечкинымъ», 1857 г.—«Каталогъ художественнаго отдѣла русскаго музея императора Александра III», Спб., 1899 г.

В. Грековъ.

Ѳедченко, *Алексѣй Павловичъ* (вошелъ въ букву **Ф.**).

Ѳедченко, *Григорій Павловичъ*, натуралистъ, умеръ 7 іюня 1866 г. 29-ти лѣтъ. Какъ кандидатъ Московскаго университета, избравшій своею спеціальностью технологію, которую преподавалъ въ ремесленномъ заведеніи въ Москвѣ, онъ былъ назначенъ университетомъ къ отправленію за границу, для приготовленія себя къ каѳедрѣ технологіи. Передъ смертью онъ началъ печатаніе обширнаго труда: «О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ южной Россіи», назначеннаго для III тома «Извѣстій общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ». Кромѣ того, ему принадлежитъ нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ «Московскихъ Вѣдом.».

«Москов. Вѣд.», 1866 г., № 119.—«Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1866 г. («Рус. Арх.», 1868 г., № 12, стр. 2026).

Ѳедюшкинъ, *Николай Дмитріевичъ*, стат. сов., родился въ тридцатыхъ годахъ XIX-го столѣтія, воспитывался въ Императорской Академіи Художествъ, курсъ которой окончилъ съ званіемъ класснаго художника. Во время пребыванія въ Академіи Художествъ онъ въ 1859 г. получилъ малую серебряную медаль за архитектурную програму «глазной лѣчебницы въ столицѣ» и въ 1860 г.—большую золотую медаль за проектъ «Евангелической церкви на 1500 человѣкъ». Въ 1864 г. за сочиненный имъ проектъ зданія думы для столичнаго города, въ «уваженіе искусства и отличныхъ познаній въ художествахъ», онъ былъ удостоенъ Академіей Художествъ званія академика. Ѳ. состоялъ старшимъ архитекторомъ департамента таможенныхъ сборовъ. Скончался онъ 3 марта 1888 г. въ Одессѣ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», томъ III-й. — «Художественныя Новости», 1888 г., № 6, стр. 182—183. *В. Г.*

Ѳеогностъ, епископъ Сарайскій, поставленъ былъ въ епископы въ 1269 г. на мѣсто еп. Митрофана. Въ 1274 г. онъ участвовалъ въ посвященіи митроп. Кирилломъ архимандрита Печерскаго монастыря Серапіона и на соборѣ, созванномъ тѣмъ же митр. въ Владимірѣ для выработки правилъ съ цѣлью устраненія злоупотребленій въ церковномъ управленіи, погрѣшностей въ богослуженіи и недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа. По порученію того же митроп. Кирилла ѣздилъ къ патріарху константинопольскому, Іоанну Векку, и возвратился въ 1279 году къ митрополиту съ печальными извѣстіями по поводу царившаго въ Константинополѣ раскола, гоненія и даже казни многихъ ревностныхъ сановниковъ церкви. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что Ѳ. еще два раза ѣздилъ въ Константинополь, при чемъ любопытно, что въ третій разъ онъ ѣздилъ туда не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ

посла хана Менгутемира къ императору Михаилу съ письмами и дарами. Съ именемъ Ѳ. связаны вопросы, предложенные имъ Константинопольскому собору по нуждамъ сарайской церкви и записанные на нихъ отвѣты собора. Они содержатъ много важныхъ свѣдѣній о состояніи тогдашней русской церкви, касаясь крещенія, литургіи и евхаристіи, хиротоніи, служенія игуменовъ, постриженія въ иночество, епископа, погребенія, поста въ среду и пятокъ, яденія удавленины и брака. Вопросы Ѳ. съ отвѣтами изданы по тремъ бѣлозерскимъ спискамъ въ «Чт. Общ. Ист.» (1860 г., кн. 2, стр. 32—40), а обзоръ опредѣленій—въ «Правосл. Обозрѣніи» (1863 г., 1, стр. 142—173).

Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. VII, стр. 169, 174. — *Карамзинъ*, «Истор. Госуд. Рос.», кн. IV, стр. 77, 94, 96; примѣч. 108, 147, 154, 181.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнихъ временъ», т. V, стр. 1243.—*Филаретъ, арх.*, «Обзоръ русской духовной литературы», книга I, стр. 66.—*Е. Голубинскій*, «Исторія русской церкви», т. II, стр. 41, 61, 62, 65.

Ѳеогностъ (въ мірѣ *Андрей Григорьевичъ Лебедевъ*), архіеп. Псковскій, сынъ священника с. Еськи, Бѣжецкаго у., Тверской губ., Григорія Григорьевича, род. 30 нояб. 1801 г. Образованіе получилъ въ тверской сем. и Петербургской дух. академіи, которую окончилъ въ 1827 г. со степенью магистра. 16 сент. 1827 г. Ѳ. былъ назначенъ баккалавромъ церковной словесности и англійскаго яз. въ Московскую дух. академію. 7 апр. 1832 г. постриженъ въ монашество, 9-го того же апрѣля посвященъ въ іеродіакона и 10-го въ іеромонаха; 20 іюня онъ былъ опредѣленъ дѣйств. членомъ академической конференціи, 22 авг. зачисленъ въ соборные іеромонахи и 24 авг. перемѣщенъ на каѳедру дѣятельнаго богословія. 25 янв. 1833 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ вологодской сем.; 26 февр.— архимандритомъ вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря и сдѣланъ въ то же время присутствующимъ въ вологодской дух. консисторіи; 20 марта состоялось его назначеніе директоромъ вологодскаго тюремнаго комитета. Въ 1834 г. Ѳ. былъ опредѣленъ цензоромъ проповѣдей въ Вологдѣ, а въ 1837 г. назначенъ благочиннымъ монастырей. Съ января 1838 г. по 1 іюля 1839 г. онъ находился въ Петербургѣ на чредѣ служенія. Назначенный въ 1841 г. ректоромъ петербургской сем. и присутствующимъ въ петербургской дух. консисторіи, онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ членомъ конференціи Петербургской дух. академіи и членомъ ея внѣшняго правленія, а въ 1842 г.—членомъ академическаго комитета по разсмотрѣнію конспектовъ преподаванія наукъ въ семинаріяхъ. Въ 1848 г. мы видимъ Ѳ. епископомъ острогожскимъ викаріемъ Воронежской епархіи, а съ февраля по іюнь 1850 г.— временно управляющимъ Воронежскою епархіею. 13 іюля 1852 г. онъ былъ переведенъ на каѳедру въ Вологду, а 31 іюля 1856 г.—въ Тобольскъ. Въ 1862 г. Ѳ. былъ произведенъ въ архіепископы и перемѣщенъ въ псковскую епархію, гдѣ и скончался.—По отзывамъ современниковъ, Ѳ. какъ въ частной жизни, такъ и на всѣхъ ступеняхъ службы всегда проявлялъ доброту, благородство души, кротость, ласковость и незлобіе, соединенныя въ то же время съ твердостью въ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ. По душевному складу это былъ благодушный созерцатель-аскетъ, не лишенный, однако, интереса къ текущей дѣйствительности и энергіи въ практической дѣятельности. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) «Слово въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ», — напеч. въ «Нѣкот. упражн. студентовъ Спб. дух. академіи VII курса», Спб. 1827 г. ч. I; 2) «Разсужденіе о виновности первороднаго грѣха предъ Богомъ»,—напеч. ibid., ч. II; 3) «Обозрѣніе богословскихъ предметовъ» (составлено въ 1838 г.),—рукопись Архива Св. Синода; 4) «Обозрѣніе ученія о вѣроисповѣданіяхъ»,—упом. въ «Руковод. дѣят. дух. просв. въ первой половинѣ XIX ст.», Чистовича; 5) «Собраніе матеріаловъ для науки канонич. права россійской ц.» (составлено въ 1841—46 гг.), первая въ рус. литературѣ попытка кодификаціи рус. церк. права, — рукопись Архива Св. Синода; имѣются списки въ Кіевской академ. библіотекѣ и въ г. Порховѣ; 6) Дневникъ,— часть напечат. въ «Дух. Бесѣдѣ» за 1869 г. Кромѣ того, Ѳ. редактировалъ два изданія (въ 1839 и 1843 гг.) «Книги правилъ св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ», на греческомъ и славянскомъ яз., и переводъ «Точнаго изложенія православной вѣры» Іоанна Дамаскина, сдѣланный съ греческаго Московскою духовн. академіею и оставшійся ненапечатаннымъ (рукопись Архива Св. Синода).

Князевъ А., «Воспоминанія о пр. Ѳ—стѣ»

(«Дух. Бес.», 1869 г., и отдѣльно.—«Вологодск. Еп. Вѣд.», 1868 г., № 20.—*Павелъ* (*Лебедевъ*), еп., «Слова и рѣчи», Спб. 1869 г., стр. 436.—*Надеждинъ А.*, «Исторія Спб. д. сем.», Спб. 1885 г.—*Сулоцкій А.*, «Тобольскіе и Томскіе архипастыри», Омскъ, 1881 г.—*Пушинцевъ А.*, прот., «Тобольская еп.», ч. 2, Омскъ, 1892 г.—«Собр. мн. и отз. м. Филарета м.», т. II, Спб. 1885г.—*Петровъ Н.*—«Описаніе рукоп. собраній, наход. въ г. Кіевѣ», вып. I. М. 1892 г.—*Титовъ Ө.*, прот., «Московъ. м. Макарій (Булгаковъ), какъ канонистъ» («Странникъ», 1895 г., сент.).—*Лебедевъ Е.*, «Кто былъ авторомъ приписываемаго м. Макарію Булгакову труда по канонич. праву» («Христ. Чт.», 1895 г., нояб. — дек.) — «Списки архіереевъ іерархіи всероссійской», Спб. 1896 г.—*Родосскій А.*, «Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ Спб. д. акад.», Спб. 1907 г.—Отзывъ К. Я. Здравомыслова объ этомъ изд. («Отч. И. Акад. Наукъ о 50-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова»).—*Лебедевъ М.*, «Архіеп. псковскій Ө—стъ» («Псков. Еп. Вѣдом.», 1909 г., и отдѣльно).

Н. Т.

Өеогностъ, митрополитъ кіевскій и всея Руси, по происхожденію константинопольскій грекъ, поставленъ въ русскіе митрополиты въ Константинополѣ въ концѣ 1327 или началѣ 1328 г., ум. 11 марта 1353 г. Прибылъ на Русь, вѣроятно, въ 1328 г., сначала въ Волынскую землю, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого года поставилъ владимірскаго и галицкаго епископовъ, при участіи всѣхъ тогдашнихъ іерарховъ Галицко-Волынской земли. Участіе послѣднихъ іерарховъ, входившихъ въ составъ особой литовской митрополіи, свидѣтельствуетъ, что къ тому времени,—можетъ быть, еще до выѣзда Ө. изъ Константинополя и по его стараніямъ,—указанная митрополія была упразднена, и новый кіевскій митрополитъ являлся такимъ образомъ дѣйствительнымъ первоіерархомъ безраздѣльно всей Руси. Въ томъ же 1328 г. Ө. прибылъ въ Москву, которая становится его каѳедральнымъ городомъ. Рѣшеніе его основаться здѣсь, а не во Владимірѣ, какъ слѣдовало бы, имѣло громадныя политическія послѣдствія. Благодаря этому рѣшенію, стольный городъ московскихъ князей пріобрѣталъ значеніе церковной столицы Руси. Въ немъ сосредоточивались всѣ нити управленія церковной частью страны, притягивавшія отдѣльныя и самыя отдаленныя области къ одному мѣсту, и стекались богатыя матеріальныя средства русской церкви. Присутствіе митрополита въ этомъ городѣ освящало церковнымъ авторитетомъ всѣ дѣйствія его князя и придавало имъ сугубую силу. Это было то самое, къ чему всегда упорно стремился великій князь московскій Иванъ Даниловичъ, чего онъ достигъ отчасти при предшественникѣ Ө. св. м. Петрѣ и что по смерти Петра неудачно пытался обезпечить на будущее время путемъ выбора и поставленія въ митрополиты своего, московскаго кандидата. Такое совпаденіе митрополита съ великимъ княземъ въ общихъ намѣреніяхъ касательно судьбы церкви и московскаго княжества и даже прямо полное единеніе съ послѣднимъ во всѣхъ его политическихъ замыслахъ характеризуетъ и послѣдующую дѣятельность Ө. Такъ, по прибытіи въ Москву, Ө. по собственной иниціативѣ начинаетъ заботиться о внѣшнемъ украшеніи города, чтобы дать ему и въ этомъ отношеніи возможность соперничать съ богатымъ Владиміромъ, и побуждаетъ къ тому же и Ивана Даниловича. Въ древнее время главное украшеніе городовъ составляли храмы, поэтому Москва стала застраиваться каменными церквами. Продолжая постройку заложеннаго еще при м. Петрѣ Успенскаго храма, Ө. въ 1329 г. построилъ двѣ каменныя церкви—ап. Петра и Іоанна Лѣственика; въ 1330 г. княземъ заложена была каменная церковь Спаса на Бору; въ 1333 г. имъ же построена каменная церковь Архангела Михаила. Той же цѣли возвышенія Москвы—и одновременно митрополичьей каѳедры—служило и прославленіе м. Петра, перваго митрополита, жившаго и погребеннаго въ ней. Еще до пріѣзда Ө. у мощей святителя стали совершаться чудеса, которыя не прекращались и по его прибытіи. Ө. воспользовался своими связями съ патріархіей и исходатайствовалъ въ іюлѣ 1339 г. разрѣшеніе канонизовать м. Петра. Съ причисленіемъ м. Петра къ лику святыхъ Москва стала не только городомъ выдающейся политической важности, но и мѣстомъ, къ которому очевидно для всѣхъ явлено особое Божіе благоволеніе. Въ 1329 г. Ө. пришлось оказать в. князю и чисто политическую услугу. Въ 1327 г. въ Твери возставшимъ народомъ былъ убитъ ханскій посолъ и его свита. Тверской князь Александръ Михаиловичъ, онъ же и великій князь владимірскій, будучи замѣшанъ лично въ это дѣло, бѣжалъ отъ ханскаго гнѣва во Псковъ. Ханъ Узбекъ передалъ тогда великое кня-

женіе московскому князю и потребовалъ отъ него поимки и доставки бѣглеца къ себѣ. Въ 1329 году, во время пребыванія Ѳ. въ Новгородѣ, для исполненія этого требованія великій князь Иванъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями осаждали Псковъ, но безуспѣшно. Чтобы сломить упорство защитниковъ города, кн. Иванъ и другіе князья рѣшили просить Ѳ. наложить церковное отлученіе на тверского князя и псковичей. Имъ пришлось, однако, «увѣщевати и молити» митрополита прежде, чѣмъ тотъ исполнилъ ихъ просьбу. Послѣ этого тверской князь удалился въ Литву, и съ него и псковичей снято было отлученіе. Тѣмъ же постояннымъ помощникомъ московскаго князя въ его государственныхъ стремленіяхъ является Ѳ. и при преемникѣ Ивана Даниловича, его сынѣ Симеонѣ Гордомъ. Не довольствуясь личнымъ содѣйствіемъ осуществленію московскихъ интересовъ, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы этимъ интересамъ оказывалось содѣйствіе и его преемникомъ. По соглашенію съ кн. Иваномъ, послѣ его смерти, въ 1340 г. онъ выбираетъ своимъ митрополичьимъ намѣстникомъ, въ качествѣ предызбраннаго кандидата въ митрополиты, извѣстнаго своею преданностью этимъ интересамъ св. Алексія.

Въ 1329 г., на другой годъ по прибытіи въ Москву, Ѳ., какъ упомянуто выше, ѣздилъ для административныхъ цѣлей въ Новгородъ. Оттуда онъ возвратился въ Москву и тамъ, а можетъ быть частью во Владимірѣ, въ концѣ 1329 г. и началѣ 1330 г. поставилъ епископовъ на ростовскую, суздальскую и тверскую каѳедры. Съ марта—апрѣля 1330 г. по апрѣль—май 1332 г. онъ пробылъ въ Галицко-Волынскомъ краѣ. Причиною поѣздки туда несомнѣнно были дѣла, связанныя съ открытіемъ особой галицкой митрополіи. Неизвѣстно, какимъ образомъ Ѳ. удалось достичь закрытія этой митрополіи уже къ августу 1331 г.: галицкій епископъ, въ качествѣ рядового іерарха, участвуетъ въ этомъ мѣсяцѣ въ поставленіи м. Ѳ-томъ черниговско-брянскаго епископа. 25-того же августа Ѳ. былъ во Владимірѣ Волынскомъ, гдѣ поставилъ новгородскаго архіепископа Василія. Вскорѣ затѣмъ Ѳ. отказалъ прибывшему отъ псковичей посольству о поставленіи для нихъ особаго отъ Новгорода епископа. Изъ галицко-волынской Руси онъ ходилъ зачѣмъ-то въ Константинополь, откуда чрезъ Орду возвратился въ Москву весною 1333 г. Въ 1337—8 гг. вновь была открыта галицкая митрополія. Изъ греческихъ актовъ объ упраздненіи ея извѣстно, что открытію предшествовали какіе-то нелады между будущимъ митрополитомъ галицкимъ, епископомъ и другими епископами Галицко-Волынскаго края и что первый по жалобамъ вторыхъ долженъ былъ подвергнуться суду м. Ѳ-та. Избѣгая именно этого суда, галицкій епископъ ушелъ въ Царьградъ и тамъ исходатайствовалъ себѣ назначеніе митрополитомъ. Ѳ. неоднократно подавалъ патріарху жалобы на новаго митрополита и просьбы о закрытіи митрополіи, но до 1347 г. не имѣлъ успѣха. Въ этомъ году почти одновременно произошли перемѣны на императорскомъ и патріаршемъ престолахъ, и новые императоръ и патріархъ, получивъ отъ в. князя и Ѳ. грамоту по этому дѣлу, не замедлили исполнить ихъ желаніе. Въ 1340 г. Ѳ. посѣтилъ Брянскъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ народнаго возмущенія противъ кн. Глѣба Святославича и тщетно старался спасти послѣдняго отъ смерти. Въ 1341 г. Ѳ. былъ вмѣстѣ съ вел. княземъ въ Торжкѣ и затѣмъ въ Новгородѣ «съ многими людми», при чемъ «тяжко бысть (новгородскимъ) владыцѣ и монастыремъ кормомъ и дары». Въ 1342—3 гг. Ѳ. путешествовалъ въ Орду для полученія подтвердительнаго ярлыка отъ новаго хана. Во время пребыванія его тамъ, какіе-то русскіе люди донесли хану, что у русскаго митрополита безчисленно много злата, серебра и всякаго богатства и что онъ вполнѣ можетъ платить въ Орду ежегодную дань за себя и духовенство. Ханъ потребовалъ у Ѳ. этой дани, но тотъ мужественно противостоялъ всѣмъ утѣсненіямъ и истязаніямъ, раздарилъ 600 р. хану, ханшѣ и ихъ приближеннымъ и сохранилъ за русскою церковью прежнія льготы. Кромѣ ханскаго ярлыка, Ѳ. вывезъ изъ Орды еще ярлыкъ отъ ханши Тайдулы, данный ему въ знакъ ея покровительства. Въ 1346 г. Ѳ. ставилъ епископа въ Ростовъ. Въ 1348—9 г. снова ѣздилъ въ Галицкую землю. Послѣ этого былъ въ Костромѣ и держалъ тамъ соборъ, о которомъ извѣстно только то, что на немъ былъ разрѣшенъ споръ между рязанскимъ и сарайскимъ епископами о границахъ ихъ епархій. Въ 1350 г., впавъ въ тяжкую болѣзнь, Ѳ.

отправилъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ посольство къ патріарху и императору съ ходатайствомъ о поставленіи, въ случаѣ его смерти, въ русскіе митрополиты не грека, а того лица изъ русскихъ, которое будетъ прислано отъ вел. князя. Въ 1351 г. онъ благословилъ на суздальскую каѳедру еп. Даніила, бывшаго подъ запрещеніемъ «за нѣкую вину». Въ началѣ декабря 1352 г. ставитъ своего намѣстника Алексія во епископа владимірскаго. Въ 1353 г., предъ самою смертью его, въ Москвѣ состоялось какое-то совѣщаніе вел. князя съ княземъ суздальскимъ «про причетъ церковный». 11 марта этого года Ѳ. скончался и черезъ четыре дня погребенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ рядомъ съ м. Петромъ.

Въ 1475 г. гробъ м. Ѳ. былъ вынесенъ изъ Успенскаго собора, на время перестройки послѣдняго, въ ц. св. Іоанна подъ колоколами и возвращенъ на прежнее мѣсто 27 августа 1479 г. По сообщенію лѣтописи, въ 1474 г. при гробѣ Ѳ. получилъ исцѣленіе нѣкій человѣкъ; «и сказаша митрополиту Геронтію и великому князю, они же невѣріемъ одержими бѣша, не повелѣша звонити и всему городу славити его, но послѣди новую церковь сотвориша Богородицкую и задѣлаша мощи его, въ землю покопавши, и покрова на гробницѣ каменной не положиша, и нынѣ въ небреженіи гробъ его». Хотя въ нѣкоторыхъ прологахъ XVII в. и встрѣчаются подъ 27 августа записи о перенесеніи мощей «иже во святыхъ отца нашего Ѳеогноста, митрополита кіевскаго», но несомнѣнно, что ни въ XVI, ни въ XVII столѣтіяхъ м. Ѳ-ту еще не было установлено празднованія въ Успенскомъ соборѣ. Установленіе этого празднованія относится къ XIX ст.

Греческій историкъ Никифоръ Григора называетъ Ѳ-та «мужемъ разумнымъ и боголюбивымъ», наши лѣтописи (Типографская и Воскресенская) — великимъ наставникомъ. Тотъ же Григора сообщаетъ, что м. Ѳ., получивъ опредѣленіе константинопольскаго собора 1341 г. съ изложеніемъ ученія о несотворенности Ѳаворскаго свѣта, не согласился съ этимъ ученіемъ и написалъ по поводу его многія пространныя укоризны и обличенія, которыя доставилъ патріарху и епископамъ. Въ настоящее время извѣстно только одно сочиненіе Ѳ., не считая грамоты отъ его имени на Червленный яръ, которую, конечно, не онъ писалъ,—поученіе на русскомъ языкѣ «къ духовнымъ чадомъ. . о божественныхъ писаніи, о смѣреполюбьи, яко не подобаетъ играти и смѣятися бещанно... и якоже недостойніи приходять къ божественнымъ таинамъ, въ муку себе въ нетерпѣливую въ вергуть, и како подобаетъ чтити честнаго и животворящаго креста». Можетъ быть, не безъ вѣдома Ѳ-та былъ составленъ въ его правленіе до 1340 г. сборникъ узаконеній противъ симоніи, подъ заглавіемъ: «Книга, нарицаемая Власѳимія». . Находящійся въ московской синодальной библіотекѣ требникъ, ложно носящій его имя и содержащій въ себѣ обличеніе раскольниковъ, составленъ извѣстнымъ типографомъ петровскаго времени Ѳ. Поликарповымъ-Орловымъ.

«Полн. Собр. Русск. Лѣт.», т.т. I, II, III, IV, V, VII и XXI.—«Рус. Истор. Библ.», т. 6, ч. 1, 2-е изд., СПб. 1908 г.—*Евгеній м.*, «Словарь истор. о писат. дух. чина», ч. II, СПб. 1827 г.— *Барсуковъ Н.*, «Источники рус. агіографіи». СПб. 1882 г. — *Леонидъ, архим.*, «Св. Русь», СПб. 1891 г. —*Макарій, м.*, «Исторія рус. ц.», т. IV, СПб. 1886 г.— *Филаретъ, архіеп.*, «Обзоръ рус. дух. лит.», кн. 1, СПб. 1884 г.—*Его же*, «Русскіе святые», Черниговъ, 1865 г.—*Димитрій, архіеп.*, «Мѣсяцесловъ Святыхъ», вып. VII, Тверь, 1898 г.—*Голубинскій Е.*, «Исторія канониз. святыхъ въ рус. ц.», изд. 2-е, М. 1903 г. — *Его же*, «Исторія рус. церкви», II т., 1-я пол. М. 1900 г.—*Никольскій Н.* «Матеріалы для исторіи древне-рус. духовн. письменности» («Изв. отдѣл. рус. яз. и слов. И. А. Н.», 1903 г., т. VIII, кн. I). *Т.*

Ѳеодора (въ мірѣ—*Васса* или *Василиса*, а по мнѣнію нѣкоторыхъ—*Анастасія Ивановна*), игуменія нижегородскаго Зачатіевскаго женскаго монастыря. Родилась въ г. Твери въ 1331 году; отецъ ея былъ родомъ кіевлянинъ. «Еще сущи отроковица, изучися грамотѣ всей, и ветхій и новый завѣтъ извыче, и восхотѣ во иноческій санъ пострищися, родители же ея не хотящи и даша ее за князя Андрея Константиновича Суздальскаго и Новгорода Нижняго, 13-ти лѣтъ сущи». Въ замужествѣ она «не внимаше суетному житію», но вела благочестивую жизнь и, отдавшись посту, воздержанію, молитвѣ и милостынѣ, «изсуши тѣло свое жестотою житія»; подъ свѣтлымъ одѣяніемъ носила власяницу. Въ началѣ второй половины XIV в. Ѳ. основала въ Нижнемъ-Новгородѣ Зачатіевскій женскій монастырь. Послѣ кончины мужа своего, бывшаго

послѣдніе годы жизни въ черпецахъ и схимѣ, благочестивая вдова въ 1367 г. приняла постриженіе въ монашество съ именемъ Ѳеодоры, по мнѣнію-же другихъ—съ именемъ Вассы, а Ѳеодорой наречена при постриженіи въ схиму. Все богатство свое, имѣніе, злато, серебро и жемчугъ роздала по церквамъ и монастырямъ и нищимъ, «и всѣхъ своихъ свободи», сама же избрана была въ игуменіи основаннаго ею Зачатіевскаго монастыря. Жизнь свою проводила въ молитвѣ, трудахъ, постѣ, чтеніи божественныхъ писаній, въ умиленіи и слезахъ, питаясь отъ своего рукодѣлья и заботясь объ украшеніи обители и умноженіи сестеръ, коихъ насчитывалось до 160. Монастырь былъ расположенъ на самомъ берегу р. Волги, недалеко отъ мыса у устья р. Почайны; былъ богатъ и украшенъ, но частые пожары (1685, 1715 и 1743 гг.) разорили его; онъ былъ переведенъ на другое мѣсто, сталъ называться Георгіевскимъ и въ 1764 г., при образованіи монастырскихъ штатовъ, послѣ 400-лѣтняго существованія, упразднепъ съ переводомъ инокинь въ Нижегородскій Происхожденскій Крестовоздвиженскій монастырь; даже рѣчка Почайна, у устья которой была расположена Зачатіевская обитель, заключена теперь въ бетонныя трубы и придавлена постройками толкучаго рынка. Скончалась преподобная игуменія Ѳ. 15 апрѣля 1378 года и погребена была въ основанномъ ею монастырѣ, но по закрытіи обители тѣло ея перенесено въ Нижегородскій Преображенскій соборъ и положено рядомъ съ гробницею ея супруга. Хотя она не канонизована, но память ея мѣстно чтится 16 апрѣля и 28 марта (вѣроятно—день перенесенія ея тѣла).

Тверскій патерикъ. Казань 1907 г., стр. 181—186.—«Лицевое житіе препод. Ѳеодоры, благов. княгини Нижняго Новгорода.—«Книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ»(изд.гр. М.В.Толстого), №443, стр. 247—8.—Степенная книга, I, 486—7. — Рукопись Архива Св. Синода, № 1220, л. 40 на обор.—*Архим. Леонидъ*,—«Св. Русь».—*Барсуковъ*,—«Источники русской агіографіи».—*Звѣринскій*, «Матеріалы о монастыряхъ», II, 804.—*А. Снѣжницкій*,—«Адресъ календарь Нижегородской епархіи 1888 г.», стр. 268.—Мѣсяцесловы—Сергія, Димитрія и др.—*Филаретъ*, «Русскіе святые».—*Филимоновъ*, «Иконописный подлинникъ». *К. Здравомысловъ*.

Ѳеодора, инокиня, (въ мірѣ *Ѳеодосія Прокофьевна Морозова*), дочь родственника супруги царя Алексѣя Михайловича окольничаго Соковнина, род. около 1633 г., ум. 2 ноября 1675 г. 17 ти лѣтъ отъ роду вышла замужъ за одного изъ первыхъ и богатѣйшихъ бояръ, Глѣба Ивановича Морозова; черезъ 12 лѣтъ, въ 1662 г., овдовѣла. Отличаясь и ранѣе большою религіозностью и «добродѣтельнымъ житіемъ», со времени вдовства, которое тогда считалось какъ бы обреченіемъ на монашеское житіе, она всецѣло посвятила себя подвигамъ благочестія. По словамъ раскольничьяго «Житія» Морозовой, она устроила въ своемъ домѣ подобіе монастыря изъ «пятерицы» преданныхъ расколу и изгнанныхъ изъ своихъ монастырей инокинь и не могла «насытися» ихъ обществомъ, «зѣло бо радовашеся, зря въ нощи на правилѣ себе съ ними Христу предстоящу и на трапезѣ ихъ съ собою ядущихъ». Въ лицѣ одной старицы—раскольницы (Меланіи) она избрала себѣ духовную наставницу, которую почитала, какъ мать, и, по-монашески, «до конца свою волю отсѣче», «отдадеся ей подъ началъ». Въ домѣ ея находили пріютъ и уходъ убогіе и прокаженные. Днемъ боярыня употребляла свой досугъ на приготовленіе рубашекъ для бѣдныхъ, вечеромъ же, въ сопровожденіи «домочадицы», одѣтая въ рубище, обходила улицы, богадѣльни и темницы, творя вездѣ милостыню неимущимъ. «Много имѣнія расточи» на нищихъ, «многи же съ правежу съкупи». Любила благотворить церквамъ и монастырямъ и объѣзжать святыя мѣста. «Тщащеся всяку волю Божію дѣломъ совершити», была «жегома и разжигаема огнемъ божественныя любве». Когда Морозова «увѣдѣ» о никоновскихъ новшествахъ, этотъ внутренній огонь толкнулъ ее на борьбу за древнее православіе. Сначала скрытно, а затѣмъ и явно она становится душою московской общины раскольниковъ, глава которыхъ протопопъ Аввакумъ былъ ея духовнымъ отцомъ и даже нѣкоторое время жилъ въ ея домѣ. Громадныя средства и высокія связи ея идутъ на поддержку раскольническаго движенія. Морозова принимаетъ ближайшее участіе въ устроеніи внутренней жизни раскола: раскольническіе «отцы»-писатели занимаются въ своихъ писаніяхъ важнѣйшими вопросами вѣры и жизни и разрѣшаютъ ихъ, по «ея вопрошеніямъ» (см. сочин. Аввакума и Авраамія). «Вездѣ»,

говоритъ «Житіе», она занималась пропагандою борьбы съ господствующею церковью, и «въ дому своемъ при гостѣхъ», и на обѣдахъ у своихъ знакомыхъ, и въ тѣсной родственной обстановкѣ. На первыхъ порахъ нѣкоторые родственники пытались повліять на нее уговорами и просьбами, но не имѣли успѣха. При дворѣ хорошо знали о настроеніи, рѣчахъ и поступкахъ боярыни, но пока ничего не предпринимали. Постепенно Морозова все болѣе преисполнялась рвеніемъ. «Желая зѣло ангельскаго образа», она приняла отъ одного раскольничьяго игумена постриженіе подъ именемъ Ѳеодоры и начала предаваться еще большимъ подвигамъ, посту, молитвѣ и воздержанію, купно же и молчанію, и удаляться отъ домашнихъ дѣлъ подъ предлогомъ болѣзни. Подъ предлогомъ болѣзни, она отказалась и отъ присутствія въ январѣ 1671 г. на царской свадьбѣ, опасаясь, что тамъ придется принимать благословеніе отъ никоніанскихъ архіереевъ и цѣловать руку никоніанскаго царя. «Царь... все то лѣто на ню за то гнѣвался». «Близъ осени» къ Морозовой былъ присланъ отъ царя съ выговоромъ за разныя ея выходки и съ убѣжденіями принять «новоизданные законы» бояринъ Троекуровъ и, «мѣсяцъ понoровя», съ тѣмъ же—князь Урусовъ, мужъ ея родной сестры, также ревностной раскольницы, Евдокіи. На рѣчи посланцевъ боярыня отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ подчиниться настояніямъ царя. «Седмицъ яко пять» спустя, послѣ 14 ноября, во второмъ часу по закатѣ солнца въ домъ Морозовой, по приказу царя и по настоянію духовныхъ властей, явились для слѣдствія чудовской архим. Іоакимъ и думный дьякъ Иларіонъ Ивановъ. Чтобы выразить презрѣніе къ пришедшимъ, Морозова и бывшая при ней ея сестра Евдокія, легли въ постели и лежа отвѣчали на вопросы. Результатомъ допроса былъ арестъ обѣихъ сестеръ, при чемъ слѣдователямъ, въ виду отказа женщинъ идти самимъ, пришлось насильно нести ихъ на стулѣ. Арестованныхъ посадили «въ людскія хоромы, въ подклѣтѣ» и «возложиша на нозѣ ихъ конскія желѣза». «По двои днію» снова пришелъ думный дьякъ, снялъ съ Морозовой желѣзы и пригласилъ ее слѣдовать въ Чудовъ монастырь, гдѣ ее ожидали архим. Іоакимъ и м. Павелъ крутицкій. Она и въ этотъ разъ не хотѣла оказать никакого содѣйствія своимъ противникамъ и ее пришлось нести «на сукнѣ». Новыя увѣщанія и пренія, продолжавшіяся, по «Житію», «отъ второго часа нощи до десятаго» кончились ничѣмъ, и подсудимую прежнимъ способомъ доставили обратно. «Во утрій день» Морозову отвезли чрезъ Кремль на подворье Печерскаго монастыря, гдѣ ей было назначено пребываніе подъ карауломъ стрѣльцовъ и въ желѣзахъ. Когда ее везли мимо Чудова монастыря подъ царскіе переходы, она, полагая, что царь смотритъ на нее, «рукою десною своею, простерши, ясно изобрази сложеніе перстъ, высоцѣ вознося, и крестомъ часто ограждашеся и цѣпію звяцаше непрестанно». На подворьи заключенную часто посѣщалъ для словопреній митрополитъ рязанскій Иларіонъ. Здѣсь Морозовой пришлось узнать о смерти своего единственнаго малолѣтняго сына. Она очень убивалась, но не столько о самой смерти сына, сколько о томъ, что умершій предъ смертью былъ напутствованъ никоніанскимъ священникомъ. Вслѣдъ затѣмъ сталъ «износиться» царскій гнѣвъ: два брата боярыни были посланы въ ссылку; имѣнія, дома и все имущество ея отобраны въ казну. «По времени же яко умилися царь, повелѣ дати Ѳеодорѣ дву отъ рабынь ея, да послужатъ ей во юзахъ». Несчастія и кары только закаляли рѣшимость Морозовой. Въ заключеніи, повидимому, ее не очень стѣсняли, такъ какъ она постоянно сносилась со своими друзьями и даже причащалась отъ раскольниковъ. Все время ее поддерживалъ и подогрѣвалъ своими поученіями и одобреніями ея духовный отецъ прот. Аввакумъ. Крайнее упорство и страданія видной боярыни привлекали къ себѣ большое вниманіе въ Москвѣ, въ особенности со стороны женщинъ высшаго круга, не исключая и царской семьи. Это обстоятельство, по словамъ «Житія», привело (въ 1672 г.) патріарха Питирима къ мысли о необходимости такъ или иначе покончить съ этимъ шумнымъ дѣломъ. Онъ якобы прямо попросилъ царя освободить Морозову и возвратить ей часть имущества, указывая, что «женское бо ихъ дѣло», но царь предложилъ ему сначала непосредственно ознакомиться съ этимъ женскимъ дѣломъ. «Во вторый часъ нощи» Питиримъ вытребовалъ Ѳеодору къ себѣ въ Чудовъ монастырь и въ присутствіи духовныхъ

и гражданскихъ властей лично имѣлъ съ нею разговоръ. Рѣчи собесѣдницы и ея поведеніе (она все время не хотѣла стоять и висла на рукахъ поддерживавшихъ ее стрѣльцовъ) показались патріарху явно ненормальными и онъ рѣшилъ во исцѣленіе помазать ее масломъ. Но Морозова стала на ноги и воспротивилась этому, «яко борецъ». По окончаніи бесѣды патріархъ, разсказываетъ «Житіе», возвратился «вспять, ревый яко медвѣдь». На другой день, въ тотъ же ночной часъ Морозову отвезли на ямской дворъ и тамъ пытали; за то, что она и на пыткѣ не прерывала свои «укоризны и обличенія», ее полчаса продержали на «тряскѣ». Послѣ пытки ее водворили попрежнему на подворьи. Житіе сообщаетъ, что будто бы патріархъ требовалъ, чтобы боярыня вмѣстѣ съ ея сестрою и другою женщиною—раскольницею была сожжена въ срубѣ и что даже былъ приготовленъ и срубъ, «да боляре не потянули». Оно же разсказываетъ о маловѣроятной попыткѣ царя, сдѣланной якобы «по трехъ днехъ» послѣ пытки, соблазнить Ѳеодору обѣщаніемъ возвратить ей ея богатства и почести въ случаѣ ея обращенія на правый путь. Вскорѣ Морозову, по повелѣнію царя, перевели въ Новодѣвичій монастырь, «чтобы тамо никто ей не приносилъ никаковы потребы». Игуменьѣ было приказано имѣть строгій присмотръ за заключенною и «влачить» ее къ церковнымъ службамъ. Скоро, однако, оказалось, что пребываніе ея здѣсь въ отношеніи свободы внѣшнихъ сношеній ничѣмъ не отличалось отъ пребыванія въ другихъ мѣстахъ заключенія. Зрѣлище того, какъ ее насильно влекли въ церковь, собирало такую массу любопытныхъ, что монастырь бывалъ заставленъ рыдванами и каретами. Поэтому царь приказалъ перевезти ее въ Москву, въ Хамовники, во дворъ старосты; отсюда въ 1673 г., послѣ попытки царевны Ирины Михайловны исходатайствовать у царя облегченіе участи Ѳеодоры, она была отправлена въ Боровскую земляную тюрьму, гдѣ и скончалась, по словамъ «Житія», отъ голода. Морозова почитается старообрядцами святою. «Житіе» ея является самымъ распространеннымъ у нихъ чтеніемъ. Отъ нея дошли 3 письма къ протопопу Аввакуму и одно къ женѣ и дѣтямъ послѣдняго.

Субботинъ Н., «Матеріалы для исторіи раскола», т.т. V и VIII.—*Забѣлинъ И.*, «Бытъ русскихъ царицъ».—*Тихонравовъ Н.*, «Боярыня Морозова» («Рус. Вѣстн.», 1865 г.).—*Смирновъ П. С.*, «Значеніе женщины въ исторіи возникновенія раскола» («Миссіонер. Сборникъ», 1891 г., № 6).—*Его же*, «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.». Спб. 1898».—*Нильскій, И.*, «Семейная жизнь въ рус. расколѣ», 2 вып., Спб. 1869 г.—*Шеметовъ Н.*, О «Житіи» («Филолог. Зап.», 1905 г.).—*Строевъ, Н.*, «Боярыня Морозова» («Истор. Вѣстн.», 1902, окт.—*Я. Л. Барсковъ*, «Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества», Спб., 1912 г. *Н. Т.*

Ѳеодора Романовна, княгиня, дочь князя Романа Мстиславича и сестра знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго. Въ 1188 г. была выдана за старшаго изъ двухъ незаконныхъ сыновей князя Владиміра Ярославича галицкаго, извѣстнаго своей распутной жизнью, но уже въ слѣдующемъ году вернулась къ своему отцу по волѣ галичанъ, призвавшихъ къ себѣ на княженіе Романа Мстиславича. Свекоръ и мужъ Ѳ. Р. въ это время бѣжали въ Венгрію.

Въ ближайшіе затѣмъ годы имени Ѳ. Р. въ лѣтописи нигдѣ не встрѣчается. Только подъ 1238 г. мы опять находимъ упоминаніе о сестрѣ сильнаго галицкаго князя Даніила, которая въ это время была уже замужемъ за княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ черниговскимъ. Покинутая своимъ мужемъ, бѣжавшимъ изъ страха предъ татарами, она была захвачена въ плѣнъ кн. Ярославомъ Ингваревичемъ, который, по просьбѣ Даніила, отпустилъ ее къ брату. Послѣдній вскорѣ примирился съ Михаиломъ и вернулъ ему жену, но при новомъ извѣстіи о приближеніи къ Кіеву татаръ Михаилъ Всеволодовичъ вторично покинулъ Ѳ. Р. и вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и внучкою бѣжалъ въ Польшу.

«Пол. Соб. Рус. Л.», т. I, стр. 200; т. II, стр. 136, 137, 177, 179, 196, 321; т. VII, стр. 144. *А. Г.*

Ѳеодора, княгиня ростовская. Родомъ татарка, дочь ордынскаго вельможи Сартака. Въ 1257 г., принявъ крещеніе, вышла замужъ за кн. Глѣба Васильковича Ростовскаго (впослѣдствіи и Бѣлозерскаго), положивъ тѣмъ самымъ начало сближенію между русскими князьями и ордою. Послѣднее обстоятельство, конечно, было очень важно, если имѣть въ виду тѣ разоренія, которымъ подвергались земли князей, не ладившихъ съ ханомъ. Пріѣхавъ съ мужемъ въ Ростовъ, кн. Ѳ. прожила здѣсь болѣе 16-ти лѣтъ и отъ брака съ

Глѣбомъ Васильковичемъ имѣла двухъ сыновей: Демьяна и Михаила. Она скончалась 20 декабря 1273 г. и была погребена епископомъ Игнатіемъ въ Ростовскомъ храмѣ Пр. Богородицы.

«Пол. Соб. Рус. Л.», т. I, стр. 203, 226, 227; т. VII, стр. 161. — *А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ», т. II, стр. 156, 157.- *Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. IV, прим. 154.

А. Г.

Ѳеодоритъ, просвѣтитель кольскихъ лопарей, прозв. *Пустынникомъ*, былъ родомъ изъ города Ростова, въ которомъ родился и св. Сергій. На тринадцатомъ году отрокъ Ѳ. ушелъ изъ дому своихъ родителей, стремясь къ подвижнической жизни. Удалился онъ въ Соловецкій монастырь, лежащій на островѣ Ледоваго, или Студенаго моря. На четырнадцатомъ году онъ принялъ на себя монашескій образъ и былъ отданъ на послушаніе престарѣлому и весьма мудрому пресвитеру Зосимѣ. Послушникомъ этого многолѣтняго старца былъ онъ пятнадцать лѣтъ и научился отъ него всякой духовной премудрости, потомъ рукоположенъ былъ въ діаконы архіепископомъ новгородскимъ, послѣ чего, пробывъ еще годъ у старца Зосимы, съ его благословенія отправился изъ Соловецкой обители на поклоненіе основателю и игумену Свирскаго монастыря, извѣстному своею святою жизнью Александру Свирскому, который принялъ его любезно, назвавъ при встрѣчѣ по имени. Изъ Свирскаго монастыря Ѳ. пошелъ за Волгу рѣку, и, обойдя другіе монастыри, поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, гдѣ нашелъ старца Сергія и другихъ святыхъ мужей. Изъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря Ѳ. пошелъ въ тамошнія пустыни и нашелъ тамъ Порфирія (изгнаннаго великимъ княземъ Василіемъ), игумена Троицкаго монастыря. Годъ изгнанія игумена Порфирія даетъ намъ возможность опредѣлить и годъ рожденія Ѳ. Онъ принялъ монашество на четырнадцатомъ году, былъ послушникомъ старца Зосимы 15 лѣтъ, слѣдовательно, рукоположенъ въ іеродіакона на 30-мъ году, потомъ еще годъ онъ пробылъ въ Соловецкой обители, около двухъ лѣтъ въ Кирилловомъ монастырѣ и около года странствовалъ изъ Соловецкаго монастыря въ Свирскій и въ монастыри за рѣкою Волгою. Слѣдовательно, въ 1523 году Ѳ. было 34 года, а потому онъ родился въ 1489 году. Живя съ Порфиріемъ въ пустынѣ, онъ встрѣтился тамъ съ Артеміемъ, премудрымъ Іоасафомъ, называемымъ Бѣлобаевымъ, и со многими другими пустынниками, которые вели подвижническую жизнь (многіе изъ нихъ были уже старцами), и пожилъ съ ними вмѣстѣ «въ трудахъ духовныхъ» около 4-хъ лѣтъ; вскорѣ онъ получилъ отъ своего соловецкаго наставника письмо, въ которомъ тотъ, предчувствуя кончину, призывалъ своего ученика къ себѣ. Ни отдаленность разстоянія, ни трудности пути не удержали Ѳ. Онъ поспѣшилъ къ своему учителю, чтобы обнять многолѣтняго старца, облобызать его священныя сѣдины, и съ годъ служилъ ему въ его немощахъ и недугахъ, до блаженной его кончины. По погребеніи тѣла усопшаго старца Ѳ. снова влекло въ пустыню. Онъ рѣшился принять на себя подвигъ апостольскій; для этого онъ отправился на устье Колы, въ землю дикихъ лопарей. Изъ словъ Курбскаго не видно, чтобъ у Ѳ., при отправленіи его въ пустынные лѣса Лапландіи, была мысль объ обращеніи лопарей: по разсказу Курбскаго, Ѳ. какъ будто стремился лишь къ безмолвному жительству, сладости котораго онъ вкусилъ и напился. Но съ мнѣніемъ Курбскаго трудно согласиться, такъ какъ изъ поступковъ Ѳ. видно, что онъ при самомъ отправленіи въ страну лопарей уже имѣлъ мысль объ ихъ просвѣщеніи, вложенную въ него, быть можетъ, тѣмъ же Зосимой или другимъ инокомъ Соловецкой обители. На Ѳ. слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одного изъ многихъ піонеровъ, которые были выпущены Соловецкимъ монастыремъ для духовнаго воздѣлыванія дѣвственной почвы береговъ Бѣлаго моря, для распространенія христіанства между ея дикими обитателями. Имя и труды Ѳ. также позабыты туземцами, какъ имена и труды многихъ предшествовавшихъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ просвѣтителей. Но не одними лопарями позабыты труды и подвиги Ѳ.: въ новѣйшихъ сочиненіяхъ нашихъ сообщаются о немъ свѣдѣнія по наслышкѣ, несогласныя съ дѣйствительностью. Если бы онъ не былъ духовникомъ Курбскаго и не былъ бы связанъ съ послѣднимъ самою искренней пріязнью, а по разсказу Курбскаго—даже и трагическою

судьбою, то мы бы совершенно не знали о трудахъ Ѳ. по просвѣщенію лопарей. Съ языкомъ лопарей Ѳ. успѣлъ познакомиться еще въ Соловецкомъ монастырѣ, потому что, по свидѣтельству житія преподобныхъ Зосимы и Савватія, многіе сосѣдніе инородцы: Ижора, Чудь, Лопье, Каяне и Мурмане приходили въ обитель преподобныхъ и, принимая св. крещеніе, дѣлались монахами. Ѳ. перевелъ нѣкоторыя славянскія молитвы на языкъ лопарей и обучилъ ихъ истинамъ вѣры. Помощникомъ ему въ христіанскомъ просвѣщеніи лопарей былъ старецъ Митрофанъ. Двадцать лѣтъ Ѳ. трудился въ этомъ святомъ дѣлѣ. Въ Новгородѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонахи, нѣсколько времени былъ духовникомъ митрополита и, возвратившись къ лопарямъ, основалъ тамъ монастырь, который, впрочемъ, принужденъ былъ вскорѣ оставить по ненависти иноковъ, не желавшихъ строгихъ правилъ устава его. Между лопарями онъ оставилъ двѣ тысячи крещеныхъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Курбскимъ излагаются труды Ѳ. по просвѣщенію лопарей, нельзя не сознаться, что излагаются и кратко, и сбивчиво. Видно, что или память измѣнила Курбскому, или онъ не особенно интересовался обращеніемъ лопарей въ христіанство и потому невнимательно слушалъ разсказы о томъ Ѳ. Если судить по изложенію Курбскаго, то слѣдуетъ принять, что 1) какъ будто Ѳ. сперва построилъ монастырь и церковь, потомъ уже сталъ обращать въ Христову вѣру лопарей, и 2) что обращеніе лопарей шло неимовѣрно быстро. Хотя Курбскій и говоритъ: «потомъ же по лѣтѣхъ не малѣхъ», но если съ точностью счесть годы, то не только не малыхъ, но и малыхъ лѣтъ, по жизнеописанію Курбскаго, не удѣлено на обращеніе лопарей. Дѣйствительно, если положить, что даже въ 1527 году Ѳ. прибылъ на берега Колы, 20 лѣтъ прожилъ въ пустынѣ, два года прошло въ приготовленіи къ устройству монастыря, около двухъ лѣтъ онъ, по изгнаніи монахами его изъ устроеннаго имъ на устьи Колы монастыря, былъ игуменомъ одного небольшого монастыря въ Новгородской землѣ, да хоть три года (по Курбскому, четыре или пять) архимандритомъ Суздальскаго Евѳиміева монастыря, то прибавивъ эти 27 лѣтъ къ 1527 году, получимъ 1554 годъ, въ которомъ онъ былъ потребованъ на судъ собора, вмѣстѣ съ игуменомъ Артеміемъ, по обвиненію въ участіи въ ереси Матвѣя Башкина. Слѣдовательно, для апостольскаго труда Ѳ., если принять, что онъ началъ это дѣло только по основаніи монастыря, не остается ни одного года. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что Ѳ. еще во время своего пустынножительства началъ обращеніе лопарей и пріуготовилъ ихъ къ св. крещенію путемъ проповѣди и обученія ихъ на родномъ языкѣ, которому онъ самъ выучился также въ пустынѣ; дѣлу же евангельской проповѣди между лопарями посвятилъ онъ кромѣ большей части своей пустынническој жизни и тѣ два года, въ которые онъ собиралъ средства и монаховъ для монастыря, и устраивалъ монастырь и церковь. Послѣ этихъ, конечно, не малыхъ лѣтъ проповѣди евангельской и можно еще допустить тотъ фактъ, что въ одинъ день имъ было обращено около двухъ тысячъ наученныхъ имъ и оглашенныхъ, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, лопянъ съ женами и дѣтьми. Въ противномъ случаѣ цифру окрещенныхъ, показанную Курбскимъ, нельзя не признать слишкомъ громадною, а внезапное обращеніе ихъ не менѣе, какъ чудомъ. Есть основаніе полагать, что едва ли Ѳ. изобрѣлъ для лопарей особыя письмена, особую азбуку; видно только, что онъ перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы, безъ чего, конечно, нельзя было обойтись, и что онъ научилъ ихъ писанію, т. е. грамотѣ. Если-бъ Ѳ. изобрѣлъ особую азбуку для лопарей, то Курбскій навѣрное, столь любившій Ѳ., не опустилъ бы такого важнаго факта изъ его жизни, а распространился бы о трудѣ изобрѣтенія лопарской письменности. Удалившись въ Новгородскую область, Ѳ. около двухъ лѣтъ былъ игуменомъ одного монастыря, и потомъ, вызванный въ Москву, былъ поставленъ архимандритомъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря. Въ санѣ архимандрита онъ настоятельствовалъ въ этой обители пять лѣтъ (до 1554 года), и, по клеветѣ еретиковъ, единомысленныхъ съ Башкинымъ, былъ подвергнутъ двухлѣтнему заточенію въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, откуда митрополитомъ московскимъ Макаріемъ освобожденъ, по ходатайству князя Курбскаго и другихъ именитыхъ лицъ. Ѳ. жилъ послѣ того въ Ярославскомъ монастырѣ.

Въ янв. 1557 г., безъ сомнѣнія, по рекомендаціи митрополита Макарія и доброжелательныхъ къ Ѳ. сановниковъ, царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ Ѳ. въ Царьградъ съ вопросомъ къ патріарху о короновапіи. Ѳ. ходилъ туда и обратно болѣе года, и, исполнивъ царское порученіе съ успѣхомъ, возвратился изъ Греціи, принеся царю отвѣтное посланіе патріарха; за эту услугу ему была назначена награда, состоящая изъ 300 сребренниковъ и собольей шубы, крытой аксамитомъ (парчею). Но нелюбостяжательный Ѳ. пожелалъ принять только 25 сребренниковъ, и когда царь прислалъ ему и шубу, то инокъ продалъ шубу, деньги роздалъ бѣднымъ, а самъ удалился на покой въ Прилуцкій монастырь, Вологодской губерніи. Изъ этого монастыря Ѳ. два раза ѣздилъ въ устроенную имъ при устьѣ Колы обитель и навѣщалъ лопарей. Наконецъ, послѣ многотрудныхъ подвиговъ и скорбей Ѳ. почилъ мирно сномъ смерти на мѣстѣ своего постриженія въ Соловецкомъ монастырѣ и погребенъ близъ южной стѣны Преображенскаго собора. Надъ могилой его до сего времени сохранилась бѣлая плита съ слѣдующей надписью: «лѣта 7079 (1571) августа 17 дня преставился рабъ Божій священно-архимандритъ Суздальскій Евѳиміева монастыря, священноинокъ Ѳеодоритъ, Соловецкій постриженникъ». Церковь за подвижническую жизнь и просвѣтительскіе труды дала ему титло «блаженнаго».

М. Толстой, «Разсказы изъ исторіи русской церкви», т. IV, стр. 141—143.—«Журн. Мин. Народ. Пр.», 1868 г., іюль.—«Соловецкій Патерикъ», М. 1895 г.—*К. Шестаковъ*, «Просвѣтители лопарей. Архимандритъ Ѳеодоритъ и св. Трифонъ Печенегскій». — «Сказанія кн. Курбскаго», изд. Устрялова, стр. 130.—«Правосл. Собесѣдникъ». Казань, 1859 г.—*Карамзинъ*, «Истор. госуд. Рос.», т. IX, стр. 159.—«Ярославск. Епарх. Вѣд.», 1868 г., № 6. — *Филаретъ*, «Обзоръ дух. литературы».—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—«Монастыри Арханг. епархіи», изд. Арханг.-Церковно-Археологич. Комитета.—*Суворовъ*, «Къ исторіи Вологды».

Ѳ. Ѳедотовъ.

Ѳеодоритъ, архіепископъ рязанскій и муромскій, какъ говоритъ преданіе, родился въ 1551 году (а въ копіяхъ домашнихъ записокъ А. В. Сергѣева—въ 1549 году), въ царствованіе Іоанна Грознаго. Кто были родители Ѳ. и какъ проводилъ онъ свѣтское поприще своей жизни, на это нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ указаній. Есть, впрочемъ, предположеніе, что онъ былъ близкій родственникъ боярину Шереметеву, имѣлъ помѣстья въ Рязани и что патріархъ Іовъ склонилъ его вступить въ монашество. Принятіе монашества могло послѣдовать не ранѣе 1589 г., такъ какъ въ этомъ году въ Москвѣ былъ установленъ патріаршій престолъ. Исторія монашеской жизни этого знаменитаго человѣка, до посвященія его въ санъ рязанскаго архіепископа, такъ же покрыта неизвѣстностью. Правда, имя Ѳ. встрѣчается при слѣдствіи, по случаю смерти Димитрія царевича, убитаго въ Угличѣ (15 мая 1591 г.): въ актѣ, написанномъ по этому случаю Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, митрополитомъ Геласіемъ и другими слѣдователями, между прочимъ, сказано: «а Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ, при архимандритѣ при Ѳеодоритѣ и при игуменѣ при Саватеѣ». Но до сихъ поръ еще достовѣрно неизвѣстно, кто былъ упоминаемый здѣсь архимандритъ Ѳеодоритъ, будущій ли архипастырь рязанскій, или другое какое-либо лицо. Съ 1604 г. Ѳ. былъ архим. Рязанск. Спаскаго м—ря. Въ 1605 году архіепископскій престолъ въ Рязани сдѣлался вакантнымъ. Игнатій грекъ, бывшій до того архіепископомъ кипрскимъ, управлявшій рязанской епархіей, Димитріемъ Самозванцемъ былъ возведенъ на степень московскаго патріарха. Предусмотрительный Гермогенъ, будучи еще митрополитомъ казанскимъ, рукоположилъ архим. рязан. Спасск. м—ря Ѳ. въ санъ архіепископа рязанскаго и муромскаго. Съ этого времени начинается дѣятельное служеніе этого архіепископа отечеству и церкви въ самое бѣдственное для государства время. Въ каждомъ важномъ событіи онъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, сопровождавшееся благодѣтельными послѣдствіями. Дѣйствительно, положеніе Россіи тогда было самое бѣдственное: она находилась во власти самозванца, который предавалъ ее въ руки враговъ. Ѳ. нравственно страдалъ при видѣ новыхъ угрожающихъ отечеству опасностей и, чувствуя невозможность отстранить ихъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, ослабить силу ихъ въ своей епархіи; онъ неутомимо заботился о ея спасеніи какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ и усмирялъ мятежи, готовые вспыхнуть въ

самой Рязани. Ѳ. опирался въ дѣятельности своей на сильныхъ и знатныхъ мужей: ему покровительствовали тогда Шуйскій, Гермогенъ, друзья его Волконскіе; самъ лжепатріархъ Игнатій смирялся передъ нимъ. При содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ этихъ покровителей Ѳ. успѣлъ возвратить архіерейскому дому отнятое у предшественниковъ своихъ владѣніе. Изъ грамоты, данной въ Москвѣ 29 августа 1605 года самозванцемъ на имя Ѳ., видно, что самозванецъ былъ въ благопріятныхъ отношеніяхъ къ архіепископу. Можетъ быть, онъ думалъ привлечь этимъ знаменитаго архипастыря на свою сторону. Но Ѳ., зная, что молчаніемъ можно и самому спастись отъ притѣсненій и паству уберечь отъ враговъ, оставался равнодушнымъ къ дѣйствіямъ самозванца, не говоря ничего ни противъ него, ни за него; изъ сказаній современниковъ о самозванцахъ видно, что рязанскій архіепископъ былъ при бракѣ самозванца съ Мариною 8 мая 1606 года, только имени его въ церемоніалѣ не обозначено. Послѣ сверженія Лжедимитрія съ престола (17 мая 1606 г.) Ѳ. участвовалъ въ духовномъ торжествѣ при вѣнчаніи Василія Ивановича Шуйскаго на царство. Черезъ два дня вмѣстѣ съ самимъ Шуйскимъ и знатнѣйшими духовными и свѣтскими лицами онъ встрѣчалъ мощи святого Димитрія царевича, перенесенныя, по царскому повелѣнію, изъ Углича въ Москву. Эти событія сблизили Ѳ. съ государемъ. Ѳ. привязался къ нему всею душою и ревностно заботился о поддержаніи его на престолѣ. Пользуясь близостью и благосклонностью его, Ѳ. прежде всего ходатайствовалъ у него за рязанское духовенство. И Шуйскій, спустя три недѣли послѣ своего воцаренія (19 іюня 1606 года), пожаловалъ милостивую грамоту всему соборному духовенству съ причтомъ и служащими при соборахъ. Грамота по своему содержанію замѣчательная: ею возстановлялись, съ одной стороны, прежнія права, какими пользовалось соборное духовенство при послѣднихъ рязанскихъ князьяхъ, съ другой, давались и новыя. Усердно заботясь о возвышеніи и обезпеченіи соборнаго духовенства, какъ ближайшихъ сотрудниковъ своихъ въ дѣлѣ служенія церкви и управленія паствою, архіепископъ Ѳ. въ то же время прилагалъ дѣятельное попеченіе о другомъ, не менѣе важномъ предпріятіи въ престольномъ своемъ градѣ, въ полной надеждѣ на содѣйствіе государя Василія Ивановича Шуйскаго. Еще первый архіепископъ рязанскій Митрофанъ заложилъ въ 1598 г. «новую соборную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, каменную». По различнымъ обстоятельствамъ она не была окончена въ теченіе восьми лѣтъ, до самаго времени святительства Ѳ. Архіепископъ Ѳ. рѣшился окончить постройку соборнаго храма. Но, не имѣя средствъ для исполненія такого важнаго предпріятія, обратился съ просьбою о помощи къ Василію Ивановичу Шуйскому. Шуйскій охотно исполнилъ просьбу любимаго архипастыря. Согласно приказу царя, соборный храмъ въ 1606 году былъ построенъ. По окончаніи постройки, украсивъ благолѣпно соборный храмъ Успенія Божіей Матери, преосвященный Ѳ. имѣлъ утѣшеніе и духовную радость видѣть прославленіе первопрестольника своего и совершить въ рязанской церкви одно изъ тѣхъ священнодѣйствій, которое сдѣлало имя его незабвеннымъ для Рязани и особеннымъ образомъ освятило новопостроенный соборъ Успенія Божіей Матери. Это—открытіе и перенесеніе мощей святителя и чудотворца Василія, перваго епископа нынѣшней Рязани. Въ 1609 году, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, мощи епископа рязанскаго, св. Василія, найдены были нетлѣнными. Архіепископъ Ѳ. открылъ ихъ 10 іюня, въ субботу, наканунѣ недѣли всѣхъ святыхъ и съ подобающимъ торжествомъ перенесъ ихъ отъ Борисоглѣбской церкви, изъ стараго острога, въ Успенскій соборъ. Какъ благоговѣйный архипастырь, Ѳ. внесъ имя его въ число святыхъ, сложилъ въ честь его хвалебныя пѣсни въ стихирахъ, тропаряхъ и кондакахъ, по подражанію Антонію Римлянину, составилъ описаніе житія его на основаніи сказанія въ Четьи-Минеѣ, написалъ лѣтопись перенесенія святыхъ мощей его отъ Борисоглѣбскаго собора въ нынѣшній Рождественскій, самъ воспѣлъ ему молебное пѣніе и, наконецъ, велѣлъ изобразить святой ликъ угодника Божія на иконѣ, такъ какъ, при открытіи святыхъ мощей, онъ могъ видѣть святое лицо праведника лучше всѣхъ. По его же повелѣнію надъ тѣмъ мѣстомъ въ соборѣ, гдѣ положены были мощи святого, воздвигнута была каменная гробница, и на ней

поставлена та чудотворная икона Божіей Матери, съ которою св. Василій приплылъ въ Рязань. Въ тяжелыя для Россіи минуты архіепископъ Ѳ. далъ обѣтъ Богу принести даръ церкви въ благодарность за свое спасеніе и паствы отъ угрожавшихъ бѣдствій во время перваго самозванца Лжедимитрія и, спустя два года послѣ перенесенія мощей святителя Василія, исполнилъ свой обѣтъ. Въ 1611 г. онъ внесъ въ соборную церковь Успенія Божіей Матери напрестольный праздничный крестъ изъ чистаго золота чеканной работы. Исполненный чувствами благоговѣнія къ святынѣ престольнаго своего города, съ живымъ сознаніемъ святого покровительства Царицы Небесной рязанской паствѣ, архіепископъ Ѳ. велѣлъ написать съ чудотворной иконы двѣ копіи, самыя вѣрныя по величинѣ, размѣру и виду. Съ цѣлью увѣковѣчить священную память о самомъ мѣстѣ явленія ея, Ѳ. одну изъ этихъ святыхъ иконъ препроводилъ въ село Ѳедотьево, откуда она перенесена была въ Рязань въ 1487 году. Другую такую копію съ чудотворной иконы Божіей Матери Ѳедотьевской Ѳ. поставилъ въ Борисоглѣбскомъ соборѣ, первой каѳедрѣ рязанскихъ святителей. Послѣ этого понятно, почему прозорливый Гермогенъ, съ самаго начала вступленія его въ иночество, обратилъ на него особенное вниманіе и отличилъ его, какъ избранника. Заслуги архіепископа Ѳ. отечеству въ тяжкую годину бѣдствій столь велики, что имя его вписалось въ лѣтописяхъ въ числѣ первыхъ спасителей Россіи 1612 г. Во всѣхъ государственныхъ событіяхъ, совершившихся отъ начала царствованія Василія Ивановича Шуйскаго (19 іюня 1606 года) до самаго умиротворенія Россіи послѣ бурнаго междуцарствія (14 марта 1613 года), Ѳ. являлся неусыпнымъ попечителемъ о спасеніи не одной Рязани, а цѣлаго русскаго государства. Безъ сомнѣнія, Переяславль Рязанскій обязанъ былъ своимъ спасеніемъ отъ измѣны государю предусмотрительному Ѳ. Въ патріотическомъ вліяніи на народъ Ѳ-та поддерживали его друзья, князья Волконскіе, и въ особенности князь Михаилъ Волконскій, московскій воевода. Среди разнаго рода треволненій, жестокіе удары одинъ за другимъ поражали чувствительную душу Ѳ. Онъ съ глубокимъ сокрушеніемъ сердца оплакивалъ несчастіе своего благодѣтеля, царя Шуйскаго, когда узналъ о коварномъ замыслѣ Захарія Ляпунова, низведшаго съ престола Шуйскаго 17 іюля 1610 года и 19 іюля насильно постригшаго въ монахи; съ ужасомъ взиралъ на бѣдствіе Москвы, съ невыразимою скорбію—на предстоящее распаденіе государства; горько сокрушался, узнавъ о козняхъ Сигизмунда противъ самой православной вѣры, и только въ пламенной молитвѣ о Россіи и церкви искалъ утѣшенія, возлагая всю надежду на дивный въ судьбахъ ихъ промыселъ Божій. Пользуясь близкою связью съ представителями власти въ рязанской землѣ, Пожарскимъ, Ляпуновымъ и протопопомъ Димитріемъ, Ѳ. сносился съ ними относительно бѣдственнаго положенія отечества и защиты православной вѣры. Глубоко потрясена была душа Ѳ. при видѣ ужаснѣйшихъ бѣдствій Россіи, дошедшихъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ: Гермогенъ былъ уморенъ поляками голодомъ въ темницѣ 17 февраля 1612 года; Ляпуновъ палъ подъ стѣнами Москвы отъ рукъ злодѣевъ; Пожарскій въ битвѣ съ поляками былъ раненъ и, изнемогая отъ ранъ, оставилъ ополченіе и т. п. Но эти бѣдствія были уже послѣднія. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ вліяніемъ религіозныхъ и святыхъ чувствъ, подъ впечатлѣніемъ посланій изъ Троицкой лавры, гражданинъ-мясникъ Кузьма Мининъ Сухорукій, явился съ воззваніемъ къ русскому народу о спасеніи вѣры и отечества; во главѣ земскаго возстанія вождемъ ополченія сталъ другъ Ѳ. князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, съ выборнымъ отъ народа Мининымъ. Хотя лѣтописи и проходятъ молчаніемъ имя Ѳ., однако, слѣдуетъ замѣтить, что онъ оказывалъ довольно сильное вліяніе на вождей возстанія. Древность сохранила намъ одинъ памятникъ тогдашнихъ временъ, указывающій на заботу Ѳ-та о поддержаніи религіозной жизни пасомыхъ въ духѣ православія. Это—антиминсъ того времени, когда Москва была уже освобождена отъ враговъ, и русское царство управлялось совѣтомъ бояръ. 1613 годъ открываетъ передъ нами въ лѣтописяхъ исторіи Россіи великій и славный подвигъ архіепископа Ѳ. въ достопамятномъ дѣлѣ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова на всероссійскій престолъ царемъ и самодержцемъ. 21 февраля, въ недѣлю Пра-

вославія въ Москвѣ былъ послѣдній земскій соборъ. Послѣ молебна въ церкви Успенія Божіей Матери благоговѣйныя молитвы, принесенныя въ лицѣ народныхъ представителей всею россійскою церковью, озаривши духъ народа, привели къ желаемому концу: единогласнымъ мнѣніемъ всѣхъ чиновъ собора и духовныхъ и свѣтскихъ избранъ былъ на царство и нарѣченъ царемъ и самодержцемъ шестнадцатилѣтній юноша, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Соборъ поручилъ Ѳ. огласить имя избранника передъ народомъ. Ѳ., сопровождаемый келаремъ Троицкой лавры Авраамiемъ Палицынымъ, новоспасскимъ архимандритомъ Іосифомъ и бояриномъ Василіемъ Петровичемъ Морозовымъ объявилъ на Красной площади имя избранника, котораго народъ самъ сильно желалъ. Затѣмъ земскій соборъ избралъ Ѳ. въ качествѣ представителя приглашать Михаила Ѳеодоровича на царство. Въ посольство съ Ѳ. назначались многіе архимандриты и игумены, въ числѣ которыхъ находились и знаменитый келарь Троицкой лавры Авраамій Палицынъ и зарайскій протоіерей Димитрій; изъ бояръ—первостепенный бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Бахтеяровъ-Ростовскій, Головинъ и другіе, отъ каждаго сословія повѣренные граждане. Составилось такимъ образомъ многочисленное посольство, которому поручалось «ѣхать къ Государю Царю и Великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ Государь будетъ». На Ѳ. возложено было произнести рѣчь Михаилу Ѳеодоровичу и его матери, въ которой онъ долженъ былъ ясно представить бѣдственное состояніе русской земли, раскрыть, что сдѣлали поляки и литовцы, какъ они разорили государство и объяснить Михаилу Ѳеодоровичу, какъ составился великій земскій совѣтъ для избранія государя всей русской земли. Порученіе Ѳ. было очень трудное: шестнадцатилѣтняго юношу, извѣдавшаго всѣ бѣдствія тяжелаго плѣна у враговъ, видѣвшаго превратности судьбы прежнихъ царей, много измѣнъ и клятвопреступленія народа, хорошо понимавшаго разстроенное состояніе русскаго царства, убѣдить принять это царство съ тѣмъ, чтобы устроить его—много нужно было ума и энергіи. Ѳ., въ напутствіе себѣ и посольству, принялъ отъ лица собора святыню Москвы: икону Успенія Преблагословенной Владычицы, написанную святымъ митрополитомъ Петромъ. 2 марта ему и прочимъ членамъ посольства былъ врученъ наказъ отъ земскаго собора, и въ тотъ же день онъ выѣхалъ изъ Москвы. 13 марта, къ вечернѣ, прибыли въ Кострому и, не доѣзжая до города двѣ версты, остановились въ селѣ Новоселкахъ на нагорной сторонѣ р. Волги, напротивъ Ипатьевскаго монастыря. Въ тотъ же день, по сношеніи съ Ѳ., градоначальники со множествомъ народа снѣшили въ Новоселки, чтобы итти съ архіепископомъ и посольствомъ въ то мѣсто, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Ѳ. далъ знать Михаилу Ѳеодоровичу о своемъ пріѣздѣ съ послами и получилъ повелѣніе быть у него на другой день. 14 марта, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, по совершеніи заутрени, Ѳ. сталъ переправляться съ посольствомъ черезъ Волгу. Навстрѣчу священному шествію Ѳ. съ соборомъ духовенства и послами спустилось изъ города, съ крестами, хоругвями и съ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Божіей Матери, все костромское духовенство; навстрѣчу ему также при колокольномъ звонѣ вышелъ другой крестный ходъ иночествующихъ изъ святыхъ воротъ, въ сопровожденіи будущаго царя и его инокини-матери. Послѣ того, какъ Ѳ., благословивъ крестомъ Михаила Ѳеодоровича, преподнесъ ему грамоту, объяснилъ причину посольства и услышалъ изъ устъ Михаила отказъ, Ѳ. сильно опечалился и снова вмѣстѣ съ Шереметевымъ сталъ умолять Михаила Ѳеодоровича принять царскій вѣнецъ. Архіепископъ произнесъ пространную рѣчь, въ которой высказалъ великую истину народныхъ дѣйствій, которыя ручались за самый благотворный исходъ призванія на царство. Долго приходилось Ѳ. умолять Михаила не отказываться отъ царства, но все было тщетно; тогда онъ представилъ картину бѣдствій Россіи: поруганіе святыни, плѣненіе народа, междуусобную брань, кровопролитіе и т. п. Наконецъ, произнесъ свою сильную рѣчь: «Того ли угодно вамъ, тебѣ, великой старицѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ и сыну твоему Государю Нашему, Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы насъ бѣдныхъ не пощадить и оставить сирыми?» и т. д. Страхъ отвѣтственности предъ грознымъ судомъ Божіимъ привелъ въ трепетъ Марѳу Ивановну. Вопль и рыда-

ніе народа, неотступное моленіе архіепископа, собора и бояръ, видъ чудотворныхъ иконъ потрясли душу и сердце старицы матери: она изъявила согласіе сыну принять царство. Послѣ торжества избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, заботливый Ѳ. съ товарищами въ тотъ же день, какъ возведенъ былъ Михаилъ на царство, составилъ извѣстительную грамоту къ московскому земскому собору. 1 апрѣля земскій соборъ писалъ Ѳ. и Шереметеву, чтобы доложили они государю, когда онъ прибудетъ въ Москву и гдѣ его встрѣтить, но 18 апрѣля самъ государь увѣдомлялъ духовенство и бояръ, что онъ замедлилъ своимъ прибытіемъ въ Москву по случаю дурной погоды. 2 мая Ѳ. съ духовенствомъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ при встрѣчѣ государя. Такимъ образомъ Ѳ. совершилъ великое государственное дѣло, возложенное на него соборомъ, и показалъ себя въ немъ истиннымъ сыномъ отечества, ревностнымъ іерархомъ и отцемъ церкви, великимъ государственнымъ мужемъ, всецѣло преданнымъ благу и славѣ своего отечества. Послѣ столь великихъ трудовъ, употребленныхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на тревожное путешествіе въ Кострому, необходимо было архипастырю нѣкоторое успокоеніе. Но въ скоромъ времени новые труды и заботы ожидали Ѳ. по возвращеніи въ Москву. Ѳ. принималъ самое живое, дѣятельное участіе въ написаніи грамоты объ избраніи на престолъ Дома Романовыхъ. Въ грамотѣ, излагая заслуги вѣрныхъ сыновъ церкви и отечества, соборъ среди дѣятелей помѣстилъ и имя славнаго рязанскаго архіепископа Ѳ. Соборъ настолько цѣнилъ слова и рѣчи Ѳ., говоренныя имъ Михаилу Ѳеодоровичу и его матери, что внесъ ихъ въ государственный актъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, и всѣ распоряженія и дѣйствія его съ обстоятельнымъ описаніемъ. Великихъ заслугъ Ѳ., такъ высоко оцѣненныхъ современниками на соборѣ, не оставилъ безъ вниманія и самъ государь. Указомъ отъ 8 іюня 1613 года Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ отдать Ѳ. въ полное владѣніе «старое его дворовое мѣсто въ Москвѣ, въ Бѣломъ царевомъ городѣ, на Егупьевской улицѣ, у Пречистыя Гребенской и на томъ мѣстѣ храмъ каменный Живоначальныя Троицы, а подъ нимъ погребъ каменной». Съ окончаніемъ торжества коронованія Михаила Ѳеодоровича, въ которомъ Ѳ. съ другими епископами принималъ видное участіе, государственная дѣятельность его не прекратилась. Ѳ., какъ государственный дѣятель, въ послѣдніе годы своей жизни съ полной ревностью раздѣлялъ труды и заботы государя и его помощниковъ — государственныхъ мужей. Неусыпнымъ попеченіемъ, мудрыми совѣтами, какъ опытный мужъ, онъ много содѣйствовалъ къ огражденію престола отъ притязаній враговъ Россіи, къ водворенію покоя и тишины въ отечествѣ. Много потрудился Ѳ. въ приведеніи въ порядокъ и благоустройство своей обширной епархіи какъ по части церковной, такъ и экономической. Въ свободное отъ государственныхъ занятій время Ѳ. спѣшилъ посѣщать свою паству. По прибытіи въ Рязань онъ съ живымъ участіемъ отнесся къ бѣдственному положенію своей паствы. Прилежные труды и заботы постепенно стали разрушать его здоровье, и недуги приближали его къ послѣднимъ днямъ жизни. Не прошло и года, какъ архипастырская его дѣятельность прекратилась. Ѳ. мирно скончался 10 сентября 1617 года, на 66-мъ году жизни, въ 12-й годъ архипастырскаго служенія.

Амвросій, «Ист. р. іерархіи».—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе р. іер.».—*Бантышъ-Каменскій*, «Словарь достоп. людей».—«Рязанск. Губ.В.», 1846 г., № 14.—«Телескопъ», 1835 г.—Повѣствов. о Россіи, Арцыбашева, т. III.—*Воздвиженскій*, «Историч. обозр. рязан. іерархіи».—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. VIII.—*Карамзинъ*, «Ист. Росс. Госуд., т.» XII.—*Устряловъ*, «Русск. исторія».—«Собр. госуд. грамотъ и договор.», ч. I.—«Историч. опис. костромск. Ипатьевскаго мон.». —«Рязанск. Епарх. Вѣд.», 1870 г., № 12—23.—«Христ. Чт.», 1859 г., ч. I, стр. 371.—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ». — *Титовъ*, «Рязанскіе архіереи».

Ѳедотовъ.

Ѳеодоритъ, епископъ сарскій и подонскій. Строевъ говоритъ, что Ѳеодоритъ упоминается въ числѣ сарскихъ епископовъ 15 января 1580 года, когда присутствовалъ на соборѣ о монастырскихъ вотчинахъ, по подписи его подъ соборнымъ опредѣленіемъ нѣтъ. Біографическихъ данныхъ не имѣется.

Рукоп. Архивъ Св. Син., № 1770.

К. З.

Ѳеодоритъ, епископъ тверской. У Строева въ числѣ игуменовъ Макаріева

Троицкаго въ Колязинѣ монастыря подъ 1571—1573 гг. значится Ѳеодоритъ, произведенный будто бы въ 1573 г. въ епископы тверскіе и кашинскіе, каковымъ записанъ въ тверскомъ синодикѣ,—однако прот. Діевъ, пересматривавшій списки архіереевъ, не упоминаетъ этого Ѳеодорита въ числѣ тверскихъ епископовъ. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Амвросій считаетъ его сомнительнымъ.

Строевъ, «Списки іерарховъ», стр. 442 и 448.

К. З.

Ѳеодоръ Аврамовичъ (Аврамовъ), новгородскій бояринъ XIV в. Принадлежалъ къ числу тѣхъ новгородцевъ, которые ревностно отстаивали древнія права новгородской общины и не хотѣли безъ борьбы примириться съ усиливавшейся надъ Новгородомъ властью московскаго великаго князя. Въ то время, какъ московскіе великіе князья уже смотрѣли на Великій Новгородъ, какъ на свою вотчину, требовали отъ новгородцевъ выхода (ханской дани) и посылали своихъ намѣстниковъ въ новгородскіе пригороды, новгородскіе патріоты еще крѣпко стояли за свои исконныя вольности и уступали только въ силу необходимости особенно тогда, когда споръ съ Москвою осложнялся внутренними несогласіями въ самой землѣ Новгородской. Къ числу такихъ активныхъ борцовъ за права и вольности В. Новгорода принадлежалъ и бояринъ Ѳ. А. Въ 1339 г. вмѣстѣ съ Сильвестромъ Волошевичемъ Ѳ. А. посланъ былъ въ Москву къ великому князю Ивану Даниловичу съ выходомъ. Каковъ былъ тамъ пріемъ новгородскимъ посламъ, неизвѣстно, но, судя по тому, что московскій князь непосредственно затѣмъ прислалъ своихъ пословъ въ Новгородъ, требуя еще «запроса царева», т. е. ханскаго, надо думать, что Калита остался недоволенъ первой присылкой новгородцевъ, и новгородскіе послы, въ свою очередь, затаили злобу противъ московскаго повелителя. Если на этотъ разъ дѣло обошлось безъ открытаго столкновенія между противниками, то это объясняется главнымъ образомъ удачнымъ для Новгорода стеченіемъ обстоятельствъ въ Москвѣ, гдѣ, по повелѣнію хана, въ это время великій князь былъ занятъ организаціей похода противъ непокорныхъ смольнянъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1340 г. Ивана Даниловича не стало. Сынъ его и преемникъ молодой князь Симеонъ, считая себя законнымъ государемъ В. Новгорода, послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ для сбора дани. Недовольные этимъ новоторжскіе бояре послали за помощью въ Новгородъ, откуда немедленно явилась, правда, незначительная рать, а во главѣ ся, въ числѣ прочихъ воеводъ, и бояринъ Ѳ. А. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца новгородцы хозяйничали въ Торжкѣ: заключили подъ стражу великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ и объявили Симеону, что онъ только государь московскій, а что Новгородъ *избираетъ* князей и не потерпитъ насилія. Великій князь, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Объ этомъ стало извѣстно въ Торжкѣ; новгородцы вооружились, укрѣпили городъ и стали ждать къ себѣ подкрѣпленія, но помощь долго не приходила, и тогда новоторжская чернь, изъ боязни передъ грядущими бѣдствіями разоренія, подняла бунтъ: она прогнала отъ себя новгородскихъ воеводъ, убила и ограбила многихъ собственныхъ бояръ, сторонниковъ В. Новгорода, и заставила спасаться бѣгствомъ другихъ, а московскихъ намѣстниковъ освободила изъ подъ стражи, выразивъ тѣмъ покорность великому князю Симеону Ивановичу. Послѣ этого и новгородцы вынуждены были смириться, довольствуясь тѣмъ, что великій князь, слѣдуя обыкновенію, обязался грамотою наблюдать ихъ древніе уставы.

«Полн. Соб. Р. Л.», т. III, стр. 79, 80; т. IV, стр. 54; т. V, стр. 221, 222; т. VII, стр. 205, 206.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Россійскаго», т. IV, примѣч. 314, 322.

А. Г.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь (р. 30 мая 1661 г. † 27 апрѣля 1682 г.), сынъ царя Алексѣя Михайловича и супруги его, царицы Маріи Ильиничны Милославской. Крестины произошли ровно черезъ мѣсяцъ; царь Алексѣй Михайловичъ присутствовалъ въ этотъ день у обѣдни въ церкви Спаса Нерукотвореннаго, а затѣмъ былъ столъ въ Грановитой палатѣ. Кормилица Ѳ. А., Анна Ивановна, до смерти получала въ видѣ пенсіи 8 руб. въ годъ (прежній окладъ жалованья), да кормовыхъ по 6 денегъ, или по 3 копѣйки на день. Дядьками его были: бояринъ кн. Ѳеод. Ѳеод. Куракинъ и думный дворя-

нинъ Иванъ Богд. Хитрово; мамой—верховная боярыня Анна Петров. Хитрово (вдова Степ. Тарас. Хитрово), пользовавшаяся большимъ вліяніемъ при дворѣ, женщина умная, но злая. Второй мамой, по свидѣтельству И. Е. Забѣлина, была кн. Праск. Бор. Куракина, но въ родословной кн. Куракиныхъ таковой нѣтъ; единственная подходящая по годамъ и положенію—кн. Марья Борисовна Куракина, жена кн. Григорія Семеновича, могла быть весьма недолго, такъ какъ скончалась въ 1661 г. Первымъ учителемъ царевича былъ подьячій Посольскаго приказа, Памфилъ Бѣлянинковъ, а съ 1672 г. воспитателемъ опредѣленъ былъ знаменитый богословъ и ученый того времени Симеонъ Полоцкій, ставшій лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу еще во время Польской войны 1655 г. Выборъ Симеона Полоцкаго въ наставники царевича указываетъ на повышеніе требованій, предъявляемыхъ къ учителю царскихъ дѣтей. Вотъ какъ въ немногихъ словахъ П. Н. Полевой характеризуетъ Симеона Полоцкаго и его общественную и литературную дѣятельность въ Москвѣ. «Симеонъ Полоцкій не только представлялъ собою ходячую энциклопедію современной образованности, но еще при этомъ былъ большой мастеръ и легко передать и красиво изложить знанія свои и пріохотить къ наукѣ. Занимаясь воспитаніемъ царевича, онъ въ то же время и безпрестанно успѣвалъ говорить проповѣди, писалъ стихи по поводу каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго событія, сочинялъ драмы для домашняго дворцоваго театра, велъ полемику съ раскольниками, заботился о распространеніи образованности въ Россіи,—однимъ словомъ, не оставлялъ безъ отвѣта ни одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ настоятельно требовала живая современность». Вслѣдствіе руководительства Симеона Полоцкаго, въ воспитаніи Ѳ. А. преобладалъ элементъ церковный и вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалось польское вліяніе. Царевичъ владѣлъ польскимъ и латинскимъ языками, что видно изъ письма Лазаря Барановича къ царю Алексѣю Михайловичу, при посвященіи въ 1672 г. царевичу книги «Житія св. отецъ». Первое упоминаніе о царевичѣ Ѳеодорѣ относится къ 1667 году: 2 сентября былъ столъ въ хоромахъ старшаго его брата, царевича Алексѣя Алексѣевича; за столомъ присутствовали родители и всѣ три царевича: Ѳеодоръ, Симеонъ и Іоаннъ. Въ 1670 г. скончался царевичъ Алексѣй и старшинство перешло къ царевичу Ѳеодору. Вслѣдствіе этого 1-го сентября 1673 г., въ день новолѣтія, царь Алексѣй Михайловичъ собралъ въ передней Палатѣ всѣхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, обратился къ нимъ съ рѣчью и, *объявивъ* имъ царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола, пошелъ съ нимъ въ церковь Спаса Нерукотвореннаго. Послѣ молебна съ водосвятіемъ патріархъ Іоакимъ благословилъ царевича, а по окончаніи литургіи царь пригласилъ къ столу патріарха со всѣми властьми (т. е. высшимъ духовенствомъ) и пожаловалъ въ окольничіе дядьку царевича, думнаго дворянина Ив. Богд. Хитрово.

Въ 1674—1675 г.г. царь Алексѣй Михайловичъ довольно часто бралъ съ собой царевича Ѳеодора, когда отправлялся «тѣшиться» (т. е. на охоту) въ с. Измайлово, Алексѣевское, подъ Дѣвичій монастырь, въ с. Коломенское и с. Соколово. Осень 1674 г. (25 октября—13 декабря) вся царская семья провела въ с. Преображенскомъ, гдѣ въ то время былъ устроенъ театръ и давались *комидійныя дѣйства* «Юдифь», «Есфирь» и др. 13 декабря 1674 г. царь одинъ поѣхалъ въ с. Соколово, а царица Наталья Кирилловна съ царевичами и царевнами возвратились въ Москву. Поѣздъ открывалъ царевичъ Ѳеодоръ въ избушкѣ (зимнемъ возкѣ), запряженной въ 6 возниковъ темносѣрыхъ; съ нимъ ѣхали дядьки; его сопровождали бояре, окольничіе, думный дворянинъ-ловчій, ближніе люди, его царевича стольники, походные стольники, а около всего поѣзда шли пѣшіе стрѣльцы съ батожьемъ. Лѣто 1675 года царь Алексѣй Михайловичъ съ семействомъ жилъ на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ и были отпразднованы именины Ѳеодора 8 іюня. Всенощную отстояли въ с. Воробьевѣ, а къ обѣднѣ ѣздили въ Новодѣвичій монастырь; тамъ послѣ обѣдни государь подносилъ именинные пироги патріарху Іоакиму и «властямъ»; бояръ, окольничьихъ, думныхъ и ближнихъ людей онъ жаловалъ пирогами въ с. Воробьевѣ на крыльцѣ. Столъ былъ въ персидской палаткѣ. Алексѣй Михайловичъ предпринималъ изъ Воробьева поѣздки въ подмосковныя села, при чемъ царевичъ Ѳеодоръ неизмѣнно сопутствовалъ ему и

почти всегда сидѣлъ въ одной съ нимъ каретѣ. Случалось, что по пути они заѣзжали на богомолье въ монастырь; такъ, напр., возвращаясь съ охоты изъ села Соколова въ с. Коломенское, царь съ царевичемъ остановились на Угрѣшѣ и слушали тамъ вечерню и молебенъ. Въ бытность въ Москвѣ царь неоднократно отправлялся съ царевичемъ Ѳеодоромъ по кремлевскимъ монастырямъ и церквамъ прикладываться къ мощамъ и иконамъ.

Въ ночь съ 29 на 30 января 1676 года скончался царь Алексѣй Михайловичъ послѣ кратковременной болѣзни. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ за три часа до своей кончины назначилъ царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола. Юному царю не было еще пятнадцати лѣтъ, здоровья онъ былъ слабаго и за нимъ ухаживали тетки (сестры царя Алексѣя Михайловича) и шесть родныхъ сестеръ, а мачеха Наталья Кирилловна съ царевичемъ Петромъ и царевнами Натальей и Ѳеодорой должны были естественно остаться въ сторонѣ. 18 іюня 1676 г. произошло торжественное вѣнчаніе на царство Ѳ. А. въ Успенскомъ соборѣ, совершенное патріархомъ Іоакимомъ; послѣ муропомазанія царь пріобщился Св. Тайнъ. 20 іюня ему подносили дары: патріархъ со всѣми властьми, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, дьяки, гости и «дохтуры». Оба дня былъ столъ въ Грановитой палатѣ. Со времени второй женитьбы царя Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной родственники его первой супруги, Милославскіе, люди даровитые и дѣятельные, должны были уступить мѣсто Нарышкинымъ и воспитателю новой царицы, Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. По воцареніи Ѳ. А. перевѣсъ оказался на сторонѣ родственниковъ его матери и боярина Богд. Матв. Хитрово, сынъ котораго былъ, какъ мы видѣли выше, дядькой царевича, хотя первое время не произошло никакихъ перемѣнъ, и Матвѣевъ оставался попрежнему оберегателемъ великихъ посольскихъ дѣлъ. Но враги его стали подъ него подкапываться: сначала онъ былъ отрѣшенъ отъ завѣдыванія царской аптекой, затѣмъ отставленъ отъ посольскихъ дѣлъ и наконецъ удаленъ изъ Москвы на воеводство въ Верхотурье, куда, впрочемъ, онъ не доѣхалъ, будучи остановленъ въ Лаишевѣ. Оттуда его перевели въ Казань, произвели надъ нимъ слѣдствіе, лишили боярства и имѣнія и сослали съ сыномъ въ Пустозерскъ. Братья царицы Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій Нарышкины, были отправлены въ ссылку. Ивана Кирилловича обвинили въ томъ, что онъ говорилъ человѣку, по фамиліи Орелъ, такія двусмысленныя рѣчи: «ты Орелъ старый, а молодой Орелъ па заводи летаетъ: убей его изъ пищали, такъ увидишь милость царицы Натальи Кирилловны». Эти слова были объяснены такъ, будто они относились къ царю Ѳ. А. Нарышкина присудили бить кнутомъ, жечь огнемъ, рвать клещами и казнить смертью, но царь замѣнилъ это наказаніе вѣчною ссылкою въ Ряжскъ. Свидѣтельства объ отношеніи Ѳ. А. къ его мачехѣ, Натальѣ Кирилловнѣ, разнорѣчивы. Мы болѣе склонны вѣрить тѣмъ, которые говорятъ, что по присущей ему добротѣ, онъ оказывалъ Натальѣ Кирилловнѣ почтеніе и заботился о здоровьѣ, а затѣмъ о воспитаніи своего брата и крестника, царевича Петра, котораго во время недомоганья велѣлъ приводить къ себѣ. Есть сторонники другого мнѣнія, что будто только второй женѣ Ѳ. А., Марѳѣ Матвѣевнѣ, удалось примирить его съ мачехою и ея дѣтьми.

По своей молодости и несмѣлости царь не рѣшился противодѣйствовать патріарху Іоакиму въ его дѣяніяхъ по отношенію къ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протоіерею Савинову, и къ находившемуся въ заточеніи Никону. Протоіерей Андрей Савиновъ, котораго Іоакимъ еще при жизни царя Алексѣя Михайловича обвинялъ въ безнравственномъ поведеніи и въ неуваженіи къ нему, патріарху, въ день похоронъ Алексѣя Михайловича дѣйствительно дозволилъ себѣ крайне рѣзкую выходку по отношенію къ патріарху, вслѣдствіе чего 14 марта 1676 г. Іоакимъ созвалъ соборъ, гдѣ произнесено было осужденіе: Савиновъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, вслѣдствіе доносовъ пристава кн. Шайсупова и самаго близкаго къ Никону человѣка, келейника старца Іоны, соборъ осудилъ Никона на «исправленіе», вслѣдствіе чего его перевели изъ Ѳерапонтова въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Ѳ. А. достались въ наслѣдство отъ отца три трудныя задачи внѣшней поли-

тики: окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, отклоненіе притязанія Польши на буквальное исполненіе Андрусовскихъ статей и война Турецкая. Еще при жизни царя Алексѣя Михайловича, въ январѣ 1676 г., Дорошенко далъ знать боярину кн. Гр. Гр. Ромодановскому, что онъ не желаетъ повторить присягу, данную великому государю, считая достаточной ту присягу, которую онъ принесъ передъ Запорожскимъ кошевымъ и донскими казаками. По вступленіи на престолъ Ѳ. А., въ Малороссіи продолжались смуты изъ-за неладовъ гетмана Ивана Самойловича съ Дорошенкомъ и Сѣркомъ, и Самойловичъ просилъ у царя указа итти на Дорошенка, пока турки и татары не пришли къ нему на помощь. Всю весну и лѣто 1676 г. были слухи, что султанъ собирается подъ Кіевъ; вслѣдствіе этого кн. Вас. Вас. Голицинъ двинулся въ Путивль для подкрѣпленія кн. Ромодановскаго и Самойловича. Такъ какъ слухи эти не оправдались, то кн. Ромодановскій съ Самойловичемъ пошли къ Днѣпру, отправивъ впередъ стольника Косогова съ 15,000 московскаго войска и бунчужнаго Леонтія Полуботка съ четырьмя полками. При видѣ царскаго войска, прибрежныя мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, начали сдаваться. Дорошенко оказался вынужденнымъ исполнить требованія Московскаго правительства и положить передъ гетманомъ и передъ царскимъ воеводой кн. Ромодановскимъ клейноты — булаву, знамя и бунчукъ, послѣ того какъ они подтвердили ему прежнія обѣщанія относительно сохраненія его жизни и имущества. Чигиринъ, «великому государю и всей Украйнѣ надобный городъ», былъ занятъ царскими войсками. Въ февралѣ 1677 г. изъ Москвы былъ посланъ стольникъ Алмазовъ въ Батуринъ съ требованіемъ, чтобы гетманъ отправилъ въ Москву Дорошенка. Гетманъ согласился на это весьма неохотно, опасаясь, чтобы не вышло смуты; Дорошенко встревожился неожиданностью и сказалъ Алмазову: «Кого и къ смерти приговариваютъ, и тому заранѣе о томъ даютъ знать; Богъ судитъ гетмана, что меня не увѣдомилъ». Пріѣхавъ въ Москву, Дорошенко видѣлъ 20 марта государевы очи; думный дьякъ объявилъ ему, что всѣ вины ему прощаются и никогда не будутъ вспомянуты и что государь указалъ ему быть въ Москвѣ для переговоровъ по дѣламъ турецкимъ и крымскимъ. Несмотря на письмо Дорошенка гетману, въ которомъ онъ умолялъ его исходатайствовать у царя позволеніе возвратиться ему въ Малороссію, пришлось остаться въ Москвѣ. Турецкій султанъ на мѣсто Дорошенка провозгласилъ гетманомъ и княземъ малороссійскимъ своего плѣнника Юрія Хмельницкаго, а Самойловичъ снова сталъ доносить въ Москву на Сѣрка, что онъ заключилъ перемиріе съ крымскимъ ханомъ и часто сносится съ Хмельницкимъ, къ которому совершенно склонился.

Въ концѣ августа 1677 г. крымскій ханъ съ татарами и частью турецкаго войска занялъ островъ на Днѣпрѣ, чтобы не допустить русскихъ до переправы, но былъ выбитъ, а турки и татары, съ начала августа стоявшіе съ Хмельницкимъ подъ Чигириномъ въ ожиданіи хана, испугались этого пораженія и ушли отъ Чигирина, покинувъ тамъ запасы и пушки. Самойловичъ настаивалъ, чтобы государь указалъ укрѣпить Чигиринъ, послать туда боярина съ государевыми ратными людьми и снабдить его хлѣбными запасами, такъ какъ онъ, гетманъ, своими людьми Чигирина не удержитъ. О поведеніи Сѣрка во время Чигиринской войны Самойловичъ доносилъ царю: «Кошевой къ пресвѣтлому престолу вашему государскому и ко мнѣ не желателенъ, потому что передъ Чигиринскимъ походомъ помирился съ ханомъ и турками, во время войны никакой намъ помощи не далъ, и когда ханъ бѣжалъ черезъ Днѣпръ вплавь съ ордами, не билъ его, а велѣлъ казакамъ перевозить татаръ въ челнахъ». Отъ царскаго имени послѣдовалъ гетману такой отвѣтъ: «За такіе злые поступки Сѣрка воздастся ему въ день праведнаго суда Божія; но мы, государь христіанскій милосердый, не допуская его для имени христіанскаго къ вѣчной погибели, ожидая его обращенія, тѣ его вины и преступленія отпускаемъ, если онъ эти свои вины вѣрною службою заслужитъ и къ тебѣ будетъ также желателенъ, какъ и прежніе гетманы». Съ милостивымъ царскимъ словомъ къ кн. Ромодановскому и гетману былъ присланъ стольникъ и полковникъ Тяпкинъ. Ему было поручено разспросить ихъ обоихъ, какъ поступить съ Чигириномъ? Оба не соглашались на его разореніе. Самойловичъ сказалъ, между прочимъ: «Если Чигиринъ разорить или допустить непріятеля имъ овладѣть, то

развѣ прежде разоренья или отдачи сказать всѣмъ въ Украйнѣ народамъ, что уже они великому государю не нужны. У насъ во всемъ казацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ, при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть». Относительно Сѣрка гетманъ заявилъ Тяпкину, что поддался султану, который прислалъ Казыкерменскому бею (изъ польскихъ татаръ) 30.000 червонныхъ золотыхъ, чтобы подкупить Сѣрка съ казаками. Для выясненія этого важнаго вопроса, въ декабрѣ 1677 г. былъ отправленъ въ Запорожье подьячій Шестаковъ, съ которымъ гетманъ отпустилъ своего посланца, войскового товарища Артему Золотаря. Сѣрко оправдывался, а Золотарю наединѣ говорилъ, что онъ не измѣнилъ царю Ѳ. А. и помирился съ турками и татарами только для того, чтобы приманить къ себѣ Хмельницкаго и, схвативъ его, отослать въ Москву.

Зимой и весной 1678 г. приходили вѣсти, что турки собираются подъ Чигиринъ съ большимъ войскомъ, намѣреваясь непремѣнно взять этотъ городъ. Воеводой въ Чигиринъ былъ назначенъ окольничій Ив. Ив. Ржевскій, умѣвшій ладить съ малороссіянами и извѣстный своей распорядительностью. Ему были обѣщаны хлѣбные запасы и малороссійскіе полки для Чигиринскаго осаднаго сидѣнья, но, какъ сказано у С. М. Соловьева: «въ Чигиринѣ Ржевскій нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и услыхалъ разсказы о безпрестанныхъ набѣгахъ татарскихъ». Подкрѣпленія и запасы успѣли притти къ Чигирину, такъ какъ Ржевскій пріѣхалъ туда 17 марта, а визирь Мустафа явился осаждать этотъ городъ только 9 іюля. Переправа черезъ Днѣпръ шла, однако, чрезвычайно медленно и лишь послѣ упорныхъ битвъ русскія войска овладѣли Стрѣльниковою горою и приблизились 3 августа къ Чигирину; воевода Ржевскій, радуясь приходу вспомогательнаго войска, взошелъ на городскую стѣну, но въ эту самую минуту граната изъ непріятельскаго обоза положила его на мѣстѣ. Не вдаваясь въ подробности осады Чигирина турками, скажемъ, что часть его была ими взорвана, а верхній городъ зажженъ русскими по приказанію гетмана Самойловича и кн. Ромодановскаго. Послѣ ухода визиря изъ подъ Чигирина Хмельницкій съ татарами, оставшись на западной сторонѣ, занялъ нѣсколько городовъ и сталъ нападать на восточную сторону.

Резидентомъ въ Польшѣ въ началѣ царствованія Ѳ. А. былъ Тяпкинъ, внимательно слѣдившій за политическими теченіями не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ. Польскій король Янъ Собѣсскій высказалъ Тяпкину упрекъ, что изъ-за его «затѣйныхъ» писемъ не устраивается союзъ между Польшей и Россіей. Тяпкина удалили изъ Кракова въ Варшаву и грозили сослать въ заточеніе въ Маріенбургъ. Тяпкинъ отрицалъ, что ссоритъ своими письмами польскаго короля съ московскимъ государемъ, и говорилъ, что сношенія Польши съ турками и татарами извѣстны всѣмъ, а между тѣмъ о нихъ не объявлено Ѳ. А. ни черезъ польскихъ пословъ, ни черезъ него. «Я не хочу быть здѣсь ни слѣпымъ, ни глухимъ, ни нѣмымъ,—заявилъ Тяпкинъ сенаторамъ,—что вижу и слышу, обо всемъ писалъ, пишу и буду писать къ своему государю, всякую правду, и говорить обо всемъ буду». Черезъ годъ отношенія Собѣсскаго къ московскому резиденту сильно измѣнились, и весной 1677 г. они вели между собой не только откровенную, но можно сказать дружественную бесѣду. «Отпиши о томъ царскому величеству—обратился король къ Тяпкину—чтобъ позволилъ посламъ нашимъ и резиденту бывать у себя запросто безъ посольскихъ чиновъ, какъ ты теперь у меня, наединѣ, говоришь, что хочешь и все отъ меня узнаешь, а эти пышные посольскіе пріемы къ сближенію и союзу не ведутъ». Въ апрѣлѣ 1677 г. кончился сеймъ, постановившій оставаться въ мирѣ со всѣми сосѣдними государствами, и въ маѣ Тяпкинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Въ іюлѣ 1678 г. великіе и полномочные королевскіе послы, Чарторыйскій и Сапѣга, заключили въ Москвѣ перемиріе на тринадцать лѣтъ, считая съ іюня 1680 г., при условіи постараться въ это время о постановленіи вѣчнаго мира. Чтобы удержать за собой Кіевъ, пришлось уступить Польшѣ города Невель, Себежъ и Велижъ съ уѣздами и заплатить 200.000 р. Послѣ разрушенія Чигирина, какъ оказалось, и Россія и Турція одинаково желали мира. Но Московское правительство не могло согласиться отдать Турціи западную Украйну и принять предложеніе Польши разорвать миръ съ султаномъ, если Ѳ. А. обяжется

давать королю ежегодно на военныя издержки 200.000 рублей и соединить свои войска съ польскими. Въ концѣ октября 1679 г. былъ посланъ изъ Москвы дьякъ Украинцевъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу съ вопросомъ: «дѣйствовать ли вмѣстѣ съ поляками противъ турокъ, или заключить съ турками миръ?» Самойловичъ отвѣчалъ: «дружба съ поляками непрочна, а миръ съ султаномъ полезенъ». Послѣ этого начались переговоры съ крымскимъ ханомъ Мурадъ-Гиреемъ, окончившіеся заключеніемъ перемирія на 20 лѣтъ, начиная съ 3 января 1681 г. Для утвержденія грамоты султаномъ отправленъ былъ въ 1681 г. въ Константинополь дьякъ Возницынъ. Турки не хотѣли внести въ эту грамоту статьи, что Запорожье принадлежитъ русскому государю, и Возницынъ согласился взять грамоту для представленія царю Ѳ. А., не ручаясь, будетъ ли она имъ принята. Въ Москвѣ рѣшили уступить туркамъ Заднѣпровье и были довольны избавиться этой цѣной отъ тяжелой войны.

Пограничныя недоразумѣнія со Швеціей могли бы довести Россію до разрыва съ ней, если бы на югѣ все было спокойно, но постоянныя войны съ Турціей и Крымомъ не давали возможности затѣвать распри на сѣверѣ, тѣмъ болѣе, что донскіе казаки и разные кочевые народы доставляли московскому правительству немало заботъ. Въ 1677 г. происходили столкновенія между донскими казаками и калмыками, которые еще при Алексѣѣ Михайловичѣ то дѣлали набѣги на русскія области, то отдавались подъ его власть и помогали ему противъ крымскихъ татаръ. Такъ какъ правительство Ѳ. А. взяло сторону калмыковъ, то ихъ главный тайша, или ханъ, Аюка, и подначальные ему тайши подъ Астраханью дали «шертную» грамоту, обѣщаясь отъ имени всѣхъ калмыковъ навсегда быть въ подданствѣ у московскаго государя и воевать противъ его недруговъ. Договоръ этотъ оказался недолговѣчнымъ: донскіе казаки, не обращая вниманія на приказанія правительства, нападали на калмыковъ, оправдываясь тѣмъ, что не они, а калмыки первые затѣвали ссоры, угоняли скотъ и брали въ плѣнъ людей. Калмыки не признавали себя виновными, доказывая, что миръ нарушенъ казаками, а потому считали, что «шерть» потеряла силу, и Аюка вступилъ въ переговоры съ крымскимъ ханомъ; въ 1681 г. онъ ходилъ даже грабить Уфу и Казань вмѣстѣ съ башкирами, безпокоившими предѣлы западной Сибири. Осенью 1679 года киргизы дѣлали набѣги на Томскій уѣздъ. Въ восточной Сибири возмутились платившіе ясакъ якуты и тунгусы, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями воеводъ и служилыхъ людей. На сѣверѣ самоѣды не хотѣли платить ясакъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ отношенія Россіи къ другимъ государствамъ и положеніе въ ней инородцевъ.

Переходя къ разсмотрѣнію внутреннихъ распорядковъ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыхъ приблизилъ къ себѣ Ѳ. А. въ 1679 г., когда ему минуло 17 лѣтъ. По возвращеніи съ воеводства изъ Казани нѣкоторое время пользовался вліяніемъ на царя бояринъ Ив. Богд. Милославскій, но самыми приближенными людьми мы видимъ постельничаго Ив. Макс. Языкова и комнатнаго стольника Алексѣя Тим. Лихачева, бывшаго учителя царевича Алексѣя Алексѣевича. О Языковѣ сохранились отзывы, какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ; Лихачева называли «человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія». Такой же отзывъ встрѣчаемъ и о братѣ его, Михаилѣ Тимофеевичѣ. Въ 1681 г. получилъ большое значеніе молодой бояринъ, кн. Вас. Вас. Голицынъ, человѣкъ чрезвычайно даровитый и образованный. Всѣ они содѣйствовали тому или другому мѣропріятію молодого и болѣзненнаго Ѳ. А., но опредѣлить долю участія каждаго изъ нихъ нельзя, за недостаткомъ свѣдѣній.

Изъ распоряженій правительства царя Ѳ. А. обращаютъ на себя вниманіе мѣропріятія въ слѣдующихъ отрасляхъ народной жизни: экономической, административной, юридической, финансовой, военной, церковной и просвѣтительной. Приступая къ разсмотрѣнію этихъ мѣропріятій, мы изложимъ основныя ихъ черты болѣе или менѣе въ хронологическомъ порядкѣ, а потому объ измѣненіи въ дѣлѣ ратномъ (знаменитомъ уничтоженіи мѣстничества и сопряженномъ съ нимъ проектѣ о раздѣленіи Московскаго государства на намѣстничества) и о просвѣтительныхъ мѣрахъ скажемъ послѣ дѣлъ церковныхъ, такъ какъ они имѣли мѣсто уже въ самый послѣдній годъ царствованія Ѳ. А.

Всѣ эти измѣненія во внутреннемъ укладѣ Московскаго государства являются какъ бы преддверіемъ тѣхъ реформъ, которыя вскорѣ были произведены младшимъ братомъ Ѳ. А., Петромъ Великимъ, но уже по другому плану и инымъ способомъ.

1) *Мѣры экономическія.* Въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора поднялся старый вопросъ, возникавшій при его отцѣ и дѣдѣ, вопросъ о торговлѣ иностранцевъ въ Россіи и о проѣздѣ черезъ Россію для торговли съ другими странами. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ заключенъ договоръ съ компаніею персидскихъ армянъ о доставленіи въ Россію всего шелка, добываемаго въ Персіи, но армяне не исполнили обязательства. Голландскій посланникъ ванъ-Кленкъ предложилъ дозволить голландцамъ вести въ Россіи торговлю съ Персіей и пропускать персіянъ черезъ Россію съ шелкомъ сырцомъ въ Голландію. Позвали «гостей» и велѣли имъ высказать передъ боярами свое мнѣніе; послѣ долгихъ разсужденій рѣшили оставить въ силѣ договоръ съ армянами, чтобы они торговали шелкомъ съ русскими купцами, а остатокъ отъ этой торговли сдавали бы въ казну, изъ которой будетъ выплачиваться за шелкъ деньгами, или товарами. Въ случаѣ крайности можно армянамъ разрѣшить торговлю съ иностранцами въ Архангельскѣ. Торговлю русскихъ съ греками царь, патріархъ и бояре постановили попрежнему производить только въ Путивлѣ. Правительство обратило вниманіе на запутанность въ дѣлахъ по владѣнію вотчинами и помѣстьями; былъ изданъ рядъ указовъ, которыми, между прочимъ, ограждались интересы вдовъ и дочерей, получавшихъ послѣ мужей и отцовъ прожиточныя помѣстья, запрещалось отказывать по духовнымъ вотчины, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, и самыя помѣстья подчинялись тому же родовому началу, а потому выморочныя помѣстья велѣно давать родственникамъ прежнихъ владѣльцевъ. Въ мартѣ 1680 г. предпринято было межеваніе вотчинныхъ земель для прекращенія споровъ по поводу рубежей, такъ какъ эти споры доводили иногда крестьянъ спорившихъ сторонъ не только до дракъ, но и до смертоубійства; межевщиками или «писцами», какъ ихъ называли, назначались дворяне. Въ первое время межеваніе не достигло своей цѣли, т. е. умиротворенія; напротивъ, усилились драки и безчинства, а между землевладѣльцами и писцами стали возникать недоразумѣнія, такъ что правительство вынуждено было посылать особыхъ сыщиковъ для разбирательства ихъ споровъ. Заботясь о возстановленіи границъ земельныхъ владѣній, правительство потребовало въ то же время отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ сообщенія о количествѣ имѣющихся у нихъ крестьянскихъ дворовъ. Крестьяне юридически отличались отъ холоповъ, но находились въ полной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, которые брали ихъ къ себѣ въ дворовые, а иногда продавали безъ земли.

2) *Мѣропріятія юридическія, административныя и финансовыя.* Чтобы упростить областное управленіе и избавить народъ отъ излишнихъ расходовъ, въ ноябрѣ 1679 г. были уничтожены должности губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, а также различныхъ прикащиковъ, напр. ямскихъ, пушкарскихъ, засѣчныхъ, осадныхъ и пр. Всѣ ихъ обязанности передавались воеводамъ. Денежные сборы поступали въ казну чрезвычайно неисправно вслѣдствіе неурожаевъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе особыхъ налоговъ на военные расходы во время Чигиринскихъ походовъ и Турецкой войны, и явилась необходимость измѣнить окладъ для сбора жалованья стрѣльцамъ; но такъ какъ послѣ введенія новаго оклада въ первый же годъ оказались недоимки, то въ 1681 г. уменьшили окладъ «стрѣлецкихъ» денегъ и, желая принять какую-нибудь общую рѣшительную мѣру, вызвали въ Москву выборныхъ, по два человѣка отъ каждаго города, которые должны были привезти съ собой окладныя книги; но этотъ проектъ финансоваго преобразованія не приведенъ былъ въ исполненіе. Въ томъ же году уничтожена была отдача на откупъ таможенъ и кружечныхъ дворовъ и велѣно имъ быть «на вѣрѣ». Въ порядкѣ приказнаго дѣлопроизводства сдѣланы были измѣненія: запрещена, напр., въ челобитныхъ форма «чтобъ государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ»; вмѣсто этого велѣно писать: «для приключившагося котораго праздника и для его государскаго многолѣтняго здравія». Холопій приказъ былъ упраздненъ, и дѣла изъ него перенесены въ Судный приказъ; въ Разбойномъ приказѣ велѣно было сосредоточить всѣ уголовныя дѣла, которыя производились въ Земскомъ приказѣ, а иногда и въ

другихъ приказахъ. Въ 1679 и 1680 гг. былъ изданъ, а затѣмъ приведенъ въ исполненіе указъ, замѣнявшій отсѣченіе рукъ и ногъ ссылкою виновныхъ въ Сибирь. Намѣревались составить дополненія къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе чего всѣ приказы обязаны были представить статьи по тѣмъ случаямъ, которые были упущены Уложеніемъ.

3) *Мѣропріятія въ области церкви.* Раскольничье движеніе, начавшееся при Алексѣѣ Михайловичѣ, не утихало. На Дону, а въ особенности въ Сибири, возникали пустыни, куда удалялись приверженцы старой вѣры, считавшіе троеперстіе проклятымъ, а четвероконечный крестъ—антихристовой печатью. Была, напр., такого рода пустынь въ Тобольскомъ уѣздѣ, основанная монахомъ Даніиломъ; онъ поставилъ часовню и кельи; пѣли вечерни, утрени и часы, но не поминали государя, царскій домъ, патріарха и сибирскаго митрополита. Поселившіяся въ этой пустыни старицы и молодыя дѣвушки бились о землю и увѣряли, что видятъ отверстое небо, Богоматерь и ангеловъ, которые держатъ вѣнцы надъ людьми, принимающими постригъ въ этой пустыни. Чтобы не попасть въ руки государевыхъ служилыхъ людей, посланныхъ за ними тобольскимъ воеводой, Даніилъ со своими приверженцами сожглись ночью въ избахъ. Ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе, считая самосожженіе мученическимъ подвигомъ.

Въ 1681 г. былъ созванъ *церковный соборъ*; на немъ, какъ и на другихъ соборахъ (напр., на Стоглавомъ), дѣлались отъ царя вопросы или предложенія, на которые слѣдовали соборные приговоры. Для противодѣйствія расколу правительство желало увеличить число архіереевъ, съ подчиненіемъ ихъ патріарху и митрополитамъ, но соборъ предпочелъ учредить нѣсколько новыхъ независимыхъ епархій, для избѣжанія распри между архіереями о ихъ сравнительной «высости». Соборъ передалъ въ руки свѣтской власти противодѣйствіе расколу, прося въ то же время государя не давать своихъ грамотъ на строеніе вновь пустынь и уничтожить въ Москвѣ палатки и амбары съ иконами, называемыя часовнями, въ которыхъ священники совершаютъ молебны по старымъ книгамъ, и запретить продажу у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ листочковъ и тетрадокъ съ выписками будто бы изъ божественныхъ книгъ. Обратили вниманіе на упорядоченіе монастырской жизни и призрѣніе тѣхъ нищихъ, которые окажутся не въ состояніи работать. Сохранилось извѣстіе, что вслѣдствіе этого при царѣ Ѳеодорѣ велѣно было построить двѣ богадѣльни: одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ, за Никитскими воротами, чтобъ впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было. Въ то время, какъ правительство хлопотало объ искорененіи раскола, татарскіе мурзы—владѣтели помѣстій и вотчинъ, населенныхъ христіанами,—принуждали ихъ къ переходу въ магометанство. Вслѣдствіе этого въ 1681 г. былъ изданъ указъ, чтобы такими имѣніями могли владѣть только тѣ мурзы, которые примутъ православіе.

4) *Мѣропріятія относительно мѣстничества.* Въ ноябрѣ 1681 г. состоялся указъ о созваніи *собора* служилыхъ людей для «устроенія и управленія ратнаго дѣла». Во главѣ этого собора поставленъ былъ кн. Вас. Вас. Голицынъ, какъ представитель одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ и притомъ человѣкъ передовой. Такъ какъ во время недавнихъ войнъ непріятели одерживали побѣды надъ московскими ратными людьми вслѣдствіе «нововымышленныхъ хитростей», то велѣно было придумать лучшее устройство войска, чтобы впредь оно могло противостоять непріятелю. Выборные предложили росписать служилыхъ людей по ротамъ (вмѣсто сотенъ) подъ начальствомъ ротмистровъ и поручиковъ. Когда послѣдовало согласіе государя и составили списки начальствующихъ лицъ, выборные пошли дальше: они заявили, что для успѣшности въ ратномъ и посольскомъ дѣлахъ слѣдуетъ быть «безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ... разрядные случаи и мѣста оставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было». Кн. Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьѣ выборныхъ людей. 12-го января 1682 г. въ тюремныхъ покояхъ произошло «сидѣніе» царя съ боярами, окольничими, думными людьми, патріархомъ и высшими духовными властями для рѣшенія вопроса объ уничтоженіи *мѣстничества.* Послѣ рѣчей государя и патріарха всѣ присутствующіе единогласно воскликнули: «да погибнетъ въ

огнѣ Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и къ тому да не вспомянется во вѣки». *Разрядныя* и *случныя* книги были сожжены въ печи въ переднихъ сѣняхъ, въ присутствіи боярина и думнаго дьяка со стороны гражданской власти и митрополитовъ и епископовъ со стороны духовной власти. Соборное дѣяніе это утверждено собственноручною подписью царя: «во утвержденіе сего Соборнаго Дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе Моею рукою подписалъ». Вмѣсто разрядныхъ мѣстническихъ книгъ велѣно было держать въ разрядѣ родословную книгу, пополнивъ ее недостающими именами, и завести особую книгу для тѣхъ родовъ, которые бывали на царской службѣ, начиная съ царствованія Іоанна Васильевича, но не записаны въ родословную книгу. Для составленія этой книги, извѣстной подъ именемъ *Бархатной*, подавались памяти представителями наиболѣе «честныхъ», т. е. знатныхъ родовъ; эти памяти основаны на разрядныхъ книгахъ, хранившихся въ семьяхъ. Кромѣ того, до насъ дошли разрядные списки общей правительственной редакціи за XVI и XVII вв. Эти два обстоятельства ясно доказываютъ, что не всѣ разрядныя книги были сожжены. Уничтоженіе мѣстничества совершилось безъ всякаго сопротивленія, потому что служилые люди были къ этому подготовлены: во все продолженіе предшествовавшихъ войнъ, по приказанію царя, всѣ были безъ мѣстъ, а въ посольскихъ дѣлахъ мѣстничество давно уже не существовало. С. М. Соловьевъ такъ объясняетъ всеобщую рѣшимость относительно уничтоженія мѣстничества: «Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностью, — войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ». Несмотря на уничтоженіе мѣстничества, царь не лишилъ служилыхъ людей отличій сообразно знатности ихъ положенія. Были, напр., установлены правила относительно употребленія экипажей: бояре, окольничіе и думные дворяне могли ѣздить въ обычное время въ каретахъ или въ саняхъ парой, въ праздники четверкой, а на сговоры и свадьбы шестеркой. Стольники, стряпчіе и дворяне должны были ѣздить зимой въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ. Самъ Ѳ. А. охотно ѣздилъ верхомъ. Вслѣдъ за уничтоженіемъ мѣстничества былъ составленъ проектъ объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ военныхъ. На этомъ бояре не остановились: они совѣтовали царю, чтобы въ Великомъ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и иныхъ мѣстахъ были учреждены намѣстничества, чтобы намѣстники не смѣнялись и подписывались «бояринъ и намѣстникъ князь (имя рекъ) всего царства Казанскаго или всего царства Сибирскаго; также и митрополиты: «митрополитъ Казанскій и всего Казанскаго царства». Противъ этого возсталъ патріархъ Іоакимъ, опасаясь, чтобы несмѣняемые намѣстники, обогатясь и возгордѣвъ, не нарушили единовластія московскихъ государей. При этомъ онъ ссылался на тѣ войны, бѣды и настроенія, какія были въ Россійской землѣ во время существованія удѣльныхъ княжествъ.

5) *Мѣры просвѣтительной дѣятельности.* Въ 1679 г. въ Москвѣ было построено греческое училище при большой Московской типографіи, которое потому и получило названіе типографскаго. Симеона Полоцкаго занимала мысль о расширеніи этого училища и о преобразованіи его въ славяно-греко-латинскую академію, и, надо полагать, что проектъ царской привилегіи на учрежденіе такой академіи при Заиконоспасскомъ монастырѣ, помѣченный 1682 г., былъ составленъ Симеономъ Полоцкимъ, но царь почему-то замедлилъ утвердить этотъ проектъ при его жизни. Симеонъ Полоцкій скончался 25 августа 1680 г. и былъ погребенъ въ трапезѣ Заиконоспасскаго монастыря. Ѳ. А. приказалъ Сильвестру Медвѣдеву сочинить надгробіе на могилу ихъ общаго учителя, но ни одну изъ четырнадцати эпитафій, представленныхъ Сильвестромъ, не нашелъ достойной памяти Симеона. Тогда Сильвестръ сочинилъ, по указанію самого царя, надгробіе въ 24-хъ двустишіяхъ, превознося Симеона за его ученость, за краснорѣчіе и за кротость характера. Ѳ. А. приказалъ вырѣзать эту длинную надпись золотыми буквами на двухъ каменныхъ доскахъ и поставить ее надъ гробомъ покойнаго.

Весьма вѣроятно, что привилегія, т. е. грамота объ учрежденіи академіи, подверглась измѣненіямъ послѣ смерти Симеона Полоцкаго, но что она вышла изъ подъ его пера, на это указываютъ нѣкоторыя мѣста, цѣликомъ взятыя изъ его проповѣдей, заключающихся въ его книгѣ «Вечеря Духовная». Интересно начало грамоты, въ которомъ Ѳ. А. говоритъ, что онъ, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, «царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ которою всѣ блага отъ Бога людямъ даруются». Въ подражаніе Соломону, устроившему семь училищъ, и древнимъ благочестивымъ греческимъ царямъ, онъ намѣренъ устроить академію. Согласно грамотѣ, академія должна была быть высшимъ училищемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ для подготовленія молодыхъ людей разныхъ сословій на всѣ пути общественной дѣятельности. Начальникъ академіи, названный «блюстителемъ», и учителя назначались изъ православныхъ русскихъ, или изъ грековъ, но греки допускались только по свидѣтельству о непоколебимости въ православіи, подписанному вселенскими патріархами. Обязанности блюстителя и учителей не исчерпывались преподавательской дѣятельностью; имъ поручалось охранять и защищать православную вѣру отъ всякихъ другихъ вѣръ и ересей. Академія пользовалась извѣстной долей самоуправленія, и ея преподаватели и ученики не могли быть судимы въ общихъ судебныхъ мѣстахъ безъ депутатовъ отъ академіи. Мѣсто для новой академіи отводилось въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Китай-городѣ, и на ея содержаніе приписывались монастыри: Іоанна Богослова въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, Андреевскій и Даниловъ въ Москвѣ и еще четыре монастыря со всѣми угодьями, крестьянскими и бобыльскими дворами; кромѣ того, царь далъ отъ себя Вышегородскую дворцовую волость и 10 пустошей въ разныхъ мѣстахъ. Частнымъ лицамъ также дозволялось дѣлать пожертвованія на пропитаніе и одежду учениковъ.

Симеону Полоцкому удалось еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ концѣ 1670-хъ годовъ, завести особую типографію на «верху», т. е. во дворцѣ, въ которой онъ могъ печатать книги по своему усмотрѣнію. Въ 1679 г. изъ этой типографіи вышелъ букварь, очевидно, предназначенный для царевича Петра, а въ 1680 г.—«Псалтырь риѳмованная», въ переложеніи Полоцкаго, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что псалмы 132-й и 145-й были переложены на вирши Ѳ. А. Въ 1681 г. выпущено нѣсколько книгъ сочиненія Симеона, начатыхъ печатаніемъ еще при его жизни новымъ красивымъ шрифтомъ; по желанію Ѳ. А., книги эти украшены гравюрами, исполненными Афанасіемъ Трухменскимъ по рисункамъ Симона Ушакова.

Въ 1680 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ, при архимандритѣ этой лавры Иннокентіи Гизіелѣ, напечатанъ былъ «Синопсисъ», т. е. краткое собраніе извѣстій изъ различныхъ лѣтописей о славяно-россійскомъ народѣ. Вмѣсто предисловія въ немъ помѣщены вирши, въ которыхъ прославляется царь; такъ какъ имя *Ѳеодоръ* въ переводѣ съ греческаго на русскій языкъ означаетъ *Божій даръ*, то въ нихъ говорится, что «*святымъ даромъ* россійскій народъ нашъ ликовствуетъ» По своей краткости «Синопсисъ», очевидно, не удовлетворилъ Ѳ. А., и онъ приказалъ сдѣлать выписки не только изъ славянскихъ и русскихъ лѣтописцевъ, но и изъ древнихъ и новыхъ историковъ греческихъ и латинскихъ, и все собрать въ одной исторической книгѣ, такъ какъ у всѣхъ народовъ, кромѣ русскаго, есть печатная исторія своего государства. Этимъ изданіемъ будетъ оказана польза не только русскимъ, но и иностранцамъ, потому что многіе ученые другихъ государствъ давно желали получить свѣдѣнія о Россіи, а каждый народъ про себя, про свои дѣла и про свою страну умѣетъ написать лучше, нежели иноземцы. Въ предисловіи къ этой исторической книгѣ упоминаются древніе философы и историки и приводятся пять правилъ Діонисія Галикарнасскаго, которымъ долженъ слѣдовать историкъ. Эти правила выражены такъ образно, что мы выписываемъ ихъ дословно: 1) чтобъ историкъ выбралъ бы повѣсть красную и сладкую, чтобы сердце чтущихъ веселилъ, се есть о которыхъ хощетъ исторію писати; 2) чтобы зналъ, откуду начинати исторію и до которыхъ мѣстъ писати; 3) чтобы зналъ, что подобаетъ во исторіи молчанію предати и что пристойно объявити; 4) чтобы всякое дѣло на своемъ мѣстѣ написано было, гдѣ доведется и

пристойно расположено; 5) чтобы душа и охота историкова была бы тихая и ничѣмъ смущенная, также и слово бы было чистое, свойственное и разумичное, и ясное, тихій бы былъ историкъ и не суровъ, и правдою бъ все писалъ, а не ласкательствомъ или инымъ какимъ страстемъ повиненъ, и чтобъ къ добрымъ дѣламъ слогомъ и словомъ своимъ будто совеселится, а противнымъ сопечалуется, и та статья, хотя послѣдняя, однакожъ наипаче всѣхъ надобно историку остерегать». Къ сожалѣнію, «историческая книга» не была напечатана и хранится въ рукописи въ Императорской Публичной Библіотекѣ; она принадлежала окольничему Алексѣю Тимоѳеевичу Лихачеву.

Переходимъ къ изложенію ежедневнаго обихода царя Ѳ. А. Въ этомъ обиходѣ ясно проявляются двѣ черты, унаслѣдованныя имъ отъ отца: 1) нѣкоторое вліяніе на старо-московскій царскій укладъ жизни западно-европейской, главнымъ образомъ, польской культуры, проявившееся преимущественно въ сферѣ эстетической, а затѣмъ въ одеждѣ царя, царедворцевъ и бояръ и въ строительствѣ царскихъ дворцовъ и церквей; 2) церковно-благочестивые обычаи этой жизни. Ѳ. А. является продолжателемъ своего отца относительно украшенія царскаго дворца въ новомъ вкусѣ (на польскій и нѣмецкій образецъ), предпринятаго Алексѣемъ Михайловичемъ послѣ Польской войны 1654—1667 г. г., когда онъ познакомился съ убранствомъ жилищъ въ польскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Вильнѣ и Полоцкѣ. Всѣ выписанные Алексѣемъ Михайловичемъ ремесленники и художники причислены къ Окружной Палатѣ, бывшей, по словамъ И. Е. Забѣлина, «замѣчательнымъ въ то время дворцовымъ художественнымъ и ремесленнымъ заведеніемъ». Царь Ѳеодоръ въ недолгое свое царствованіе «преизрядно обновилъ» дворецъ и расширилъ постройками, какъ гласитъ надпись на его портретѣ. Въ первый же годъ по вступленіи на престолъ онъ хотѣлъ построить царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ съ дѣтьми новыя особыя хоромы въ Кремлѣ на мѣстѣ двора боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, находившагося на разстояніи болѣе 50 саженъ отъ Теремного дворца. Царица не пожелала этого, и царевичъ Петръ (по свидѣтельству Крекшина) ходилъ къ Ѳ. А. жаловаться на Языкова, такъ какъ будто бы именно онъ старался устроить переселеніе Натальи Кирилловны изъ царскаго дворца. Въ XVII в. всѣ «наличныя» (т. е. внѣшнія) и внутреннія рѣзныя украшенія каменныхъ и деревянныхъ хоромъ расписывались яркими красками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ густо покрывались сусальнымъ золотомъ и серебромъ. Слѣдуя этому обыкновенію, Ѳ. А. велѣлъ въ сентябрѣ 1678 г. нѣсколькимъ живописцамъ, съ мастеровыми и съ учениками, расписать у себя на Верху (такъ называлось главное зданіе дворца государева, которое занималъ самъ царь и его семейство) «розными краски и аспиды» вновь построенныя: каменное крыльцо со столбами и «перегораду» около него, переходы къ церкви Спаса Нерукотвореннаго и новое деревянное крыльцо.

Внутреннимъ украшеніемъ царскихъ жилищъ служили, между прочимъ, изображенія изъ Ветхаго завѣта и изъ древней исторіи; помѣщались они въ видѣ картинъ на стѣнахъ, иногда на «подволокахъ» (клееныхъ щитахъ, прикрѣпляемыхъ къ потолку), или же на столовыхъ доскахъ. Въ 1675 г., еще въ бытность Ѳ. А. царевичемъ, живописецъ Салтановъ писалъ для него «столовую доску, а на ней *притчу*: когда царь Констянтинъ былъ не въ благочестіи, и взятъ былъ въ плѣнъ Персы, и приведенъ былъ въ капище на жертву и свободися своими рабы воинами». Въ томъ же году для царевича куплены были за 30 рублей у иноземца «Галанскія» земли Логина Фабричьюса «часы боевые столовые мѣдные золоченые съ перечасьемъ и съ будильникомъ нѣмецкаго дѣла, самые добрые». Далѣе, въ хоромы царя Ѳ. А. въ 1676 г. живописцемъ Салтановымъ были написаны на столовой доскѣ *притчи царя Соломона* (кайма у этой доски была рѣзная, покрытая золотомъ и серебромъ); въ 1679 и 1680 гг. Петромъ Энгельсомъ, «преоспективнаго дѣла мастеромъ»—нѣсколько картинъ изъ ветхозавѣтной священной исторіи, а Безминымъ на полотнѣ (63 арш.)—*лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ, звѣзды*.

Въ 1680 г. Ѳ. А. выстроилъ у терема, подлѣ западной стороны Евдокіинской тюремной церкви, деревянныя хоромы отдѣльно для себя и для царевенъ, своихъ сестеръ, вмѣсто ихъ старыхъ хоромъ, которыя были разобраны; сюда же перенесены

были и хоромы царицы Натальи Кирилловны. Въ эти новыя хоромы государя написаны были на полотнахъ (800 арш.) къ «подволокамъ» и къ стѣнамъ «царственныя притчи, деисусы и апостольскія проповѣди». Въ 1681 г. нѣкоторыя комнаты и сѣни этихъ хоромъ обиты были «золотыми кожами», а другія «фряжскими листами», которые стали употребляться въ царскомъ быту еще въ началѣ XVII ст., но тогда они покупались для государевыхъ дѣтей вмѣстѣ съ игрушками и развѣшивались въ рамкахъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ эти листы получили такое распространеніе, что въ царскомъ дворцѣ при Верхней, т. е. придворной типографіи, заведенъ былъ фряжскій станъ, для печатанія эстамповъ на мѣди. Въ 1677 г. органистъ Симонъ Гутовскій сдѣлалъ Ѳ. А. въ хоромы «станокъ деревянный печатной, печатать фряжскіе листы», а въ 1680 г. Аѳанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя на мѣдныхъ доскахъ «всякіе фряжскіе рѣзи». Въ нѣкоторыхъ комнатахъ государя были повѣшены на стѣнахъ молитвы (напр., чудотворцу Алексѣю и тропари Московскимъ святителямъ), писанныя уставнымъ письмомъ на раскрашенныхъ доскахъ, вставленныхъ въ золоченыя рамки. Висѣли на стѣнахъ и картины: 1) Распятіе, 2) царь Константинъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, 3) царица Елена вмѣстѣ съ Марьей Ильинишной, 4) Распятіе въ предстояніи со всѣми вышеупомянутыми лицами и, кромѣ того, съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ, 5) царь Алексѣй Михайловичъ *во успеніи*. Были «персоны», т. е. портреты: царя Алексѣя Михайловича, патріарха Іоакима въ святительской одеждѣ, самого Ѳ. А., короля польскаго, короля французскаго (можетъ быть, Людовика XIV, современника царю) и еще нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ, по свидѣтельству И. Е. Забѣлина, неизвѣстны. Много заботъ положилъ Ѳ. А. на обновленіе и украшеніе «верховыхъ», т. е. дворцовыхъ церквей. При перестройкѣ хоромъ царевенъ онъ возобновилъ на сѣняхъ у нихъ церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа, заставивъ расписать снаружи, со стороны алтарей, *аспидомъ разными цвѣтами* (подъ мраморъ), а надъ трапезою этой церкви воздвигъ новый храмъ во имя Успенія Богоматери. Между храмомъ св. Евдокіи (который въ 1681 г. освященъ былъ во имя Живоноснаго Воскресенія) и придѣломъ во имя св. Іоанна Бѣлоградскаго государь повелѣлъ устроить *Голгоѳу*, гдѣ быть *Страстямъ Господнимъ*. Въ узкомъ корридорѣ, раздѣляющемъ эти церкви, была сдѣлана пещера; въ ней на каменной горѣ поставлено кипарисное Распятіе, вырѣзанное рельефно старцемъ Ипполитомъ, искуснѣйшимъ рѣзчикомъ того времени. Посреди алебастровыхъ колоннъ, противъ Голгоѳной горы, находился гробъ Господень (т. е. плащаница), надъ которымъ висѣли на проволокахъ шестьдесятъ алебастровыхъ херувимовъ, расписанныхъ красками. Около Гроба Господня висѣли 12 стеклянныхъ лампадъ, а у стѣнъ стояли картины, изображавшія евангельскія притчи, сошествіе во адъ, Воскресеніе, Вознесеніе и явленіе Христа Магдалинѣ; писалъ ихъ на полотнѣ живописецъ Салтановъ. *Голгоѳа* доставляла большое духовное наслажденіе Ѳ. А.; мы заключаемъ это изъ его приказанія, даннаго 12-го декабря 1681 г., относительно устройства *Вертограда* съ *Гробомъ Господнимъ* въ особенной небольшой каменной палаткѣ между его деревянными комнатами и новою церковью Распятія, построенною надъ придѣломъ Іоанна Бѣлоградскаго. Очевидно, онъ желалъ имѣть возможность молиться передъ Гробомъ Господнимъ во всякое время дня и ночи, такъ сказать, келейно, не выходя изъ своихъ покоевъ. Достроить Вертоградъ спѣшили, согласно приказанію государя, къ 10-му апрѣля 1682 г., и работали даже по ночамъ, но кончина Ѳ. А., послѣдовавшая 27-го апрѣля этого года, прервала, а можетъ быть и совсѣмъ прекратила эту постройку, потому что о Вертоградѣ больше не упоминается.

По свидѣтельству И. Е. Забѣлина, «въ старину садъ составлялъ необходимую принадлежность каждаго сколько-нибудь зажиточнаго или достаточнаго хозяйскаго двора, наравнѣ съ другими хозяйственными и домашними статьями». Естественно, что и у членовъ царской семьи были свои особые *верховые* сады, расположенные на каменныхъ сводахъ, надъ палатами и погребами, почему ихъ можно назвать висячими. Въ 1679 г. Ѳ. А. развелъ себѣ новый садъ возлѣ Екатерининской церкви къ Патріаршему двору, а въ 1680 г. поставилъ въ этомъ саду рѣзной деревянный чердакъ (бесѣдку), расписанный узорочно красками. Изъ дворца въ него вели

каменные переходы съ окнами, въ которыхъ, какъ сказано у Забѣлина, «вставлены были балясовые станки съ косящатыми рѣшетками, также расписанными красками». Передъ каменными хоромами царевенъ меньшихъ, неподалеку отъ этого сада, въ 1681 г. былъ устроенъ садъ и для царевенъ. Въ томъ же 1681 г. царь приказалъ развести *Нижній Набережный садъ*, прозванный *Нижнимъ* въ отличіе отъ *Верхняго*, потому что онъ былъ расположенъ ниже Верхняго на цѣлый этажъ дворцовыхъ зданій. Садъ этотъ шелъ съ набережной стороны Отвѣтной и Столовой Палатъ почти до паперти Благовѣщенскаго собора, на 25 саж. въ длину и на 15 саж. въ ширину. Каменное зданіе, надъ которымъ стали разводить этотъ садъ, укрѣпили со стороны Тайницкихъ воротъ «каменнымъ быкомъ», шириною въ 3 саж.; на углу отъ Тайницкихъ воротъ поставили круглую башню; въ саду устроили прудъ и *водозводный чердакъ*. Въ томъ же году хлопотали съ устройствомъ пруда въ *Верхнемъ саду*, для чего все мѣсто подъ садомъ, а равно и для самаго пруда было выложено свинцовыми досками. Вода въ него была проведена посредствомъ свинцовыхъ трубъ изъ водовзводной Кремлевской башни, для чего тоже былъ построенъ водовзводный чердакъ.

Казначей польскаго посольства, пріѣзжавшаго къ царю Ѳ. А. въ 1678 г., богемецъ Таннеръ оставилъ интересное описаніе своихъ впечатлѣній отъ пребыванія въ Москвѣ. Изъ этого описанія мы, между прочимъ, узнаемъ, что въ верстѣ отъ Нѣмецкой слободы нѣмцы устроили стеклянный заводъ и бумажную фабрику и что невдалекѣ отъ этихъ заводовъ находились два сада; одинъ изъ нихъ, отдѣланный на итальянскій ладъ, былъ очень красивъ и такъ нравился Ѳ. А., что онъ ѣздилъ туда каждую недѣлю. Тотъ же Таннеръ описываетъ выѣзды царя на богомолье и на загородныя прогулки и приходитъ къ заключенію, что онъ былъ великимъ охотникомъ до статныхъ лошадей и красивой одежды.

Лѣтомъ Ѳ. А. живалъ иногда на Воробьевыхъ горахъ и ѣзжалъ въ свои подмосковныя села Измайлово, Коломенское, Преображенское и Покровское. Онъ, повидимому, особенно любилъ Измайлово, въ которомъ царь Алексѣй Михайловичъ завелъ образцовое хозяйство, прекрасные плодовые и цвѣточные сады и нѣсколько прудовъ съ рыбой. Чтобы дать понятіе о количествѣ людей, сопровождавшихъ Ѳ. А. въ Измайлово, приведемъ слѣдующую выписку изъ расходныхъ записей с. Измайлова за 1677 г.: «Іюня 13 в. гос. ц. Ѳ. А. изволилъ быть въ с. Измайловѣ на Запасномъ Дворѣ и по своему г-ву имянному указу указалъ поить всякихъ чиновъ людей и боярскихъ слугъ; изошло 4 ведра вина дворянскаго, 3 ведра медуваренаго, 9 ведръ бѣлаго съ гвосцы съ корицею, съ кардамономъ, 12 ведръ росхожева, 36 ведръ пива приказнова, полведра вина двойново». Въ 1681 г. Ѳ. А. предпринялъ нѣкоторыя измѣненія въ Коломенскомъ дворцѣ, а въ Измайловѣ совершенно перестроилъ дворецъ и построилъ разныя служебныя и хозяйственныя зданія около дворца.

Въ долгіе зимніе вечера Ѳ. А. развлекали «верховые богомольцы», жившіе въ особыхъ хоромахъ подлѣ его каменнаго терема. Первоначально это были, вѣроятно, убогіе пѣвцы, калики перехожіе, замѣнившіе при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ «домрачеевъ» и «гусельниковъ», доставлявшихъ «утѣху» царю Михаилу Ѳеодоровичу. «Но старое ихъ значеніе государевыхъ бахарей—говоритъ И. Е. Забѣлинъ—все еще сохранялось и въ это время, и очень вѣроятно, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ все еще потѣшали государя своими разсказами. Въ нѣкоторомъ смыслѣ потѣшное ихъ значеніе обнаруживается въ томъ, что у нихъ живутъ царскіе *дураки* (т. е. шуты), которые, какъ извѣстно, имѣли офиціальное званіе «государевыхъ потѣшниковъ».

Наряду съ отмѣченными выше развлеченіями Ѳ. А. слѣдуетъ поставить его богомольные походы по разнымъ церквамъ и монастырямъ. Эти изъ года въ годъ повторявшіеся походы, въ которыхъ онъ находилъ удовлетвореніе своему религіозному чувству, показываютъ, что онъ былъ далеко не такъ болѣзненъ и тѣлесно немощенъ, какъ многіе думаютъ.

Въ первый же годъ своего царствованія Ѳ. А. отправился 19-го ноября въ Троицкій монастырь (теперешняя Троице-Сергіева лавра), оттуда въ Переяславль Залѣсскій и въ Александрову слободу; въ Переяславлѣ онъ посѣтилъ Даниловъ-Троицкій монастырь, а въ окрестностяхъ его монастыри: Никитскій, Борисоглѣбскій, Горицкій и Ѳеодоровскій. 1-го декабря

онъ вернулся въ Москву, а 5 отправился на праздникъ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, Звенигородскаго уѣзда, откуда прибылъ въ Москву 12-го. Въ 1677—1680 г.г. Ѳ. А. ежегодно совершалъ богомольные походы въ Троицкій монастырь, Переяславль и Александрову слободу въ сентябрѣ, при чемъ употреблялъ на эти походы 2—3 недѣли; кромѣ вышеупомянутыхъ монастырей онъ постоянно бывалъ въ Лукьяновой пустыни, въ 10-ти верстахъ отъ Александровой слободы, и однажды въ Махрицкомъ монастырѣ,—недалеко отъ Троицкаго монастыря. По дорогѣ изъ Москвы въ Троицкій монастырь бывали остановки, или какъ тогда называли, «станы»: въ *с. Алексѣевскомъ*, верстахъ въ трехъ отъ Крестовской заставы, въ *с. Тонинскомъ*, въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, въ сторону отъ большой дороги, въ *с. Братошинѣ* (нынѣ Братовщинѣ), въ 30-ти верстахъ отъ Москвы, и наконецъ въ *с. Воздвиженскомъ*, верстъ 10-ти не доѣзжая монастыря. Во всѣхъ этихъ станахъ были церкви и царскія хоромы. Въ село Воздвиженское обыкновенно являлись Троицкія «власти» бить челомъ государю; на *Кесовыхъ прудахъ*, подъ Троицею, не доходя *Клементьевой слободы*, ставились шатры; государь, вышедъ изъ кареты, переодѣвался и шелъ до монастыря пѣшкомъ. Иногда Ѳ. А. совершалъ эти походы «всѣмъ домомъ». Въ концѣ іюня 1677 г. онъ ѣздилъ изъ с. Коломенскаго въ Екатерининскую пустынь (верстахъ въ 40 отъ Москвы по Каширской дорогѣ), основанную Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1660 г., вслѣдствіе «видѣнія» на охотѣ. Тогда же онъ посѣтилъ «бумажную мельницу», т. е. бумажный заводъ между с. Островомъ и Бронницами. 6 сентября 1680 г., слѣдовательно послѣ женитьбы на Грушецкой, Ѳ. А. «по обѣщанію» ходилъ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь и въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь. 7 сентября онъ прибылъ въ Звенигородъ, гдѣ серебряная рака для мощей пр. Саввы, сооруженная его усердіемъ, была поставлена на «гостинѣ дворѣ», въ ожиданіи его пріѣзда. Шествіе къ Саввину-Сторожевскому монастырю открывали «черные священники и дьяконы», т. е. іеромонахи и іеродіаконы, съ кадилами и свѣчами; за ними раку несли передъ государемъ «верховые пѣвчіе діаки» въ одеждахъ. Изъ монастыря встрѣтили государя: Коломенскій архіепископъ съ животворящимъ крестомъ, а Саввинскій архимандритъ съ «игумнами, попами и дьяконами въ одеждахъ». Рака была поставлена въ соборѣ на правой рукѣ, а послѣ молебна государь, съ Коломенскимъ архіепископомъ и Саввинскимъ архимандритомъ, переложилъ мощи пр. Саввы въ новую серебряную раку. 8 сентября послѣ обѣдни Ѳ. А. отправился въ Іосифовъ монастырь, съ остановками въ селахъ Лучинскомъ и Петровскомъ и въ городѣ Волоколамскѣ. Въ началѣ декабря 1680 г. онъ снова былъ въ Саввинѣ монастырѣ, а затѣмъ въ Можайскѣ.

Ѳ. А. посѣщалъ и московскіе монастыри, а съ 13 апрѣля 1678 г. (субботы на Ѳоминой недѣлѣ) до конца мѣсяца перебывалъ въ 19-ти монастыряхъ. Что касается крестныхъ ходовъ, столь любимыхъ Алексѣемъ Михайловичемъ, то Ѳ. А. участвовалъ ежегодно только въ крестномъ ходѣ въ Новодѣвичій монастырь, бывавшемъ 28 іюня, въ день празднованія Смоленской иконы Божіей Матери: онъ пріѣзжалъ наканунѣ и становился подъ монастыремъ въ шатрахъ; въ Москву возвращался 28-го же послѣ праздничнаго стола. Въ другихъ ходахъ онъ бывалъ рѣдко.

Подъ вліяніемъ своей тетки, царевны Татьяны Михайловны, расположенной къ Никону, Ѳ. А. началъ ѣздить въ недостроенный Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ); затѣйливый и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный планъ постройки такъ понравился ему, что онъ не щадилъ денегъ для довершенія дѣла, начатаго Никономъ. Къ этому времени относится предложеніе Ѳ. А. перевести Никона въ Воскресенскій монастырь, но патріархъ Іоакимъ воспротивился намѣренію царя, ссылаясь на то, что Никонъ осужденъ не имъ лично, а соборомъ и вселенскими патріархами. Послѣдовало согласіе на переводъ Никона изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря позднѣе, лишь вслѣдствіе письма къ царю отъ Воскресенскихъ монаховъ о его тяжкой болѣзни. Съ трудомъ довезли Никона до рѣки Шексны и посадили на стругъ; когда доплыли Волгою до Толгскаго монастыря (въ 8-ми верстахъ выше Ярославля), онъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе, велѣлъ пристать къ берегу и пріобщился Св. Таинъ. Послѣ этого стругъ ввели въ рѣку Которость, гдѣ Никонъ скончался 17 августа 1681 г. Тѣло его привезли въ

Воскресенскій монастырь и съ патріаршею почестью похоронили въ присутствіи царя, прибывшаго туда со всѣмъ дворомъ. Ѳ. А. приказалъ къ похоронамъ Никона сшить всему духовенству новыя ризы изъ богатыхъ китайскихъ тканей, вылить свѣчи въ сажень длиною и, идя за гробомъ, пѣлъ самъ со своими «верховыми» пѣвчими стихиру шестого гласа.

Мы не сказали о двухъ бракахъ Ѳ. А. въ надлежащемъ по хронологіи мѣстѣ, чтобы не прерывать повѣствованія о внѣшнихъ и внутреннихъ мѣропріятіяхъ его царствованія. Лѣтомъ 1680 г., какъ гласитъ преданіе, Ѳ. А., участвуя въ крестномъ ходу, увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась. Онъ поручилъ Языкову навести справки. Оказалось, что это Агаѳья Семеновна Грушецкая и что живетъ она у своей родной тетки, жены думнаго дьяка Семена Заборовскаго. Не желая нарушать старинныхъ обычаевъ, царь приказалъ созвать всѣхъ красивыхъ дѣвицъ изъ высшаго круга и выбралъ изъ нихъ Грушецкую къ великому неудовольствію боярина Милославскаго, приписавшаго этотъ выборъ проискамъ Языкова и Лихачева. Милославскій старался очернить Грушецкую и ея мать, но былъ за свои клеветы удаленъ царемъ отъ двора. Уже послѣ свадьбы, по просьбѣ молодой жены, царь снова дозволилъ Милославскому являться ко двору, но вліяніе его не вернулось. Въ расходныхъ дворцовыхъ записяхъ сохранились имена тѣхъ дѣвицъ, которыя въ іюлѣ 1680 г. были привезены для выбора изъ ихъ среды невѣсты. Всѣхъ ихъ насчитывается около 20; имъ дано государева жалованья: четыре зарбава (родъ парчи)—цѣна 101 р., 40 арш. отласовъ; 70 арш. объярей (плотная шелковая ткань); 180 арш. камокъ. Бракосочетаніе царя Ѳ. А. съ Агаѳьей Семеновной Грушецкой произошло 18 іюля 1680 г. безъ всякаго великолѣпія и нѣсколько дней царскій дворъ оставался недоступнымъ, т. е. не было ни выходовъ царя, ни пріемовъ. Весьма вѣроятно, что Грушецкая была по происхожденію полька, такъ какъ при московскомъ дворѣ стали входить польскіе обычаи. Во родословной Романовыхъ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ», сказано, что она дочь незнатнаго черкасскаго дворянина. Царь Ѳ. А. первый изъ русскихъ надѣлъ польское платье, чему послѣдовали и всѣ придворные, отмѣнилъ обычай брить голову и началъ носить длинные волосы. Голиковъ говоритъ: «Царь не любилъ пышности ни въ платьѣ, ни въ столѣ, ни въ уборахъ. Сію экономію поддержалъ монархъ повелѣніемъ не носить татарскаго платья и приказалъ ходить въ подобномъ польскому, или древнемъ россійскомъ, сѣверному климату свойсвенномъ». 19 декабря 1680 г. изданъ былъ указъ, въ которомъ значилось, въ какіе «господскіе» и «владычни» праздники и въ какомъ платьѣ быть во время царскихъ выходовъ. Общимъ для всѣхъ выходнымъ верхнимъ платьемъ назначена *ферезея*; по роду матерій ферезеи раздѣлялись на три разряда: *золотыя*, изъ «золотныхъ» матерій, бархатныя и наконецъ «объяринныя», т. е. шелковыя. 11 іюля 1681 г. у Ѳ. А. родился сынъ, царевичъ Илья, а черезъ три дня, 14 іюля, скончалась царица Агаѳья Семеновна. Кончина ея была тяжелымъ ударомъ для Ѳ. А.: онъ проводилъ гробъ до Краснаго крыльца и до «саней», но не въ состояніи былъ присутствовать на погребеніи въ Вознесенскомъ монастырѣ, и въ теченіе всего сорокоуста къ панихидамъ выходу не было; только въ сороковой день, 22 августа, онъ слушалъ панихиду въ Вознесенскомъ монастырѣ. 20 іюля скончался и новорожденный царевичъ Илья; царь проводилъ его тоже до Краснаго крыльца и до «саней» и не пошелъ въ Архангельскій соборъ на погребеніе.

Полгода спустя послѣ этого горестнаго событія, царь выбралъ себѣ въ невѣсты Марѳу Матвѣевну Апраксину (р. 1667 г.), повидимому не безъ вліянія Языкова. Будучи крестницей Артамона Сергѣевича Матвѣева, она упросила царя облегчить его судьбу. Ѳ. А. призналъ его невинность, велѣлъ возвратить ему отобранныя у него имѣнія и, кромѣ того, пожаловалъ село Верхній Ландехъ съ деревнями и велѣлъ ожидать въ костромскомъ городѣ Лухѣ новаго указа. 12 февраля 1682 г. патріархъ вышелъ изъ царской «комнаты» (по теперешнему кабинета) въ переднюю и объявилъ боярству и всей Палатѣ, что нарекли Марѳу Матвѣевну царевной и великой княжной. Государь былъ уже нездоровъ въ это время, врачи отговаривали его отъ брака, но онъ не послушался ихъ совѣтовъ. 15 февраля была «радость», государь вѣнчался въ верховой церкви Живоноснаго Воскресенія; вѣнчалъ царскій ду-

ховникъ. Кремль былъ запертъ въ это время. Болѣзненное состояніе Ѳ. А. внушало, повидимому, царевнамъ его сестрамъ и роду Милославскихъ опасеніе за свою судьбу въ случаѣ его кончины. 16 апрѣля 1682 г. въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія Ѳ. А. совершилъ торжественный выходъ къ заутрени въ Успенскій Соборъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ занемогъ. Сестры постоянно посылали спрашивать о его здоровьѣ и выражали сожалѣніе, что не могутъ видѣть больного и служить у его постели. Царевна Софья, какъ самая рѣшительная, нарушила обычаи терема и во все время болѣзни брата сама подавала ему лѣкарства и не отходила отъ него. «Такой шагъ изъ терема—говоритъ И. Е. Забѣлинъ—по крайней мѣрѣ съ виду не только никого не могъ смущать, но и возвышалъ добродѣтель царевны. Необыкновеннаго и необычнаго въ этомъ случаѣ было только то, что царевна по необходимости являлась предъ ближними боярами и всѣми ближними людьми, которые окружали больного».

27 апрѣля къ вечеру Ѳ. А. скончался, а погребеніе, по обычаю, совершилось на другой же день. Прежде было принято, чтобы царскій гробъ провожали только вдовствующая царица и наслѣдникъ. Слѣдовательно на погребеніи царя Ѳеодора должны были присутствовать: вдова его, царица Марѳа Матвѣевна, и избранный въ самый часъ его кончины десятилѣтній царь Петръ Алексѣевичъ, а вслѣдствіе его малолѣтства мать его, царица Наталья Кирилловна. Пятнадцатилѣтнюю вдову царицу Марѳу Матвѣевну несли до Краснаго крыльца въ «саняхъ» сначала стольники, а затѣмъ дворяне; рядомъ съ избраннымъ царемъ, къ всеобщему удивленію и соблазну, вышла и царевна Софья. Петръ Алексѣевичъ съ матерью ограничились тѣмъ, что простились съ почившимъ царемъ, когда гробъ былъ поставленъ въ церкви на уготованномъ мѣстѣ, и затѣмъ ушли въ свои покои. Марѳа Матвѣевна и царевна Софья остались до конца отпѣванія. Идя съ похоронъ, царевна Софья плакала и причитала о своемъ горестномъ положеніи, намекая, что Ѳ. А. умеръ по чьей-то враждѣ: «извели покойнаго брата злые люди». Тетки, царевны Анна и Татьяна Михайловны, по окончаніи службы, послали царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ выговоръ за то, что она съ Петромъ Алексѣевичемъ поспѣшила уйти изъ церкви.

Біографъ Ѳ. А. Берхъ такъ заканчиваетъ о немъ свое повѣствованіе: «По свидѣтельству всѣхъ современныхъ писателей, царь выкупалъ множество плѣнныхъ и самъ принималъ каждаго просителя. Кончина предшествовавшихъ ему двухъ царей была оплакиваема всенародно; а объ немъ говорили единогласно: «Онъ жилъ къ общей радости народа, а умеръ къ общей скорби».

Полная библіографія первоисточниковъ рукописныхъ и печатныхъ, изданныхъ до 1872 г., приведена въ книгѣ *Замысловскаго*, «Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича», ч. I, Введеніе. Обзоръ источниковъ. Спб. 1871 г.—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго», М. 1837 г., т.т. I и XII.—*Строевъ*, «Выходы государей царей и великихъ князей Михаила Ѳеодоровича, Алексія Михаиловича, Ѳеодора Алексіевича, всея Русіи самодержцевъ», М. 1844 г.—Дворц. разр., IV, стр. 1—192.—*Забѣлинъ*, «Домашній бытъ русскихъ царицъ». М. 1872 г.—*Его-же*, «Домашній бытъ русскихъ царей», М. 1895 г., 3-е изд.—*Берхъ*, «Царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича и исторія перваго стрѣлецкаго бунта», ч. I. Спб. 1834 г.; ч. II. Спб. 1835 г.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи, т. XIII, стр. 226—341.—*Костомаровъ*, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», Спб. 1874. вып. 5-й, стр. 459—473.—*Полевой*, «Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ». 4 е изд. Спб. 1881 г., стр. 203—204.—*Майковъ*, «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій», Спб. 1889 г. (см. въ этихъ «Очеркахъ» статью «Симеонъ Полоцкій»).

В. Корсакова.

Ѳеодоръ, *А.*, граверъ на деревѣ конца XVII в. По мнѣнію В. В. Стасова, этотъ граверъ получилъ художественное воспитаніе свое на Западѣ, такъ что его превосходныя гравюры могутъ соперничать со многими иностранными того времени, и потому его никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ могилевскимъ граверомъ Ѳеодоромъ Ангилейкой, котораго подпись часто похожа на подпись гравера Ѳ. А. Ему принадлежатъ 16 изображеній въ Евангеліи 1703 года (Кіевъ); заглавный листъ въ книгѣ «Виноградъ Христовъ» (Черниговъ, 1698 г.); царь Давидъ («Ѳеодоръ, року 1697»); увѣнчаніе Богоматери (л. 217); Поклоненіе волхвовъ; Крещеніе; Ѳома невѣрный; Вознесеніе и Усѣкновеніе главы Іоанна Предчети.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.», стр. 805.

Ѳеодоръ Борисовичъ Годуновъ (р. 1589 † 10 іюня 1605 г.), сынъ Бориса Ѳеодоровича *Годунова* и жены его Марьи Григорьевны, рожденной *Скуратовой*; царь московскій съ 13 апрѣля до 1 іюня 1605 г. Положеніе, которое занималъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, какъ его шуринъ и ближайшій совѣтникъ, съ самаго малолѣтства поставило Ѳ. Б. въ исключительныя условія. Эти исключительныя условія, а равно извѣстная склонность Бориса къ иноземцамъ и западно-европейскому просвѣщенію и послѣдующая роль Ѳ. Б., когда отецъ его сталъ царемъ, даютъ несомнѣнныя основанія для заключенія, что Борисъ далъ ему хорошее образованіе и тщательное воспитаніе. Доказательствомъ того, между прочимъ, могутъ служить извѣстія объ основательномъ знакомствѣ царевича Ѳеодора съ географіей Московскаго государства. По всему вѣроятію книга *Большого Чертежа*, начатая при Іоаннѣ IV, была дополнена въ царствованіе Бориса Годунова, какъ руководство для царевича. Кромѣ того, любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній Ѳеодора осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 г. нѣмцемъ Герардомъ.

Въ концѣ мая 1597 г. пріѣхалъ въ Москву посолъ императора нѣмецкаго Рудольфа II, Авраамъ бургграфъ Донау; 22 мая онъ представлялся царю, а 25 заявилъ, что у него есть грамота императора къ Борису Годунову. По докладу Бориса, царь велѣлъ ему принять посла у него на дворѣ. 27 мая пріемъ былъ устроенъ по посольскому чину: до сѣней четыре встрѣчи дворянами Годунова, среди сѣней встрѣтилъ посла Ѳеодоръ (ему было 8 лѣтъ), подалъ послу руку и шелъ съ нимъ въ горницу; среди передней избы встрѣтилъ уже самъ Борисъ; проводы совершались такъ же, т. е. Борисъ довелъ посла до дверей передней горницы, а Ѳеодоръ проводилъ въ сѣни. Бургграфъ Донау привезъ дары не только Борису, но и сыну его Ѳеодору. Желая потѣшить мальчика, онъ подарилъ ему двухъ обезьянъ, четырехъ попугаевъ и «часы стоячіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь». Принято было отдаривать; вслѣдствіе этого послѣ царскаго отпуска посланы были дары отъ Бориса и отъ Ѳеодора; отъ имени сына Борисъ подарилъ: сѣраго кречета, сорокъ соболей, черную лисицу и двухъ живыхъ соболей. Со всѣмъ этимъ ѣздилъ къ послу дворянинъ Годунова, Михайло Косовъ.

Послѣ кончины въ 1598 г. царя Ѳеодора Іоанновича и добровольнаго постриженія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ его вдовы Ирины, съ именемъ Александры, патріархъ Іовъ отъ себя и отъ всего народа долгое время тщетно умолялъ Бориса принять московскій престолъ. Наконецъ онъ снизошелъ на мольбы патріарха: 26 февраля, въ воскресенье на масляницѣ Годуновъ торжественно въѣхалъ въ Москву со всей семьей (до этого онъ жилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ), отстоялъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ котораго было пропѣто многолѣтіе ему, его женѣ, сыну Ѳеодору и дочери Ксеніи, а затѣмъ снова вернулся къ сестрѣ-инокинѣ въ монастырь. Лишь 30 апрѣля совершился окончательный переѣздъ его въ Москву; послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ и благословенія (уже въ третій разъ) патріархомъ Годуновы вошли въ царскія палаты. 2 мая Борисъ, по «крымскимъ вѣстямъ», выѣхалъ съ войскомъ на «берегъ», а Ѳеодора оставилъ въ Москвѣ на попеченіе дядьки, Ив. Ив. Чемоданова, причемъ для осаднаго времени были росписаны во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ города воеводы и объѣзчики для «береженія отъ огня».

1 августа 1598 г. патріархъ Іовъ созвалъ всѣхъ бояръ, дворянъ, приказныхъ, служилыхъ людей и гостей и обратился къ нимъ съ назидательной рѣчью по поводу всенароднаго избранія на царство Бориса Годунова, а затѣмъ предложилъ написать утвержденную грамоту и приложить къ ней руки. Грамоту эту подписали и самъ Борисъ, и царевичъ Ѳеодоръ. Съ этого времени имя царевича встрѣчается рядомъ съ именемъ царя Б. Ѳ. во всѣхъ грамотахъ какъ новыхъ, такъ и подтверждающихъ прежнія царскія грамоты, напр. тарханныя грамоты разнымъ монастырямъ и жалованную грамоту патріарху Іову. Для примѣра приведемъ подтвердительную надпись на оборотѣ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича, данной имъ вдовѣ старшаго его брата Іоанна Іоанновича, старицѣ Александрѣ, на дворцовое село Бережокъ съ деревнями и угодьями, въ Суздальскомъ уѣздѣ. «Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳеодоровичъ, всеа

Русіи Самодержецъ, и сынъ нашъ Царевичъ Князь Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Русіи, по сей грамотѣ царицу старицу Александру пожаловали, сеѣ у неѣ грамоты рудити не велѣли никому ничѣмъ, а велѣли ходити по тому, какъ въ сей грамотѣ писано». 25 іюня 1599 г. Борисъ «для своего царскаго вѣнца и многолѣтняго здравія, и для сына своего царевича кн. Ѳеодора Борисовича всеа Русіи многолѣтняго здравія» освободилъ всѣхъ живущихъ въ Сибири ясачныхъ людей отъ взимаемой съ нихъ подати мягкою рухлядью.

Царь Борисъ не только самъ нѣжно любилъ сына, но желалъ, чтобы всѣ какъ русскіе подданные, такъ и пріѣзжіе иностранцы, его любили, а потому, по выраженію Карамзина, «въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе».

У Бориса были сношенія съ имперіей Нѣмецкой (теперешней Австріей), съ Польшей, Швеціей, Англіей, Шотландіей, Грузіей и Крымомъ. Мы не станемъ останавливаться на этихъ сношеніяхъ подробно, такъ какъ о нихъ умѣстно говорить въ біографіи Бориса Годунова. Упомянемъ лишь о томъ, что относится непосредственно къ Ѳеодору Борисовичу.

1) *Сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ.* Въ 1599 г. отправленъ былъ къ нѣмецкому императору думный дьякъ АѳанасійВласьевъ съ грамотой о воцареніи Бориса. Власьеву оказали хорошій пріемъ, и эрцегерцогъ Максимиліанъ позвалъ его къ себѣ однажды на обѣдъ; чашу за здоровье Бориса и императора Рудольфа эрцгерцогъ выпилъ стоя, а затѣмъ сѣлъ и, наливъ другую чашу, сказалъ: «дай Господи, здоровъ былъ и счастливъ царевичъ кн. Ѳеодоръ Борисовичъ на многіе лѣта, а съ нами бъ былъ въ ссылкѣ и въ любви». Въ 1601 г. пріѣзжалъ въ Москву посланникъ нѣмецкаго императора Шель; встрѣчалъ его за Тверскими воротами и привѣтствовалъ отъ царя и царевича дворянинъ Петръ Владимировичъ Благово. 21 мая Шель былъ на отпускѣ у Бориса; въ этотъ день, вслѣдствіе пріема грузинскихъ пословъ, царь и царевичъ Ѳеодоръ сидѣли въ Грановитой палатѣ въ царскомъ платьѣ и въ діадимѣ. Мих. Глѣб. Салтыковъ «явилъ» Шеля имъ обоимъ. Въ 1604 г., въ ожиданіи пріѣзда гонца отъ императора Рудольфа, Борисъ съ сыномъ поѣхалъ 28 мая молиться въ Троице-Сергіевъ монастырь, о чемъ и велѣлъ сказать гонцу. По возвращеніи въ Москву, царь и царевичъ приняли гонца въ Золотой палатѣ: они сидѣли на своихъ царскихъ мѣстахъ (слѣдовательно было два престола) въ «смирныхъ», т. е. по теперешнему траурныхъ бархатныхъ гладкихъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ, для выраженія скорби по случаю кончины сестры Бориса, вдовы царя Ѳеодора Іоанновича, царицы Ирины, въ постриженіи инокини Александры. Каждый изъ нихъ спросилъ гонца про здоровье императора и пожаловалъ ему по сороку соболей; что касается кубковъ, которыми гонецъ имъ ударилъ челомъ, то они, по государеву приказу, отвезены были ему назадъ.

2) *Сношенія съ Польшей.* 16 октября 1600 г. торжественно въѣхало въ Москву польское посольство, во главѣ котораго находился литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, уже ранѣе бывавшій въ Россіи. Подъ предлогомъ болѣзни, царь долго не принималъ пословъ; ихъ представили наконецъ 26 ноября, и возлѣ Бориса сидѣлъ царевичъ Ѳеодоръ. Послѣ представленія все еще медлили съ переговорами. 3 декабря послы явились во дворецъ, но на царскомъ мѣстѣ нашли не Бориса, а сына, его, окруженнаго боярами и думными людьми, который и объявилъ посламъ, что отецъ его приказалъ своимъ боярамъ вести съ ними переговоры. Такой пріемъ былъ конечно необыченъ, но послы уже знали, что Борисъ всюду постоянно выдвигаетъ сына; напр., имъ говорили неоднократно: «Вел. государь, царь и вел. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ всея Русіи самодержецъ и сынъ его царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ жалуютъ васъ своимъ обѣдомъ». Лишь въ августѣ 1601 г. заключили съ Польшей перемиріе на двадцать лѣтъ; взять съ короля Сигизмунда присягу въ соблюденіи перемирія отправились бояринъ Мих. Глѣб. Салтыковъ и думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ. По приказанію Бориса, Салтыковъ сказалъ панамъ рада, что перемиріе заключается вслѣдствіе челобитья царевича. Пируя въ январѣ 1602 г. въ день отпуска въ королевскомъ дворцѣ, Салтыковъ и Власьевъ видѣли сына Сигизмунда, Владислава, которому было въ то время 7 лѣтъ. Они выразили

желаніе поцѣловать у него руку; Владиславъ всталъ съ мѣста, снялъ шапку, велѣлъ кланяться царевичу Ѳеодору и сказать ему, что хочетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ.

3) *Сношенія съ Англіей и Шотландіей.* 15-го мая 1600 г. былъ отправленъ въ Англію къ королевѣ Елизаветѣ посланникъ Гр. Ив. Микулинъ и подьячій Ив. Зиновьевъ. Ихъ встрѣтилъ въ Лондонѣ съ великою честью совѣтникъ королевы, лордъ Харбертъ (William Herbert, earl of. Pembroke) и спрашивалъ про здоровье царя и царевича; королева, когда они ей представлялись въ началѣ своего пребыванія, тоже спрашивала про здоровье царя и всѣхъ членовъ его семьи, каждаго порознь, а при отпускѣ послала имъ поклоны. Въ бытность въ Англіи у Микулина зашла рѣчь съ посломъ шотландскаго короля Іакова относительно «любительской ссылки» между шотландскимъ королемъ и царемъ Борисомъ Годуновымъ. Микулинъ заявилъ, что Борисъ желаетъ соединенія всѣхъ христіанскихъ государей, чтобы стоять за одно противъ басурманъ, и прибавилъ, что къ царю и къ царевичу Ѳеодору многіе государи присылаютъ своихъ пословъ и посланниковъ поздравлять и просить, чтобы царь былъ съ ними «въ братской любви, и въ ссылкѣ, и въ крѣпкой дружбѣ и въ соединеньѣ». По возвращеніи Микулина въ Москву въ томъ же 1600 г. ожидали пріѣзда посла королевы Елизаветы Ричарда Лея черезъ Архангельскъ. Велѣно быдо приставу Воейкову, отправленному встрѣчать посла, отвѣтить на его вопросъ о царевичѣ: «Дай Господи! государь нашъ, великій государь царевичъ князь Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Русіи здоровъ былъ на многія лѣта, чтобъ ему, государю, жити неисчетныя лѣта; а нынѣ государь нашъ царевичъ, Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Русіи одиннадцати лѣтъ и Божьею помочью сѣлъ на конь». Воейковъ говорилъ Лею, что въ Россіи миръ и внѣшній и внутренній, что всѣ съ радостью служатъ царю и царевичу и что раньше никогда не бывало такого благоденствія.

17-го сентября 1601 г. королева Елизавета писала Борису, что хотѣла предложить въ невѣсты царевичу Ѳеодору одну изъ дочерей знаменитаго лорда Дэрби и съ сожалѣніемъ узнала о неравенствѣ лѣтъ: младшей графинѣ Дэрби уже 18 лѣтъ, а потому бракъ не можетъ состояться. Елизавета прибавила, что она съ радостью отдала бы за Борисова сына не только родственницу, но свою дочь, если бы имѣла таковую. Два года спустя, королева, предлагая ему руку знатной одиннадцатилѣтней англичанки, вызывалась немедленно прислать «парсуну» ея и другихъ лондонскихъ красавицъ и просила, чтобы царь не искалъ до того времени невѣсты для Ѳеодора. Борисъ отвѣтилъ, что желаетъ знать, кто невѣста, и родня ли королевѣ, и увѣрялъ, что многіе великіе государи добиваются чести соединить бракомъ своихъ дѣтей съ его семействомъ. Въ 1604 г. къ Борису пріѣхалъ отъ шотландскаго короля Іакова посланникъ Томасъ Смитъ. Онъ подробно описываетъ свое представленіе царю и царевичу, при чемъ говоритъ, что престолъ царевича не многимъ уступалъ въ великолѣпіи престолу его отца.

Дочь Бориса Ксенія была старше Ѳеодора, и Борисъ началъ пріискивать ей жениха съ 1599 г., когда вызвалъ въ Москву шведскаго принца Густава (сына Эрика XIV), изгнаннаго изъ Швеціи и жившаго въ Италіи. Послѣ торжественной встрѣчи въ Новгородѣ и Твери Густавъ былъ принятъ въ Москвѣ Борисомъ и поцѣловалъ на пріемѣ руку у него и у царевича. Когда Густавъ оказался человѣкомъ совершенно неподходящимъ, Борисъ предложилъ датскому принцу Іоанну, брату короля Христіана, пріѣхать въ Москву, чтобы сдѣлаться его зятемъ и удѣльнымъ княземъ. 28-го сентября Іоаннъ былъ на пріемѣ у царя въ Золотой палатѣ: Борисъ и Ѳеодоръ были въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты необыкновенной величины. Увидѣвъ принца, они встали, обняли его, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали. Во время обѣда въ Грановитой палатѣ царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ за серебрянымъ столомъ, подъ висящею короною съ боевыми часами, между Ѳеодоромъ и Іоанномъ. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы. Іоаннъ остался въ Москвѣ, а царь съ семьей отправился на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь; Ѳеодоръ ѣхалъ верхомъ, и лошадь его вели подъ уздцы. Девять дней пробыли они на богомольѣ; на обрат-

номъ пути, на стану въ Братовщинѣ, 16-го октября царь получилъ извѣстіе о болѣзни Іоанна. 19-го октября Ѳеодоръ посѣтилъ больного, который, несмотря на старанія докторовъ, умеръ 28-го октября отъ горячки. О тѣхъ слухахъ, которые ходили по случаю кончины датскаго принца, не распространяемся, потому что они касаются исключительно Бориса. 7-го ноября 1602 г., при пріемѣ гонца крымскаго хана, царь, царевичъ, а также весь дворъ были въ одеждѣ «смирной» вслѣдствіе кончины Іоанна. Двѣ недѣли спустя, 21-го ноября, Борисъ издалъ указъ, отъ имени своего и царевича, о дозволеніи крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить только къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работниковъ.

12-го іюня 1604 г. состоялся приговоръ Бориса съ патріархомъ Іовомъ, царевичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и царскимъ синклитомъ о высылкѣ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ, годныхъ на службу, противъ названнаго царя Дмитрія. Въ то время, какъ царскіе воеводы шли осаждать Кромы, гдѣ засѣли приверженцы Лжедмитрія и донскіе казаки съ атаманомъ Корелою, 13-го апрѣля 1605 г. скоропостижно умеръ царь Борисъ. Въ тотъ же день патріархъ Іовъ со всѣмъ духовенствомъ, бояре и всякихъ чиновъ люди нарекли на царство Ѳ. Б. Присяга ему дана была такая же, какъ и его отцу, т. е. не ему одному, а цѣлой семьѣ, и изъ того обстоятельства, что имя царицы Марьи Григорьевны поставлено впереди, не слѣдуетъ выводить заключенія, что Ѳеодоръ вступилъ на престолъ подъ ея опекою. Послѣ обязательства не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича прибавлено: «И къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ, не приставати, и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись ни на какое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никакого не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что называется княземъ Дмитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти». Въ грамотахъ архіереямъ о молебствіи за новаго царя вступленіе на престолъ Ѳеодора передается такъ же, какъ разсказывалось о вступленіи на престолъ его отца: «по преставленіи великаго государя нашего, святѣйшій Іовъ и весь освященный соборъ и весь царскій синклитъ, гости и торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства, вел. госуд. царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ; также и государю царевичу били челомъ, чтобъ пожаловалъ, по благословенію и приказу отца своего, былъ на Россійскомъ государствѣ царемъ и самодержцемъ. И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила, да и государь царевичъ, по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей, насъ пожаловалъ, на Московскомъ государствѣ сѣлъ». Опасаясь, что въ областяхъ произойдетъ какое-нибудь смятеніе по случаю присяги, въ грамотахъ, разосланныхъ воеводамъ, было прибавлено: «Берегли бы накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, и не было бъ ни одного человѣка, который бы намъ креста не цѣловалъ».

Новое правительство отозвало изъ подъ Кромъ кн. Мстиславскаго и князей Шуйскихъ, оставило тамъ двухъ князей Голицыныхъ (Василія и Ивана Васильевичей), Мих. Глѣб. Салтыкова и Ив. Ив. Годунова и послало въ качествѣ главнаго воеводы кн. Мих. Петр. Катырева-Ростовскаго, а вторымъ воеводой большого полка назначило Петра Ѳеодор. Басманова. Вмѣстѣ съ кн. Катыревымъ-Ростовскимъ и Басмановымъ былъ отправленъ новгородскій митрополитъ Исидоръ, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ Ѳеодору. Прощаясь съ Басмановымъ, Ѳ. Б. выразилъ надежду, что онъ будетъ служить ему такъ же усердно, какъ служилъ его отцу. Басмановъ клялся въ вѣрности. Прибывъ въ станъ подъ Кромы 17-го апрѣля, онъ созвалъ войско, объявилъ о смерти Бориса и воцареніи Ѳеодора и обѣщалъ отъ его имени награды послѣ Борисовыхъ «сорочинъ». Митрополитъ Исидоръ возвратился въ Москву съ извѣстіемъ о присягѣ войска, но вскорѣ въ его рядахъ обнаружился поворотъ въ пользу Лжедмитрія, и Басмановъ, вмѣсто того, чтобы держать сторону Ѳ. Б., обратился къ войску съ рѣчью о

правахъ на престолъ того самаго *Дмитрія*, противъ котораго они сражались. Полки присягнули мнимому Дмитрію; Басмановъ, Салтыковъ, кн. Вас. Вас. Голицынъ и нѣкоторые другіе воеводы поѣхали къ нему навстрѣчу. Только немногіе не захотѣли нарушить присягу Ѳеодору и бѣжали въ Москву съ воеводами, князьями Катыревымъ-Ростовскимъ и Телятевскимъ.

Въ разныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства стали распространяться слухи о намѣреніи Лжедимитрія итти къ Москвѣ; напр. Углицкій воевода прислалъ отписку царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ и царю Ѳ. Б., что черный попъ Антоній распускаетъ слухи, будто бы Лжедмитрій пишетъ въ грамотахъ: «а язъ де буду къ Москвѣ какъ станетъ на деревѣ листъ разметыватца». Если бы Ѳ. Б. сознавалъ ту опасность, которая на него надвигается, то долженъ бы былъ стать во главѣ войска, оставшагося ему вѣрнымъ, и итти противъ Лжедмитрія. Московское правительство не принимало однако никакихъ мѣръ для охраны юнаго царя и столицы и ограничивалось тѣмъ, что перехватывало гонцовъ, присылаемыхъ Лжедмитріемъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ онъ убѣждалъ покориться ему, какъ истинному государю, и истребить его враговъ Годуновыхъ. 1-го іюня два смѣльчака, Плещеевъ и Пушкинъ, явились въ подмосковное Красное село, а оттуда, въ сопровожденіи многочисленной толпы, отправились въ Москву и съ Лобнаго мѣста во всеуслышаніе прочитали грамоту Лжедмитрія, въ которой, между прочимъ, сказано было слѣдующее: «А измѣнники наши Марья Борисова жена Годунова, да сынъ его Ѳеодоръ о нашей землѣ не жалѣютъ, да и жалѣти имъ было нечего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе городы и уѣзды разориша и православныхъ христіянъ не въ винѣ побили». Грамота Лжедмитрія подѣйствовала на толпу зажигающимъ образомъ: рѣшили принести ему повинную, а Годуновыхъ взять подъ стражу. Нѣкоторые бояре, по совѣту патріарха, вышли на Лобное мѣсто съ увѣщаніями, но ничего не достигли. Мятежники вломились во дворецъ и стащили Ѳеодора съ престола; въ хронографѣ сказано: «Возшумѣша аки лютая буря, и предобраго царя, Ѳеодора Борисовича, аки не возрастшаго и присно цвѣтущаго финика немилосердыма рукама отъ престола Царьскаго отторгнуша. Мати же его терзаше власы главы своея и умильно народу моляшеся о сыну своемъ, дабы пощадили, не предали смерти». Можетъ быть мольбы матери подѣйствовали: мятежники пощадили жизнь Годуновыхъ, но вывели ихъ изъ дворца въ Кремлевскій домъ Бориса и приставили стражу. Всѣхъ родственниковъ Годуновыхъ заключили въ тюрьму, имущество расхитили, дома сломали. По свидѣтельству Мартина Бера (лютеранскаго пастора въ Москвѣ въ 1600—1612 г. г.), чернь намѣрена была разграбить царскіе погреба, но до этого не допустилъ ихъ Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки Ѳ. Б. Онъ направилъ чернь противъ нѣмцевъ, главнымъ образомъ врачей, внушивъ, что иноземные врачи были душою и совѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба всякими винами. Чернь набросилась не только на вина, но и на имущество нѣмцевъ, при чемъ пограблены были многія лица, которыя спрятали въ докторскихъ домахъ свои вещи, полагая, что онѣ будутъ тамъ сохраннѣе. Бѣльскимъ руководило чувство злобы: онъ пострадалъ при царѣ Борисѣ отъ руки его врача, капитана Габріеля, который, по царскому приказанію, выщипалъ ему бороду. Бориса и Габріеля не было въ живыхъ, и онъ выместилъ свою обиду на ни въ чемъ неповинныхъ людяхъ.

По свидѣтельству того же Бера, московскіе жители послали 3 іюня Лжедмитрію повинную грамоту. Черезъ недѣлю послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда не останется въ живыхъ никого изъ царской семьи. Въ тотъ же день, 10 іюня, князья Голицынъ и Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ, взявъ съ собою трехъ стрѣльцовъ, пошли въ домъ Бориса Годунова. Они развели Ѳеодора, его мать и сестру по разнымъ комнатамъ и велѣли стрѣльцамъ покончить съ бывшимъ царемъ и его матерью. Марью Григорьевну они тотчасъ удавили, а Ѳеодоръ, какъ обладавшій необыкновенной силой, долго боролся съ убійцами, которые едва одолѣли его. Москвѣ объявили, что они сами отравились. Царевну Ксенію, по приказанію Лжедмитрія, помѣстили къ кн. Мосальскому. О кончинѣ Ѳеодора читаемъ въ хронографѣ:

«Ѳеодоръ же вмалѣ послѣ отца своего царскія державы насладися, и тако, аки тихъ овенъ на ничто же злобу имуще, скончася; о немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житіе». Ѳеодора и его мать похоронили на Срѣтенкѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ св. Варсонофія; туда же перенесли и тѣло Бориса, погребеннаго въ Архангельскомъ соборѣ, при чемъ предварительно переложили въ простой деревянный гробъ. Беръ пишетъ, что черезъ 1 годъ и 3 мѣсяца, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, Годуновыхъ торжественно перенесли въ Троице-Сергіевъ монастырь. Гробъ Бориса, принявшаго передъ смертью монашество съ именемъ Боголѣпа, несли 20 монаховъ; гробы Ѳеодора и Марьи Григорьевны—40 бояръ. За ними слѣдовали въ печальномъ шествіи матери-монахини, священники и бояре до Троицкихъ воротъ; тамъ бояре сѣли на лошадей, а тѣла положили на сани.

«Во времена же его (пишетъ кн. Хворостининъ о Ѳеодорѣ) и предъ смертію отца его быша знаменія многа комитнаго указанія: овогда копейнымъ образомъ; овогда двѣ луны, и една едину побораше; овогда на царственномъ дворѣ его въ нощи коегождо часа отъ храма боголѣпнаго Преображенія Спасова и отъ двора его исхождаше свѣтъ, взимашеся на высоту. И тако разумѣхомъ, яко присѣщеніе Божіе отъяся отъ нихъ, и власть милости Божія отъиде отъ дому ихъ».

У современниковъ сложилось убѣжденіе, что Ѳ. Б. и мать его Марья Григорьевна погибли за грѣхи Бориса и что «праведная кровь царевича Дмитрія» требовала такой же «чистой крови», а потому въ смерти Ѳеодора видѣли Божественную кару.

Въ заключеніе приведемъ отзывы о Ѳ. Б. кн. Ив. Андр. Хворостинина, кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго и одного хронографа. Кн. Хворостининъ въ своихъ «Словесахъ дней царей и святителей Московскихъ» отдаетъ должное по ихъ заслугамъ и Борису Годунову, и его сыну Ѳеодору, о которомъ говоритъ слѣдующее: «Благородный, свѣтлѣйшій юноша образомъ же, и саномъ, и словесемъ, и отеческимъ наказаніемъ, и книжнымъ почитаніемъ искусенъ бывъ». Отзывъ кн. Хворостинина любопытенъ, какъ отзывъ человѣка, принадлежавшаго по нашей теперешней терминологіи къ «западникамъ». Онъ увлекался польскими порядками и римскимъ католичествомъ, а русскихъ людей называлъ «дураками», невѣждами и недобросовѣстными, утверждая, что они «сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью», и составлялъ въ этомъ смыслѣ укоризненныя вирши. Въ «Повѣсти» кн. Катырева-Ростовскаго читаемъ: «Царевичъ Ѳеодоръ отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивной на селѣ, отъ Бога преукрашенъ, яко кринъ въ полѣ цвѣтущъ; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся; возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ. Наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо устъ его исхождаше; о вѣрѣ же и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше». Кн. Катыревъ-Ростовскій принадлежалъ къ высшей московской знати XVI—XVII вв., а по женѣ (Татьянѣ Ѳеодоровнѣ Романовой † 1611 г.) къ видной и вліятельной въ концѣ XVI и началѣ XVII в. партіи Романовыхъ. Несмотря на это, онъ отличается большою объективностью въ своемъ «Сказаніи о смутномъ времени», указывая на достоинства Бориса Годунова и его сына Ѳ. Б. и отмѣчая недочеты въ характерѣ своего тестя, Ѳеодора Никитича Романова (впослѣдствіи патріарха Филарета). Въ *Хронографѣ* о Ѳ. Б. сказано: «Тогда ему сущу 16-ти лѣтъ. Аще убо и юнъ сый лѣтными числы, но смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ: бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякого философскаго естественнословія, и о благочестіи присно упражняшеся; злобы жь и мерзости и всякого нечестія отнюдь ненавистенъ бысть; тѣлесною же добротою возраста и зрака благолѣпною красотою аки кринъ въ терніи паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не тартарный мразъ цвѣтъ благородія его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду чудесну въ добрѣ всячественномъ».

Болѣе полутора года прошло послѣ смерти Ѳ. Б. и его матери, когда царь Василій Ивановичъ Шуйскій, съ общаго совѣта, опредѣлилъ звать въ Москву бывшаго патріарха Іова для *великаго земскаго дѣла*. 20 февраля Іовъ явился изъ своего заточенія въ Старицкомъ монастырѣ, куда былъ отправленъ мятежниками въ 1605 г., передъ убіеніемъ Ѳ. Б. Въ Успенскій Со-

боръ прибыли царь, всѣ духовныя и свѣтскія власти и несмѣтное множество народа. Іову была поднесена бумага отъ имени народа, въ которой народъ винилъ себя во многихъ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ Богомъ на Россію, и просилъ святителя отпустить ему, именемъ Божіимъ, всѣ грѣхи. Въ одномъ только оправдывался народъ—въ убіеніи Ѳ. Б. «И того мы своего государя Ѳеодора Борисовича и матерь его царицу Марью и царевну Ксенью.... Гришкѣ Отрепьеву выдали, и воръ Гришка нада ними мучительски творилъ, какъ хотѣлъ: Государя нашего Ѳеодора съ матерью его смерти предалъ».

«Лѣтопись о многихъ мятежахъ». Изд. 2-е. М. 1788 г., стр. 87—94, 191—192, 313—314.—«С. Г. Г. и Д.», т. II, стр. 151—157, 164, 187—190, 192, 341, 346.—«Акты Ист.», т. т. I, II и IV.—«Р. Ист. Библ.», т. XIII.—«Изборникъ слав. и рус. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы рус. редакціи». Собр. и изд. *А. Поповъ*, М. 1869 г., стр. 290—292.—*Ѳедотовъ-Чеховскій*, «Акты, относящ. до гражд. расправы въ древн. Россіи», Кіевъ. 1860 г., т. I, стр. 222, 300, 315.—«Памятники диплом. снош. съ Римскою имперіею». Спб. 1852 г., т. II.—«Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 38.—«Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ». Спб. 1837 г., ч. I.—*Беръ*, ч. III. *Маржеретъ*, *Джонъ Мильтонъ* (знаменитый авторъ «Потеряннаго и Возвращеннаго рая»). Московія. Переводъ съ англійскаго помѣщ. въ «Чт. М. О. И. и Д. Р.», 1874 г., кн. 3.—*Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. т. X—XII.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. VIII.—*С. Ѳ. Платоновъ*, «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историч. источникъ», Спб. 1888 г.

В. Корсакова.

Ѳеодоръ Борисовичъ, кн. волоцкій, владѣлъ по духовной своего отца Волокомъ, Ржевой, Рузой и проч. городами. Въ 1497 г. Ѳ. вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, черезъ митрополита Симона, билъ челомъ вел. кн. Ивану III о замѣнѣ селъ московскихъ, доставшихся имъ по наслѣдству, на тверскія, лежавшія ближе къ ихъ удѣлу; вслѣдствіе этого ходатайства Борисовичи получили Буйгородъ и Колпь. Когда въ 1499 г. между Москвой и Литвой произошелъ полный разрывъ и въ слѣдующемъ году открылись военныя дѣйствія, то въ нихъ приняли участіе оба брата Борисовича въ качествѣ начальниковъ великокняжескихъ войскъ; войска разбили литовцевъ близъ Ловати и взяли г. Торопецъ. Въ 1502 и 1506 г.г. Ѳ. участвовалъ въ неудачныхъ походахъ кн. Дмитрія Ивановича подъ Смоленскъ (когда они за недостаткомъ продовольствія должны были удалиться отъ Смоленска) и на Казань (когда войска, вслѣдствіе неосмотрительности предводителей, были побиты и прогнаны), а въ 1512 г. въ походѣ Василія Ивановича подъ Смоленскъ. Ѳ. Б. получилъ печальную извѣстность своими притѣсненіями, по корыстнымъ побужденіямъ, Іосифо-Волоколамскаго монастыря, о чемъ Іосифъ безрезультатно жаловался сильнымъ міра, пока по повѣленію великаго князя монастырь не былъ изъятъ изъ вѣдѣнія Ѳ. Б. Умеръ Ѳ. въ маѣ 1513 г. бездѣтнымъ и удѣлъ его присоединенъ былъ къ великому княжеству.

«ПолноеСобр. Русскихъ Лѣтописей», т. IV, стр. 282; т. VI, стр. 49, 244, 249, 253; т. VII, стр. 229, 239; т. VIII, стр. 6, 244, 246, 253.—*Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. VI, стр. 130, 187, 196; прим. 484, 493, 512, 541, 561, 629; т. VII, прим. 9, 94, 370, 383. — *Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья», т. I, стр. 273; т. II, стр. 43, 357, 359—361.—*Соловьевъ*, «Истор. Россіи», кн. I, стр. 1400, 1401, 1468, 1650, 1700, 1701.

Ѳеодоръ Глѣбовичъ, московскій бояринъ XIV в. Въ 1348 г., вмѣстѣ съ двумя другими послами, Ѳедоромъ Шубачевымъ и Аминемъ, отправленъ былъ въ орду къ царю Чанибеку съ жалобою великаго князя московскаго Семена Ивановича на литовскаго князя Ольгерда, разорявшаго великокняжескую вотчину. Посольство Ольгерда, во главѣ съ братомъ послѣдняго Корьядомъ, въ это время также находилось въ ордѣ, гдѣ хлопотало о заключеніи союза съ ханомъ, вѣроятно, противъ нѣмцевъ. Хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ московскіе послы склонили хана выдать литовскихъ посланцевъ великому князю Семену Ивановичу. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Ѳ. Г. въ сопровожденіи татарскаго киличея Тотуя вернулся въ Москву, куда былъ имъ привезенъ и князь Корьядъ съ литовской дружиною.

«Полн. Соб. Р. Лѣт.», т. IV, стр. 59; т. VII, стр. 215.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. IV, прим. 349.

А. Г.

Ѳеодоръ (Иванъ) Глѣбовичъ, ратный воевода великаго князя московскаго Василія Дмитріевича. Въ 1401-мъ, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1405-мъ году поставленъ былъ съ Иваномъ Андреевичемъ Удою во главѣ рати, посланной въ татар-

скія мѣста для розысковъ и поимки непокорнаго суздальскаго князя Семена Дмитріевича. Въ мордовской землѣ воеводы настигли его жену, княгиню Александру, и дѣтей. Отнявъ у нихъ все цѣнное, Ѳ. Г. и Иванъ Уда распорядились отправить плѣнниковъ въ Москву, что заставило и непокорнаго князя Семена примириться съ волею великаго князя Василія.

«Полн. Собр. Р. Лѣт.», т. IV, стр. 108, 145; т. V, стр. 253; т. VI, стр. 231; т. VIII, стр. 75.— *Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Гос. Рос.», т. V, прим. 146.

А. Г.

Ѳеодоръ Даниловичъ Ахмылъ (см. **Ахмылъ**).

Ѳеодоръ Даниловичъ, бояринъ князя новгородскаго Ярослава Всеволодовича. Одинъ изъ приближенныхъ къ князю людей, которому князь довѣрилъ своихъ дѣтей (Ѳеодора и Александра), оставленныхъ въ Новгородѣ послѣ того, какъ самъ Ярославъ покинулъ Новгородъ. Ѳ. Д. съ тіуномъ Якимомъ должны были пережить въ Новгородѣ трудное время обостренной партійной борьбы. Княжичи Ѳеодоръ и Александръ были еще несовершеннолѣтни, и Ѳ. Д. пришлось принять на себя всю отвѣтственность за возможныя политическія осложненія въ Новгородѣ. Положеніе его въ городѣ было настолько тяжело, что онъ вмѣстѣ съ тіуномъ Якимомъ и обоими княжичами ночью убѣжалъ изъ Новгорода, возбудивъ своимъ бѣгствомъ подозрительные толки въ городѣ.

«П. С. Р. Л.», т. I, стр. 219; т. III, стр. 43—44; т. IV, стр. 29; т. V, стр. 173; т. VII, стр. 134; т. X, стр. 96; т. XV, стр. 350—351.— *А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», т. I, стр. 29, 282.— *Бѣляевъ*, «Разск. изъ русской ист.», т. II, стр. 307.

Б. Г.

Ѳеодоръ Даниловичъ, св. преподобный князь Острожскій, жилъ въ XV вѣкѣ и отличался особою ревностію въ защитѣ православія. Первымъ, исторически извѣстнымъ, княземъ острожскимъ былъ Данило, жившій въ срединѣ XIV вѣка, но историческіе памятники гораздо яснѣе обрисовываютъ мощную личность сына его Ѳеодора, положившаго прочное основаніе дальнѣйшему возвышенію своего рода. Еще до Ягайловской уніи кн. Ѳ. успѣлъ настолько выдвинуться, что былъ назначенъ старостою луцкимъ— на весьма важный тогда «урядъ», при чемъ острожскій обязался никому не отдавать города, кромѣ одного только Ягайлы. Ѳ. Д. былъ королевскимъ любимцемъ и былъ богатымъ землевладѣльцемъ: по грамотамъ 1386, 1390, 1393 и 1396 гг. онъ владѣлъ Острогомъ, Корцемъ, Заславлемъ, Хлапотиномъ, Иваниномъ, Хрестовичемъ, Краснымъ, Крупою и мн. др. городами. Въ 1420 г. кн. Ѳ. вновь появляется на исторической сценѣ въ крайне симпатичной роли защитника родины и ея завѣтовъ противъ поляковъ и латинства. Онъ освобождаетъ изъ кременецкаго замка Свидригайлу, принуждаетъ Витовта дать ему удѣлъ, а послѣ смерти Витовта напрягаетъ всѣ силы къ тому, чтобы доставить Свидригайлѣ великокняжескій престолъ, помогая ему въ борьбѣ съ Польшею. Какъ ярый противникъ Сигизмунда, кн. Ѳ. Д., съ удивительною для его лѣтъ энергіею, наносилъ одно за другимъ пораженія полякамъ, отнялъ у нихъ Подолье, въ 1432 г. выдержалъ упорную битву на рѣкѣ Моравкѣ, поразилъ при Каменцѣ старосту бучацкаго, взялъ его въ плѣнъ, отнялъ у Кирдѣя Волынь и Луцкъ и опустошилъ окрестности Бреста Литовскаго. Неожиданно кн. Ѳ. Д. былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ поляками и заключенъ Свидригайлою въ тюрьму. Освободясь изъ тюрьмы бѣгствомъ, князь Ѳ. снова дѣлается ближайшимъ сотрудникомъ неблагодарнаго оскорбителя, наноситъ новыя пораженія полякамъ и очищаетъ отъ нихъ Подолье и Волынь. Передавши и славу свою сыну Василію, Ѳ. постригся въ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ съ именемъ Ѳеодосія и скончался въ богоугодныхъ подвигахъ послѣ 1441 года. Св. мощи его покоятся въ кіевскихъ дальнихъ пещерахъ; память его чтится 11 и 28 августа. Въ 1889 г. часть мощей его была перенесена на Волынь и поставлена въ Житомірскомъ соборѣ.

А. Ярушевичъ, «Ревнитель православія кн. Конст. Ив. Острожскій и правосл. литов. Русь въ его время», стр. 29, 48-49. (Смоленскъ, 1897 г.) — *Барсуковъ*, — «Источники русской агіографіи».— *Леонидъ*, «Св. Русь».—«Краткія сказанія о жизни и подв. св. отцевъ дальнихъ пещеръ».— *А. Блудовъ*, графъ., «Сказаніе о препод. Ѳеодорѣ, кн. Острожскомъ». 1871 г.— *Модестъ, игум.*, «Краткія сказанія о жизни и подвигахъ св. отцевъ дальнихъ пещеръ Кіево-Печерской лавры. Кіевъ, 1862 г., стр. 61, 70.— *Филевичъ Ив.*, «Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Володимірское наслѣдство». Спб. 1890 г.— *Филаретъ*., «Жизнеописаніе русскихъ святыхъ», августъ.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ Евстафьевичъ *(Остафьевичъ)*, бояринъ новгородскій XV вѣка. Въ 1435 г. онъ стоялъ во главѣ рушанъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Буйносовымъ во время соединеннаго похода новгородцевъ, рушанъ и порховичей противъ Ржевы, не платившей Новгороду дани. Послѣ похода Ѳ. благополучно возвратился домой.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 111; т. IV, стр. 121.—«Новгородская лѣтоп. по Синод. харат. списку», стр. 416.

Ѳеодоръ Елисѣевичъ (*Ѳедоръ Олисиевицъ*), новгородскій тысяцкій XV вѣка. Въ лѣтописяхъ упоминается подъ 6942 и 43 годами. Въ 1434 г. 22-го іюля онъ вмѣстѣ съ посадникомъ новгородскимъ Самсономъ Ивановичемъ «цѣловалъ крестъ за весь Великій Новгородъ и за всѣ пригороды и за вси волости» предъ псковскими послами, пришедшими просить у Новгорода мира, который и былъ заключенъ въ томъ же году. Въ 6943 (1435 г.) Ѳ. Е. находился въ числѣ воеводъ новгородскихъ, ходившихъ «казнить Ржевицъ». Послѣ похода на Ржеву «Божіей помощью, пріидоша въ Новъгородъ вси здрави и съ полономъ».

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 111; т. IV, стр. 209; т. XII, стр. 21; т. XVI, стр. 179.—«Новг. Лѣтоп. по Харат. списку», стр. 416.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», т. I, стр. 379.

Б. Г.

Ѳеодоръ Жидовинъ, иначе *Новокрещеной*, писатель XV вѣка, авторъ «Посланія» къ евреямъ, написаннаго въ отвѣтъ на ихъ письменный запросъ «о взысканіи истиннаго пути и вѣры христіаньскыя», и перевода на ц.-славянскій яз. сборника еврейскихъ молитвъ, подъ названіемъ: «Книги, глаголемыя Псалтырь». Изъ личныхъ отступленій автора въ Посланіи извѣстно, что онъ былъ родомъ еврей и крестился въ православную вѣру въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, будучи «потвержденъ» къ тому «великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, русскымъ царемъ, потвердникомъ христіаньскыя вѣры и проводителемъ къ небесному царствію, и благословеніемъ архіепископа нашего Іоны, митрополита кіевьскаго и всея Руси»,—слѣдовательно когда-то до 31-го марта 1461 г. То обстоятельство, что въ обращеніи Ѳ. принимали близкое участіе самъ великій князь и митрополитъ, какъ-бы показываетъ, что бывшій еврей въ какомъ-либо отношеніи,—наприм., по роду своихъ занятій, или личнымъ качествамъ;—представлялся этимъ высокимъ лицамъ значительнымъ человѣкомъ. Посланіе написано при Іонѣ, митрополитѣ всея Руси, т. е. между 15-го декабря 1448 г. и 31-го марта 1461 г., можетъ быть, немного времени спустя послѣ крещенія («40 лѣтъ ходихъ... во тмѣ, нынѣ же пакы узрѣхъ... истиннаго Бога»); содержаніе его составляютъ убѣжденная проповѣдь истинности одного христіанства и рѣзкое осужденіе іудейства, которое приравнивается къ состоянію «свиньи, иже въ грязи почиваетъ»; изъ текста сочиненія, между прочимъ, видно, что Ѳ. ради христіанства порвалъ со «своимъ родомъ и своимъ имѣніемъ»; матеріалъ, употребленный въ качествѣ доказательства истинности христіанства, обнаруживаетъ въ авторѣ пытливое изученіе новой вѣры по первоисточникамъ и литературѣ (знакомство со священнымъ писаніемъ, минеями, сборниками, евангеліемъ Никодима и пр.). Въ послѣсловіи къ переводу молитвъ говорится, что онъ составленъ по «благословенію и приказанію Филиппа, митрополита всея Руси», т. е. между 11-го нояб. 1464 г. и 5-го апр. 1473 г., когда святительствовалъ м. Филиппъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что авторъ былъ близокъ къ м. Филиппу и исполнялъ (по крайней мѣрѣ, одинъ разъ исполнилъ) его литературныя порученія. Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что имя м. Филиппа употреблено здѣсь съ цѣлью ввести въ заблужденіе легковѣрныхъ читателей-христіанъ, такъ какъ Псалтырь является богослужебною книгою жидовствующихъ, о которой якобы упоминается въ извѣстномъ посланіи архіеп. новгор. Геннадія къ сарскому еп. Прохору, а самъ Ѳ.—никто иной, какъ еретикъ-жидовствующій, прикрывающійся лишь именемъ христіанина. Это мнѣніе, помимо свидѣтельства «Посланія» Ѳ. о христіанской настроенности автора, опровергается, во-первыхъ, несоотвѣтствіемъ ссылки на Геннадія, говорящаго не о сборникѣ еврейскихъ молитвъ, а настоящей Псалтыри Давидовой, лишь приспособленной жидовствующими для своихъ цѣлей, и, во-вторыхъ—безразличнымъ для ученія жидовствующихъ содержаніемъ переведенныхъ Ѳ. молитвъ. Языкъ обоихъ памятниковъ показываетъ, что Ѳ. пришелъ откуда-то съ запада Россіи, вѣроятнѣе всего

изъ Литвы; покровительство же ему в. князя и митрополитовъ ведетъ къ предположенію, что онъ жилъ тамъ же, гдѣ жили его покровители. Кромѣ указанныхъ произведеній, Ө-ру приписываются, болѣе или менѣе рѣшительно, еще исправленіе славянскаго перевода Пятокнижія по еврейскому тексту и переводъ кн. Эсфирь, но безъ достаточныхъ основаній.

Варлаамъ, архим., «Опис. рукоп. Кирилло-Бѣлозер. м.» («Учен. Зап. II отд. И. Акад. Наукъ», кн. V).—*Строевъ П.*, «Хронологич. указаніе матеріаловъ отечеств. исторіи, литературы, пропов. до начала XVIII ст.» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1834 г., февр.).—*Его же*, «Библіологическій словарь», ч. I, Спб. 1884 г.—*Филаретъ, архіеп.*, «Обзоръ рус. дух. лит.», ч. I, Спб. 1884 г.—*Горскій* и *Невоструевъ*, «Опис. славян. рукоп. москов. синод. библ.» I, М. 1855 г.—*Голубинскій Е. Е.*, «Исторія рус. ц.», т. II, кн. I, М. 1904 г.—*Тихонравовъ Н. С.*, Собр. сочин., т. I.—*Вишняковъ Н.*, прот., «Происхожденіе Псалтири», Спб. 1875 г.—*Амфилохій, еп.*, «Древнеслав. Псалтирь», т. III, М. 1881 г.—*Соколовъ М.*, «Посланіе Ө. Жидов.» («Чт. Общ. Ист. и Др. Р.», 1902 г.).—*Шамбинаго С. К.*, «Слѣды непосред. вліянія евреевъ, сказавшіеся въ памятникахъ др. письменности» («Помощь», сборн., Спб. 1903 г.).—*Иловайскій Д. И.*, «Исторія Россіи», т. II, и «Соврем. Изв.», 1884 г., № 263.—*Евсѣевъ И. Е.*, «Книга пр. Даніила въ переводѣ жидовствующихъ» («Чтеніе О. И. и Др. Р.», 1902 г.).—*Его же*, «Замѣтки по др. славян. переводу Св. Писанія» («Извѣст. И. Ак. Н.», т. VIII, Спб. 1898 г.).—*Сперанскій М.*, «Псалтирь жидовствующихъ въ переводѣ Ө.—еврея» («Чт. Общ. Ист. и Др. Р.», 1907 г.).—*Соболевскій А. И.*, «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.» Спб. 1903 г.—*Его же*, Рецензія на изд.—«О ереси жидовствующихъ», М. 1902 г. («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1902 г., окт.).—*Его же*, Рецензія на вышеуказ. работу Сперанскаго («Ж. М. Н. Пр.,» 1907 г., нояб.).—*Перетцъ В. Н.*, «Новые труды о жидовствующихъ XV в. и ихъ литературѣ», Кіевъ, 1908 г.

Н. Т.

Өеодоръ Ивановичъ, св. благовѣрный князь стародубскій, сынъ князя Ивана Михайловича стародубскаго, родился въ городѣ Стародубѣ—Ряполовскомъ, нынѣ—село Кляземскій городокъ, Ковров. уѣзда, Владимір. губ. Св. Ө. былъ посланъ своимъ отцомъ въ орду, гдѣ онъ будто-бы «подвигнулъ хана Узбека къ умерщвленію князя Александра Мих. Тверского», но и самъ тамъ принялъ мученическую кончину. По повелѣнію хана Узбека, Ө. былъ убитъ 23 іюня 1330 года. Тѣло его было взято изъ орды для погребенія въ Стародубѣ, но лошади, везшія тѣло, остановились около села Алексина въ 15 верстахъ отъ Стародуба и дальше не повезли; тамъ онъ и погребенъ; потомство наименовало его «благовѣрнымъ».

Барсуковъ, «Источники русской агіографіи».—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—Мѣсяцесловъ святыхъ—архіеп. Димитрія.

К. Здр—въ.

Өеодоръ Ивановичъ, калмыкъ, баденскій придворный живописецъ, замѣчательный рисовальщикъ и граверъ офортомъ. По разсказамъ его, онъ былъ взятъ казаками въ Киргизской степи (ему было тогда 5 или 6 лѣтъ). Полагаютъ, что это случилось въ 1770 г. во время усмиренія Торноутскаго племени, которое, находясь подъ защитою Россіи, ушло въ этомъ году къ китайцамъ. Ө. И. былъ привезенъ въ Петербургъ и окрещенъ въ православную вѣру. Императрица Екатерина II подарила его баденской наслѣдной принцессѣ Амаліи (впослѣдствіи матери импер. Елисаветы Алексѣевны), и съ тѣхъ поръ онъ болѣе уже не возвращался въ Россію. По его признанію, онъ очень любилъ русскихъ и жалѣлъ, что ему не довелось прожить весь вѣкъ въ Россіи. Разсказываютъ, что онъ былъ въ отчаяніи, когда въ 1813 г. проходили черезъ Германію русскія войска, и онъ не въ состояніи былъ говорить съ ними по-русски. Ө. И. сперва отдали въ училище въ Карлсруэ, а потомъ въ филантропическое заведеніе въ Маршлинцѣ. Затѣмъ его стали было обучать медицинскимъ наукамъ, но у него вдругъ обнаружились художественныя способности, такъ что въ его призваніи къ искусству нечего было сомнѣваться. Его стали учить рисованію и живописи сначала подъ руководствомъ придворнаго живописца Меллита, а потомъ подъ руководствомъ директора галлереи Беккера. Когда Ө. И. получилъ достаточныя свѣдѣнія въ живописи, онъ отправленъ былъ въ Римъ для усовершенствованія, гдѣ и оставался болѣе семи лѣтъ. Здѣсь въ короткое время онъ сдѣлался знаменитъ, особенно послѣ того, какъ награвировалъ бронзовыя двери съ барельефами на ветхозавѣтные тексты, которыя сдѣлалъ Гиберти въ флорентинскую крестильню. Въ Римѣ же онъ получилъ предложеніе отъ извѣстнаго лорда Эльгина сопутствовать ему въ Грецію для списыванія знаменитыхъ памятниковъ древности. Окончивъ съ успѣхомъ это путешествіе, Ө. И. возвратился съ Эльгинымъ въ Лондонъ, гдѣ наблюдалъ надъ грави-

ровкою собранныхъ имъ рисунковъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ онъ возвратился въ Карлсруэ и опредѣленъ былъ ко двору въ живописцы. Умеръ Ѳ. И. въ 1821 г., оставивъ нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ, между ними, напр., отличные рисунки музъ. Ему же принадлежатъ гравюры: «Снятіе со креста» и «Страшный Судъ»; 6 офортовъ съ антиковъ: 1) орелъ схватилъ собаку; 2) орелъ терзаетъ зайца; 3) орлица съ орлятами; 4) Ганимедъ кормитъ орла; 5) Геркулесъ убиваетъ Нессуса и 6) слава. Но самымъ лучшимъ его произведеніемъ является его собственный портретъ, сдѣланный имъ, вѣроятно, въ Англіи въ первыхъ годахъ XIX ст.; этотъ портретъ необыкновенно высоко цѣнится художниками за его правдивость и простоту.

В. Стасовъ, «Арапъ Петра I и калмыкъ Екатерины II» («С.-Петербургскія Вѣдомости», 1861 г., № 191 и отдѣльный оттискъ).— «Отечественныя Записки», 1823 г., № 42.— *Д. А. Ровинскій*, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.», стр. 803—804.

Ѳеодоръ Ивановъ, діаконъ, одинъ изъ первыхъ раскольническихъ вождей и писателей, ум. 14 апр. 1682 г. Въ средѣ раскола онъ не безъ основанія считался человѣкомъ «паче иныхъ въ божественномъ писаніи потрудившимся и много полезное о церкви вѣдущимъ», мужемъ «книгочтенія всепотщательнаго и разсужденія добросіятельнаго». Хорошо зналъ вѣроученіе, священныя и божественныя книги и отеческія писанія, душеполезныхъ книгъ «читалъ... десятковъ шесть», въ самомъ началѣ раскольническаго движенія дѣлалъ спеціальныя изысканія въ пользу его во «многихъ харатейныхъ древнихъ книгахъ» и въ «печатныхъ всѣхъ тоже... и въ кіевскихъ, и въ сербскихъ, и въ болгарскихъ, и въ острожскихъ», «граматику зналъ отчасти» и имѣлъ нѣкоторыя познанія даже въ языкахъ греческомъ и латинскомъ. Какъ писатель, Ѳ. обнаружилъ умѣніе основательно и ясно писать. Біографическія свѣдѣнія о немъ до выступленія на защиту старой вѣры крайне незначительны и отрывочны. Изъ показанія его на одномъ изъ допросовъ по обвиненію въ принадлежности къ расколу извѣстно, что онъ былъ сынъ попа Ивана, который «служилъ въ вотчинѣ боярина кн. Никиты Ивановича Одоевскаго въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ селѣ Колычевѣ; а онъ..., Ѳедка, съ нимъ жилъ у церкви Покрова Пр. Богородицы; а переведенъ отецъ ево изъ ево жъ боярской вотчины, изъ села Троицкаго»; «послѣ мороваго повѣтрія» въ 1654 г., когда, можетъ быть, умеръ его отецъ, а самъ онъ еще не принялъ священнаго сана, «была... на него запись такая, что было ему жить за князь Сергѣемъ Михайловичемъ Одоевскимъ, а написано въ той записи, бутто онъ крестьянскій сынъ, и та запись взята на него поневолѣ». Освободившись отъ послѣдствій этой записи, Ѳ. служилъ гдѣ-то діакономъ до 1658 г., когда по «переходжей грамотѣ» былъ перемѣщенъ на діаконское мѣсто къ придѣлу собора Пр. Богородицы въ Благовѣщенскомъ соборѣ, что у великаго государя на сѣняхъ. Съ этимъ перемѣщеніемъ Ѳ. становился въ непосредственную близость къ богомольному царю и кружку группировавшихся около послѣдняго наиболѣе выдающихся духовныхъ лицъ. Возможно, что этимъ перемѣщеніемъ онъ обязанъ былъ своимъ выдающимся качествамъ и что на новомъ мѣстѣ ему давали какія-нибудь особыя порученія, выходившія за предѣлы его службы. По крайней мѣрѣ, на одномъ изъ допросовъ онъ ссылается, какъ на нѣчто извѣстное правительству, на свою командировку въ Переяславль Рязанскій. Первое время своей службы при соборѣ Ѳ. ничѣмъ не проявлялъ своихъ симпатій къ старой вѣрѣ: онъ такъ же, какъ и другіе священнослужители кремлевскихъ церквей, «по служебникамъ новые печати служивалъ». Это время ушло у него, какъ онъ показывалъ впослѣдствіи, на провѣрку вводимыхъ церковныхъ новшествъ по старописаннымъ харатейнымъ книгамъ, «за 400 л. и за 500 л. кои писаны», и печатнымъ «всѣмъ» изданіямъ. Когда у него составилось опредѣленное убѣжденіе, что всѣ вообще нововведенія неправильны, и что, въ частности, «блудятъ..., што кошки по кринкамъ... нынѣшніе переправщики по книгамъ и, яко мыши, огрызуютъ божественныя писанія», онъ прекратилъ служеніе по новымъ книгамъ и вошелъ въ сношенія съ раскольническими дѣятелями. 9 мая 1665 г., по приказанію царя, у Ѳ. были отобраны келейныя книги и бумаги, и самъ онъ отведенъ къ м. сарскому Павлу. Въ тотъ же день м. Павелъ сдѣлалъ ему первый вопросъ о причинѣ неслуженія по новоисправленнымъ кни-

гамъ и о сношеніяхъ съ главарями раскола, послѣ чего Ѳ. былъ посаженъ на цѣпь въ домѣ митрополита. 13 декабря тѣмъ же м. Павломъ былъ произведенъ второй допросъ, въ связи со вновь открывшимися изъ отобранныхъ бумагъ данными. Въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ 5 недѣль «многія поставки были, и распросы, и ласканія, и уговоры отъ Павла того митрополита, по приказу цареву, во дворѣ его, и въ соборной церкви, и въ патріаршей крестовой», дабы оставилъ свои заблужденія. Попытки уговорить Ѳ. дѣлались и со стороны его родныхъ. Въ январѣ 1666 г. его перевели, «для соблюденія» до созыва собора, въ Покровскій м-рь, что на убогихъ, но и оттуда онъ «во градъ часто поемлемъ былъ» для увѣщаній. 11 мая его позвали на соборъ, гдѣ на вопросы іерарховъ онъ «отрыгнулъ словеса злоклеветныя и ложныя»,—назвалъ восточныхъ патріарховъ неправославными, на вопросъ о православіи русскихъ архіереевъ отвѣтилъ «со усумнѣніемъ: Богъ ихъ вѣсть» и похулилъ богоисправленный символъ, Святаго аллилуіа устроеніе и первыхъ перстовъ въ знаменованіи крестномъ сложеніе. Относительно символа, аллилуіа и сложенія перстовъ онъ подалъ собору особое письмо. Послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній соборъ 13 мая приговорилъ Ѳ. къ лишенію сана и отлученію отъ церкви. Этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ тотъ же день въ Успенскомъ соборѣ. Предъ самымъ обрядомъ снятія сана и анаѳематствованія Ѳ. послалъ царю увѣщательное посланіе о многихъ сокровенныхъ тайнахъ церковныхъ и о новыхъ ересяхъ. За исполненіемъ приговора послѣдовало заключеніе Ѳ. подъ стражу въ Никольскомъ Угрѣшскомъ м-рѣ. Тамъ онъ почувствовалъ раскаяніе и прислалъ собору покаянное письмо, въ которомъ изъявлялъ покорность іерархамъ, отказывался отъ своихъ мудрованій и билъ челомъ государю о прощеніи и освобожденіи. Вслѣдствіе этого письма, 2 іюня 1666 г., по приказанію царя, съ него былъ снятъ допросъ чрезъ архим. Угрѣшскаго м-ря Викентія и 27 авг. взято письменное обязательство о совершенномъ повиновеніи собору и о согласіи принять новые обряды и книги. Вслѣдъ затѣмъ, или же немного ранѣе 27 авг., его перевели, «совершеннаго ради покаянія и исправленія», въ Покровскій м-рь, что на убогихъ. Повидимому, и теперь въ немъ не замѣчалось полнаго исправленія, такъ какъ отсюда его отправили на два мѣсяца къ м. сарскому Павлу, для новыхъ увѣщаній. По возвращеніи въ Покровскій м-рь Ѳ. «выкрадчи изъ дому своего, гдѣ прежъ сего жилъ, жену свою и дѣтей, бѣжалъ», но былъ пойманъ и отданъ «подъ началъ до указу», кажется, въ Троице-Сергіеву лавру. Въ 1667 г. его взяли на время собора въ Московскій Богоявленскій м-рь. Здѣсь имѣлъ съ нимъ пренія и опять безуспѣшно пытался его убѣдить проживавшій тамъ иконійскій м. Аѳанасій. Въ виду явнаго упорства Ѳ., соборъ не имѣлъ повода вторично разсматривать его дѣло и потому утвердилъ прежнее рѣшеніе о немъ и его соумышленникахъ, дополнивъ это рѣшеніе опредѣленіемъ о передачѣ обвиняемыхъ градскому суду. 21 февраля 1668 г. «великій государь указалъ: у благовѣщенскаго роздьякона у Ѳетки урѣзать языка и сослать въ Пустозера». Казнь состоялась 25 февраля «въ другомъ часу дня», и того же дня Ѳ. отправленъ въ Пустозерскъ, куда прибылъ 20 апрѣля. Въ Пустозерскѣ Ѳ. встрѣтилъ Аввакума, Лазаря и др. «отцовъ раскола». Узники помѣщались въ земляныхъ тюрьмахъ, длиною «по сажени, а отъ полу до потологу головой достать». Тюрьма Ѳ. каждую весну затоплялась водою, которая стояла мѣсяца полтора и иногда два. Сначала узники жили въ тѣсномъ единеніи, но затѣмъ у Ѳ. начались нелады съ Аввакумомъ на догматической почвѣ. Они вели между собою безконечные, и большею частью мелочные, споры,—наприм., по поводу одной описки въ Псалтири «больши года бранилися», — и наконецъ совершенно разошлись. Аввакумъ даже предалъ проклятію своего соратника и на каждомъ шагу старался чинить ему непріятности. Такъ, одинъ разъ, когда Ѳ. въ неурочное время вылѣзъ изъ своей тюрьмы, черезъ окно, чтобы побесѣдовать съ кѣмъ ему было нужно, Аввакумъ далъ знать объ этомъ стражѣ, и та сильно побила Ѳ. Въ другой разъ, въ весеннее половодье, Аввакумъ научилъ стрѣльца просѣчь борозду къ уже затопленной избѣ Ѳ., «да паче притекаетъ сверху вода». Главнымъ занятіемъ узниковъ было составленіе и разсылка посланій сторонникамъ старой вѣры. Въ писаніяхъ этихъ немалую роль играли чудеса, якобы случавшіяся съ ними, видѣнія и пр.

Между прочимъ, они широко распространили вѣсть, что будто бы отрѣзанные у нихъ языки чудомъ вновь отросли и служатъ къ славѣ Божіей. Результатомъ этого было то, что царь приказалъ вновь имъ отрѣзать языки и отсѣчь по рукѣ. Когда и послѣ того узники не переставали своими письмами повсюду возбуждать народъ и поносить церковь и царя, ихъ, по опредѣленію гражданской власти, 14 апр. 1682 г. сожгли въ срубѣ.

Отъ Ѳ. сохранились слѣдующія сочиненія: 1) Письмо къ игум. Ѳеоктисту, 1665 г. (напеч. въ «Матеріалахъ по исторіи раскола», Н. Субботина, т. I); 2) Челобитная на попа Сисоя, 1666 г. (ibid., I); 3) Письмо собору рус. архипастырей 1666 г. (ibid., IV); 4) Челобитная ц. Алексѣю Михайловичу, 1666 г. (ibid., VI); 5) Преніе съ м. иконійскимъ Аѳанасіемъ (ibid., VI); 6) Посланіе къ Іоанну нѣкоему (ibid., VI); 7) О посланіи въ заточеніе и мученія Ѳеодора (ibid., I); 8) Сказаніе объ Аввакумѣ, Лазарѣ и Епифаніи (ibid., VI); 9) Письмо изъ Пустозерска къ семьѣ протоп. Аввакума (изд. въ «Памятн. первыхъ лѣтъ рус. старообрядчества», Я. Барскова, Спб., 1912 г.); 10) Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ (ibid., VI); 11) О познаніи антихристовой прелести (ibid., VI); 12) Посланіе ко всѣмъ православнымъ объ антихристѣ (ibid., VI); 13) Книга, глаголемая отвѣтъ православныхъ (рукоп.; отрывки напеч. ibid., VI и VIII); 14) О богоотшельникѣ Никонѣ (ibid., VI); 15) Отвѣтъ на вопросъ нѣкоего инока (ibid., VII) и 16) Отвѣтъ православныхъ (рукоп.).

«Діаконъ Ѳ., его сочиненія и ученіе», (статья неизвѣстн. автора въ «Правосл. Соб.», 1859 г., II). — *Субботинъ*, «Матеріалы для ист. раскола», том. 1, VI, VII и VIII.— *Смирновъ Н*, «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.», Спб., 1898 г.—*Товаровъ А.*, «Благовѣщ. собора діаконъ Ѳ. Ивановъ» («Владимір. Еп. Вѣдом.» 1893, 1894 и 1895 гг.).— *Перетцъ*, «Слухи и толки о п. Никонѣ» («Извѣст. отд. рус. яз. и слов.», т. V, в. 1).— *Барсковъ Я.*, «Памятники первыхъ лѣтъ рус. старообрядчества», изд. И. Археогр. Ком., Спб., 1912 г.—*Дружининъ В. Г.*, «Писанія русскихъ старообрядцевъ (перечень списковъ)», изд. И. Археогр. Ком., Спб. 1912 г.—«Виноградъ Россійскій», изд. журн. «Старообрядецъ», М. 1906 г.—*Извѣковъ Н., прот.*, «Московскія дворцовыя церкви», въ II т. «Труд. Комис. по изученію церковной старины въ М. и московской еп.», М. 1906 г.

Н. Т.

Ѳеодоръ Іоакинфовичъ (см. **Акинфовы**).

Ѳеодоръ Іоанновичъ (р. 31 мая 1557 г. † 7 января 1598 г.), сынъ царя Іоанна Васильевича Грознаго и супруги его Анастасіи Романовны Захарьиной-Юрьевой, царь Московскій и всея Руси съ 19 марта 1584 г. и послѣдній представитель Московскихъ великихъ князей «собирателей земли Русской» изъ дома Іоанна Даниловича Калиты. Ѳеодору было три года, когда умерла его мать Анастасія Романовна въ 1560 г.; въ слѣдующемъ 1561 г. отецъ его вступилъ во второй бракъ съ дочерью черкесскаго князя Темрюка, въ православномъ крещеніи получившей имя Маріи. Изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя сохранились за время дѣтства и юношества Ѳеодора и старшаго его брата Іоанна, видно, что царь Іоаннъ Васильевичъ бралъ ихъ съ собой въ загородныя поѣздки, напр., въ 1564 г. въ подмосковное село Черкизово на медвѣжью охоту «и повелѣ по островомъ осѣки осѣчи и медвѣди пущати, и тѣшился тамъ не по одинъ день». Весной 1569 г. вся царская семья отправилась въ далекій путь на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; Ѳеодору было 12 лѣтъ, и эта поѣздка произвела на него сильное впечатлѣніе. Ему, очевидно, захотѣлось имѣть въ монастырѣ свою особую келью, подобно тому, какъ была келья у Іоанна, существовавшая для остановокъ во время пріѣздовъ его въ монастырь. Неизвѣстно, отважился-ли царевичъ просить объ этомъ отца или самъ царь пожелалъ сдѣлать ему удовольствіе, но въ приходной книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подъ 1570 г. находимъ свѣдѣніе о томъ, что царевичъ Ѳеодоръ пожаловалъ въ монастырь 500 р., да «на свою келью 100 р.», и что въ этой кельѣ онъ велѣлъ поставить образъ Богоматери на золотѣ, обложенъ «серебромъ сканью», а въ вѣнцѣ 3 камня, да 6 жемчуговъ. Судя по тому, какимъ рисуется Ѳеодоръ Іоанновичъ впослѣдствіи, когда онъ уже сталъ царемъ, можно полагать, что въ дѣтскихъ и отроческихъ годахъ онъ былъ тихимъ, робкимъ и способнымъ къ воспріятію лишь того, что поражало его въ природѣ, или дѣйствовало непосредственно на его душу. Вслѣдствіе этого весьма понятно, что, съ одной стороны, присутствіе на медвѣжьей охотѣ въ семилѣтнемъ возрастѣ, съ дру-

гой стороны, поѣздка на сѣверъ и пребываніе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, глубоко поразили Ѳеодора. Позднѣе, во время своего царствованія, имѣя возможность слѣдовать своимъ личнымъ вкусамъ, онъ предавался богомолію и посѣщалъ монастыри, но въ то же время находилъ утѣху въ «медвѣжьихъ комедіяхъ» и охотахъ на медвѣдей, которыя заканчивались иногда довольно печально для участвовавшихъ въ нихъ охотниковъ, какъ мы увидимъ ниже.

Въ 1571 г. на третьей свадьбѣ царя Іоанна съ Мароой Васильевной Собакиной царевичъ Ѳеодоръ сидѣлъ въ «большомъ мѣстѣ» у государя за столомъ. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ царица Мароа скончалась, а въ началѣ 1572 г. Іоаннъ женился въ четвертый разъ на Аннѣ Колтовской. Въ маѣ 1572 г. онъ съ молодой женой и обоими царевичами, въ сопровожденіи обоза, состоявшаго изъ 450 возовъ, нагруженныхъ царской казной (т. е. имуществомъ), поѣхалъ въ Новгородъ подъ предлогомъ переговоровъ со Швеціей, а въ дѣйствительности для того, чтобы быть въ безопасности, если крымскій ханъ приступитъ къ Москвѣ. Въ Новгородѣ царская семья прожила до 17 августа, прибывъ туда 31 мая. По возвращеніи въ Москву царь принялъ литовскаго гонца Воропая, который пріѣхалъ съ извѣстіемъ о смерти польско-литовскаго короля Сигизмунда-Августа и съ просьбой не тревожить военными дѣйствіями Польши, Литвы и Ливоніи до заключенія вѣчнаго мира. Въ пространной рѣчи, обращенной къ Воропаю, Іоаннъ выставилъ тѣ преимущества, которыя получили бы Польша и Литва, если бы избрали его своимъ государемъ. Не желая отпустить на королевство царевичей Іоанна или Ѳеодора, онъ прибавилъ: «Если паны хотятъ взять себѣ въ государи котораго-нибудь изъ сыновей моихъ, то ихъ у меня только два, какъ два глаза у головы; отдать одного изъ нихъ все равно, что изъ человѣка сердце вырвать». Рѣчь свою онъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы какъ можно скорѣе были присланы послы для переговоровъ. 21 сентября онъ снова съ обоими царевичами отправился въ Новгородъ для военныхъ дѣйствій противъ шведовъ.

Въ началѣ 1573 г. открылся въ Варшавѣ сеймъ для избранія короля. Главными кандидатами были: 1) юный Эрнестъ, сынъ нѣмецкаго императора Максимиліана; 2) Генрихъ, герцогъ Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX; 3) король шведскій Іоаннъ, или сынъ его Сигизмундъ; 4) царь московскій и всея Руси Іоаннъ. О выборѣ первыхъ трехъ старались ихъ посланники; Іоаннъ никого не отправилъ на сеймъ, разсуждая, что онъ нуженъ королевству, а потому слѣдуетъ ждать перваго шага со стороны Литвы и Польши. 28 февраля 1573 г. литовскій посолъ Гарабурда представился Іоанну въ Новгородѣ и объявилъ, что литовскіе паны постараются склонить польскихъ пановъ къ избранію самого Іоанна, или его сына Ѳеодора, и просилъ дать рѣшительный отвѣтъ, на комъ изъ двухъ остановиться. Іоаннъ желалъ быть въ сущности выбраннымъ только на престолъ великаго княжества Литовскаго, о чемъ далъ понять Гарабурдѣ черезъ своихъ бояръ, а полякамъ совѣтовалъ выбрать нѣмецкаго эрцгерцога Эрнеста. Литовцы предпочитали Іоанну сына его Ѳеодора и просили въ такомъ случаѣ возвратить Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ, Озерище, а самому Ѳеодору пожаловать нѣкоторые города изъ древнихъ русскихъ владѣній. Іоаннъ не соглашался на эти требованія, считая ихъ чрезмѣрными. Онъ поставилъ нѣсколько своихъ условій, на которыхъ можетъ быть отпущенъ Ѳеодоръ для занятія польско-литовскаго престола; между прочимъ онъ желалъ, чтобы сыновья Ѳеодора послѣ его смерти, а если таковыхъ не останется, то наслѣдники Іоанна Іоанновича владѣли бы королевствомъ по праву наслѣдія, а не избранія; чтобы Литва и Польша въ этомъ случаѣ были нераздѣльны съ Россіей, съ особеннымъ именемъ королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго въ титулѣ государей русскихъ; чтобы Кіевъ и Ливонія были уступлены Московскому государству. Въ концѣ концовъ Іоаннъ заявилъ, что Ѳеодоръ еще молодъ и не сможетъ защитить своего государства отъ враговъ. Гарабурда уѣхалъ съ порученіемъ передать сейму не только условія, но и разные совѣты Іоанна. Все это ни къ чему не повело, и въ короли былъ выбранъ Генрихъ Анжуйскій. Послѣ смерти Карла IX Генрихъ въ іюнѣ 1574 г. тайно уѣхалъ изъ Польши во Францію. Снова наступило польское без-

королевье, а въ связи съ нимъ борьба за польскій престолъ между многими вѣнценосцами и польскими вельможами. На этотъ разъ былъ избранъ седмиградскій воевода Стефанъ Баторій къ огорченію литовскаго шляхетства, желавшаго имѣть королемъ Ѳеодора, въ надеждѣ, что онъ постоянно будетъ жить въ Литвѣ, полюбитъ страну, приметъ ея нравы и обычаи и можетъ быть вернетъ ей Смоленскъ и всю землю Сѣверскую.

Въ промежутокъ времени между 1572—1578 г. Іоаннъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ высказывалъ убѣжденіе, что онъ изгнанникъ, ведущій борьбу со своими врагами, что этой борьбѣ не видать близкаго конца, а потому, давая наставленіе сыновьямъ, какъ имъ жить до окончанія борьбы, высказывалъ желаніе, чтобы они не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ Іоаннъ не сломитъ крамолы и не утвердится на престолѣ. Іоаннъ завѣщалъ, чтобы братья жили между собой въ согласіи: «Аще Христосъ будетъ посредѣ васъ, для вашея любви, и никто можетъ васъ поколебать, вы будете другъ другу стѣна и забрало и крѣпость». Іоанну онъ велѣлъ беречь Ѳеодора и любить, какъ самого себя, «чтобъ ему ни въ какомъ обиходѣ нужды не было, а всѣмъ бы былъ исполненъ, чтобъ ему на тебя не въ досаду, что ему не дашь удѣла и казны». Ѳеодору въ удѣлъ царь назначилъ 14 городовъ, изъ которыхъ главный Суздаль, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи удѣльнымъ княземъ, онъ не долженъ былъ думать ни о какой самостоятельности: «удѣлъ сына моего Ѳеодора ему же (царю Іоанну Іоанновичу) къ великому государству». Относительно опричины предоставлялось Іоанну и Ѳеодору рѣшить: «какъ имъ прибыльнѣе, такъ пусть и дѣлаютъ, а образецъ имъ готовъ». Отношенія Ѳеодора къ старшему брату должны быть такія же, какія у него къ отцу, т. е. онъ обязанъ во всемъ слушать его, быть ему покорнымъ, желать ему добра: «Во всемъ въ воли его (Іоанновой) буди до крови и до смерти, ни въ чемъ ему не прикослови; а хотя будетъ на тебя Ивановъ сыновенъ гнѣвъ, или обида въ чемъ-нибудь, и ты бы не прекословенъ былъ своему брату старѣйшему, и рати никакой не вчинялъ, и собою ничѣмъ не боронился, а ему еси билъ челомъ, чтобы тебя пожаловалъ, гнѣвъ свой сложить изволилъ, и жаловалъ тебя во-всемъ по моему приказу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и ты бъ ему добилъ челомъ, какъ ему любо, и послушаетъ челобитья, ино добро, а не послушаетъ, и ты бъ съ собою не оборонялся жъ, совсемъ бы еси, печаль на радость преложа, положилъ на Бога... И вы бы сей мой наказъ памятовали крѣпко... да здѣ благоугодно поживши, и тамо будущихъ благъ наслѣдницы будете»...

Въ 1580 г. царевичъ Ѳеодоръ женился на Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой, братъ которой Борисъ пользовался въ то время безусловнымъ расположеніемъ царя Іоанна. Въ слѣдующемъ 1581 г. на свадьбѣ Іоанна съ Маріей Ѳеодоровной Нагой царевичъ Ѳеодоръ былъ въ «отцово мѣсто», а Ирина въ «материно мѣсто». Въ 1582 году старшій сынъ царя Іоанна Васильевича, Іоаннъ Іоанновичъ, палъ жертвою его необузданнаго нрава, три дня спустя послѣ того, какъ онъ въ порывѣ гнѣва ударилъ его въ високъ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ своего посоха. Смерть любимаго сына, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, удручающе на него подѣйствовала. Созвавъ знатнѣйшихъ бояръ, Іоаннъ заявилъ имъ о своемъ намѣреніи удалиться въ монастырь и предлагалъ избрать вмѣсто себя достойнаго государя, такъ какъ признавалъ Ѳеодора неспособнымъ управлять государствомъ. Нѣкоторые бояре были растроганы скорбью Іоанна и вѣрили его искренности; другіе же опасались коварства со стороны царя и мести себѣ и своему избраннику, а потому всѣ умоляли его попрежнему остаться на царствѣ. Іоаннъ согласился.

Зимою 1584 г. царь занемогъ, а 18 марта скончался, объявивъ своимъ наслѣдникомъ Ѳеодора. Въ помощь ему, какъ указываютъ нѣкоторые историки, онъ выбралъ изъ членовъ Боярской Думы пятерыхъ бояръ (Ив. Петр. Шуйскаго, знаменитаго защитника Пскова; Ив. Ѳеод. Мстиславскаго, по матери троюроднаго брата Іоанна; Никита Ром. Юрьева, брата певой супруги Грознаго Анастасіи; Бор. Ѳеод. Годунова и Богд. Яков. Бѣльскаго—любимцевъ Іоанна въ послѣдніе годы его царствованія) и двухъ думныхъ дьяковъ, братьевъ Щелкаловыхъ, имѣвшихъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ большое значеніе. Въ ночь съ 18 на 19 марта многіе приверженцы скончавшагося царя были

высланы изъ Москвы, или заключены въ тюрьмы, а къ Нагимъ, родственникамъ царицы, приставлена была стража, такъ какъ ихъ обвинили въ злыхъ умыслахъ, вѣроятно въ намѣреніи объявить наслѣдникомъ престола сына Іоанна отъ брака съ Маріей Нагой, малолѣтняго царевича Дмитрія. Утромъ 19-го марта послѣдовало письменное обнародованіе о воцареніи Ѳеодора, но въ виду борьбы придворныхъ партій это сочли недостаточнымъ и въ началѣ мая созвали Земскій Соборъ для избранія на престолъ царевича Ѳеодора. Иностранцы говорятъ о единодушномъ избраніи его высшими и низшими сословіями; изъ русскихъ извѣстій узнаемъ объ участіи «всѣхъ людей», или «именитыхъ людей», пришедшихъ къ Москвѣ «изо всѣхъ градовъ и всего государства Московскаго». На этомъ Соборѣ назначили день вѣнчанія Ѳеодора на царство 31 мая. Вскорѣ послѣ того царицу Марью Ѳеодоровну Нагую съ сыномъ Дмитріемъ, ея отца и братьевъ удалили въ Угличъ, причемъ ихъ торжественно проводили бояре, стольники и нѣсколько стрѣлецкихъ отрядовъ. Ѳеодоръ прощался съ братомъ со слезами на глазахъ, очевидно не сознавая, что отправляетъ его въ ссылку. Въ Москвѣ разгорѣлось волненіе вслѣдствіе слуховъ, пущенныхъ злонамѣренными людьми, объ опасности, угрожавшей царю. Говорили, что Богданъ Бѣльскій отравилъ Іоанна и намѣренъ такимъ же способомъ погубить и Ѳеодора. Вооруженная многотысячная толпа овладѣла въ Китай-городѣ пушками и устремилась къ Кремлю, но не проникла туда, потому что успѣли затворить ворота. Кн. Мстиславскій, бояринъ Никита Романовичъ и дьякъ Щелкаловъ отъ имени царя вступили въ переговоры съ мятежниками и, на требованіе выдать Бѣльскаго, отвѣтили, что онъ будетъ отправленъ въ ссылку, но въ дѣйствительности назначили его воеводой въ Нижній-Новгородъ. Рязанцы Ляпуновы, Кикины и другіе возмутители московской черни сосланы были въ дальніе города и заключены въ тюрьмы.

31 мая произошло торжественное вѣнчаніе на царство Ѳеодора Іоанновича въ Успенскомъ соборѣ. Духовникъ государя несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ царскихъ палатъ въ Успенскій соборъ животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы, а Годуновъ скипетръ. Кремлевская площадь была сплошь занята народомъ, но все стихло, когда на дворцовомъ крыльцѣ показался Ѳеодоръ, сопровождаемый боярами и стольниками. Мѵропомазаніе совершилъ митрополитъ Діонисій; онъ же пріобщилъ царя Св. Таинъ и въ краткой рѣчи изложилъ главныя обязанности царя. По сказаніямъ очевидцевъ, амвонъ, на которомъ сидѣли царь и митрополитъ, аналой, гдѣ лежала царская «утварь», и мѣста для духовенства были устланы бархатами, а помостъ церкви— персидскими коврами и англійскими сукнами. Во время мѵропомазанія Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Никита Ром. Захарьинъ-Юрьевъ и Дм. Ив. Годуновъ (дядя Ирины) царскій вѣнецъ на золотомъ блюдѣ. Принявъ благословеніе митрополита, Ѳеодоръ былъ осыпанъ деньгами въ южныхъ дверяхъ собора и пошелъ поклониться гробамъ предковъ. Духовныя и свѣтскія власти обѣдали затѣмъ съ царемъ въ Столовой Палатѣ. По случаю царскаго вѣнчанія послѣдовали милости: уменьшеніе налоговъ, освобожденіе заключенныхъ и плѣнниковъ, раздача наградъ боярамъ и служилымъ людямъ. Цѣлую недѣлю продолжались народныя увеселенія, закончившіяся воинскимъ праздникомъ за городомъ, на обширномъ лугу, въ присутствіи царя, всей знати и множества народа; гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ передъ восемью рядами стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и бархатъ.

Первое время по воцареніи Ѳеодора главнымъ его совѣтникомъ былъ дядя его со стороны матери Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ, а затѣмъ вслѣдствіе болѣзни Никиты Романовича (онъ занемогъ въ августѣ 1584 г. и скончался въ апрѣлѣ 1586 г.) власть перешла въ руки царскаго шурина Бориса Ѳеодоровича Годунова, по причинѣ дружескаго расположенія къ нему его сестры, царицы Ирины, имѣвшей большое вліяніе на добраго и лишеннаго воли Ѳеодора Іоанновича. Царица получила хорошее для своего времени образованіе, т. е. была начитана въ священномъ писаніи и въ твореніяхъ св. отцовъ церкви, и, по свидѣтельству иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, отличалась мудростью и милосердіемъ. Будучи неспособенъ вникать въ дѣла государственнаго управленія и тяготясь ими, царь «избывая мірской суеты и докуки», отсылалъ всѣхъ челобитчиковъ къ Годунову. Въ

царскихъ грамотахъ этого времени встрѣчаемъ нововведеніе: разныя льготы, напр. Ипатьевскому монастырю и Переяславскимъ рыболовамъ, стали даваться по челобитью царицы; позднѣе появились грамоты, начинавшіяся слѣдующимъ образомъ: «Божію милостію мы великій г-рь царь и вел. кн. Ѳеодоръ Ивановичь всеа Руси самодержецъ, и наша царица и вел. княгиня Ирина». Изъ этого нельзя вывести заключеніе объ офиціальномъ участіи царицы въ государственныхъ дѣлахъ, но можно полагать, что Годуновъ предложилъ какъ-нибудь царю, горячо любившему свою жену, оказать милость ея именемъ; это вышло въ обыкновеніе, а затѣмъ имя царицы получило въ грамотахъ одинаковое значеніе съ именемъ Ѳеодора Іоанновича.

Усиленіе Годунова не могло пройти безслѣдно. По свидѣтельству лѣтописца, среди бояръ возникло два теченія: одни стояли за Бориса, другіе были противъ него; во главѣ послѣднихъ находился кн. Ив. Ѳеод. Мстиславскій, котораго Годуновъ назвалъ себѣ сначала *отцомъ*. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что сторонниками послѣдняго теченія, по мысли кн. Шуйскаго, нѣкоторыхъ бояръ и московскихъ купцовъ, была изготовлена челобитная царю о разводѣ его съ бездѣтной Ириной и о вступленіи въ новый бракъ. Если-бы эта челобитная была принята, то власть Годунова естественно рушилась бы. Митрополитъ Діонисій, голосъ котораго имѣлъ большое значеніе въ данномъ вопросѣ, согласился дѣйствовать заодно съ челобитчиками, но Годуновъ узналъ о заговорѣ, и ему удалось убѣдить Діонисія не начинать этого дѣла. Слѣдствіемъ такого замысла Шуйскихъ было гоненіе на нихъ и на ихъ сторонниковъ (ихъ обвинили въ «измѣнѣ»), затѣмъ ссылка и заточеніе; людей ихъ и «гостей» московскихъ предали пыткѣ. Митрополитъ Діонисій и Крутицкій архіепископъ Варлаамъ стали говорить царю о «неправдахъ» Годунова. Дѣйствіе вышло обратное тому, какое они ожидали; сами они пострадали за свое «печалованіе». Діонисія заточили въ Хутынскій монастырь, а Варлаама въ Антоніевъ-Новгородскій. Въ митрополиты же былъ возведенъ архіепископъ ростовскій Іовъ, вполнѣ преданный Годунову.

Сношенія съ иностранными державами и измѣненія во внутреннемъ распорядкѣ Московскаго государства зависѣли почти всецѣло отъ воли Годунова, котораго называли «изряднымъ правителемъ», а потому мы постараемся представить обзоръ внѣшнихъ и внутреннихъ событій царствованія Ѳеодора Іоанновича, не вдаваясь въ подробности, умѣстныя въ біографіи Годунова. Остановимся сначала на внѣшнемъ обликѣ и на ежедневномъ домашнемъ и общественномъ обиходѣ Ѳеодора Іоанновича, а затѣмъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію сношеній съ иностранными державами.

Небольшого роста, приземистый, съ нѣкоторой наклонностью къ отеку и нетвердой походкой, Ѳеодоръ Іоанновичъ производилъ впечатлѣніе человѣка малоподвижнаго и недѣятельнаго. Цвѣтъ лица у него былъ блѣдный, носъ ястребиный, а на губахъ постоянно играла добрая улыбка, переходившая часто въ смѣхъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ вставалъ обыкновенно рано. Умывшись и одѣвшись, съ помощью постельничаго, спальниковъ и стряпчихъ, онъ выходилъ въ Крестовую, куда являлся духовникъ съ крестомъ, а одинъ изъ крестовыхъ дьяковъ поставлялъ передъ иконостасомъ на аналоѣ образъ святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. Приложившись ко кресту, царь начиналъ креститься передъ принесенной иконой и молиться вслухъ, кладя земные поклоны, что продолжалось приблизительно четверть часа. По окончаніи молитвы царь прикладывался къ этой иконѣ, а духовникъ окроплялъ его святою водою, которая называлась «праздничною», потому что освѣщалась въ храмовые праздники. Монастыри и многіе приходскіе храмы присылали государю праздничную святыню: икону праздника, просфору и святую воду, которая не переводилась въ теченіе всего года. За привозъ этихъ святынь обыкновенно давалось, по царскому указу, «сукно доброе», цѣною въ 2 рубля.

Окончивъ утреннюю молитву, государь посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ спросить ее о здоровьѣ и какъ почивала. Потомъ онъ самъ шелъ въ ея горницы: «переднюю», или «столовую» и, поздоровавшись, они вмѣстѣ слушали въ одной изъ «верховыхъ» церквей заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Въ передней государевой горницы собирались бояре,

окольничіе, думные и ближніе люди «ударить челомъ государю» и присутствовать въ Боярской Думѣ. Поговоривъ съ ними, Ѳеодоръ Іаннович, часу въ девятомъ, отправлялся къ поздней обѣднѣ въ одну изъ придворныхъ церквей. Въ праздничные дни «выходъ» былъ торжественнѣе, чѣмъ въ будни. Во время обѣдни, которая продолжалась два часа, царь разговаривалъ съ боярами, которые разсуждали и между собой, какъ будто бы находились въ Думѣ. Послѣ обѣдни царь возвращался въ свои покои и отдыхалъ до обѣда.

Порядокъ и обрядъ комнатнаго стола былъ весьма сложный, такъ какъ принималось множество предосторожностей, изъ опасенія отравы и порчи. Прежде, чѣмъ попасть на царскій столъ, каждое блюдо пробовали: *поваръ*, въ присутствіи самого дворецкаго или стряпчаго, отпуская кушанье съ поварни; *ключники*, подавая на кормовой поставецъ; *дворецкій*, когда сдавалъ стольникамъ; *крайчій*, принимая отъ стольниковъ, отвѣдывалъ отъ каждаго блюда и ставилъ на столъ. Такой же порядокъ наблюдался и съ винами; ихъ нѣсколько разъ отливали и пробовали, а когда кубокъ доходилъ до *чашника*, то онъ держалъ его во все время обѣда и каждый разъ, какъ государь спрашивалъ вино, отливалъ изъ кубка въ ковшъ, выпивалъ изъ ковша, а потомъ уже подносилъ кубокъ царю.

Послѣ обѣда царь ложился и спалъ обыкновенно часа три, до вечерни, которую слушалъ въ верховой церкви. Послѣ вечерни до ужина царь и царица проводили время въ кругу самыхъ близкихъ людей; однимъ изъ любимыхъ развлеченій служили *дураки-шуты* и *дурки-шутихи*, *карлы* и *карлицы*. Они пѣли пѣсни, кувыркались и вообще потѣшали царя и царицу. Другой забавой, какъ мы упомянули выше, была «медвѣжья комедія», въ которой медвѣдники-поводильщики доставляли зрителямъ немало веселья своими присказами и прибаутками, для объясненія медвѣжьихъ выходокъ. 20 февраля 1585 г. такая комедія началась тѣмъ, что нѣкій Ѳеодоръ Пучокъ Молвениновъ привелъ государю «медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакѣ» и потомъ «спущалъ» своего ученаго медвѣдя на бой съ дикимъ медвѣдемъ. За это представленіе, очевидно доставившее Ѳеодору Іоанновичу большое удовольствіе, поводильщикъ получилъ довольно значительную награду: камку добрую въ 5 р., зуфь костоманскую въ 3 р., сукно доброе въ 2 р.; да человѣкъ его получилъ сукнце въ 4 гривны. Въ началѣ того-же 1585 г. Василій Усовъ «тѣшилъ» государя—заколол передъ нимъ медвѣдя, за что получилъ камку и сукно одинаковой стоимости съ Молвениновымъ, да кромѣ того 10 р. денегъ. 5 мая того же года, въ именины царицы Ирины, «тѣшился государь медвѣди, и волки, и лисицами, и медвѣдь *ободралъ* охотника Юрія Глазова», а 19 іюня на «потѣхѣ» медвѣдь *ѣлъ* охотника Петра Микифорова, но каждому изъ нихъ за увѣчье было дано только по сукну доброму, цѣною въ два рубля. Оканчивая день, послѣ ужина, царь снова шелъ въ Крестовую и молился около четверти часа. Въ покоѣ государя ложился *постельничій*, который всегда убиралъ и охранялъ царскую постель, а иногда *стряпчій съ ключемъ* и одинъ или два *спальника*. Въ смежной комнатѣ ложилось еще шестеро *стряпчихъ* и *спальниковъ*; въ третьей комнатѣ помѣщалось нѣсколько *стряпчихъ* и *дневальныхъ жильцовъ*; у внѣшнихъ дверей сторожили *истопники*. Этотъ обрядъ сохранился и при первыхъ царяхъ дома Романовыхъ.

Мы привели описаніе ежедневнаго обихода царя Ѳеодора Іоанновича на основаніи книги Флетчера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали пріемы иностранныхъ пословъ и гонцовъ и засѣданія Боярской Думы, распорядокъ дня долженъ былъ, само собою, нѣсколько измѣниться. Флетчеръ называетъ Боярскую Думу *парламентомъ* и подробно описываетъ, какъ происходили совмѣстныя засѣданія этой Думы съ Освященнымъ Соборомъ. Царь постоянно присутствовалъ на засѣданіяхъ, но интересовался лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда поднимался какой-нибудь церковный вопросъ.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, какъ мы видѣли выше, былъ очень богомоленъ; религіозность его, однако, вслѣдствіе малой развитости и образованности, была чисто внѣшняя, церковно-обрядовая. Сохранилось извѣстіе, что во время «монастырской» жизни въ Александровской слободѣ царь Іоаннъ Грозный «въ четвертомъ часу утра ходилъ на колокольню съ царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ». Привычка эта осталась у

Ѳеодора навсегда и, будучи царемъ, онъ хаживалъ иногда звонить на колокольнѣ. Находя удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ въ еженедѣльномъ посѣщеніи монастырей и въ торжественныхъ богослуженіяхъ, онъ награждалъ тѣхъ лицъ, которыя удовлетворяли его богомольному настроенію. Изъ расходной книги Казеннаго Двора 1584—85 г.г. можно почерпнуть мелочныя, но интересныя подробности о нѣкоторыхъ существовавшихъ въ то время обычаяхъ и о тѣхъ выдачахъ, какія дѣлались по приказанію царя. Такъ, напр., въ очень многіе московскіе монастыри и въ церкви выдавался отъ царя ладанъ; за совершеніе богослуженія въ торжественные дни митрополитъ Діонисій, послѣ обѣда за царскимъ столомъ, получалъ нѣсколько аршинъ какой-нибудь ткани и, кромѣ того, ему каждый разъ «являли», т. е. показывали, «кубокъ орѣхъ индѣйской окованъ серебромъ»; вмѣсто этого кубка, считавшагося, повидимому, въ числѣ рѣдкостей, митрополиту выдавалось по 9 р. изъ Большого Прихода. За *причастіе* царя великимъ постомъ 1585 г. его духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ, получилъ бархатъ и камку, цѣною въ 19 р. 19 алт., да денегъ 50 рублей—что по тому времени составляло довольно большую сумму. Благовѣщенскому дьякону даны были два сукна добрыя, цѣна по 2 р. сукно, за то, что онъ у государя на Рождество Христово да на Крещенье «кликалъ на часахъ многолѣтье».

На Казенномъ Дворѣ бывали большіе запасы тканей и мѣховъ, но ихъ постоянно приходилось пополнять. Чтобы имѣть собственный бархатъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ вызвалъ изъ Италіи мастера Марко Чинопи; ему былъ отведенъ домъ, близъ Успенскаго собора, и изъ его ткацкой доставлялись бархаты и парчи. Закупка мѣховъ поручалась надежнымъ и свѣдущимъ лицамъ, но такъ какъ весь *торгъ* составлялъ собственность царя, главнаго и самаго богатаго вотчинника Московскаго государства, то городовые и посадскіе люди должны были «радѣть» царю, не разсчитывая на награду за доставленную прибыль. Поразительный примѣръ тому мы видимъ въ наградѣ, которую получили въ 1585 г. три устюжанина; каждому изъ нихъ дано по 9 арш. камки доброй, цѣна по 20 алтынъ аршинъ; «а пожаловалъ ихъ государь за то, купили они на Вологдѣ на государя соболи и куницу и бѣлку, и въ томъ товарѣ учинили государю прибыли 1550 р.».

Ѳеодору Іоанновичу доставляло немалое удовольствіе разсматривать работы золотыхъ дѣлъ мастеровъ, алмазниковъ, серебрениковъ, иконописцевъ, оружейниковъ и вообще разныхъ ремесленниковъ, которые изготовляли что-либо для украшенія царскаго дворца, или лично для него. Архіепископъ элассонскій Арсеній, бывшій въ Москвѣ въ 1588 г. съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміей, пришелъ въ изумленіе отъ прекрасныхъ мозаичныхъ изображеній Іасуса Христа, Богоматери, ангеловъ, іерарховъ и мучениковъ на стѣнахъ палаты царицы Ирины. Въ другихъ покояхъ дворца онъ обратилъ вниманіе на изящные золотые и серебряные сосуды, въ видѣ различныхъ звѣрей и птицъ. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича произошелъ переходъ отъ иконописи къ писанію картинъ. *Грановитая палата,* называвшаяся *подписною,* была украшена *бытейскимъ* историческимъ письмомъ, т. е. картинами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; во всѣхъ окнахъ палаты, въ откосахъ, были написаны изображенія великихъ князей и государей московскихъ, начиная съ великаго князя Ярослава. Въ одномъ изъ простѣнковъ, подъ верхнимъ окномъ, былъ написанъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ *портретно,* а ниже онъ же на тронѣ въ полномъ царскомъ одѣяніи; по правую сторону трона стоялъ Борисъ Годуновъ въ шапкѣ *мурманкѣ,* въ верхней золотой одеждѣ на опашку, а вокругъ него и съ лѣвой стороны трона бояре; надъ ними изображена была Палата, а за Палатой соборная церковь.

Перейдемъ къ изложенію событій, имѣвшихъ весьма важное, по своимъ послѣдствіямъ, значеніе въ жизни Московскаго государства. Мы разумѣемъ смерть царевича Дмитрія въ Угличѣ и рожденіе, а затѣмъ кончину дочери царя Ѳеодора Іоанновича. 15 мая 1591 года скончался въ Угличѣ царевичъ Дмитрій. Событіе это передавалось крайне разнорѣчиво всѣми лицами, близко стоявшими къ царевичу: по словамъ однихъ, его зарѣзали Осипъ Волоховъ (сынъ мамки), Данило Битяговскій и Никита Качаловъ; по словамъ другихъ, царевичъ страдалъ падучей болѣзнью и палъ жертвой собственной неосторожности, наколовшись на

ножъ. Внезапная смерть царевича ошеломила его мать и дядей, Нагихъ, подняла на ноги весь Угличъ и повела за собой цѣлый рядъ слѣдствій, пытокъ и ссылокъ. Главнымъ слѣдователемъ былъ кн. Вас. Ив. Шуйскій. Царъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, нѣжно относившійся къ своему меньшому брату, былъ сильно огорченъ его кончиной и собирался поѣхать въ Угличъ, но Годуновъ отговорилъ его. Народная молва называла Годунова убійцей царевича и обясняла это злодѣяніе желаніемъ его устранить Дмитрія, какъ единственнаго наслѣдника бездѣтнаго Ѳеодора Іоанновича. Тогда же распространился и совершенно другого рода слухъ: будто убитъ поповъ сынъ, а царевичъ заранѣе скрытъ Романовыми въ одной изъ ихъ отдаленныхъ вотчинъ на сѣверѣ. Нѣкоторые изъ историковъ позднѣйшаго времени полагаютъ, что если дѣйствительно царевичъ былъ убитъ, то гораздо болѣе вѣроятія приписать его убійство кн. Вас. Ив. Шуйскому, чѣмъ Годунову. «Углицкое дѣло» настолько возбудило умы, что Годунова же стали винить въ поджогахъ, когда въ іюнѣ 1591 г. сдѣлался пожаръ въ Москвѣ и выгорѣлъ весь Бѣлый городъ. Говорили, что онъ хочетъ милостями, которые расточалъ погорѣвшимъ, заглушить ропотъ и недоброжелательство, возникшіе противъ него послѣ смерти царевича.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, а главнымъ образомъ царица Ирина печалились, что у нихъ нѣтъ дѣтей и неоднократно совершали богомольные «походы» по монастырямъ, усердно прося у Бога дарованія чада. Въ 1588 г., во время пребыванія константинопольскаго патріарха Іереміи въ Москвѣ, царица просила его и сопутствовавшее ему греческое духовенство молить Бога о рожденіи благословеннаго наслѣдника. Въ іюнѣ 1592 г. царь и царица были обрадованы рожденіемъ дочери. 14 іюня въ Чудовѣ монастырѣ окрестили царевну именемъ Ѳеодосіи. Въ этотъ день обѣдали у царя въ Грановитой палатѣ духовенство, бояре и другіе чины «безъ мѣстъ». Царь простилъ всѣхъ опальныхъ и самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ выпустить узниковъ изъ темницъ; щедро надѣлилъ монастыри; послалъ много денегъ и мѣховъ греческимъ патріархамъ; послалъ свою царскую милостыню въ Львовъ (въ теперешней Галиціи) на построеніе тамъ соборной церкви въ имя Успенія Пр. Богородицы. Радость родителей была, однако, непродолжительна: царевна Ѳеодосія скончалась въ 1594 г., какъ можно полагать 25 января. Ѳеодоръ далъ по ней въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь 500 руб. на поминовеніе и на кормъ; поминовеніе совершалось 25 января и въ именины царевны 29 мая. Не только царь и царица, но и вся Москва оплакивала кончину Ѳеодосіи. Она была погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ; царь далъ туда вотчину въ Мосальскомъ уѣздѣ, с. Чертень. Здѣсь будетъ кстати упомянуть и о другихъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ Ѳеодоромъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Послѣ кончины своего отца, царя Іоанна, онъ далъ по немъ 1633 р. и 11 алтынъ. Въ 1589 г. по кн. Ив. Петр. Шуйскомъ, въ инокахъ Іонѣ, далъ 50 р., да образовъ и книгъ на 50 руб. Въ 1595 г. пожаловалъ въ вотчину два села: Новую-Ергу да Городище, съ деревнями и всѣми угодьями.

Какъ мы уже замѣтили выше, кончина царевича Дмитрія, а затѣмъ царевны Ѳеодосіи имѣла важныя послѣдстія. Останься въ живыхъ царевичъ, не появился бы Лжедимитрій; если бы не скончалась Ѳеодосія, то царица Ирина не пошла бы въ монастырь и все теченіе жизни Московскаго государства приняло бы другое направленіе. Народная молва истолковывала многія событія совершенно превратно, такъ какъ видѣла всюду и во всемъ стараніе Годунова очистить себѣ путь къ престолу и избавиться для этого отъ тѣхъ лицъ, которыя могли имѣть хотя малѣйшее притязаніе на московскій престолъ. Молва приписала Годунову не только убіеніе царевича Дмитрія, но ослѣпленіе Симеона Бекбулатовича, «сведеннаго изъ Тверского удѣла въ с. Кушалино», насильное постриженіе Марьи Владиміровны (вдовы ливонскаго короля Магнуса), отравленіе ея маленькой дочери Евдокіи, затѣмъ царевны Ѳеодосіи и наконецъ самого царя Ѳеодора Іоанновича. Мы лишь упоминаемъ обо всемъ этомъ, а не останавливаемся подробно, такъ какъ всѣ слухи, направленные противъ Бориса Годунова, относятся къ его біографіи, а не къ біографіи Ѳеодора Іоанновича.

Сношенія съ иностранными государствами.

Сношенія съ Польшей и Литвой, въ силу близкаго сосѣдства, были издавнія; Московское государство то враждовало съ

ними, то мирилось. Ко времени воцаренія Ѳеодора Іоанновича польскія отношенія стояли на первомъ планѣ въ дѣлахъ внѣшнихъ; предстояло ихъ уладить и рѣшить вопросъ о плѣнныхъ, еще не размѣненныхъ послѣ войны Іоанна Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ. Польскій посолъ Левъ Сапѣга пріѣхалъ въ Москву въ 1584 г., не зная о кончинѣ царя Іоанна, а потому рѣшилъ отложить свое представленіе новому царю до полученія другого наказа, что произошло лишь три мѣсяца спустя послѣ его пріѣзда. 22 іюня онъ былъ торжественно принятъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, послѣ чего и вступилъ въ переговоры съ боярами. Сапѣга заключилъ перемиріе на десять мѣсяцевъ, но московскимъ посламъ въ Польшѣ, боярину кн. Троекурову и думному дворянину Безнину, удалось склонить Баторія продлить перемиріе еще на два года, несмотря на то, что онъ желалъ войны и требовалъ уступки Смоленска, Сѣверской земли, Новгорода и Пскова. Не имѣя возможности завоевать Московское государство, Баторій придумалъ мирный способъ присоединенія его къ Польшѣ. Въ мартѣ 1586 года прибылъ въ Москву чрезвычайный посолъ короля Мих. Гарабурда, давно извѣстный московскому двору, прекрасно говорившій по-русски и притомъ православный, съ предложеніемъ вѣчнаго мира. Условіе для этого мира было совершенно неожиданное: въ случаѣ кончины Стефана—великое княжество Литовское и Польша должны были присоединиться къ Московскому государству; если же Ѳеодоръ умретъ раньше, то пусть Московское государство обяжется признать Стефана своимъ государемъ. Это предложеніе было сдѣлано, очевидно, съ расчетомъ на бездѣтность и слабое здоровье Ѳеодора Іоанновича; бояре нашли «непригожимъ» толковать о смерти того или другого государя и не сочли возможнымъ согласиться на уступку вышеупомянутыхъ областей. Вслѣдствіе этого Гарабурда уѣхалъ, ничего не добившись.

Баторій усердно готовился къ войнѣ и сумѣлъ склонить на свою сторону папу Сикста V, который, желая видѣть на московскомъ престолѣ католика, для «предпріятія столь великаго» назначилъ ежемѣсячно 25.000 скудій. 28 іюня 1586 г. кн. Троекуровъ вторично отправился къ Стефану Баторію, засталъ его въ Гроднѣ и вручилъ панамъ грамоту отъ бояръ; бояре предлагали миръ съ условіемъ, чтобы были возвращены Кіевъ, Ливонія и все, что считалось древней собственностью Московскаго государства. Паны упрекали русскихъ въ гордости и, между прочимъ, говорили: «Развѣ мы не вѣдаемъ нынѣшнихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У васъ есть царь: но какой? едва дышетъ, и бездѣтенъ; умѣетъ только молиться. Бояре въ смутахъ, народъ въ волненіи, Держава въ неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ воеводъ... Отечество въ несгодѣ, а они презираютъ наше доброжелательство и твердятъ, что царь готовъ стоять противъ всѣхъ недруговъ». Князь Троекуровъ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ: «Царствованіе благодатное именуете несгодою и бѣдствіемъ для Россіи. Видите гнѣвъ Божій, гдѣ мы видимъ одну милость Небесную. А будущее извѣстно-ли смертному?... Горе тому, кто злословитъ Вѣнценосца. Имѣемъ царя здраваго душею и тѣломъ, умнаго и счастливаго, достойнаго своихъ великихъ предковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Ѳеодоровъ, такъ и Ѳеодоръ судитъ народъ, строитъ землю, любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. Есть у него воинство, какого еще не бывало въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть воеводы добліе, ревнители славы умереть за отечество. Такъ, Ѳеодоръ умѣетъ молиться, и Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его, конечно, дастъ ему побѣду—и миръ и благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да царствуетъ племя Св. Владиміра во вѣки вѣковъ». Относительно соединенія обѣихъ державъ кн. Троекуровъ сказалъ, что царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ Земскаго Собора, а такъ какъ для созванія его потребуется много времени, то онъ просилъ продлить перемиріе. Рѣшили утвердить перемиріе еще на два мѣсяца, т. е. до августа 1588 г., чтобы въ теченіе этого времени съѣхаться великимъ посламъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскомъ. Баторій принялъ кн. Троекурова на отпускѣ и послалъ съ нимъ поклонъ Ѳеодору.

12 декабря 1586 г. скончался Баторій. Получивъ извѣтіе объ этомъ, послали въ Литву дворянина Ржевскаго выразить панамъ соболѣзнованіе и предложить въ короли Ѳеодора. Паны не стали входить въ переговоры, а предложили прислать пос-

ловъ на сеймъ въ Варшаву, при чемъ дали понять, что слѣдовало бы брать примѣръ съ нѣмецкаго императора, съ Франціи и Швеціи, которые шлютъ богатые дары. Въ Польшѣ и въ Литвѣ разыгрались страсти; одни были за Замойскаго, сподвижника Стефана; другіе за его враговъ, Зборовскихъ. Изъ Литвы явились въ Москву послы, прося продлить перемиріе до конца 1588 года. Бояре указывали имъ на тѣ выгоды, которыя получатъ Польша и Литва отъ избранія Ѳеодора, такъ какъ онъ желаетъ королевства не для увеличенія земель своей державы, а для защиты ихъ отъ невѣрныхъ; онъ уступитъ панамъ и рыцарству все, что земля платила королю; дастъ имъ помѣстья въ новыхъ русскихъ владѣніяхъ; на собственныя средства построитъ крѣпости на берегахъ Днѣпра, Донца и Дона. Вслѣдствіе убѣжденія литовскихъ пословъ о необходимости имѣть представителей на Варшавскомъ сеймѣ, были отправлены въ Польшу Ст. Вас. Годуновъ, кн. Ѳ. М. Троекуровъ и дьякъ Вас. Яков. Щелкаловъ; кромѣ полной довѣренности, имъ вручено 48 писемъ къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, но даровъ съ ними не послано. Сейму предлагались слѣдующія условія для соединенія Польско-Литовскаго и Московскаго государствъ. Государь ни въ чемъ не измѣняетъ правъ и вольностей польскихъ и литовскихъ безъ приговора Вельможной Думы, которая располагаетъ независимо казною и всѣми государственными доходами. Онъ жалуетъ бѣднымъ литовскимъ и польскимъ дворянамъ земли на Дону и Донцѣ; платитъ изъ собственной казны до 100.000 золотыхъ венгерскихъ монетъ тѣмъ ратнымъ людямъ, которымъ остался долженъ Стефанъ Баторій. Соединенныя государства должны приложить всѣ старанія, чтобы воевать Оттоманскую имперію, а для этого заключить союзъ съ императоромъ нѣмецкимъ, королемъ испанскимъ и шахомъ персидскимъ, свергнуть крымскаго хана Ислама и посадить на его мѣсто расположеннаго къ Россіи Сайдетъ-Гирея. Рати Московская, Казанская и Астраханская будутъ всегда безплатно готовы для защиты Литвы и Польши, а денежныя средства на военныя издержки увеличатся, такъ какъ не будетъ необходимости содержать пограничныя крѣпости между Литвой и Россіей. Въ случаѣ освобожденія Молдавіи, Валахіи, Босніи, Сербіи и Венгріи отъ ига султанскаго —онѣ присоединяются къ Литвѣ и Польшѣ; точно также, если удастся завладѣть Эстоніей, вся она, кромѣ Нарвы, будетъ уступлена имъ же. Русскимъ предоставляется право жить въ Литвѣ и Польшѣ, а литовцамъ и полякамъ въ Россіи; разрѣшаются браки между ними. Литовскіе и польскіе купцы могутъ свободно пріѣзжать въ Россію, и черезъ ея земли въ Персію, Бухарію и другія восточныя страны, также моремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ великое Китайское государство. Въ письменномъ наказѣ, данномъ посламъ, сказано, что если паны упомянутъ о юномъ братѣ государя царевичѣ Дмитріи, то слѣдуетъ заявить имъ, что онъ, по своему малолѣтству, не можетъ быть у нихъ королемъ и долженъ воспитываться въ своемъ отечествѣ.

12 іюня 1587 г. московскіе послы остановились въ с. Окуневѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Варшавы, такъ какъ въ столицѣ было не безопасно. Замойскій и друзья его, въ угоду вдовѣ Баторія, предлагали шведскаго принца Сигизмунда, сына ея сестры. Зборовскіе—эрцгерцога Максимиліана, паны литовскіе и архіепископъ Гнѣзненскій—Ѳеодора Іоанновича; султанъ желалъ посадить на польскій престолъ брата Стефанова и грозилъ войной, если изберутъ Максимиліана, или Ѳеодора, его враговъ. Въ виду такого разнообразія притязаній, условились наконецъ выставить въ полѣ три знамени: русское, нѣмецкое и шведское, чтобы выяснилось количество избирателей. Русскимъ знаменемъ была *московская шапка*; нѣмецкимъ — *шляпа нѣмецкая*; шведскимъ—*сельдь*. Большинство оказалось у Ѳеодора, а потому сторонники нѣмецкіе и шведскіе присоединились къ русскимъ.

Для переговоровъ съ русскими послами было выбрано 15 свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Депутаты эти предложили такого рода вопросы: будетъ-ли соединена Россія съ королевствомъ такъ же неразрывно, какъ Литва соединилась съ Польшей? Въ Краковѣ-ли будетъ вѣнчаться Ѳеодоръ Іоанновичъ на королевство? Приметъ-ли онъ римское католичество и будетъ-ли находиться въ послушаніи у папы? Когда пріѣдетъ въ Варшаву? Напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство польское выше царства Московскаго? Послы отвѣтили, что Ѳеодоръ Іоанновичъ не перемѣнитъ гре-

ческой православной вѣры, будетъ чтить папу, но не допуститъ его вмѣшиваться въ дѣла греческой церкви, и намѣренъ вѣнчаться на королевство въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ. Относительно титула они рѣшительно заявили: «Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха, и титулъ Ѳеодоровъ: *Царь и Вел. Кн. всея Россіи, Владимірскій и Московскій, Король Польскій и Вел. Кн. Литовскій.* Если-бы и Римъ старый и Римъ новый, или царствующій градъ Византія приложились къ намъ: то и древняго, славнаго ихъ имени государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи». Депутатамъ, очевидно, не по мысли пришлись эти отвѣты, но они не сразу высказали свое недовольство. Они хотѣли узнать, сколько царь будетъ давать ежегодно для содержанія рати, приводили для примѣра громадныя суммы, обѣщанныя Максиміліаномъ и королемъ испанскимъ, и намекали, что деньги нужны и для того, чтобы усилить количество доброжелателей на сеймѣ. Послы московскіе возмутились: «Если для васъ казна милѣе покоя христіанскаго, то знайте, что государь не хочетъ быть купцемъ, и за деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего королевства». Послѣ всестороннихъ обсужденій депутаты объявили посламъ, что Ѳеодоръ не будетъ выбранъ королемъ. Заключить миръ тоже не удалось: Литва потребевала Смоленска и земли Сѣверской; Ѳеодоръ — Дерпта. Въ концѣ концовъ былъ выбранъ Сигизмундъ; послы добились перемирія на 15 лѣтъ, съ условіемъ, чтобы обѣ державы остались при прежнихъ владѣніяхъ, а новый король подтвердилъ бы этотъ договоръ черезъ своихъ уполномоченныхъ въ Москвѣ. Избраніе Сигизмунда было крайне непріятно для Россіи: съ его избраніемъ Польша и Швеція, вслѣдствіе родственныхъ отношеній, становились для нея однимъ могущественнымъ врагомъ. Въ 1590 г. пріѣхали въ Москву послы Сугизмунда договариваться о мирѣ и союзѣ, долго не могли притти къ соглашенію, и лишь 1 января 1591 г. подтвердили перемиріе еще на 12 лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы между Швеціей и Россіей въ теченіе года не было войны. Ѳеодоръ далъ въ этомъ присягу и послалъ окольничаго Салтыкова взять таковую же съ Сигизмунда.

Сношенія съ Нѣмецкой имперіей. Вслѣдствіе дружественныхъ отношеній, существовавшихъ между Россіей и Нѣмецкой имперіей въ царствованіе Іоанна Грознаго, былъ отправленъ къ императору Рудольфу II посланникъ Новосильцовъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича. Новосильцовъ былъ прекрасно принятъ нѣмецкими сановниками; они давали ему обѣды и тайно сообщили о желаніи заключить союзъ съ Россіей, чтобы свергнуть Баторія съ польскаго престола и раздѣлить его королевство между нѣмецкимъ императоромъ и русскимъ царемъ. Послѣ смерти Баторія эрцгерцогъ Максиміліанъ, братъ нѣмецкаго императора, прислалъ въ Москву своего посла просить, чтобы царь хлопоталъ о польской коронѣ или для себя, или для него, Максиміліана. Въ 1589, 1593 и 1594 г.г. отъ нѣмецкаго императора пріѣзжалъ въ Москву посолъ Варкочъ все съ тѣми же просьбами: заключить союзъ противъ Турціи и оказать должное воспомоществованіе для войны противъ нея. Московское правительство въ теченіе этого времени отправляло неоднократно гонцовъ къ Рудольфу II, побуждая его принять мѣры къ единенію всѣхъ христіанскихъ державъ противъ Оттоманской имперіи. Не входимъ въ подробности переговоровъ, такъ какъ въ 1589 г., въ первый пріѣздъ Варкоча «государь приговорилъ съ боярами», что Годуновъ можетъ отъ себя писать грамоты къ эрцгерцогу Максиміліану. Въ 1595 г. съ думнымъ дьякомъ Вельяминовымъ было отправлено къ нѣмецкому императору разныхъ мѣховъ на 44 тысячи тогдашнихъ московскихъ рублей; мѣха были разложены въ 20 комнатахъ дворца, и нѣмецкіе купцы оцѣнили ихъ (Вельяминовъ отказался сообщить стоимость) въ восемь бочекъ золота. Вельяминову оказали въ Прагѣ большой почетъ. Для изъявленія благодарности за присылку мѣховъ было снаряжено къ Ѳеодору Іоанновичу весной 1597 г. великое посольство, во главѣ съ Авраамомъ, бургграфомъ Донау. Посольство это было всюду встрѣчаемо торжественно; чтобы доказать населенность и богатство Россіи, въ попутныхъ городахъ и на всѣхъ станахъ находилось множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по царскому указу, изъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ Москвѣ для бургграфа Донау отвели прекрасный домъ кн. Ноздрева-

того; 22 мая царь принялъ его въ Грановитой палатѣ. Въ наказѣ, данномъ императоромъ своему послу, опять повторялись просьбы царю о вспоможеніи, но деньгами, а не мѣхами, такъ какъ ихъ трудно продать съ выгодой: кромѣ того, убѣждали Россію препятствовать нападеніямъ крымскаго хана на Венгрію и миру шаха съ султаномъ. Бояре отвѣтили, что безъ письменнаго обязательства со стороны Нѣмецкой имперіи Россія не станетъ оказывать денежнаго вспомоществованія. Въ іюлѣ бургграфъ выѣхалъ изъ Москвы съ богатыми дарами.

Сношенія съ Англіей. У Іоанна Грознаго, какъ извѣстно, были дружественныя отношенія съ королевой англійской Елизаветой, находившей постоянную поддержку и въ Борисѣ Годуновѣ. Первое время по вступленіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича, когда самыми вліятельными людьми въ Думѣ были бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьевъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ, англійскій посланникъ Баусъ, бывшій тогда въ Москвѣ, жаловался на притѣсненія съ ихъ стороны. Въ началѣ мая царь милостиво принялъ Бауса и отпустилъ его въ Англію съ дарами и дружелюбнымъ письмомъ къ королевѣ Елизаветѣ, но Баусъ бросилъ это письмо въ Холмогорахъ, дозволивъ себѣ весьма странныя и неумѣстныя выходки. Съ жалобой на Бауса былъ посланъ въ Англію гонцомъ толмачъ Бекманъ, родомъ ливонецъ. Онъ долго не могъ добиться пріема у королевы, а когда увидалъ ее наконецъ и выяснилъ преимущества, которыми англійскіе купцы пользуются въ Россіи, то королева выразила сожалѣніе о кончинѣ Іоанна и надежду, что Ѳеодоръ будетъ покровительствовать англичанамъ. Въ отвѣтномъ письмѣ царю Елизавета заявила, что хотя его требованіе свободной торговли русскимъ купцамъ въ Англіи и несовмѣстимо съ пользою англійскихъ купцовъ, но она согласится на это, если Ѳеодоръ исполнитъ обѣщаніе Іоанна дать новую жалованную грамоту для исключительной торговли въ Россіи обществу лондонскихъ купцовъ, учрежденному королевой, не позволяя участвовать въ торговлѣ другимъ англичанамъ. Въ сентябрѣ 1585 г. въ Англію былъ посланъ для переговоровъ жившій въ Москвѣ англійскій купецъ Іеронимъ Горсей. Ему было вручено письмо, въ которомъ заявлялось отъ имени царя, что онъ не согласенъ предоставить лондонскимъ купцамъ исключительныхъ правъ торговли, но что съ тѣхъ «гостей», о которыхъ королева станетъ присылать грамоты, будетъ взиматься половинная пошлина. Узнавъ отъ Горсея о положеніи дѣлъ при московскомъ дворѣ, Елизавета перемѣнила тонъ, не настаивала на монополіи и, кромѣ письма царю, послала отдѣльныя письма царицѣ Иринѣ, называя ее «любезнѣйшею кровною сестрою», и Борису Годунову, котораго именовала «роднымъ пріятелемъ» и благодарила за доброхотство къ англичанамъ. Въ 1587 г., по ходатайству Годунова, лондонскіе купцы получили право безпошлинной торговли въ Россіи, вслѣдствіе чего казна лишилась значительнаго дохода. Въ іюнѣ 1588 г. въ Англію вторично былъ посланъ Бекманъ и возвратился оттуда лишь черезъ годъ, такъ какъ и на этотъ разъ долго не могъ получить пріема у королевы, опечаленной смертью гр. Лейчестра. Въ то время, какъ Бекманъ жилъ въ Англіи, въ Москву пріѣхалъ Флетчеръ съ новыми требованіями королевы и тоже въ теченіе полугода ожидалъ представленія царю. Флетчера приняли въ Москвѣ не съ такимъ почетомъ, какой обыкновенно оказывали посланникамъ, а подарокъ королевы царю признанъ настолько незначительнымъ, что возвращенъ; Годуновъ, въ виду этого, тоже не взялъ даровъ королевы. Требованія Елизаветы касались торговли англичанъ въ Россіи, свободы вѣроисповѣданія для нихъ, способа суда надъ ними, права проѣзда въ Бухарію, Шемаху и Персію и помощи «для отысканія земли Китайской». На заявленіе королевы: «если гостей англійскихъ не будетъ въ Россіи, то королева и не услышитъ о царѣ; а долговременная безвѣстность не охлаждаетъ-ли взаимнаго дружества?» бояре отвѣтили, что государь, благодаря королеву за доброе къ нему расположеніе, не можетъ согласиться, чтобы вѣнценосцы не имѣли другихъ средствъ, кромѣ торговли, чтобы сноситься между собою. Царь хочетъ жить въ братствѣ съ иностранными государями и съ королевой Елизаветой не для выгоды купцовъ, а для своего обычая государственнаго.—Флетчеръ прожилъ въ Россіи съ 25 ноября 1588 г. до августа 1589 г. Въ это время находился въ Москвѣ и англійскій купецъ Іеронимъ Горсей. Въ теченіе долгаго пребыванія въ

Россіи онъ выучился говорить по-русски и пріобрѣлъ много свѣдѣній о прошломъ Московскаго государства, о географическихъ и климатическихъ условіяхъ, о нравахъ и обычаяхъ разныхъ сословій. Бесѣды съ Горсеемъ и собственныя наблюденія дали Флетчеру богатый матеріалъ, который онъ привелъ въ порядокъ по возвращеніи въ Англію и напечаталъ подъ заглавіемъ: «Of the Russe Common Wealth». Книга открывается посвященіемъ королевѣ Елизаветѣ, въ которомъ онъ сравниваетъ способъ правленія въ Россіи и Англіи и положеніе народа въ обоихъ государствахъ. Посвященіе заканчивается слѣдующими словами: «Вы должны испытывать радость и удовлетвореніе, владѣя королевствомъ, въ которомъ имѣете не рабовъ, а подданныхъ, исполняющихъ свои обязанности по любви, а не изъ страха». Въ 1591 г. королева запретила эту книгу, находя ее оскорбительной для царя Ѳеодора Іоанновича.

Въ августѣ 1590 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ королевы Іеронимъ Горсей, изгнанный въ 1588 г. изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ «нѣмцевъ» (голландцевъ) въ Архангельскѣ. Такъ какъ и царь и Годуновъ не пожелали видѣть его, то королева написала Годунову, что, не имѣя больше заступника въ Россіи, англичане, вслѣдствіе гоненія Щелкалова, вынуждены будутъ навсегда покинуть ее. Около 1595 г. умеръ Андрей Щелкаловъ. Вслѣдъ за его смертью измѣнилось отношеніе къ англичанамъ, и королева благодарила въ началѣ 1596 г. царя за «добродѣтельную» любовь къ ней, т. е. за новую жалованную грамоту, данную лондонскимъ купцамъ на право безпошлинной торговли во всемъ Московскомъ государствѣ.

Сношенія съ Франціей. Россія вступила въ сношенія съ Франціей лишь въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, когда французскіе купцы стали заглядывать въ гавани Бѣлаго моря. Жанъ Соважъ, купецъ изъ Діеппа, посѣтившій Холмогоры, и гавань св. Николая, гдѣ въ 1584 г. основанъ Архангельскъ, издалъ въ 1586 г. свои впечатлѣнія отъ этого путешествія подъ заглавіемъ: «Relation du voyage en Russie».

Въ 1586 г. былъ посланъ во Францію къ королю Генриху III толмачъ Петръ Рагонъ съ извѣстіемъ о воцареніи Ѳеодора Іоанновича. Отпустивъ обратно Рагона, король отправилъ съ нимъ Франсуа де Карля (de Carle), и вручилъ ему письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю кончины Іоанна и поздравленіемъ Ѳеодора съ восшествіемъ на престолъ. Кромѣ того, Генрихъ III изъявилъ желаніе прислать своего полномочнаго посланника для заключенія договора о свободной торговлѣ французовъ въ Россіи и русскихъ во Франціи. Ѳеодоръ отвѣтилъ согласіемъ. 23 марта 1587 г. былъ заключенъ торговый договоръ отъ имени царя Ѳеодора Іоанновича съ нѣсколькими парижскими купцами. Такъ какъ они *первые* изъ французскихъ купцовъ отважились прибыть для торговли въ Россію, то постановлено было брать съ нихъ пошлину въ половинномъ размѣрѣ, разрѣшивъ свободную торговлю въ Новгородѣ, Псковѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ и Москвѣ. Въ 1595 г. французскій король Генрихъ IV обратился съ письменной просьбой къ Ѳеодору Іоанновичу объ отпускѣ за границу, для свиданія съ родными и друзьями, находившагося при московскомъ дворѣ престарѣлаго медика Павла, миланскаго уроженца. Генрихъ предлагалъ прислать вмѣсто него, если нужно, другого медика, за знаніе и вѣрность котораго онъ можетъ поручиться. Неизвѣстно, ѣздилъ-ли этотъ Павелъ за границу, но въ 1600 г. онъ продолжалъ жить въ Москвѣ и пользовался большимъ почетомъ у Годунова. Вотъ то немногое, что намъ извѣстно о сношеніяхъ съ Франціей за время царствованія Ѳеодора Іоанновича.

Сношенія со Швеціей. Между Швеціей и Московскимъ государствомъ существовали давнишнія пограничныя недоразумѣнія, изъ-за которыхъ часто возникали войны. Сношенія Московскаго государства съ Швеціей происходили обыкновенно черезъ новгородскихъ намѣстниковъ, потому что считалось «невмѣстнымъ» отправлять въ Швецію особыхъ посланниковъ отъ царя, и эти сношенія не обходились безъ непріязненныхъ выходокъ съ обѣихъ сторонъ. Послѣ вступленія на престолъ Ѳеодора Іоанновича эстонскій намѣстникъ Делагарди и новгородскій кн. Вас. Ѳеод. Скопинъ-Шуйскій обмѣнялись рѣзкими письмами по случаю вопроса, пріѣдутъ-ли русскіе послы въ Стокгольмъ для заключенія мира. Вслѣдъ затѣмъ шведскій король Іоаннъ прислалъ царю Ѳеодору съ

гонцомъ грамоту, предлагая не возобновлять войны, и употребилъ такое выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, питаясь кровію подданыхъ, былъ злымъ сосѣдомъ и для насъ и для всѣхъ иныхъ вѣнценосцевъ». Грамота эта была возвращена гонцу, съ приказаніемъ передать королю, что къ сыну не пишутъ такъ объ отцѣ. Съѣздъ шведскихъ и русскихъ уполномоченныхъ 25 октября 1585 г. на устьѣ рѣки Плюсы для переговоровъ о мирѣ не привелъ ни къ какому соглашенію, такъ какъ ни Россія, ни Швеція не шли ни на какія уступки. Въ декабрѣ 1585 г. заключили перемиріе на четыре года, а съѣздъ въ августѣ 1586 г. для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ опять оказался безуспѣшнымъ. Возобновились набѣги русскихъ пограничныхъ жителей на Финляндію и разбои шведовъ въ Заонежской и Олонецкой областяхъ. На предложеніе шведскаго короля въ третій разъ съѣхаться посламъ, московское правительство объявило, что не желаетъ ни мира, ни перемирія, если Швеція не возвратитъ Новгородскихъ земель и не уступитъ Ревеля и всей Эстоніи. Объявивъ Швеціи войну, позаботились собрать какъ можно больше войска. Царь Ѳеодоръ и царица Ирина отправились въ Новгородъ; тамъ были распредѣлены полки, и самъ царь съ главною силою выступилъ 18 января 1590 г. къ Нарвѣ. 27 января была взята Яма (Ямбургъ). Вслѣдствіе осады Нарвы и опустошенія Эстоніи и Финляндіи начались переговоры, закончившіеся заключеніемъ перемирія на годъ и уступкой со стороны Швеціи, сверхъ Ямы, Иванъ-города и Копорья. Шведскій уполномоченный Горнъ обѣщалъ даже уступить на предстоящемъ съѣздѣ всю землю Корельскую, Нарву и другіе эстонскіе города, но шведскій король остался крайне недоволенъ этимъ договоромъ. Личное участіе Ѳеодора Іоанновича въ походѣ было явленіемъ столь необычнымъ, что при возвращеніи его съ войны новгородскій архіепископъ Александръ, а затѣмъ патріархъ Іовъ, встрѣчая въ Москвѣ, въ привѣтственныхъ рѣчахъ сравнивали его съ Давидомъ, сразившимъ Голіаѳа, съ Константиномъ Великимъ и Владиміромъ Святымъ. Въ 1591 г. шведскій король отвергъ перемиріе. Слѣдствіемъ этого было вторженіе шведовъ въ Новгородскую область и опустошеніе мѣстности возлѣ Ямы и Копорья. Лѣтомъ того же 1591 г. шведы проникли въ сѣверную Россію и взяли Сумскій острогъ на Бѣломъ морѣ, намѣреваясь овладѣть всѣми пристанями, чтобы повредить морской торговлѣ. Были посланы стрѣльцы подъ начальствомъ воеводъ, которымъ удалось занять Соловецкій монастырь, угрожаемый шведами, и истребить шведовъ въ Сумскомъ острогѣ. Эти непріязненныя дѣйствія едва не послужили причиной разрыва съ Литвой: вступаясь за своего отца, короля шведскаго Іоанна, польскій король Сигизмундъ не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ польскими послами перемирія, безъ обязательства со стороны Россіи не тревожить Швеціи. Согласившись наконецъ на утвержденіе договора, Сигизмундъ заставилъ внести новое условіе, чтобы въ теченіе 12-ти лѣтъ ни Россія, ни Литва не думали о завоеваніи Нарвы. Зимою 1592 г. русскія войска выжгли въ Финляндіи селенія и города и взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни шведскій король желалъ мира съ Россіей и выслалъ уполномоченныхъ въ августѣ 1592 г. на рѣку Плюсу для переговоровъ. Двухлѣтнее перемиріе было заключено въ январѣ 1593 г. уже отъ имени новаго шведскаго короля Сигизмунда, такъ какъ Іоаннъ умеръ 25 ноября 1592 г. Сигизмундъ соединилъ въ своихъ рукахъ державы двухъ королевствъ, опасныхъ для Россіи, но онъ не сумѣлъ поставить себя должнымъ образомъ въ Швеціи и уѣхалъ въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ сената. На съѣздѣ у Тявзина, близъ Иванъ-города, послѣ долгихъ преній, былъ подписанъ 18 мая 1595 г. договоръ о вѣчномъ мирѣ. Въ силу этого договора Россія получала обратно Новгородскія земли, а Швеція продолжала владѣть Нарвою, Ревелемъ и всей Эстоніей; лапландцы, кольскіе и сосѣдніе съ землею Двинскою, должны были платить дань Россіи, остальные—Швеціи; устанавливалась свободная торговля между обоими государствами; плѣнные освобождались безъ окупа и безъ размѣна; разрѣшался проѣздъ черезъ Швецію московскимъ посламъ, а также всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ въ Россію; обѣ державы обязывались оказывать другъ другу помощь во всѣхъ бѣдствіяхъ и не поддерживать непріятелей союзнаго государства ни людьми, ни деньгами.

Сношенія съ Даніей. Датскій король Фридрихъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Іоанномъ Грознымъ, хотѣлъ установить дружественную связь съ Россіей и 23 августа 1585 г. писалъ Ѳеодору, что всемірная слава о «его христіанскомъ нравѣ и чувствѣ» дастъ ему надежду на прекращеніе старыхъ неудовольствій и на возможность мирныхъ сношеній. Желая выяснить на сѣверѣ точныя границы между Даніей (со стороны Норвегіи, тогда принадлежавшей Даніи) и Россіей. Фридрихъ прислалъ въ Колу повѣреннаго Керстена Фриза, но онъ не дождался московскаго посла кн. Борятинскаго и уѣхалъ обратно. Послѣ кончины Фридриха сынъ и преемникъ его Христіанъ IV изъявилъ желаніе быть съ царемъ Ѳеодоромъ въ «крѣпкой любви», условился съ нимъ о съѣздѣ пословъ въ Лапландію, но тоже безуспѣшно: въ 1592 г. кн. Звенигородскій и Васильчиковъ долго жили въ Колѣ и не могли дождаться датскихъ повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностью и неизвѣстностью пути, бурями и снѣгами. Узнавъ отъ старожиловъ древнюю межу Норвегіи съ Новгородской Лопью, они велѣли пограничнымъ жителямъ прекратить споры и мирно торговать до заключенія письменнаго договора между Даніей и Россіей. Московское правительство обѣщало освободить нѣкоторыхъ плѣнныхъ, взятыхъ русскими во время набѣговъ норвежцевъ на Холмогорскій уѣздъ, и послало объ этомъ грамоты воеводамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда обыкновенно ссылались военно-плѣнные.

Сношенія съ Римскими папами. Папы Григорій XIII и Сикстъ V увѣдомляли Ѳеодора Іоанновича о своемъ желаніи прислать въ Москву Антонія Поссевина, бывшаго уже тамъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Такъ какъ папа Сикстъ V измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе вспомоществовать Стефану Баторію въ войнѣ съ Россіей, то Поссевинъ долженъ былъ стараться умиротворить враждующія стороны. Но смерть Баторія сдѣлала это посредничество излишнимъ. Въ 1595 и 1597 гг. пріѣзжалъ въ Москву посолъ Климента VIII, иллирійскій священникъ Комулей, имѣвшій большое преимущество передъ всѣми прежними послами: онъ зналъ русскій языкъ и могъ объясняться безъ переводчика. Ему было поручено склонять царя къ войнѣ съ Турціей, указавъ на тѣ выгоды, которыя можетъ получить Россія отъ пріобрѣтенія плодородныхъ южныхъ странъ, притомъ населенныхъ народами, родственными намъ по языку и вѣрѣ. Комулей долженъ былъ поставить на видъ, что Византія (черезъ бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ) есть наслѣдственное достояніе московскихъ государей, что только папа можетъ утвердить вѣнценосцевъ въ королевскомъ достоинствѣ, и что истинная церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ султаны торгуютъ саномъ патріарховъ. Неизвѣстны ни ходъ переговоровъ Комулея, ни ихъ послѣдствія.

Сношенія съ Крымомъ и съ Турціей. Въ 1584 г., т. е. въ годъ воцаренія Ѳеодора Іоанновича, въ Крыму произошла перемѣна въ правленіи: ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ въ Константинополѣ своимъ братомъ Исламъ-Гиреемъ, который и занялъ ханскій престолъ. Сыновья Магметъ-Гирея, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные въ 1585 г. дядей, возвратились съ 15 тысячами ногаевъ и свергли Исламъ-Гирея съ престола, но не надолго, такъ какъ черезъ два мѣсяца онъ привелъ войско и одержалъ побѣду надъ племянниками. Хотя эти междоусобія отвлекали вниманіе Крыма отъ Россіи, но по временамъ происходили опустошительные набѣги крымцевъ на Украйну, и московскіе воеводы стояли съ войскомъ на берегу Оки. Отъ имени царя Ѳеодора было дозволено Сайдету кочевать съ ногаями близъ Астрахани, а Мурату предоставлено жить въ самой Астрахани, послѣ того, какъ онъ принесъ въ Москвѣ присягу въ вѣрности, которую онъ дѣйствительно ненарушимо соблюдалъ до самой смерти. Покровительствуя племянникамъ Ислама-Гирея, московское правительство поддерживало сношенія и съ Исламомъ и обѣщало ему забыть о нападеніяхъ крымцевъ на русскіе предѣлы, если онъ окажетъ помощь противъ Литвы. По смерти Ислама, въ 1588 г. ханомъ сдѣлался братъ его Казы-Гирей. Получая отъ Казы-Гирея извѣстія, что онъ старается въ пользу Россіи передъ турецкимъ султаномъ и производитъ опустошенія въ Литвѣ, московское правительство не довѣряло ему, посылало лишь умѣренные дары и продолжало держать на берегу Оки войско. Втайнѣ въ Москвѣ радовались набѣгамъ крымцевъ на Литву, сами

же не только не хотѣли выступить противъ нея, такъ какъ въ это время воевали со Швеціей, но даже послали въ Литву гонца съ изъявленіемъ доброжелательства и сообщеніемъ объ отказѣ Казы-Гирею воевать съ нимъ противъ Литвы. Если Москва не вѣрила Крыму, то и Литва, въ свою очередь, не повѣрила Москвѣ.

Въ 1591 г. Казы-Гирей, недовольный сдѣланными разоблаченіями и отказомъ московскаго правительства отпустить къ нему изъ Астрахани Мурата, вступилъ въ сношенія со Швеціей: требовалъ денегъ и обѣщалъ итти воевать Украйну. Муратъ, между тѣмъ, умеръ скоропостижно; ханъ утверждалъ, что русскіе отравили его; въ Москвѣ приписывали его смерть «порчѣ» со стороны крымцевъ. Весной въ Крыму началось всеобщее вооруженіе, будто бы для похода въ Литву. На берегъ Оки было выслано русское войско въ обыкновенномъ составѣ. 26 іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстью, что степь покрылась крымцами, какъ тучею. Такъ какъ главная русская рать стояла въ Новгородѣ и Псковѣ и не могла подоспѣть къ рѣшительной битвѣ, то Москву объявили въ осадномъ положеніи. По распоряженію Годунова наскоро укрѣпили предмѣстье за Москвой-рѣкой и нѣкоторые монастыри; служили молебны и готовились къ отраженію непріятеля. Воеводы всѣхъ степныхъ крѣпостей съ своими отрядами сошлись къ Москвѣ, и 1-го іюля царь выѣзжалъ къ нимъ въ станъ и милостиво разговаривалъ. 4-го іюля началось сраженіе съ крымцами подъ стѣнами Москвы. Жители Москвы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ битвы; только царь Ѳеодоръ, вставъ послѣ дневного отдыха, равнодушно смотрѣлъ изъ своего терема на сражающихся. За нимъ стоялъ Григ. Вас. Годуновъ и плакалъ. Ѳеодоръ обратился къ нему, увидалъ слезы и сказалъ: «не бойся., завтра тѣхъ поганыхъ не будетъ». Обрадованный Годуновъ тогда же многимъ разсказалъ объ этихъ пророческихъ словахъ. Ханъ остановился въ с. Воробьевѣ и слышалъ ночью неумолкаемую стрѣльбу въ Москвѣ, которую русскіе плѣнники объясняли радостью по случаю прибытія свѣжаго войска изъ Новгорода и Пскова (чего въ дѣйствительности не было). Ханъ испугался и за часъ до разсвѣта бѣжалъ, оставляя по пути въ добычу русскимъ и лошадей, и запасы; изъ его войска воротилось въ Крымъ не болѣе трети. Главные московскіе воеводы дошли до Серпухова, а дальше не сочли возможнымъ преслѣдовать хана. Не станемъ останавливаться подробно на наградахъ, присланныхъ въ Серпуховъ и розданныхъ потомъ въ Москвѣ, скажемъ только, что и въ Россіи, и въ чужихъ земляхъ велѣно было объявить отъ царскаго имени, что Богъ даровалъ побѣду *радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ*. Враги Годунова воспользовались приходомъ хана для своихъ цѣлей; они пустили въ народѣ слухъ, что самъ Годуновъ навелъ хана на Москву, чтобы отвлечь вниманіе отъ волновавшаго всѣхъ убіенія царевича Дмитрія. Толки объ этомъ породили пытки и казни простого люда.

Турецкій султанъ былъ крайне недоволенъ бѣгствомъ Казы-Гирея изъ Россіи. Вскорѣ возобновились сношенія Крыма съ Москвой; обѣ стороны увѣряли другъ друга въ расположеніи, а между тѣмъ крымцы произвели опустошеніе въ Рязанской, Каширской и Тульской областяхъ. Вслѣдствіе этого на всѣхъ *сакмахъ* или путяхъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки стали строить крѣпости и населять ихъ стрѣльцами и казаками для наблюденія за крымскими татарами. Въ ноябрѣ 1593 г. знатные послы, ханскій Ахметъ-Паша и московскіе князья Хворостининъ и Богданъ Бѣльскій, съѣхались на берегу Сосны для предварительнаго договора. Рѣшили прекратить непріятельскія дѣйствія и освободить плѣнниковъ, и тутъ же размѣнялись великіе послы: кн. Щербатовъ поѣхалъ въ Крымъ, а кн. Ишимаметъ въ Москву. Лѣтомъ 1594 г. ханъ прислалъ «шертную» грамоту, напоминавшую прежнія союзныя грамоты Менгли-Гирея. Послѣ этого крымцы въ теченіе трехъ лѣтъ не тревожили Россіи, но московское войско не уходило съ береговъ Оки.

31 августа 1584 г. въ Константинополь былъ отправленъ посланникъ Борисъ Петр. Благово извѣстить султана о восшествіи на престолъ Ѳеодора Іоанновича, объяснить его миролюбивыя намѣренія и склонить Амурата къ дружественнымъ отношеніямъ, напомнивъ, что ихъ отцы и дѣды назывались братьями. Онъ долженъ былъ объявить, что турецкіе купцы могутъ торговать въ Россіи безъ всякаго «завѣта» въ товарахъ и безъ пошлины;

что изъ Терской крѣпости ратные люди выведены еще при царѣ Іоаннѣ, а теперь тамъ живутъ волжскіе казаки, безъ государева вѣдома; и что магометанской вѣрѣ нигдѣ въ Россіи нѣтъ притѣсненія. Благово былъ принятъ въ Константинополѣ съ почетомъ и получилъ отъ султана бархатный кафтанъ съ золотомъ, несмотря на то, что паши высказывали ему недовольство султана «малыми поминками», присланными царемъ. Хотя съ великимъ трудомъ, но все-таки Благово убѣдилъ отправить съ нимъ въ Москву посланника. Султанъ отпустилъ своего «чауша» Ибрагима. Для охраны отъ нападеній терскихъ и донскихъ казаковъ былъ высланъ навстрѣчу обоихъ пословъ воевода Биркинъ, съ приказаніемъ оберегать ихъ. Пріѣхавъ въ Москву, Ибрагимъ отказался отъ переговоровъ съ боярами о союзѣ Турціи съ Россіей и требовалъ, чтобы ему выдали крымскаго царевича Муратъ-Гирея, «присяжника» Россіи, и уняли бы донского атамана Кишкина, нападавшаго на Азовъ. Ибрагиму заявили, что о царевичѣ будетъ наказано съ особымъ посланникомъ, а Кишкинъ отозванъ въ Москву и его товарищамъ запрещено тревожить азовцевъ.

Послѣ этого въ теченіе шести лѣтъ не было отправки пословъ въ Константинополь, и Россія была настроена крайне недружелюбно по отношенію къ Турціи. Въ 1592 г. ѣздилъ къ султану дворянинъ Нащокинъ для переговоровъ объ упроченіи мирныхъ отношеній съ Крымомъ. По дорогѣ въ Константинополь Нащокинъ долженъ былъ передать донскимъ казакамъ грамоту, въ которой царь убѣждалъ ихъ жить мирно съ азовцами и отпустить плѣнныхъ турокъ и черкесъ, за что обѣщалъ имъ свое великое жалованье. Казаки дали Нащокину провожатыхъ до Азова, но на отпускъ плѣнныхъ не согласились. Пріѣхавъ въ Константинополь, Нащокинъ писалъ царю, что ему было «великое истязаніе во розмирьѣ» донскихъ казаковъ съ азовцами. Въ грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича къ султану Амурату между прочимъ сказано: «Мы не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить мечъ на главу мусульманства». Нащокинъ долженъ былъ сказать султану, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ оттого долго не отправлялъ къ нему посланника, что литовско-польскій король не пропускалъ черезъ Литву, а черезъ Донъ тоже опасно ѣхать, вслѣдствіе враждебнаго отношенія какъ донскихъ, такъ и живущихъ тамъ запорожскихъ казаковъ. Нащокину было предписано войти въ тайныя сношенія съ патріархомъ Іереміею и съ Терновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, который незадолго передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Москву и родственникъ котораго Иванъ Грекъ состоялъ ближнимъ человѣкомъ при дворѣ султана. Узнавъ, что при возвращеніи Нащокина изъ Константинополя, султанъ отпуститъ съ нимъ своего чауша править посольство въ Москвѣ, царь послалъ на Донъ дворянина Измайлова съ грамотой къ казакамъ для приготовленія встрѣчи. Какъ оказалось, казаки не дали провожатыхъ согласно требованію кн. Волконскаго, отправленнаго вслѣдъ затѣмъ встрѣчать турецкаго посланника подъ Азовомъ. Пріѣхавъ въ Москву, турецкій посланникъ Резванъ повторилъ требованія, предъявленныя Нащокину въ Константинополѣ, т. е. чтобы были выведены донскіе казаки, а крѣпости на Дону и Терекѣ разрушены. Въ отвѣтъ на грамоту султана отписали, что государевыхъ людей на Дону нѣтъ, а живутъ тамъ «воры», бѣглые люди, которые вмѣстѣ съ запорожскими казаками нападаютъ на турецкіе города безъ вѣдома государя; разрѣшили проѣздъ турецкимъ людямъ черезъ Кабардинскую землю въ Дербентъ и Шемаху. Въ іюлѣ 1594 года отправленъ былъ посломъ къ султану дворянинъ Исленьевъ; онъ долженъ былъ передать грамоту и жалованье терновскому митрополиту, а патріарху повезъ паробка для обученія греческому языку. Подробности его переговоровъ неизвѣстны. Изъ сношеній съ нѣмецкимъ императоромъ узнаемъ, что новый султанъ Магометъ III задержалъ Исленьева въ Константинополѣ.

Сношенія съ Грузіей. Въ 1586 году грузинскій царь Александръ обратился къ Ѳеодору Іоанновичу съ настоятельной просьбой принять Иверію «подъ свою высокую руку». Московское правительство послало гонцовъ черезъ землю мирнаго князя аварскаго, чтобы взять съ царя Александра и со всего народа клятву въ вѣрности Россіи, а вслѣдъ за гонцами былъ отправленъ кн. Звенигородскій съ жалованною грамотой. Царь Александръ и

его три сына Ираклій, Давидъ и Георгій клялись вмѣстѣ со всею землею быть въ вѣчномъ подданствѣ у Ѳеодора и его будущихъ дѣтей и присылать ежегодно въ Москву по 50 злототканныхъ камокъ персидскихъ и по 10 ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собственныя *узорочья* земли иверской. Царь Ѳеодоръ обѣщалъ всѣмъ жителямъ земли иверской «безстрашное пребываніе въ его державной защитѣ». Московское правительство распорядилось объ исправленіи крѣпости на рѣкѣ Терекѣ и отправило туда стрѣльцовъ, подъ начальствомъ воеводы кн. Хворостинина; кромѣ того, оно приняло мѣры къ утвержденію власти Россіи надъ черкесскими и кабардинскими князьями, «присяжниками» со временъ Іоанна; усмирило мятежнаго дагестанскаго князя Шавкала; снабдило Александра огнестрѣльнымъ снарядомъ, обѣщая прислать пушечныхъ мастеровъ, и обратило вниманіе на возстановленіе храмовъ и городовъ Грузіи, такъ какъ многіе были въ развалинахъ. Съ этого времени Ѳеодоръ сталъ писаться «Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей». На требованіе турецкими пашами запасовъ для Баку и Дербента, Александръ отвѣчалъ отказомъ, говоря: «я холопъ Московскаго государя».

Въ 1596 г. московскіе воеводы дважды ходили противъ Шавкала; отъ кн. Засѣкина онъ бѣжалъ въ горы. Кн. Хворостинину велѣно было покорить дагестанскую землю, соединиться въ ней съ войскомъ иверскимъ, подъ предводительствомъ Георгія (сына Александра) и взять ея столицу Тарки, чтобы отдать другому князю дагестанскому, тестю Георгія, Крымъ-Шавкалу. Кн. Хворостининъ взялъ Тарки, но, не получивъ помощи ни отъ Георгія, ни отъ его тестя, вынужденъ былъ вернуться въ Терскую крѣпость. Предпочитая быть подъ властью Россіи, а не Турціи, Александъ тѣмъ не менѣе сталъ неаккуратно платить дань Россіи; онъ оправдывался расходами на свадьбу дочери, отданной за кн. Дадьяна, и многими дарами, которые приходилось посылать султану. Для защиты Иверіи отъ Дагестана московскіе воеводы основали новыя крѣпости на берегу рѣки Койсы.

Сношенія съ Персіей. Въ 1586 году персидскій шахъ Годабендъ прислалъ къ Ѳеодору великихъ пословъ съ извѣстіемъ о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ турками и съ предложеніемъ уступить Россіи издавніе персидскіе города, Баку и Дербентъ, даже въ томъ случаѣ, если не Россія, а самъ шахъ выгонитъ оттуда турокъ. Въ 1588 г. былъ посланъ въ Персію дворянинъ Васильчиковъ для заключенія союза на такомъ условіи. Въ это время шахомъ, какъ оказалось, былъ Мирза-Аббасъ, свергнувшій съ престола своего отца Годабенда и заключившій его въ тюрьму. Новый шахъ принялъ Васильчикова съ великою честью и отправилъ въ Москву своихъ пословъ объявить Ѳеодору: что онъ уступитъ не только Дербентъ и Баку, но и Тавризъ и всю Ширванскую землю, если турки будутъ вытѣснены оттуда съ помощью Россіи; что султанъ предлагаетъ ему миръ, желая выдать свою дочь за его племянника; что онъ однако не хочетъ и слышать объ этомъ, въ надеждѣ на союзъ съ Россіей и съ Испаніей. Послы шаха, представленные Годунову, говорили, что общими силами можно не только выгнать турокъ изъ персидскихъ владѣній, но даже завоевать Константинополь. Вскорѣ послѣ отъѣзда персидскихъ пословъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что Аббасъ заключилъ перемиріе съ султаномъ.—Въ 1593 г. пріѣзжалъ въ Москву посолъ шаха Аббаса съ просьбой возобновить дружескія отношенія съ Персіей и увѣрялъ, что перемиріе, заключенное съ Турціей, только хитрость. Въ 1594 г. кн. Звенигородскій, отправленный посломъ къ шаху, былъ имъ прекрасно принятъ въ Кашанѣ; въ честь его давались пиры и происходили разныя увеселенія; за обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ шахомъ, выше посла Индіи, изъ особеннаго уваженія къ Ѳеодору. Аббасъ говорилъ кн. Звенигородскому о своемъ желаніи возстановить цѣлость Персіи и соглашался вступить въ сношенія съ нѣмецкимъ императоромъ черезъ посредство Москвы. Шахъ послалъ съ кн. Звенигородскимъ въ Москву одного изъ своихъ вельможъ. Царь Ѳеодоръ, въ свою очередь, отправилъ къ шаху кн. Тюфякина съ образцомъ договорной грамоты, чтобы быть союзниками и общими силами выгнать турокъ изъ земель Каспійскихъ; Россія взяла бы въ этомъ случаѣ Дербентъ и Баку, а Персія Ширванскую область. Кн. Тюфякинъ и сопровождавшій

его дьякъ умерли въ пути, о чемъ въ Москвѣ узнали много времени спустя. Аббасъ былъ занятъ тогда войной съ Бухаріей, весьма для него удачной, и сношенія Персіи съ Россіей возобновились уже въ царствованіе Бориса Годунова.

Изъ мѣропріятій по внутреннему распорядку Московскаго государства остановимся на: 1, учрежденіи патріаршества, 2, измѣненіи въ крестьянскомъ землепользованіи, 3, Судебникѣ царя Ѳеодора Іоанновича, 4, покореніи Сибири и основаніи новыхъ городовъ и остроговъ. Центральнаго и областного управленія, а также правительственныхъ распоряженій по части финансовой и торговой мы не касаемся, потому что въ нихъ не произошло существеннаго измѣненія сравнительно съ временемъ Іоанна Грознаго.

Учрежденіе патріаршества. По мѣрѣ возрастанія могущества Россіи, и церковь ея, считавшая своимъ главой константинопольскаго патріарха, все болѣе пріобрѣтала самостоятельности. Вслѣдствіе бѣдственнаго положенія восточныхъ церквей, Россія являлась какъ бы покровительницей и благодѣтельницей ихъ и ежегодно надѣляла деньгами и мѣхами духовныхъ лицъ, пріѣзжавшихъ за «милостыней» отъ патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ, а также изъ аѳонскихъ, палестинскихъ, египетскихъ и сербскихъ монастырей. Лѣтомъ 1586 года впервые пріѣхалъ въ Россію за милостыней самъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Узнавъ о прибытіи его въ Смоленскъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ позаботился устроить ему встрѣчу. Въ Москву патріархъ пріѣхалъ 17 іюня, а 25 состоялся пріемъ его царемъ въ Подписной золотой палатѣ; на пріемѣ Іоакимъ вручилъ государю грамоту отъ константинопольскаго патріарха Ѳеолипта, съ просьбой притти на помощь антіохійской церкви, задолжавшей 8000 золотыхъ. Послѣ пріема Іоакимъ пошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ митрополитъ Діонисій, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, первый благословилъ его. Чувствуя свое зависимое положеніе въ Москвѣ, патріархъ нашелся только «слегка поговорить» Діонисію, «что пригоже было митрополиту отъ него благословеніе приняти напередъ, да и пересталъ о томъ». По окончаніи литургіи патріархъ поѣхалъ во дворецъ на торжественный обѣдъ и былъ одаренъ царемъ: получилъ отъ него 100 р., кубокъ и цѣнныя ткани. Пребываніе Іоакима въ Москвѣ послужило какъ бы толчкомъ для поднятія вопроса объ учрежденіи патріаршества. Мы уже упомянули выше, что царица Ирина имѣла большое вліяніе на Ѳеодора Іоанновича. Она являлась его помощницей, совѣтчицей и руководительницей въ тѣхъ дѣлахъ, которыя онъ намѣревался предпринять; въ большинствѣ случаевъ это были дѣла церковныя, такъ какъ, будучи очень религіозенъ, Ѳеодоръ интересовался ими. «Тайно помысливъ съ своей благовѣрною и христолюбивою царицею и великою княгинею Ириной», Ѳеодоръ приступилъ къ переговорамъ объ учрежденіи патріаршества. Переговоры эти велись съ патріархомъ Іоакимомъ тайно; ему предложили поставить московскаго митрополита въ патріархи, но онъ уклонился отъ этого, а пообѣщалъ передать о желаніи царя собору вселенскихъ патріарховъ.

Лишь два года спустя послѣ отъѣзда патріарха Іоакима, явилась возможность возобновить переговоры объ учрежденіи патріаршества. Лѣтомъ 1588 г. неожиданно пріѣхалъ въ Смоленскъ константинопольскій митрополитъ Іеремія. Въ Москвѣ недоумѣвали, гдѣ прежній патріархъ Ѳеолиптъ, а потому не знали, какъ отнестись къ Іереміи. Получивъ грамоту Іереміи съ просьбой о дозволеніи пріѣхать въ Москву, царь и его приближенные подумали, что быть можетъ онъ везетъ соборное постановленіе объ учрежденіи патріаршества. Встрѣчи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ были торжественны и подробно описаны спутникомъ патріарха, елассонскимъ архіепископомъ Арсеніемъ. По пріѣздѣ въ Москву патріархъ и всѣ его спутники были размѣщены на рязанскомъ подворьѣ; имъ назначенъ былъ щедрый кормъ, приставамъ велѣно относиться къ нимъ съ почтеніемъ и заботиться о нихъ, но въ то же время они очутились какъ бы въ заточеніи: къ нимъ не допускали иноземцевъ, особенно грековъ и турокъ, и всѣ ихъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ происходили съ вѣдома и разрѣшенія посольскаго дьяка Щелкалова. Митрополитъ Іовъ отнесся къ Іереміи совершенно иначе, чѣмъ Діонисій къ Іоакиму; на другой же день послѣ его пріѣзда въ Москву послалъ привѣтствовать и «спросить его о здравіи». Послѣ торжествен-

наго пріема патріарха царь, по его просьбѣ, дозволилъ ему переговорить съ Годуновымъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Выяснилось, что Іеремія пріѣхалъ за милостыней. Помъ онъ заявилъ, что есть у него нѣкоторыя «тайныя рѣчи»; надо полагать, что рѣчи эти касались вопроса о польскомъ престолѣ, такъ какъ, проѣзжая черезъ Литву, патріархъ былъ призванъ канцлеромъ Замойскимъ, и тотъ разсказывалъ ему подробности о сеймѣ и объ избраніи на престолъ шведскаго королевича Сигизмунда. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что патріархъ Іеремія не получилъ отъ восточныхъ патріарховъ полномочія для рѣшенія вопроса о патріаршествѣ, и надо было постараться склонить его поставить московскаго патріарха единолично, безъ собора, а въ случаѣ отказа, заручиться его содѣйствіемъ на предстоящемъ вселенскомъ соборѣ. Митрополитъ монемвасійскій Іероѳей, одинъ изъ спутниковъ Іереміи, такъ передаетъ о его согласіи занять патріаршую каѳедру въ Россіи: «русскіе придумали хитрую уловку и говорятъ: *владыко, если бы ты захотѣлъ и остался здѣсь, мы имѣли бы тебя патріархомъ*. И эти слова имъ (т. е. патріарху и его спутникамъ) сказалъ не царь, и не кто-либо изъ бояръ, а только тѣ, которые ихъ стерегли. И Іеремія неосмотрительно и неблагоразумно, и ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отвѣчалъ: «*остаюсь*». По порученію собранія духовенства Годуновъ долженъ былъ предложить Іереміи остаться патріархомъ въ Россіи, но жить «въ стольнѣйшемъ градѣ Володимерѣ». Предложеніе это обидѣло патріарха; ему стало ясно, что не особенно стараются удержать его въ Россіи, и онъ отказался жить не при царѣ, а въ какомъ-то Владимірѣ. Послѣ этого была собрана боярская дума, и царь сообщилъ, что такъ какъ Іеремія не желаетъ остаться патріархомъ во Владимірѣ, то онъ намѣренъ просить его поставить въ патріархи митрополита Іова. Іеремія очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ усиленныя и настойчивыя просьбы со стороны русскихъ объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ приняли характеръ требованій, а окружавшія его лица неодобрительно относились къ его согласію на исполненіе этого желанія царя. 17 января 1589 года былъ созванъ соборъ изъ высшихъ іерарховъ русской митрополіи для совѣщанія, какъ лучше устроить это великое дѣло. Потолковавъ, они заявили, что пусть самъ царь со своими мудрыми совѣтниками рѣшитъ, какъ все нужно устроить, что они, іерархи, удалились отъ дѣлъ, и ихъ обязанность молить Бога помочь царю въ его начинаніяхъ. По волѣ царя, соборъ постановилъ послать къ патріарху Іереміи дьяка Андрея Щелкалова разузнать всѣ подробности поставленія и взять письменное изложеніе «чина» его. Отличаясь простотой, свойственной греческой церкви, чинъ этотъ не удовлетворилъ царя Өеодора Іоанновича, склоннаго къ церковной торжественности, а потому онъ приказалъ Андрею Щелкалову составить чинъ поставленія въ патріархи изъ чина, написаннаго патріархомъ Іереміей, и чина поставленія въ митрополиты, выработаннаго на соборѣ 1564 г. Не вдаваясь въ подробности дальнѣйшихъ пересылокъ съ Іереміей, скажемъ, что роль его была страдательная: въ «приговорѣ государя» были намѣчены кандидаты для избранія на патріаршій престолъ и на учреждаемые вновь митрополичьи и архіепископскіе столы и начертанъ планъ предстоявшаго торжества. Изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ для избранія въ патріархи, царь остановилъ свой выборъ на митрополитѣ Іовѣ, и 26 января состоялось его посвященіе. Позаботились обставить съ внѣшней стороны наивозможно пышнѣе и богаче. Въ Успенскомъ соборѣ заранѣе приготовили возвышеніе, на которомъ поставили три кресла—для царя и обоихъ патріарховъ. Государево мѣсто было «оболочено» и обито «сукны червчатыми», стулъ же позолоченъ и обитъ лазоревымъ бархатомъ; патріаршія мѣста обиты лазоревымъ сукномъ, а стулья покрыты чернымъ бархатомъ. Отъ возвышенія, по обѣ стороны, поставлены скамейки для высшаго духовенства, а на церковномъ помостѣ, посрединѣ, написанъ большой орелъ. По окончаніи чина поставленія въ патріархи и литургіи, Өеодоръ Іоанновичъ произнесъ привѣтственную рѣчь и подалъ Іову золотой посохъ. Въ этотъ день оба патріарха обѣдали у царя, и греки были поражены богатствомъ убранства, обиліемъ и разнообразіемъ яствъ и питій. На другой день оба патріарха были приняты царемъ въ Золотой палатѣ, полной бояръ, дворянъ и духовенства. Патріархъ Іовъ поднесъ царю

образъ Богородицы въ золотой оправѣ, послѣ чего государь провелъ обоихъ патріарховъ, въ сопровожденіи епископовъ и «царскаго синклита», къ царицѣ. Описаніе пріема у царицы, сдѣланное Арсеніемъ елассонскимъ, очень интересно, но о немъ не приходится распространяться въ біографіи Ѳеодора Іоанновича.

Несмотря на неоднократныя просьбы патріарха Іереміи объ отпускѣ его въ Царьградъ, его удерживали въ Москвѣ и отпустили лишь въ маѣ 1589 г., послѣ того какъ грамота объ учрежденіи патріаршества была скрѣплена печатью царя и подписями и печатями обоихъ патріарховъ и высшаго духовенства. Передъ отъѣздомъ патріархъ и его спутники были приняты царемъ и получили богатые подарки, состоявшіе изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, шубъ, соболей, тканей и денегъ. Царь собственноручно передалъ Іереміи драгоцѣнную митру, осыпанную жемчугомъ и каменьями, съ распятіемъ наверху и съ жемчужной надписью вокругъ: «отъ царя—патріарху». Произнесены были благодарственныя рѣчи, а елассонскій архіепископъ Арсеній колѣнопреклоненно просилъ разрѣшить ему навсегда остаться въ Россіи, что ему и было обѣщано.

Черезъ два года патріархъ Іеремія прислалъ соборную грамоту объ утвержденіи патріаршества въ Россіи за подписью его, патріарховъ іерусалимскаго и антіохійскаго, 42-хъ митрополитовъ, 19-ти архіепископовъ и 20-ти епископовъ.

Крестьянскіе переходы и сыски бѣглыхъ крестьянъ. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича произошло важное измѣненіе въ правахъ землевладѣльцевъ по отношенію къ крестьянамъ. Утверждая, что въ 1592 г. былъ изданъ указъ, отмѣнявшій правила двухъ первыхъ Судебниковъ о свободѣ перехода крестьянъ въ Юрьевъ день, Татищевъ, Карамзинъ и русскіе историки до половины 70-хъ годовъ XIX в. брали за точку отправленія указъ 24 ноября 1597 г. «Которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, и изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ, и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ, и изъ монастырьскихъ вотчинъ, *выбѣжали до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ*, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ, и митропаличьимъ и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами, и съ дѣтми, и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». Но вторая часть указа 1597 г. исключаетъ возможность такого толкованія. Тамъ сказано: «А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и болши, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, и патріаршьи, и митрополичьи и владычьи дѣти боярскіе, и монастырскихъ вотчинъ приказщики, и служки, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и болши, государю царю и вел. князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи не бивали челомъ; и государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи указалъ и по государеву цареву и в. кн. Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити». Сперанскій и новѣйшіе историки и историки русскаго права, основываясь на этой части указа 1597 г., видятъ лишь стараніе правительства упорядочить предъявленіе исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ постепенность прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, надо хотя вкратцѣ познакомиться съ первоначальными условіями поселенія ихъ на земляхъ помѣщичьихъ, вотчинниковыхъ, церковныхъ или монастырскихъ. Срокъ найма, или (употребимъ теперешнее выраженіе) аренды земли колебался отъ 1 года до 10 лѣтъ, чаще всего бывалъ 5, 6 и 10 лѣтъ. «Рядъ» и «вырядъ» (начало и конецъ найма) выпадалъ на конецъ марта и начало апрѣля, или на зимняго Николу. Условіе являлось обоюднымъ, а потому за «недоживъ» до срока, равно какъ и за досрочный вырядъ со стороны владѣльца, назначалась неустойка. Нанимая хозяйственный, преимущественно пашенный участокъ, крестьянинъ заключалъ съ его

владѣльцемъ договоръ—«рядъ», или «порядъ», т. е. принималъ на себя извѣстныя обязательства. Порядчикъ долженъ былъ удобрять поля, огораживать ихъ, пахать, сѣять и вообще «не запереложить» пашню, т. е. не запустить ее; существовавшія постройки поддерживать, а если построекъ не было, то поставить, что указано въ условіи. Въ пользу землевладѣльца крестьяне платили *оброкъ* или *празгу*—извѣстное количество мѣръ зерновыхъ хлѣбовъ, или опредѣленную долю урожая, и доставляли куръ, яйца, масло, рыбу, ягоды, грибы. Сверхъ оброка они отбывали разныя повинности, которыя назывались «издѣльемъ», «боярскимъ дѣломъ» (барщина), «помѣщицкимъ дѣломъ», или «крестьянскимъ дѣломъ»; довольно рѣдко опредѣлялось въ «порядокъ» количество дней въ году, назначенныхъ для «здѣльной работы»; въ большинствѣ случаевъ устанавливалась только обязанность «на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіе крестьяне ходятъ». Кромѣ того крестьяне принимали на себя уплату различныхъ государственныхъ сборовъ и отбываніе повинностей.

Условія крестьянской аренды осложнялись необходимостью денежной или хозяйственной поддержки со стороны землевладѣльцевъ, которая называлась *подмогой* или *ссудой*. На ссуженыя деньги «серебро»—шелъ «ростъ», на ссуженый хлѣбъ—«наспъ» (отъ глагола насыпать). Крестьянамъ трудно было своевременно платить «ростъ», размѣръ котораго опредѣлялся въ заемныхъ кабалахъ XVI в. «какъ идетъ въ людѣхъ на пять шестой», т. е. равнялся 20%. Въ виду этого, если срокъ займа былъ пятилѣтній, стали писать кабалы вдвойнѣ, такъ какъ въ 5 лѣтъ занятый капиталъ удваивался. Вошло въ обычай вмѣсто «роста» на подмогу, или ссуду, назначать «издѣлье». Не имѣя средствъ для разсчета съ землевладѣльцами, крестьяне лишались возможности пользоваться правомъ перехода; выходъ безъ уплаты долга становился уже «бѣгствомъ», и бѣглому крестьянину грозилъ искъ о возвратѣ къ прежнему землевладѣльцу, съ выдачей «головою до искупа», т. е. холопствомъ до отработки долга. Если сторонній землевладѣлецъ платилъ за крестьянина долгъ прежнему землевладѣльцу, то крестьянинъ становился должникомъ этого новаго землевладѣльца, который *перевозилъ* его къ себѣ; такимъ образомъ «выходъ» превращался въ «свозъ», а «переходъ» въ «перевозъ», что видно уже изъ памятниковъ половины XV в. Въ половинѣ XVI в. возникъ рядъ челобитныхъ помѣщиковъ и крестьянъ по поводу незаконнаго вывоза, или незаконнаго задержанія крестьянъ; изъ этихъ челобитныхъ ясно, что не сами крестьяне отказывались, а ихъ за себя отказывали другіе землевладѣльцы. Бывали случаи, что задолжавшіе крестьяне въ теченіе долгаго времени жили за однимъ владѣльцемъ; такіе *старинные* крестьяне, или *старожильцы*, стали считаться утратившими право перехода, въ силу давности или старины, и положили начало образованію владѣльческихъ крестьянъ. Обычай возникъ въ огражденіе интересовъ землевладѣльцевъ и связывалъ крестьянъ, не ограничивая правъ землевладѣльцевъ, которые могли отпускать ихъ, или принимать «отказы» на нихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ на извѣстныхъ условіяхъ. Хотя не было издано указа о прикрѣпленіи сторожильцевъ, но обычай оказался сильнѣе закона и, по словамъ Дьяконова, «старина, какъ основаніе прикрѣпленія, нашла примѣненіе не только среди владѣльческихъ крестьянъ, но и среди крестьянъ черныхъ волостей и посадскихъ тяглецовъ. Старинныхъ тяглыхъ крестьянъ и посадскихъ людей можно было возвращать назадъ безъ соблюденія правилъ Судебника (1550 г.) объ отказѣ, такъ какъ эти старые тяглецы не имѣли права покидать своихъ тяглыхъ участковъ и дворовъ въ силу давности жительства». Въ теченіе XVI в. значительное количество «черныхъ» земель было роздано въ помѣстья служилымъ людямъ и въ вотчины монастырямъ. Споры изъ-за старожильцевъ между землевладѣльцами и тяглыми общинами особенно обострились послѣ завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царствъ и учрежденія опричины. Населеніе двинулось въ мѣстности по среднему и нижнему теченію Волги, бассейна Камы и верхняго Дона, вслѣдствіе чего произошло запустѣніе посадовъ, селъ и деревень во многихъ уѣздахъ Московскаго государства, и цѣнность крестьянскаго труда настолько возросла, что явилась необходимость удерживать за собой крестьянъ и возникло стремленіе вернуть бѣглыхъ. Съ введеніемъ опричнины произошло перемѣщеніе вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ большинствѣ случаевъ

служилыхъ княжатъ, изъ однихъ владѣній въ другія, и споры изъ-за бѣглыхъ крестьянъ и старожильцевъ еще болѣе запутались. Чтобы уменьшить количество судныхъ дѣлъ о «бѣглыхъ» былъ изданъ указъ 1597 г.; онъ прекращалъ всѣ иски, начатые ранѣе 1592 г., и допускалъ только возникшіе въ этотъ промежутокъ времени, такъ какъ въ 1593 г. были учреждены писцовыя книги, которыя и положены въ основу рѣшенія споровъ о бѣглыхъ крестьянахъ.

Вопросъ о «Судебникѣ» 1589 года. Къ тому же году, въ которомъ было учреждено патріаршество, относится весьма замѣчательный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько загадочный юридическій памятникъ—т. наз. *Судебникъ* царя Ѳеодора Іоанновича. Найденный въ исходѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія С. К. Богоявленскимъ въ числѣ рукописей, принесенныхъ въ даръ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Ф. Ф. Мазуринымъ, Судебникъ дошелъ до насъ въ этомъ *единственномъ экземплярѣ* и, будучи обслѣдованъ и изданъ въ 1900 г. Богоявленскимъ, онъ съ этого времени подвергается учено-критическому изученію русскихъ историковъ и историковъ русскаго права. На основаніи этихъ изученій можно притти къ слѣдующимъ, если не вполнѣ положительнымъ, то довольно вѣроятнымъ выводамъ: 1) Судебникъ 1589 г. есть черновая и неисправная редакція проекта дополненій и измѣненій т. наз. Царскаго Судебника 1550 г. (въ Судебникѣ 1550 г. имѣется 100 статей; въ Судебникѣ 1589 г. ихъ 231, изъ которыхъ новыхъ статей 67, а остальныя состоятъ въ дополненіяхъ, или сокращеніяхъ прежнихъ статей). 2) Редакція принадлежитъ малограмотному лицу, незнакомому съ московскими судебно-приказными порядками. 3) Съ точностью нельзя утверждать, былъ-ли этотъ Судебникъ заслушанъ царемъ, но не приведенъ въ исполненіе, или же формула о заслушаніи, которой открывается Судебникъ, являлась только повтореніемъ таковой же формулы Судебника 1550 г. 4) Въ Судебникѣ отразились многія особенности сѣвера и сѣверо-запада Руси, составлявшихъ до исхода XV в. владѣнія Новгорода Великаго. Особенности эти относятся къ языку, быту и общественному укладу указанной мѣстности. Здѣсь обычное право стародавнихъ русскихъ насельниковъ и земскій ихъ строй очевидно были очень живучи и дальнѣйшее изученіе Судебника 1589 г., быть можетъ, укажетъ намъ связь этого памятника не только съ Важской и Двинской уставными грамотами XVI в., но и съ Новгородской судной грамотой XV в. и съ русскими церковными уставами. Остановимся подробнѣе на этихъ особенностяхъ.

Вмѣсто прежнихъ волостелей и отчасти губныхъ старостъ являются земскіе судьи; они не «кормятся» отъ судныхъ дѣлъ, а отсылаютъ судныя пошлины государю и производятъ судъ не единолично, а вмѣстѣ со «старостами» и цѣловальниками. Повидимому, еще къ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставались въ это время губные старосты. Въ статьѣ о безчестіи лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ общества, мы находимъ *значительное* измѣненіе и дополненіе Судебника 1550 г. Вводятся новыя общественныя группы, указывающія на своеобразный общественный укладъ сѣвера и сѣверо-запада Россіи, и по количеству пени, взимаемой за ихъ безчестіе, можно установить до нѣкоторой степени ихъ общественную градацію. Во главѣ этихъ группъ стоитъ земскій дьякъ, за нимъ слѣдуютъ: 1) «гости», т. е. иностранные купцы, большіе, средніе и малые, 2) торговые люди посадскіе, судьи и старосты (церковный и губной), 3) «добрые» торговые крестьяне, низшіе судебные чины (подвойскій и сотскій) и «описной (?) скоморохъ», 4) молодшіе люди, посадскіе и волостные; молодшіе судебные чины, «*неописной* скоморохъ», московскіе городскіе нищіе, кликуны и калики. Затѣмъ является цѣлый рядъ лицъ, подчиненный церковному суду и управленію: священникъ сельскій (волостной), дьякъ (т. е. дьячекъ), пономарь, просвирня, игуменъ, чернецъ. Возникаетъ заботливость о судьбѣ незаконнорожденныхъ, вдовъ, дѣвицъ и нищихъ вообще, чего въ статьѣ о безчестьѣ Судебника 1550 г. нѣтъ вовсе. Служилые люди царскіе, какъ и по Судебнику 1550 г., не получаютъ за увѣчье опредѣленной пени, а денежное взысканіе за ихъ увѣчье назначается *по указу* царя; но къ лицамъ, тамъ перечисленнымъ, здѣсь прибавлены ратные люди вообще, стрѣльцы, вольные казаки и «царскіе каменщики». Безчестье остается ненаказуемымъ для татей, разбойниковъ, поджигателей и вообще для «лихихъ людей», потому что они *лихіе*

люди. Послѣ общественныхъ классовъ особый интересъ представляютъ статьи Судебника 1589 г., относящіяся къ сельскому быту вообще и къ крестьянамъ землепашцамъ въ особенности. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить заботу о сельскомъ хозяйствѣ и разныхъ промыслахъ и объ исправности путей сообщенія. Особенно характерны статьи, регулирующія строй древне-русссой сѣверной крестьянской общины и особой въ этой общинѣ формы землевладѣнія т. наз. «складничества». Если принять въ соображеніе, что русскій сѣверъ никогда не зналъ вотчиннаго и помѣщичьяго крѣпостного права, то статьи Судебника 1589 г. о крестьянскомъ отказѣ и переходѣ въ Юрьевъ день и получаютъ особо важное значеніе: онѣ касаются крестьянскаго отказа и перехода на земляхъ монастырскихъ и вольныхъ общинныхъ (черносошныхъ). Укажемъ въ заключеніе на слѣдующія еще важныя стороны Судебника 1589 г.: 1) этотъ Судебникъ, несмотря на то, что не былъ офиціальнымъ судебникомъ въ Московскомъ государствѣ послѣ Судебника 1550 г.—имѣлъ все-таки нѣкоторое примѣненіе на практикѣ въ судебныхъ рѣшеніяхъ сѣверной Руси, 2) онъ совсѣмъ не былъ извѣстенъ въ другихъ областяхъ Московскаго государства, а потому не знали его и составители Уложенія 1649 г.

Покореніе Сибири и основаніе новыхъ городовъ и остроговъ. Покореніе Сибири, начатое при Іоаннѣ Грозномъ, закончилось при Ѳеодорѣ. Въ 1585 г., уже послѣ гибели Ермака, московское правительство отправило въ Сибирь стрѣльцовъ съ воеводами и огнестрѣльными орудіями. Стали строить крѣпости и города; прежде всего была построена Тюмень, затѣмъ Тобольскъ, гдѣ воздвигли первую христіанскую церковь въ Сибири. Къ Тобольской крѣпости подступилъ одинъ изъ сибирскихъ князей Сейдякъ; московскіе воеводы взяли его въ плѣнъ со всѣмъ обозомъ и богатствомъ, и съ тѣхъ поръ городъ Искеръ опустѣлъ, а Тобольскъ сдѣлался новой столицей Сибири. Въ 1591 г. сибирскій воевода кн. Кольцовъ-Мосальскій ходилъ противъ хана Кучума; близъ озера Чили-Кула онъ истребилъ большую часть его конницы, захватилъ двухъ женъ его и сына Абдулъ-Хаира. Отъ имени Ѳеодора Іоанновича Кучуму было предложено оставить его царемъ въ Сибири, если онъ явится въ Москву съ изъявленіемъ покорности, но Кучумъ не шелъ ни на какія уступки. Между тѣмъ воздвигались новые города; въ 1592—96 г.г. были построены: Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ и Кетскій острогъ. Кромѣ ратныхъ людей, стрѣльцовъ и казаковъ, посылались въ Сибирь и земледѣльцы изъ Перми, Вятки, Каргополя и областей Московскихъ, чтобы завести въ удобныхъ мѣстахъ пашню.

Подвигаясь въ Сибири все болѣе и болѣе на востокъ и постепенно покоряя сибирскихъ инородцевъ, правительство царя Ѳеодора Іоанновича въ то же время зорко слѣдило за укрѣпленіемъ русской власти среди поволжскихъ инородцевъ и предпринимало цѣлый рядъ мѣръ какъ для защиты Московскаго государства отъ набѣговъ степняковъ съ юга и съ юго-востока, такъ и для защиты его западныхъ границъ. Послѣ усмиренія черемисъ построены были на горной и на луговой сторонѣ Волги крѣпости: Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ (нынѣшній Царевококшайскъ), Санчурскъ и др. и населены русскими. Въ Астрахани въ 1589 г. возведена была каменная крѣпость; выше ея, по Волгѣ построены Самара, Царицынъ и Саратовъ. Для того, чтобы обезопасить себя отъ набѣговъ ногаевъ и крымскихъ татаръ, начали строить остроги и проводить сторожевыя линіи въ степи, которая рѣкою Дономъ дѣлилась на восточную или ногайскую и западную или крымскую. Ногайская сторона была защищена лѣсами, тянувшимися по рѣкѣ Цнѣ, а потому на ней построили меньше укрѣпленій; по крымской линіи расположили остроги преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которые проходили крымцы, на т. наз. бродахъ и перелазахъ. Въ степи возникли: Курскъ, Ливны, Елецъ, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки и Кромы. На отдѣленномъ Яикѣ, въ Башкиріи, построена Уфа. Война съ Баторіемъ навела на мысль, что слѣдуетъ укрѣпить Смоленскъ, а потому въ 1596 году тамъ построили каменную крѣпость. Въ концѣ декабря 1597 г. царь Ѳеодоръ Іоанновичъ занемогъ, а 7 января 1598 г. скончался. Лѣтописныя сказанія различно передаютъ предсмертную волю царя относительно назначенія преемника. По свидѣтельству однихъ, передъ самой кончиной Ѳеодоръ сказалъ: «въ царствѣ воленъ Богъ»; Иринѣ же, какъ было рѣшено между ни-

ми еще раньше, «повелѣ принять иноческій образъ». Другіе говорятъ, что когда Годуновъ спросилъ умирающаго царя, въ присутствіи Ирины и Ѳеодора Никитича Романова, двоюроднаго брата Ѳеодора Іоанновича со стороны матери, кому быть на царскомъ престолѣ,—онъ указалъ на Ѳеодора Никитича, какъ на своего преемника.

Послѣ кончины Ѳеодора Іоанновича весь «царскій синклитъ», съ правителемъ Годуновымъ во главѣ, въ присутствіи патріарха Іова, принесъ присягу царицѣ Иринѣ. Во исполненіе воли умершаго царя и скорбя, что «ею единою царскій корень конецъ пріятъ», Ирина не захотѣла остаться на царствѣ и, вслѣдъ за погребеніемъ Ѳеодора Іоанновича, удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ и постриглась съ именемъ Александры.

Въ заключеніе приведемъ отзывъ о Ѳеодорѣ Іоанновичѣ кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго, какъ наиболѣе краткій и характерный: «Царь же Ѳеодоръ возрастомъ малъ бѣ, образъ постничества нося, смиреніемъ обложенъ, о душевней вещи попеченіе имѣя, на молитвѣ всегда предстоя и нищимъ требующая подая; о мірскихъ ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи. Отъ младенства даже и до конца живота своего тако пребысть, за сіе же спасеное дѣло его Богъ царство его миромъ оградп, и враги подъ нозѣ его покори, и время благоутѣшно подаде». Всѣ прочія сказанія единодушно восхваляютъ благочестіе Ѳеодора Іоанновича, его кротость, милосердіе, нищелюбіе, постничество и удаленіе отъ мірской суеты. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ въ своемъ «Временникѣ» употребилъ даже такое выраженіе: «мню, не убо кто согрѣшитъ, аще и въ молитвахъ того призоветъ». Патріархъ Іовъ въ «Повѣсти о честнѣмъ житіи царя Ѳеодора Ивановича», выставляя его дѣйствительныя свойства, уклоняется отъ истины, такъ какъ признаетъ въ немъ дѣятельнаго правителя, чего, какъ мы знаемъ, на дѣлѣ не было. При поставленіи въ 1619 г. въ патріархи ростовскаго митрополита Филарета Никитича (въ міру Ѳеодора Никитича Романова) было написано «Извѣстіе о началѣ патіаршества въ Россіи»; въ немъ тоже помѣщено похвальное слово Ѳеодору Іоанновичу и выражается сожалѣніе, что онъ не оставилъ потомства.

«С. Г. Г. и Д.», т. т. I—III.—«А. А. Э.», т. т. I, II, IV.—«Акты Ист.», т. т. I и II.—«Доп. къ Акт. Ист.», т. т. I, II, III, V.—*Ѳедотовъ-Чеховскій*, «Акты, относящ. до гражд. расправы въ др. Россіи». Кіевъ. 1860 г., т. I.—«Памятники диплом. сношеній», т. т. 1, 2 и 10.—«Памятники дипломатич. и торгов. сношеній Московской Руси съ Персіей». Изд. подъ ред. *Н. И. Веселовскаго*. СПБ. 1890 г., т. I.—*А. Поповъ*, «Изборникъ слав. и рус. сочин. и статей, внес. въ хронографы рус. ред.» М. 1869 г.—*Fletcher*, «La Russie au XVI siècle» Trad. de l'anglais. Avec une introduction par Charles *du Bouzet*. Leipzig et Paris. 1864.—То же въ русскомъ переводѣ, изд. Суворина.—*С. М. Середонинъ*, «Сочиненіе Джильса Флетчера, «Of the Russe Common Wealth», какъ историч. источникъ», СПБ. 1891 г.—*Ю. В., Толстой*, «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіей и Англіею». СПБ. 1875 г.—*Rambaud*, «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France». Paris. 1890, t. I.—«Сказанія *Массы* и *Геркмана* о смутномъ времени въ Россіи». СПБ. 1874 г.—«Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ». СПБ, 1837 г., ч. I—IV.—«Записки отдѣленія рус. и слав. археологіи Импер. Археолог. Общ.» СПБ. 1851 г., т. I, отд. III.—«Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 38.—«Д. Р. Вивл.», т. т. XII, XV.—«Р. И. Б.», т. XIII.—*Е. Е. Замысловскій*, «Объясненія къ учебному атласу по рус. исторіи». СПБ. 1887 г.— *Н. М. Карамзинъ*, «Исторія госуд. Рос.», изд. *Эйнерлинга*, т. т. IX, X.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. VII.—*И. Е. Забѣлинъ*: 1) «Домашній бытъ русск. царицъ», 2 изд. М. 1872 г.; 2) «Домашній бытъ русск. царей», 3-е изд. М. 1895 г.—*С. Ѳ. Платоновъ*: 1) «Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ истор. источникъ». СПБ. 1888 г.; 2) «Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд. XVI—XVII в.в.». СПБ. 1899 г.—*А. Я. Шпаковъ*, Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи». Одесса 1912 г.—*М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, «Обзоръ исторіи русскаго права» Изд. 6-е. Кіевъ. 1909 г.—*М. А. Дьяконовъ*, «Очерки обществ. и государ. строя древней Руси». Изд. 3-е. СПБ. 1910 г.—«Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.» М. 1900 г. Изд. Комиссіи печатанія Госуд. грамотъ и договоровъ при Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Съ предисл. *С. К. Богоявленскаго* и съ «Замѣчаніями о Судебникѣ царя Ѳеодора» *В. О. Ключевскаго*.—*Владимірскій-Будановъ*, «Судебникъ 1589 г., его значеніе и источники» («Извѣстія Кіевск. Унив.», 1902 г., кн. 3).—*М. М. Богословскій*, «Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1905 г., кн. 12).

В. Корсакова.

Ѳеодоръ Козьмичъ, сибирскій отшельникъ, личность котораго легенда отожествила съ императоромъ Александромъ I, якобы ушедшимъ отъ міра (а не умершимъ) въ 1825 г. и скрывавшимся въ

неизвѣстности въ теченіе многихъ лѣтъ. Несмотря на то, что историческіе документы, относящіеся къ кончинѣ императора Александра I въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 г., категорически отвергаютъ возможность подобнаго предположенія, тѣмъ не менѣе легенда эта до настоящаго времени служитъ предметомъ всесторонняго изслѣдованія. Скудость фактическихъ данныхъ (большинство которыхъ основано опять же на преданіяхъ, слухахъ и молвѣ народной) о жизни Ѳ. К. въ Сибири и полное отсутствіе свѣдѣній о его происхожденіи и прошломъ мѣшаютъ изслѣдователямъ поднять завѣсу съ таинственной исторіи старца-отшельника, возбуждающаго интересъ даже помимо сближенія его съ царственнымъ двойникомъ, почившимъ въ Таганрогѣ.

Жизнь Ѳ. К. становится намъ до нѣкоторой степени извѣстной только начиная съ 1836 г., когда ему было уже около 60-ти лѣтъ. Осенью этого года онъ былъ задержанъ въ Красноуфимскѣ (Пермской губ.), какъ непомнящій родства бродяга, и, послѣ тщетныхъ увѣщаній назвать себя, наказанъ плетьми и сосланъ на поселеніе въ Томскую губернію. Въ мартѣ 1837 г., съ 43-ей партіей ссыльныхъ, Ѳ. К. прибылъ въ Боготольскую волость и былъ приписанъ къ деревнѣ Зерцаламъ, но поселенъ на Краснорѣченскомъ казенномъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ смотритель отнесся къ нему очень внимательно; не отягощая старца работою, онъ доставлялъ ему все необходимое. Такъ прожилъ Ѳ. К. около пяти лѣтъ, а въ 1842 г. переѣхалъ въ Бѣлоярскую станицу и поселился здѣсь въ избѣ, выстроенной для него казакомъ Семеномъ Николаевичемъ Сидоровымъ. Чѣмъ и какъ существовалъ здѣсь «безродный» старикъ—неизвѣстно. Возможно, что окрестные крестьяне, среди которыхъ уже распространилась слава о его святой жизни, заботились о немъ. Извѣстно, что они часто посѣщали его, обращаясь къ нему за совѣтомъ и духовной помощью. Старецъ имъ не отказывалъ въ этомъ, но тяготясь многолюдствомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, покинулъ Бѣлоярскую свою келью и перешелъ по мѣсту своей приписки въ деревню Зерцалы. Здѣсь жилъ онъ нѣкоторое время въ кельѣ, выстроенной для него отбывавшимъ срокъ наказанія каторжаниномъ Иваномъ Ивановымъ, но затѣмъ, вѣроятно въ поискахъ уединенія, сталъ часто мѣнять свое мѣстопребываніе, переходя изъ деревни въ деревню. Въ 1843 г. онъ, по слухамъ, нѣкоторое время работалъ на золотыхъ пріискахъ Попова въ Енисейской тайгѣ. Шесть лѣтъ спустя, Ѳ. К. снова поселился близъ села Краснорѣченскаго, гдѣ для него устроена была келья богатымъ мѣстнымъ крестьяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Латышевымъ. Утомленный годами и долгой скитальческой жизнью, старецъ, повидимому, искалъ покоя, но это ему съ трудомъ удавалось. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ больше уединялся благочестивый отшельникъ, чѣмъ строже и воздержаннѣе была его жизнь, тѣмъ больше возбуждалъ онъ интереса къ себѣ, тѣмъ больше росла его популярность. Восемь лѣтъ прожилъ Ѳ. К. у Латышева; за это время послѣдній нѣсколько разъ, по просьбѣ старца, перемѣщалъ его келью, но громкая молва повсюду находила ее. Старца посѣщали здѣсь и мѣстные жители и случайные путешественники, среди которыхъ, полагаютъ, бывали и высокопоставленныя лица. Нѣсколько разъ навѣщалъ его здѣсь преосвященный Аѳанасій, епископъ иркутскій; въ концѣ 50-хъ годовъ пасѣку Латышева посѣтилъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ, графъ Л. Н. Толстой, проведшій цѣлый день въ кельѣ старца. По свидѣтельству современниковъ, Ѳ. К. съ нѣкоторыми посѣтителями бесѣдовалъ на иностранныхъ языкахъ, въ бесѣдахъ своихъ онъ обнаруживалъ большія и разнообразныя познанія, знакомство съ свѣтской жизнью, съ придворными порядками, съ бывшими государственными людьми. Обладая великолѣпной памятью, онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ о минувшихъ годахъ, объ Отечественной войнѣ, о пребываніи императора Александра I въ Парижѣ; говорилъ обо всемъ, какъ очевидецъ, но о своей роли во всѣхъ этихъ событіяхъ никогда не упоминалъ, точно такъ же, какъ никогда не говорилъ ни о своемъ происхожденіи, ни о своемъ прошломъ. Очевидно, онъ не хотѣлъ, чтобы и другіе касались этого вопроса; но таинственность, которой окружалъ онъ себя для этого, имѣла совсѣмъ обратное дѣйствіе: келья загадочнаго отшельника все больше и больше привлекала къ себѣ любопытства.

Изъ мѣстныхъ жителей особенно заинтересовался Ѳ. К. томскій купецъ Се-

менъ Ѳеофановичъ Хромовъ. Часто посѣщая старца, онъ убѣдительно просилъ его переселиться къ себѣ въ окрестности Томска. Приглашенію Хромова Ѳ. К. послѣдовалъ въ концѣ 1858 г., послѣ того, какъ его любимица, сирота-крестьянка Александра Никифоровна, снабженная его совѣтами и указаніями, уѣхала отъ него на югъ Россіи. Поселившись въ кельѣ на такъ называемой «Хромовской заимкѣ», въ 4-хъ верстахъ отъ города, Ѳ. К. провелъ здѣсь послѣднія пять лѣтъ своей жизни. Скончался онъ 20-го января 1864 г. (80-ти лѣтъ—согласно метрической записи о его кончинѣ) и погребенъ на кладбищѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря. На могилѣ его сперва водруженъ былъ скромный крестъ съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Ѳеодора Козьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года», въ настоящее же время тамъ выстроена часовня.

Еще за нѣсколько лѣтъ до смерти Ѳ. К., въ Сибири стали носиться слухи о царственномъ якобы происхожденіи томскаго отшельника. Почитатели старца охотно поддерживали эти толки, окружавшіе его особымъ ореоломъ величія, и въ рѣчахъ Ѳ. К. искали подтвержденія своихъ предположеній. Но Ѳ. К., какъ уже сказано, упорно отмалчивался, когда рѣчь заходила о его прошломъ, или отвѣчалъ загадочно: «Это Богъ знаетъ».

Когда въ концѣ 60-хъ годовъ, купецъ С. Ѳ. Хромовъ поѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ, разнесся слухъ, правда ни на чемъ не основанный, будто онъ повезъ къ императору Александру II какія-то важныя бумаги, принадлежавшія старцу Ѳ. К., и легенда перебросилась въ Европейскую Россію. Здѣсь она нашла благодарную почву для своего дальнѣйшаго развитія, соединилась съ давно позабытыми слухами, волновавшими общество въ 20-хъ годахъ, о томъ, будто вмѣсто императора Александра Павловича похоронено было другое лицо, а самъ государь удалился въ невѣдомый монастырь, и въ этомъ фазисѣ стала сопоставляться съ нѣкоторыми историческими данными изъ жизни императора Александра I: не разъ высказаннымъ имъ намѣреніемъ въ свое время отречься отъ престола, послѣднимъ отъѣздомъ его изъ столицы, давнишней склонностью его къ мистицизму и проч. Сама по себѣ красивая и заманчивая легенда вліяла на мистически настроенные умы, пріобрѣтала себѣ приверженцевъ и привела къ тому, что даже такой серьезный знатокъ Александровской эпохи, какъ Н. К. Шильдеръ, готовъ былъ повѣрить сибирской легендѣ о своемъ любимомъ героѣ. Отказавшись, повидимому, отъ попытки доказать ея правдивость, не рискуя стать въ противорѣчіе съ имѣвшимися въ его распоряженіи историческими матеріалами, Шильдеръ тѣмъ не менѣе въ IV томѣ своей «Исторіи царствованія императора Александра I», излагая легенду о Ѳ. К., прозрачно намекаетъ на ея допустимость. Подъ вліяніемъ Шильдера и кн. В. В. Барятинскій заинтересовался этимъ вопросомъ. Въ своей книгѣ «Царственный Мистикъ» онъ дѣлаетъ попытку отожествить личность императора Александра I съ старцемъ Ѳ. К. и съ этой цѣлью подвергаетъ критикѣ документы, относящіеся къ болѣзни и смерти императора въ Таганрогѣ. Авторъ считаетъ возможной симуляцію кончины государя, но въ рукахъ его нѣтъ ни одного документа, который бы показалъ читателю, какимъ именно образомъ могъ быть совершенъ такой безпримѣрный въ исторіи подлогъ. Доводы кн. Барятинскаго въ пользу его гипотезы, будто вся офиціальная исторія о послѣднихъ дняхъ императора Александра I составлена была позже, какъ бы по заказу, вообще мало убѣдительны. Онъ основываетъ свои предположенія главнымъ образомъ на томъ, что всѣ подлинныя записи обрываются на 11 ноября и возобновляются лишь позже опять въ 20-хъ числахъ. «Мнѣ лично, пишетъ онъ, кажется, что именно 11-го ноября случилось что то особенное, чего мы не знаемъ, но что невольно заставляетъ призадуматься». Между тѣмъ безпристрастное разсмотрѣніе тѣхъ же историческихъ матеріаловъ, на которые ссылается кн. Барятинскій [подробный журналъ кн. П. М. Волконскаго о ходѣ болѣзни государя, записки медиковъ Вилліе и Тарасова, акты о кончинѣ, протоколъ вскрытія тѣла, письма разныхъ лицъ, близко стоявшихъ къ императору, и между ними особенно письма императрицы Елизаветы Алексѣевны, А. Д. Соломки и др.], и строгій психологическій анализъ ихъ въ статьѣ великаго князя Николая Михаиловича «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири» (СПБ., 1907 г.) приводятъ къ не-

оспоримому доказательству факта кончины императора въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 г., а слѣдовательно и къ логическому отсюда выводу, что Ѳ. К. не могъ быть Александромъ.

Кто же былъ таинственный старецъ, пока остается нерѣшеннымъ. О немъ не сохранилось почти никакихъ документовъ; переписка его, если и существовала таковая, то во всякомъ случаѣ пока нигдѣ не обнаружена. Изъ писаній самого Ѳ. К. дошло до насъ только нѣсколько лоскутковъ бумаги: 1) четыре листочка въ видѣ ленты, на которыхъ имѣются отдѣльныя слова, обрывки изреченій, буквы, цифры и дата 26 марта 1837 г.,—эта такъ наз. «тайна» Ѳ. К., которую, несмотря на самые тщательные розыски ключа, пока еще никому не удалось разгадать; 2) конвертъ съ надписью: «Милостивому государю Семіону Ѳеофановичу Хромову отъ Ѳеодора Козьмича» и 3) наконецъ, копія съ записки, представляющей наборъ изреченій изъ священнаго писанія и датированная 2-мъ іюня 1849 г.

Въ упомянутой выше статьѣ «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири» великій князь Николай Михаиловичъ высказываетъ предположеніе, что благочестивый старецъ, быть можетъ, былъ побочнымъ сыномъ императора Павла Петровича въ бытность его наслѣдникомъ престола (отъ вдовы С. Ст. Чарторижской, рожд. Ушаковой), Семеномъ Аѳанасьевичемъ, получившимъ въ свое время фамилію Великаго, но за недостаткомъ фактическихъ данныхъ и эта гипотеза пока не можетъ быть доказана. Слѣдуетъ имѣть въ виду и еще лицъ, исчезновеніе коихъ было таинственно. Напримѣръ, въ 1827 г. безслѣдно пропалъ бывшій кавалергардъ, камергеръ Ѳедоръ Александровичъ Уваровъ (р. 1780 г.).

Такимъ образомъ вопросъ объ опредѣленіи личности Ѳ. К. остается пока открытымъ.

Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе», т. IV, Спб., 1904 г. — *Вел. кн. Николай Михаиловичъ*, «Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳеодора Козьмича» («Истор. Вѣстн.», 1907 г. и отдѣльно).—*Д. К. Тарасовъ*, «Воспоминанія» («Русск. Старина», 1871 — 72 г.). — Записки Елисаветы Алексѣевны (Библіотека Его Величества).—Записки Волконскаго.—Записки Вилліе. — Послѣдніе дни жизни императора Александра I. Спб., 1827 г.—«Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I», traduit du russe par D. Priklonskoy. St. Petersbourg, 1834.—*И. Данилевскій*, «Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра I».—Москва, 1828 г. — *Его же*, «Духъ вѣнценосныхъ супруговъ въ Бозѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елисаветы». Москва, 1829 г.—*Е. Ковалевскій*, «Графъ Блудовъ и его время» (царствованіе императора Александра I. С.-Петербургъ, 1866 г.). — «Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre, fondée sur les informations les plus authentiques» (Гос. Арх. Разрядъ 3, № 136).—*Василичъ*, «Легенда объ императорѣ Александрѣ I и старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ» (4 изданія).—*А. А. Голомбіевскій*, «Легенда и исторія» («Русск. Архивъ» 1908 г.).—Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Ѳеодора Козьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 — 64 гг.» (Спб. 1891 г.). — *Романовъ*, «Старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ». Томскъ, 1912 г. — *Кн. В. В. Барятинскій*, «Царственный мистикъ» (Спб. 1912 г.).—*А. А. Кизеветтеръ*, «Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ» («Рус. Вѣд.», 1912 г., № 299).—Сборникъ біографій кавалергардовъ, т. III, стр. 133.

А. Г.

Ѳеодоръ Константиновичъ, святой князь, муромскій чудотворецъ, сынъ св. благовѣрнаго кн. Константина Святославича. Послѣ Любечскаго съѣзда князей (1097 г.) св. Константинъ получилъ въ удѣлъ г. Муромъ. Такъ какъ въ Муромѣ сильно было язычество, то святой Константинъ принялъ на себя апостольскій подвигъ и отправился туда съ своими сыновьями—Михаиломъ и Ѳеодоромъ—просвѣщать грубыхъ муромцевъ св. вѣрою. Приближаясь къ городу, онъ послалъ сына Михаила для убѣжденія жителей принять его и обратиться въ христіанство, но язычники убили Михаила и выбросили тѣло его вонъ изъ города, а къ св. Константину прислали пословъ съ объявленіемъ, что готовы принять его на княженіе, однако безъ перемѣны языческой вѣры. Муромъ былъ занятъ Константиномъ, въ немъ были построены двѣ церкви и язычники крещены въ православную вѣру по усерднымъ и продолжительнымъ молитвамъ св. кн. Константина. О кончинѣ сына его Ѳеодора свѣдѣній не сохранилось, самъ же св. Константинъ скончался въ 1129 году. Всѣ трое погребены въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ; прославленіе ихъ началось со времени обновленія въ 1237 г. Благовѣщенскаго храма; празднованіе имъ 21 мая установлено на Московскомъ со-

борѣ 1547 г.; нетлѣнныя мощи ихъ обрѣтены въ 1555 г.

Барсуковъ, «Источники русской агіографіи».—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—Житія святыхъ на русскомъ яз., изложенныя по руководству четій—миней св. Дм. Ростовскаго, май.—Мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ—архіеп. Димитрія, май.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ Лазутиничъ (*Лазутичъ*), бояринъ новгородскій XIII в. Въ лѣтописяхъ упоминается подъ 1215 годомъ во время борьбы въ Новгородѣ народной партіи съ сторонниками Суздаля. Когда прибылъ въ Новгородъ приглашенный «суздальщинцами» переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичъ и началъ круто расправляться съ представителями враждебной партіи, Ѳ. Л. выступилъ въ неблагодарной роли: онъ оклеветалъ предъ княземъ тысяцкаго Якуна Намнѣжица. «По грѣхомъ нашимъ, говоритъ лѣтопись, обади Федоръ Лазутиниць и Иворъ Новотържьчь Якуна тысяцьскаго Намнѣжиця». Князь созвалъ вѣче, а съ вѣча толпа бросилась «на дворъ Якунь, и розграбиша, и жену его яша»...

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 33; т, IV, стр. 20; т. X, стр. 68.—«Нов. Лѣт. по Синод. списку», стр. 197. *Б. Г.*

Ѳеодоръ Михайловичъ, новгородскій бояринъ XIII в., бывшій посадникъ. Въ 1224 году онъ съ рушанами ходилъ на Литву, но походъ его былъ неудаченъ: «не ту ся зло сотвори», говоритъ лѣтопись. Литовцы разбили рушанъ, многихъ убили, другихъ по лѣсамъ разогнали и много коней у нихъ отняли. Ѳ. М. извѣстенъ въ лѣтописи еще, какъ основатель двухъ церквей: святого Михаила и святыхъ трехъ отроковъ. Церкви эти онъ строилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Твердиславомъ.

«П. С. Р. Л.», т III, стр. 37, 39, 41, 119; т. IV, стр. 18.

Ѳеодоръ Михайловичъ, воевода углицкій. Въ 1446 г. посланъ былъ великимъ княземъ Дмитріемъ Шемякою противъ князей Ряполовскихъ, задумавшихъ въ союзѣ съ нѣкоторыми дѣтьми боярскими освободить изъ заточенія великаго князя Василія Васильевича Темнаго и его дѣтей. Заговорщики условились собраться подъ Угличемъ въ Петровъ день. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій Шемяка послалъ къ устьямъ Шексны рать подъ начальствомъ воеводы Василія Вепрева, а Ѳ. М. велѣлъ идти на соединеніе съ нимъ. Но Вепревъ былъ разбитъ Ряполовскими при устьи Мологи и углицкій воевода, не подоспѣвъ къ нему во-время, поспѣшно отступилъ за Волгу. Предупрежденный заговоръ противъ Дмитрія Шемяки не имѣлъ, такимъ образомъ, успѣха, но неудачныя дѣйствія его воеводъ противъ сторонниковъ Василія дали послѣднимъ возможность спастись бѣгствомъ и искать себѣ поддержки въ Литвѣ.

«Пол. Соб. Рус. Л.», т. VI, стр. 175; т. VIII, стр. 118.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Гос. Рос.», т. 5, прим. 340. *А. Г.*

Ѳеодоръ Никифоровичъ, степенный посадникъ псковскій, въ мартѣ 1463 г. стоялъ во главѣ войска, посланнаго изъ Пскова противъ нѣмцевъ, воевавшихъ подъ Кобыльимъ (Новымъ городкомъ). При извѣстіи о приближеніи псковской рати нѣмцы поспѣшно отступили, побросавъ свои запасы, а псковичи заняли городокъ и укрѣпились въ немъ. Между тѣмъ новыя вѣсти о разореніяхъ и пожарахъ, учиненныхъ непріятелемъ, стали приходить и изъ другихъ псковскихъ пригородовъ. Рать, сидѣвшая въ Кобыльемъ, нуждалась въ подкрѣпленіи. Ѳ. Н. и бывшій съ нимъ другой посадникъ Тимоѳей послали гонца съ грамотою въ Псковъ, откуда вскорѣ дѣйствительно явилась помощь. Соединившись теперь съ пригорожанами, псковичи, по полученнымъ свѣдѣніямъ, направились въ Колпиное, въ догонку нѣмецкой рати, и здѣсь близъ рѣки Колпиной нанесли нѣмцамъ страшное пораженіе, сами же, по словамъ лѣтописи, «возвратившася добри и здрави ко Пскову съ великою побѣдою, и съ честію, и со многимъ полономъ» и «ни одинъ человѣкъ псковской рати не паде».

«Полн. Соб. Р. Л.», т. IV, стр. 222, 223; т. V, стр. 34. *А. Г.*

Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, литовскій князь, бывшій на службѣ у московскаго великаго кн. Василія Темнаго, отъ котораго онъ и былъ посланъ въ Новгородъ Великій въ качествѣ княжескаго намѣстника. Первый разъ онъ упоминается въ лѣтописи подъ 1420 годомъ, когда онъ, какъ представитель Новгорода, вмѣстѣ съ другими новгородскими послами, участвовалъ въ съѣздѣ съ нѣмцами въ Наровѣ, гдѣ и былъ заключенъ съ нѣмцами выгодный для Новгорода миръ, заставившій лѣтописца по аналогіи вспомнить времена Александра Невскаго. Князь Ѳ. П. послѣ этого событія недолго оставался въ Новгородѣ: въ 1424 г. псковичи обратились къ

великому князю московскому съ просьбой дать имъ князя, и Василій Дмитріевичъ послалъ къ нимъ Ѳ П., въ княженіе котораго псковичи заключили съ нѣмцами миръ и стремились помириться съ Литвой, но совершенно безуспѣшно: Витовтъ «съ яростію» отказался пойти навстрѣчу мирному предложенію. На слѣдующій годъ (1425) мы видимъ князя Ѳ. П. бѣгущимъ изъ Пскова въ Москву, преслѣдуемаго страхомъ сдѣлаться жертвой эпидеміи, тогда свирѣпствовавшей въ Псковѣ. Въ Псковѣ кн. Ѳ. П. пробылъ только 1 годъ и 2 мѣсяца. Скончался онъ въ Москвѣ въ 1426 г.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 109; т. IV, стр. 119; т. V, стр. 24; т. VI, стр. 141.—*Соловьевъ*, «Ист. Росс.». изд. «Общ. П.», т. 1, стр. 1050, 1176.—*Экземплярскій*, «Вел. и Уд. Кн.», т. I, стр. 145, 146, 376, 413, 414.

Б. Г.

Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, посадникъ псковскій XV в.; въ лѣтописяхъ встрѣчается нѣсколько разъ между 1444—1456 г.г. Въ 1444 г. онъ ѣздилъ въ Ригу для переговоровъ о мирѣ съ ливонскими нѣмцами, который и былъ заключенъ 8 сентября съ магистромъ ордена Финке на 10 лѣтъ. Но перемиріе не было прочно: Финке, соединясь съ великимъ магистромъ нѣмецкаго ордена въ Пруссіи и заключивъ въ 1447 г. договоръ съ шведскимъ королемъ, выступилъ въ походъ противъ Новгорода. Новгородцы же какъ разъ въ этомъ году заключили миръ съ псковичами и теперь дѣйствовали совмѣстно. Нѣмцы и шведы потерпѣли пораженіе, слѣдствіемъ котораго явился съѣздъ на рѣкѣ Наровѣ для заключенія мира. Среди псковскихъ пословъ, отправленныхъ на этотъ съѣздъ, былъ и посадникъ псков. Ѳ. П. Въ 1456 г. онъ вмѣстѣ съ новгородскими послами—владыкой Евѳиміемъ и другими былъ отправленъ къ великому князю Василію Васильевичу просить прекратить его размиріе съ Новгородомъ Великимъ.

«П. С. Р. Л.», т. IV, стр. 212, 214 и 217; т. V, стр. 30, 31 и 32.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», т. I, стр. 417.

Б. Г.

Ѳеодоръ Пинещиничъ (*Пинещиницъ*), богатый новгородецъ начала XIII в., повидимому, бояринъ. О немъ только извѣстно, что въ 1207 г. онъ построилъ церковь во имя святого Пантелеймона. Въ однѣхъ лѣтописяхъ сказано: «съверши церковь святаго Пантелѣймона», а въ другихъ: «свершиша церковь святого Пантелеймона въ монастырѣ»...

«Полн. Соб. Р. Лѣт.». т. III, стр. 30, 128, 219; т. IV, стр. 19.—«Новгородская Лѣт. по Сиподальн. Харат. списку», стр. 189.

Ѳеодоръ Сбыславичъ, бояринъ новгородскій XIII вѣка, «мужъ добръ», какъ его называютъ лѣтописи. Въ 1268 г. былъ убитъ вмѣстѣ съ другими 6-ью мужами во время похода новгородцевъ на Раковору.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 59; т. IV, стр. 40; т. V, стр. 193; т. VII, стр. 167.

Ѳеодоръ Твердиславичъ, бояринъ новгородскій XIV вѣка, участвовалъ въ новгородскомъ посольствѣ къ Московскому князю Ивану Даниловичу, когда этотъ послѣдній въ 1333 году явился вмѣстѣ съ низовыми князьями и засѣлъ въ Торжкѣ, разославъ свое войско опустошать Новгородскую волость. Ѳ. Т. вмѣстѣ съ архимандритомъ Лаврентіемъ и нѣкіимъ мужемъ Лукою Варѳоломеевымъ были отправлены къ Ивану Даниловичу «отложить свое нелюбье Новугороду». Посольство не имѣло успѣха.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 76; т. IV, стр. 204; т. V, стр. 220; т. VII, стр. 204; т. X, стр. 206; т. XXIII, стр. 104.—*Экземплярскій*, «Вел. и уд. кн.», ч. I, стр. 75.

Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ, бояринъ, а затѣмъ посадникъ новгородскій XIV в. Первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1384 годомъ, когда онъ вмѣстѣ съ другими новгородскими боярами и житьими людьми въ предвидѣніи близкой войны ѣздилъ «Яму города ставити». Здѣсь онъ названъ воеводой. Въ качествѣ посадника онъ присутствовалъ при крупныхъ событіяхъ во внутренней жизни Новгорода: въ его посадничество новгородцы пытались сдѣлать свою церковь автономной, оторвавъ ее отъ Московской митрополіи, при чемъ самъ посадникъ Ѳ. Т., повидимому, сочувствовалъ этому движенію. «Цѣловаша крестъ Ѳедоръ посадникъ Тимоѳеевичъ, говоритъ лѣтопись, тысяцкій Богданъ Обакуновичъ, на вѣчи на княжи дворѣ и вси бояре, и дѣти боярьскіи, и житьи и черныи люди, и вся пять концовъ, что не зватися къ митрополиту, судити владыкѣ Алексѣю въ правду по Манакануну, а на судъ подняти двѣма исцемъ по два боярина сторонѣ и по два житья человѣка;

также и посаднику и тысяцкому судити право по цѣлованію». Очевидно, на вѣчѣ былъ поднятъ вопросъ вообще о судѣ въ Новгородѣ и пересмотрѣнъ заново и утвержденъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ судъ новогородскій вообще. Посадникъ не могъ быть пассивнымъ зрителемъ этихъ событій, потому что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемъ его имя, онъ всегда играетъ какую-нибудь важную роль, всегда дѣйствуетъ. Такъ, послѣ нашествія Димитрія Донского на Новгородъ, когда новгородцы постановили дать князю 8000 р. и, давъ только 3000, остальныя 5000 предоставили князю собрать съ заволочанъ въ наказаніе за ихъ участіе въ походѣ на Волгу, вызвавшемъ и самое нашествіе на Новгородъ московскаго князя, въ Заволочье былъ посланъ посадникъ Ѳ. Т., лицо, достаточно авторитетное для сбора контрибуціи; когда послѣ семилѣтняго размирья съ нѣмцами въ 1391 году новгородцы захотѣли вступить съ ними въ мирный торговый договоръ (дѣло очень серьезное и тонкое), въ числѣ уполномоченныхъ пословъ отъ Новгорода мы видимъ и посадника Ѳ. Т. Съѣздъ для новгородцевъ принесъ желанный результатъ: миръ и договоръ состоялся. Среди обостренныхъ классовыхъ отношеній, когда при самомъ незначительномъ поводѣ вспыхивалъ классовый антагонизмъ и разражался въ Новгородѣ междоусобной бранью, мы замѣчаемъ фигуру посадника Ѳ. Т. среди бушующей толпы. Въ 1418 году вспыхнулъ въ Новгородѣ большой мятежъ: меньшіе люди возстали на большихъ, «усобная рать» достигла рѣдкихъ даже въ Новгородѣ размѣровъ. Владыка Симеонъ облачился для умиренія паствы своей; «и пріиде къ нему посадникъ Ѳ. Т., и съ иными посадники и тысяцкими и благовѣрніи, христіане, и кланяхуся владыцѣ, глаголюще: да уставить народы». Дѣятельно проживъ жизнь свою, онъ въ 1421 г. скончался въ монастырскомъ чинѣ.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 94, 95, 108, 137; т. IV, стр. 91, 92, 94, 98, 117, 120, 138; т. V, стр. 242; т. VIII, стр. 51.—*Бѣляевъ*, «Разск. изъ рус. ист.», т. II, стр. 429.—*Калайдовичъ*, «Опытъ о посад. Нов.», стр. 233—235.—*Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. I, стр. 1020, прим. 5.—*Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. V, прим. 106, 107, 169, 254.—*Экземплярскій*, «Велик. и удѣльн. князья сѣверной Руси», т. I, стр. 366, 367, 375, 376.

Б. Г.

Ѳеодоръ Хотовичъ, вѣроятно, новгородскій бояринъ. Въ лѣтописяхъ упоминается только одинъ разъ подъ 1271 г.: «Лѣта 6779 г. постави церковь святого Саввы Ѳеодоръ Хотовичъ».

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. III, стр. 62.

Ѳеодоръ Шибалкиничъ *(Шивалкиничъ, Шибалкинъ)*, посадникъ псковскій XV вѣка. Первый разъ упоминается въ лѣтописи въ посольствѣ псковскомъ къ великому князю Василію Дмитріевичу съ просьбой дать имъ князя. Это событіе относится Псковской первой лѣтописью къ 1412 г., а Псковской второй—къ 1410 г. Ѳ. Ш. вмѣстѣ съ другими псковскими боярами участвовалъ въ 1420 году въ религіозной процессіи, отправившейся изъ Пскова взять и принести въ Псковъ явившуюся чудеснымъ образомъ въ Чирскахъ икону Божіей Матери. Затѣмъ въ 1423 и 1426 гг. онъ, въ качествѣ посла, былъ отправленъ съ важными порученіями въ Москву къ в. кн. Василію Дмитріевичу и въ Вороначъ, осожденный литовцами, къ литовскому князю Витовту. По важности этихъ порученій мы можемъ судить о степени вліятельности Ѳ. Ш. въ дѣлахъ псковскихъ, о той роли, какую онъ игралъ въ псковскомъ обществѣ. Съ Литвой отношенія испортились. Витовтъ грозилъ войной, и псковичи отправили въ Москву двухъ посадниковъ Юрья Винкова и Ѳ. Ш. просить московскаго князя, чтобы онъ «своему тестю Витовту за Псковичь доброе слово посалъ, абы гнѣва не держалъ и вины отдалъ». Посольство не увѣнчалось успѣхомъ. Кажется, Ѳ. Ш. послѣ неудачной поѣздки въ Москву ходилъ посломъ къ самому Витовту, по крайней мѣрѣ во второй Псковской лѣтописи подъ 1425 годомъ читаемъ, что псковичи послали къ князю Витовту какого-то Ѳеодора посадника. Это посольство тоже успѣха не имѣло. И было знаменіе, предсказывавшее «нахожденіе поганаго князя Витовта и многое пролитіе христіанскихъ кровей». Витовтъ дѣйствительно пришелъ и осадилъ сначала Опочку, потомъ Вороначъ. Новгородцы отказали въ помощи псковичамъ. Вороночане, отчаявшись въ защитѣ своего города, послали гонца къ псковичамъ, и псковичи отправили къ Витовту опять своего посадника Ѳ. Ш. и съ нимъ бояръ «и много биша челомъ». Витовтъ и на этотъ разъ остался непреклоненъ. Посадникъ

Ө. Ш., какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшихъ событій, считался въ Псковѣ не только дипломатомъ, которому можно было поручать вести переговоры, и вообще пользоваться его услугами въ качествѣ посла, но въ критическую для Пскова минуту онъ обнаружилъ и военныя дарованія и готовность умереть въ неравномъ бою за свою родину. Послѣ отказа Витовта въ мирѣ псковичи рѣшили защищаться рѣшительно. Между прочимъ, и посадникъ Ө. Ш. съ 400 псковичей долженъ былъ идти на защиту Котельна. Литовцы съ значительнымъ численнымъ перевѣсомъ пробовали было удержать его, но были мужественно отбиты, и посадникъ Ө. Ш. блестяще выполнилъ свою задачу, потерявъ немного убитыми и взятыми въ плѣнъ.

10 января 1434 года Ө. Ш. не стало.

«П. С. Р. Л.», т. IV, стр. 201, 204; т. V, стр. 21, 23—26.—*Экземплярскій, А. В.*, «Вел. и уд. князья», т. I, стр. 152, 413, 414.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», т. V, прим. 202, 254, 260, 386.

Б. Г.

Өеодоръ Яковлевичъ, посадникъ новгородскій XV вѣка. Въ лѣтописи упоминается подъ 1447 годомъ, когда онъ въ числѣ другихъ пословъ былъ отправленъ въ Москву къ князю Димитрію Шемякѣ, только что утвердившемуся въ Москвѣ и извѣстившему объ этомъ новгородцевъ. Посольство достигло своей цѣли: князь цѣловалъ крестъ «на всѣхъ старинахъ» новгородскихъ. Въ другой разъ подъ 1464 г. мы встрѣчаемъ посадника Ө. Я. въ посольствѣ къ великому князю Ивану Васильевичу III. Посольство приходило жаловаться на псковичей и просить князя дать имъ воеводу для похода на псковичей. Великій князь «хотячи миру и тишины», воеводы не далъ и ходить на псковичей не велѣлъ. Въ виду того, что эти послѣднія извѣстія мы черпаемъ изъ донесенія псковскаго посольства, которое, вернувшись изъ Москвы, передало слова великаго князя о новгородскомъ къ нему посольствѣ и его цѣли, мы должны отнестись осторожно къ этимъ извѣстіямъ, какъ имѣющимъ дипломатическое значеніе: быть можетъ, событія представлены здѣсь въ особомъ освѣщеніи, не совсѣмъ совпадающемъ съ дѣйствительностью. Но фактъ участія въ этомъ новгородскомъ посольствѣ посадника Ө. Я. не подлежитъ никакому сомнѣнію.

«П. С. Р. Л.», IV, стр. 126, 228.—*Калайдовичъ*, «Опытъ о пос. Новг.», стр. 305, 306.—*Карамзинъ*, «Истор. Госуд. Рос.», т. V, стр. 203; прим. 348, 361. *Б. Г.*

Өеодоръ Якуновичъ (*Өеда Якуновичъ*), новгородскій тысяцкій XIII в., участвовалъ въ 1234 году въ походѣ Новгорода на литовцевъ, осаждавшихъ безуспѣшно Русу. Новгородцы подъ предводительствомъ своего князя Ярослава Всеволодовича встрѣтили литовцевъ, отступавшихъ отъ Русы, на Дубровнѣ, гдѣ и произошелъ ожесточенный бой, въ которомъ пали вмѣстѣ съ другими 10 лучшихъ новгородскихъ мужей, и въ числѣ ихъ тысяцкій Ө. Я.

«П. С. Р. Л.», т. III, стр. 50; т. IV, стр. 30; т. XV, стр. 363.

Өеодоръ Ярославичъ, святой благовѣрный князь новгородскій, сынъ Ярослава Всеволодовича, старшій братъ св. кн. Александра Невскаго, родился въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ зимой въ 1219 году. Лѣтописи говорятъ, что въ 1228 г. отецъ, недовольный новгородцами, при отъѣздѣ обратно въ Переяславль-Залѣсскій, оставилъ въ Новгородѣ вмѣсто себя двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ Өеодора и Александра (подъ присмотромъ Өеодора Даниловича и тіуна Якима), но вскорѣ дѣти, въ виду опаснаго настроенія умовъ въ Новгородѣ подъ вліяніемъ несчастій, были тайно увезены къ Ярославу. Въ 1230 г. новгородцы снова призвали Ярослава, который, торжественно поклявшись блюсти ихъ вольности, уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ Ө. и Алесандра. Въ 1232 г. псковичи просили къ себѣ въ князья Ө., но Ярославъ отказалъ. Въ томъ же году князь Ө. вмѣстѣ со Всеволодомъ Юрьевичемъ и др. князьями ходилъ на мордву,—много селъ пожгли и народу много избили. Въ 1233 г., по желанію отца, долженъ былъ состояться бракъ князя Ө.: невѣста была приведена, приглашенные гости собрались на свадебный пиръ, но женихъ, князь Ө., внезапно скончался 5 іюня 1233 года. Погребенъ онъ былъ въ новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ. Св. нетлѣнныя мощи его обрѣтены въ 1614 г., при нашествіи шведовъ: одни говорятъ, что шведы разбили его гробницу и надругались надъ нетлѣннымъ тѣломъ; другіе-же утверждаютъ, что мощи были перенесены въ новгородскій Софійскій соборъ «для сохра-

ненія отъ неистовства враговъ»,—гдѣ и нынѣ почиваютъ открыто. Время причтенія кн. Ѳ. къ лику святыхъ неизвѣстно.

А. К. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья сѣверной руси», т. I, стр. 13, 14, 18, 19, 30, 281—284, 332, 333, 336.—*Филаретъ*, «Русскіе святые».—«Описаніе Новгор. Софійскаго собора».— *Макарій*, «Новгор. древности и святыни»—Мѣсяцесловы—Сергія, Димитрія и др.— *Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи.—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—*Голубинскій*, «Исторія канонизаціи святыхъ».—Служба св. благов. князю Ѳеодору—рукоп. Архива Св. Син., № 3872.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ Яруновичъ, вѣроятно, бояринъ новгородскій, извѣстный въ лѣтописи тѣмъ, что оклеветалъ передъ ханомъ татарскимъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, который и пострадалъ сильно за землю Русскую. Въ лѣтописи объ этомъ говорится такъ: «Поганымъ же силу дѣющимъ надъ крестьяны, того ради себе не пощадѣ и иде въ орду великую, пагубную землю татарскую и много пострада за землю Русскую, обаженъ же бысть Ѳедоромъ Яруновичемъ царю и многи дни претерпѣвъ». Соловьевъ въ своей исторіи предполагаетъ, что Ѳ. Я. дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не лично отъ себя и для себя, и что смерть Ярослава въ ордѣ была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ.

«П. С. Р. Л.», т. V, стр. 186; т. VII, стр. 156; т. X, стр. 133; т. XV, стр. 393; т. XXIII, стр. 82.—*Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. I, стр. 833.—*Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Рос.», т. IV, прим. 38.

Ѳеодоръ Ѳедоровичъ, московскій бояринъ начала XV вѣка. Упоминается въ числѣ свидѣтелей, присутствовавшихъ при составленіи (около 1407 г.) великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ своего перваго духовнаго завѣщанія.

Н. М. Карамзинъ, «Исторія Госуд. Рос.», т. V, прим. 228.

Ѳеодоръ (*Бухаревъ, Александръ Матвѣевичъ*) вошелъ въ букву **В.**

Ѳеодоръ (Ѳеодосій) Мелешко (*Мелешковичъ, Милешкевичъ, Мелешкевичъ*?), епископъ уніатскій холмскій и белзскій. Фамилія «Мелешко» часто упоминается въ актахъ Городенскаго и Слонимскаго судовъ 1558—1611 г.г., упоминается въ разныхъ документахъ и за дальнѣйшіе годы XVII в. Мелешки жили и владѣли имѣніями въ Слонимскомъ повѣтѣ; занимали видныя должности маршалковъ, каштеляновъ, хорунжихъ и т. п.; входили въ родство съ князьями Соломерецкими, съ Воловичами, Жоховскими. Но въ предъявленныхъ королю на Варшавскомъ сеймѣ 1626 г. (28 января—10 марта) требованіяхъ посольской избы выражается недовольство по поводу того, что «недавно Холмское епископство дано простолюдину» (plebeio), т. е. Ѳ. Мелешку. Мелетій Смотрицкій, перечисляя въ «Плачѣ» (1610 г.) «драгоцѣнные камни» въ коронѣ православной церкви, т. е. знатныя русскія дворянскія фамиліи, измѣнившія ей, называетъ и Мелешковъ. Изъ дарственной записи Ярошa Воловича 3 октября 1626 г. видно, что его мать Марина Мелешкова была погребена «подъ самымъ порогомъ великихъ церковныхъ вратъ» Гродненской Пречистенской православной церкви. Извѣстна и «сестра епископа» Марина Мерешковна, по первому мужу Издебская (1645 г.), по второму—Оржеховская (1651 г.). Что касается Мелешковичей и Мелешкевичей, то среди нихъ были и крестьяне, и мѣщане, и дворяне, и духовныя лица. Жалобу по поводу грабежа и побоевъ, нанесенныхъ «школьнымъ студентамъ» 23 іюля 1616 г. подали епископъ Володимерскій и Берестейскій Іоакимъ Мороховскій и «достойный в посвященю отецъ Теодоръ Мелешковичъ, дияконъ церкви соборное святое Пречистое, панъ ректор школы католицкое Володимерское». Грамотою, данною въ Варшавѣ 28 сентября 1625 г., король Сигизмундъ III, назначая холмскимъ и белзскимъ епископомъ владимірскаго архидіакона Ѳеодора Мелешко, поручаетъ своему дворянину и священнику (іеромонаху) Меѳодію Терлецкому ввести его въ имѣніе каѳедры. 15 октября того же года письмомъ изъ Руты митрополитъ Іосифъ В. Рутскій увѣдомляетъ временно управляющаго епархіей іеромонаха Меѳодія Терлецкаго о королевскомъ назначеніи Ѳ. Мелешко епископомъ и требуетъ передачи ему имѣнія и дѣлъ Холмской епархіи. Позднѣйшее извѣстіе, будто митрополитъ Рутскій въ 1625 г. обѣщалъ жидичинскому архимандриту Никодиму Шибинскому возвести его въ санъ холмскаго епископа, если онъ съ своей стороны устроитъ дѣло съ Ѳеодоромъ Мелешко, получившимъ уже грамоту на епископію, и послѣдній откажется отъ холмской каѳедры въ его пользу, подвергается сомнѣнію на основаніи современныхъ холм-

скихъ и луцкихъ судебныхъ актовъ. Въ актахъ 3 апрѣля и 17 іюня 1626 г. Ө. Мелешко называется нареченнымъ епископомъ, номинатомъ Холмской епископіи. Посвященъ онъ былъ въ томъ же 1626 г. День посвященія былъ и послѣднимъ днемъ его жизни; во время посвященія онъ казался уже очень больнымъ (aegerrimus), у алтаря во время той же литургіи его постигла падучая болѣзнь и онъ скончался.

День кончины неизвѣстенъ; 11 іюля Ө. М. еще жилъ, а 22 декабря 1626 г. временно управляющимъ вакантною Холмскою епископіею былъ уже митрополитъ Рутскій. Холмскій епископъ Яковъ Суша въ «De laboribus unitorum» 1664 г., упоминая о посвященіи и смерти Өеодора Милешкевича въ 1626 г., называетъ его превосходнѣйшимъ старичкомъ (seniculi excellentissimi), заслуженнѣйшимъ въ дѣлѣ образованія юношества, проповѣданія и разныхъ catholica servitia.

В. М. Илощанскій, «Прошлое Холмской Руси», I, Вильна, 1899 г.—*И. Чистовичъ*, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», II, Спб. 1884 г.—*П. Н. Жуковичъ*, «Сеймовая борьба православнаго Западно-русскаго дворянства съ церковной уніей», вып. 5, Спб. 1910 г.— *Pelesz J.* «Geschichte der Union der Ruthenischen Kirche mit Rom», II, Würzburg—Wien, 1881.—*Harajewicz M.*, «Annales ecclesiae Ruthenae», Leopoli, 1862.—«Архивъ западнорусскихъ уніатскихъ митрополитовъ», I, Спб. 1897 г.—«Архивъ юго-западной Россіи», ч. 1, т. VI, Кіевъ, 1883 г.

Б. Ж.

Өеодоръ (въ мірѣ *Иванъ Ивановичъ Ушаковъ*), старецъ іеромонахъ, возстановитель и устроитель Саноксарскаго монастыря и арзамасской Алексѣевской женской общины. Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и родился въ 1718 г. въ родовомъ имѣніи Ушакахъ на Волгѣ, близъ г. Романова, Ярославской губерніи. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ, гдѣ скоро произведенъ былъ въ сержанты. Подъ впечатлѣніемъ неожиданной смерти одного изъ сослуживцевъ въ разгарѣ веселья, Ушаковъ оставилъ службу, одѣлся въ рубище и тайно скрылся на берега Сѣверной Двины въ пустынные поморскіе лѣса, имѣя отъ роду всего лишь 20 лѣтъ (1738 г.). Въ пустынной заброшенной кельѣ прожилъ онъ три года, проводя время въ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Затѣмъ перешелъ въ Площанскую пустынь Орловской губ., гдѣ тоже жилъ въ лѣсу въ уединенной кельѣ. Въ началѣ 40-хъ годовъ XVIII ст. онъ былъ взятъ подъ стражу, какъ неимѣвшій вида на жительство, и былъ представленъ государынѣ, какъ бывшій гвардеецъ. Государынѣ онъ сказалъ, что ушелъ изъ полка для спасенія своей души, отказался отъ возвращеннаго ему чина сержанта, по своему желанію опредѣленъ былъ въ Александро-Невскую лавру и тамъ послѣ трехлѣтняго искуса 19 сент. 1747 г. постриженъ въ монашество съ именемъ Өеодора. Строго-подвижническая жизнь привлекала къ нему для духовнаго наставленія весьма многихъ изъ всѣхъ слоевъ общества... Другіе монахи стали завидовать популярности о. Ө., и ему въ 1757 г. пришлось перейти на жительство въ Саровскую пустынь, куда послѣдовали за нимъ нѣкоторые изъ его учениковъ и учениць. Чрезъ два года число учениковъ значительно увеличилось, и подъ его руководствомъ ученицы сгруппировались въ упраздненномъ арзамасскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, а ученики—въ захудавшей и обѣднѣвшей Санаксарской пустыни. Въ 1762 г., 13 декабря о. Ө. былъ рукоположенъ въ іеромонахи и назначенъ строителемъ Санаксарской пустыни. Обѣ обители были возстановлены и устроены по указаніямъ о. Ө. Въ Санаксарской пустыни документально опредѣлены были земельныя владѣнія, возобновлены зданія, установлено общежитіе и пустынь переименована (1764 г.) въ монастырь; его же стараніями была построена въ монастырѣ каменная двухъэтажная церковь. Будучи самъ во всемъ добрымъ примѣромъ, онъ требовалъ отъ братіи благоговѣйнаго служенія, полнаго откровенія помысловъ, совершеннаго послушанія, труда, поста и воздержанія какъ въ пищѣ, такъ и въ одеждѣ. Онъ лично руководилъ братіею, постоянно поучалъ и оживилъ русское иночество истинно монашескимъ духомъ. Состоя духовнымъ отцомъ Темниковскаго воеводы, онъ обличалъ его за неправду и проступки и требовалъ безусловнаго послушанія себѣ. Однажды, защищая крестьянъ отъ притѣсненій воеводы, о. Ө. сталъ обличать воеводу въ присутственномъ мѣстѣ. Воевода подалъ жалобу, и о. Ө., какъ безпокойный человѣкъ, сосланъ былъ въ Соловки. Онъ мужественно перенесъ девятилѣтнее пребываніе въ суровомъ климатѣ и притомъ въ сырой кельѣ. Полу-

чивши помилованіе, онъ возвратился къ своимъ братіямъ и сестрамъ въ устроенныя имъ обители. Однако недолгое пребываніе въ Санаксарскомъ монастырѣ было омрачено запрещеніемъ посѣщать Алексѣевскую общину, съ обитательницами которой приходилось сноситься лишь письмами. Скончался о. Ѳ. 19 февраля 1791 г. на 73 году отъ рожденія, погребенъ въ Санаксарскомъ монастырѣ; тѣло его и въ земномъ покоѣ не подверглось тлѣнію.

Поселянинъ, «Русская церковь и русскіе подвижники 18 вѣка». Спб., 1905 г., стр. 285—299 съ портретомъ. *К. Здр—въ.*

Ѳеодоръ, протопопъ московскаго кремлевскаго Благовѣщенскаго собора въ XV в., принималъ участіе въ переводѣ на ц.-славянскій яз. книги Блаженнаго Аѳанасія «Прѣніе со Аріемъ еретикомъ», производившемся, по повелѣнію великаго князя Ивана Васильевича «Мануиломъ гречиномъ Дмитріевымъ сыномъ аморѣаниномъ, иже пріидоша съ царевною (Софіею Палеологъ, супругою в. князя) изъ Рима». Въ языкѣ переводчика замѣтенъ неопредѣленный южно-славянскій элементъ.

Соболевскій А. И., «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в.в.», Спб. 1903.

Т.

Ѳеодоръ, преподобный, основатель и игуменъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Во второй половинѣ XIV вѣка преп. Ѳ. пришелъ изъ Новгородской земли и поселился въ лѣсу вблизи большой дороги, шедшей изъ Каргополя и Бѣлаозера въ Москву и Ростовъ. Три года (1363—1366 г.г.) онъ питался доброхотными подаяніями, для чего вывѣшивалъ на деревѣ около проѣзжей дороги кузовъ; что находилъ въ кузовѣ, все раздѣлялъ съ посѣщавшими его нищими. Когда пришелъ къ нему братъ его Павелъ, то они рѣшили построить монастырь. Прибывшій въ то время въ Ростовъ преп. Сергій Радонежскій, по ихъ просьбѣ, указалъ имъ мѣсто для обители на берегу рѣки Устьи. Ободренные благословеніемъ преп. Сергія и явленіемъ имъ великихъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, преп. Ѳ. и Павелъ построили церковь и кельи, собрали братію, получили во владѣніе различныя угодья и рыбныя ловли на Бѣломъ озерѣ, гдѣ тоже препод. Ѳ. основалъ Ковженскій Николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный. Предвидя свою кончину, преп. Ѳ. оставилъ Николаевскій монастырь, возвратился въ Борисоглѣбскую обитель къ брату своему Павлу и тамъ скончался 22 октября 1409 года. Вскорѣ послѣ него скончался и преп. Павелъ. Память ихъ чтится 22 октября.

Антоній, игуменъ, «Ростов. второкл. Борисоглѣбскій м-рь и его основатели, преп. старцы Ѳеодоръ и Павелъ». Яросл., 1912 г.— «Повѣсть о преп. о. Ѳеодорѣ и Павлѣ, первоначальникахъ и основателяхъ Борисоглѣб. обители». Яросл., 1897 г.—Мѣсяцесловъ архіеп. Димитрія.—Рукописи Архива Св. Синода, №№ 1701 и 4060.—*Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—*Игнатій, архим.*, «Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ», ч. II.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ, епископъ владимірскій (владиміро-волынскій). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1137 г. повѣствуется, что митрополитъ кіевскій и всея Руси Михаилъ «постави епископа Ѳеодора скопца въ Володимеръ Волынскій мѣсяца маіа въ 6 день». Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1147 г. среди участниковъ посвященія Климента Смолятича въ митрополиты упоминается и епископъ «Володимерскій Ѳедоръ». Далѣе лѣтописи о немъ не упоминаютъ.

Н. И. Теодоровичъ, «Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи». Почаевъ, 1893 г.—*Е. Е. Голубинскій*, «Исторія русской церкви», т. I, перв. половина, Москва, 1880 г. и 1901 г. (2 изд.).

Б. Ж.

Ѳеодоръ, епископъ новгородскій (1069 — 1078 г.), хиротонисованъ былъ въ 1069 г. изъ иноковъ Кіевопечерской обители. О происхожденіи и образованіи его свѣдѣній не сохранилось. Первый годъ его святительства ознаменовался нападеніемъ на Новгородъ Всеслава Брянчиславича, который однако былъ разбитъ. О послѣдующихъ годахъ его святительства сохранилось мало извѣстій. Въ его время появились волхвы въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Сначала явился волхвъ въ Кіевѣ въ 1071 году, потомъ въ Ростовской области и наконецъ въ Новгородѣ Въ Новгородѣ волхвъ выдавалъ себя за Бога, хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ посуху. Ѳ. явилъ себя въ эти критическія минуты достойнымъ пастыремъ. Онъ облачился въ святительскія одежды, вы-

шелъ на площадь и, держа крестъ въ рукахъ, говорилъ черни: «если кто вѣритъ кресту, тотъ пусть идетъ за мною». Жители раздѣлились на двѣ партіи. Князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а чернь пошла къ волхву. Князь убилъ волхва, чѣмъ и предотвратилъ неминуемую смерть святителя. Ѳ. правилъ паствою до 1078 года, когда скончался отъ укуса бѣшеной собаки въ ногу.

Павелъ Тихоміровъ, «Біографіи первыхъ девяти новгородскихъ епископовъ», Новгородъ, 1862 г., стр. 30—33.—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи новгородской епархіи», Новгородъ, стр. 8.—«Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. I, стр. 77; т. II, стр. 273; т. III, стр. 2, 122, 179, 212; т. V, стр. 145—146, 148; т. VII, стр. 2, 239, 340.—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей русской церкви», Спб., 1877 г., стр. 33.

Конопасевичъ.

Ѳеодоръ, новгородскій юродивый XIV в., родился въ Новгородѣ и въ юныхъ лѣтахъ былъ обученъ чтенію книгъ. Онъ рано началъ любить благочестіе—въ среду и пятницу строго постился и постоянно посѣщалъ храмъ Божій. По примѣру великихъ юродивыхъ востока, онъ избралъ для спасенія своего путь юродства. Не имѣя нигдѣ постояннаго жилья, онъ въ морозы ходилъ босымъ и полунагимъ; все, что получалъ отъ людей, онъ раздавалъ бѣднымъ, а самъ во всемъ имѣлъ нужду; вѣтреная молодежь смѣялась надъ нимъ, но онъ спокойно все переносилъ и терпѣлъ даже побои. Когда другіе спали, Ѳ. обходилъ храмы города и молился. Такъ протекала его жизнь. Современникомъ его былъ блаженный Николай Кагаловъ, жившій на Софійской сторонѣ,—тогда какъ Ѳ. ходилъ на Торговой. Когда блаженному Ѳ. случалось переходить Волховскимъ мостомъ на Софійскую сторону, блаженный Николай гналъ его на Торговую; тоже дѣлалъ и Ѳ., когда заставалъ Николая на Торговой сторонѣ. Блаженные, понимая другъ друга, видимою враждою своею напоминали новгородцамъ ихъ междуусобія, которыя такъ часто бывали кровавыми и изъ-за пустяковъ. Передъ кончиною своею говорилъ онъ встрѣтившимся съ нимъ: «прощайте; далеко иду». Онъ просилъ похоронить его близъ торжища и скончался 19 января 1392 г. Впослѣдствіи надъ гробомъ его построена была часовня, и здѣсь больные получали исцѣленія. Въ новой, каменной часовнѣ, при храмѣ Георгія побѣдоносца на Лубяницѣ, построенномъ еще въ 1187 г., хранятся и нынѣ мощи блаженнаго. Ему существуетъ особая (печатная) служба, по которой чтится память его 19 января и совершается молебствіе при его мощахъ.

Забѣлинъ П., свящ., «Житіе св. Ѳеодора», Новгор., 1891 и 1896 гг.—Словарь историческій о святыхъ.—*М. Толстой*, «Разсказы изъ исторіи русск. церкви».—*Е. Голубинскій*. «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви».—*Арх. Игнатій*, «Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ».—*Филаретъ*, «Житія святыхъ».—«Свѣдѣнія о монаст. и церкв.», стр. 415. М. 1853 г.—*Леонидъ*, «Св. Русь».—*Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».—*Ковалевскій I., свящ.*, «Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые». М. 1902.

Ѳедотовъ.

Ѳеодоръ, преподобный печерскій, молчаливый. Подвизался въ XIII вѣкѣ. Кромѣ многихъ обычныхъ иноческихъ подвиговъ, отличался особенно молчаніемъ. Оно было для него путемъ къ всегдашнему богомыслію и средствомъ къ тому, чтобы умъ не развлекался ничѣмъ земнымъ, а языкъ не согрѣшалъ ни единымъ словомъ. Такое душевное совершенство было угодно Богу и препод. Ѳ. получилъ отъ Господа даръ чудотворенія, которое и теперь являетъ всѣмъ приходящимъ и поклоняющимся съ вѣрою его св. мощамъ, почивающимъ въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской лавры. Память его празднуется 17 февраля и 28 августа.

«Краткія сказанія о жизни и подвигахъ св. отцевъ дальнихъ пещеръ Кіево-Печер. лавры», собр. архіеп. Модестомъ. Кіевъ 1901 г. *К. З.*

Ѳеодоръ, преподобный, мученикъ печерскій. Раздавъ все свое имѣніе нищимъ, Ѳ. вступилъ въ монастырь и поселился въ Варяжской пещерѣ, сосѣдней съ пещерами Ѳеодосія. Много лѣтъ прожилъ онъ тутъ строгой монашеской жизнью. Но затѣмъ сталъ жалѣть объ утраченномъ богатствѣ. Ему явилась мысль, что проживетъ онъ долго, «изнеможетъ тѣломъ» и не въ состояніи будетъ питаться монастырской пищей. Ѳ. угнетала эта мысль и, какъ говоритъ лѣтописное повѣствованіе о немъ, онъ «былъ близокъ къ отчаянію». Одинъ изъ иноковъ, Василій, принялъ въ немъ участіе и предложилъ воспользоваться всѣмъ своимъ имуществомъ: «если хочешь имѣнія, возьми все, что у меня есть», сказалъ онъ. Ѳ. отказался и остался въ монастырѣ. Съ тѣхъ

поръ его съ Василіемъ связывала самая тѣсная дружба. Но онъ не совсѣмъ еще отрѣшился отъ мысли о богатствѣ. Когда однажды Василій ушелъ по дѣламъ изъ монастыря надолго, прежнія мысли вернулись къ нему и Ѳ. вспомнилъ, что когда то, по преданію, въ его пещерѣ были зарыты варягами золото и дорогіе сосуды; нашедши сокровище, Ѳ. хотѣлъ уйти изъ монастыря и, купивъ имѣніе, зажить покойно. Однако вернувшійся вскорѣ Василій убѣдилъ его не дѣлать этого. Ѳ. послѣдовалъ совѣту друга и зарылъ сокровища обратно въ землю. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Ѳ., чтобы въ праздности не увлекаться вредными мыслями, поставилъ у себя въ пещерѣ жерновъ, бралъ изъ закромовъ зерновый хлѣбъ и ночью перемалывалъ его. Прошло много лѣтъ. Состарившійся Ѳ. перешелъ въ старый монастырь, гдѣ выстроилъ себѣ келью, вскорѣ послѣ сожженія его половцами (въ 1096 году), а Василій поселился въ его пещерѣ. О сокровищахъ, когда то зарытыхъ Ѳ., узналъ князь Мстиславъ, сынъ Святополка Изяславовича. Въ ту переходную эпоху христіанство еще только начинало развиваться, еще живы были языческіе нравы и обычаи и у многихъ благочестіе ограничивалось только внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, когда же дѣло шло объ удовлетвореніи страстей, то на заповѣди религіи и ея служителей обращали мало вниманія, что мы и видимъ на примѣрѣ Ѳ-ра. Мстиславъ призвалъ его къ себѣ и потребовалъ указать мѣсто, гдѣ зарыты сокровища, обѣщая подѣлиться съ нимъ и свою признательность. Ѳ. отказался исполнить его требованіе, ссылаясь на то, что забылъ; не сказалъ онъ, гдѣ зарыты сокровища и послѣ того, какъ Мстиславъ приказалъ его мучить; Ѳ-ра мучили до того, что вся власяница его была смочена кровью, затѣмъ приказано было его повѣсить стремглавъ въ сильномъ дыму и подложить подъ него огонь. Князь приказалъ бить и Василія, «бывъ шуменъ отъ вина» и разсвирѣпѣвъ, онъ пустилъ стрѣлу въ Василія. Оба друга скончались затѣмъ въ слѣдующую ночь. Нужно думать, что кончину святителей надо отнести къ 1098 году, такъ какъ Мстиславъ вскорѣ послѣ этого умеръ, именно 15 іюля 1099 года онъ былъ убитъ стрѣлой на стѣнѣ Владимірской крѣпости.

Память святителей Ѳ. и Василія празднуется 11 августа. Мощи ихъ похоронены были въ Варяжской пещерѣ, въ которой подвизались они, а затѣмъ перенесены въ Антоніеву пещеру, гдѣ и нынѣ покоятся.

Житіе Ѳеодора съ лицев. изображеніями (изд. О. Л. Д. П.).—Рукоп. Архива Св. Синода, № 3952.—*Филаретъ*, «Житіе святыхъ, гонимыхъ православною церковью», Августъ, стр. 74. — *Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».—«Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ россійской церковью, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ», стр. 245.—*Леонидъ*, «Св. Русь». — Приложеніе къ «Черниговскимъ Епархіальнымъ Извѣстіямъ», 1864 г. «Русскіе святые», августъ, стр, 32.— *Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. I, стр. 742.—Четіи-Минеи, августъ, листъ 47 на оборотѣ.

М. З.

Ѳеодоръ, князь ржевскій. Въ 1314 г., въ отсутствіе князя тверского Михаила Ярославича, новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ сначала князя Ѳеодора, который взялъ подъ стражу намѣстниковъ тверского Михаила Ярославича и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ кн. Юрія своимъ начальникомъ, объявили войну великому князю. Ѳ. съ новгордскими полками отправился уже къ Волгѣ, но осенніе морозы предотвратили кровопролитіе. Въ 1316 г. кн. Михаилъ подступилъ съ большою ратью къ Новгороду, разбилъ новгородцевъ, несмотря на отчаянное ихъ сопротивленіе, и потребовалъ, какъ побѣдитель, выдачи Ѳ., что и было исполнено новгородцами.

«Пол. Соб. Рус. Лѣт.», т. III, стр. 70, 71; т. IV, стр. 48; т. V, стр. 205, 206; т. VII, стр. 186, 187.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. III. стр. 904, 905.—*Карамзинъ*, «Исторія Госуд. Рос.», т. IV, стр. 108, 109; прим. 218.

Ѳеодоръ св. Именовался архіепископомъ ростовскимъ, ярославскимъ, углицкимъ, моложскимъ, бѣлозерскимъ и устюжскимъ, родился въ городѣ Радонежѣ отъ ростовскаго уроженца Стефана, который былъ вліятельнымъ лицомъ при радонежскомъ князѣ Андреѣ Іоанновичѣ и, отъ матери, по имени, Анны. При крещеніи св. Ѳ. былъ названъ Іоанномъ. Стефанъ вмѣстѣ со своими родителями, Кирилломъ и Маріею, и братьями, Петромъ и Варѳоломеемъ (такъ названъ былъ преподобный

Сергій Радонежскій во святомъ крещеніи), переселившись изъ Ростова въ Радонежъ, здѣсь женился, но черезъ три года супружеской жизни овдовѣлъ, оставшись съ двумя сыновьями, Климентомъ и Іоанномъ.

Послѣ смерти своей жены Стефанъ сталъ искать спасенія и принялъ монашество въ хатьковскомъ Покровскомъ монастырѣ; сюда послѣ смерти своихъ родителей пришелъ младшій братъ Стефана, Варѳоломей, и упросилъ его итти вмѣстѣ съ нимъ отыскивать мѣсто для пустыннаго жительства. Найдя такое мѣсто въ густомъ лѣсу, въ десяти верстахъ отъ Хатькова, они вмѣстѣ подвизались здѣсь въ теченіе нѣкотораго времени; съ благословенія митрополита Ѳеогноста построили церковь, выпросили у него антиминсъ, священника и дозволеніе освятить храмъ во имя Пресвятой Троицы. Это происходило въ началѣ княженія (1340—1353 г.) Симеона Іоанновича. Потомъ Стефанъ удалился въ московскій Богоявленскій монастырь, гдѣ впослѣдствіи удостоился быть игуменомъ и духовникомъ великаго князя Симеона и многихъ знатныхъ бояръ. Но не надѣясь нигдѣ лучше воспитать для духовной жизни юнаго сына своего Іоанна, Стефанъ, когда отроку было только двѣнадцать лѣтъ, привелъ его къ своему брату въ радонежскіе дремучіе лѣса, гдѣ уже водворилось нѣсколько иноковъ около радонежскаго пустынножителя. Преподобный Сергій съ любовью принялъ юнаго своего племянника и по просьбѣ отца постригъ его въ монашество 20-го апрѣля, на память преп. Ѳеодора Трихины съ именемъ Ѳеодора; тогда, замѣчаетъ лѣтопись ,давали иноку имя того святого, чья память совершалась въ день постриженія. Подъ руководствомъ опытнаго въ духовныхъ подвигахъ великаго своего дяди и аввы Ѳ. жилъ въ пустынѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, никогда не скрывая отъ преподобнаго ни одного своего помысла, ни одного желанія; онъ всегда готовъ былъ, и днемъ, и ночью, итти къ святому дядѣ, чтобы раскрыть предъ нимъ все, что могло тревожить его сердце. Вслѣдствіе этой спасительной откровенности онъ такъ быстро совершенствовался въ добродѣтельной жизни, что еще въ юности достигъ возраста мужа совершеннаго и еще въ это раннее время своей жизни былъ какъ бы воплощеніемъ совершеннѣйшаго иноческаго послушанія, смиренномудрія и кротости. Постъ его былъ такъ строгъ и молитва такъ продолжительна, что въ этомъ отношеніи онъ могъ служить образцомъ и руководителемъ въ умерщвленіи страстей. По достиженіи Ѳ-ромъ совершеннолѣтія, преподобный Сергій представилъ его къ посвященію сначала въ іеродіаконы, а потомъ въ іеромонахи. Но получивъ и эти степени священства, Ѳ. не измѣнилъ своему смиренію: онъ продолжалъ ревностно служить братіи, въ лицѣ ея служа самому Богу. Преподобный Сергій готовилъ Ѳ. себѣ въ преемники, но Ѳ. хотѣлось основать гдѣ-либо общежительный монастырь. Итакъ Ѳ. прожилъ въ тихой Сергіевой обители болѣе двадцати двухъ лѣтъ и, между прочимъ, здѣсь обучался иконописному искусству. Однажды онъ открылъ свое непремѣнное желаніе—основать монастырь—дядѣ, преподобному Сергію, и потомъ по временамъ напоминалъ ему о не оставляющемъ его помыслѣ. Видя твердость и неизмѣнность этого помысла въ теченіе долгаго времени и сознавая, что Ѳ., благодаря своимъ добродѣтелямъ, можетъ быть учителемъ другихъ, преподобный Сергій, наконецъ, благословилъ его выйти изъ своей обители и отпустилъ съ нимъ нѣсколько братій, чтобы они избрали мѣсто для новой обители. Имъ понравилось мѣсто недалеко отъ рѣки Москвы, на такъ называемомъ Симоновомъ урочищѣ, издревле богатомъ садами и огородами. Это мѣсто имъ показалось очень удобнымъ для основанія монастыря. Преподобный Сергій, узнавъ объ этомъ, пришелъ самъ осмотрѣть мѣстность, одобрилъ ее и благословилъ, и Ѳ., съ разрѣшенія святого митрополита Алексія, основалъ (около 1370 г.) монастырь (Московскій Симоновъ) и въ немъ устроилъ церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Управленіе новосозданною обителью митрополитъ возложилъ на самого Ѳ., посвятивъ его по этому случаю въ санъ игумена. Преподобный Сергій впослѣдствіи часто посѣщалъ Симоновскую обитель для духовной бесѣды съ племянникомъ. Слава о святой жизни Ѳ. скоро собрала около него много братіи; построенъ былъ храмъ Рождества Богоматери и заведено общежитіе. Ѳ. сіялъ, по выраженію лѣтописи, добродѣтелями, премудростію и даромъ разсужденія. Онъ привлекалъ къ себѣ и наружностью: былъ высокъ ростомъ и прекрасенъ лицомъ. Извѣстность его росла до того, что св. Сер-

гій скорбѣлъ за эту извѣстность и молился, чтобы безъ всякихъ препятствій племянникъ могъ исполнять угодное Богу дѣло. Рождественская обитель была расположена у большой дороги, отъ которой не мало было шуму для блаж. Ѳ. и иноковъ. Уклоняясь отъ людской молвы и отъ посѣтителей, Ѳ. перешелъ на другое мѣсто, лѣсное и тихое, поставилъ тутъ себѣ келью и сталъ подвизаться безмолвно. Но скоро и сюда собрались иноки, и здѣсь Ѳ. построилъ храмъ во имя Успенія Богоматери и келіи для братіи; строгое общежитіе поставлено было непреложнымъ уставомъ для обители. Преп. Сергій и теперь желалъ, чтобы Ѳ. пребывалъ въ безмолвной молитвѣ и уединеніи, но долженъ былъ уступить желаніямъ великаго князя Димитрія и святителя Алексія; послѣдній, какъ сказано выше, возвелъ его въ санъ игумена, а великій князь Димитрій Іоанновичъ, уважая Ѳ. за его добродѣтели, пожелалъ имѣть его своимъ духовнымъ отцомъ и давалъ ему различныя важныя порученія. Кромѣ великаго князя, къ Ѳ—ру обращались за совѣтами еще и другія высокопоставленныя лица. Блаж. Ѳ., научившись писать иконы, смиренно и благоговѣйно занимался писаніемъ иконъ для московскихъ храмовъ. Теперь извѣстенъ Деисусъ, написанный имъ для церкви св. Николая на Болвановкѣ. Будучи архимандритомъ Симонова монастыря, онъ написалъ образъ своего дяди—преподобнаго Сергія «зѣло чудно».

Въ 1381 году великій князь посылалъ Ѳ. въ Кіевъ звать на всероссійскую митрополію кіевскаго митрополита Кипріана, который и прибылъ въ Москву 23-го мая того же года. Въ 1382 году Ѳ. крестилъ у великаго князя сына Андрея, родившагося 14 августа. Въ 1383 году великій князь, отправляя послѣ Петрова дня въ Константинополь архіепископа суздальскаго Діонисія, вмѣстѣ съ нимъ послалъ и Ѳ., по всей вѣроятности для того, чтобы онъ хлопоталъ за Діонисія предъ патріархомъ въ достиженіи митрополичьяго сана, за которымъ суздальскій архіепископъ и былъ отправленъ. Патріархъ Нилъ поставилъ Діонисія въ митрополиты всероссійскіе, а бесѣдуя съ Ѳ., весьма полюбилъ его и посвятилъ его въ архимандриты Симоновой обители, присвоивъ ей названіе и права патріаршей ставропигіи, состоявшей въ независимости отъ мѣстнаго митрополита, въ настоящемъ случаѣ всероссійскаго. Въ обители Ѳеодоровой подъ надзоромъ Ѳ. воспитывались великіе подвижники: здѣсь начали жизнь духовную молодой волоколамскій дворянинъ Ѳеодоръ Поскочинъ, въ иночествѣ Ѳерапонтъ, и племянникъ тысяцкаго Тимоѳея Козьма, въ иночествѣ Кириллъ, впослѣдствіи знаменитый бѣлозерскій подвижникъ; здѣсь же подвизался благочестивый Михаилъ, впослѣдствіи епископъ смоленскій. Возвратясь изъ Константинополя осенью 1384 года, Ѳ. озаботился лучшимъ устроеніемъ своей обители. Для этого онъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прежняго мѣста построилъ церковь въ честь Успенія Пресв. Богородицы. Около этой церкви, какъ соборной, впослѣдствіи и выстраивался постепенно нынѣшній Симоновъ монастырь. Впрочемъ и около церкви Рождества Богородицы продолжали жить иноки въ непосредственной зависимости отъ великой ставропигіи. Тамъ была также устроена усыпальница братіи Симоновскаго монастыря. Въ 1386 году князь снова посылалъ Ѳ. въ Константинополь, откуда не возвращался митрополитъ Пименъ, уѣхавшій туда еще въ 1385 году. Митрополитъ наконецъ явился въ Москву послѣ трехлѣтней отлучки 6-го іюля 1388 года. Такъ какъ черезъ девять мѣсяцевъ онъ снова уѣхалъ въ Константинополь, то къ этому-то, конечно, періоду времени, т. е. къ концу 1388 или къ началу 1389 года и нужно относить извѣстіе Никоновской лѣтописи: «по малѣ же времени» (послѣ путешествія Ѳ. въ Константинополь) великій князь и святитель умолиша Ѳ., дабы былъ епископъ граду Ростову, каѳедра котораго оставалась праздною послѣ удаленія съ нея св. епископа Іакова. Неизвѣстно, являлся ли Ѳ. по принятіи епископскаго сана на мѣсто своего назначенія; но если и являлся, то на очень короткое время, потому что въ апрѣлѣ 1389 года мы видимъ его въ Москвѣ. Отсюда онъ вмѣстѣ со многими другими епископами и боярами сопровождалъ митрополита до рѣки Дона, до урочища Киръ-Михайлова. Пименъ въ послѣдній разъ уѣхалъ изъ Москвы тайно отъ великаго князя, вѣроятно въ отсутствіе его изъ столицы. Недовольный этимъ поступкомъ, Димитрій Іоанновичъ, какъ только Ѳ. возвратился въ Москву послѣ проводовъ митрополита, послалъ его вслѣдъ за нимъ въ Константинополь. Это посольство особенно тяжело было для блаженнаго Ѳ. Ему надле-

жало обличать Пимена, котораго долго признавали митрополитомъ и въ Царь-градѣ и въ Россіи: порученіе непріятное и требовавшее осмотрительности. Въ ожиданіи полнаго собора онъ отправился вмѣстѣ съ Пименомъ въ Іерусалимъ. Это навлекло на него непріятности со стороны патріарха. Наконецъ онъ возвратился въ Россію съ митрополитомъ всей Россіи Кипріяномъ къ спокойствію русской церкви. Въ сентябрѣ 1389 года Ѳ. былъ уже въ Константинополѣ, какъ это видно изъ тавяларьской (заемной) грамоты его, данной вмѣстѣ съ Кипріяномъ Николаю Нотарѣ. Патріархъ константинопольскій Антоній принялъ Ѳ. ласково и почтилъ его саномъ архіепископа Ростова, въ которомъ до того времени были только епископы. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ Ѳ. въ половинѣ февраля 1390 года былъ въ Кіевѣ, а въ началѣ марта прибылъ въ Москву. Подобно тому, какъ и о предмѣстникѣ его Іаковѣ, лѣтописи не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній о церковныхъ дѣяніяхъ святителя Ѳ. въ Ростовѣ. Извѣстно только, что по прибытіи въ епархію онъ основалъ въ Ростовѣ дѣвичій монастырь въ честь Рождества Богородицы. Утомленный трудами, какіе пришлось понести ему для всей русской церкви во время долгихъ и опасныхъ путешествій, блаж. Ѳ. скончался еще не въ преклонныхъ лѣтахъ, 28 ноября 1394 г., во время обѣдни, послѣ пятилѣтняго управленія паствой, черезъ два года по преставленіи великаго своего дяди и наставника. Погребенъ онъ внутри ростовскаго собора, невдалекѣ отъ юго-западнаго угла, гдѣ и нынѣ покоятся его мощи. Память его празднуется въ день преставленія, т. е. 28-го ноября.

И. Сахаровъ, «Изслѣдов. о русск. иконописи». Спб., 1849 г., прилож., стр. 14.—Ник. лѣт., IV, 145, 159, 190, 203, 208, 221, 227—231, 256. — *Карамз.*, «Истор. Госуд. Рос.», т. IV, пр. 371; т. V, пр. 82, 122, 137, стр. 58; пр. 124, 254, стр. 99.—Типогр. лѣт.. стр. 147.—Лѣтопись о Ростов. архіереяхъ (Изд. О. Л. Д. П.).—Собр. лѣтоп., т. VIII, стр. 58, 49, 50.—*А. А. Титовъ*, «Ростов. іерархія».—«Русск. Временн.», М. 1820 г. I, стр. 293 и слѣд.—«Акты Историч.», т. I, № 282.—*Барсуковъ*, «Источники русск. агіографіи».—«Ист. росс. іерарх.», V, 700.—*Леонидъ*, «Св. Русь».—Собор. дѣяніе 1389 г. у Калачова въ 3 кн. архива 3, 14—16.—Троицкій Патерикъ, 1896.—*Филаретъ*, «Жит. св.», ноябрь.—*Н. К.*, «Жит. ростовск. угодниковъ Божіихъ».—«Ярославск. Епарх. Вѣд.», 1873 г., №№ 32—37.—*Архим. Леонидъ*, «Житіе св. Ѳеодора» («Душепол. Чт.», 1891 г.).—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе русск. іерархіи». *Ѳедотовъ.*

Ѳеодоръ, блаженный, по происхожденію грекъ, первый ростовскій епископъ, посвященный въ 990 году и поставленный въ Ростовъ въ 992 году митрополитомъ кіевскимъ Леонтіемъ. Грубые язычники города Ростова, принявшіе недружелюбно св. Леонтія, весьма враждебно смотрѣли на перваго христіанскаго епископа Ростова. Въ спискахъ житія Леонтіева читаемъ: «Ѳеодора же епископа посла въ Ростовъ съ княземъ Борисомъ. Той бысть первый епископъ Ростову, и крести ростовскую землю и суздальскую, много поучивъ вѣрѣ христіанской, но не можаше увѣрить жителей до конца, понеже искони злому ихъ невѣрствію вкоренившемуся изгнанъ бысть отъ нихъ». Итакъ этотъ первый архипастырь, изнемогши въ борьбѣ съ упорствомъ и злобою язычниковъ, былъ вынужденъ, послѣ непродолжительнаго управленія епархіею, покинуть Ростовъ и скончался, вѣроятно, въ Суздалѣ, гдѣ до сихъ поръ почиваютъ его св. мощи. То обстоятельство, что мощи его съ незапамятныхъ временъ почиваютъ въ суздальскомъ соборѣ, показываетъ, что блаж. Ѳ., изгнанный изъ Ростова, жилъ въ поселеніи, сдѣлавшемся впослѣдствіи городомъ Суздалемъ, и что проповѣдь его въ Суздальскомъ краѣ, въ первыя два столѣтія входившемъ въ кругъ ростовской епархіи, сохранилась въ благодарной памяти края. О проповѣди его въ Суздальскомъ краѣ говоритъ, между прочимъ, и стѣнная надпись 1635 г. надъ его мощами: «Въ л. 6498 (990), говоритъ она, первый благов. и вел. князь Владимиръ просвѣти суздальскую землю святымъ крещеніемъ и паству вручи Ѳеодору». Согласно съ лѣтописью, просвѣщеніе Суздальскаго края св. Ѳ-ромъ надобно считать съ 992 года. Эта миссіонерская дѣятельность его по Суздальскому краю дала вѣскія основанія весьма многимъ считать Ѳ. первымъ суздальскимъ епископомъ, чудотворцемъ. Такъ какъ по спискамъ ростовскихъ епископовъ XIV в. Ѳ. три раза поставлялся въ Ростовѣ, то это подаетъ мысль, что онъ изъ суздальскаго уединенія снова возвращался въ Ростовъ на каѳедру. Это подтверждается и житіемъ св. Леонтія, гдѣ сказано о равноапостольномъ Владимірѣ: «Ѳеодора епископа посла въ Ростовъ съ княземъ Борисомъ». Если признать, что

св. Борисъ былъ посланъ въ Ростовъ въ 1010 году на мѣсто князя Ярослава, перешедшаго въ Новгородъ, то къ этому времени нужно отнести и прибытіе св. Ѳ. въ Ростовъ. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ Ростовѣ, вѣроятно, до 1014 года, пока кн. Борисъ не былъ вызванъ больнымъ отцомъ въ Кіевъ. Страдальческая кончина св. Бориса и послѣдовавшая за нею кровавая борьба Ярослава съ братоубійцей Святополкомъ благопріятны были только для фанатиковъ язычества, и блаженному епископу трудно было въ такое время удержаться въ Ростовѣ. Въ лѣтописяхъ не указанъ годъ кончины св. Ѳ., тѣмъ не менѣе въ разсказѣ ихъ объ избіеніи женщинъ волхвами въ Суздалѣ въ 1024 году не видно, чтобы тогда былъ живъ ревностный проповѣдникъ св. истины. Несомнѣнно, что это свирѣпое возстаніе проповѣдниковъ язычества было дѣломъ злости ихъ, раздраженной успѣхами проповѣди св. Ѳ. Такимъ образомъ блаженную кончину ревностнаго пастыря надобно отнести на 1023 г. Память его чтится 8 іюня. Надъ гробницею святителя, почившаго въ Суздалѣ, въ XVI в. возложенъ былъ дорогой покровъ съ такою шитою надписью: «Л. 7089 (1581), молясь Пресв. Богородицѣ и великому чудотворцу, епископу Ѳеодору суздальскому, положила сей покровъ на великаго чудотворца епископа Ѳеодора князя Владимира Андреевича княгиня Евпраксія». Единственнымъ памятникомъ святительства Ѳ. въ Ростовѣ, по свидѣтельству лѣтописи, служила сооруженная имъ въ этомъ городѣ дубовая соборная церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы (992 или 995 г.). Церковь эта стояла около 165 лѣтъ (до 1160 г.).

А. А. Титовъ, «Суздальская іерархія».— «Краткое описаніе о св. святителяхъ Ѳеодорѣ и Іоаннѣ, суздальскихъ чудотворцахъ». Влад. 1885 г.—Рукоп. Архива Св. Синода № 1296.— *Голубинскій*, «Исторія русской церкви» 1-я полов. 1-го т. М. 1880 г., стр. 173—174.— Іером. Амвросій, ч. I, стр. 114.—Н. Д., «Девятисотлѣтіе русск. іерархіи» (988—1888). — *Макарій*, «Ист. Русс. Церк.», т. I, примѣч. 25, стр. 6.—«П. С. Р. Лѣт.» I, 150; II, 88.—«Лѣт. Пересл. Сузд. 14. — Ст. кн. I, 153. — Никон. л. I, 105. — Іерархи Рост.-Яросл. паствы. 1864 г. — *Филаретъ (Гумилевскій)*, «Жит. Св.», іюнь, стр. 66—68.—«Лѣтопись о Ростов. архіереяхъ» (Изд. О. Л. Д. П. 1890 г.). — *Леонидъ*, «Св. Русь». — *А. А. Титовъ*, «Ростовская іерархія».—*Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».

Ѳедотовъ.

Ѳеодоръ (по нѣкоторымъ рукописямъ *Ѳеодулъ, Ѳедорцо, Бѣлый клобучекъ, Ѳеодорецъ—Калугеръ)*, епископъ ростовскій; именуется лже-епископомъ, насильникомъ и хищникомъ, похитившимъ престолъ Ростовской епископіи въ 1169—1170 гг. Онъ считался родственникомъ какого-то знатнаго боярина Петра Бориславова и племянникомъ смоленскаго епископа Мануила,—словомъ, былъ «рода велика и имѣяше богатства много». Онъ былъ постриженникомъ Кіево-Печерскаго монастыря и потомъ игуменомъ суздальскимъ. Нравомъ былъ «зѣло лютъ, дерзновененъ и безстуденъ, тѣломъ крѣпокъ, языкъ имѣяше чистъ и бѣ велерѣчивъ, въ мудрованіи злокозненъ и всѣмъ грозенъ и страшенъ; нѣцыи глаголаху, яко отъ демона есть сей, иніи же волхва быти того нарицаху». По сказаніямъ лѣтописцевъ, похищеніе Ѳ-ромъ епископскаго престола произошло слѣдующимъ образомъ: въ 1168 г. великій князь кіевскій Мстиславъ собралъ соборъ изъ 150 духовныхъ лицъ для рѣшенія вопроса о мясоястіи; отъ владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго на соборъ былъ присланъ суздальскій игуменъ Ѳ. съ предложеніемъ свергнуть кіевскаго митрополита Константина и избрать новаго; предложеніе это принято не было; тогда игуменъ Ѳ. «со многимъ златомъ и сребромъ» отправился въ Царь-градъ къ патріарху, котораго увѣрилъ, что въ Кіевѣ митрополита нѣтъ, «и се азъ, да поставиши мя въ митрополита Кіеву»; патріархъ, однако, не согласился. Ѳ-ра это не смутило. Онъ принесъ патріарху богатые дары «и начатъ прилежнѣе молити, глаголя, яко и въ Ростовѣ епископа нѣсть, нынѣ убо постави мене епископа Ростову», такъ какъ въ Россіи некому поставлять въ епископы, ибо въ Кіевѣ митрополита нѣтъ. Патріархъ сдался и въ 1170 году 16 іюля Ѳ. былъ хиротонисанъ въ епископа ростовскаго. Ѳ. прибылъ и жилъ во Владимірѣ, составлявшемъ тогда часть Ростовской епархіи. Князь Андрей Боголюбскій сначала съ любовію принялъ епископа Ѳ. и уговаривалъ его ѣхать въ Кіевъ для полученія благословенія отъ кіевскаго митрополита Константина. Епископъ Ѳ. съ гордостію отвергъ добрые совѣты и не поѣхалъ въ Кіевъ, «глаголя: не митрополитъ мене постави Ростову, но патріархъ въ Царь-градѣ, отъ кого убо другаго благословенія ми искати». Слухи о новопо-

ставленномъ епископѣ дошли до митрополита, и онъ своимъ посланіемъ извѣстилъ паству о томъ, чтобы не признавали Ѳ. епископомъ и не принимали отъ него благословенія. Ѳ. послѣ этого подвергъ проклятію игуменовъ и священниковъ, затворилъ церкви во Владимірѣ и другихъ городахъ «и не бысть пѣнія нигдѣ-же». По сказанію лѣтописей, Ѳ. укорялъ не только князя многими досадами и хуленіями, но «и на Пречистую Богородицу хулу изглагола», а что продѣлывалъ съ людьми,—страшно подумать: отбиралъ имѣнія, противящихся всячески мучилъ, держалъ въ узахъ и темницахъ, нагихъ жегъ свѣчами, иныхъ распиналъ, иныхъ по-поламъ разсѣкалъ, иныхъ въ котлѣ варилъ, — «не точію мужи, но и жены честныя». Грозный и страшный «рыкаше аки левъ и яко бѣснуемый отъ непріязни», князь со слезами умолялъ его «престати отъ гнѣва и преложитися на кротость и милость», но Ѳ. былъ непреклоненъ. По повелѣнію князя, епископъ Ѳ. былъ закованъ въ желѣзо и отправленъ къ митрополиту на судъ. Послѣ допроса и увѣщанія митрополита, Ѳ. еще «болѣе яряшеся и худая блядословяше», такъ что митрополитъ послалъ его въ заточеніе и на исправленіе на Песій островъ, гдѣ онъ пробылъ «все лѣто не только безъ покаянія, паче же и на горшая хуленія небоязненно простираяся». Видя непокорство Ѳ., митрополитъ отослалъ его на судъ къ князю, а князь передалъ его на судъ народнаго вѣча. Судъ былъ безъ милости; Ѳ-ру отрубили правую руку, отрѣзали языкъ, выкололи глаза и съ жерновнымъ камнемъ на шеѣ бросили въ Ростовское озеро 8 мая 1172 года. «И тако злый злѣ погибе». Казнь происходила на такъ называемомъ «Вонючемъ болотѣ», гдѣ теперь находится городская площадь. Въ синодикѣ церковномъ имени Ѳ. нѣтъ, «злаго ради житія и кончины его, понеже не дверьми вниде, но прелѣзе инуде, яко тать, владычествуя яко разбойникъ и волкъ хищный, погибе же яко богопротивникъ»,—такъ кончается лѣтописное сказаніе о немъ.

«Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ, съ примѣч. А. А. Титова (Изд. Общ. Люб. Др. Письм.) Спб. 1890 г.—Того-же автора—«Ростовская іерархія». М. 1890 г.—*Макарій*, «Исторія Русской церкви». 2 изд., 1868 г., т. III, стр. 24—29.—«Христіанское Чтеніе»,—янв., 1857 г., стр. 50. — *Строевъ*, — «Списки іерарховъ».— *Амвросій*, «Исторія Росс. іерархіи».

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ, епископъ суздальскій и владимірскій (1276—1286 гг.). Лѣтописи называютъ его игуменомъ Константино-Елениискаго монастыря Кіевской епархіи, поставленнымъ въ 1276 г. въ епископа Владиміру, Суздалю и Нижнему-Новгороду. Существованіе монастыря съ такимъ названіемъ въ Кіевской епархіи весьма сомнительно. Изъ жизни епископа Ѳ. извѣстно только, что въ 1280 г. онъ вмѣстѣ съ другими архіереями находился въ Переславлѣ-Залѣсскомъ при отпѣваніи скончавшагося въ декабрѣ мѣсяцѣ митрополита Кирилла и провожалъ его тѣло чрезъ Владиміръ до Кіева. Годомъ кончины епископа Ѳ. считается 1286-й или 1287-й; погребенъ онъ во владимірскомъ Златоверхомъ Успенскомъ соборѣ «и гробъ его доселѣ зримъ».

А. А. Титовъ, «Суздальская іерархія».

Ѳеодоръ, епископъ тверской, умеръ въ 1342 г. Былъ рукоположенъ въ 1330 году во Владимірѣ волынскимъ митрополитомъ Ѳеогностомъ въ тверскіе епископы. Въ 1339 году Ѳ., по удаленіи его изъ Твери въ Псковъ, принужденъ былъ уступить большой соборный колоколъ, которымъ славилась Тверь, тверскимъ князьямъ Константину и Василію Михайловичамъ—братьямъ Александра Михайловича. Этотъ колоколъ составлялъ вещь важную по тогдашнему времени, но, въ знакъ зависимости своей отъ московскаго князя Іоанна Даниловича, тверскіе князья послали его въ Москву. Впрочемъ, эта потеря ничто въ сравненіи съ другою, которую понесло тверское княжество въ томъ же 1339 г. Александръ Михайловичъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, 28 октября были убиты въ ордѣ самымъ мучительнымъ образомъ: ихъ разрывали по суставамъ. Святитель митрополитъ Ѳеогностъ самъ встрѣчалъ останки тѣлъ ихъ, на пути изъ орды во Владиміръ, а епископъ Ѳ. ѣздилъ до Переяславля, гдѣ встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ епископомъ ростовскимъ. Въ Твери опять же Ѳ., мать, супруга, дѣти убитаго князя и всѣ граждане съ горькими слезами встрѣчали тѣла ихъ за городомъ; и по городу несли на головахъ отъ церкви Михаила Архангела до собора. Здѣсь епископъ Ѳ. предалъ останки землѣ. О другихъ дѣлахъ этого святителя ничего неизвѣстно. Онъ скончался осенью въ 1342 году и погребенъ въ Тверскомъ соборѣ.

Карамзинъ, «Истор. Госуд. Рос.», томъ IV, стр. 267, 268. — *П. Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей».—*К. Чередѣевъ*,«Біографіи Тверскихъ іерарховъ».—*Іер. Амвросій*, «Ист. р. іерархіи», стр. 135.—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе росс. іерархіи», 988—1888.—Тверскій Патерикъ. Казань 1907 г., стр. 87—88 въ примѣчаніи.

Ө. Өедотовъ.

Өеодоръ, епископъ тверской (1342—1360), изъ Кашина отъ Троицы, названный «Добрымъ»; мо смерти предыдущаго епископа тверского Өеодора былъ рукоположенъ въ 1342 г. въ епископа же тверского митрополитомъ Өеогностомъ. Его управленіе епархіею сколько было продолжительно, столько же и затруднительно, по безпрестанной враждѣ между тверскими князьями. Особенно бѣдственны были распри Василія Михайловича кашинскаго и племянника его Всеволода Александровича тверского, которые довели жителей Тверской области до того, что они выселялись въ города чужихъ областей. Однако епископъ Ө. въ 1348 году помирилъ князей и возбудилъ въ нихъ слезы и раскаяніе; вслѣдствіе сего примиренія «поидоша къ нимъ людіе, говоритъ лѣтописецъ, отвсюду, во грады ихъ, во власти и во всю землю тверскую, и умножились людіе и возрадовавшись радостію великою». Но недолго этотъ миръ сохранялся между князьями. Въ 1357 году они опять разссорились. Самъ митрополитъ св. Алексій становился между ними посредникомъ и старался примирить ихъ, но напрасно. Измученный безпрестанными ссорами князей, добрый пастырь Ө. хотѣлъ было оставить жезлъ архипастырскаго управленія, и въ день Богоявленія Господня, въ 1358 году, провожая вмѣстѣ съ другими епископами митрополита Алексія въ Кіевъ, просилъ въ Коломнѣ увольненія у него отъ епархіи. Но св. митрополитъ, говоритъ лѣтописецъ, «поучи его и наказа съ великою любовью терпѣти съ пождаnіемъ, да Господь Богъ сотворитъ, яко же хощетъ, по своей ему воли». И Ө. успокоился. Несмотря, однако, на затруднительное свое положеніе, владыка Ө., какъ вѣрный стражъ Дома Божія, во все продолженіе своего святительства, бодро стоялъ на своемъ посту, дѣлая добро ближнимъ. Любя устроеніе и украшеніе храмовъ Божіихъ, онъ въ 1344 году устроилъ мѣдныя двери къ собору. Въ 1349 году украсилъ алтарь этого собора стѣнною живописью. Въ 1353 году поставилъ на соборѣ вызолоченный крестъ, то же сдѣлалъ послѣ на церквахъ св. Димитрія и Введенія Пресвятыя Богородицы. Въ 1359 году настлалъ въ своемъ каөедральномъ соборѣ полъ плитами подъ мраморъ; въ послѣдній годъ управленія епархіею, т. е. въ 1360 году, украсилъ стѣнною живописью и церковь Введенія Пресвятыя Богородицы. Названіе «Добраго», усвоенное ему отъ цѣлой паствы его, свидѣтельствуетъ, что благотворительность была отличительною въ немъ чертою. Впрочемъ, святитель Божій не дослужилъ до самой смерти. Кажется, болѣе по преклоннымъ лѣтамъ, оставилъ епископію въ 1360 году и удалился на покой въ Отрочь монастырь. Здѣсь 20 марта 1367 года онъ отошелъ къ вѣчному покою и похороненъ при каөедральномъ соборѣ, въ малой церкви Введенія, рядомъ съ епископомъ Андреемъ. Извѣстно посланіе новгород. архіеп. Василія къ еп. Өеодору—О существованіи земного рая.

Амвросій, «Ист. р. іерархіи», стр. 135.—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе р. іерархіи 988—1888 г.».—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ».—«Московск. Вѣд.», 1851 г., №№ 51, 53.—*К. Чередѣевъ*, «Біографіи тв. архіереевъ». — Тверскій патерикъ. Казань, 1907 г., стр. 87—92. *Өед.*

Өеодоръ, св. мученикъ, бояринъ черниговскій. Во время нашествія Батыя, послѣ разоренія Кіева и Чернигова, ханскіе чиновники переписывали народъ и облагали его данью. Явившись въ Черниговъ, они предложили черниговскому князю Михаилу отправиться въ орду, съ покорностію Батыю и получить отъ него разрѣшеніе на управленіе своими областями. Не видя ниоткуда помощи, кн. Михаилъ долженъ былъ согласиться на предложеніе и отправился въ орду съ своимъ любимымъ бояриномъ Ө. Тамъ давно искали случая убить князя Михаила, потому что знали о попыткахъ его возбудить противъ татаръ венгерскаго короля и др. Когда св. Михаилъ прибылъ въ орду, то ему было предложено предъ ханскою ставкою пройти чрезъ огненный костеръ для очищенія отъ всѣхъ злыхъ намѣреній противъ Батыя и поклониться языческимъ божествамъ, за что обѣщалось спокойное владѣніе княжествомъ. Св. князь Михаилъ и его бояринъ Ө. отвѣтили отказомъ: «христіанинъ кланяется

только Богу, Творцу міра, а не твари; готовы поклониться царю, такъ какъ Богъ вручилъ ему судьбу земныхъ царствъ». Св. кн. Михаилъ былъ убитъ въ ордѣ 20 сентября 1244 года, послѣ чего татары стали убѣждать боярина Ѳ. отречься отъ Христа, предлагали ему разныя почести, но онъ послѣдовалъ примѣру своего князя: истерзанному ему тоже отрубили голову. Тѣла ихъ были брошены на съѣденіе псамъ, но Богъ дивно сохранилъ ихъ, пока христіане не перевезли ихъ въ Черниговъ. Въ 1572 г. 14 февр. тѣла св. Михаила и Ѳеодора перевезены были въ Москву, гдѣ и покоятся въ Архангельскомъ соборѣ. Память ихъ чтится 20 сент. и 14 февраля.

Житія св. на русск. яз., изложен. по руков. чет.-мин. св. Дм. Ростов.—Мѣсяцесловъ—архіеп. Димитрія.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», т. II, стр. 22.—*Барсуковъ*, «Источн. русск. агіографіи». — *Леонидъ*, «Св. Русь».—Рукописи Архива Св. Син., №№ 1309 и 3691.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ, митрополичій дьякъ. Въ 1331 г. посланъ былъ митрополитомъ Ѳеогностомъ въ Великій Новгородъ звать вновь избраннаго архіепископа новгородскаго Василія для поставленія къ митрополиту въ Владиміръ Волынскій.

«Пол. соб. Р. Лѣт.», т. III, стр. 75, 224.

Ѳеодоръ, св. мученикъ, варягъ. Одни полагаютъ, что св. Ѳ. прибылъ изъ Греціи и жилъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іоанномъ, тайно исповѣдая христіанскую вѣру. Другіе (преосв. Филаретъ) считаютъ его поморскимъ славяниномъ, служившимъ у вел. князя Святослава; вѣроятно, онъ ходилъ съ княземъ на грековъ и около 976 года попалъ къ нимъ въ плѣнъ, а потомъ возвратился въ Кіевъ. Въ 983 году вел. князь Владиміръ одержалъ побѣду надъ ятвягами и пожелалъ принести идоламъ человѣческую жертву. Старцы и бояре бросили жребій на отрока и дѣвицу; жребій палъ на сына Ѳ., прекраснаго душою и тѣломъ Іоанна. Но св. Ѳ. воспротивился этой мнимой волѣ боговъ и сказалъ, что идолы — не боги, а дерево, Богъ—единъ, которому служатъ и покланяются греки. «Не дамъ сына моего бѣсамъ. Если боги ваши — истинные боги, пусть пошлютъ одного изъ среды своей и тотъ возьметъ сына. Къ чему вы хлопочете за нихъ»? Народъ поднялъ крикъ, разломали дворъ, гдѣ жили отецъ съ сыномъ, подрубили сѣни и умертвили св. Ѳ. вмѣстѣ съ сыномъ. Это произошло 12 іюля 983 года. «Мощи же ихъ неизвѣстно, гдѣ погребены, понеже тогда погани бѣша». Мученики эти уже чтились во времена преп. Нестора лѣтописца.

Сказанія о блаженныхъ мученикахъ Ѳеодорѣ и Іоаннѣ находятся въ Четьи-Минеяхъ, мѣсяцесловахъ и др. собраніяхъ житій святыхъ.—*Филаретъ*, «Русскіе святые».—*Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи».—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—«Сборникъ повѣствованій изъ Минеи-четьи», М., 1895 г.—«Страданія св. мученика Ѳеодора вар. и сына его». М., 1894 г.

К. Здр—въ.

Ѳеодоръ, святой мученикъ, убитый «въ Болгарѣхъ, иже на Камѣ и на Волгѣ, за вѣру» 21 апрѣля 1323 года. Лѣтописи называютъ его нѣкіимъ христіаниномъ замученнымъ; въ Никонов. лѣтоп. онъ именуется іерусалимскимъ гостемъ и философомъ. Такъ какъ о немъ нѣтъ упоминанія ни у арх. Сергія—въ Апологіи, ни у Толстого—въ кн. о святыхъ, то предполагается, не былъ ли онъ одним изъ тѣхъ трехъ Ѳеодоровъ, казанскихъ мучениковъ, память которыхъ чтится 2 октября и свѣдѣній о жизни которыхъ не сохранилось. Память 21 апрѣля. Не канонизованъ.

Барсуковъ, «Источники русской агіографіи».—*Архим. Леонидъ*, «Св. Русь».—Мѣсяцесловъ архіеп. Димитрія.

К. З.

Ѳеодоръ, *схимонахъ*, происходилъ изъ купеческаго званія, родился въ 1756 г. въ г. Карачевѣ Орловской губ. Въ младенчествѣ, по смерти отца, остался онъ на попеченіи вдовы матери, происходившей изъ духовнаго званія. Мать отдала мальчика своему родственнику, протоіерею гор. Карачева, для обученія его грамотѣ. Понятливый мальчикъ безъ труда научился чтенію и письму, и, обладая пріятнымъ голосомъ, пристрастился къ церковному пѣнію. Болѣе всего любилъ онъ въ молодости присутствовать въ храмѣ Божіемъ, пѣть на клиросѣ и прислуживать при богослуженіи родственнику своему, протоіерею, полюбившему благонравнаго своего ученика. Частое посѣщеніе храма Божія и христіанское воспитаніе, которое получилъ онъ въ домѣ священнослужителя,

имѣли видимое вліяніе на нравъ и характеръ юноши. Онъ завидовалъ тѣмъ избранникамъ, которые отрѣшились отъ міра и всей его суеты и имѣли полную возможность свободно предаваться подвигамъ благочестія. Два года провелъ въ подобномъ состояніи юноша Ѳ., и, наконецъ, однажды ночью ушелъ изъ родного дома и города въ Площанскую Богородицкую пустынь, отстоявшую въ восьмидесяти верстахъ отъ Карачева. Мать Ѳ., узнавъ объ этомъ, принудила его возвратиться домой. Воспользовавшись темнотой ночи, Ѳ. вторично скрылся изъ дому и ушелъ въ Бѣлобережскую пустынь въ 15-ти верстахъ отъ Брянска. Здѣсь Ѳ. пробылъ недолго и возвратился въ прежнюю обитель Площанскую, откуда мать тоже заставила его уйти домой. Но здѣсь недолго онъ пробылъ и отправился въ Кіевъ, для поклоненія здѣшнимъ святынямъ, съ тайною мыслью больше не возвращаться. Въ Кіевѣ услыщалъ онъ о знаменитомъ настоятелѣ Нямецкой обители, старцѣ Паисіи, и, не безъ скорби разставшись съ лаврою, направился черезъ Подолію въ предѣлы Молдавскіе. Прибывъ въ Нямецкій монастырь, Ѳ. умолялъ иноковъ принять его въ число братіи. Братія не хотѣла его принять, но Паисій, увидѣвъ жалкій видъ Ѳ. и безвыходное его положеніе, принялъ въ число своихъ учениковъ. Вскорѣ Ѳ. принялъ постриженіе въ иночество отъ рукъ старца Паисія и всецѣло предалъ себя святому послушанію, съ любовью исполняя всѣ возложенныя на него обязанности: рубилъ дрова, топилъ печи въ иноческихъ кельяхъ и т. п. Затѣмъ ему была поручена должность просфорника въ пустынномъ скитѣ Сѣкульскомъ, отстоявшемъ въ 12-ти верстахъ отъ обители Нямецкой и находившемся въ вѣдѣніи старца Паисія. Вскорѣ Паисій отправилъ Ѳ. прислуживать двумъ старцамъ, инокамъ Онуфрію и Николаю. Спустя пять лѣтъ, посли смерти старца Онуфрія, Ѳ. пожелалъ снова возвратиться въ Нямецкую обитель къ отцу Паисію. Здѣсь Ѳ. занимался перепиской переводовъ и сочиненій старца Паисія, управлялъ церковнымъ хоромъ. По прошествіи нѣкотораго времени Паисій скончался; очевидцемъ, въ числѣ прочихъ, кончины Паисія былъ также и Ѳ. Мѣсто Паисія заступилъ престарѣлый Софроній, который облекъ Ѳ. въ схиму, послѣ чего тотъ отправился на родину. Прибывъ на родину, Ѳ. отправился къ тогдашнему орловскому епископу Досифею и просилъ указать ему обитель въ епархіи его для мѣстожительства. Святитель предложилъ старцу Чолнскій монастырь близъ Трубчевска, гдѣ Ѳ. не замедлилъ и поселиться. Въ Чолнскомъ монастырѣ онъ учредилъ чинъ и уставъ обители Нямецкой въ отношеніи богослуженія и общежитія и питалъ иноковъ сладостію ученія святоотеческаго, принятаго имъ отъ старца Паисія. Вскорѣ слухъ о чудномъ молдавскомъ пришельцѣ распространился далеко, и нѣкоторые изъ родствениковъ его, считавшихъ Ѳ. давно умершимъ, съ радостью признали въ немъ своего единокровнаго. Открытіе это и многочисленность посѣтителей, жаждавшихъ слышать отъ него слово истины и совѣтъ духовной опытности, принудили Ѳ. оставить Чолнскую обитель. Онъ перемѣстился въ Бѣлобережскую обитель, удаленную отъ селеній и весьма удобную для иноческаго безмолвія. Въ Бѣлыхъ берегахъ вскорѣ постигла старца болѣзнь—горячка; нѣкоторое время состояніе его не подавало никакой надежды на выздоровленіе. Но по выздоровленіи онъ рѣшилъ переселиться въ сѣверные предѣлы Россіи, надѣясь найти тамъ себѣ мѣсто болѣе уединенное отъ посѣтителей. Сначала Ѳ. отправился посовѣтоваться къ Ѳеофану, архимандриту Кирилло-Новоезерскаго монастыря. Съ уваженіемъ принятый въ монастырѣ Кирилло-Новоезерскомъ благочестивымъ его настоятелемъ, старцемъ Ѳеофаномъ, ученикомъ спостниковъ Паисіевыхъ Ѳеодосія и Клеопы, который и самъ дѣятельно проходилъ путь истиннаго подвижничества, Ѳ. нѣкоторое время провелъ подъ гостепріимнымъ его кровомъ. Ѳеофанъ совѣтовалъ Ѳ-ру возобновить уединенный скитъ преп. Нила Сорскаго недалеко отъ монастыря Кирилло-Бѣлозерскаго. Съ письмомъ Ѳеофана отправился старецъ Ѳ. въ С.-Петербургъ къ митрополиту новгородскому Амвросію, для испрошенія позволенія его къ возобновленію скита Нило-Сорскаго. Преосвященный не разрѣшилъ этого возобновленія, быть можетъ за недостаткомъ средствъ у старца: онъ предложилъ Ѳ-ру помѣститься на жительство въ монастырь Палеостровскій, тоже весьма уединенный, на что и согласился Ѳ., видѣвшій въ волѣ архипа-

стыря волю Божію. Здѣсь ему пришлось перенести много горя, вслѣдствіе зависти къ нему многихъ изъ братіи, и потому онъ скоро въ 1812 году вмѣстѣ съ старцами Клеопой и Леонидомъ изъ Бѣлыхъ береговъ переселился въ пустынный Валаамскій скитъ, на островѣ Ладожскаго озера. Отсюда, спустя шесть лѣтъ, Ѳ. переселился въ монастырь преп. Александра Свирскаго въ предѣлахъ Олонецкихъ. 7 апрѣля 1822 года, въ пятокъ Свѣтлой седмицы, старецъ былъ напутствованъ архимандритомъ Макаріемъ со старшею братіею обители Свирской таинствомъ св. елеосвященія, исповѣдался и причастился св. Таинъ и умеръ. При жизнеописаніи его напечатано нѣсколько его предсмертныхъ писемъ и отвѣты его, данные предъ кончиною въ Алекс.-Свирскомъ мон-рѣ на вопросы, предложенные учениками его.

Рукописное сказаніе о старцѣ Молдовлахійскомъ Паисіи и др...—*Величковскій*, «Житіе и писаніе Молдавскаго старца Паисія».—*Макарій*, «Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Оптиной пустыни».—«Валаамскій монастырь, описаніе обители и ея скитовъ»...—*А. Н. Муравьевъ*, «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ».—«Записки о. Ѳеофана, архим. Кирилло-Новоезерскаго монастыря».—«Старцы Брянской Бѣлобереж. пустыни, по запискамъ іером. Израиля». («Орлов. Еп. Вѣдом.», 1909 г., №№ 44—45).—«Душеполезное чтеніе», 1870 г. «Жизнь и подвиги схимонаха Ѳеодора». Изд. 3-е Козел. Опт. пуст. Сергіев. посада 1907 г.—*Поселянинъ*, «Русскіе подвижники 19 вѣка», СПб., 1910 г., стр. 194—201 съ портретомъ.—«Подвижнич. жизнь схимон. Ѳеодора, скончавш. въ Алексанро-Свирск. мон.», СПб., 1901 г.—«Миссіонеръ», 1875 г., №№ 35, 36.

Ѳ. Ѳедотовъ.

Ѳеодоръ, имя неизвѣстнаго лица, писавшаго въ XVIII ст. противъ старообрядцевъ, не пріемлющихъ священства. Имъ въ 1767 г. составлены: «Увѣщаніе о еже соблюдати православную вѣру», «Книга глаголемая утвержденіе на противящихся святѣй церкви и не священныхъ священная говорящихъ и о прочихъ ересѣхъ», «Собраніе отъ божественныхъ писаній и отъ священныхъ правилъ о пріятіи священнаго чина.., отъ еретикъ хиромонисанныхъ, обращающихся къ православной вѣрѣ», и «Изъявленіе и свидѣтельство отъ святаго писанія о литоргіи, яко во время нужды и кромѣ церкви служити нѣсть законопреступно». Встрѣчаются довольно часто въ рукописныхъ сборникахъ.

Петровъ Н.,—«Описаніе рукоп. собр.; наход. въ г. Кіевѣ», вып. 1, М. 1892 г.—*Титовъ А. А.*, «Опис. рукоп. Ростов. музея ц. древн.», II, Ярославль, 1889 г.—*Его-же*,—«Рукоп. слов. и рус., принадл. Вахрамѣеву», I, М. 1888 г.—*Его же*, «Опис. слав.-рус. рукоп., нах. въ собр. А. А. Титова», IV и V, М. 1901—6 гг.

Ѳеодосій Ѳеофиловичъ, посадникъ псковскій. Впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1409 г., когда онъ вмѣстѣ съ псковитяниномъ Сильвестромъ Леонтьевичемъ отправленъ былъ къ великому князю литовскому Витовту для заключенія вѣчнаго мира. Посольство было трудное, такъ какъ псковитяне, не поладивъ съ новгородцами, дѣйствовали на свой страхъ, но, очевидно, послы вели переговоры успѣшно, ибо заключили миръ, по словамъ лѣтописца, «по старинѣ, по псковской воли, по князя великого докончанію Василья Дмитреевича». Около этого же времени Ѳ. Ѳ. былъ выбранъ посадникомъ и въ слѣдующемъ 1410 г. ѣздилъ съ Юріемъ Винковымъ къ великому хнязю московскому просить о назначеніи князя во Псковъ. Василій I послалъ къ нимъ ростовскаго князя Александра Ѳеодоровича, съ которымъ псковитяне, однако, скоро поссорились, и въ 1424 г. посадникъ Ѳ. Ѳ. опять былъ отправленъ въ Москву съ просьбою о назначеніи князя. Кромѣ внутреннихъ смутъ, много безпокойства причиняли Пскову въ это время частыя вторженія ливонскихъ рыцарей, опиравшихся на враждебно настроенную Литву. Несмотря на явное покровительство со стороны великаго князя московскаго, псковитяне много терпѣли бѣдствій отъ этихъ набѣговъ, и въ 1426 г. къ Витовту вторично было отправлено посольство во главѣ съ посадниками Ѳ. Ѳ. и Якимомъ Павловичемъ. Послы просили Витовта о выдачѣ имъ на поруки псковитянъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Котельномъ, обѣщая за нихъ 1.000 руб. выкупа, и условились, чтобы выдача произведена была въ Вильнѣ въ присутствіи посла отъ великаго князя московскаго. Миръ опять былъ возстановленъ, но не надѣясь на его прочность, псковитяне продолжали укрѣплять свои владѣнія. Въ 1431 г., очевидно съ этою цѣлью, посадниками Ѳ. Ѳ., Якимомъ и Стефаномъ заложенъ былъ укрѣпленный городъ на рѣкѣ Гдовѣ. О дальнѣйшей дѣятельности Ѳ. Ѳ. свѣдѣній не сохранилось. Въ послѣдній разъ онъ упоминается посадникомъ подъ 1435 г., когда онъ велъ

отъ имени Пскова переговоры съ новгородскимъ архіепископомъ Евѳиміемъ, разгнѣвавшимся на псковичей.

Полное Собраніе Рус. Лѣтописей, т. IV, стр. 200, 202, 204; т. V, стр. 21, 22, 24—28.— *Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. V, прим. 202, 254, 360, 386. *А. Г.*

Ѳеодосій (въ мірѣ *Павелъ Петровичъ Арсеньевскій*), архимандритъ Спасо-Суморина Тотемскаго монастыря, родился въ 1815 году въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Въ 1837 году онъ кончилъ вологодскую духовн. семинарію, а въ 1841 году—С.-Петербургскую дух. Академію. Въ 1842 г. онъ былъ назначенъ въ вологодскую семинарію учителемъ церковной и библейской исторій, археологіи и каноническаго права; въ 1849 году переведенъ въ г. Тотьму (Волог. губ.) смотрителемъ тотемскаго духовнаго училища и рукоположенъ въ священника Богоявленскаго собора, а вскорѣ возведенъ и въ санъ протоіерея. Въ 1873 году онъ вышелъ въ отставку, принялъ монашество и, поступивъ въ число братіи тотемскаго Спасо-Суморина монастыря, вскорѣ былъ опредѣленъ настоятелемъ этого монастыря, а въ 1875 году возведенъ въ санъ архимандрита. Ему были не разъ выражены благодарности отъ епархіальн. начальства за особенныя заслуги и пожертвованія. Умеръ Ѳ. 20 іюня 1887 года.

Его сочиненія печатались на страницахъ «Вологодск. Епарх. Вѣдомостей». Кромѣ проповѣдей, онъ напечаталъ: «Митрополье, бывшая вотчина Ростовскихъ митрополитовъ» (1866, № 2)., «Свѣдѣнія изъ Тотьмы» (1871, № 17), «Историческія свѣдѣнія о Преображенскомъ соборномъ храмѣ въ Тотемскомъ Спасо-Суморинѣ Ѳеодосіевомъ монастырѣ» (1881, № 10—11).

Соколовъ, «Празднованіе 75-лѣтія Тотемскаго духовн. училища и исторія сего училища» (Вологда 1890 г.—«Вологд. Епарх. Вѣдом.», 1869, № 22; 1887, № 14.—*П. А. Дилакторскій*, «Вологжане — писатели (матеріалы для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губерніи)» г. Вологда, 1900 г.— *А. С. Родосскій*, «Біографич. словарь студентовъ Спб. дух. Акад.», стр. 544 -545. *П. Д—ій.*

Ѳеодосій (*Василевичъ*, *Василіевичъ*, *Баевскій*), православный Бѣлорусскій епископъ. «Простого званія», по словамъ его противниковъ (уніатовъ, полоцкаго архіепископа—митрополита Гавріила Коленды и витебско-мстиславско-могилевскаго епископа Кипріана Жоховскаго), и «древняго рода», по выраженію королевскаго привилея; онъ учился въ Кіево-Братской коллегіи; въ ней же преподавалъ піитику въ 1646—7 г., реторику въ 1647—8 г., философію въ 1649—51 г.; въ іюнѣ 1649 г. ѣздилъ въ Москву, въ качествѣ представителя Кіево-Братскаго монастыря, ходатайствовать за него предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; былъ намѣстникомъ этого монастыря и «префектомъ школъ»; въ 1653 г. былъ избранъ въ игумены Кіевскаго Златоверхаго Михайловскаго монастыря. Въ 1654 г., во время поѣздки въ Литовскіе края, его избрали тамъ, и митрополитъ Сильвестръ Коссовъ поставилъ архимандритомъ Слуцкаго Троицкаго монастыря. Уже въ письмахъ 1655 г. именуется и «намѣстникомъ митрополіи коруннымъ». Въ 1659 г. митрополитъ Діоносій Балабанъ, большею частью проживавшій въ Слуцкомъ монастырѣ у Василевича, учредилъ въ Слуцкѣ консисторію по образцу Кіевской. Благословенный листъ кіевскаго митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго (3 декабря 1663 г.) подтвердилъ за Ѳ. право быть «намѣстникомъ митрополитанскимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ». Изъ протестаціи Кіевопечерскаго монастыря (10-го іюля 1699 г.) видно, что Ѳ., когда Слуцкая архимандрія въ военныя времена была разорена, лѣтъ десять слишкомъ жилъ въ Дятловичахъ, называлъ себя старшимъ Дятловичскаго монастыря, тратилъ его имущество на себя и своихъ свѣтскихъ родственниковъ. Въ привелеѣ польскаго короля Михаила, данномъ въ Варшавѣ 12 (20?) апрѣля 1672 г., читаемъ: По вступленіи на митрополію Кіевскую, Галицкую и всей Руси о. Іосафата (Іосифа) Нелюбича Тукальскаго, епископа Могилевскаго, Мстиславскаго и Оршанскаго (избранъ въ митрополиты въ 1663 г.), духовные и свѣтскіе люди греческой религіи, не находящіеся въ уніи, по свободномъ избраніи (годомъ избранія Ѳ. въ епископы считаютъ 1669 г.), представили намъ достойныхъ кандидатовъ на эту епископію; изъ нихъ, имѣя въ виду хорошо извѣстныя высокія нравственныя качества, способность, благочестіе, ревность къ умноженію славы Божіей и старожитность происхожденія о. Ѳеодосія Василевича, слуцкаго архиман-

дрита..., ему даемъ и предоставляемъ епископію Мстиславскую, Оршанскую и Могилевскую съ церковью св. Спаса въ г. Могилевѣ и монастыремъ при ней, этой каѳедрѣ Мстиславскихъ епископовъ, съ прочими церквами, деревнями, имѣніями и т. д. По свѣдѣніямъ бѣлорусскаго архидіакона Каллиста Заленскаго въ 30-хъ годахъ XVIII в., Ѳ. В. «номинатомъ (нареченнымъ епископомъ) оставался въ теченіе 5 лѣтъ и только уже послѣ того получилъ отъ короля Михаила утвердительную грамоту», т. е. привелей 1672 г. По жалобѣ вышеназванныхъ уніатскихъ епископовъ Бѣлоруссіи, въ томъ же 1672 г. возникло въ ассесорскомъ задворномъ королевскомъ судѣ дѣло о незаконности полученія Ѳ. Василевичемъ королевскаго привилея, который декретомъ того же короля 18 января 1673 г. и былъ кассированъ; въ декретѣ повелѣвается, чтобы Ѳ. В. не смѣлъ присвоивать себѣ титулъ Могилевскаго и Бѣлорусскаго епископа, принимать посвященіе (по другимъ свѣдѣніямъ, онъ «хиротонисанъ въ 1669 г.»?), управлять Могилевской епархіей. Въ документѣ, датированномъ 20 февраля 1676 г. въ Краковѣ, видимъ его собственноручную подпись (по-польски): Ѳеодосій Василевичъ, номинатъ епископіи Бѣлорусской, архимандритъ Слуцкій. Мандатомъ короля Яна III отъ 14 марта 1676 г. Ѳ. В. вызывается въ судъ по поводу того, что онъ, вопреки декрету объ отмѣнѣ привилея, заправляетъ духовными дѣлами во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Тотъ же Янъ III на сеймѣ во время коронаціи въ Краковѣ, по просьбѣ Ѳ. Василевича, 16 марта 1676 г. подтвердилъ привилей 1672 г., называя его «бѣлорусскимъ епископомъ» и милостиво обѣщая, что если бы ante et post in contrarium вышли касательно этой бѣлорусской епископіи какіе-нибудь листы, рескрипты, судебныя рѣшенія, онъ, король, настоящимъ подтвердительнымъ привилеемъ кассируетъ ихъ, объявляетъ несправедливыми и недѣйствительными. И однако почти тогда же, по жалобѣ полоцкаго уніатскаго архіепископа К. Жоховскаго, королевскимъ мандатомъ 26 апрѣля 1676 г. запрещается слуцкому архимандриту Ѳ. В. пользоваться имѣніями епископіи и исполнять епископскія обязанности. Въ протестаціи Кіевопечерскаго монастыря 3 марта 1677 г. упоминается о привилеѣ, выхлопотанномъ у короля «бѣлорусскимъ епископомъ» Ѳ. В. на монастырскія имѣнія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ привилеѣ 12 марта 1677 г., за собственноручною подписью короля Яна, объ отдачѣ имѣній Кіевопечерскаго монастыря въ Волынскомъ воеводствѣ въ администрацію львовскому епископу І. Шумлянскому до тѣхъ поръ, пока Москва не вернетъ Кіева, указывается, что подобнымъ же образомъ бѣлорусскій епископъ Василевичъ» управляетъ имѣніями этого монастыря въ Литовскомъ княжествѣ. 18 марта 1677 г. изданъ декретъ ассесорскаго суда заочный (вслѣдствіе неявки слуцкаго архимандрита Ѳ. В. въ судъ даже послѣ четвертаго позова) о кассаціи привилея на Бѣлорусскую епископію, т. е. о возобновленіи такого же декрета 18 января 1673 г., съ воспрещеніемъ ему титуловаться «бѣлорусскимъ епископомъ», посвящаться, утверждать православную каѳедру (sedem schismatis figere) въ Могилевѣ и т. д. 31 марта 1677 г. К. Жоховскій, митрополитъ Руси, архіепископъ полоцкій, витебск., мстиславскій, и «Ѳеодосій Василевичъ, епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, архимандритъ слуцкій» собственноручно подписали въ Варшавѣ постановленіе объ отсрочкѣ судебнаго процесса между ними до будущаго сейма. По «Діаріушу» св. Димитрія Ростовскаго, 14 августа 1677 г. въ м. Новодворѣ «преосвященный Ѳ. В., епископъ бѣлорусскій, съ клиромъ и не малымъ числомъ священниковъ, учинилъ пренесеніе чудотворному Пр. Богородицы образу изъ старой церкви въ новую». Въ октябрѣ 1677 г. «бѣлорусскій епископъ» Ѳ. В. не могъ явиться въ Вильну на скарбовый трибуналъ по причинѣ «своей болѣзни». Привилеемъ 30 іюня 1678 г. имѣнія Кіевопечерскаго монастыря въ вел. княжествѣ Литовскомъ король Янъ III передаетъ въ администрацію І. Шумлянскому, «по кончинѣ Бѣлорусскаго епископа Василевича». Онъ умеръ въ понедѣльникъ, 11 марта 1678 г. въ Люблинѣ; въ октябрѣ того же года погребенъ греческимъ митрополитомъ Макаріемъ Лигариди въ Дятловичскомъ монастырѣ; при погребеніи надгробное слово говорилъ св. Димитрій Ростовскій, бывшій тогда проповѣдникомъ въ Слуцкомъ монастырѣ. Время дѣятельности Ѳ. Василевича было тѣмъ тревожнымъ временемъ для его родного края, когда

шли войны за Малороссію, когда положеніе кіевскаго митрополичьяго престола бывало неопредѣленнымъ, колеблющимся, раздвоеннымъ, когда возникъ вопросъ о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, когда боролись тутъ московскія и польскія вліянія, мѣстныя традиціи и чуждыя имъ стремленія. Въ 1654 г. гетманъ Хмѣльницій говорилъ царю о Ѳ. В.: «той архимандритъ зѣло потребенъ есть церкви святой, искусенъ мужъ и премудръ и на вся дѣла вѣры нашей благочестивой благопотребенъ, и тебѣ, великому государю нашему, вѣренъ и всякаго добра прямо желаетъ». Историки обычно считаютъ его «давнишнимъ доброжелателемъ поляковъ, усерднымъ слугою польскаго правительства, сторонникомъ Польши, всегда тяготѣвшимъ къ ней, никогда не бывшимъ на сторонѣ русскаго правительства», «плевелосѣятелемъ», распространявшимъ неблагопріятные для послѣдняго слухи; но выражаются и такъ: «изъ заклятаго врага Москвы онъ сдѣлался доброжелателемъ московскаго правительства». Признаютъ, что онъ «былъ ревностнымъ поборникомъ православія и неустанно боролся съ уніатами», былъ представителемъ и охранителемъ православія въ цѣлой польской области»; приводятъ данныя для доказательства, что «Ѳеодосій, 14 лѣтъ управлявшій Бѣлорусской епархіей (5 въ качествѣ администратора ея и 9, какъ дѣйствительный епископъ ея), достигъ въ этой епархіи такого благоустройства, что при немъ, несмотря на враждебность къ православной церкви католическаго духовенства и общества и самаго правительства Польши, сдѣлано было въ Могилевѣ многое для пользы православія». Извѣстны его письма къ осажденнымъ могилевцамъ (убѣждаетъ сдаться польскому войску), къ Л. Барановичу, І. Нелюбовичу-Тукальскому, Б. Радзивилу и др. лицамъ какъ по общимъ вопросамъ политической и церковной жизни (о казацкихъ дѣлахъ на Украйнѣ, гетманѣ Дорошенкѣ, избраніи въ митрополиты Тукальскаго и проч.), такъ и по мѣстнымъ дѣламъ его архимандріи и епархіи (о строеніи слуцкихъ церквей о Мороцкомъ монастырѣ, Заблудовской церкви, о спорахъ съ уніатами, пасквиляхъ католическаго ксендза, дерзости слуцкихъ евреевъ, о невѣжествѣ народа, «idiотствѣ» священниковъ въ Слуцкѣ и т. д.).

«Витебская Старина» А. Сапунова, т. V, ч. I (Витебскъ, 1888), т. I, IV.—«Архивъ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ», т.т. I, II. Спб.—«Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси», т.т. 2, 6, 7 (Вильна, 1870).—«Акты Виленской арх. коммиссіи», т.т. VIII, XI.—«Архивъ Ю.-З. Р.», ч. I, т. 4.—Status causae Jerzego Koniskiego, episkopa Białoruskiego. — «Могилевскіе епископы съ краткими біографическими о каждомъ изъ нихъ свѣдѣніями», Могилевъ на Днѣпрѣ, 1887 г.—*И. Петропавловскій*, «Ѳеодосій Василевичъ, епископъ могилевскій» («Могил. Епархіальн. Вѣдом.», 1887 г., №№ 32—35).—*И. Чистовичъ*, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», ч. II. Спб., 1884 г.—*Ѳ. И. Титовъ*, «Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII — XVIII в.» (Кіевъ, 1905 г.).—*В. Эйнгорнъ*, «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в.», т. I, М., 1899 г. — *М. Макарій*, «Исторія русской церкви», т. XII.—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», т. X. — *Н. И. Петровъ*, «Кіевская академія во второй половинѣ XVIII в.», Кіевъ, 1895 г.—*Н. Ѳ. Мухинъ*, «Кіево-Братскій училищный монастырь», Кіевъ, 1893 г.—«Кіево - Златоверхо - Михайловскій монастырь», Кіевъ, 1889 г.

Б. Ж.

Ѳеодосій *(Боровикъ)*, уніатскій монахъ, русско-польскій авторъ XVII в. Въ 1620 г. подъ однимъ документомъ онъ подписался, какъ «іеромонахъ закону светого Василія, настоятель монастыра Виленского Светое Живоночальное Троицы». Въ 1623 г. онъ принималъ участіе въ Рутской базиліанской конгрегаціи. Въ 1648 г. въ одномъ документѣ упоминается, какъ проповѣдникъ Вознесенскаго и Святодуховскаго монастырей въ Минскѣ. Въ 1652 г. онъ былъ суперіоромъ Жировицкаго монастыря. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Написалъ (не позже іюня 1621 г.) на русскомъ языкѣ «Гисторію, або повѣсть людей разныхъ, о образѣ чудовномъ Пренасветейшое Дѣвы Маріи Жировицкомъ въ повѣтѣ Слонимскомъ»... и польскій ея переводъ. Переводъ изд. дважды въ Вильнѣ, въ 1622 и 1828 гг. Русскій текстъ напеч. впервые проф. П. Н. Жуковичемъ въ «Изв. Отдѣл. рус. яз. и слов. И. Ак. Н.» за 1912 г.

Жуковичъ П. Н., проф. «Неизданное русское сказаніе о Жировицкой иконѣ Божіей Матери» («Изд. отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наукъ», т. XVII, кн. 2.

Н. Т.

Ѳеодосій *(Бывальцевъ)*, митрополитъ московскій. Ѳ. около 10 лѣтъ былъ настоятелемъ Чудова монастыря и въ 1454 г.

митрополитомъ Іоною былъ рукоположенъ въ епископскій санъ въ Ростовѣ. Спустя годъ послѣ вступленія на паству ростовскую, онъ былъ осужденъ за то, что въ навечеріе Богоявленія, случившееся тогда въ воскресенье, разрѣшилъ мірянамъ употреблять мясо, а инокамъ—сыръ, рыбу и яйца. Митрополитъ Іона, призвавъ его на соборъ въ Москву, угрожалъ ему за такое отступленіе отъ церковнаго устава лишеніемъ сана; однако полное и совершенно искреннее раскаяніе и смиреніе Ѳ., а также ходатайство за него великой княгини Софіи отвратили гнѣвъ Іоны, и онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы. На соборѣ Ѳ. покаялся публично и обѣщалъ впредь неизмѣнно соблюдать правила устава, объясняя, что поступилъ такъ «по діаволю искушенію, а по своему скудоумству или истиннѣе рещи по невнимательству, паче же и по мнѣтельству». Строгая взыскательность первосвятителя русскаго сдѣлала то, что Ѳ. сталъ чрезвычайно осмотрителенъ къ самому себѣ и остороженъ въ завѣдываніи паствою. Отъ ввѣреннаго ему духовенства онъ требовалъ, чтобы оно являлось къ нему за наставленіями о своихъ обязанностяхъ. Въ особенности возмущало Ѳ. свободное разрѣшеніе духовенствомъ третьихъ и даже четвертыхъ браковъ. Чтобы побудить духовенство ввѣренной ему епархіи къ болѣе строгому исполненію своихъ требованій, Ѳ. назначилъ въ Бѣлозерскѣ частный соборъ для всѣхъ игуменовъ, священниковъ и діаконовъ, при чемъ тѣмъ, которые не явятся, угрожалъ отлученіемъ. Соборъ состоялся въ январѣ 1469 года, а по другимъ источникамъ — въ 1468 году. 31 марта 1461 года скончался митр. Іона. По его назначенію и по соборному опредѣленію Ѳ. долженъ былъ занять каѳедру московской митрополіи. Это обстоятельство устраняло всякія смуты и недоразумѣнія при назначеніи новаго лица въ въ этотъ санъ, тѣмъ болѣе, что въ юго-западной Руси явился тогда свой митрополитъ Григорій, ученикъ Исидора, присланный изъ Рима, и король польскій Казиміръ предлагалъ великому князю московскому принять его на мѣсто престарѣлаго Іоны. Пастыри великорусской церкви поспѣшили на соборъ въ Москву (9 мая 1461 года), на которомъ и избрали Ѳ. митрополитомъ, а отсутствовавшіе прислали свои «повольныя» грамоты, въ которыхъ также изъявили свое согласіе на избраніе Ѳ. преемникомъ Іоны. Это было первое избраніе митрополита русскими архіереями безъ сношенія съ Царьградомъ. Возведенный на престолъ митрополіи московской и всея Россіи, Ѳ. не оставлялъ вразумлять свою паству наставленіями. Во время четырехлѣтняго управленія митрополіей онъ наибольшее вниманіе обращалъ на устройство дѣлъ церкви новгородской. По вступленіи на престолъ великаго князя Іоанна Васильевича въ Москву явился архіепископъ новгородскій, и Ѳ. принялъ его очень радушно. Видя въ немъ опору искренняго согласія между Новгородомъ и Москвою и заботясь объ удержаніи новгородской іерархіи за своею митрополіей, Ѳ. особой грамотой утвердилъ іерархическія права архіепископа и въ то же время укрѣпилъ за каѳедрою Софійскою всѣ ея владѣнія. Кромѣ того, Ѳ. много сдѣлалъ для архіепископіи новгородской и въ отношеніи къ Пскову. Враждуя съ нѣмцами и не получая помощи отъ Новгорода, псковичи рѣшили порвать съ нимъ всякія связи, остановили сборъ доходовъ въ пользу новгородскаго архіепископа и обратились къ великому князю съ просьбой, чтобы онъ дозволилъ имъ избрать своего епископа. Митрополитъ Ѳ. послалъ въ Псковъ грамоту противъ нарушителей повиновенія архіепископу, а великому князю посовѣтовалъ въ просьбѣ псковитянамъ отказать, что и было сдѣлано. Сдѣлавшись митрополитомъ, Ѳ. еще больше, чѣмъ во время своего епископства въ Ростовѣ, сталъ заботиться о внутреннемъ усовершенствованіи своего духовенства. Каждую недѣлю собиралъ онъ священниковъ московскихъ и предлагалъ имъ духовныя наставленія. Къ вдовымъ священникамъ и діаконамъ онъ былъ необыкновенно строгъ и большей частью отправлялъ ихъ въ монастыри. Эти строгія заботы архипастыря объ исправленіи духовенства вызвали сильный ропотъ въ столицѣ. Ѳ., замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ духовенства, подчиненнаго ему, 13-го сентября 1464 года оставилъ митрополію и удалился въ келію Чудова монастыря. Здѣсь онъ взялъ на свое попеченіе одного разслабленнаго и ходилъ за нимъ, омывая его струпы. Подъ конецъ жизни Ѳ. перешелъ въ Сергіеву лавру, гдѣ игуменомъ въ это время былъ Спиридонъ. Около 10 лѣтъ провелъ Ѳ. въ

смиренныхъ подвигахъ и въ 1475 году скончался въ Сергіевой обители.

Изъ сочиненій его отмѣтимъ: «Похвальное слово апост. Петру и Павлу», напечатано въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ», т. III, стр. 322—328; Слово на Рождество Богородицы, начинающееся словами: «Да отверзутся всяка уста днесь славословію»; Слово о чудѣ святителя Алексія (Собр. лѣтоп., т. VI, стр. 326—330); Посланіе духовенству Бѣлозерской страны съ обличеніемъ въ нерадѣніи къ званію (Истор. Акты, т. I, № 64); пять другихъ посланій (тамъ же, т. I, №№ 57, 78, 275—277; Исповѣданіе (тамъ же, т. I, № 57) и грамота (тамъ же т. I, № 77).

«Полное Собр. Рус. Лѣт.», т. VI, стр. 325—326; «т. V, стр. 273»; т. III, стр. 141.—*Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI, примѣчаніе 629.—«Историческое описаніе Свято-Троицкой Серг. лавры» 1852 года, стр., 63.—«Іерархи ростовско-ярославской паствы». Ярославль, 1864 г.—*Филаретъ Гумилевскій*, «Обзоръ русской духовной литературы», Спб. 1884 г., стр. 110—111. *А. А. Титовъ*, «Ростовская іерархія», «Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ» (Изд. «О. Л. Д. П»).

Р.

Ѳеодосій (*кн. Вадбольскій*), епископъ сарскій и подонскій. Съ конца 1702 г. былъ архимандритомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря, съ половины 1704 г.—архим. Чудова монастыря, хиротонисанъ 25 марта 1711 г., ум. 13 авг. 1712 г.

Строевъ П., «Списки іерарховъ, СПБ. 1877 г.—*Діонисій архим.*, Списокъ настоятелей Можайскаго Лужецкаго м.» М. 1892 г.

Ѳеодосій (*Васильевъ*), бывшій дьячекъ, основатель старообрядческаго ѳеодосіевскаго согласія, сынъ священника Крестецкаго Яма, Новгородской губ., Василія Евстратіевича и потомокъ рода «благородныхъ Усовыхъ дворянъ, или Урусовыхъ», ум. 18 іюля 1711 г. По смерти отца Ѳ. былъ насильно отвезенъ жителями Крестецкаго Яму въ Новгородъ и представленъ м. Корнилію для поставленія на мѣсто отца, но за «младость» опредѣленъ лишь дьячкомъ. Первое время службы онъ сильно ревновалъ о никоновыхъ исправленіяхъ и враждебно относился къ отдѣлившимся отъ господствующей церкви. Въ 1690 г., подъ вліяніемъ какихъ то «боголюбивѣйшихъ мужей», въ немъ совершился переворотъ, и онъ всенародно «діачества отречеся». «По святымъ правиломъ, отъ нѣкоихъ правовѣрныхъ христіанъ» онъ былъ перекрещенъ и нарсченъ Діонисіемъ. Вмѣстѣ съ нимъ были перекрещены и его жена, всѣ дѣти и два брата. Послѣ этого онъ оставилъ Ямъ и поселился въ сосѣднемъ съ нимъ селѣ, гдѣ чрезъ нѣкоторое время умерли его жена и дочь. Овдовѣвъ, Ѳ., по словамъ раскольничьяго «Житія» его, «зѣло прилежаше добродѣтельному спѣянію» и «прилежно чтяше» священныя писанія, «днемъ и нощію... поучашеся». Покончивъ съ ученіемъ, Ѳ. почувствовалъ въ себѣ призваніе къ проповѣди и началъ обходить «страны, грады, веси и села», наставляя въ истинахъ древняго благочестія. Вскорѣ онъ дѣлается однимъ изъ «отцовъ» новгородской безпоповщинской общины и пріобрѣтаетъ такое рѣшительное вліяніе на всю ея жизнь и устройство, что впослѣдствіи самая община носитъ его имя, называясь ѳеодосѣевскимъ толкомъ. Уже около 1692 г. онъ ѣздилъ отъ имени общины въ предѣлы Швеціи на Черную мызу близъ Нарвы для обличенія одного заблуждающагося брата. 1 іюля 1692 г. при его содѣйствіи былъ держанъ въ Новгородѣ первый общинный соборъ, отчасти по поводу помянутой поѣздки. Въ 1694 г. второй подобный соборъ проходитъ несомнѣнно подъ его главнымъ руководствомъ. Успѣхи новаго расколоучителя встревожили новгородскихъ властей и тѣ начали его разыскивать. Провѣдавъ объ этомъ, Ѳ. съ матерью и сыномъ ушелъ въ 1699 г. за польскую границу, куда къ нему въ большомъ числѣ стали собираться изъ Россіи его послѣдователи. За границей онъ устроилъ двѣ обширныхъ обители—мужскую и женскую и сталъ во главѣ ихъ. Отсюда время отъ времени Ѳ. отправлялся въ Россію для посѣщенія своихъ послѣдователей въ Новгородѣ и Новгородскомъ краѣ; въ 1703 и 1706 гг. онъ заѣзжалъ на Выгъ для догматическихъ споровъ съ тамошними безпоповщинскими наставниками. По мѣрѣ того, какъ основанные Ѳ-сіемъ въ Польшѣ монастыри богатѣли, существованіе ихъ дѣлалось все затруднительнѣе отъ постоянныхъ вымогательствъ со стороны польскихъ войскъ. «Не безъ утѣсненія имъ бяше» также и отъ русскихъ войскъ, находившихся въ предѣлахъ Польши по случаю Сѣверной войны. Поэтому, послѣ девятилѣтняго пребыванія на чужбинѣ, Ѳ. рѣшилъ возвратиться въ Россію. Князь Меньшиковъ позволилъ ему поселиться

«со всѣмъ братствомъ и съ прочими многочисленными христіаны» въ Вязовской волости Великолуцкаго уѣзда и озаботился, чтобы переселенцамъ не чинилось никакахъ притѣсненій отъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Въ 1710 г. князь отдалъ во владѣніе ѳеодосѣевцамъ Ряпину мызу въ Юрьевскомъ уѣздѣ, но еще не разрѣшалъ имъ переселиться туда. Чтобы ускорить это дѣло, Ѳ. отправился въ Новгородъ къ чиновнику, отъ котораго оно зависѣло, но во время хлопотъ неожиданно былъ задержанъ слугами м. Іова, закованъ въ желѣзо и посаженъ въ палату подъ келіею митрополита. Послѣ допросовъ и безплодныхъ состязаній и увѣщаній со стороны митрополита и другихъ лицъ, его заперли въ помянутой палатѣ, полной «темноты и праха», гдѣ онъ чрезъ «четыре седмицы» и скончался.

Ѳ. выступилъ съ собственнымъ ученіемъ которое, правда, касалось преимущественно обрядовыхъ и бытовыхъ мелочей. Сходясь въ основномъ съ поморцами, онъ отличался отъ нихъ тѣмъ, что признавалъ бракъ, заключенный до перехода въ расколъ, законнымъ, нарицалъ настоятельствующихъ по нуждѣ нуждними епископами, именовалъ торжищное брашно сквернымъ, ввелъ у себя чтеніе священническихъ молитвъ при рожденіи, крещеніи и погребеніи и даже употребленіе священническихъ поручей, принималъ титлу, положенную Пилатомъ на крестѣ Іисусовомъ, не содержалъ аллилуйныхъ поклоновъ и пр. Воззрѣнія свои онъ изложилъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ цѣляхъ полемики съ поморскими наставниками (разошелся съ ними въ 1703 г.), нижегородскими раскольниками и православными. Изъ нихъ извѣстны: 1) «Посланіе къ Андрею Денисову о догматѣхъ и титлѣ» (изд. П. Смирновымъ въ «Спорахъ и раздѣл. въ рус. раск. въ первой 1/4 XVIII в.»); 2) «Посланіе къ тому же о бракѣ въ 1710 г. (изд. въ сочин. проф. П. Смирнова «Изъ исторіи раск. первой половины XVIII в.», Спб. 1908); 3) Посланіе къ тому же о томъ же (рукоп.); 4) «Посланіе на Выгъ о бракѣ въ обличеніе А. Денисова» (рукоп.); 5) «Письмо второе изъ Польши въ поморье о разногласіяхъ съ поморцами» (изд. въ «Чт. О. И. и Др. Р.», 1869 г.); 6) «Бесѣда съ православнымъ въ декабрѣ 1707 г.» (рукоп.); 7) «Начертанный въ Польшѣ церковный соборъ для уничтоженія нѣкіихъ несовершенствъ въ церкви» (рукоп.); 8) «Три посланія пастырямъ душъ о благоустройствѣ церкви» (рукоп.); 9) «Увѣщаніе держаться раскола» (изд. П. Смирновымъ въ «Спор. и разд. въ рус. раск. въ первой 1/4 XVIII в.») и 10) «Увѣщеваніе бѣгать и таиться» (изд тамъ же). Кромѣ того, имъ составлено «опредѣленіе» новгородскаго раскольничьяго собора 1694 г. (изд. во «Внутр. вопр. въ раск.», П. Смирнова).

Іоанновъ, П., прот., «Полное историч. извѣстіе о раскольникахъ», Спб. 1831 г.—*Макарій, М.*, «Исторія русск. раскола», Спб. 1858 г.—*Павелъ Любопытный*, «Историч. слов. и кат. старов. ц., изд. Н. Попова, М. 1886.—*Поповъ, Н.*, «Матеріалы для исторіи», безпоповщин. согласій въ М., въ «Чт. И. О. И. и Др. Рос.,» 1869 г.—*Смирновъ, П.*, «Внутр. вопросы въ раск.», Спб., 1898 г.—*Его-же*, «Изъ исторіи раскола въ первой полов. XVIII в.», Спб. 1908 г.—*Дружининъ, В. Г.*, «Писанія рус. старообрядцевъ», Спб. 1912 г.
Н. Т.

Ѳеодосій (*Ворыпинъ*,) черный попъ, наставникъ поповщинскаго старообрядческаго согласія, ум. въ 1710 или 1711 г. Родился въ православіи, рукоположенъ въ іеромонахи самимъ п. Іосифомъ (1642—1652 гг.) «въ градъ Рыльскій, въ церковь Василія Неокесарійскаго, Никольскаго монастыря». Совратившись въ расколъ, онъ ушелъ въ донецкіе края, гдѣ сначала поселился въ какой-то пустыни на устьѣ р. Жеребца, а затѣмъ устроилъ себѣ новую пустынь при впаденіи въ Донецъ р. Андары, въ 4-хъ верстахъ отъ Андарской станицы. Здѣсь онъ свободно занимался проповѣдью раскола до половины 1686 г., когда былъ схваченъ двумя бѣглыми попами съ помощью казаковъ и представленъ (29 іюня) въ Москву въ Посольскій приказъ. Послѣ суда у п. Іоакима онъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, въ которомъ пробылъ въ заключеніи семь лѣтъ. Въ заключеніи онъ склонился было къ «новотворнымъ догматамъ» и получилъ нѣкоторую свободу, но, «малому времени въ томъ минувшу», былъ выкраденъ раскольниками и отвезенъ въ Поморье. Отсюда онъ проѣхалъ на Керженецъ и жилъ тамъ на р. Балмашѣ, пока не сдѣлался настоятелемъ главнаго керженскаго скита—Смольянскаго и фактическимъ правителемъ всего раскольничьяго Керженца. Дѣятельность его на Керженцѣ сопровождалась такимъ успѣхомъ, что правитель-

ство признало необходимымъ разыскать и задержать его. Спасаясь отъ этихъ розысковъ, Ѳ-сій пробрался въ Калугу, куда къ нему въ скоромъ времени прибылъ съ Вѣтки изъ Польши посолъ отъ тамошнихъ раскольниковъ съ просительными грамотами о пріѣздѣ на Вѣтку для управленія зарубежною общиною. Ѳ. поспѣшилъ принять приглашеніе и «прейде отъ Великороссіи въ польскую область, идѣже радостными привѣтствы возблагодариша приходъ его...» и «вся увядшіи печалію, весело хождаху». Въ этомъ положеніи начальствующаго учителя на Вѣткѣ онъ и скончался. Раскольники почитаютъ его своимъ святымъ.

Ѳ. долгое время былъ настоящимъ главою всего поповщинскаго раскола. Онъ снабжалъ раскольниковъ запасными дарами и мvромъ своего изготовленія, добывалъ имъ бѣглыхъ поповъ, собиралъ соборы, установлялъ церковную практику, мирилъ возникавшіе на Керженцѣ и др. мѣстахъ вѣроисповѣдные споры и пр., и пользовался непререкаемымъ авторитетомъ. Отъ него сохранилось посланіе на Керженецъ, написанное въ 1709 г. въ опроверженіе діаконовщины. Кромѣ того, имѣется запись преній его 9 іюня 1709 г. съ нѣкіимъ міряниномъ Тимоѳеемъ Матвѣевымъ о честнѣмъ крестѣ Господни.

Прот. А. Іоанновъ (Журавлевъ), «Полное историч. извѣстіе о раскольник.,»Спб. 1831 г.—*Лилеевъ*, «Новые матеріалы для ист. раск. на Вѣткѣ». К. 1893 г.—*Его же*,—«Изъ исторіи раск. на Вѣткѣ и въ Стародубѣ», в. I, Кіевъ, 1895 г. — *Смирновъ П., проф.*, «Внутр. вопр. въ раск. въ XVI в.» Спб. 1898 г. — *Его же*, «Споры и раздѣл. въ рус. раск. въ первой 1/4 XVIII в.» Спб., 1909 г.—*Дружининъ, В. Г.*, «Писанія рус. старообрядцевъ», Спб., 1912 г. *Н. Т.*

Ѳеодосій *(Вятко)*, предполагаемый архіепископъ рязанскій. Въ первый разъ упоминается, какъ архимандритъ московскаго Спасоандроніева монастыря, гдѣ былъ преемникомъ архим. Іосифа, ушедшаго на покой не позже августа 1566 г. Въ 1568 г., по приказанію царя Іоанна Грознаго, въ числѣ особо довѣренныхъ лицъ ѣздилъ въ Соловецкій м-рь для собиранія обвинительнаго матеріала противъ бывшаго настоятеля этого монастыря митрополита Филиппа II. Въ 1569 г. сопровождалъ царя Іоанна во время поѣздки его въ Новгородъ. Не ранѣе конца ноября 1570 г. Ѳ. былъ перемѣщенъ въ Троицкій Сергіевъ м-рь. Въ 1571 г. онъ подписался вмѣстѣ съ другими духовными и свѣтскими лицами подъ клятвенной записью на вѣрность царю, данной кн. И. М. Мстиславскимъ. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1572 г. присутствовалъ на соборѣ, разрѣшившемъ царю Іоанну вступить въ четвертый бракъ и избравшемъ новаго митрополита Антонія. По окончаніи собора сопутствовалъ царю Іоанну при посѣщеніи имъ Новгорода и 23 іюня участвовалъ тамъ въ торжественной встрѣчѣ иконы Пречистой Владимірской. Въ концѣ того же года Ѳ. былъ уволенъ отъ настоятельства въ Троицкомъ м-рѣ, послѣ чего состоялъ духовникомъ царя Іоанна и жилъ, вѣроятно, въ томъ же монастырѣ. Въ январѣ 1580 г. онъ принималъ участіе въ соборѣ о монастырскихъ вотчинахъ и подписался подъ соборной приговорной грамотой 15 января, какъ «Троицы Живоначальные Сергіева монастыря бывшій архимандритъ». 6 января 1583 г. Ѳ. былъ при царѣ во время пріѣзда его въ Троицкій м-рь для молитвы по убитомъ царевичѣ Іоаннѣ: «Царь... на заутрени Богоявленьева дни слушалъ заутреню и обѣдню въ средней церкви; и призвалъ къ себѣ келаря старца Евстафія, да старца Варсанофія Якимова, да тутъ же духовникъ его стоялъ близко архимандритъ Ѳеодосій,—только трое ихъ; и учалъ государь царь рыдати и плакати и молити»... 20 іюля 1584 г., повидимому, Ѳ. подписался на соборной грамотѣ о монастырскихъ вотчинахъ архимандритомъ Спасоандроніева м-ря. Въ рязанскихъ синодикахъ имя его приводится въ ряду рязанскихъ епископовъ вслѣдъ за епископомъ Леонидомъ, а хронографъ Румянцовскаго Музея называетъ его «первымъ архіепископомъ Резани». Другихъ указаній на епископство его въ Рязани нигдѣ не встрѣчается. Если вѣрно, что онъ былъ рязанскимъ архіепископомъ, то это могло быть лишь въ 1586—88 гг., составляющихъ пробѣлъ въ имѣющихся пока въ печатной литературѣ свѣдѣніяхъ о рязанской іерархіи.

«Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», т. III.—«Акты Археограф. Экспед.», т. I.—«Собраніе Госуд. грамотъ и догов.», т. I.—*Карамзинъ*, «Ист. госуд. рос.», т. IX, Спб. 1843 г.—«Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1863 г., кн. 2, отд. I.—*Горскій А., прот.*, «Истор. опис. Св.-Тр. Серг. лавры», М. 1890.—*Григорій, архим.*, «Списки настоятелей московскаго Спасоандроніева второклас. монастыря», М. 1890 г.
Н. Туберозовъ.

Өеодосій *(Гойжевскій, Дунинъ-Гойжевскій)*, архимандритъ Дерманскаго базиліанскаго монастыря кон. XVIII и нач. XIX в. Родился Ө. въ 1749 г. въ дворянской семьѣ Волынской губерніи. Начальное обученіе онъ получилъ у базиліанъ во Владимірѣ Волынскомъ, а по вступленіи въ монахи (постриженъ въ Бытенскомъ монастырѣ въ 1763—1765 гг.) обучался риторикѣ и философіи въ Антополѣ, Полоцкѣ и Витебскѣ, а богословію у іезуитовъ въ Бронзбергѣ (т. е. въ г. Браунсбергѣ); Ө. зналъ языки: польскій, русскій, латинскій, нѣмецкій и нѣсколько французскій. Посвященъ онъ былъ въ 1776—7 г. Ө. былъ учителемъ малыхъ классовъ (низшихъ классовъ въ публичныхъ школахъ) 3 года; обучалъ молодыхъ монаховъ риторикѣ 2 года, философіи (въ Виленскомъ папскомъ алюмнатѣ, въ Жировицкомъ монастырѣ, гдѣ былъ префектомъ школъ, и въ Холмскомъ монастырѣ) 5 лѣтъ, богословію въ Жировицахъ 3 года. Былъ проповѣдникомъ одинъ годъ; затѣмъ состоялъ секретаремъ и консульторомъ провинціальнымъ базиліанскаго ордена и суперіоромъ Бытенскаго монастыря съ его новиціатомъ до 1793 г., когда сталъ архимандритомъ Дерманскаго Троицкаго монастыря (въ Дубенскомъ у., Волынской губ.), основаннаго въ 1597 г. княземъ Константиномъ Острожскимъ. Ктиторами Дерманскаго монастыря, имѣвшими право патроната, во время Ө. Гойжевскаго были князья Любомирскіе, отъ которыхъ онъ и получилъ «одобреніе» на эту архимандрію. Дерманскій монастырь по 1805 г. содержалъ школу для бѣдныхъ дѣтей, но по настоянію визитатора школъ Чацкаго архимандритъ Ө. эту школу «перемѣнилъ на ежегодный платежъ по 5000 польскихъ злотыхъ въ Кременецкую гимназію»; складка на главную духовную семинарію при Виленскомъ университетѣ производилась и при немъ. 23 іюня 1819 г. графъ Н. П. Румянцевъ писалъ изъ Гомеля уніатскому митрополиту Іосафату Булгаку: «Свѣдавъ, что въ Дерманскомъ монастырѣ у о. Гойжевскаго находится лѣтопись Волынская стариннымъ почеркомъ, я бы желалъ ее на время получить»... По дѣламъ базиліанскаго ордена Ө. Г. былъ посылаемъ на сеймы въ Варшаву два раза и въ Гродно одинъ разъ, на трибуналы—въ Вильно и Краковъ. Когда въ 1815 г. волынскимъ православнымъ епископомъ Стефаномъ возбуждено было дѣло о передачѣ Дерманскаго монастыря православнымъ, Ө. въ своемъ рапортѣ уніатскому луцкому епископу Іакову Мартусевичу отъ 1 февраля 1817 г., «шествуя по слѣдамъ исторіи», доказывалъ, что документы 1597 и 1602 г., на которые ссылается православный епископъ, кассированы въ 1778 г., что съ 1629 г. непрерывно владѣютъ этимъ монастыремъ уніаты. Высочайшимъ указомъ 21 ноября 1821 г. повелѣно было «греко-унитскій Дерманскій монастырь отдать въ вѣдѣніе греко-россійскаго духовенства, монаховъ съ ихъ архимандритомъ Гойжевскимъ перевесть изъ онаго въ другіе базиліанскіе монастыри, помѣстя сего послѣдняго на первую архимандричью вакансію», а пока назначена была ему пенсія по 1000 р. ас. въ годъ. Вслѣдствіе глубокой старости (болѣе 70 лѣтъ) и слабаго здоровья («страждетъ отъ подагри и хирагри, роматической болѣзни»), онъ не былъ опредѣленъ на новую архимандрію, а нашелъ пріютъ въ Почаевскомъ базиліанскомъ монастырѣ. «Такъ какъ эта обитель по весьма значительнымъ своимъ доходамъ, писалъ 31 декабря 1823 г. князь А. Н. Голицынъ, можетъ призрѣть его во всѣхъ нуждахъ, то я, имѣя Высочайшее повелѣніе о сокращеніи по возможности издержекъ отъ казны, долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи отпуска 1000 р. съ будущаго года». Почти 80-лѣтнимъ старикомъ скончался Ө. 31 марта 1825 г.

Іероѳей, преосвящ., «Историческая записка о Дерманскомъ монастырѣ» («Волынск. Епарх. Вѣдомости», 1873 г., № 8).—Архивъ канц. об.-прок. св. Синода, №№ 22513, 22387.—Арх. гр.-уніат. митр., №№ 2914, 3495, 3627.—Арх. римск.-кат. дух. кол. 2 депар., послужн. списки 1820 г.

Б. Ж.

Өеодосій (*Голосницкій*), 5-ый епископъ тамбовскій. Ө. былъ уроженецъ казанскій (род. ок. 1723 г.), воспитанникъ кіевскій. Въ «Описаніи докум. и дѣлъ Архива Св. Син.» (т. XXVI, № 320) упоминается сынъ діакона казанской Троицкой церкви Өеодоръ Голосницкій, окончившій философическое ученіе и вытребованный въ 1746 г. въ С.-Петербургъ въ помощь къ архимандриту Веніамину (Григоровичу) для составленія книги о церковныхъ обрядахъ. Можетъ быть это и былъ будущій епископъ Өеодосій. При всемъ стараніи, намъ не удалось узнать какъ

дальнѣйшей судьбы помянутаго Ѳеодора Голосницкаго, такъ и прошлаго архимандрита Желтикова монастыря Ѳеодосія. Ѳ. былъ въ 1753 г. архим. Желтикова м-ря Твер. еп., съ 25 мая 1755 г. архим. Макаріева Колязинскаго монастыря и въ 1758 г.—Снѣтогорскаго псковского монастыря. 11 ноября 1761 г. онъ былъ хиротонисанъ въ епископа устюжскаго, а 14 ноября 1766 г. переведенъ на тамбовскую каѳедру. Съ самаго прибытія въ Тамбовъ онъ былъ принятъ, безъ всякаго съ его стороны повода, неблагосклонно и 20 лѣтъ терпѣлъ огорченія и непріятности отъ тамбовцевъ. Какъ бы не желая знать, каковъ новый архипастырь, тамбовцы, руководимые товарищемъ воеводы Тарбеева, просили св. Синодъ о возвращеніи Пахомія, переведеннаго на мѣсто. Ѳ., въ Устюгъ, для спокойствія тамбовской епархіи отъ многочисленныхъ жалобъ и производимыхъ по нимъ слѣдствій. Прошеніе о переводѣ было оставлено Синодомъ безъ послѣдствій, и просители были подвергнуты разнымъ наказаніямъ. Результатомъ этого было то, что совершенно незаслуженно возгорѣлась злоба на епископа Ѳ., а Синодъ получилъ о немъ невыгодное мнѣніе; кромѣ того, тамбовскіе градоначальники и гражданскіе правители, увлекаясь гнѣвомъ, взводили на Ѳеодосія невинно, единственно по злобѣ, разныя обвиненія и жаловались на него Синоду. Такъ, при открытіи набора съ духовенства, по указу 24 января 1769 г., по проискамъ тамбовскаго воеводы Черкасова и назначеннаго къ набору секундъ - маіора Еропкина, воронежскимъ губернаторомъ Масловымъ (въ вѣдѣніи котораго тогда находилось тамбовское воеводство) подана была въ Сенатъ жалоба на святителя, основанная на одной клеветѣ, будтобы онъ удержалъ отъ набора больше 150 человѣкъ и скрылъ подозрительныхъ церковниковъ. Тогда какъ дѣйствія епископа Ѳ. при разборѣ лицъ, подлежащихъ отдачѣ по означенному набору, были законны, справедливы и направлены къ защитѣ подчиненныхъ и къ охраненію необходимыхъ для служенія церкви людей. Преосвященный доносилъ св. Синоду и объяснялъ, что дѣйствія воеводы злонамѣренно направлены къ нарушенію порядка въ епархіальномъ управленіи и къ личному его оскорбленію, добавляя при этомъ, что дѣла въ консисторіи и въ духовныхъ правленіяхъ отъ распоряженій воеводы, потребовавшаго писцовъ къ разбору, остановились; но воронежскій губернаторъ Масловъ не переставалъ жаловаться Синоду на архипастыря и добился того, что указомъ св. Синода отъ 9-го февраля 1770 г. епископъ Ѳ. былъ «удержанъ отъ управленія тамбовской епархіей», съ запрещеніемъ вступать въ дѣла и съ дозволеніемъ ему одного священнослуженія; вмѣстѣ съ тѣмъ была составлена слѣдственная коммисія для разсмотрѣнія дѣйствій преосвященнаго. Всѣ знали, за что страдалъ святитель, всѣмъ было извѣстно, что противники дѣйствовали по злобѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые не устыдились къ тяжкой скорби святителя присоединить новыя оскорбленія. Городскіе священники, пѣвчіе и домашніе служители отказались отъ повиновенія своему епископу, и архипастырь былъ оставленъ, какъ писалъ онъ въ св. Синодъ, «безъ дѣтей, среди дѣтей». Въ такомъ печальномъ положеніи преосвященный Ѳ. находился болѣе четырехъ лѣтъ, бывши въ это время въ Воронежѣ подъ судомъ около двухъ съ половиною лѣтъ. По разсмотрѣніи слѣдственнаго матеріала 14 февраля 1773 года ему было разрѣшено вступить въ управленіе епархіей. Укомплектованіе приходскихъ церквей,— чѣмъ епископъ Ѳ. такъ дѣятельно занялся,— было неожиданно вновь разстроено къ его огорченію. Въ послѣдующіе годы за Пугачевскимъ бунтомъ и за моровою язвою 1771 г. оказалось, что по всей епархіи недоставало 292-хъ человѣкъ духовнаго чина; изъ нихъ однихъ священниковъ не было 82-хъ. Занимавшее же мѣста духовенство не имѣло умственнаго и нравственнаго развитія, и находилось большею частью безъ всякаго образованія, въ совершенномъ невѣжествѣ, вслѣдствіе этого происходило много безпорядковъ, произвола и упущеній. Такое положеніе постоянно сокрушало заботливаго епископа Ѳ. и вызвало его, при всей добротѣ души, на строгія мѣры, но къ искорененію всего не представлялось никакой возможности. Къ распространенію же и введенію должнаго ученія, а равно къ поднятію уровня образованія, епархія не имѣла никакихъ средствъ. Только въ послѣдніе годы служенія Ѳ. два обстоятельства — открытіе 15-го декабря 1779 года намѣстничества вмѣсто воеводства и открытіе въ слѣдующемъ году въ

Тамбовѣ семинаріи (въ Нижнеломовскомъ Казанскомъ монастырѣ)—дали ему надежду на искорененіе этого зла. Со времени своего вступленія на тамбовскую каѳедру до послѣднихъ дней своей жизни, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, святитель Ѳ. неусыпно заботился объ устроеніи и украшеніи Божіихъ храмовъ. Имъ было воздвигнуто значительное количество новыхъ храмовъ, а на мѣсто ветхихъ деревянныхъ построены каменные и обширные храмы, такъ что въ одинъ 1772 годъ, послѣ моровой язвы, этого бича Божія (бывшей 1771 г.), было по епархіи устроено 40 храмовъ. Имъ же были возстановлены и благоустроены послѣ Пугачевскато мятежа Троицкій Пензенскій монастырь и прилегающій къ архіерейскому дому Казанскій монастырь и др. При Ѳ-сіи было также обращено особое вниманіе на иконопись. Встрѣчая часто, при тогдашнемъ неразвитіи и незнаніи живописи, иконы страннаго и нелѣпаго письма, онъ удалялъ ихъ изъ храмовъ, а для постояннаго по всей епархіи наблюденія за правильною и соотвѣтственною иконописью онъ избралъ надзирателей, знающихъ это дѣло. Свое служеніе на тамбовской каѳедрѣ пресв. Ѳеодосій окончилъ тѣмъ-же, чѣмъ и началъ — разборомъ духовенства по указу 24 марта 1784 года. Постоянные неусыпные труды и заботы на пользу ввѣренной паствы, при неустройствѣ ея и при неблагопріятствующихъ въ то время, а особенно въ томъ краю, общихъ обстоятельствахъ; перенесенныя при всей кротости и незлобіи сердца огорченія, сопровождавшіяся въ продолженіе двадцатилѣтняго служенія въ тамбовской епархіи непріятностями и разнородными кознями, не могли не потрясти и не сократить полезной и богоугодной жизни архипастыря. Благочестивый Ѳ. скончался 23 декабря 1786 года — 63-хъ лѣтъ, оставивъ по себѣ неизгладимую память, а изъ собственнаго имущества: одинъ коверъ, три рясы, 12 четокъ, 17 книгъ духовнаго содержанія и сто рублей денегъ. Изъ этого видно, что святитель, твердо помнилъ иноческій обѣтъ нестяжанія. Погребеніе его совершено было епископомъ рязанскимъ Симономъ, при живѣйшемъ участіи тамбовскаго намѣстника Г. Р. Державина, извѣстнаго русскаго поэта. Тѣло преосвященнаго Ѳ. положено въ Спасопреображенскомъ каѳедральномъ соборѣ у сѣверной стѣны. Надъ этимъ мѣстомъ была устроена усердствующими красивая деревянная гробница, а надъ нею поставленъ портретъ святителя, неизвѣстно кѣмъ написанный масляной краской со стихами. Гробница и портретъ сохранились до сего дня въ совершенной цѣлости.

Макаровъ Н., «Святитель Ѳеодосій Голосницкій», Спб., 1876 г.—«Странникъ», апрѣль 1876 г. — *Толстой*, Списки архіереевъ. — *П. Строевъ*, Списки іерарховъ.—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе русской іерархіи».—*Прот. Хитровъ*, «Истор. статист. описаніе Тамбов. епархіи». Тамбовъ. 1861 г., стр. 86—108. — Дѣла Архива св. Синода.

Ѳедотовъ.

Ѳеодосій (*Гугуревичъ*), игуменъ, ректоръ Кіевской академіи (коллегіи). Ѳ. былъ лѣтъ пять игуменомъ Батуринскаго монастыря. Послѣ Мелетія Дзика, умершаго 7 февраля 1682 г., былъ избранъ игуменомъ Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря и 1 марта этого же года выѣхалъ изъ Батурина въ Кіевъ. Съ 1686 до 1689 г. онъ былъ игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоромъ коллегіи; въ документѣ 10 декабря 1688 г. онъ называется еще тѣмъ и другимъ. Въ это его игуменство и ректорство, по трактату вѣчнаго мира между Россіей и Польшей въ 1686 г., Кіевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Кіево-Братская коллегія отошли навсегда къ Россіи. Вслѣдствіе этого въ матеріальномъ отношеніи Кіево-Братскій монастырь и коллегія много потеряли, потому что польское правительство присвоило себѣ ихъ земельныя имущества, оставшіяся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Съ другой стороны, теперь уже рушились сами собой тѣ стѣснительныя ограниченія со стороны польскаго правительства, въ силу которыхъ въ Кіево-Братской коллегіи могли преподаваться науки не далѣе діалектики и логики; интересы русскаго правительства и русской православной церкви, наоборотъ, требовали, чтобы православное богословіе было введено въ кругъ преподаваемыхъ въ коллегіи наукъ; оно и было введено съ 1689 г.; получены были и другія права, съ переименованіемъ коллегіи въ академію. Ѳеофанъ Прокоповичъ, учившійся въ коллегіи въ ректорство Ѳ. Гугуревича, въ письмѣ къ кіевскому архіепископу Рафаилу Заборовскому 8 марта 1736 г. изъ С.-Петербурга описываетъ яркую картину печальнаго состоянія ма-

теріальной стороны Братскаго монастыря, при чемъ причины такого явленія усматриваетъ не только въ незнаніи экономіи, но и въ нерадѣніи, лѣности, пьянствѣ и хищеніи монастырскаго добра. Послѣ ректорства Ѳ. Гугуревичъ былъ еще игуменомъ Максаковскаго монастыря одинъ годъ; «а въ бѣдахъ и скорбѣхъ, послѣ максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ и 25 декабря 1690 г., повѣствуетъ Димитрій Ростовскій въ своемъ діаріушѣ, преставился въ нашемъ (Батуринскомъ) монастырѣ».

С. Т. Голубевъ («Кіевская академія въ кон. XVII и нач. XVIII ст.», въ «Трудахъ К. Д. А»., 1901 г., ноябрь) въ объясненіе причинъ, побудившихъ Ѳ. Г. оставить кіево-михайловское игуменство, приводитъ такую выдержку изъ дѣлъ Малорос. приказа (въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи): «іюля въ 29 день 1683 г. къ великимъ государямъ писалъ гетманъ съ посланцомъ своимъ Василіемъ Кочубеемъ, что Кирилловскаго монастыря игумена Иннокентія Монастырскаго игуменъ бывшій Михайловскій Ѳеодосій Гугуревичъ зависти ради огласилъ измѣнническими преступленіями..., за то Ѳ. Г. отставленъ».

Изъ очерка «Грѣшный игуменъ» О. И. Левицкаго («Очерки народной жизни въ Малороссіи во втор. пол. XVII в.», въ «Кіев. Старинѣ», 1901 г., сентябрь) видно, что Ѳ. Гугуревичъ послѣ ученія въ кіевской коллегіи и, можетъ быть, преподавательства въ ней въ годы ректорства Лазаря Барановича, своего патрона и учителя, на первыхъ порахъ занялъ около 1677 г. скромное мѣсто «духовнаго отца рукоположенцевъ архіепископа черниговскаго» (Л. Барановича); въ 1681 г., въ званіи уже батуринскаго игумена, ѣздилъ въ Москву съ ходатайствомъ о покупкѣ въ царскую казну разныхъ книгъ, напечатанныхъ Л. Барановичемъ въ его черниговской типографіи. Тутъ же разсказана исторія сожительства «грѣшнаго» максаковскаго игумена Ѳ. Г. съ «дивкой Мотрей», откровенно изложенная въ актовой книгѣ Борзенской ратуши (объ этомъ и въ «Описаніи старой Малороссіи» А. М. Лазаревскаго, т. II), и сообщается о деспотизмѣ его, жестокихъ наказаніяхъ братіи и даже «замордованію» (замучилъ до смерти) монаха Гавріила, о его пьянствѣ, употребленіи скоромной пищи: «безпечне игуменъ куры печеныи зъ масломъ и голубы смаженыи уживаетъ» и т. д. За такіе проступки Ѳ. Г. лишенъ былъ и максаковскаго игуменства и въ качествѣ простого чернца водворенъ въ Батуринскомъ монастырѣ, въ которомъ нѣкогда настоятельствовалъ.

Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, ч. I.—*В. Аскоченскій,* «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіей», ч. I, Кіевъ, 1856 г.—*Н. Мухинъ,* «Кіево-Братскій училищный монастырь», Кіевъ, 1893 г.—*Н. И. Петровъ,* «Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.», Кіевъ, 1895 г.—*Его-же,* «Кіевская духовная академія (X томъ Богословской энциклопедіи).—«Акты и документы, относящіеся къ исторіи кіевской академіи», подъ ред. Н. И. Петрова, отд. II, т. I, ч. I.—«Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь», истор. очеркъ, Кіевъ, 1889 г.

Б. Ж.

Ѳеодосій (*Гулевичъ*), епископъ луцкій и острожскій съ 1540 г. (или съ 1541 г. до конца 1555 г.). Въ грамотѣ кіевскаго митрополита Макарія 22 февраля 1548 г., данной православному луцкому епископу Ѳеодосію, рѣчь идетъ о допущеніи священника служить въ кіевской церкви. Онъ возобновилъ на свои средства древнюю церковь св. Димитрія (въ Луцкѣ?), которая долго послѣ того считалась принадлежащею дому Гулевичей. Гулевичи—это одни изъ тѣхъ «древнихъ, родовитыхъ, сильныхъ, во всемъ свѣтѣ славныхъ своимъ могуществомъ и доблестью» русскихъ православныхъ дворянъ, измѣну которыхъ православію оплакивалъ въ 1610 г. Мелетій Смотрицкій. «Этотъ Ѳ. быть можетъ Ѳеодоръ Гулевичъ, показанный въ 2 изданіи «Исторіи (россійской) іерархіи преемникомъ Арсенія подъ лѣтомъ 1540 г.»

И. Чистовичъ, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», ч. I (Спб. 1882), ч. II (Спб. 1884).—«Акты западн. Россіи». III, 7.—Рукопись Архива св. Синода, № 1770 (Повѣрка іерархическ. каталоговъ Россійск. древнихъ епархій съ лѣтописями и актами, 1858 г.).—*Курбскій,* т. II.—Собр. соч. Максимовича, т. II.—*Н. И. Теодоровичъ,* «Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи» (Почаевъ, 1893 г.).

Б. Ж.

Ѳеодосій (*Косой*), еретикъ, былъ холопомъ одного изъ московскихъ бояръ. «Улучивъ свободу мужествомъ и разумомъ своимъ», онъ бѣжалъ отъ господина на конѣ и съ «имѣніемъ» (такъ какъ занималъ среди господскихъ холоповъ видное положеніе.) къ заволжскимъ старцамъ въ Порфиріеву пустынь и тамъ постригся

въ монашество. Ө. былъ ученикомъ извѣстнаго Артемія (Пустынника), бывшаго въ 1551 г. игуменомъ Троице-Сергіевой лавры и осужденнаго на соборѣ 1553 года за еретичество. Съ 1551 г. Ө. былъ въ Новоезерскомъ манастырѣ на Бѣлоозерѣ, откуда въ 1554 г. прибылъ въ Москву и за еретичество былъ заключенъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей, откуда бѣжалъ съ единомышленниками въ Литву, скрывая свой слѣдъ перемѣною «множицею» одеждъ и именъ. Бѣглецы прибыли въ Витебскую губернію и основались въ мѣстности «Усо-чортъ», проповѣдуя свое ученіе; Ө. вскорѣ женился на какой-то вдовѣ—еврейкѣ, но преслѣдуемый православнымъ духовенствомъ за иконоборческія идеи долженъ былъ удалиться вглубь Литвы, гдѣ, вѣроятно, проживалъ у какого-либо пана въ качествѣ религіознаго проповѣдника. Ө. хорошо зналъ Ветхій и Новый Завѣтъ и святоотеческія сочиненія св. Іоанна Златоуста и Вас. Великаго. Послѣдніе дни Косого и время смерти его неизвѣстны,—не оставилъ онъ и письменныхъ памятниковъ своего ученія, оно извѣстно лишь отъ третьихъ лицъ въ церковно - полемическихъ памятникахъ: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» и «Многословное посланіе»—оба принадлежатъ иноку Отенскаго м-ря. Зиновію и написаны въ 1565—1566 гг. Одни считаютъ Косого зависимымъ отъ ученія антитуленитаріанъ, другіе называютъ его преобразователемъ ереси жидовствующихъ въ христіанскій раціонализмъ, иные признаютъ его самобытнымъ, возникшимъ на почвѣ домашняго критицизма, направленнаго противъ крайностей внѣшне-обрядоваго благочестія и нравственныхъ непорядковъ. «Не права у васъ вѣра, говорилъ Косой, вы только Бога гнѣвите своимъ мнимымъ благочестіемъ»; онъ отрицалъ троичность лицъ въ Божествѣ, божество Христа, запрещалъ почитать Богоматерь, святыхъ и ихъ нетлѣнныя мощи; отвергалъ иконы, почитаніе креста, богослуженіе, таинства, обряды, посты, іерархію, монашество, святоотеческія писанія и преданія, житія святыхъ, словомъ, все, что составляетъ сущность православія, отвергалъ всякую власть, всѣ гражданскія обязанности, подрывалъ семейный бытъ, отвергая уваженіе къ родителямъ, цѣломудріе и благоприличіе; въ этомъ у него много общаго съ русскимъ раціонализмомъ XVI вѣка. Исторія не сохранила точныхъ свѣдѣній о послѣдователяхъ Косого въ Россіи, кромѣ вопрошавшихъ инока Зиновія клирошанъ; въ Витебскѣ послѣдователи Косого сдѣлались кальвинистами; послѣ Косого плеяда русскихъ еретиковъ обрывается до XVIII вѣка.

Е. Е. Голубинскій, «Исторія Русской церкви», 1-я полов. II тома.—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1876 г., іюнь.—*Ө. Калугинъ*, «Зиновій Отенскій и его сочиненія».—*Макарій*, «Исторія Рус. церкви».—*В. А. Никольскій*, «Өеодосій Косой» (безпл. прилож. къ еженедѣльнику «Вѣкъ»). — *Кояловичъ*, «Христ. Чтеніе», 1871 г., февраль, стр. 280—282.

К. Здр—въ.

Өеодосій (*Лазовскій*), епископъ холмскій и белзскій (1552—1565 г.), владимірскій и берестейскій (1565—1580 г.). Фамилію *Лазовскій* съ дворянствомъ пріобрѣлъ онъ позже. Былъ женатъ и имѣлъ дочь. Впослѣдствіи онъ сдѣлался монахомъ и архимандритомъ Брестскаго монастыря; въ грамотѣ 1566 г. онъ называется «Өеодосіемъ (монашеское имя) изъ Бреста». Королевскою грамотою, данною въ Вильнѣ 1 декабря 1552 г. Ө., былъ назначенъ епископомъ холмскимъ и белзскимъ. Холмскіе акты говорятъ о многихъ судебныхъ процессахъ, которые велись при этомъ епископѣ по земельнымъ дѣламъ, по поводу наѣздовъ на духовныя имѣнія, на церкви, о грабежахъ, побояхъ и т. д.; жалуется епископъ, его слуги, православное духовенство, жалуются и на нихъ. Въ жалобѣ православнаго священника и крестьянъ с. Дрогуска подъ 1559 г. разсказывается, какъ шляхтичъ Николай Волчокъ, наѣхавъ въ день Успенья на монастырскую церковь, рубилъ св. крестъ, иконы и престолъ, рвалъ на куски евангеліе и другія церковныя книги, захватилъ съ собой серебряныя чаши и другіе священные предметы. 6 августа 1560 г. владыка Ө. лично жаловался суду на шляхтича В. Терновскаго, напавшаго вечеромъ на него въ Холмскомъ монастырѣ и поранившаго ему средній палецъ правой руки. Онъ же 24 января 1559 г. жаловался на князя Андрея Козырскаго изъ Литвы за то, что тотъ, пренебрегая его епископскою властью въ Холмской епархіи, осмѣлился противозаконно содержать въ новопостроенной церкви въ Глускѣ своего частнаго священника. 9 іюля 1561 г. Савинскій плебанъ жаловался на Ө., что

онъ велѣлъ священника Луку, подданнаго латинской епископіи, схватить, связать и посадить въ монастырское заключеніе. Въ 1565 г. холмскій епископъ Ѳ. получилъ королевскую грамоту на Владиміро-Брестскую епископію, во владѣніе которою былъ введенъ 15 сентября при содѣйствіи вооруженной силы, послѣ настоящаго сраженія со сторонниками другого претендента на ту же епископію, Ивана Борзобогатого Красенскаго, сына умершаго Владимірскаго епископа и его коадъютора (еще не посвященнаго) съ правомъ преемства. Въ этотъ день Ѳ. бралъ приступомъ епископскій замокъ въ г. Владимірѣ (его защищалъ сынъ Ивана Борзобогатаго), имѣя до двухъ съ половиною тысячъ пѣшаго и коннаго войска «зъ дѣлы (пушками), гаковницами, ручницами и иными разными бронями»; расположивъ пушки на городскихъ зданіяхъ, онъ открылъ пальбу по епископскому замку и соборной церкви, шесть разъ посылалъ войско на штурмъ и наконецъ, не видя успѣха, велѣлъ подложить огонь подъ стѣны епископскаго замка; осада продолжалась цѣлый день (при этомъ было убито не мало людей, многія зданія и самая соборная церковь были повреждены выстрѣлами), побѣда осталась за Ѳ-сіемъ. Когда затѣмъ въ октябрѣ королевскій дворянинъ съ нѣсколькими слугами Ивана Борзобогатаго явился въ соборную Владимірскую церковь и подалъ Ѳ. «позовъ» на судъ, онъ «съ посохомъ кинулся до слугъ пана Борзобогатаго и заразомъ Ермолу закрывавилъ у церкви, а другихъ бити ногами, топтати и зъ замочку выгнати казалъ», говоря: если бы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ. Есть также извѣстія за 1569, 1573 и др. годы о наѣздахъ его съ толпою вооруженныхъ людей своихъ на имѣнія сосѣдей, о «разбойныхъ» нападеніяхъ «рейтарскимъ обычаемъ» на большой дорогѣ, при чемъ иногда наносилъ раны собственною рукою; а однажды въ самомъ г. Владимірѣ онъ и его сообщники ворвались въ жилище остановившагося проѣздомъ Ивана Волчка, жестоко избили его и его служителей, двухъ изъ послѣднихъ лишили жизни и т. д. Подъ старость Ѳ. совершенно предался во власть своего зятя М. Дубницкаго, владимірскаго войта, который разорялъ церковныя имѣнія, расточалъ церковную казну, выскабливалъ фундушевыя записи изъ напрестольнаго евангелія; а когда соборное духовенство задумало начать судебный процессъ объ этихъ дѣяніяхъ, владыка нѣкоторыхъ священниковъ избилъ своимъ посохомъ. Такіе факты дали основаніе назвать его «замѣчательно буйнымъ и порочнымъ пастыремъ» (Д. Иловайскій), который «служилъ позоромъ для православнаго духовенства и соблазномъ для своей паствы» (Н. Теодоровичъ); эта характеристика, основанная на луцкихъ и владимірскихъ актахъ, не кажется вѣрною В. Площанскому, основывающемуся на холмскихъ актахъ. Въ 1578 г. епископъ Ѳ. далъ согласіе на разводъ князя Андрея Курбскаго съ женою. По просьбѣ престарѣлаго Ѳ., 23 декабря 1579 г. польскій король Стефанъ Баторій далъ привилегію на Владимірскую епископію архимандриту Кіевопечерской лавры Мелетію Хребтовичу-Богуринскому. 15 января 1580 г. Ѳ. сдалъ ему эту епископію (актъ передачи утвержденъ королемъ 16 апрѣля); 20 апрѣля онъ введенъ въ управленіе епископіей, а 25 апрѣля того же 1580 г. онъ выдалъ расписку въ томъ, что всѣ церковныя имѣнія епископіи отдаетъ Ѳ-сію въ пожизненную аренду за 1000 злотыхъ ежегодно. Въ документѣ 19 мая 1580 г. Ѳ. называется уже «бывшимъ владыкою Владимірскимъ». 25 іюля 1588 г. Ѳ. выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озерцны и 11 селъ, назначивъ доходы съ нихъ на благоустройство соборной Владимірской церкви, на содержаніе двухъ проповѣдниковъ и на учрежденіе при ней богадѣльни и школы для обученія дѣтей; въ школѣ положено было имѣть двухъ бакалавровъ, одного по греческому языку, другого по славянскому. Умеръ епископъ Ѳ. въ концѣ 1588 г.

Н. И. Теодоровичъ, «Городъ Владиміръ Волынской губ. въ связи съ исторіей Волынской іерархіи», Почаевъ, 1893 г.—*В. М. Площанскій,* «Прошлое Холмской Руси», I, Вильна, 1899 г.—*м. Макарій,* «Исторія русской церкви», т. IX.—*Д. Иловайскій,* «Исторія Россіи», т. III.—*И. Чистовичъ,* «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», I, Спб., 1882 г.—«Описаніе документовъ архива западно-рус. уніатскихъ митрополитовъ», т.т. I, II.—Рукопись архива Св. Синода, № 1770.—«Архивъ юго-зап. Рос.», ч. I, т. I, предисловіе *Н. Иванишева.*

Б. Ж.

Ѳеодосій (въ мірѣ *Александръ Григорьевичъ Макаревскій*), епископъ екате-

ринославскій и таганрогскій. Былъ сыномъ діакона, родился въ 1822 году въ Черниговской губерніи; скончался 5 февраля 1885 года. Образованіе получилъ въ черниговской дух. семинаріи и Кіевской дух. академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 г. со степенью магистра. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ всеобщей гражд. исторіи въ смоленскую дух. семинарію, въ Смоленскѣ-же онъ состоялъ учителемъ въ училищѣ дѣвицъ дух. званія. 28 марта 1853 г. онъ былъ назначенъ смотрителемъ вяземскихъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ, женился и рукоположенъ 28 мая 1853 г. въ священники къ вяземскому Св.-Троицкому собору; состоялъ цензоромъ проповѣдей, членомъ вяземскаго дух. правленія, катехизаторомъ, членомъ-корреспондентомъ губернскаго статистическаго комитета, членомъ строительнаго комитета и т. д. 29 іюня 1855 г. онъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея. Послѣ смерти жены онъ въ 1861 г. перемѣщенъ былъ въ Смоленскъ инспекторомъ семинаріи и тамъ 3 мая 1861 г. постригся въ монашество съ именемъ Ѳеодосія. Въ 1862 г. 29 марта онъ былъ перемѣщенъ въ С.-Петербургъ инспекторомъ семинаріи и черезъ мѣсяцъ возведенъ въ санъ архимандрита. 28 августа 1863 г. онъ уже былъ ректоромъ воронежской семинаріи, настоятелемъ воронежскаго Акатова монастыря, членомъ ворон. дух. консисторіи и благочиннымъ монастырей Воронежской епархіи; съ 10 декабря 1866 г. Ѳ. состоялъ редакторомъ «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». 12 декабря 1866 г. онъ былъ назначенъ, а 29 іюня 1867 г. хиротонисованъ въ епископа острожскаго, викарія Воронежской епархіи. Въ 1871 г. 23 іюня онъ получилъ въ самостоятельное управленіе Екатеринославскую епархію. Ласковый, привѣтливый и доступный, онъ скоро снискалъ любовь и духовенства и свѣтскаго общества. При немъ начались въ Екатеринославской епархіи окружные, благочиннические и епархіальные съѣзды духовенства и выборы духовенствомъ благочинныхъ. Преосвящ. Ѳ. посвящалъ не мало времени и ученымъ занятіямъ. Еще на прежнихъ мѣстахъ своей службы онъ интересовался мѣстной исторіей: въ Смоленскѣ состоялъ членомъ комитета по историко-статистическому описанію епархіи, въ Вязьмѣ принималъ участіе въ составленіи «Памятной книжки Смоленской губерніи», въ Воронежѣ участвовалъ въ комитетѣ по состав. акаѳиста св. Тихону и былъ редакторомъ епархіальныхъ вѣдомостей; также и въ Екатеринославѣ изъ подъ пера его вышли не только церковныя поученія, слова и рѣчи, но и труды церковно-историческаго характера. Онъ работалъ въ архивахъ консисторіи архіерейскаго дома и самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, тщательно пересматривалъ дѣла XVIII ст. связку за связкой и, извлекая изъ нихъ интересные матеріалы, печаталъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, но всегда безъ подписи автора. Такъ, ему принадлежатъ статьи: «Краткія свѣдѣнія о мѣстно-чтимой иконѣ Божіей Матери въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ», «Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь», Историческій обзоръ православной христіанской церкви въ предѣлахъ Екатеринославской епархіи до времени открытія ея», «Краткія свѣдѣнія объ Екатеринославской епархіи и епископахъ ея», «Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи», въ двухъ выпускахъ. Всѣ эти труды весьма основательны и цѣнны, какъ первые по исторіи епархіи. Онъ былъ членомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей и церковно-археологическаго общества при Кіевской дух. академіи, музей котораго онъ пополнялъ предметами древности, находимыми въ его епархіи (плащаницы, антиминсы и др.). Скончался онъ отъ апоплексіи головного мозга.

В. А. Бѣдновъ, «Преос. Ѳеодосій, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, и его труды по исторіи Екатеринославщины». Екатеринославъ, 1910 г.—Формулярный его списокъ.—*Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 5, стр. 148.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 427,—*Строевъ*, «Списки іерарховъ», Спб., 1877 г., стр. 489, 840, 842. — «Востокъ», 1885 г., №№ 307—308. — «Голосъ Москвы», 1885 г., № 38.—«Днѣпръ», 1885 г., № 369.—Епархіальныя Вѣдомости за 1885 г.: «Воронежскія», № 5, стр. 256; № 8, стр. 318—323.—«Донскія», № 10.—«Екатерин.», № 4.—«Кіевскія», № 8.—«Курскія», № 5.—«Москов.», № 8. «Подольскія», № 19.—«Смоленскія», № 5.—«Таврическія», № 5.—«Черниговскія», № 6.—«Московскія Вѣдомости», 1885 г. № 39.—«Церковный Вѣстникъ», 1885 г., № 6.—«Девятисотлѣтіе Рус. іерархіи», М., 1888 г., стр. 62, 65.

К. Здр—въ.

Ѳеодосій (въ мірѣ—*Ѳеодоръ Масловъ*), архимандритъ Софроніевой Молчанской пустыни и основатель Григорьевскаго Бизюкова монастыря. Родился въ г. Глуховѣ, Черниговъ. губ., въ 1720 г. и былъ сыномъ купца. Скончался 9 декабря 1802 года. Обучившись грамотѣ, Ѳ. съ юныхъ лѣтъ помогалъ отцу въ торговлѣ; въ отсутствіи отца неумѣлымъ и неудачнымъ веденіемъ дѣла онъ разстроилъ отцовское достояніе, надѣлалъ много долговъ и бѣжалъ отъ родительскаго гнѣва въ Молдавію. Тамъ Ѳ. поступилъ послушникомъ въ Нямецкій общежительный монастырь, гдѣ подвизался подъ руководствомъ извѣстнаго старца, настоятеля Паисія (Величковскаго) и вскорѣ былъ постриженъ подъ именемъ Ѳеодосія, а послѣ за строго подвижническую жизнь возведенъ въ санъ игумена и назначенъ начальникомъ общежительной пустыни Мирнополянской (Тисманской), находившейся въ Валахіи, при рѣкѣ Дунаѣ, подъ владычествомъ Турціи. Въ 1769 г., во время войны Россіи съ Турціей, игуменъ Ѳ. тайно доставлялъ изъ обители продовольствіе русской арміи, послѣ же ухода русскихъ войскъ обитель была предназначена къ сожженію, а иноки съ настоятелемъ—къ смертной казни. Взятый уже подъ стражу и заключенный въ оковы, Ѳ. отпросился въ церковь для послѣдней молитвы, откуда потайнымъ ходомъ скрылся и уѣхалъ въ русскій лагерь за турецкую границу. Ласково принятый главнокомандующимъ княземъ Гр. А. Потемкинымъ, бѣглецъ былъ отправленъ въ С.-Петербургъ и представленъ государынѣ, назначившей ему пожизненную пенсію. Въ 1779 году, 12 января онъ былъ назначенъ настоятелемъ Молчанской Софроніевой пустыни. При содѣйствіи кн. Потемкина, по просьбѣ Ѳ-сія, Молчанской пустыни дано было во владѣніе въ Херсонской губ., на Днѣпрѣ 5245 десятинъ земли и 20718 десятинъ въ Екатеринославской губ., на рѣкѣ Ингульцѣ. На первомъ участкѣ устроено было подворье Софроніевой пустыни съ церковью во имя священно-муч. Григорія (въ память кн. Потемкина), обращенное потомъ въ Григорьевскій Бизюковъ монастырь Херсонск. епархіи. Монастырь этотъ посѣтила въ 1787 г. государыня императрица Екатерина II, послѣ чего игуменъ Ѳ. возведенъ былъ въ санъ архимандрита. Въ заботахъ объ устройствѣ обѣихъ обителей, архим. Ѳ. расширялъ монастырское хозяйство, на земельныхъ участкахъ строилъ часовни, на рѣкахъ водяныя мельницы и на привольныхъ пажитяхъ умножилъ число всякаго рода скота. Послѣдніе годы своей жизни архим. Ѳ. провелъ въ Софроніевой пустыни, гдѣ и похороненъ.

Н. Ф. Ногачевскій, «Жизнь о. Ѳеодосія, перваго архимандрита и основателя Григорьевскаго Бизюкова монастыря». Одесса, 1895 г.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».

К. Здр—въ.

Ѳеодосій (въ мірѣ *Ѳеодоръ Васильевичъ Орѣховъ*), архимандритъ Веркольскаго монастыря Пинежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Родился въ 1829 г. и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; скончался въ ночь на 22 апрѣля 1885 года. Образованіе Ѳ. получилъ въ Орловской гимназіи и въ Горы-Горѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ. Въ 1854 г. онъ поступилъ въ Кирилло-Новоезерскій монастырь и жилъ тамъ въ качествѣ богомольца; въ 1856 г. перешелъ въ Кожеозерскую общежительную пустынь Архангельской губ., гдѣ въ 1857 г. былъ зачисленъ въ послушники и въ 1860 г., 5 іюня постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеодосія. Смиренно исполняя всѣ возлагаемыя на него послушанія (печеніе просфоръ, обязанности келаря), Ѳ. въ 1861 г., 15 іюля былъ рукоположенъ въ іеродіакона, 16 іюля—въ іеромонаха, а 26 іюля назначенъ строителемъ Веркольской пустыни, бывшей въ весьма жалкомъ положеніи и клонившейся къ совершенному упраздненію. На долю Ѳ-сія выпало оживить эту обитель. Его неусыпными трудами сдѣлано было то, что Веркольская пустынь не только обновилась зданіями, но настолько обогатилась матеріальными средствами, что имѣла возможность широко развить свою благотворительную дѣятельность. Странники, болящіе и маломощные старики и старухи имѣли въ ней не только пріютъ, но и все необходимое для пропитанія и одежды; даже мѣстные крестьяне въ случайной нуждѣ получали утѣшеніе и поддержку въ обители. При пустыни были открыты два сельскихъ училища, пріютъ и ремесленныя мастерскія; кромѣ того, обитель весьма отзывчиво относилась ко всѣмъ общеепархіальнымъ нуждамъ, жертвуя крупныя суммы на духовно-учебныя заведенія, церковно-приходскія школы и

особенно на возобновленіе древняго Печенгскаго монастыря. Весьма почтенна также и просвѣтительная дѣятельность Ѳ-сія: онъ не только облагораживающимъ образомъ вліялъ на нравы окружающаго населенія примѣромъ своей праведной жизни, проводимой въ молитвѣ и трудахъ, но еще издалъ десятки тысячъ брошюръ и листковъ религіозно - нравственнаго содержанія, напр., «О роскоши и пьянствѣ» и по поводу 300-лѣтія со дня кончины препод. Трифона Печенгскаго. Неутомимый въ трудахъ и неподражаемый по благотворительности Ѳ. 17 января 1865 г. посвященъ былъ въ игумены и 21 ноября 1882 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Онъ былъ монахомъ-подвижникомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ: при большой умѣренности въ пищѣ спалъ на голыхъ доскахъ съ камнемъ подъ головой. По кончинѣ своей оставилъ незабвенную память устройствомъ каменныхъ стѣнъ кругомъ монастыря, высокой красивой колокольни и двухъ церквей въ окрестностяхъ монастыря.

А. Грековъ, «О. архимандритъ Ѳеодосій, настоятель Веркольскаго мон. Архангел. губ. Пинежскаго уѣзда», съ портретомъ его. Спб., 1893 г.

К. Здр—въ.

Ѳеодосій (въ мірѣ *Андрей Прокофьевъ*), епископъ коломенскій, сынъ пономаря Благовѣщенской ц. въ г. Михайловѣ, ум. 30 янв. 1787 г. Обучался первоначально (съ 12 сент. 1740 г.) въ рязанской семинаріи, затѣмъ (съ сентября 1745 г.) въ Московской дух. академіи, изъ которой вышелъ, до окончанія курса, въ началѣ 1749 г. По пріѣздѣ въ Рязань въ апрѣлѣ того же года онъ былъ испытанъ въ познаніяхъ и опредѣленъ учителемъ въ рязанскую семинарію. По постриженіи въ монашество въ рязанскомъ Духовомъ м-рѣ и посвященіи въ іеромонаха онъ въ 1755 г. былъ назначенъ префектомъ семинаріи и около 1758 г.—присутствующимъ въ семинарской конторѣ. Въ 1759 г. Ѳ. былъ освобожденъ отъ присутствованія въ конторѣ и въ томъ же или въ слѣдующемъ году посвященъ въ архимандрита Духова м-ря. Въ 1761 г. мы его видимъ ректоромъ семинаріи и архим. рязанскаго Богословскаго м-ря. 29 окт. 1763 г. Ѳ. былъ опредѣленъ епископомъ коломенскимъ и хиротонисанъ 28 декабря въ придворной церкви въ присутствіи императрицы. Во время его управленія епархіею была учреждена коломенская консисторія (1764 г.), построены Тихвинскій соборъ въ Коломнѣ и загородный архіерейскій домъ, дважды (въ 1764 и 1777 гг.) измѣнены границы епархіи и введены штаты 1764 г., съ упраздненіемъ монастырей, реорганизаціей хозяйства семинаріи, монастырей, архіерейскаго дома и пр. Въ октябрѣ 1775 г. Ѳ. встрѣчалъ въ Коломнѣ имп. Екатерину, служилъ въ ея присутствіи литургію и принималъ ее въ архіерейскихъ покояхъ. Скончался онъ на 64-мъ г. жизни.

Дѣла Архива Св. Синода—1763 г., № 145 и 1787 г., № 109. — *Макарій, архим.*, «Ист.-стат. описаніе рязанской дух. сем.», Новгородъ, 1864. — *Агнцевъ Д.*, «Исторія рязан. дух. сем.», Рязань, 1889. — *Марковъ Н., свящ.*, «Коломенская епархія» («Чт. въ О-вѣ любит. дух. просвѣщ.», 1888 г., августъ).— *С—совъ I, свящ.*, «Описаніе Богослов. общежит. м-ря рязан. еп.», М. 1894.

Т.

Ѳеодосій (*Ростоцкій*), уніатскій холмскій епископъ, архіепископъ кіевскій и галицкій, митрополитъ всей Руси († 1805 г.). Сынъ слонимскаго городского судьи, родился около 1725 г. Будучи еще юнымъ, онъ почувствовалъ склонность къ духовному званію и вступилъ въ базиліанскій орденъ. Посланный базиліанами въ Римъ, Ѳ. закончилъ тамъ богословское образованіе и, вернувшись на родину, сдѣлался профессоромъ богословія и философіи въ базиліанскихъ школахъ. Въ 1762 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ базиліанскаго ордена Св. Троицы. Въ 1773—1776 г.г. онъ управлялъ Дерманскимъ Преображенскимъ и Дубенскимъ Крестовоздвиженскимъ монастырями. Въ 1772 г. на Брестской генеральной капитулѣ базиліанскаго ордена Ѳ. избранъ былъ литовскимъ провинціаломъ на второе четырехлѣтіе 1776 г.; въ такомъ званіи онъ ревизовалъ, наприм., въ 1776 г. Холмскій монастырь, а въ 1777 г. Лаврышевскій. На Торопанской капитулѣ 1780 г. Ѳ. вторично былъ избранъ провинціаломъ, какъ «способнѣйшій къ подобнымъ обязанностямъ». 12 іюля 1784 г. онъ былъ нареченъ холмскимъ епископомъ и въ томъ же году (августа 2) митрополитомъ Іасономъ Юношеею-Смогоржевскимъ былъ избранъ его коадъюторомъ. Посвященіе Ѳ-сія въ епископы состоялось 19 іюня 1785 г. Послѣ же смерти митрополита Смогоржевскаго (1 ноября 1788 г.) онъ сталъ уніатскимъ митрополитомъ; королевскій

привилей на митрополію Ѳ. получилъ при содѣйствіи кіевскаго воеводы Стемпковскаго и Охоцкаго, автора «Памятниковъ» того времени. Въ 1790 г. Ѳ. пожалованъ былъ въ кавалеры орденовъ св. Станислава и Бѣлаго Орла и на основаніи конституціи 29 іюля (іюня?) 1790 г. удостоенъ званія сенатора; это былъ единственный случай назначенія уніатскаго епископа сенаторомъ за все время существованія уніи. По просьбѣ Ѳ. Р., «архіепископа кіевскаго, митрополита всей Руси», 13 сентября 1790 г. въ Варшавѣ было дано, за печатью и подписью великаго короннаго маршалка Михаила Мнишка, удостовѣреніе въ томъ, что «на нынѣшнемъ сеймѣ митрополитъ засѣдаетъ in plena activitate и исполняетъ обязанности сенатора». Засѣдая на сеймѣ, онъ въ то же время принималъ участіе въ работахъ конгресса уніатскихъ епископовъ, съѣхавшихся въ Варшаву по дѣлу упорядоченія уніатскихъ епархій. При его участіи получилъ осуществленіе проектъ 1785 г. о полоцкой суффрагаціи. Въ 1790 г. холмское епископство предоставлено было Порфирію Важинскому, а Ѳ. Р. остался только митрополитомъ; это было новостью, такъ какъ его предшественники обычно бывали еще и епископами какой-либо епархіи. Второй и третій раздѣлы польско-литовскаго государства, окончательное паденіе Рѣчи Посполитой, усиленное возсоединеніе уніатовъ, — все это отразилось и на положеніи Ѳ. Р. Въ 1795 г., по указу императрицы Екатерины II, онъ былъ «отчужденъ отъ управленія своей митрополіей, однако, власть духовная по званію митрополита у него святѣйшимъ папою не отнята какъ Піемъ VI, такъ и нынѣшнимъ» (изъ письма луцкаго уніатскаго епископа Стефана Левинскаго въ 1804 г.). Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла по всей Украйнѣ, а отчасти и въ предѣлахъ Минской губерніи, «разгласилась и въ разныхъ рукахъ нашлась въ многочисленныхъ копіяхъ» рѣчь, будто бы сказанная императору Ростоцкимъ. Эта рѣчь, давшая поводъ думать, что уніатская митрополія снова будетъ возстановлена и Ѳ. Р. снова вернется на свою каѳедру, «наиболѣе послужила поводомъ къ происшедшимъ безпорядкамъ». О рѣчи Ѳ. Р. доведено было до свѣдѣнія государя, который указомъ 17 марта 1797 г. велѣлъ ему написать публичное опроверженіе, объявляющее распространяемую подъ его именемъ рѣчь подложною, и увѣщаніе къ соблюденію порядка. Такое окружное посланіе митрополита Ѳ. Р. къ «возлюбленнымъ духовнаго и свѣтскаго званія съ римскою церковію соединеннымъ братіямъ, пребывающимъ въ Минской, Волынской, Подольской и Брацлавской губерніяхъ», было написано 30 марта 1797 г.; въ немъ Ѳ. Р. говоритъ: «означенная рѣчь никогда мною сочинена и говорена не была,... оная рѣчь сама себя въ основаніи своемъ о ложности изобличаетъ; въ ней изображено, будто бы я возвращенъ къ правленію моей должности, а сіе неправильно показано, ибо о томъ именного Высочайшаго указа не имѣется;... воздерживайтесь отъ всякихъ непристойностей и своевольствъ,... сохраняйте съ ревностью подданическую вѣрность Его И. В., оставайтесь въ предѣлахъ законной власти»... Какъ при императрицѣ Екатеринѣ II Ѳ-сію опредѣлено было имѣть пребываніе въ Римѣ или въ Петербургѣ, по его выбору, но ни въ какомъ случаѣ не въ западномъ краѣ, такъ и при императорѣ Павлѣ полагали, что даже простое возвращеніе его на Украйну, хотя бы и безъ власти, можетъ произвести тамъ смущеніе. Ѳ. жилъ послѣднее время въ Петербургѣ, получая пенсію, и умеръ 30 января (21, 25?) 1805 г. Ѳ. Р. погребенъ на кладбищѣ при церкви Смоленской Богоматери. Библіотеку и значительную сумму денегъ онъ завѣщалъ базиліанамъ литовской провинціи, «которымъ (говорится въ завѣщаніи) я много обязанъ».

Опис. Архива уніатск. митропол., т. II (Спб. 1907), №№ 1820, 2269, 2600, 2514, 2570, 2631, 2632, 2669, 2670, 2812, 2938, 3048 и др.— Арх. рим.-катол. дух. коллегіи, 1806 г., № 17; 1810 г., № 24.—«Encyklopedyja powszechna», т. 22, Варшава, 1866 г.—*С. Г. Рункевичъ*, «Исторія минской архіепископіи», Спб., 1893 г.—«Правосл. Обозрѣніе», 1874 г., май (*Н. А. Поповъ*, «Судьбы уніи въ холм. епархіи»).—«Волын. Еп. Вѣдом.», 1873 г., № 8 (о Дерманскомъ монастырѣ).—«Труды Кіев. дух. ак.», 1872 г., январь (*Н. Петровъ*, «Очеркъ ист. базил. ордена); 1868 г., т. III—IV (записки Сульжинскаго).

Б. Ж.

Ѳеодосій (*Рудницкій, Лубеницкій, Любеницкій*), луцкій и острожскій уніатскій епископъ XVIII в., родился въ д. Студенцѣ, Волынскаго воеводства, въ концѣ XVII в. и былъ дворянскаго происхожденія. Учился онъ въ Львовской

папской коллегіи 4 года, прилежно занимаясь св. теологіею и другими науками. Впослѣдствіи вступилъ въ базиліанскій орденъ. Былъ луцкимъ архідіакономъ (по «Энциклопедіи всеобщей», а по «Энциклопедіи церковной»—архимандритомъ луцкимъ); около 1725 г. онъ состоялъ ректоромъ базиліанскаго коллегіума въ Гощѣ (Острожскаго у., Волынской губ.) и около того же времени числился архимандритомъ Каневскаго монастыря. «Изъ дѣлъ лаврскаго архива видно (по словамъ архимандрита Амвросія), что по окончательномъ отступленіи Почаевскаго монастыря отъ православія въ унію, въ началѣ третьяго десятилѣтія XVIII в., первымъ настоятелемъ онаго былъ въ 1728 г. Ѳеодосій Лубенецкій Рудницкій», подписывавшійся не суперіоромъ (латинскій титулъ), а «игуменомъ Почаевскимъ», сохранявшій «неприкосновенными вѣроученіе и обрядность православныя». Другой историкъ Почаевской лавры (А. Ѳ. Хойнацкій) настоятельство въ ней Ѳ. Рудницкаго относитъ ко времени послѣ Замойскаго собора (1720 г.). Ѳ. былъ также судьей при луцкомъ епископѣ Іосифѣ, графѣ Выговскомъ, и его коадъюторомъ (съ 20—23 декабря 1727 г. по «Энциклопедіи всеобщей», а по «Энциклопедіи церковной» съ 20 декабря 1724 г.), а послѣ его смерти (въ 1730 г.) сталъ его преемникомъ по луцко-острожской епископіи. Королевскую номинацію на эту епископію Ѳ. получилъ 1 октября 1730 г. въ Дрезденѣ. «Processus informativus» о немъ, предъ поставленіемъ въ епископы, датированъ 4 іюля 1730 г. Тутъ онъ характеризуется, какъ человѣкъ мудрый, отличающійся великою мудростью и опытомъ въ дѣлахъ, хорошій богословъ, непорочной жизни и честныхъ нравовъ, всегда жившій по-католически, не бывшій противникомъ католической вѣры и всегда сохранявшій чистую вѣру.

Въ декабрѣ 1746 г. умеръ уніатскій митрополитъ Аѳанасій Шептицкій. Выдвинута была кандидатура Ѳ. Рудницкаго. Его поддерживали при дворѣ князья Чарторыскіе и графъ Бруль; подъ ихъ вліяніемъ король Августъ III (28 января 1747 г.) подписалъ привилегію (номинацію) его на митрополію. Но противъ него дѣйствовали и при дворѣ, и у нунція, и на иныхъ путяхъ базиліане, латинское духовенство и изъ среды послѣдняго особенно князь Іосифъ Сапѣга, виленскій епископъ коадъюторъ, и добились того, что король 5 января 1748 г. кассировалъ свою вышеназванную привилегію, и митрополитомъ сталъ полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій. Противники Ѳ. Р. говорили и писали, что католическія убѣжденія его не тверды, правовѣріе его подозрительно, что онъ склоненъ къ дизуніи, даже бывалъ тайно въ Кіевѣ, въ Кіевской академіи... Съ другой стороны, вышеупомянутый православный архимандритъ Амвросій также утверждаетъ, что и въ санѣ епископа унія къ Ѳ. Рудницкому не очень прививалась; въ 1739 г., уполномачивая іеромонаха Почаевскаго монастыря Іеронима Камчича въ должности духовника, архіерейскую грамоту на то онъ подписалъ порусски и въ ней ничего не упоминаетъ о папской власти, а только выражается такъ: «властью намъ свыше данною»; на Дубенской генеральной конгрегаціи онъ настоялъ на томъ постановленіи, чтобы въ уніатскихъ монастыряхъ съ точностью и безъ всякой перемѣны соблюдались посты, обѣты, священныя дѣйствія и обряды восточной церкви; слѣды православія въ своей личности онъ сохранилъ и по наружности: до конца жизни носилъ прежній костюмъ, не брилъ бороды и не стригъ на головѣ волосъ (въ такомъ именно видѣ онъ изображенъ на портретѣ въ комнатахъ намѣстника лавры); такой именно отзывъ о немъ носится и въ преданіи между глубокими стариками, бывшими уніатскими священниками здѣшняго края»... Умеръ Ѳ. Р. въ 1751 г.

И Чистовичъ, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», ч. 2, Спб., 1884 г.—*Амвросій*, арх., «Сказаніе о Почаевской Успенской лаврѣ», Почаевъ, 1878 г. — *А. Ѳ. Хойнацкій*, «Почаевская Успенская лавра», испр. и допол. *Г. Я. Крыжановскимъ*, Почаевъ, 1898 г.—«Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ», №№ 119, 560, 801, 1273, 1423 и др.—«Encyklopedyja powszechna», t. 22, Warszawa, 1866, статья Бартошевича.—«Podręczna encyklopedyja kościelna», t. XXV—XXVI, Warszawa, 1911.—*Edm. Likowski*, «Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX w.» I. Warszawa, 1906 (2 изд.).—*I. Pelesz*, «Geschichte der union der Ruthenischen Kirche mit Rom», II, Wien, 1881.—«Encyklopedyja kościelna, wydana przez x. Michała Nowodworskiego», t. XXIII, Варшава, 1899 г. — *Swięcki*, «Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski», Варшава, 1859, т. 2.

Б. Ж.

Ѳеодосій (*Сафоновичъ*), игуменъ кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго мона-

стыря, первый систематико-историкъ русскій и извѣстный южно-русскій духовный писатель XVII вѣка. О немъ извѣстно, что для усовершенствованія въ наукахъ, онъ, по обычаю того времени, ѣздилъ на западъ въ заграничныя школы и университеты. По возвращеніи изъ-за границы въ 1649 г. былъ наставникомъ юношества въ Кіево-Братскомъ коллегіумѣ, въ 1653—1655 гг. состоялъ намѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря и съ 1655 г.—игуменомъ Михайловскаго монастыря, гдѣ и скончался въ 1676 году. Ѳ. былъ первымъ намѣстникомъ Кіево-Братскаго монастыря (раньше этой должности не было), и на его долю выпало въ 1654 г. дважды ходатайствовать предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о дарованіи монастырю разныхъ имущественныхъ правъ; такія же хлопоты пришлось ему принять на себя и въ Михайловскомъ монастырѣ: въ 1671 г. онъ получилъ отъ короля Михаила Вишневецкаго грамоту, подтверждавшую всѣ земельныя владѣнія монастыря. Ученая дѣятельность Ѳ. Сафоновича была поистинѣ удивительна. Нѣтъ ни одного рода словесности, говоритъ Аскоченскій, въ которомъ-бы Ѳ. не испыталъ своихъ силъ». Самый главный его ученый трудъ это—«Хроника зъ лѣтописцевъ стародавныхъ, зъ святого Нестора Печерского и иншихъ, также зъ хроникъ Польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася и о первыхъ князехъ Русскихъ и по нихъ дальшихъ наступаючихъ князехъ и о ихъ дѣлахъ, собранная працою іеромонаха Ѳеодосія Сафоновича, игумена монастыря Михайловскаго Золотоверхаго Кіевскаго, року отъ сотворенія свѣта 7180, а отъ Рождества Христова 1672». Изъ плана хотя и видно, что Ѳ. хотѣлъ написать полную хронику земли Русской, но за недостаткомъ рукописей, относящихся къ сѣверной полосѣ Россіи, ограничился только сказаніями о западной, и преимущественно о княжествѣ Галицкомъ. Хроника доведена имъ до 1292 года; она послужила источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ историческихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ спискахъ «Хроники» присоединено къ ней до 50-ти статей самаго разнообразнаго содержанія (см. у митроп. Евгенія въ «Словарѣ Историческомъ о быв. въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», стр. 284—290), но трудно сказать—всѣ-ли эти статьи, или только часть ихъ принадлежитъ Ѳ-сію. Сказанная имъ царю Алексѣю Михайловичу рѣчь въ 1654 г. напечат. у Бантышъ-Каменскаго въ «Исторіи Малороссіи», т. II, пр. 179. Затѣмъ сочиненіе Ѳ-сія—«Мученіе св. великомуч. Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея»—напечат. въ «Труд. Кіев. Дух. Акад.», декабрь 1894 г. Имъ же составлена и напечатана въ Кіевѣ въ 1666 и 1668 гг. и въ Уневскомъ монастырѣ въ 1674 г. книга, наполненная латинскими заблужденіями—«Выкладъ», или ученіе «О Церкви и ея тайнахъ». Съ этой книгой кіевскіе выходцы явились въ Москву и тамъ стали распространять и защищать высказанныя въ ней мнѣнія, но русскіе и греческіе ревнители православія ополчились противъ такихъ ученій (главнымъ образомъ—объ евхаристіи), и одинъ ученый инокъ Евѳимій, по порученію патріарха Іоакима, написалъ противъ книги «Выкладъ» сочиненіе подъ названіемъ «Остенъ» (рожонъ, бодецъ),—заблужденія же латинствующихъ были осуждены въ 1690 году на Московскомъ соборѣ.

Аскоченскій, «Кіевъ съ его древн. учил. академіею», I, 165.—*Митроп. Евгеній*, «Словарь Историческій», т. I.—*Мухинъ*, «Кіево-Братскій училищный монастырь», стр. 86—88.—«Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь», стр. 62.—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1894 г., декабрь.—*Прот. І. Яхонтовъ*, «Іеродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка». Спб. 1884 г.—*Филаретъ*, «Обзоръ духовной литературы. Собр. мн. и отзыв. митроп. Филарета», т. IV, 65, прим. 1.

К. Здр—въ.

Ѳеодосій (*Сморжевскій*), архимандритъ сѣвскаго Спасскаго монастыря; скончался въ 1758 году. Образованіе Ѳ. получилъ въ Кіевской дух. академіи и служилъ іеродіакономъ въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ. Въ 1742 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для отправки въ Пекинскую миссію. Ѳ. отказывался, ссылаясь на свою молодость и недостаточность образованія, но св. Синодъ опредѣлилъ рукоположить его въ іеромонаха (17 янв. 1743 г.) и отправить въ Китай вмѣстѣ съ архимандритомъ Гервасіемъ (Линцевскимъ); имъ поручено было провѣрить латино-китайскій лексиконъ и изучить китайскій языкъ. Въ концѣ ноября 1745 г. миссіонеры прибыли въ Китай, и съ самаго прибытія начались между ними ссоры и непріятности, кончавшіяся часто бранью и даже буйствомъ

(въ особенности при нетрезвомъ состояніи). Архимандритъ присылалъ въ Синодъ доношенія за доношеніями о неповиновеніи и дерзостяхъ іеромонаха Ѳ-сія, въ которомъ «ничего благочестиваго и благоговѣйнаго не осталось»; архимандритъ предполагалъ даже, не отпалъ-ли Ѳ. отъ вѣры православной? Между тѣмъ іером. Ѳ. всѣ ссоры объяснялъ неуживчивымъ характеромъ архимандрита, а въ своихъ доношеніяхъ Синоду, отъ 15 августа 1753 г., сообщалъ, что имъ составлено на 76-ти тетрадяхъ «Руководство къ лучшему успѣху миссіи», извлеченія изъ котораго и присылалъ подъ заглавіями: «Можно-ли въ Китаѣ проповѣдывать и какъ», или «Какіе порядки должны быть въ миссіи». Изъ его предложеній Синодомъ были приняты слѣдующія: 1) о наймѣ іезуитовъ и китайцевъ для обученія миссіонерскихъ учениковъ; 2) о необходимости составить 3 лексикона и грамматику; 3) о томъ, чтобы въ миссіи были крещеные служители и чтобы дѣти ихъ обучались у миссіонеровъ, и 4) о перестройкѣ старой Никольской церкви и о починкѣ дворовъ. Іеромонаху Ѳ-сію приписываютъ также составленіе «Обстоятельной исторіи Россійской Пекинской миссіи и всѣхъ бывшихъ тамъ нашихъ миссіонеровъ», составленной очень критически, а потому и ненапечатанной полностію, но въ извлеченіи—въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ». Архимандритъ Гервасій и іеромонахъ Ѳ. возвратились изъ Китая одновременно въ концѣ 1756 г. Высочайшее повелѣніе о возвращеніи іером. Ѳ-сія въ С.-Петербургъ состоялось 15 янв. 1756 г. Ровно черезъ годъ Синодъ сдѣлалъ докладъ государынѣ о необходимости уволить іером. Ѳ-сія въ Москву для очныхъ ставокъ съ архимандритомъ Гервасіемъ по дѣлу о ссорахъ ихъ. Въ отвѣтъ (16 февраля 1757 г.) послѣдовало Высочайшее повелѣніе о награжденіи іером. Ѳ-сія за понесенные имъ труды въ Пекинѣ. Черезъ два дня Синодъ опредѣлилъ, а 22 февраля произвелъ іеромонаха Ѳ-сія въ архимандриты сѣвскаго Спасскаго монастыря. Проѣздомъ на мѣсто новаго служенія архим. Ѳ. имѣлъ свиданіе въ Москвѣ съ архим. Гервасіемъ, и 6 апр. 1757 г. оба архимандрита подписали актъ взаимнаго примиренія. Черезъ годъ архимандритъ Ѳ. скончался.

«Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. правосл. исповѣд.», т. III (1741—1743 г.г.), №№ 184, 205, 219 и 279.—Опис. докум. и дѣлъ Архива Св. Син.», т. XXVI, № 341 и т. XXXI, № 7; дѣла 1753 г. 21 дек. и 1756 г. 15 янв.—*Митроп. Евгеній*, «Словарь Историческій».—*Аскоченскій*, «Кіевъ съ его учил.—академіею».

К. Здр—въ.

Ѳеодосій (*Стефановскій, Стефановичъ*), архимандритъ полтавскаго Крестовоздвиженскаго м-ря, ум. 23 марта 1811 г. «Природою изъ малороссійской націи», обучался въ Кіевской академіи. 24 августа 1764 г. Ѳ. постриженъ былъ въ монашество въ Кіево-Софійскомъ м-рѣ. Въ санѣ іеродіакона этого монастыря, съ 9 янв. 1768 г. по іюль 1774 г., онъ состоялъ учителемъ низшихъ латинскихъ классовъ Кіевской академіи и вмѣстѣ проводникомъ и истолкователемъ катихизиса. Въ концѣ іюля 1774 г. онъ былъ уволенъ въ Крутицкую епархію и 14 сент. опредѣленъ тамъ игуменомъ Покровскаго московскаго м-ря и лекторомъ и учителемъ крутицкой семинаріи. Въ началѣ іюля 1775 г. Ѳ. перемѣщенъ былъ въ лихвинскій Покровскій Добрый м-рь, съ назначеніемъ тогда же первоприсутствующимъ въ лихвинскомъ дух. правленіи, а съ октября того же года присутствующимъ и въ крутицкой консисторіи. 17 февраля 1777 г. онъ былъ назначенъ учителемъ высшихъ классовъ ярославской семинаріи и вскорѣ—игуменомъ угличскаго Алексѣевскаго м-ря и смотрителемъ угличскаго дух. училища. Въ 1783 г. мы его видимъ присутствующимъ въ ростово-ярославской консисторіи; въ 1784 г.—игуменомъ кіевскаго Кирилловскаго м-ря и членомъ кіевской дух. дикастеріи; въ 1788 г.—игуменомъ Георгіевскаго Козелецкаго м-ря; въ 1793 г.—Кіево-Выдубицкаго, въ 1797 г.—снова Козелецкаго и въ слѣдующемъ году—архимандритомъ полтавскаго Крестовоздвиженскаго м-ря, выполняющимъ въ то же время обязанности цензора проповѣдей полтавскаго повѣта, а съ 26 нояб. 1800 г. по 5 нояб. 1801 г.—обязанности благочиннаго церквей г. Полтавы и первоприсутствующаго въ полтавскомъ дух. правленіи. Скончался Ѳ. въ Крестовоздвиженскомъ м-рѣ 68-ми лѣтъ отъ роду. Ему принадлежитъ «Слово при случаѣ открытія Малороссійской Полтавской губерніи, говоренное въ градскомъ Успенскомъ Полтавскомъ соборѣ... Марта 9-го дня 1802 г.», напечатанное въ апрѣлѣ 1803 г. въ С.-Петербургской синодал. типографіи.

Дѣла Архива Св. Синода—1777 г., № 139; 1797 г., № 171; 1803 г., № 163; 1808 г., № 956 и 1811 г., № 379.—«Козелецкій Георгіевскій 3-классный м.», Черниговъ 1862.—«О Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ м. («Полтав. Епарх. Вѣдом.», 1865 г., № 21).—*Мазановъ П.*, свящ., «Полтавскій Крестовоздвиженскій м.» («Полт. Еп. Вѣд.», 1882 г., № 15).—*Серебренниковъ В.*, «Кіевская Академія съ половины XVIII в. до 1819 г., Кіевъ 1897.

Н. Туб—зовъ.

Ѳеодосій (*Суморинъ*), преподобный тотемскій, родился въ городѣ Вологдѣ въ первой половинѣ XVI вѣка во дни в. князя Василія Ивановича (1505—1533 г.). Родители его были люди благочестивые, по фамиліи Суморины, но какого званія и состоянія—неизвѣстно, такъ какъ фамилія Сумориныхъ нигдѣ болѣе не встрѣчается въ древнихъ актахъ. Отецъ его Юліанъ старался воспитать сына въ страхѣ Божіемъ и дать ему рѣдкое по тогдашнему времени образованіе посредствомъ чтенія церковныхъ душеполезныхъ книгъ, потому что книгъ другого содержанія въ то время еще не было въ Россіи. Воспитаніе при личномъ надзорѣ и попеченіи благочестивыхъ родителей и при отличныхъ природныхъ способностяхъ и прилежаніи отрока не замедлило принести свои плоды. Отрокъ по лѣтамъ, Ѳ. казался мудрымъ и сдержаннымъ, подобно старцу; не выходя изъ повиновенія волѣ своихъ родителей, онъ сталъ думать только объ угожденіи Богу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возгорался любовью къ Нему. Въ XVI столѣтіи окрестности г. Вологды наполнены были иноческими обителями, прославленными ихъ святыми основателями, и многіе изъ вологжанъ, привлекаемые къ монашеству не однимъ только стремленіемъ угодить Богу и спасти свою душу, но нерѣдко желаніемъ избѣжать гражданскихъ повинностей, тягостей и заботъ житейскихъ и проводить дни свои въ покоѣ и довольствѣ, уходили въ монастыри и постригались тамъ. Юноша Ѳ., хотя и склоненъ былъ поступить въ монашество, не послѣдовалъ, однако, примѣру такихъ людей; по настоянію родителей онъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ дочь, по имени Марину. Несмотря однако на любовь къ супругѣ и дочери, любовь къ иночеству, къ монашеской жизни не покидала его. Вскорѣ къ этому представился удобный случай: родители его скончались и, отдавши имъ послѣдній долгъ, онъ сталъ свободенъ. Усиленными просьбами онъ успѣлъ склонить родственниковъ взять его дочь на попеченіе. Устроивъ судьбу своей дочери, онъ тотчасъ же рѣшился оставить міръ и, придя въ Прилуцкій монастырь, сталъ просить у настоятеля иноческаго пострижения, на что игуменъ охотно согласился, такъ какъ лично зналъ Ѳ-сія съ прекрасной стороны. Поступивъ въ монастырь, Ѳ. прошелъ всѣ тяжелыя монастырскія послушанія. Строгая, подвижническая жизнь и усердные труды не могли не обратить вниманія на Ѳ-сія и не снискать ему всеобщей любви и уваженія. Вслѣдствіе этого, какъ самый вѣрный и надежный изъ всей братіи, онъ былъ посланъ игуменомъ въ Тотьму на соляной заводъ для присмотра за монастырскими варницами. Ѳ., полюбивъ пустынную Тотьму и, найдя между жителями ея ревнителей иночества, рѣшился основать здѣсь обитель; ему понравился высокій лѣсъ между двумя рѣчками: Ковдою и Деньгою, впадающими въ Сухону. Мѣсто это принадлежало Марьѣ Григорьевнѣ Истоминой; благочестивая вдова, узнавъ о желаніи Ѳ-сія устроить здѣсь монастырь, съ радостію уступила ему свою землю. Получивъ благословеніе отъ игумена своего на благочестивое намѣреніе, Ѳ. поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ и выкопалъ себѣ пещеру. Въ 1554 г. онъ отправился съ челобитною въ Москву къ царю и митрополиту съ просьбою жителей Тотьмы дозволить основаніе новой обители близъ Тотьмы. «Въ Тотьмѣ и во всемъ Тотемскомъ уѣздѣ, писали жители, нѣтъ ни одного монастыря; кто хотѣлъ бы при старости или при смерти принять постриженіе, постричься негдѣ. Старецъ Ѳеодосій Суморинъ желаетъ построить въ Тотьмѣ церковь и монастырь». 20 февраля Ѳ. получилъ жалованную несудимую грамоту, по которой царь дозволилъ ему строить храмъ и обитель на избранномъ имъ мѣстѣ и освободилъ новый монастырь отъ суда тотемскаго намѣстника. Митрополитъ Макарій приказалъ ростовскому архіепископу Никандру, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда Тотьма, выдать Ѳ-сію грамоту на построеніе храма и обители и снабдить его всѣмъ необходимымъ для освященія церкви. На обратномъ пути изъ Москвы преподобный Ѳ. зашелъ въ родную Прилуцкую обитель попросить благословеніе великаго угодника Божія на свое пред-

пріятіе и получилъ въ благословеніе икону Божіей Матери, извѣстную понынѣ въ обители его съ именемъ «Суморинской» чудотворной иконы. Кромѣ своей обители, преподобный возобновилъ еще бывшую нѣкогда въ Тотемскомъ уѣздѣ Ефремову пустынь. Проживъ въ Тотемской обители 15 лѣтъ и предвидя близость своей кончины, пр. Ѳ. созвалъ свою братію и приказалъ написать духовное завѣщаніе о томъ, какъ управлять монастыремъ послѣ его смерти. Этотъ важный историческій документъ, ясно представляющій тогдашнее состояніе монастыря, сохранился доселѣ. Въ немъ особенное вниманіе обращаетъ на себя распоряженіе преподобнаго о своемъ поминовеніи. Блаженная кончина пр. Ѳ-сія послѣдовала въ 1568 году, 28 января, при ростовскомъ архіепископѣ Корниліи. Тѣло его съ великою честью было погребено въ созданномъ имъ монастырѣ. Надъ могилою его была положена каменная плита съ слѣдующею высѣченною на ней надписью: «Лѣта 7076 мѣсяца Іануарія 28 дня, преставился рабъ Божій строитель и начальникъ сей пустыни Ѳеодосій Ульяновъ Суморинъ». Не прошло и сорока лѣтъ со времени его кончины, какъ у гроба его начались исцѣленія. Слѣпые прозрѣвали, хромые ходили, глухіе слышали. Преподобный являлся многимъ во снѣ, вразумлялъ и исцѣлялъ ихъ. Одному діакону г. Тотьмы, который пять сутокъ отъ боли въ ногахъ былъ въ безпамятствѣ, онъ сказалъ во снѣ: «воздай хвалу Богу въ страданіи твоемъ, ибо все намъ бываетъ на пользу; одни только грѣхи на пагубу, они убиваютъ душу. Молись прежде объ исцѣленіи души твоей, и будетъ здраво тѣло». И діаконъ получилъ исцѣленіе. Одной женщинѣ, страдавшей головной болью и непонятнымъ уныніемъ, онъ явился во снѣ и сказалъ: «не изнемогай въ упованіи и молитвѣ къ Богу». И болящая стала здорова и бодра духомъ. Видя всѣ эти чудесныя исцѣленія отъ гроба пр. Ѳ-сія, игуменъ Спасо-Суморина монастыря Галактіонъ (1626—1633) просилъ одного тотемскаго иконописца Якова Попова написать образъ преподобнаго, что тотъ и исполнилъ въ 1626 г., изобразивъ ликъ пр. Ѳ-сія по разсказамъ столѣтняго старца Козьмы Любовцова, который очень хорошо помнилъ его въ живыхъ. Въ 1635 г. написанъ былъ другой образъ, въ большемъ видѣ, и положенъ на самой гробницѣ, надъ которой устроена была и сѣнь. Въ 1659 г. пожаръ истребилъ помостъ и рѣшетку близъ самой раки; а рака съ сѣнью, иконами и покровами осталась невредимою. Въ 1729 г. сочинена была служба на день преставленія преподобнаго Ѳ-сія, и братія совершала по ней празднованіе основателю обители. Въ 1798 г. мы находимъ свѣдѣнія объ установленіи этого мѣстнаго празднованія въ указѣ св. Синода, содержащемъ объявленіе объ открытіи его мощей. Именно, въ указѣ читаемъ: «преподобнаго Ѳеодосія Суморина, по происходящимъ чудотвореніямъ, вся Тотемская округа и другія окрестныя мѣста издавна почитаютъ святымъ и изображаютъ на иконахъ, почему и служба на память преставленія его на 28 число генваря еще въ 1729 г. сочинена, и по ней отправлялись ему въ томъ Суморинѣ монастырѣ молебства». Въ 1796 г., при копаніи рва подъ фундаментомъ новой церкви, обрѣтены были нетлѣнными мощи пр. Ѳ-сія. Послѣ троекратнаго свидѣтельствованія мощей въ продолженіе 1796—1798 гг. св. Синодъ, по докладу императору Павлу и по его повелѣнію, сдѣлалъ повсемѣстное оглашеніе въ государствѣ (посредствомъ указа своего отъ 20 сентября 1798 г.) о явленіи мощей, для всенароднаго свѣдѣнія. Что же касается до празднованія Ѳ-сію послѣ открытія мощей, то въ указѣ говорится, что быть «празднованію по прежнему тамошнему установленію, что празднованіе сему новоявленному чудотворцу, установленное издавна, совершать на память преставленія его генваря 28 дня». Указъ не совершенно ясенъ, но какъ будто должно понимать его такъ, что онъ не установляетъ общецерковнаго празднованія Ѳ-сію, а только подтверждаетъ уже прежде установленное мѣстное празднованіе.

Верюжскій, «Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи». 1880 г. Вологда.—*Его же,* «Преп. Ѳеодосій Тотемскій, Вологодскій чудотв.» Изд. 1883 и 1889 гг. — *Архим. Игнатій,* «Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ».— *Е. Голубинскій,* «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви».—*Архим. Наѳанаилъ,* «Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря преподобнаго Ѳеодосія».— *Муравьевъ,* «Житія святыхъ», сентябрь, стр. 399.—Патерикъ. Житія святыхъ.—*Дестинусъ,* «Житія святыхъ».—Стихи, сочин. по случаю обрѣтенія св. мощей преп. Ѳеодосія, Тотемскаго чудотв., *П. Соловьева.* Спб. 1798 г.—См. у Гаврилова въ кн. «Очеркъ

исторіи Спб. Синод. Типографіи», вып. I. Спб. 1911 г.—Дѣла Архива Св. Синода.— *П. Савваитовъ*, «Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря», Спб. 1850.
Ѳедотовъ.

Ѳеодосій (въ мірѣ *Михаилъ Шаповаленко*), архіепископъ вологодскій и устюжскій, родился въ семьѣ священника Екатеринославской губерніи въ 1811 году. Образованіе онъ получилъ въ екатеринославской духовной семинаріи (1835) и Кіевской духовн. академіи, которую окончилъ въ 1839 году со степенью магистра. Еще учась въ академіи, 3 мая 1839 г. онъ принялъ монашество съ именемъ Ѳеодосія. По окончаніи академіи былъ назначенъ въ полтавскую духовн. семинарію преподавателемъ богословія, св. писанія и франц. языка; потомъ 27 сентября 1839 г. былъ назначенъ инспекторомъ, 22 окт.—іеродіакономъ и 29 окт.—іеромонахомъ. Въ 1845 г. онъ былъ перемѣщенъ инспекторомъ въ кіевскую семинарію, въ 1848 г. назначенъ ректоромъ волынской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Загаецкаго монаст.; тогда же назначенъ членомъ волын. дух. консисторіи, а въ 1852 г. ректоромъ полтавской семинаріи. Въ 1859 году Ѳ. былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и временно былъ назначенъ членомъ Спб. дух. консисторіи и членомъ комитета для разсмотрѣнія проектовъ о преобразованіи дух. учебн. заведеній. Въ 1861 г. онъ былъ опредѣленъ ректоромъ воронежской семинаріи и настоятелемъ второклассного Алексѣевскаго монастыря. 22 іюля 1863 г. назначенъ, а 1 сент. хиротонисанъ въ епископа тамбовскаго и шацкаго и въ 1873 году, 13 іюня переведенъ епископомъ въ вологодскую епархію. Въ 1883 году въ Москвѣ, во время участія въ священномъ короновании Александра III, Ѳ. получилъ санъ архіепископа. Умеръ онъ во время поѣздки по епархіи для ревизіи въ гор. Тотьмѣ 22 августа 1883 г. и погребенъ въ Спасо-Сумориномъ монастырѣ.

Во время служенія въ Вологдѣ онъ главнымъ образомъ заботился о воспитаніи и образованіи дѣтей духовенства Вологодской епархіи. Такъ, благодаря только ему, явилась возможность открыть параллельные классы при вологод. семинаріи; затѣмъ, благодаря его же заботамъ, открылось при семинаріи попечительство о бѣдныхъ воспитанникахъ и наконецъ имъ же открытъ былъ при вологодскомъ Горнемъ женскомъ монастырѣ пріютъ для воспитанія и первоначальнаго образованія сиротъ-дочерей духовенства Вологодской епархіи. Для послѣдняго учрежденія преосвященный Ѳ. на свои средства устроилъ помѣщеніе и затѣмъ внесъ 10.000 руб. вѣчнымъ вкладомъ, чтобъ % шли на содержаніе пріюта. Онъ отличался постоянно кроткимъ и добрымъ характеромъ, общедоступностью, гуманнымъ обращеніемъ и строгою точностью въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Во время служеній любилъ говорить проповѣди, которыя и печатались главнымъ образомъ на страницахъ «Епархіальн. Вѣдомостей». Рѣчь его св. Синоду при нареченіи въ епископа тамбовскаго напечат. въ «Христ. Чт.», 1863 г., ч. III.

«Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской и архіерейск. каѳедръ. Спб. 1896.— «Волог. Еп. Вѣдом.», 1883, № 18.—«Московск. Церковн. Вѣдом.», 1883, № 39.—*Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпускъ III. Спб., 1886.— «Вологодскій архіер. домъ». Вологда, 1898.— Формулярн. списокъ его.—«Письма митроп. Филарета къ Высоч. особамъ», т. II, стр. 185.
П. Д—ій.

Ѳеодосій (*Янковскій*; фамилія его писалась разно: *Іоанковскій*, *Янкевичъ*, но чаще всего *Янковскій*), архіепископъ с.-петербургскій, родился въ 1696 г. въ городѣ Вильнѣ. Въ 1718 г. онъ принялъ монашество въ виленскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ и тогда же посвященъ былъ въ іеродіакона. Въ 1720 г. изъ названнаго монастыря онъ былъ отправленъ въ Кіевъ для ученія. Два года онъ жилъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и учился въ Кіевской академіи. Затѣмъ въ 1722 г. Ѳ-сія мы встрѣчаемъ въ прежнемъ санѣ іеродіакона въ приписномъ къ Кіево-Печерскому Змѣевскомъ Николаевскомъ монастырѣ, Бѣлгородской епархіи. Преосв. бѣлгородскій Епифаній Тихорскій, познакомившись съ Ѳ-сіемъ, въ 1726 г. вызвалъ его въ Бѣлгородъ и сдѣлалъ у себя архидіакономъ. Епифаній не прочь былъ имѣть Ѳ-сія и своимъ преемникомъ по каѳедрѣ, представивъ его передъ смертью, въ качествѣ кандидата, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, архим. Никодимомъ. Но Ѳ-сія не назначили на бѣлгородскую каѳедру и даже лишили архидіаконскаго званія, какъ не полагающагося въ Бѣлгор. епархіи. Въ 1737 г. мы видимъ Ѳ-сія

уже игуменомъ ахтырскаго Святотроицкаго мон., Бѣлгор. епархіи, при архіепископѣ Петрѣ Смѣличѣ. Игуменствовалъ онъ здѣсь съ 1736—1742 г. и оставилъ въ своемъ монастырѣ слѣды своей попечительности о благоукрашеніи храмовъ. Изъ ахтырскаго монастыря Ѳ. былъ переведенъ намѣстникомъ въ московскую Троице-Сергіеву лавру, при архим. Арсеніи Могилянскомъ. Указомъ императрицы Елисаветы 8-го марта 1745 г. намѣстникъ Ѳ. былъ назначенъ архіепископомъ с.-петербургскимъ. Посвященіе его состоялось 10-го марта. Ѳ. первый носилъ званіе архіепископа спб., хотя все-таки не состоялъ членомъ св. Синода. Въ епархіальной дѣятельности онъ заявилъ себя больше всего постройкою новыхъ церквей. При немъ же, по указу императрицы, была начата постройка Смольнаго дѣвичьяго монастыря въ С.-Петербургѣ. Императрица Елисавета жаловала иногда Ѳ-сія своими милостями. Отъ нея онъ получилъ, между прочимъ, наперстный крестъ, съ ея вензелемъ, усыпанный драгоцѣнными камнями. Скончался Ѳ., на своемъ посту, 22 апр. 1750 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

М. Архангельскій, «Преосвященный Ѳеодосій, первый архіепископъ С.-Петербургскій» («Странникъ», 1869 г., т. I).—«Историко-статистическія свѣдѣнія о Спб. епархіи», вып. V, Спб. 1876 г. *Б. Т—въ.*

Ѳеодосій (*Яновскій*), архіепископъ новгородскій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ іерарховъ первой четверти XVIII вѣка, сотрудникъ Петра Великаго.

Ѳ., въ мірѣ *Ѳеодоръ Яновскій*, происходилъ изъ польской шляхты. Хотя не сохранилось болѣе подробныхъ свѣдѣній объ его происхожденіи, но по многимъ признакамъ можно признать вѣроятной догадку автора «Исторіи С.-Петербурга» г. Петрова, что къ Ѳеодосіеву отцу относится одно мѣсто списка смоленской шляхты, гдѣ значится въ числѣ служилыхъ людей Михаилъ Степановъ Яновскій, имѣвшій 1200 четей въ полѣ и получавшій 10 р. жалованья. У этого Михаила Яновскаго, по списку 1679—1680 г.г., значится 4 сына, въ томъ числѣ Ѳеодоръ и Леонтій. О Ѳ—сіи же извѣстно, что его родичи жили въ Смоленской области и у него былъ братъ Леонтій. Впрочемъ, вышеозначенная догадка все-таки не имѣетъ полной убѣдительности, главнымъ образомъ, потому, что обозначенные въ помянутомъ спискѣ годы Ѳеодора Яновскаго (пять лѣтъ) не совпадаютъ съ другими данными. Когда родился Ѳ., неизвѣстно. Но свѣдѣнія о его ученіи заставляютъ относить время его рожденія къ пятидесятымъ годамъ XVII вѣка. Свѣдѣнія эти тоже не совсѣмъ опредѣленны. По мнѣнію г. Петрова, Ѳ. учился въ московской заиконоспасской академіи. Но по всѣмъ другимъ авторамъ, въ томъ числѣ по историку Кіевской академіи г. Аскоченскому, Ѳ. учился въ кіево-могилянской академіи. Это утвержденіе, несомнѣнно, и есть болѣе достовѣрное. Періодъ обученія Ѳ-сія падаетъ на время 1663—1676 гг., въ ректорство Іоанникія Голятовскаго, и товарищами его по школѣ были такія лица, какъ Филоѳей Лещинскій, св. Димитрій ростовскій и Стефанъ Яворскій. Насколько обширно было образованіе Ѳ-сія, сказать трудно. Неизвѣстно, продолжалъ ли онъ его въ заграничныхъ польскихъ училищахъ, по примѣру другихъ своихъ сверстниковъ. Въ послѣдующей своей дѣятельности онъ не обнаруживалъ особой учености, но считался человѣкомъ образованнымъ. Самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ не отказываетъ Ѳ-сію въ послѣднемъ качествѣ (въ письмѣ къ Сѣнютовичу). Иностранцы называли его даже ученымъ (Берхгольцъ). У Ѳ-сія была обширная библіотека латинскихъ книгъ. Но во всякомъ случаѣ по своей учености Яновскій не могъ равняться съ такими личностями, какъ Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Не даромъ, по словамъ Ѳеофана, любя ученыхъ, Ѳ. предпочиталъ простыхъ, и отъ него не осталось ни одного литературнаго труда.

Исторія застаетъ Ѳ-сія рясофорнымъ послушникомъ Симонова монастыря. Какъ онъ попалъ сюда и по какому побужденію вступилъ въ монашество, неизвѣстно. Есть основаніе полагать, что первые годы его монашества были омрачены какимъ-то печальнымъ для него происшествіемъ. Изъ напечатаннаго въ «Лѣтописяхъ русской литературы» (1859 г.) письма къ Ѳ-сію новгородскаго митр. Іова видно, что Ѳ. за какую-то клевету на симоновскаго архимандрита посланъ былъ въ оковахъ въ Троицкій монастырь. По свидѣтельству г. Петрова, клевета эта была просто жалобой на притѣсненія архимандрита Варѳоломея, который, какъ извѣстно, дѣйствительно отличался особой суровостью. Какъ бы то ни было, Ѳ. попалъ въ число пре-

ступниковъ монашеской дисциплины. Но Іовъ, будущій новгор. митр., бывшій тогда архимандритомъ троицкимъ, принялъ участіе въ сосланномъ монахѣ, освободилъ его отъ цѣпей и приблизилъ къ себѣ. Сдѣлавшись митрополитомъ новгородскимъ (въ 1697 г.), Іовъ взялъ съ собой въ Новгородъ и Ѳ-сія. Очевидно, Ѳ. обратилъ на себя вниманіе Іова какими-либо дѣловыми своими качествами. Повидимому, тутъ не было одного личнаго расположенія, потому что впослѣдствіи Іовъ сознавался, что отъ Ѳ-сія онъ никогда не видалъ благодарности. Но Іовъ былъ одинъ изъ немногихъ архіереевъ того времени, которые старались идти навстрѣчу новымъ требованіямъ жизни, понимали пользу образованія и цѣнили людей образованныхъ, полезныхъ, талантливыхъ. Таковымъ человѣкомъ, несомнѣнно, представлялся Іову Ѳ., и потому онъ быстро возвышалъ его. Около 1701 г. Іовъ сдѣлалъ Яновскаго игуменомъ, а въ 1704 г. архимандритомъ первокласснаго Хутынскаго новгородскаго монастыря. Хутынскіе архимандриты бывали обычно ближайшими помощниками новгор. архіереевъ по управленію, и, стало быть, такая роль предназначалась и Ѳ-сію. Но для судьбы Ѳ-сія еще важнѣе было то обстоятельство, что его новое положеніе давало ему возможность быть на виду. Должно быть вскорѣ же по пріѣздѣ въ Новгородъ Ѳ. сдѣлался извѣстенъ государю, часто проѣзжавшему этой дорогой, и обратилъ на себя царское вниманіе. Какъ Іовъ нашелъ въ Яновскомъ цѣнныя качества, такъ и Петръ, столь умѣвшій подмѣчать дарованія, ихъ замѣтилъ. Очень возможно, что и видное архимандритство скоро досталось Ѳ-сію потому, что онъ заслужилъ расположеніе царя. Что между Петромъ и Ѳ-сіемъ установились уже къ 1704 г. отношенія болѣе или менѣе близкія, это видно изъ того, что въ письмѣ отъ 27 окт. 1704 г. Ѳ. имѣлъ смѣлость жаловаться прямо государю на непослушаніе бывшаго хутынскаго келаря Венедикта, завладѣвшаго однимъ приписнымъ монастыремъ. Жалоба эта косвенно служила доносомъ и на Іова, который, по словамъ Ѳ-сія, не оказывалъ ему никакого содѣйствія въ борьбѣ съ своеволіемъ келаря. Послѣднее обстоятельство обрисовываетъ въ неприглядномъ свѣтѣ отношенія Яновскаго къ своему благодѣтелю, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что хутынскій архимандритъ уже не боялся своего владыки и могъ дерзать на многое, опираясь на высшую поддержку.

И Іовъ, и Петръ цѣнили въ Яновскомъ, видимо, административные таланты, любовь къ просвѣщенію, готовность содѣйствовать осуществленію указанныхъ цѣлей. Ѳ. былъ человѣкомъ энергичнымъ, обладавшимъ практическимъ умомъ, умѣвшимъ приспособляться къ требованіямъ времени, во многихъ церковныхъ вопросахъ передовымъ, чуждымъ старо-церковнаго консерватизма. Схоластическое образованіе произвело на него такое же впечатлѣніе, какъ и на Ѳеофана Прокоповича: оно внушило ему отвращеніе къ католическимъ клерикальнымъ идеямъ, вызвало симпатіи скорѣе къ антиподу католичества—протестантству. Не проявляя своихъ убѣжденій въ области идейной, ученой, литературной, какъ Прокоповичъ, Яновскій воплощалъ ихъ въ практической дѣятельности. Такіе люди были нужны Петру, такъ какъ отвѣчали его требованіямъ. Поэтому и Ѳ. не долго оставался въ Новгородѣ. Въ началѣ 1708 г. Іовъ отправилъ его въ Москву за типографіей Симеона Полоцкаго. Въ Москвѣ Ѳ. увидѣлся съ государемъ, и послѣдній назначилъ его въ Петербургъ «духовнымъ судіею» для завѣдыванія церквами и духовенствомъ новозавоеванныхъ городовъ—Ямбурга, Нарвы, Копорья, Шлиссельбурга и новаго Петербурга. Іовъ былъ только увѣдомленъ о новомъ назначеніи своего архимандрита и долженъ былъ благословить его на новое служеніе. При этомъ Іовъ далъ новому администратору инструкцію относительно его дѣятельности. Кругъ вѣдѣнія Ѳ-сія по этой инструкціи былъ очень обширенъ: ему предоставлялись почти всѣ права епархіальнаго начальника, за исключеніемъ непосредственно связанныхъ съ архіерейскимъ саномъ. Въ новозавоеванной области Ѳ. становился намѣстникомъ новгородскаго архіерея, къ епархіи котораго эта область была отнесена. Ѳ. ревностно занялся устройствомъ новаго края. Главнымъ его дѣломъ была постройка церквей и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ, а также организація церковнаго надзора за новыми причтами и новою паствой. Затѣмъ вторымъ крупнымъ предпріятіемъ Ѳ-сія была постройка Александро-Невскаго монастыря. Не безъ основанія можно догадываться, что самая мысль о постройкѣ монастыря подсказана была Ѳ—сіемъ. Для послѣдняго было важно, конечно, какъ-нибудь прочнѣе

связать себя съ Петербургомъ, чѣмъ временная роль церковнаго администратора. Монастырь, котораго онъ былъ бы строителемъ и архимандритомъ, придавалъ ему такую осѣдлость. Какъ бы то ни было, но въ 1710 году было положено основаніе Александро-Невской обители, и строителемъ ея былъ назначенъ Ѳ. Въ 1712 году, въ концѣ февраля, состоялось офиціальное назначеніе его архимандритомъ будущаго монастыря. Тогда же энергично принялись и за постройку. Новый монастырь при самомъ учрежденіи былъ поставленъ степенью выше всѣхъ другихъ русскихъ монастырей. Архимандритъ его получилъ исключительныя преимущества: право употреблять при богослуженіи епископскую митру, носить андреевскій крестъ и на черной мантіи имѣть зеленыя бархатныя скрижали; кромѣ того, Ѳ-сію было позволено носить крестъ на митрѣ, по примѣру малорусскихъ архіереевъ.

Ѳ. достигъ своей цѣли; ему удалось, такимъ образомъ, возвысить и упрочить свое почетное положеніе въ новой столицѣ. Съ назначеніемъ въ невскіе архимандриты его должность, какъ церковнаго администратора въ новозавоеванной области, получила бóльшую опредѣленность. Въ Невскомъ монастырѣ, постройка котораго въ два года сильно подвинулась впередъ, была учреждена особая канцелярія, которая и дѣлалась центральнымъ административнымъ органомъ новой церковной области. Ставъ твердо на ноги, Ѳ. не нуждался болѣе въ поддержкѣ Іова и держалъ себя отъ него совершенно независимо. Отношенія Яновскаго съ прежнимъ благодѣтелемъ въ это время окончательно испортились. Этому способствовали разныя обстоятельства. При своемъ самостоятельномъ и гордомъ характерѣ Ѳ., навѣрно, не мало давалъ поводовъ къ недовольству своего епархіальнаго архіерея своими независимыми дѣйствіями. Затѣмъ онъ заслонялъ Іова, участвуя во всякихъ важныхъ событіяхъ; онъ, а не Іовъ, вѣнчалъ, напримѣръ, Анну Іоанновну въ 1710 г. Главное, при устройствѣ Невскаго монастыря, отъ новгородской епархіи были приписаны къ новому монастырю, стараніями Ѳ-сія, нѣсколько богатѣйшихъ новгородскихъ монастырей. Іовъ не могъ быть этимъ доволенъ. Когда у него хотѣли отписать Духовъ монастырь, то онъ жаловался, что тогда ему и службу отправлять будетъ не съ кѣмъ. Приписанные къ Невскому монастыри отдавались въ полное распоряженіе невскаго архимандрита, что также затрагивало начальственное самолюбіе новгородскаго владыки. До какой степени обострились отношенія Ѳ-сія съ Іовомъ, можно судить по одному рѣзкому письму Іова къ Ѳ-сію, написанному, видимо, около 1710—1712 гг. «Рукоположенъ еси—писалъ Іовъ—и посвященъ и произведенъ, брате, на начальство духовное чрезъ меня недостойнаго... И вмалѣ, тое презрѣвъ, освоеволился еси, ни мало покоренъ бывъ, Богу попущающу по твоему зловольству... Изторже бо тя, яко звѣзду изъ небесе, злый вселукавый супостатъ діаволъ и, обуздавъ тя яко клячу худую, водитъ тя и на тебѣ ѣздитъ, величаяся яко на свиніи, аможе хощетъ, дондеже въ совершенную погибель вринетъ и порадуется о погибели души твоея... Скачеши, яко козелъ, высоко, но бойся, да не поползнешися глубоко. Въ толико достиглъ еси неистовство, яко положилъ еси въ гордости твоей усто твое на небо, а языкъ твой преходитъ по земли... Уврачися, брате, отъ лютыхъ сихъ, молю тя, не вдавайся въ волю діаволю... Азъ тебѣ скажу: буй еси, не наказанъ, грубяпинъ, селчугъ не людской, вепрь дивій, свирѣпому звѣрю подобнонравенъ еси, вельбуду гнѣвнивому подражатель еси.. Отвергни отъ себѣ упрямство и непокорство, и буди благопокорливъ, и будеши истинный Ѳеодосій архимандритъ, человѣкъ истиненъ, благъ, кротокъ, терпѣливъ, благодаренъ и богоданный, ошаяся отъ всякаго злонравія». Трудно, кажется, найти болѣе мрачныя краски, чѣмъ какими изображалъ здѣсь Іовъ своего прежняго протеже и, должно быть, послѣдній сильно раздражилъ своего архіерея, если вызвалъ подобное грозное посланіе. Но Ѳ-сію не страшны были громы Іова, который больше не въ состояніи былъ уже вліять на его судьбу. Самая область его вѣдѣнія, юридически числясь въ новгородской епархіи, фактически представляла почти самостоятельную церковную единицу. Впрочемъ, Іовъ, видя непокорство Ѳ-сія и безсиліе своей надъ нимъ власти, готовъ былъ и самъ отречься отъ своихъ сомнительныхъ правъ. Онъ писалъ Стефану Яворскому, что Петербургъ собственно, какъ столица, относится къ вѣдѣнію мѣстоблюстителя патріаршаго престола. Но и такая зависимость была совершенно фиктивной. Ни Стефану, ни Іову

не приходилось осуществлять своихъ правъ въ сферѣ управленія Ѳ-сія. Самъ Іовъ, когда Ѳ. окончательно укрѣпился, поддерживалъ съ нимъ внѣшне-корректныя отношенія.

Въ качествѣ церковнаго администратора ввѣренной ему области, Ѳ. отличался энергичной дѣятельностью. При немъ было построено много новыхъ церквей, такъ что къ 1721 г. образовалась цѣлая ихъ сѣть. Для снабженія церквей причтами священнослужители вызывались изъ другихъ епархій, преимущественно новгородской. Такъ какъ такое переселеніе было тяжело для переселяемыхъ, то Ѳ. предложилъ вызывать священнослужителей по очереди, на время, съ тѣмъ, чтобы вызываемые сохраняли и свои прежнія мѣста и доходъ съ послѣднихъ. Ѳ. вообще заботился о матеріальномъ благосостояніи духовенства своей области. Для лучшаго административнаго надзора онъ выбралъ себѣ особыхъ помощниковъ заказчиковъ, снабдивъ ихъ соотвѣтствующей инструкціей. Ѳ-сію поручено было завѣдыванье и флотскимъ духовенствомъ. Онъ набиралъ іеромонаховъ для флота и начальнику ихъ, оберъ-іеромонаху, тоже далъ особую инструкцію. Въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ Ѳ., согласно мыслямъ Петра Великаго, обращалъ особое вниманіе на искорененіе разныхъ недостатковъ церковной жизни. По его иниціативѣ были изданы строгіе указы противъ крестовыхъ священниковъ и волочащихся монаховъ. Въ новомъ петербургскомъ краѣ было не мало раскольниковъ. Ѳ. ревностно занимался раскольническими дѣлами. По дѣламъ раскольничьимъ онъ нерѣдко участвовалъ въ засѣданіяхъ Тайной Канцеляріи. Въ отношеніи къ раскольникамъ Ѳ. былъ сторонникомъ строгихъ мѣръ, и приговоры его были большею частью суровы. Много заботъ посвящалъ Ѳ. Невскому монастырю. Изъ приписныхъ вотчинъ на строеніе шли обильные доходы, доставлялось множество матеріала и работниковъ; кромѣ того, по просьбѣ Ѳ-сія отпускались и особыя денежныя средства. Построено было нѣсколько каменныхъ церквей, въ томъ числѣ большая Благовѣщенская; въ 1720 г. заложенъ былъ Троицкій соборъ, а около него еще раньше начали строиться каменныя строенія для братіи. Для наполненія братства Ѳ. задумалъ собрать лучшихъ монаховъ со всей Россіи. По указу государя велѣно было въ Невскій монастырь выслать доброжительныхъ иноковъ изъ разныхъ монастырей, между прочимъ, въ «надежду архіерейства», т. е. съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ посвящать въ архіереи, какъ изъ людей, извѣстныхъ государю. Это распоряженіе вызвало большое недовольство въ монастыряхъ, потому что въ Петербургъ, особенно изъ Малороссіи, гдѣ были «ученые», ѣхали съ большою неохотой. «Надежда архіерейства» была, разумѣется, случайной, а жить на сѣверѣ считалось своего рода ссылкой. Вызванные монахи часто не являлись, и приходилось требовать ихъ чуть не силою. При монастырѣ былъ устроенъ госпиталь, постройка котораго началась еще съ 1712 г. Обширное монастырское хозяйство находилось тоже подъ зоркимъ наблюденіемъ Ѳ-сія, и онъ принималъ мѣры противъ разныхъ злоупотребленій управителей.

За этотъ періодъ времени Ѳ., какъ администраторъ столицы, имѣлъ несомнѣнное вліяніе и на общія дѣла церковнаго управленія. При его участіи составлены были, напримѣръ, пункты архіерейской присяги, опубликованные при сенатскомъ указѣ 22 апрѣля 1716 г., напоминающіе собою будущія требованія Регламента и едва ли одобряемые всецѣло мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Вліяніе Ѳ-сія покоилось, конечно, не на его офиціальномъ положеніи, которое было не такъ значительно, а преимущественно на его близости къ царю. Ѳ. сумѣлъ войти въ довѣріе Петра и пользовался неограниченнымъ его расположеніемъ. Въ 1716—1718 гг. Ѳ. вмѣстѣ съ царской четой путешествовалъ за границу, для лѣченія и исполненія разныхъ порученій государя. Это совмѣстное пребываніе укрѣпило еще болѣе его придворныя связи. Милостью государя Яновскій пользовался и для обезпеченія своихъ родныхъ, которымъ, по его просьбѣ, было пожаловано нѣсколько деревень. Въ дѣлахъ церковнаго управленія, послѣ возвращенія изъ-за границы, Ѳ. пользовался бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ самъ Стефанъ Яворскій. Къ нему обращались правительственныя инстанціи въ разныхъ случаяхъ за рѣшеніями, и отъ него зависѣло очень многое. Вельможи готовы были заискивать предъ нимъ; Меньшиковъ писалъ ему почтительнѣйшія письма. Архіереи обращались къ его посредничеству, когда имъ нужно было что-либо исходатайствовать, и именовали его своимъ благодѣтелемъ.

Однако, при всей силѣ и значеніи, Ѳ. уже успѣлъ нажить себѣ множество враговъ. Высшая іерархія, естественно, была недовольна чрезвычайнымъ возвышеніемъ простого архимандрита, предъ которымъ приходилось склонять головы епископамъ. Тѣмъ болѣе, что Ѳ. своимъ нравомъ отнюдь не старался умѣрить наносимаго іерархическому самолюбію уязвленія. Онъ очень мало считался съ другими іерархами и не боялся открытыхъ столкновеній даже съ митроп. Стефаномъ Яворскимъ. Первое столкновеніе произошло у нихъ въ 1712 г., по поводу извѣстной проповѣди Стефана о фискалахъ. Когда по этому поводу Стефанъ былъ призванъ въ Сенатъ, то здѣсь присутствовалъ и Ѳ., который принялъ сторону сенаторовъ противъ Стефана и, «поборая по правдѣ», «приразился» Стефану. Въ 1713 г. произошло другое столкновеніе по поводу дѣла Тверитинова. При первомъ слѣдствіи по этому дѣлу въ Петербургѣ въ числѣ защитниковъ Тверитинова оказался и Ѳ. Онъ объявилъ, что Тверетиновъ былъ у него на исповѣди и причастіи и никакихъ церковныхъ противностей не имѣетъ. Когда послѣ петербургскаго суда, оправдавшаго обвиняемыхъ въ еретичествѣ, они попали на судъ московскій, подъ предсѣдательствомъ Яворскаго, то здѣсь не только были осуждены, но былъ еще осужденъ и подвергнутъ запрещенію священнослуженія и Ѳ., за то, что причастилъ еретика. Впрочемъ, приговоръ этотъ, произнесенный не прямо, въ общихъ выраженіяхъ, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ весь московскій судъ былъ кассированъ государемъ. Но Ѳ. былъ сильно уязвленъ этимъ косвеннымъ ударомъ противъ него. Со Стефаномъ у него не могло быть хорошихъ отношеній, потому что ясно опредѣлилось полное различіе ихъ воззрѣній. Къ счастію для Ѳ-сія, Стефанова звѣзда все болѣе закатывалась, а его, Ѳедосіева, напротивъ, восходила. Вмѣстѣ съ Стефаномъ противъ Ѳ-сія была вооружена и вся старо-церковная партія. Въ кругу царевича Алексѣя Петровича невскаго архимандрита прямо называли вводителемъ «люторскихъ обычаевъ» и говорили, что его царь любитъ за то, что тотъ ему разрѣшаетъ «на вся», и, между прочимъ, въ посты ѣсть скоромное. Иначе говоря, Ѳ-сія подозрѣвали въ протестантскихъ симпатіяхъ, такъ же, какъ и Ѳеофана Прокоповича. Подозрѣнія эти не имѣли подъ собою реальной почвы, дающей право дѣйствительно обвинять Яновскаго въ неправославіи, но они дѣлали имя Ѳ-сія предметомъ ненависти въ широкихъ кругахъ, оскорбленныхъ петровскими церковными мѣропріятіями.

При роли Ѳ-сія нѣсколько страннымъ представляется, что онъ до 1720 г. оставался все въ званіи архимандрита. Болѣе молодые сотоварищи его опережали его на іерархической лѣстницѣ. Въ 1718 году получилъ епископскій санъ другой знаменитый сотрудникъ Петра—Ѳеофанъ Прокоповичъ, много младшій Ѳ-сія и только недавно прибывшій въ Петербургъ. А Ѳ., несмотря на царское благоволеніе, оказывался какъ бы обойденнымъ. Трудно сказать, въ чемъ тутъ была причина. Едва-ли непріязнь къ Ѳ-сію іерархическаго круга могла задерживать его движеніе. Петръ вовсе не считался съ іерархическимъ мнѣніемъ, и даже формальный протестъ мѣстоблюстителя не остановилъ посвященія Ѳеофана Прокоповича. Скорѣе дѣло объясняется какими-либо посторонними соображеніями. Именно, можетъ быть, государь считалъ Ѳ-сія естественнымъ кандидатомъ на новгородскую каѳедру, частью епархіи которой Ѳ. давно управлялъ, но въ то-же время находилъ нужнымъ повременить съ такимъ почетнымъ назначеніемъ (митр. Іовъ умеръ въ 1716 г.), по тактическимъ мотивамъ. Для самолюбиваго невскаго архимандрита іерархическое приниженіе, особенно предъ Ѳеофаномъ, поселившимся тоже въ Петербургѣ, видимо было весьма обидно. Онъ рѣшился самъ напомнить о себѣ и подалъ демонстративную просьбу объ увольненіи на покой, ссылаясь на обуревающихъ его враговъ. Эта любопытная просьба показываетъ, что Ѳ. хорошо зналъ, за что его не любятъ. «Умножишася паче власъ главы моея—писалъ онъ—ненавидящіи мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, сія суть. Изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ, мимо архіереевъ, въ резидующемъ семъ мѣстѣ; 2) за взятье изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ доброжительныхъ священниковъ и діаконовъ къ с.-петербургскимъ церквамъ; 3) рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ, кромѣ его, былъ только я, гдѣ и приразился, поборая по правдѣ, не мало оному. Изъ неduховныхъ: 4) за приписаніе изъ новго-

родской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и Сергіева монастыря вотчинъ къ Невскому монастырю; 5) за взятье изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ мене реэстрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ... въ Невскій монастырь; 6) за перемѣну тихвинскаго архимандрита. Изъ недуховныхъ, принципальныхъ и не принципальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочихъ волочащихся поповъ, старцевъ и старицъ, которыхъ предостерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и не помѣщики знатные защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Синявина, который во флотѣ оберъ-іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которыхъ, по должности моей, а по просьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи, гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но и враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ изъ всего поспольства; 10) за свѣчи по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли; 11) за пречистыя тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лѣкарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли бъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятся на сей бумагѣ... Того ради прилежно молю, да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горше что безвинно постражду». Но подавая такую просьбу, Ѳ., конечно, не разсчитывалъ на ея исполненіе. Не даромъ онъ выставлялъ причинами ненависти къ себѣ такія свои дѣянія, которыя большею частью какъ разъ отвѣчали петровскимъ взглядамъ. Просьба возымѣла то дѣйствіе, какое она, видимо, имѣла въ виду. Государь приказалъ 31 дек. 1720 г. поставить Ѳ-сія въ архіепископы новгородскіе.

Возведенный на новгородскую каѳедру, Ѳ. занялъ первенствующее мѣсто въ средѣ іерархіи. Офиціальное положеніе Стефана Яворскаго было больше почетной видимостью. Ѳеофанъ Прокоповичъ еще только начиналъ свою дѣятельность и держался осторожно и уклончиво. Каковы бы ни были его внутреннія отношенія къ Яворскому, онъ внѣшне оказывалъ послѣднему всякое уваженіе и, повидимому, въ это время между ними не было столкновеній. При учрежденіи Синода Ѳ. былъ назначенъ первымъ синодальнымъ вице-президентомъ и, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ, сталъ фактически во главѣ новаго церковнаго учрежденія. Съ президентомъ Синода Стефаномъ ни новгородскій, ни псковскій архіереи, повидимому, совсѣмъ не считались. Извѣстно униженное положеніе Яворскаго въ новомъ церковномъ учрежденіи, и Ѳ. наравнѣ съ Ѳеофаномъ не стѣснялся при случаѣ уязвить лишній разъ рязанскаго митрополита. Такъ, въ 1721 г. Синодъ сдѣлалъ Стефану унизительный допросъ по дѣлу Любимова, сочинившаго акаѳистъ Алексѣю, человѣку Божію, одобренный Яворскимъ. Что касается новаго церковно - правительственнаго законодательства, каковымъ ознаменовалъ себя Синодъ въ первые годы своего существованія, то трудно сказать, какая именно доля участія въ немъ принадлежала Ѳ-сію. Мѣры къ уменьшенію численности духовенства, преслѣдованіе духовенства крестоваго и бродячаго, ограничительные указы о монашествѣ, распоряженія противъ суевѣрныхъ обычаевъ, часовенъ, хожденія съ иконами по домамъ и т. п.— всѣ эти мѣропріятія сильно затрагивали тогдашнее церковное общество. Но кто былъ ихъ душею, иниціаторомъ? Ѳ. или Ѳеофанъ? Отвѣтить категорически трудно, потому что по своимъ воззрѣніямъ оба эти архіерея сходились между собою, и указанныя мѣропріятія могли одинаково исходить отъ того и отъ другого. Такъ какъ Ѳеофанъ былъ умнѣе и образованнѣе Ѳ-сія, то вѣроятнѣе ему приписывать бо́льшую долю участія. Но и Ѳ. тутъ не былъ пассивнымъ зрителемъ, а несомнѣнно игралъ активную роль. Въ качествѣ администратора Ѳ. явился ревностнымъ проводникомъ петровскихъ просвѣтительныхъ идей. У себя въ Невскомъ монастырѣ онъ завелъ въ 1721 году школу, согласно требованію Регламента, которая должна была вмѣстѣ служить и разсадникомъ учителей на всю Россію. Сюда велѣно было собрать по три человѣка поповскихъ дѣтей 15—20 лѣтъ изъ каждой епархіи, чтобы, по обученіи, они возвратились назадъ и сдѣлались учителями въ мѣстныхъ епархіальныхъ училищахъ. Ѳ. поднялъ и упавшую было послѣ Іова школу

въ Новгородѣ, расширивъ ея курсъ, пригласивъ лучшихъ учителей и наполнивъ учениками. Затѣмъ при управленіи Ѳ-сія была основана и по всей новгородской епархіи цѣлая сѣть низшихъ училищъ (13), основаніе которыхъ многими несправедливо приписывается Іову. По инціативѣ Ѳ-сія было издано общее распоряженіе Сената, чтобы свѣтскіе обыватели отдавали дѣтей своихъ тоже въ архіерейскія школы. Школы новгородской еп. были снабжены Ѳ-сіемъ учебниками, недостаткомъ которыхъ такъ страдало тогдашнее обученіе, и въ нихъ введены были опредѣленные распорядки. Дѣятельно занимался Ѳ., какъ епархіальный архіерей, искорененіемъ раскола и суевѣрій; заботился о благосостояніи монастырей и церквей и, къ чести его, не былъ равнодушенъ и къ судьбѣ низшаго духовенства.

Но рядомъ съ положительными качествами Ѳеодосіевой дѣятельности въ санѣ архіерея въ немъ, видимо, стали развиваться и отрицательныя черты его характера и поведенія. Ѳ. никогда не отличался монашескими наклонностями и велъ жизнь открытую и свѣтскую. Высокое офиціальное положеніе дало ему поводъ еще менѣе стѣсняться въ этомъ отношеніи, такъ какъ ему часто приходилось выступать въ роли гостепріимнаго хозяина разныхъ высокихъ посѣтителей. Петръ самъ любилъ веселое времяпрепровожденіе, не долюбливалъ аскетизма и смотрѣлъ сквозь пальцы на слухи о жизни новгородскаго архіерея. Царь самъ бывалъ у него въ гостяхъ и веселился. Скучая въ Москвѣ, въ бытность тамъ для коронаціи императрицы въ 1724 г., Ѳ. задумалъ даже завести регулярныя ассамблеи у духовныхъ лицъ, по образцу государевыхъ ассамблей. Но что всего хуже, для своей роскошной и открытой жизни нуждаясь въ средствахъ, Ѳ. прибѣгалъ даже и къ незаконнымъ источникамъ. Огромныхъ доходовъ новгородской каѳедры ему не хватало. Со временемъ слѣдствіе открыло, что Ѳ. практиковалъ вымогательства, взятки и расхищалъ церковную собственность. Послѣ его хозяйничанія въ новгородскихъ церквахъ и монастыряхъ не оказалось многихъ драгоцѣнностей. Злоупотребленія Ѳ-сія начали было раскрываться еще при жизни Петра Великаго. Въ 1724 г. дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома Иванъ Носовъ подалъ доносъ на архіерейскаго судію, архимандрита Андроника, обвиняя его въ расхищеніи церковнаго имущества. Доносъ, собственно, направленъ былъ на Ѳ-сія, потому что Андроникъ былъ лишь исполнителемъ его воли. Синодъ поручилъ изслѣдовать дѣло монастырскому приказу. Но Ѳ. опротестовалъ это постановленіе, требуя, чтобы дѣло было поручено ему, какъ епарх. архіерею, съ кѣмъ-либо изъ синодальныхъ членовъ. Синодъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Сенатомъ, и такъ какъ вліяніе Ѳ-сія было тогда сильно, то на конференціи положили поручить слѣдствіе новгородскому архіерею, къ которому Синодъ придалъ еще синодальнаго совѣтника симоновскаго архимандрита Петра и оберъ-прокурора Болтина. Носовъ, увидѣвъ, что дѣло попало въ руки самого заинтересованнаго лица, жаловался на пристрастное веденіе слѣдствія, при чемъ сталъ уже прямо обличать Ѳ-сія. Синодъ опять имѣлъ конференцію съ Сенатомъ и настаивалъ, чтобы жалоба Носова была оставлена безъ послѣдствій. Но Сенатъ рѣшилъ лучше представить дѣло государю. Государь приказалъ разслѣдовать дѣло Синоду вмѣстѣ съ Сенатомъ, и Ѳ. оказался отъ слѣдствія устраненнымъ. Но, за болѣзнью и смертью Петра, дѣло какъ-то затормозилось. Съ возрастаніемъ власти и значенія возрастала и заносчивость Ѳ-я. Какія выходки онъ позволялъ себѣ, видно, напримѣръ, изъ случая съ пожалованными ему алмазами. Въ 1721 году государыня пожаловала ему алмазовъ на панагію. Алмазовъ не достало для украшенія панагіи, и Ѳ. не постѣснился написать дерзкое письмо кабинетъ-секретарю Макарову, прося прибавить алмазовъ и добавляя, чтобы государыня не скупилась, такъ какъ онъ панагію въ гробъ съ собою не положитъ, а она возвратится въ кабинетъ. Алмазовъ ему прислали. Такія выходки тогда сходили ему съ рукъ. Затѣмъ, какъ это ни странно, но къ концу царствованія Петра Ѳ. сталъ рѣзко выражать недовольство и нѣкоторыми церковно-государственными мѣропріятіями. Ѳ., какъ мы видѣли, былъ человѣкъ новаго духа, старавшійся идти въ уровень съ требованіями времени. Но есть основанія подозрѣвать искренность его приверженности къ новымъ церковно-политическимъ теченіямъ. Выдвинутый государемъ, поставленный въ положеніе сотрудника его, онъ не могъ и не хотѣлъ идти вразрѣзъ пра-

вительственному настроенію, а напротивъ, старался возможно болѣе угодить государю и предвосхитить его намѣренія. Иначе Ѳ-сію не создать было бы и своей карьеры. Однако при своей властной самолюбивой натурѣ, при своемъ корыстолюбіи, Яновскій легко могъ бы примкнуть, при другихъ условіяхъ, и къ нашимъ клерикальствующимъ іерархамъ, имѣвшимъ столь преувеличенное понятіе объ архіерейской власти и упорно отстаивавшимъ свои имущественныя привилегіи. По крайней мѣрѣ, такое настроеніе проявилось въ немъ къ концу Петрова царствованія. Когда онъ былъ только архимандритомъ, онъ старался умалить іерархическія права, которыми самъ не обладалъ, а сдѣлавшись архіереемъ и важнымъ духовнымъ сановникомъ, онъ самъ вошелъ во вкусъ іерархической власти и началъ болѣзненно чувствовать ея приниженіе новыми порядками. Въ Синодѣ и духовномъ кругу онъ сталъ высказывать недовольство преобладаніемъ власти свѣтской въ духовныхъ дѣлахъ. Мѣры правительства, направленныя къ умаленію архіерейской чести, раздражали его архіерейское самолюбіе. Равнымъ образомъ и по отношенію къ монашеству онъ охотно одобрялъ и измышлялъ правила поднятія монашеской дисциплины, его не касавшіяся. Но когда дѣло коснулось матеріальныхъ выгодъ, онъ тоже сталъ роптать. Какъ невскій архимандритъ, онъ не чувствовалъ на себѣ тяжести церковно - имущественной политики правительства. Какъ новгородскій архіерей, онъ ее почувствовалъ и сталъ не менѣе консервативной партіи сѣтовать на преобидѣніе церковнаго чина. Извѣстное «объявленіе» о монашествѣ 1724 г., кажется, преисполнило мѣру Ѳеодосіева терпѣнія. По поводу его и новыхъ монастырскихъ штатовъ онъ осмѣлился рѣзко жаловаться предъ самимъ государемъ. Результатомъ былъ сильный гнѣвъ послѣдняго, такъ что Ѳ. уже чрезъ императрицу униженно выпросилъ себѣ прощеніе.

Послѣдній фактъ достаточно показываетъ, что сдерживало Ѳ-сія при Петрѣ. При желѣзномъ монархѣ было бы безуміемъ открыто протестовать и раскрывать свое настроеніе, и Ѳ. сдерживался, быть можетъ, поневолѣ, идя въ Синодѣ въ ногу съ правительственнымъ курсомъ. Со смертью Петра исчезла указанная сдержка. Надѣясь на слабость женщины-правительницы и, быть можетъ, на свое положеніе, Ѳ. далъ себѣ полную волю. При самомъ воцареніи Екатерины онъ постарался, кажется (по свидѣтельству Бассевича), извлечь отсюда для себя матеріальную выгоду, не обнаруживъ особенной преданности супругѣ Петра. Въ Синодѣ онъ пересталъ сдерживать свое недовольство. По послѣдующимъ показаніямъ, послѣ коронаціи государыни, когда шла рѣчь о возношеніи имени государыни, онъ говорилъ: «какая то молитва будетъ, что по указу молиться»? О смерти Петра онъ выражался, что эта смерть — наказаніе Божіе за то, что Петръ «коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній». «Государь блаженныя памяти, иронизировалъ Ѳ., весьма тщился ниспровергнуть сіе духовное правительство и для того насъ утѣснялъ штатами и недачею жалованія; а теперь смотрите, отцы святые, мы живы, а онъ умре, его нѣтъ». Такія рѣчи ясно показывали, что Ѳ. былъ такъ же неблагодаренъ къ своему благодѣтелю Петру, какъ и къ первому своему благодѣтелю Іову, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ обнаруживали и подлинную физіономію Ѳ-сія, сближая его съ лагеремъ противниковъ петровскихъ церковныхъ преобразованій,—чѣмъ бы ни объяснялась подобная метаморфоза: неискренностью ли прежней тактики или оскорбленнымъ самолюбіемъ и гордостью вошедшаго во вкусъ власти іерарха. «Папскіе замахи», по терминологіи Регламента, обнаружилъ Ѳ. и съ другой стороны. По свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранцевъ, Ѳ. будто бы замышлялъ цѣлый переворотъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться самому чуть ли не патріархомъ. Но даже не довѣряя этому сомнительному извѣстію, несомнѣнно, что Ѳ. не довольствовался своей синодальной ролью и хотѣлъ играть болѣе значительную. Онъ обижался, что его не назначаютъ президентомъ Синода и выразилъ свою обиду демонстративнымъ распоряженіемъ о томъ, чтобы его не называли вице-президентомъ, а просто новгородскимъ архіепископомъ: званіе вицепрезидента напоминало, что онъ не президентъ... Честолюбивые замыслы новгородскаго архіепископа задѣвали, конечно, его коллегъ по Синоду, и больше всего—Ѳеофана Прокоповича, бывшаго его главнымъ соперникомъ. Столкновеніе ихъ интересовъ было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что Ѳ. самъ началъ тяготиться своимъ ближайшимъ сотоварищемъ. Съ цѣлью изба-

виться отъ Ѳеофана Ѳ. задумалъ возбудить противъ него одно судебное дѣло. Повидимому, отсюда былъ инспирированъ косвенный доносъ на псковскаго архіерея о расхищеніи церковнаго имущества архіерейскимъ судьею, — аналогичный доносу Носова на Ѳ-сія. Но Ѳ. не разсчиталъ всѣхъ шансовъ, начиная борьбу съ Прокоповичемъ. Своимъ поведеніемъ онъ далъ столько оружія противъ себя въ руки противниковъ, что имъ не стоило особаго труда погубить его, вмѣсто того, чтобы подставлять себя подъ его удары.

Уже случай съ алмазами показывалъ, что Ѳ. не питалъ особаго уваженія къ Екатеринѣ. Со смертью Петра это неуваженіе стало прорываться дерзкими выходками. Впослѣдствіи было установлено, что новгородскій архіерей издѣвался въ неприличныхъ выраженіяхъ надъ плачемъ государыни при гробѣ покойнаго супруга. Относясь такъ къ императрицѣ, Ѳ. сталъ допускать очень многое. 12-го апрѣля 1725 г. онъ пріѣхалъ къ Дворцовому мосту, и его карету по мосту не пропустили, какъ не пропускали и другихъ каретъ. Ѳ., выйдя изъ кареты, сталъ кричать на караульнаго съ угрозою: «Я-де самъ лучше свѣтлѣйшаго князя»,— это былъ дерзкій намекъ. Затѣмъ, войдя въ переднюю дворца, онъ кричалъ здѣсь на дежурнаго офицера, зачѣмъ его не пускаютъ, говоря (по показанію офицера): «Мнѣ-де бывалъ, при его величествѣ, вездѣ свободный входъ. Вы-де боитеся только палки, которая васъ бьетъ, а наши де палки больше тѣхъ. Шелудивыя-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ». Государынѣ донесли объ этомъ. Потомъ, 16-го апрѣля, когда въ Синодѣ Ѳ-сію было объявлено распоряженіе государыни отправить въ Петропавловскомъ соборѣ панихиду по Петрѣ, то Ѳ-сію показалось тутъ что-то обидное, и онъ гнѣвно жаловался на тиранство, какого дождалась церковь, что мірская власть повелѣваетъ духовной молиться, что противно слову Божію. Синодальные члены не показали сочувствія этимъ ламентаціямъ и распорядились о панихидѣ, на которой надлежало быть всѣмъ синодальнымъ членамъ, предоставивъ, впрочемъ, Ѳ-сію поступать, какъ знаетъ. Разсерженный Ѳ. отвѣчалъ: «пойду и я и буду служить, потому что боюся, чтобъ не послали въ ссылку. Только услышитъ ли Богъ такую молитву?» 20-го апрѣля сама государыня послала къ Ѳ-сію камеръ-юнкера Поспѣлова сказать, чтобы всѣ духовные были на панихидѣ. Ѳ. отвѣчалъ: «мы готовы», но при этомъ жаловался на обиду отъ часовыхъ, не пропустившихъ его 12-го апр. во дворецъ, и говорилъ, что онъ и впредь боится ко дворцу ѣхать, какъ бы не обругали часовые, развѣ возьмутъ его неволею. Когда Поспѣловъ предложилъ за обиду просить милости ея величества, Ѳ. отвѣтилъ, что также было и при покойномъ государѣ, когда его не пропустили въ адмиралтейство, и онъ не получилъ за это никакого удовлетворенія. Разговоръ былъ переданъ Екатеринѣ. 21 апрѣля, послѣ панихиды, императрица поручила пригласить всѣхъ духовныхъ къ столу. Ѳ. на такое приглашеніе отвѣтилъ, что ему въ домѣ ея величества быть невозможно, такъ какъ онъ обезчещенъ, «развѣ-де изволитъ прислать нарочнаго, чтобы проводили». На обѣдъ онъ не поѣхалъ.

Весь этотъ инцидентъ съ панихидой создалъ къ Ѳ-сію, конечно, неблагопріятное отношеніе двора. Ѳеофанъ Прокоповичъ, вмѣстѣ съ другими синодальными членами, нелюбившими зазнавшагося Ѳ-сія, рѣшили воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы нанести новгородскому архіерею рѣшительный ударъ. Ѳеофанъ сдѣлалъ доносъ, въ которомъ припомнилъ разныя непристойныя выходки Яновскаго и, между прочимъ, сообщилъ два очень важныхъ факта. На святой недѣлѣ 1725 г. синодальныхъ членовъ не пригласили къ царскому обѣду, на который были приглашены сенаторы. Обиженный и разгнѣванный Ѳ., не скрывая досады, при Ѳеофанѣ угрожающе сталъ говорить: «Будетъ еще трусить, мало только подождать». Ѳеофанъ въ доносѣ объяснялъ, что эти слова сначала показались ему страшны, но потомъ онъ сталъ думать, не относились-ли они къ какимъ-нибудь «неправдамъ и обманствамъ» служителей ея величества, и онъ успокоился. Но далѣе скоро онъ услышалъ отъ синодальныхъ сочленовъ, что Ѳ. въ ихъ присутствіи еще произносилъ противныя слова «о непорядкахъ и о начинаемомъ штатѣ, что никто духовнымъ не доброжелательны, всѣ-де уклонишася вкупѣ; какого тутъ благословенія Божія ждать. Воистину скоро гнѣвъ Божій спадетъ на Россію, и какъ станетъ междуусобіе, тутъ то увидятъ всѣ отъ первыхъ и до послѣднихъ. И сталъ шпикать и руками посѣченіе показывать». Надъ

Ѳ-сіемъ собралась гроза. Ѳеофанъ сдѣлалъ свой доносъ 22-го апрѣля, а 25-го апрѣля было уже конфиденціальное совѣщаніе по поводу доноса. На совѣщаніе были приглашены графъ Головкинъ, адмиралъ гр. Апраксинъ, графъ Толстой и синодальные члены—Ѳеофанъ и три архимандрита: Петръ Смѣличъ, Алексѣй Кондоиди и Рафаилъ Заборовскій. Всѣ послѣдніе подтвердили доносъ Ѳеофана. Между тѣмъ Ѳ. допустилъ еще одинъ нетактичный шагъ. 25-го же апрѣля было освященіе новаго корабля; на торжество Ѳ-сія не пригласили; тогда онъ явился самовольно, чѣмъ всѣ были удивлены. Черезъ 2 дня, 27-го апрѣля, государыня приказала арестовать Ѳ-сія на его подворьѣ.

Знаменательно, что паденіе новгородскаго архіерея всѣми было встрѣчено съ радостью. Его синодскіе коллеги дали о немъ такія показанія, къ которымъ, кажется, трудно что-либо прибавить. «Отъ самаго начала,—писалъ тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій,—какъ я опредѣленъ въ Синодъ, увидѣлъ преосвященнаго Ѳеодосія всегда бранящаго всякаго чина людей отъ мала даже до великаго, безъ всякаго исключенія, нарицающаго безумными, нехристіанами, горшими турковъ и всякихъ варваровъ, аѳеистами, идолопоклонниками—россійскій народъ.. Вспоминалъ многажды св. митрополита Филиппа, удавленнаго во дни царя Ивана Васильевича, за которое-де убіеніе искоренилъ Богъ царское его племя, такъ что по немъ не осталось наслѣдника на царство россійское; а по преставленіи блаж. памяти Петра Великаго прибавилъ и то, что-де за разстриженіе Варлаама Овсянникова и взятіе его за караулъ умертвилъ Богъ такожде Петра Великаго. Доколѣ что не по его синодальному желанію дѣлалося въ Сенатѣ или въ иномъ правительствѣ по указу государеву, или слово было о духовномъ штатѣ, онъ, архіеп. Ѳеодосій, сердяся говорилъ: доколѣ будетъ тиранство надъ церковью, дотолѣ добра надѣятися невозможно. А въ церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало. Болѣзнь-де государю пришла смертельная отъ безмѣрнаго женонеистовства и отъ Божіяго отмщенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ, который хотѣлъ истребити. Излишняя-де его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показуетъ «мучительное его сердце, жаждующее крови человѣческія». Архимандритъ Гавріилъ показывалъ: «По смерти б. и в. д. памяти государя говорилъ (Ѳеодосій): я-де по се время всегда думалъ, что мнѣ отъ его рукъ кончина житія будетъ». «Милосердія Божія уже не видимъ,—говорилъ Ѳеодосій по словамъ протопопа Петра,—ничто по духовному регламенту дѣйствуется; и какому христіанству надѣяться, все хощетъ быть тиранство; духовная власть весьма изнемогаетъ, не что турецкая вѣра хощетъ быти, но и въ туркахъ того не дѣлается; не то правится, что надлежитъ по св. писанію... и что изъ сего будетъ—нечего добраго ждать». А какъ встрѣчена была судьба Ѳ-сія вообще въ іерархическихъ кругахъ, свидѣтельствуетъ «объявленіе» о Ѳ-сіи казанскаго митроп. Сильвестра (см. у Чистовича «Ѳеофанъ Прокоповичъ», прилож. II, изъ дѣла арх. св. Синода 1731 г., № 292). «Бывый развращенный,—писалъ Сильвестръ,—зависти и самолюбія исполненный, невскій архимандритъ и новгородскій архіерей, яко хищный волкъ прокрался въ овечьей кожѣ; только себя любилъ, а братію весьма ненавидѣлъ; еще онъ же, по остројелчію своему, деннощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворити, а иногда искій, кого бы и поглотити». Исчисливши всѣ «злыя» дѣянія Ѳ-сія, Сильвестръ о немъ заключалъ: «Онъ, злочестивецъ Яновскій, онъ же шаленый козелъ, кому подобенъ, что многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на пакость многимъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хулы ругалъ? И по всему онъ подобенъ древнимъ еретикамъ: Арію безумному и Несторію гнусному».

На слѣдствіи Ѳ. во многихъ приписываемыхъ ему рѣчахъ признался, но оправдывалъ себя тѣмъ, что говорилъ то не по злобѣ, а «отъ глупой ревности». Отъ дерзкихъ словъ, слышанныхъ Ѳеофаномъ по адресу Екатерины, онъ сначала отрицался, а потомъ заявилъ, что говорилъ о томъ, что государыня будетъ трусить, «отъ глупости», «въ такой силѣ, что нынѣ задабриваютъ сенаторовъ, чтобъ добрѣ дѣла управляли, а сохрани Богъ, когда въ нихъ какое несогласіе къ добру общему будетъ, тогда духовныхъ станутъ задабривать, чтобъ увѣщевали къ согласію добра общаго». Но Ѳ-сію плохо вѣрили, такъ какъ факты были налицо. Изъ одного анонимнаго письма къ Ѳ-сію узнали, что онъ говорилъ непристойности по адресу импера-

трицы еще у гроба Петра. Все это дѣлало виновность Ѳ-сія несомнѣнной, и скоро ему произнесли обвинительный приговоръ. 11-го мая 1725 г. былъ подписанъ указъ съ объявленіемъ Ѳеодосіевыхъ преступленій. Указъ даже нѣсколько преувеличивалъ данныя слѣдствія. Тутъ же было включено въ вину Ѳ-сію и старое дѣло по доносу Носова. 12-го мая, съ барабаннымъ боемъ, былъ публично объявленъ приговоръ, которымъ новгородскій архіерей, вмѣсто заслуженной смертной казни, ссылался въ дальній корельскій монастырь въ заключеніе.

21-го іюня Ѳ. былъ уже на мѣстѣ своей ссылки. Здѣсь его заточили въ подземную келью подъ церковью. Онъ просилъ себѣ духовника, исповѣдался, причастился и просилъ причащаться почаще въ церкви, въ епитрахили съ поручами, какъ архіерей, но Тайная Канцелярія того не позволила, а велѣно было давать ссыльному причастіе лишь однажды въ годъ, въ его темницѣ. Но въ скоромъ времени участь узника ухудшилась. Слѣдствіе по его дѣлу не было еще закончено въ моментъ объявленія приговора. Во-первыхъ, посланъ былъ запросъ въ Москву по поводу упомянутаго анонимнаго письма; собранныя свѣдѣнія подтвердили, что Ѳ. говорилъ инкриминируемыя ему непристойныя слова. Затѣмъ открылся еще новый фактъ. Оказалось, что Ѳ. въ 1724 году у себя въ епархіи привелъ подчиненныхъ къ особой присягѣ на вѣрность себѣ. Присяга эта была повтореніемъ присяги, указанной въ Регламентѣ для синодальныхъ членовъ, съ прибавленіемъ въ концѣ обѣщанія повиноваться «собственной моей правильной власти, великому господину Святѣйшаго Правительствующаго Синода вице-президенту преосвященному Ѳеодосію» и т. д. (см. присягу въ «Опис. д. и док. арх. св. Син.», т. V, № 199). Присяга на вѣрность архіерею была дѣломъ необычнымъ и въ ней заподозрили какіе-то замыслы Ѳ-сія. На конференціи Сената съ Синодомъ было рѣшено дѣло о присягѣ представить императрицѣ. По приказанію послѣдней, листы съ присягой были отобраны и уничтожены. Въ связи съ обоими указанными фактами, 8-го сент. 1725 г. Синоду былъ объявленъ новый указъ о бывшемъ новгор. архіепископѣ. Указъ предписывалъ: «съ бывшаго архіерея новгородскаго Ѳеодосія за его злоковарное воровство, что, будучи въ С.-Петербургѣ, говаривалъ злохулительныя слова про ихъ импер. велич. и мыслилъ впредь чинить нѣкоторый злой умыселъ на россійское государство, санъ съ него Ѳедоса архіерейскій и іерейскій снять и быть ему простымъ старцемъ». 17-го октября это постановленіе было приведено въ исполненіе, и Ѳ. сталъ простымъ чернецомъ Ѳедосомъ. «Чернеца» перевели въ другую, худшую тюрьму въ томъ же монастырѣ, холодную и сырую. Правда, чрезъ нѣкоторое время сжалились надъ узникомъ и дали ему лучшую темницу. Но сраженный всѣмъ происшедшимъ и суровыми условіями новаго существованія Ѳ. прожилъ недолго. 5-го февраля 1726 г. онъ умеръ въ своемъ заключеніи. Тѣло его велѣно было сначала доставить въ Петербургъ, но потомъ распорядились похоронить его по дорогѣ въ одномъ изъ монастырей— Кирилловомъ или Александро-Свирскомъ. Гробъ привезли въ первый монастырь и здѣсь предали его землѣ.

Никто рѣшительно, кажется, не жалѣлъ несчастнаго Ѳ-сія. Ему выпала печальная участь—погибнуть безъ участія къ своему несчастью: настолько своимъ характеромъ онъ всѣхъ вооружилъ противъ себя. И вспомнивъ его отношенія къ Іову и Петру, приходится согласиться съ мнѣніемъ о немъ такихъ безпристрастныхъ лицъ, какъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, что Ѳ. пожалъ то, что самъ посѣялъ.

Дѣла Гос. Архива, VI разр., №№ 91, 158.—«Рус. Арх.», 1864 г., вып., 2 («Подлинное дѣло новгор. архіеп. Ѳеодосія»).—Дѣла архива св. Синода 1721—1726 г. и «Описаніе дѣлъ и докум. арх. св. Синода» за эти годы, тт. I—VI (по указателю).—«Полное собраніе постан. и распор. по вѣд. прав. испов.» за 1721—1725 гг.—Дѣла архива Александро-Нев. лавры и вышедшіе первые два тома «Описанія» ихъ.—Письма Ѳеодосія къ Петру В., Екатеринѣ и др., хранящ. въ Гос. Архивѣ.—Журналы Верховн. Тайнаго Совѣта въ кабинетн. бумагахъ Петра В.—«Лѣтописи рус. литер. и древности», изд. Н. С. Тихонравовымъ, 1859 г., кн. 2 (письмо Іова къ Ѳеодосію).—«Записки» графа Бассевича («Рус. Арх.», 1865 г.).—«Дневникъ Берхгольца». ч. II, М., 1858 г.—«Сборникъ Имп. Рус, Ист. Общества», т. XV (донесенія прусск. посланника Мардефельда). — *П. Петровъ*, «Исторія С.-Петербурга», 1885 г.—*И. А. Чистовичъ*, «Новг. митр. Іовъ, жизнь его и переписка» («Странникъ», 1861 г., февр.).—*В. И. Аскоченскій*, «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіею», Кіевъ, 1856 г.—*Г. В. Есиповъ*, «Раскольничьи дѣла XVIII стол.»—*И. А. Чистовичъ*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время». Спб., 1868 г.—*И. Я. Морошкинъ*, «Ѳеодосій Яновскій, архіеп. новгородскій» («Рус. Старина», 1887 г., №№ 7,

10, 11).—*Г. В. Есиповъ*, «Чернецъ Ѳедосъ» (первонач. напеч. въ «Отечеств. Зап.» 1862 г., № 6, а потомъ въ сборникѣ «Люди стараго вѣка», 1880 г.). — «Историко-статистическое описаніе Спб. епархіи», вып. I, Спб., 1869 г.— *С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», тт. XVI и XVIII.—*Устряловъ*, «Исторія Петра В.», т.т. IV и VI.—*С. Г. Рункевичъ*, «Исторія рус. ц. подъ управл. с. Синода», т. I, Спб. 1900 г.— *Амвросій*, «Исторія росс. іерархіи», т.т. II, VI.—*Павловъ*, «Описаніе Александро-Невской лавры».—*Е. Прилежаевъ*, «Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху» («Христ. Чтеніе», 1887 г., кн. № 6).— *К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи Новгородской епархіи».—*Ѳ. Терновскій*, «Московскіе еретики въ царствованіе Петра В.» («Прав. Обозр.», 1863 г., апр.).—*Его же*, «Стефанъ Яворскій» («Труд. Кіев. дух. Акад.», 1864 г., т. I).—*Н. Тихонравовъ*, «Московскіе вольнодумцы начала XVIII в.» («Рус. Вѣстн.», 1870 г., кн. 9 и др.).—«Ссыльные XVIII в. въ Архангельскомъ краѣ» («Арханг. Губ. Вѣд.», 1875 г., №№ 24—26).—*Макарій Булгаковъ*, «Исторія Кіевской академіи».—*Н. И. Соловьевъ*, «Судьба Ѳеодосія, архіеп. новгородскаго» («Рус. Стар.», 1901 г., янв.).

Б. Титлиновъ.

Ѳеодосій, іеромонахъ Александро-Ошевенскаго монастыря Олонецкой епархіи, жилъ во второй половинѣ XVI вѣка, былъ сыномъ священника. Другихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не найдено. Въ 1567—1568 г.г. онъ описалъ «Житіе и чудеса преподобнаго Александра Ошевенскаго»; онъ же написалъ и службу ему. Одинъ изъ списковъ «Житія» имѣется въ Архивѣ Св. Синода въ рукописномъ Сборникѣ № 4002, полученномъ изъ Тихвинскаго Большого Успенскаго монастыря.

Филаретъ, арх. Черниговъ., «Обзоръ русской духовной литературы», кн. I, стр. 162—163. — «Описаніе рукописей, хранящ. въ Архивѣ Св. Синода», томъ II, вып. 2-й, стр. 861—862.

К. З.

Ѳеодосій, первый архіепископъ астраханскій и терской, родился въ селѣ Яковлевскомъ, въ трехъ верстахъ отъ города Ярославля. Онъ былъ сыномъ священника Харитона и при крещеніи получилъ имя Ѳеодотъ; на двадцатомъ году вступилъ въ бракъ, а затѣмъ былъ посвященъ въ священники въ Ярославль къ церкви благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, при которой, будучи священникомъ, на шестомъ году овдовѣлъ. Послѣ смерти своей жены онъ постригся въ монахи съ именемъ Ѳеодосія въ монастырь Толгскій Пречистыя Богородицы на Волгѣ и вскорѣ (до 1566 г.) былъ назначенъ игуменомъ этого монастыря. Благодаря своей энергіи и заботливости, онъ построилъ каменную церковь, выкопалъ пруды вокругъ обители и обсадилъ ихъ деревьями. Пробывъ настоятелемъ этого монастыря двадцать пять лѣтъ, онъ по волѣ царя Ѳеодора Іоанновича и по благословенію перваго московскаго патріарха Іова былъ назначенъ въ городъ Астрахань игуменомъ Троицкаго монастыря; здѣсь ему было приказано построить соборную каменную церковь, которая, по сооруженіи, была освящена патріархомъ Іовомъ 13-го сентября 1602 года. Кромѣ названной церкви, съ благословенія Ѳ-сія была построена еще и деревянная церковь Вознесенія Господня, а вскорѣ при ней и монастырь, за острогомъ на бугрѣ, у убогаго дома. Въ 1602 году Ѳ. былъ назначенъ первымъ архіепископомъ астраханскимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда въ Астрахани происходило смятеніе по поводу признанія царемъ растриги Гришки Отрепьева, Ѳ. мужественно выступилъ противъ этого, внушая народу, что называющій себя царемъ Димитріемъ Іоанновичемъ есть самозванецъ, похититель царскаго имени; однако народъ не хотѣлъ вѣрить этому и чуть-чуть не убилъ Ѳ-сія, но ограничился тѣмъ, что заключилъ его подъ стражу въ Троицкій монастырь и разграбилъ архіерейскій домъ. Затѣмъ послѣ грубыхъ издѣвательствъ Ѳ. былъ отправленъ въ Москву къ самозванцу Отрепьеву, который съ злостью и угрозой сказалъ: «Астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и людямъ ты говоришь и меня называешь непрямымъ царемъ; да кто, де, я?». Архіепископъ же ему безъ боязни отвѣчалъ: «Вѣдаю, что ты на зываешься царемъ, но прямое де твое имя Богъ вѣсть; ибо де прирожденный царевичъ Димитрій Іоанновичъ убіенъ на Угличѣ, и мощи его тамо»; и послѣ этого вышелъ изъ палатъ. Однако самозванецъ не только не убилъ его, но не велѣлъ никому оскорблять его ничѣмъ. Послѣ этого преосвященный жилъ у патріарха Гермогена, проповѣдуя и изобличая самозванца совершенно свободно, безъ всякаго страха. Послѣ убійства Отрепьева царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и патріархомъ Гермогеномъ посланы были въ Угличъ митрополитъ ростовскій Филаретъ и съ нимъ Ѳ. для перенесенія оттуда мощей святого мученика царевича Дмитрія Іоанновича въ Москву (3-го іюня

1606 года). За это Ѳ. получилъ отъ царя и патріарха подарки, послѣ чего съ большимъ почетомъ былъ отпущенъ обратно на свой пастырскій астраханскій престолъ. На пути, въ городѣ Царицынѣ, онъ заболѣлъ и умеръ 18-го декабря 1607 года, гдѣ въ церкви тѣло его было оставлено непогребеннымъ. Когда въ слѣдующемъ году мимо Царицына проѣзжалъ бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, онъ взялъ съ собою тѣло преосвященнаго Ѳ-сія., привезъ въ Казань и предалъ прахъ землѣ въ обители Преображенія Господня. Въ 1617 году, по ходатайству астраханскихъ властей и гражданъ, останки преосвященнаго Ѳ-сія были отправлены съ подобающею честію при множествѣ народа въ Астрахань и погребены тамъ по чину.

Прот. І. Савинскій, «Историч. записки объ Астрахан. епархіи». Астр., 1903.—*Прот. М. Благонравовъ*, «Архіереи Астраханск. епархіи». Астр. 1902. — *Іером. Амвросій*, «Исторія росс. іерархіи», ч. I, стр. 104.—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе русской іерархіи 988—1888».—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. ц.».—«Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. университетѣ», № 7, стр. 65.

Ѳ. Ѳедотовъ.

Ѳеодосій, первый митрополитъ бѣлгородскій и обоянскій (1667 — 1671 г.г.). Въ 1667 году на вновь открытую бѣлгородскую митрополію назначенъ былъ выходецъ изъ Сербіи, епископъ Варшетскій или Вершетскій Ѳеодосій, съ возведеніемъ въ санъ митрополита. О жизни его до епископства свѣдѣній не имѣется, въ санѣ же епископа онъ въ декабрѣ 1663 года пріѣзжалъ изъ Сербіи въ Россію за милостынею, въ октябрѣ 1665 года вторично прибылъ и навсегда остался въ Россіи, гдѣ пользовался особымъ расположеніемъ государя за свои добродѣтели, о чемъ засвидѣтельствовано и въ грамотѣ объ учрежденіи митрополіи въ Бѣлгородѣ. Пребывая въ Москвѣ, онъ отправлялъ богослуженіе въ Архангельскомъ соборѣ «по родителяхъ царскихъ у царскихъ гробовъ», присутствовалъ на соборѣ русской церкви съ прибывшими восточными патріархами и былъ докладчикомъ или посредникомъ—переводчикомъ по дѣламъ. По возведеніи на бѣлгородскую митрополію, онъ еще четыре мѣсяца оставался въ Москвѣ, собирая все необходимое для богослуженій въ новоучреждаемой епархіи. Изъ Москвы онъ выѣхалъ 14 сентября 1667 года и прибылъ въ Бѣлгородъ 8 октября. Четырехлѣтнее правленіе митрополита Ѳ—сія прошло среди тревожныхъ событій на Украйнѣ: рѣшено было отложиться отъ россійскаго государя и передаться турецкому султану; возстаніе вспыхивало повсюду, захватило значительную часть и Бѣлгородской митрополіи; паства бѣлгородскаго владыки все время находилась на военномъ положеніи, дрожа за свое достояніе и жизнь. Митрополитъ постоянно сообщалъ государю о положеніи дѣлъ, называлъ положеніе города беззащитнымъ и служилъ молебны о дарованіи побѣды россійскому воинству. Какъ постоянный заступникъ обиженныхъ и ходатай за нихъ предъ властями, митрополитъ былъ любимъ паствою. Онъ получалъ щедрые дары и отъ престола царскаго и отъ всего населенія Бѣлгородской области; жизнь его была обставлена весьма удобно и положеніе его было вполнѣ «безбѣдное». Единственнымъ памятникомъ его архипастырскаго служенія на Бѣлгородской каѳедрѣ служитъ его окружное посланіе къ новой его паствѣ,—многословное посланіе, обильное общими мѣстами, вычурными образами и сравненіями, но скудное по содержанію; оно даетъ понятіе о литературномъ, собственно риторическомъ образованіи Ѳ—сія въ духѣ того времени, но ничего не даетъ для характеристики его управленія. Въ ночь съ 19-го на 20-е августа 1671 года онъ скончался.

А. С. Лебедевъ, «Бѣлгородскіе архіереи» (Хар. 1902).—«Курскія Епарх. Вѣдомости», 1907 г., №№ 7, 29. — «Истор. стат. описаніе Харьковской епархіи». — Столбцы Москов. Арх. Мин. Юстиціи.

К. Здр—въ.

Ѳеодосій, подвижникъ XV в., основатель (вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Желѣзный Посохъ) Воскресенскаго череповецкаго монастыря, въ Новгород. губ. Есть вѣроятное предположеніе, что онъ, подобно преп. Аѳанасію, былъ ученикомъ пр. Сергія Радонежскаго и до построенія своего м-ря жилъ въ обители послѣдняго. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ церкви упраздненнаго Воскресенскаго м-ря, нынѣ соборѣ г. Череповца. Память, общая съ Аѳанасіемъ,—5 іюля, 25 сент. и 26 ноября.

Амвросій, архим., «Исторія рос. іерархіи», т. VI.—«Словарь историч. о святыхъ въ рус. ц.», СПБ. 1836.—*Леонидъ* архим., «Св. Русь»,

СПБ. 1891.—*Косолаповъ, И.*, «Мѣсяцесл. правосл. каѳол. ц.», изд. 2, Симбирскъ, 1880.—*Димитрій*, архіеп., «Мѣсяцесловъ святыхъ», сентябрь. Камен.-Под. 1893. *Т.*

Ѳеодосій, преподобный Глушицкій, жилъ въ XV в. Считается ученикомъ пр. Діонисія († 12 іюня 1437 г.), основавшаго (до 1403 г.) Глушицкій монастырь въ Вологод. губерніи. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ Глушицкомъ м-рѣ. Память его чтится 12 окт., службу имѣетъ общую съ другими глушицкими угодниками.

Амвросій архим., «Исторія рос. іер.», т. III.—*Филаретъ, архіеп.*, «Русскіе святые» кн. 3.—*Вѣрюжскій*, «Историч. сказ. о рус. святыхъ Вологі еп.». Вологда, 1880 г.—«Книга, глаголемая описаніе рос. святыхъ («Чт. О. И. и Др. Р.,» 1887 г., кн. 4).—*Димитрій еп.*, «Мѣсяцесловъ святыхъ рус.», т. I, Тамбовъ, 1878 г. *Т.*

Ѳеодосій, іеромонахъ Желтаго Николаевскаго монастыря; біографическихъ свѣдѣній о немъ не найдено; жилъ въ концѣ XV вѣка. Въ 1483 году онъ сочинилъ «Канонъ св. Арсенію, епископу Тверскому»; канонъ читается въ печатной минеѣ, но безъ имени сочинителя. Онъ же написалъ и «Житіе св. Арсенія», составленное по прежнимъ краткимъ записскамъ; ему же приписываютъ списокъ «Патерика XV вѣка».

Филаретъ, архіеп. Черниг., «Обзоръ русской дух. литерат.», кн. I, стр. 118. *К. З.*

Ѳеодосій, епископъ коломенскій, поставленъ 2 іюля 1542 г. изъ архимандритовъ Новоспасскаго м-ря, въ которомъ настоятельствовалъ, вѣроятно, съ 1530—31 г. Въ февралѣ 1547 г. онъ присутствовалъ на соборѣ по установленію повсемѣстнаго празднованія русскимъ святымъ. Въ декабрѣ того же г., вмѣстѣ съ другими духовными и свѣтскими лицами, поручился предъ ц. Іоанномъ Грознымъ за вѣрную ему службу кн. Ив. Ив. Пронскаго. Съ января (или февраля) по іюль 1551 г. принималъ участіе въ Стоглавомъ соборѣ, въ концѣ котораго приговоромъ 15 іюля,—можетъ быть, въ наказаніе за что-нибудь,—былъ пониженъ степенью въ ряду епископовъ. Въ іюнѣ 1552 г. Ѳ. былъ въ Коломнѣ во время пребыванія тамъ ц. Іоанна, дѣлавшаго приготовленія къ походу навстрѣчу крымцамъ, и уговаривалъ царя не ѣхать лично къ войску, а оставаться въ Коломнѣ. 23 іюня служилъ для отъѣзжавшаго царя въ Успенской церкви молебенъ и благословлялъ его на путь, при чемъ получилъ отъ него приказаніе «не исходити изъ церкви, дондеже, что Богъ произведетъ». Чрезъ нѣсколько дней онъ встрѣчалъ въ той же Коломнѣ возвратившагося царя «со священнымъ соборомъ со кресты и со всѣмъ народомъ, и благодарная возсылаше Богу о избавленіи... отъ поганыхъ». 3 іюля, при отъѣздѣ царя подъ Казань, Ѳ. снова благословлялъ его на путь въ Успенской церкви. Въ концѣ 1553 и началѣ 1554 г.г. присутствовалъ на соборѣ противъ Башкина, старца Артемія и др. Въ началѣ 1555 г. участвовалъ въ соборѣ всѣхъ россійскихъ епископовъ о многоразличныхъ чинахъ церковныхъ и пр., а въ маѣ того же г. въ Коломнѣ торжественно встрѣчалъ, принималъ у себя и провожалъ ѣхавшаго въ Казань новопоставленнаго казанскаго архіепископа Гурія. Предъ 1560 г. Ѳ. былъ устраненъ отъ каѳедры, по свидѣтельству царя Іоанна, вслѣдствіе происковъ кружка бояръ Адашева и кн. Курбскаго. «Вы ли убо», писалъ Іоаннъ въ 1584 г. кн. Курбскому, «съ попомъ (Сильвестромъ) и со Алексѣемъ (Адашевымъ) не гонили? Како убо епископа коломенскаго Ѳеодосія, намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣваете каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола». Время смерти Ѳ—сія неизвѣстно.

«Полн. Собр. Рус. Лѣтописей», тт. VI и XIII.—«Акты Археогр. Эксп.», т. I.—«Сборн. Госуд. Грам.», т. I.—*Карамзинъ*, «Исторія Рос. Госуд,», тт. VIII и IX.—*Устряловъ Н.*, «Сказаніе кн. Курбскаго», 3 изд., 1868 г.—«Стоглавъ», изд. Н. Субботина. М. 1890. *Н. Т.*

Ѳеодосій, луцкій епископъ около 1325 г. Въ Львовской лѣтописи подъ 1325 г. повѣствуется: «декабря 20 преставися пресвещенный Петръ, митрополитъ...; бѣ же на погребеніи его (въ Москвѣ) князь Иванъ Даниловичъ и епискупъ Лучьскій Ѳеодосій». То же находимъ и въ Никоновской и въ Ермолинской лѣтописяхъ. Называется онъ и «Ѳеодосій сконецъ».

Полн. Собраніе Рус. Лѣт., т. XX (Спб., 1910 г.), ст. 177—178; т. X (Спб. 1885 г.). ст. 191; т. XXIII (Спб. 1910 г.), ст. 102.—Рукопись Архива Св. Синода, № 1770 (повѣрка іерархическихъ каталоговъ Рос. древ. епархій съ лѣтописями и актами, трудъ протоіерея м. Діева, 1858 г.) — *Н. И. Теодоровичъ*,

«Городъ Владиміръ Волын. губ. въ связи съ исторіей Волын. іерархіи, Почаевъ, 1893 г.

Ѳеодосій, епископъ луцкій и острожскій XV вѣка. Въ спискѣ луцко-острожскихъ епископовъ его помѣщаютъ между Діонисіемъ I (около 1416 г.) и Евѳиміемъ (около 1450 г.). Въ листѣ (дарственной грамотѣ слугѣ Стреченовичу) литовско-русскаго князя Швитрикгайла (Свидригайла, 1355—1452 г.), датированномъ 2 сентября 1438 г. въ Острогѣ, сказано: «а при томъ были сведоки наша рада—владыка луцкий Ѳеодосій» и др. Въ другомъ листѣ того же князя, о «наданіи своему слугѣ» Олферу или Олыйферу села Глухии и селища Стаи, 14 іюля 1446 г. въ Луцкѣ, опять сказано: «а при томъ были сведки верная наша рада: владыка луцкий Ѳеодосей, панъ Иванъ Гулевичъ» и др.

Н. И. Теодоровичъ, «Городъ Владиміръ Волынской губ. въ связи съ исторіей Волынской іерархіи», Почаевъ, 1893 г. — Archivum ks. Lubartowiczow Sanguszkow w Sławucie», t. I (въ Львовѣ, 1887), 35, 42—43; тутъ же въ объясненіяхъ къ документамъ есть ссылки на Метр. лит. (25), на Архивъ Ю-З. Рос. (II) и на грамоты литовск. князя. *Б. Ж.*

Ѳеодосій, преподобный моизенскій, подвизался въ моизенскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (Костром. губ.) почти съ начала его основанія, ум. не позже 1601 г. Въ житіи преп. Ѳерапонта сообщается, что Ѳеодосій былъ слѣпецъ и превосходилъ всю братію монастыря иноческими добродѣтелями: послушаніемъ, смиреніемъ, молитвеннымъ бодрствованіемъ, постомъ и трудолюбіемъ. Любимою ею работою, которую онъ не прерывалъ и по ночамъ и часто тайно исполнялъ за другихъ иноковъ, было приготовленіе муки на ручныхъ жерновахъ. Онъ удостоивался чудесныхъ явленій скончавшагося преп. Ѳерапонта и послѣ своей смерти являлся другимъ. Погребенъ Ѳ. въ Благовѣщенской ц. упраздненнаго моизенскаго монастыря. Память его чтится 12 декабря. Церковнаго почитанія не имѣетъ, хотя и вносится иногда въ списки святыхъ.

Филаретъ, архіеп., «Житія святыхъ», декабрь, Спб. 1900. — *Котельскій Г., свящ.*, «Сказаніе о жизни и чудесахъ пр. Ѳерапонта моизенскаго», Кострома. 1874.—*Димитрій, архіеп. твер.*, «Мѣсяцесловъ рус. святыхъ», декабрь, Кам.-Подольскъ, 1895.—*Голубинскій Е. Е.*, «Исторія канонизаціи святыхъ рус. ц.», М. 1903. *Т.*

Ѳеодосій, нареченный архіепископъ новгородскій, ум. 29 сент. 1425 г. До выбора въ архіепископы былъ, неизвѣстно — съ какого времени, игуменомъ Клопскаго м-ря подъ Новгородомъ. Изъ древняго (въ основной части почти современнаго разсказываемымъ событіямъ происхожденія) житія пр. Михаила Клопскаго видно, что пр. Михаилъ, прибывъ на Клопско при м. Фотіи и новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ II, т. е. въ промежуткѣ времени между сентябремъ 1408 г. и январемъ 1414 и г., засталъ уже тамъ игуменомъ Ѳеодосія. Лѣтопись подъ 1419 г. упоминаетъ о Ѳ—сіи, какъ клопскомъ игуменѣ и строителѣ каменной церкви св. Троицы, поставленной «въ 60 дней». По словамъ составителя житія пр. Михаила, Ѳ—сій былъ «мужъ добродѣтеленъ» и «его... паствою (управленіемъ) во обители вся добрѣ строяхуся». Повидимому, именно добрая слава настоятеля и монастыря привлекли туда и пр. Михаила, который представляется въ житіи все время находящимся въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ игуменомъ. Въ томъ же житіи находятся свѣдѣнія о помощи Ѳ—сія народу во время одного голоднаго года и о связяхъ его съ прибывшимъ въ 1419 г. въ Новгородъ княземъ Константиномъ Дмитріевичемъ (сыномъ Дмитрія Донского), который выбралъ его своимъ духовникомъ, нерѣдко посѣщалъ обитель и далъ средства на постройку въ 1419 г. упомянутой каменной Троицкой церкви. Избраніе въ архіепископы произошло въ 1421 г. послѣ 15 іюня, путемъ жребія изъ числа трехъ кондидатовъ; водвореніе на сѣняхъ архіерейскихъ палатъ—1 сентября. Ѳ—сій два года управлялъ епархіею, не будучи хиротонисанъ, и 30 авг. 1423 г. былъ насильно отстраненъ новгородцами отъ каѳедры. Въ объясненіе этого отстраненія лѣтопись говоритъ только, что «сослаша новгородци Ѳ—сія... со владычня двора въ его монастырь, глаголюще: не хотимъ шестника». Употребленіе въ примѣненіи къ Ѳ—сію въ тогдашнемъ его положеніи названія «шестникъ», означавшаго вообще правительственнаго агента исполнительнаго назначенія и въ частности разсыльнаго (=недѣльщикъ) при судебныхъ мѣстахъ, какъ бы имѣетъ въ виду указать на какую-то его политику по отношенію къ московскому правительству, которая имѣла, по мнѣнію новгородцевъ, видъ

слишкомъ предупредительнаго исполненія желаній этого правительства. Возможно, что здѣсь дѣло шло о правѣ московскихъ митрополитовъ на мѣсячный судъ въ Новгородѣ и связанныя съ нимъ судебныя пошлины, въ которомъ новгородцы давно и рѣзко отказывали митрополитамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія и поддержку вел. князя. Ѳ—сій, нуждаясь въ хиротоніи и зная, что условіемъ ея въ Москвѣ ставили возвращеніе митрополиту московскому помянутаго права, могъ попытаться сдѣлать что-нибудь для удовлетворенія московскаго домогательства. Возвращенный въ Клопской м., Ѳ—сій прожилъ всего два года.

«Новгород. лѣтоп. 1, 2, 3 и 4, изд. Археогр. Ком.»—«Сказаніе о житіи и чудесахъ преп. Михаила, почившаго въ обители Живонос. Троицы, на мѣстѣ, нариц. Клопско», Спб. 1877.—*Тихомировъ II., прот.*, «Каѳедра новгород. святителей», т. I, Новгородъ, 1891.
Н. Туб—въ.

Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, съ 1542 по 1551 гг., родился въ 1481 году, образованіе получилъ въ одномъ изъ монастырей, иноческую жизнь началъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, въ которомъ принялъ постриженіе въ монашество. Изъ Волоколамскаго монастыря перешелъ въ Хутынскій, въ которомъ съ 21 декабря 1531 года былъ игуменомъ. Въ 1539 г. былъ въ числѣ кандидатовъ на московскую митрополію, а 18 іюня 1542 г. хиротонисанъ въ архіепископа новгородскаго и 1 августа отправился на мѣсто своего новаго служенія. Здѣсь онъ зорко слѣдилъ за религіозно-нравственнымъ состояніемъ своей паствы и вообще проявлялъ кипучую дѣятельность. При немъ построенъ былъ близъ Новгорода въ 1548 г. Сырковъ монастырь, а на соборѣ 1547 г. установлено празднованіе препод. Саввѣ Вишерскому; въ 1545 г. обрѣтены мощи св. Іакова Боровичскаго. Въ 1551 г. Ѳ. участвовалъ въ Стоглавомъ Соборѣ, а въ іюнѣ того же года былъ почему-то уволенъ отъ управленія епархіей и до смерти жилъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Скончался онъ 26 февраля 1563 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду.

Извѣстны посланія его: а) игумена Хутынскаго—къ боярину Шигонѣ (1533 г.) по случаю смерти великаго князя («Истор. Акты», т. I, № 292) и къ архіеп. Макарію (1536 г.) о поспѣшеніи на епархіи для умаленія мятежа; б) архіепископа: въ Корельскую страну о крестныхъ ходахъ; печерскому игумену Корнелію о старцѣ Савватіѣ (24 февраля 1543 г.); къ царю Ивану IV о грабежахъ и убійствахъ, происходящихъ въ Новгородѣ (напечатано въ «Древней Вивліоѳикѣ», XIV часть, стр. 238); духовнымъ властямъ Устюжны Желѣзной (въ августѣ 1545 г.) за злоупотребленіе въ духовныхъ дѣлахъ («Истор. Акты», т. I, № 297); къ князю Андрею Дмитріевичу (въ сентябрѣ 1545 г.); въ Водскую пятину (8 іюня 1548 г.) объ истребленіи язычества (напечатано въ «Древней Вивліоѳикѣ», XIV, стр. 167); два благодарственныхъ посланія къ боярину; къ царю Іоанну благословенная на царство и на бракъ; къ нему же благословенная на походъ въ Казань (напеч. въ «Древн. Вивл.», XIV, стр. 263) и посланіе умирающаго ко всѣмъ христіанамъ. Всѣ эти посланія находятся въ рукописи Волоколамской (Толстого, т. II, № 341). Въ музеѣ Румянцева есть еще его посланіе отъ 30 іюля 1550 г. Краткій лѣтопис., подписанный его рукою въ 1543 г., находится въ синодальной библіотекѣ, № 253.

Г. Кунцевичъ, «Подлинный списокъ о новыхъ чудотворцахъ къ Ѳеодосію, архіеп. Новограда и Пскова» («Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ», 1910 г., кн. I, стр. 252—257).—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи новгородской епархіи», 1897 г., Новгородъ, стр. 31—32.—*Филаретъ Гумилевскій*, «Обзоръ русск. дух. лит.» Спб., 1884 г., изд. 3, стр. 157.
Р.

Ѳеодосій, преподобный, игуменъ печерскій, былъ уроженецъ города Василева (нынѣ Васильковъ, уѣздный городъ въ 35-ти верстахъ отъ Кіева). Свѣдѣнія о немъ имѣемъ изъ лѣтописи и изъ житія его, написаннаго Несторомъ, лѣтописцемъ, вскорѣ послѣ его смерти въ 1094 г. Житіе это извѣстно по рукописямъ отъ XII до XVI в. и написано, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, со словъ келаря Ѳеодора, знавшаго обстоятельства жизни преподобнаго со словъ его матери. Ѳ. происходилъ изъ родовитой семьи, родился около 1008 года, и въ раннемъ дѣтствѣ съ родителями, по приказанію князя, переселился въ Курскъ, гдѣ его отецъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тіуновъ у курскаго намѣстника. Здѣсь онъ началъ учиться грамотѣ и пристрастился къ чтенію. Такъ какъ литература того времени была преимущественно духовнаго содержанія, то у Ѳ-сія рано стало проявляться религіозное настроеніе, развитію котораго,

вѣроятно, способствовалъ и его отецъ, такъ какъ Ө. впослѣдствіи, въ своемъ поученіи «о вѣрѣ латинской», вспоминаетъ завѣты отца—умереть за свою вѣру. Такимъ образомъ еще въ раннемъ возрастѣ Ө. былъ проникнутъ религіознымъ духомъ. Со смертью отца, котораго онъ лишился 13-ти лѣтъ, его религіозность еще усилилась. Узнавъ изъ книгъ или наслушавшись разсказовъ о святой землѣ, онъ захотѣлъ самъ побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Спаситель, и уговорилъ какихъ-то богомольцевъ, отправляющихся туда, взять и его съ собой. Мать нагнала Ө-сія въ дорогѣ, жестоко избила его и заковала въ цѣпи, чтобы онъ не могъ бѣжать. Оставшись въ Курскѣ, Ө. велъ самый скромный образъ жизни, одѣвался въ простыя одежды, работалъ вмѣстѣ съ рабами, часто ходилъ въ церковь; а такъ какъ иногда церковная служба не совершалась за отсутствіемъ просфоръ, Ө. сталъ печь просфоры. Мать преслѣдовала его и за это. Тогда Ө. ушелъ въ сосѣдній городъ и поселился у священника, но мать опять нашла его и вернула домой. Юношу взялъ къ себѣ властелинъ города (вѣроятно, княжескій намѣстникъ въ Курскѣ), позволивъ ему жить при своей домовой церкви. Ө. и тутъ продолжалъ свой аскетическій образъ жизни и наложилъ на себя оковы. Мать его, случайно узнавъ объ этомъ, жестоко избила его. Тогда Ө. рѣшилъ бѣжать въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Дороги онъ не зналъ, однако съ большимъ трудомъ все-таки добрался туда. Въ Кіевѣ его не приняли ни въ одинъ изъ монастырей вслѣдствіе его бѣдности и, вѣроятно, крайней молодости. Тогда онъ пошелъ къ Антонію, который, послѣ долгихъ предупрежденій о трудностяхъ монастырской жизни, видя непреклонность юноши, велѣлъ Никону постричь его; это было, по нѣкоторымъ источникамъ, въ 1032 году, на 24-мъ году отъ рожденія. Тогда же ему было дано имя Өеодосія. Мать только черезъ 4 года узнала о мѣстонахожденіи ея сына. Она пріѣхала въ Кіевъ, добилась черезъ Антонія свиданія съ Ө-сіемъ, но не могла уговорить его вернуться домой, и, чтобы не разлучаться съ нимъ, сама приняла монашество въ монастырѣ св. Николая (на такъ называемой Аскольдовой могилѣ). Въ 1054 г. Ө. былъ рукоположенъ въ іеромонаха.

Мало-по-малу число иноковъ увеличивалось, и обитель разросталась. Въ 1056 году игуменомъ Варлаамомъ была построена надъ пещерою церковь во имя Богородицы, а въ 1062 г. сооруженъ Ө-сіемъ на близъ лежащей горѣ и монастырь съ кельями. Братія изъ пещеръ переселилась въ кельи, а монастырь сталъ называться Печерскимъ, старѣйшій изъ всѣхъ м-рей русскихъ. Сохранившіяся до настоящаго времени пещеры иноковъ извѣстны подъ именами Өеодосіевыхъ, или Дальнихъ пещеръ, въ отличіе отъ Ближнихъ—Антоніевыхъ. Ө. превосходилъ другихъ своимъ подвижничествомъ и неутомимостью въ трудахъ: онъ всѣмъ служилъ, таскалъ дрова, носилъ воду. Въ монастырѣ всѣ жили ручной работою и на вырученныя деньги покупали себѣ муку, притомъ каждый долженъ былъ самъ смолоть свою часть; когда кто-либо уставалъ, Ө. мололъ за него. Онъ былъ неутомимъ также въ церковной службѣ. Поэтому, когда въ 1057 году Варлаамъ, по желанію князя, былъ переведенъ игуменомъ въ монастырь св. Дмитрія, на его мѣсто Антоній назначилъ Ө-сія, избраннаго всей братіей, несмотря на то, что тогда онъ былъ еще очень молодъ. Принявъ игуменство, Ө., по словамъ лѣтописца, «поча имѣти воздержаніе и велико пощеніе и молитвы со слезами» и дѣятельно принялся за устроеніе монастыря. Онъ выказалъ въ высшей степени талантъ устроителя и умѣлъ дѣйствовать на братію своимъ примѣромъ, а главное своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Получивъ отъ Варлаама монастырь съ 20 чел. иноковъ, онъ «совокупляти нача многи черноризьцы» и въ короткое время собралъ въ монастырѣ до 100 братій. Такъ какъ прежнія пещеры не могли вмѣстить такого количества иноковъ, онъ выстроилъ большую церковь во имя Богородицы, недалеко отъ пещеръ, и построилъ новыя кельи, обнесъ все оградой и переселился туда съ братіей. Для устроенія общежитія онъ «ustави въ монастыри своемъ, какъ пѣнья пѣти монастырскія и поклонъ какъ держати и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, и на трапезѣ сѣданье, и что ѣсти въ кія дни, и все со уставленіемъ», воспользовавшись для этого уставомъ греческаго Студійскаго монастыря, въ Константинополѣ, славившагося своимъ подвижничествомъ и ревностью къ

православію во время иконоборства. Уставъ этотъ былъ введенъ съ нѣкоторыми отступленіями отъ греческой практики. Онъ былъ строго общежительный, исключалъ все свое и особое и предполагалъ все общее, монастырское. Избраны были разныя должностныя лица, и всѣ иноки раздѣлены на четыре степени. Иноки должны были довольствоваться общей трапезой и имѣть одинаковую одежду; все имущество у братіи должно было быть общее; время проводилось въ непрестанныхъ трудахъ, главное требованіе—безпрекословное подчиненіе волѣ игумена. Послѣднее Ѳ. ставилъ выше поста и молитвы, выше воздержанія и изнуренія плоти. Всякое нарушеніе устава и воли игумена строго наказывалось. Строгій къ другимъ въ требованіи исполненія устава, Ѳ. былъ безпощаденъ и къ себѣ и подавалъ примѣръ всей братіи своей подвижнической дѣятельностью. Онъ надѣвалъ прямо на тѣло волосяную жесткую рубашку, а сверху худую свитку; никогда не мылъ своего тѣла, а умывалъ однѣ руки; изъ за бѣдной одежды его часто смѣшивали съ простыми иноками, не подозрѣвая, что онъ игуменъ. Жилъ онъ въ уединенной глухой пещерѣ и часто уходилъ въ нее на долгое время. Часто, проработавъ цѣлый день, онъ не зналъ покоя и ночью; если спалъ, то только сидя; если же не спалъ, то молился, обходилъ кельи иноковъ, слѣдя за исполненіемъ монастырскихъ правилъ, а иногда уходилъ въ Кіевъ и тамъ проводилъ время у городскихъ воротъ въ горячемъ спорѣ съ евреями, стараясь ихъ убѣдить въ превосходствѣ христіанства надъ іудействомъ. Важно для характеристики Ѳ-сія и то, что онъ, хотя и вмѣнялъ себѣ въ обязанность борьбу съ католичествомъ и іудействомъ, однако въ несчастьяхъ убѣждалъ помогать своимъ ближнимъ, независимо отъ ихъ религіи. Онъ устроилъ близъ монастыря домъ для странниковъ, неимущихъ и убогихъ и на содержаніе его давалъ десятую часть монастырскихъ доходовъ; кромѣ того, разъ въ недѣлю, по субботамъ, посылалъ хлѣбы въ тюрьму заключеннымъ. Стекавшіяся приношенія Ѳ. никогда не копилъ въ монастырѣ, а раздавалъ неимущимъ. Онъ никогда не упускалъ случая помочь кому-нибудь своимъ совѣтомъ или заступничествомъ передъ княземъ, или кѣмъ-нибудь изъ власть имущихъ, пользуясь тѣмъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ. Преп. Ѳ-сію принадлежитъ честь правильной организаціи монашества на Руси, и онъ называется начальникомъ общаго монашескаго житія въ Россіи. Время монашества Ѳ-сія совпало съ смутнымъ временемъ на Руси, когда междоусобія князей были въ полномъ разгарѣ. Въ эту эпоху духовенство имѣло важное значеніе, принимая дѣятельное участіе въ событіяхъ, въ примиреніи князей и въ утишеніи народныхъ волненій; такъ, Ѳ. печерскій вмѣстѣ съ бѣлгородскимъ епископомъ Ѳеодоромъ были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ и князьями черниговскими. Великій князь Изяславъ былъ близкимъ другомъ препод. Ѳ-сія. Когда князь Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева и лишенъ великокняжескаго стола Святославомъ, Ѳ. порицалъ послѣдняго и въ своемъ посланіи уподоблялъ Святослава Каину, убившему Авеля, за что этотъ князь хотѣлъ сослать его въ изгнаніе. Эта угроза не устрашила Ѳ-сія, отвѣтившаго, что изгнаніе будетъ для него лучшей участью, а терять ему нечего. Впослѣдствіи, однако, онъ примирился съ Святославомъ, хотя въ своемъ монастырѣ всегда поминалъ на ектеніяхъ сперва Изяслава, какъ великаго князя, а затѣмъ уже Святослава, въ видѣ снисхожденія.

По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Ѳ. былъ хорошій проповѣдникъ. Съ именемъ Ѳ-сія связывается нѣсколько поученій, посланій и т. п. литературныхъ произведеній, которыя сдѣлались извѣстны не особенно давно. Но, по словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ древне-русской письменности, Н. К. Никольскаго, изъ всѣхъ поученій (за исключеніемъ пяти), посланій, молитвъ и сказаній, подписываемыхъ именемъ Ѳ-сія, въ настоящее время едва-ли можно отмѣтить хотя бы одно, которое не возбуждало бы серьезнаго сомнѣнія въ своей подлинности («Матеріалы для поврем. списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.). Спб. 1906, стр. 160. Въ упомянутыхъ пяти поученіяхъ къ братіи Ѳ. касается различныхъ сторонъ жизни общественной и монастырской и заботится объ искорененіи различныхъ недостатковъ и пороковъ, большею частію пережитковъ язычества, и о водвореніи истиннаго христіанства. Свои мысли Ѳ. излагаетъ въ сильныхъ, ярко очерченныхъ образахъ, которые придавали

особенную силу его произведеніямъ; по языку они вполнѣ доступны пониманію иноковъ и простого народа, къ кому главнымъ образомъ и обращались. Эти 5 поученій Ө-сія къ инокамъ въ полномъ видѣ слѣдующія: первое и второе—о терпѣніи и любви и постѣ, третье—о терпѣніи и милостыни, четвертое—о смиреніи и пятое—о хожденіи въ церковь и о молитвѣ. Кромѣ того, ему приписываютъ четыре такъ называемые отрывка поученія къ инокамъ и мірянамъ—о пользѣ душевной и одно поученіе къ келарю. Въ этихъ своихъ поученіяхъ къ инокамъ Ө. обличаетъ ихъ за лѣность къ богослуженію, несоблюденіе правилъ воздержанія, собираніе имѣнія въ кельѣ, недовольство общей одеждой и пищей, ропотъ на игумена за то, что на монастырскія деньги онъ помогаетъ неимущимъ и странникамъ. Въ нихъ выражается взглядъ его на монаха, имѣющій много общаго со взглядомъ Өеодора Студита и, вѣроятно, у него заимствованный: монахъ отказался отъ міра, отъ естественныхъ стремленій человѣческой природы, отсюда вся иноческая жизнь есть борьба противъ міра, противъ своихъ желаній, стремленій, помысловъ. Монахъ—воинъ; врагъ инока—бѣсъ, всевозможнѣйшимъ образомъ дѣйствующій на монаха; оружіе—смиреніе, послушаніе, постъ, молитва, псалтирь Давидова и проч. Далѣе, извѣстны еще 2 поученія къ народу, связанныя съ именемъ Ө-сія («О казняхъ Божіихъ» и «О тропарныхъ чашахъ»). Въ первомъ изъ нихъ, указывая на то, что различныя общественныя бѣдствія, какъ-то: голодъ, болѣзни, нашествіе непріятеля и т. п. являются слѣдствіями грѣховъ, Ө. горячо осуждаетъ различные остатки языческихъ повѣрій въ народѣ и господствующіе пороки времени—грабежи, своекорыстіе, мздоимство, пьянство; другое же поученіе его направлено противъ пьянства. Затѣмъ имѣются еще 2 посланія его къ князю Изяславу, въ отвѣтъ на его вопросы («О вѣрѣ хрестьянской и о латинской» и «О закланіи животныхъ въ воскресеніе и о постѣ въ среду и пятницу»). Въ первомъ изъ этихъ посланій исчисляются отступленія отъ православія и обычаи латинянъ, запрещается всякое съ ними общеніе и строго осуждается вѣротерпимость: «кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ свою хулитъ, а кто хвалитъ и свою вѣру и чужую разомъ—тотъ двоевѣрецъ»; во второмъ посланіи вопросъ о постѣ рѣшается согласно съ Студійскимъ уставомъ. Кромѣ всѣхъ этихъ произведеній, препод. Ө-сію приписываются 5 молитвъ: одна «за вся христіаны», или молитва о вѣрныхъ, другая, написанная по просьбѣ варяга, именемъ Шимана (Симона), такъ называемая разрѣшительная молитва (послѣдняя, по извѣстію Симеона, епископа Владимірскаго, въ его время влагалась въ руки всякому умирающему); третья такъ назыв. «молитва св. Ивана Златоустаго ко Господу о согрѣшеніяхъ» и еще двѣ вновь открытыя въ Печерскомъ Патерикѣ—«о стадѣ своемъ», т. е. объ инокахъ, и молитва преп. Өеодосія предъ своею кончиною («Изв. Отд. русск. яз. и сл. Имп. А. Н.», 1912 г.).

Уже незадолго до кончины Ө-сія было положено основаніе новой каменной церкви во имя Богородицы. Мѣсто для нея было выбрано черезъ оврагъ отъ прежняго монастыря, близъ второй пещеры Антонія, гдѣ онъ скончался. Средства на первый разъ были доставлены варягомъ Шимономъ, или Симономъ. Церковь была заложена въ 1073 г. Ө-сіемъ и епископомъ Михаиломъ. Великій князь Святославъ самъ рылъ ровъ для закладки церкви и сдѣлалъ довольно крупное денежное пожертвованіе. Вообще многіе богатые люди жертвовали на церковь вклады, волости и села. Но Ө-сію не удалось дожить до построенія храма. 3 мая 1074 года, какъ ему было открыто Богомъ, онъ скончался отъ непродолжительной болѣзни, вызванной, вѣроятно, непосильными трудами въ уединенной пещерѣ и продолжительнымъ постомъ передъ Пасхой. Преданіе говоритъ, что передъ смертью Ө. просилъ Святослава, чтобы Печерская обитель была освобождена отъ власти князей и владыкъ, и Печерскій монастырь долго пребывалъ независимой общиной. Преподобный Ө. погребенъ въ той самой пещерѣ, гдѣ подъ руководствомъ Антонія началъ свои подвиги. Открытіе мощей преподобнаго послѣдовало въ 1091 году. Память его празднуется 3 мая и 14 августа. Въ 1089 году церковь, заложенная Ө-сіемъ, была освящена и къ ней переведенъ былъ монастырь, а прежній пещерный монастырь сталъ теперь усыпальницей умершихъ иноковъ.

А. Сливницкій, «Полное житіе преп. отца нашего Өеодосія, игумена Печерскаго».

Изд. 3. М. 1903.—«Жизнь препод. и богоносн. отца нашего Ѳеодосія Печерскаго» М. 1886, 1888, 1896, 1898 гг. Одесса. 1900 г. Кіевъ 1904 г.—«Житіе препод. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и ихъ сподвижниковъ». Изд. 4. М. 1903 г.—*К. В. Харламповичъ*, «О молитвахъ препод. Ѳеодосія Печерскаго» («Изв. Отд. русск. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ» 1912 г., т. XVII, кн. 2).—*Костомаровъ*, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, томъ I. Господство дома св. Владиміра. X—XVI столѣтіе. Ѳеодосій Печерскій. 4-е изд. 1896 г., стр. 21.—*Н. Н. Полевой*, «Исторія русской словесности, т. I, стр. 58.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. 1893 г., кн. I, стр. 255, 256, 410, 735, 736, 748, 749, 753, 754.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 69, 78, 79, 80; т. II, стр. 266, 274; т. III, стр. 2, 122, 210; т. V, стр. 139.—«Ученыя Записки Академіи Наукъ», 1856 г., кн. II, вып. 2, стр. 129—224.—*Шевыревъ*, «Исторія русской словесности», Спб., 1887 г.; изд. 3. Часть II, лекція 6, стр. 15.—*Макарій*, митр. Московскій, «Исторія русской церкви» 1889 г., Спб., т. II, глава II. Кіево-Печерскій монастырь и др. обители, стр. 39, 42—73.—*Голубинскій*. «Исторія русской церкви» 1901 г., т. I, глава 6, стр. 452.—*Петровъ*, «Русская историческая хрестоматія». Спб., 1866 г., стр. 43.—*Буслаевъ*, «Русская хрестоматія». М. 1901 г., стр. 18, 48.—*Погодинъ*, «Св. игуменъ Ѳеодосій» («Москвитянинъ», 1850 г., декабрь, № 23, стр. 169).—«Одесскій воскресный листокъ», 1876 г., № 18, стр. 277—280.—«Другъ Народа», 1867 г., № 11, стр. 330; № 15, стр. 451—453; № 16, стр. 482—484; № 17, стр. 505—511; № 19, стр. 561—564; № 21, стр. 606—608; № 23, стр. 661—665.—*Катаевъ*, «Очеркъ исторіи русской церковной проповѣди» («Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости»), 1874 г., № 24 (приложенія), стр. 1—186.—«Очерки древне-русскаго народнаго проповѣдничества». Прибавленіе къ «Тульскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ», 1873 г., № 15, стр. 87—98; № 18, стр. 199—206; № 21, стр. 316—320; 1874 г., № 3, стр. 75—81.—«Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ россійской церковью», стр. 249—250.—«Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», т. II, стр. 283—284.—*Д. И. Абрамовичъ*, «Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ», Спб., 1902 г.—*А. А. Шахматовъ*, «Нѣсколько словъ о Несторовомъ житіи св. Ѳеодосія, Спб. 1896 г.—*Н. К. Никольскій*, «Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.). Спб. 1906 г.—Описаніе рукописей, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода, т. II, вып. 2.—*Прот. Ѳ. Титовъ*, «Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской Лавры». Кіевъ, 1911 г.

М. З.

Ѳеодосій, епископъ полоцкій. Хиротонисанъ въ 1392 г. Воскресенская лѣтопись подъ 1392 г. повѣствуетъ, что «Кипріанъ митрополитъ постави Полотску епископа Ѳеодосія». Въ отступной записи 6 октября 1406 г. упоминается «владыка Ѳеодосій Полоцкій». Въ Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1415 г. упоминается «Ѳеодосій Полочскій»; въ Лѣтописи вел. кн. Литовскихъ подъ 1416 г. упоминается «Ѳеодосій Полоцкій Гричинъ». По кончинѣ митрополита Кипріана въ 1406 г., великій князь литовскій Витовтъ отправилъ «архіепископа Ѳеодосія» въ Константинополь, чтобы онъ получилъ отъ патріарха санъ митрополита. Патріархъ не согласился на это и назначилъ митрополитомъ всей Руси Фотія. Недовольный этимъ, Витовтъ въ 1416 г. созвалъ въ Новгородкѣ соборъ епископовъ своихъ областей, подъ предсѣдательствомъ того же Ѳ-сія, которые избрали и посвятили на кіевскую митрополію Григорія Цамвлака. Послѣ 1416 г. упоминаній о Ѳ-сіи не найдено.

И. Чистовичъ, «Очеркъ исторіи западно-русской церкви», ч. I, Спб., 1882 г.—«Могилевская епархія, историко-статистич. описаніе», т. I, вып. I (992—1633 г.). Могилевъ на Днѣпрѣ, 1905 г.—«Витебская Старина», т. V, ч. I (тутъ же въ предисловіи *А. Сапунова* объ епархіи и іерархахъ Полоцкихъ указаны и пособія.

Б. Ж.

Ѳеодосій, епископъ рязанскій и муромскій, поставленъ изъ архимандритовъ Чудова монастыря 8 декабря 1471 г. Въ Чудовѣ м-рѣ былъ, вѣроятно, преемникомъ архим. Димитрія, который упоминается въ двухъ актахъ, предположительно относимыхъ къ 1460—62 г.г. О дѣятельности его извѣстно лишь, что 1 іюля 1472 г. онъ принималъ участіе въ перенесеніи мощей св. м. Петра въ новый Успенскій соборъ, въ декабрѣ того же года участвовалъ въ Москвѣ въ хиротоніи архіепископа новгородскаго Ѳеофила и съ апрѣля по іюнь 1473 г. былъ дѣйствующимъ лицомъ на соборѣ, избравшемъ м. Геронтія, и въ послѣдовавшихъ затѣмъ водвореніи избраннаго на митрополичьемъ дворѣ и его хиротоніи. Въ 1482 г. «остави епископью, бѣ бо болѣнъ, и сниде въ келью». Повидимому, еще въ 1481 г. онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ управленія епархіею, ибо въ августѣ этого года въ Москвѣ былъ хиротонисанъ преемникъ ему, еп. Симеонъ. Кажется, къ послѣднимъ годамъ епископства Ѳ-сія слѣдуетъ относить данную имъ м. Геронтію и всему освященному собору, «немощи своея дѣле», повольную грамоту, въ которой онъ обязы-

вается признавать и исполнять всѣ распоряженія митрополита и собора, принятыя безъ его, епископа, участія. Годъ смерти Ѳ. неизвѣстенъ; погребенъ онъ въ рязанской ц. Архангела Михаила.

«Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», т.т. IV, VI и VIII.—*Діевъ М., прот.*, «Рязанскіе епископы», в. 2, М. 1891 (изд. А. А. Титова).—«Рус. Историч. Библ.», т. VI, ч. 1, изд. 2-е СПБ. 1908.

Н. Т.

Ѳеодосій, архіепископъ смоленскій въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Поставленъ неизвѣстно когда. Впервые упоминается въ соборной настольной грамотѣ п. Іова м. новгородскому Варлааму 6 марта 1592 г., какъ участникъ въ соборномъ избраніи и поставленіи послѣдняго. Затѣмъ имя его приводится только въ царской грамотѣ 22 декабря 1596 г., гдѣ указывается на его участіе въ церковномъ торжествѣ при закладкѣ въ Смоленскѣ каменной городской стѣны, подъ утвержденной грамотой земскаго собора 1598 г., созваннаго для избранія на царство Бориса Годунова, и въ «лѣствицѣ о соборныхъ властѣхъ, кои были въ 107 г. (1599 г.) на соборѣ у Иева патріярха на Москвѣ». Весьма вѣроятно, что онъ же разумѣется подъ тѣмъ «архіепископомъ смоленскимъ», который упоминается въ актахъ присутствующимъ на бракосочетаніи Димитрія Самозванца съ Мариною Мнишекъ 8 мая 1606 г. и предназначается церемоніаломъ вѣнчанія на царство Василія Шуйскаго подавать царю при коронованіи 1 іюня 1606 г. царскія регаліи.

«Дополн. къ Акт. Истор.», т. I.—«Акты Археогр. Э», т.т. I и II.—«Рос. Вивліоѳ.», т. VII.—*Устряловъ*, «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», СПБ. 1837, т. II.—«Лѣстница о соборныхъ властѣхъ собора 1599 г.» («Чт. И. О. Ист. и Др.», 1912 г., кн. 2).

Н. Т.

Ѳеодосій, туровскій епископъ около 1390 г. Въ Львовской лѣтописи подъ этимъ годомъ повѣствуется: «приде на Москву Кипреянъ мотрополитъ...; пріидоша же съ нимъ... епискупы Рустіи... на Туровъ Ѳеодосій» (Пол. собр. рус. лѣтописей, т. 20, Спб., 1910 г., ст. 210). Въ Никоновской лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ находимъ: «тоя же зимы предъ великимъ заговѣніемъ поиде Кипріанъ, митрополитъ всея Русіи изъ Кіева на Москву;.. тогда же вси епископи Рустіи пріаша кождо свою епископью, пришедше... на Туровъ Ѳеодосій епископъ» (тамъ же, т. XI, Спб., 1897 г., ст. 122).

Б. Ж.

Ѳеодосій (*Углицкій*), святый архіепископъ черниговскій. Годъ и мѣсто рожденія святителя точно не извѣстны, однако съ большой вѣроятностью можно признать, что онъ родился въ началѣ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія въ заднѣпровской украйнѣ—нынѣшней Подольской губерніи; происходилъ онъ изъ древняго дворянскаго рода Полоницкихъ—Углицкихъ. Родителями Ѳ-сія были іерей Никита и жена его Марія. Повидимому, въ родѣ святителя было много лицъ духовнаго званія, даже иноковъ, и еще въ семьѣ своей онъ получилъ задатки того религіознаго чувства и благочестія, которыя проявилъ впослѣдствіи. Объ отроческихъ и юношескихъ годахъ святителя сохранилось тоже очень мало свѣдѣній; извѣстно только, что онъ былъ «кроткимъ и послушнымъ». Образованіе Ѳ. получилъ въ Кіево-Братской коллегіи, находившейся при кіевскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія,—время самаго расцвѣта коллегіи, когда ректорами ея были: сначала Иннокентій Гизель, потомъ Лазарь Барановичъ, а въ числѣ наставниковъ—Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій (до 1649 г.), Ѳеодосій Баевскій, Ѳеодосій Сафоновичъ и Мелетій Дзикъ, лица, которыя считались просвѣщеннѣйшими людьми того времени въ Россіи. Изъ товарищей Ѳ-сія по коллегіи многіе впослѣдствіи сдѣлались весьма извѣстными въ нашей духовной литературѣ, таковы: Симеонъ Полоцкій, Іоанникій Голятовскій, Антоній Радивилловскій, Варлаамъ Ясинскій и др. Такимъ образомъ окружающая среда въ кіевской коллегіи была весьма благопріятна для развитія Ѳ-сія. Не безъ основанія можно полагать, что святитель не окончилъ полнаго курса коллегіи, такъ какъ она послѣ разоренія Кіево-Подола поляками совершенно опустѣла и на нѣсколько лѣтъ прекратила свои учебныя занятія. Новѣйшій историкъ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ полагаетъ, что Ѳ., не окончивъ ученія въ коллегіи, отправился вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ясинскимъ и другими товарищами въ заграничныя школы. Такимъ образомъ можно думать, что Ѳ. получилъ высшее и лучшее по тому времени образованіе, которое должно было содѣйствовать полному раз-

витію всѣхъ дарованій его души. Онъ всю жизнь былъ признателенъ воспитавшему его Кіево-Братскому монастырю, что и выражалъ на дѣлѣ щедрыми пожертвованіями. Въ синодикѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря сдѣлано слѣдующее замѣчаніе о святомъ Ѳ-сіи: «былъ онъ мужъ благоразуменъ и благотворящъ Кіевскому Братскому монастырю».

Ѳ. отличался своей набожностью и благочестіемъ и по окончаніи образованія вскорѣ принялъ монашество въ Кіевской лаврѣ съ именемъ Ѳеодосія (мірское имя его неизвѣстно). Съ принятіемъ иночества, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XVII в. начинается служебная дѣятельность Ѳ-сія, которую онъ началъ архидіакономъ Кіево-Софійскаго собора, будучи поставленъ на эту должность кіевкимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ; это могло быть не позже 1658 года, такъ какъ въ этомъ году Діонисій Балабанъ удалился изъ Кіева въ Чигиринъ; послѣ его удаленія Ѳ. былъ назначенъ намѣстникомъ митрополичьяго каѳедральнаго дома. Но вскорѣ «влекомый любовью къ подвигамъ благочестія», онъ оставилъ Кіевъ и поселился въ отдаленномъ и небольшомъ Крутицкомъ монастырѣ, возлѣ мѣстечка Батурина (въ нынѣшней Черниговской губерніи). Здѣсь мы видимъ его уже въ санѣ іеромонаха. Затѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., вѣроятно около 1661 года, онъ былъ назначенъ игуменомъ Корсунскаго монастыря Кіевской епархіи (въ Каневскомъ уѣздѣ). О дѣятельности Ѳ-сія, какъ игумена Корсунскаго монастыря, не сохранилось никакихъ извѣстій; дѣятельность его была направлена главнымъ образомъ на внутреннее устройство монастыря. Тамъ онъ пробылъ недолго, и въ 1664 году получилъ новое назначеніе — настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря на мѣсто скончавшагося игумена Климента Старушица. Эта обитель незадолго передъ тѣмъ находилась въ рукахъ уніатовъ, или вѣрнѣе поляковъ-католиковъ, и была отобрана отъ нихъ въ совершенно разоренномъ видѣ. Но Ѳ-сію удалось, благодаря энергіи и настойчивости, привести Выдубицкій Михайловскій монастырь къ должному внутреннему и внѣшнему благоустройству. Прежде всего, при содѣйствіи малороссійскаго гетмана Дорошенки, онъ постарался закрѣпить за монастыремъ прежнія владѣнія, въ урочищахъ Калиновщинѣ, Калнемъ лугѣ, Гнилещинѣ и Лѣснакахъ, чтобы оградить ихъ отъ притязаній сосѣдей, и даже исходатайствовалъ новыя земли для своего монастыря. Затѣмъ по его ходатайству московскими государями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами выдана была Кіево-Выдубицкому монастырю (отъ 18 февраля 1685 года) жалованная грамота, которою дозволялось черезъ каждыя пять лѣтъ присылать въ Москву чернецовъ для сбора подаянія и испрошенія царской милости; въ томъ же году монастырю была дана особо щедрая царская милость. Святитель не мало заботился также и о внутреннемъ благоустроеніи обители, въ особенности объ устроеніи церковнаго благолѣпія; такъ, онъ образовалъ въ своемъ монастырѣ прекрасный хоръ, который славился не только въ Малороссіи, но и въ Москвѣ, куда Ѳ. въ 1685 году, по запросу оттуда, высылалъ своихъ пѣвчихъ, очевидно, въ качествѣ устроителей пѣнія. Заботясь о развитіи подвижнической жизни въ обители, игуменъ Ѳ., самъ строгій подвижникъ, устроилъ въ 1680 году на монастырской землѣ, недалеко отъ обители, на островѣ Михайловщинѣ (Мозырскаго уѣзда) небольшой скитъ для братій, желавшихъ уединенія и иноческой жизни, назначивъ устроителемъ и намѣстникомъ его одного изъ строгихъ подвижниковъ своей обители іеромонаха Іова Опалинскаго. Въ бытность Ѳ-сія игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря ему пришлось пережить тяжелые дни, именно онъ, вмѣстѣ съ другими игуменами, былъ обвиненъ Меѳодіемъ, епископомъ мстиславскимъ и оршанскимъ, въ измѣнѣ русскому правительству и въ перепискѣ съ измѣнниками Россіи. Ѳ-сію въ 1668 году (20 сент.) пришлось давать свои объясненія по этому дѣлу; впрочемъ 17 ноября 1668 года клевета Меѳодія была обнаружена, и Ѳ., вмѣстѣ съ другими игуменами, получилъ милостивую грамоту царя Алексѣя Михайловича. Но вскорѣ на долю преподобнаго Ѳ-сія выпало вынести новую непріятность—дѣло шло о спорныхъ земляхъ между Выдубицкимъ монастыремъ и Печерской обителью, при чемъ сторону Печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля принялъ архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ. За ревность Ѳ-сія въ отстаиваніи монастырскихъ земель на него

было наложено временно «запрещеніе въ священнослуженіи», чтобы такимъ образомъ, лишивъ его временно власти, добиться отъ него удовлетворенія требованій Гизеля. Чѣмъ кончилось это дѣло, достовѣрно неизвѣстно. Однако впослѣдствіи Лазарь Барановичъ оцѣнилъ высокія душевныя качества Ө-сія и приблизилъ его къ себѣ; онъ называлъ его «овцой стада Христова, научившейся покорности», и пророчески желалъ, чтобы имя Ө-сія было написано на небесахъ. Когда въ 1679 году Лазарь Барановичъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи, онъ назначилъ Ө-сія своимъ намѣстникомъ въ Кіевѣ, а самъ оставался въ Черниговѣ. Въ качествѣ намѣстника мѣстоблюстителя кіевской митрополіи Ө. принималъ дѣятельное участіе во многихъ церковныхъ дѣлахъ того времени. Такъ, въ 1685 году онъ участвовалъ въ качествѣ первостепеннаго дѣятеля въ избраніи епископа Гедеона, бывшаго князя Четвертинскаго, кіевскимъ митрополитомъ и вмѣстѣ съ Іеронимомъ Дубиною, игуменомъ переяславскимъ, въ томъ же 1685 году былъ посланъ въ Москву съ извѣщеніемъ объ избраніи. Въ Москвѣ оба представителя посольства, игумены — выдубицкій и переяславскій—были приняты, какъ «люди заслуженные малоросійской церкви». Результатомъ этого посольства, какъ извѣстно, было присоединеніе южнорусской церкви къ Московскому патріаршеству.

Служеніе св. Ө-сія Углицкаго въ званіи игумена Выдубицкаго монастыря продолжалось до 1688 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ архимандритомъ черниговскаго Елецкаго монастыря на мѣсто умершаго Іоанникія Голятовскаго, и съ этого времени вся дѣятельность святителя переносится изъ Кіева въ Черниговъ. Новое назначеніе состоялось, главнымъ образомъ, по желанію Лазаря Барановича, который хотѣлъ пользоваться помощью Ө-сія въ Черниговѣ такъ же, какъ онъ пользовался ею во время завѣдыванія дѣлами кіевской епархіи. Ө-сію пришлось не мало потрудиться надъ внѣшнимъ и внутреннимъ благоустройствомъ черниговской Елецкой обители, такъ какъ монастырь этотъ, еще не успѣвшій оправиться послѣ опустошенія его іезуитами и доминиканцами, былъ весьма бѣденъ и неустроенъ. Трудами Ө-сія при помощи нѣкоторыхъ сочувствовавшихъ ему лицъ, напримѣръ кіевскаго полковника Константина Старушица, гетмана малороссійскаго Мазепы и др., удалось достигнуть въ продолженіе двухъ—трехъ лѣтъ для Елецкой обители благосостоянія, вполнѣ обезпечивавшаго ея существованіе, притомъ святитель сумѣлъ, благодаря тому уваженію, которымъ онъ пользовался среди населенія, привлечь щедрыя пожертвованія въ монастырь. Святитель и въ новой своей должности оказывалъ свое содѣйствіе Лазарю Барановичу во всѣхъ важныхъ событіяхъ того времени. Онъ участвовалъ въ составленіи отвѣта отъ Лазаря Барановича и отъ совѣта, созваннаго митрополитомъ кіевскимъ Гедеономъ, кіевскихъ архимандритовъ, игуменовъ и іеро-монаховъ, московскому патріарху Іоакиму на его вопросныя грамоты объ отношеніи малорусской церкви къ Флорентійскому собору и вопросу о времени пресуществленія св. Даровъ, поднятому на этомъ соборѣ. Когда же патріархъ не удовлетворился этими отвѣтами, и въ Москву въ началѣ 1689 года былъ посланъ игуменъ батуринскій Дмитрій Туптало, Ө. ѣздилъ съ нимъ въ качествѣ представителя отъ Лазаря Барановича. Ему поручено было передать патріарху отвѣтное письмо и выяснить недоразумѣнія, которыя существовали между Москвою и Малороссіею. Это порученіе, возложенное на Ө-сія, должно было указать на него, какъ на лицо, достойное занятія высшей должности, и, въ самомъ дѣлѣ, Ө., въ годы своего управленія Елецкой обителью, нѣсколько разъ былъ представляемъ на различныя духовныя должности; въ 1690 году, по смерти кіевскаго митрополита Гедеона, онъ былъ 3-имъ кандидатомъ на каѳедру кіевскаго митрополита. Когда же митрополитомъ сдѣлался Варлаамъ, архимандритъ Печерскаго монастыря, Ө. предназначался на мѣсто печерскаго архимандрита.

Святитель Ө. являлся дѣятельнымъ помощникомъ черниговскаго архіепископа по управленію обширной Черниговской епархіей, ему поручено было завѣдываніе экономическими, а частью и епархіальными дѣлами архіерейскаго дома. Къ этому времени архіепископу Лазарю было уже около 90 лѣтъ и, чувствуя, что управленіе такой обширной епархіей ему не по силамъ, онъ въ концѣ 1691 г., съ согласія гетмана Мазепы, послалъ въ Москву Ө-сія съ просьбой

объ утвержденіи его своимъ помощникомъ, на что и получилъ согласіе патріарха. Вскорѣ, однако, Лазарь пожелалъ передать Ѳ-сію черниговскую каѳедру еще при жизни, къ чему его особенно побуждали слабое здоровье и та любовь и уваженіе, которыя онъ питалъ къ своему помощнику. По предложенію Лазаря, въ 1692 г. было назначено собраніе, состоявшее изъ малороссійскаго гетмана Мазепы, представителей духовенства, сановниковъ Малороссіи и представителей народа, на которомъ единогласно избранъ былъ на черниговскую каѳедру предложенный архіепископомъ Лазаремъ архимандритъ Ѳ. Ѳ. тогда же былъ отправленъ въ Москву къ царямъ и патріарху, которому была подчинена черниговская архіепископія, съ письмами, извѣщавшими объ избраніи и содержавшими просьбу объ утвержденіи его, какъ «мужа благого, украшеннаго добродѣтелями монашеской жизни». Ѳ. прибылъ въ Москву 27 іюля 1692 г. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій его нареченіе состоялось 9 сент., а 11 сент. въ присутствіи государей онъ былъ торжественно хиротонисанъ въ архіепископа въ Успенскомъ соборѣ. Однако патріархъ не нашелъ возможнымъ выдать ему ставленную грамоту на черниговскую каѳедру, такъ какъ архіепископъ Лазарь не отказался отъ своей каѳедры. Тогда Ѳ. обратился къ царямъ съ просьбой о выдачѣ ему напрестольной грамоты, которая и была ему дана 28 сентября 1692 года, при чемъ ему было дано также право совершать богослуженіе въ саккосѣ, право, принадлежавшее въ то время исключительно патріарху и митрополитамъ. Послѣ этого Ѳ. возвратился въ Черниговъ. Въ новомъ архіепископскомъ званіи Ѳ. оказывалъ прежнее глубокое уваженіе преосвященному Лазарю. Всѣ грамоты священникамъ Ѳ. выдавалъ отъ его имени и за его подписью, иногда подписывая и свое имя. Исполняя всѣ обязанности архимандрита Елецкаго монастыря, Ѳ. управлялъ почти всѣми дѣлами епархіи. Видя, что Лазарь уже очень старъ и близокъ къ смерти, онъ постарался укрѣпить за собой права на вотчины черниговской архіепископіи и получилъ отъ 17 мая 1693 г. изъ Москвы жалованную грамоту на эти вотчины. Недолго ему пришлось служить вмѣстѣ съ Лазаремъ: 3 сент. 1693 года Лазарь умеръ. Похоронивъ его, Ѳ. отправился въ Батуринъ къ гетману Мазепѣ, и отсюда, въ началѣ декабря 1693 года, они вмѣстѣ отправили въ Москву іеромонаха Пахомія съ извѣщеніемъ о смерти Лазаря и просьбой о присылкѣ отъ патріарха ставленной грамоты Ѳ-сію, которая и была вскорѣ получена вмѣстѣ съ наставленіемъ, касавшимся всѣхъ сторонъ архипастырской дѣятельности. Въ этой грамотѣ Ѳ. называется «мужъ благъ и изъ юношескихъ лѣтъ въ добродѣтеляхъ украшенъ.... полнъ страха Божія.... любитель премудрости, въ благолѣпіи церковномъ усерднѣйшій желатель» и т. д. Самостоятельное управленіе Ѳ-сіемъ черниговской епархіей было весьма непродолжительно, и о немъ сохранилось мало свѣдѣній. Особенное вниманіе Ѳ. обращалъ на пробужденіе и поддержаніе духа истинно христіанскаго благочестія въ средѣ своихъ пасомыхъ. Съ этой цѣлью онъ заботился о поддержаніи старыхъ и устроеніи новыхъ монастырей и храмовъ. Въ самомъ началѣ его святительства былъ устроенъ, по его благословенію, Печеникскій дѣвичій монастырь, и онъ самъ освящалъ храмъ, построенный для этой обители, въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ 1694 г., по его благословенію, основанъ былъ Любецкій скитъ въ 2-хъ верстахъ отъ Любеча; въ 1694 году онъ освятилъ въ Домницкомъ мужскомъ монастырѣ вновь сооруженный храмъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы; лѣтомъ 1695 года освятилъ величественный храмъ въ честь Пресвятыя Богородицы, построенный на вершинѣ горы Болдинской, близъ древняго Ильинскаго монастыря. Во время управленія Ѳ-сіемъ черниговской епархіей замѣчается особенный подъемъ и усиленіе иночества въ этой епархіи. Святитель обращалъ также большое вниманіе на духовенство и былъ строго разборчивъ при выборѣ кандидатовъ на священно-служительскія мѣста. Онъ особенно покровительствовалъ черниговскимъ духовнымъ школамъ, приглашалъ въ нихъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ, среди которыхъ, между прочимъ, замѣчателенъ Іоаннъ Максимовичъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи помощникомъ и преемникомъ святителя и настоящимъ устроителемъ черниговскихъ духовныхъ школъ. Строгая справедливость въ отношеніи къ духовенству и паствѣ, глубокое состраданіе и снисходительность были отличительными чертами епархіальной дѣятельности Ѳ-сія, судя по

сохранившимся свѣдѣніямъ о немъ. Къ нему часто обращались за помощью и совѣтомъ, и не только православные, но и лица другихъ вѣроисповѣданій. Святитель Ө. принесъ не мало пользы русскому государству тѣмъ, что благодаря своему нравственному вліянію и христіанскому миролюбію, всегда умѣлъ успокоивать вспышки горячихъ и своевольныхъ украинцевъ и тѣмъ самымъ предохранять государство отъ вредныхъ и опасныхъ волненій. Вообще наибольшее вліяніе на паству Ө. оказывалъ не столько своей внѣшней дѣятельностью, сколько своимъ характеромъ и образомъ своей жизни. «Онъ былъ подобенъ свѣтильнику, освѣщавшему своимъ тихимъ свѣтомъ всю Черниговскую епархію и всѣхъ согрѣвающему теплотою своего любвеобильнаго сердца».

Но недолго Ө. былъ черниговскимъ архіепископомъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ вызвалъ къ себѣ въ Черниговъ намѣстника брянскаго Свѣнскаго монастыря, іеромонаха Іоанна Максимовича, и въ половинѣ 1695 года посвятилъ его въ архимандриты черниговскаго Елецкаго монастыря, которымъ дотолѣ управлялъ самъ; въ новомъ архимандритѣ онъ заранѣе готовилъ себѣ преемника. Вскорѣ послѣ этого, именно 6 февр. 1696 года, Ө. умеръ и былъ погребенъ въ черниговскомъ каѳедральномъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, за правымъ клиросомъ, въ особо сдѣланномъ для того склепѣ. Впослѣдствіи его преемникомъ, Іоанномъ Максимовичемъ, былъ построенъ надъ гробомъ его кирпичный сводъ, съ хвалебною надписью въ стихахъ, сочиненныхъ архіепископомъ Іоанномъ въ благодарность, по преданію, за чудесное исцѣленіе его отъ тяжкой болѣзни. Вскорѣ обнаружилось нетлѣніе мощей Ө-сія и стали распостраняться вѣсти о совершающихся у гроба его чудесахъ, что привлекало къ нему множество богомольцевъ. Почитаніе народомъ Ө-сія, какъ святого, слухи о многочисленныхъ случаяхъ исцѣленія отъ его нетлѣнныхъ мощей, побудили Св. Синодъ поручить черниговскому архіепископу собрать свѣдѣнія о жизни и подвигахъ Ө-сія, о чудесныхъ явленіяхъ, совершающихся при гробѣ его, и приступить къ удостовѣренію о нетлѣніи почивавшаго святого. Получивъ подтверждающія свѣдѣнія, Синодъ, чрезъ 200 лѣтъ послѣ кончины архіепископа, опредѣлилъ 26 іюня 1896 года: 1) причислить Ѳеодосія къ лику святыхъ, 2) заявить о томъ во всенародное свѣдѣніе и 3) открытіе мощей назначить на 9-е сентября 1896 года. Въ назначенное время дѣйствительно состоялось торжественное открытіе мощей святителя и перенесеніе ихъ изъ Борисоглѣбскаго въ Спасо-Преображенскій лѣтній соборъ, откуда мощи вновь были перенесены въ Борисоглѣбскій каѳедральный соборъ 11 ноября того же года. Память святителя празднуется въ день кончины 5 февраля и въ день прославленія мощей 9 сентября.

Есиповъ, «Святитель и чудотворецъ, архіепископъ Черниговскій, Ѳеодосій Углицкій» СПБ. 1897 г.—*А. И. Ханенко*, «Преосвященный Ѳеодосій (Углицкій), архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій».—*Филаретъ*, «Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи». — «Черниговскія Епархіальныя Извѣстія», 1864, 1865, 1871, 1878, 1892, 1896 г.г.—«Труды Кіевской Духовной Академіи», 1895 г., августъ; 1896 г., кн. X; 1899 г., кн. IX.—*Н. Петровъ*, «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в.»—Акты Кіев. Акад. за XVII и XVIII ст.—«Благовѣстъ», 1883 года, № 18, стр. 3—7; № 19, стр. 2—5; № 20, стр. 1—4.—«Церковныя Вѣдомости», 1896 г., стр. 305—308; прибавленіе къ № 30, стр. 1080—1086; къ № 36, стр. 1306—1310; къ № 37, стр. 1329—1336; къ № 48, стр. 1788.—«Черниговъ. Епарх. Вѣдом.», 1898 г., № 10.—«Гродней. Епарх. Вѣдом.», 1905 г., № 44.—*Филаретъ*, «Житія святыхъ», стр. 80—81.—*Соловьевъ*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. 3, стр. 371.—«Словарь историческій о святыхъ прославленныхъ русской церковью, и нѣкоторыхъ подвижниковъ благочестія, мѣстно чтимыхъ», стр. 252.

Изданія житія его: Черниговъ, 1878 г.; С.-Петербургъ, 1896, 1898, 1900 и др.; Москва, 1896—1903 г.г.; Полтава, 1896; Одесса, 1897; Валуйки, 1897; Тобольскъ, 1896. Торжество открытія и праславленіе мощей святителя Ѳеодосія. Одесса 1896.

Описаніе торжества открытія и прославленія мощей и жизнеописаніе святителя Ѳеодосія: *свящ. І. Гордіевскаго*. Кіевъ, 1903г.—*Денисова Леонт*. М. 1897 г.—*Свящ. А. Ефимова*, Черниговъ, 1902 г.—*А. Кириллова*. Новочерк. 1896 г.—*А. Ковалевскаго*. М. 1900 г.—*И. Лебедева*. Черниговъ, 1896.—*П. Лосева*. М. 1896 г.—*А. Лотоцкаго*. Кам.-Подольскъ, 1895 г.—*Прот. П. Мазанова*. Полтава, 1897 г.—*Свящ. М. Мартирова*. Черниговъ, 1896 г.—*Свящ. Сергія Петровскаго*. Одесса, 1896 г.—*Прот. І. Г. Покровскаго*. Спб., 1897 г.—*Е. Поселянина*. М., 1897 г.—*Свящ. В. Станиславскаго*. Одесса, 1897 г.—*Свящ. Ѳ. Титова*. Кіевъ, 1896 г.

М. З.

Ѳеодосій, монахъ, писатель XII в., по происхожденію грекъ, жилъ въ Кіевѣ, гдѣ, повидимому, состоялъ при митрополитѣ въ качествѣ какого-то должностного

лица, писалъ на славянскомъ яз.; основательное знаніе славянскаго языка даетъ поводъ заключать, что онъ жилъ въ Россіи очень долго. Имъ сдѣланъ, по просьбѣ князя Николы Святоши, переводъ съ греческаго посланія папы Льва I къ константинопольскому патріарху Флавіану объ ереси Евтихія (начатъ при жизни Святоши и оконченъ послѣ его смерти, которая послѣдовала въ 1142 г.). Скорѣе ему, чѣмъ св. Ѳеодосію, игумену печерскому, принадлежитъ «Слово о вѣрѣ крестьянской и латыньской». Вѣроятно, онъ же является тѣмъ Ѳеодосомъ, жившимъ при кіевскомъ митрополитѣ въ XII в., который, по «Въпрошанію Кюрикову», написалъ какое-то недошедшее до настоящаго времени каноническое сочиненіе. Съ меньшею вѣроятностью возможно усвоеніе ему и др. произведеній.

«Рус. Истор. Библ.», т. VI, ч. 1-я, СПб. 1907.—«Чт. О. Ист. и Древн. Р.», 1848, № 7.—«Ученыя записки II отд. Акад. Н.», кн. II, в. 2.—*Голубинскій Е. Е.* «Исторія рус. цер.», 1-я полов. I т., Н. 1901.—*Филаретъ*, архіеп., «Обзоръ рус. дух. лит.» СПБ. 1884.

Т.

Ѳеодосія Іоанновна, младшая дочь великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича, родилась 29 мая 1485 г. (послѣ смерти одной изъ старшихъ сестеръ, носившей то же имя). Въ это время самодержавная власть отца ея уже вполнѣ установилась въ Московскомъ государствѣ, и силы его окрѣпли настолько, что сосѣднія державы стали интересоваться Москвою. Но охотно поддерживая сношенія съ иностранными государями, Іоаннъ, повидимому, сперва далекъ былъ отъ мысли породниться съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе посолъ германскаго императора Фридриха III, Николай Поппель, пріѣхавшій въ Москву въ началѣ 1489 г., именемъ своего государя предложилъ Іоанну выдать одну изъ дочерей его, Елену или Ѳеодосію, за Альбрехта, маркграфа Баденскаго, племянника императора. Онъ пожелалъ и видѣть невѣсту, но великій князь черезъ дьяка Ѳеодора Курицына велѣлъ отвѣтить послу, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ отправленъ къ императору московскій посолъ для личныхъ объясненій и что обычай не позволяетъ прежде времени (Ѳеодосіи было тогда 4 года) показывать молодыхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ. Въ слѣдующей аудіенціи, однако, вопросъ о сватовствѣ былъ опять поднятъ посломъ, причемъ на этотъ разъ, вмѣсто маркграфа Баденскаго, онъ предлагалъ въ супруги одной изъ дочерей Іоанна кого-либо изъ саксонскихъ принцевъ, а другой — Сигизмунда, маркграфа Бранденбургскаго. Іоаннъ обошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, но въ инструкціи, данной Юрію Траханіоту, который посланъ былъ затѣмъ къ Фридриху III, между прочимъ, значилось: «Ежели спросятъ, намѣренъ-ли великій князь выдать свою дочь за маркграфа Баденскаго, то отвѣтствовать, что сей союзъ не пристоенъ для знаменитости и силы государя Россійскаго, брата древнихъ царей Греческихъ, которые, переселясь въ Византію, уступили Римъ папамъ. Но буде императоръ пожелаетъ сватать нашу княжну за сына своего, короля Максимиліана, то ему не отказывать, и дать надежду». Въ іюлѣ слѣдующаго 1490 г. новый германскій посолъ Делаторъ, уже отъ имени самого Максимиліана, опять заговорилъ о бракѣ одной изъ великихъ княженъ, но показать невѣсту ему попрежнему не согласились, и къ тому же Іоанну не понравился вопросъ о приданомъ. Былъ поднятъ вопросъ и о томъ, чтобы невѣста не перемѣняла православной вѣры, имѣла бы у себя церковь и священниковъ. Делаторъ отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ говорить объ этомъ, и сватовство прекратилось. Вскорѣ затѣмъ (1494 г.) княжна Елена вышла замужъ за великаго князя литовскаго Александра, Ѳ. же, любимица Іоанна, осталась у отца. Насколько Іоаннъ любилъ и баловалъ свою младшую дочь, видно хотя бы изъ того, что въ 1497 г. онъ велѣлъ изготовить для нея золотую медаль съ изображеніемъ св. Николая Чудотворца и надписью, гласящей, что великій государь *вылилъ сей единый талеръ для княгини* (княжны) *своей Ѳеодосіи*. Въ 1500 г. онъ подыскалъ ей и жениха: воеводу князя Василія Даниловича Холмскаго, и 13 февраля того же года митрополитъ Симонъ обвѣнчалъ съ нимъ юную княжну Ѳ., которой въ то время не было еще и 15-ти лѣтъ. Свадьба совершена была съ большой пышностью; во дворцѣ пировали до ночи; молодыхъ засыпали подарками; не забыли ни одного обряда, нужнаго, какъ думали, для счастья супруговъ, но счастливыя предсказанія не сбылись: ровно черезъ годъ, 19 февраля 1501 г., Ѳ. скончалась. Прахъ ея

преданъ былъ землѣ въ Москвѣ, въ церкви Вознесенія.

«Полное Соб. Р. Лѣтоп.» т. VI, стр. 36, 44, 46, 236, 243, 278; т. VII, стр. 228; т. VIII, стр. 5, 238, 240.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI, стр., 142, 211—215, 226, 365, 366. *А. Г.*

Ѳеодосія Мстиславовна, кн., мать св. кн. Александра Невскаго, была, какъ полагаютъ, дочерью Галицкаго кн. Мстислава Удалого и второй женой в. кн. Владимірскаго Ярослава Всеволодовича, отъ котораго имѣла 9 (по другимъ источникамъ 7 или 8) сыновей и 2-хъ дочерей.

Свѣдѣнія о ея жизни вообще очень скудны и сбивчивы. Даже годъ ея смерти и мѣсто погребенія не могутъ быть точно установлены. Извѣстно только, что умерла она въ Новгородѣ (принявъ монашество подъ именемъ Евфросиніи), по однимъ даннымъ 5 мая 1244 г., по другимъ—4 мая 1241 г. Указываются и двѣ ея гробницы: одна въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ, другая—въ Владимірской Георгіевской церкви.

П. Соб. Р. Л., т., I, стр. 204, 219; т. III, стр. 39, 43, 53 54; т. V, стр. 2, 176, 179, 182; т. VII, стр. 134, 146, 152.—*А. В. Экземплярскій*, «Великіе и удѣльныя князья...», т. I, стр. 18—20, 31, 283.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Гос. Р.», т. IV, стр. 34, пр. 39.—*С. М. Соловьевъ*, «Ист. Р.» (1864 г.), т. II, стр. 341, 350; т. IV, стр. 356. *А. Г.*

Ѳеодосія Ѳеодоровна, (см. царь *Ѳеодоръ Іоанновичъ*).

Ѳеодотій (въ мірѣ—*Ѳеодоръ Адріановичъ Озеровъ*), симбирскій архіепископъ, сынъ священника, родился въ 1793 г. въ с. Косицахъ, Верейскаго уѣзда, Московской губерніи. Образованіе сначала получилъ въ московской семинаріи, а 15-го августа 1819 г. поступилъ въ Петербургскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1823 г. со степенью магистра, поступивъ (31 іюля 1823 г.) тотчасъ же въ монашество съ именемъ Ѳеодотія. 1 августа того же года онъ былъ назначенъ инспекторомъ виѳанской семинаріи и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка; 5 августа рукоположенъ въ іеродіакона, а 7—въ іеромонаха; 20 марта 1824 года онъ былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахомъ Донского монастыря. Въ 1828 году, 23 августа, Ѳ. былъ назначенъ ректоромъ оренбургской семинаріи, а 18 сентября того же года посвященъ въ архимандр. уфимскаго Успенскаго монастыря; одновременно онъ былъ опредѣленъ присутствующимъ въ консисторіи и цензоромъ проповѣдей. Въ октябрѣ 1830 г. Ѳ. получилъ командировку въ г. Челябинскъ для открытія духовныхъ училищъ и въ томъ же году проявилъ особую дѣятельность въ борьбѣ съ холерой. 23 сентября слѣдующаго года онъ былъ переведенъ ректоромъ въ рязанскую семинарію, а также настоятелемъ въ рязанскій Спасскій монастырь, присутствующимъ въ консисторію, цензоромъ проповѣдей и благочиннымъ надъ монастырями. Вызванный въ 1835 г. въ Петербургъ для исполненія чреды священнослуженія и проповѣданія слова Божія, онъ черезъ два года (29 мая 1837 г.) былъ опредѣленъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ (хотя представленъ былъ третьимъ кандидатомъ); 9-го іюля было нареченіе, а 11—хиротонисаніе. Живой и энергичный по природѣ, Ѳ., за болѣзнью митрополита Серафима, почти одинъ 5 лѣтъ управлялъ епархіей. 22 іюля 1842 г. Ѳ. былъ перемѣщенъ въ Симбирскъ и совершенно самостоятельно управлялъ епархіей 16 лѣтъ. Все это время онъ боролся съ расколомъ, съ остатками язычества, заботился о благоустройствѣ монастырей (Сызранскій, Вознесенскій, Жадовская пустынь и пр.) и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1855—56 г.г. Ѳ. присутствовалъ въ св. Синодѣ. 26 авг. 1856 г. онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа. Скончался Ѳ. 20 августа. 1858 г.

По отзыву современниковъ, преосвящ. Ѳ. былъ человѣкомъ добрѣйшей души; своею простотою, доступностію и благотворительностію сумѣлъ привлечь симпатіи не только духовенства, но и всего мѣстнаго общества, а особенно простого народа.

Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны: а) Поученія и рѣчи въ 3-хъ выпускахъ Спб. 1850—1856 г.г. и б) Утро священнослужителя, или поученія и рѣчи въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1858 г. Въ Импер. Публ. Библіотекѣ въ рукоп. отдѣлѣ хранится письмо преосвящ. Ѳеодотія отъ 16 авг. 1842 г. о постоянномъ противодѣйствіи консисторіи его распоряженіямъ.

Дѣла архива св. Синода 1823 г., № 595; 1837 г., № 1674; 1842 г., № 153.—Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни, смерти и погребеніи преосвященнаго Ѳеодотія, Спб. 1858 г.—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи новгородской епархіи», Новгородъ, 1897 г., стр. 179—180.—*А. С. Родосскій*, «Біографич. словарь студентовъ Спб. Дух. Акад.»—*Анаста-*

сіевъ, «Симбирскіе архипастыри».—*Митроп. Филаретъ*, Письма къ Высоч. Особамъ, т. II, стр. 66.—Формулярный списокъ (хранится въ Синодѣ). *Р—въ.*

Ѳеодотъ (въ мірѣ—*Ѳеодотъ Захаровичъ Кольцовъ*), іеросхимонахъ козельской Введенской Оптиной пустыни. Скончался 8 марта 1873 года. Свои иноческіе подвиги онъ началъ въ 1834 г. въ Оптиной пустыни подъ руководствомъ схимниковъ; въ 1841 г. Ѳ. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета и назначенъ сборщикомъ; вскорѣ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1849 г.—въ іеромонаха. Въ 1851 г. онъ перешелъ въ Геѳсиманскій скитъ при Св.-Троицкой Сергіевой лаврѣ; тамъ въ 1853 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодота и назначенъ былъ духовникомъ всего братства. Чрезъ семь лѣтъ Ѳ. удалился въ глубину лѣса и предался безмолвію и иноческимъ подвигамъ. На мѣстѣ его уединенія устроена была Параклитова пустынь подъ начальствомъ старца Ѳеодота. Въ 1863 г. онъ возвратился въ Оптину пустынь, гдѣ жилъ до самой кончины, назидая братію своимъ усердіемъ къ молитвѣ и богослуженію, своимъ смиреніемъ, простотою, искренностью и нестяжательностью и привлекая къ себѣ добродѣтельною жизнью многихъ духовныхъ дѣтей и почитателей.

«Историч. описаніе Козел. Введен. Оптиной пустыни». Изд. 4. М. 1885 г., стр. 236—238.—*Архим. Никодимъ*, «Жизнеописанія отечеств. подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ», мартъ, стр. 89—90. *К З.*

Ѳеоктистъ, архимандритъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Борисовичъ Бромцевъ*), сынъ дьячка с. Шерманки, Пошехонскаго у., ростовской еп., род. въ 1767 г., ум. 4 іюня 1831 г. Съ 1783 по 1793 г.г. обучался въ вологодской семинаріи. Съ 1793 г. по іюль 1797 г. былъ пѣвчимъ въ вологодскомъ архіерейскомъ домѣ. 19 сент. 1797 г. онъ былъ принятъ въ Александроневскую академію, гдѣ по мартъ мѣсяцъ 1799 г. слушалъ богословіе и греческій яз. и одновременно исполнялъ должность инспектора. Въ началѣ января 1799 г. Ѳ. былъ постриженъ въ монашество, 20-го того же января посвященъ въ іеродіакона и 16 апрѣля—въ іеромонаха. Въ томъ же апрѣлѣ Ѳ. былъ опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ въ бѣлорусскую (могилевскую) семинарію. Здѣсь, оставаясь инспекторомъ и учителемъ, съ іюля 1799 г. по май 1802 г. онъ исполнялъ еще должность библіотекаря, съ того же іюля по 1803 г.—должность семинарскаго комиссара и съ 24 іюня 1802 г.—присутствующаго въ бѣлорусской консисторіи. 31 марта 1800 г. Ѳ. былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Кіево-Печерской лавры. Опредѣленный 26 сент. 1804 г. архимандритомъ вологодскаго Спасо-Каменнаго м-ря и префектомъ и учителемъ вологодской семинаріи, онъ 23 января 1805 г. былъ назначенъ присутствующимъ вологодской консисторіи; 5 августа 1809 г.—архимандритомъ краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева м-ря и вскорѣ затѣмъ ректоромъ краснохолмскаго уѣзднаго дух. училища. 11 окт. 1811 г. мы его видимъ архимандритомъ тверского Успенскаго Отроча м-ря и ректоромъ тверского уѣзднаго дух. училища. 18 сент. 1816 г. онъ былъ по прошенію уволенъ на покой въ Корниліевъ м-рь, откуда послѣ 1823 г. перемѣщенъ для пребыванія въ Спасосуморинъ тотемскій, гдѣ и скончался. Ему принадлежитъ «Изъясненіе соборнаго посланія св. Апостола Іакова, съ краткими нравоученіями», составленное въ 1803 г. и напечатанное въ Москвѣ въ 1804 г. (Сопиковъ, № 4537.)

Дѣла Архива С. Синода—1798 г., № 339 1814 г., № 1171; 1816 г., № 886 и 1831 г. № 733.—*Филаретъ, архіеп.*, «Обзоръ рус. дух. лит.», Спб. 1884 *Т.*

Ѳеоктистъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Дмитріевъ*), схимонахъ Валаамскаго монастыря, ум. 19 іюня 1863 г. Пришелъ въ Валаамскій м-рь по увольненіи 31 янв. 1827 г. изъ службы во флотѣ, гдѣ былъ квартирмейстеромъ. 29 февр. 1828 г. онъ принятъ былъ въ послушники, въ 1835 г. (по указу Синода отъ 2 мая) постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеофана и въ 1853 г.—въ великую схиму съ переименованіемъ въ Ѳеоктиста. Послѣ принятія схимы около 8 лѣтъ жилъ въ монастырскомъ скитѣ Всѣхъ Святыхъ и затѣмъ около трехъ лѣтъ въ пустыни на Предтеченскомъ островѣ. Умеръ въ монастырской больницѣ на 77 г. отъ рожденія. Въ монастырѣ Ѳ. оставилъ по себѣ память, какъ выдающійся подвижникъ и привлекательный по своимъ природнымъ свойствамъ человѣкъ.

Дѣла Архива Св. Синода 1835 г., № 1073.—«Валаамскій м-рь и его подвижники», Спб. 1889.—«Валаамскіе подвижники», Спб. 1891.—

Никодимъ архим., «Жизнеописанія отеч. подвижниковъ благочестія 18 и 19 вв.», іюнь, М. 1908 г. *Т.*

Θеоктистъ (въ мірѣ—*Иванъ Мочульскій*), архіепископъ бѣлгородскій и курскій. Родился въ 1729 г. въ дворянской семьѣ въ Заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей тогда польскому королевству, скончался 30 апрѣля 1818 г. Образованіе Θ. получилъ въ переяславской семинаріи и въ Кіевской академіи, гдѣ и постригся въ монашество. Въ 1761 г. онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ въ сухопутный кадетскій корпусъ на должность законоучителя, каковую занималъ 6 лѣтъ. Затѣмъ онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и преемственно въ теченіе 17-ти лѣтъ настоятельствовалъ въ монастыряхъ: въ 1767—68 г.г. въ Петропавловскомъ глуховскомъ, въ 1768 г. въ Рождество-Богородицкомъ гамалѣевскомъ, въ 1769—1775 г.г. въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ, въ 1775—1776 г.г. въ ростовскомъ Яковлевскомъ и въ 1776—79 г.г. въ полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ; 4 сент. 1779 г. онъ былъ уволенъ, а 4 марта 1781 г. назначенъ настоятелемъ Макаріева колязинскаго монастыря, откуда 7 янв. 1784 г. хиротонисанъ въ епископа сѣвскаго и брянскаго, викарія московской епархіи. 9 февр. 1787 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Бѣлгородъ, и сѣвская епархія прекратила существованіе; при немъ-же и бѣлгородская епархія 16 окт. 1799 г. переименована была въ курскую, гдѣ онъ и остался до самой кончины. 15 сент. 1801 г. Θ. былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Послѣ учрежденія въ 1775 г. славянской и херсонской епархіи и назначенія въ нее архіепископа грека Евгенія Булгари, архим. Θ., какъ знатокъ греческаго языка, былъ назначенъ къ нему коадъюторомъ, помогалъ ему въ завѣдываніи епархіальными дѣлами и въ сношеніяхъ съ паствою. Въ сѣвской епархіи преосв. Θ. заботился о благоустройствѣ духовныхъ школъ,—при немъ, между прочимъ, открытъ былъ въ дух. семинаріи богословскій классъ. Въ печати имѣется сочиненіе—«Торжество сѣвскихъ музъ», въ которомъ описаны бывшія въ семинаріи торжества по разнымъ случаямъ. Бѣлгородско-курская обширная епархія представляла собой широкое поле для дѣятельности. Главное вниманіе преосвященнымъ было обращено и здѣсь на образованіе духовнаго юношества. Сначала заботы преосв. Θ-ста были направлены на увеличеніе матеріальныхъ средствъ и улучшеніе учебно-воспитательнаго дѣла въ харьковскомъ коллегіумѣ, этомъ высшемъ учебномъ заведеніи въ бѣлгородской епархіи. Извѣстно его «Наставленіе, какъ обучать дѣтей» (Хар. 1807 г.). Предписывая преподавать физику, естественную исторію геометрію и механику, «для общежитія необходимыя науки», онъ говорилъ, что стыдно въ семинаріи не обучать тому, чему обучаютъ въ народныхъ училищахъ. Отъ учениковъ, какъ будущихъ священнослужителей, онъ требовалъ знанія катихизиса, умѣнья составлять и произносить поученія, пѣть и отправлять богослуженіе по уставу. «Невѣжа или лѣнивецъ іерей, говорилъ онъ, прихожанъ своихъ не утверждающій въ вѣрѣ и законѣ,—не вождь-ли слѣпой слѣпцамъ! Θ. устроилъ для учениковъ богословскаго класса изъясненіе евангелія и катихизиса; самъ составилъ «Самократчайшія о логикѣ и риторикѣ правила», замѣчая, что «отрокамъ и юношамъ излишнія правила, какъ слабому желудку излишняя пища». Затѣмъ чрезъ постепенное расширеніе славяно-латинской бѣлгородской школы имъ была учреждена бѣлгородская—нынѣ курская дух. семинарія. Это учрежденіе было любимымъ его дѣтищемъ: онъ ежедневно посѣщалъ въ немъ классы, составлялъ учебный планъ для всѣхъ классовъ, инструкцію инспекторамъ (Хар. 1807 г.) и написалъ много учебниковъ, какъ, напримѣръ: «Драхма отъ сокровища божественныхъ писаній» (М. 1809 г.); «Словеснословіе и пѣснопѣніе, т. е. грамматика, логика, риторика и поэзія» (М. 1790 г.); «Краткая логика и риторика для учащихся въ росс. дух. училищахъ» (М. 1803 г.); тоже—для дворянъ (М. 1789 г.); «Опытъ герминевтическаго объясненія о Пасхаліи по неисходному Индикту» (М. 1799 г.); «Краткое объясненіе церковнаго устава» (М. 1800 г).; «Краткія правила ирмолойнаго пѣнія» (М. 1800 г.); «Сокращеніе нравственной Дергамовой физики и астрономіи» (М. 1797 г.); «О божественности христ. ученія» (М. 1801 г.). Это—первые учебники для семинаристовъ на русскомъ языкѣ. Ясно, что авторъ ихъ былъ выдающійся педагогъ—писатель и даже ученый своего времени. Преосвящ. Θ. былъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета и членомъ Академіи Наукъ. Самъ работая

безъ устали, онъ заставлялъ работать и семинарскихъ учителей: около 1800 г. онъ организовалъ кружокъ ученыхъ мужей, въ которомъ переводились сочиненія св. Амвросія Медіоланскаго, составлена была «Исторія бѣлгородской семинаріи» (М. 1805 г.) и др. Онъ построилъ для семинаріи каменный двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ она и помѣщалась до 1883 г., т. е. до перевода ея въ Курскъ. Сочиненія свои онъ исправлялъ и дополнялъ; такъ, онъ въ 1801 г. переиздалъ «Краткія прав. ирмол. пѣнія» и прибавилъ трактатъ о внѣшнемъ богослуженіи или обрядахъ церк.; въ 1806 г. вновь напеч. подъ заглавіемъ «Четверочастный даръ юнымъ Курской епархіи священноцерковнослужительскимъ дѣтямъ», при чемъ присовокупилъ «Историч. прибавленіе о Бѣл городѣ, Бѣлгород. епархіи, о тамошнихъ всѣхъ архіереяхъ и о Бѣлгор. семинаріи». Наконецъ ему-же принадлежитъ честь открытія и устройства низшихъ духовныхъ училищъ въ Курскѣ, Старомъ Осколѣ, Обояни, Путивлѣ, Рыльскѣ, Корочѣ, Щиграхъ, Фатежѣ, Суджѣ, Хотмыжкѣ, въ слободахъ Борисовкѣ и Тамаровкѣ и въ селахъ Юрьевкѣ и Успенскомъ Льговскаго уѣзда; онъ издалъ программу преподаванія въ нихъ учебныхъ предметовъ, подъ заглавіемъ: «Сокращеніе дѣтской энциклопедіи и самократчайшія правила латинской грамматики» (М. 1808 г. и Харьковъ 1815 г.). Это былъ по-истинѣ просвѣтитель Курскаго края. Онъ заботился и о томъ, чтобы свѣтское общество знало и цѣнило духовныя школы; для этого онъ устраивалъ публичные училищные акты, диспуты и всевозможныя церемоніи по разнымъ случаямъ съ произнесеніемъ составленныхъ на извѣстный предметъ рѣчей и одъ, посвященныхъ разнымъ лицамъ, даже императору. Встрѣчи съ привѣтствіями и рѣчами устраивались въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и самому архіепископу. Ѳ. былъ не только ревностнѣйшимъ сотрудникомъ въ дѣлахъ Библейскаго Общества, собирая въ пользу его значительныя пожертвованія, но и у себя въ Курскѣ въ 1817 г. открылъ Библейское Общество. Проявляя такія усиленныя заботы о просвѣщеніи ввѣренной ему паствы, онъ въ священнослужители рукополагалъ только достойныхъ, лично экзаменовалъ ставленниковъ и вразумлялъ ихъ на счетъ обязанностей священно-служенія (правильность веденія метрическихъ книгъ) и образа жизни. Онъ издалъ «Пастырское увѣщаніе», въ которомъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторые недостатки въ говорѣ и произношеніи священниками проповѣдей, для цензуры которыхъ назначены были въ каждомъ городѣ особыя лица. Заботился онъ и о поднятіи нравственнаго уровня какъ бѣлаго, такъ и чернаго монашествующаго духовенства. Наблюдалъ за правильностью консисторскаго дѣлопроизводства и консисторскихъ опредѣленій; рѣдкое изъ дѣлъ, производившихся въ консисторіи, оставалось безъ его замѣчаній, имѣвшихъ по временамъ характеръ внушительныхъ наставленій. Преосв. Ѳ. извѣстенъ и какъ проповѣдникъ, издавшій слова: по случаю рожденія в. кн. Александра 24 ноября 1778 г. (Спб. 1779 г.) и о примиреніи съ Богомъ, совѣстію и ближнимъ (М. 1796 г.). Не мало потрудился онъ и въ дѣлѣ присоединенія къ православной церкви сектантовъ — старообрядцевъ и духоборовъ, а также и иновѣрныхъ; посылалъ имъ свои архипастырскія «Увѣщанія» и издалъ противъ нихъ особое сочиненіе—«Разсужденіе о божественности христіанскаго ученія». Живая и многосторонняя дѣятельность утомляла архіеп. Ѳ-ста, и съ 1810 г. онъ сталъ хворать и выражалъ желаніе удалиться на покой въ обоянскій монастырь, но былъ удержанъ на епархіи до самой кончины; только четыре послѣднихъ мѣсяца его жизни епархіальныя дѣла вмѣсто него вѣдалъ харьковскій епископъ Павелъ.

«Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіев. дух. акад.» Кіевъ, 1911 г. Вып. VIII, стр. 15—128.—*А. С. Лебедевъ*, «Бѣлгородскіе архіереи», Харьк., 1902, стр. 225—286 (съ портретомъ).—Дѣло Ком. Дух. Учил. 1809 г., № 167.—Дѣла Архива Св. Синода.—*Аскоченскій*, «Кіевъ съ древн. его училищемъ академіею», ч. II, Кіевъ, 1856 г.—*Петровъ*, «Акты и документы къ исторіи Кіев. академіи», т. II. К. 1906 г.—*М. Евгеній*, «Словарь Историческій».- *Архіеп. Филаретъ*, «Обзоръ дух. литературы».—*Геннади*, «Справ. словарь русск. писат. и ученыхъ». *К. Здр—въ.*

Ѳеоктистъ (*Орловскій*), архимандритъ Боголюбова владимірскаго монастыря. Скончался 2 марта 1829 года. По оконч. курса въ Слав.-греко-латин. академіи въ 1809 г. онъ былъ въ ней сначала информаторомъ франц. яз., а затѣмъ учителемъ поэзіи, географіи, реторики, исторіи и др.

предметовъ. Въ 1814 г. Ѳ. поступилъ въ монастырь и въ тоже время былъ назначенъ баккалавромъ франц. яз. Московск. акад., гдѣ съ сент. 1815 г. преподавалъ нѣмецкій языкъ. Въ окт. 1817 г. онъ состоялъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ моск. семинаріи. Въ 1817 г. 30 декабря Ѳ. произведенъ былъ въ игумена и потомъ въ архимандрита московскаго Знаменск. монаст., а 19 августа перемѣщенъ въ серпуховскій Высоцкій монастырь. Назначенный въ сентябрѣ 1819 г. ректоромъ московской семинаріи, онъ въ іюнѣ 1820 г. былъ опредѣленъ настоятелемъ моск. Заиконоспасскаго мон. Въ іюлѣ 1826 года былъ уволенъ отъ должности ректора и перемѣщенъ въ Боголюбовъ владимірскій монастырь.

Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей».—Дѣла Комиссіи Духовныхъ Училищъ, №№ 1479, 1485, 2579, 2785, 3090 и 4276.—*Кедровъ*. «Московская духовная семинарія», стр. 7—8. *К. З.*

Ѳеоктистъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Аполлоновичъ Поповъ*) архіепископъ рязанскій, сынъ священника слободы Верхняго Салтова, Волчанскаго у., Харьковской губ., род. 6 февраля 1826 г., ум. 3 декабря 1894 г. Обучался сначала въ харьковской семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской дух. академіи, которую окончилъ въ 1851 г. 5 авг. 1851 г. онъ былъ постриженъ въ монашество, 14 авг. посвященъ въ іеродіаконы и 26 сент.—въ іеромонахи. 27 сент. того же г. Ѳ. былъ опредѣленъ въ воронежскую семинарію помощникомъ ректора по преподаванію богословія. 7 сент. 1852 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. 14 іюля 1853 г. перемѣщенъ преподавателемъ въ кіевскую семинарію. 21 янв. 1855 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Кіевопечерской лавры. 17 декаб. 1856 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ кіевской семинаріи. Въ 1858 г. временно исполнялъ должность ректора помянутой семенаріи и управлялъ Кіево-Пустынно-Николаевскимъ м-ремъ. 5 декаб. 1859 г. онъ былъ опредѣленъ ректоромъ тамбовской семинаріи и 20 декаб.—архимандритомъ Козловскаго м-ря. 12 февр. 1860 г. онъ былъ назначенъ членомъ тамбовской дух. консисторіи, 15 того же февраля—цензоромъ проповѣдей и 23—благочиннымъ монастырей тамбовской епархіи; 6 окт. его нарекли ректоромъ кіевской семинаріи и настоятелемъ Кіево-Пустынно-Николаевскаго м-ря. 18 нояб.—членомъ кіевской дух. консисторіи. 13 февр. 1861 г.—членомъ кіевской академической конференціи и академическаго духовно-цензурнаго комитета и 15 февр.—членомъ окружнаго академическаго правленія. Съ 15 апр. по 20 окт. 1863 г. Ѳ. состоялъ членомъ кіевскаго епархіальнаго комитета по улучшенію быта духовенства, съ 11 сент. 1865 г. по 25 сент. 1868 г.—членомъ педагогическаго совѣта при кіевской консисторіи по управленію ц.-приходскими школами епархіи и съ 15 апр. по 6 іюля 1866 г.—предсѣдателемъ академическаго комитета по составленію программы для преподаванія педагогики въ семинаріяхъ. 19 сент. 1868 г. Ѳ. былъ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ одновременно былъ и членомъ петербургской консисторіи. Съ 8 февр. по 22 апр. 1869 г. онъ присутствовалъ въ образованномъ при св. Синодѣ комитетѣ по преобразованію дух. академій. 19 мая 1869 г. онъ былъ назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской епархіи и хиротонисанъ 25 мая; 8 іюня былъ опредѣленъ управляющимъ Хутынскимъ м-ремъ; 15 іюня—первенствующимъ членомъ новгородскаго губернскаго училищнаго совѣта и предсѣдателемъ новгородскаго губернскаго присутствія по обезпеченію быта духовенства новгородской епархіи; 27 нояб.—вице-президентомъ новгородскаго тюремнаго комитета. 7 декаб. 1874 г. Ѳ. былъ переведенъ на епископскую симбирскую каѳедру. 1 февр. 1875 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ симбирскаго губернскаго присутствія по обезпеченію быта духовенства, 10 того же февраля—вице-президентомъ симбирскаго тюремнаго комитета, 3 апр.—управляющимъ сызранскимъ Вознесенскимъ м-ремъ и 7 декаб.—предсѣдателемъ открытаго его же стараніями симбирскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго общества. 22 сент. 1882 г. онъ былъ назначенъ епископомъ рязанскимъ и 24 марта 1885 г.—произведенъ въ архіепископы.

Пр. Ѳ-стъ былъ выдающимся по ревности администраторомъ. Въ симбирской и рязанской епархіяхъ, вслѣдствіе частыхъ объѣздовъ церквей, онъ непосредственно знакомъ былъ съ состояніемъ приходовъ и зналъ все свое духовенство въ лицо. Въ первой епархіи онъ учредилъ благочинническіе совѣты и при нихъ окружныя

библіотеки для духовенства, ввелъ въ практику общеепархіальные и окружные съѣзды духовенства, поднялъ вопросы объ устройствѣ эмеритурной кассы и свѣчного епархіальнаго завода, открылъ въ симбирской семинаріи на мѣстныя средства, съ цѣлью улучшенія постановки миссіонерскаго дѣла, каѳедру для изученія раскола, учредилъ въ центрѣ раскольническаго населенія противораскольническое Николаевское братство, а въ центрѣ мусульманскихъ и чувашскихъ поселеній—особую школу миссіонерскаго типа, преобразовалъ симбирское женское духовное училище изъ одноклассного въ трехклассное и пр. Въ рязанской епархіи особенныя усилія его были направлены на развитіе противораскольнической миссіи и внѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Бывъ самъ въ началѣ своей службы довольно продолжительное время (съ 15 нояб. 1860 г. по 25 сент. 1868 г.) редакторомъ журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», онъ очень интересовался мѣстною духовною печатью и заботился о ея развитіи. Имъ основаны «Симбирскія Епарх. Вѣдомости» (въ 1876 г.), «Сборникъ словъ и поученій, выходящій при рязанскомъ братствѣ св. Василія» (съ 1889 г.), и «Миссіонерскій Сборникъ», выходящій при томъ же братствѣ (съ 1891 г.), и расширена программа изданія «Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостей» (въ 1889 г.). Пр. Ѳ-стъ не совсѣмъ былъ чуждъ и научной дѣятельности: имъ напечатано самостоятельное изслѣдованіе—«Императоръ Юстиніанъ I и его заслуги въ отношеніи къ церкви Христовой» (Кіевъ, 1856 г.); подъ конецъ жизни онъ интересовался археологіею, оказывая дѣятельную поддержку разнымъ археологическимъ учрежденіямъ и начинаніямъ, за что былъ избранъ почетнымъ членомъ Спб. Археологическаго института (18 янв. 1888 г.) и археологическаго общества при Кіевской дух. академіи (16 янв. 1888 г.).

«Русс. Старина», 1888., № 12.—Списокъ архіереевъ іерархіи Всероссійской (синодал. періода), Спб. 1896.—*Быстрицкій В., свящ.*, «Ѳеоктистъ, архіеп. рязан. и зарайскій», М. 1894. —«25-лѣтіе служенія высокопр. Ѳеоктиста» («Рязан. Еп. Вѣд.», 1894, №№ 11—12).—Некрологъ въ «Церков. Вѣдом,», 1894 г., стр. 1800.—Дѣла Архива св. Синода. *Т.*

Ѳеоктистъ св., архіепископъ новгородскій, сконч. 23 декабря 1310 г. До избранія въ архіепископы былъ игуменомъ Благовѣщенскаго монастыря подъ Новгородомъ, а ранѣе игуменства, можетъ быть, клирикомъ новгородскаго Софійскаго собора, если не понимать какъ-нибудь иначе выраженія Лаврентьевской лѣтописи, страннымъ образомъ употребленнаго по отношенію къ нему, какъ уже поставленному епископу: «поставленъ бысть.... епископомъ... и бысть причьтникъ (причисленный къ клиру, состоящій въ штатѣ клира) святое Софеи новгородскые». Избраніе на каѳедру послѣдовало послѣ погребенія владыки Климента, скончавшагося 22 мая 1299 г., и, судя по (позднему) лѣтописному извѣстію, сопровождалось долгими спорами и колебаніями, прежде чѣмъ всѣ новгородцы съ полнымъ единодушіемъ остановились на Ѳеоктистѣ, какъ «Богомъ назнаменанномъ мужѣ, смиренномъ и благомъ». Неизвѣстно, когда именно послѣ этого было созвано вѣче у Софіи, и избранный торжественно былъ посаженъ на владычномъ дворѣ и приступилъ къ управленію епархіею въ ожиданіи хиротоніи, для которой необходимо было отыскать м. Максима, покинувшаго въ то время Кіевъ для основанія каѳедры въ другомъ мѣстѣ. Отъ этого пребыванія Ѳеоктиста на владычномъ дворѣ до хиротоніи остался лишь одинъ слѣдъ въ слѣдующей современной ему записи въ рукописномъ «сборникѣ отъ житій святыхъ и поученій»: «написаны быша книги сія повелѣніемъ владыки Ѳеоктиста, нареченнаго архіепископа Новгорода въ нашь монастырь». Въ 1300 г. прибылъ въ Новгородъ м. Максимъ съ двумя епископами, и 28 іюня Ѳеоктистъ былъ «назнаменанъ» въ ц. Бориса и Глѣба, а на слѣдующій день хиротонисанъ въ Софійскомъ соборѣ; «и бысть», говоритъ по этому поводу Новгородская лѣтопись, «радость Новгороду о своемъ владыцѣ и свершиша праздникъ свѣтелъ». О дѣятельности Ѳ-ста въ качествѣ новгородскаго владыки извѣстно очень мало. Мѣстныя лѣтописи связываютъ съ его именемъ только освященіе ц. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ («великимъ священіемъ»), совершенное 9 декабря 1305 г., и еще бывшее въ 1307 г. какое то «немирье» съ нимъ псковичей, подъ которымъ всего вѣроятнѣе разумѣть какія-либо препирательства относительно слѣдовавшихъ съ Пскова платежей въ пользу новгородской каѳедры (подъѣздныхъ, судныхъ пошлинъ и пр.), возникавшія очень часто при его преемникахъ. Сохранилось нѣсколько недатированныхъ

договорныхъ грамотъ между Новгородомъ и вел. кн. Михаиломъ Ярославичемъ объ условіяхъ владѣнія послѣдняго первымъ, изъ которыхъ видно, что Ѳ-стъ представлялъ собою въ переговорахъ по этому предмету сторону Новгорода. Первая грамота в. князя (по Собр. Госуд. Грам., № 4) начинается: «поклонъ отъ князя Михаила къ отцю ко владыцѣ. То ти, отче, повѣдую»... Первая грамота новгородцевъ (по Собр. Гр., № 5) и всѣ послѣдующія, за исключеніемъ одной, пишутся со вступительными словами: «благословеніе отъ владыкы» и скрѣпляются печатію Ѳ-ста. Первый договоръ былъ подтвержденъ при участіи Ѳ-ста по неизвѣстному поводу въ той же редакціи еще одинъ разъ (по Собр. Гр., № 6); затѣмъ за его скрѣпою была составлена грамота съ небольшими редакціонными измѣненіями противъ первой (по Собр. Гр., № 9) и, наконецъ, вновь переписана съ болѣе значительными измѣненіями. За печатью же Ѳ-ста сохранилась грамота, въ которой новгородцы жалуются в. кн. Михаилу на его новгородскихъ намѣстниковъ и выражаютъ надежду на разборъ этого дѣла самимъ княземъ, когда тотъ будетъ «въ Новгородѣ у отца своего у владыцѣ». Сверхъ того, имѣется (недатированная) грамота Ѳ-ста посадника и тысяцкаго Новгорода «къ Пископу рижьскому и Гърлаку и къ Ламбрату и къ всѣмъ ратманомъ и къ всѣмъ рижаномъ» съ требованіемъ выдачи пограбленныхъ у новгородскихъ купцовъ на рижской землѣ товаровъ и самыхъ грабителей. «На зиму» 1307 г. Ѳ-стъ, вслѣдствіе болѣзни и желанія вести «молчаньное житіе», добровольно оставилъ каѳедру и удалился на покой въ Благовѣщенскій м-рь, гдѣ чрезъ три года скончался, «много пострада въ болѣзни», и погребенъ въ Богородицкой церкви.

Неизвѣстно, съ какого времени началось почитаніе Ѳ-ста. Въ 1653 г. совершилось первое чудо у его мощей. Въ 1668 г. надъ мѣстомъ погребенія его была поставлена сѣнь и подъ нею рака. Въ 1682 г. былъ возобновленъ храмъ, въ которомъ почивали мощи. Въ 1702 г. сооруженъ покровъ съ изображеніемъ святого на раку. Въ 1786 г. мощи были перенесены въ Юрьевскій м-рь и тамъ въ 1827 г. устроенъ былъ придѣлъ въ честь святителя. Память его чтится 23 января и 23 декабря.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. I, III, и IV.— «Собраніе Госуд. Грам. и Догов.», т. I.— Русско-ливонскіе акты, Спб. 1868.—*Филаретъ, архіеп. черниговскій*, «Житія святыхъ», декабрь, Спб. 1900.—*Германъ, архим.*, «Св. Ѳ-стъ» («Дух. Бесѣда», 1866 г., №№ 39—41).— *Срезневскій И.*, «Древніе памят. русс. письм. и языка», Спб. 1882.—*Тихомировъ П., протоіерей*, «Каѳедра новгород. святителей», т. I, Новгородъ, 1891. — *Димитрій, архіеп.*, Мѣсяцесловъ святыхъ», декабрь, Кам.-Подольскъ 1895.—*Здравомысловъ К. Я.*, «Іерархи новгородской епархіи», Новгородъ, 1897.— *Голубинскій, Е. Е.*, «Исторія кононизаціи святыхъ въ рус. ц.», М. 1903 г. *Н. Т.*

Ѳеоктистъ, архіепископъ тверской и кашинскій, ум. въ 1609 г. До посвященія въ архіепископы былъ, неизвѣстно съ какого времени, игуменомъ Болдина Троицкаго дорогобужскаго монастыря. Въ 1598 г., какъ игуменъ этого монастыря, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ Земскаго Собора, избравшаго въ февралѣ на царство Бориса Годунова, затѣмъ въ теченіе весны и лѣта остававшагося при новомъ царѣ и окончившаго свою дѣятельность 1 августа подписаніемъ избирательной грамоты. Во время пребыванія на соборѣ ему были вручены однимъ іеромонахомъ записки о жизни пр. Нила Столбенскаго, по которымъ послѣ въ Болдиномъ м-рѣ было составлено житіе этого святого. Время поставленія его въ архіепископы точно неизвѣстно. Въ сохранившейся приходной книгѣ Болдина м-ря за 1603—4 гг. имѣются записи о поступленіи отъ него, какъ игумена, разныхъ суммъ (личныхъ пожертвованій и выручекъ отъ служенія молебновъ) съ января по 13 іюня 1603 г. Далѣе, его имя встрѣчается еще разъ подъ 12 февраля 1604 г. уже въ такой записи: «прислалъ преосвященный Ѳеоктистъ тверской на столъ два рубли».. Подъ 14 ноября 1603 г. сдѣлана первая отмѣтка о поступленіи денегъ отъ только что прибывшаго изъ Москвы новаго игумена Корнилія. Изъ сопоставленія этихъ записей можно заключать, что Ѳ-стъ въ іюнѣ 1603 г. былъ вызванъ въ Москву и посвященъ въ архіепископа тверского до ноября мѣсяца того же года, что всего вѣроятнѣе, или нѣсколько позже, но не позднѣе начала февраля 1604 г. Строевъ, по неизвѣстнымъ основаніямъ, датируетъ хиротонію опредѣленно 15 января 1603 г. (ошибочно вмѣсто 1604 г.). Въ царствованіе Лжедимитрія I Ѳ-стъ

былъ занесенъ въ составленную въ іюнѣ 1605 г. поименную роспись чиновъ задуманнаго новымъ правительствомъ сената, въ которомъ въ составѣ «духовной рады» долженъ былъ занимать шестое мѣсто. 1 іюня 1606 г. онъ принималъ участіе въ церковныхъ службахъ при вѣнчаніи на царство Василія Ивановича Шуйскаго и во время самой церемоніи вѣнчанія вносилъ въ соборъ и подавалъ совершавшему вѣнчаніе митрополиту сначала царскій вѣнецъ, затѣмъ скипетръ и державу. Въ томъ же году онъ былъ въ Твери и выступалъ тамъ на защиту власти новаго царя. Когда Ржевъ, Старица, Зубцовъ и другіе города тверской области присягнули Лжедимитрію II и уже въ тверскомъ уѣздѣ началось мятежническое движеніе, Ѳ-стъ, «положа упованіе на Бога, призвалъ къ себѣ весь освященный соборъ, и приказныхъ государевыхъ людей, и своего архіепископля двора дѣтей боярскихъ, и града Твери всѣхъ православныхъ христіанъ, и укрѣпися всѣ единомысленно, поборая за святыя Божія церкви и за православную вѣру и за государево крестное цѣлованіе стояти безъ всякаго сумнѣнія и страха; и тѣхъ злыхъ враговъ и грабителей и разорителей подъ градомъ Тверью много злой проклятый ихъ скопъ побили, и живыхъ многихъ злыхъ разбойниковъ и еретиковъ, поймавъ, къ Москвѣ привели». Слѣдствіемъ этого было возвращеніе отложившихся городовъ тверского края подъ власть царя Василія. Въ іюнѣ 1607 г. Ѳ-стъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Старицу для погребенія патріарха Іова, за что получилъ принадлежавшую покойному шубу куню подъ камкою двоеличной полушелковую. Весною 1608 г. онъ былъ захваченъ въ Твери отрядомъ тушинцевъ и отведенъ въ тушинскій лагерь, гдѣ его то подвергали безчестію и мукамъ, то разными «соблазнами» старались склонить «къ своей прелести». Повидимому въ 1609 г., онъ бѣжалъ изъ лагеря «къ царствующему граду», но былъ настигнутъ въ пути и убитъ. Тѣло его, обезображенное оружіемъ и звѣрями, было взято правовѣрными «ратнымъ обычаемъ».

«Акты Археограф. Эксп.», т. II.—*Калачевъ Н.*, «Акты, относ. до юридич. быта древней Россіи», т. II (№ 142).—«Собран. Госуд. Грам. и Догов.», т II.—«Русс. Ист. Библ.», т. XIII.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоят. монастырей», СПБ. 1877 г.—*Ключевскій В.*, «Древнерус. житія святыхъ», М. 1871.—*Димитрій*, архіеп. тверской, «Тверской Патерикъ», Казань, 1907 г.—*Нечаевъ Ѳ.*, «Священномуч. Ѳеоктистъ, архіеп. тверской» («Твер. Епарх. Вѣдом.», 1909 г., № 10)—*И. И.*, «Тверской архіеп. Ѳеоктистъ» (тамъ же, 1909 г., № 21). *Т—зовъ.*

Ѳеоктистъ, епископъ черниговскій, сконч. 6 авг. 1123 г. До поставленія въ епископы долгое время жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, куда пришелъ, очевидно, еще при св. Ѳеодосіи († 1074 г.), такъ какъ между 1074 и 1077 гг. Печерскій патерикъ представляетъ его уже однимъ изъ начальныхъ учительныхъ монаховъ, участвующимъ вмѣстѣ съ «отцами» и игуменомъ монастыря въ исцѣленіи молитвою и вразумленіи прельщеннаго брата Никиты. Съ 1103 г. Ѳ. былъ тамъ игуменомъ. Въ 1108 г., ревнуя о славѣ монастыря и своего наставника, исходатайствовалъ чрезъ вел. князя Святополка распоряженіе митрополита о внесеніи св. Ѳеодосія печерскаго «по всѣмъ епископьямъ» въ списки святыхъ, поминаемыхъ на праздничныхъ литіяхъ. Въ томъ же 1108 г. онъ окончилъ постройку каменной монастырской трапезницы, заложенной имъ ранѣе по повелѣнію и на средства кн. Глѣба, въ которомъ одни видятъ извѣстнаго благотворителя-минскаго кн. Глѣба Всеславича, а другіе—черниговскаго кн. Давида Святославича, имѣвшаго якобы второе имя Глѣба. Жена послѣдняго, княгиня Ѳеодосія, была духовною дочерью Ѳ-ста, а сынъ кн. Святоша монашествовалъ въ Печерскомъ монастырѣ подъ его началомъ. Можетъ быть, отчасти благодаря этимъ связямъ съ черниговскимъ княжескимъ домомъ, Ѳ—стъ былъ 11 или 12 января 1113 г. поставленъ въ епископы черниговскіе. Это поставленіе возбудило большую радость въ черниговской паствѣ уже по одному тому, что его предшественникъ по каѳедрѣ, вслѣдствіе болѣзни, въ теченіе 25-ти лѣтъ не совершалъ архіерейскаго служенія. За время пребыванія Ѳ—ста въ Черниговѣ лѣтописи и другіе памятники упоминаютъ его имя только два раза: одинъ разъ по поводу участія его 1—2 мая 1115 г. въ освященіи въ Вышгородѣ церкви во имя свв. Бориса и Глѣба и въ торжественномъ перенесеніи въ нее мощей этихъ князей, и другой—въ связи съ обстоятельствами смерти и погребенія черниговскаго князя Давида Святосла-

вича. Въ степен. книгѣ разсказывается, что 1 авг. 1123 г. у умиравшаго князя «бяше... черниговскій епископъ Ѳеоктистъ, и позна, яко уже князь преставитися хощетъ, и повелѣ пѣти канунъ кресту»; когда оказалось, что могилу князя не успѣютъ приготовить къ окончанію отпѣванія, «епископъ рече: «се уже солнце заходитъ, заутра погребемъ его»; нѣцыи же, вшедше въ церковь, повѣдаша епископу, яко солнце не заходитъ, но во единомъ мѣстѣ стоитъ; епископъ же удивися и похвали Бога». Болѣе, чѣмъ вѣроятно участіе Ѳ—ста и въ нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ, сообщенія о которыхъ имѣются въ источникахъ безъ упоминанія его имени; таковы—погребеніе въ Черниговѣ въ 1115 г. черниговскаго князя Олега, въ 1116 г. княжны—инокини Предславы и въ 1120 г. кн. Ростислава, и освѣщеніе тамъ же храма въ честь Бориса и Глѣба, построеннаго кн. Давидомъ. Скончавшись, повидимому въ Черниговѣ, Ѳ—стъ, по нѣкоторымъ позднѣйшимъ извѣстіямъ, «положенъ бысть въ Печерскомъ монастырѣ». Имя его вносится въ списки почитаемыхъ святыхъ, но на самомъ дѣлѣ церковнаго его почитанія нѣтъ.

«Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. т. I, II, III, VII и XXI.—Патерикъ Печерскій (2-й вып. Памятникъ славяно-рус. письм., изд. И. Археогр. Ком.).—*Филаретъ архіеп.*, Ист. стат. описаніе Черниговъ. еп., тт. I и V, Черниговъ 1873—4.—*Его же*, «Житія святыхъ», августъ СПБ. 1892 г.—*Зотовъ Р.*, «О Черниговъ. князьяхъ по Любецкому списку» («Лѣтоп. занятій Археограф. Ком., вып. 9, СПБ, 1893 г.).—*Е. Е. Голубинскій*», «Ист. канониз. святыхъ въ рус. ц.», М. 1903 г. *Т.*

Ѳеоктистъ, игуменъ, ученикъ и другъ извѣстнаго противника патр. Никона протопопа I. Неронова, «равная учителю своему» мудрствовавшій «словомъ и писаніемъ», ум. или въ концѣ 1666 г. (не ранѣе ноября), или въ самомъ началѣ 1667 г. Неизвѣстно, когда былъ игуменомъ московскаго Златоустовскаго м-ря, изъ котораго уволенъ на обѣщаніе въ Переславль-Залѣсскій Никольскій монастырь. Въ разное время жилъ въ Москвѣ у еп. вятскаго Александра, въ 1653—54 г.—у I. Неронова въ Спасокаменномъ м-рѣ за Вологдой, а послѣ поселенія Неронова въ декабрѣ 1656 г. въ Спасоломовской Игнатіевой пустыни—и въ этой послѣдней. Въ январѣ 1665 г. изъ Переславль-Залѣсскаго монастыря Ѳ. переѣхалъ къ вятскому еп. Александру въ Александровскій монастырь въ г. Вяткѣ. Въ январѣ 1666 г. отправился въ Игнатьеву пустынь къ Неронову, но во время остановки въ Устюгѣ Великомъ въ Архангельскомъ монастырѣ, у своего брата, былъ взятъ, по царскому указу, стрѣльцами и связаннымъ отвезенъ въ Москву. Одновременно съ этимъ въ помѣщеніяхъ его и епископа въ Вяткѣ былъ произведенъ обыскъ и отобраны принадлежавшія ему письма и книги, которыхъ оказалось всего 87 нумеровъ. Изъ отобранныхъ бумагъ ясно обнаружилось враждебное отношеніе Ѳ-ста къ никоновскимъ нововведеніямъ и дѣятельныя сношенія его съ главными расколоучителями. 15 февраля 1666 г. ему былъ сдѣланъ допросъ по поводу нѣкоторыхъ его бумагъ, а также объ отношеніяхъ его къ новымъ книжнымъ исправленіямъ и вообще къ господствующей церкви. Въ виду прямого заявленія имъ своего сомнѣнія въ правильности книгъ новой печати, его представили на судъ засѣдавшаго тогда собора. Ѳ-стъ попытался предупредить рѣшеніе послѣдняго, подавъ ему молебное посланіе, въ которомъ подробно объяснялъ причины, на его взглядъ довольно серьезныя, по которымъ онъ впалъ въ заблужденіе, и просилъ себѣ прощенія. Однако соборъ заподозрилъ искоренность посланія, и Ѳ-стъ 16 іюля 1666 г. былъ посланъ въ Никольскій Пѣсновшскій монастырь «подъ крѣпкій началъ». Кажется, отсюда онъ написалъ собору новое посланіе, въ которомъ вновь указывалъ на свое обращеніе, доказывалъ его искренность и полагалъ анаѳему на прежнее свое мудрованіе. Можетъ быть, вслѣдствіе этого посланія онъ былъ 5 ноября привезенъ въ Патріаршій Дворцовый приказъ и по приказанію митроп. сарскаго Павла посланъ въ Покровскій монастырь, что на убогихъ домахъ. Здѣсь, «поживъ нѣчто времени съ миромъ, ко Господу отъиде», въ согласіи съ господствующей церковью.

Изъ произведеній его извѣстны: 1—2) два посланія къ боярынѣ Ѳ. П. Морозовой (изд. проф. Субботинымъ въ «Матер. для истор. раск.»), 3) Письмо къ протопопу Стефану Вонифатьевичу отъ 13 іюля 1654 г. (изд. ibid) и 4—5) два молебныхъ писанія къ собору 1666 г. (изд. ibid.). Можетъ быть, ему же принадлежитъ записка о жизни прот. I. Неронова съ 1653 по 1659 г. (изд. ibid.).

«Дополн. къ Акт. Истор.», т. V.—*Субботинъ Н.*, «Матеріалы для исторіи раскола».—*Смирновъ П.*, «Внутр. вопр. въ расколѣ въ XVII в.», Спб., 1898 г. — *Дружининъ В. Г.*, «Писанія рус. старообр.», Спб., 1912 г. *Н. Т.*

Ѳеологъ, монахъ Чудова м-ря, ум. 24 апр. 1734 г. Неизвѣстно, какого былъ происхожденія и гдѣ обучался. Обычно его называютъ учениковъ Лихудовъ, но едва ли вѣрно, что онъ прошелъ школу послѣднихъ, въ которой преподаваніе велось исключительно на латинскомъ и греческомъ языкахъ, такъ какъ, по свидѣтельству извѣстнаго ученика Лихудовъ и директора московской синодальной типографіи Ѳ. П. Поликарпова-Орлова, онъ не зналъ никакихъ языковъ, кромѣ русскаго и славянскаго. 16 апр. 1698 г., будучи монахомъ Чудова м-ря, Ѳ. назначенъ былъ чтецомъ московскаго печатнаго двора. 23 марта 1702 г. опредѣленъ тамъ же въ справщики. 14 ноября 1712 г. назначенъ въ распоряженіе лицъ, исправлявшихъ славянскую библію (Ѳеофилактъ Лопатинскій, Софроній Лихудъ и др.), и имѣлъ «читательный и въ стихахъ и приправкахъ писательскій трудъ». Имъ написанъ сводъ поправокъ, сдѣланныхъ въ пятокнижіи моисеевомъ и «послѣ повторенъ». По окончаніи исправленія библіи, 13 авг. 1720 г. Ѳ. былъ опредѣленъ въ справщики типографіи Александроневскаго м-ря, откуда уволенъ 11 мая 1723 г., «за малостію становъ и книжнаго исправленія». 2 декаб. того же года онъ былъ опредѣленъ снова въ справщики московской синодальной типографіи (б. печатнаго двора), съ жительствомъ въ Чудовѣ м-рѣ. 18 янв. 1725 г. за отказъ править книгу Аполлодора «о богахъ языческихъ», которою особенно интересовался царь Петръ, былъ арестованъ директоромъ типографіи, продержанъ трое сутокъ подъ арестомъ и затѣмъ уволенъ изъ типографіи, послѣ чего проживалъ въ Чудовѣ м-рѣ «внѣ братскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья». Въ августѣ 1726 г. Синодъ постановилъ было поручить ему въ управленіе типографію въ черниговскомъ Ильинскомъ м-рѣ, но онъ туда не поѣхалъ. Въ началѣ слѣдующаго года воронежскій епископъ Іосифъ взялъ его къ себѣ въ казначеи своего архіерейскаго дома. Въ апрѣлѣ 1728 г. Ѳ. былъ возвращенъ къ прежней должности справщика въ московской синодальной типографіи, въ которой и скончался. Въ 1731 г. ему пришлось еще разъ быть временно отрѣшеннымъ отъ службы и подвергнуться аресту, пока не выяснилась его невинность въ обнаруженной въ типографіи пропажѣ книгъ.

Ѳ. болѣе всего извѣстенъ своею дружбою со св. Димитріемъ Ростовскимъ, съ которымъ онъ познакомился въ Москвѣ въ 1689 г. и находился все время въ оживленныхъ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ. Св. Димитрій часто обращался къ нему съ порученіями по части справокъ и отысканія матеріаловъ для своихъ сочиненій—«Четьи Минеи», «Лѣтописецъ келейный» и «Розыскъ о брынской вѣрѣ». Авторъ «Исторіи московской сл.-гр.-лат. академіи» С. Смирновъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, приписываетъ ему какіе то «переводы съ греческаго».

Дѣла Архива С. Синода 1722 г., № 268; 1723 г., № 38; 1724 г., № 387; 1725 г., № 93; 1728 г., № 234; 1731 г., № 22 и 1734., № 206.—Письмо Св. Димитрія Р. м. Ѳеологу въ кн. «Св. Димитрій Р.», М. 1849. («Яросл. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. и «Рус. Стар.», 1872 г., № 6).—*Евгеній, митропол.*, «Слов. дух. писат.», СПБ. 1827.—*Смирновъ С.*, «Исторія сл.-гр.-лат. акад.», М. 1855.—*Пекарскій*, «Наука и лит. въ Р. при Петрѣ, тт. I—II, СПБ. 1862.—*Филаретъ, архіеп.*, «Обзоръ рус, дух. лит.», СПБ. 1884.—*Шляпкинъ*, «Св. Димитрій Рост. и его время», СПБ. 1891.—*Браиловскій С.*, «Ѳ. Г. Поликарповъ-Орловъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1894, сент.—окт.). *Т.*

Ѳеопемптъ, митрополитъ кіевскій, по всей вѣроятности родомъ грекъ, поставленъ въ Кіевъ, по Ипатьевской лѣтописи, въ 1038 г. константинопольскимъ патріархомъ Алексѣемъ Студитомъ; занималъ каѳедру, повидимому, весьма недолгое время, такъ какъ между нимъ и м. Иларіономъ, поставленнымъ въ 1051 г., былъ еще м. Кириллъ. Изъ событій, касающихся его, лѣтописи сообщаютъ только объ освященіи имъ въ Кіевѣ въ 1038 г. церкви Св. Софіи и въ 1039 г. ц. Св. Богородицы, впослѣдствіи названной Десятинною. Одно время въ литературѣ его отожествляли съ нѣкіимъ Ѳеофилактомъ Севастійскимъ, который, по темному извѣстію одной греческой рукописи, былъ якобы перемѣщенъ изъ Севастіи въ Кіевъ въ царствованіе котораго то изъ двухъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, Порфирогенитовъ (976—1028 гг.).

«Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», тт. II, III, V, VII и XXI. — *Павловъ А. С.*, «Замѣч. греч. рукоп. москов. синод. библ. (Записки Новорос. унив., т. XIII). — *Голубинскій Е. Е.*, «Исторія рус. ц.» 1-я полов. I т., М. 1901 г. *Т.*

Ѳеофанія (въ мірѣ вдова генер.-маіора *Александра Сергѣевна Готовцева*, урожденная *Щулепникова*), основательница и первая игуменія с.-петербургскаго Воскресенскаго женскаго монастыря. Происходила изъ древняго боярскаго рода и родилась 15 февр. 1787 года въ сельцѣ Тресковѣ, Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Съ дѣтства она отличалась живымъ веселымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ; была религіозна и съ большою охотою до 14 лѣтъ училась дома, а съ 1801 г.—въ Екатерининскомъ институтѣ пансіонеркою государыни императрицы, полюбившей ее за ея открытую оживленную наружность, за умную и правдивую рѣчь, тщательное воспитаніе и прекрасное знаніе французскаго языка. Институтъ окончила она въ 1805 году съ шифромъ. 15 января 1809 года она вышла замужъ за генерала Сем. Ст. Готовцева, но на другой день послѣ свадьбы Готовцевъ уѣхалъ на войну съ Швеціей и въ битвѣ при Севарѣ, 8 авг. 1809 г., былъ убитъ. Въ томъ же году 8 ноября у нея родилась дочь Анна, скончавшаяся 13 ноября 1813 г. Безутѣшная вдова и мать тогда же дала обѣтъ Богу поступить въ монастырь, что и исполнила 9 марта 1818 г., вступивъ въ число послушницъ Горицкаго Воскресенскаго женскаго монастыря; съ нею вмѣстѣ вступили въ монастырь 12 женщинъ изъ ея крѣпостныхъ. Въ монастырѣ она построила двухъ-этажный домикъ и жила въ немъ съ своими келейницами. 16 сентября 1818 г. она была пострижена въ рясофоръ съ именемъ Ѳеофаніи. Исполняя всевозможныя возлагаемыя на нее монашескія послушанія, Ѳ. совершенствовалась въ иноческой жизни и въ 1832 году была сдѣлана ризничей монастыря. 8 ноября 1837 г. она приняла великій постригъ. Въ 1845 году 1 іюля Ѳ. вызвана была въ Петербургъ для устройства по Высочайшему повелѣнію женской общежительной обители. Монастырь былъ устроенъ сначала на Васильевскомъ островѣ, и Ѳ. назначена, а 28 окт. посвящена въ игуменію его. Вскорѣ были получены планы монастыря, устраиваемаго на новомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и нынѣ находится. 3 ноября 1849 г. была совершена закладка Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря. Сначала былъ построенъ временный храмъ; въ 1854 году готовы были кельи для сестеръ и рукодѣленъ, каменная ограда, а въ 1861 г. и главный монастырскій храмъ. Лично извѣстная государю императору и другимъ Высочайшимъ особамъ, игуменія Ѳ. привлекла многихъ щедрыхъ жертвователей на построеніе обители (собрано было до 150,000 р.). Ею-же при монастырѣ устроены были живописная мастерская, позолотная, золотошвейная, швейная или рухольня, ковровая и башмачная. Ей-же принадлежитъ честь устройства при монастырѣ прекраснаго хора. Игуменія Ѳ. была постоянною воспріемницею при крещеніи и мѵропомазаніи Высочайшихъ особъ, которыя часто посѣщали потомъ Воскресенскую обитель. Много она благотворила и помогала бѣднымъ и сирымъ, сестеръ обители наставляла къ богоугодной жизни, трудамъ и молитвѣ; скончалась Ѳ. съ молитвою на устахъ 16 мая 1866 года. Письма къ ней Высочайшихъ особъ, письма и наставленія архимандрита-подвижника новоезерскаго Ѳеофана, архіеп. воронежскаго Антонія, архимандритовъ—ростовскаго Иннокентія, александро-свирскаго Варсонофія, юрьевскаго Фотія, графини А. А. Орловой-Чесменской и др. помѣщены въ приложеніи къ жизнеописанію игуменіи.

В. Аскоченскій, «Ѳеофанія, игуменія Воскресен. дѣв. мон., Спб. 1866.—Игуменія Ѳеофанія (Готовцова), съ приложеніями. Спб., 1868 г., стр. 1—470.—*Софія Снессорева*, «С.-Петербургскій Воскресенскій женскій монастырь», Спб., 1887 г.

К. Здр—въ.

Ѳеофанія (въ мірѣ *Елена Николаевна Сидорова*, урожд. *Митрополова*), схи-игуменія Шенкурскаго женскаго монастыря. По происхожденію была купеческаго званія, родилась въ г. Вологдѣ въ 1800 году; скончалась 28-го января 1888 г. Была замужемъ и жила въ Архангельскѣ; имѣла дѣтей и овдовѣла въ 1827 г. Послѣ смерти мужа, владѣя значительнымъ состояніемъ, она занималась воспитаніемъ и устройствомъ своихъ дѣтей, широкою благотворительностію и много путешествовала по святымъ мѣстамъ. Въ 1860 г. Ѳ. поступила въ Холмогорскій женскій монастырь, гдѣ чрезъ три года была пострижена въ рясофоръ съ именемъ Евгеніи, а въ 1865 г. приняла великій постригъ съ именемъ Ѳеофаніи. Тихо и мирно, въ подвигахъ молитвы, посильнаго труда и послушанія текла ея жизнь. Въ 1866 г. 2 января она посвящена была въ санъ игуменіи возстановленнаго Шенкурскаго женскаго монастыря, надъ возобновленіемъ котораго

ей пришлось потрудиться. Плодомъ ея заботъ и трудовъ явились: два благолѣпно устроенныхъ каменныхъ храма, три новыхъ жилыхъ корпуса и новая каменная ограда вокругъ обители; въ храмахъ обители отправлялось ежедневно богослуженіе. Скончалась она послѣ восьмилѣтней болѣзни, которую переносила съ христіанскимъ терпѣніемъ, занимаясь благотворительностью и молитвою. 20 августа 1887 г. она приняла схиму.

«Памяти схи-игуменіи Шенкурскаго женскаго монастыря Ѳеофаніи», Спб., 1891 г.
К. Здр—въ.

Ѳеофанъ (въ мірѣ *Петръ Семеновичъ Авсеневъ*), архимандритъ, инспекторъ Кіевской дух. академіи и потомъ настоятель правосл. церкви въ Римѣ, родился въ Воронежской губерніи, въ селѣ Московскій посёлокъ въ 1812 году и былъ однимъ изъ 6-ти сыновей священника тамошней церкви Симеона Авсенева. Образованіе онъ получилъ въ Воронежѣ въ духовномъ училищѣ и потомъ въ духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1829 году поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь онъ скоро обратилъ на себя вниманіе всѣхъ безпримѣрнымъ добродушіемъ и простосердечіемъ и чрезвычайною охотою къ чтенію книгъ, преимущественно философскаго содержанія. Онъ былъ добръ, общителенъ, скроменъ, услужливъ, послушенъ и благочестивъ. По необыкновенной жаждѣ къ ученію и по молодости Авсеневъ былъ рѣдкимъ явленіемъ въ академіи. Окончивъ академическій курсъ наукъ въ 1835 г., онъ по выбору ректора академіи оставленъ былъ при академіи баккалавромъ нѣмецкаго языка. Должность эту онъ исправлятъ около 3-хъ лѣтъ. Преподавая исторію нѣмецкой литературы, онъ невольно знакомился съ нѣмецкою философіей. Къ его удовольствію, 3 марта 1836 г., онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру философіи. Это было цвѣтущее время преподаванія философіи въ Кіевской академіи. Всѣмъ памятныя его лекціи о болѣзняхъ, о снѣ, о лунатизмѣ, о смерти повергали весь составъ слушателей въ самое глубокое размышленіе. Гармонія мысли и вѣры въ немъ была поразительная. Въ 1839 году онъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Слава о немъ, какъ о глубокомъ мыслителѣ, быстро распространилась, и онъ былъ приглашенъ занять философскую каѳедру въ университетѣ Св. Владиміра, гдѣ онъ (не оставляя службы при академіи) заслужилъ всеобщее уваженіе и расположеніе. Вскорѣ въ жизни Авсенева произошла большая перемѣна. Когда одинъ изъ его близкихъ сослуживцевъ по академіи принялъ монашество, онъ самъ сталъ подумывать о томъ же. Рѣшиться на это ему не стоило труда, потому что образъ жизни его былъ давно уже истинно монашескій, да и по образу мыслей онъ былъ близокъ къ тому. Въ 1844 г., согласно прошенію, онъ былъ уволенъ отъ службы въ университетѣ и 11 октября того же года постриженъ въ монахи и нареченъ Ѳеофаномъ. Постриженіе было совершено митрополитомъ кіевскимъ Филаретомъ въ пещерахъ преп. Антонія. Ѳ. понялъ и принялъ монашество самымъ строгимъ образомъ, точно такъ, какъ оно давно представлялось ему въ идеѣ. Въ 1845 г. въ санѣ іеромонаха Ѳ. былъ вновь приглашенъ кіевскимъ попечителемъ къ чтенію лекцій философіи въ университетѣ и допущенъ къ преподаванію, но въ мартѣ того же года министерство народн. просвѣщенія нашло излишнимъ имѣть другого преподавателя, и потому Ѳ. былъ уволенъ отъ должности. 16 іюня 1846 г. Ѳ. возведенъ былъ въ санъ архимандрита и въ октябрѣ того же года занялъ должность инспектора въ академіи. Вѣрный своему сану, онъ старался отдалиться отъ философскихъ занятій и упражняться болѣе въ богословіи. Поэтому, будучи уже ординарнымъ профессоромъ философіи, онъ желалъ перемѣститься на какую-либо изъ богословскихъ каѳедръ, но этого онъ не достигъ, а только взялъ на себя преподаваніе библіологіи. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ взялся онъ за это новое занятіе; между тѣмъ организмъ его уже былъ подточенъ, и онъ нуждался сильно въ отдыхѣ; это заставило его искать другой родъ службы. Ему представился случай занять открывшуюся въ посольской церкви нашей въ Римѣ настоятельскую вакансію. 20 марта 1851 г. онъ выѣхалъ въ Римъ, и 31 марта слѣдующаго года скончался тамъ.

Ни въ свѣтскомъ быту, ни въ монашествѣ Ѳ. не любилъ ни славы, ни денегъ, ни роскоши, ни забавъ, ни даже какихъ-либо удобствъ въ домашней жизни. Въ кругу собесѣдниковъ, любившихъ его ум-

ное слово, онъ излагалъ свои мысли, всегда глубокія, свѣжія, свѣтлыя, отрадныя, вѣявшія чистотой и христіанскою святыней. Въ домашней жизни онъ былъ простъ, открытъ, ласковъ, общителенъ, тихъ и невзыскателенъ, щедръ и благотворителенъ до самоотверженія, не прилагая сердца своего ни къ чему, что имѣлъ, кромѣ только книгъ, да и тѣ не держалъ, какъ мертвый капиталъ, а давалъ читать ихъ всякому, и даже самъ навязывался на то. Владѣя вполнѣ развитымъ эстетическимъ чувствомъ и проводя всюду параллель между духовнымъ и чувственнымъ бытіемъ, онъ на всѣ изящныя искусства смотрѣлъ только съ точки зрѣнія высшаго философскаго ихъ значенія. Музыка доставляла ему высокое наслажденіе; отдавая предпочтеніе музыкѣ церковной, онъ иногда и самъ разыгрывалъ на гусляхъ духовные концерты. Онъ былъ одинъ изъ ученыхъ людей Россіи того времени. Богословскія, философскія, историческія и естественныя науки составляли обыкновенный кругъ его занятій. Языки еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій онъ зналъ превосходно. Въ университетѣ П. С. Авсеневъ читалъ логику, исторію души, исторію новѣйшей философіи, нравственную философію въ соединеніи съ естественнымъ правомъ и философію исторіи. Лекціи его, читанныя въ университетѣ, впослѣдствіи вошли въ составъ юбилейнаго изданія подъ заглавіемъ: «Сборникъ изъ лекцій бывшихъ профессоровъ Кіевской дух. академіи . . . . изданный академіею по случаю пятидесятилѣтняго юбилея ея». Кіевъ, 1869 г. Въ сборникѣ напечатано 246 страницъ изъ лекцій Ѳ-на по опытной психологіи. Въ лекціяхъ есть слѣдъ, что Ѳ. пытался расширить свой научный кругозоръ далѣе предѣловъ обычнаго опыта.

При жизни онъ печаталъ статьи философско-религіознаго содержанія въ журналѣ «Воскресное Чтеніе» («О сновидѣніяхъ», «Символы въ природѣ», «Чаяніе великой субботы въ природѣ»; Примѣчаніе для моралистовъ»; «Воодушевленіе», «Истинно-высокое»). Кромѣ того, въ «Москвитянинѣ за 1852 г., № 20, была напечатана его статья: «Наблюденія надъ умирающими»— отрывокъ изъ «Психологіи» («Жур. М. Н. Пр.» 1853 г., ч. LXXVII, стр. 104).

Дѣла архива Св. Синода—1844 г, № 1821; 1850 г., № 505; 1850 г., № 927; 1853 г., № 1623. Дѣла Комиссіи Дух. учил., №№ 9030 и 10648.—Проф. *Владимірскій-Будановъ*, «Исторія университета».—Памятная книжка Кіевской губерніи на 1857 г., стр. 123—133.—«Журн. Минист. Нар. Пр. 1853 г., ч. 77, отд. VII, стр. 101 — 108.—«Домашняя Бесѣда», 1863, вып. 22 и 25.—«Московскія Вѣдомости», 1853, № 13.— *Иконниковъ*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей И. университета св. Владиміра» Кіевъ, 1884, стр. 6—11 и Дополненіе, стр. 805.—*Шульгинъ*, «Исторія унив. Св. Владиміра», стр. 160. — *Асоченскій*, «Ист. Кіев. дух. акад. послѣ 1819 года». К. 1863 г.

Конопасевичъ.

Ѳеофанъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Александровъ*), архимандритъ колязинскаго Макаріевскаго монастыря, церковный композиторъ. Былъ сынъ дьячка, родился въ селѣ Городищѣ, Каширскаго уѣзда, въ 1785 или 1786 г.; скончался 23 октября 1852 года. Образованіе Ѳ. получилъ въ Троице-Сергіевской и въ Виѳанской семинаріяхъ; въ послѣдней было обращено особенное вниманіе на постановку преподаванія церковнаго пѣнія, съ обученіемъ игрѣ на скрипкѣ и гусляхъ. Здѣсь обнаружились въ будущемъ композиторѣ большія дарованія и любовь къ церковному пѣнію. Въ 1807 г. Ѳ. Александровъ окончилъ курсъ ученія и былъ назначенъ учителемъ латинскаго языка въ низшій классъ Троице-Сергіевой семинаріи и регентомъ митрополичьяго (лаврскаго) хора. Къ этому времени относится реформа духовно-учебныхъ заведеній. Въ Петербургъ вызывались изъ другихъ епархій выдающіеся преподаватели; изъ Троице-Сергіевой семинаріи были вызваны «для усмотрѣнія и опредѣленія ихъ соотвѣтственно ихъ знанію и способностямъ» — іеродіаконъ Филаретъ (Дроздовъ), Сем. Платоновъ и Ѳед. Александровъ. Вызванные должны были представить въ комитетъ объ усовершенствованіи дух. училищъ какія-либо свои ученыя работы. Ѳ. Александровъ не нашелъ ничего лучше, какъ представить сочиненные имъ стихи: «Взглядъ на путь къ Парнасу», «Неколебимость Церкви (Мѳ. 16, 18)», «Не бойся, малое стадо (Лк. 12, 32)», «Поимъ Господеви (Исх. 15, 1) (всѣ эти стихи въ рукописи хранятся въ Архивѣ Св. Синода, въ дѣлѣ Ком. Дух. Учил., № 22). Александровъ остался въ С.-Петербургѣ, и въ 1809 г. былъ опредѣленъ учителемъ высшаго класса въ Александро-Невское духовное училище по латинскому и гре-

скому языкамъ, свящ. исторіи, катехизису и церковному пѣнію; кромѣ того, въ существовавшей тогда Армейской семинаріи онъ преподавалъ реторику, греческій языкъ и высшее краснорѣчіе и въ СПБ. академіи состоялъ помощникомъ библіотекаря. Ревизоры съ похвалой отзывались о знаніяхъ, способностяхъ и усердіи Александрова. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ на должность ректора Алекс.-Невскаго училища и вмѣстѣ инспектора и преподавателя философскихъ наукъ СПБ. дух. семинаріи; въ августѣ того же года онъ постригся въ монахи съ именемъ Ѳеофана, а черезъ годъ, оставаясь при прежнихъ должностяхъ, получилъ санъ архимандрита Сковородскаго Михайловскаго монастыря Новгородской епархіи. Въ слѣдующемъ 1814 г. архим. Ѳ. былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ преобразованной ярославской дух. семинаріи и настоятелемъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря; учебное дѣло въ семинаріи онъ поставилъ хорошо, были нѣкоторые недочеты по экономической части и письмоводству, но архим. Ѳ. въ этомъ не былъ виноватъ. Въ 1816 г. онъ былъ переденъ въ Домнитскій Рожд.-Богородицкій монастырь, Черниговской епархіи, и черезъ 4 мѣсяца назначенъ профессоромъ черниговской дух. семинаріи; въ 1817 г. онъ былъ переведенъ въ казанскій Спасо-Преображенскій монастырь и черезъ мѣсяцъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ старой Казанской академіи, преобразованной въ 1818 г. въ новую дух. семинарію (Рѣчь его по этому случаю). Такимъ образомъ архимандриту Ѳ-ну третій разъ пришлось принимать дѣятельное участіе при введеніи дух.-учебной реформы (въ СПБ., Ярославлѣ и Казани). Какъ преподаватель богословія, архим. Ѳ. былъ однимъ изъ наиболѣе самостоятельныхъ и передовыхъ: извѣстны въ рукописи составленныя имъ «Записки по части догматической богословіи», на латинскомъ языкѣ, которыя хотя и заключали въ себѣ много лишняго, ненужнаго и схоластическаго, но считались очень хорошими по плану, языку и ясности изложенія. Имъ обращено было вниманіе и на матеріальное обезпеченіе семинаристовъ, жившихъ на частныхъ квартирахъ; въ 1829 г. при семинаріи основанъ былъ «Комитетъ для призрѣнія бѣдныхъ учениковъ казанской семинаріи и низшихъ подвѣдомыхъ оной училищъ», и при Спасскомъ монастырѣ устроенъ флигель для ученическаго общежитія. 14 декабря 1819 г. архим. Ѳ. былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Казанскій университетъ, гдѣ читалъ лекціи по собственнымъ запискамъ, переведеннымъ на русскій языкъ. Онъ принималъ большое участіе въ дѣятельности Россійскаго Библейскаго Общества, состоя предсѣдателемъ его комитетовъ въ Ярославлѣ и Казани (изв. его «Рѣчь о значеніи Библ. Общ.»). Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ казанской дух. консисторіи, членомъ казанскаго цензурнаго комитета и членомъ казанск. Общ. любителей росс. словесности. Церковное пѣніе и музыка составляли для него высшее утѣшеніе и въ Казани: онъ самъ выбиралъ пѣвчихъ, руководилъ хоромъ на спѣвкахъ, много пѣлъ solo и игралъ на гусляхъ. Не угодивъ чѣмъ-то попечителю учебнаго округа Магницкому, архим. Ѳ. долженъ былъ въ 1823 г. оставить университетъ, а въ 1832 г. оставить и Казань по случаю назначенія настоятелемъ московскаго Донского монастыря, членомъ московской синодальной конторы и благочиннымъ ставропигіальныхъ монастырей. Богатыя средства монастыря дали возможность архимандриту Ѳ-ну всецѣло предаться церковно-пѣвческому дѣлу, образовать прекрасный хоръ пѣвчихъ и обставить его всѣми удобствами. Состоя членомъ Комитета для устройства церковнаго пѣнія, архим. Ѳ. не поладилъ съ директоромъ придворной капеллы Львовымъ,—не находилъ въ композиціяхъ послѣдняго церковности. Враждебно настроенный по отношенію къ архимандриту Ѳ-у, А. Ѳ. Львовъ тоже неодобрительно отзывался о музыкальныхъ сочиненіяхъ архимандрита: «мараетъ нотную бумагу, воображая, что онъ единственный въ мірѣ сочинитель церковнаго пѣнія». Правда, архимандритъ Ѳ. не былъ хорошо знакомъ съ теоріей музыки, онъ былъ самоучкой, его пьесы не отличаются сложностію музыкальнаго построенія, но просты, мелодичны и спокойны, какъ просто наше старинное обиходное пѣніе. Всѣ свои композиціи онъ называлъ переложеніями, самостоятельное творчество сказалось лишь въ небольшомъ числѣ его произведеній. Въ рукописи извѣстны 8 томовъ его партитуры: всенощное, литургія, великопостныя пѣсно-

пѣнія, Страстная седмица, Пасхальныя пѣснопѣнія, пѣснопѣнія всѣхъ двунадесятыхъ праздниковъ, праздниковъ Покрова Пр. Богородицы и св. апост. Петра и Павла, а также особыя пѣснопѣнія—при погребеніи, на акаѳистахъ, «Подъ Твою милость», «Утоли болѣзни» и др. Но въ печати его музыкальныя произведенія не появлялись. Въ 1850 г. Ѳ. перемѣщенъ былъ въ нѣжинскій Назаретъ-Богородичный монастырь Черниговской епархіи, а въ концѣ того-же года (21 декабря)—въ Колязинъ Макаріевъ Троицкій монастырь, гдѣ и скончался. Изъ проповѣдей его изданы слѣдующія: «Слово въ Великій Пятокъ», «На день восшествія на престолъ императора Александра I», «Собраніе поучит. словъ на Господскіе и Богородичные праздники и нѣкоторые высокоторжеств. дни» (2 кн. М. 1841), «Собраніе поучит. словъ на воскресные дни» (М. 1849) и «Слово 18 сент. 1827 г. по случаю Высочайшей милости Казанскимъ купеческому и мѣщанскому обществамъ» (М. 1828).

Проф. прот. А. В. Смирновъ, «Архимандритъ Ѳеофанъ, церковный композиторъ» (съ портретомъ, Каз. 1909).—Дѣла Ком. Дух. Училищъ, №№ 22, 25, 1557, 1750, 2583, 4754 и др. -*Надеждинъ*, «Исторія СПб. семинаріи».—*Котовичъ*, «Духовная Цензура въ Россіи».—*Строевъ*, «Списки іерарховъ».—*Благовѣщенскій*, «Исторія Казанск. академіи».—*Знаменскій*, «Исторія Казанск. семинаріи».—*Н. П. Загоскинъ*, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго унив.», т. I, стр. 116—118.
К. Здр—въ.

Ѳеофанъ (въ мірѣ князь *Николай Габунія*), епископъ мингрельскій. Родился въ 1803 г. въ Мингреліи въ сел. Оногія; былъ сыномъ дворянина Вахуштія. Образованіе Ѳ. получилъ въ мингрельскомъ Цагерейскомъ монастырѣ, гдѣ 14 янв. 1825 г. постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофана и 25 янв. рукоположенъ былъ въ іеродіакона. Съ 1827 г. онъ былъ миссіонеромъ сначала въ Сванетіи, затѣмъ, рукоположенный въ 1833 г. въ іеромонахи, былъ перемѣщенъ миссіонеромъ въ Абхазію; его дѣятельность увѣнчалась обращеніемъ въ христіанство 1000 душъ язычниковъ и магометанъ. Въ 1842 г. Ѳ. былъ возведенъ въ санъ игумена и въ 1846 г.—въ санъ архимандрита. Въ 1848 г. онъ оставилъ Абхазію и 20 сент. былъ назначенъ настоятелемъ Цагерейскаго м-ря. Перемѣщенный въ 1853 г. въ имеретинскій Гаэнаатскій монастырь, онъ въ слѣдующемъ году былъ избранъ и хиротонисанъ въ Тифлисѣ въ епископа мингрельскаго. Скончался Ѳ. 1 іюня 1859 года.

Дѣло Архива Св. Син. 1854 г., № 2213.—Списки архіереевъ іерархіи всероссійской. СПБ. 1896 г. *К. Здр—въ.*

Ѳеофанъ (въ мірѣ *Георгій Васильевичъ Говоровъ*), епископъ владимірскій и суздальскій, вышенскій затворникъ, замѣчательный іерархъ — подвижникъ XIX вѣка, родился 10-го января 1815 г. Отецъ его, Василій Тимоѳеевичъ Говоровъ, былъ священникомъ села Черновска Орловской губерніи, Елецкой округи. Въ 1823 г. Георгій Говоровъ поступилъ въ Ливенское духовное училище, а въ 1829 г. перешелъ въ Орловскую семинарію. Въ школѣ онъ обнаружилъ выдающіяся способности и шелъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Съ дѣтства обнаруживавшій склонность къ уединенію и особенное благочестіе, юноша Говоровъ въ семинаріи уже довольно рѣзко выдѣлялся изъ среды товарищей своимъ подобнымъ нравственнымъ настроеніемъ. Въ семинаріи онъ пробылъ 8 лѣтъ вмѣсто шести, потому что по собственному желанію остался на повторительный курсъ въ среднемъ философскомъ отдѣленіи, желая основательнѣе познакомиться съ философскими науками, любовь къ которымъ сумѣлъ внушить ему выдающійся учитель философіи Остромысленскій. По окончаніи семинаріи въ 1837 г. Говоровъ, во вниманіе къ его выдающимся познаніямъ въ св. писаніи, по особому распоряженію епарх. преосвященнаго былъ назначенъ въ Кіевскую академію для продолженія образованія. Въ академіи онъ учился въ ректорство знаменитаго Иннокентія, впослѣдствіи архіепископа херсонскаго. Здѣсь, кромѣ интереса къ богословскимъ наукамъ, Говоровъ обнаружилъ особенную любовь къ писательству, въ частности къ писанію проповѣдей. По словамъ его товарища по академіи, Макарія Булгакова (митроп. моск.), никто лучше его не писалъ, только по скромности своей онъ не могъ читать громко своего сочиненія. Въ академіи опредѣлились окончательно и нравственныя склонности будущаго подвижника. Подобно многимъ другимъ лучшимъ студентамъ того времени, Говоровъ былъ захваченъ аскетическимъ увлеченіемъ и рѣшилъ принять монашество. На старшемъ курсѣ онъ заявилъ офиціально о своемъ намѣреніи и 15 февраля 1841 г.

былъ постриженъ съ именемъ Ѳеофана; 6-го апрѣля онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 1-го іюля въ іеромонаха.

По окончаніи академическаго курса въ томъ же 1841 г., въ августѣ этого же года іером. Ѳ. былъ опредѣленъ ректоромъ кіево-софійскаго духовнаго училища, при чемъ ему было поручено и преподаваніе латинскаго языка въ высшемъ классѣ этого училища. Въ Кіевѣ, однако, Ѳ. оставался не долго. Въ декабрѣ 1842 г. онъ былъ переведенъ на должность инспектора и профессора философскихъ наукъ въ новгородскую семинарію, а черезъ два года отсюда, въ декабрѣ 1844 года, былъ назначенъ баккалавромъ С.-Петербургской духовной академіи по каѳедрѣ нравственнаго и пастырскаго богословія, а затѣмъ исполнялъ и должность помощника инспектора. Въ 1847 г., въ августѣ, іеромонахъ Ѳ. съ разрѣшенія св. Синода оставилъ учебную службу и отправился въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ, въ качествѣ члена отправлявшагося въ Іерусалимъ духовнаго посольства, во главѣ съ извѣстнымъ ученымъ археологомъ архим. Порфиріемъ, для ознакомленія съ положеніемъ православія на востокѣ. Миссія, живя большею частью въ Іерусалимѣ, посѣтила всѣ свящ. мѣста Палестины, Египта, Сиріи. Іером. Ѳ., исполняя свои обязанности, могъ въ то же время вполнѣ удовлетворить и свои нравственныя и научныя потребности. Онъ изучалъ памятники жизни и писанія древнихъ подвижниковъ; собралъ много рукописей святоотеческой литературы. Вращаясь нѣсколько лѣтъ среди православныхъ грековъ, отчасти евреевъ и арабовъ, онъ хорошо изучилъ греческій языкъ и познакомился съ еврейскимъ и арабскимъ. Посольство возвратилось на родину въ 1855 г., при чемъ по случаю войны Россіи съ Турціей пришлось ѣхать черезъ Европу. Здѣсь, по пути Ѳ. съ интересомъ знакомился съ художественными произведеніями Италіи, съ нѣмецкой богословской ученостью въ Германіи. По возвращеніи въ Россію Ѳ. 12 апр. 1855 г. былъ опредѣленъ снова въ Спб. дух. академію баккалавромъ по церковному законовѣдѣнію. Скоро онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и въ сентябрѣ того же года назначенъ ректоромъ олонецкой семинаріи. Отсюда въ маѣ 1856 г. его перевели въ настоятели посольской русской церкви въ Константинополѣ, а черезъ годъ, 13-го іюня 1857 г., его опять назначили въ Петербургскую академію уже ректоромъ и профессоромъ догматическаго богословія.

Въ теченіе своего служенія около 10-ти лѣтъ Ѳ. пробылъ на духовно-учебной службѣ. Административныя должности въ школѣ, которыя онъ занималъ, тяготили его, какъ истиннаго инока, своими хлопотами. Тяготило его и ученое положеніе въ академіи. «Ученою должностью начинаю тяготиться до нестерпимости,—писалъ онъ въ 1847 г. преосв. Іереміи,—пошелъ бы въ церковь, да тамъ и сидѣлъ». Таковъ былъ идеалъ аскета, и понятно, что обычная карьера ученаго монаха не отвѣчала внутреннимъ влеченіямъ Ѳ-на. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ вдумчивымъ педагогомъ, идейно смотрѣвшимъ на свое дѣло. Онъ имѣлъ самые возвышенные взгляды на дѣло воспитанія и предъявлялъ идеальныя требованія къ своему долгу. Началомъ воспитанія онъ полагалъ любовь. «Полюбите дѣтей, и они васъ полюбятъ»—говорилъ онъ. Потому онъ не придавалъ значенія формальнымъ, механическимъ мѣропріятіямъ, а на первое мѣсто ставилъ нравственное воздѣйствіе воспитателя на питомца. Въ «Мысляхъ на каждый день года» онъ пишетъ: «Вотъ программа начальствующихъ всѣхъ родовъ— растворяй строгость власти кротостью, старайся любовью заслужить любовь и бойся быть страшилищемъ для другихъ. Истинная доброта не чуждается, гдѣ должно, строгаго слова, но оно въ устахъ ея никогда не имѣетъ горечи обличенія и укора». Понятно, что человѣкъ съ такими взглядами относился отечески къ ученикамъ и пользовался самыми искренними симпатіями въ школѣ. Свои идеальные взгляды на воспитаніе Ѳ. завѣщалъ, такъ сказать, и другимъ. Въ сочиненіи «Путь ко спасенію» и въ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ начерталъ полный идеалъ истиннаго христіанскаго воспитанія и образованія, раскрывая съ замѣчательною психологическою глубиною вопросы педагогики. Какъ академическій преподаватель, Ѳ. наиболѣе цѣнные слѣды оставилъ въ области нравственнаго богословія. Сфера нравственныхъ переживаній была особенно близка ему, и онъ преподавалъ свой предметъ не отвлеченно — теоретично, а на основаніи собственнаго опыта. Поэтому наука эта въ его преподаваніи освободилась отъ стараго схоластическаго

направленія и получила новое жизненное направленіе, сдѣлавшись дѣйствительнымъ руководствомъ духовной жизни. Задушевность его лекцій создавала имъ популярность, хотя съ внѣшней стороны Ѳ. и не отличался лекторскими талантами.

Не долго пробылъ архим. Ѳ. на ректорскомъ посту. Менѣе чѣмъ черезъ два года онъ получилъ епископскую каѳедру, при чемъ сразу самостоятельную. 29-го мая 1859 г. онъ былъ нареченъ, а 1-го іюня рукоположенъ въ епископа тамбовскаго. Новое служеніе, еще болѣе отвѣтственное въ административномъ отношеніи, не очень радовало епископа—аскета; но по долгу иноческаго повиновенія онъ, по его собственнымъ словамъ, привыкъ быть безмолвно покорнымъ всякому назначенію, подобясь «шару, безъ треска катающемуся туда и сюда, по направленію сообщаемыхъ ему ударовъ». Въ Тамбовѣ онъ пробылъ четыре года. Управленіе епархіей, особенно въ ту эпоху преобразованія, требовало энергичной дѣятельности. Еп. Ѳ. проявлялъ ее, насколько могъ. Онъ заботился объ открытіи женскаго епархіальнаго училища въ Тамбовѣ, объ учрежденіи въ епархіи церковно-приходскихъ школъ, завелъ «Епархіальныя Вѣдомости», въ которыхъ самъ не мало сотрудничалъ, принималъ мѣры къ благоустройству монастырской жизни, къ призрѣнію бѣдныхъ духовнаго званія. Но, сообразно своимъ внутреннимъ склонностямъ, преосв. Ѳ. считалъ главнымъ своимъ дѣломъ не административную дѣятельность, а дѣятельность пастырскую. Онъ въ этомъ отношеніи явилъ рѣдкій примѣръ епископа-пастыря, духовнаго руководителя своей паствы. Лучшимъ средствомъ къ тому онъ считалъ проповѣданіе слова Божія, а потому обратилъ усиленное вниманіе на проповѣдничество. Самъ онъ рѣдкую службу свою оставлялъ безъ поученія, побуждалъ къ проповѣдничеству и духовенство. Для послѣдняго онъ составлялъ руководственныя статьи и образцовыя поученія. Въ монастырѣ при архіерейскомъ домѣ были заведены постоянныя систематическія бесѣды, и за литургіей, и за всенощной, съ участіемъ самого преосвященнаго. Горячо отзывался еп. Ѳ. и на матеріальныя нужды паствы. Когда въ 1860 г. тамбовская область сильно страдала отъ засухи и пожаровъ, то Ѳ. объѣзжалъ губернію съ словомъ назиданія и утѣшенія, оказывалъ широкую помощь пострадавшимъ изъ своихъ личныхъ средствъ, предоставивъ и свое помѣщеніе въ распоряженіе погорѣльцевъ.

Пробывъ 4 года въ Тамбовѣ, 22-го іюля 1863 г., еп. Ѳ. былъ переведенъ на владимірскую каѳедру. Во Владимірѣ онъ отличался тѣмъ же образомъ дѣйствій, будучи добрымъ пастыремъ - епископомъ и отдаваясь проповѣданію. Въ своей частной жизни, будучи епископомъ, преосв. Ѳ. давалъ образецъ чисто иноческаго поведенія. Его жизнь была чрезвычайно скромною и простою. Обычнымъ костюмомъ его былъ подрясникъ, а сверху черная простая ряска. Столъ у него былъ самый неизысканный, и преосвященный былъ очень умѣренъ въ пищѣ. Время проводилъ онъ въ трудахъ управленія, частой молитвѣ и литературныхъ занятіяхъ. Часы отдыха наполнялись ручнымъ трудомъ—столярнымъ, токарнымъ и рѣзьбой по дереву. Еп. Ѳ. любилъ природу, но пользоваться ею ему приходилось очень мало; лишь рѣдкія прогулки давали ему возможность восхищаться Божьимъ міромъ. Къ подчиненнымъ преосвященный относился съ любовью и довѣріемъ. Налагать на кого-либо взысканіе было для него тягостью. Боясь оскорбить кого-либо недовѣріемъ, онъ при докладахъ совѣтовался съ самими докладчиками, какое положить рѣшеніе. Такое благородство души, однако, не всегда было плодотворно въ администраціи. Добротою епископа нѣкоторые пользовались въ своихъ цѣляхъ. Отсюда происходили иногда непріятности по службѣ, жалобы въ св. Синодъ, разрѣшавшіяся иногда не въ пользу еп. Ѳ-на.

Вообще такіе характеры, какъ Ѳ., не подходили къ роли епархіальнаго администратора. Эта роль тяготила и Ѳ-на. Его влекло въ уединеніе, чтобы всѣми помыслами отдаться Богу. Заваленный епарх. дѣлами, большей частью мелочными и формальными, Ѳ. еще въ Тамбовѣ высказывалъ мысль объ удаленіи на покой, чтобы дать «отдыхъ душѣ». Пребываніе на владимірской каѳедрѣ, гдѣ по обширности епархіи бумажныхъ дѣлъ было еще больше, окончательно укрѣпило его въ намѣреніи удалиться отъ дѣлъ. Въ 1866 г. онъ осуществилъ свое намѣреніе: 17-го іюня, по собственной просьбѣ, онъ былъ уволенъ св. Синодомъ отъ управленія епархіей, съ предоставленіемъ ему поселиться въ тамбовской Вышенской пустыни, Шацкаго

уѣзда, въ качествѣ ея настоятеля. Эту пустынь Ѳ. очень любилъ; по своему красивому мѣстоположенію она отвѣчала его любви къ природѣ. Здѣсь нашелъ онъ, наконецъ, искомое уединеніе и могъ всецѣло посвятить себя тому нравственному подвигу, къ которому издавна чувствовалъ тяготѣніе. Чтобы окончательно избавиться отъ административныхъ заботъ, Ѳ. скоро отказался даже и отъ настоятельства. Ему была назначена пенсія въ 1000 р. и предоставлено право жить въ обители, занимая особое помѣщеніе и пользуясь содержаніемъ, и служить, когда онъ пожелаетъ. Первые годы Ѳ. такъ и жилъ въ Вышенскомъ монастырѣ. Но уединяясь окончательно отъ другихъ, онъ вмѣстѣ съ иноками посѣщалъ церковныя службы, а въ праздники вмѣстѣ съ братіей совершалъ литургію. Принималъ онъ къ себѣ и посѣтителей, иногда гулялъ и даже выѣзжалъ изъ обители. Но въ 1872 г. преосвященный задумалъ прервать и послѣднія связи съ міромъ. Послѣ Пасхи этого года онъ удалился въ затворъ, отказавшись отъ всякаго общенія съ людьми, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ. Именно, съ этого времени преосв. уже не выходилъ изъ своего помѣщенія, принималъ къ себѣ только настоятеля пустыни, своего духовника и келейника. Только дважды, въ 1878 и 1879 гг., выѣзжалъ онъ за это время, по настоянію почитателей, для леченія болѣзни глазъ, первый разъ въ Тамбовъ, а второй разъ въ Москву. Затворническая жизнь еп. Ѳ-на, по самому свойству своему, остается неизвѣстной для внѣшняго глаза. Извѣстно только, что преосвященный въ своей келейной церкви самъ совершалъ всѣ церковныя службы—въ первыя десять лѣтъ затворничества по праздничнымъ днямъ, а въ остальные годы—ежедневно. По сообщенію иноковъ, служилъ онъ всегда одинъ, обычно молча, а иногда самъ пѣлъ и читалъ. Келейникъ его лишь приготовлялъ ему все необходимое для богослуженія. Въ молитвѣ, богослужебной и умной, и проводилъ главнымъ образомъ время святитель. А остатокъ онъ посвящалъ учено-литературнымъ занятіямъ и обширной переепискѣ, которую онъ велъ съ разными лицами. Писемъ онъ получалъ множество со всѣхъ концовъ Россіи. Къ нему обращались и за нравственнымъ утѣшеніемъ, совѣтомъ, и за матеріальной поддержкой. Онъ считалъ долгомъ отвѣтить каждому и раздавалъ нуждающимся и просящимъ все, что имѣлъ,—свою пенсію и приношенія своихъ почитателей. Вообще отказавшись отъ внѣшняго общенія съ міромъ, епископъ-затворникъ находился въ постоянномъ духовномъ общеніи съ нимъ. Онъ внимательно слѣдилъ изъ своего затвора за явленіями нашей общественной, особенно религіозно-нравственной жизни, и по-своему реагировалъ на нихъ. Наиболѣе живо затрагивало его распространеніе въ 60—70-хъ гг. матеріалистическихъ идей въ обществѣ. Онъ рѣшилъ самъ выступить съ литературными обличеніями и для этого изучалъ сочиненія представителей матеріализма. Много скорбѣлъ онъ по поводу идей Пашкова и Л. Н. Толстого, предостерегалъ въ письмахъ отъ увлеченія ими и побуждалъ другихъ на борьбу. Не оставлялъ въ затворѣ преосв. Ѳ. и ручного труда. Послѣ его смерти въ келіи найдены были всевозможные инструменты по разнымъ ремесламъ.

Преосв. Ѳ. пробылъ въ затворѣ около 22 лѣтъ. Въ 1875 году ему предлагали, было, снова занять каѳедру, но эта честь не прельщала его. Несмотря на аскетическую жизнь и усиленный умственный трудъ, преосв. отличался довольно хорошимъ здоровьемъ. Но въ послѣдніе годы онъ сталъ болѣть. Его безпокоили ревматизмъ и невралгія, а больше всего катарактъ глазъ. Не сдѣлавъ операціи, больной лѣчился домашними средствами, но въ 1888 г. лишился праваго глаза; однако онъ продолжалъ писать. Приближеніе смерти нисколько не страшило затворника. Онъ самъ ждалъ ее, какъ переселенія въ лучшій міръ. До самыхъ послѣднихъ дней оставался онъ вѣренъ своему аскетическому режиму, и мирно скончался 6-го января 1894 г. При смерти его никто не присутствовалъ, такъ какъ святитель скончался тихо въ послѣобѣденный часъ. У затворника было намѣреніе принять предъ кончиной схиму; но онъ не успѣлъ его осуществить. Тѣло преосв. Ѳ. погребено въ склепѣ, въ правомъ придѣлѣ Казанскаго холодного собора Вышенской пустыни.

Преосв. Ѳ. по своей жизни и нравственному настроенію былъ истиннымъ подвижникомъ и съ этой стороны имя его пользуется широкою извѣстностью во всей Россіи. Но онъ былъ человѣкъ замѣчательный и въ другихъ отношеніяхъ. Бо-

гато одаренный отъ природы, обладавшій глубокимъ умомъ и разностороннимъ образованіемъ, онъ не только явилъ примѣръ личнаго подвига, но и оставилъ послѣ себя богатое литературное наслѣдство, въ которомъ запечатлѣлъ плоды своихъ внутреннихъ переживаній, духовнаго опыта и христіанскаго пониманія. Одинъ изъ біографовъ еп. Ѳ-на (проф. Корсунскій) справедливо замѣчаетъ, что основною мыслью всѣхъ почти литер. трудовъ затворника была идея спасенія. Но наиболѣе слѣдуетъ сказать это о группѣ сочиненій нравоучительно-аскетическихъ, занимающихъ первое мѣсто среди произведеній Ѳ-на. Къ этой группѣ относятся прежде всего «Письма о христіанской жизни». «Письма» писаны въ разное время; частью они стоятъ въ связи съ работами Ѳ-на по нравственному богословію въ бытность его баккалавромъ академіи; но собраны они и обработаны для печати, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ отдѣловъ, въ 1858—1860 г.г., когда они изданы въ 4-хъ частяхъ. Сочиненіе это сразу же имѣло большой успѣхъ, и выдержало нѣсколько изданій, изъ каковыхъ слѣдуетъ отмѣтить изданіе И. Л. Тузова 1880 г. (Спб.) и изданіе аѳонскаго Пантелеймоновскаго мон. 1891 г. (Москва). Каждое изданіе имѣетъ свои особенности въ группировкѣ матеріала. По содержанію «Письма» представляютъ рядъ нравственныхъ трактатовъ, руководственныхъ для христіанина. Здѣсь находится, собственно, полная система нравоученія, только въ своеобразной формѣ. Впослѣдствіи преосв. Ѳ. составилъ изъ «Писемъ» систематическій трудъ, подъ названіемъ «Начертаніе христіанскаго нравоученія» (Москва, 1891 г.), о которомъ онъ самъ писалъ: «Это тоже, что письма о христіанской жизни, выпуски третій и четвертый, съ небольшими передѣлками и нѣсколькими прибавленіями, какихъ потребовала система нравоученія».—Другое капитальное сочиненіе еп. Ѳ-на по нравственному богословію—«Путь ко спасенію», или краткій очеркъ аскетики. Сочиненіе это, по словамъ автора, было плодомъ его академическихъ чтеній и написано въ 1846—1847 г.г., но впервые вышло оно въ печати въ 1868—1869 г.г. (Спб.). По содержанію своему оно можетъ назваться квинтъ-эссенціей всѣхъ нравоучительныхъ писаній Ѳ-на, который самъ выражался уже въ концѣ жизни (1888 г.): «тутъ все, что мною писалось, пишется и будетъ писаться». Оно является заключительнымъ и по отношенію къ «Письмамъ о христіанской жизни». Нѣкоторыя добавленія къ отдѣльнымъ трактатамъ «Пути» напечатаны Ѳ-номъ въ «Домашней Бесѣдѣ» за 1869 г., вып. 2—16. «Путь ко спасенію» пользуется широкой популярностью и выдержалъ около 10-ти изданій. Въ близкой связи съ названными работами стоитъ трактатъ Ѳ-на: «Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія» (М. 1882 г. и 1889 г.). По замѣчанію сочинителя, трактатъ писанъ въ 1847 г., т. е. во время службы въ академіи, а содержаніе его устанавливаетъ его связь съ академическими занятіями.—Въ «Домашн. Бес.» за 1869 г., вып. 48—50, была напечатана статья Ѳ-на «Совѣсть», имѣющая близкое отношеніе къ тому же «Пути ко спасенію». Въ томъ же журналѣ за 1869 г. были помѣщены отдѣльныя статьи Ѳ-на подъ заглавіями: «Сижу и думаю» (вып. 1), «Отвѣтъ на вопросъ» (вып. 43), «Разрѣшеніе недоумѣній» (вып. 44).—Съ 20-го вып. «Домашней Бес.» за 1869 г. начали печататься отдѣльныя мысли (афоризмы) преосв. Ѳ-на, продолжавшіяся и въ 1870—1871 г.г. Въ 1881 г. (Москва) онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ, подъ названіемъ: «Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ слова Божія».—Съ 33-го выпуска «Дом. Бес.» 1870 г. начали печататься въ ней Ѳеофановы «Письма о духовной жизни», въ 1872 г. вышедшія отдѣльной книгой. Преосв. Ѳ. въ предисловіи такъ характеризуетъ задачу этихъ «Писемъ»: «Письма о духовной жизни составлены по поводу писемъ графа М. М. Сперанскаго, напечатанныхъ въ «Рус. Архивѣ» за 1870 г., въ январской книжкѣ. Я имѣлъ намѣреніе представить картину духовной жизни въ разнообразныхъ ея оттѣнкахъ. Письма Сперанскаго служили только поводомъ къ тому». «Письма о духовной жизни» выдержали тоже нѣсколько изданій.—Въ «Домашней Бес.» (1871—1872 г.) печатались, кромѣ упомянутыхъ афоризмовъ Ѳ-на, еще другіе его, болѣе краткіе афоризмы, которые опять составили отдѣльную книгу: «Краткія мысли на каждый день года, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ» (Москва, 1883 г.).—Цѣлую книгу, представляющую нѣчто законченное, составили также «Письма о томъ, что есть духовная жизнь, и какъ на

нее настроиться», писанныя одной дѣвицѣ и изданныя въ первый разъ въ Москвѣ 1878 г., второй разъ въ Одессѣ 1886 г.—Нравоучительно — душеспасительнаго содержанія мелкія статьи преосв. Ѳ-на помѣщались въ разное время въ «Дом. Бесѣдѣ», какъ то: «Самоиспытаніе» (1872 г., вып. 2), «Самоисправленіе» (1872 г., вып. 3) и т. д. (1872 г., вып. 4, 7, 21, 23, 25, 26; 1874 г., вып. 1; 1875 г., вып. 49, 50; также 1870 г., вып. 4; «Душепол. Чт.», 1873 г., № 3).

Въ тѣсной связи со всѣми трудами еп. Ѳ-на въ области нравственнаго богословія стоитъ его переводческая дѣятельность. Свою духовную опытность онъ почерпалъ не только изъ міра внутреннихъ переживаній, но и изъ аскетической письменности, которою онъ всегда особенно интересовался. Не довольствуясь чтеніемъ нравоучительно-аскетическихъ твореній древнихъ подвижниковъ, преосв. Ѳ. хотѣлъ сдѣлать ихъ доступными для всѣхъ, и съ этою цѣлью сдѣлалъ многочисленные переводы. Богатый матеріалъ дало ему путешествіе на православный востокъ и посѣщеніе восточныхъ монастырей. Въ монастырѣ св. Саввы Освященнаго онъ нашелъ, напримѣръ, сборники, подъ названіемъ «Патерикъ-отечникъ», содержащіе въ себѣ статьи изъ писаній св. отцовъ или собственныя произведенія разныхъ подвижниковъ. Ѳ. нашелъ полезнымъ ознакомить съ этими статьями русское общество и сдѣлалъ ихъ переводы, составившіе «Сборникъ аскетическихъ писаній, извлеченныхъ изъ патериковъ обители св. Саввы Освященнаго, что близъ Іерусалима» (часть напечат. въ «Воскр. Чтен.», часть въ прилож. ко 2-му вып. «Писемъ о христ. ж.»; отдѣльно изд. аѳонскими иноками въ 1891 г.). Въ Іерусалимѣ ознакомился преосв. Ѳ. и съ другимъ аскетическимъ сборникомъ, который и перевелъ на рус. яз., подъ заглавіемъ: «Митериконъ. Собраніе наставленій аввы Исаіи всечестной инокинѣ Ѳеодорѣ» (напеч. сначала въ «Воскр. Чт.» 1854—1858 гг., а потомъ отдѣльно въ 1891 г.). Въ 1871 г. вторымъ изданіемъ (Спб.), а потомъ въ 1886 г. (Одесса) и третьимъ вышелъ другой сборникъ святоотеч. твореній, составленный Ѳ-мъ, подъ заглавіемъ: «Возстани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ. Еф. 5, 14. Собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человѣка отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ.» Въ 1873 г. еп. Ѳ-мъ былъ составленъ трудъ: «Псалтирь, или богомысленныя размышленія св. отца нашего Ефрема Сиріанина», впервые изд. въ 1874 г., а въ 1894 г. имѣвшій уже 6-е изданіе. Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» за 1874 г. (№№ 19, 20) и отд. оттискомъ былъ напечатанъ Ѳеофановъ переводъ: «Св. отца нашего Максима Исповѣдника. Слово подвижническое въ вопросахъ и отвѣтахъ». Здѣсь же (1874 г., №№ 10—12, 14, 16—17) было помѣщено: «Краткое свѣдѣніе о жизни св. Іоанна Кассіана и Уставъ иноческаго общежитія, или порядокъ общежительныхъ монастырей». Во «Владим. Еп. Вѣд.» (1874 г., №№ 9 и 10) было напечатано, въ Ѳеофановомъ переводѣ, «Ѳеолипта, митр. филадельфійскаго, слово, въ которомъ выясняется сокровенное во Христѣ дѣланіе». Но главный переводный трудъ еп. Ѳ-на — «Добротолюбіе», въ 5 томахъ, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1877 г. (Спб.); второе изданіе, дополненное—въ Москвѣ въ 1883 г. Затѣмъ къ переводнымъ сочиненіямъ Ѳ-на относятся: «Святоотеческія наставленія о трезвеніи и молитвѣ», первоначально печатавшіяся въ «Тамб. Еп. Вѣд.» за 1877—1879 гг., а потомъ изд. отдѣльно — Москва, 1881 и 1889 гг.; «Слова преподобнаго и богоноснаго отца нашего Симеона новаго Богослова, въ переводѣ съ новогреческаго», напеч. первоначально въ «Душеполезн. Чт.» за 1877—1881 гг., а потомъ вышедшія отдѣльно—М. 1879 и 1882 гг. (1-е изд.), М., 1890, 1892 гг. (2-е изд.); «Невидимая брань», Никодима Святогорца, сначала напеч. въ «Душеп. Чт.» за 1885 и 1886 гг., отдѣльно—М. 1886 и 1892 гг.; «Древніе иноческіе уставы пр. Пахомія великаго, св. Василія великаго, преп. Іоанна Кассіана и преп. Венедикта», М. 1892 г.

Нѣкоторыя сочиненія преосв. Ѳ-на относятся къ области догматическаго и апологетическаго богословія. Такъ, догматическимъ характеромъ отличается изслѣдованіе: «Душа и Ангелъ—не тѣло, а духъ», первонач. напеч. въ «Тамб. Еп. Вѣд.» за 1867—1868 гг., перепечатанное въ «Дом. Бес.» 1869 г., а потомъ вышедшее отдѣл. оттиск. и въ 1891 г. отдѣльнымъ изданіемъ (Москва). Въ этомъ сочиненіи доказывается безтѣлесность души у ангеловъ, противъ мыслей на этотъ счетъ еп. Игнатія Брянчанинова, высказанныхъ имъ въ «Словѣ о смерти». Апологетическимъ ха-

рактеромъ отличается небольшой сборникъ: «Предостереженіе отъ увлеченія духомъ настоящаго времени. Сочиненіе ректора С.-Пет. дух. академіи архимандрита Ѳеофана», Спб. 1858 г. Сюда вошли статьи, печатавшіяся прежде въ журналахъ, особенно въ «Хр. Чт.»

Ѳ-ну принадлежитъ цѣлый рядъ истолковательныхъ трудовъ по св. писанію. Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» за 1869 г. печатались пояснительныя и поучительныя замѣтки на 33-й псаломъ, составившія потомъ книгу: «Тридцать третій псаломъ. Епископа Ѳеофана». Москва 1871 и 1889 гг. Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» 1871 г., №№ 9 и 10, печаталось толкованіе Ѳ-на на Шестопсалміе. Въ «Дом. Бес.» 1874—1877 гг. печатался обширный трудъ Ѳ-на: «Псаломъ 18-й», вышедш. потомъ отд. книгою (Спб. 1877 г., М. 1880 г., М. 1891 г.). Но особенно много занимался Ѳ. толкованіемъ посланій ап. Павла. Сюда относятся: толкованіе перваго посланія къ Солунянамъ («Тамб. Еп. Вѣд.» 1872—1873 гг. и М. 1883 г.); толкованіе второго посланія къ Солунянамъ («Душеп. Чт.», 1873 г. и М. 1883 г.); толкованіе посланія къ Галатамъ («Душеп. Чт.» 1873—1875 гг. и М. 1880 г.); толкованіе посланій къ Коринѳянамъ, 1-го («Душ. Чт.» 1875—1876 гг.) и 2-го (ibid., 1876 — 1878 гг.), составившія въ отд. изданіи два тома (Москва, 1882 г.); толкованіе посланій къ Колоссаямъ и къ Филимону («Душ. Чт.», 1879 и 1880 гг., Москва, 1880 и 1892 гг.); толкованіе пастырскихъ посланій, къ Тимоѳею и Титу («Душ. Чт.» 1880—1882 гг. и Москва 1882 г.); толкованіе посланія къ Ефесянамъ («Чт. въ Общ. люб. дух. пр.» 1874—1877 гг. и Москва, 1879 и 1893 гг.); толкованіе посланія къ Филиппійцамъ («Тамб. Еп. Вѣд.» 1875 г. и М. 1883 г.); толкованіе посл. къ Римлянамъ (М. 1879 и 1890 гг.). Свое изученіе Евангелій еп. Ѳ. запечатлѣлъ въ трудѣ: «Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ», содержащемъ назидательныя размышленія о евангельскихъ повѣствованіяхъ (печат. сначала въ «Дом. Бес.» 1870 г., а потомъ отдѣльно М. 1885 г.). Къ этому сочиненію примыкаетъ статья, помѣщ. въ «Тамб. Еп. Вѣд.» 1871 г., № 5, подъ заглавіемъ: «Указанія, по которымъ всякій самъ для себя можетъ составить изъ четырехъ Евангелій одну послѣдовательную исторію евангельскую». По поводу окончанія въ 1875 г. изданія библіи на рус. языкѣ преосв. Ѳ. написалъ цѣлый рядъ статей: «По поводу изданія свящ. книгъ Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ» («Душеп. Чт.» 1875 г., № 11 и «Дом. Бес.» 1875 г., № 47); «О нашемъ долгѣ держаться перевода 70 толковниковъ» («Душеп. Чт.» 1876 г., № 5); «Объ употребленіи новаго перевода ветхозавѣтныхъ писаній» (ibid., № 9); «Библія по переводу 70 толковниковъ есть законная наша Библія» («Церк. Вѣстн.», 1876 г., №№ 19 и 23 и «Дом. Бес.», 1876 г., №№ 20—24); «Рѣшеніе вопроса о мѣрѣ правосл. употребленія еврейскаго нынѣшняго текста, по указанію церковной практики» («Дом. Бес.», 1876 г., № 28). Во всѣхъ этихъ статьяхъ еп. Ѳ-анъ выступилъ въ защиту греч. перевода 70 толковниковъ, тогда какъ русскій переводъ В. З. былъ сдѣланъ съ еврейскаго текста.

Какъ выше было отмѣчено, преосв. Ѳ. былъ неутомимый проповѣдникъ. Проповѣди его, направленныя большею частью къ раскрытію нравственныхъ истинъ, мало отличаются и по духу и по тону отъ его нравоучительныхъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ цѣликомъ вошли въ разные труды еп. Ѳ-на по нравственному богословію. Печатаемыя обычно сначала въ повременныхъ изданіяхъ проповѣди Ѳ-на затѣмъ составили нѣсколько сборниковъ. Первый сборникъ вышелъ въ рек-ство Ѳ-на въ Спб. академіи, подъ заглавіемъ: «Слова С.-Петербургской дух. академіи ректора архимандрита Ѳеофана» (Спб. 1859 г.). Сюда вошли проповѣди перваго періода проповѣднической дѣятельности затворника, направленныя преимущественно противъ неблагопріятныхъ вѣяній духа того времени. Второй сборникъ—«Слова къ Тамбовской паствѣ Ѳеофана, еп. Тамбовскаго и Шацкаго», первый выпускъ вышелъ въ Петербургѣ въ 1861 г. (63 проповѣди періода 1859—1860 гг.), второй выпускъ—въ Москвѣ въ 1867 г. (47 проповѣдей 1861—1863 гг.). Проповѣди владимірскаго періода святительскаго служенія Ѳ-на составили сборникъ: «Слова къ Владимірской паствѣ, преосв. Ѳеофана», Владиміръ, 1869 г. Затѣмъ есть еще сборники проповѣдей Ѳ-на: «О православіи, съ предостереженіями отъ погрѣшеній противъ него. Слова еп. Ѳеофана», Москва, 1893 г.; «О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ таинъ и исправленіи жизни.

Слова преосв. Ѳеофана во святую четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли», Спб., 1868 г. и 1869 г., Москва 1890 г.; 12 мелкихъ сборниковъ, на разныя темы и предметы, составлены изъ избранныхъ проповѣдей Ѳ-на въ разные періоды и изданы въ разное время (проповѣди эти вошли уже въ первые сборники). Со времени своего затвора еп. Ѳ. проповѣдей уже не говорилъ.

Наконецъ, цѣлый обширный отдѣлъ сочиненій преосв. Ѳ-на составляютъ его письма къ разнымъ лицамъ. Какъ видно было выше, въ формѣ писемъ составилась и нравоучительная система Ѳ-на. Но кромѣ вышеотмѣченныхъ писемъ, вошедшихъ въ систематическіе труды, есть еще множество другихъ писемъ затворника, въ формѣ личной переписки, но въ то же время затрагивающихъ общіе нравственно-душеспасительные вопросы. Еп. Ѳ. писалъ массу писемъ; у одного лица оказалось до 1000 писемъ Ѳ-на, полученныхъ имъ лично отъ послѣдняго. Впослѣдствіи изъ этихъ писемъ составилось и издано нѣсколько сборниковъ, каковы: «Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни», напечатанныя сначала въ «Душеп. Чт.» за 1880—1882 гг., а потомъ изданныя отдѣльною книгою въ 1882 г. въ Москвѣ; «Письма къ одному лицу въ С.-Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры» (напеч. первон. въ «Душеп. Чт.» 1880—1881 гг., отд. кн.—въ Спб. въ 1881 г.), направленныя противъ Пашкова и его послѣдователей. Отдѣльныя письма печатались въ «Душеп. Чт.», «Воскресномъ Чт.», «Чт. въ Общ. люб. дух. просв.» Одинокое мѣсто по своему предмету занимаютъ «Три письма преосв. Ѳ-на по восточному вопросу», напеч. въ «Прав. Обозр.» 1877 г., № 3.

Какъ видно изъ одного перечня литературныхъ трудовъ преосв. Ѳ-на, это былъ плодовитѣйшій писатель, съ огромной трудоспособностью. Но на всѣхъ его произведеніяхъ, за немногими исключеніями, лежитъ одинъ отпечатокъ: нравоучительный. Еп. Ѳ. справедливо можетъ быть названъ писателемъ - моралистомъ, при томъ не отвлеченнымъ, а опытнымъ церковнымъ учителемъ христіанской нравственности, выносившимъ свои мысли и убѣжденія въ глубинѣ своей души. Анализировать въ частности произведенія преосв. Ѳ-на было бы очень долго. Но достаточно сказать, что идея спасенія, проходящая чрезъ сочиненія нравоучительныя, составляетъ, собственно, общую идею и всѣхъ сочиненій Ѳ-на. Она проникаетъ его проповѣди, письма и даже отчасти толкованія. Съ этой стороны еп. Ѳ. былъ писателемъ «цѣлостнымъ» въ такой степени, какъ это рѣдко можно встрѣтить.

За свою литературную дѣятельность еп. Ѳ. былъ удостоенъ Спб. дух. академіей въ 1890 г. высшей ученой степени—доктора богословія (отзывъ коммиссіи профессоровъ о сочиненіяхъ Ѳ-на—въ «Церк. Вѣстн.» 1894 г., №№ 4, 5 и въ Протоколахъ совѣта Спб. дух. акад.). Другія академіи почтили его званіемъ почетнаго члена. Въ обществѣ сочиненія еп. Ѳ-на пользуются широкой извѣстностью и большимъ распространеніемъ. Но самъ преосвященный относился къ своей литературной собственности со свойственной ему полной нестяжательностью. Онъ уступалъ почти даромъ издателямъ право на изданіе, а въ концѣ жизни отдалъ это право на всѣ сочиненія инокамъ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря.

«Церк. Вѣдом.», 1894 г., №№ 8, 12 (воспоминанія м. Макарія Булгакова).—«Церк. Вѣстн.», 1894 г., №№ 3, 8.—«Душеполезн. Чт.», 1894 г., №№ 3—8, 11 (восп. А. Г. Говорова).—«Воскресн. Чт.», 1894 г., №№ 31—32, 34.—«Хр. Чт.», 1894 г., №№ 7—8.—«Тамбов. Еп. Вѣд.», 1894 г., №№ 4—6 (восп. вышенскаго инока); 1895 г., № 39; 1897 г., № 43 и друг.—«Влад. Еп. Вѣд.», 1866 г., № 15.—«Прав. Обозр.», 1863 г., т. XII.—«Приб. къ твореніямъ св. отцовъ», 1886 г., ч. 37.—*И. А. Чистовичъ*, «Исторія Спб. дух. академіи за послѣднія 30 лѣтъ» (1858—1888 гг.).—*И. Корсунскій*, «Преосвященный епископъ Ѳеофанъ, бывшій Владимірскій и Суздальскій» («Чт. въ Общ. любит. духовн. просвещ.» за 1894 г., №№ 5—12.—*Его-же*, «Преосвящ. Ѳеофанъ, бывш. епископъ Владимірскій» («Вѣра и Разумъ», 1894 г., №№ 12, 13, 22, 23, 24).—*Его же*, «Смыслъ жизни и дѣятельности преосв. Ѳеофана» («Бог. Вѣстн.», 1895 г., янв.).— *П. А. Смирновъ*, «Жизнь и ученіе преосв. Ѳеофана, Вышенскаго затворника», Шацкъ, 1905 г.— Проф. *В. П. Рыбинскій*, «Памяти преосв. Ѳеофана, еп. Владим. и Суздальскаго» («Труд. Кіевск. Дух. Акад.», 1894 г., № 3).—*И. Крутиковъ*, «Святитель Ѳеофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни».— *А. Ключаревъ*, «Преосв. Ѳеофанъ затворникъ и его пастырская дѣятельность» («Правосл. Собесѣдн.»; 1910 г., апр., май).—«Преосв. Ѳеофанъ» (Изд. Пантелеймонскаго монастыря).—*Хитровъ*, прот., «Преосвященный Ѳеофанъ, затворникъ Вышенскій». М. 1905 г.—«Извѣстія Тамбовской губ. архивной коммиссіи», вып. 54. Тамб. 1911 г.—*А. Крот-*

ковъ, «Святитель Ѳеофанъ затворникъ и нравоучит. изреченія изъ его твореній». М. 1899 г. — Дѣла Архива св. Синода 1866 г., № 467; 1890, № 311 (отзывъ СПБ. дух. акад. о всей учено-просвѣтительной дѣятельности еп. Ѳеофана); 1894 г., № 6.

Б. Титлиновъ.

Ѳеофанъ, іеромонахъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Колоколовъ*). Обучался въ Троицкой лаврской семинаріи, по окончаніи которой въ 1777 г. оставленъ былъ въ ней учителемъ. Въ 1779 г. онъ переведенъ былъ учителемъ въ новгородскую семинарію. 8 марта 1780 г. былъ постриженъ въ монашество и вскорѣ затѣмъ посвященъ въ іеромонахи. 13 декабря 1784 г., по ходатайству московскаго м. Платона, онъ былъ опредѣленъ Синодомъ въ проповѣдники Московской академіи, гдѣ состоялъ до 11 февраля 1787 г., когда по представленію академіи, какъ неспособный нести далѣе проповѣдническую должность, уволенъ былъ м. Платономъ въ число братіи Новоспасскаго м-ря. Въ девяностыхъ годахъ онъ былъ въ числѣ братіи калужскаго Лаврентьева м-ря. Дальнѣйшая судьба Ѳ-на неизвѣстна. Имъ переведены съ латин. яз. «Посрамленный безбожникъ и натуралистъ», соч. А. Риделія (М. 1787 г.), и «Библейскій словарь» (М. 1787 г., 2 части) и составлено обширное, въ 3-хъ частяхъ, соч.—«Картина древности, или историч. любопытн. примѣчанія, содержащія въ себѣ различныя относящіяся до наукъ и художествъ сочиненія, объясняющія... древность и наипаче исторію міра, свойства странъ и народовъ..., торговлю и промыслы и пр.» (Калуга, 1793 — 1794 гг.).

Дѣла Архива Св. Синода—1780 г., № 401; 1787 г., № 404.—Роспись книгамъ б. Смирдина, СПБ. 1828.—Росп. книг. б. Плавильщикова, СПБ. 1820.—*Филаретъ архіеп.*, «Обзоръ рус. дух. лит.», СПБ. 1884.—*Смирновъ С.*, «Исторія Моск. дух. акад.», М. 1855.

Т.

Ѳеофанъ (*Комаровскій*), архимандритъ Соловецкаго монастыря. По происхожденію изъ новгородскихъ дворянъ, родился въ 1808 году; скончался 21 августа 1871 года. Воспитывался онъ въ богатствѣ и роскоши; образованіе свое закончилъ въ инженерномъ институтѣ, но не воспользовался имъ для мірской службы; глубокое религіозно-нравственное настроеніе привело его въ Тронце-Сергіеву пустынь близъ Петербурга, гдѣ онъ въ 1835 г. принялъ монашество съ именемъ Ѳеофана. Рукоположенный въ іеромонахи, онъ прошелъ нѣсколько монастырскихъ должностей, до казначея всключительно. Около 1846 г. онъ назначенъ былъ игуменомъ въ Кирилловъ Новоезерскій монастырь, въ 1852 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1857 г. перемѣщенъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и 26 сент. 1865 г.—въ Соловецкій. Отличительными чертами его жизни были простота и личный аскетизмъ, но въ тоже время и неограниченная власть, стѣсненная учрежденіемъ въ Соловецкомъ монастырѣ монастырскаго собора. Онъ имѣлъ свой родовой капиталъ свыше 100 тысячъ рублей, который завѣщалъ церквамъ, монастырямъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и братіи того монастыря, гдѣ застигнетъ его смерть. Какъ ни странно, но онъ былъ обвиненъ въ любостяжаніи и присвоеніи себѣ нѣкоторыхъ жертвуемыхъ монастырю денегъ. Съ іюня 1867 г. (въ продолженіе четырехъ лѣтъ) жили въ монастырѣ лица, присланныя Св. Синодомъ на ревизію монастыря. Архимандритъ Ѳ. скончался, не дождавшись указа о своей отставкѣ, пришедшаго уже послѣ его смерти.

«Архангельскія Епарх. Вѣдомости», 1911 г., №№ 17, 18, 24.—Дѣла Архива Св. Синода 1857 г., № 478 и др.

К. Здр—въ.

Ѳеофанъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Леонтовичъ, Леонтовичъ-Доруминъ*), настоятель виленскаго Св.-Духова монастыря. Родился около 1722 г. въ г. Золотоношѣ и былъ сыномъ казака малороссійскаго Переяславскаго полка. Учился въ Кіевской академіи, по окончаніи которой въ 1743 г. былъ назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка въ той же академіи. О томъ, когда онъ принялъ монашество, свѣдѣній пока не имѣется. Извѣстно, что подъ реестромъ послушниковъ кіево-училищнаго Братскаго монастыря въ 1749 г. онъ подписался уже: «іеромонахъ Ѳеофанъ духовникъ». Въ 1755 г. Ѳ. былъ избранъ настоятелемъ Св.-Духова виленскаго м-ря съ подчиненіемъ ему въ то же время и всѣхъ приписныхъ къ нему монастырей.

По жалобѣ свѣтской и духовной католической власти, а равно и православнаго минскаго игумена Ѳеофана Яворскаго, Ѳ., по опредѣленію Синода, 10 сентября 1757 г., за «непристойные поступки» былъ отрѣшенъ отъ «старшинства виленскаго» съ повелѣніемъ ѣхать въ Кіевъ.

Но Ѳ. въ февралѣ 1758 г. самовольно, безъ паспорта, не сдавъ монастыря своему преемнику, уѣхалъ не въ Кіевъ, а въ Варшаву и затѣмъ въ Петербургъ, чтобы оправдаться и доложить о «важномъ дѣлѣ», касающемся православной церкви и русскаго государства. Но въ св. Синодѣ ему «не дозволено» было оправдаться, и самъ онъ взятъ былъ «подъ крѣпкій караулъ»; не принято было и доношеніе его «въ важныхъ терминахъ», какъ принадлежащее до разсмотрѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда онъ и отосланъ былъ подъ карауломъ 15 іюля 1758 г. Однако коллегія вскорѣ освободила его отъ синодальнаго караула и отвела ему квартиру въ цѣляхъ полученія отъ него объясненій по поводу его пространныхъ представленій о «находящихся въ Польшѣ и Литвѣ грекороссійскаго закона людяхъ». Ѳ. въ своихъ объясненіяхъ указывалъ на приниженное положеніе нашихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и въ то же время предлагалъ и средство къ устраненію такой ненормальности. Но коллегія признала, что большинство рекомендуемыхъ имъ мѣръ «въ дѣйство произведены быть не могутъ»; согласившись лишь съ тѣмъ, что въ Польшѣ «надобно учредить комисара» по указу Петра В. въ 1722 г., а также «неизлишне было бы въ запасъ сочинить на латинскомъ или польскомъ языкѣ жалобу грекороссійской въ Польшѣ церкви на римскаго папу и польскія права», поручивъ составленіе ея Ѳн-у. Ѳ. пробылъ въ Петербургѣ около девяти мѣсяцевъ и указомъ св. Синода отъ 29 января 1759 г. отпущенъ былъ въ Кіевъ послѣ отвѣта коллегіи иностранныхъ дѣлъ, что «до него въ коллегіи больше никакой потребности нѣтъ». Въ срединѣ іюня 1759 г. онъ исполнилъ порученіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ и св. Синода и составилъ вышеупомянутую «Жалобу» на латин. языкѣ подъ заглавіемъ: «Plangor orthodoxae Graeco Ruthenae in Polonia ecclesiae adversus impiam episcopi Romani eiusque cleri pietatem et adversus iniquam Polonorum aequitatem, delatus apud sacrosanctam Rossiaci imperii Synodum, in sede Russorum Petropoli, anno Domini 1759». Кіевскій митрополитъ Арсеній, которому этотъ трудъ поданъ былъ на одобреніе, далъ такой о немъ отзывъ: «Это ваше сочиненіе не годится; первіе потому, что сдѣлано кратко (5 листовъ или 20 страницъ); другое потому, что въ дѣлѣ защищенія грекороссійской нашей въ Польшѣ церкви надлежитъ намъ, въ силу указа св. Синода, поступать съ римскимъ папою весьма политично, а съ польскимъ министерствомъ умѣренными средствами».

Въ 1761 г. Ѳ. по поводу производившагося надъ нимъ слѣдствія въ кіевской консисторіи по жалобѣ многихъ лицъ написалъ «Нелицезрительное пріуготовленіе», самое рѣзкое изъ объясненій его, дерзновенно порицающее, какъ говорится въ синодальномъ опредѣленіи, св. Синодъ и «прочія главныя команды», а особливо петербургскаго архіепископа Сильвестра, касающееся и другихъ «до него непринадлежащихъ окрестностей, съ употребленіемъ притомъ весьма бранныхъ рѣчей». Въ немъ Ѳ. говоритъ, что «Всероссійскаго государства верховные пастыри о насъ, овцахъ своихъ, долгое время въ Польшѣ горестно погибающихъ, ни малѣйшаго радѣнія и попеченія не имѣютъ, что св. Синодъ не только насъ не защищаетъ, но и самъ еще врагамъ нашимъ, римлянамъ да уніатамъ, насъ же, свою паству, гонить и озлоблять и разорять крѣпко пособляетъ»; равнымъ образомъ и «иностранная коллегія поступаетъ одною битою дорогою, т. е. умѣренными средствами, которыми, уже защищая насъ 70 лѣтъ, ни одного благочестиваго монастыря или церкви, либо церковнаго добра, привратить намъ не могла, да и впредь никогда не можетъ».

24 августа 1762 г. Ѳ. Л. отпущенъ былъ изъ Кіева въ Москву на два мѣсяца «ради исправленія его нуждъ». Въ Синодѣ ему позволено было сдѣлать представленіе о своихъ нуждахъ, но запрещено являться ко двору Ея И. В. и утруждать кого-либо изъ министерства или придворныхъ. Въ октябрѣ Ѳ. просилъ св. Синодъ дать дѣлу его конечное рѣшеніе. 25 октября того же 1762 г. онъ обратился къ графу Ал. Петр. Бестужеву-Рюмину съ просьбой дать возможность ему кончить «трудъ о защищеніи грекороссійскаго нашего въ польскомъ государствѣ закона». 11 ноября подалъ прошеніе графу Ал. Григ. Орлову о поднесеніи государынѣ «дѣла великоважнаго, къ государственному интересу касающагося»; при этомъ представлены были написанные имъ: «Челобитная Ея И. Величеству» на 5-ти листахъ, на запросъ иностранной коллегіи и «Отвѣтъ о тиранствѣ римскаго папы». 8 ноября Ѳ.

представилъ «Мнѣніе римскаго папы и всѣхъ его кардиналовъ и тайныхъ совѣтниковъ, по случаю войны, между всѣми католическаго закона государями возгорѣвшейся, въ 1735 г. сочиненное, нелестнымъ представленіемъ и искренно отеческимъ увѣщаніемъ названное и ко всѣмъ въ Европѣ катол. государямъ тайно разосланное, съ кабинета же французскаго короля чрезъ нѣкотораго секретаря, потаеннаго гугенота, открытое, а отъ іеромонаха Ѳ. Л. примѣчаніями, изъ политической исторіи собранными, удостовѣренное» (на 7 больш. листахъ, на нѣмецк. языкѣ). 24 ноября и 6 декабря имъ же поданы были дѣйст. ст. совѣтнику Ивану Перфильичу Елагину два «Отвѣта на Всевысочайшій запросъ, какая политическая польза можетъ послѣдовать Россійскому нашему государству по случаю защищенія грекороссійскихъ нашихъ въ польскомъ государствѣ исповѣдниковъ», на 7 листахъ, 7 пунктовъ и заключеніе.

На вышеупомянутыя октябрскія доношенія Ѳ. Л-ча въ Синодъ отвѣтъ послѣдовалъ лишь 20 декабря 1762 г., когда опредѣлено «вину его (разумѣется дерзость въ «Нелицезрительномъ пріуготовленіи»), въ силу милосерднаго указа Ея И. В. отъ 22 сентября, отпустить; обязать подпискою, чтобъ впредь таковыхъ дерзновенныхъ поступковъ оказывать отнюдь не дерзалъ; въ прочемъ надлежащее слѣдствіе учинить кіевскому митрополиту, для чего дать ему паспортъ для проѣзда въ Кіевъ, и если онъ надлежащее покаяніе приноситъ и тамъ незазорное житіе и обращеніе оказать имѣетъ, то и о опредѣленіи къ пристойному мѣсту оставляется на разсмотрѣніе того же епархіальнаго архіерея». Но такой указъ не былъ посланъ, и Ѳ. Л. въ Кіевъ не отправился. И вотъ почему. Онъ понялъ такъ, что «никакого милосердія отъ святѣйшихъ пастырей ему не оказано, но сдѣлано «жестокое опредѣленіе отправить его съ безчестіемъ въ Кіевъ и наказать, а дѣло его, которое онъ къ знатной церковной и политической Россійскаго государства пользѣ семь лѣтъ представлялъ, вовсе уничтожить и бросить». И вотъ 28 декабря онъ посылаетъ графу А. П. Бестужеву-Рюмину челобитье, въ которомъ жестокое отношеніе къ себѣ всероссійскихъ правительствующихъ пастырей объясняетъ тѣмъ, что въ своемъ дѣлѣ онъ «дерзновенно представилъ и явственно показалъ ихъ въ нужныхъ къ церковному правительству дѣлахъ неискусство, въ пастырской должности неисправность, о церкви Христовой нерадѣніе, высокомонаршихъ грамотъ и имянныхъ указовъ презрѣніе, по приватнымъ пустошамъ и страстямъ общеполезныхъ церковныхъ и политическихъ интересовъ нарушеніе, а въ судебныхъ опредѣленіяхъ неправосудіе, не только законамъ, но и самому природному разсужденію противное. Это дѣлаютъ, продолжаетъ онъ, не всѣ св. Синода члены, ибо одни изъ нихъ (преосвященные Крутицкій да Псковскій) за правду стоятъ, другіе (Новгородскій, Рязанскій да Тверской) на правду возстаютъ, а третьи (прочіе всѣ) до объявленія преосвященнымъ Димитріемъ своего мнѣнія между правдою и неправдою неутралитетъ держатъ, а по объявленіи, мнѣнію и волѣ его преосвященства безъ всякаго основанія за страхъ послѣдуютъ. И для чего въ Синодѣ за краснымъ сукномъ сидятъ, пусть сами скажутъ? Преосвящ. Димитрій, дабы неутралистовъ въ большій еще страхъ привесть, и князя оберъ-прокурора на свою сторону склонилъ; и когда въ Синодѣ пр. Димитрій начнетъ, аки левъ, рыкать, то бѣдные неутралисты, оставя законъ Божій и государевъ, Димитріевыхъ словесъ трепещутъ и ему во всѣхъ его мнѣніяхъ раболѣпствуютъ». «Не желая, говоритъ въ концѣ челобитія, неугасимому пламени Димитріевой ярости въ жертву себя предать, принужденъ буду всѣ бумаги сжечь, а самъ за рубежъ отлучиться». Челобитье это было послано графомъ Б.-Рюминымъ при письмѣ къ Ея Величеству 29 декабря, а 30-го графское письмо прислано обратно съ собственноручною Ея И. В. помѣтою: «оному монаху отсюда не отлучаться, но дожидаться нашей резолюціи». Такой именной Е. В. указъ, по приказу Б.-Рюмина, синодальный оберъ-секретарь С. Писаревъ объявилъ синодальнымъ членамъ и оберъ-прокурору. 13 января 1763 г. Ѳ. Л. призванъ былъ въ Синодъ, и тотъ же оберъ-секретарь сказалъ ему, что св. Синодъ «указуетъ вамъ никуда безъ вѣдома Синода не отлучаться». 20 января Ѳ. Л. опять подалъ Б.-Рюмину челобитье; въ немъ онъ «благодаритъ» за оставленіе въ Москвѣ, проситъ сюда же вытребовать изъ Кіева его дѣло и разобрать оправдательные отвѣты его при полномъ собраніи членовъ св. Синода,

«въ присутствіи какого судіи, отъ Ея И. В. нарочно къ тому опредѣленнаго»; увѣренный, что «очистится и паче снѣга убѣлится», желаетъ оправданія самаго дѣла, а не милости личнаго прощенія. 28 апрѣля онъ представилъ св. Синоду свои «оправдательные отвѣты», ибо нельзя же «судить человѣка, прежде не выслушавъ его». Въ этотъ же день объявлено было (дѣйс. ст. совѣтникомъ Тепловымъ) повелѣніе Ея И. В. разсмотрѣть его челобитныя въ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Изъ опасенія, чтобы онъ не сжегъ свои бумаги, 29 апрѣля онѣ взяты были изъ его квартиры на Крутицкомъ подворьи въ комиссію, а онъ самъ помѣщенъ въ синодальномъ домѣ подъ караулъ трехъ солдатъ. Воспользовавшись отлучкою двухъ караульныхъ и сномъ третьяго, Ѳ. 4 мая учинилъ побѣгъ, но черезъ нѣсколько дней былъ розысканъ и помѣщенъ подъ крѣпкій караулъ въ ставропигіальномъ Симоновомъ монастырѣ.

Съ іюня разсмотрѣніе комиссіею дѣла о немъ продолжалось въ Петербургѣ. Комиссія эта естественно обратила вниманіе на то, что среди бумагъ его оказались копія съ доношенія ростовскаго архіерея Арсенія Мацѣевича 6 марта 1763 г. объ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, копія съ инструкціи, данной этой же комиссіи, и копія съ челобитной москов. митрополита Макарія и всего духовнаго чина къ царю Іоанну Васильевичу о церковныхъ вольностяхъ и о неотниманіи движимыхъ и недвижимыхъ церковныхъ имѣній.

Въ 1764 г. окончилось разсмотрѣніе дѣла о немъ, и Комиссія пришла къ заключенію, что «такого безпокойнаго человѣка, въ продерзостныхъ и безстрашныхъ поступкахъ, въ противность правилъ св. отецъ и государственныхъ узаконеній, явно оказавшагося и въ силу послѣднихъ жесточайшему истязанію подлежащаго, слѣдуетъ отдалить въ дальнее внутрь Россіи мѣсто, откуда бы онъ къ утечкѣ за границу способа имѣть не могъ». Сослали его въ Долматовъ (или Далматовъ) Успенскій монастырь Тобольской епархіи съ тѣмъ, чтобы включить его въ штатъ этого монастыря, содержать подъ неослабнымъ присмотромъ безъ священнослуженія при одномъ простомъ монашествѣ, бумаги и чернилъ отнюдь не давать. Въ декабрѣ Ѳ. былъ отправленъ изъ Москвы, а въ февралѣ 1765 г. привезенъ въ Долматовъ монастырь. Въ слѣдующемъ году тобольскій митрополитъ Павелъ доносилъ св. Синоду о «весьма великомъ церковномъ мятежѣ»: 23 іюня Ѳ. Л., «пришедъ въ церковь предъ окончаніемъ литургіи, къ коей онъ прежде никогда не бывалъ, падъ на колѣни, во услышаніе всѣмъ въ церкви людямъ читалъ» написанную имъ челобитную на имя императрицы о томъ, что онъ «имѣетъ доносить о важныхъ интересахъ» на архимандрита Далматова монастыря Іакинфа. Въ виду этого и изъ предупрежденія побѣга за границу Ѳ. былъ посланъ въ туруханскій Троицкій, «самый далечайшій» монастырь той же епархіи. Здѣсь Ѳ., войдя въ согласіе съ нѣкоторыми монахами, которые дали ему бумагу, перо и чернила, составилъ «ябедническое доношеніе», будто отпускаемая изъ Мангазейской воеводской канцеляріи въ жалованье въ туруханскій монастырь штатная сумма раздѣляется архимандритомъ Амвросіемъ, незаконно, и въ то же время написалъ ложно въ помянутую канцелярію «промеморію» отъ лица архимандрита о себѣ самомъ, что онъ не арестантъ секретный, что его нельзя ковать въ желѣзные кандалы и держать въ секретной тюрьмѣ подъ карауломъ; говоритъ, что мясо для монаховъ «безгрѣшная снѣдь», ибо и «отъ Бога посылалось врапомъ мясо пророку Иліи». Синодальнымъ указомъ 20 декабря 1770 г. велѣно было снять съ Ѳ-сія камилавку и клобукъ впредь до исправленія и объявить ему, что св. Синодъ послѣднее къ нему оказываетъ снисхожденіе. Указомъ Синода 12 мар. 1780 г. Ѳ. былъ возвращенъ въ Далматовъ монастырь. Въ виду благоправнаго его поведенія возбуждено было ходатайство о возвращеніи ему монашества и разрѣшеніи священнослуженія. Въ 1783 г. послѣдовалъ именной Ея И. В. указъ объ увольненіи изъ подъ стражи іеромонаха Ѳеофана и опредѣленіи въ монастырь по его желанію. Очевидно, послѣ помилованія въ 1783 г. Ѳ. Л. оставленъ былъ въ Тобольской же епархіи. Еще въ 1780 г., при проѣздѣ его изъ Туруханскаго въ Далматовъ монастырь черезъ г. Енисейскъ, «лучшіе граждане» Енисейска просили тобольскаго епископа Варлаама оставить его въ Енисейскомъ монастырѣ «для обученія ихъ дѣтей». Въ ноябрѣ 1782 г. Далматовъ монастырь, а

въ январѣ 1783 г. тобольскій епископъ, ходатайствуя предъ св. Синодомъ о помилованіи Ѳ. Л., выставляли и то соображеніе, что онъ будетъ «потребенъ тутъ для священнослуженія» вслѣдствіе «недостатка» въ епархіи монашествующихъ. Въ 1786 г. «учитель іеромонахъ Ѳеофанъ Леонтовичъ представилъ на пользу тобольской семинаріи» такой свой трудъ: «Compendium historiae universalis, opera et studia... ex variis auctoribus collecta, dogmatibus ecclesiae orientalis conformiter adornata, ab opinionibus heterodoxis vindicata, in justum ordinem disposita, obscuris ac dubiis in locis illustrata»; тамъ же онъ составилъ «Systema geographiae de natura et indole philosophiae» (см. Ежегодникъ Тобольск. губ. музея, XVI, 1907 г.). Гдѣ и когда угасла «безпокойная» жизнь этого «горячаго» человѣка изъ «нашихъ россіянъ» (какъ онъ выражался), пока неизвѣстно.

С. Т. Голубевъ, «Матеріалы для исторіи зап.-русской церкви XVIII ст.», Кіевъ, 1895 (от. изъ IX кн. «Чтен. въ Ист. Об. Нестора лѣт.»).—*Н. И. Петровъ*, «Акты и документы, от. къ ист. Кіев. академіи», от. II, т. I—II, Кіевъ, 1904—5.—*Ѳ. И. Титовъ*, «Памятники прав. и рус. нар. въ Зап. Рос. въ XVII—XVIII в.», т. I, ч. II—III, Кіевъ, 1905.—*Д. Вишневскій*, «Кіев. академія въ пер. пол. XVIII в.», Кіевъ, 1903.—*И. Чистовичъ*, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», ч. II, СПБ., 1884. — *Ф. Смирновъ*, «Вилен. Св.-Духовъ монастырь», Вильна, 1888. — *Д. Сцѣпуро*, «Вилен. св.-духов. братство въ XVII и XVIII в.», Кіевъ, 1899.—*М. С. Поповъ*, «Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло», СПБ., 1912.—*Филаретъ Черниг.*, «Обзоръ рус. дух. литер.», кн, I, Спб. 1884.—*А. И. Никольскій*, «Опис. рукописей въ Арх. Св. Син.», т. II, Спб., 1910.—Опис. док. и дѣлъ Арх. Св. Син., т. XXXIX, Спб., 1910.—Арх. Св. Синода, 1756 г., № 355; 1764 г., № 213; 1763 г., № 393.—Арх. Ком. о церк. им., 1763 г., № 33.

Б. Ж.

Ѳеофанъ (*Леонтовичъ?*), монахъ, игуменъ. Въ «Діаріушѣ» іеромонаха Димитрія (Ростовскаго) подъ 1684 г. написано: «мѣсяца іюня, былъ у меня въ Печерскомъ монастырѣ братъ Ѳеофанъ, изъ Батуринскаго монастыря, мой постриженецъ, который отправился въ дальныя страны, Богъ вѣсть, съ какимъ намѣреніемъ»; тамъ же подъ 1691 г.: «генваря 5, въ навечеріе Богоявленія, возвратился въ домъ свой, въ монастырь Батуринскій, братъ Ѳеофанъ монахъ, мой постриженецъ, который вышелъ изъ своего монастыря въ 1684 г., ходилъ по разнымъ землямъ, въ Парижѣ и Римѣ философіи и богословіи учился, былъ и въ Барѣ, гдѣ мощи св. Николая почиваютъ» (Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, ч. I, м., 1895 г., стр. 339, 351). Фамилія этого Ѳеофана не названа. В. Аскоченскій («Кіевъ съ академіей», ч. I, 1856 г., стр. 251 и прим. 382) вышеприведенныя мѣста изъ Діаріуша относилъ къ Ѳеофану Леонтовичу, говоря о немъ: «родной племянникъ Ѳеофана Прокоповича I, по окончаніи курса наукъ въ Кіевской коллегіи, онъ принялъ монашество отъ св. Димитрія Ростовскаго, въ 1684 г. отправился за границу, на иждивеніи своего дяди, для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ... и т. д.; по возвращеніи въ отечество поступилъ въ виленскій Св. Духовъ монастырь, гдѣ потомъ былъ и старшимъ настоятелемъ; отсюда былъ переведенъ въ Тобольскъ игуменомъ Знаменскаго Успенскаго монастыря; былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ: писаны его поученія на малороссійскомъ и польскомъ языкахъ, относятся ко времени пребыванія его въ Вильнѣ». Тотъ же Аскоченскій отвергаетъ возможность отожествленія этого Ѳеофана съ Ѳ. Прокоповичемъ, новгородскимъ архіепископомъ (такое предположеніе сдѣлано было еще въ 1837 г.), какъ родившимся лишь въ 1681 г. Въ «Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовн. чина» митрополита Евгенія (т. II, 1827 г., Спб.. 2 изд., ст. 324) тоже рѣчь идетъ о Ѳеофанѣ Леонтовичѣ, виленскомъ старшемъ, тобольскомъ игуменѣ, который «сочинялъ много поучительныхъ словъ на малорос. и польск. яз., изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны въ Вильнѣ же». У П. Строева («Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. церкви», Спб., 1877, ст. 539) среди архимандритовъ виленскаго Св.—Духова монастыря помѣщенъ и Ѳеофанъ Леонтовичъ, въ 169... переведенный въ тобольскій Знаменскій монастырь. Настоятельство его въ виленскомъ монастырѣ относятъ къ 1680 годамъ (?), а въ тобольскомъ—къ 1690—1700 г. Но по книжкѣ Флегонта Смирнова, спеціально посвященной одному изъ названныхъ монастырей («Виленскій Св.-Духовъ монастырь, историч. описаніе», Вильна, 1888 г.), Ѳеофана Леонтовича въ концѣ XVII в. не оказывается. Онъ

былъ настоятелемъ виленскаго Св.-Духова монастыря въ 1755—1757 г.г.

И. Чистовичъ. «Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви», ч. II, СПБ., 1884 г.—Описаніе дѣлъ Архива Св. Синода, т. VI, прим. I.—«Памятники православія и рус. нар. въ Зап. Рос. въ XVII—XVIII в.», т. I, ч. I—II, Кіевъ, 1905 г. *Б. Ж.*

Ѳеофанъ (въ мірѣ—*Ѳеодоръ Миславскій*), былъ сыномъ священника, род. въ 1769 г.; воспитывался въ новгородсѣверской семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1797 году. Чувствуя въ себѣ призваніе къ религіозно-нравственной дѣятельности, онъ поступилъ 1 сент. 1797 г. въ священники, въ 1806 г. назначенъ былъ благочиннымъ, а въ 1820 г. произведенъ въ протоіереи. Съ 1798 г. онъ состоялъ депутатомъ отъ духовенства для участія въ епархіальныхъ съѣздахъ, имѣвшихъ своею цѣлью рѣшеніе очередныхъ вопросовъ, касавшихся мѣстной церковно-школьной жизни, и былъ членомъ общества попечительства о бѣдныхъ. Въ 1826 г. Ѳ. постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофана и былъ опредѣленъ въ число братіи и затѣмъ казначеемъ при архіерейскомъ домѣ въ Черниговѣ и присутствующимъ въ чернигов. дух. консисторіи. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ игуменомъ Крупицкаго Николаевскаго монастыря, расположеннаго на берегу рѣки Сейма. Его заботы о благоустройствѣ этого монастыря обратили на себя вниманіе черниговскаго архіепископа Лаврентія. Но 27 сент. 1740 г. онъ былъ уволенъ отъ игуменской должности, по прошенію, въ заштатъ, а 21 дек. 1841 г. произведенъ въ архимандриты и вновь назначенъ настоятелемъ Батуринскаго монастыря. Однако преклонный возрастъ и тѣлесныя немощи заставили его отказаться отъ дальнѣйшей дѣятельности проповѣдника и настоятеля монастыря. Въ 1844 г. онъ былъ уволенъ на покой въ нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Умеръ онъ 11 декабря 1844 г.

«Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи», Черниговъ, 1873 г., книга III, стр. 294.—*Строевъ*, «Списки іерарховъ и настоят. монаст. россійской церкви», стр. 527.—Дѣла Архива Св. Синода 1841 г., № 702; 1813 г., №№ 1539 и 1730. *Ѳ. Соколовъ.*

Ѳеофанъ (*Ѳеодоръ Михайловскій*), архимандритъ, вице-ректоръ шаргородской семинаріи, подольской епархіи. Воспитывался Ѳ. въ харьковскомъ коллегіумѣ и по окончаніи въ немъ (1790 г.) курса служилъ фурьеромъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Уволенный изъ военной службы по болѣзни съ чиномъ подпоручика, онъ въ 1799 г. поступилъ въ братство Александро-Невской лавры и былъ учителемъ историческаго и географическаго классовъ въ Александро-Невской академіи. Въ августѣ 1800 г. онъ постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофана, былъ рукоположенъ въ іеродіаконы и опредѣленъ законоучителемъ морского кадетскаго корпуса. Въ апрѣлѣ 1802 г. Ѳ. былъ отправленъ въ Горсенсъ ко двору принцессы Брауншвейгъ - Люнебургской Екатерины Антоновны, съ производствомъ въ іеромонахи. Пробывъ тамъ около 2-хъ лѣтъ, онъ возвратился въ Россію 23 марта 1804 года и былъ опредѣленъ учителемъ французскаго языка и вице-ректоромъ въ Александро-Невскую академію. Въ 1805 г. состоялось назначеніе Ѳ-на присутствующимъ въ академич. правленіи и учителемъ высшей математики, а въ слѣдующемъ году, возведенный въ санъ архимандрита шаргородскаго Николаевскаго монастыря, онъ былъ назначенъ вицеректоромъ шаргородской семинаріи, потомъ былъ смотрителемъ шаргородскихъ дух. училищъ, затѣмъ—приворотскихъ и въ 1833 г.—снова шаргородскихъ до 1836 г.

Строевъ, «Списки іерарховъ и настоятелей м-рей».—Дѣла Комиссіи Дух. Училищъ, №№ 1198, 3667, 6375 и 7003.—*Чистовичъ*, «Исторія Спб. Дух. академіи». Спб. 1857 г., стр. 134—5.—*Прот. А. П. Мальцевъ*, «Православная церковь и русскія учрежденія за границею». Спб. 1906 г., стр. 138.—*Сѣцинскій*, «Историч. свѣд. о Подольск. семинаріи», стр. 21—22.

К. З.

Ѳеофанъ (*Прокоповичъ*), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ русской церкви XVIII вѣка, сотрудникъ Петра Великаго, писатель и проповѣдникъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ по происхожденію своему былъ сынъ кіевскаго купца и родился въ Кіевѣ 8-го іюня 1681 г. (хотя біографы опредѣляютъ годъ и день его рожденія неодинаково). Его мірское имя было Элеазаръ. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей скоро по рожденіи Элеазара, послѣдній остался на рукахъ матери почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Когда же вскорѣ скончалась и мать, то мальчика взялъ на воспитаніе его дядя, ректоръ Кіевской академіи и намѣстникъ

Кіево-Братскаго монастыря, Ѳеофанъ Прокоповичъ. По другому извѣстію, въ воспитаніи Элеазара принималъ участіе и тогдашній кіевской митроп. Варлаамъ Ясинскій. Съ помощью дяди, Элеазаръ былъ принятъ въ Кіевскую академію, гдѣ и началъ обучаться русской и латинской грамотѣ. Однако дядя Элеазара тоже въ скоромъ времени (въ 1692 г.) скончался. Тогда въ судьбѣ мальчика принялъ участіе одинъ кіевскій благодѣтель, который и далъ ему возможность продолжать образованіе. Элеазаръ учился въ академіи до 1698 г. Среди своихъ сверстниковъ онъ выдѣлялся богатыми дарованіями. Съ живостью ума и остротою памяти въ немъ соединялась и природная живость характера, а также привлекательная наружность. За звонкій голосъ онъ былъ сдѣланъ регентомъ архіерейскаго хора.

По окончаніи философскаго курса въ академіи, Элеазаръ Прокоповичъ, по обычаю того времени, подобно другимъ лучшимъ академическимъ питомцамъ, отправился для завершенія своего образованія за границу—въ польскія училища. Первыя извѣстія о его пребываніи здѣсь не вполнѣ согласны между собою. По свѣдѣнію, сообщаемому митрополитомъ Евгеніемъ, Прокоповичъ поступилъ въ братство битевскаго базиліанскаго монастыря; по другому извѣстію (Шерерова біографа) Элеазаръ отправился сначала въ Львовъ, а потомъ въ Краковъ; по третьему (Маркелла Родышевскаго) — онъ ушелъ во Владиміръ Волынскій. Впрочемъ всѣ одинаково передаютъ, что Прокоповичъ за рубежомъ сдѣлался уніатомъ и принялъ монашество отъ уніатовъ. Въ монашествѣ его наименовали Елисеемъ. Принятіе уніатства составляло тогда неизбѣжное условіе заграничнаго образованія для православныхъ, потомучто иначе въ польскія училища ихъ не принимали. Обративъ на себя вниманіе уніатскаго духовнаго начальства, Прокоповичъ былъ опредѣленъ во Владимірѣ учителемъ поэзіи и краснорѣчія. Черезъ нѣкоторое же время онъ былъ посланъ отъ базиліанскаго ордена въ Римъ для усовершенствованія въ наукахъ, какъ человѣкъ подающій большія надежды. Въ Римѣ Елисей Прок. поступилъ въ коллегію св. Аѳанасія, спеціально учрежденную папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ, съ цѣлью католической пропаганды. Въ коллегіи Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи, изучалъ древности, творенія классическихъ писателей, христіанскихъ отцовъ западныхъ и восточныхъ, прошелъ полный курсъ схоластическаго богословія; классическое образованіе было поставлено въ коллегіи высоко, и молодой Елисей имъ особенно увлекался. Вообще научныя занятія здѣсь захватили его совершенно, такъ что за ними онъ иногда даже забывалъ о пищѣ. Внимательно присматривался талантливый русскій выходецъ и ко всѣмъ порядкамъ католической церкви. Онъ хорошо познакомился съ католическою организаціей, и здѣсь, надо думать, зародилось въ немъ то рѣзко отрицательное отношеніе къ папизму, какое замѣчается у него впослѣдствіи. Впрочемъ, само по себѣ пребываніе въ коллегіи должно было оставить въ немъ хорошія воспоминанія. Начальникъ коллегіи особенно полюбилъ талантливаго ученика и оказывалъ ему преимущественное покровительство. Онъ открылъ доступъ Прокоповичу въ ватиканскую и другія библіотеки, чѣмъ далъ ему возможность удовлетворять свою научную любознательность. Отцы іезуиты усиленно склоняли Елисея остаться въ Италіи и вступить въ ихъ ряды. Но Прокоповичъ отклонилъ подобныя предложенія и возвратился въ Россію, воспользовавшись весьма продуктивно образовательными средствами католическаго запада.

Прокоповичъ вернулся въ Малороссію въ 1702 году и, подобно другимъ питомцамъ православныхъ училищъ, временно позволявшимъ себѣ отступать отъ православія для полученія заграничнаго образованія, отрекся отъ уніатства и принялъ православное постриженіе съ именемъ Самуила. Маркеллъ Радышевскій, врагъ Прокоповича, разсказываетъ, будто бы тотъ самовольно надѣлъ на себя рясу православнаго монаха; но этому разсказу нѣтъ основанія довѣрять. Возсоединенный съ православною церковью, молодой образованный монахъ сдѣланъ былъ учителемъ поэзіи въ Кіевской академіи. Здѣсь именно, по свидѣтельству м. Евгенія, Прокоповичъ перемѣнилъ въ 1705 г. свое имя, назвавшись въ честь своего дяди Ѳеофаномъ.

Съ первыхъ же шаговъ своей академической дѣятельности, начавшейся въ 1704 г., Прокоповичъ проявилъ свои

новаторскія стремленія, пока въ скромной области піитики. Самъ воспитавшись на схоластической наукѣ, Ѳ. уже тогда обнаруживалъ свое отвращеніе къ мертвящему схоластицизму. Въ своемъ курсѣ піитики онъ старался по возможности очистить теорію поэзіи отъ различныхъ схоластическихъ измышленій, внести въ эту область больше естественности въ противоположность искусственнымъ схоластическимъ ухищреніямъ. Въ практическихъ опытахъ поэтическаго творчества, каковые были тогда обязательны для преподавателя этого предмета, Ѳ. пробовалъ воплотить свои новыя идеи, внося жизненный элементъ даже въ полумиѳическія по сюжету произведенія. Такова его извѣстная трагикомедія «Владиміръ». Тоже направленіе проявилъ молодой преподаватель, перейдя въ 1706 г. на классъ риторики. И въ курсѣ риторики Ѳ. выступилъ врагомъ прежнихъ схоластическихъ риторическихъ пріемовъ, стараясь сообщить проповѣди жизненный характеръ, вывести церковное краснорѣчіе изъ дебрей отвлеченной схоластики на широкую дорогу служенія жизненнымъ интересамъ. Случай доставилъ Ѳ-ну возможность именно на проповѣдническомъ поприщѣ обратить на себя вниманіе государя и выдвинуться изъ среды своихъ сотоварищей. 4-го іюля 1706 г. прибылъ въ Кіевъ Петръ Великій для основанія Печерской крѣпости. На слѣдующій день государь посѣтилъ Софійскій соборъ, и здѣсь на долю Ѳ-на выпало сказать ему привѣтственное слово. Блестящая проповѣдь, въ которой ясно слышались новые звуки—откликъ на событія современности и живая рѣчь, свободная отъ схоластической теоріи, не могла остаться незамѣченной государемъ, столь умѣвшимъ замѣчать нужныя ему дарованія. Для Ѳ-на открывалась заря его высокаго будущаго. Однако оно обрисовалось не сразу. Пока Прокоповичъ продолжалъ подвигаться лишь по ступенямъ академической службы. Въ 1707 г. его назначили префектомъ академіи и учителемъ философіи. Послѣднюю Ѳ. преподовалъ два года, занимаясь кромѣ того по физикѣ, ариѳметикѣ и геометріи, наукамъ, до тѣхъ поръ въ академіи не преподававшимся. Шведская война, затронувшая Малороссію, дала возможность Прокоповичу вновь заявить о себѣ и реальными услугами правительству и пламеннымъ сочувствіемъ новому государственному курсу. Въ чемъ именно состояли реальныя услуги Прокоповича правительству, мы не знаемъ: о нихъ только упоминаетъ самъ Ѳ. впослѣдствіи въ одномъ своемъ доношеніи. Но выступленія второго рода были торжественно—публичны. Когда Петръ возвращался послѣ Полтавской битвы черезъ Кіевъ, Ѳ. привѣтствовалъ его въ томъ же Софійскомъ соборѣ восторженнымъ панегирикомъ, немедленно напечатаннымъ на русскомъ и латинскомъ яз. Въ декабрѣ 1709 г. посѣтилъ Кіево-Братскій училищный монастырь кн. Меньшиковъ; и петровскій любимецъ слышалъ похвальное слово себѣ изъ устъ того же Прокоповича. Эти выступленія не остались безрезультатны. Меньшиковъ скоро же рекомендовалъ кіевскаго проповѣдника новгородскому митр. Іову въ архимандриты Юрьевскаго монастыря, какъ «учительнаго» человѣка. Іовъ готовъ былъ припять къ себѣ Ѳ-на, но этотъ переводъ почему то не состоялся. Вспомнилъ при первомъ же случаѣ о Ѳ-нѣ и государь. Во время прутскаго похода, въ 1711 г. Петръ вызвалъ въ лагерь Прокоповича, который въ качествѣ проповѣдника и сопровождалъ государя въ походѣ. По возвращеніи Ѳ-на ждала награда. Онъ былъ назначенъ (въ 1711 г.) игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія.

Съ этого момента начинается расцвѣтъ академической дѣятельности Ѳ-на. На каѳедрѣ богословія ему представился удобный случай проявить наиболѣе ярко свое научное новаторство. Господствовавшая до тѣхъ поръ въ кіевской школѣ схоластическая богословская система, создавшаяся по образцу католическихъ авторитетовъ, его совершенно не удовлетворяла. Схоластическое богословіе базировалось главнымъ образомъ на силѣ отвлеченныхъ логическихъ доводовъ и авторитетовъ. Въ противоположность этому Прокоповичъ выдвинулъ учено-историческій и критическій методъ, который не путемъ отвлеченныхъ разсужденій доказываетъ истины православія, а на основаніи изученія св. писанія и церковной исторіи, при чемъ отрицается слѣпое преклоненіе предъ авторитетами, а требуется критическое къ нимъ отношеніе. Естественно, что въ развитіи такой системы Ѳ-ну приходилось искать поддержки и не у католическихъ писателей, которыми питалась прежняя кіевская школьная наука,

а у протестантскихъ богослововъ, столь же отрицательно относившихся къ католическому богословію и наиболѣе развившихъ учено-критическіе пріемы. Въ силу ли новаго духа, или въ силу блестящихъ талантовъ профессора, лекціи Ѳ-на по богословію пользовались въ академіи большимъ успѣхомъ. По свидѣтельству одного изъ біографовъ, ѳеофановскіе уроки казались слушателямъ новымъ свѣтомъ, и они ихъ съ жадностью воспринимали. Но новаторскій духъ ѳеофановскихъ воззрѣній уже тогда началъ вызывать противъ него неудовольствіе. Старые кіевскіе учителя, воспитанные на традиціяхъ схоластическаго богословія и оставшіеся вѣрными этимъ традиціямъ, увидѣли въ Ѳ-нѣ человѣка подозрительнаго, зараженнаго духомъ протестантскимъ. Изъ этой среды не замедлили послѣдовать и обвиненія Ѳ-на въ неправославіи. Въ числѣ Ѳеофановыхъ сослуживцевъ по Кіевской академіи были, между прочимъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій и Гедеонъ Вишневскій. Первый былъ старше Ѳ-на и служилъ съ нимъ недолго: въ 1705 году онъ перешелъ въ Москву. Гедеонъ же Вишневскій былъ учителемъ академіи въ ректорство Прокоповича. По отзыву послѣдняго, это былъ человѣкъ гордый, зоносчивый, даже нахальный. Быть можетъ, такая характеристика не совсѣмъ безпристрастна. Какъ бы то ни было, у Ѳ-на съ Гедеономъ возникали частыя несогласія. Гедеонъ часто спорилъ съ Ѳ-номъ и, по словамъ Родышевскаго, публично обвинялъ его въ неправославіи. А за спиною Вишневскій распускалъ всякіе слухи о Прокоповичѣ. Не симпатизировалъ Ѳ-ну и Ѳеофилактъ. Изъ Москвы онъ, видимо, слѣдилъ за дѣятельностью своего бывшаго сослуживца и въ 1712 г., тоже публично выступилъ съ обличеніями Ѳ-на въ неправославіи. Поводомъ послужило написанное Ѳ-номъ сочиненіе «О игѣ неудобоносимомъ». Ѳеофилактъ, бывшій уже ректоромъ Московской академіи, написалъ противъ этого сочиненія опроверженіе, въ которомъ назвалъ произведеніе Прокоповича «писаніемъ противничимъ, вносящимъ въ міръ Россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіи и оправданіи». Эта распря двухъ ученыхъ положила начало ихъ послѣдующимъ непріязненнымъ отношеніямъ.

Впрочемъ, пока Ѳ. былъ въ Кіевѣ, непріязнь его будущихъ враговъ не проявлялась особенно остро. Ректорская служба протекала для него довольно спокойно. Ѳ. дѣятельно занимался училищно-монастырскимъ хозяйствомъ, дружилъ съ мѣстнымъ образованнымъ обществомъ, предавался любимымъ занятіямъ въ кругу близкихъ лицъ. Хозяйство монастыря, сильно разстроенное до него, ему удалось поднять и упорядочить. Просвѣщенныя склонности сблизили Ѳ-на съ кіевскимъ губернаторомъ, кн. Д. М. Голицынымъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Близокъ былъ еще болѣе Ѳ. съ семействомъ Марковичей, въ домѣ которыхъ онъ короталъ свои досуги за дружеской бесѣдой, чтеніемъ Бэкона, Декарта, Буддея и др. писателей, сочиненіемъ виршей и т. п. Съ своимъ начальствомъ Прокоповичъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Тогдашній кіевскій митр. Іоасафъ Краковскій, по старости, мало занимался дѣлами; а съ его іродіакономъ Іоаннникіемъ Сѣнюковичемъ, фактически заправлявшимъ епархіей, Прокоповичъ успѣлъ сойтись, не брезгая и льстивымъ заискиваніемъ. Вообще Ѳ. обнаружилъ умѣнье уживаться съ людьми, отъ которыхъ онъ находился въ какой-либо зависимости или которые могли быть ему полезны.

Въ 1715 году Ѳ. получилъ приказаніе государя пріѣхать въ Петербургъ. Этотъ вызовъ, несомнѣнно, открывалъ Прокоповичу дорогу къ архіерейству. Такъ поняли его и другіе, и самъ Ѳ. Конечно, Ѳ. долженъ былъ ожидать, что рано или поздно его сдѣлаютъ архіереемъ. Но если съ одной стороны архіерейство радовало его, какъ высшая церковная степень, открывающая доступъ и къ почестямъ и къ широкой дѣятельности, то съ другой стороны оно его и страшило. Онъ, видимо, понималъ, что съ своими убѣжденіями онъ далеко не подходитъ къ тогдашней обычной епископской средѣ и что на этомъ поприщѣ его неизбѣжно ожидаютъ не только розы, но терніи. Такое именно настроеніе слышится въ письмѣ Ѳ. къ Марковичу, написанномъ подъ впечатлѣніемъ вызова. «Можетъ быть ты слышалъ—писалъ Ѳ., что меня вызываютъ для епископства. Эта почесть меня такъ же привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Я люблю дѣло епископства и хотѣлъ бы быть епископомъ, если бы, вмѣсто того, не

пришлось разыгрывать комедіи; ибо таково это испорченнѣйшее состояніе, если не исправитъ его божественная премудрость». Предчувствіе отчасти не обмануло Ѳ-на. Съ первыхъ же шаговъ къ архіерейскому сану ему пришлось встрѣтиться съ непріязнью той среды, которую онъ называлъ «испорченнѣйшею» и отъ которой не ждалъ особой привѣтливости. Ѳ. прибылъ въ Петербургъ осенью 1716 г., такъ какъ болѣзнь задержала его въ Кіевѣ. Государь тогда былъ за границей и дѣло съ назначеніемъ Прокоповича въ епископы нѣсколько задержалось. Меньшиковъ, къ которому явился Ѳ., принялъ его ласково. Судя по письму Ѳ-на изъ Петербурга къ тому же Марковичу, онъ пробовалъ было, дѣйствительно, отклонить отъ себя ожидавшую его честь. Однако благожелатели отговорили его отъ такого шага, и Ѳ. остался въ Петербургѣ, занявшись до пріѣзда государя сказываніемъ проповѣдей. Проповѣди эти обращали на себя вниманіе. О нихъ говорили, ихъ печатали и отсылали къ государю. Когда возвратился Петръ, 10 окт. 1717 года, то Прокоповичу же было поручено составить привѣтствіе ему отъ царскаго семейства и народа. Ѳ. составилъ три рѣчи, изъ которыхъ одну говорилъ отъ лица маленькаго царевича Петра Петровича Меньшиковъ, другую— отъ лица дочерей государя—царевна Анна, а третью—самъ Ѳ. отъ лица народа. Затѣмъ Ѳ. скоро же произнесъ еще нѣсколько рѣчей въ честь Петра и Екатерины. Въ государѣ новый, но уже извѣстный ему проповѣдникъ нашелъ полное благоволеніе. Дѣло съ епископствомъ теперь уже не могло замедлиться, и въ началѣ 1718 г. опредѣлилось, что Ѳ. назначается на освободившуюся псковскую каѳедру. Но тутъ то и заявили о себѣ недоброжелатели Ѳ-на.

Тѣ самые два Ѳеофановыхъ антагониста, съ которыми мы уже встрѣчались, Гедеонъ Вишневскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій, рѣшили теперь воспрепятствовать его производству въ епископы. Гедеонъ тогда былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Ѳеофилактомъ, и руководимая послѣднимъ Московская академія съ опасеніемъ наблюдала за возвышеніемъ кіевскаго ректора. И Гедеонъ, и Ѳеофилактъ, и другія лица ихъ лагеря подозрѣвали, какъ сказано, въ Ѳ-нѣ протестантскія идеи и обличали его въ неправославіи. Пока Прокоповичъ занималъ сравнительно скромный постъ ректора въ далекомъ Кіевѣ, его, очевидно, не считали особенно опаснымъ. Но явное возвышеніе Ѳ-на, приближеніе его къ государю и правящимъ сферамъ заставили встрепенуться его противниковъ. Они предвидѣли опасность отъ этого смѣлаго новатора и задумали помѣшать его дальнѣйшему восхожденію по іерархической лѣстницѣ. Интрига противъ Ѳ-на зародилась въ Москвѣ, видимо, скоро послѣ его пріѣзда въ Петербургъ и не осталась для него неизвѣстной. По крайней мѣрѣ въ его письмѣ въ Кіевъ отъ того времени слышится особое раздраженіе противъ «латынщиковъ», подъ которыми онъ разумѣлъ никого иного, какъ людей противнаго ему католическо—схоластическаго направленія. Но противъ тайныхъ подкоповъ Ѳ. пока ничего не могъ сдѣлать. Московскіе ученые между тѣмъ составили цѣлый протестъ съ обличеніемъ Ѳ-на въ неправославіи и ждали удобнаго момента выступить съ нимъ. Они собрали изъ разныхъ сочиненій Ѳ-на, главнымъ образомъ изъ его богословскихъ уроковъ въ Кіевской академіи, мысли, казавшіяся имъ неправославными, заручились одобреніемъ ученыхъ грековъ Лихудовъ—столповъ стараго московскаго образованія—и привлекли на свою сторону мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго. Въ маѣ 1718 г. государь поручилъ Мусину-Пушкину пригласить Стефана въ Петербургъ для посвященія епископовъ на вакантныя каѳедры, а если Стефанъ пріѣхать не можетъ, то прислалъ бы сарскаго архіерея. Противники Ѳ-на догадались, что рѣчь идетъ прежде всего о его посвященіи. Тогда они и уговорили Яворскаго дать ходъ доносу о неправославіи Ѳ-на Стефанъ самъ не поѣхалъ, а послалъ сарскаго епископа, съ которымъ отправленъ былъ и доносъ. Послѣдній шелъ не отъ лица его первоначальныхъ авторовъ, а отъ авторитетнаго лица самого мѣстоблюстителя, который въ письмѣ къ епископамъ, коимъ предстояло совершать хиротонію, предостерегалъ ихъ, чтобы они, въ случаѣ представленія Прокоповича на какую-либо каѳедру, увѣдомили государя, что этотъ іеромонахъ держится ученія, не согласнаго съ восточною церковью. Если бы Прокоповичъ сталъ защищать свое ученіе, какъ православное, то Стефанъ просилъ обратиться за разъ-

ясненіемъ къ восточнымъ патріархамъ. А если бы Ө. сознался въ неправильности своего ученія, то прежде посвященія онъ долженъ отречься отъ него и покаяться. Такимъ образомъ Стефанъ не отрицалъ безусловно кандидатуры Ө-на; онъ только считалъ необходимымъ выяснить степень православности убѣжденій Прокоповича. Но понятно, что подобное испытаніе угрожало восходящей кіевской знаменитости по меньшей мѣрѣ публичнымъ униженіемъ, роняло его авторитетъ и набрасывало тѣнь на его имя. Легко предположить, какъ былъ оскорбленъ Прокоповичъ этимъ доносомъ московскихъ недоброжелателей. Однако послѣдніе не разсчитали своей силы. Ни Стефанъ Яворскій, ни вся партія, которая скрывалась за его спиною, не пользовались вовсе расположеніемъ Петра. Обвиненіе въ неправославіи, основанное больше на схоластическихъ тонкостяхъ, мало интересовало государя, который самъ знакомъ былъ хорошо съ Ө-номъ и его воззрѣніями. Для Петра большее значеніе имѣло заявленіе его кандидата, имѣвшаго неоднократно случай засвидѣтельствовать царю свою преданность, чѣмъ хитроумныя подозрѣнія московскихъ ученыхъ. Ө-ну не трудно было оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій, и доносъ не достигъ своей цѣли. Прокоповичъ представилъ, что московскія обвиненія были несправедливы: они или основаны на неправильномъ толкованіи его ученія, или же вмѣняютъ ему въ вину то, что въ дѣйствительности составляетъ ученіе православное и только съ точки зрѣнія латынщиковъ, ослѣпленныхъ католическими пристрастіями, кажется неправославнымъ. Этихъ объясненій было вполнѣ достаточно для государя. Онъ и не подумалъ обращаться къ авторитету восточныхъ патріарховъ и приказалъ немедленно посвятить Ө-на. Посвященіе состоялось 2-го іюня. Ө. сдѣлался епископомъ псковскимъ и нарвскимъ. При посвященіи ему дано было даже особое отличіе: его облачили въ саккосъ, что тогда предоставлялось не всѣмъ архіереямъ. Государь оказывалъ новому епископу особое благоволеніе. Враги Прокоповича были посрамлены. Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Петербургъ и Стефанъ Яворскій по дѣлу царевича Алексѣя и долженъ былъ перенести моральное униженіе за свой неудавшійся ходъ противъ Ө-на. Стефанъ читалъ отвѣты Прокоповича на взведенныя противъ него обвиненія, гдѣ между прочимъ доказывалось, что Яворскій, навѣрно, и не читалъ сочиненій Ө-на, и долженъ былъ сконфуженно сознаться, что это правда. Смущенный Стефанъ всю отвѣтственность за доносъ слагалъ на Гедеона и Өеофилакта, которые, будто бы, ввели его въ обманъ, и обѣщалъ взыскать съ доносчиковъ за неправильный доносъ. При свиданіи съ Ө-номъ Стефанъ долго разсуждалъ съ нимъ по поводу доноса и недоразумѣнія окончательно выяснились. По свидѣтельству Ө-на, Яворскій сознался, будто не читалъ и самого доноса, а подписалъ его по довѣрію. Рязанскому митрополиту пришлось просить извиненія у новаго псковскаго архіерея, послѣ чего состоялось между ними видимое примиреніе. Это униженіе Яворскому выпало перенести не наединѣ, а въ присутствіи Мусина-Пушкина и архим. Өеодосія Яновскаго, которые были при разговорѣ. Гедеону и Өеофилакту пришлось испытать аналогичную участь нѣсколько позже.

Получивъ санъ епископа, Ө. не поѣхалъ въ Псковъ на епархію, а остался въ Петербургѣ для дѣлъ общецерковнаго управленія, въ качествѣ ближайшаго сотрудника государя въ церковной сферѣ. Да Петръ Великій, конечно, и назначалъ Прокоповича на псковскую каѳедру не съ тѣмъ, чтобы тотъ уѣхалъ въ незначительный Псковъ, а чтобы имѣть около себя преданнаго помощника, каковымъ уже успѣлъ заявить себя Ө. Въ санѣ епископа дѣятельность послѣдняго начинаетъ все расширяться. Онъ исполнялъ всевозможныя порученія государя, писалъ сочиненія, сочинялъ новые церковные законы и указы, говорилъ проповѣди на общественно-политическія темы въ духѣ, желательномъ правительству, и т. д. Во время суда надъ царевичемъ Алексѣемъ въ 1718 году Ө. вмѣстѣ съ другими архіереями участвовалъ въ извѣстномъ епископскомъ сужденіи по этому дѣлу и, надобно думать, проводилъ взгляды своего державнаго покровителя. Ө. же писалъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Яворскимъ, по порученію государя, отвѣтъ сорбонскимъ богословамъ, сдѣлавшимъ Петру, въ бытность его за границей, предложеніе о соединеніи церквей. Изъ двухъ отвѣтовъ—Стефана и Ө-на былъ предпочтенъ послѣдній и отосланъ сорбонскимъ ученымъ за подписью рязанскаго, псковскаго

архіереевъ и холмогорскаго архіеп. Варнавы. Отвѣтъ былъ уклончивый, но отрицательный, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что безъ согласія съ восточными церквами русская не можетъ обсуждать этого вопроса. Ѳ-ну поручено было Петромъ составленіе и того знаменитаго законодательнаго акта, который окончательно ликвидировалъ русское патріаршество и измѣнялъ устройство высшаго церковнаго управленія на коллегіальное. Духовный Регламентъ, которымъ учреждался «духовный коллегіумъ», назвавшійся святѣйшимъ синодомъ, былъ сочиненъ Прокоповичемъ, конечно, по мыслямъ и указаніямъ преобразователя. Надъ Регламентомъ Прокоповичъ трудился въ 1719—1720 г., какъ это видно изъ письма его къ Марковичу отъ 10 мая 1720 г. Когда учредилась «духовная коллегія», то Ѳ. былъ сдѣланъ въ ней вторымъ вице-президентомъ: президентомъ назначенъ былъ Стефанъ Яворскій, а первымъ вице-президентомъ Ѳеодосій Яновскій, тогда архіеп. новгородскій. Оба эти лица были старше Прокоповича и естественно заняли первыя мѣста въ Синодѣ. Но въ направленіи синодскихъ дѣлъ, въ дѣятельности духовной коллегіи съ первыхъ же шаговъ ея существованія фактически руководящая роль принадлежала Ѳ-ну болѣе, чѣмъ кому-либо изъ его старшихъ коллегъ. Стефанъ въ Синодѣ почти не имѣлъ значенія. Его сдѣлали президентомъ скорѣе по тактическимъ соображеніямъ, такъ какъ по своему настроенію онъ вовсе не подходилъ къ курсу правительственной церковной политики. Самое учрежденіе Синода было ему, вздыхавшему о прежнемъ патріаршествѣ, несимпатично, и онъ, сколько могъ, ему противился; понятно, что въ Синодѣ онъ чувствовалъ себя въ фальшивомъ положеніи и долженъ былъ предоставить руководство дѣлами своимъ болѣе молодымъ, но подходившимъ къ современному духу, сотоварищамъ. Ѳеодосій Яновскій самъ былъ человѣкъ честолюбивый и любилъ играть роль. Онъ не былъ въ Синодѣ безгласнымъ, а, по внѣшности, пожалуй, давалъ тонъ всѣмъ. Но по своимъ талантамъ, уму и образованію Ѳеодосій далеко уступалъ Ѳ-ну. Поэтому само собою разумѣется во всякомъ серьезномъ дѣлѣ на первое мѣсто фактически долженъ былъ выступать Прокоповичъ, хотя, не желая ссориться съ Ѳеодосіемъ, онъ умѣлъ дѣлать это такъ, что не задѣвалъ самолюбія новгородскаго архіепископа. Впрочемъ, въ направленіи дѣятельности Ѳеодосій и Ѳ. были солидарны, такъ что трудно опредѣлить, что именно принадлежало каждому изъ нихъ.

Руководимый Ѳеодосіемъ и Ѳ-номъ, Синодъ энергично занялся упорядоченіемъ разныхъ сторонъ церковнаго быта. Стали издаваться строгіе указы противъ самовольно сочиненныхъ службъ, молитвъ, суевѣрныхъ обычаевъ, ханжей, мнимыхъ затворниковъ, торговли реликвіями, размноженія часовенъ, разглашенія ложныхъ чудесъ и т. п. Во всѣхъ этихъ указахъ ясно проглядываетъ свойственное Ѳ-ну отвращеніе отъ показной, лицемѣрно обрядовой религіозности, дававшей просторъ эксплоатаціи народныхъ массъ со стороны своекорыстныхъ людей, подъ предлогомъ благочестія. Такое начало мало предвѣщало хорошаго для стараго церковнаго уклада. Съ грустью долженъ былъ смотрѣть Яворскій на дѣятельность новаго учрежденія, во главѣ котораго онъ стоялъ, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ пробовалъ было протестовать по одному поводу—по вопросу о возношеніи именъ восточныхъ патріарховъ, но протестъ закончился выговоромъ для него, а Ѳ-ну далъ поводъ написать цѣлое сочиненіе въ оправданіе новаго распоряженія. Не долго, впрочемъ, президенствовалъ Стефанъ: въ концѣ 1722 г. онъ скончался. Послѣ его смерти президента совсѣмъ не было назначено, а во главѣ Синода остались два прежніе вицепризидента. Ѳ. между тѣмъ продолжалъ съ тою же ревностью проводить правительственные взгляды въ церковномъ управленіи и не только исполнять, а даже иногда предвосхищать предначертанія монарха. Петръ Великій задумалъ измѣнить порядокъ наслѣдованія престола и издалъ въ февралѣ 1722 г. указъ о престолонаслѣдіи, которымъ монарху предоставлялось самому назначать себѣ преемника. Ѳ. написалъ въ идейное оправданіе этого акта цѣлую книгу—«Правда воли монаршей». Государь не любилъ ханжей и лицемѣровъ. Ѳ., вполнѣ раздѣлявшій эту нелюбовь, въ подкрѣпленіе къ административнымъ распоряженіямъ, написалъ противъ ханжей особое разсужденіе о «блаженствахъ». Новая церковно-правительственная система слишкомъ ярко подчеркнула преобладаніе свѣтской власти надъ духовной, что возбуждало разные толки въ обществѣ. Ѳ.

и здѣсь пришелъ на помощь съ своимъ трактатомъ, который доказывалъ, что государямъ принадлежитъ почти полная власть въ церковномъ управленіи: они не могутъ только священнодѣйствовать. Наплывъ иноземцевъ въ Россію вызвалъ вопросъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами. Такіе браки прежде у насъ не разрѣшались. Синодъ ихъ разрѣшилъ, и Ѳ. для этого случая написалъ особое разсужденіе. При Петрѣ же возникъ вопросъ о разводахъ, въ связи съ колебаніемъ прежнихъ семейныхъ правъ. Прокоповичъ выступилъ съ своимъ мнѣніемъ и по этому поводу. Противъ раскольниковъ, занимавшихъ петровское правительство, Ѳ. писалъ увѣщанія и обличенія. Съ церковной каѳедры онъ восхвалялъ мѣропріятія правительства, славословилъ геній и дѣла Петра, разъяснялъ правительственныя распоряженія, громилъ враговъ отечества и противниковъ петровскихъ новшествъ. Послѣднее время петровскаго правленія ознаменовалось крупными правительственными мѣропріятіями по отношенію къ тому духовному классу, котораго Петръ особенно не долюбливалъ—монашеству. 31-го января 1724 г. было издано знаменитое «Объявленіе» о монашествѣ. Какъ въ немъ, такъ и въ другихъ подобныхъ распоряженіяхъ Ѳ. принималъ ближайшее участіе: не даромъ монахи считали Прокоповича виновникомъ своихъ золъ. Ѳ., по порученію государя, занимался составленіемъ духовныхъ штатовъ, которые, однако, такъ и не были закончены, за исключеніемъ общей части штатовъ монастырскихъ, изданныхъ въ 1724 г.

Вообще псковскій архіерей дѣйствительно занялъ при Петрѣ въ церковномъ управленіи то положеніе, какого, по всѣмъ признакамъ, опасались Ѳеофановы недоброжелатели. Онъ сталъ въ полномъ смыслѣ правою рукою преобразователя въ его церковныхъ реформахъ. Нѣтъ основанія думать, чтобы Прокоповичемъ руководило простое честолюбіе, заискиваніе предъ властью и т. п. эгоистическія побужденія. Все, что извѣстно объ убѣжденіяхъ Ѳ-на, говоритъ за то, что онъ совершенно искренне сочувствовалъ взглядамъ Петра на задачи церковнаго управленія и на идеалъ церковной жизни и являлся убѣжденнымъ сторонникомъ новой церковно-правительственной системы, не чуждой нѣкоторыхъ элементовъ протестантской идеологіи и прямо противоположной папско-католическимъ тенденціямъ, заявлявшимъ себя въ нѣкоторыхъ представителяхъ русской іерархіи, преимущественно малороссійскаго происхожденія и образованія. Почему именно Ѳ. разошелся съ общимъ духомъ малороссіянъ, духомъ, впослѣдствіи самимъ правительствомъ признававшимся за ихъ специфическую особенность, это опредѣлить трудно. Тутъ несомнѣнно играли роль личныя особенности, потому что по своему воспитанію Прокоповичъ не отличался отъ такихъ лицъ, какъ тотъ же Гедеонъ Вишневскій, Стефанъ Яворскій и проч. выходцы кіевскихъ школъ. Но разошедшись съ людьми своей среды, Ѳ. сдѣлался нелицемѣрнымъ адептомъ того новаго настроенія, какое породило новую петровскую Россію съ ея новыми государственными и церковными отношеніями. И Петръ Великій вполнѣ цѣнилъ своего ревностнаго, незамѣнимаго сотрудника. Онъ часто приглашалъ къ себѣ Ѳ-на, бывалъ и у него въ домѣ, не только для дѣловыхъ разговоровъ о близкихъ имъ церковныхъ дѣлахъ, но и для отдохновенія въ часы досуга. Благоволеніе это сопровождалось обильными милостями. Въ 1720 г. уже Ѳ. получилъ званіе архіепископа. Петръ дѣлалъ нерѣдко Ѳ-ну подарки, между прочимъ, лично ему подарилъ нѣсколько деревень, дарилъ и значительныя денежныя суммы. Матеріальная помощь Прокоповичу была даже необходима. Ѳ. въ Петербургѣ обзаводился своимъ хозяйствомъ, строилъ домъ, принималъ у себя общество, въ томъ числѣ и монарха; собиралъ библіотеку, какъ любитель книгъ и человѣкъ, имѣвшій постоянно нужду къ нимъ обращаться. Между тѣмъ доходы псковскаго архіерейскаго дома были незначительны и, за покрытіемъ расходовъ по домовому управленію, архіерею мало что оставалось. Стѣсненное матеріальное положеніе заставляло Ѳ-на прибѣгать къ займамъ; такъ въ 1722 г. онъ занялъ изъ синодальныхъ суммъ 3200 р. Но иногда положеніе становилось совсѣмъ плачевнымъ, особенно когда происходила задержка въ выдачѣ синодальнаго жалованья, которое для Прокоповича въ это время служило главнымъ средствомъ содержанія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ жалостныя письма Ѳ-на къ государю съ просьбами о пособіи и съ изложеніемъ своихъ критическихъ обстоятельствъ. Въ довершеніе непріятностей, синодальный

оберъ-прокуроръ требовалъ съ псковскаго архіерея синодскій долгъ, и Ѳ-ну приходилось заявлять о своей несостоятельности и просить отсрочки или сложенія долга. Но пока живъ былъ Петръ, его любимецъ не могъ, конечно, слишкомъ нуждаться и не безъ основанія разсчитывалъ на монаршую милость.

Въ своей епархіи Ѳ., какъ сказано, не жилъ. Онъ посѣтилъ ее на другой годъ по назначеніи и вернулся въ Петербургъ. Псковъ мало интересовалъ его. Зато у себя, въ Петербургѣ онъ постарался приложить на дѣлѣ всю энергію для практическаго осуществленія образовательныхъ идей Регламента, что стало поставляться въ первую обязанность архіерея. Уже въ 1721 г. Ѳ. хотѣлъ хлопотать объ открытіи въ Петербургѣ семинаріи съ высшимъ курсомъ, своего рода академіи. Онъ нашелъ для нея подходящее мѣсто и началъ постройку, испросивши средства у государя. Но это дѣло подвигалось медленно. Не дождавшись его окончанія, Ѳ. завелъ пока въ 1721 г. школу при своемъ петербургскомъ подворіи на Карповкѣ, вдали отъ городского шума, какъ то считалъ лучшимъ для школы и Регламентъ. Въ школѣ преподавались Законъ Божій, славянскій, русскій, латинскій и греческій языки, грамматика, реторика, логика, римскія древности, ариѳметика, геометрія, географія, исторія и рисованіе. Учителями въ школу Ѳ. пригласилъ иностранцевъ, какъ людей болѣе свѣдующихъ, держась на счетъ ихъ того либеральнаго для тогдашнихъ церковныхъ круговъ взгляда, что не «надобно опасаться, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оные должны будутъ учить, и поусматривать, не учатъ ли нѣчто, нашему исповѣданію противное». Учениками школы были сироты и дѣти бѣдныхъ родителей. Для школы Ѳ. написалъ инструкцію, устанавливающую порядки, похожіе на порядки въ католическихъ училищахъ. Ѳеофанова школа уже при Петрѣ начала достигать процвѣтанія, постепенно развиваясь съ внѣшней и внутренней стороны.

27-го января 1725 г. скончался великій преобразователь Россіи. Въ лицѣ почившаго монарха Ѳ. лишился главной своей опоры. Пока живъ былъ Петръ, его правая рука въ церковной сферѣ—Прокоповичъ могъ не опасаться происковъ своихъ недоброжелателей, которыхъ у него было не мало. Со смертью государя на горизонтѣ Ѳеофановой жизни начинаютъ появляться уже и тучи. Впрочемъ онѣ сгустились не сразу, и перемѣна въ положеніи вещей могла сказаться только постепенно. Въ первое время послѣ кончины монарха Ѳ. продолжалъ играть ту-же роль, какую игралъ при Петрѣ, тѣмъ болѣе, что онъ успѣлъ оказать на первыхъ же шагахъ новому правительству незамѣнимую услугу. Петръ не оставилъ по себѣ прямого наслѣдника престола. Его внукъ, сынъ несчастнаго Алексѣя Петровича, послѣ судьбы отца и акта о престолонаслѣдіи, не казался безспорнымъ кандидатомъ на престолъ. Самъ Петръ, между тѣмъ, не воспользовался новымъ закономъ о назначеніи наслѣдника и умеръ, не объявивъ офиціально своей воли. Образовавшаяся при дворѣ партія Екатерины задумала воспользоваться этимъ и возвести на престолъ супругу императора, такъ какъ отъ внука его приближенные Петра не могли ждать себѣ ничего хорошаго: всѣ они такъ или иначе были причастны къ дѣлу царевича Алексѣя. Во главѣ сторонниковъ Екатерины сталъ Меншиковъ. Къ этой группѣ примкнулъ и Ѳ. и со всею присущею ему энергію взялся содѣйствовать плану воцаренія императрицы, которую онъ за годъ передъ тѣмъ (7-го мая 1724 г.) короновалъ своими руками. Когда собрались на совѣщаніе о наслѣдованіи престола высшіе государственные чины и была выставлена кандидатура Екатерины, какъ предназначенной самимъ Петромъ въ актѣ коронованія ея его преемницы, то Ѳ. горячо поддерживалъ это представленіе. На разногласія сановниковъ онъ, во имя вѣрности клятвѣ, призывалъ ихъ исполнить волю монарха, а что дѣйствительно такова была его воля, псковскій архіепископъ потверждалъ однимъ извѣстнымъ ему обстоятельствомъ. Наканунѣ коронованія Екатерины Петръ зашелъ въ гости къ одному англійскому купцу, гдѣ присутствовали многія знатныя духовныя и свѣтскія лица, въ томъ числѣ Ѳ. Здѣсь, среди разговоровъ, государь, между прочимъ, заявилъ, что онъ коронуетъ свою супругу, чтобы дать ей право управленія государствомъ. Эти слова слышалъ Ѳ. и на нихъ теперь сослался, какъ на доказательство петровскаго намѣренія назначить Екатерину своей преемницей. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ

сановниковъ подтвердили описанный случай. Тогда Меньшиковъ провозгласилъ Екатерину императрицей и положилъ конецъ нерѣшительности. Такъ Прокоповичу выпало сыграть активную роль въ этомъ государственномъ актѣ, и, конечно, новая государыня должна была быть ему признательна. Ѳ. проводилъ въ могилу тѣло своего державнаго покровителя знаменитымъ надгробнымъ словомъ: «Что се есть? что видимъ и дѣлаемъ, о, Россіяне! Петра Великаго погребаемъ». Когда восшествіе на престолъ женщины все-таки вызвало нѣкоторое смущеніе и въ народѣ начали подбрасываться разныя безымянныя письма, направленныя противъ новаго правительства, то церковная власть опять пришла на помощь послѣднему. На крамольниковъ, авторовъ писемъ, было сочинено церковное проклятіе. Сочинялъ его тотъ же Ѳ.

Казалось бы, положеніе Ѳ-на было вполнѣ упрочено на время правленія преемницы преобразователя. Но въ дѣйствительности было не такъ. Хотя по естественной логикѣ Екатерина и должна бы быть твердою продолжательницею политики своего покойнаго супруга, однако въ правительственномъ курсѣ произошла замѣтная перемѣна, въ частности и въ области церковной. Сама императрица, по мѣткому выраженію С. М. Соловьева, была женщиною, которая казалась способною править, пока не правила. Въ ней не было достаточно данныхъ для той высокой роли, какая выпала ей на долю, и править государствомъ вмѣсто нея стали скорѣе люди, окружавшіе ея тронъ, во главѣ съ Меньшиковымъ, которые образовали и сплоченную власть въ лицѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Люди эти, хотя и прошедшіе петровскую школу, во многомъ отказались отъ широкихъ заданій Петра, отчасти потому, что не вполнѣ искренне прониклись идеями великаго монарха, отчасти потому, что были неспособны къ проведенію въ жизнь всѣхъ замысловъ генія. Поэтому въ правленіе Екатерины во всѣхъ сферахъ государственной жизни замѣчается нѣкоторый поворотъ въ сторону прежнихъ допетровскихъ началъ. Въ сферѣ церковной это не замедлило сказаться смягченіемъ строгой послѣдовательности нѣкоторыхъ мѣропріятій прежняго царствованія и, главное, выступленіемъ на церковно-правительственное поприще лицъ, тяготѣвшихъ больше къ русской церковной старинѣ и косо смотрѣвшихъ на петровскія новшества, столь усердно проводимыя Ѳ-номъ. Уже эта общая перемѣна настроенія должна была неблагопріятно сказаться на Прокоповичѣ, который былъ наиболѣе яркимъ представителемъ тѣхъ началъ, какія проводились въ петровской церковной политикѣ. Къ довершенію его несчастья, обстоятельства поставили его въ натянутыя отношенія и къ тѣмъ лицамъ, которыя могли бы быть ему поддержкой. Прежде всего, какъ мы сейчасъ увидимъ, съ началомъ новаго царствованія у Ѳ-на возникаетъ антагонизмъ съ первымъ синодальнымъ вице-президентомъ Ѳеодосіемъ новгородскимъ. Что разъединило ихъ теперь, тогда какъ прежде О., видимо, съ Ѳеодосіемъ ладилъ, неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе, со смертью Петра честолюбіе новгородскаго архіерея разыгралось, онъ далъ волю своимъ природнымъ склонностямъ и захотѣлъ властвовать въ Синодѣ нераздѣльно, а псковскій архіепископъ былъ ему помѣхой. Впрочемъ, въ конфликтѣ съ Ѳеодосіемъ Ѳ. вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Гораздо опаснѣе было для него недоброжелательство Меньшикова. Происхожденіе этого недоброжелательства еще болѣе темно. Въ началѣ Ѳеофановой карьеры Меньшиковъ покровительствовалъ Ѳ-ну. При воцареніи Екатерины Прокоповичъ поддерживалъ Меньшикова, и стало быть послѣднему не было причины мѣнять свое прежнее расположеніе къ псковскому архіепископу. Однако въ силу какихъ то причинъ, у Ѳ-на отношенія съ Меньшиковымъ, очевидно, испортились. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что къ церковной власти превлекаются іерархи, явно анти-ѳеофановскаго настроенія и противъ Ѳ-на предпринимаются разные шаги въ то время, когда Меньшиковъ былъ у власти. Этого не могло бы быть, еслибъ Меньшиковъ попрежнему благоволилъ къ Прокоповичу. Что то между ними произошло. Быть можетъ, просто теперь Меньшиковъ разными нитями связалъ себя съ кругомъ людей, настроенныхъ реакціонно; поэтому онъ охладѣлъ и къ ревностному стороннику петровскихъ новшествъ. Какъ бы то ни было, но всѣ указанныя обстоятельства вызвали на Ѳеофановомъ горизонтѣ темныя пятна и заставили Прокоповича стать въ боевое положеніе для долгой и упорной борьбы съ своими не-

малочисленными врагами, что наложило своеобразный колоритъ на послѣ—петровскій періодъ его жизни.

Событія показываютъ, что еще въ самомъ началѣ 1725 года Ѳеодосій новгородскій началъ противъ Ѳ-на интригу. Именно, оберъ-прокурору Синода Болтину былъ сдѣланъ псковскимъ провинціалъ-инквизиторомъ іером. Савватіемъ доносъ, что въ Печерскомъ псковскомъ монастырѣ на полу лежатъ около 70-ти образовъ со снятыми и ободранными окладами и драгоцѣнными украшеніями. Оклады и украшенія сняты были по распоряженію арх. Маркелла. Маркеллъ, по фамиліи Родышевскій, былъ ставленникъ Ѳ-на. Когда-то онъ былъ младшимъ сослуживцемъ Ѳ-на по Кіевской академіи, гдѣ вмѣстѣ съ Гедеономъ Вишневскимъ выступалъ противникомъ Ѳеофановскаго новаторства. Какъ видно, по своему настроенію это былъ человѣкъ не ѳеофановскаго направленія. Однако въ первое время ихъ связывала даже дружба, и хотя потомъ выяснилась ихъ принципіальная рознь, Прокоповичъ по старой памяти, будучи псковскимъ архіереемъ, взялъ къ себѣ Маркелла въ судіи архіерейскаго дома и сдѣлалъ настоятелемъ Печерскаго псковскаго монастыря. Нѣтъ сомнѣнія, что относительно иконъ Маркеллъ могъ дѣйствовать только по приказанію своего епархіальнаго епископа. Ясно, такимъ образомъ, куда мѣтилъ доносъ Савватія и кто за нимъ скрывался. Доношеніе косвенно привлекало къ дѣлу Ѳ-на, а послать такое доношеніе на виднаго синодальнаго члена инквизиторъ осмѣлился, разумѣется, потому, что его поддерживала и навѣрно подстрекала другая сильная рука. Въ послѣдней не трудно узнать Ѳеодосія, дѣйствовавшаго въ Синодѣ за одно съ Болтинымъ. Онъ одинъ могъ дѣлать вызовъ псковскому архіерею и одинъ могъ заступиться за доносчика. Дѣло это получило ходъ какъ разъ послѣ смерти Петра и съ большою вѣроятностью можно угадать его внутреннія пружины. Ѳеодосій задумалъ воспользоваться перемѣною обстоятельствъ и свалить своего соперника въ Синодѣ, который оспаривалъ его первенство. Каковъ бы былъ исходъ дѣла, неизвѣстно, но на Ѳ-на оно набрасывало тѣнь и давало поводъ вести подкопъ подъ его положеніе. Ѳ. такъ, очевидно, и понялъ это и постарался съ своей стороны оградить себя отъ тайнаго удара. По докладѣ дѣла въ Синодѣ, (9 апр. 1720 г.), онъ, по праву епархіальнаго архіерея, потребовалъ доносъ себѣ для изслѣдованія. А тѣмъ временемъ случай представилъ ему возможность отразить ударъ тѣмъ же оружіемъ и сбросить своего соперника въ ту яму, какую тотъ ему готовилъ. Новгородскій архіепископъ, уже при Петрѣ проявлявшій свой заносчивый и дерзкій характеръ, съ воцареніемъ Екатерины совсѣмъ далъ волю указаннымъ своимъ склонностямъ. Онъ позволялъ себѣ дерзкія выходки, открыто высказывалъ недовольство нѣкоторыми новыми порядками, велъ себя вызывающе. Оскорбленный за недостаточное, какъ ему казалось, вниманіе къ нему государыни, онъ въ апрѣлѣ 1725 г. допустилъ нѣсколько грубо-нетактичныхъ поступковъ и даже произносилъ угрозы по адресу императрицы. Подробное изложеніе Ѳеодосьева поведенія относится къ исторіи собственно его жизни, и мы не будемъ его здѣсь дѣлать. Какъ бы то ни было, но соперникъ Ѳ-на самъ давалъ ему противъ себя оружіе. Прокоповичъ не замедлилъ имъ воспользоваться. Послѣ одной выходки Ѳеодосія 21 апрѣля 1725 г. Ѳ. донесъ государынѣ о всемъ поведеніи новгородскаго архіерея и допущенныхъ имъ оскорбительныхъ для монархини несдержанностяхъ. Надъ Ѳеодосіемъ былъ наряженъ судъ и самъ онъ былъ арестованъ. Такъ какъ Ѳеодосій своимъ несдержаннымъ нравомъ ни въ комъ не сыскалъ симпатіи, то его никто не поддержалъ. Остальные синодальные члены приняли большею частью сторону Ѳ-на или молчали. Участь Ѳеодосія была печальна: его рѣшено было сослать въ заключеніе въ далекій монастырь, а черезъ нѣкоторое время, кромѣ того, и разстригли. Такимъ образомъ, вмѣсто низложенья соперника новгородскій архіерей самъ потерялъ все. Съ нимъ палъ и Болтинъ, удаленный изъ Синода. Побѣда Ѳ-на была полная на этотъ разъ. Но за то въ моральномъ отношеніи дѣло Ѳеодосія впервые набрасываетъ темную тѣнь на Ѳеофаново имя. Ѳ-ну принадлежитъ иниціатива доноса, онъ затѣмъ направлялъ и всѣмъ слѣдствіемъ надъ низложеннымъ врагомъ. Впервые его имя тѣсно связывается съ Тайной Канцеляріей, каковая связь затѣмъ уже не прерывается. Но если Ѳ-на нельзя

тутъ вполнѣ оправдать, то его можно понять: онъ дѣйствовалъ въ цѣляхъ самозащиты. Вызовъ былъ сдѣланъ не имъ, на его врагами, которые не брезговали аналогичными же средствами. Этого не надо забывать при оцѣнкѣ Ѳеофановыхъ поступковъ и теперь и въ дальнѣйшемъ.

Послѣ паденія Ѳеодосія Ѳ. достигъ, естественно, первенства въ Синодѣ и наслѣдовалъ здѣсь офиціальное положеніе своего соперника. Затѣмъ наслѣдовалъ и его каѳедру. 25-го іюня 1725 г. въ Синодѣ былъ полученъ указъ о перемѣщеніи на новгородскую каѳедру, освободившуюся за низложеніемъ Ѳеодосія, псковскаго архіепископа Ѳ-на. Новгородская каѳедра была богатѣйшей среди русскихъ епархій. Ѳ-ну, жаловавшемуся постоянно въ Псковѣ на бѣдность и нуждавшемуся въ средствахъ для своей широкой жизни, новое назначеніе должно было бы быть пріятно. Между тѣмъ мы наблюдаемъ странное явленіе: Ѳ. настойчиво отказывается отъ лестнаго перемѣщенія. По объявленіи указа въ Синодѣ онъ просилъ Синодъ ходатайствовать передъ государыней, чтобы его оставили на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ онъ къ нему привыкъ, а знакомиться съ дѣлами новой епархіи, при синодальныхъ занятіяхъ, ему было бы трудно. Въ отвѣтъ на это ходатайство императрица, однако, подтвердила свое прежнее распоряженіе. Тогда Ѳ. подалъ второе прошеніе, чтобы ему остаться въ прежней епархіи, или же, если государыня этого не соизволитъ, то быть бы ему въ одномъ мѣстѣ: въ новгородской епархіи или въ Псковскомъ монастырѣ. Но государыня твердо стояла на своемъ и 10-го іюня, въ бытность въ Троицкомъ соборѣ, приказала всенародно объявить о бытіи Ѳ-ну архіепископомъ новгородскимъ. Ѳ. покорился. Но почему онъ такъ упорно отрицался? Какихъ либо тактическихъ соображеній тутъ подозрѣвать трудно. Одно только развѣ можетъ быть предположеніе: Ѳ. находилъ неудобнымъ занять каѳедру низложеннаго соперника, въ паденіи котораго онъ принималъ такое дѣятельное участіе, какъ будто нарочно добиваясь его мѣста. Съ другой стороны, такое соображеніе, допустимое для Ѳ-на, представляется не совсѣмъ свойственнымъ нравамъ того времени. Другое объясненіе то, что Ѳ. дѣйствительно находилъ для себя затруднительнымъ знакомиться съ новой, обширной епархіей при массѣ своихъ занятій и, предпочитая интересы дѣла, готовъ былъ отказаться во имя послѣднихъ отъ лестнаго и выгоднаго назначенія. Такое предположеніе подтверждается какъ будто тѣмъ обстоятельствомъ, что Ѳ. во второмъ прошеніи предлагаетъ вышеозначенную комбинацію. Но какое бы изъ двухъ побужденій ни руководило Прокоповичемъ, оба одинаково лестны для его чести. Въ первомъ случаѣ, значитъ, въ немъ была не заурядная нравственная щепетильность, хотя бы въ извѣстномъ отношеніи. Во второмъ случаѣ онъ, стало быть, не былъ особенно ни честолюбивъ, ни корыстенъ: многіе ли бы сдѣлали тоже на его мѣстѣ?

Въ первое время послѣ побѣды надъ Ѳеодосіемъ Ѳ. пожиналъ ея плоды. Доносъ Савватія былъ обращенъ противъ доносителя, признанъ неуважительнымъ, и доносчикъ подвергнутъ взысканію. Затѣмъ Ѳ. попросилъ освободить его отъ числящагося на немъ синодальнаго долга, который прежде Болтинъ съ Ѳеодосіемъ требовали съ надоѣдливой настойчивостью. Но на мѣсто низложеннаго врага у Ѳ-на не замедлили появиться на сцену другіе. Новыя вѣянія царствованія, о которыхъ мы упоминали, въ связи съ охлажденіемъ между временщикомъ Меньшиковымъ и Ѳ-номъ, сказались въ томъ, что въ Синодъ были назначены на свободныя мѣста члены совсѣмъ не ѳеофановскаго направленія. Въ Синодѣ уже и такъ засѣдалъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, который послѣ паденія Ѳеодосія былъ назначенъ вторымъ вице-президентомъ. Теперь здѣсь появились еще ростовскій епископъ Георгій Дашковъ и горицкій архимандритъ Левъ Юрловъ. Георгій Дашковъ, выдвинувшійся въ петровское время изъ старцевъ Троицкаго астраханскаго монастыря, за участіе въ укрощеніи стрѣлецкаго бунта въ Астрахани въ 1706 г., до ростовской каѳедры (1718 г.), былъ человѣкъ старорусскаго направленія. Онъ примыкалъ къ группѣ людей, не сочувствовавшихъ петровскимъ церковнымъ мѣропріятіямъ, въ тайнѣ ихъ осуждавшихъ, хотя и не столь рѣзко, чтобы стать въ явную оппозицію правительству. Разумѣется, это уже создавало антагонизмъ между Дашковымъ и вдохновителемъ и исполнителемъ петровскихъ церковныхъ реформъ, Прокопови-

чемъ. Сюда присоединялась и рознь умственныхъ интересовъ. Въ противоположность Ѳ-ну, Георгій, будучи самъ не изъ ученыхъ (хотя и съ большимъ природнымъ умомъ), не любилъ послѣднихъ и ненавидѣлъ малороссіянъ, изъ среды которыхъ выдвигались ученые люди въ духовенствѣ. Левъ Юрловъ былъ личностью менѣе опредѣленно выраженной, но и онъ былъ Дашкова, а не Ѳеофанова направленія. Обоихъ ихъ, по всѣмъ признакамъ, выдвинулъ Меньшиковъ, который Дашкову явно покровительствовалъ. У Дашкова, кромѣ того, вообще были большія связи съ русскою аристократіею, которая начала задавать тонъ при Екатеринѣ, обнаруживая тяготѣніе къ реакціи, если не полной, что было невозможно, то частичной, въ смыслѣ отступленія отъ послѣдовательности политики Петра. Появленіе въ Синодѣ этихъ лицъ, будучи весьма симптоматичнымъ, предвѣщало Ѳ-ну новую борьбу, даже болѣе трудную, чѣмъ съ Ѳеодосіемъ.

Борьба скоро и началась. Дашковъ, видимо, не замедлилъ начать противъ Ѳ-на интригу, подобную той, какую повелъ Ѳеодосій. Онъ воспользовался для этого тѣмъ же дѣломъ Маркелла Родышевскаго. Доносъ Савватія былъ замятъ, но не разрѣшенъ окончательно: Ѳ. не далъ по нему подробнаго объясненія. И вотъ въ февралѣ 1726 г. противники Прокоповича снова поднимаютъ вопросъ объ этомъ доносѣ, напомнивши, что Ѳ. до сихъ поръ на него не отвѣтилъ, а между тѣмъ перевелъ Маркелла изъ псковской епархіи къ себѣ въ Новгородъ. Преемникъ Болтина на оберъ-прокурорскомъ мѣстѣ Баскаковъ, поднявшій дѣло, очевидно, былъ сторонникомъ Дашкова и его круга, что, впрочемъ, для того времени и вполнѣ понятно, такъ какъ сила явно была на сторонѣ послѣднихъ. Поднимая дѣло, недоброжелатели Ѳ-на несомнѣнно разсчитывали на Маркелла, что онъ окажется не на сторонѣ своего патрона и поможетъ имъ свалить его. Ѳ-ну было поставлено на видъ, что онъ ничего не отвѣтилъ по доносу Савватія, и затѣмъ рѣшено было самое дѣло взять въ Синодъ для разслѣдованія, въ виду перемѣщенія Маркелла въ Новгородъ, вытребовавъ въ Петербургъ и Маркелла и Савватія. Здѣсь то Ѳеофановы противники и хотѣли воспользоваться Маркелломъ. Но Ѳ. постарался парализовать ихъ ухищренія. Онъ не надѣялся на синодскій судъ, потому-что въ Синодѣ руководящая роль отъ него ускользнула; зато у него были хорошія отношенія съ Тайной (Преображенской) Канцеляріей, съ помощью которой онъ сокрушилъ и Ѳеодосія. Поэтому черезъ нѣсколько же дней послѣ прибытія Маркелла въ Петербургъ Ѳ. сдѣлалъ на него донесеніе такого рода, по которому его взяли въ Тайную, и веденіе слѣдствія ускользнуло изъ рукъ враговъ Прокоповича. Впрочемъ, самаго слѣдствія Ѳ-ну не удалось избѣгнуть. Въ Тайной Канцеляріи Маркеллъ выступилъ теперь уже самъ въ роли Ѳеофанова обличителя, при чемъ доносъ Савватія отошелъ на задній планъ и противъ Ѳ-на были направлены удары другого рода. На основаніи нѣкоторыхъ Ѳеофановыхъ разговоровъ, Маркеллъ, во-первыхъ, обвинилъ его, будто бы, въ недоброжелательствѣ къ государынѣ; во-вторыхъ же, и это главное, онъ подалъ обширное, въ 47-ми пунктахъ, обличеніе Ѳ-на въ церковныхъ противностяхъ. Въ послѣднемъ обличеніи вылилась вся давняя принципіальная вражда Родышевскаго и его партіи къ Прокоповичу, подозрѣваемому ими въ лютеранскихъ симпатіяхъ. Это было продолженіемъ доноса Ѳеофилакта и Гедеона, съ котораго Маркеллъ и начиналъ рѣчь, заявивши, что Ѳ. отъ упомянутаго доноса не оправдался.. Маркеллъ обвинялъ Ѳ-на въ неправильномъ ученіи объ оправданіи, будто бы человѣкъ оправдывается одною вѣрою, въ отверженіи св. преданія, въ лютеранскомъ отношеніи къ св. иконамъ и почитанію святыхъ, въ отрицаніи монашества, въ восхваленіи вообще лютеранства и похуленіи православія и т. п. Отъ Ѳ-на потребовали объясненій по всѣмъ Маркелловымъ обвиненіямъ. Ему не трудно было, конечно, реабилитировать свою политическую благонадежность, такъ какъ слишкомъ нелѣпо было его, оказавшаго такія услуги правительству, заподозривать въ недоброжелательствѣ къ государынѣ, при его дѣятельномъ участіи возведенной на престолъ. На обвиненія въ церковныхъ противностяхъ Ѳ. объяснялъ ихъ несправедливость почти такъ же, какъ въ отвѣтахъ на доносъ Гедеона съ Ѳеофилактомъ,—что они основаны на невѣжественности обвинителей и непониманіи ими ни его ученія, ни православія. Между

прочимъ, въ заключеніе Ѳ. дѣлалъ вѣскую ссылку на то, что инкриминируемыя ему «противности» относятся къ прошлому періоду его жизни и, если бы онѣ были справедливы, то чего же его обличители молчали раньше, и какъ же государь Петръ Великій самъ одобрялъ всегда и его сочиненія и его дѣятельность. Наконецъ Ѳ. даже клятвою подтверждалъ свою вѣрность православному ученію. Объясненія Ѳ-на были признаны государыней, по докладу Тайной Канцеляріи, удовлетворительными, и она приказала доносчика Маркелла за дерзостныя его слова держать въ крѣпости. Но все-таки торжество Прокоповича на этотъ разъ не было уже полнымъ. На него, видимо, пала извѣстная тѣнь. По крайней мѣрѣ государыня приказала объявить ему выговоръ, чтобы, хотя обвиненія Маркелла и признаны не заслуживающими довѣрія, впредь однако ему Ѳ-ну «противностей св. церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсоблазненное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ; также чтобы и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ ни мало отмѣны не чинилъ предъ великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности св. церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ». Значитъ, Ѳ. остался подъ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Этотъ обидный выговоръ не только оскорблялъ его самолюбіе, но и давалъ его противникамъ поводъ къ новымъ проискамъ. Прокоповичъ отлично зналъ, откуда направляется противъ него интрига. Онъ открыто высказывалъ Тайной Канцеляріи, что сколь бы ни былъ «скуденъ въ разсужденіи» Маркеллъ, однако онъ самъ собою никогда бы на такое дѣло не отважился. «Отчего несомнѣнно является, что были нѣкіи прилежныи наустители, которые плута сего къ тому привели». Кто были эти наустители, догадаться не трудно.

Враги, дѣйствительно, не оставили въ покоѣ Ѳ-на. Кончина императрицы Екатерины I и воцареніе Петра II еще болѣе поколебали почву подъ Прокоповичемъ. Екатерина все-таки знала и цѣнила Ѳ-на, какъ сотрудника Петра. А у Петра II имя новгородскаго архіерея могло лишь вызвать непріятное воспоминаніе о судьбѣ его несчастнаго отца, въ которой Ѳ. принималъ извѣстное участіе. Да достаточно было уже того, что Прокоповичъ былъ авторомъ «Правды воли монаршей», отстранившей въ свое время отъ престола Петрова внука и подвергнутой гоненію съ его воцареніемъ. Затѣмъ и старо-русская партія, выдвинувшаяся при Екатеринѣ, при Петрѣ II еше болѣе укрѣпилась. Въ первое время новаго правленія всесильнымъ человѣкомъ былъ Меньшиковъ, у котораго съ Ѳ-номъ отношенія были натянутыя. Естественно, при подобныхъ комбинаціяхъ, Прокоповичу нельзя было ждать ничего хорошаго. Число его недоброжелателей въ Синодѣ все увеличивалось и положеніе ихъ укрѣплялось. Въ 1727 г. Левъ Юрловъ получилъ санъ епископа воронежскаго. Въ Синодѣ же былъ назначенъ новый членъ анти-ѳеофановскаго направленія— Игнатій Смола, митрополитъ коломенскій. Этотъ Игнатій былъ митрополитомъ крутицкимъ при Петрѣ и при Петрѣ же былъ уволенъ на обѣщаніе въ Нилову пустынь за участіе въ дѣлѣ бывшей царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной. При Екатеринѣ, почувствовавъ новыя вѣянія, Игнатій просилъ, чтобы ему снова дали каѳедру. Между прочимъ онъ обращался за поддержкой къ Ѳ-ну, не предчувствуя, видимо, въ немъ недоброжелателя. Но Ѳ. не могъ сочувствовать такимъ лицамъ, какъ Игнатій, и не только не поддержалъ его просьбы, а, напротивъ, постарался, чтобы Игнатія оставили на покоѣ. Конечно, Игнатій за подобную услугу не могъ въ свою очередь питать благодарности, и легко понять его отношенія съ этого времени къ Прокоповичу. Съ воцареніемъ Петра II Игнатій скоро же былъ возстановленъ въ правахъ, будучи назначенъ митрополитомъ коломенскимъ, а 13-го іюня 1727 г. было объявлено о назначеніи его и синодальнымъ членомъ. Этотъ сюрпризъ для Ѳ-на долженъ былъ быть весьма непріятенъ, и онъ обязанъ былъ имъ, навѣрно, Дашкову и его партіи.

Интрига противъ Прокоповича продолжалась. Офиціально Ѳ. занималъ первое мѣсто въ Синодѣ. Какъ первый архіерей, онъ обручалъ молодого государя съ дочерью Меньшикова, сочинялъ манифестъ о коронаціи, совершалъ самое коронованіе Петра II. Но положеніе его не было обезпечено, и каждый моментъ онъ могъ ожидать паденія. Въ Синодѣ было противное ему большинство, при дворѣ дѣйствовала партія этого большинства и, гдѣ только

было возможно, Ѳ-на оттирали и подъ него подкапывались. При обсужденіи въ Верховномъ Т. Совѣтѣ вопроса о воспитаніи молодого государя Ѳ-на не пригласили, а пригласили его коллегъ—антагонистовъ. Честь коронованія государя у него упорно хотѣли отнять. Въ реакціонно церковныхъ кругахъ замышляли ударъ противъ самаго дѣтища Петра и Ѳ-на—синодальной формы управленія, агитируя въ пользу возстановленія патріаршества, при чемъ на патріаршую шапку съ наибольшею увѣренностью протендовалъ Георгій Дашковъ. Главное же, враги Ѳ-на опять выдвинули противъ него обвиненія въ «церковныхъ противностяхъ», теперь еще болѣе опасныя по духу времени, воспользовавшись старымъ оружіемъ—Маркелломъ. Первый новый ударъ въ этомъ направленіи былъ направленъ, кажется, рукою Меньшикова, о которомъ, судя по прежнимъ показаніямъ Родышевскаго, позволялъ себѣ невыгодно отзываться Ѳ. По крайней мѣрѣ дѣло поднято было въ Верховномъ Совѣтѣ, одѣ 21-го іюня 1727 г. постановлено было, призвавъ Ѳ-на, объявить ему, что онъ въ своихъ прежнихъ объясненіяхъ противъ доноса Маркелла многаго не объяснилъ, и, хотя его имп. велич. ему то прощаетъ, но зналъ бы онъ, что это дѣлается по государевой милости, а не по правдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ Ѳ. требовали возвратить жемчугъ, который, какъ выяснилось по дѣлу Маркелла, былъ дѣйствительно взятъ имъ съ архіерейской епитрахили и пелены. Нанося этотъ моральный ударъ Ѳ-ну, Верховный Т. Совѣтъ приказалъ въ то же время освободить изъ подъ караула Родышевскаго и послать его въ братство Невскаго монастыря. Выпуская на свободу Маркелла, Ѳеофановы противники хотѣли, очевидно, снова свести его съ Ѳ-омъ, для своихъ цѣлей. Это не замедлило обнаружиться. Незадолго передъ коронаціей Петра II, въ декабрѣ 1727 г. Маркеллъ подалъ новое доношеніе на Ѳ-на, въ Верховный Т. Совѣтъ, съ обвиненіями въ неправославіи. Здѣсь предметомъ своего нападенія Родышевскій избралъ нѣкоторыя сочиненія Ѳ-на, изданныя въ петровское царствованіе, безъ обозначенія имени автора, а именно: «О блаженствахъ», «Объ обливательномъ крещеніи», Букварь съ десятословіемъ и разныя поученія. Маркеллъ писалъ, что книги эти неизвѣстно кѣмъ изданы, а въ нихъ есть много ученій лютеранскихъ и кальвинскихъ и ихъ изданіемъ порочится имя Петра Великаго, съ одобренія котораго онѣ значатся изданными. Маркеллъ, конечно, прекрасно зналъ ихъ автора и противъ послѣдняго то направлялъ обвиненіе.

Ѳ. узналъ о новомъ доносѣ Маркелла еще прежде, чѣмъ онъ получилъ движеніе, и поспѣшилъ парировать ударъ противниковъ. Онъ представилъ самъ Маркелловъ доносъ Синоду и охарактеризовалъ его, какъ преступное сочиненіе. Дать такую характеристику было и не трудно. Тѣ Ѳеофановы сочиненія, которыя осуждалъ Маркеллъ, были написаны въ свое время по порученію государя, изданы съ одобренія послѣдняго и Синода. Стало быть, всякая отвѣтственность за ихъ содержаніе ложилась и на покойнаго монарха и на церковную власть, и обвиненія Маркелла задѣвали послѣднихъ. Ѳ. такъ и представилъ дѣло, что Родышевскій безчеститъ Синодъ и государя, сѣетъ губительные плевелы къ мятежу простого народа, который не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Дѣлая логическіе выводы изъ обличеній Маркелла, напримѣръ, на обливательное крещеніе, которое Маркеллъ признавалъ недѣйствительнымъ, Ѳ. доводилъ ихъ до естественнаго абсурда. Обливательное крещеніе было тогда въ обычаѣ и въ Малороссіи, а многіе русскіе архіереи были изъ малороссіянъ или поставлены малороссіянами. Разъ обливательное крещеніе не дѣйствительно, то эти архіереи будутъ незаконными архіереями, посвященные ими священники—не священниками и т. д. Уничтожая доводы своего обличителя, Прокоповичъ неоднократно дѣлалъ весьма прозрачные намеки на то, что онъ знаетъ, кто скрывается за спиною Маркелла. Маркеллъ, по его предположенію, поетъ съ чужого голоса, у него есть наустители; онъ не отважился бы отнюдь дѣйствовать самолично, «но нѣкто единъ или нѣкіи суть, которые для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ таковому возмущенію, и его въ предерзостяхъ безпечальна творятъ и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ». Доводы Ѳ-на были настолько убѣдительны, что даже нерасположенные къ нему сочлены должны были съ ними согласиться. Синодъ постановилъ содержать Родышевскаго въ Невскомъ монастырѣ

подъ крѣпкимъ арестомъ, пока дѣло будетъ изслѣдовано. Но Ѳ., видимо, не прочь былъ помѣряться открыто силами и съ самимъ Дашковымъ, чувствуя въ данномъ случаѣ подъ собою твердую почву. Черезъ короткое время, 20-го дек. 1727 г., онъ донесъ Синоду, что по показаніямъ двухъ его служителей, имѣвшихъ сношенія съ Маркелломъ, послѣдній прямо говорилъ, что онъ дѣйствуетъ не по собственной иниціативѣ, а имъ руководитъ «вышняя власть, преосвященный ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе господа и милостивцы». Однако прямо привлечь Дашкова и вывести его на свѣжую воду Ѳ-ну не удалось. Ему удалось только отстранить Дашкова отъ участія въ разборѣ этого дѣла въ Синодѣ, какъ заинтересованнаго лица. Враги Ѳ-на всячески помогали Маркеллу. Когда Синодъ выѣхалъ въ Москву на коронацію, Маркеллъ убѣжалъ изъ Александро-Невскаго монастыря, изъ подъ караула, то же въ Москву. Когда его здѣсь арестовали и дѣло его начало клониться въ неблагопріятную для него сторону, то онъ объявилъ за собою государево слово и былъ взятъ въ Преображенскій приказъ. Здѣсь онъ пробовалъ выступить съ новыми обличеніями Прокоповича и въ церковныхъ противностяхъ и въ политической неблагонадежности, напомнивъ о «Правдѣ воли монаршей». Однако всѣ эти обвиненія были слишкомъ вздорны, и въ концѣ концовъ, по указу Верховнаго Т. Совѣта, въ мартѣ 1729 г. Маркелла велѣно было отослать въ Симоновъ монастырь и быть ему тамъ неисходно. Ѳ. вышелъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ интригой, хотя и его подлинные противники—Георгій и прочіе—то же не пострадали. Расплата съ ними для Прокоповича была дѣломъ будущаго, болѣе благопріятнаго, чѣмъ царствованіе Петра II.

Такимъ образомъ и въ самое благопріятное для нихъ время враги Ѳ-на не могли свалить ненавистнаго имъ архіерея, котораго они считали виновникомъ почти всѣхъ новшествъ, нарушившихъ прежній, до-петровскій укладъ церковной жизни. Что спасло Прокоповича отъ участи, подобной Ѳеодосіевой, какую готовили ему противники? Конечно, главнымъ образомъ то, что онъ держалъ себя осторожно и къ нему трудно было придраться, а главное—за нимъ стоялъ авторитетъ преславнаго монарха, волю котораго онъ исполнялъ. Нѣкоторую поддержку, несомнѣнно, оказали Прокоповичу и его прежнія связи съ дѣятелями Петрова времени, сохранившими вліяніе и въ переходное послѣ-петровское время. Такъ Тайная Канцелярія съ своимъ начальникомъ княземъ Ромодановскимъ была къ Ѳ-ну весьма предупредительна. Затѣмъ его поддерживалъ Остерманъ, хитрый нѣмецъ, сумѣвшій быть нужнымъ и вліятельнымъ и при Екатеринѣ и при Петрѣ II. Съ кончиною юнаго Петра II, неожиданно умершаго въ расцвѣтѣ надеждъ, на него возлагавшихся, склонившаяся было Ѳеофанова звѣзда вновь стала подниматься. У Ѳ-на были давнія связи съ Анной, герцогиней курляндской, которой судьба отдала русскій престолъ. Онъ пользовался ея милостями, когда она еще и не мечтала о своемъ будущемъ высокомъ жребіи. Но, главное, Ѳ-ну удалось новой государынѣ оказать услугу при самомъ ея восшествіи на престолъ гораздо большую, чѣмъ Екатеринѣ. Послѣ смерти Петра II, когда на престолъ была избрана членами Верховнаго Т. Совѣта Анна Іоанновна, какъ извѣстно, среди верховниковъ возникла мысль ограничить самодержавіе новой государыни. Герцогинѣ курляндской было предложено принять престолъ на извѣстныхъ условіяхъ, ограничивающихъ ея власть въ пользу Верховнаго Т. Совѣта. Эту попытку верховниковъ разстроила противная имъ группа лицъ, опиравшихся на мелкое дворянство, тогда какъ верховники опирались на крупную родовую знать, и въ этой группѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Самъ онъ былъ всецѣло настроенъ въ пользу самодержавія, что и неудивительно, если вникнуть въ обстоятельства того времени. Ѳ-на выдвинула самодержавная рука монарха и только ею онъ держался при Петрѣ, а послѣ него—ея авторитетомъ. Та среда, изъ которой исходила ограничительная попытка, была какъ разъ и враждебна Ѳ-ну и его идеямъ. Это были тѣ самые русскіе вельможи, которые давали тонъ при Петрѣ II и поддерживали консервативныя вѣянія, давшія возможность мечтать Дашкову о патріаршествѣ, и наполнили Синодъ людьми анти-ѳеофановскаго направленія. Чего же хорошаго могъ ожидать Ѳ. отъ успѣха ихъ замысла? Напротивъ, для него было естественно противодѣйствовать верховникамъ, что онъ и сдѣлалъ съ присущими

ему осторожностью и искусствомъ. Можно думать, что и Ѳ., вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками, какъ Ягужинскій и Остерманъ, еще заранѣе предлагалъ Аннѣ свои услуги противъ верховническаго замысла; а самъ дѣйствовалъ, какъ могъ. Анна сначала приняла предложенныя ей условія. Надѣясь скоро ихъ уничтожить, сторонники самодержавія желали, чтобы дѣло объ условіяхъ не разглашалось, чтобы по внѣшности не произошло никакихъ измѣненій во власти государыни. Этого искусно и достигъ Ѳ. Благодарственное молебствіе о вступленіи на престолъ новой императрицы было совершено съ возношеніемъ прежняго императорскаго титула. Когда стали присягать и верховники составили новую форму присяги, то, благодаря предусмотрительности Ѳ-на, въ присягу не удалось включить ничего, противорѣчащаго самодержавію. Когда Анна пріѣхала, то Ѳ. тайно извѣстилъ ее о заговорѣ въ ея пользу и научилъ, какъ надо дѣйствовать. Заговоръ вполнѣ удался, ограничительныя условія были разорваны, и императрица сдѣлалась самодержавной государыней, съ правами прежнихъ государей. Ѳ. стихами привѣтствовалъ это событіе. Само собою разумѣется, государыня должна была быть благодарна новгородскому архіепископу за его горячее содѣйствіе во всемъ этомъ дѣлѣ, и благоволеніе императрицы къ Ѳ-ну было упрочено. Благоволеніе это уже не оставляло Прокоповича до конца его жизни. Самъ Биронъ выражался объ Ѳ-нѣ, что онъ «былъ въ великомъ уваженіи у императрицы». Ему удавалось достигать у ней иногда больше, чѣмъ могли достигнуть ея близкіе министры,—настолько велико было вліяніе новгородскаго архіерея. Такъ, по словамъ Бирона же, черезъ Прокоповича дѣйствовали Остерманъ и Левенвольдтъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, и Ѳ. успѣлъ тамъ, гдѣ безплодно домогались Остерманъ съ Левенвольдтомъ. По отношенію къ всемогущему фавориту—Бирону новгородскій архіепископъ поставилъ себя такъ искусно, что и здѣсь снискалъ благосклонное расположеніе. Другіе иностранцы, окружавшіе тронъ, всѣ принадлежали къ дружескому кругу Прокоповича, какъ истинно образованнаго, просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени. Общая политика царствованія императрицы Анны тоже вполнѣ благопріятствовала ѳеофановскому направленію. Правительство Анны вело твердую, даже жестоко-послѣдовательную политику въ духѣ петровскаго царствованія; не даромъ государыня сразу же по вступленіи на престолъ объявила, что она будетъ слѣдовать по стопамъ своего великаго дяди. Лица, стоявшія у власти при Петрѣ II, скоро совершенно сошли со сцены. Верховниковъ большею частью постигла печальная участь, потому что императрица не могла простить имъ смѣлаго покушенія на ея самодержавіе. Во главѣ правленія стали иностранцы, искренно преданные петровскимъ политическимъ идеаламъ, которые и были навѣяны западною культурою. Для такого правительства Прокоповичъ былъ столь же незамѣнимымъ сотрудникомъ въ области церковнаго управленія, какъ и для Петра Великаго, не говоря уже о вышеотмѣченныхъ личныхъ связяхъ его съ членами новаго правительства. Подобное благопріятное стеченіе обстоятельствъ открывало для Ѳ-на эру полнаго торжества его надъ своими врагами и наибольшаго его вліянія на церковныя дѣла. Онъ, можно сказать, сдѣлался церковнымъ временщикомъ. Синодъ, въ которомъ онъ первенствовалъ, нераздѣльно былъ въ его рукахъ и покорно исполнялъ его волю. Дружественная государственная власть была къ его услугамъ, потомучто онъ всегда умѣлъ представить даже и свои личные интересы интересами государственными. Къ сожалѣнію, Ѳ. именно иногда пользовался своимъ вліяніемъ для борьбы съ своими собственными противниками, борьбы жестокой и безпощадной, какъ, впрочемъ, упорна была нерѣдко и ихъ ненависть къ Прокоповичу.

Въ синодѣ Ѳ., при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ сказано, первенствовалъ нераздѣльно. Нѣсколько ниже мы увидимъ, какъ удалось ему устранить отсюда своихъ противниковъ. Здѣсь же замѣтимъ лишь, что съ самаго воцаренія Анны, въ виду перемѣны правительственнаго курса, Ѳеофановы антагонисты должны были стушеваться. Скоро ихъ постигло и полное низложеніе. Уже указомъ 21-го іюля 1730 г. недоброжелатели Ѳ-на: Ѳеофилактъ Лопатинскій, Игнатій Смола и Георгій Дашковъ удалены были изъ Синода, и Синодъ былъ сформированъ вновь, несомнѣнно согласно желаніямъ новгородскаго архіепископа, не безъ вліянія котораго послѣдовалъ упомянутый указъ. Новые синодальные члены, конечно, не могли и думать противодѣй-

ствовать всемогущему теперь Прокоповичу. Новгородскій архіепископъ затѣмъ до конца своей жизни получаетъ доминирующее вліяніе на своихъ сотоварищей по присутствію. Изъ знакомства съ теченіемъ синодальныхъ дѣлъ того времени выносится твердое убѣжденіе, что по существу дѣла весь Синодъ сосредоточивался въ личности Ѳ-на. Пользуясь милостью государыни и своею близостью къ ней, Ѳ. сталъ почти постояннымъ объявителемъ ея воли въ Синодѣ. Онъ словесно представлялъ въ синодскихъ засѣданіяхъ, что государыня указала то-то; остальные члены лишь выслушивали эти высочайшіе указы и постановляли чинить по нимъ исполненіе. Почти всѣ важнѣйшія императорскія повелѣнія, за шесть лѣтъ жизни Прокоповича при Аннѣ Іоанновнѣ, были получены въ Синодѣ такимъ образомъ. Озабоченный борьбою съ врагами и преслѣдованіемъ противниковъ, Ѳ. пользовался для этихъ цѣлей всею властью Синода съ полною беззастѣнчивостью, какъ и средствами Тайной Канцеляріи, заваленной дѣлами, поднятыми по иниціативѣ Ѳ-на. Много полицейскихъ талантовъ пришлось проявить синодальнымъ членамъ въ угоду новгородскому архіерею; еще хорошо, что въ большинствѣ случаевъ онъ лично велъ запутанную нить допросовъ и розысковъ, требуя отъ своихъ синодскихъ коллегъ только подтвержденія своихъ предначертаній. Имѣя такое вліяніе въ Синодѣ, Ѳ., конечно, былъ и вдохновителемъ всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ мѣропріятій того времени. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ обычно не непосредственно отъ себя, а отъ лица свѣтскаго правительства, которое было вполнѣ солидарно съ его убѣжденіями. Это обстоятельство, между прочимъ, не даетъ возможности точно опредѣлить степень ѳеофановскаго участія въ аннинскихъ церковныхъ мѣропріятіяхъ. Однако участіе это несомнѣнно. Ѳеофановъ духъ чувствуется въ строгихъ указахъ того времени о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, объ учрежденіи всюду семинарій, въ ограничительныхъ постановленіяхъ о монашествѣ, которое при императрицѣ Аннѣ пережило тяжелыя стѣсненія. Не даромъ и монахи считали опять Прокоповича виновникомъ своихъ бѣдъ. Что касается своихъ епархіальныхъ дѣлъ по новгородской епархіи, то они, видимо, не особенно занимали Ѳ-на. По крайней мѣрѣ за синодскими его дѣлами и громкими процессами епархіальная его дѣятельность мало замѣтна. Больше его интересовала его карповская школа, къ которой онъ былъ чрезвычайно внимателенъ. Какъ школьный попечитель, Ѳ. былъ передовымъ человѣкомъ своего времени. Онъ завелъ въ своей школѣ обученіе музыкѣ, сценическія представленія, что для многихъ казалось неслыханнымъ новшествомъ. Маркеллъ Родышевскій, напримѣръ, видѣлъ въ обученіи музыкѣ противорѣчіе ученію церкви Христовой. Учениковъ своей школы Ѳ. посылалъ, для усовершенствованія въ наукахъ, въ гимназію при Академіи Наукъ. О питомцахъ школы Прокоповичъ заботился, какъ о своихъ дѣтяхъ, и не забылъ ихъ даже въ предсмертные дни.

Но не церковно - административная и епархіальная дѣятельность поглощала Ѳ-на въ это царствованіе, столь благопріятное ему по своему настроенію и личнымъ комбинаціямъ. Его занимали главнымъ образомъ счеты съ своими противниками. Отчасти это была расплата за прежнее; отчасти же они вызывались и новыми подпольными интригами противъ Ѳ-на, въ центрѣ которыхъ стоитъ знакомый намъ Маркеллъ Родышевскій, опиравшійся опять на разныхъ болѣе значительныхъ лицъ. Какъ ни былъ вліятеленъ Ѳ., онъ не могъ оставлять безъ вниманія направленныя противъ него интриги, потому что въ то измѣнчивое и суровое время никакое высокое положеніе не было прочнымъ. Эти то обстоятельства и заставили Ѳ-на истощать свою энергію на розыски и слѣдствія, превративъ его въ постояннаго сотрудника Тайной Канцеляріи, уничтоженной было въ концѣ правленія Петра II, но вновь возстановленной въ началѣ царствованія Анны.

По наступленіи благопріятныхъ обстоятельствъ Ѳ. первымъ дѣломъ постарался покончить съ своими главными недоброжелателями, сидѣвшими вмѣстѣ съ нимъ въ Синодѣ, а на сторонѣ интриговавшими противъ него. Случай представилъ ему и прекрасный поводъ нанести роковые удары своимъ противникамъ. Дѣло было въ той попыткѣ ограниченія самодержавія, какую предприняли верховники и которая была разрушена стараніями, между прочимъ, и Прокоповича. Съ партіею верховниковъ имѣли различныя связи Ѳеофановы противники изъ іерархіи, ообенно

Георгій Дашковъ и примыкавшія къ нему лица. При воцареніи Анны они держались осторожно. Но нѣкоторые изъ нихъ допустили поступки, дававшіе поводъ подозрѣвать въ нихъ сочувствіе верховникамъ и недоброжелательство къ новой императрицѣ. Послѣднее подозрѣніе имѣло подъ собою и ту общую подкладку, что вмѣстѣ съ кандидатурой Анны на престолъ выставлялась еще кандидатура бывшей царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, и несомнѣнно, что эта кандидатура имѣла сторонниковъ въ іерархическомъ кругу, естественно предпочитавшемъ царицу Евдокію неизвѣстной имъ Аннѣ. Во время споровъ объ избраніи на престолъ нѣкоторое время господствовало неопредѣленное настроеніе: многіе не знали, чѣмъ споръ разрѣшится и вели себя болѣе сообразно съ своими симпатіями. Такую именно оплошность допустилъ одинъ изъ сторонниковъ анти-ѳеофановской партіи, Левъ Юрловъ, епископъ воронежскій. Это и дало Ѳ-ну въ руки оружіе противъ его недруговъ.

Когда въ Воронежѣ былъ полученъ манифестъ объ избраніи на престолъ Анны, то епископъ Левъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, но повидимому вслѣдствіе неувѣренности еще, что дѣло о воцареніи Анны рѣшилось безповоротно, не отслужилъ тотчасъ же благодарственнаго молебствія, и даже на другой день по полученіи манифеста за литургіей на первомъ мѣстѣ поминалъ «государыню царицу и великую княгиню Евдокію Ѳеодоровну», не произнося отдѣльно имени Анны Іоанновны. Затѣмъ онъ еще нѣсколько дней медлилъ служить молебенъ, несмотря на заявленія воронежскаго вице губернатора, все ожидая синодскаго указа и разсуждая «не будетъ-ли какой отмѣны»; и только послѣ нѣкотораго ожиданія и настойчиваго требованія вице-губернатора молебенъ, наконецъ, отслужилъ. Когда выяснилось положеніе и Анна утвердилась на престолѣ и возвратила себѣ самодержавіе, то Левъ самъ испугался своего поступка. Видимо, онъ чувствовалъ, что его могутъ заподозрить въ политической неблагонадежности, и поспѣшилъ увѣдомить о всемъ происшедшемъ Синодъ, предупреждая вице-губернаторское доношеніе и оправдывая себя. Предчувствіе Льва оправдалось. Въ Синодѣ сразу дѣлу не было дано хода, быть можетъ потому, что тамъ еще засѣдали благопріятели Льва — Георгій и Игнатій. Но Ѳ. не упустилъ случая погубить своихъ противниковъ. По всѣмъ признакамъ, онъ донесъ государынѣ о бывшемъ въ Воронежѣ случаѣ и освѣтилъ его съ самой неблагопріятной стороны. Онъ далъ понять, какія побужденія могли руководить Львомъ и почему въ Синодѣ сначала дѣло было замято. 15-го іюля 1730 г. послѣдовалъ указъ, объявленный Синоду Ѳ-номъ, произвести слѣдствіе по дѣлу Льва воронежскаго. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ указъ объ удаленіи изъ Синода Ѳеофилакта, Георгія и Игнатія, которые, очевидно, были представлены Ѳ-номъ въ глазахъ правительства, какъ сторонники и укрыватели Льва. Такимъ образомъ Прокоповичъ нанесъ уже крупный ударъ своимъ недоброжелателямъ и освободилъ себя отъ ихъ непріятнаго и стѣснительнаго сотоварищества. Но этого Ѳ-ну было мало, да дѣло этимъ и не могло ограничиться, разъ ему приданъ былъ политическій характеръ. Набросивши на своихъ враговъ тѣнь политической неблагонадежности, Прокоповичъ уже долженъ былъ поддерживать эту точку зрѣнія и ревностно выискивать политическія преступленія заподозрѣнныхъ іерарховъ. Руководимый Ѳ-номъ и вполнѣ послушный ему новый Синодъ такъ и сдѣлалъ. То обстоятельство, что Левъ не служилъ долго молебна и не поминалъ новой императрицы, было сочтено признакомъ его симпатій къ Евдокіи или, во всякомъ случаѣ, къ попыткѣ верховниковъ, почему онъ и не хотѣлъ поминать самодержавной государыни. Сомнѣнія и колебанія Льва показывали, что онъ имѣлъ сношенія съ Москвою и зналъ о происходившихъ тамъ событіяхъ изъ освѣдомленныхъ источниковъ. Таковыми источниками подозрѣвались Георгій, Игнатій и прочія лица ихъ партіи, которая по политическимъ симпатіямъ была, видимо, солидарна со Львомъ: не даромъ благожелатели послѣдняго старались затушить его дѣло въ Синодѣ. Въ такомъ свѣтѣ, по всему видно, представлено было Ѳ-номъ дѣло правительству и въ такомъ направленіи велось слѣдствіе. Левъ не могъ оправдаться отъ предъявленныхъ ему обвиненій, потому что фактъ былъ налицо, а объясненія этого факта одною «простотою» были слишкомъ наивны. Поэтому ему пришлось испытать горькую участь. По синодальному приговору, вдохновляе-

мому, должно быть, Ѳ-номъ, воронежскій епископъ былъ осужденъ на лишеніе епископскаго и монашескаго сана. 2-го дек. 1730 г. онъ превратился въ разстригу Лаврентія и мѣстомъ его ссылки и заточенія государыня назначила Крестный монастырь. Вмѣстѣ съ нимъ это дѣло погубило и Георгія Дашкова съ Игнатіемъ Смолой. Фактическихъ доказательствъ ихъ виновности слѣдствіе не открыло, несмотря на всѣ усилія слѣдователей. Но Ѳ. сумѣлъ, должно быть, представить правительству, что политическая преступность ростовскаго и коломенскаго архіереевъ несомнѣнна. Ихъ нашли возможнымъ осудить по одному подозрѣнію, за «укрывательство» Льва, и осудить почти столь же жестоко. Георгій былъ лишенъ епископскаго сана и простымъ монахомъ сосланъ въ Каменный вологодскій монастырь, а Игнатій, по лишеніи архіерейства, сосланъ былъ въ свіяжскій Богородицкій монастырь.

Главные враги Ѳ-на пали окончательно, въ первый же годъ правленія новой государыни. Но на этомъ не остановились Ѳеофановы счеты съ ними. Разъ вступивъ на путь преслѣдованія своихъ противниковъ, какъ вмѣстѣ и преступниковъ политическихъ, Ѳ. уже по инерціи шелъ по этому пути и влекъ къ гибели одного за другимъ разныхъ лицъ, причастныхъ къ кругу его недоброжелателей. На сцену появлялись новыя жертвы. Игнатій, сосланный въ Казань, нашелъ здѣсь покровительство у казанскаго архіерея Сильвестра. Послѣдній видался и сносился съ ссыльнымъ бывшимъ епископомъ; держали Игнатія въ монастырѣ свободно. Объ этомъ узнали въ Петербургѣ, и извѣстіе встревожило Ѳ-на и правительство. Первый боялся, какъ бы низложенные враги не подняли голову и не строили противъ него тайные ковы. Второе опасалось политическаго заговора, тѣмъ болѣе, что прекрасно чувствовало свое не совсѣмъ прочное положеніе. Враги Ѳ-на въ глазахъ власти государственной уже представлены были политическими крамольниками, и совмѣстныя дѣйствія противъ нихъ духовнаго и свѣтскаго правительства были обезпечены. Надъ Сильвестромъ казанскимъ было назначено слѣдствіе, которое, между прочимъ, подтвердило Ѳ-ну, что Сильвестръ—изъ лагеря его противниковъ. Въ одномъ найденномъ у Сильвестра письмѣ новгородскій архіерей прямо обвинялся въ неправославіи. Это не могло не усилить досаду Прокоповича противъ новаго недоброжелателя и не подвигнуть его еще болѣе сгустить политическія краски надъ всѣмъ этимъ дѣломъ. Игнатія коломенскаго перевели изъ Свіяжска въ архангельскій Никольскій Корельскій монастырь подъ самый крѣпкій караулъ. Сильвестра казанскаго сначала государыня велѣла послать «на обѣщаніе» въ Александро-Невскій монастырь (31 дек. 1731 г.), а потомъ скоро и его участь отягчилась: въ мартѣ 1732 г. его перевели въ псковскій Крыпецкій монастырь, а когда здѣсь онъ объявилъ за собою «слово и дѣло», то въ концѣ концовъ въ декабрѣ того же года его лишили архіерейства и священства и простымъ монахамъ сослали въ Выборгъ. Не оставилъ Ѳ. въ покоѣ и своего главнаго недруга Георгія, теперь простого монаха Гедеона. Въ декабрѣ 1731 г. объ немъ завязалось новое дѣло. Казанское дѣло натолкнуло Ѳ-на на предположеніе, что не все обстоитъ благополучно и въ Каменномъ монастырѣ, гдѣ короталъ дни ссыльныи Дашковъ. Онъ поручилъ развѣдать о житіи-бытіи послѣдняго, и оказалось, дѣйствительно, что Дашковъ содержится довольно слабо, что ему оказываютъ въ монастырѣ почетъ и главное, позволяютъ сноситься съ посторонними. Тотчасъ же было наряжено слѣдствіе, въ результатѣ котораго надзоръ за Георгіемъ—Гедеономъ былъ усиленъ, вологодскій архіерей Аѳанасій получилъ строгій выговоръ, а архимандритъ Каменнаго монастыря Іессей даже умеръ во время слѣдственныхъ мытарствъ отъ пережитыхъ волненій.

Печальную роль злого генія сыгралъ Ѳ. въ первые годы аннинскаго правленія въ участи и еще одного іерарха русской церкви—кіевскаго архіепископа Варлаама Вонатовича. Съ нимъ случилось нѣчто, подобное исторіи со Львомъ воронежскимъ. Онъ тоже медлилъ отслужить молебствіе по полученіи манифеста о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и медлилъ, повидимому, изъ за тѣхъ же причинъ, какъ и Левъ воронежскій, т. е. въ силу неопредѣленности положенія, о которой онъ былъ освѣдомленъ изъ какихъ-то неизвѣстныхъ источниковъ. Когда въ высшихъ инстанціяхъ узнали объ этомъ, то противъ Варлаама возбуждено было дѣло, аналогичное дѣлу Льва. Какую роль сы-

гралъ здѣсь Прокоповичъ, точно опредѣлить трудно. Съ Варлаамомъ у него не было личныхъ счетовъ. Тѣмъ не менѣе, Ѳ. зналъ, что Варлаамъ по своимъ взглядамъ принадлежалъ къ противной ему партіи. Главное же, разъ набросивши на своихъ враговъ тѣнь политической неблагонадежности, новгор. архіепископъ уже поневолѣ долженъ былъ выдерживать эту линію и аналогичный поступокъ Вонатовича представить въ такомъ же освѣщеніи. Какъ бы то ни было, Ѳ. и руководимый имъ Синодъ ревностно взялись за слѣдствіе и вели его такъ же энергично и въ томъ же направленіи, какъ и дѣло Льва воронежскаго. Судьба Варлаама была не лучше участи его коллеги. По приговору суда и государыни, въ ноябрѣ 1730 г., Варлаамъ былъ лишенъ сана и священства и сосланъ простымъ монахомъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

Такъ одинъ за другимъ падали сильные противники или просто недоброжелатели Ѳ-на Но, какъ это ни странно, больше хлопотъ и безпокойства доставили ему не они, а другіе, менѣе значительные, но болѣе назойливые и подпольные враги, служившіе когда то орудіемъ въ рукахъ первыхъ. Первое мѣсто здѣсь занимаетъ Маркеллъ Родышевскій. Сосланный, по приговору Верховнаго Т. Совѣта, въ Симоновъ монастырь, Маркеллъ здѣсь замышлялъ противъ Ѳ. новые удары. Онъ сошелся съ духовникомъ императрицы, троицкимъ архимандритомъ Варлаамомъ и съ нѣкоторыми другими лицами, какъ напримѣръ бывшій директоръ типографіи Мих. Петр. Аврамовъ,— людьми то-же анти-ѳеофановскаго направленія. Съ помощью перваго Маркеллъ и задумалъ начать новое нападеніе на новгородскаго архіерея «еретика». Уже въ апрѣлѣ 1730 г. Родышевскій подалъ на Высочайшее имя черезъ Варлаама доношеніе о церковныхъ противностяхъ Ѳ-на, повторивъ свои прежнія обвиненія и сославшись на то, что по этимъ обвиненіямъ до сихъ поръ суда не произведено, а только его всячески преслѣдовали. Маркеллъ требовалъ очной ставки съ Прокоповичемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ, чтобы еретическихъ рукъ Ѳ-на не допускать до коронованія ея величества; не даромъ Петра II короновалъ Прокоповичъ, и Петръ скоро скончался. Представленія эти, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли никакого послѣдствія. Не теперь Маркеллу было тягаться съ Прокоповичемъ! Ѳ. короновалъ императрицу, и никто не смѣлъ оспаривать у него этой чести. Однако спокойствіе его было возмущено. Его фанатичный противникъ не унимался, и въ то время, какъ Ѳ. торжествовалъ надъ своими сильными врагами, въ Москвѣ, въ кругу, въ которомъ вращался Маркеллъ, зрѣли новые планы подкоповъ подъ положеніе всесильнаго іерарха. Маркеллъ, въ дополненіе къ своимъ прежнимъ обличеніямъ, написалъ новое обличительное произведеніе—«Житіе новгородскаго архіепископа, еретика Ѳеоѳана Прокоповича». Самое заглавіе показываетъ, что это было за житіе. Родышевскій рисовалъ здѣсь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ всю жизнь Ѳ-на, начиная съ кіевскаго ея періода, и не находилъ словъ, чтобы заклеймить Ѳеофаново еретичество. По словамъ Маркелла, уже изъ-за границы Прокоповичъ вернулся еретикомъ и только показывалъ видъ благочестія, а на самомъ дѣлѣ «началъ кіевскихъ и малороскихъ жителей, дѣтей и возрастныхъ людей, приглашать къ себѣ и учить своему еретичеству, и многія ереси въ народъ всѣвать, и безчисленныя хулы на святую православную церковь говорить и на обитель Печерскую, и на мощи святыхъ угодниковъ, и на мироточивыя главы, и на освященную воду еретическій свой ядъ блевать, и священническій и монашескій чинъ злохулить и ругать... И не словеснымъ токмо ученіемъ, но и писаньми началъ въ Кіевѣ учить еретичеству, подобно кальвинскому и люторскому и прочихъ ерессей, и того его еретическаго ученія книги и нынѣ у учениковъ его и у прочихъ на латинскомъ языкѣ въ Кіевѣ: и тѣмъ его еретическимъ ученіемъ тамо многіе прельстилися... А когда онъ, Ѳеофанъ, въ епископы поставленъ... былъ, тогда... началъ еретическія книги составлять и писать, содружася съ Ѳеодосомъ. Сей ученіемъ, а тотъ смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую церковь бороть, и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять: и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на церковь поношеніе говорить, а всякое развратное и слабое житіе имѣти учили

смѣло..; чуть не весь монашескій чинъ превратили въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе и до нынѣ пьянствуютъ и мясо сплошь ѣдятъ, и вмѣсто книгъ въ кельяхъ и въ церквахъ табакерки въ рукахъ держатъ и непрестанно порошокъ нюхаютъ. Да его жъ, Ѳеофана, и товарищей его... тщаніемъ въ новоизданныхъ печатныхъ книгахъ на святую церковь нестерпимыя хулы и многія ереси обрѣтаются... Во всемъ государствѣ часовни разорили, иконы святыя изъ нихъ безчестно вынесть велѣли... Чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телѣгахъ, подъ скверными рогожами, въ Синодъ, явно во весь народъ, привозили; гробы святыхъ разбивать велѣли, тѣлеса святыхъ... ложными мощьми называли; а кто какія на себѣ явшіяся чудеса прославлялъ, тѣхъ жестоко наказывали; всецѣлые монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить...; молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ замужъ посягать благословляли, музыки и разныя игры и кемедіи у себя завели». Таковы были обвиненія возводимыя Маркелломъ на Ѳ-на и лично, и какъ руководителя синодской дѣятельности при Петрѣ, вдохновителя петровскихъ церковныхъ мѣропріятій. Приведенныя выдержки ясно показываютъ, какъ смотрѣла противная Ѳ-ну партія на его дѣятельность и чего она не могла ему простить. Одинъ изъ благопріятелей Маркелла, іеродіаконъ Іона, служившій келейникомъ у духовника императрицы Варлаама, еще съ своей стороны прибавилъ къ Маркеллову «Житію» нѣсколько обличительныхъ выходокъ противъ Прокоповича. Въ такомъ видѣ, стараніями того же Іоны, «Житіе» начало ходить въ кругу близкихъ къ Маркеллу лицъ, а также и въ народѣ.

Кромѣ обличительнаго «Житія» тотъ же Маркеллъ написалъ еще частныя обличенія на разныя произведенія, принадлежащія или приписываемыя Ѳ-ну. Именно, это были «Возраженія» на «Объявленіе о монашествѣ», на «Регламентъ Духовный» и на книгу «О блаженствахъ». Здѣсь Родышевскій доказывалъ, что все это противныя церкви, еретическія сочиненія. Духовный Регламентъ, по его словамъ, сочиненъ Прокоповичемъ, безъ вѣдома государя, который довѣрился еретику; довѣрились ему и другія знатныя лица и архіереи. По содержанію же своему Регламентъ вызываетъ со стороны Маркелла самыя грубыя ругательства по адресу его автора. Разбирая «Объявленіе» о монашествѣ, то-же какъ произведеніе Ѳ-на, Маркеллъ защищаетъ монашество противъ нападеній на него «Объявленія» и выставляетъ правила послѣдняго, какъ плодъ ненависти къ монашескому институту и анти-православнаго настроенія. Книга о блаженствѣ, по Маркеллу, была пропитана также еретическимъ духомъ.

Свои «Возраженія», написанныя въ 1730 г., Маркеллъ самъ представилъ на Высочайшее имя. «Житіе» же Ѳ-на попало случайно въ руки Прокоповича въ февралѣ 1731 г. Новгородскій архіепископъ, конечно, былъ жестоко оскорбленъ этой пасквильной выходкой и донесъ о ней Кабинету, какъ о возмутительномъ произведеніи. При этомъ онъ постарался представить авторовъ «Житія», именно какъ преступниковъ политическихъ, а не только оскорбителей его чести. Поводъ къ тому заключался въ припискахъ Іоны, въ которыхъ были сдѣланы намеки на окружающихъ государыню иностранцевъ, какъ покровителей еретиковъ и противниковъ церкви православной. Въ бумагахъ одного изъ знакомцевъ Іоны и Родышевскаго, подьячаго Константинова, былъ найденъ намекъ и на саму государыню. При такихъ условіяхъ Ѳ-ну не трудно было обрисовать всю причастную «Житію» группу, какъ политическихъ измѣнниковъ, противниковъ правительства, что для подозрительнаго правительства было достаточно. Родышевскій, Аврамовъ, Іона, Константиновъ были арестованы и попали въ Тайную Канцелярію. Іону разстригли и пытали, Родышевскаго допрашивали, не имѣетъ ли онъ какой личной обиды отъ новгородскаго архіерея. Однако и онъ, и его сообщики заявляли, что лично противъ Ѳ-на они ничего не имѣютъ, а пекутся лишь о пользѣ церковной. Ѳ., отъ котораго потребованы были объясненія по поводу обвиненій въ церковныхъ противностяхъ, конечно, отвѣтилъ то-же, что отвѣчалъ раньше: что всѣ инкриминируемыя ему произведенія написаны съ одобренія Петра Вел. и церковной власти, по непосредственнымъ указаніямъ государя, а «Объявленіе» о монашествѣ даже написано почти всецѣло Петромъ. Но напрасно предъявляли эти доводы

Родышевскому: онъ упорно стоялъ на томъ, что Ѳ. обманулъ государя и другихъ. Неосновательность обвиненій на Прокоповича была, конечно, очевидна, и фанатичные обличители понесли наказаніе. Ихъ всѣхъ отправили въ ссылку въ разные монастыри, при чемъ Маркелла сослали въ Бѣлозерскій монастырь. Кромѣ Родышевскаго, Іоны (разстриги Осипа), Аврамова и Константинова къ дѣлу о распространеніи «Житія» было привлечено еще множество лицъ, которымъ пришлось познакомиться съ Тайной Канцеляріей, такъ какъ все дѣло получило характеръ политическаго розыска.

Расправа съ главными авторами новаго выпада противъ Ѳ-на была, однако, только началомъ длиннаго ряда розысковъ, исковеркавшихъ жизни сотенъ людей. Чѣмъ дальше шло слѣдствіе, тѣмъ оно запутывало все больше лицъ. Предъ глазами Ѳ-на вставали новые и новые противники, теперь уже большею частью тайные, анонимные, которыхъ приходилось ему еще выводить на свѣтъ прежде, чѣмъ нанести имъ окончательный ударъ. Едва Ѳ. покончилъ, по крайней мѣрѣ на время, съ Маркелломъ, какъ явился новый поводъ для безпокойства. Еще Стефанъ Яворскій написалъ рѣзкую книгу противъ протестанства, подъ заглавіемъ «Камень вѣры», которая косвенно мѣтила въ Прокоповича. Петръ Великій не позволилъ напечатать это сочиненіе, но при Петрѣ II, въ періодъ реакціи, Стефаново произведеніе было издано, при чемъ издателемъ его былъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Изданіе «Камня» вызвало довольно оживленную полемику между западными богословами. Протестантскіе ученые подвергли его суровой критикѣ, наиболѣе ярко выразившейся въ сочиненіи извѣстнаго протестантскаго ученаго Буддея. Напротивъ, католики взяли Стефана подъ свою защиту, и противъ Буддея католическій пасторъ Рибейра написалъ подробное опроверженіе. Полемика эта грозила перейти и въ Россію, къ крайнему неудовольствію Ѳ-на, затронутаго «Камнемъ» и служившаго тайною мишенью его защитниковъ. Тотъ же Ѳеофилактъ Лопатинскій задумалъ написать тоже противъ Буддея, въ защиту Яворскаго, и дѣйствительно въ 1730 г. написалъ «Апокрисисъ или «Возраженіе на письмо Буддея». Уже Ѳеофилакту почти удалось получить и разрѣшеніе на изданіе своего «Апокрисиса», какъ вдругъ все перемѣнилось. Ѳ. поспѣшилъ принять свои мѣры, и Лопатинскому не только не разрѣшили издать его сочиненія, но строжайше запретили и писать его, хотя оно было уже написано. Прокоповичъ, очевидно, представилъ затѣю Ѳеофилакта тайнымъ ударомъ противъ нѣмцевъ — правителей, приближенныхъ Анны. Но къ досадѣ Ѳ-на неожиданнымъ образомъ появился на русскомъ языкѣ переводъ книги Рибейры, какъ бы взамѣнъ не удавшейся апологіи Ѳеофилакта. Новгородскій архіепископъ прекрасно понималъ, что это дѣло рукъ лицъ, ему противныхъ, и энергично принялся за розыски авторовъ перевода. Въ глазахъ правительства это изданіе было представлено, какъ возмутительное покушеніе на спокойствіе государства, подстрекательство противъ иностранцевъ—лютеранъ, а люди, причастные изданію, очевидно, рисовались, какъ члены преступной «факціи». На основаніи перевода Ѳ. построилъ подозрѣніе цѣлаго заговора. «Ищутъ враги Россіи,—писалъ Прокоповичъ въ доношеніи о книгѣ Рибейры,—и внутренней болѣзни и внѣшняго бѣдствія .. Иностранныхъ въ Россіи мужей... (Рибейра) ругательно нарицаетъ человѣчками и людишками и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно, на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ Россійскомъ государствѣ нарекаетъ!.. Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ, рангами высокими почтены служатъ, неправдою и невѣрностью помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ не малое учинилъ огорченіе». Оказалось, что книгу Рибейры переводилъ синодальный членъ архимандритъ Евфимій Коллети. Его арестовали. Арестовали также и другого синодальнаго члена архим. Платона Малиновскаго, заподозрѣннаго въ сообщничествѣ съ Евфиміемъ. Послѣ двухлѣтняго процесса, въ 1734 г. Евфимій и Платонъ были уволены изъ Синода и лишены архимандритства; въ іюнѣ 1735 г. Евфимій былъ лишенъ священства и монашества, а Платона держали въ заключеніи и подвергли той же участи уже послѣ смерти Ѳ-на въ 1738 г.

Не кончилось, а скорѣе только началось дѣло Рибейры, а уже для Ѳ-на была новая тревога. Въ половинѣ 1732 г. появилось подметное анонимное письмо съ пасквили-

лемъ на Ө-на. Письмо было написано отъ лица римскаго папы къ Прокоповичу. Авторъ пасквиля принадлежалъ, судя по его произведенію, къ партіи коренныхъ враговъ новгородскаго архіерея, приверженцевъ русской старины и противниковъ петровскихъ реформъ, иноземныхъ обычаевъ, нововведеній. Ө. обвинялся въ лютеранствѣ. Особенно сожалѣлъ авторъ объ уничтоженіи патріаршества. Вся петровская реформа подвергалась явному и косвенному осужденію. Пасквиль задѣвалъ и правительство, говоря о крайнемъ раззореніи народа, скрываемомъ отъ государыни льстивыми министрами, призывая гнѣвъ Божій на виновниковъ печальной судьбы ссыльныхъ іерарховъ, потерпѣвшихъ «неправедное озлобленіе за благочестіе». Ө. ревностно принялся за розыски творца пасквиля и письма, напрягая всю гибкость своего полицейскаго таланта. Онъ внушалъ правительству, что пасквиль—произведеніе не только его личныхъ враговъ, но и политическихъ заговорщиковъ, смущающихъ народъ своими кознями. Тайная Канцелярія принялась за слѣдствіе, которое затронуло множество лицъ. Между прочимъ, по этому дѣлу былъ привлеченъ еще одинъ видный противникъ Прокоповича—Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской. Розыскивая автора пасквиля, Ө. остановился мыслью на одномъ іеромонахѣ, Іосифѣ Рѣшиловѣ, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Ѳеофилактомъ. Рѣшиловъ былъ арестованъ, а затѣмъ, по ходу слѣдствія, добрались и до Лопатинскаго. Рѣшиловъ, съ своими друзьями, въ родѣ калязинскаго архимандрита Іоасафа Маевскаго, группировались около тверского архіерея, который по своему добродушію и откровенности позволялъ себѣ въ ихъ кругу свободно бесѣдовать о современномъ положеніи вещей, при чемъ ихъ отношеніе и къ Ө-ну и ко всѣмъ петровскимъ церковнымъ нововведеніямъ было, конечно, неблагопріятное. Такъ какъ всю эту группу Прокоповичъ представлялъ преступной «факціей», ищущей государству смятенія, то тѣнь подозрѣнія пала и на Лопатинскаго. Вполнѣ вѣроятно, что Ө. воспользовался случаемъ свести старые счеты и особо направилъ Тайную Канцелярію по этому слѣду. Въ 1735 г. Ѳеофилакта потребовали въ Петербургъ и здѣсь арестовали. Дѣло его тянулось до конца 1738 г., когда его лишили сана и монашества и послали въ заточеніе въ Выборгъ.

Но пока Ө. разыскивалъ автора одного пасквиля, въ 1733 г. появился другой, сфабрикованный, повидимому, въ Новгородѣ и задѣвавшій государыню и Ө-на. По этому поводу слѣдовали новые розыски и аресты. Тѣмъ временемъ, среди множества затѣянныхъ процессовъ открылось, что и творенія Маркелла Родышевскаго дѣлаютъ свое дѣло. Тетради Маркелла о монашествѣ ходили въ монашеской средѣ и поддерживали здѣсь общее недовольство. Предметомъ монашеской ненависти былъ все тотъ же Прокоповичъ; но и правительство не могло разсчитывать на популярность среди монашества, такъ какъ его суровыя мѣропріятія отнюдь не располагали монашествующихъ въ его пользу. Узнавши, что монахи почитываютъ обличительныя произведенія его врага, новгородскій архіепископъ поспѣшилъ донести о томъ свѣтской власти. Онъ взялъ на себя трудъ спеціально разобрать Маркелловы тетради о монашествѣ, написанныя въ защиту монашества противъ стѣснительныхъ петровскихъ мѣропріятій, и представилъ, что это произведеніе есть ни что иное, какъ «только готовый и нарочитый факелъ къ зажженію смуты, мятежа и бунта», потому что «наполнено оное письмишко нестерпимыхъ ругательствъ и лаевъ на царствовавшихъ въ Россіи, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, ея величества предковъ». Такъ какъ Маркелловы тетради были обнаружены главнымъ образомъ среди обитателей Саровской и Берлюковской пустынь, то тѣ и другіе жестоко пострадали. А попутно было привлечено къ розыску, пыткамъ и наказаніямъ много и другихъ лицъ, монашествующихъ и немонашествующихъ.

Среди этихъ процессовъ, изъ которыхъ каждый разроссякъ въ огромное дѣло, запутавшее десятки и сотни людей, скончался и самъ главный ихъ виновникъ и дѣятель, предметъ фанатичной ненависти цѣлаго широкаго круга, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Его послѣдніе годы жизни, такимъ образомъ, прошли въ безпрерывной тревогѣ и напряженной работѣ, но не творческо-церковной, а въ качествѣ слѣдователя и сотрудника Тайной Канцеляріи, чрезъ которую шли упомянутыя дѣла. Надо удивляться той изобрѣтательности и неутомимости, какія проявлялъ Ө. въ сыскѣ.

Однако холодно становится отъ той жестокости, какая обнаруживалась въ безчисленныхъ розыскахъ. Тайная Канцелярія не знала пощады; не старался внушать ей снисхожденія и Прокоповичъ. Человѣческая жизнь, видимо, потеряла въ его глазахъ цѣну, и онъ не задумывался надъ людскими страданіями, наполняя казематы Тайной своими колодниками. Эти несчастные годы аннинскаго періода жизни Ѳ-на темной тѣнью омрачаютъ его имя. Но было бы несправедливо судить по нимъ о Прокоповичѣ, поддаваясь непосредственному впечатлѣнію отъ длинной вереницы жертвъ его процессовъ. Не надо забывать, что Ѳ. жилъ и дѣйствовалъ въ обстановкѣ, способной сломить менѣе сильную натуру и могущей озлобить, очерствить всякое сердце. Онъ пошелъ по преобразовательной дорогѣ по искреннему влеченію, потому что ничто не мѣшало бы ему создать себѣ мирно такую же карьеру, какъ создали Ѳеофилактъ Лопатинскій, Гедеонъ Вишневскій (сдѣлавшійся епископомъ смоленскимъ) и т. д. Но на этой дорогѣ его сразу же встрѣтила подпольная вражда, настойчиво-назойливая уже въ то время, когда онъ самъ никого не трогалъ. Темное царство русской церковной реакціи ополчилось противъ него со слѣпою ненавистью, не брезгавшей ни клеветой, ни ложью, ни подтасовками и проч. низкими средствами. Когда умеръ преобразователь, Ѳ. одинъ остался на стражѣ вмѣстѣ выкинутаго церковнаго знамени. И онъ не измѣнилъ ему, не старался приспособиться къ новому курсу пожертвованіемъ своими прежними идеалами и убѣжденіями, а шелъ на униженія и обиды, отстаивая то, что имъ было создано. Не будь Ѳ-на, кто знаетъ, какія послѣдствія имѣлъ бы курсъ переходнаго послѣ-петровскаго времени и такъ ли безрезультатны были бы чаянія Дашкова, Родышевскаго и т. п. лицъ анти-ѳеофановскаго направленія. Ограждая себя и свое дѣло, Ѳ. сталъ на путь доносовъ, на путь борьбы съ противниками ихъ же оружіемъ. Пусть это пріемъ неблагородный, но можно ли сурово осуждать за него человѣка, которому оставалось или самому погибнуть или унизиться до подобныхъ средствъ? Правда, Ѳ. перевелъ дѣло съ почвы церковной на почву политическую и преслѣдовалъ своихъ враговъ тогда, когда, казалось, они уже не были для него опасны. Но Прокоповичъ защищался тѣмъ способомъ, какой былъ для него удобнѣе; вѣдь и враги нападали на него съ той стороны, какая казалась имъ наиболѣе уязвимой. Рѣшить, насколько безопасны были Ѳ-ну его противники въ аннинское царствованіе, довольно трудно: если-бъ онъ не защищалъ своего положенія столь энергично, то подкопы подъ него могли-бы сдѣлаться и опасными. Вообще же Прокоповичъ дѣйствительно использовалъ девизъ: «Горе побѣжденнымъ!» Однако въ такой же мѣрѣ, навѣрно, использовали бы его и его враги, если-бъ побѣда склонилась на ихъ сторону.

Ѳ. скончался на своемъ карповскомъ подворьи, въ 4 ч. 24 мин. пополудни 8 сентября 1736 г. Кипучая дѣятельность, требовавшая напряженія всѣхъ силъ, должно быть, изнурила его и сломила его натуру, сравнительно въ раннемъ возрастѣ: онъ умеръ на 56 году жизни. Тѣло его было перевезено въ Новгородъ и здѣсь погребено въ Софійскомъ соборѣ среди гробницъ другихъ новгородскихъ святителей. Предъ смертью Ѳ. завѣщалъ свое имущество бывшимъ и настоящимъ питомцамъ своей школы, которой онъ много удѣлялъ вниманія при жизни и которая была его единственною отрадой. Впрочемъ, пожалованныя лично Ѳ-ну деревни были взяты на высоч. имя, а его библіотека отдана въ Александро-Невскій монастырь. Ѳеофаново завѣщаніе, показывающее его теплую заботливость о питомцахъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ, что по природѣ онъ вовсе не былъ черствымъ человѣкомъ и что не личной жестокостью вызваны его жертвы, а условіями того времени.

Говорятъ, что Ѳ., лежа на смертномъ одрѣ, произнесъ: «О, главо, главо; разума упившись, куда ся приклонишь»? Слова эти правильно отражаютъ одну изъ сторонъ, наиболѣе характерныхъ, Ѳеофановой личности. Это былъ, дѣйствительно, человѣкъ, упившійся разумомъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Вокругъ него группировался кружокъ представителей новаго русскаго просвѣщенія, съ которыми Прокоповичъ былъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Кантеміръ посвящалъ Ѳ-ну свои сатиры и своимъ насмѣшливымъ словомъ бичевалъ Ѳеофановыхъ противниковъ. Татищевъ былъ его почитателемъ и другомъ. Ученые ино-

странцы находили въ Прокоповичѣ покровителя, пріятнаго собесѣдника, цѣнителя ихъ трудовъ; Академія Наукъ была для Ө-на самымъ близкимъ учрежденіемъ, члены котораго связаны были обычно съ нимъ дружескими связями. Всѣ эти лица, въ свою очередь, высоко цѣнили Ө-на. «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ, писалъ Татищевъ, въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было». Датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, видѣвшій Ө-на въ 1736 г., говоритъ, что «по знаніямъ у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. По-гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо, и въ самой глубокой старости охотно занимался ими, оказывая любезное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками». Какимъ былъ и представлялся Ө. для кружка образованныхъ иностранцевъ, близко съ нимъ соприкасавшихся, видно также изъ словъ Шерерова біографа Прокоповича, по всѣмъ признакамъ одного изъ ученыхъ иностранцевъ. По его словамъ, Ө. «охотно принималъ у себя иностранцевъ православнаго исповѣданія—грековъ, славянъ, венгровъ, поляковъ, грузинъ,—странниковъ съ Ливана и Аөона, несчастныхъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, безъ собственной ихъ вины потерпѣвшихъ имущество и нуждающихся въ помощи, художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, испрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ, снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни. Нуждающимся, которымъ за долги грозило тюремное наказаніе, давалъ взаймы деньги, и если тѣ не могли уплатить ихъ, прощалъ долгъ безъ ропота. Въ урочные дни раздавалъ милостыню бѣднымъ обоего пола... Но онъ не могъ равнодушно видѣть ханжей, суевѣровъ, святошъ, лицемѣровъ,—преслѣдовалъ ихъ всячески и подвергалъ наказаніямъ... Библіотека его возросла наконецъ до 30-ти тысячъ томовъ лучшихъ изданій. Пользуясь ея сокровищами самъ, онъ охотно давалъ книги и другимъ и вообще своими знаніями—плодомъ внимательнаго чтенія и наблюдательности—онъ охотно дѣлился съ другими учеными людьми, которыхъ часто приглашалъ къ себѣ къ обѣду или вечеромъ къ ужину, когда по окончаніи дневныхъ занятій можно было вздохнуть свободно. Это были своего рода аттическіе вечера, съ которыхъ всякій выносилъ что нибудь умное». Подобные отзывы давали о Ө-нѣ и другіе иностранцы (даже Рибейра отзывался о немъ съ похвалою), и нельзя не принять этотъ общій голосъ весьма знаменательнымъ для оцѣнки Прокоповича. Въ кругу единомышленныхъ ему лицъ, людей одинако терпимыхъ и образованныхъ, не ослѣпленныхъ партійными и личными счетами, Ө. проявлялъ лучшія стороны своего характера, которыхъ не замѣчали или не хотѣли замѣчать его враги. Кстати замѣтимъ, огромныя средства, которыми располагалъ Ө., вполнѣ позволяли ему играть роль мецената и удовлетворять свои утонченныя умственныя потребности. Новгородскій архіерейскій домъ доставлялъ ему обильные доходы, 10—11 тыс. рублей въ годъ по тому времени, что на наши деньги будетъ до 80—100 тыс. рубл. На новгородской каөедрѣ уже не приходилось Прокоповичу жаловаться на бѣдность и испытывать матеріальныя затрудненія, не говоря о личныхъ его средствахъ, доставляемыхъ его синодальнымъ положеніемъ и пожалованіями ему со стороны благосклонныхъ государей.

Өеофанъ Прокоповичъ оставилъ глубокій слѣдъ въ нашей исторіи первой половины XVIII вѣка не только, какъ церковно-политическій и государственный дѣятель. Онъ былъ также замѣчательный ученый, писатель и проповѣдникъ. На научно-литературное поприще Прокоповичъ выступилъ въ первый періодъ своей дѣятельности, въ Кіевѣ, когда и самое его служебное положеніе призывало его именно къ ученой работѣ. Наиболѣе важными изъ этихъ работъ представляются, естественно, его богословскіе труды, которые, выражая его ученo-богословское міровоззрѣніе, впослѣдствіи и послужили главной мишенью нападеній его противниковъ. Самые эти противники прониклись враждою къ Ө-ну главнымъ образомъ на почвѣ различія и антагонизма богословскихъ

направленій. Какъ богословъ-ученый Ѳ. во многомъ расходился съ господствующимъ въ его время направленіемъ кіевской науки. Послѣдняя по своему методу слѣдовала схоластическому католическому богословію и по формамъ сильно зависѣла отъ него. Ея авторитетами были Беллярминъ, Ѳома Аквинатъ и другіе столпы католической учености. Ѳ., какъ мы уже замѣчали выше, осмѣлился отнестись отрицательно къ ученымъ традиціямъ кіевской школы и явиться новаторомъ, по тому времени, въ богословской области. Онъ подтруниваетъ даже надъ слѣпымъ довѣріемъ своихъ ученыхъ современниковъ къ школьнымъ авторитетамъ, не стѣсняясь выражаться очень непочтительно и о послѣднихъ и объ ихъ ученикахъ. «Не должно—пишетъ Ѳ. въ одномъ письмѣ—слѣдовать примѣру недоученныхъ хвастунишекъ; но каждый долженъ идти путемъ просвѣщенія и держаться тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые являясь плодомъ солидной эрудиціи, вырабатываютъ людей истинно-ученыхъ, а не пустыхъ крикуновъ».—Что сказать, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, о попахъ и монахахъ или о нашихъ латынщикахъ? Если, по милости Божіей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ нѣкогда тѣмъ или другимъ ученымъ іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ... то наши латынщики воображаютъ себя такими высоко-учеными людьми, какъ будто бы больше имъ нечему и учиться... При наблюденіи надъ этими личностями мнѣ приходится сознаться, что есть люди, глупѣе римскаго папы. Тотъ воображаетъ, что не можетъ ошибаться, потому что ему присущъ Духъ Святой, и уча съ каѳедры, вполнѣ убѣжденъ, что изрекаетъ догматы; наши же латынщики чрезвычайно высоко о себѣ думаютъ и не сомнѣваются, что проглотили цѣлый океанъ премудрости». Подъ солидной же эрудиціей Прокоповичъ разумѣлъ не что иное, какъ основательное, критическое изученіе св. писанія и св. преданія, основныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія, при чемъ, въ противоположность католической школѣ, его предпочтеніе явно склоняется на сторону перваго изъ двухъ источниковъ. Силлогистическіе выводы, доказательства «отъ разума», въ которыхъ изощрялась схоластическая наука, Ѳ. не любилъ и считалъ ихъ большею частью безполезными. Равнымъ образомъ онъ насмѣшливо относился къ множеству мелочныхъ богословскихъ вопросовъ, на которые были такъ изобрѣтательны схоластическіе богословы. Вообще въ методѣ и пріемахъ Ѳ. замѣтно слѣдовалъ протестантскимъ ученымъ; онъ нерѣдко ссылается, напримѣръ, на Квенштедта, Пфейера, Гергарда и др.

Между богословскими произведеніями Ѳ-на первое мѣсто занимаютъ его теоретико-богословскіе трактаты, составившіе курсъ богословскихъ лекцій, читанныхъ имъ во время ректорства въ Кіевской академіи (1712—1716 г.г.). Этихъ трактатовъ семь. Первый изъ нихъ составляетъ введеніе въ богословскую систему Ѳ-на и трактуетъ о задачахъ богословія и его источникахъ. Здѣсь Ѳ. устанавливаетъ свой тезисъ о св. писаніи, какъ высшемъ авторитетѣ для богослова, указывая также и способы пользованія имъ. Изъ методовъ толкованія св. писанія онъ высказывается за методъ буквальнаго, прямого толкованія, предостерегая отъ толкованій аллегорическихъ и метафорическихъ, способныхъ скорѣе запутать изслѣдователя, чѣмъ навести его на истину. Для солидности изслѣдованія, между прочимъ, Прокоповичъ находитъ необходимымъ знаніе греческаго и еврейскаго языковъ, чтобы обращаться къ оригиналамъ, чего обычно не требовала схоластическая наука. Отдѣлъ о св. преданіи у Ѳ-на разработанъ мало и имѣетъ незаконченный характеръ, такъ что впослѣдствіи, при пользованіи его курсомъ, этотъ отдѣлъ былъ уже дополненъ другимъ авторомъ (повидимому, издателемъ Ѳеофановыхъ трактатовъ кіев. митрополитомъ Самуиломъ Миславскимъ). Во второмъ трактатѣ Ѳ. говоритъ о Богѣ и его свойствахъ. Третій трактатъ посвященъ ученію о св. Троицѣ, съ историческимъ очеркомъ полемики по данному предмету. Въ четвертомъ трактатѣ спеціально говорится о догматѣ исхожденія св. Духа, какъ предметѣ спора между восточною и западною церковью. Предпославъ историческія свѣдѣнія объ этомъ спорѣ, Ѳ. подробно разбираетъ самый догматъ, останавливаясь внимательно на католическихъ доводахъ въ пользу католической формулы и опровергая ихъ. Главнымъ пособіемъ для Прокоповича при составленіи этого трактата послужило сочиненіе Адама

Зерникава. Въ пятомъ трактатѣ Ө. переходитъ къ ученію о Богѣ «во внѣ» и говоритъ о твореніи и провидѣніи. Здѣсь, между прочимъ, онъ высказываетъ свои научныя понятія, которыя показываютъ его знакомство съ разными теоріями его времени. Въ вопросѣ о вращеніи земли вокругъ солнца Ө. не находитъ противорѣчія между ученіемъ Коперника и св. писаніемъ. Избѣгая многихъ мелочныхъ схоластическихъ вопросовъ, Прокоповичъ, однако, нерѣдко долженъ былъ встрѣчаться съ ними и разбирать ихъ. Шестой трактатъ говоритъ о состояніи человѣка до грѣхопаденія, гдѣ, между прочимъ, доказывается существованіе земного рая. Въ послѣднемъ, седьмомъ трактатѣ излагается ученіе о состояніи человѣка послѣ грѣхопаденія. Центральное мѣсто тутъ занимаютъ разсужденія о грѣхѣ и свободѣ воли. Богословскій курсъ Ө-на, какъ сказано, остался незаконченнымъ. Всего Ө. предполагалъ написать 12 трактатовъ. Изданіе вышеозначенныхъ трактатовъ произошло уже послѣ смерти ихъ автора, какъ равно завершеніе Өеофановой системы для цѣлей учебныхъ. Въ 1772 г. въ Готѣ былъ изданъ особо трактатъ «Объ исхожденіи Св. Духа» (De Processione Spiritus Sancti, изд. Дамаскина Семенова-Руднева), съ нѣкоторыми дополненіями Дамаскина. Историческая часть этого трактата (Historia controversiae de processione Spiritus s.) была переведена на русскій языкъ Матвѣемъ Соколовымъ и напечатана въ книгѣ: «Четыре Сочиненія» Өеофана Прокоповича, архіеп. новг., Москва 1773 г., съ дополненіями издателя. Здѣсь же напечатаны на рус. яз. изъ Өеоф. трактатовъ: «Прав. ученіе о хулѣ св. Духа», «Разсужденіе о грѣхѣ». Затѣмъ первые 5 Өеофановыхъ трактатовъ были изданы на латинскомъ языкѣ въ Кенигсбергѣ, въ 1773—1775 г.г. Матвѣемъ Байцуровымъ и Семеномъ Денисовымъ, подъ заглавіемъ: «Christianae orthodoxae theologiae, in Academia Kiowiensi a Theophano Prokopowicz... adornatae et propositae vol. 1—5 Regiomonti 1773—1775; а послѣдніе два трактата въ Москвѣ въ 1776 г. Въ Кіевской академіи послѣ Ө-на его уроками долго не пользовались, возвратившись къ старымъ схоластическимъ руководствамъ. Нѣкоторые ректора, какъ Давидъ Нащинскій и Никодимъ Панкратьевъ, пробовали обрабатывать уроки Ө-на, но не закончили этого дѣла. Наиболѣе успѣлъ въ этомъ отношеніи Кассіанъ Лехницкій, давшій законченное, но сокращенное изложеніе догматическаго и нравственнаго богословія по Өеофанову, приблизительно, плану. Съ 1763 г. по распоряженію кіевскаго митр. Арсенія Могилянскаго, Өеофановъ курсъ былъ принятъ за руководство въ Кіевской академіи. Послѣ того кіев. митроп. Самуилъ Миславскій докончилъ, наконецъ, обработку Өеофановой системы и издалъ ее въ полномъ видѣ въ Лейпцигѣ въ 1782 г. въ 2-хъ томахъ, дополнивъ третьимъ большимъ томомъ собственнаго сочиненія (Christianae orthodoxae theologiae, eadem seriae ac methodo qua Theoph. Prokopow. usus est in Acad. Kiow. adornatae et propositae, Vol. III, Lips. 1784). Въ 1792 г. въ Лейпцигѣ же вышло 2-е изданіе Өеоф. системы. Впослѣдствіи ректоръ Кіев. академіиИриней Фальковскій составилъ изъ этой системы сокращенный учебникъ, который былъ напечатанъ въ 1805 г.

Въ тѣсной связи съ вышеупомянутыми лекціями Ө. стоитъ также его небольшой трактатъ «Объ оправданіи», написанный въ 1716 г. для друга его Марковича. Прокоповичъ самъ писалъ послѣднему, что трактатъ написанъ торопливо, всего въ два дня, поэтому его изложеніе сбивчиво и недостаточно методично; методично онъ обѣщалъ изложить то же ученіе объ оправданіи въ своемъ богословскомъ курсѣ. Трактатъ преслѣдовалъ отчасти и полемическія цѣли. Идейные противники Ө-на уже тогда обвиняли его въ неправославныхъ взглядахъ, между прочимъ, именно на оправданіе, почему онъ и считалъ желательнымъ, чтобы упомянутый трактатъ перевели на русскій языкъ (съ латинскаго), дабы всѣ могли судить, правы ли его обвинители. Трактатъ этотъ былъ напечатанъ впервые въ Бреславлѣ въ 1769 г. на лат. яз., на рус. яз. онъ помѣщенъ въ «Четырехъ сочиненіяхъ» Прокоповича (Москва, 1773 г.), въ переводѣ М. Соколова, подъ заглавіемъ: «Правосл. ученіе о благодатномъ человѣка грѣшнаго чрезъ Іисуса Христа оправданіи». Въ одной рукописи полностью трактатъ озаглавленъ такъ: «Отвѣтъ, отъ ясне въ Богу преосвященнѣйшаго киръ Өеофана Прокоповича, милостію Божіею православнаго архіепископа великоновгородскаго, въ тое время ректоромъ школъ кіевомогилянскихъ быв-

шаго, къ его милости пану Іакову Марковичу, бунчуковскому войскъ малороссійскихъ товарищу, на нѣкая его жъ къ его преосвященству противоречения, писанная противу православнаго ученія о оправданіи грѣшничемъ, его же гдѣ пространное прилагается изъясненіе, присланный». Теоретико-богословскій характеръ имѣетъ также написанное Ѳ-номъ въ 1712 г. сочиненіе «Объ игѣ неудобоносимомъ», напечатанное впослѣдствіи на рус. яз. въ 1774 г. въ «Сочиненіяхъ» Ѳ. Прокоповича (Москва) и въ 1784 г. отдѣльно (Москва), подъ заглавіемъ: «Книжица, въ ней же повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими и трудность слова Петра апостола о неудобъ носимомъ законномъ игѣ пространно предлагается» (это сочиненіе было переведено Давидомъ Нащинскимъ и Іакиноомъ Карпинскимъ на лат. языкъ и напечатано въ Лейпцигѣ въ 1782 г. подъ наз. «De jugo intolerabili»). Сочиненіе было написано для графа Ив. Ал. Мусина-Пушкина и навлекло на его автора ожесточенныя нападки противнаго лагеря. Ѳеофилактъ Лопатинскій выступилъ противъ него съ обширнымъ опроверженіемъ, подъ заглавіемъ: «Иго Господне благо и бремя его легко, сіе есть законъ Божій съ заповѣдьми своими отъ призрачныхъ, новоизмышленныхъ тяжестей и неудобствъ противническихъ свобожденъ, съ новымъ завѣтомъ, свободою христіанскою, вѣрою спасительною евангельскою согласенъ и неразлученъ, и не токмо къ честному христіанскому жительству, но и ко спасенію и оправданію быти потребенъ показася, въ честь и славу законоположителя Бога, въ пользу же православнымъ христіанамъ» (это сочиненіе осталось не напечатаннымъ). Ѳеофилактъ называлъ Ѳеофаново сочиненіе «писаніемъ противничимъ», «вносящимъ въ міръ россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіи и оправданіи». Авторъ, по его мнѣнію, имѣлъ намѣреніе «показать православнымъ читателямъ путь къ лютерству и кальвинству и ко всему реформатству». Однако, конечно, такія рѣзкія обвиненія составляютъ не объективную оцѣнку Ѳеофанова труда, а отраженіе антагонизма двухъ богословскихъ направленій.. Ѳ. и въ упомянутомъ трактатѣ держится того же ученія объ оправданіи, какое онъ излагаетъ въ другихъ сочиненіяхъ. Извѣстно рукописное сочиненіе Ѳ-на «Повѣсть о царствіи Божіемъ», повидимому, тоже догматическаго содержанія.

Иногда Ѳ. писалъ богословскіе трактаты съ спеціально прикладною цѣлью, большею частью полемическою. Таковы его сочиненія о мученичествѣ, о лицемѣрахъ, о блаженствахъ, противъ ханжей. Трактатъ о мученичествѣ написанъ въ 1719—1720 г., и исторію его происхожденія передаетъ самъ Прокоповичъ въ письмѣ къ Марковичу отъ 20 мая 1720 г. «Пишу я особый небольшой трактатъ о мученичествѣ, расматривая вопросъ: позволительно ли произвольно искать мученичества? И одна только казнь, безъ правоты дѣла, сдѣлаетъ ли мученикомъ? Императоръ приказалъ мнѣ написать это, сожалѣя объ ослѣпленіи фанатиковъ, которые, чтобы получить имя мучениковъ, показываютъ безразсудную ревность и съ величайшею дерзостью кидаются не только на пастырей, но и на самого государя изъ-за перемѣны одежды, изъ-за париковъ, изъ-за бритья бородъ и тому подобныхъ мелочей». Ѳ. и доказываетъ, что не всякое страданіе и мученичество похвально, а только то, которое переносится за настоящую, а не мнимую правду. Исканіе мученичества со стороны раскольниковъ и фанатиковъ Прокоповичъ считаетъ лишь слѣдствіемъ грубаго невѣжества. Трактатъ о мученичествѣ не былъ изданъ отдѣльно, частью онъ вошелъ въ толкованіе Ѳ-на о блаженствахъ, а частью въ изданное св. Синодомъ 16 іюля 1722 г. (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. VI, № 4053) увѣщаніе или «объявленіе о продерзателяхъ», направленное противъ раскольниковъ. Трактатъ о лицемѣрахъ, какъ видно изъ вышеупомянутаго письма Ѳ-на къ Марковичу, писался тоже въ 1720 г. Въ отдѣльномъ видѣ и этого трактата не существуетъ, а онъ, повидимому, вошелъ въ книгу о блаженствахъ. Послѣдняя написана Ѳ-номъ по спеціальному порученію Петра и напечатана въ 1722 г. подъ заглавіемъ: «Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе». Петръ, по свидѣтельству Голикова, желалъ, чтобы была написана книга о ханжахъ, въ которой были бы изъяснены блаженства не такъ, какъ они думаютъ. Петръ самъ составилъ и краткую программу подобнаго сочиненія, съ обзоромъ десяти заповѣдей блаженствъ, гдѣ доказывалъ, что лицемѣріе запрещается всѣми заповѣдями, такъ какъ грѣхъ лицемѣрія

всѣ другіе въ себѣ содержитъ. По этой программѣ и было поручено государемъ Прокоповичу написать книгу, гдѣ бы пространно было изложено христіанское ученіе съ спеціальнымъ направленіемъ противъ ханжества. Книга была написана и представлена государю, который съ удовольствіемъ прочиталъ ее и написалъ: «книгу о блаженствахъ всю челъ, которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій; только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ разныя толкованія неправыя ханжескія всѣ выяснить, дабы читающій перво свой порокъ узналъ и потомъ пользу прямую и истинную». По указанію государя же, въ концѣ книги напечатана была выписка существенныхъ ея положеній для заучиванія на память. Самое толкованіе дѣлится на двѣ части. Спачала авторъ показываетъ, о каждомъ блаженствѣ, разныя неправильныя его пониманія, а потомъ «прямый словесъ Христовыхъ разумъ». Послѣдніи три блаженства, соединенныя въ одну статью, повидимому, и составляютъ вышеупомянутый трактатъ о мученичествѣ. За книгу о блаженствахъ, какъ мы видѣли, враги Ѳ-на впослѣдствіи жестоко его обвиняли.

Въ своей учено-богословской дѣятельности Ѳ. выступалъ и спеціально апологетомъ-полемистомъ. Отъ него осталось нѣсколько сочиненій такого рода. Сюда можно отнести, во-первыхъ, небольшой трактатъ, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о безбожіи». Трактатъ этотъ стоитъ въ связи съ его академическими чтеніями о Богѣ, хотя сочиненъ уже около 1730 г., и представляетъ изложеніе доказательствъ бытія Божія. Новаго чего-либо въ этихъ доказательствахъ нѣтъ. Только Ѳ. доказываетъ бытіе Божіе преимущественно a posteriori, отказываясь отъ доказательствъ a priori. Людей, подразумѣваемыхъ подъ словомъ «атеистъ», онъ дѣлитъ на нѣсколько группъ и о каждой говоритъ отдѣльно. Разсужденіе о безбожіи издано было въ Москвѣ въ 1774 и 1784 гг. Затѣмъ Ѳ-ну принадлежатъ двѣ «апологіи». Одна «Апологія православной вѣры», написанная въ Кіевѣ на латинскомъ языкѣ, представляетъ собою отвѣтное письмо на посланіе лютеранскихъ богослововъ изъ Кенигсберга къ кіево-печерскому монаху Михаилу Шію «о вѣрѣ восточной церкви». Раздѣливъ посланіе лютеранъ на 12 пунктовъ, Прокоповичъ отвѣчаетъ на каждый изъ нихъ отдѣльно. Въ заключеніи апологіи Ѳ. обращается къ германскимъ богословамъ съ приглашеніемъ искренно и чистосердечно заняться вопросомъ о соединеніи съ православною церковью, безъ всякихъ своекорыстныхъ расчетовъ. Эта апологія, на лат. яз., была напечатана впервые въ изданномъ въ 1745 г. Давидомъ Нащинскомъ въ Бреславлѣ собраніи нѣкоторыхъ сочиненій Прокоповича подъ заглавіемъ «Miscellanea sacra»; рус. перев. 1731 г. у Царскаго № 447; другой переводъ Н. Хоненки 1747 г. Другая «апологія» написана Ѳ-номъ въ 1718 г. въ защиту мощей кіево-печерскихъ угодниковъ. Здѣсь Прокоповичъ разсматриваетъ возраженія противъ чудесности нетлѣнія мощей и опровергаетъ ихъ, ссылаясь нерѣдко на древнихъ писателей, какъ Плиній, Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, Лукіанъ, Аристотель и др. Особо останавливается авторъ на мнѣніи католическихъ писателей, старающихся объяснить нетлѣніе кіевскихъ мощей тѣмъ обстоятельствомъ, что святые эти жили до раздѣленія церквей; а также на книгѣ лютеранскаго писателя Гербинія «Подземный Кіевъ» (изд. въ 1678 г.), гдѣ нетлѣніе объясняется естественными причинами. Въ особомъ прибавленіи Ѳ. говоритъ о нетлѣніи труповъ людей, пораженныхъ церковнымъ проклятіемъ. На лат. яз. эта апологія напечатана въ «Miscellanea sacra». Потомъ она была переведена на рус. языкъ и напечатана въ Москвѣ въ первый разъ въ 1786 г., потомъ въ 1799 г., подъ заглавіемъ «Разсужденіе о нетлѣніи мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, въ кіевскихъ пещерахъ нетлѣнно почивающихъ, т. е. что оныя честныя мощи не естественными причинами и не человѣческимъ искусствомъ, но единственно Божескою сверхъестественною силою сохранены и до нынѣ сохраняются». Въ русскомъ переводѣ нѣтъ упомянутаго прибавленія. Въ сокращенномъ видѣ эта книга была напечатана въ Кіевѣ въ 1823 г., потомъ она имѣла и еще нѣсколько изданій. Несмотря на это произведеніе Ѳ-на, враги его ставили ему въ вину, между прочимъ, непочтительное отношеніе, будто бы, къ кіевскимъ чудотворцамъ. Поводомъ къ такому обвиненію, очевидно, послужило то, что Ѳ., официально сочиняя апологію, въ дѣйствительности не былъ уже такимъ безусловнымъ апологетомъ кіевскихъ мощей. Такъ, по его же

собственному сознанію, онъ говаривалъ, что при немъ одинъ пещерный инокъ просилъ у начальника пещеры масла, такъ какъ у угодниковъ «головы сухи»...

Ѳеофану Прокоповичу и въ другихъ случаяхъ приходилось вступать въ полемику съ западными богословами. Какъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, онъ долженъ былъ и офиціально выступать въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось представительство русской богословской науки. Таковъ былъ случай обращенія парижской Сорбонны къ Петру Великому въ бытность его за границей, съ предложеніемъ о соединеніи церквей. Петръ, по пріѣздѣ въ Россію, въ 1718 г., поручилъ составить отвѣтъ на предложеніе сорбоннскихъ ученыхъ Стефану Яворскому и Ѳ-ну. Каждый изъ этихъ двухъ представителей противоположныхъ направленій отвѣтилъ по-своему, хотя одинаково уклончиво. Но отвѣтъ Ѳ-на понравился государю больше, и онъ именно былъ посланъ по адресу. Въ своемъ отвѣтѣ Прокоповичъ, выражая живѣйшую радость по поводу мысли о соединеніи церквей, однако, говоритъ, что это дѣло не можетъ состояться такъ скоро и удобно, какъ думаютъ въ Парижѣ. Ѳ. главнымъ образомъ опирается на то, что одна русская церковь, безъ другихъ православныхъ церквей, не можетъ рѣшать вопроса о соединеніи, а потому и предлагаетъ сорбоннскимъ ученымъ обратиться сначала къ восточнымъ патріархамъ. (Отвѣтъ Сорбоннѣ напечатанъ въ III ч. пропов. Яворскаго, во 2 ч. Журнала Петра В. 1770 г.). Несмотря на то, что отвѣтъ Ѳ-на былъ очень корректенъ и уклончивъ, католическіе ученые считали Прокоповича главнымъ виновникомъ неудачи ихъ попытки, зная его за ревностнаго противника католичества. Насколько правильно было такое предположеніе, сказать трудно, потому что и партія Стефана Яворскаго была не болѣе склонна къ принятію парижскаго предложенія. Но справедливо то, что Ѳ. не ограничился однимъ офиціальнымъ уклончивымъ отвѣтомъ, а предпринялъ и другіе шаги противъ сорбоннскаго выступленія. Онъ сообщилъ копію предложенія Сорбонны іенскому профессору Буддею съ просьбою съ своей стороны высказаться по этому поводу. Буддей написалъ на записку Сорбонны довольно рѣзкую критику, въ которой доказывалъ полную невозможность соединенія русской церкви съ католическою, особенно при такомъ государѣ, какъ Петръ Великій, искореняющій въ своемъ народѣ невѣжество, варварство и суевѣріе,—тѣ свойства, которыми католичество отличается. Немыслимо также, чтобы государь, ненавидящій господство клира, подчинилъ своихъ подданныхъ церкви, которую именно господство клириковъ сдѣлало для всѣхъ непріятной. Ѳ. былъ очень доволенъ Буддеевымъ сочиненіемъ и, по словамъ пастора Мюллера, хотѣлъ перевести его на русскій языкъ и поднести царю. Вообще съ Буддеемъ Прокоповичъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ и въ ученой перепискѣ, при чемъ Буддей съ своей стороны съ похвалою отзывался о Ѳ. Эта идейная связь сказалась впослѣдствіи по другому случаю, имѣвшему въ жизни Ѳ. не малое значеніе. Мы разумѣемъ ту полемику, какая появилась по поводу Буддеевой «Апологіи лютеранской церкви противъ клеветъ и навѣтовъ Стефана Яворскаго» (въ «Камнѣ вѣры»), появившейся въ 1729 г. Названное сочиненіе Буддея написано не безъ участія того же Ѳ-на. Въ предисловіи самъ Буддей благодаритъ своего неизвѣстнаго ученаго московскаго друга за доставленные ему матеріалы. Такимъ другомъ по всей вѣроятности былъ Ѳ. Эта связь послужила основаніемъ для Ѳеофановыхъ враговъ приписывать даже ему самое составленіе «Апологіи». Однако такое подозрѣніе неосновательно уже по тому одному, что Буддею не зачѣмъ было прикрывать своимъ именемъ чужое произведеніе. Самое подозрѣніе, высказанное Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, покоилось скорѣе на ошибочномъ убѣжденіи, будто книга Буддея появилась уже послѣ его смерти, что на самомъ дѣлѣ было не такъ. Роль Ѳ-на, видимо, ограничивалась указаннымъ доставленіемъ матеріала. Когда появился въ Россіи переводъ книги Рибейры противъ Буддея, въ защиту Яворскаго, то Ѳ ну пришлось не мало поработать перомъ по этому поводу, но уже въ роли не ученаго, а слѣдователя и обвинителя предъ Тайною Канцеляріею. Ѳ. написалъ обширныя «примѣчанія» на Рибейрину книгу, поданныя Кабинету въ 1733 г., (напеч. у Чистовича, «Рѣшил. дѣло», прил, и въ Чт. О. И. 1769 г.). Къ разсматриваемому роду сочиненій можно отнести также письмо Ѳ-на 1733 г. къ пастору Ма-

лярду, обратившемуся въ православіе (напеч. въ Miscellanea; переводъ у Царскаго № 283).

Въ ряду учено-богословскихъ занятій Ѳ-на незначительное сравнительно мѣсто занимали занятія св. писаніемъ. Митр. Евгеній въ числѣ неизданныхъ сочиненій Прокоповича упоминаетъ «Толкованіе псалма 140-го» и неоконченное «Толкованіе на пророка Исаію». По словамъ Шерерова біографа, Ѳ. былъ озабоченъ также исправленіемъ славянской библіи и сначала самъ занимался этимъ дѣломъ, изучая для того еврейскій языкъ, а потомъ передалъ его другимъ лицамъ. Фонъ-Гавенъ передаетъ, будто одно время надѣялись, что при помощи Ѳ-на будетъ издана вся библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ съ примѣчаніями. Въ маѣ 1735 г. дѣйствительно начато было печатаніе Библіи на васплеостровскомъ подворьѣ Ѳ-на 10-го августа 1736 г. Ѳ. представилъ Синоду свои предположенія объ успѣшномъ окончаніи исправленія славянскаго текста. Но скоро онъ умеръ, и все это дѣло заглохло. По случайному поводу занялся Ѳ. книгой «Пѣснь Пѣсней». Однажды въ дружеской бесѣдѣ, въ присутствіи Прокоповича, В. Н. Татищевъ выразился насмѣшливо объ упомянутой книгѣ, высказавъ сомнѣніе, чтобы это полу-эротическое произведеніе было священной книгой. Ѳ. выступилъ въ защиту «Пѣсни Пѣсней» и написалъ (въ 1730 г.) цѣлую «Апологію или разсужденіе о книгѣ Соломоновой Пѣсни Пѣсней, что оная не человѣческою волею, по Духа Святаго вдохновеніемъ написана», напечат. въ Москвѣ 1774 г. и второй разъ въ 1784 г.

Столь же незначительны, сравнительно, литературные труды Ѳ-на въ области церковной исторіи. Сюда относится, во-первыхъ, небольшое сочиненіе: «Апостольская географія», нигдѣ не напечатанное. Объ немъ Ѳ. упоминаетъ въ письмѣ къ Марковичу отъ 10-го мая 1720 г. и такъ характеризуетъ это свое произведеніе. «Апостольская географія, т. е. географическое обозначеніе тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проходили апостолы во время своихъ путешествій, какъ объ этомъ упоминается въ Дѣяніяхъ св. Луки, а также у Дороѳея, котораго синопсисъ обыкновенно прилагается къ Дѣяніямъ апостольскимъ. Въ этомъ нашемъ сочиненіи опредѣляется долгота и широта каждаго мѣста и обозначается имя, какое носило извѣстное мѣсто въ древности, потомучто многія названія уже перемѣнились. Я сдѣлалъ это по желанію государя, который жаловался, что не можетъ на новыхъ географическихъ картахъ найти многихъ мѣстностей апостольскихъ, по незнанію новыхъ названій, и просилъ меня разсѣять этотъ мракъ. Мнѣ помогли въ этомъ многіе иностранные писатели, сочиненія которыхъ я ужъ пріобрѣлъ, особенно Христофоръ Целларій, чрезвычайно ученый географъ, не такъ давно умершій». Затѣмъ самъ Ѳ. въ своемъ трактатѣ о Св. Дарѣ упоминаетъ о своемъ «Изслѣдованіи о Флорентійскомъ соборѣ» (Examen consilii Florentini), написанномъ въ обличительномъ, не совсѣмъ объективномъ, тонѣ. Но это сочиненіе не извѣстно ни въ печати, ни въ рукописи. По свидѣтельству Шерерова біографа Ѳ-на и Страленберга, Ѳ. написалъ еще «церковную исторію», въ которой описалъ ученіе и обряды православной церкви до Константина Великаго и показалъ происхожденіе различныхъ суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ. Однако и это сочиненіе не извѣстно ни въ рукописяхъ, ни въ печатномъ видѣ, и его никто не видѣлъ; оно, очевидно, утрачено, и потому судить о его содержаніи трудно. Во всякомъ случаѣ, самый фактъ утраты упомянутыхъ сочиненій показываетъ, что они не представляли чего-либо выдающагося и цѣннаго.

Обширную группу среди сочиненій Ѳ-на составляютъ произведенія, которыя можно назвать каноническими, хотя и не всегда въ строгомъ смыслѣ этого слова. Большею частью они появлялись по требованію момента и имѣли не столько принципіальный характеръ, сколько практическій, церковно-законодательный и административный. Положеніе Прокоповича въ качествѣ правой руки преобразователя въ церковныхъ реформахъ и затѣмъ руководящаго дѣятеля церковнаго правительства въ теченіе цѣлыхъ 15-ти лѣтъ представляло ему много побужденій выступать съ сочиненіями разъяснительнаго и законодательнаго свойства, при чемъ обычно издавались они даже безъ имени автора. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести Духовный Регламентъ, — важнѣйшій памятникъ церковнаго законодательства всего XVIII стол., положившій начало новому, синодальному строю нашего церков-

наго управленія. Регламентъ сочинялся Прокоповичемъ, по порученію Петра Великаго, въ началѣ 1720 г., какъ это видно изъ письма Ѳ-на къ Марковичу, послѣ того, какъ государь окончательно рѣшилъ замѣнить единоличную патріаршую форму управленія церковно-коллегіальной. По составленіи Регляментъ былъ представленъ царю, который приказалъ читать его въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ. Потомъ Регламентъ читали въ Сенатѣ, въ присутствіи сенаторовъ и шести епископовъ, гдѣ было прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; затѣмъ онъ былъ подписанъ сенаторами, епископами и присутствовавшими архимандритами и государемъ. Неприсутствовавшимъ архіереямъ и знатнѣйшимъ архимандритамъ Регламентъ былъ посланъ для подписи съ нарочными и всѣ подписали. Одинъ Стефанъ Яворскій медлилъ, за разными отговорками, но и тотъ въ концѣ концовъ подписался. Такимъ образомъ Ѳ. явился творцомъ этого замѣчательнаго акта, измѣнившаго во многомъ бытіе русской церкви. Правда, онъ составлялъ Регламентъ по указаніямъ государя, но конечно послѣдній могъ намѣтить лишь общія мысли, а ихъ реальное и детальное воплощеніе было уже дѣломъ Прокоповича. Какъ видно изъ исторіи изданія Регламента, онъ почти не былъ измѣненъ по сравненію съ тѣмъ, какъ вышелъ изъ рукъ автора. При офиціальномъ изданіи Регламентъ предварялся особымъ манифестомъ, который былъ изданъ 25 янв. 1721 г., излагавшимъ въ общихъ чертахъ побужденія къ перемѣнѣ формы церковнаго управленія. Побужденія эти — «многія нестроенія» въ духовномъ чинѣ и «великая въ дѣлахъ его скудость», каковыя всего лучше можетъ исправить соборное правительство. Манифестъ этотъ, по всему видно, сочиненъ то-же Ѳ-номъ. Участіе Ѳ-на замѣтно и въ составленіи присяги для синодальныхъ членовъ, не чуждой намековъ на представителей анти-ѳеофановскаго направленія. По содержанію своему Духовный Регламентъ раздѣляется на три части. Въ первой дается опредѣленіе духовной коллегіи и излагаются мотивы ея учрежденія. Всѣхъ мотивовъ предлагается 9, доказывающихъ преимущества коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ; но самое важное значеніе для авторовъ реформы, видимо, имѣлъ 7-й пунктъ, гдѣ говорится объ опасностяхъ единоличной патріаршей власти для государственнаго спокойствія въ случаѣ возможныхъ между свѣтской и церковной властью канфликтовъ, какъ то было при патр. Никонѣ. Во второй части Регламента опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегіи. Здѣсь излагаются требованія борьбы съ суевѣріями и мнимо-благочестивыми обычаями, новыя обязанности епископовъ, сообразно новымъ правительственнымъ требованіямъ, и между прочимъ обязанность заводить школы, и опредѣляется самая программа таковыхъ школъ и даже краткій уставъ ихъ; изображаются обязанности проповѣдниковъ. Въ третьей части содержатся постановленія о составѣ и дѣйствіяхъ духовной коллегіи, въ обязанность которой, между прочимъ, вмѣняются цензура богословскихъ сочиненій, свидѣтельствованіе чудесъ и мощей, судъ надъ раскольниками, наблюденіе за нищенствомъ и т. д. Въ неразрывной связи съ Регламентомъ стоитъ «Прибавленіе» къ нему, изданное въ маѣ 1722 г. и печатающееся послѣ того всегда вмѣстѣ съ Регламентомъ. «Прибавленіе» содержитъ правила относительно низшаго духовенства и монашества, направленныя противъ безчинія въ духовенствѣ и уклоненій монастырской жизни отъ монашескихъ идеаловъ. Правила о монашествѣ особенно замѣчательны. Онѣ суммируютъ всѣ бывшія дотолѣ петровскія распоряженія о монашествѣ и, произнося суровый приговоръ надъ монашескимъ бытомъ, пробуютъ заставить монашество жить сообразно монашескимъ обѣтамъ. За эти правила монахи сильно ненавидѣли Прокоповича, потому что «Прибавленіе» то же, по всѣмъ признакамъ, было его сочиненіемъ, хотя издано оно отъ лица Синода. Въ первый разъ Дух. Регламентъ былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ въ 1721 г.; послѣ того онъ неоднократно перепечатывался съ «Прибавленіемъ». Какъ законодательный актъ, Регламентъ помѣщенъ въ Полн. Собр. Закон. VI, № 3718; также въ Полн. Собр. Пост. и Распоряж. по вѣд. Правл. Исп. т. I. Вскорѣ же по выходѣ Регламентъ былъ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ, сначала безъ «Прибавленія»; потомъ онъ появился въ 1724 и 1725 гг. въ Данцигѣ уже съ «Прибавленіемъ».

Архим. Іоакиноъ Карпинскій впослѣдствіи перевелъ Регламентъ на латинскій языкъ, а преосв. Евгеній Булгаръ — съ латинскаго на греческій.

Съ Регламентомъ связаны и другія произведенія Прокоповича. Въ неоднократно упоминавшемся нами письмѣ къ Марковичу Ѳ., сказавъ о сочиненіи Регламента, пишетъ, что онъ занятъ трактатомъ, въ которомъ излагаетъ, «что такое патріаршество и когда оно получило начало въ церкви и какимъ образомъ въ теченіе 400 лѣтъ церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторыя не подчинены патріархамъ. Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учреждаемой коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ—нибудь новымъ и необычнымъ, какъ, конечно, будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные». Однако этотъ трактатъ нигдѣ не изданъ, и неизвѣстно, что онъ изъ себя представлялъ и докончилъ ли его авторъ. По вопросу о патріаршествѣ, дѣйствительно, извѣстны сочиненія Ѳ-на, но другія. Это, во-первыхъ, «Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицалися императоры римстіи, какъ язычестіи, такъ и христіанстіи, понтифексами и архіереами многобожнаго закона; а въ законѣ христіанстемъ христіанстіи государи могутъ ли нарещися епископы и архіереи, и въ какомъ разумѣ». Авторъ поводомъ къ написанію трактата называетъ случай, когда ему пришлось присутствовать при разговорѣ, въ которомъ высказывалось мнѣніе, «будто христіанстіи цари нарицалися понтифексами и архіереями христіанскаго закона, тако-жъ и великій Константинъ нареченъ былъ епископъ христіанскій въ томъ разумѣ, въ которомъ нарицаются епископы, церковносвященства управители». Но едва ли это истинная причина написанія сочиненія. Содержаніе его показываетъ, что оно написано со специальною цѣлью оправдать то вмѣшательство государственной власти въ церковныя дѣла, которое проявилось въ реформѣ высшаго церковнаго управленія и какое узаконялось новымъ строемъ послѣдняго. Самая дата написанія—1721 г. — годъ Регламента и Синода — подтверждаетъ приведенное соображеніе. «Розыскъ» и старается доказать историческими примѣрами, что римскіе и византійскіе императоры имѣли въ своихъ рукахъ власть свѣтскую и духовную. Исторія въ данномъ случаѣ была къ услугамъ Прокоповича. Для него труднѣе было утвердить тотъ же тезисъ принципіально; но онъ дѣлаетъ это съ большимъ искусствомъ. Ставя вопросъ, могутъ ли христіанскіе государи называться епископами и архіереями и въ какомъ смыслѣ, Ѳ. отвѣчаетъ на него такъ. Государи могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ, потому что государь есть высочайшая власть, «надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный, то - есть, имущій силу и повелѣнія, и крайняго суда и наказанія надъ всѣми себѣ подданными чинами и властьми, какъ мірскими, такъ и духовными». Государи могутъ называться и архіереями, но только въ томъ смыслѣ, какъ св. писаніе всякаго христіанина называетъ іереемъ, а не въ смыслѣ специальномъ, такъ какъ они не могутъ исправлять церковную службу. Но и сказаннаго было достаточно для Ѳеофановой цѣли: нужно было утвердить не право царя совершать богослуженіе, на что тотъ не претендовалъ, а право верховенства въ церковномъ управленіи, что, по Ѳеофану, было несомнѣнно. «Розыскъ» былъ напечатанъ въ С.-Петербургѣ въ 1721 г. «Розыскъ», между прочимъ, и косвенно направлялъ удары противъ патріаршества: въ немъ было множество выходокъ противъ папъ и папизма, съ которымъ въ глазахъ Петра и Ѳ-на сближалось патріаршество. Другой трактатъ Ѳ-на, напечатанный въ маѣ 1721 г., «О возношеніи имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ церквахъ россійскихъ оставлено», написанъ въ защиту распоряженія св. Синода, чтобы имени восточныхъ патріарховъ не возносить на богослуженіи, какъ то дѣлалось раньше. Распоряженіе это, конечно, вызвано было все тѣмъ же стремленіемъ искоренить у насъ патріаршія традиціи, о которыхъ напоминало упоминаніе о патріархахъ. Правительство предвидѣло, что названное новшество вызоветъ толки въ обществѣ, и Ѳ., имѣя ихъ въ виду, доказываетъ, что въ Россіи поминать патріарховъ вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ и въ Греціи они поминаются только въ мѣстахъ ихъ служенія, да и для русской церкви обиденъ этотъ символъ прежней зависимости отъ константинопольской патріархіи. Принципіальная защита синодальнаго распоряженія была, дѣйстви-

тельно, весьма кстати. Оно вызвало не только недовольство въ обществѣ, но и прямой протестъ президента Синода, Стефана Яворскаго. Однако сила была не на сторонѣ послѣдняго, и Синодъ сдѣлалъ своему президенту даже суровый выговоръ, найдя его возраженіе несправедливымъ и возмутительнымъ и запретивъ разглашать его, какъ опасное для государственной тишины и спокойствія.

Въ 1721 г. Ѳ., по порученію государя и отъ лица Синода, составилъ «Разсужденіе св. Синода о бракахъ правовѣрныхъ съ иновѣрными». Поводомъ къ написанію послужила жизненная потребность разрѣшить упомянутый вопросъ. Въ старой, московской Руси названные браки не допускались. Между тѣмъ наплывъ иноземцевъ въ Россію при Петрѣ I и старанія русскаго правительства удержать у насъ полезныхъ иностранцевъ поставили проблему, какъ быть относительно возможныхъ брачныхъ союзовъ ихъ съ русскими. По настоянію правительства, Синодъ издалъ (23-го іюня 1721 г. П. С. З. VI, 3798) указъ, разрѣшавшій иностранцамъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣры. Желая принципіально оправдать эту мѣру, Синодъ поручилъ Прокоповичу написать разсужденіе, въ которомъ Ѳ. доводами изъ св. писанія, отцовъ церкви и историческими примѣрами доказываетъ, что браки православныхъ съ иновѣрцами вѣрѣ не противны и не должны возбуждать «сумнительства». Разсужденіе было напечатано въ 1721 г. въ видѣ синодальнаго «посланія къ православнымъ» и разослано по всѣмъ епархіямъ; съ 1781 г. оно печатается при Духовномъ Регламентѣ (въ П. С. З.—VI, 3814).—Въ томъ же 1721 г. Ѳ. написалъ «Мнѣніе о правильномъ разводѣ мужа съ женою». Поводомъ было дѣло о разводѣ урожденной кн. Долгоруковой съ В. Ѳ. Салтыковымъ. Ѳ. высказываетъ тотъ взглядъ, что, во-первыхъ, несправедливо давать возможность требовать развода только мужу за прелюбодѣяніе жены, а не женѣ за прелюбодѣяніе мужа; во-вторыхъ, неблагоразумно и слишкомъ сурово не дозволять новаго вступленія въ бракъ виновной сторонѣ, что только подвергаетъ ее опасности новаго любодѣянія. Однако разрѣшеніе брака въ послѣднемъ случаѣ Прокоповичъ полагаетъ дѣлать съ большою осторожностью, чтобы не подать повода нарочно искать разводовъ, и предлагаетъ наказывать виновнаго или тѣлестно или судомъ гражданскимъ и церковной епитиміей. «Мнѣніе» Ѳ-на не было однако, утверждено Синодомъ, и оно не издано.—Ко времени около 1722 г. митр. Евгеній относитъ неизданное сочиненіе Ѳ-на: «Аргументы изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли попеченіе о церкви», составленное въ дополненіе къ «Розыску историческому».—На основаніи правилъ «Прибавленія» къ Регламенту о монашествѣ Ѳ. написалъ подробный уставъ для монаховъ Невскаго монастыря подъ заглавіемъ: «Изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невскаго монастыря». Уставъ дѣлится на четыре части, изъ которыхъ въ первой говорится о томъ, какъ монахи должны проводить время въ своихъ келіяхъ; во второй содержатся правила объ общей молитвѣ; въ третьей — правила поведенія въ трапезѣ; въ четвертой—обязанности намѣстника. Уставъ проникнутъ тѣмъ же духомъ недовѣрія къ современному монашеству, какой замѣтенъ во всѣхъ петровскихъ распоряженіяхъ о монахахъ. Напечатанъ уставъ былъ въ 1723 г., на листахъ, каждая глава порознь, при чемъ экземпляръ устава долженъ былъ висѣть въ каждой кельѣ. Въ цѣльномъ видѣ уставъ перепечатанъ въ «Описаніи С.-Петербурга» Богданова, изд. 1779 г., и во 2-й части «Исторіи Росс. іерархіи» м. Евгенія, Москва, 1810 г. — Въ 1724 г., 31 января, былъ изданъ знаменитый указъ, подъ именемъ «Объявленія» о монашествѣ (напеч. въ П. С. Зак. VII, 4450; П. С. Пост. и Расп. по вѣд. пр. исп., т. IV; у Чистовича, «Ѳеофанъ Прокоповичъ», въ Прилож.). Этотъ именной указъ, данный Синоду, содержитъ пространное изъясненіе, «когда и какой ради вины начался чинъ, монашескій, и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ, и како нынѣшнихъ исправить, хотя по нѣкоему древнихъ подобію, надлежитъ». Цѣль указа, какъ сказано въ немъ, подробно развить краткія правила о монашествѣ, содержащіяся въ «Прибавленіи» къ Регламенту. Указъ состоитъ изъ исторической части, въ которой изъясняется, что древнее монашество было совсѣмъ не похоже на современное, что тогда монахи трудились собственными руками, ничего не тре-

буя отъ мірянъ, а теперешніе монахи проводятъ жизнь въ праздности. «Нынѣшнее житіе монаховъ, говоритъ «Объявленіе», точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, и сколько забобоновъ раскольныхъ и возмутителей произошло, вѣдомо есть всѣмъ такожъ; прилежатъ же ли разумѣнію божественнаго писанія? всячески нѣтъ. А что, говорятъ, молятся, то и всѣ молятся. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину, токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть». Чтобы искоренить тунеядство, указъ и требуетъ устроить монашескую жизнь на новыхъ основаніяхъ, опредѣляя суровый монашескій режимъ, заставляющій монаховъ, хотятъ—не хотятъ, заниматься дѣломъ благотворенія и трудомъ и обращающій монастыри въ благотворительныя заведенія для отставныхъ и увѣчныхъ военныхъ, вдовъ и сиротъ. Указъ вызвалъ большое раздраженіе въ монашеской средѣ и усилилъ ненависть къ Ѳ-ну, котораго считали его авторомъ, какъ это видно изъ обвиненій Маркелла Родышевскаго. Однако Ѳ. не былъ его авторомъ въ полномъ смыслѣ слова, хотя его участіе и несомнѣнно. Когда по дѣлу Маркелла въ 1731 г. Кабинетъ потребовалъ у Ѳ-на извѣстія, кто составлялъ «Объявленіе» о монашествѣ, то Ѳ. такъ опредѣлилъ тутъ свою роль. По его словамъ, книга «Объявленіе» сочинена отчасти самимъ Петромъ Вел., отчасти имъ, Прокоповичемъ. Въ концѣ 1723 г. государь призвалъ къ себѣ Ѳ-на и показалъ ему упомянутое «Объявленіе», гдѣ многія мѣста были оставлены пустыми, и велѣлъ въ тѣ мѣста вписать свидѣтельства изъ древнихъ книгъ; равнымъ образомъ предоставилъ псковскому архіерею и вообще прибавить то, что тотъ найдетъ нужнымъ. По этому приказанію, Ѳ. подобралъ нужныя свидѣтельства отъ отцовъ и изъ исторіи, а нѣкоторыя мѣста написалъ вновь, особенно о монашескомъ трудолюбіи и опредѣленіе о монахахъ, готовящихся къ архіерейству. Можно съ вѣроятностью предположить, что Петръ далъ вообще Ѳ-ну руководящія отрывочныя замѣчанія, а обработка и редакція указа принадлежала Прокоповичу.—Въ 1730 г. Ѳ. написалъ, по случаю возбужденнаго вопроса о новомъ устройствѣ Синода, два разсужденія (представлены Синоду 20-го мая, см. въ Опис. д. и док. арх. св. Синода, т. X)—«О присутствованіи въ Синодѣ большему числу изъ архіереевъ» и «О бытіи въ Синодѣ непремѣннымъ членамъ». Въ рукописи извѣстны, упоминаемыя митр. Евгеніемъ, произведенія Ѳ-на: «Наставленіе священнику на докладъ его словесный о необычномъ грѣхопаденіи духовнаго его сына» и выписка свидѣтельствъ изъ св. писанія и церковныхъ правилъ о томъ, что побочныя дѣти, подкидыши и дѣти неизвѣстныхъ родителей не могутъ быть допущены въ св. чинъ (на лат. языкѣ).—Для учениковъ своей карповской школы Ѳ. написалъ въ 1727 г. «Уставъ», что надлежитъ дѣлать имъ по днямъ и часамъ, а въ 1732 г. написалъ еще прибавленіе къ этому уставу («Регулы семинаріи Ѳеофана Прокоповича» въ «Труд. Кіев. Д. Ак.» 1866 г., № 5).

Отъ Ѳ-на осталось два произведенія богослужебнаго содержанія: «Канонъ молитвенный о многолѣтномъ здравіи благочестивѣйшаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Россіи» (онъ былъ написанъ и напечатанъ въ 1721 г., какъ говорится въ его предисловіи, архіеп. Ѳеофаномъ по случаю болѣзни государя; потомъ онъ употреблялся въ царскіе дни) и «Благодарственное моленіе ко всещедрому Богу за премилостивый его промыслъ въ возведеніи на всероссійскій престолъ... Анны Іоанновны и во утвержденіи самодержавія ея, къ твердому россійской имперіи благосостоянію, явленный» (Спб. 1734 г.). Молебенъ этотъ совершался въ день восшествія Анны на престолъ (19 янв.) и въ день коронаціи (28-го апр.).

Неоднократно Ѳ. писалъ и по поводу раскольниковъ. Въ 1722 г. отъ имени Синода имъ было написано «Увѣщаніе» къ раскольникамъ, чтобы они безбоязненно являлись въ Синодъ для разсужденія о своихъ сомнѣніяхъ (СПБ. 1722 г.). Въ томъ же году напечатаны его «Отвѣты» о записныхъ и незаписныхъ раскольникахъ на пункты приказа церковныхъ дѣлъ. Противъ раскола главнымъ образомъ было направлено «Объявленіе съ увѣщаніемъ отъ св. Синода о продерзателяхъ, неразсудно на мученіе дерзающихъ» (напеч. 1722 г. въ Спб.), куда во-

шелъ частью вышеупоминаемый трактатъ Ѳ.-на о мученичествѣ. Въ 1724 г. издано разсужденіе Ѳ-на подъ заглавіемъ: «Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ» (въ 1784 г., Москва, вышло третье изданіе этой книги; затѣмъ она перепечатана была въ IV части сочиненій Ѳ-на, Москва, 1774 г., въ 1779 г. въ Москвѣ напечатанъ переводъ ея на латинскомъ языкѣ). Вопросъ о поливательномъ крещеніи занималъ еще московскихъ нашихъ предковъ, которые считали латинское поливательное крещеніе недѣйствительнымъ и при переходѣ католиковъ въ православіе требовали перекрещиванія. Между тѣмъ въ кіевской Руси съ запада было тоже заимствовано поливательное крещеніе, и потому съ наплывомъ духовныхъ малороссіянъ при Петрѣ въ Великороссію ревнители русской старины стали обвинять малороссійскихъ выходцевъ въ неправославіи. Особенно нападали на «обливанцевъ» старообрядцы. Съ цѣлью защитить малороссіянъ противъ предъявленнаго имъ обвиненія Прокоповичъ и написалъ свое разсужденіе, въ которомъ доказываетъ, что обливательное крещеніе столь же дѣйствительно, какъ и погружательное. Противное мнѣніе Ѳ-на считаетъ плодомъ невѣжества и, направляя свою полемику преимущественно противъ раскольниковъ, не щадитъ темныхъ красокъ для ихъ характеристики. За это сочиненіе Ѳ-на тоже порицали его враги. Въ 1725 г. напечатано (въ Спб.) Ѳеофаново «Увѣщаніе невѣждамъ», отъ лица Синода обращенное къ раскольникамъ. Въ 1731 г. Ѳ., по случаю поднятаго при Аннѣ Іоанновнѣ дѣла о присягахъ, написалъ направленное главнымъ образомъ противъ раскольниковъ же сочиненіе: «Разсужденіе о присягѣ или клятвѣ: подобаетъ ли христіанамъ присягать или клясться всемогущимъ Богомъ» (въ первый разъ издано въ 1734 г.; напечатано въ IV части сочиненій Ѳ-на, Москва, 1774 г., и отдѣльно—Москва, 1784 г.; Евгеніемъ Булгаромъ переведено на греч. языкъ). Побужденіе къ написанію книги изъяснено въ предисловіи такъ: «Понеже являются у насъ нѣкія безумныя, а чаю и къ раздиранію церковному нарочно устроенныя головы, которыя между прочими плевелами разсѣвать начали и то, будто клятися всемогущимъ Богомъ человѣку христіанину грѣхъ есть, и потому клятвенное обѣщаніе, которымъ россійскій народъ въ вѣрности къ государямъ своимъ себе обязуетъ, порицаютъ и хулятъ, яко дѣло богопротивное; того ради немалая нужда есть обличить таковыхъ безуміе яснымъ хулимой отъ нихъ истины показаніемъ». Отрицаніе присяги, по мнѣнію Ѳ-на, грозитъ государству развитіемъ мятежей и измѣны, и поэтому за него слѣдуетъ строго карать.—По поводу распространяемыхъ въ раскольнической средѣ мнѣній, что явился антихристъ въ лицѣ государей—гонителей раскола, особенно Петра I, Ѳ. въ 1735—1736 г.г. написалъ остающееся въ рукописи сочиненіе: «Показаніе прореченнаго прежде въ словесѣхъ Божіихъ, издавна уже явившагося въ мірѣ великаго антихриста, чрезъ характеры его, въ св. писаніи предложенныя, и по его явленіи отъ многихъ прешедшихъ лѣтъ узнанныя и нынѣ ясно видимыя на немъ». По словамъ митр. Евгенія, это сочиненіе раздѣляется на двѣ части, и въ первой безыменно исчисляются отличительныя свойства антихриста, означенныя въ св. писаніи, а во второй авторъ хотѣлъ примѣнить указанныя свойства къ римскому папѣ. Но трактатъ остался неоконченнымъ: написана лишь первая часть. Однако, нерѣдко направляя свое перо противъ раскола, Ѳ. далеко не былъ такимъ фанатичнымъ его гонителемъ, какъ многіе другіе іерархи его времени. Онъ смотрѣлъ на расколъ гораздо грубже, чѣмъ представители старо-церковной партіи, и, помимо невѣжества, видѣлъ въ расколѣ и нѣчто другое—протестъ вообще противъ новыхъ порядковъ. Въ отношеніяхъ къ расколу Ѳ. придавалъ главное значеніе государственной сторонѣ, какъ и Петръ Вел. Пока дѣло шло объ обрядово-церковныхъ разногласіяхъ, Прокоповичъ считалъ ихъ несущественными и находилъ возможнымъ оставить раскольниковъ въ покоѣ. Мѣры административныхъ взысканій онъ находилъ нужными лишь тогда, когда раскольники не подчиняются общему государственному порядку и становятся противниками правительства. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія фактъ, что сами раскольники выдѣляли Ѳ-на изъ среды другихъ архіереевъ и сохранили о немъ сравнительно хорошую память.

Особый разрядъ сочиненій Ѳ-на составляютъ сочиненія, написанныя имъ съ

педагогическою цѣлью. Сюда относится прежде всего «Первое ученіе отрокомъ», книга, написанная и напечатанная въ 1720 г. (затѣмъ она имѣла много изданій, какъ учебная книга). Она содержитъ въ себѣ букварь съ краткимъ объясненіемъ десяти заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и евангельскихъ блаженствъ. Книжка эта сдѣлалась обязательнымъ учебникомъ для дѣтей и разсылалась по всѣмъ епархіямъ, а св. Синодъ предписалъ имѣть ее у себя всякому священнику, діакону и причетнику, и «прилежно по сему заповѣди Божія съ толкованіемъ и прочее» выучивать, а также читать эту же книжку въ церквахъ, вмѣсто Ефрема Сирина, сборниковъ и нѣкоторыхъ прочихъ книгъ. «Первое ученіе» навлекло на Прокоповича опять нареканія въ неправославіи. Нѣкоторые называли его произведеніемъ, противнымъ духу православія, въ частности обвиняли автора за то, что ученіе о поклоненіи иконамъ изложено у него не такъ, какъ у Яворскаго въ «Камнѣ Вѣры», что весь порядокъ обученія не согласенъ съ прежними традиціями. Появилось безымянное возраженіе на книгу Прокоповича, авторомъ котораго былъ кн. Димитрій Кантеміръ. Возражатель обвинялъ Ѳ-на въ неправильномъ толкованіи догмата о первородномъ грѣхѣ, будто бы онъ видитъ причину зла въ природѣ человѣка; порицалъ его толкованіе заповѣдей и т. д. Ѳ., съ своей стороны, отвѣтилъ на эти возраженія въ особомъ письмѣ, которое должно было попасть въ руки Кантеміра. Въ 1727 г., когда возникъ вопросъ объ обученіи молодого государя Петра II, Ѳ., по предложенію Остермана, написалъ небольшое «Мнѣніе», «каковымъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ». Это программа преподаванія Закона Божія, сокращенно представляющая программу Ѳеофанова богословскаго курса, гдѣ сначала говорится о доказательствахъ бытія Божія и божественности св. писанія, затѣмъ опровергаются лжеученія и излагается положительное православное ученіе. «Мнѣніе» было напечатано въ изданной въ 1727 г. Остерманомъ книжкѣ «Расположеніе ученій Е. И. В. Петра Второго». Это сочиненіе Ѳ-на вызвало большія похвалы иностранцевъ. Бассевичъ писалъ, что составленный Ѳ-номъ планъ преподаванія богословія «заслуживаетъ удивленія и можетъ быть образцовымъ во всякой религіи». Шумахеръ высказывалъ пожеланіе, чтобы произведеніе Ѳ-на было переведено на нѣмецкій языкъ. Эти похвалы относились и къ написанному Ѳ-номъ нѣсколько позже краткому катихизису, подъ названіемъ: «Краткое ученіе христіанское малому отроку и невѣжѣ всякому прислужающее, бесѣдами учителя и ученика составленное». Здѣсь въ разговорной формѣ излагаются основныя истины христіанскаго вѣроученія. Сочиненіе это находится въ рукописи (Публ. Библ. изъ Собр. Погодина № 1175). Митр. Евгеній, упоминая объ этомъ сочиненіи, какъ рукописномъ, упоминаетъ, однако, въ числѣ изданныхъ сочиненій Прокоповича подобное же «Сокращенное христіанское ученіе, или краткія сказанія, 1-е о Богѣ, 2-е о Божіемъ Промыслѣ, 3-е о Законѣ Божіемъ», сочин. въ 1731 г. и напеч. въ 1761 г. въ Могилевѣ съ примѣч. Георгія Конисскаго и въ 1765 г. въ Спб. безъ таковыхъ примѣчаній. Повидимому, это тоже сочиненіе, что и въ рукописи, митр. же Евгеній упоминаетъ рукописное сочиненіе Ѳ-на «Краткое ученіе отрокомъ о причащеніи Тѣла и Крови Христовы, въ вопросахъ и отвѣтахъ».—Помимо этихъ педагогическихъ произведеній, извѣстны два опыта Прокоповича популяризировать нѣкоторые богословскіе вопросы. Оба они относятся еще къ кіевскому періоду дѣятельности Ѳ-на и написаны въ формѣ разговоровъ. Первый—«Разговоръ гражданина съ селяниномъ да пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ» посвященъ вопросу о преимуществахъ знанія предъ невѣжествомъ, особенно въ вопросахъ религіозныхъ. Другой—«Разговоръ тектона, сирѣчь древодѣля, съ купцомъ» трактуетъ о значеніи храма. Оба эти «Разговора» сохраняются въ рукописи (руск. И. П. Б. Q. I, 459).

Мы разсмотрѣли тѣ сочиненія Ѳ-на, въ которыхъ выразились въ большей или меньшей степени его богословскіе и церковные взгляды, и теперь для насъ необходимо рѣшить вопросъ, насколько же справедливы тѣ обвиненія въ неправославіи, какими противники Прокоповича преслѣдовали его всю жизнь? Ѳ-на обвиняли, какъ мы знаемъ, не въ чемъ иномъ, какъ въ протестантствѣ. Это обвиненіе столь упрочилось, что, еще цѣлый вѣкъ спустя, его офиціально повторялъ оберъ-прокуроръ Синода графъ Протасовъ, и оно не разсѣялось до сихъ поръ.

Однако, разбираясь въ подобныхъ нареканіяхъ, въ концѣ концовъ мы не видимъ ничего, кромѣ голословныхъ недоказанныхъ утвержденій. Ни какъ богословъ, ни какъ практическій церковный дѣятель Ѳ. не былъ неправославенъ.

Обвиненія Ѳ-на въ протестантскихъ убѣжденіяхъ покоились прежде всего на его сочиненіяхъ. Изъ дѣлъ Маркелла Родышевскаго видно, что собственно ему инкриминировали. Это—основные пункты протестантской доктрины-ученія объ оправданіи, о грѣхѣ, объ источникахъ вѣроученія, отрицаніе мощей, святыхъ и т. д. Но въ дѣйствительности въ сочиненіяхъ Прокоповича ни по одному изъ этихъ пунктовъ вовсе не проводится ученіе протестантское, а только отрицается та католическая тенденція, какая стала проникать въ наше богословіе черезъ кіевскихъ ученыхъ. Въ борьбѣ съ католичествующимъ направленіемъ Ѳ., естественно опирался нерѣдко на тѣ аргументы, какіе приводили и протестанты, пользовался сочиненіями протестантскихъ ученыхъ, выдвигалъ ту точку зрѣнія, какая была противоположна католической и для католичествующаго богословія сближалась съ протестантствомъ. Въ отдѣльныхъ выраженіяхъ при этомъ можно было усмотрѣть и что-либо не совсѣмъ правильное въ православномъ смыслѣ. Этого не отрицалъ самъ Ѳ. и откровенно предлагалъ своимъ слушателямъ и читателямъ указать ошибки, ни мало не настаивая на нихъ, разъ онѣ будутъ доказаны. Въ предисловіи къ первому своему богословскому трактату онъ пишетъ: «Если бы мнѣ случилось сказать что-нибудь, не подтверждаемое свидѣтельствомъ Слова Божія или основанное на свидѣтельствѣ, не хорошо понятомъ или къ дѣлу не относящемся: все это пусть отбросится, какъ подозрительное, нечистое и ложное... Этого я прошу и требую и заранѣе объ этомъ заявляю». Такой открытый вызовъ не могъ сдѣлать человѣкъ, сознающій свое расхожденіе съ православной доктриной, что, конечно, было бы у Ѳ-на, если бъ онъ имѣлъ протестантскія убѣжденія. Вотъ почему, при безпристратномъ разборѣ его произведеній, найти въ нихъ доказательство его неправославія невозможно. Ни въ одномъ пунктѣ православнаго вѣроученія онъ не отступаетъ отъ православнаго, въ собственномъ смыслѣ, взгляда, хотя, конечно, отступаетъ отъ взглядовъ тѣхъ православныхъ богословъ, которые окрашивали свои воззрѣнія въ католическую окраску. Напротивъ, когда вопросъ ставился прямо о протестантствѣ, то Ѳ. ревностно выступалъ противъ его заблужденій. Его апологія кіевскихъ мощей, письмо къ Малярду, объясненія на пункты его обвинителей ясно показываютъ, что онъ опредѣленно отгораживалъ себя отъ протестантизма и отнюдь не смѣшивалъ православія съ послѣднимъ. Конечно, всегда можетъ высказываться сомнѣніе, что Ѳ. могъ быть въ послѣднихъ случаяхъ и не вполнѣ искрененъ, что на самомъ дѣлѣ онъ держался и не тѣхъ взглядовъ, какіе позволялъ себѣ высказывать офиціально, что, словомъ, его симпатіи къ протестантству шли дальше тѣхъ границъ, которыя опредѣляются его сочиненіями. Однако подобныя подозрѣнія уже не имѣютъ научнаго значенія. Тогда съ такимъ же правомъ можно подозрѣвать, что Стефанъ Яворскій и люди его направленія были скрытыми католиками. Между тѣмъ всего справедливѣе остановиться именно на томъ предположеніи, что ни католичествующіе представители нашей богословской мысли, въ родѣ Стефана Яворскаго, ни протестантствующіе, въ родѣ Прокоповича, не были неправославными. Въ ихъ пріемахъ, техникѣ, аргументаціи, детальныхъ воззрѣніяхъ сказалась извѣстная школа, извѣстная наклонность богословскаго мышленія, противоположная для двухъ этихъ направленій. Но они не сходили съ почвы православнаго ученія даже въ пунктахъ наибольшаго взаимнаго расхожденія. Таковъ выводъ такого вдумчиваго изслѣдователя богословскихъ сочиненій Ѳ-на и Стефана, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Таковъ единственный выводъ и изъ того факта, что наша церковь, отдѣльные представители которой не скупились на обвиненія Прокоповича въ неправославіи, въ цѣломъ, однако, не согласилась съ подобными обвиненіями и одинаково считаетъ православными обоихъ этихъ представителей нашей богословской науки XVIII вѣка.

Столь же несправедливо обвинять Прокоповича въ неправославіи и на основаніи его церковно-законодательной дѣятельности. Въ данномъ случаѣ, конечно, обвиненіе затрагиваетъ не только Ѳ-на, а всю петровскую церковную реформу. Обвинители говорятъ, что она исходила изъ протестантскихъ началъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ преобразованіе высшаго

церковнаго управленія, мѣры противъ ханжества, лицемѣрія, ложныхъ мощей, чудесъ и т. п. и по отношенію къ монашеству. Однако обвиненіе опять совершенно необоснованное. Что новое коллегіальное церковное управленіе заведено было въ Россіи отчасти по образцу протестантскихъ церковно-правительственныхъ учрежденій, это правда. Правда также, что самая идея реформы стоитъ въ связи съ знакомствомъ Петра съ западно-протестантскими порядками. Но отсюда еще ничего не слѣдуетъ относительно ея неправославности. Одна и та же форма управленія можетъ уживаться и въ православной церкви и въ протестантской, какъ можетъ уживаться въ православіи форма католическая. Все дѣло въ томъ, согласна ли она съ основными православными принципами. Въ этомъ же отношеніи православіе вообще очень терпимо къ разнымъ внѣшнимъ порядкамъ, лишь бы было соблюдено главное условіе— трехчленная іерархія. На это условіе никто у насъ при Петрѣ не посягалъ, а самъ по себѣ Синодъ былъ столь же православнымъ учрежденіемъ, какъ и патріаршество. Свойство новизны не есть признакъ неправославности. Достаточно указать уже на то, что и нашъ Синодъ и появившіеся затѣмъ синоды другихъ православныхъ церквей были признаны православными всей восточной церковью; стало быть, пришлось бы обвинить и послѣднюю въ неправославіи, обвиняя Прокоповича. Правда, это вовсе не значитъ, что синодальный строй былъ строемъ вполнѣ каноническимъ, отвѣчающимъ лучшимъ традиціямъ церкви. Но это свойство его зависѣло уже не отъ петровскихъ собственно вѣяній, а отъ общаго отношенія церкви къ государству, опредѣлившагося гораздо ранѣе Петра. Петра и Ѳ-на упрекаютъ за то, что они утвердили протестантское начало главенства государства надъ церковью. Однако тутъ простое недоразумѣніе. Главенство государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ упрочилось у насъ еще во времена московскаго патріаршества, и если оно особенно рѣзко выразилось въ петровскихъ преобразованіяхъ, то это зависѣло не отъ протестантскаго духа, а отъ другихъ причинъ. Борьба съ религіознымъ ханжествомъ и разными ложно-религіозными проявленіями тоже не заключаетъ въ себѣ ничего неправославнаго. Вѣдь никто не боролся съ почитаніемъ святыхъ, мощей, иконъ и т. п. самихъ по себѣ, а правительство боролось только съ разглашеніемъ мнимыхъ чудесъ и мощей и проч., т. е. съ эксплоатаціей религіознаго чувства разными шарлатанами. Что же тутъ достойно порицанія, и не обязанность ли это каждой православной церковной власти? Русскимъ ревнителямъ старины казалось иначе, но это было уже ихъ ослѣпленіе. Наконецъ, Прокоповича наиболѣе ненавидѣли и обвиняли монахи за его анти-монашескія административныя мѣропріятія, приписывая ему даже намѣреніе все монашество истребить. Однако здѣсь уже болѣе всего видно проявленіе безсильной злобы. Можно допустить даже, что Ѳ. смотрѣлъ на монашество по существу отрицательно, не считая его наивысшей формой христіанской жизни. И въ этомъ нѣтъ ничего неправославнаго, такъ какъ монашество не есть догматъ, а просто обычай, установленіе, не имѣющее значенія для вѣры. Но Ѳ. вовсе монашества не отрицалъ (что было бы для него и странно, такъ какъ онъ самъ былъ монахъ), а только смотрѣлъ на этотъ институтъ съ идеальной точки зрѣнія, понималъ его такъ, какъ понимали его первые основатели монашества. Со стороны такого идеала, единственно правильнаго, и Петръ и Ѳ. были совершенно правы въ отрицательномъ отношеніи къ существующимъ формамъ монашеской жизни, въ большинствѣ случаевъ представлявшей мало общаго съ истиннымъ монашествомъ. Ни въ одномъ указѣ петровскаго времени о монашествѣ не высказано болѣе, чѣмъ могли бы сказать всѣ истинные монахи. Значитъ, упрекъ въ протестантствѣ на этой почвѣ опять не обоснованъ, какъ бы ни смотрѣть на петровскія мѣропріятія по отношенію къ монашеству, съ точки зрѣнія исторической и практической. Вообще, если Ѳ., какъ реформаторъ и церковный дѣятель, можетъ быть названъ протестантствующимъ, то не въ большей степени, чѣмъ его обвинители и противники могутъ быть названы католичествующими. Съ точки зрѣнія же чистаго христіанства нерѣдко приходится признать дѣятельность Прокоповича гораздо болѣе православной, чѣмъ домогательства и стремленія его противниковъ.

Не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ въ обла-

сти богословской литературы, Ө. Прокоповичъ занимаетъ въ области проповѣдничества. Проповѣдническій талантъ, какъ мы видѣли, и выдвинулъ Ө-на на первыхъ шагахъ его высокой карьеры. И въ проповѣдничествѣ Прокоповичъ былъ незауряднымъ ораторомъ, хотя бы и талантливымъ, а былъ въ нѣкоторомъ родѣ реформаторомъ, новаторомъ, прокладывающимъ новые пути. Чтобы лучше понять и оцѣнить эту дѣятельность Ө-на, нужно обратиться сначала къ его ораторской теоріи, изложенной имъ еще въ Кіевѣ въ бытность преподавателемъ реторики. Плодомъ его занятій реторикой былъ учебникъ реторики на лат. языкѣ, подъ названіемъ «Правила реторическія» (сост. въ 1706 г.), во многомъ замѣчательный, но нигдѣ, однако, не изданный полностью (списки его находятся въ библіотекѣ Кіевской дух. академіи. Кіево-Михайловскаго монастыря, черниговской, новгородской и вологодской семинарій; отрывки напечатаны въ «Труд. Кіевск. дух. Ак.» 1865 г., Т. I, № 4, стр. 614—637, въ ст. Н. Петрова: «Выдержки изъ рукописной риторики Ө. Прокоповича»). Въ своей реторикѣ Ө. возстаетъ противъ авторитетовъ стараго южно-русскаго проповѣдничества, подражавшаго главнымъ образомъ католическимъ образцамъ. Искусственные пріемы латинопольской реторики вызывали у Прокоповича злостную насмѣшку. «Самый обыкновенный недугъ нашего времени, говоритъ Ө., есть тотъ, который мы можемъ назвать курьезнымъ слогомъ, потому что въ числѣ другихъ средствъ для пріобрѣтенія ученой знаменитости ученые хвастуны особенно усваивали себѣ манеру выражаться какъ можно удивительнѣе и необыкновеннѣе. Потому они и выдумываютъ курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія, и спрашиваютъ, почему въ имени Пресвятой Дѣвы или Іисуса находится пять буквъ, почему что-нибудь сдѣлано или написано такъ, а не иначе? Задержавъ бѣдныхъ слушателей нѣсколько времени безсмысленной проволочкой, ораторы наконецъ выпрямляются, приходятъ въ восторгъ, одушевляются и, поддерживаемые вниманіемъ невѣжественной толпы, съ натянутою важностью и отвислыми щеками начинаютъ изрекать свое, въ высшей степени нелѣпое, прорицаніе. Ибо, что можетъ быть нелѣпѣе, напримѣръ, такого оборота: одинъ проповѣдникъ, произнося похвалу Богородицѣ, спросилъ слушателей, какъ имъ кажется, почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибали, однѣ рыбы избѣжали этой гибели? Вотъ о чемъ онъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ! И мужики, если бы нужно было, готовы были бы отвѣчать: неужели, любезный отче, тебѣ кажется удивительнымъ, что рыбы не погибаютъ въ водѣ? Но проповѣдникъ, какъ мужъ мудрый, не считаетъ для себя приличнымъ разсуждать такъ просто. Онъ отвѣчаетъ, что это случилось потому, что рыбы заключаются въ имени Богородицы, ибо Марia созвучно съ словомъ mare во множественномъ числѣ. О, остроуміе, не лучшее глупости рыбъ!» Другимъ недостаткомъ польскихъ проповѣдниковъ Ө. считаетъ употребленіе неприличныхъ шутокъ. Вмѣсто такихъ искусственныхъ пріемовъ, Прокоповичъ совѣтуетъ проповѣднику говорить просто и опираться преимущественно на изученіе св. писанія, при чемъ въ послѣднемъ слѣдуетъ искать прямого, а не таинственнаго смысла; затѣмъ онъ требуетъ отъ проповѣдника изученія и отцовъ церкви, рекомендуя преимущественно Златоуста, и предостерегаетъ отъ католическихъ авторитетовъ. «Не приводи мнѣ, говоритъ онъ, свидѣтельствъ ни Өомы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечестивой секты людей,—ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія». Вмѣсто примѣровъ изъ исторіи и миөологіи, каковые любили польскіе и южно-русскіе проповѣдники, Прокоповичъ совѣтуетъ пользоваться примѣрами изъ житій святыхъ, особенно русскихъ, что полезно и въ патріотическомъ отношеніи. Ө. не одобрялъ также пристрастія къ похвальнымъ рѣчамъ, замѣчаемаго у многихъ проповѣдниковъ и риторовъ. Онъ находитъ, что этотъ родъ краснорѣчія—второстепенный и рекомендуетъ пользоваться имъ умѣренно, въ случаяхъ, дѣйствительно заслуживающихъ вниманія. Виды церковнаго краснорѣчія Ө. дѣлитъ на три разряда: краснорѣчіе изъяснительное, совѣщательное и обличительное. Изъяснительное краснорѣчіе примѣняется въ панегирикахъ, въ рѣчахъ на торжественные случаи и на праздники. Совѣщательное краснорѣчіе—нравоучительное, оно состоитъ изъ доказательствъ и убѣжденій слѣдовать добродѣтели и избѣгать пороковъ. Обли-

чительное краснорѣчіе направляется въ осужденіе пороковъ, грѣховъ и заблужденій. Онъ не исключаетъ совсѣмъ и шутливаго тона изъ проповѣди, но только допускаетъ его съ ограниченіями: именно, таковой тонъ позволителенъ, когда слушатели, видимо, утомлены, для возбужденія вниманія, но онъ не долженъ касаться священныхъ предметовъ, и прибѣгать къ нему нужно, какъ можно рѣже. Въ своей реторикѣ Ѳ. говоритъ и о другихъ родахъ краснорѣчія — судебномъ, исторіографическомъ (этотъ отдѣлъ впервые введенъ Ѳ-номъ). Въ отдѣлѣ о слогѣ Прокоповичъ признаетъ три вида его—высокій, средній и низкій, каковые признавалъ и Ломоносовъ.

Школьная реторика Ѳ-на не имѣла, конечно, широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что она не была напечатана. Но Ѳ. не ограничился ею въ развитіи своихъ взглядовъ на проповѣдничество. Въ своей послѣдующей законодательной дѣятельности онъ имѣлъ случай возвратиться къ своимъ воззрѣніямъ на проповѣдь и дать и имъ практически-законодательное примѣненіе. Признавая за проповѣдничествомъ жизненное значеніе и стараясь сдѣлать его безыскуственнымъ и доступнымъ пониманію всѣхъ, Прокоповичъ вполнѣ былъ солидаренъ съ Петромъ Великимъ. Петръ былъ на этотъ счетъ самыхъ утилитарныхъ взглядовъ и требовалъ отъ представителей духовенства, чтобы они помогали правительству, разъясняя народу съ церковной каѳедры правительственныя распоряженія и поучая народъ практическимъ истинамъ христіанскаго благочестія. Такую проповѣдь государь высоко цѣнилъ, а витіиственное краснорѣчіе, хотя одобрялъ, но не считалъ особенно полезнымъ. Въ «Духовномъ Регламентѣ», въ статьѣ о проповѣдникахъ, Прокоповичъ и высказалъ практическія требованія отъ проповѣдниковъ. Регламентъ предписываетъ проповѣдывать «твердо, съ доводовъ св. писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина»; истреблять суевѣріе, вкоренять въ сердца людскія страхъ Божій. Излагая въ популярномъ видѣ свои риторическія правила, Ѳ. и тутъ не упустилъ случая упрекнуть иныхъ проповѣдниковъ за нѣкоторые внѣшніе пріемы проповѣди: «Безумно творятъ проповѣдницы, которые брови своя поднимаютъ и движеніе раменъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое приговариваютъ, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются... Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ веселомъ гребетъ; не надобно руками сплескивать, въ бока упираться, подскакивать, смѣяться, да не надобно и рыдать. Но, хотя бы и возмутился духъ, надобно елико можно унимать слезы, вся бо сія лишняя, и не благообразна суть, и слушателей возмущаютъ». Комѣ наставленій Регламента, Ѳ. около 1726 г. спеціально написалъ еще небольшое сочиненіе: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ» (Напечатано въ IV части «Богословскихъ сочиненій» Ѳ-на, Москва 1774 г., и отдѣльно, М. 1784 г.). Темами проповѣдей здѣсь указаны—разъясненіе догматовъ христіанскихъ, увѣщаніе не проводить праздники въ пьянствѣ и безчинствахъ, не призывать всуе имя Господне и не присягать ложно, не боготворить иконы, не вѣрить въ суевѣрныя примѣты, не измышлять ложныхъ чудесъ, видѣній и т. п. Между прочимъ, указана тема «о ненавидѣніи иноземныхъ людей, за едино то, что иноземные они». Какъ видно, Ѳ. хотѣлъ направить проповѣдничество не только по пути отвлеченнаго нравоученія, а навстрѣчу требованіямъ современной жизни и возбуждаемымъ ею вопросамъ.

Такимъ образомъ Ѳ. въ теоріи проповѣди возсталъ противъ школы XVII стол. за подражаніе западнымъ образцамъ, за отчужденіе ея отъ жизни, за искусственно-драматическое изложеніе. Онъ хотѣлъ дать духовному краснорѣчію новое направленіе, связать его съ жизнью и освободить отъ искусственныхъ элементовъ. Въ своихъ собственныхъ проповѣдяхъ Прокоповичъ, дѣйствительно, въ большей или меньшей степени, и воплощалъ свои взгляды на проповѣдь. Онъ съ особенной готовностью усвоилъ мысль преобразователя о государственномъ служеніи проповѣдничества и въ своихъ проповѣдническихъ выступленіяхъ явился преимущественно апологетомъ и истолкователемъ дѣлъ Петровыхъ, изъясняя ихъ значеніе и пользу. Ни одно изъ событій петровскаго царствованія, ни одна изъ одержанныхъ имъ побѣдъ, ни одна изъ важныхъ реформъ его времени не прошли безъ того, чтобы Ѳ. не отозвался на

нихъ съ церковной каѳедры. Изъ проповѣдей Ѳ-на многія замѣчательны и обратили въ свое время на себя особое вниманіе. Таковы: «Привѣтственное слово», сказанное Ѳ-номъ государю въ Кіевѣ 5-го іюля 1706 г., при первой встрѣчѣ Ѳ-на съ монархомъ. Похвальное слово, произнесенное по случаю Полтавской побѣды въ присутствіи Петра, переведено было на латинскій языкъ и тогда же напечатано. Проповѣдь, произнесенная 24-го ноября 1717 г., въ день именинъ императрицы, на текстъ: «Крѣпка, яко смерть, любы». Проповѣдь 6-го апрѣля 1718 г., произнесенная въ связи съ дѣломъ царевича Алексѣя: «Слово въ недѣлю цвѣтную о власти и чести царской, яко отъ самого Бога въ мірѣ учинена есть и како почитати царей и онымъ повиноватися людіе долженствуютъ; кто же суть, и коликій имѣютъ грѣхъ противляющіеся имъ». Слово въ день Александра Невскаго, произнесенное въ 1718 г., на текстъ: «Учителю благій, что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую?» «Слово похвальное о флотѣ россійскомъ и о побѣдѣ, галерами россійскими надъ кораблями шведскими іюля 27 полученной», произнесенное въ присутствіи царя 8-го сентября 1720 г. Слово 28-го января 1722 г., произнесенное въ Москвѣ во время торжествъ по случаю Ништадтскаго мира, изъясняющее значеніе окончившейся войны. Двѣ проповѣди на смерть Петра Великаго—въ день погребенія его 1-го марта 1725 г. и въ день Петра и Павла того же года; здѣсь блестящая характеристика всей дѣятельности Петровой. Надгробное слово Екатеринѣ I, произнесенное 16-го мая 1727 г. Рѣчь въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, 28-го апрѣля 1730 г., и слово тоже въ день коронаціи, произнесенное въ 1732 г., на текстъ: «Воздадите кесарева кесареви». Замѣчательное слово произнесъ Ѳ. и въ день коронаціи въ 1734 г., сказанное въ пользу монархіи вообще. Проповѣди Ѳ-на большею частью печатались тотчасъ же по ихъ произнесеніи. Въ 1760, 1761 и 1765 гг. издано было въ СПБ. собраніе Ѳеофановыхъ проповѣдей подъ названіемъ «Поученія и рѣчи», въ 3-хъ частяхъ; въ первой части помѣщено 14 словъ и рѣчей, во 2-й—17 словъ, въ третьей—27 словъ и рѣчей (въ «Хр. Чт.» 1826 г. напечатано три слова Прокоповича; въ «Рус. Вѣстн.» 1841 г.—рѣчь на бракосочетаніе ц. Анны Петровны). Всѣ эти проповѣди были сказаны на рус. языкѣ; но нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: панегирикъ на Полтавскую побѣду, надгробное слово Петру Великому, поздравительная рѣчь при вступленіи Анны на престолъ были переведены самимъ же Ѳ-номъ на латинскій языкъ. Совершенно особую группу проповѣдей Ѳ-на составляютъ его 6 «монашескихъ (или аскетическихъ) проповѣдей». Проповѣди эти говорены въ Кіевѣ на польскомъ языкѣ и напечатаны на немъ въ изданіи Давида Нащинскаго «Miscellanea sacra», подъ названіемъ «Orationes asceticae»; на рус. языкѣ онѣ напечатаны въ III-й части «Словъ и рѣчей» Ѳеофана, а нѣкоторыя еще въ «Христ. Чт.» 1826 г. «Аскетическія проповѣди»—въ сущности популярное изложеніе трактатовъ о разныхъ богословскихъ вопросахъ: въ первой изъ нихъ опровергается католическое ученіе о чистилищѣ, во второй говорится о всевѣдѣніи Божіемъ, въ третьей—о покаяніи, въ четвертой—о любви къ Богу, въ пятой—о ненавидѣніи грѣха и въ шестой—о множествѣ осужденныхъ.

Насколько же Ѳ-ну въ своемъ собственномъ проповѣдническомъ творчествѣ удалось воплотить тѣ требованія, которыя онъ предъявлялъ къ проповѣднику, помимо отклика на событія современности, что для него, конечно, несомнѣнно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ изученіе Ѳеофановыхъ проповѣдей. Ю. Ѳ. Самаринъ, авторъ извѣстной диссертаціи о Прокоповичѣ и Яворскомъ, такъ характеризуетъ Ѳ-на—проповѣдника. «Проповѣди Ѳеофана Прокоповича значительно разнятся отъ произведеній прежней школы и во многихъ отношеніяхъ гораздо ихъ выше. Даже на первыхъ его проповѣдяхъ, читанныхъ имъ въ Кіевѣ, лежитъ отпечатокъ совершенно новаго стиля. Во-первыхъ, много значитъ отсутствіе обыкновенныхъ въ то время недостатковъ. Въ развитіи основной мысли нѣтъ натяжки; нѣтъ усилія отыскать что-нибудь неожиданнаго, новаго и труднаго; рѣже попадаются неумѣстныя повѣствованія и цитаты; описаній, аллегорій, символическихъ образовъ и риторическихъ фигуръ гораздо менѣе; драматизма и элемента комическаго почти вовсе не встрѣчается. Наконецъ, изложеніе очищено отъ всего грубаго, рѣзкаго, оскорбительнаго. Избравши текстъ догматическій, нравственный или историческій, Ѳ. Прокоповичъ всегда обнимаетъ его во всей полнотѣ, углубляется въ

его прямой смыслъ и строго его придерживается, безъ всякихъ уклоненій въ стороны. Раздѣленіе слова на части обыкновенно бываетъ просто, не многосложно и условливается самимъ содержаніемъ. Слѣдуя правилу, имъ самимъ утвержденному, Ѳ. Пр. заимствуетъ доказательства почти исключительно изъ Священнаго Писанія; каждая мысль замыкается у него текстомъ. Историческіе примѣры, сравненія и уподобленія встрѣчаются рѣдко. Обыкновенно онъ старается объ одномъ: доказать согласіе своей мысли съ текстомъ. При объясненіи текстовъ онъ приводитъ параллельныя мѣста, сравниваетъ одни съ другими, опровергаетъ возможныя возраженія, придерживаясь постоянно буквальнаго смысла, толкуя Писаніе изъ самого Писанія. Этотъ методъ даетъ нѣкоторымъ изъ проповѣдей его большое сходство съ учеными протестантскими трактатами... Художественный элементъ въ проповѣдяхъ Ѳ-на Пр. мало развитъ. Даже обыкновенныя риторическія фигуры Ѳ. употребляетъ умѣренно. Его изложеніе отличается ясностью, точностью, опредѣлительностью. Онъ воздерживается отъ украшеній, не содержащихъ въ себѣ ничего поучительнаго. Тонъ его проповѣдей ровенъ, часто сухъ и однообразенъ; иногда ощутительно бываетъ присутствіе живого чувства, но почти всегда сосредоточеннаго, сдержаннаго и никогда не доходящаго до сильнаго порыва... Впрочемъ, мы не должны забывать, что, получивъ образованіе, одинаковое со своими современниками, отъ однихъ и тѣхъ же учителей и по однимъ правиламъ, онъ долженъ былъ, въ извѣстной степени, заплатить дань общимъ понятіямъ и вкусу своего времени. Нѣкоторыми чертами, изрѣдка попадающимися въ его проповѣдяхъ, онѣ связываются съ прежнею школою, которой Ѳ. Прокоповичъ положилъ конецъ. Такъ, напримѣръ, въ проповѣди въ недѣлю православія мы встрѣчаемъ натянутое въ высшей степени и очень неудачное приложеніе повѣствованія о Раавѣ, жительницѣ Іерихона, къ православной церкви... Иногда попадаются тривіальныя выраженія и обороты... Должно, однако, замѣтить вообще, что даже тривіальныя выходки и простонародныя выраженія у Ѳ-на Прок. имѣютъ характеръ отличный отъ тѣхъ же недостатковъ у другихъ проповѣдниковъ и вообще не въ такой степени оскорбительны. Во-первыхъ, тонъ его проповѣдей менѣе напыщенъ и ближе подходитъ къ разговорному языку, такъ что переходъ отъ слога торжественнаго къ простонародному не такъ крутъ. Во-вторыхъ, въ уклоненіяхъ и недостаткахъ Ѳ. Прокоповича все-таки чувствуется присутствіе жизни, виденъ живой человѣкъ, способный забыться, придти въ гнѣвъ или разсмѣяться и сказать лишнее слово; тогда какъ у Стефана Яворскаго и у другихъ проповѣдниковъ, при тѣхъ же темныхъ сторонахъ, нѣтъ этой жизни. Но главное положительное достоинство проповѣдей Ѳеофановыхъ, то, которое обличаетъ въ нихъ новое направленіе, есть ихъ современность, ихъ живое отношеніе къ дѣйствительности. Ѳ. хорошо зналъ состояніе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа. Онъ внимательно слѣдилъ за его развитіемъ, не спускалъ съ него глазъ, вслушивался въ его толки и ничѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Ѳ-на направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, ироніи и самой язвительной сатиры... Нельзя не замѣтить, что иронія и сатирическое начало, проглядывающее въ проповѣдяхъ Ѳ-на, напоминаетъ писателей первыхъ временъ реформаціи. Они также имѣли дѣло съ устарѣлыми понятіями, предразсудками, съ невѣжествомъ упорнымъ въ отрицаніи всякаго совершенствованія, и также смотрѣли на все это съ чувствомъ своего превосходства, своей силы, ручавшейся за успѣхъ борьбы. Чувство соболѣзнованія къ противникамъ и вмѣстѣ досада на продолженіе ихъ неразумнаго сопротивленія— вотъ тѣ условія, въ которыхъ находились и Ѳеофанъ Прокоповичъ и первые реформаторы западные. Очень понятно, что изъ нихъ могло возникнуть сатирическое начало».

Новое направленіе церковной проповѣди, указанное Ѳ-номъ, не осталось безъ послѣдователей. Прокоповичъ создалъ, можно сказать, цѣлую проповѣдническую школу, около него группировались другія духовныя лица, усвоившія тѣ-же пріемы. Таковы,

напримѣръ, Гавріилъ Бужинскій, Ѳеофилъ Кроликъ, Симонъ Кохановскій. Это были подражатели Ѳ-на, хотя и съ меньшею силою таланта. Но вся эта школа и особенно глава ея—Ѳ. подвергались нападкамъ противной стороны, представителей стараго направленія, которые не преминули и здѣсь обвинить Ѳ-на въ недостаточно чистыхъ церковныхъ понятіяхъ. Извѣстный Маркеллъ Родышевскій на регламентскія замѣчанія о неприличіи проповѣднику плакать писалъ, напримѣръ: «Павелъ Великій апостолъ и учитель глаголетъ въ Дѣяніяхъ гл. 20: «сего ради будите поминающе, яко три лѣта нощь и день непрестанно уча со слезами единаго коегождо васъ». И не говорилъ самъ и никто о немъ и тогда и послѣ не поносилъ его, и лишнимъ сего не нарицалъ, что онъ плакалъ, и неблагообразнымъ, а тѣмъ, что онъ плакалъ, наставлялъ же слушателей своихъ словесъ, а не возмущалъ: то и проповѣднику, плачущемуся и наставляющему народъ со слезами и со умиленіемъ, сіе не должно бы быть поносимо, но паче похваляемо».

Ѳ. Прокоповичъ былъ писателемъ не только церковнымъ, но и свѣтскимъ. Богословско-литературная и проповѣдническая дѣятельность не исчерпывали его многосторонняго таланта. Отъ него осталось не мало произведеній свѣтскаго характера и самаго разнообразнаго содержанія. Сюда прежде всего надо отнести плоды его занятій піитикой въ Кіевской академіи. Отъ него остался латинскій курсъ піитики, сочиненный имъ въ 1705 г. для учениковъ и изданный только впослѣдствіи въ 1786 г. преосв. могилевскимъ Георгіемъ Конисскимъ въ Могилевѣ подъ заглавіемъ: «De arte poetica libri tres, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kioviae in Orthodoxa Akademia Mohyleana Anno Domini 1705». Въ области теоріи поэзіи, какъ и риторики, Ѳ. пытался ввести нѣчто новое по сравненію съ прежнимъ схоластическимъ направленіемъ. До него «наука стихотворства» въ іезуитскихъ школахъ и въ Кіевской академіи представляла собою собраніе правилъ, касавшихся почти исключительно формы, а не содержанія поэтическихъ произведеній. Піиты XVII вѣка занимались главнымъ образомъ версификаціей, т. е. искусствомъ составленія стиховъ, придумывая разныя причудливыя формы и не обращая вниманія на содержаніе. Отсюда возникли разные акростихи, анаграммы, стихи, читаемые снизу вверхъ и съ другихъ сторонъ, стихи, написанные въ формѣ креста, звѣзды и т. п. На эти упражненія тратилось много времени и добиться въ нихъ наибольшаго искусства считалось большимъ преимуществомъ. Ѳ. Прокоповичъ, хотя и самъ не вполнѣ отрѣшился отъ традицій этой школы, но тѣмъ не менѣе во многомъ надъ ней возвысился. Онъ старался очистить теорію поэзіи отъ искусственныхъ схоластическихъ измышленій, внести сюда побольше здраваго смысла и естественности. Онъ возстаетъ противъ излишнихъ украшеній стихотворнаго слога, противъ злоупотребленія символами и аллегоріями; обращеніе къ языческимъ богамъ и упоминаніе ихъ именъ, нерѣдко практикуемыя піитами, онъ считалъ даже неприличнымъ для христіанскихъ писателей, рекомендуя лучше заимствовать символы и сравненія изъ св. писанія. При составленіи своего курса піитики Ѳ. пользовался и іезуитскими руководствами Понтана и Фаміана Страды, но главнымъ его руководителемъ былъ Скалигеръ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ во Франціи и Германіи въ XVI в. Высказываясь противъ стихотворныхъ фокусовъ, Ѳ. рекомендуетъ своимъ ученикамъ внимательно изучать образцовыхъ писателей—въ области эпоса—Гомера, Виргилія, Тасса, въ лирикѣ—Горація, Овидія, Катулла, въ драмѣ и комедіи—Сенеку, Плавта, Теренція. Подобно другимъ преподавателямъ піитики и питомцамъ тогдашней школы, Ѳ. не ограничивался одной теоріей поэзіи, да и не могъ ограничиваться. По обычаю того времени, ему приходилось примѣнять свое піитическое искусство и на практикѣ. Сочиненіе стиховъ было тогда занятіемъ даже обязательнымъ въ положеніи Ѳ-на, такъ какъ каждый торжественный случай было принято привѣтствовать стихами. Памятникомъ стихотворства Ѳ-на осталась прежде всего его большая «трагедокомедія», написаная въ 1705 г., подъ заглавіемъ: «Владиміръ, славянороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ Святымъ». Это произведеніе во многомъ казалось новымъ для того времени. Комическій элементъ въ немъ не былъ выдѣленъ въ отдѣльныя интермедіи, какъ то обычно дѣлалось, а проникалъ все произведеніе.

Выборъ сюжета изъ русской исторіи тоже казался необычнымъ, потому что сюжетами комедіи были или отвлеченныя разсужденія или библейскія и святоотеческія событія. Главное же, избирая тему, повидимому, весьма далекую отъ современности, Ѳ. сумѣлъ придать ей интересъ современности. Дѣйствіе трагедокомедіи проникается современной идеей борьбы прогресса съ застоемъ, причемъ представительницею перваго является свѣтская власть, а представителемъ второго—духовенство. Не даромъ Н. И. Гнѣдичъ, изучавшій «Владиміра», далъ о немъ такой отзывъ: «Произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе, по своему времени, чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманія по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ незнакомъ съ театромъ древнихъ, по крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки. Можно сказать, что сія трагикомедія есть первое у насъ театральное сочиненіе человѣка съ дарованіемъ. Характеры, завязка, ходъ и движеніе ее одушевляютъ. Кромѣ того, несмотря на языкъ, довольно не чистый, несмотря на тяжелую форму польскаго размѣра, въ піесѣ есть много стиховъ, которымъ, въ отношеніи ко времени ихъ произведенія, нельзя не удивляться. Въ нихъ, сквозь темноту оборотовъ или тяжесть слога, блистаетъ воображеніе, возвышенность слога, жаръ и краска поэтическія. Свобода мыслей въ сочинителѣ показываетъ человѣка, котораго идеи были выше круга идей того времени, человѣка, который имѣлъ довольно надѣянности на себя, чтобъ выражать мысли, какія въ тотъ вѣкъ и на ухо говорить иные страшились» («Трагедокомедія» Ѳ-на не напечатана; текстъ ея въ рукоп. сборн. И. Публ. Библ., О. XIV, 2). Затѣмъ Ѳ. и въ послѣдующее время писалъ не мало стихотворныхъ произведеній. По словамъ Шерерова біографа, онъ составилъ нѣсколько священныхъ гимновъ и пѣсней, которые были переложены на музыку и распѣвались питомцами его школы. На Полтавскую побѣду Ѳ. написалъ торжественную пѣснь, латинскими стихами, которая, съ его же польскимъ переводомъ, помѣщена въ концѣ изданной Конисскимъ книги Ѳ-на «De arte poetica». Другая замѣчательная латинская ода написана Ѳ-номъ на путешествіе Петра II въ Москву на коронацію. Объ этой одѣ Тредьяковскій въ своемъ «Разсужденіи объ одѣ» писалъ, что авторъ ея «какъ другій Горацій, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ своей предражайшей одѣ .. что Горацій бы самъ, посмотрѣвъ оную, въ удивленіе пришелъ, и тужъ бы его преосвященству справедливость похвалы учинилъ, которую я ему теперь воздаю». Ода эта напечатана въ «De arte poetica» и въ «Miscellanea sacra». Въ послѣднемъ сборникѣ помѣщены также Ѳеофановы «Описаніе Кіева» латинскими элегическими стихами; «Увѣщательная элегія» (латинская) ученику о соблюденіи непорочности жизни; латинская «Монашеская элегія» отъ лица сына къ отцу, отклонявшему его отъ монашества. Нѣсколько мелкихъ стихотвореній Ѳ-на приведены у Чистовича, «Ѳ. Прокоповичъ» (Спб. 1868 г., стр. 600—602); неизданныя мелкія стихотворенія переписаны у митр. Евгенія, («Словарь дух. пис.», т. II, стр. 321—322).

Отъ Ѳ-на осталось затѣмъ нѣсколько сочиненій изъ области гражданской исторіи. По пріѣздѣ изъ Кіева въ Петербургъ Ѳ., между прочимъ, занялся, не извѣстно, по чьему-либо указанію или по собственному побужденію, составленіемъ родословной таблицы русскихъ государей. Это небольшое произведеніе отняло у Прокоповича не мало времени, по его собственному признанію, потому что приходилось перечитывать польскихъ и русскихъ лѣтописцевъ и критически свѣрять ихъ другъ съ другомъ. Въ 1717 г. Меньшиковъ представилъ эту таблицу государю, и, по одобреніи послѣдняго, она тогда же была напечатана подъ заглавіемъ: «Родословная роспись великихъ князей и царей россійскихъ до государя Петра I, съ краткимъ описаніемъ знатнѣйшихъ дѣлъ ихъ и гравированнымъ каждаго портретомъ», Спб. 1717 г. (бібліограф. рѣдкость). Въ 1773 г. въ С.-Петербургѣ и въ 1788 г. въ Москвѣ княземъ Щербатовымъ была издана «Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи, сочиненная Ѳ-номъ Прокоповичемъ». Митр. Евгеній, не сомнѣваясь, приписываетъ это произведеніе Ѳ-ну и сочиненіе его относитъ ко времени около 1730 г. Но въ ученой литературѣ вопросъ объ авторѣ этого сочиненія остается спорнымъ. Несомнѣнно, Ѳ. занимался исторіей царствованія Петра Великаго, по желанію самого государя, который желалъ сохранить въ памяти потомства событія своего

времени. Что это дѣло поручено было Ѳ-ну, о томъ свидѣтельствуетъ одно письмо его къ царю отъ 1722 г., во время астраханскаго похода, въ которомъ Ѳ. упоминаетъ о данномъ ему порученіи и проситъ, для точнаго запечатлѣнія событій астраханскаго предпріятія, вести недѣльную его запись и затѣмъ передать ее ему для обработки. Но изданная Щербатовымъ исторія наводитъ на сомнѣніе лицъ, изучавшихъ рукопись, послужившую для нея оригиналомъ. Въ этой рукописи основной текстъ писанъ не Ѳеофановой рукою, а Ѳ-ну принадлежатъ только разныя замѣчанія и поправки, показывающія, что какъ будто онъ только исправлялъ чью то работу. Такъ именно и понимаетъ его роль И. А. Чистовичъ. Но П. Морозовъ, авторъ диссертаціи о Ѳ-нѣ, какъ писателѣ, смотритъ на дѣло нѣсколько иначе. По его мнѣнію, книгу составлялъ Ѳ., хотя не совсѣмъ кончилъ обработку; но такъ какъ главное содержаніе книги составляютъ выписки изъ подлинныхъ реляцій, журналовъ и т. п, то, конечно, авторство Ѳ-на было ограничено. Нѣкоторыя мѣста, какъ-то: рѣчи Карла XII и Петра къ войскамъ, характеристика Мазепы и Запорожской Сѣчи, несомнѣнно, вполнѣ Ѳеофанова сочиненія. Что касается прочаго, то это были черновыя тетради, въ которыя ктонибудь, по приказанію государя, выписывалъ изъ разныхъ документовъ свѣдѣнія о событіяхъ въ хронологическомъ порядкѣ; Ѳ. же позаботился объ украшеніи этой исторіи, поправляя слогъ, дополняя разсказъ своими вставками, связывая отдѣльныя части. Исторія такъ и осталась неотдѣланной окончательно и въ такомъ видѣ впослѣдствіи была напечатана. Такое мнѣніе, кажется, будетъ наиболѣе основательнымъ. Вся «Исторія» дѣлится на четыре главы или книги. Первая говоритъ о рожденіи Петра и о событіяхъ до начала шведской войны, а остальныя три говорятъ объ этой войнѣ. По смерти Петра Ѳ. написалъ «Краткую повѣсть» объ этой смерти. Побужденіемъ къ тому для него было, какъ онъ самъ говоритъ, появленіе не совсѣмъ достовѣрныхъ свѣдѣній о кончинѣ великаго монарха, и Ѳ. пожелалъ, на основаніи свидѣтельствъ очевидцевъ, воспроизвести подлинную картину. Въ повѣсти разсказывается о болѣзни царя, о настроеніи его приближенныхъ у смертнаго одра, подробно передаются обстоятельства самой кончины; затѣмъ разсказывается о вступленіи на престолъ Екатерины I. Повѣсть напечатана въ Спб. въ 1726 г. (по Сопикову и Евгенію—въ 1725 г.) и въ Москвѣ тогда-же (по Евгенію); она перепечатывалась въ 1819 и 1831 г.г. (Спб.). Самъ Ѳ. перевелъ ее на лат. языкъ, и на немъ она была издана, вмѣстѣ съ надгробными словами, въ 1726 г. въ Ревелѣ подъ назв.: «Lacrimae Roxolanae». Въ томъ же году она была издана въ Гамбургѣ на лат. и нѣм. языкахъ; лат. переводъ перепечатанъ въ изданіи Нащинскаго «Lucubrationes Illustrissimi ac Reverendissimi Theophanis Procopovicz». Событія вступленія на престолъ имп. Анны описаны Ѳ-номъ въ особомъ сочиненіи: «Сказаніе о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны», Спб. 1737 г. Впрочемъ, это далеко не безпристрастное историческое произведеніе, а скорѣе тенденціозный памфлетъ на верховниковъ, замысливших ограничить самодержавіе. Болтинъ приписываетъ Ѳ—ну составленіе «Подробной лѣтописи, отъ начала Россіи до Полтавской баталіи», изданной Н. А. Львовымъ въ 1798 г. въ Спб.; но ее никто изъ позднѣйшихъ историковъ не считаетъ Ѳеофановымъ сочиненіемъ. Кромѣ русской исторіи, Прокоповичъ иногда обращался и къ исторіи всеобщей по разнымъ случаямъ. Многіе ему приписываютъ «Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи», апостолахъ славянскихъ, напечатанное въ концѣ переведенной по указу Петра съ итальянскаго языка книги Мавра Орбини, изд. въ Спб. въ 1722 г. подъ заглавіемъ: «Исторіографія початія имени, славы и расширенія народа славянскаго». Авторъ здѣсь опровергаетъ мнѣніе католическихъ историковъ, будто Кириллъ и Меѳодій посланы были къ славянамъ не изъ Константинополя, а изъ Рима. Однако, вопреки мнѣнію Пекарскаго, Филарета, Евгенія, проф. И. А. Чистовичъ доказалъ убѣдительно, что упомянутое «Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи» писано не Ѳ-номъ, а Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. П. Морозовъ, не безъ вѣроятности, доказываетъ, что на основаніи предполагаемаго участія Ѳ-на въ изданіи книги Орбини на рус. языкѣ его считаютъ авторомъ и сочиненія «Объ амазонкахъ», которое приписываетъ Прокоповичу Татищевъ. Дѣло въ томъ, что у Орбини есть глава объ амазонкахъ. Однако, быть можетъ, Ѳ. и дѣйствительно писалъ

что-либо по этому вопросу по какому-либо случаю, хотя бы въ связи съ изданіемъ сочиненія Орбини. Болѣе безспорно авторство Ѳ-на въ другомъ случаѣ. Въ 1722 г. Петръ, заинтересовавшись по одному поводу языческой религіей, велѣлъ перевести на русскій языкъ сочиненіе Аполлодора, которое дѣйствительно и было напечатано на рус. языкѣ въ 1725 г. подъ заглавіемъ: «Аполлодора грамматика аѳинейскаго библіотеки или о богахъ». Царь поручилъ Ѳ-ну составить къ этой книгѣ предисловіе, въ которомъ объяснить «намѣреніе, съ каковымъ книга та переведена, и въ концѣ той книги окончаніе изъ христіанскихъ писаній, для вѣдѣнія тоя книги прочитывающимъ, въ которомъ объявить, како язычники, прежде познанія христіанскаго благочестія, въ невѣрствіи своемъ заблуждалися, и каковыхъ боговъ имѣли». Ѳ. въ предисловіи и объясняетъ читателямъ, какая польза для христіанина знать, въ чемъ состоитъ языческое зловѣріе, перечисляетъ боговъ классическихъ религій, греческихъ и римскихъ поэтовъ и т. д.

Ѳ. принималъ иногда дѣятельное участіе въ составленіи актовъ государственно-законодательныхъ или вообще правительственно-офиціальныхъ. Къ нему обращались обычно въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась извѣстная аргументація, ученое или діалектическое искусство. И Прокоповичъ столь же ревностно здѣсь отдавалъ свое перо на служеніе видамъ правительства, какъ и въ области церковнаго законодательства. Самымъ замѣчательнымъ Ѳеофановымъ произведеніемъ даннаго рода была извѣстная «Правда воли монаршей». Исторія ея происхожденія была такова: 5-го февраля 1722 г. былъ опубликованъ указъ или уставъ о престолонаслѣдіи, которымъ отмѣнялся прежній обычай передавать престолъ старшему сыну, а устанавливался принципъ назначенія наслѣдникомъ престола того, кого изберетъ царствующій государь. Этотъ указъ былъ отголоскомъ дѣла царевича Алексѣя и направленъ былъ противъ его сына—Петра Алексѣевича. Петръ Великій, видимо, опасался, какъ бы его внукъ не оказался похожъ на своего отца, и заранѣе хотѣлъ обезпечить себѣ право, въ случаѣ нужды, отстранить и его отъ престола, какъ былъ отстраненъ несчастный Алексѣй. Но государь чувствовалъ, что подобный принципъ произвольнаго назначенія наслѣдника нуждается въ принципіальномъ оправданіи, а потому еще въ самомъ указѣ 5-го февраля было обѣщано особо издать «довольные примѣры», которые подтверждаютъ право государя распоряжаться престоломъ по своему усмотрѣнію. Эти то «довольные примѣры» и поручено было составить Ѳ-ну, въ результатѣ чего явилось цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Правда воли монаршей во опредѣленіи наслѣдника державы своей». Въ предисловіи къ книгѣ появленіе ея оправдывается тѣмъ, что сочинена она не для защиты правительственнаго акта, каковые акты въ защитѣ не нуждаются, а «понеже въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія скорбящія сердца, что никакого установленія, отъ державной власти произносимаго, похвалити не хотятъ .. и сѣютъ въ отечествѣ нашемъ мятежей плевелы, а иностраннымъ подаютъ безчестное мнѣніе о народѣ россійскомъ, яко бы въ немъ варварскіе нравы, и государямъ своимъ вѣрность притворная, и послушаніе за гнѣвъ токмо, а не за совѣсть, рабски, а не сыновнѣ творимое... того ради, по согласію духовнаго и мірского главнаго правительства, судилося за благо сочинить сію книжицу, дабы безумнымъ, но упрямымъ уста заградить, простосердечныхъ же, но невѣжливыхъ отъ вреднаго оныхъ блазнословія сохранить невредимыхъ, купно же и иностраннымъ порочное о народѣ нашемъ мнѣніе отнять, и подать имъ вину лучшихъ о насъ помысловъ». Значитъ, главнымъ образомъ писались «довольные примѣры» для иностранцевъ. «Правда воли монаршей», начиная съ восхваленія устава о престолонаслѣдіи, и доказываетъ ссылками на св. писаніе, св. отцовъ, древнихъ писателей въ родѣ Гуго Гроція, Ливія, Цицерона, Светонія, Прокопія, кодексъ Юстиніана и т. п. и доводами разума, что вообще отецъ можетъ лишить сына наслѣдства, а государь можетъ избрать своимъ наслѣдникомъ кого ему угодно. Книга была окончена печатью въ концѣ августа 1722 г. и послана государю для одобренія, а послѣ таковаго въ томъ же году выпущена въ свѣтъ. Иностранцы, дѣйствительно, встрѣтили ее одобрительно. Въ лейпцигскихъ «Acta eruditorum» 1723 г. появилась сочувственная рецензія на трактатъ Ѳ-на; въ 1724 г. трактатъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и изданъ

въ Берлинѣ. Въ Россіи онъ пріобрѣлъ силу законодательнаго акта, будучи присоединенъ къ «Уставу» о престолонаслѣдіи. Въ 1726 г. при Екатеринѣ I «Правда» была вновь напечатана и распространялась во множествѣ экземпляровъ (въ оправданіе возведенія на престолъ Екатерины). Но при Петрѣ II это произведеніе, какъ и указъ о престолонаслѣдіи, подверглось опалѣ, что было и вполнѣ естественно, такъ какъ «Правда» была направлена именно противъ Петра Алексѣевича и его отца. Въ 1727 г. «Правду» велѣно было всюду отбирать. Однако при Аннѣ Іоанновнѣ на нее опять нашли удобнымъ ссылаться, и она получила прежнее значеніе. Какое отрицательное значеніе имѣлъ введенный Петромъ новый принципъ наслѣдованія престола, это хорошо извѣстно изъ послѣдующей исторіи. Но Ѳ., оправдывавшій этотъ принципъ, дѣйствовалъ, конечно, по тѣмъ же самымъ побужденіямъ желанія пользы отечеству, какъ и Петръ. Поэтому, хотя М. М. Щербатовъ и отзывается о «Правдѣ» Ѳ-на, какъ «памятникѣ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому», но этотъ отзывъ нельзя принять безъ ограниченій («Правда» помѣщена въ Полн. Собр. Зак. VII, № 4870). По порученію Петра же, Ѳ. еще ранѣе написалъ (въ 1719 г.) предисловіе къ морскому Уставу, изданному въ 1720 г. (19 янв.). Здѣсь разсказывается о началѣ кораблестроенія въ Россіи и происхожденіи русскаго флота, при чемъ въ основу легли наброски самого Петра, которые Ѳ. передѣлалъ, распространилъ витіеватымъ языкомъ. «Предисловіе» печатается при Уставѣ. При Петрѣ II-мъ Ѳ. написалъ манифестъ о коронаціи, и онъ же составилъ церемоніалъ встрѣчи государя въ Новгородѣ въ 1728 г. (напеч. въ IX части Древней Рос. Вивліоѳики, изд. 2-е).

Для полноты обзора Ѳеофановыхъ сочиненій остается упомянуть о напечатанномъ Бантышъ-Каменскимъ въ приложеніи къ изданному имъ курсу философіи Баудмейстера (1777 г. Моск. и 2-е изд. Лейпц. 1786 г.) отрывкѣ изъ академическаго курса философіи Ѳ-на о правилахъ диспута. Отъ Ѳ-на осталось не мало писемъ. 18 латинскихъ писемъ его къ разнымъ пріятелямъ напечатаны въ изданныхъ въ Бреславлѣ (1743 г.) Ѳеофановыхъ сочиненіяхъ; другія хранятся въ Кіев. дух. ак., часть напечатана на рус. яз. въ «Тр. Кіев. дух. акад.,» 1865 г. Наконецъ, Ѳ. участвовалъ и въ изданіи нѣкоторыхъ чужихъ сочиненій. По желанію Ѳ-на, іером. Симонъ Тодорскій перевелъ на рус. языкъ и напечаталъ въ Галле въ 1735 г. книгу Іоанна Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ». Много другихъ переводныхъ сочиненій, издававшихся въ Россіи, отдавались предварительно на просмотръ Ѳ—ну. И. А. Чистовичъ высказываетъ предположеніе, что едва ли не всѣ вообще сочиненія, изд. въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ, предварительно разсматривались Ѳ—мъ.

Уже одинъ вышеизложенный краткій обзоръ литературной дѣятельности Прокоповича подтверждаетъ мнѣніе о немъ, что это былъ vir doctissimus. Не было почти, какъ видно, рода писательства, къ которому не былъ бы причастенъ Ѳ. Богословъ, проповѣдникъ, канонистъ, юристъ, историкъ, поэтъ совмѣщались въ немъ съ разною степенью дарованія, но, во всякомъ случаѣ, въ необыкновенномъ сочетаніи. Такихъ разностороннихъ и плодовитыхъ талантовъ мало еще можно встрѣтить среди нашихъ дѣятелей XVIII вѣка. Именно въ виду этой многосторонности, нельзя, конечно, и требовать отъ Ѳ-на всюду одинаковой глубины и основательности. Но и сдѣланнаго имъ на разныхъ поприщахъ литературно-научной дѣятельности вполнѣ достаточно, чтобы его имя занимало одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ среди русскихъ писателей не только эпохи преобразованія, но и послѣдующаго времени. Взятая же въ своемъ цѣломъ личность Ѳ. Прокоповича всегда останется одной изъ центральныхъ фигуръ русской исторіи XVIII стол.

Матеріалы для біографіи Ѳеофана Прокоповича.

«Vita Theophanis Procopovitsch» (Изд. Шереромъ въ «Nordische Nebenstunden», Th. 1 Francf. und Leipzig, 1776 j., ss. 251—270; авторъ ея по Чистовичу — Зигфридъ Байеръ, проф. Спб. Акад. Наукъ).—Біографія Прокоповича, составленная Дмитріемъ Семеновымъ Рудневымъ и приложенная къ сочиненію Ѳеофана: «De processione Spiritus Sancti». Gotta, 1772.—Житіе Прокоповича, составленное Маркелломъ Родышевскимъ и напечатанное въ «Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос.», 1862 г., кн. 1, подъ заглавіемъ: «Дѣло о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ».—*Евгеній*, митр., «Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писат. духовн. чина греко-рос. церкви», Спб. 1827 г., стр. 295—330.—Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода, тт. I—VIII, X, XI, XIV (по ука-

зателю).—Полное Собр. постан. и распор. по вѣд. правосл. исп. 1721—1736 гг.—«Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ.», тт. 11, 55, 79, 84, 94, 101, 104, 106, 108, 111, 114.—«Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis temporibus et ad varios amicos datae» (М. 1776 г.).—«Собраніе трудовъ преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, архіепископа новгородскаго, первенствующаго синодальнаго члена» (въ немъ 31 письмо на рус. яз. и 1 на лат. яз. хран. въ Кіевск. дух. акад.).—«Книга записная исходящимъ, за подписаніемъ преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, къ разнымъ персонамъ письмамъ ординарнымъ, съ 1 января 1728 по 16 декабря 1729 г.» (Рукоп. библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 602. Изъ содержащихся въ ней писемъ нѣкоторыя напечатаны, а остальныя перечислены, съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія, въ «Труд. Кіевск. Акад.» за 1865 г.).—«Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича» (3 части. Спб. 1760—1765 г. Здѣсь приложено «Оглавленіе извѣстнымъ на россійскомъ яз. сочиненіямъ печатнымъ и письменнымъ Ѳеофана Прокоповича»).—«Рус. Арх.», 1863 г., кн. 4 (Письмо Кантеміра къ Ѳеофану); 1865 г., кн. 4 (Письмо Ѳеофана къ кіевскому еп. Рафаилу); 1869 г., кн. 9 (Записка Ѳеофана о жалованьи синод. членамъ); 1870 г., кн. 11 (Письмо Ѳеофана къ Аннѣ Іоанновнѣ); 1900 г., II (Переписка гр. С. А. Салтыкова съ Ѳеофаномъ).—«Посланіе Стефана Яворскаго, митр. рязанскаго и муромскаго къ преосвящ. Алексію сарскому и Варлааму тверскому объ ученіи Ѳеофана Прокоповича» («Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1864 г., IV).—*В. Жмакинъ*, «Церемоніалъ погребенія Ѳ. Прокоповича» («Христ. Чтен.», 1882 г., I).—«Письма и бумаги имп. Петра Великаго» (Спб., 1887 г.).—*Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго».

Литература о Ѳеофанѣ, какъ церковно-государственномъ дѣятелѣ.

И. А. Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (Спб., 1868 и 1878 гг. Рецензія объ этомъ сочиненіи въ «Журн. М. Н. Пр.», 1869 г., ч. 142 и въ «Отчетахъ о присужденіи наградъ гр. Уварова»).—«Рѣшиловское дѣло» (Спб. 1861 г., изд. Чистовичемъ). — *Ю. Ѳ. Самаринъ*, «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ», (М., 1880 г.).—*Н. П. Кедровъ*, «Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго» (М. 1886 г.).—*С. Г. Рункевичъ*, «Исторія рус. церкви подъ управленіемъ св. Синода», т. I (Спб. 1900 г.).—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», тт. 16—20.—*Устряловъ*, «Исторія Петра Великаго».—*Б. В. Титлиновъ*, «Правительство имп. Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной церкви» (Вильна, 1905 г.).—*Н. Поповъ*, «Татищевъ и его время» (М., 1861 г.).—*Д. К. Вишневскій*, «Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII в.», (Кіевъ, 1903 г).—*В. Аскоченскій*, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ академіею», ч. I (Кіевъ, 1856 г.).—*Е. Крыжановскій*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ» («Труды Кіев. Дух. Акад.», 1861 г., № 3).—*Громовъ*, «Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго по церковному управленію» («Вѣра и Разумъ», 1891 г., №№ 1—2).—*Арсеньевъ*, «Царствованіе Петра II» (Спб., 1839 г.).—*Пекарскій*, «Исторія Академіи Наукъ», т. I.—*Д. А. Корсаковъ*, «Воцареніе импер. Анны Іоанновны» (Казань, 1880 г.).—*Н. И. Барсовъ*, «Историческіе, критическіе и полемическіе опыты».—*Морошкинъ*, «Ѳеофилактъ Лопатинскій» («Рус. Стар.», 1886 г., февр.).—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи новгородской епархіи» (Новгородъ, 1897 г.).—*А. Архангельскій*, «Духовное образованіе и духовная школа въ Россіи при Петрѣ Вел.» (Казань, 1883.).—*П. В. Знаменскій*, «Исторія русской церкви».—*Его-же*, «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра В.» (Казань, 1873 г.) и «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.» (Казань, 1881 г.).—*Доброклонскій*, «Исторія русской церкви».

Литература о Ѳеофанѣ, какъ писателѣ.

Ю. Ѳ. Самаринъ, «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ», чч. I и III.—*П. Морозовъ*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія» (Спб. 1880 г.).—*П. А. Червяковскій*, «Матеріалы для исторіи православнаго богословія въ Россіи» («Христ. Чтен.», 1876, 77 и 78 гг.).—*Ѳ. Тихоміровъ*, «Трактаты Ѳ. Прокоповича о Богѣ Единомъ по существу и Троичномъ въ лицахъ» (Спб., 1884 г.) и рѣчь предъ защитой этой диссертаціи: «Идея абсолютнаго Бога и протестантскій схоластицизмъ въ богословіи Ѳеофана Прокоповича» («Христ. Чтен.», II).—*Стефановичъ*, свящ., «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ канонистъ» (М., 1906 г. и въ жур. «Вѣра и Церковь», 1906 г.).—*Филаретъ*, «Обзоръ рус. духовной литературы», кн. II.—*П. Савлучинскій*, «Русская духовная литература первой половины XVIII в. и ея отношеніе къ современности» («Труды Кіевск. Дух. Акад.», 1878 г., №№ 4—5).—*А. Пыпинъ*, «Исторія русской литературы», т. III.—*П. Пекарскій*, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел.», тт. I—II (Спб. 1862 г.).—*Архангельскій*, «Духовное образованіе».—*І. В. Моревъ*, прот., «Камень вѣры м. Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристическія особенности его догматическихъ воззрѣній» (Спб., 1904 г.).— *Н. Петровъ*, «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.» («Труды Кіевск. Духов. Акад.», 1866 г., №№ 7, 11, 12; 1867 г., №№ 1, 3).—*Тихонравовъ*, проф., «Трагедокомедія Ѳ. Прокоповича «Владиміръ» («Журн. М-ва Н. Пр.», 1879 г., V).—*Д. Извѣковъ*, «Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Ѳ. Прокоповича» («Заря», 1870 г., VIII).—*Его-же*, «Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII в.» («Правосл. Обозр.», 1871 г., августъ).—«Журн. М-ва Нар. Просв.», 1833 г., № 7 («О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени»).—«Рус. Архивъ», 1872 г., № 5 («Нѣчто о стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича»).

Б. Титлиновъ.

Ѳеофанъ (*Богданъ Рпинскій*), архіепископъ полоцкій, витебскій и мстиславскій (1576—1588 гг.). Происходилъ изъ земянъ Ошмянскаго повѣта. 15 декабря 1576 г. протопопъ Ѳеофанъ получилъ «утвердительный листъ», т. е. жалованную грамоту польскаго короля и вел. князя литовскаго Стефана на «архіепископство Полоцкое, Витебское и Мстиславское». Въ этой грамотѣ онъ характеризуется, какъ «человѣкъ цнотливый (добродѣтельный), во всякихъ справахъ (дѣлахъ) духовныхъ статечный (благоразумный) и въ письмѣ святомъ добрѣ научоный». Королевская грамота дана ему была послѣ того, какъ «панове рады зъ мѣстцъ своихъ сенаторскихъ тое владычество ему дали и злецили (поручили), а митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Руси Іона на тую архіепископію его совершилъ и постановилъ водлугъ обряду закону Греческого». Тотъ же король Стефанъ (Баторій) грамотою отъ 27 ноября 1577 г. велитъ возвратить архіепископу Ѳеофану Богдану села и имѣнія Полоцкой архіепископіи, присвоенныя разными лицами «по взятью замку Полоцкаго черезъ непріятеля нашого, вел. князя Московского (Ивана IV Грознаго), кгды нѣкоторый часъ тотъ врядъ пастырства духовного ваковалъ», былъ вакантнымъ (это было время Ливонской войны). Тотъ же король грамотою отъ 19 февраля 1578 г. въ Варшавѣ далъ ему въ управленіе церковь Спаса и при ней монастырь (съ людьми и разными угодьями) въ г. Могилевѣ, «въ краю томъ, гдѣ онъ наибольшей паремѣшкиваетъ», а жалованною грамотою отъ 24 іюня 1578 г. въ Львовѣ отдалъ въ его управленіе монастыри Никольскій въ г. Мстиславлѣ и Пустынскій Пречистенскій, неподалеку отъ Мстиславля, со всѣми ихъ «наданьми», такъ какъ онъ, на томъ мѣстѣ будучи, исполняетъ свои обязанности «во всякою пильностью и преможеньемъ». 21 мая 1580 г. въ Вильнѣ тѣмъ же королемъ, послѣ возвращенія Полоцкаго замка «зъ рукъ вел. князя Московскаго», былъ данъ ему (Ѳеофану Богдану) листъ—привилей на владычество Полоцкое со всѣми «добрами наданьями». Извѣстна также судная королевская грамота 21 ноября 1582 г. на сеймѣ въ Варшавѣ, по жалобѣ Ѳ-на на полоцкаго городничаго Жука, присвоившаго себѣ село полоцкаго владычества Путилковичи. Грамотою отъ 5 марта 1585 г. тотъ же король Стефанъ отнялъ отъ Ѳ—на вышеупомянутую Спасскую могилевскую церковь и передалъ ее въ вѣдѣніе могилевскихъ гражданъ, вслѣдствіе ихъ жалобы, что «ты самъ въ Могилевѣ николи не бываешь, а арендаръ твой только пожитковъ своихъ, а не хвалы Божой стережетъ». Жалованная грамота короля Сигизмунда III отъ 22 сентября 1588 г. въ Краковѣ пинскому лещинскому архимандриту Аѳанасію Терлецкому на полоцкую архіепископію начинается извѣстіемъ, что «недавныхъ часовъ архіепископъ Ѳеофанъ Богданъ зъ сего свѣта зшолъ»... Онъ умеръ въ августѣ 1588 г.

«Витебская Старина» А. Сапунова, т. V, ч. 1, Витебскъ, 1888 г.—Акты Зап. Рос., т. т. III, IV.—М. *Макарій*, «Исторія рус. церкви», т. IX.—Акты Вилен. Арх. Ком., т. XI.

Б. Ж.

Ѳеофанъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Соколовъ*), архимандритъ Кириллова Новоезерскаго монастыря; по происхожденію изъ дворянъ, родился 11 мая 1752 г. въ гор. Троицкѣ, Пензенской губерніи; скончался 3 декабря 1832 года. Образованіе Ѳ. получилъ въ домѣ родителей и уже на 14-мъ году жизни объявилъ свое намѣреніе поступить въ монастырь, но по желанію родителей долженъ былъ отправиться въ Москву и поступить на службу въ Вотчинную Коллегію. Въ 1771 г. во время чумы онъ потерялъ своихъ родителей и, пораженный грозными явленіями смерти, рѣшился оставить службу и идти въ монастырь. Первыми мѣстами его пребыванія были пустыни—Саровская (былъ въ ней недолго), Санаксарская (пробылъ три года) и Введенская Островская, Владимір. губ. (былъ два года); въ нихъ онъ усердно проходилъ всѣ послушанія и утверждался въ благочестіи. Въ 1777 г. онъ предпринялъ путешествіе ко св. мѣстамъ, но доѣхалъ только до молдавскаго монастыря Тисманъ, гдѣ былъ удержанъ и постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеофана. Притѣсняемая турками братія монастыря Тисманъ переселилась на время (1778—1780 гг.) въ Молченскую Софроніеву пустынь, а монахъ Ѳеофанъ удалился въ Флорищеву пустынь, гдѣ былъ произведенъ въ іеродіакона и чрезъ два года вернулся въ Софроніеву пустынь. Въ то время стали

требовать въ Александро-Невскую лавру изъ разныхъ монастырей лицъ для занятія нѣкоторыхъ должностей. Изъ Софроніевой пустыни вмѣстѣ съ другими въ 1782 г. былъ отправленъ и Ѳ. Въ лаврѣ онъ проходилъ должности канонарха, ключника, затѣмъ взятъ былъ въ келейники къ митрополиту Гавріилу и въ 1785 г. рукоположенъ въ іеромонаха крестовой церкви. Онъ былъ очень близокъ къ митрополиту, пользовался его довѣріемъ и писалъ для него всѣ «секретныя бумаги». Митрополитъ цѣнилъ въ іером. Ѳ-нѣ духовную опытность и знаніе иноческой жизни, совѣтовался съ нимъ при выборѣ настоятелей монастырей Новгород. епархіи и назначилъ его въ общество ученыхъ, исправлявшихъ присланный изъ Молдавіи переводъ книги «Добротолюбіе». «Онъ не знаетъ греческаго языка», говорилъ о Ѳ-нѣ митрополитъ, «но изъ опыта знаетъ духовныя истины, которыхъ нельзя постигнуть однимъ только книжнымъ ученіемъ, и потому правильнѣе ученыхъ можетъ понимать смыслъ наставленій, содержащихся въ книгѣ—Добротолюбіе». Въ 1791 г. Ѳ. посвященъ былъ въ игумена Моденскаго монастыря, Новгород. епархіи. За два года управленія этимъ монастыремъ онъ успѣлъ выстроить каменную колокольню и трапезу, увеличить число братіи и богомольцевъ, ввести строгій порядокъ и чинное отправленіе богослуженія. Въ 1793 г. игуменъ Ѳ. былъ перемѣщенъ въ Кирилло-Новоезерскій монастырь, которымъ и управлялъ до самой смерти. Онъ сообщилъ монастырю совершенно новый наружный видъ, не оставивъ ни одного изъ прежнихъ зданій безъ существенныхъ исправленій и многія построивъ совершенно вновь. Онъ обновилъ и распространилъ соборную церковь Воскресенія съ придѣлами, украсилъ ее великолѣпнымъ вызолоченнымъ иконостасомъ и стѣнною живописью, устроилъ драгоцѣнную раку для мощей препод. Кирилла и чугунный полъ въ церквахъ; довершилъ постройкою Захарьевскую церковь, съ трапезою, кухнею и хлѣбнею; построилъ красивую, съ большими часами, колокольню, двухъэтажные корпуса для келій и каменную ограду вокругъ всего монастыря съ св. воротами и 6 башнями; кромѣ того—деревянный мостъ на сваяхъ, въ 140 саж. длины, для соединенія монастыря съ ближайшимъ островомъ. Много прилагалъ онъ заботъ и о внутреннемъ устройствѣ монастырской жизни: онъ учредилъ общежитіе, наблюдалъ за строгимъ исполненіемъ церковнаго устава, ввелъ столповое пѣніе и непрерывное чтеніе псалтири; отъ братіи требовалъ соблюденія монашескихъ правилъ, собственнымъ примѣромъ показывая образъ жизни, вполнѣ сообразный съ духомъ православнаго иночества. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ благочиннымъ окрестныхъ монастырей и вездѣ давалъ наставленія, какъ нужно жить въ монастырѣ и какъ въ мірѣ, какія добродѣтели должны украшать инока и какія—мірянина. Этими духовными наставленіями Ѳ. былъ далеко извѣстенъ, и многіе обращались къ нему и лично и письменно, желая получить отъ него совѣтъ, вразумленіе и утѣшеніе. Въ 1819 году онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита; въ 1829 г. по болѣзни и старости онъ былъ уволенъ на покой, но остался на жительствѣ въ томъ-же монастырѣ. 3 декабря 1832 г. послѣдовала его тихая блаженная кончина. Въ «приложеніяхъ» къ жизнеписанію Ѳ-на помѣщаются: а) духовное завѣщаніе его, б) разсказы о. Ѳеофана о собств. жизни и соврем. подвижникахъ, в) нравственно-духовныя наставленія его и г) письма его къ разнымъ лицамъ.

«Краткое сказаніе о жизни блаж. памяти о. Ѳеофана, архим. Кирилло-Новоезерскаго, съ приложеніемъ нравственно-духовныхъ его поученій». М. 1853 г.—*Н. Субботинъ*, «Архим. Ѳеофанъ, настоятель Кирилло-Новоезерскаго монастыря».—«Біографич. очеркъ съ прилож. его записокъ, нравств. наставленій и писемъ». СПБ., 1862 г.—Письма его помѣщ. еще въ книгѣ: «Игуменія Ѳеофанія (Готовцева)» СПБ. 1868 г.

К. Здр—въ.

Ѳеофанъ, игуменъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Трофимовичъ*). Обучался въ Кіевской дух. академіи, которую окончилъ въ 1725 г., принявъ предъ окончаніемъ курса постриженіе въ монашество. Съ 1727 по 1729 гг. онъ былъ учителемъ Кіевской акад. въ санѣ іеродіакона. Въ 1729 г. опредѣленъ былъ архидіакономъ каѳедральнаго Кіево-Софійскаго собора и въ 1730 г.—членомъ кіевской консисторіи. Съ 22 сент. по 13 дек. 1730 г. Ѳ. находился вмѣстѣ съ другими консистористами въ Москвѣ для допроса по дѣлу кіевскаго митрополита Варлаама Ванатовича, при чемъ часть этого времени содержался подъ арестомъ. 25 ноября того же года онъ былъ отрѣшенъ Синодомъ, въ

числѣ другихъ вызванныхъ, отъ консисторіи до указу и по возвращеніи въ Кіевъ оставался при одной должности архидіакона до сентября 1733 г., когда былъ опредѣленъ игуменомъ лубенскаго Мгарскаго м-ря. 13 авг. 1731 г. онъ былъ назначенъ Синодомъ въ члены слѣдственной комиссіи по жалобамъ на черниговскаго епископа Иродіона и въ 1734 г.—членомъ такой же комиссіи по жалобамъ на бѣлоградскаго епископа Досиѳея; въ послѣдней Ѳ. пробылъ только съ 11 февраля по конецъ мая, будучи уволенъ отъ нея по болѣзни. 31 мая 1736 г. Синодъ назначилъ было его ректоромъ Московской дух. академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго м-ря, но по причинѣ той же болѣзни онъ не принялъ назначенія. Скончался Ѳ. въ Мгарскомъ м-рѣ между ноябремъ 1736 г. и мартомъ 1737 г. Будучи учителемъ піитики, онъ составилъ свой курсъ по этому предмету, подъ названіемъ: Via ingenuos Poeseos candidatos in Bicollem Parnassum etc., сохранившійся сейчасъ въ двухъ экземплярахъ. Ему же приписываютъ составленіе школьной драмы: «Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмѣльницкаго, преславнаго войскъ запорожскихъ гетмана, свободившая и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившая, репрезентованная въ училищахъ Кіевскихъ въ 1728 г.» (напечат. въ «Чт. Общ. Ист. и Др.» за 1858 г., въ 1 т. Собранія Сочиненій М. Максимовича, Кіевъ, 1877, и во 2 т. «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», Антоновича и Драгоманова).

Дѣла Архива Св. Синода—1730 г., №№, 31, 273; 1734 г., № 208.—*Вишневскій Д.*, «Кіевская акад. въ первой половинѣ XVIII ст.», Кіевъ 1903.—*Петровъ Н.*, «Акты и докум., относ. къ исторіи Кіев. акад.», отд. II, т. I, ч. II, Кіевъ 1904.—*Его же*, «Кіевская искусств литерат. XVII и XVIII вв.» («Труды Кіев. Дух. Акад.» 1910 г., мартъ).—*Стешенко I.*, «Історія украінскоі драми, въ ж. Украіна», 1907 г., нояб.—декаб.

Т.

Ѳеофанъ, (въ мірѣ *Ѳеодоръ Чарнуцкій*), епископъ нижегородскій и алатырскій (1753—1773), происходилъ изъ малороссійской фамиліи Чарнуцкихъ и родился около 1710 года въ городѣ Чарнухахъ. Послѣ домашняго воспитанія обучался около 1732 г. въ Кіевской академіи. Въ августѣ 1735 г. онъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Московскую дух. академію; въ январѣ 1740 года постриженъ въ монашество; въ 1742 году опредѣленъ учителемъ піитики, но въ ноябрѣ того же года уволенъ въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ игуменомъ серпух. Владычнскаго мон-ря, а въ 1744 году — казначеемъ Тр.-Сергіевой лавры и келаремъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ игуменомъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря, и съ 1748 года—намѣстникомъ той же лавры; здѣсь помогалъ онъ нѣкоторое время настоятелю Арсенію II Могилянскому (1744—1752) въ управленіи лаврою и въ проповѣдываніи слова Божія. По смерти Арсенія Ѳ. около года оставался еще намѣстникомъ той же лавры при архимандритѣ Аѳанасіи Волховскомъ. Въ 1753 году открылось вакантное архіерейское мѣсто въ нижегородской епархіи и на эту епископскую каѳедру, по указу императрицы Елизаветы Петровны, опредѣленъ былъ намѣстникъ игуменъ Ѳ. Изъ лавры онъ былъ вызванъ въ Москву, и здѣсь въ Успенскомъ соборѣ рукоположенъ въ епископы (14 марта 1753 года). Въ двадцатилѣтнее свое правленіе нижегородской епархіей Ѳ. видѣлъ много перемѣнъ въ ней и не мало трудился надъ ея устройствомъ, не оставляя безъ вниманія въ тоже время и просвѣщеніи народцевъ. Онъ всячески старался, чтобы труды его предмѣстниковъ въ обращеніи инородцевъ не оставались безрезультатными. По примѣру Димитрія Сѣченова и Веніамина Григоровича, Ѳ. имѣлъ у себя проповѣдниковъ, знавшихъ языки просвѣщаемыхъ народовъ. Они доставляли ему свѣдѣнія о новообращенныхъ, требовали у него совѣтовъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и во всемъ поступали по правиламъ прежняго порядка. Но несмотря на предосторожность Ѳ-на, иновѣрцамъ случалось иногда обольщать крестившихся прежнихъ своихъ братій. Въ этомъ случаѣ и словомъ и дѣломъ вооружался противъ нихъ Ѳ., писалъ особыя наставленія для неутвержденныхъ въ вѣрѣ и разсылалъ ихъ по епархіи, убѣждая, что внѣ церкви Божіей нѣтъ спасенія. Чтобы болѣе просвѣтить инородцевъ христіанскою вѣрою, Ѳ. не только предписывалъ духовенству наставлять ихъ въ правилахъ вѣры и благочестія, но и требовалъ въ семинарію каждый годъ «троихъ изъ каждой иновѣрческой націи».

Такимъ образомъ въ семинаріи обучались и христіане изъ татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ. Нѣкоторые изъ нихъ навсегда оставались въ духовномъ званіи, занимая приличныя мѣста и обращая къ вѣрѣ своихъ единоплеменниковъ.

Съ заботами о просвѣщеніи иновѣрцевъ Ѳ. соединялъ въ себѣ и заботы объ устройствѣ семинаріи. Онъ ее нечасто посѣщалъ, подавалъ благія наставленія и принималъ самое живое участіе во всѣхъ нуждахъ ея. Пріобрѣтая для нея все болѣе и болѣе мѣста и воздвигая новыя зданія, онъ въ 1762 году построилъ семинарскую церковь вмѣсто прежней, устроенной Димитріемъ Сѣченовымъ. Въ началѣ своего управленія Ѳ. открылъ классы философіи, которой хотя обучались со временъ Димитрія Сѣченова, но частнымъ образомъ и безъ особеннаго для нее класса. Кромѣ того, при Ѳ-нѣ въ первый разъ началось преподаваніе французскаго языка, извѣстнаго и самому епископу. Послѣ этого Ѳ. преобразовалъ управленіе семинаріи, ввѣривъ ее ректору. Съ Димитрія Сѣченова семинаріею управляли только префекты, а съ 1772 года начали управлять ею ректоры. Лучшихъ учениковъ Ѳ. отправлялъ въ духовныя академіи и въ Московскій университетъ, когда этому представлялась какая-либо возможность. О такихъ ученикахъ онъ заботился, самъ посылая имъ все нужное на содержаніе. Въ 1771 году нижегородскую епархію постигла моровая язва. Въ эту тяжкую годину испытанія Ѳ. принималъ самое живое и дѣятельное участіе.

Послѣ двадцатилѣтняго управленія нижегородской епархіей онъ, согласно прошенію (1-го іюля 1773 года) былъ уволенъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ когда-то былъ постриженъ въ монашество. На покоѣ Ѳ. жилъ около семи лѣтъ, до 1780 года, и въ этомъ же году, 8-го марта, скончался и погребенъ въ самой лаврѣ.

Іер. Амвросій, «Ист. р. церк.», ч. I, стр. 168.— *Ю. Толстой*, «Списки архіереевъ», стр, 10.— *П. Строевъ*, «Списки іерарховъ», стр. 604.— *А. В. Горскій*, «Историч. опис. Св.-Тр. лавры».—*Архим. Макарій*, «Ист. Нижегор. іерархіи». Спб. 1857 г.—*Н. Д.*, «Девятисотл. русск. іерархіи».—*Снѣжницкій*, «Адресъ-Календарь Нижегород. епархіи» 1888 г. — *Смирновъ*, «Истор. Моск. Слав. Гр. Лат. акад.» М. 1855 г.— *Аскоченскій*, «Кіевъ съ его учил.—академіей».—*Петровъ*, Акты и докум. къ ист. Кіев. акад.».

Ѳедотовъ.

Ѳеофанъ *(Ѳеодоръ Григорьевичъ Шияновъ-Чернявскій)*, епископъ полтавско-переяславскій, родился 8 іюня 1744 г. въ семьѣ духовной въ мѣстечкѣ Китайгородѣ, Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи. Имѣя отъ природы влеченіе къ монашеской жизни, онъ тотчасъ, по окончаніи курса въ помянутой академіи, поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру на послушаніе, а въ 1770 г. принялъ тамъ монашество и затѣмъ проходилъ тутъ разныя должности: библіотекаря, типографскаго справщика и проповѣдника. Въ декабрѣ 1774 г. онъ былъ опредѣленъ членомъ духовнаго собора, а 28 февраля слѣдующаго года, по личнымъ достоинствамъ своимъ и за неусыпные труды по возлагаемымъ на него должностямъ, онъ возведенъ былъ въ званіе соборнаго старца и сдѣланъ начальникомъ лаврской типографіи (типографомъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ корректоромъ печатаемыхъ въ типографіи книгъ. Должность типографа въ лаврскихъ типографіяхъ, какъ извѣстно, не легка и во всякое время, но въ то время она была чрезвычайно трудна,—требовала особенно бдительнаго надзора и неусыпной дѣятельности по типографскому дѣлу. Много требовалось въ то время богослужебныхъ книгъ для церквей внутри Россіи; но еще большее количество ихъ нужно было поставлять для заграничныхъ православныхъ церквей, находившихся въ польскомъ королевствѣ, Палестинѣ и другихъ земляхъ православнаго востока. Типографу, состоявшему при томъ и главнымъ корректоромъ, очевидно, было очень много трудовъ, особенно при провѣркѣ греческихъ изданій. Сверхъ этихъ трудовъ по типографіи, Ѳ. несъ обязанности лаврскаго проповѣдника и сочинителя рѣчей въ важныхъ случаяхъ, офиціальныхъ бумагъ различнаго содержанія и писемъ по лаврскимъ дѣламъ, требовавшимъ переписки съ разными присутственными мѣстами и высокопоставленными лицами въ государствѣ; преимущественно же ему было поручено и составленіе поздравительныхъ писемъ и рѣчей, посылаемыхъ, по тогдашнему обыкновенію, отъ лавры высочайшимъ лицамъ, при всякомъ событіи въ царскомъ домѣ. 2 ноября 1776 г., по случаю совершившагося въ этомъ же году 26 сентября бракосочетанія наслѣдника престола Павла Пе-

тровича съ Виртембергскою принцессою Маріею Ѳедоровной, іеромонахъ Ѳ. отправленъ былъ отъ лавры въ С.-Петербургъ съ сочиненными имъ самимъ поздравительными рѣчами и приготовленными для императрицы и наслѣдника съ его супругою иконами отъ имени лавры (Рѣчи напечатаны въ «Странникѣ» за 1876 г., № XI, стр. 87). Послѣдствіемъ этого было то, что на имя архимандрита Кіево-Печерской лавры 26 февраля 1777 года послѣдовалъ отъ наслѣдника престола Павла Петровича слѣдующій рескриптъ: «Ваше преподобіе! Письмо ваше, изъявляющее какъ ваше, такъ и братіи обители вашей усердіе и искренность, мною получено. Оно возбудило во мнѣ чувствительность, сходственную совершенно съ тѣми чувствами, которыя пріобыкъ я ощущать ко всему тому, что носитъ имя россіянъ. Примите же теперь отъ меня за оное мою благодарность и будьте увѣрены о непремѣнности моего противу васъ благорасположенія. Вамъ благосклонный Павелъ».

Въ тамошнемъ лаврскомъ архивѣ находится очень много рѣчей и писемъ, сочиненныхъ и писанныхъ рукою Ѳ-на. Съ 1777 года іеромонахъ Ѳ. имѣлъ счастье заслужить монаршее къ себѣ благоволеніе, которымъ и пользовался постоянно. Въ 1787 году онъ вмѣстѣ съ прочими высокопоставленными лицами встрѣчалъ императрицу Екатерину и привѣтствовалъ ее отъ себя. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Кіевъ, императрица лично повелѣла митрополиту Самуилу посвятить іеромонаха Ѳ. въ архимандрита нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, именуемаго Назаретъ. Въ Богоявленской церкви Кіево-Братскаго монастыря въ присутствіи самой императрицы Ѳ. былъ произведенъ въ новый санъ и тутъ же въ церкви привѣтствовалъ ее благодарственной рѣчью. Нѣжинскимъ Богоявленскимъ монастыремъ архимандритъ Ѳ. управлялъ съ 1786 по 1798 годъ; при немъ монастырь лишился вотчинъ и разоренъ былъ въ 1797 г. сильнымъ пожаромъ. 13 мая 1798 г. Ѳ. былъ назначенъ настоятелемъ первокласснаго черниговскаго Елецкаго монастыря и опредѣленъ ректоромъ черниговской семинаріи, но тутъ былъ только одинъ годъ. Въ 1799 году онъ перемѣщенъ былъ въ Спасопреображенскій Новгородсѣверскій первоклассный монастырь, съ увольненіемъ отъ ректорской должности. Когда 16 октября 1799 года ему Высочайше повелѣно было быть особымъ викаріемъ Кіевской митрополіи, именоваться епископомъ чигиринскимъ и имѣть пребываніе въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ съ правами настоятеля въ немъ, то, по докладу Св. Синода 26 ноября 1799 года, архимандритъ Ѳ. въ томъ же году былъ вызванъ въ Кіевъ и 12-го февраля слѣдующаго 1800 года хиротонисанъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ въ санъ епископа; съ того времени, какъ и теперь, викарные кіевскіе епископы назначались настоятелями вышеупомянутаго Кіево-Михайловскаго монастыря. 18 ноября 1806 года преосвященный Ѳ. за неусыпную дѣятельность его по викаріатству и за прежніе труды по разнымъ возлагавшимся на него должностямъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ святыя Анны I-ой степени. Преосвященный Ѳ. въ званіи кіевскаго викарія былъ восемь лѣтъ и оставилъ прекрасный памятникъ своего здѣшняго викаріатства. Кіево-Михайловскій м-рь, при вступленіи Ѳ. въ настоятели, находился въ полномъ упадкѣ и средствъ для исправленія не имѣлъ. Хозяйство м-ря увеличилось чрезъ присоединеніе назначенныхъ на содержаніе викарія угодій. Но пресв. Ѳ. исходатайствовалъ монастырю лугъ, хуторъ и мельницу и устроилъ иконно-книжную лавку. По любви къ богомысленному уединенію онъ основалъ, въ 12-ти верстахъ отъ Кіева, на землѣ, принадлежащей Кіево-Михайловскому монастырю, загородную дачу, на которой устроилъ и церковь во имя архистратига Михаила и нѣсколько келій для пребыванія тамъ служащей братіи, гдѣ и самъ нерѣдко проживалъ, особенно въ лѣтнее время. Тутъ же заведено было и кладбище для погребенія братіи Кіево-Михайловскаго монастыря. Дача эта существуетъ и въ настоящее время и носитъ наименованіе, по имени основателя ея, «Ѳеофанія». 25 января 1807 года Ѳ. переведенъ былъ на епископскую каѳедру полтавской епархіи, куда прибылъ 31 марта, и имѣлъ мѣстопребываніе въ городѣ Переяславлѣ — резиденціи прежнихъ полтавско-переяславскихъ епископовъ. Вступивъ въ управленіе полтавско-переяславскою паствой, преосвященный Ѳ., по любви къ просвѣщенію, прежде всего обратилъ вниманіе на духовную

семинарію, какъ на разсадникъ, въ которомъ должны созрѣть и образоваться будущіе пастыри святой церкви. Зная по опыту, что успѣхъ школьнаго дѣла главнымъ образомъ зависитъ отъ привлеченія въ школу лучшихъ педагоговъ и отъ болѣе продолжительнаго служенія ихъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, и что это преимущественно обусловливается матеріальнымъ обезпеченіемъ служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ искренно желалъ и заботился объ увелпченіи матеріальнаго содержанія учащихъ и учащихся и имѣлъ утѣшеніе видѣть осуществленнымъ свое задушевное желаніе по этому предмету.

Какъ бывшій офиціальный проповѣдникъ Кіево-печерской лавры и любитель церковной проповѣди, Ѳ. и словомъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ и побуждалъ къ проповѣдыванію слова Божія и начальствующихъ, и учащихъ, и учащихся въ семинаріи; требовалъ также, чтобы и всѣ священники, кончившіе курсъ семинарскихъ наукъ, занимались ревностно произнесеніемъ проповѣдей въ своихъ приходскихъ церквахъ, независимо отъ произнесенія ихъ, по назначенію, въ каѳедральномъ и въ городскихъ уѣздныхъ соборахъ.

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Ѳ. за ходомъ консисторскихъ дѣлъ, принималъ мѣры къ упрощенію дѣлопроизводства и вступалъ даже въ борьбу съ главными консисторскими дѣльцами, доходившую до св. Синода.

Епархію свою преосв. Ѳ. объѣзжалъ по частямъ ежегодно, совершалъ богослуженія и говорилъ рѣчи. Онъ оставилъ незабвенную о себѣ память своею патріархальной простотой, своимъ отеческимъ и, можно сказать, братскимъ обращеніемъ со всѣми и своимъ безкорыстіемъ.

Скончался Ѳ. 24 января 1812 г. и погребенъ въ архіерейской усыпальницѣ, въ Вознесенскомъ соборѣ. Слова и рѣчи его печатались послѣ произнесенія ихъ; встрѣчаются они и въ «Полтав. Епарх. Вѣдомостяхъ».

Аскоченскій, «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ—Академіей», Т. II, стр. 293.—«Полт. Епарх. Вѣд.», 1863 г., № 17, стр. 157; 1867 г., № 22, стр. 405, 408 — 410. — «Описаніе Кіевософ. собора и кіевск. іерархіи», стр. 284.—«Исторія іерархіи», ч. III, стр. 96, изд. 1811 г.—«Черниг. Еп. Извѣстія», 1867 г., стр. 440—441.—*Ю. Толстой*. «Списки архіереевъ», стр. 19.—*П. Строевъ*, «Списки іерарховъ» стр, 929.—*Н. Д.*, «Девятисотлѣтіе русск. іерархіи».—*Іер. Авмросій*, «Ист. р. церкви». Ч. I, стр. 213.—«Странникъ», ноябрь, стр. 85—97.—«Кіево-Златоверхо-Михайловскій м-рь. Кіевъ, 1889 г.

Ѳедотовъ.

Ѳеофанъ, іеродіаконъ Московскаго Чудова монастыря съ 1683 г., книгохранитель и справщикъ Московскаго печатнаго двора съ 1691 г., переводчикъ; скончался въ 1698 году. Аскоченскій высказываетъ предположеніе, что Ѳеофанъ былъ воспитанникомъ Кіев. акад. и прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Славеницкимъ. Другихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Ему приписывается много переводовъ: съ западно-русскаго яз.—Транквилліоново «Зерцало богословія» (1676 г.); съ польскаго—«Новое небо Голятовскаго» (1677); «О тайнѣ покаянія» (1679); «Купель душевная или ученіе житія духовнаго» (1684 г., списокъ въ Моск. синод. библ.); «Римскія повѣсти» (1691 г.); «Дезидерій, или стезя къ любви Божіей и къ совершенству житія христіанскаго» (1688), соч. Беллярмина (печат. Спб. 1784 г.); съ латинскаго—«Солнечникъ (Иліотропіонъ), или уравненіе воли человѣческія съ волею Божіею», соч. монаха Іереміи Дрекселія (два послѣднихъ перевода въ рукоп. хран. въ Моск. синод. библ.), и «Истинная вѣра» (1698 г.). Кромѣ того, онъ занимался сличеніемъ текста псалтири съ древними списками. Переводы его, нѣсколько исправленные, напечатаны въ Спб. 1785 г. и въ Москвѣ 1784 г.

М. Евгеній, «Словарь о писателяхъ духовнаго чина».—*А. Филаретъ*, «Обзоръ духовной литературы».—*А. И. Соболевскій*, «Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вв.».—*В. Аскоченскій*, «Кіевъ съ его древн. училищемъ—академіею». К. 1856 г., т. I, стр. 166.

К. Здр—въ.

Ѳеофанъ, монахъ-постникъ соловецкій, пустынножитель анзерскій. Происходилъ изъ малороссійскихъ крестьянъ, родился въ 1739 году; скончался 26 іюня 1819 года. Изъ его собственнаго разсказа о себѣ видно, что сначала онъ былъ послушникомъ Кіево-Печерской лавры, затѣмъ подвизался въ молдавскомъ Нямецкомъ монастырѣ и наконецъ послѣ 1778 года пришелъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ проходилъ, между прочимъ, послушаніе просфорника и служилъ пустынножите-

лямъ, изготовляя имъ хлѣбъ и сухари. Спустя немного времени, онъ самъ ушелъ въ пустыню и жилъ въ землянкѣ около Ягоднаго озера, но по распоряженію архимандрита былъ возвращенъ въ монастырь, гдѣ на него было возложено послушаніе монастырскаго закупщика, эконома и начальника Сумскаго монастырскаго подворья. Имѣя постоянное общеніе съ мірянами, Ѳ. самъ чуть было не увлекся мірскою жизнію, но во-время остановился, раскаялся и снова удалился изъ монастыря. На этотъ разъ онъ выѣхалъ на лодкѣ въ море, испыталъ великую 10-ти дневную бурю и былъ прибитъ волнами къ берегу около г. Кеми, между рѣками Кемою и Сорою. Здѣсь онъ встрѣченъ былъ недружелюбно и посаженъ въ темницу, но бѣжалъ и поселился верстъ за 40 отъ города въ горахъ и лѣсахъ. Пищей ему служили травы и коренья, но потомъ онъ былъ найденъ окрестными жителями въ болѣзненномъ состояніи и получалъ отъ нихъ пищу, а оправившись отъ болѣзни, и самъ сталъ разводить овощи. Прожилъ онъ въ выкопанной пещерѣ около 25-ти лѣтъ и пустынными подвигами своими былъ извѣстенъ округу. Старость и болѣзни привели его сначала въ Анзерскій скитъ, а затѣмъ опять въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и скончался. Высокою духовною жизнію и постояннымъ богомысліемъ онъ снискалъ себѣ даръ прозорливости, совѣта и назиданія, чѣмъ привлекалъ къ себѣ до самой своей кончины весьма многихъ, искавшихъ душевной пользы.

Поселянинъ, «Русская Церковь и русскіе подвижники XVIII вѣка». — *Никодимъ*, «Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ 18 и 19 вѣковъ»,—іюль мѣсяцъ.

К. Здр—въ.

Ѳеофилактъ Захарьевичъ, одинъ изъ послѣднихъ новгородскихъ пасадниковъ, переживших паденіе Великаго Новгорода. Имя его въ качествѣ посадника упоминается еще въ «докончальныхъ приписныхъ» грамотахъ отъ 11 августа 1471 г., данныхъ новгородцами великому князю Іоанну Васильевичу, послѣ перваго рѣшительнаго столкновенія съ Москвою. Съ тѣхъ поръ и до самаго уничтоженія новгородской вольности Ѳ. З. участвовалъ во всѣхъ переговорахъ съ великимъ княземъ московскимъ. Когда Іоаннъ III зимою 1475 г., призываемый жалобами младшихъ гражданъ, отправился въ Новгородъ утвердить тамъ спокойствіе, Ѳ. З. былъ въ числѣ именитыхъ новгородцевъ, встрѣчавшихъ великаго князя. 15 ноября въ Волмѣ онъ, вмѣстѣ съ прочими посадниками, поднесъ ему дары отъ Великаго Новгорода и отъ себя. 1 декабря того же года, съ архіепископомъ Ѳеофиломъ, ѣздилъ онъ на Городище къ великому князю просить пощады для опальныхъ новгородскихъ сановниковъ, уличенныхъ въ притѣсненіи гражданъ, а 30 декабря Іоаннъ, умѣвшій не только карать, но и миловать, пировалъ у Ѳ. З. въ Новгородѣ. Въ знакъ преданности хозяинъ поднесъ своему гостю богатые дары: «30 золотыхъ корабленыхъ, 3 постава сукна ипскаго да зубъ рыбей», а сынъ его Кузьма—10 золотыхъ и «зубъ рыбей». Принявъ подношенія и отъ другихъ именитыхъ гражданъ, Іоаннъ, въ свою очередь, богато одарилъ ихъ и уѣхалъ въ Москву. По внѣшности Новгородъ еще сохранялъ свою прежнюю свободу, но судьба его уже была рѣшена. Скоро наступило время нанести и послѣдній ударъ новгородской самостоятельности. Великій князь московскій, якобы обиженный тѣмъ, что новгородцы отказываются именовать его великимъ государемъ, собрался въ походъ противъ «мятежниковъ» и «измѣнниковъ», какъ называлъ онъ новгородцевъ за ихъ сношенія съ Литвою. Новгородцы сдѣлали было новую попытку примириться съ великимъ княземъ, но безуспѣшно. 23 ноября 1477 г. владыка Ѳеофилъ съ знатнѣйшими новгородскими сановниками, въ томъ числѣ и Ѳ. З., прибылъ въ великокняжескій станъ молить о помилованіи. Іоаннъ не отвѣчалъ ни слова, но пригласилъ посольство обѣдать за своимъ столомъ. На слѣдующій день послы новгородскіе были съ дарами у брата Іоаннова Андрея Меньшого, прося его заступничества. Но Іоаннъ требовалъ полной покорности, а на это послы не были уполномочены. Между тѣмъ новгородцы дѣлали тщетныя попытки противостоять московской рати, которая все ближе и ближе подвигалась къ старому вольному городу. Наконецъ на вѣчѣ мирная партія опять взяла верхъ, и 4-го декабря новгородцы вторично отправили къ Іоанну прежнихъ пословъ. Три дня длились у нихъ переговоры съ боярами великаго князя. Лично отъ себя Ѳ. З. просилъ объ освобожденіи бояръ, еще раньше сосланныхъ Іоанномъ въ Москву, и предлагалъ государю брать ежегодную

дань «съ сохи по полугривнѣ новгородской». Но Іоаннъ былъ непреклоненъ; онъ хотѣлъ властвовать въ Новгородѣ, какъ властвовалъ въ Москвѣ. Трудность осаднаго положенія, болѣзнь и голодъ заставили новгородцевъ смириться. 15-го января 1478 г. рушилось древнее новгородское вѣче, а 18-го именитые люди, въ числѣ ихъ и Ѳ. З., «били челомъ въ службу» великому князю московскому и цѣловали крестъ на вѣрность Іоанну Васильевичу.

Полное Собр. Рус. Лѣтоп., т., стр. 142; т. VI, стр. 16, 200, 204, 209, 210, 212, 214; т. VIII, стр. 187, 188, 191, 192, 198.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. VI, стр. 115—125, прим. 66.—*Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 275—279.—«Русскій Временникъ», ч. II, стр. 112. *А. Г.*

Ѳеофилактъ (*Горскій*), епископъ переяславскій и коломенскій, обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Въ 1758 г. Ѳ. былъ постриженъ въ монашество и въ томъ же году опредѣленъ въ академію учителемъ аналогіи. Возведенный въ 1759 г. въ санъ іеродіакона, онъ назначенъ былъ учителемъ синтаксимы, а въ 1762 г. посвященъ въ іеромонахи и сдѣланъ учителемъ реторики. Въ 1767 г. Ѳ. былъ переведенъ на философію, съ 20 мая 1768 г. до 1770 г. былъ префектомъ академіи, а въ октябрѣ послѣдняго года опредѣленъ ректоромъ. Въ 1774 г. Ѳ. былъ переведенъ архимандритомъ Донского москов. монастыря. Въ сентябрѣ 1776 г. онъ былъ рукоположенъ въ епископа Переяславля Залѣсскаго, а въ маѣ 1788 г. переведенъ въ коломенскую епархію и въ сентябрѣ того же года скончался. Ѳ. извѣстенъ, какъ духовный писатель. Будучи ректоромъ академіи, онъ составилъ систему богословія, которая была напечатана въ Лейпцигѣ на лат. яз. въ 1784 г. подъ названіемъ: «Ortodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis et agendis», въ 2-хъ частяхъ. Въ этомъ сочиненіи излагается: ученіе о Богѣ самомъ въ себѣ и въ отношеніи къ дѣламъ Его; о происхожденіи и состояніи первобытнаго человѣка до и послѣ паденія; о домостроительствѣ божественнаго спасенія человѣчества; о спасеніи и конечной судьбѣ человѣка. Затѣмъ излагается нравственное христіанское ученіе по обычной тогдашней школьной схемѣ. Сочиненіе это не совсѣмъ самостоятельно, во многомъ повторяетъ другія системы; замѣтно слѣдованіе Буддею и Шуберту. Книга эта была издана вторично коммиссіей дух. училищъ въ 1818 г. для руководства въ семинаріяхъ. Другое догматическое сочиненіе Ѳ—кта «Догматы христіанской православной вѣры» составляетъ сокращеніе первой части перваго сочиненія. Оно издано было сначала имъ въ Москвѣ въ 1773 г. на латин. и на рус. языкахъ. Въ томъ же году оно издано въ Москвѣ проф. Рейхелемъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ, съ посвященіемъ великой княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Въ 1792 г. было новое изданіе на рус. и франц. яз. (Спб.). Ѳ—кту принадлежитъ рукописное сочиненіе «Гармонія и Толкованіе на все св. писаніе» (ркп. моск. и спб. акад.) и нѣсколько проповѣдей, какъ то: надгробное слово митр. Тимофею Щербицкому (М., 1767 г.), слово на день Андрея Первозваннаго (М., 1776 г.), слово на день Петра и Павла (М., 1776 г.) и др.

Мптр. *Евгеній*, «Словарь историч. о писателяхъ дух. чина; т. II, Спб. 1827 г.—*Филаретъ*, «Обзоръ русской духовной литературы», ч. 2-я.—*С. Смирновъ*, «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи», М., 1855 г. *Б. Т—въ.*

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Дмитріевичъ Губинъ*), еп. кавказскій и черноморскій, сынъ діакона, родился въ селѣ Маковцахъ, Тарусскаго уѣзда, Калужской губерніи, въ мартѣ 1818 года. Молодость его протекла въ тяжеломъ трудѣ и нуждѣ, при чемъ, вынужденный собственными силами добывать средства къ жизни, онъ долженъ былъ цѣлыхъ 16 лѣтъ посвятить своему образованію, сначала въ одномъ изъ народныхъ училищъ въ Калугѣ, съ 1832 года—въ калужской духовной семинаріи, а съ 1838 года въ Московской духовной академіи. 8 марта 1842 г. до окончанія курса онъ постригся въ монашество, 15 марта того же года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 28—въ іеромонаха. 21 сентября 1842 года Ѳ. вступилъ на духовно-учебное поприще и въ продолженіе 18-ти лѣтъ ревностно служилъ юношеству сначала въ качествѣ преподавателя богословскихъ предметовъ и инспектора въ олонецкой семинаріи, съ 3 мая 1850 г. ректора въ калужской семинаріи, а съ 1 декабря 1857 года—волынской; во всѣхъ мѣстахъ службы Ѳ. былъ въ то же время и членомъ консисторіи, и цензоромъ проповѣдей, и благочиннымъ монастырей. Въ

1843 г. онъ удостоенъ былъ степени магистра богословія, а въ 1850 году возведенъ въ санъ архимандрита и былъ настоятелемъ въ Покровскомъ Лихвинскомъ и въ Загаецкомъ монастыряхъ. На 60 году жизни Ѳ. былъ вызванъ въ Петербургъ для исполненія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія; здѣсь онъ присутствовалъ въ духовной консисторіи и состоялъ членомъ комитета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. 22 сентября 1860 года Ѳ. былъ опредѣленъ, а 2 октября хиротонисанъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородскаго митрополита Исидора. Черезъ 2 года Ѳ. былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ кавказскимъ и черноморскимъ. «Измѣрилъ я изъ конца въ конецъ всю Россію», говорилъ Ѳ. о себѣ, «теперь некуда ѣхать дальше могилы». Послѣднюю половину своей жизни, т. е. почти 34 года, Ѳ. былъ боленъ катаромъ желудка. Непомѣрные труды по епархіи, особенно по присоединенію къ ней казачьяго духовенства Терской и Кубанской областей, изнурили Ѳ—кта, и 11 мая 1872 года онъ скончался.

«Кавказскія Епарх. Вѣд.», 1873 г., № 1—3, 9 и 15.—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи новгородской епархіи». Новгородъ. 1897 г., стр. 225-26.—*Смирновъ*, «Исторія Московск. дух. акад.»—*Теодоровичъ*, «Исторія Волынск. дух. сем.», стр. 835. *Р.*

Ѳеофилактъ (*Лопатинскій*), архіепископъ тверской, видный іерархъ первой половины XVIII вѣка.

Онъ былъ родомъ изъ волынскихъ дворянъ и родился, повидимому, въ 70-хъ гг. XVIII в. Годъ его рожденія неизвѣстенъ, но онъ былъ старше Ѳеофана Прокоповича, родившагося въ 1681 г. Образованіе Ѳ. получилъ въ Кіевской академіи и въ заграничныхъ училищахъ, а по окончаніи его, въ монашескомъ санѣ, былъ наставникомъ Кіевской академіи одновременно съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Однако въ Кіевѣ Ѳ. служилъ недолго. Скоро въ 1704 г., онъ перешелъ въ Московскую академію, и занималъ здѣсь послѣдовательно должности: наставника философіи и префекта (1704—1706 г.г.), а потомъ ректора и наставника богословія (съ 1706 г.). Какъ преподаватель, Ѳ. въ своихъ ученыхъ воззрѣніяхъ не сходилъ со стараго, схоластическаго пути, оставаясь вѣренъ традиціямъ старой кіевской школы. Какъ школьный администраторъ, Лопатинскій отличался добросовѣстнымъ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и заботливостью о ввѣренномъ ему дѣлѣ. Московская академія въ ту пору была еще мало устроена; ректору приходилось встрѣчаться съ самыми разнообразными затрудненіями. Зданія были ветхи, средствъ отпускалось недостаточно. Учителей найти было трудно, за недостаткомъ образованныхъ людей. Учениковъ тоже постоянно изъ школы отрывали для разныхъ правительственныхъ нуждъ, такъ какъ академія должна была поставлять людей на всѣ поприща дѣятельности. Ѳ. старался сдѣлать, что могъ, для приведенія школы въ удовлетворительное состояніе. Онъ ходатайствовалъ передъ правительствомъ о матеріальныхъ нуждахъ академіи, представляя ея жалкое положеніе; просилъ, чтобы у него не отнимали учениковъ и особенно молодыхъ учителей. Такъ, ему удалось, хотя съ большимъ трудомъ, отстоять для себя въ 1717 году іеромонаха Гедеона Вишневскаго. Но въ общемъ правительство было довольно равнодушно къ школьнымъ нуждамъ и предоставляло Ѳ—кту справляться, какъ онъ знаетъ. Въ отвѣтъ на просьбы и жалобы Ѳ—кта Мусинъ-Пушкинъ писалъ, напримѣръ, въ 1717 г.: «Слышалъ я, что школы умаляются. Прошу, не изволь ихъ оставить, ибо сіе взыщется на васъ». Это было и все, чѣмъ отвѣчали Ѳ—кту.

Какъ образованный человѣкъ, Ѳ. былъ цѣнимъ Петромъ Великимъ, который старался выдвинуть и использовать всѣ ученыя силы. Онъ исполнялъ разныя порученія государя, ученаго характера. Такъ, въ 1710 г. его вызывали въ Петербургъ для исправленія составленной имъ же службы о полтавской побѣдѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ предпринятомъ по указу царя исправленіи славянской библіи. Но по своему направленію Ѳ. не былъ такимъ человѣкомъ, который вполнѣ подходилъ къ новому правительственному курсу. Это былъ человѣкъ стараго закала, во многомъ похожій на Стефана Яворскаго. И какъ послѣдній оказался непригоднымъ для Петра помощникомъ въ его церковныхъ преобразованіяхъ, такъ и Лопатинскій не могъ разсчитывать на особую роль при Петрѣ, какая досталась его младшему сверстнику Прокоповичу. Впрочемъ, это обстоятельство едва-ли печалило Ѳ—кта. Онъ не былъ

честолюбивъ и не претендовалъ, кажется, на вліятельное положеніе. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что Ѳ. сталъ въ натянутыя, а потомъ и въ непріязненныя отношенія именно къ упомянутому Ѳеофану Прокоповичу, высокая звѣзда котораго скоро затмила всѣхъ другихъ іерарховъ того времени. Отсюда для Ѳ—кта въ будущемъ произошли многія несчастія.

Первыя столкновенія Ѳ—кта съ Ѳеофаномъ, кажется, относятся еще къ кіевской ихъ совмѣстной службѣ. Какъ сослуживцы, они казались друзьями, по крайней мѣрѣ объ этой дружбѣ еще долго спустя говорилъ Ѳ. Но ихъ раздѣляла разница взглядовъ, и это омрачало ихъ отношенія. Ѳ., вмѣстѣ съ Гедеономъ Вишневскимъ, бывало, спорили съ Прокоповичемъ по разнымъ богословскимъ вопросамъ, и въ этихъ спорахъ проглядывало недовѣріе первыхъ къ чистотѣ православныхъ убѣжденій послѣдняго. Уходъ Ѳ—кта изъ Кіева не прекратилъ совершенно этихъ принципіальныхъ столкновеній. Изъ Москвы Лопатинскій слѣдилъ за ученою дѣятельностью Прокоповича, и случай столкнулъ ихъ открыто на ученомъ пути. Въ 1712 г. Ѳеофанъ написалъ сочиненіе «Объ игѣ неудобоносимомъ». Ѳ. нашелъ въ немъ неправославныя тенденціи и отвѣтилъ на него строгой критикой, подъ заглавіемъ: «Иго Господне благо и бремя его легко», гдѣ прямо называлъ Ѳеофаново произведеніе писаніемъ, вносящимъ реформатскія мудрованія въ ученіе объ оправданіи. Нечего и говорить, что такая полемика поселила непріязненныя чувства въ Ѳеофанѣ, но пока онъ не могъ ихъ чѣмъ-либо выразить активно. Черезъ нѣсколько лѣтъ опять обстоятельства столкнули двухъ «друзей». Когда Ѳеофанъ былъ вызванъ въ 1716 г. въ Петербургъ и начала обозначаться его будущая карьера, то московскіе ученые увидѣли въ ней опасность для церкви и задумали помѣшать Ѳеофанову возвышенію. Въ Московской академіи были тогда какъ разъ оба кіевскихъ антагониста Прокоповича: Ѳ.—ректоромъ и Гедеонъ Вишневскій—префектомъ. И тотъ и другой не довѣряли чистотѣ православія Ѳеофана, съ богословскими трудами котораго они были хорошо знакомы. Они выбрали изъ Ѳеофановыхъ сочиненій, преимущественно изъ его богословскихъ лекцій, разные сомнительные пункты, въ которыхъ подозрѣвали лютеранскія мысли, и представили ихъ Стефану Яворскому. Яворскій, человѣкъ тѣхъ же воззрѣній, вполнѣ присоединился къ Ѳ—кту съ Гедеономъ, и они рѣшили подать протестъ противъ посвященія Ѳеофана въ епископы. Когда приближался моментъ посвященія Прокоповича, Стефанъ написалъ посланіе къ епископамъ, вызваннымъ на хиротонію, съ приложеніемъ пунктовъ, излагающихъ Ѳеофановы заблужденія, въ которомъ просилъ донести государю о неправославіи Прокоповича и не посвящать послѣдняго прежде, чѣмъ онъ отречется отъ приписываемыхъ ему неправильныхъ мнѣній. Протестъ этотъ, однако, не удался. Ѳеофану удалось оправдаться, и его противники были посрамлены. Стефанъ долженъ былъ извиниться за несправедливый доносъ, а авторы послѣдняго, должно быть, получили строгій выговоръ. Нѣсколько позже, по открытіи св. Синода, Ѳ—кту съ Гедеономъ пришлось публично сознаться въ несправедливости своихъ обвиненій. Отъ нихъ потребовали написать Синоду «доношеніе», въ которомъ они объясняли, что никакой козни противъ Прокоповича въ своихъ пунктахъ не имѣли, и смиренно просили прощенія у Ѳеофана и у Синода. Какія побужденія руководили Ѳ—ктомъ въ доносѣ на Ѳеофана? Иные подозрѣваютъ тутъ и затронутое самолюбіе, такъ какъ Ѳ., будто бы, завидовалъ своему младшему сверстнику, опередившему его въ карьерѣ. Но, судя по личности Ѳ—кта, скорѣе онъ искренне подозрѣвалъ Ѳеофана въ неправославіи.

Изложенныя столкновенія Ѳ—кта съ Ѳеофаномъ, однако, пока не оказали особаго вліянія на судьбу Лопатинскаго. Ѳеофанъ не могъ уже питать къ нему бывшей когда то дружбы; съ раздраженіемъ говорилъ онъ о своихъ московскихъ недоброжелателяхъ. Но при Петрѣ Прокоповичъ не былъ столь вліятеленъ въ управленіи, чтобы руководить всѣми административными назначеніями. Петръ самъ зналъ и выдвигалъ нужныхъ ему лицъ, и хотя Лопатинскій не совсѣмъ подходилъ къ новому церковному курсу, онъ, очевидно, какъ образованный и уважаемый человѣкъ, былъ въ 1722 г. назначенъ совѣтникомъ въ Синодъ, въ томъ же санѣ архимандрита, въ каковомъ онъ проходилъ ректорство въ Москвѣ. Въ томъ же 1722 г. Ѳ. самъ просился, чтобы его назначили епископомъ въ Иркутскъ. Иркутскъ былъ

такимъ архіерейскимъ постомъ, куда никто не хотѣлъ ѣхать, такъ какъ миссіонерская служба въ Сибири считалась подвигомъ. Ѳ., выражая свое желаніе поступить на иркутскую каѳедру, справедливо объяснялъ, что имъ руководитъ отнюдь не честолюбіе, а апостольская ревность послужить дѣлу Христову. Св. Синодъ представилъ о просьбѣ Ѳ—кта государю, но съ своимъ мнѣніемъ, что Ѳ. нуженъ и здѣсь, въ Синодѣ. Несмотря на старанія Лопатинскаго посвятить себя апостольскому подвигу въ Сибири, онъ туда не былъ опредѣленъ. Зато въ слѣдующемъ 1723 году его посвятили въ епископы на тверскую каѳедру, съ оставленіемъ въ числѣ членовъ Синода. Такимъ образомъ и Ѳ., какъ Ѳеофанъ, сдѣлался болѣе дѣятелемъ центральнаго церковнаго правительства, чѣмъ епархіальнымъ администраторомъ. Судьба свела его на одномъ поприщѣ съ его идейнымъ противникомъ, и этимъ путемъ они вмѣстѣ шли долго. Въ Синодѣ въ вѣдѣніи Ѳ—кта находились преимущественно раскольническія дѣла. Роль его по общему управленію, повидимому, была второстепенная, да и самъ онъ едва ли считалъ себя способнымъ играть роль руководящую. Когда при Екатеринѣ I начался процессъ Ѳеодосія Яновскаго, то въ немъ выступилъ и Ѳ. Въ числѣ другихъ, онъ далъ крайне неблагопріятное показаніе о Ѳеодосіи; должно быть, онъ не предчувствовалъ, что впослѣдствіи и ему придется очутиться на скамьѣ подсудимыхъ. Послѣ паденія Ѳеодосія, когда Ѳеофанъ сдѣлался первымъ вице-президентомъ Синода, вторымъ вице-президентомъ былъ назначенъ Ѳ., возведенный еще ранѣе въ томъ же 1725 году въ званіе архіепископа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, когда Ѳеофанъ былъ указомъ императрицы (отъ 25 іюня 1725 г.) перемѣщенъ изъ псковской епархіи въ новгородскую, тѣмъ же указомъ и Ѳ. перемѣщался изъ Твери въ Псковъ. Но и Ѳеофанъ и Ѳ. подали прошенія, чтобы ихъ оставили на прежнихъ каѳедрахъ. Послѣ повторной просьбы императрица согласилась, чтобы Ѳ. остался въ Твери; но Ѳеофанъ былъ безповоротно перемѣщенъ въ Новгородъ.

Въ царствованія Екатерины I и Петра II настало время, когда Ѳ. могъ бы выдвинуться и занять роль, которую до того игралъ Прокоповичъ. Это было время реакціи въ пользу церковной старины, время господства той церковной партіи, къ которой принадлежали Лопатинскій, Георгій Дашковъ, Игнатій Смола и другіе антагонисты Ѳеофана и его направленія. Въ средѣ старо-церковной партіи Ѳ. былъ наиболѣе достойнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Но онъ не имѣлъ тѣхъ качествъ, какія были необходимы для духовнаго сановника въ тотъ вѣкъ политическихъ переворотовъ. У него не было ни необходимаго честолюбія, ни энергіи, ни ловкости, ни умѣнія для борьбы за первенствующее положеніе. Простодушный, довѣрчивый, Ѳ. былъ совершенно не способенъ вести интриги, ловить моментъ, подкапываться подъ другихъ, заискивать и т. п. Онъ не сумѣлъ даже составить связи въ придворныхъ кругахъ, среди которыхъ у него бывали почитатели. Потому-то и въ то благопріятное время Ѳ. остался попрежнему скромнымъ работникомъ, а первую роль заняли такія лица, какъ Георгій Дашковъ. Между тѣмъ, не пріобрѣтая силы, Ѳ. наживалъ себѣ враговъ. Благопріятное правительственное настроеніе тверской архіепископъ рѣшилъ использовать для того, чтобы выступить на борьбу съ протестантизмомъ, вліяніе котораго замѣтно стало на Руси со времени Петра. Еще Стефанъ Яворскій написалъ противъ протестантовъ сочиненіе «Камень вѣры», въ которомъ позволялъ себѣ довольно рѣзкіе выпады по адресу протестантовъ. Сочиненіе это не могло увидѣть свѣтъ при Петрѣ, запретившемъ его печатать, хотя сторонники изложенныхъ въ книгѣ мыслей превозносили ее и ея автора, будучи частнымъ образомъ знакомы съ «Камнемъ». При Петрѣ II, по стараніямъ старо-церковной партіи, Верховный Тайный Совѣтъ далъ разрѣшеніе на изданіе Стефанова сочиненія. Въ 1728 г. книга была издана, и редакторомъ ея былъ Ѳ. Лопатинскій. Изданіе книги многихъ задѣвало. Во-первыхъ, косвеннымъ образомъ Стефанъ мѣтилъ въ Ѳеофана. Во-вторыхъ, его сочиненіемъ были оскорблены проживавшіе въ Россіи иностранцы. Вокругъ книги завязалась оживленная полемика. Въ лейпцигскихъ актахъ въ маѣ 1729 г. былъ напечатанъ разборъ «Камня», съ суровыми укоризнами автору и издателю—Ѳ—кту. Затѣмъ извѣстный протестантскій ученый Буддей издалъ цѣлую книгу съ подробнымъ и основательнымъ опроверженіемъ сочиненія Явор-

скаго. Въ защиту послѣдняго противъ Буддея выступилъ жившій тогда въ Россіи при испанскомъ посланникѣ католическій патеръ доминиканецъ Рибейра, издавшій свою книгу уже при импер. Аннѣ. Рибейра имѣлъ въ виду цѣли католической пропаганды, такъ какъ Стефаново произведеніе давало поводъ думать о католическихъ симпатіяхъ автора. Но книгой Буддея были затронуты и русскіе богословы и, конечно, прежде всего издатель «Камня» Ѳ. Послѣдній рѣшилъ писать опроверженіе на Буддея. При этомъ полемика шла не только съ Буддеемъ, но и съ предполагаемыми его русскими благопріятелями, именно, съ Ѳеофаномъ. Въ кружкѣ Ѳ—кта опредѣленно говорили, что Буддей писалъ по указанію Прокоповича, даже больше: Ѳ. считалъ Ѳеофана самымъ авторомъ Буддеевой книги, изданной лишь подъ чужой фирмой.

Къ сожалѣнію, Ѳ., по простотѣ своей души, не сообразилъ, что теперь вовсе не время заниматься полемикой съ Прокоповичемъ и протестантами. Съ вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны политическое положеніе круто измѣнилось. У трона стали какъ разъ иностранцы, а въ церковной сферѣ безспорно первенство получилъ Прокоповичъ, оказавшій Аннѣ важную услугу при ея воцареніи. Результатомъ измѣнившихся обстоятельствъ прежде всего было удаленіе изъ Синода всѣхъ лицъ анти-Ѳеофановскаго направленія. Указомъ 21-го іюня 1730 г. Ѳ., Георгій и Игнатій молчаливо устранялись изъ Синода и вмѣсто нихъ были назначены новые члены, по выбору Прокоповича (Ѳ. выразился по этому поводу о Ѳеофанѣ: «такихъ выбралъ, что слова не скажутъ»). Одновременно съ тѣмъ начался рядъ политическихъ процессовъ архіереевъ, погубившихъ, между прочимъ, и Георгія и Игнатія—главарей той группы, въ которой числился и Ѳ. Ѳ., уѣхавшій въ свою Тверь, съ тревогой смотрѣлъ на будущее, опасаясь, какъ бы и его въ чемъ не обвинили. И въ то-же время, съ удивительной недальновидностью, онъ принялся сочинять, на досугѣ, задуманное опроверженіе на Буддея. Сочиненіе подъ заглавіемъ «Апокрисисъ» или «Возраженіе на письмо Буддея» скоро было готово, но на его несчастье. Когда Ѳ. сталъ хлопотать о разрѣшеніи на изданіе своего труда, его постигло жестокое разочарованіе. Архіепископъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, архимандрита Іоасафа Маевскаго, хлопотать, чтобы ему позволили «писать» ту книгу, хотя она была уже написана. Затѣмъ онъ и самъ отправился въ Москву для той же цѣли. Здѣсь, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, сначала онъ былъ допущенъ во дворецъ, гдѣ ему удалось получить требуемое разрѣшеніе. Но едва онъ уѣхалъ оттуда, какъ его потребовали туда снова, и чины Тайной Канцеляріи, учинивъ ему допросъ, взяли съ него письменное обязательство не только не писать на Буддея, но даже и не говорить никому о всемъ этомъ дѣлѣ, подъ страхомъ смертнымъ. Столь неожиданный оборотъ Ѳ. приписывалъ Ѳеофану, который, по словамъ Лопатинскаго, пріѣхалъ во дворецъ послѣ него и разговорилъ императрицу. Вмѣшательство при этомъ въ дѣло Тайной Канцеляріи показываетъ, что затѣѣ Ѳ—кта былъ приданъ политическій характеръ. Въ какомъ именно освѣщеніи она представлена была правительству, объ этомъ не трудно догадаться. Прокоповичъ вообще представлялъ своихъ враговъ правительству Анны, какъ политически неблагонадежныхъ людей. Такъ какъ онъ видѣлъ въ полемикѣ противъ Буддея косвенные выпады противъ себя (враги всегда обвиняли его въ протестантствѣ), то онъ и освѣтилъ Ѳеофилактово предпріятіе въ нужномъ свѣтѣ. Это было въ данномъ случаѣ не трудно. Ѳ. писалъ противъ протестантовъ, а приближенные императрицы Анны какъ разъ были протестанты. Легко было представить сочиненіе Ѳ—кта, какъ агитацію противъ нѣмецкаго правительства, разжигающую народную ненависть къ иноземцамъ. Какъ только правительство посмотрѣло на просьбу Лопатинскаго подъ такимъ угломъ зрѣнія, на него и былъ наложенъ строжайшій запретъ. Самый «Камень вѣры» при Аннѣ тоже былъ изъятъ изъ обращенія.

Разъ Ѳ. попалъ въ соприкосновеніе съ Тайною Канцеляріею, то это было уже плохимъ предзнаменованіемъ. Исторія съ «Апокрисисомъ» для него не имѣла прямыхъ серьезныхъ послѣдствій, если не считать допросовъ Ушакова; но она набросила на него пятно подозрѣнія, что было очень опасно въ то время. Можно, пожалуй, удивляться, почему Ѳеофанъ не свелъ съ Лопатинскимъ окончательныхъ счетовъ при этомъ же случаѣ. Насколько Проко-

повичъ чувствовалъ непріязнь къ Ѳ—кту, можно думать потому, что даже на смертномъ одрѣ, по одному свѣдѣнію, въ отвѣтъ на предложеніе помириться съ Ѳ—ктомъ, онъ воскликнулъ: «О, духъ проклятый, Лопатинскій!» Но, очевидно, противъ тверского архіерея, при его характерѣ, чуждомъ политиканства, трудно было найти сколько-нибудь осязательныя политическія улики. Однако и Ѳ—кту пришлось раздѣлить участь другихъ лицъ, которыхъ Прокоповичъ считалъ своими недругами. Дѣло, погубившее Лопатинскаго, началось нѣсколько позже и стояло въ связи съ другими процессами Ѳеофана. Въ половинѣ 1732 г. появилось анонимное письмо съ пасквилемъ на Ѳеофана. Это было одно изъ подпольныхъ произведеній его враговъ. Здѣсь Ѳеофанъ, по обычаю, обвинялся въ лютеранствѣ, осуждались разныя петровскія церковныя мѣропріятія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бросались обвиненія и въ лицо правительству: говорилось о разореніи народа, льстивыхъ министрахъ, скрывавшихъ истину отъ государыни, призывался гнѣвъ Божій на гонителей церкви за осужденіе нѣсколькихъ іерарховъ. Это было именно то, что было нужно Ѳеофану. Онъ тотчасъ представилъ правительству, что авторъ пасквильнаго письма и его компанія—государственные возмутители, ищущіе государственной смуты, недовольные существующимъ порядкомъ. Нѣмецкое министерство, чувствуя свое непрочное положеніе, болѣе всего склонно было повѣрить указаннымъ подозрѣніямъ. Ѳеофанъ, съ помощью Тайной Канцеляріи, ревностно принялся за розыски автора пасквиля. Съ искусствомъ самаго опытнаго слѣдователя, онъ тщательно анализировалъ пасквиль, стараясь по внутреннимъ признакамъ догадаться, кто бы былъ его авторомъ. Одна ничтожная вещь навела его на мысль, что творцомъ пасквиля является іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ, человѣкъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Лопатинскимъ, но извѣстный и Прокоповичу. Въ пасквильномъ письмѣ часто употреблялось слово «дипкую». Ѳеофанъ вспомнилъ, что такое слово онъ слыхалъ отъ Рѣшилова. Рѣшиловъ, находившійся тогда въ Бизюковомъ монастырѣ, былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ. По Высочайшему повелѣнію, Синоду велѣно было изслѣдовать дѣло (въ октябрѣ 1733 г.). Когда первые допросы подтвердили подозрѣніе Ѳеофана, послѣдній донесъ Кабинету, представивъ все дѣло въ политической окраскѣ. Была учреждена особая слѣдственная комиссія изъ кабинетъ-министровъ, Ушакова (начальника Тайной Канцеляріи) и Ѳеофана. Въ это то слѣдствіе и былъ втянутъ Ѳ.

Главные обвиняемые по дѣлу были Рѣшиловъ и архим. Іоасафъ Маевскій. Оба они, особенно послѣдній, въ прежнее время пользовались довѣріемъ Ѳ. Лопатинскаго, имѣли съ нимъ близкія связи, жили въ его епархіи. Это было при Петрѣ II и отчасти въ началѣ царствованія Анны. Простодушный Ѳ. бывалъ очень откровененъ съ упомянутыми лицами въ частныхъ разговорахъ. Говаривали они обо всемъ — о петровскихъ реформахъ, отмѣнѣ патріаршества и т. п. Какъ представители старо-церковнаго кружка, собесѣдники отзывались о новѣйшихъ мѣропріятіяхъ далеко не сочувственно. Въ эпоху реакціи они мечтали о патріаршествѣ и въ патріархи прочили, между прочимъ, Ѳ—кта. Говорили и о новгородскомъ архіереѣ, котораго Ѳ. называлъ «лютеранскимъ защитникомъ». Близость Лопатинскаго съ людьми, настроенными явно враждебно къ новому курсу, его разговоры, въ которыхъ столь проглядывало недоброжелательство къ лютеранамъ и Прокоповичу,—все это заставляло причислить и его къ той «компаніи», которая Ѳеофаномъ выставлялась политически неблагонадежной. Изъ этой компаніи вышелъ пасквиль, по убѣжденію Ѳеофана, и невольно являлось у слѣдователей подозрѣніе, не причастенъ ли къ дѣлу и Ѳ., а если и не причастенъ прямо, то не принадлежитъ ли и онъ къ возмутителямъ государственнаго спокойствія. Тѣнь подозрѣнія, упавшая на него прежде по поводу «Апокрисиса», усиливала и теперь мрачныя краски, въ какихъ рисовалось дѣло. Послѣ допросовъ Рѣшилова, Маевскаго и другихъ лицъ, когда выяснились ихъ отношенія къ Лопатинскому, рѣшили притянуть къ розыску и тверского архіерея. Еще въ засѣданіи слѣдственной комиссіи по Рѣшиловскому дѣлу 5-го марта 1734 г. Ушаковъ предлагалъ допросить Ѳ—кта по вопросу о патріаршествѣ. Но еще годъ оставляли его въ покоѣ. 10-го апрѣля 1735 года прискакалъ, наконецъ, къ нему изъ Петербурга курьеръ съ пакетомъ, въ которомъ заключался вопросъ кабинетъ-министровъ такого содержанія: «вѣдаете ли вы такого человѣка,

который бы таковыхъ рѣчей: наимилшій, коханый, благословенство, динкую и прочихъ, якобы на образецъ польскаго языка устроенныхъ, употреблять пріобыклъ?» Вопросъ касался, какъ видно, Рѣшиловскаго дѣла о пасквилѣ. Ѳ—кту давалось три часа на размышленіе, и онъ долженъ былъ написать отвѣтъ тутъ же, въ присутствіи курьера. Ѳ. отвѣтилъ, что онъ не знаетъ такого человѣка. Черезъ нѣсколько дней, 22-го апрѣля, прискакалъ, однако, другой курьеръ, съ новыми вопросами: «не такъ ли иногда съ вами разговаривалъ бывшій іеромонахъ, что нынѣ разстрига Іосифъ Рѣшиловъ? И въ своихъ къ вамъ письмахъ таковыхъ, будто бы польскихъ нарѣчій, не употреблялъ ли? Такожде и вы, въ вашихъ къ нему поговоркахъ и письмахъ, таковыхъ же на стать такую словъ, хотя и насмѣшкою, не произносили ль?» Отвѣтъ опять требовался въ три часа. Третій вопросъ показывалъ, что подозрѣніе въ причастности къ пасквилю падало и на Ѳ—кта. Послѣдній отвѣтилъ, «что можетъ быть и говорилъ, но не помнитъ этого, потому что Рѣшиловъ жилъ не при немъ, а въ дальнемъ отъ него разстояніи». Однако архіерею не повѣрили; въ отвѣтахъ его, видимо, усмотрѣно было укрывательство истины. Кабинетъ министровъ потребовалъ Ѳ—кта въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ Ѳ. былъ арестованъ на своемъ тверскомъ подворьи и подвергнутъ новымъ допросамъ (30-го мая, 26 и 29 іюня). Такъ какъ его отвѣтамъ все не вѣрили, то 7-го іюля 1735 г. отъ него потребовали подъ страшною клятвою окончательнаго показанія. Предъявленный Ѳ—кту указъ показывалъ, что же собственно подозрѣвали. Онъ гласилъ: «Понеже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый апрѣля 10-го и на второй апрѣля 22-го писанные сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется, было тебѣ не вѣдать, а на третій, мая 30-го писанный, гдѣ Рѣшилова именованнаго такожъ незнаніемъ отговаривался, чего никто не надѣялся, а въ Кабинетѣ 26-го іюня, первѣе въ незнаніи томъ утверждался, покамѣстъ Рѣшиловыхъ тебѣ и твоихъ къ Рѣшилову писемъ не показали, а по объявленіи писемъ оныхъ сказалъ ты, что забытіемъ прежде того не писалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ, а на четвертый вопросъ, іюня 29-го тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ отвѣтствовалъ ты не совѣстно, суетно, огурно и самымъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написанныхъ словамъ твоимъ несогласно и отнюдь не сходно, и потому показалъ ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ; того ради, по имянному ея имп. вел. указу, высокоучрежденные кабинетные министры и синодальные члены согласно приговорили: привесть тебя при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопкимъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, идти ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до 10-го числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ въ извѣстіе предлагается, что если ты, не вступая въ присягу, не скрытно и прямо покажешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то какъ бы ни былъ виноватъ, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію получишь прощеніе. Если же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажется, что присягалъ ты ложно: то нельстя себя вѣдай несумнѣнно, что каковаго суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во лжу призывающихъ Бога свидѣтеля, таковый судъ и осужденіе съ тобою будутъ». Ѳ., однако, и подъ страшной клятвой отвѣтилъ то-же: что онъ говорилъ раньше, ничего не утаивая, ни съ кѣмъ никакого согласія не имѣлъ и ни отъ кого нареканій на ея величество не слыхалъ. Зная честный характеръ Лопатинскаго, можно смѣло повѣрить этой клятвѣ. Хотя его считали участникомъ компаніи, выпустившей пасквильное письмо, но онъ, очевидно, былъ къ этому дѣлу совершенно непричастенъ. Да и трудно предположить, чтобы этотъ человѣкъ, дѣйствовавшій всегда ученымъ оружіемъ, снизошелъ до подпольнаго сочинительства грязныхъ пасквилей. По всей вѣроятности, онъ ничего и не зналъ о пасквильной затѣѣ, даже если она была дѣломъ Рѣшилова, потому что предъ появленіемъ пасквиля Рѣшиловъ перекочевалъ отъ Ѳ—кта въ Бизюковъ монастырь.

Но и клятвѣ Ѳ—кта не повѣрили. Пря-

мыхъ уликъ противъ него не было, потому осудить его стѣснялись. Однако его продолжали держать подъ арестомъ до конца 1738 г. Тѣмъ временемъ умеръ его неукротимый противникъ Ѳеофанъ, а дѣло все равно тянулось. Наконецъ, разразился суровый приговоръ. 1738 годъ былъ годомъ важныхъ политическихъ процессовъ, и подозрительность аннинскаго правительства была напряжена до крайности. Послѣ политическихъ казней, перестали стѣсняться и съ Ѳ—ктомъ. Безъ какихъ-либо новыхъ данныхъ его осудили по старымъ недоказаннымъ обвиненіямъ. Въ декабрѣ 1738 г. въ Кабинетѣ состоялось опредѣленіе: «По слушаніи взнесеннаго изъ Тайной Канцеляріи экстракта изъ дѣла о тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, разсуждено, что помянутый архіерей Ѳеофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи не только о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ томъ себя закрывалъ: ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Іосифомъ, нынѣ разстригою Иваномъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ пасквиляхъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ, на посланные къ нему имянные указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало: но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рѣшилова явно были обличены, тогда никакого уже оправданія онъ не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ якобы отъ безпамятства... За оныя важныя вины подлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ, до смерти его никуда неисходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано-бъ не было». Послѣ этого выборгскаго узника еще разъ брали въ маѣ 1739 г. въ Тайную Канцелярію для допросовъ, такъ какъ нашелся новый доносчикъ, указавшій близкихъ Ѳ—кту лицъ, одно изъ которыхъ умѣло писать полууставомъ, почеркомъ пасквиля. Допросы эти, однако, ни къ чему не привели.

Осужденіе Ѳ. Лопатинскаго было встрѣчено въ русскомъ обществѣ съ великимъ негодованіемъ. Это былъ человѣкъ, всѣми уважаемый, неподкупно честный, и никто не хотѣлъ и вѣрить какой-либо его виновности. Современники съ замѣчательной похвалою отзываются объ этомъ архіереѣ. Учитель Евдокимовъ, хорошо знавшій Лопатинскаго, пишетъ, напримѣръ, о немъ слѣдующее: «Преподобный сей архіерей истинно преподобный, ибо согласовалъ жизнь съ словомъ и ученіемъ апостольскимъ (I посл. къ Тимоф. гл. III). Упражняясь въ проповѣди слова Божья, онъ сочинялъ книги противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ—лютеранъ и кальвиновъ. Нравомъ былъ кротокъ, снисходителенъ и доступенъ. И сколько былъ кротокъ, столько жъ и нестяжателенъ. Купивши мызу Степаново, въ 40 верстахъ отъ С.-Петербурга, на свои келейныя деньги, онъ отдалъ ее потомъ въ тверской архіерейскій домъ. До лишнихъ строеній и банкетовъ никогда не былъ охотникъ, развѣ по нуждѣ. Былъ милостивъ къ неимущимъ. Во время голода, при крайней дороговизнѣ хлѣба, онъ своими келейными деньгами ссужалъ своихъ бѣдныхъ крестьянъ и раздавалъ имъ хлѣбъ даромъ. Когда же минуло голодное лѣто и настало обильное, принесли къ нему записныя книги, кому сколько дано было хлѣба, и докладывали: не прикажешь ли этотъ хлѣбъ отобрать? Преосвященный Ѳеофилактъ, взявъ книги, бросилъ въ печь, въ огонь» (Рукоп. «Каталогъ тверскихъ архіереевъ»). Иностранецъ Фандербекъ писалъ о немъ: «Ученый кругъ уважаетъ Ѳеофилакта Лопатинскаго, епископа тверскаго. Этотъ человѣкъ самаго многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, которою занимался съ усердіемъ и большимъ успѣхомъ... А его непоколебимая честность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни напоминаетъ собою золотой вѣкъ. Однимъ словомъ, если бы можно было изобразить добродѣтель, то онъ былъ бы ея портретомъ». Ѳ—кта считали невиннымъ страдальцевъ, жертвой жестокости аннинскаго царствованія. Многіе современники склонны были видѣть въ немъ даже страдальца за вѣру, потому-что осужденіе его приписывали ревности лютеранъ—иностранцевъ, которыхъ обличалъ Ѳ. Послѣднее подозрѣніе, однако, едва-ли справедливо, потому что прави-

тельство Анны, осуждая Ѳ—кта и преслѣдуя его, руководилось преимущественно политическими побужденіями. Полемическія сочиненія Лопатинскаго только постольку были важны для правительства, поскольку они казались политически опасными, разжигая вражду къ иноземцамъ. Много обязанъ Ѳ. своею несчастною судьбою и Ѳеофану Прокоповичу. Послѣдній создалъ ему подозрительную репутацію сторонника бунтовской компаніи и, хотя Ѳеофанъ умеръ до окончательнаго рѣшенія участи Ѳ—кта, эта участь предопредѣлена была предшествующими розысками.

Въ выборгской крѣпости Ѳ. томился до конца царствованія Анны Іоанновны. Послѣ кратковременнаго регентства Бирона, какъ только власть перешла къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, первымъ дѣломъ новаго правленія была амнистія всѣхъ политическихъ осужденныхъ въ предшествовавшее царствованіе. Указъ объ амнистіи былъ опубликованъ 13 ноября 1740 г., и св. Синодъ тотчасъ же позаботился о множествѣ духовныхъ страдальцевъ. Ѳ. былъ освобожденъ однимъ изъ первыхъ. Его освободили 31 дек. 1740 г. Многіе считали его уже мертвымъ и удивились его гражданскому воскрешенію. Впрочемъ, старецъ—страдалецъ былъ и дѣйствительно почти мертвъ. Ему вернули прежній санъ. Первенствующій членъ синода Амвросій, говорятъ, со слезами возлагалъ на него знаки архіерейскаго достоинства. Цесаревна Елизавета посѣтила его и тоже не могла удержаться отъ волненія. Но дни несчастнаго архіерея были сочтены. Онъ почти не могъ двигаться и скоро скончался, 6-го мая 1741 г., на своемъ тверскомъ петербургскомъ подворьи, и былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ.

Какъ мужъ ученый, Ѳ. извѣстенъ на разныхъ поприщахъ писательской дѣятельности, преимущественно богословскаго характера. Первымъ крупнымъ плодомъ его богословскихъ занятій былъ курсъ лекцій по догматикѣ, читанный въ Московской духовной академіи. Курсъ этотъ (на латин. яз. хранится въ рукоп. Моск. дух. акад. № 255, 257, 259, 262) озаглавливается такъ: «Наука священная, въ богословскихъ состязаніяхъ, по ученью святой церкви восточной, на основаніи священнаго писанія, соборовъ и отцевъ, умозрительно и съ опроверженіемъ противныхъ мнѣній изложенная въ московской коллегіи царя Петра Алексѣевича въ годъ съ 1706—1710». Богословская система Ѳ—кта составлена главнымъ образомъ по руководству Ѳомы Аквината, а отчасти кіевскихъ записокъ, особенно системы Кроковскаго. По своему направленію она похожа на другія системы старой схоластической школы.—Въ возраженіе на сочиненіе Ѳеофана Прокоповича «Объ игѣ неудобоносимомъ» Ѳ. написалъ сочиненіе: «Иго Господне благо и бремя его легко, сіе есть законъ Божій съ заповѣдми своими отъ призрачныхъ, новоизмышленныхъ тяжестей и неудобствъ противническихъ свобожденъ»... Сочиненіе это, посвященное церкви, однако, осталось неизданнымъ; оно хранится въ рукоп. Моск. дух. акад.; есть и въ архивѣ св. Синода. Состоитъ сочиненіе изъ 19 главъ; въ I и II гл. объясняются слова Дѣян. Апост. XV, 10; въ III гл. говорится о законѣ нравственномъ и о заповѣдяхъ Божіихъ; въ IV—о свободѣ христіанской; въ V—о различіи Новаго завѣта отъ Ветхаго; въ VI—о добрыхъ дѣлахъ; въ VII—VIII гл. разрѣшаются противорѣчія и нѣкоторые вопросы о ветхомъ законѣ; IX гл.—о непроизвольныхъ страстяхъ похоти и о совершенствѣ христіанскомъ; X гл.—о грѣхахъ простительныхъ; XI гл.— о вѣрѣ; XII гл.—объ оправданіи; XIII гл.—о благодати оправдывающей и освѣщающей; XIV гл.—о пелагіанской и кальвинской ереси; XV гл.—о возможности храненія заповѣдей Божіихъ; XVI гл.—свидѣтельство о добродѣтеляхъ угодниковъ Божіихъ; XVII гл.—содержаніе ученія противника и неправоты его; XVIII гл.—содержаніе нашего ученія; XIX гл.—увѣщаніе къ православнымъ. Какъ видно, это былъ большой трудъ, выходящій за рамки простой полемики.—Противъ протестантства Ѳ. направлялъ свою дѣятельность и въ другихъ случаяхъ. Онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Стефана Яворскаго въ борьбѣ съ лжеученіемъ Тверитинова. Затѣмъ онъ, какъ мы видѣли выше, издалъ «Камень вѣры» Яворскаго въ 1728 г. Онъ же писалъ «Апокрисисъ» или «Отвѣтъ на писаніе отвѣтно Франциска Буддея къ нѣкоему другу, па Москвѣ живущему, о лютеранской ереси на книгу блаженныя памяти преосвящ. митр. рязанскаго, нареченную «Камень вѣры». Книгѣ этой, какъ выше было описано, не удалось увидѣть свѣтъ, и она послужила лишь

источникомъ огорченій для автора (она имѣется въ рукоп. спискахъ).—Въ Синодѣ Ѳ., какъ опять было отмѣчено, завѣдывалъ раскольническими дѣлами. Онъ усердно обличалъ расколъ и путемъ литературнымъ. Ему принадлежитъ: «Неправда раскольническая, которую на себя объявили выгорѣцкіе пустосвяты въ отвѣтахъ на вопросы, поданные имъ отъ честнаго іером. Неофита». Рукописн. экземпл. этого соч. есть въ библіотекѣ арханг. дух. семинаріи (№ 532). Впослѣдствіи, при имп. Елизаветѣ (въ 1745 г.) это сочиненіе было издано Арсеніемъ Мацѣевичемъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, подъ названіемъ: «Обличеніе неправды раскольнической». Ѳ. же писалъ «увѣщаніе невѣждамъ», напечатанное въ 1725 г. (Полн. Собр. Зак. VII, 4635), обращенное къ раскольникамъ. Въ 1787 г. въ Москвѣ было напечатано сочиненіе Ѳ—кта, посвященное князю Гавріилу Петровичу Гагарину, подъ заглавіемъ: «Зерцало горячайшаго ко Господу Богу духа, изліяннаго Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, блаженныя памяти архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, имъ самимъ сочиненное на латинскомъ языкѣ и своеручно писанное.»—Въ 1722 г. была напечатана въ рус. перев. книга Мавра Орбини «О началѣ имени народа славянскаго». Въ концѣ этого изданія помѣщено было «Разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи», опровергающее мнѣніе западныхъ писателей о западномъ происхожденіи славянскаго христіанства. Это «Разсмотрѣніе» было сочинено Ѳ—ктомъ еще въ 1716 г. (см. объ этомъ у Чистовича, «Ѳеофанъ Пр.» изд. 1868 г., стр. 30).– По порученію государя Ѳ., въ бытность ректоромъ, вмѣстѣ съ Софроніемъ Лихудомъ и нѣкоторыми другими, работалъ надъ исправленіемъ славянской библіи. Трудъ этотъ занималъ время 1713—1723 гг. Исправители сличали славянскую библію съ греческими списками перевода 70-ти толковниковъ, обращаясь, по нуждѣ, и къ еврейскому тексту и къ Вульгатѣ; грамматическія погрѣшности исправляли тутъ же, а болѣе важныя, кромѣ того, выписывали въ особый каталогъ при предисловіи. 3-го февр. 1723 г. исправленную библію разрѣшено было печатать, но 7-го сент. въ томъ же году велѣно было еще разъ ее пересмотрѣть. Пятокнижіе и книга Іова были пересмотрѣны во второй разъ. При Екатеринѣ I въ ноябрѣ 1726 г. опять библія была разрѣшена къ печати, но съ новымъ пересмотромъ. Синодъ поручилъ дѣло тому же Ѳ—кту и Аѳанасію Кондоиди. Но библія такъ и не была издана; рукопись Ѳ—ктова исправленія—библія въ 8-ми книгахъ—хранится въ синодальной библіотекѣ.—По порученію царя, составилъ Ѳ. службу на день Полтавской побѣды (Москва, 1710 г. въ Минеѣ—М. 1711 и 1717 гг.;—затѣмъ издана СПБ. 1725 г. и въ Кіевѣ 1754 г.).—Ѳ. не мало трудился и на проповѣдническомъ поприщѣ. Извѣстны его проповѣди: Слово на заключеніе мира со Швеціею (Спб. 1722 г., съ нѣм. переводомъ); Слово въ день Екатерины (Москва и Спб. 1722 г.) и Слово другое въ день Екатерины (Спб. 1725 г.)

И по своему преподавательскому положенію и по офиціальному, Ѳ—кту приходилось выступать и съ свѣтскими литературными произведеніями. Въ рукописи Моск. акад. (№ 289, 290, 291, 318) сохранился курсъ его лекцій по философіи подъ заглавіемъ: «Три пути Аристотеля, которые надобно пройти въ два года русскому Алкиду: иначе три вида философіи, логика, физика и метафизика, которыя преподаются подъ руководствомъ цинтіи Яворскаго съ 9 сент. 1704 г.». Въ 1709 г., Ѳ., вмѣстѣ съ академическими учителями, составилъ книгу описанія торжественной встрѣчи полтавскому побѣдителю въ Москвѣ, подъ названіемъ «Великолѣпная Апоѳеосисъ»... (М. 1709 г.). По поводу той же побѣды Лопатинскій сочинилъ комедію: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе»... (М. 1710 г.). Затѣмъ извѣстна его «Oda in laudem operis principis Demetrii Kantemiri», 1719 г., состоящая изъ 64-хъ латинскихъ стиховъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1855 г., авг.).

Дѣла Гос. Архива VII разр., № 221, 368 (Дѣло Ѳеофилакта).—Дѣла архива св. Синода за 1721—1741 г.г.—«Каталогъ тверскихъ архіереевъ», сочин. въ 1757 г. учителемъ Ивановъ Евдокимовымъ, сослуживцемъ Лопатинскаго по Москвѣ (рукопись твер. дух. семин.).—*И. А. Чистовичъ*, «Рѣшиловское дѣло», Спб. 1861 г.—*Его же*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», Спб. 1868 г.—*Б. В. Титлиновъ*, «Правительство имп. Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ прав. церкви», Вильна, 1905 г.—*И. Я. Морошкинъ*, «Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверскій», («Рус. Стар.», 1886 г., янв., февр.)—Прот. *Косьма Чередѣевъ*, «Біографіи тверскихъ архіереевъ», Тверь, 1859 г.—*С. Смирновъ*, «Исторія московской словяно-греко-латинской академіи», Москва,

1855 г.—*Преосв. Филаретъ*, «Обзоръ рус. духовной литературы», кн. II, М. 1884 г.—*Митр. Евгеній*, «Словарь духовн. писателей», т. II, Спб. 1827 г.—*В. Аскоченскій*, «Кіевъ съ его древн. училищемъ Академіею», Кіевъ, 1856 г.—*И. А. Чистовичъ*, «Исправленіе текста славянской библіи предъ изданіемъ 1751 г. («Прав. Обозр.» 1860 г., т. I). — *Пекарскій*, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», т. I, Спб. 1862 г.—*А. Архангельскій*, «Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ В.», Казань, 1883 г.—*Д. Извѣковъ*, «Проповѣднич. и противопротестантская литература на Руси въ перв. половинѣ XVIII в. («Прав. Обозр.», 1871 г., янв.)—*Прот. І. Моревъ*, «Камень вѣры м. Стефана Яворскаго», Спб. 1904 г.—*С. Г. Рункевичъ*, «Исторія рус. церкви подъ управл. Св. Синода», т. I, Спб. 1900 г.—*Ф. А. Терновскій*, «Московскіе еретики въ ц. Петра В.» («Прав. Обозр.», 1863 г., т. X—XI).—«Прав. Об.», 1860 г., кн. 2 (напечат. пастырское внушеніе Ѳеофилакта одному своевольному игумену); 1862 г., № 2 (напечатано доношеніе Ѳ—кта Синоду съ просьбой опредѣлить его въ Иркутскъ и докладъ Синода); 1872 г., № 12 (статья о Ѳ. Л.).—*С. М. Соловьевъ*, «Исторія Россіи».

Б. Титлиновъ.

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Ивановичъ Пинегинъ*), архимандритъ вятскаго Трифонова Успенскаго монастыря. Былъ сыномъ священника, родился въ селѣ Вожгалахъ Вятской губ. Ѳ. окончилъ курсъ вятской дух. симинаріи въ 1799 г. и 4 марта 1800 г. рукоположенъ былъ въ діаконы къ вятскому каѳедр. собору. Въ 1804 г. онъ овдовѣлъ и поступилъ префектомъ въ вятскую семинарію. Въ 1812 г. онъ постригся въ монашество съименемъ Ѳеофилакта, 10 марта былъ рукоположенъ въ іеромонахи и опредѣленъ въ московскій Донской монастырь, а въ 1814 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Слободского монастыря. Заботясь о благоустройствѣ этого монастыря, Ѳ. находилъ время для общенія съ раскольниками, которыхъ обращалъ въ православіе. Ѳ. состоялъ членомъ дух. консисторіи и благочиннымъ монастырей. Въ 1824 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ вятскаго Трифонова монастыря, гдѣ украсилъ храмъ стѣнною живописью, улучшилъ церковное пѣніе и расширилъ монастырскія зданія. Скончался Ѳ. 29 іюля 1829 г. и погребенъ въ Воткинскомъ заводѣ подъ теплою соборною церковью.

«Вятскія Епарх. Вѣдом.», 1865 г., № 23, стр. 740—741; 1866 г., № 1, стр. 17.

К. З.

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеофанъ Абрамовичъ Праведниковъ*), епископъ новгородсѣверскій, викарій черниговской епархіи, сынъ священника, уроженецъ Курской губерніи. По окончаніи курса наукъ въ курской семинаріи онъ въ 1833 году поступилъ въ Кіевскую академію и въ 1837 году, окончивъ курсъ со степенью кандидата, поступилъ на службу учителемъ Павловскаго духовнаго училища; 25 апрѣля слѣдующаго года Ѳ. былъ опредѣленъ инспекторомъ этого училища, а 25 августа 1838 года переведенъ учителемъ въ воронежскую духовную семинарію. 30 ноября 1845 года Ѳ. принялъ монашество, 5 декабря былъ сдѣланъ іеродіакономъ, 6 дек.—іеромонахомъ и 23 декабря—инспекторомъ воронежской семинаріи. Въ то же время онъ исправлялъ должность ректора и цензора проповѣдей. 6 августа 1851 года Ѳ. былъ возведенъ въ санъ архимандрита и 3 декабря того же года назначенъ ректоромъ тамбовской духовной семинаріи и настоятелемъ козловскаго третьеклассного монастыря. 16 апрѣля 1855 года онъ Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени, 27 мая 1857 года перемѣщенъ ректоромъ херсонской духовной семинаріи и назначенъ настоятелемъ одесскаго второкласснаго Успенскаго монастыря. 21 апрѣля 1868 года Ѳ. былъ удостоенъ ордена Владиміра 3-й степени и въ томъ же году назначенъ первымъ епископомъ новгородсѣверскимъ, викаріемъ черниговской епархіи, гдѣ и скончался на 58 году отъ роду, 12 января 1869 года, отъ нервнаго удара.

«Черниговск. Еп. В.», 1869 г., № 2.—«Литовск. Еп. В.», 1869 г., № 4.—«Воронежск. Еп. В.», 1869 г., № 4.—*Ю. Толстой*, «Перечень іерарх. 50-ти лѣтія Кіевск. Дух. Академіи».—Дѣла Архива св. Синода, 1845 г., № 1620; 1869 г., № 79.—*Никольскій*, «Исторія Воронежской семинаріи».

Ѳедотовъ.

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Гавриловичъ Русановъ*), экзархъ и митрополитъ Грузіи, членъ св. Синода, знаменитый іерархъ эпохи императора Александра I. Сынъ дьячка Набережной волости, Онежской округи, Архангельской губерніи, родился въ 1765 году. Образованіе получилъ въ Олонецкой дух. семинаріи и съ 1788 г.—въ С.-Петербургской Ал.-Невской главной семинаріи, которая считалась высшимъ духовно-учебнымъ заведеніемъ. По окончаніи въ 1792 г. курса

онъ, какъ лучшій и даровитѣйшій воспитанникъ, оставленъ былъ въ семинаріи учителемъ поэзіи и риторики; въ этомъ же году онъ принялъ монашество съ именемъ Ѳеофилакта, а въ 1793 г. рукоположенъ въ іеродіакона и исполнялъ обязанности катихизатора, публично изъясняя катихизисъ въ теченіе цѣлаго года. Въ 1794 г. Ѳ. былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и назначенъ законоучителемъ въ Греческій корпусъ, переименованный въ 1796 г. въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ; въ 1796 — 1797 гг. онъ преподавалъ Законъ Божій въ сухопутномъ шляхетномъ и артиллерійскомъ кадетскихъ корпусахъ. Въ 1795 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Зеленецкаго монастыря, затѣмъ послѣдовательно былъ назначаемъ настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ Петергофа (29 мая 1796 г.), новгородскаго Антонія Римлянина монастыря (8 ноября 1798 г.) и валдайскаго Иверскаго монастыря (1799 г.), но все время жилъ въ С.-Петербургѣ, исполняя должность законоучителя, состоя съ 1798 г. членомъ Св. Синода въ званіи асессора и удѣляя не мало времени самообразованію, изученію философіи, эстетики, исторіи и новыхъ языковъ, въ особенности французскаго. Своими обширными познаніями, даромъ слова и видною величественною наружностію Ѳ. производилъ сильное впечатлѣніе, былъ извѣстенъ при Дворѣ и вскорѣ занялъ почетное положеніе. Въ 1799 году онъ былъ назначенъ епископомъ калужскимъ: нареченіе 23 октября и хиротонія 30 октября происходили въ Гатчинѣ въ присутствіи царской семьи. Во вновь учрежденной Калужской епархіи преосвященному Ѳ—кту, какъ первому епископу, пришлось устраивать епархіальное управленіе, духовную консисторію, семинарію, устанавливать границы епархіи, бороться съ расколомъ (изв. «Брынскіе лѣса») и проч. Здѣсь проявилась его энергія и твердая независимость въ дѣятельности, обходительность и справедливость къ подчиненному духовенству, которое онъ стремился поднять на подобающую высоту. По своимъ воззрѣніямъ и дѣйствіямъ онъ не былъ аскетомъ, любилъ блескъ и пышность какъ дома въ одеждѣ и обстановкѣ, такъ и въ храмѣ въ богослуженіи и облаченіи. Дѣлами онъ занимался вечеромъ, а по ночамъ или молился, или сидѣлъ за сочиненіями и переводами съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, новогреческаго и латинскаго языковъ. Въ ноябрѣ 1806 г. преосв. Ѳ. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ, а 29 ноября 1807 г. назначенъ былъ членомъ новоучрежденнаго «Комитета по усовершенствованію духовныхъ училищъ», преобразованнаго 26 іюня 1808 г. въ «Комиссію духовныхъ училищъ». Это было началомъ славнаго и блестящаго періода жизни и церковной дѣятельности преосвящ. Ѳ—кта, бывшаго самымъ дѣятельнымъ членомъ какъ въ «Комитетѣ», такъ и въ «Комиссіи», и проявившаго всю свою ученость, энергію, способность къ инициативѣ и авторитетъ въ области церковнаго просвѣщенія и управленія. Имъ были составлены: «Докладъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ и начертаніе правилъ объ образованіи сихъ училищъ и содержаніи духовенства при церквахъ»; «Вторая и третья части устава духовныхъ академій»; «Уставъ дух. семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ»; «Классификація книгъ для расположенія въ академическихъ и семинарскихъ библіотекахъ и составленіе каталоговъ по этой классификаціи»; «Положеніе о содержаніи бѣдныхъ учениковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и объ образѣ призрѣнія остающихся сиротъ», «Проектъ лучшаго устройства продажи церковныхъ свѣчей для образованія капитала на содержаніе духовныхъ училищъ»; «О выгодахъ отъ поставки свѣчей въ церкви по подрядамъ»; «Проектъ учрежденія при Московск. Синод. типографіи особаго отдѣленія съ способными людьми для печатанія полезныхъ для церкви книгъ»; «Примѣрный планъ устройства и открытія академіи, семинаріи и духов. училищъ въ С.-Петербургской епархіи»; «Подробные штаты этихъ учебныхъ заведеній»; «Распорядокъ къ помѣщенію студентовъ въ академіи»; «Подробная программа по классу словесныхъ наукъ»; «Разъясненіе правилъ о неуспѣшныхъ ученикахъ» и «Инструкція о преподаваніи въ уѣздномъ училищѣ латинскаго и греческаго языковъ, всеобщей исторіи и географіи». Уже одно простое перечисленіе работъ преосвящ. Ѳ—та свидѣтельствуетъ объ энергичномъ участіи его въ дѣлѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, но любовь къ дѣлу влекла его еще дальше: послѣ открытія С.-Петербург-

ской дух. академіи онъ какъ-бы забываетъ свой санъ и, вопреки установившимся традиціямъ, беретъ на себя обязанности профессора по классу словесныхъ наукъ, переселяется съ калужскаго подворья въ академію, рѣшительно и смѣло читаетъ лекціи по новой программѣ и добивается прекрасныхъ результатовъ. Въ 1808 г. онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Рязань. Сила его имени и авторитета чувствовалась и въ св. Синодѣ, и при Дворѣ, и въ академіи, и въ обществѣ. Въ 1810 г. преосвящ. Ѳ. отрицательно отозвался о конспектѣ, представленномъ въ Комиссію дух. училищъ профессоромъ философіи еврейскаго языка и церковныхъ древностей докторомъ правъ Феслеромъ на лат. и рус. языкахъ о преподаваніи еврейскаго языка, по предмету о древностяхъ и обрядахъ греческой, латинской и россійской церквей и философскихъ наукъ. Феслеръ былъ уволенъ изъ академіи, а преосвящ. Ѳ. разошелся во взглядахъ съ кн. Голицынымъ и гр. Сперанскимъ и потерялъ авторитетъ и вліяніе въ увлекавшемся мистицизмомъ обществѣ, которое обозвало преосв. Ѳ—кта обскурантомъ, гасителемъ просвѣщенія и проч. Не сошелся онъ во взглядахъ и съ архимандритомъ Филаретомъ (Дроздовымъ), ослабѣвало его значеніе и у митрополита и въ Комиссіи. Его старались благороднымъ образомъ временно удалить изъ Петербурга. Какъ разъ явилось важное дѣло по приведенію въ порядокъ разоренныхъ Наполеономъ епархій, и 27 ноября 1812 года преосв. Ѳ. былъ командированъ въ Смоленскъ, Могилевъ, Калугу, Минскъ и Волынь. По порученію св. Синода, онъ раздавалъ пособіе потерпѣвшимъ отъ непріятеля, лишилъ сана епископа могилевскаго Варлаама (Шишацкаго), присягнувшаго Наполеону, и 19 мая 1813 года возвратился въ С.-Петербургъ, но здѣсь съ нимъ случилась новая непріятность. Не получая болѣе двухъ лѣтъ никакого отзыва на представленную имъ въ комиссію рукопись подъ названіемъ: «Эстетическія разсужденія» Ансильона (переводъ студентовъ дух. академіи нѣкоторыхъ статей и сочин. Ансильона «Melanges de litterature et de philosophie»), преосв. Ѳ. напечаталъ эту рукопись съ одобренія гражданской цензуры. Книги къ употребленію въ академіи не допустили, нашли, что переводъ зараженъ пантеизмомъ, натурализмомъ и либерализмомъ. Въ половинѣ декабря 1813 г. преосв. Ѳ. отправился въ свою Рязанскую епархію. Просвѣщенная дѣятельность его въ епархіи была направлена главнымъ образомъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня духовенства. Предметомъ особыхъ заботъ его была духовная семинарія, получившая при немъ новыя зданія, лучшую постановку всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ и улучшеніе внѣшняго матеріальнаго положенія семинаристовъ. Онъ былъ энергичнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ начальникомъ по отношенію ко всей вообще рязанской паствѣ, онъ сблизился и съ духовенствомъ, и съ великосвѣтскимъ обществомъ, и съ простымъ народомъ; часто говорилъ проповѣди и охотно бесѣдовалъ съ рязанскими горожанами у себя на дому по разнымъ вопросамъ. Въ 1817 г. онъ назначенъ былъ экзархомъ Грузіи, ожидавшей устройства въ ней церковнаго управленія. Преосв. Ѳ. составилъ «Проекъ новаго устройства духовной части въ Грузіи», получившій 28 декабря 1818 г. Высочайшее одобреніе, и дѣйствовалъ согласно съ этимъ проектомъ, насаждая просвѣщеніе чрезъ устройство въ Тифлисѣ дух. семинаріи и дух. училищъ и приводя въ порядокъ духовныя дѣла въ Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи (Мингрелія и Гурія остались независимы). Онъ выхлопоталъ матеріальное обезпеченіе грузинскому духовенству и чрезъ благочинныхъ подчинилъ его дисциплинѣ. Оживилась при немъ и миссіонерская дѣятельность Осетинской комиссіи; число новообращенныхъ простиралось до 47,000 чел. При всѣхъ трудахъ по устройству духовныхъ дѣлъ самочувствіе экзарха было не особенно хорошее: тоска по Россіи и сознаніе опалы тяжелымъ бременемъ лежали на его сердцѣ. Не могли утѣшить его ни санъ митрополита, пожалованный 1 іюля 1819 г., ни орденъ Владиміра 1-й степени; въ 1821 г. онъ просилъ перевода въ Россію, но въ іюлѣ мѣсяцѣ при обозрѣніи церквей Кахетіи простудился и 19 іюля 1821 г. скончался отъ тифа; погребенъ въ Бодбійскомъ Сигнагскомъ монастырѣ.

Сочиненія преосвященнаго Ѳеофилакта раздѣляются на оригинальныя и переводныя. Къ первымъ принадлежатъ его проповѣди: «Проповѣди, говоренныя въ

1796 г. Троице-Сергіевой пустыни архимандритомъ Ѳеофилактомъ въ придворной Его Величества церкви»; «Слово на погребеніе генерала П. И. Мелиссино», Спб. 1797 г.; «Слово въ день тезоименитства Государыни», 1806 г.; «Слово въ день рожденія Государыни», 1807 г.; «Слово на умовеніе ногъ», 1807 г.; «По случаю мира съ Франціей», 1807 г.; «Слова на разные случаи», изд. 1806 и 1809 г.г., въ 2-хъ частяхъ; «Слово на случай прибытія въ Рязань», 1811 г.; «По случаю занятія Парижа союзными войсками», 1814 г. Онъ былъ проповѣдникомъ-публицистомъ и преимущественно раціонально-полемическаго направленія. Изъ переводовъ его извѣстны: «Философское утѣшеніе»—Боэція, Спб. 1794 г.; съ греческаго—«Разсужденіе о достовѣрности книгъ евангельскихъ и объ истинности свидѣтельства апостоловъ»—Безобра, М. 1803 г.; съ англійскаго — «Созерцаніе христіанства» — Женнингса, въ 2-хъ частяхъ, М. 1803 г.; «Пастырское наставленіе о превосходствѣ религіи»—Де-ля-Люцерна, М. 1804 г.; съ латинскаго – «Врачевство отъ унынія и отчаянія», въ 2-хъ частяхъ, Калуга, 1805 г.; «Начала противъ безвѣрія» —Камюзе, Калуга, 1806 г.; «Собраніе переводовъ» —въ 4-хъ частяхъ, Спб. 1809 г. Кромѣ того, Ѳ. принималъ участіе въ сочиненіи книги для государыни—«Мнѣніе о разностяхъ между восточною и западною церковью», 1816 г.; разсматривалъ книги—«Опытъ о краснорѣчіи проповѣдниковъ», 1799 г.; «Опытъ славянскаго словаря», 1808 г. и др. Подъ его редакціей сдѣланы переводы: «Эстетическихъ разсужденій» — Ансильона и «Сравнительной исторіи философскихъ системъ»—Де-Жерандо, въ 3-хъ частяхъ. Его 6 словъ (коррект. экз.) хранятся въ библ. Московс. синод. типографіи.

А. Ельчуковъ, «Ѳеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи Импер. Александра I». Кіевъ, 1905 г.—«Труды Кіев. дух. акад.» 1904 г., окт.-ноябрь и 1905 г. сент. –«Вѣра и Разумъ», 1907 г., №№ 16—18.—«Калужскій Церков. Обществ. Вѣстникъ», 1908 г., №№ 29—31.—*И. А. Чистовичъ*, «Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія въ Россіи въ 1-й полов. XIX ст. Спб. 1894 г.—«Опись докум. и дѣлъ Комиссіи Дух. Училищъ». Спб. 1910 г.—Описаніе рукописей, хранящ. въ Архивѣ Св. Синода, №№ 2027, 2029, 2031, 2036.—«Вѣстникъ Европы», 1873 г., №№ 11—12.—«Русская Старина», 1895 г., мартъ.—«Странникъ», 1895 г., августъ.—*Леонидъ*, «Исторія церкви въ предѣлахъ Калужской губ. и калужскіе іерархи». Калуга, 1876 г.—*Агнцевъ*, «Исторія Рязан. семинаріи».—*А. В. Гавриловъ*, «Исторія Спб. Синодальной Типографіи». Спб. 1911 г.—*А. Н. Котовичъ*, «Духовная цензура въ Россіи». Спб. 1909 г.—*Титовъ*, «Акты къ исторіи Кіев. академіи».—*Митр. Евгеній*, «Словарь писателей дух. чина».—*Филаретъ*, «Обзоръ русской духовной литературы».—*Покровскій*, «Библіотека Москов. Синод. Типогр.», вып. 6.—Проповѣди первой полов. XIX вѣка. М. 1912 г.

К. Здр—въ.

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Васильевичъ Слоньцкій* или *Слоницкій*), епископъ вологодскій. Сынъ священника села Прохорова, Борзенскаго уѣзда, Черниговской епархіи, родился въ 1744 году,—скончался 13 августа 1823 года. Образованіе получилъ въ черниговскихъ училищахъ и съ 1756 г. въ Кіевской академіи. По окончаніи курса онъ поступилъ послушникомъ въ Кіево-Печерскую лавру и тамъ въ 1766 г. постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофилакта. Во время пребыванія въ лаврѣ Ѳ. проходилъ разныя должности: былъ корректоромъ въ типографіи, проповѣдникомъ, съ 1768 г. перводіакономъ, реентомъ лаврской канцеляріи; затѣмъ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, опредѣленъ соборнымъ настоятелемъ больничнаго монастыря и блюстителемъ дальнихъ пещеръ. Въ 1792 г. Ѳ. былъ избранъ въ намѣстники лавры и черезъ годъ произведенъ въ архимандрита. 17 августа 1795 г. назначенъ настоятелемъ Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря и ректоромъ Кіевской академіи, каковую должность исполнялъ до 1803 г., несмотря на то, что 10 дек. 1798 г. перемѣщенъ былъ въ Пустынно-Николаевскій монастырь. 26 апрѣля 1803 года онъ былъ хиротонисанъ въ епископа вологодскаго, а 3 января 1808 года по болѣзни уволился на покой въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ и скончался.

Аскоченскій, «Кіевъ съ его училищемъ-академіею».—*Серебренниковъ*, «Кіевская академія съ полов. XVIII в. до 1819 г.»—Вологодскій архіерейскій домъ.

К. Здр-въ.

Ѳеофилактъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Ивановичъ Ширяевъ*), епископъ тамбовскій. Сынъ священника села Заозерья, Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, родился 8 сентября 1744 года,—скончался 20 мая 1824 года. Образованіе получилъ въ ярославской семинаріи и по окончаніи курса преподавалъ въ ней послѣдовательно поэзію, риторику, философію, богословіе и

языки: латинскій, греческій и французскій; впослѣдствіи онъ состоялъ тамъ же префектомъ. Въ 1808 году Ѳ. былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и 22 мая постриженъ въ Александро-Невской лаврѣ въ монашество съ именемъ Ѳеофилакта; въ томъ же году 6 августа онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Спасо-Каменнаго Духова монастыря и префектомъ и учителемъ въ вологодской семинаріи, гдѣ въ 1810 г. сдѣланъ былъ ректоромъ. Въ 1811 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Спасо-Прилуцкій монастырь и вызванъ на чреду священнослуженія въ С.-Петербургъ, гдѣ въ преобразованной духовной академіи ему, за смертію профессора, порученъ былъ до конца года классъ словесныхъ наукъ. Въ 1814 г. Ѳ. былъ назначенъ ректоромъ калужской семинаріи и настоятелемъ Пафнутіева, Боровскаго монастыря, а 23 іюля 1821 года хиротонисанъ въ епископа тамбовскаго, гдѣ чрезъ три года скоропостижно скончался. Во время своего управленія Тамбовскою епархіею онъ успѣлъ обновить составъ членовъ дух. консисторіи и сдѣлать нѣсколько распоряженій относительно уничтоженія питейныхъ заведеній, находящихся вблизи церквей, а также ослабить расколъ и молоканство; заботился онъ и о духовно-учебныхъ заведеніяхъ: въ духовномъ училищѣ открылъ классъ татарскаго языка.

Свящ. М. Хитровъ, «Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи». 1861 г.— *И. А. Чистовичъ*, «Исторія С.-Петербургской дух. академіи», 1851 г.—Письма митр. Филарета къ Высоч. особамъ I, 48 и примѣч. I.— Дѣла Комиссіи Дух. Училищъ.

К. Здр—въ.

Ѳеофилактъ, епископъ воронежскій, ум. 30 ноября 1757 г. Родился въ Вологдѣ; школьнаго образованія, по всей вѣроятности, не получилъ. Есть извѣстіе, ничѣмъ, однако, не подтверждающееся, что онъ «служилъ при св. Синодѣ секретаремъ и, подвергшись церковному покаянію, отосланъ въ монастырь, гдѣ живучи привыкъ къ уединенной жизни и постригся въ монашество». Въ 1724 г. онъ, несомнѣнно, былъ монахомъ и служилъ казначеемъ въ вологодскомъ архіерейскомъ домѣ, откуда въ томъ же году назначенъ былъ архимандритомъ Глушицкаго м-ря, 20 ав. 1727 г. Ѳ. былъ перемѣщенъ въ Корниліевъ Комельскій м-рь, а 14 іюля 1732 г.—въ Кирилловъ Бѣлозерскій, по представленію вологодскаго епископа Аѳанасія, который писалъ Синоду: «въ Кирилловѣ м-рѣ достоинъ быть въ архимандричествѣ архим. Ѳ-ктъ, которой монаховъ въ благоговеніе и въ страхъ Божій привести можетъ, также и слугъ отъ своевольства отвратитъ и тотъ Кирилловъ м., какъ и Корниліевъ... въ первое свое состояніе приведетъ, понеже онъ человѣкъ умной, ревнительной, экономъ, приказный и житіемъ безпорочный, за что я и во отбытіе мое завсегда въ домѣ моемъ судіемъ и управителемъ ево опредѣляю». 15 декаб. 1733 г., за самовольный пріемъ въ монастырь неизвѣстнаго, назвавшагося іеродіакономъ, по приказанію Синода, «при собраніи всей братіи въ трапезѣ», лишенъ настоятельства и до указу поселенъ въ рядовой братской кельѣ подъ карауломъ 4-хъ монастырскихъ солдатъ. 4 нояб. 1737 г. новымъ вологодскимъ епископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ Ѳ. былъ опредѣленъ настоятелемъ Комельскаго м-ря и судіею вологодской консисторіи. Послѣ этого, благодаря покровительству Амвросія, Ѳ. сталъ быстро подвигаться по службѣ. Въ 1738 г. онъ уже значился въ Синодѣ въ числѣ кандидатовъ на епископство. 2 іюня 1740 г. Синодъ поручилъ ему управленіе вологодскою епархіею до прибытія новаго архіерея, на смѣну Амвросія, переведеннаго въ Новгородъ. 3 отк. того же года Ѳ. назначенъ былъ членомъ Синода и 9 окт.—настоятелемъ костромского Ипатьевскаго м-ря. Съ 5 февр. по 20 декаб. 1742 г. онъ присутствовалъ въ петербургской синодальной конторѣ, 14 янв. 1743 г. ему повелѣно вновь быть въ Синодѣ. 10 сент. того же года Ѳ. былъ опредѣленъ епископомъ воронежскимъ и хиротонисанъ 14 сент. Въ воронежской епархіи главнымъ его дѣломъ было учрежденіе семинаріи, вынужденное, впрочемъ, настойчивыми требованіями Синода. Управленіе его епархіею отличалось исключительною строгостью къ подчиненнымъ. Даже наиболѣе приближенные къ архіерею духовныя лица и чиновники, исполнявшіе при немъ разныя обязанности по его порученію, наказывались по самымъ незначительнымъ поводамъ и мѣсяцами не выходили изъ оковъ. Въ 1746 г. грубое публичное обращеніе Ѳ-кта съ однимъ священникомъ дало поводъ къ обвиненію его въ оскорбленіи величества, вслѣд-

ствіе котораго губернскою канцеляріею въ теченіе трехъ дней, пока не обнаружилась полная неосновательность обвиненія, держался караулъ у архіерейскаго дома. Скончался Ѳ-ктъ, «бывъ въ болѣзни», на 62 году отъ рожденія.

Дѣло архива св. Синода—1734 г., № 221; 1738 г., № 24; 1740 г., №№ 243, 303; 1743 г., №№ 21 и 199; 1746 г., № 235; 1757 г., № 169.—*Строевъ П.*, «Списки іерарховъ», Спб. 1877.—«Истор. очеркъ Глушицкаго м-ря»,(«Вологод. Епарх. Вѣдом.»1876 г.).—«Исторія Корниліева Комельскаго м-ря(тамъ же, 1883 г.)—*Амвросій архим.*, «Воронежскіе архіереи» («Воронеж. Еп. Вѣдом.», 1879 г.).—*Никольскій П.*, «Истор. воронежской сем.» Ворон. 1899 г.—*Болховитиновъ*, «Истор., географ. и эконом. описаніе Воронеж. губ.» («Воронеж. Старина», вып. XII, Воронежъ, 1912 г.).

Т.

Ѳеофилактъ, архимандритъ московскаго Данилова монастыря. Происходилъ изъ купеческаго званія. Въ 1801 г. онъ постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофилакта въ Пѣсношскомъ монастырѣ и былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а черезъ годъ 21 апр.—въ іеромонаха. Въ 1806 г. Ѳ. былъ опредѣленъ строителемъ въ Срѣтенскій московскій монастырь. На долю его выпало наблюдать за работами по возобновленію Ивановской колокольни и за постройкой въ Вифанской семинаріи, пострадавшими отъ непріятельскаго нашествія. Въ 1815 г. Ѳ. былъ опредѣленъ намѣстникомъ Чудова монастыря и 12 февраля посвященъ въ игумена Угрѣшскаго монастыря съ оставленіемъ намѣстничества въ Чудовѣ. Въ слѣдующіе годы онъ состоялъ коммиссіонеромъ при наружномъ возобновленіи въ 1817 г. Покровскаго Василія Блаженнаго собора, при золоченіи главы и переливкѣ колокола на Ивановской колокольнѣ, при постройкѣ въ быв. Крестовоздвиженскомъ монастырѣ домовъ для соборянъ Успенскаго собора, при постройкѣ въ быв. Георгіевскомъ монастырѣ домовъ для соборянъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго соборовъ и въ быв. Ивановскомъ мон. для помѣщенія служителей синодской типографіи, при постройкахъ въ 1819 г. въ Новоіерусалимскомъ мон. и въ московской дух. консисторіи. Въ іюнѣ 1819 г. Ѳ. былъ произведенъ въ архимандрита дмитровскаго Борисоглѣбскаго мон., 24 февраля 1822 г. перемѣщенъ въ Златоустовъ и 13 сент. того же года—въ Даниловъ монастырь. Съ 1819 г. онъ былъ казначеемъ, а съ 1822 г. и директоромъ Московскаго библейскаго общества. Въ 1831 г. онъ былъ уволенъ на покой въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ и скончался.

«Московскія Епарх. Вѣдомости», 1871 г., № 10, стр. 95.

К. З.

Ѳеофилатьевъ, *Иванъ Ивановичъ*, бригадиръ; поступивъ въ 1713 г. въ Свіяжскій драгунскій полкъ, онъ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ прапорщики и по расформированіи въ 1715 г. Свіяжскаго полка переведенъ въ Островскій полкъ кронштадтскаго гарнизона; въ 1718 г. онъ «былъ командированъ къ морскимъ солдатамъ на фрегатъ «Ланадоу» и находился «при взятіи шведской шнявы и во многихъ посылкахъ». Въ 1719 г. Ѳ. возвратился въ свой полкъ и въ 1724 г., во время коронаціи Екатерины I, былъ взятъ въ кавалергарды. Въ 1726 г. онъ вторично былъ «опредѣленъ въ кавалергарды въ поручичій рангъ», въ 1730 г. былъ произведенъ въ капитаны, а въ слѣдующемъ году—при расформированіи кавалергардовъ—въ маіоры. Переведенный по собственному желанію въ драгунскіе полки Украинскаго корпуса, онъ въ 1734 г. былъ командированъ съ командою противъ бунтующихъ калмыковъ, имѣлъ съ ними трехдневную «баталію», отнялъ у нихъ улусъ и отдалъ его во владѣніе хану Черендундуку. Затѣмъ Ѳ. имѣлъ въ томъ же году дѣло съ калмыками Держи-Назара, нанесши имъ пораженіе при рѣкѣ Ахтубѣ. Въ теченіе слѣдующихъ 1736, 1737 и 1738 гг. Ѳ. участвовалъ въ Закамской экспедиціи противъ бунтующихъ башкирцевъ. Въ 1741 г. мы встрѣчаемъ его уже въ Финляндіи: здѣсь онъ участвовалъ во взятіи Вильманстрандской крѣпости, въ атакѣ Фридрихсгамской крѣпости и въ дѣлахъ подъ Гельсингфорсомъ. Въ 1748 г. Ѳ. числился полковникомъ Ямбургскаго драгунскаго полка, а въ 1752 г. уволенъ отъ службы бригадиромъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

«Сборникъ біографій кавалергардовъ (1724—1762)», стр. 83—84.

Ѳеофилъ (*Годебскій*), уніатскій епископъ пинско-туровскій, владиміро-брестскій XVIII в., сынъ Петра Ст. Годебскаго, полковника пинскаго повѣта. Родился около 1680 г. Ѳ. еще молодымъ вступилъ въ базиліанскій орденъ и учился 7 лѣтъ въ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ изучалъ философію и богословіе, но

не отличался ни способностями, ни прилежаніемъ. По возвращеніи въ отечество онъ сталъ проповѣдникомъ въ Жировицкомъ монастырѣ, хотя самъ проповѣдей не составлялъ, а платилъ по талеру за проповѣдь тѣмъ, кто писалъ ему. Затѣмъ онъ былъ настоятелемъ Антопольскаго (по другимъ свѣдѣніямъ — Тороканскаго подъ Антополемъ) и архимандритомъ Хоробровскаго (или Хоробровицкаго) монастырей. Послѣ смерти (4 апрѣля 1719 г.) пинско-туровскаго епископа Іоакима Іосафата Цѣхановича Ө. назначенъ былъ администраторомъ этой епископіи, а въ 1720 г. сталъ и епископомъ ея, суфраганомъ митрополита. Во время управленія пинскою епископіею онъ вызвалъ жалобы духовенства за вымогательства. Отношенія его къ православнымъ, находившимся въ его епархіи, были таковы, что онъ стремился обратить ихъ въ унію, не чуждаясь при этомъ и насильственныхъ мѣръ. «Христа ради изгнанные» имъ православные игумены пинскаго братскаго, Купятицкаго и Новодворскаго монастырей въ 1722 г. жаловались императору Петру I, польскому королю Августу II и русскому послу при его дворѣ, разсказывая въ своихъ доношеніяхъ, что въ первыхъ числахъ февраля Ө. напалъ на ихъ монастыри и обратилъ въ унію ихъ, а также церкви въ г. Пинскѣ и по разнымъ селамъ пинскаго повѣта, насиліемъ принудивъ къ уніи около двадцати тысячъ православныхъ людей всякаго чина и возраста. Судебный процессъ по этому дѣлу кончился при содѣйствіи русскаго комиссара Игнатія Рудаковскаго въ въ пользу православныхъ. Въ силу королевскаго декрета 31 декабря 1722 г., въ январѣ слѣдующаго года монастыри и церкви торжественно возвращены были православнымъ.

Въ 1730 г., по кончинѣ въ этомъ году 17 января епископа Корнилія Лебецкаго, Ө. переведенъ былъ на владиміро-брестскую каѳедру, епископы которой титуловались прототроніями и занимали первое мѣсто послѣ митрополита. И въ этой епархіи, какъ и въ пинской, онъ занимался вымогательствами съ духовенства. Точно также и отношеніе его къ православнымъ не было мирнымъ и благожелательнымъ. Въ 1740 г. православный брестскій монастырь св. Симеона Столпника подалъ жалобу въ королевскій задворный ассесорскій судъ на него, на его оффиціала и уніатскихъ священниковъ брестской епархіи о томъ, что 22 августа они (по приказу Ө.), съ толпою въ полтораста слишкомъ человѣкъ, вооруженныхъ палками, кольями и топорами, непріятельски напали на принадлежащій монастырю цвинтарь (погостъ) бывшей Крестовоздвиженской церкви, порубили изгородь, потоптали яровые хлѣба и огородныя овощи и били монаховъ. Дѣло объ этомъ погостѣ и о двухъ другихъ спорныхъ земельныхъ участкахъ тянулось долго и закончилось лишь къ декабрю 1751 г. въ пользу Ө-ла и его брестскихъ уніатовъ; относительно же побоевъ признано, что они были съ обѣихъ сторонъ. Умеръ Ө. 12 сентября 1756 г. (по другимъ свѣдѣніямъ — въ концѣ 1755 г.)

Опис. арх. св. Син., т. II, прил. XXXIII.— Опис. арх. гр.—уніат. митр., II, №№ 1361, 1529, 1988 и др.—Арх. Сбор. док. сѣв.-зап. Рос., Вильна, т. XI.—Арх. юго-зап. Рос., ч. I, т. IV, Кіевъ.—*Ѳ. И. Титовъ*, «Рус. прав. церковь въ пол.-лит. гос.», т. I, пер. полов., Кіевъ, 1905.—*Его же*, «Памятники прав. и рус. нар. въ зап. Рос.,» т. I, ч. I.—*И. Чистовичъ*, «Очеркъ ист. зап.-рус. церкви», ч. II, Спб., 1884.—*Бантышъ-Каменскій*, «Историч. извѣстіе объ уніи», Москва, 1805.—*Н. И. Теодоровичъ*, «Г. Владиміръ Волынск. губ.», Почаевъ, 1893 г.—«Encyklopedyja powszechna», X, Варшава, 1862. — Wielka encyklopedyja powsz. ilustr., XXV, Варшава.

Б. Ж.

Ѳеофилъ (въ мірѣ *Ѳома Андреевичъ Горенковскій*), іеросхимонахъ Кіево-Китаевской пустыни, подвижникъ и прозорливецъ, Христа ради юродивый. Сынъ священника Рожд.-Богородицкой церкви, родился въ октябрѣ 1788 г. въ г. Махновѣ, Кіевской губерніи; скончался 28 октября 1853 года. Мать не взлюбила своего сына съ первыхъ дней его жизни и нѣсколько разъ пыталась утопить его, но младенецъ былъ спасенъ чудеснымъ образомъ и отданъ отцомъ на воспитаніе посторонней женщинѣ. Послѣ онъ воспитывался у мельника, у одного зажиточнаго обывателя г. Махнова, у священника, у старосты церковнаго и наконецъ у дяди-монаха въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Въ Кіевской дух. академіи началось его обученіе, но смерть дяди-монаха положила конецъ образованію юноши: онъ былъ уволенъ изъ академіи и въ 1810 г. опредѣленъ дьячкомъ въ г. Чигиринъ и въ томъ же году перемѣщенъ пономаремъ въ мѣ-

стечко Обуховъ. Въ 1812 г. Ѳ. поступилъ послушникомъ въ Кіево-Братскій монастырь и исполнялъ работы въ хлѣбнѣ, кухнѣ, палатной и на колокольнѣ; 11 дек. 1821 г. онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ѳеодорита и былъ назначенъ ризничимъ; 30 сент. 1822 г. рукоположенъ въ іеродіакона, 6 февр. 1827 г. посвященъ въ іеромонаха и назначенъ экономомъ. Вскорѣ Ѳ. отказался отъ должности эконома и просилъ разрѣшенія удалиться въ пещеры, но получилъ отказъ и принялъ на себя юродство Христа ради, постригшись 9 дек. 1834 г. въ схиму съ именемъ Ѳеофила. Въ концѣ 1844 г. онъ жилъ въ Голосѣевской близъ Кіева пустыни, нѣкоторое время пребывалъ въ Новопасѣчномъ саду и 29 апр. 1849 г. перемѣщенъ въ Кіево-Китаевскую пустынь, гдѣ и прожилъ до своей кончины. Ѳ. большею частію ѣздилъ въ тележкѣ на бычкѣ, собирая всякій мусоръ для раздачи посѣтителямъ. Съ обращающимися къ нему за наставленіями онъ разговаривалъ очень мало и больше иносказательно или прорицательно. Предсказанія его исполнялись, что привлекало и донынѣ привлекаетъ къ нему и его могилѣ весьма многихъ почитателей всякаго званія до царскихъ особъ включительно.

«Домашняя Бесѣда» за 1860 г.—*Вл. Зноско*, «Христа ради юродивый іеросхимонахъ Ѳеофилъ, подвижникъ и прозорливецъ». Кіевъ. 1906 г.—*Никодимъ*, «Жизнеописаніе подвижниковъ 18 и 19 вѣковъ», октябрь. — *Поселянинъ*, «Русская церковь и русскіе подвижники XVIII в.».

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Киріаковичъ Игнатовичъ*), епископъ черниговскій. Сынъ священника Успенской церкви города Бѣлоцерковки Малороссійскаго Миргородскаго полка, родился въ 1726 г.; скончался 27 сентября 1788 года. Съ 1737 г. онъ обучался въ Кіевской академіи, гдѣ постригся въ монашество около 1744 года, когда по настоятельной просьбѣ казанскаго архіерея былъ присланъ въ Казань для занятій въ дух. семинаріи. Сначала онъ занялъ классы піитики и риторики, съ 1746 г. преподавалъ философію; въ 1748 г. былъ сдѣланъ префектомъ, а въ 1751 г. назначенъ ректоромъ и первымъ въ казанской семинаріи учителемъ богословскаго класса, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Зилантова Успенскаго монастыря. Несмотря на множество занятій по семинаріи, онъ умѣлъ найти время и средства обновить, украсить и снабдить всѣмъ нужнымъ почти разрушенную пожаромъ обитель. Съ переводомъ въ 1754 г. семинаріи въ казанскій Спасо-Преображенскій монастырь, архим. Ѳеофилъ перешелъ туда настоятелемъ, откуда въ сентябрѣ 1765 г. былъ переведенъ въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Въ 1770 году онъ былъ хиротонисанъ въ епископа черниговскаго, гдѣ обратилъ вниманіе на неудовлетворительное матеріальное состояніе духовной семинаріи и выхлопоталъ на ея содержаніе до 2000 руб. въ годъ; при немъ же открытъ былъ въ ней богословскій классъ. Онъ построилъ въ Черниговѣ каменный архіерейскій домъ и въ 1781 г. принималъ въ немъ государя наслѣдника съ супругою. Въ январѣ 1782 г. Ѳ. совершалъ открытіе Черниговскаго намѣстничества, указавшаго границы и Черниговской епархіи, съ выдѣленіемъ изъ нея самостоятельной Новгородъ-Сѣверской епархіи, которая послѣ снова соединилась съ Черниговской. При немъ свершилась въ Черниговской епархіи знаменитая екатерининская секуляризація недвижимыхъ церковныхъ имуществъ, причемъ пришлось многіе монастыри закрыть и храмы ихъ обратить въ приходскія церкви. Въ январѣ 1787 г. онъ встрѣчалъ въ Черниговѣ государыню императрицу и исходатайствовалъ денежное вспомоществованіе архіерейскому дому, Спасскому собору и Елецкому монастырю.

Асноченскій, «Кіевъ съ его училищемъ академіею».—*Петровъ*, «Акты къ исторіи Кіев. академіи», т. I, ч. 2 и т. II.—*Благовѣщенскій*, «Исторія Казанской дух. семинаріи», Каз. 1881 г.—*Филаретъ*, «Истор.-статистич. описаніе Черниговской епархіи», стр. 89—91.

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ (*Кроликъ*), архимандритъ Ново-спасскаго монастыря, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей XVIII столѣтія и сподвижниковъ Петра Великаго, проповѣдникъ, писатель, переводчикъ и общественный дѣятель. Многочисленные источники для его біографіи и библіографіи не указываютъ ни времени, ни мѣста его рожденія. Образованіе онъ получилъ въ Кіевской академіи. Дѣятельность его начинается съ 1713 года, когда онъ, будучи монахомъ и префектомъ московской славяно-латинской школы (потомъ славяно-греко-латинской академіи), былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ проповѣдни-

комъ. Въ 1716 г., оставивъ должность префекта, онъ, какъ знающій латинскій, нѣмецкій и чешскій языки, былъ отправленъ сенаторомъ графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ въ Богемію (Прагу) для перевода нѣкоторыхъ книгъ съ чешскаго на русскій, но Ѳ. нашелъ болѣе удобнымъ перевести съ нѣмецкаго яз. на русскій историческій лексиконъ Буддея въ 4-хъ томахъ, изъ которыхъ первые два и перевелъ въ Прагѣ; возвратившись же въ 1721 г. въ Петербургъ, онъ перевелъ два послѣднихъ тома; въ 1722 г. онъ перевелъ съ нѣмецкаго яз. на русскій проповѣдь Лопатинскаго, произнесенную послѣднимъ на новый годъ; 14 февраля того же года онъ назначенъ былъ ассесоромъ св. Синода; 10 марта посвященъ въ іеродіакона и 11 марта—въ іеромонаха. Ѳ. много способствовалъ развитію грамотности и правильной постановки учебнаго дѣла: столичные учителя были имъ подчинены инспекторскому надзору и получали право заниматься съ дѣтьми не иначе, какъ по выдержаніи извѣстнаго испытанія; способствовалъ появленію въ печати книгъ: «Псалтырь толковая», «Православное Исповѣданіе», «Ифика», Исторія Іерусалима», «Исторіографія», «Алкоранъ турецкій», «Разсужденіе о шведской войнѣ», «Пуффендорфъ», «Квинтъ Курцій» («De rebus gestis Alexandri Magni libri»); эта книга выдержала нѣсколько изданій, благодаря большой популярности за границей.

Узаконенія и предписанія правительства начала XVIII столѣтія, переписка Петра I съ Курбатовымъ и Питиримомъ указываютъ на то, что среди образованнѣйшихъ людей того времени, къ числу которыхъ принадлежалъ и Кроликъ, существовала идея о преобразованіи быта духовенства; эта идея нашла себѣ осуществленіе въ появившемся въ 1721—1722 г.г. «Духовномъ Регламентѣ», въ которомъ Ѳ. принималъ нѣкоторое участіе; именно, ему отчасти принадлежитъ разработка дополненій къ «Регламенту» относительно «правилъ церковнаго причта и монашескаго чина», написанныхъ съ удивительной точностью и ясностью. 28 іюня 1723 года, именнымъ указомъ Петра I, Кроликъ посвященъ былъ въ архимандриты Чудова монастыря, а изъ ассесоровъ 16 сентября назначенъ въ синодальные совѣтники; въ томъ же году онъ назначенъ былъ завѣдующимъ переводнаго дѣла; къ этому времени относятся его переводы на славянскій языкъ протестантскаго катихизиса и служебника, съ латинскаго яз. книги «Юлія Цезаря дѣлъ описаніе», съ нѣмецкаго яз. «Georgica curiosa oder das adeliche Land und Feld—Leben» (von Hohberg); переводъ послѣдній былъ оконченъ имъ въ 1730 г.; часть его хранилась въ Синодѣ, другая въ библіотекѣ Кролика. Въ 1724 году Ѳ. содѣйствовалъ крещенію татаръ, служившихъ при адмиралтействѣ, а какъ знающій нѣмецкій языкъ назначаемъ былъ и къ лютеранамъ, желающимъ присоединенія къ православію, для обученія ихъ истинамъ православной церкви. По порученію Синода онъ исправилъ французскую грамматику, переведенную съ латинскаго Ф. Анохинымъ; въ 1725 г. онъ крестилъ индѣйца Лаладжетуча. Послѣ смерти Петра вплоть до воцаренія Анны Іоанновны Кроликъ находился въ опалѣ; это объясняется тѣмъ антагонизмомъ, который тогда существовалъ между нимъ—сторонникомъ партіи Ѳеофана Прокоповича, сочувствовавшаго преобразовательнымъ стремленіямъ Петра, и противниками петровскихъ реформъ, во главѣ съ Дашковымъ, Игнатіей Смолой и Радышевскимъ; послѣдній получилъ послѣ смерти Петра большое значеніе въ дѣлахъ, подлежавшихъ вѣдѣнію Синода. Такимъ образомъ въ 1726 г., вслѣдствіе состоявшагося 15 іюля постановленія, по которому челнами Синода могли быть только архіереи, Ѳ. былъ уволенъ изъ совѣтниковъ св. Синода. Въ теченіе всего 1726 г. онъ былъ при правленіи московской синодальной канцеляріи, но въ декабрѣ былъ уволенъ и отъ этой должности, оставаясь архимандритомъ Чудова монастыря; въ 1727 году онъ участвовалъ въ сочиненіи «Уложенія», въ томъ же году 2 мая указомъ изъ Верховн. Тайн. Совѣта былъ отправленъ въ Австрію «состоять при вспомогательномъ цесарскому войску корпусѣ, въ качествѣ ученой духовной персоны, ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступокъ». Однако поѣздка эта не состоялась, потому что Ѳ. не получилъ указанія, «когда и каковымъ способомъ ѣхать туда». Мѣсто въ Чудовѣ монастырѣ было уже занято, и Ѳ. остался безъ мѣста; подавалъ онъ прошеніе въ Синодъ о назначеніи его вновь архимандритомъ Чудова монастыря, но просьба (по проискамъ Дашкова и Игнатія Смолы) оставлена была безъ послѣдствій; пришлось

жить въ Ново-спасскомъ монастырѣ въ качествѣ простого монаха. Въ 1729 году онъ написалъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ предисловіе въ стихахъ («Синграммата») къ появившейся первой сатирѣ князя А. Кантеміра «На хулящихъ ученіе». 17 сент. 1730 года состоялось назначеніе Ѳ-ла Ново-спасскимъ архимандритомъ. 9 окт. онъ былъ назначенъ къ участію въ сочиненіи Уложенія; тогда же въ Синодѣ возникъ вопросъ объ исправленіи правилъ воинскаго устава. «Понеже», писала въ Синодъ Военная Коллегія, при войскѣ такія притчины приключитца могутъ, которые и до духовнаго суда касаются, яко, напр., о богохульникахъ, о учиненія обязательства съ діаволомъ, о чародѣйствѣ и о поступкѣ каждаго офицера и солдата противъ священника и своего духовника и протчая. Того ради Военная Коллегія св. Синоду приложенные воинскіе артикулы, къ зрѣлому и мудрому разсужденію, предлагаетъ и о мнѣніи св. Синода по тѣмъ артикуламъ проситъ, какіе за тѣ преступленія штрафы положены быть могутъ, дабы оные артикулы съ духовными правилами согласны и сходны были». Синодъ нашелъ многіе изъ «артикуловъ» неудовлетворительными и поручилъ Ѳ-лу исправить въ Синодъ, что имъ и было исполнено. Въ концѣ жизни Кроликъ перевелъ книги: 1) «Катихизисъ Кирилла Іерусалимскаго», 2) «Георгина Любопытная», 3) «Универсальный историческій Лексиконъ», 4) «Шляхетскаго земнаго и полеваго житія», (?) и 5) «Модели, или образа церкви Соломоновой» (изъ нихъ 2, 3, 4, хранятся въ архивѣ св. Синода). Въ 1731 г. Ѳ. былъ представленъ кандидатомъ на дожность епископа, 12 августа 1732 года онъ умеръ въ Москвѣ. Послѣ его смерти осталось много принадлежавшихъ ему книгъ на латинск., французск., нѣмецк., польск. и славянск. языкахъ (всего вмѣстѣ съ рукописями и тетрадками около 470 названій; каталогъ книгъ въ архивѣ св. Синода подъ № 617). По Высочайшему повелѣнію латинскія книги были отданы въ 1734 году епископу иркутскому и нерчинскому Иннокентію, по его личной просьбѣ, а остальныя книги переданы въ Ново-спасскій монастырь «съ надлежащей записью въ монастырскія книги и подъ присмотръ и охрану казначея и ризничаго».

Дѣла архива св. Синода, т, I, 1721 г., стр. 153, 354, 698—700 и въ прилож.; т. II, ч. 1, 1722 г., №№ 4, 204, 422, 485, 525, 526, 661; т. II, ч. 2—1722 г., стр. 926, 946, 1001, 1038, 1100, 1103; т. III, 1723 г., стр. 35, 68, 288, 374, 434, 458, 484, 489, 571, 586; т. IV, 1724 г., стр. 34, 59, 73, 336, 339, 474, 513; т. V, стр. 569; т. VII, 1727 г., стр. 59, 149, 187, 212; т. VIII, стр. 163, 1164; т. X, стр. 279, 575—6, 663; 794, 811—816; т. XI, 1731 г., стр. 6, 83, 122, 197, 212. 247, 504; т. XII, 1732 г., стр. 342, 494 — 497; 457—458, 662, 725.—*Іеромонахъ Амвросій*, «Исторія россійской іерархіи».—Опис.рукоп. хранящихся въ Архивѣ св. Синода, №№ 1825 и 3362. т. I, стр. 555.—*П. Пекарскій*, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», стр. 41, 214, 234, 332.—*Н. Новиковъ*, «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», стр. 109.—*П. Строевъ*, «Списокъ іерарховъ и настоятелей монастырей россійской церкви», стр. 144.—*И. Снегиревъ*, «Ставропигіальный Ново-спасскій монастырь въ Москвѣ», стр. 69.—*С. Смирновъ*, «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи», стр. 205, 206.—*Г. Карауловъ*, «Очерки исторіи русской литературы», т. I, стр. 279.—*И. Голиковъ*, «Дѣянія Петра Великаго», т IX, стр. 457.—Сатиры А. Кантеміра, изд. Имп. Акад. Наукъ, 1762 г.—*Брикнеръ*, «Исторія Петра Великаго», стр. 627, 628.—«Полное собр. постановл. и распор. по вѣдомству правосл. исповѣд.», т. VIII, № 2722.—Сборникъ Имп. Ак. Наукъ», 1868 г., т. IV.—*Чистовичъ*, «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время».—«Дневникъ Берхгольца, IV, 113.—Чтенія въ Имп. общ. исторіи и древност. россійскихъ», 1862, кн. I, стр. 39—44; 1862 г., кн. I, отд. II, стр. 1—4.—*Пекарскій*, «Исторія Имп. Ак. Наукъ»—*Строевъ*, «Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія И. Чарскому».—*Аскоченскій*, «Кіевъ съ его училищемъ-Академіею».

Акимовъ.

Ѳеофилъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Ивановичъ Надеждинъ*), епископъ самарскій и ставропольскій. Сынъ дьячка Пушкарской слободы г. Данкова, Рязанской губ.; скончался 31 декабдя 1865 года. Образованіе Ѳ. получилъ въ рязанской семинаріи (1824—1829 г.г.) и въ С.-Петербург. академіи, куда поступилъ въ 1829 г., но въ 1830 г. по болѣзни уволился и въ 1831 г. былъ вновь принятъ. Во время обученія въ академіи онъ 19 ноября того же года постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофила и 29 ноября былъ рукоположенъ въ іеродіакона; 29 іюля 1833 г. онъ посвященъ былъ въ іеромонаха; по окончаніи академіи съ степенью магистра былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ волынской семинаріи. Съ 16 янв. 1834 г. до 11 ноября 1835 г. Ѳ. исполнялъ обязанности смотрителя острожскихъ дух. училищъ; въ 1838 г. былъ опредѣленъ

соборнымъ іеромонахомъ Александро-Невской лавры, а 19 февр. 1840 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1841 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ полтавской семинаріи, 3 апр. 1850 г.—курской, но въ концѣ года былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для исполненія чреды священнослуженія и въ 1851 г. опредѣленъ ректоромъ нижегородской семинаріи и настоятелемъ сначала Печерскаго, а съ 1855 г.—нижегородскаго Благовѣщенскаго монастырей. На всѣхъ мѣстахъ служенія онъ былъ членомъ консисторіи и цензоромъ проповѣдей. Ѳ. принималъ близкое и сердечное участіе въ нравственномъ и матеріальномъ положеніи ввѣренныхъ ему духовно-учебныхъ заведеній. Въ 1857 г. онъ былъ хиротонисанъ въ епископа самарскаго и ставропольскаго; ему поручалось управленіе Симбирскою (съ 1858 г.) и Саратовскою (съ 1863 г.) епархіями. Въ Самарѣ онъ построилъ три церкви и устроилъ духовное училище. Ему принадлежитъ магистерское сочиненіе: «Опытъ соглашенія нѣкоторыхъ мѣстъ евангелія, въ которыхъ евангелисты повидимому противорѣчатъ одинъ другому».

Родосскій, «Словарь студентовъ СПБ. дух. академіи».—Дѣла Коммисіи Дух. Училищъ, №№ 5688 и 6020.—Письма митр. Филарета къ Высоч. особ. II, 88 и примѣч. I.—*Алабинъ*, «25-лѣтіе Самары, какъ губерн. города».—*Титовъ*, «Бѣлгород. школы».

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ *(Раевъ)*, епископъ тамбовскій и шацкій. По происхожденію малороссіянинъ, родился въ Глуховскомъ повѣтѣ Черниговской губ. Лишившись родителей еще въ раннемъ дѣтствѣ, Раевъ въ большой нуждѣ получалъ образованіе въ черниговской семинаріи (до 18 лѣтъ) и потомъ въ Кіевской академіи. Въ 1762 г. онъ постригся въ монашество съ именемъ Ѳеофила и рукоположенъ былъ въ санъ іеродіакона; въ томъ же году опредѣленъ учителемъ во вновь открытые въ новгородской дух. семинаріи географическій и нѣмецкій классы, гдѣ «при изрядномъ житіи и состояніи трудился съ особливымъ тщаніемъ». Въ 1769 г. онъ переведенъ былъ «на піитику» и 27 іюля въ С.-Петербургѣ рукоположенъ въ іеромонаха; 29 сентября 1770 г. онъ былъ назначенъ префектомъ и 13 іюля 1774 г.—ректоромъ семинаріи; въ тоже время произведенъ былъ въ архимандрита новгородскаго Антоніева монастыря и присутствовалъ въ дух. консисторіи. Въ 1780 г. Ѳ. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія и присутствовалъ въ Спб. дух. консисторіи. Въ іюлѣ 1782 г. онъ перемѣщенъ былъ въ новгород. Хутынскій монастырь, но семинаріи не забывалъ и дважды исполнялъ въ ней обязанности ректора. Въ 1787 г. онъ былъ избранъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородскаго. Перемѣщенный черезъ годъ на самостоятельную Тамбовскую каѳедру, онъ епископствовалъ въ ней 22 года. Памятникомъ долговременнаго его управленія Тамбовскою епархіею служатъ: новыя помѣщенія духовной семинаріи; введенные имъ новые порядки въ консисторіи; многіе монастыри и церкви съ ихъ церковнымъ благочиніемъ; борьба съ духоборцами и молоканами, размножившимися тогда въ Тамбовской епархіи, и мн. др. Въ 1794 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Астрахань, но 11 марта того-же года Высочайшимъ указомъ снова былъ переведенъ въ Тамбовскую епархію. Въ 1804 г. преосвящ. Ѳ. былъ обвиненъ предъ государемъ въ удержаніи монашескаго и пѣвческаго жалованья, въ поборахъ со ставленниковъ, за св. муро, антиминсы и проч., но все оказалось ложью. Въ іюнѣ 1810 г. епископъ Ѳ. завѣдывалъ Воронежскою епархіею. 11 декабря 1811 года съ нимъ случился апоплексическій ударъ, закончившійся смертью. Погребенъ онъ въ Казанскомъ храмѣ при тамбовскомъ архіерейскомъ домѣ. Въ архивѣ Саровской пустыни хранится 266 писемъ епископа Ѳеофила къ саровскимъ инокамъ въ 1788—1811 гг. На основаніи этихъ писемъ, ко дню столѣтія со времени смерти епископа, въ 1911 году въ «Тамбовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» помѣщено изслѣдованіе—«Преосвященный Ѳеофилъ (Раевъ) и Тамбовское монашество». Въ письмахъ этихъ нарисованъ идеалъ инока на всѣхъ ступеняхъ его іерархической лѣстницы, съ указаніемъ способовъ наилучшаго управленія обителями. Изъ писемъ видно, что епископъ Ѳ. былъ выдающимся администраторомъ какъ по пріемамъ управленія епархіею, такъ и по его воззрѣніямъ на многія стороны церковной жизни Тамбовскаго края, которую онъ сумѣлъ оживить и высоко поднять. Въ «Актахъ, относя-

щихся къ исторіи Кіевской академіи», напечатанъ документъ, свидѣтельствующій о пожертвованіи епископомъ Ѳеофиломъ въ 1808 году 10000 рублей на пять учрежденій: на обучающихся въ Кіевской академіи бѣдныхъ сиротъ, въ Саровскую пустынь, въ Темниковскій Санаксарскій и Шацкій Чернѣевъ монастыри и, наконецъ, на вдовъ и сиротъ послѣ служителей тамбов. архіерейскаго дома. Подъ портретами его находятся слѣдующія надписи:

«Новградъ, что Сѣверскій, Ѳеофила родилъ;
Великій Новый-Градъ его производилъ;
Онъ промысломъ Того, Кто грѣетъ всѣхъ сиротъ,
Святымъ орудіемъ взведенъ на степень тотъ,
Чтобъ пастырскимъ жезломъ Христовыхъ пасть овецъ,

Монархиня его на самый тотъ конецъ
Викарнымъ въ Стару-Русь изволила назвать,
Откуда пастыремъ въ Тамбовъ къ овцамъ послать.

Ученьемъ, вѣрою и жизнію твоей
Любезенъ твой, Ѳеофилъ, образъ паствѣ всей.
Доколѣ градъ Тамбовъ на тверди сей пребудетъ,
Трудовъ подъятыхъ въ немъ тобою не забудетъ».

К. Я. Здравомысловъ, «Іерархи Новгородской епархіи», стр. 119—120.—*Свящ. Хитровъ*, «Ист.-стат. описаніе Тамбовской епархіи». — «Тамбовскія Епарх. Вѣдомости», 1911 г., №№ 29—33, 44—45.—*Титовъ*, «Акты, относ. къ исторіи Кіев. академіи», стр. 331—333.—Д. Арх. Св. Синода 1788 г., № 354, 6 марта.

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Татарскій*), архіепископъ екатеринославскій. Сынъ священника Купянскаго уѣзда слободы Двурѣчной, Курской губ., родился 21 янв. 1767 года, скончался 29 марта 1830 года. Образованіе онъ получилъ съ 1767 г. въ Харьковскомъ коллегіумѣ и 16 ноября 1789 г. поступилъ священникомъ въ село Люботино Валковской округи, но скоро остался вдовымъ и бездѣтнымъ. Въ то время архіепископомъ курскимъ былъ Ѳеоктистъ Мочульскій, привлекавшій въ монашество достойныхъ лицъ; въ началѣ 1792 г. вниманіе его остановлено было на священникѣ Татарскомъ, котораго онъ желалъ видѣть іеромонахомъ Покровскаго училищнаго монастыря и проповѣдникомъ семинаріи до будущей учительской вакансіи. Священникъ Татарскій сначала попросилъ отсрочки, затѣмъ по случаю смерти своего отца былъ переведенъ, для устройства оставшихся сиротъ, въ слободу Двурѣчную, но въ 1794 году принудительно былъ опредѣленъ въ Покровскій училищный монастырь проповѣдникомъ; смерть матери и на этотъ разъ заставила его отказаться отъ монашества. «Такъ свящ. Татарскій хотя не безъ нужды, но благополучно избѣгъ монашества!» восклицаетъ авторъ изслѣдованія о «Бѣлогородскихъ архіереяхъ». Но это не такъ. Въ 1798 г. свящ. Татарскій исполнилъ свое давнишнее желаніе — поступилъ священникомъ въ драгунскій Глазенаповскій полкъ, въ 1800 г. перешелъ въ Ревельскій Мушкатерскій полкъ и назначенъ былъ благочиннымъ по Лифляндской инспекціи, а 23 мая 1803 г. въ Александро-Невской лаврѣ принялъ монашество съ именемъ Ѳеофила и чрезъ мѣсяцъ отправленъ былъ въ Архангельскъ для опредѣленія въ игумены, префекты и учители семинаріи. По списку монастырскихъ настоятелей мы видимъ его сначала въ 1803 г. игуменомъ Корельскаго Николаевскаго монастыря, съ 12 марта 1804 г.—архимандритомъ Архангельскаго мон., съ іюня 1806 г.—Сійскаго Антоніева, съ 31 янв. 1810 г.—Вяжицкаго Николаевскаго, съ 3 іюля 1813 г.—Черниговскаго Елецкаго и съ 28 авг. 1818 г. Московскаго Донского монастыря. Во всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ состоялъ преподавателемъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: такъ онъ 11 лѣтъ былъ учителемъ поэзіи и потомъ философіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ; въ Архангельскѣ — учителемъ богословія, префектомъ и ректоромъ семинаріи, въ Новгородѣ—ректоромъ уѣзднаго училища, въ Черниговѣ—ректоромъ семинаріи; кромѣ того, во всѣхъ перечисленныхъ мѣстахъ—катихизаторомъ и присутствующимъ консисторіи, а въ Москвѣ—членомъ Московской синодальной конторы. Въ 1819 г. послѣдовало назначеніе, нареченіе и хиротонія въ Москвѣ архим. Ѳеофила на Оренбургскую епископскую каѳедру. Въ 1823 г. онъ перемѣщенъ былъ на Екатеринославскую каѳедру; 22 августа 1826 г. возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1827 г. по прошенію уволенъ на покой въ харьковскій Преображенскій Куряжскій монастырь, гдѣ и скончался. Преосвящ. Ѳ. при сильномъ умѣ и холеричности темперамента, въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ былъ рѣшителенъ и требователенъ, въ пріемахъ и резолюціяхъ часто рѣзокъ, въ словесныхъ приказахъ и замѣчаніяхъ раздражителенъ и запальчивъ; онъ былъ врагъ канцеляр-

ской волокиты и всегда торопилъ дѣлопроизводство дѣлъ особенно по постройкѣ церквей; при немъ въ церквахъ заведены были братскія кружки и приходо-расходныя тетради, назначены цензора проповѣдей, открыты попечительство о бѣдныхъ, комитетъ библейскаго общества, классы татарскаго языка, Маріупольскія уѣздн. и приход. училища и проч. Погубило его пристрастіе къ горячительнымъ напиткамъ и даже къ лихоимству, о чемъ было доложено государю; извѣстны были и ссоры его съ гражданскимъ губернаторомъ, доходившія до личной расправы.

Лебедевъ, «Бѣлгородскіе архіереи», стр. 265—269.—*Чернавскій,* «Оренбургская епархія», стр. 216—227 (съ портретомъ).—«Крат. свѣд. объ Екатериносл. епископахъ».—Дѣла Архива Св. Син. 1803 г., № 71; 1813 г., № 105; 1826 г., № 465; 1830 г., № 576.—*Филаретъ,* «Черниговь. епархія и семинарія».

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ, преподобный лужскій, основатель Омучской пустыни въ Лужскомъ уѣздѣ. Скончался 29 декабря 1412 года. Ѳ. происходилъ изъ благочестивой семьи поселянъ—корелъ, обитателей нынѣшняго Петербургскаго края; былъ обученъ грамотѣ и чтенію божественныхъ книгъ. Мѣстомъ иноческихъ его подвиговъ была Коневская обитель, гдѣ онъ постригся въ монашество, прошелъ всѣ послушанія и поставленъ въ игумены за святость жизни. Тяготясь славой и почестями, оказываемыми за высоту подвиговъ, препод. Ѳ. искалъ безмолвія и уединенія среди мховъ, горъ и болотъ, на берегахъ рѣчки Омучи, гдѣ съ 1396 г. проводилъ жизнь въ строгомъ постѣ, постоянной молитвѣ и въ борьбѣ съ помыслами и нападеніями лукавыхъ духовъ. Однако и здѣсь подвиги препод. Ѳ-ла стали скоро извѣстны, привлекали ревнителей благочестія, которые вмѣстѣ съ преподобнымъ среди глухого края основали Успенскую Омучскую пустынь, наименованную послѣ Ѳеофиловою. Препод. Ѳ. дожилъ до глубокой старости и скончался, принявъ схиму. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ; память его чтится 29 декабря. Пустынь упразднена въ 1764 г. и церковь сдѣлана приходскою. Существуетъ преданіе, что императоръ Александръ I, проѣзжая мимо этого мѣста, молился у раки препод. Ѳ-ла и получилъ исцѣленіе отъ простуды, въ память чего изъ суммы Комиссіи дух. училищъ въ 1816 г. были отпущены средства на постройку существующаго нынѣ каменнаго храма, около котораго образовался цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій: врачебный пунктъ, община сестеръ милосердія и дача для воспитаниковъ СПБ. дух. училища.

«Русскій Паломникъ», 1902 г., № 24 (есть и отд. оттиск.).—Дѣло Ком. Дух. Учил., № 1727.—«Ист. статист. свѣдѣнія по СПБ. епархіи», т. IX, стр. 488.

К. Здр—въ.

Ѳеофилъ, архіепископъ новгородскій (1470 — 1480), избранъ въ архіепископы 15 ноября 1470 года по жребію изъ протодіаконовъ Вяжищскихъ и ризничихъ владычныхъ, происхожденія неизвѣстнаго. Хиротонисанъ былъ только 15 декабря 1471 г., такъ какъ въ это время въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ, во главѣ котораго стала вдова посадника Борецкаго Марѳа, временно передавшаяся польскому королю Казиміру. Въ день хиротоніи Ѳ. съ амвона просилъ великаго князя Ивана Васильевича отпустить на свободу бояръ новгородскихъ, и 30 человѣкъ было отпущено. 7 января 1472 г. Ѳ. возвратился изъ Москвы, куда ѣздилъ для хирот., въ Новгородъ и осенью того же года встрѣчалъ здѣсь невѣсту государя Софію Ѳоминишну. Ѳ. два раза бывалъ въ Псковѣ и поставилъ тамъ «самозвонные часы» на Святогорскомъ дворѣ и на Троицкомъ соборѣ. Послѣ окончательнаго покоренія Новгорода Иваномъ III Ѳ. нѣсколько разъ бывалъ у царя съ челобитной оставить Новгородъ «по старинѣ», чѣмъ заслужилъ только немилость Ивана Васильевича, и въ 1480 году, послѣ подавленія новаго возстанія въ Новгородѣ, былъ увезенъ въ Москву и здѣсь заточенъ въ Чудовъ монастырь. Уничтоживъ самобытность гражданскую, Иванъ Вас. покусился также и на церковную. Злополучный владыка Ѳ. въ половинѣ 1483 г., находясь въ заточеніи, долженъ былъ, въ угоду побѣдителю, подписать такъ называемую отреченную грамоту—«архіепископомъ не именоватися и въ смиреннѣйшихъ пребывати до послѣдняго издыханія» (напечат. въ «Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.», 1866 г., № 3), послѣ чего былъ освобожденъ и до конца жизни оставался въ Москвѣ. Въ 1484 г. Ѳ. отправился въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ, но по дорогѣ скончался. Мощи его находятся въ кіевскихъ пещерахъ.

А. В. Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», СПБ., 1891 г.

т. II, стр. 144.—*Сергій*, II, стр. 226.—*Буслаевъ*, «Историческіе очерки», II, стр. 356.—«Полное Собр. Рус. Лѣт.», т. IV, стр. 235—236; т. V, стр. 19; т. VI, стр. 42.—*Филаретъ*, «Русскіе святые», августъ, стр. 113—114.—*Барсуковъ*, «Источники русской агіографіи», СПБ. 1882 г., стр. 611—613.—*К. Я. Здравомысловъ*, «Іерархи Новгородской епархіи», Новгородъ 1897 г., стр. 26.—*Прот. Тихоміровъ*, «Новгородскіе іерархи». *Р.*

Ѳеофилъ *Плачливый*, преподобный инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, жившій въ XI вѣкѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ инокомъ Іоанномъ. Братская дружба ихъ дошла до того, что они упросили блаженнаго гробокопателя Марка выкопать имъ общую могилу. Однако во время одной отлучки изъ монастыря (по дѣламъ монастырскимъ) Ѳеофила, братъ его скончался и былъ погребенъ въ приготовленной могилѣ. Когда Ѳ. возвратился въ обитель и пришелъ на могилу брата, то выразилъ недовольство, что братъ его похороненъ на верхнемъ мѣстѣ могилы, принадлежащемъ ему, Ѳ-лу. Гробокопатель обратился къ умершему и сказалъ: «братъ, уступи мѣсто твоему старшему брату, а самъ лягъ на нижнее». Къ великому удивленію мертвый всталъ и легъ на нижнемъ мѣстѣ. Послѣ этого гробокопатель сказалъ Ѳ-лу, что ему не слѣдовало-бы уходить изъ пещеры и необходимо немедленно умереть, но такъ какъ онъ еще не готовъ къ переходу въ вѣчность, то долженъ позаботиться о спасеніи души своей. Опечаленный и напуганный Ѳ. раздалъ бѣднымъ всѣ свои вещи и, ожидая своей смерти, сталъ горько и непрестанно плакать о своихъ грѣхахъ. Съ плачемъ соединилъ онъ строгій постъ и въ теченіе многихъ лѣтъ такъ изнурилъ свою плоть, что можно было сосчитать его кости; отъ множества же слезъ лишился зрѣнія. Блаженный гробокопатель при кончинѣ своей предсказалъ Ѳ-лу, что за три дня до его смерти вернется къ нему зрѣніе и онъ зрячимъ отойдетъ къ Господу и узритъ тамъ нескончаемый свѣтъ и неизреченную славу. Преподобный Ѳ. удвоилъ свои рыданія и молитвы, обильныя слезы за многія годы наполнили до верху подставленный сосудъ. Когда зрѣніе возвратилось, то преподобный увидѣлъ въ рукахъ ангела сосудъ со своими слезами и услыхалъ отъ ангела слова: «Блажени плачущіе, яко тіи утѣшатся». Черезъ три дня онъ около 1090 г. скончался. Нетлѣнныя мощи его почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ и источаютъ исцѣленія. Память его чтится 29 декабря.

«Доброе Слово», 1909 г., №№ 19—20.
К. Здр—въ.

Ѳерапонтовъ, *Игнатій Ѳерапонтовичъ*, первый собиратель славяно-русскихъ древностей, род. 9 мая 1740 г. въ г. Каширѣ, Тульской губ. Выучившись грамотѣ, онъ съ увлеченіемъ сталъ читать и разбирать старинныя церковныя книги, и эта охота скоро сдѣлалась въ немъ страстью. Читая и перечитывая книги, сколько дозволяло ему время, безъ помощи иностранныхъ языковъ и наукъ, онъ запасся богатыми познаніями и собственнымъ опытомъ дошелъ до того, что нѣкоторые изъ знатоковъ русскихъ древностей считали за честь совѣтоваться съ нимъ при изъясненіи старинныхъ книгъ и другихъ древностей и даже называться его учениками. Профессора Московскаго унив. Ант. Алек. Барсовъ, Дм. Никол. Синьковскій и Ѳед. Гр. Баузе были первыми, которые обратили вниманіе на драгоцѣнности Ѳ-ва. Барсовъ нерѣдко при своихъ историческихъ сочиненіяхъ пользовался древнѣйшими лѣтописями, находившимися въ библіотекѣ Ѳ-ва. Черезъ него многими были куплены цѣннѣйшіе памятники старины. Такъ, напр., проф. Баузе пріобрѣлъ отъ него Прологъ, писанный уставомъ на пергаментѣ (1229 г.); книгу Степенную; Лечебникъ, переведенный съ польскаго (1588 г.); Библію Острожскаго и первый напечатанный въ Москвѣ Апостолъ. Ѳ. съ невѣроятною ревностью собиралъ, гдѣ только могъ провѣдать, всѣ древнія книги, не рѣдко и самъ покупая ихъ дорогою цѣною. Заслуги Ѳ-ва заключаются въ томъ, что благодаря его стараніямъ сохранилось нѣсколько сотенъ важныхъ книгъ, которыя могли бы совершенно пропасть отъ нерадѣнія.

К. Калайдовичъ, «Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ. М. 1811 г.

Ѳерапонтъ (въ мірѣ *Ѳеодоръ Поскочинъ*), преподобный, архимандритъ, основатель Ѳерапонтова и Можайскаго Лужецкаго монастырей. Происходилъ изъ боярскаго рода, родился въ 1337 г. въ г. Волоколамскѣ Московской губ.; скончался 27 мая 1426 года. Хотя онъ «и не хитръ былъ грамотѣ», но имѣлъ доброе сердце и «здравый умъ». Ѳ. прожилъ въ мірѣ 40 лѣтъ, но слава и почести его высокаго

боярскаго рода, богатство, власть и удовольствія не существовали для него; его желанія и мысли были направлены къ отреченію отъ внѣшнихъ благъ жизни, къ удаленію отъ суеты и грѣха въ тихую обитель, къ иночеству съ его подвигами, постомъ и молитвою. Въ началѣ 70-хъ годовъ XIV столѣтія онъ одновременно съ препод. Кирилломъ Бѣлозерскимъ вступилъ въ новоустроенный тогда Московскій Симоновъ монастырь, гдѣ пользовался наставленіями препод. Сергія Радонежскаго, часто навѣщавшаго обитель. Постригшись въ монашество съ именомъ Ѳ-нта, онъ нашелъ въ лицѣ препод. Кирилла не только сверстника себѣ по лѣтамъ, но и ближайшаго друга и руководителя. На препод. Ѳ-нта возлагались разныя порученія по монастырскимъ дѣламъ, ему приходилось бывать и въ отдаленныхъ отъ монастыря мѣстахъ. Въ одну изъ поѣздокъ по Бѣлому озеру онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на огромныхъ пространствахъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ и огражденныхъ непроходимыми болотами и множествомъ рѣкъ и озеръ, и призналъ эти мѣста удобными для уединенной и безмолвной иноческой жизни. Возвратившись въ обитель и побесѣдовавши съ препод. Кирилломъ, препод. Ѳ. вмѣстѣ съ своимъ другомъ, ободряемые Пресв. Богоматеріею, оставили въ 1398 г. Симонову обитель и переселились въ Бѣлозерскую страну. Черезъ годъ они разстались: препод. Кириллъ выбралъ одно пустынное, но чрезвычайно красивое мѣсто на высокомъ холмѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ озерами, и основалъ тамъ, ставшій впослѣдствіи знаменитымъ, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; препод. же Ѳ. неподалеку отъ этого мѣста, верстахъ въ 18-ти отъ Кириллова, также на берегу одного изъ двухъ находящихся тамъ озеръ, основалъ свой монастырь, который и получилъ названіе Ѳерапонтова. Собравшимися иноками была построена первая небольшая деревянная церковь, трапеза и кельи. Не прошло и 10-ти лѣтъ подвижнической жизни въ новопостроенной обители, какъ слухи о жизни и трудахъ препод. Ѳ-нта дошли до московскихъ князей и одинъ изъ нихъ, сынъ Дмитрія Донского, Андрей Димитріевичъ Можайскій, упросилъ препод. Ѳ-нта устроить монастырь въ его княжествѣ, близъ г. Можайска, на лугахъ близъ берега рѣки Москвы. Препод. Ѳ. согласился, переселился въ Можайскъ, устроилъ монастырь, названный Лужецкимъ (храмъ освященъ въ 1408 г.), и былъ первымъ настоятелемъ его въ санѣ архимандрита. Своими непрерывными трудами онъ подавалъ братіи примѣръ высокой подвижнической жизни, былъ любимъ и почитаемъ братіею и дѣтьми духовными и дожилъ до 90-лѣтняго возраста. Въ 1549 г. на Московскомъ соборѣ онъ былъ причтенъ къ лику святыхъ; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Лужецкомъ мон. въ церкви св. Іоанна Лѣствичника; записано болѣе 30 чудесъ, совершившихся по молитвамъ препод. Ѳ-нта; память его чтится 27 мая и 27 декабря.

«Житіе препод. отца нашего Ѳерапонта, Можайскаго и Лужецкаго чудотворца». М. 1889 г.—*Мишановъ*, «Житіе, подвиги и чудеса препод. и богон. отца нашего Ѳерапонта, Можайскаго, Лужецкаго и всея Россіи чудотв., и основ. имъ Лужецкій второкл. муж. мон. въ г. Можайскѣ Москов. губ.,—съ рисунками и съ молитвою преподобному». М. 1911 г.—*В. Т. Георгіевскій*, «Фрески Ѳерапонтова монастыря». СПБ. 1911 г.—*Н. К. Никольскій*,—«Кирилло - Бѣлозерскій монастырь и его устройство». СПБ. 1897 г.

К. Здр—въ.

Ѳерапонтъ, преподобный боровенскій, іеромонахъ и основатель Успенскаго боровенскаго монастыря въ Мосальскомъ у. Калужской губ. Извѣстно, что онъ былъ ученикомъ препод. Сергія Радонежскаго. Объ основаніи же боровенскаго монастыря сохранилось такое преданіе: блаженный Ѳ-нтъ, ища мѣста для основанія пустынножительства, пришелъ туда въ то время, когда вся окрестность нынѣшняго погоста Боровенска была покрыта густымъ сплошнымъ боромъ (остатки котораго видны еще и доселѣ по пути къ бывшей обители отъ Мещовска) и принесъ съ собою драгоцѣнный залогъ, благословеніе своего старца, икону Успенія Божіей Матери. Утружденный отъ пути, онъ легъ подъ тѣнію одного изъ вѣковыхъ деревьевъ, поставя на немъ образъ. Но проснувшись, не нашелъ его на своемъ мѣстѣ; объятый недоумѣніемъ и не потерявъ упованія на свою божественную путеводительницу, Ѳ-нтъ, по долгомъ исканіи, нашелъ икону въ глубинѣ лѣса на одной изъ сосенъ. До трехъ разъ повторялось чудесное исчезновеніе иконы и обрѣтеніе ея въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. Принявъ это событіе за указаніе, что Пресвят. Богородица благоволила избрать это самое мѣсто для вселенія на немъ своей знаменоносной

иконы, блажен. Ѳ-нтъ соорудилъ тутъ обитель, собралъ братію и «поживъ въ мирѣ лѣта долга», возлегъ тамъ-же на вѣчный покой въ основанной имъ деревянной церкви.

«Калужскія Епарх. Вѣдомости», 1880 г., № 21.

К. З.

Ѳерапонтъ, преподобный монзенскій Постригся въ монашество въ костромскомъ Воздвиженскомъ м-рѣ, повидимому, уже въ преклонныхъ годахъ, такъ какъ прожилъ въ монашествѣ всего 16 лѣтъ и предъ смертью, по свидѣтельству современника, былъ «древенъ... годами». Кажется, еще до принятія монашества, «бывалъ» въ Москвѣ и жилъ тамъ близъ «дома» блаженнаго Василія, почему послѣ любилъ называть себя «сожителемъ Васильевымъ, что на Москвѣ». Въ Костромскомъ м-рѣ онъ скоро явилъ себя высокимъ подвижникомъ и вызвалъ глубокое уваженіе къ себѣ настоятеля и братіи монастыря и открытое почитаніе со стороны воеводы и гражданъ Костромы. Избѣгая славы, онъ тайно ушелъ въ пустынную, окруженную болотами и лѣсами мѣстность на р. Монзѣ (въ Галичскомъ уѣздѣ) и предался здѣсь новымъ подвигамъ. Древнее житіе сообщаетъ, что спустя нѣкоторое время онъ сталъ чудеснымъ образомъ являться на яву и во снѣ разнымъ лицамъ, побуждая ихъ къ благимъ для нихъ дѣйствіямъ и оставаясь для нихъ неизвѣстнымъ. Такимъ способомъ онъ внушилъ нѣкоему преп. Адріану, поселившемуся съ немногочисленною братіею недалеко отъ него въ запустѣвшемъ Благовѣщенскомъ м-рѣ намѣреніе перенести монастырь на мѣсто своихъ подвиговъ на р. Монзѣ. Когда монастырь былъ оконченъ постройкою на новомъ мѣстѣ, Ѳ-нтъ пришелъ въ обитель подъ видомъ странника и по просьбѣ настоятеля и братіи остался въ немъ жить. Постепенно иноки и посѣтители монастыря узнали въ немъ чудесно являвшагося многимъ изъ нихъ старца и стали чтить его, какъ святого. Ѳ-нтъ прожилъ въ монастырѣ до своей кончины два съ половиной года, проводя почти все время въ уединенной молитвѣ въ лѣсахъ по другую сторону р. Монзы, предсказывая близкимъ будущее, исцѣляя больныхъ и творя др. чудеса, которыя не прерывались и послѣ его смерти, послѣдовавшей, по всей вѣроятности, въ 1598 или 1599 г. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Благовѣщенской церкви упраздненнаго монзенскаго м-ря. Память его чтится 27 марта и 12 декабря. Не канонизованъ.

Ключевскій, «Древнерус. житія святыхъ», М. 1871.—*Котельскій Г., свящ.*, «Сказаніе о жизни и чудесахъ о. н. Ѳеропанта, монзенскаго чудотворца», Кострома, 1874 г.—*Филаретъ, архіеп.*, «Житія святыхъ», декабрь, Спб. 1900 г.—*Голубинскій Е. Е.*, «Исторія канонизаціи святыхъ рус. ц.», М. 1903 г.

Н. Т.

Ѳерапонтъ, епископъ суздальскій и тарусской. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны и притомъ разнорѣчивы. Съ 1530 года онъ встрѣчается въ спискахъ игуменовъ Ѳерапонтова монастыря Новгородской епархіи. Время хиротоніи его на епископію Суздальскую одни указываютъ 9 марта 1533 года, а другіе 1539 года; эту послѣднюю дату протоіерей Діевъ признаетъ болѣе вѣрною. За годъ до смерти онъ ѣздилъ въ Москву на хиротонію митрополита всея Россіи Макарія—19 марта 1542 г. Время кончины его одни относятъ къ марту мѣсяцу 1543 года и считаютъ его погребеннымъ въ Суздалѣ, а другіе днемъ смерти его указываютъ 25-е февраля 1543 г. и мѣстомъ погребенія—Ѳерапонтовъ монастырь.

А. А. Титовъ, «Суздальская Іерархія», вып. IV.—Рукопись Синодальнаго Архива.—«Повѣрка іерархическихъ каталоговъ протоіереемъ Діевымъ».

К. Здр—въ.

Ѳефиловъ, *Ефимъ*, депутатъ отъ однодворцевъ Воронежской провинціи въ екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, выразилъ свою дѣятельность подачею мнѣнія по поводу предложеннаго депутатомъ Давыдовымъ проекта объ учрежденіи между однодворцами сословныхъ судовъ и выборѣ къ тому земскихъ комиссаровъ. Соображаясь съ правилами даннаго комиссіи Большого Наказа, Ѳ. имѣлъ въ виду дополнить означенный проектъ нѣкоторыми подробностями, особенно по выясненію роли намѣченныхъ въ немъ земскихъ комиссаровъ. Послѣдніе, по мнѣнію Ѳ-ва, должны: 1) быть посредниками между однодворцами данной провинціи и воеводской канцеляріей, 2) защищать однодворцевъ отъ обидъ, причиняемыхъ проѣзжающими воинскими командами, 3) ставить въ извѣстность воеводскія канцелярія и воинскія команды въ случаѣ появленія между

«однодворческими жительствами» разбойничьихъ пристанищъ, 4) наблюдать за благочестіемъ однодворцевъ и 5) способствовать правильному производству рекрутскихъ наборовъ для укомплектованія украинскаго корпуса. Кромѣ того, въ этомъ же мнѣніи своемъ Ѳ. указывалъ на необходимость принять надлежащія мѣры для огражденія казенныхъ и общественныхъ лѣсовъ, находившихся между однодворческими селеніями, отъ порубки помѣщичьими крестьянами и старшинами малороссійскихъ слободскихъ полковъ.

Въ засѣданіи 2 января 1769 г., согласно просьбѣ члена комиссіи о разборѣ наказовъ и проектовъ Петра Орлова, Ѳ. былъ опредѣленъ вмѣсто него временно присутствовать въ означенной комиссіи.

Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества, т. XIV, стр. 186—188; т. XXXVI, стр. 155.

А. Г.

Ѳивейскій, *Александръ Павловичъ*, выдающійся педагогъ, сынъ священника села Байловскаго, Ярославской губерніи, родился въ 1839 г. Среднее образованіе онъ получилъ въ ярославской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой, какъ лучшій ученикъ, былъ посланъ въ Московскую духовную академію; однако, не пробывъ и года въ послѣдней, Ѳ. перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета; въ 1866 г. онъ окончилъ въ немъ курсъ со степенью кандидата и поступилъ учителемъ русскаго языка въ тверскую гимназію, откуда въ 1870 г. перевелся преподавателемъ того же предмета въ московскую 2-ю гимназію; въ Москвѣ онъ одновременно преподавалъ русскій языкъ также въ лицеѣ цесаревича Николая, въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и въ частной женской гимназіи г-жи Перепелкиной. Пріобрѣтенный за долголѣтнюю педагогическую дѣятельность опытъ онъ использовалъ при составленіи «Образцовъ систематическаго диктанта», изданныхъ комиссіей при московской 2-ой гимназіи (М., 1873, 1875, 1880, 1883 гг.). Скончался Ѳ. 15 декабря 1883 г. въ Москвѣ.

«Москов. Церковн. Вѣдом.», 1884 г., № 7.— «Историческая записка о 50-тилѣтіи Московской второй гимназіи» (М., 1885 г.), стр. 203 и 222.— *Д. Д. Языковъ*, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. 3 (Спб., 1885 г.), стр. 94—95.

Н. С.

Ѳіодоровичъ, *Осипъ Николаевичъ*, врачъ, с. с., членъ Общества николаевскихъ морскихъ врачей, родился 18 октября 1807 г. По окончаніи С.-Петербургской медико-хирургической академіи съ званіемъ лѣкаря по I-му отдѣленію онъ въ 1832 г. опредѣлился въ 37-ой флотскій экипажъ; въ 1840 г. былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ въ Харьковскій университетъ, а въ 1850 году—старшимъ врачемъ помянутаго 37 флотскаго экипажа; съ слѣдующаго 1851 и по 1855 годы онъ состоялъ письмоводителемъ-инспекторомъ Севастопольскаго порта и тогда же перешелъ старшимъ врачемъ въ 12-ый рабочій экипажъ, а въ 1858 г.—во 2-ой учебный морской экипажъ. Въ 1863 г. Ѳ. былъ назначенъ врачемъ кадровъ мастеровъ и рабочихъ въ Николаевѣ, въ 1867 г.—старшимъ запаснымъ судовымъ врачемъ Черноморскаго экипажа, въ 1871 г. тамъ же не запаснымъ врачемъ и въ томъ же году дѣлопроизводителемъ канцеляріи начальника Николаевскаго порта. Въ 1873 г. состоялось послѣднее его назначеніе старшимъ судовымъ врачемъ Черноморскаго экипажа, въ каковой должности онъ оставался до смерти, послѣдовавшей въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1883 г. Ѳ-вичу принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: 1) «Обзоръ дѣятельности Общества морскихъ врачей въ Николаевѣ въ теченіе 1860—66 г. г.» («Медицинскія прибавленія къ Морскому сборнику» за 1862, 1864 и 1866 г. г.); 2) «Къ біографіи Дмитрія Акимовича Голубкина» (тамъ же, 1864 г.) и 3) «Нѣсколько словъ о хлороформномъ изслѣдованіи съѣстныхъ припасовъ» (тамъ же, 1874 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. 2, стр. 139.

Ѳлееровъ, *Дмитрій*, писатель-переводчикъ, въ 1785 г. перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ въ Петербургѣ біографію генерала Боура, подъ заглавіемъ: «Изображеніе жизни покойнаго генералъ-инженера Ѳ. Вилимовича Боура».

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Ал. Смирдина», № 2849.

Ѳома Андреевичъ, прозваніемъ *Курятникъ*, послѣдній посадникъ новгородскій; впервые упоминается въ 1474 г., когда, не состоя еще посадникомъ, былъ воеводою; подъ его начальствомъ въ этомъ году новгородцы ходили на помощь Пскову

въ борьбѣ его съ лифляндцами; походъ, однако, до конца доведенъ не былъ вслѣдствіе примиренія противниковъ. Посадникомъ, именно степеннымъ, т. е. въ данный моментъ правительствующимъ, Никоновская лѣтопись называетъ Ө. А. въ первый разъ подъ 1475 г., когда онъ смѣнилъ въ этой должности сверженнаго незадолго передъ тѣмъ Василія Ананьина. Посадничество Ө. А., продолжавшееся въ теченіе трехъ съ немногимъ лѣтъ, до января или февраля 1478 г., было послѣднимъ въ политической жизни Новгородской республики и, такимъ образомъ, совпало съ самымъ тяжелымъ ея историческимъ моментомъ. Насколько былъ дѣятеленъ и и энергиченъ Ө. А. въ своей отвѣтственной должности и какой характеръ носила его дѣятельность въ это трудное для Новгорода время, судить объ этомъ на основаніи первоисточниковъ нѣтъ никакихъ, или почти никакихъ, данныхъ; опираясь на рѣдкое упоминаніе о немъ, скорѣе можно предположить, что онъ едва ли обладалъ той необходимой энергіей, къ которой его обязывали его высокій постъ и исключительныя историческія условія момента. Имя его за это время упоминается всего лишь три-четыре раза. Въ 1475 г., во время «мирнаго, но полнаго торжественнаго величія» путешествія Іоанна III въ Новгородъ, путешествія, подготовившаго конецъ самостоятельности республики, Ө. А. былъ во главѣ знатнѣйшихъ новгородскихъ гражданъ, выѣхавшихъ для встрѣчи великаго князя на р. Цну и оттуда провожавшихъ его въ Новгородъ. Достойно упоминанія, что когда новгородская чернь пошла къ князю съ различными жалобами на многихъ знатныхъ гражданъ, то имя Ө. А. въ числѣ обжалованныхъ обидчиковъ не встрѣчается. Въ своеобразной эпидеміи пировъ, устраивавшихся въ честь Іоанна и сопровождавшихся разнообразными дарами ему, принялъ участіе и Ө. А.; съ цѣлью задобрить великаго князя къ судьбѣ Новгорода задалъ и онъ «веселіе веліе», причемъ поднесъ Іоанну въ даръ три постава сукна, «лошакъ пѣгъ» и двѣ бочки вина. Затѣмъ имя Ө. А. упоминается подъ 23 ноября 1477 г., когда къ Іоанну, находившемуся уже въ походѣ противъ Новгорода, въ с. Сытино явилось новгородское посольство во главѣ съ архіепископомъ Өеофиломъ, отъ себя, отъ имени всего Новгорода, его «степеннаго посадника Өомы Андреевича» и многихъ бывшихъ посадниковъ безуспѣшно просившаго великаго князя пріостановить походъ и освободить раньше заключенныхъ по оговору упомянутыхъ жалобщиковъ знатныхъ гражданъ. Наконецъ, степеннымъ посадникомъ Ө. А. называется еще въ началѣ 1478 г., но въ числѣ видныхъ новгородцевъ и бывшихъ посадниковъ, присягнувшихъ Іоанну послѣ паденія республики, имя его, по неизвѣстнымъ причинамъ, не значится.

«Новгородская лѣтопись», М., 1781 г. подъ 6984 г.—Никоновская лѣтоп., ч. VI, СПБ., 1790 г., стр. 116.—Первая Псковская лѣтоп., подъ 6982 г.—*Ильинскій*, «Описаніе Пскова», ч. III, стр. 33—34.—*К. Калайдовичъ*, «Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ», М., 1821 г., стр. 268—269, 271.—*Д. Прозоровскій*, «Новыя разысканія о новгородскихъ посадникахъ» («Вѣстникъ Археологіи и Исторіи», т. IX, СПБ., 1892 г., стр. 124). —*Карамзинъ*, «Исторія государства Россійскаго», изд. Эйнерлинга, СПБ., 1843 г., т. VI, стр. 65, 72.

С.

Өома Доброщиничъ, посадникъ новоторжскій XIII столѣтія. Въ 1215 г., по навѣтамъ своихъ враговъ, былъ захваченъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, явившимся тогда по просьбѣ новгородцевъ княжить въ Новгородъ, и въ оковахъ отосланъ для заточенія въ Тверь, вмѣстѣ съ новгородскимъ тысяцкимъ Якуномъ Зуболомичемъ.

Въ чемъ именно былъ обвиненъ Ө. Д. и какова была его дальнѣйшая судьба,— лѣтопись не упоминаетъ. Изъ послѣдовавшихъ, однако, послѣ его ссылки событій надо полагать, что онъ былъ приверженцемъ князя Мстислава Мстиславовича Удалого, раньше сидѣвшаго въ Новгородѣ и явившагося на выручку къ послѣднему, когда Ярославъ, засѣвъ въ Торжкѣ, прекратилъ подвозъ хлѣба къ новгородцамъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. III, стр. 33; т. IV, стр. 20; т. VII, стр. 119.—*Н. М. Карамзинъ*, «Ист. Госуд. Р.», т. III, прим. 161. — *Экземплярскій*, «Велик. и удѣльн. кн.», т. I, стр. 10.

А. Г.

Өома (*Өомица*) **Дорожкиничъ**, бояринъ псковскій XIV столѣтія. Въ 1329 г., по благословенію митрополита Өеогноста, вмѣстѣ съ посадникомъ Селогою отправленъ былъ къ великому князю Іоанну Даниловичу для заключенія мира отъ

имени всѣхъ псковитянъ, послѣ удаленія изъ Пскова тверского князя Александра. Въ рѣчи своей, обращенной къ великому князю московскому, Ө. Д. называлъ его «господиномъ» и кланялся ему отъ всего Пскова «отъ мала до велика».

Посольство имѣло успѣхъ, и миръ былъ заключенъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. IV, стр. 185—186.

Өома Ратиборовичъ, бояринъ XII в. Въ 1116 г. посланъ былъ в. кн. Владиміромъ Мономахомъ съ сыномъ послѣдняго Вячеславомъ на Дунай въ помощь воеводѣ Ивану Войтишичу для удержанія городовъ, занятыхъ греческимъ царевичемъ Леономъ (женатымъ на дочери Мономаха Маріи), послѣ того какъ возставшій царевичъ умерщвленъ былъ убійцами, подосланными императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Ө. Р. подступилъ было къ Доростолу (Дерестру), но осада не имѣла успѣха, и войско Вячеслава вскорѣ вернулось на Русь. Тѣмъ не менѣе Ө. Р. не вышелъ изъ милости великаго князя, и, спустя нѣсколько лѣтъ, мы встрѣчаемъ его уже намѣстникомъ въ Червенѣ. Въ 1123 г. къ этому городу подступилъ владимірскій кн. Ярославъ Святополчичъ, который, будучи лишенъ своего удѣла, бѣжалъ въ Польшу и получилъ тамъ помощь отъ короля Болеслава Кривоустаго. Поляки страшно опустошили пограничныя русскія области, но Ө. Р. нанесъ имъ рѣшительное пораженіе и заставилъ Ярослава бѣжать въ Венгрію. По свидѣтельству Татищева, Ө. Р. въ этомъ случаѣ, дѣйствуя противъ поляковъ, прибѣгъ къ хитрости: онъ подослалъ къ нимъ мнимаго измѣнника Василія Бора, который уговорилъ ихъ жечь и грабить села въ окрестностяхъ Червена; одновременно съ этимъ хитрый воевода послалъ къ нимъ нѣсколько бочекъ вина и меду и затѣмъ неожиданно разбилъ непріятелей въ ихъже станѣ, когда они расположились для грабежа и попойки. Въ награду за удачное отраженіе Ярослава Владиміръ Мономахъ пожаловалъ Ө. Р. гривну съ золотой цѣпью и сдѣлалъ его тысяцкимъ города Владиміра, оставшагося въ родѣ Мономаховичей.

«Пол. Соб. Рус. Л.», т. II, стр. 8, 291; т. VII, стр. 25.—*Н. М. Карамзинъ*, «Исторія Государства Россійскаго», т. II, стр. 154, 157; прим. 222, 225. *А. Г.*

Өома (въ мірѣ *Өеодоръ Гиричичъ*), соборный іеромонахъ, «съ Полтавы сынъ казачей», род. около 1720 г., ум. въ 1757 г. въ Тронце-Сергіевой лаврѣ. Обучался въ кіевской семинаріи, по окончаніи которой былъ въ ней учителемъ съ 1747 по 1752 гг., при чемъ въ 1749 г. былъ постриженъ въ монашество. 1 сент. 1752 г. Ө. былъ назначенъ членомъ кіевской консисторіи, съ порученіемъ отправлять въ академіи «половинную часть должности проповѣднической», а въ 1753 г. былъ перемѣщенъ проповѣдникомъ въ Троице-Сергіеву лавру. Въ декабрѣ слѣдующаго года Ө. былъ опредѣленъ въ префекты лаврской семинаріи и 2 окт. 1755 г. причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ лавры, съ оставленіемъ въ должности префекта. Въ 1752 г., по приказанію кіевскаго м. Тимоөея, вмѣстѣ съ архидіакономъ Манассіею Максимовичемъ провѣрялъ по первоисточникамъ Четьи Минеи св. Димитрія Ростовскаго для 3-го ихъ изданія. Работа эта, веденная съ смѣлыми критическими пріемами, имѣла результатомъ совмѣстно составленную исправителями обстоятельную записку о замѣченныхъ въ источникахъ и части сочиненія св. Димитрія ошибкахъ и противорѣчіяхъ, которыя послѣ легли въ основу новой подобной работы, исполненной въ Петербургѣ. Отрывки изъ этой записки напечатаны въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.» 1909 г., октябрь, стр. 233—238.

Смирновъ С., «Исторія Троицкой лаврской сем.», М. 1867.—*Горскій А. и Леонидъ*, архим., «Историч. опис. Тр.-Серг. лавры», М. 1890.—*Серебрениковъ В.*, «Кіевская академія съ полов. XVIII в. до 1819 г.», Кіевъ, 1897 г.—*Вишневскій Д.*, «Кіевская акад. въ первой полов. XVIII ст.» Кіевъ, 1903 г.—Акты и докум., относ. къ исторіи Кіев. акад., отд. II, т. I—II, Кіевъ 1904—1906.—*Титовъ Ө.*, прот., «Къ исторіи Кіев. дух. акад. въ XVII—XVIII в.» (въ «Трудахъ Кіев. д. акад.», 1909 г., октябрь).

Т.

Өома, бояринъ новгородскій XII столѣтія, приверженецъ князя Мстислава Давидовича. Въ 1195 г. участвовалъ въ новгородскомъ посольствѣ къ великому князю владимірскому Всеволоду Георгіевичу, съ просьбою смѣнить сына его Ярослава, которымъ недовольны были новгородцы. Вмѣстѣ съ прочими послами бояринъ Ө. задержанъ былъ великимъ княземъ, взявшимъ его съ собою въ походъ

подъ Черниговъ. Вернувшись изъ похода, Ѳ. отпущенъ былъ въ Новгородъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. III, стр. 23.— *М. Н. Соловьевъ*, «Исторія Россіи», кн. I, стр. 575.

Ѳома, смоленскій пресвитеръ половины XII в., авторъ не сохранившагося посланія къ кіевскому митр. Клименту Смолятичу съ выраженіемъ порицанія за тонъ и содержаніе посланія послѣдняго къ смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу и адресатъ отвѣтнаго посланія митр. Климента. Изъ этого отвѣтнаго посланія извѣстно, что Ѳома былъ очень приближеннымъ лицомъ къ князю Ростиславу, можетъ быть, его духовникомъ, и обладалъ нѣкоторою образованностью: подобно своему учителю, какому-то общеизвѣстному въ то время и уважаемому митрополиту Григорію, «зналъ алфу... и всю К и Д словесъ грамоту», умѣлъ разобраться въ писаніи Климента, дать оцѣнку его манерѣ писать и мыслить и написать свое посланіе.

Лопаревъ Х., «Посланіе митр. Климента къ смолен. пресв. Ѳомѣ» («Памят. древн. письм.») Спб. 1892.—*Никольскій Н.*, прот., «О литературныхъ трудахъ м. Климента Смолятича», Спб. 1892.—*Голубинскій Е. Е.*, «Исторія рус. церкви», т. I, 1-я полов., М. 1901 г. *Т.*

Ѳоменковъ, Василій Никитичъ, протоіерей Кіево-Подольской Воскресенской церкви. Скончался 12 октября 1885 года. Сынъ священника села Темберщины, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губ., Ѳоменковъ получилъ образованіе въ 1829—1835 гг. въ кіевской дух. семинаріи, хотѣлъ продолжить его въ дух. академіи, но по случаю смерти отца, оставившаго сиротъ, онъ вынужденъ былъ поступить священникомъ на отцовское мѣсто и прослужилъ въ селѣ Темберщинѣ до 1871 года, когда былъ перемѣщенъ къ Кіево-Подольской Воскресенской церкви и произведенъ въ санъ протоіерея. Усердіе и неустанная ревность къ пастырскому служенію были отличительными чертами его дѣятельности. На томъ и на другомъ мѣстѣ службы онъ состоялъ и помощникомъ благочиннаго и благочиннымъ; кромѣ того, въ Кіевѣ онъ съ 1875 г. состоялъ членомъ педагогическаго правленія дух. семинаріи, съ 1878 г.— духовникомъ въ благочиніи Кіево-Подольскомъ и духовнымъ слѣдователемъ. Ревностнымъ исполненіемъ всѣхъ возлагаемыхъ на него обязанностей въ теченіе безпорочной 50-лѣтней службы онъ оставилъ по себѣ добрую память.

«Кіевскія Епарх. Вѣдомости», 1885 г., № 23 (есть и отдѣльный оттискъ). *К. Здр-въ.*

Ѳоминскіе князья. Княжество Ѳоминское, по всей вѣроятности, составляло нѣкогда удѣлъ Московскаго княжества. На это мы находимъ указаніе въ духовной великаго князя Дмитрія Іоанновича Донского, въ которой упоминается *Ѳоминское*, какъ одна изъ Звенигородскихъ волостей, отказанная сыну его Юрію Дмитріевичу. Существующее въ настоящее время въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губ., село *Нара-Ѳоминское*, обозначенное въ картѣ «Московской провинціи 1774 г.» именемъ *Ѳомина*, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляетъ собою остатокъ древняго княжества Ѳоминскаго. Родоначальникомъ князей Ѳоминскихъ считается правнукъ Давида Ростиславича Смоленскаго. *Константинъ Юрьевичъ.* Свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ, кромѣ указанія въ Родословной книгѣ о томъ, что у него было три сына: *Ѳеодоръ Большой Красный, Ѳеодоръ Средній Слѣпой и Ѳеодоръ Меньшой.*

Ѳеодоръ Константиновичъ, прозваніемъ *Красный*, сынъ князя Константина Юрьевича. Въ Исторіи онъ извѣстенъ безъ отчества подъ именемъ Ѳеодора Ѳоминскаго Большого. О немъ мы находимъ упоминаніе подъ 1340 г. въ Софійскомъ Временникѣ по слѣдующему случаю. Когда Смоленское княжество, не считая себя подвластнымъ хану, не проявляло ни малѣйшаго желанія покориться ему, то великій князь Иванъ Даниловичъ (Калита), по повелѣнію Узбекову, послалъ для взятія Смоленска, въ числѣ другихъ князей, и князя Ѳеодора Ѳоминскаго. То же извѣстіе мы находимъ и въ другихъ лѣтописяхъ, только въ Новгородской и Тверской Ѳеодоръ не называется *княземъ*. Походъ этотъ, какъ извѣстно, не увѣнчался успѣхомъ: Смоленскъ, несмотря на продолжительную осаду, не былъ взятъ. Ѳ. К. былъ женатъ на бывшей супругѣ в. кн. Симеона Гордаго, Евпраксіи. Въ Родословной книгѣ по этому поводу мы читаемъ: «И какъ князь великій Симеонъ Ивановичъ Гордой женился у князя Ѳедора Святославича, и князь великій перезвалъ его къ себѣ,

а далъ ему вотчину Волокъ совсѣмъ, и великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ, и князь великій великую княгиню отослалъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ее дати замужъ, и князь Ѳедоръ Святославовичъ далъ дочь свою за князя Ѳедора за Краснаго, за Большого Ѳоминскаго». По другимъ лѣтописямъ (см. «Русскій Временникъ», I, 173) Симеонъ развелся съ Евпраксіей вслѣдствіе того, что она не родила ему дѣтей. Послѣднее извѣстіе о Ѳ. К. мы имѣемъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1387 годомъ, гдѣ говорится: «Весною преставился князь Ѳеодоръ Ѳоминскій (прозванный Краснымъ) въ схимѣ, названный въ монашествѣ Симеономъ и погребенный въ «монастырѣ св. Спаса.» У Ѳ. и у жены его Евпраксіи по Родословной книгѣ было четыре сына: *Михайло Крюкъ*, *Иванъ Собака*, *Борисъ Вепрь и Иванъ Уда*, свѣдѣній о которыхъ, кромѣ послѣдняго, мы не имѣемъ. Прозвища дальнѣйшихъ потомковъ, внуковъ и правнуковъ Ѳеодора Краснаго еще страннѣе. По Родословной книгѣ «у Михайла Крюка дѣти: Борисъ да Иванъ. А у Ивана Собаки дѣти: Семенъ Трава да Висилей. А у Семена Травы дѣти: Осока да Скряба, да Сампакъ. А у Осоки сынъ Пырей».

Иванъ Уда въ 1377 году въ качествѣ воеводы новгородскаго осаждалъ Новый городокъ на Овлѣ: «и стояша подъ городомъ много дней, и посадъ весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша». Далѣе Уда значится въ числѣ подписавшихъ духовное завѣшаніе князя Дмитрія Іоанновича. Въ 1401 г. онъ въ качествѣ воеводы былъ посланъ вел. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ съ ратью искать княгиню, супругу Суздальскаго князя Симеона (который по присоединеніи Василіемъ Дмитр. города Нижняго бѣжалъ въ Орду, ища въ ней помощи, и при содѣйствіи царевича Эйтяка въ 1399 г. взялъ обманомъ Нижній, но не могъ удержать его по недостатку воиновъ; жена же Симеона въ это время была заключена подъ стражу на Руси), Александру, бѣжавшую изъ-подъ стражи въ землю Мордовскую, подвластную татарамъ: «Тое же осени (1401 г.) князь великій посылалъ рать искати княгини Семеновы, а воеводы бяху у нихъ Иванъ Андреевичъ Уда (неправильно названный вмѣсто Ѳеодоровичъ) да Ѳеодоръ Глѣбовичъ, и идоша на Мордву, и наѣхаша ю въ татарской землѣ на мѣстѣ Цибирца, и ту изнимаша княгиню Семенову Александру у св. Николы.... и приведоша на Москву съ дѣтьми». Наконецъ, подъ 1393 годомъ Уда упоминается по случаю заключенія мира съ новгородцами, къ которымъ онъ былъ отправленъ великимъ княземъ въ качествѣ посла.

Свѣдѣній о двухъ младшихъ братьяхъ Ѳеодора Краснаго-*Ѳеодоръ Слѣпомъ и Ѳ. Меньшомъ*, кромѣ Родословной книги, мы не имѣемъ; въ этой книгѣ о первомъ сказано, что отъ него произошелъ родъ Карповыхъ-Далматовыхъ, а второй имѣлъ 3-хъ сыновей: князя Василія Козловскаго, кн. Ѳеодора Ржевскаго и Ивана Толбузина, отъ которыхъ пошелъ родъ князей Козловскихъ, Ржевскихъ и Толбузиныхъ. Но въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія г. Астрову посчастливилось найти въ селѣ Новомъ Полевѣ, Ярославской губ., Даниловскаго у., каменную могильную плиту съ надписью, гласящей, что въ 1347 г. мѣсяца декабря 1 представился рабъ Божій въ Великомъ Новгородѣ удѣльный князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ѳоминской. Эту надпись онъ относитъ къ Ѳеодору Ржевскому, который въ исторіи упоминается безъ отчества подъ 1314—1316 г.г. (см. выше кн. *Ѳеодоръ Ржевскій*), и отсюда дѣлаетъ выводъ, что Родословная книга ошибается, считая Ѳеодора Ржевскаго сыномъ князя Ѳеодора Меньшого, такъ какъ дѣти послѣдняго должны были жить во 2-й половинѣ XIV столѣтія.

Наконецъ, о лицахъ, носившихъ фамилію Ѳоминскихъ, мы находимъ еще два упоминанія. Одно о внукѣ Ѳеодора Краснаго *Василіи Вепревѣ*, а другое о князѣ *Романовѣ Ѳоминскомъ* Извѣстно, что *Василій Вепревъ* въ 1446 г. былъ сторонникомъ Дмитрія Шемяки въ борьбѣ его съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ. Когда Василій, плѣненный Шемякою, находился подъ стражею въ Угличѣ, и князья Ряполовскіе хотѣли освободить его, то Дмитрій предупредилъ ихъ замыселъ и послалъ за ними «съ Углича рать съ *Василіемъ съ Вепревымъ* да Ѳедора Михайловича съ полки, а сойтися имъ на усть Шексны у Всѣхъ Святыхъ; и Ѳедоръ не успѣ къ Василію, а Ряполовскіе воротившеся на Василія, побиша его на усть Мологи». Что же касается второго упоминанія, то оно имѣется подъ 1494 годомъ

въ договорной грамотѣ великаго князя Литовскаго Александра съ тестемъ его Іоанномъ III, гдѣ говорится: «Ни князей мнѣ (Александру) Вяземскихъ къ себѣ не примати, также и Ѳедора Блудова, и Олександрова Борисова сына Хлепеньскаго и *княжа Романова Фоминскаго*, и ихъ братьи и братичевъ».

Н. Астровъ, «Удѣльный князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ѳоминскій» («Журн. М-ва Нар. Прос.», 1872 г., сентябрь, стр. 61—75).—Родословная книга, т. II, стр. 207 и слѣд.—Собр. Госуд. грам. и догов., т., I, стр. 82.—*Карамзинъ*, «Истор. Госуд. Рос.», т. IV, стр. 108, 109; прим. 118, 317, 364; т. V, прим. 106, 116, 146, 149, 165, 227, 340, 361; т. VI, прим. 396.—Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. III, стр. 70, 71; т. IV, стр. 48, 55; т. V, стр. 205, 206; т. VII, стр. 186, 187, 206, 209, 210.—*С. М. Соловьевъ*, «Ист. Россіи», кн. I, стр. 963, прим. 1-е.—*П. Н. Петровъ*, «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб. 1885 г., стр. 53—54.

Ѳоминъ, *Александръ Ивановичъ*, изслѣдователь Бѣлаго моря и промысловъ Архангельской губерніи. Родился въ 1735 г. въ Архангельскѣ и происходилъ изъ тамошнихъ мѣщанъ, впослѣдствіи же приписанъ былъ къ купечеству. Рано заинтересовавшись собираніемъ старинныхъ актовъ и рукописей, Ѳ. въ 1759 г. съ этой цѣлью, вмѣстѣ съ В. В. Крестининымъ основалъ въ Архангельскѣ научное общество, которому и удалось отыскать списокъ Двинскаго лѣтописца, выписки изъ кормчей книги и нѣкоторыя другія рукописи. Въ 1768 г. общество хлопотало о допущеніи его членовъ въ мѣстные архивы, но не получило на то разрѣшенія отъ губернатора и вскорѣ затѣмъ распалось; только Ѳ. и Крестининъ продолжали еще трудиться. Одновременно съ своими археологическими работами Ѳ. занялся и географическимъ и топографическимъ изслѣдованіемъ Бѣломорскаго края; изучалъ онъ и мѣстные промыслы. Во всѣхъ этихъ занятіяхъ его усердно поощряли академикъ Лепехинъ и студентъ Озерецковскій, въ 1771 г. посѣтившіе Архангельскъ. Изъ нихъ Лепехинъ помѣстилъ въ своихъ «Запискахъ» нѣкоторыя изъ собранныхъ Ѳ-мъ археологическихъ свѣдѣній, а Озерецковскій посовѣтовалъ ему посылать свои работы въ Академію Наукъ. Въ 1788 г., послѣ ряда мелкихъ статей, печатавшихся въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Академіи, Ѳ. прислалъ въ Академію свой первый большой трудъ: «Описаніе морскихъ животныхъ Ледовитаго моря». Сочиненіе это было тогда же напечатано, и кн. Дашкова, тогдашній президентъ Академіи, отъ лица послѣдней велѣла благодарить автора. Въ слѣдующемъ 1789 г. Ѳ. былъ избранъ въ члены Имп. вольнаго экономическаго общества, а въ ближайшіе затѣмъ годы появились въ книжкахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» сперва (въ 1790 г.) первое «Продолженіе описанія морскихъ животныхъ Сѣвернаго океана», потомъ (въ 1791 г.) второе «Продолженіе исторіи о морскихъ животныхъ Бѣлаго моря» и наконецъ (въ томъ же году) третье—«Продолженіе опыта историческаго о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ», составившія въ общей сложности одинъ большой трудъ, впослѣдствіи озаглавленный: «Опытъ историческій о морскихъ звѣряхъ и рыбахъ, промышляемыхъ жителями Архангельской губерніи въ Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, съ описаніемъ образца тѣхъ промысловъ». Въ 1795 г., 11-го іюня, Ѳ. былъ избранъ въ корреспонденты Спб. Академіи Наукъ. Наконецъ въ 1797 г. при Академіи же напечатанъ былъ особымъ изданіемъ и второй большой трудъ его: «Описаніе Бѣлаго моря съ его берегами и островами вообще, также частное описаніе островной каменной гряды, къ коей принадлежатъ Соловки, и топографія Соловецкаго монастыря съ его островами, съ пріобщеніемъ морского путешествія въ 1789 г. въ оный монастырь». Незадолго до выхода въ свѣтъ этого сочиненія Ѳ., находясь уже въ преклонномъ возрастѣ, сложилъ съ себя должность директора народныхъ училищъ въ Архангельскѣ, въ которой состоялъ съ 1785 г.

Изъ небольшихъ статей Ѳ-на, напечатанныхъ въ «Запискахъ» Лепехина и въ «Трудахъ» вольнаго экономическаго общества (1793 г.) извѣстны: «О производимыхъ въ Архангельской губерніи промыслахъ», «О промыслѣ терпентинномъ», «О куреніи смолы и дегтя, также о терпентинномъ маслѣ и пескѣ» и «Извѣстіе о худыхъ успѣхахъ бѣломорской сельдяной компаніи». Въ 1788 г. напечатано было въ Петербургѣ же небольшое теоретическое «Разсужденіе» Ѳ-на «О купеческомъ званіи вообще и о принадлежащихъ купцамъ навыкахъ. Скончался Ѳ. въ 1802 г. (по мит. Евгенію — въ 1804 г.).

Митр. Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», М., 1845 г., стр. 289—290.—

Энцикл. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, Спб., 1904 г., т. 82, стр. 947—948.—«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Ал. Смирдина», № 4191.—Каталогъ библіотеки Имп. Академіи наукъ. — *Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи Наукъ», т. II, стр. 327.

А. Г.

Ѳоминъ, *Василій Ивановичъ*, авторъ большого труда, напечатаннаго въ 1826 г. подъ заглавіемъ: «Собраніе узаконеній о векселяхъ, заемныхъ письмахъ, банкротахъ и прочихъ долговыхъ актахъ, содержащее въ себѣ вексельный уставъ, банкротскій уставъ и послѣдованіе по предмету сему указы и постановленія по 1826 г.» СПБ.

«Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Ал. Смирдина», № 1691.

Ѳоминъ, *Евстигней Ипатовичъ*, извѣстнѣйшій и плодовитѣйшій изъ русскихъ композиторовъ второй половины XVIII в., положившій у насъ начало музыкальному націонализму, вышелъ изъ народной среды и родомъ былъ изъ дворовыхъ людей. Онъ родился въ Петербургѣ 5 августа 1741 г., но когда и при какихъ обстоятельствахъ ему удалось получить первоначальное образованіе, неизвѣстно. Извѣстно только, что еще въ отроческомъ возрастѣ Ѳ. былъ зачисленъ воспитанникомъ Имп. Академіи Художествъ, но вскорѣ, въ виду обнаружившихся музыкальныхъ способностей, онъ посланъ былъ въ Италію для изученія теоріи композиціи. Свѣдѣній о его пребываніи за границей тоже сохранилось очень мало, но объ успѣшности его занятій можно судить уже по тому, что нѣкоторое время онъ, несмотря на свое иностранное происхожденіе, состоялъ пенсіонеромъ Болонской музыкальной академіи.

Въ началѣ 1770-хъ годовъ Ѳ. вернулся въ Россію и сперва поселился въ Москвѣ, гдѣ нѣкоторое время состоялъ капельмейстеромъ частнаго театра Медокса. Къ этому же времени относится и начало его музыкальной извѣстности, которое положено было въ 1772 г. постановкою оперы «Анюта» (либретто М. Попова) на придворной сценѣ въ Царскомъ Селѣ. Комическая опера, въ легкой и шутливой формѣ разсказывавшая о насиліяхъ и несправедливостяхъ крѣпостной эпохи, принята была либеральной императрицей весьма благосклонно. «Придворная публика, говоритъ Михневичъ, набившая себѣ оскомину французской комедіей и итальянской музыкой, была пріятно поражена свѣжестью сюжета и народностью музыки»... «Жанръ этотъ вошелъ въ моду, и многіе изъ тогдашнихъ композиторовъ усердно принялись за его обработку». Самъ Ѳ. много работалъ надъ сочиненіемъ музыки на текстъ преимущественно русскихъ писателей: императрицы Екатерины Великой, Аблесимова, Княжнина, И. А. Дмитревскаго, И. А. Крылова, Капниста, кн. Долгорукова, Николева и др. Изъ оперъ, написанныхъ имъ въ концѣ 70-хъ годовъ, особенно большимъ успѣхомъ пользовались: «Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ» (слова Аблесимова), поставленная на сценѣ въ 1779 г., сперва въ Москвѣ, затѣмъ въ Петербургѣ. Для придворнаго театра она, правда, была найдена слишкомъ вульгарной и поэтому скоро снята съ репертуара, но зато въ частномъ театрѣ Книпера она шла 27 разъ (въ Москвѣ—22 раза) и, по отзыву современной критики, «столько возбудила вниманія отъ публики, что завсегда театръ наполнялся»; даже «иностранцы любопытствовали ею довольно»... «Коротко сказать: едва-ли не первая русская опера имѣла столь восхитившихся спектаторовъ и плесканія». (Драм. Словарь 1787 г.). «Мельникъ...» нравился и со стороны содержанія и со стороны музыки. Послѣдняя, «незначительная и изобличающая, по словамъ Чешихина,—композитора—самоучку, довольно безпомощнаго въ техникѣ», построена была исключительно на народныхъ мотивахъ, и въ этомъ заключалась ея новизна и оригинальность. Аріи и куплеты оперы, такъ понравившейся публикѣ, распѣвались повсюду; ихъ можно было слышать и въ свѣтскихъ салонахъ, и въ лакейскихъ, и на улицѣ. Свой интересъ популярная опера Ѳ-на сохранила до нѣкоторой степени и въ XIX в., когда была издана Юргенсономъ въ Москвѣ и возобновлена на сценѣ въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ.

Ко времени шумнаго успѣха, вызваннаго постановкой этой оперы, относится, вѣроятно, и переселеніе Ѳ-на въ Петербургъ. Въ серединѣ 80-хъ годовъ онъ несомнѣнно жилъ уже здѣсь, исполняя музыкальные заказы императрицы, поручившей ему, напримѣръ, въ 1786 г. написать оперу на свои слова—«Новгородскій богатырь Боеславичъ».

Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ офиціальномъ положеніи композитора въ это время не имѣется.

Въ 1797 г. состоялось постановленіе о принятіи «профессора академіи» Ө-на въ дирекцію Императорскихъ театровъ «къ должности россійской труппы съ тѣмъ, чтобы выучивать ему актеровъ и актрисъ изъ новыхъ оперъ партіи и проходить старыя; также, что потребно будетъ перемѣнить въ музыкѣ; сверхъ сего долженъ онъ учить пѣнію учениковъ и ученицъ въ школахъ; такоже и въ случаѣ надобности—аккомпанировать въ оркестрѣ французскія и итальянскія оперы». Всѣ эти сложныя обязанности оплачивались Ө-ну жалованьемъ въ 720 руб. въ годъ.

Въ своей новой должности Ө. пробылъ, однако, только три года и въ апрѣлѣ 1800 г. скончался, при чемъ, въ виду его несостоятельности, театральная дирекція отпустила на его погребеніе 25 рублей.

Къ музыкальнымъ произведеніямъ Ө-на, кромѣ вышеупомянутыхъ, относится еще цѣлый рядъ оперъ (всѣхъ болѣе 30-ти), подлинность которыхъ, однако, очень трудно установить, въ виду скудости свѣдѣній о композиторѣ и нѣкоторыхъ особыхъ условій времени, когда онъ жилъ. Такъ, напримѣръ, въ 1800 г. Капнистомъ была поставлена на сцену пастушеская опера «Клорида и Милонъ» съ музыкой Ө-на, но Карамзинъ въ своемъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву (23 дек. 1800 г.) приписываетъ музыку этой оперы Плещееву. М. Н. Лонгиновъ по этому поводу дѣлаетъ предположеніе, что Ө., по обычаямъ времени, могъ «ссудить» свое уже извѣстное имя начинающему и неувѣренному еще въ успѣхѣ композитору. Бывали, какъ извѣстно, случаи, когда люди изъ высшаго общества изъ ложнаго стыда умышленно скрывали такимъ способомъ свои имена въ литературныхъ и музыкальныхъ произведеніяхъ. Наконецъ, возможно, что Ө. нѣкоторыя изъ своихъ оперъ писалъ совмѣстно съ другими композиторами, напримѣръ, Матинскимъ, тоже музыкальнымъ самородкомъ, извѣстнымъ авторомъ многихъ либретто. Въ современныхъ изданіяхъ Ө-ну приписываются слѣдующія оперы: «Добрая дѣвка» (соч. Матинскаго), «Выдуманный кладъ» (соч. Лукницкаго), «Любовь опровергаетъ союзъ дружества» (соч. Михайлова), «Тщетная ревность...» (соч. Колычева), «Перерожденіе» (соч. Матинскаго), «Счастіе по жеребью» (соч. Аблесимова), «Орфей и Эвридика» (соч. Княжнина), «Ямщики на поставѣ» (Россійское соч.), «Вечеринка...» (тоже), «Трое лѣнивыхъ» (соч. Княжнина), «Колдунъ, ворожея и сваха» (соч. И. Юкина), «Честный преступникъ» (соч. И. Дмитревскаго), «Бѣшеная семья» (соч. И. А. Крылова), «Точильщикъ» (соч. Николева), «Опекунъ-учитель или любовь хитрѣе элоквенціи» (его-же), «Невѣста подъ фатою...» (Россійское соч.), «Игрокъ счастливый» (тоже), «Любовное волшебство» (соч. кн. Долгорукова), «Бочаръ» (соч. Генша), «Американцы» (соч. Клушина), «Владисанъ» (неизвѣстнаго автора), «Странная предпріимчивость...» (соч. Глинки) и «Золотое яблоко» (соч. И. Иванова)—послѣдняя вещь Ө-на, шедшая на сценѣ уже послѣ его смерти, въ 1804 г.

Большинство изъ перечисленныхъ оперъ, комическихъ по содержанію, являются операми декламаціонными и «по незатѣйливому и слишкомъ поверхностному складу музыки, по словамъ Моркова, далеко не подходятъ къ современнымъ намъ требованіямъ искусства»; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще сильно замѣтно и вліяніе западно-европейской оперы того времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ уже сказывается и стремленіе выйти на самостоятельную дорогу, придать музыкѣ національную окраску. Въ техническомъ отношеніи выше другихъ стоитъ опера «Американцы».

В. Чешихинъ, «Исторія русской оперы», Спб., 1905 г., гл. I. — *И. Ө. Горбуновъ*, «Очеркъ по исторіи русскаго театра», Спб., 1902 г.—*В. Михневичъ*, «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи», Спб., 1879 г., стр. 242—244, 249.—*Морковъ*, «Историческій очеркъ русской оперы», Спб., 1862 г., стр. 33—36.—*Л. А. Сакетти*, «Очеркъ всеобщей исторіи музыки», Спб. и М., 1903 г., стр. 401—402.—Энциклоп. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, т. 28, стр. 693 (статья о русской музыкѣ Булича) и т. 82, стр. 948. *А. Г.*

Өоминъ, *Иванъ Васильевичъ*, медико-хирургъ, кол. сов., помощникъ главнаго доктора Симферопольскаго военнаго госпиталя, родился въ 1806 году и по окончаніи средняго образованія поступилъ въ 1828 году въ Петербургскую медико-хирургическую академію, откуда въ 1832 г. былъ выпущенъ лѣкаремъ и назначенъ въ лейбъ-гвардіи Конно-егерскій полкъ. Удостоенный въ 1834 г. званія медико-хирурга, онъ въ 1841 г. былъ назначенъ сначала старшимъ лѣкаремъ лейбъ-гвардіи драгун-

скаго полка, а потомъ штабъ-лѣкаремъ того же полка, въ которомъ прослужилъ до 1858 года, когда былъ назначенъ главнымъ лѣкаремъ Ѳеодоссійскаго военнаго госпиталя. Въ 1864 г. Я. былъ переведенъ на должность помощника главнаго доктора Симферопольскаго госпиталя и въ 1867 г. вышелъ въ отставку. Изъ печатныхъ работъ Ѳ. извѣстны слѣдующія: «Операція искусственнаго задняго прохода» («Другъ Здравія» 1836 г., № 12), «Операція надъ ушами» («Другъ Здравія», 1836 г., № 13) и «Ушибъ во время верховой ѣзды» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1837 г., ч. 29, отд. III). Скончался Ѳ. въ 1880 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели, вып. I, (Спб. 1886 г.), тетрадь II, стр. 140.

Е. Я.

Ѳоминъ, *Иванъ Константиновичъ*, вице-адмиралъ Балтійскаго флота. Поступивъ въ 1761 г. въ морской кадетскій корпусъ, онъ въ 1765 г. былъ произведенъ въ гардемарины и до 1770 г. ежегодно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1770 г. онъ былъ произведенъ въ мичманы и на кораблѣ «Всеволодъ» совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Архипелагъ, гдѣ крейсеровалъ до 1775 г., участвуя въ сраженіяхъ при Негропонтѣ и Метелино. Въ 1775 г., въ чинѣ лейтенанта, на фрегатѣ «Надежда», Ѳ. вернулся изъ Ливорно въ Кронштадтъ и въ слѣдующемъ году плавалъ у Красной Горки. Совершивъ въ 1778 г. на кораблѣ «Твердый» переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ, онъ въ 1779 г. отправился на фрегатѣ «Наталія» къ берегамъ Англіи, но потерпѣлъ крушеніе у голландскаго острова Шкелинга и вынужденъ былъ прибыть на купеческомъ суднѣ въ Копенгагенъ, и уже оттуда на кораблѣ «Вячеславъ» вернуться въ Кронштадтъ. Въ 1782 г. Ѳ. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и въ 1784 г. былъ у описи и промѣра рѣки Сожи. Въ 1786 г. онъ командовалъ фрегатомъ «Патрикій» въ Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ былъ командированъ въ Петрозаводскъ за рекрутами. Произведенный въ томъ же году въ капитаны 2 ранга, онъ въ 1787 г. командовалъ кораблемъ «Америка», плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ, въ чинѣ капитана 1 ранга, былъ назначенъ въ Восточную Сибирь на должность капитана надъ Удинскимъ портомъ. Въ 1790 г. Ѳ. былъ произведенъ въ капитаны бригадирскаго ранга, въ 1796 г.—въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга и въ 1797 г.—въ контръ-адмиралы. Въ 1799 г. онъ принималъ мѣры къ отраженію непріятеля, въ случаѣ нападенія на Камчатку. Будучи произведенъ въ 1801 г. въ вице-адмиралы, онъ въ 1803 г. былъ назначенъ главнымъ командиромъ Охотскаго порта и въ 1805 г. уволенъ отъ службы.

Общій морской списокъ, т. V.

Ѳоминъ, *Иванъ*, переводчикъ посольскаго приказа, владѣвшій нѣсколькими языками, началъ свою дѣятельность въ правленіе царя Василія Шуйскаго, когда ему вмѣстѣ съ Михаиломъ Юрьевымъ поручено было перевести съ иностранныхъ языковъ уставы ратныхъ дѣлъ для ознакомленія русскихъ людей съ новыми военными хитростями на западѣ. Вскорѣ затѣмъ, въ 1614 г., послѣ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, Ѳ. былъ наскоро посланъ къ императору Матвѣю (Матьяшу), чтобы уладить дѣло о неудачномъ посольствѣ Ушакова и Заборовскаго, привезшихъ императорскую грамоту «безъ государева имени». Когда Ѳ. пріѣхалъ въ Вѣну, ему предложили явиться предварительно къ довѣренному кардиналу для изложенія дѣла, по которому онъ присланъ. Но Ѳ. къ кардиналу не поѣхалъ, заявивъ, что онъ посланъ «отъ царскаго величества къ цесарскому величеству, а не къ попу», и добился аудіенціи непосредственно у императора. Здѣсь подалъ онъ царскую грамоту, въ которой говорилось, что посланники Ушаковъ и Заборовскій привезли «листъ съ отвѣтомъ посланникамъ,—невѣдомо чьимъ невѣдому кому именемъ»... «и мы, великій государь (продолжала грамота), тому удивляемся, какимъ это образомъ у васъ, брата нашего, дѣлается не по прежнему обычаю. Прежде, кромѣ братства и любительной ссылки, недружбы никакой не бывало, государь государю честь по достоинству воздавали, и одинъ другого выславляли, и межъ себя дружбы и любви на обѣ стороны искали... Мы на посланниковъ нашихъ за то, что они нашей царской чести не остерегали, опалу свою положили и велѣли имъ казнь учинить». Когда Ѳ. правилъ затѣмъ поклонъ отъ своего государя императору, то послѣдній, сидя на мѣстѣ, «тронулъ у себя на головѣ шляпы немного и противъ царскаго именованья не всталъ». Гонецъ усмотрѣлъ въ этомъ признакъ «нелюбья» и сказалъ

объ этомъ канцлеру, который отвѣтилъ, что цесарь не помнитъ, когда-бы прежде цесари Римскіе противъ именованья царей Россійскихъ вставали. Тогда Ѳ., въ свою очередь, ратуя за честь московскаго царя, уходя отъ императора, поклонился «по-среднему, не низко». Цесаръ обидѣлся такимъ поведеніемъ Ѳ-на, прислалъ къ нему съ выговоромъ думныхъ секретарей и велѣлъ приставить стражу къ его двору. Приставъ Яковъ Бауръ угрозами и увѣщаніями старался смирить непокорнаго гонца, но послѣдній твердо стоялъ на своемъ, что ему «передъ цесаремъ до земли не кланяться, да и во всей вселенной не ведется, чтобы посланники и гонцы до земли кланялись,—подобаетъ это дѣлать подданнымъ». Наконецъ стражу сняли. «Твердость гонца, говоритъ Соловьевъ, произвела свое дѣйствіе: по поведенію Ушакова и Заборовскаго судили о слабости государя, ихъ приславшаго; по отвѣтамъ Ѳомина начали судить иначе, и, по австрійской привычкѣ, задали вопросъ гонцу: «Не изволитъ-ли царское величество у цесаря жениться?» Ѳ. отвѣчалъ, что царская мысль въ Божьей рукѣ, кромѣ Бога, кому то знать».

Болѣ полутора года въ общей сложности прожилъ Ѳ. въ Вѣнѣ; его не отпускали, очевидно дожидаясь новыхъ вѣстей о положеніи дѣлъ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ ему вручили отвѣтную грамоту, но не съ полнымъ титуломъ государя, и Ѳ., вѣрный своимъ принципамъ, отказался ее принять. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это посольство, еслибы на смѣну Ѳ-на въ іюнѣ 1616 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не прислалъ изъ Москвы новаго посла Лукьяна Мяснаго. Ѳ. вернулся въ Москву. О дѣятельности его въ ближайшее затѣмъ время свѣдѣній не сохранилось. Только 24 года спустя, въ 1640 г. мы встрѣчаемъ его опять въ качествѣ царскаго гонца въ Даніи, куда онъ былъ посланъ съ жалобою на герцога Голштинскаго, неисполнявшаго условій договора относительно персидской торговли. Одновременно съ тѣмъ Ѳ-ну было поручено «провѣдать допряма» про Датскаго королевича Волмера (Вальдемара), котораго прочили въ женихи для старшей дочери царя, Ирины Михайловны, и «промышлять» о томъ, чтобы королевича видѣть самому и «персону его написать подлинно на листъ или на доску, безъ приписи, прямо, подкупя писца (т. е. живописца), хотя бы для этого въ Датской землѣ и помѣшкать недѣлю или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь»... Вернувшись изъ Даніи, Ѳ. представилъ требовавшіяся свѣдѣнія и портреты короля и королевичей, которые удалось ему получить не безъ труда, такъ какъ при датскомъ дворѣ хотѣли знать, для чего понадобились портреты. Ѳ. и здѣсь, какъ въ Вѣнѣ, на всѣ разспросы отвѣчалъ, что «государевы мысли въ Божіихъ рукахъ».

Въ началѣ 50-хъ годовъ извѣстно, что Ѳ. сидѣлъ въ посольскомъ приказѣ, гдѣ одно время занимался англійскими переводами вмѣстѣ съ иноземцемъ Кальдерманомъ. Въ 1653 и 1657 гг. онъ два раза ѣздилъ въ Малороссію къ Богдану Хмельницкому и писарю Ивану Выговскому, которымъ отвозилъ царскую грамоту и дары и которыхъ увѣщевалъ, отъ имени государя, вѣрно служить Москвѣ.

Наконецъ послѣднее свѣдѣніе о Ѳ-нѣ мы находимъ въ записяхъ тайнаго приказа, гдѣ значится, что въ 1659 г. онъ вмѣстѣ съ В. Лихачевымъ ѣздилъ «въ посланникахъ къ князю Флоренскому», но по какому дѣлу,—неизвѣстно.

С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», кн. II, стр. 926, 1093—1096, 1266, 1267, 1630, 1723.—Допол. къ Ак. Ист., т. XI, стр. 211.—Дѣла Тайнаго приказа, т. I, стр. 5, 350, 357, 648.

А. Г.

Ѳоминъ, *Николай Ильичъ*, писатель второй четверти XIX столѣтія. Сперва былъ чиновникомъ, но потомъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, промѣнялъ чиновничью карьеру на свободную дѣятельность артиста. Какъ таковой, онъ выступалъ въ драматическихъ роляхъ сначала въ Казани, а затѣмъ въ Москвѣ. Повидимому, на театральныхъ подмосткахъ Ѳ. успѣхомъ не пользовался такъ же, какъ не заявилъ себя успѣхомъ и на литературномъ поприщѣ. Этого рода дѣятельность Ѳ-на началась съ 1826 г.; по крайней мѣрѣ, первый печатный его трудъ вышелъ отдѣльной брошюрой именно въ это время. Написанная въ память Александра I элегія появилась подъ заглавіемъ: «Плачъ Россіянина надъ гробомъ незабвеннаго Монарха Александра I Благословеннаго» М. 1826 г. Затѣмъ появились слѣдующія его произведенія: «Дань благоговѣнія, приносимая сѣтующими Россіянами

въ Бозѣ почившей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ» М. 1829; «Войны временъ Очаковскихъ, или возвращеніе на свою родину капитана Доброхотова послѣ долговременной разлуки съ семействомъ своимъ. Московская повѣсть въ стихахъ». М. 1829 г.; «Нищій или ужасъ, владычествующій въ вертепѣ игроковъ. Московская повѣсть въ стихахъ». М. 1829 г.; «Понедѣльникъ. Шуточныя стихи». М. 1830 г. Въ это время Ѳ. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ свою дѣятельность, какъ писатель. Здѣсь имъ были изданы: «Скитающійся странникъ, или ночной побѣгъ приговореннаго къ эшафоту». П. 1830 г.; «Русскій ратникъ или великодушіе государя Имп. Николая I. С.-Петербургская повѣсть, взятая изъ анекдота, случившагося въ благополучное царствованіе сего монарха». П. 1830 г.; «Отецъ царства русскаго, или недѣля пребыванія великаго монарха Николая I въ печальной Москвѣ». Спб. 1831 г.; «Сѣтующіе россіяне при гробницѣ Государя цесаревича и великаго князяКонстантина Павловича». П. 1831 г. «Воспоминаніе о добродѣтельной жизни супруги Его Императ. Высочества, блаженныя памяти государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, Ея Свѣтлости княгини Жанеты Антонины Ловичъ. П. 1832 г.; «Благоговѣющая Европа предъ мавзолеемъ Александра I Благословеннаго. Посвящается гр. А. А. Аракчееву». П. 1833 г.; «Стенька Разинъ. Историч. повѣсть изъ временъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ историческихъ актовъ и грамотъ. П. 1836 г.; «Достопамятный бракъ царя Іоанна Васильевича Грознаго. Историч. повѣсть, взятая изъ древняго новгородскаго преданія». П. 1834 г.

Всѣ эти труды какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему своему содержанію, въ настоящее время не представляютъ никакого интереса, да и врядъ ли представляли его когда-нибудь. Восхваляя русскихъ императоровъ и особъ царствующаго дома, авторъ совершенно не касается ихъ дѣятельности и ограничивается общими похвалами, благодаря чему его труды этого сорта напоминаютъ скорѣе гимны, чѣмъ похвальныя слова. Что же касается «историческихъ повѣстей» Ѳ-на, то Бѣлинскій однажды обмолвился относительно «Стеньки Разина», и при томъ обмолвился далеко не въ пользу автора. «Въ этой исторической повѣсти,—сказалъ критикъ,—нѣтъ никакой повѣсти; это просто вздоръ, сколько безсмысленный, столько и дорогой, потому что стоитъ 4 рубля. Четыре рубля за 4 листа чепухи!». Надо замѣтить, что Бѣлинскій еще милостиво отнесся къ творенію Ѳ-на. Это совпало съ тѣмъ моментомъ, когда Виссаріонъ Григорьевичъ въ основу своего міросозерцанія положилъ стихъ: «И все то благо, все добро», когда кличка «Неистовый Виссаріонъ» еще не примѣлялась къ нему.

Стихотворныя произведенія Ѳ-на написаны бѣлыми стихами по образцу русской народной поэзіи. Мѣстами стихи грѣшатъ противъ размѣра, мѣстами бываютъ сравнительно удачны. Вообще же слогъ Ѳ. тяжелъ, не обработанъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ», между прочимъ, помѣщена статья неизвѣстнаго автора, вскрывающая изнанку литературной дѣятельности «автора пятнадцатаго класса». Указываются оригинальные способы, практиковавшіеся Ѳ-мъ, при распространеніи своихъ изданій и пр.

Если даже предположить, что органъ Ѳ. Булгарина и Н. Греча, этихъ «литературныхъ братьевъ-разбойниковъ» и сильно преувеличилъ дѣйствительность, то все-же, очевидно, въ данномъ случаѣ, примѣнима русская пословица: «нѣтъ дыма безъ огня». Умеръ Ѳ. несомнѣнно до 1848 г., ибо въ вышеуказанной статьѣ, написанной, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ, приводится и причина смерти Ѳ-на—чрезмѣрная потеря крови отъ піявокъ.

«Сѣверная Пчела», 1848 г., № 25.—*М. Ольхинъ*, «Систематическій реестръ русскимъ книгамъ съ 1831 по 1846 гг.» Спб. 1846, отд. I, стр. 217, 228, 246; отд. II, стр. 44.—*Бѣлинскій*, Соч. изд. подъ ред. Венгерова, Спб. 1901, т. III, стр. 40, 41.

Ал. Ельницкій.

Ѳоминъ, *Павелъ Степановичъ*, генер.-лейт., членъ военнаго совѣта, родился 19-го января 1818 г. и происходилъ изъ дворянъ Войска Донского. Получивъ воспитаніе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ 2-го августа 1836 г. былъ произведенъ въ хорунжіе и вскорѣ послѣ того былъ назначенъ на Кавказъ, гдѣ находился на правомъ флангѣ линіи подъ начальствомъ ген.-м. Засса. Постоянныя экспедиціи въ горы дали возможность молодому Ѳ-ну уже на второй годъ службы принять участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. Во время

этихъ экспедицій за храбрость и распорядительность, оказанную при устройствѣ Лабинской линіи, онъ былъ произведенъ въ сотники и награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость». Прослуживъ на Кавказѣ около трехъ лѣтъ, Ѳ. въ 1840 г. вернулся на Донъ и былъ назначенъ въ учебный казачій полкъ, а спустя четыре года произведенъ въ есаулы. Вслѣдъ затѣмъ Ѳ. былъ переведенъ въ Донской сборный учебный полкъ, расположенный въ Привислинскомъ краѣ. Съ этимъ полкомъ онъ принялъ участіе въ наступившей вскорѣ Венгерской кампаніи 1848 г. и за отличія, оказанныя при занятіи города Кракова, былъ произведенъ въ войсковые старшины и назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при начальникѣ штаба войска Донского. Въ 1852 г. Ѳ. былъ произведенъ за отличіе въ подполковники и назначенъ командиромъ Донского № 9 полка. Съ этимъ полкомъ онъ совершилъ Крымскую кампанію 1853—1856 гг., сначала составляя нашу передовую линію постовъ по лѣвому берегу Дуная, затѣмъ, перейдя Дунай, участвовалъ въ осадѣ Силистріи и за отличія, выказанныя во время этой осады, былъ произведенъ въ полковники; по возвращеніи же русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ княжествъ онъ со своимъ полкомъ перешелъ въ Крымъ и участвовалъ въ сраженіи на р. Черной, за что былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами. По окончаніи Крымской кампаніи Ѳ. продолжалъ командовать донскимъ № 9 полкомъ до 1863 г., когда былъ назначенъ начальникомъ штаба Войска Донского и въ ноябрѣ того же года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1870 г. Ѳ. былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ казачьихъ полковъ Варшавскаго военнаго округа и въ этой должности оставался до 1877 г., при чемъ въ 1871 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. На время Турецкой кампаніи 1877—1878 гг. Ѳ. былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ иррегулярныхъ войскъ дѣйствующей арміи, не входящихъ въ составъ дивизій. Съ окончаніемъ турецкой войны былъ сначала зачисленъ по Войску Донскому, но вскорѣ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Въ этой должности онъ оставался до самой своей смерти. За свою почти 50-ти лѣтнюю службу Ѳ. имѣлъ много орденовъ до ордена св. Александра Невскаго включительно. Скончался Ѳ. 13-го декабря 1885 г. послѣ продолжительной болѣзни, въ своемъ имѣніи въ области Войска Донского.

«Русскій Инвалидъ», 1885 г., №№ 373 и 278.—«Новое Время» 1885 г., № 3528.—«Всеобщій Календарь», 1887, стр. 508,—«Русскій Календарь», 1887 г., стр. 246.

Е. Ястребцевъ.

Ѳоминъ, *Степанъ*, депутатъ отъ города Томска въ екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Въ засѣданіи 13 ноября 1767 г. при обсужденіи зоконовъ о купечествѣ онъ представилъ свое мнѣніе о воспрещеніи крестьянамъ торговать чѣмъ-либо, кромѣ «опредѣленныхъ крестьянскихъ издѣлій» и «что отъ ихъ деревенской экономіи и рукодѣлій происходитъ». Въ предоставленіи крестьянамъ права свободной торговли онъ видѣлъ подрывъ какъ для торговли-же, такъ и для хлѣбопашества и ссылался при этомъ на авторитетъ «Большого Наказа», въ которомъ сама императрица опредѣлила положеніе каждаго сословія: дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ. Постоянно цитируя «Наказъ» въ своихъ интересахъ, Ѳ. настаивалъ на огражденіи правъ купечества и соглашался принимать въ число купцовъ только тѣхъ крестьянъ и «прочихъ чиновъ», кто при достаточномъ капиталѣ будетъ записанъ «по свидѣтельству магистратовъ и ратушъ и съ одобреніемъ отъ купечества, вѣчно, а не временно, и съ тѣмъ при томъ, чтобы записавшіеся платили всѣ подлежащія какъ государственныя, такъ и гражданскія подати, несли обязанности службы и исполняли все, что до купеческой должности и общества касаться будетъ, наравнѣ съ купцами».

«Сборникъ Рус. Истор. Общ.», т. VIII, стр. 257—259.

А. Г.